С. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

СОШНОЕ ПИСЬМО.

Изслѣдованіе по исторіи кадастра и посошнаго обложенія Московскаго государства.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

IX. Отпускъ писцовъ. X. Общія основанія описательныхъ работъ. XI. Перечневыя росписи писцовъ и доклады государю о новыхъ описаніяхъ. XII. Обзоръ описательныхъ работъ конца XVI вѣка и за XVII-й вѣкъ. XIII. Посадская соха. XIV. Древнѣйшее сошное письмо и реформа уѣздной сохи второй половины XVI вѣка. XV. Землемѣріе и важнѣйшія условности сошнаго письма. XVI. Пустое и живущее въ сошномъ письмѣ. XVII. Вытное письмо. XVIII. Дворовая четь сошнаго письма въ частновладѣльческихъ земляхъ по указамъ 128—140-хъ годовъ. XIX. Заключеніе.

МОСКВА.

1916.

Многоуважаемому В. Я. Уланову от автора

С. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

СОШНОЕ ПИСЬМО.

Изслѣдованіе по исторіи кадастра и посошнаго обложенія Московскаго государства.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

IX. Отпускъ писцовъ. X. Общія основанія описательныхъ работъ. XI. Перечневыя росписи писцовъ и доклады государю о новыхъ описаніяхъ. XII. Обзоръ описательныхъ работъ конца XVI вѣка и за XVII-й вѣкъ. XIII. Посадская соха. XIV. Древнѣйшее сошное письмо и реформа уѣздной сохи второй половины XVI вѣка. XV. Землемѣріе и важнѣйшія условности сошнаго письма. XVI. Пустое и живущее въ сошномъ письмѣ. XVII. Вытное письмо. XVIII. Дворовая четь сошнаго письма въ частновладѣльческихъ земляхъ по указамъ 128—140-хъ годовъ. XIX. Заключеніе.

МОСКВА.
1916.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Москва, Воздвиженка, Кр стов движ. пер., д. 9.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

IX. Отпускъ писцовъ.

Описательныя работы нефинансовыхъ приказовъ. Распредѣленіе между приказами финансовыхъ описаній. Посольскій приказъ. Большой Дворецъ. Казанскій Дворецъ. Новгородская и Устюжская чети въ Поморьѣ.— Большой Приходъ и чети въ первые годы послѣ Смуты. — Послѣсмутныя перемѣны въ посошномъ обложеніи и вліяніе ихъ на распредѣленіе между приказами писцовыхъ отпусковъ. — Отпускъ писцовъ послѣ 127 г. Распредѣленіе между приказами описаній посадовъ. Чрезвычайный приказъ боярина кн. Г. П. Ромодановскаго съ товарищами. Сосредоточеніе въ Помѣстномъ приказѣ писцоваго дѣла въ частновладѣльческихъ земляхъ. Значеніе этого факта для писцоваго дѣла. — Назначеніе въ писцы. Отводъ писцовъ по челобитьямъ частныхъ лицъ. — Крестное цѣлованіе. — Кормы. — Наказы и дополнительныя къ нимъ указныя грамоты. — Приправочные документы: писцовыя и дозорныя книги, платежницы съ нихъ и другіе источники. Изготовленіе приправочныхъ книгъ. Документы, которые писцы получали отъ населенія. — Вопросъ о такъ называемыхъ книгахъ сошнаго письма. — Общее замѣчаніе о значеніи приправочныхъ документовъ при описаніяхъ.

Подобно тому, какъ вѣданіе приказомъ какого-либо города «воеводскими отпусками» не ограничивалось назначеніемъ и отправкой воеводъ, такъ и «писцовый отпускъ» обнималъ всю совокупность правъ и обязанностей приказа въ дѣлѣ описаній, начиная съ возбужденія передъ государемъ вопроса о производствѣ описанія и кончая докладомъ ему о новыхъ писцовыхъ книгахъ и выдачей населенію сотныхъ грамотъ и выписей съ утвержденныхъ государемъ книгъ.

Исконнымъ правиломъ приказнаго управленія было соединеніе вѣдомства «судомъ» съ вѣдомствомъ «данью», а кто вѣдалъ городъ или людей «судомъ и данью», тотъ производилъ и описанія. Въ управленіи черными и дворцовыми землями это правило удержалось и въ XVII вѣкѣ, тогда какъ въ управленіи посадами и частновладѣльческими и служилыми землями оно подверглось съ теченіемъ времени сильнымъ измѣненіямъ. Для управленія нѣкоторыми разрядами населенія возникли особые приказы; для суда и управы возникли спеціальные судные приказы; различныя «дани», т.-е. налоги, по мѣрѣ

роста и развитія государственнаго хозяйства, начинають поступать въ разные приказы. Кончается тѣмъ, что писцовое дѣло въ частновладѣльческихъ земляхъ совершенно отдѣляется отъ вѣдомства судомъ и доходами и попадаетъ въ руки Помѣстнаго приказа.

Извѣстно, что описательныя работы Московскаго государства преслѣдовали сверхъ чисто-финансовыхъ задачъ еще важныя задачи общаго управленія. Поэтому случалось, что, по мѣрѣ дифференціаціи приказнаго управленія, за описанія приходилось браться и нефинансовымъ приказамъ. Цѣлый рядъ такихъ приказовъ какъ Пушкарскій, Казачій, Иноземскій, Ямской, Стрѣлецкій, Конюшенный и т. п., которые совсѣмъ не имѣли финансоваго значенія, или для которыхъ финансовыя дѣла были побочными, сами описывали слободы, земли и людей своего вѣдомства. Описанія они производили, то посылая самостоятельно особыхъ писцовъ, то поручая ихъ воеводамъ или писцамъ, посланнымъ изъ какого-нибудь финансоваго приказа. Вѣдая все дѣло описанія, приказы давали писцамъ особый наказъ, руководили ихъ работой и принимали у нихъ изготовленныя книги.

Такъ, въ 135 г. государь указалъ «во всѣхъ городахъ ямскія земли описать и измѣрить тѣмъ же писцамъ, которыхъ по государеву указу отпускаютъ... изъ Помѣстнаго приказа, а свои государевы указныя грамоты о ямскихъ земляхъ послать къ писцамъ изъ Ямского приказа»[1]). Это вѣдомство осталось за Ямскимъ приказомъ и позже. Въ 187 г., по поводу жалобы калужскихъ ямщиковъ, Ямской приказъ въ памяти въ Новгородскій писалъ: «А по указу великаго государя московскихъ и городовыхъ ямскихъ слободъ ямщики и ихъ усадебныя дворовыя мѣста и пашенныя земли и тѣмъ слободамъ писцовыя и межевыя книги вѣдомы въ Ямскомъ приказѣ»[2]). Стрѣлецкій приказъ въ 136 г. поручилъ курскимъ писцамъ, посланнымъ изъ Помѣстнаго приказа описывать уѣздъ, описать стрѣлецкія и казачьи земли и представить книги ему[3]), а въ 143 г. по его наказу были описаны стрѣлецкіе дворы и земли во Мценскѣ[4]). Иноземскій приказъ въ 193 г. поручилъ писцамъ, посланнымъ изъ Помѣстнаго приказа описывать посадъ и уѣздъ Алексина, описать стрѣлецкіе дворы

---

[1]) Ак. п. д., I, № 249.
[2]) Прик. д. стар. л., 1678 г. № 270.
[3]) Ак. п. д., II, № 65.
[4]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 1051, л. 41.

въ этомъ городѣ[1]), а въ 200 г. описывалъ земли веневскихъ солдатъ Озеренской и Городенской сотенъ[2]). Въ Конюшенномъ приказѣ хранились, между прочимъ, книги конюшенныхъ земель въ уѣздѣ Переяславля Залѣсскаго «письма и дозора стремянного конюха Ив. Одинцова да задворнаго конюха Никиты Матчина 124 года»[3]). Навѣрное, и самое описаніе было произведено Конюшеннымъ приказомъ.

Подобныя описанія преслѣдовали главнымъ образомъ общія задачи управленія, и если и опредѣляли иногда нѣкоторые оброки, то въ общемъ не имѣли никакого отношенія къ сошному тяглу. Разсмотримъ теперь распредѣленіе между приказами финансовыхъ описаній.

По установившимся въ приказномъ управленіи порядкамъ, приказъ, вѣдавшій какой-либо городъ или людей судомъ и доходами, производилъ описанія. Поэтому дѣло описаній иногда попадало въ руки нефинансовыхъ приказовъ. Такъ, напр., посадъ Романова со 128 г. было указано «со всѣми доходы» вѣдать въ Посольскомъ приказѣ, «а какъ Романовскій посадъ стали вѣдать въ Посольскомъ приказѣ, и посыланъ на Романовъ посада дозирати Ал. Шапиловъ да подьячій Ар. Башмаковъ»[4]). Въ 135 г. «по государеву указу велѣно изъ Посольскаго приказа писати и мѣрити писцамъ П. Воейкову да подьячему Постнику Ракову въ Касимовѣ касимовскаго царя земли»[5]). Такъ какъ Посольскій приказъ не вѣдалъ всего уѣзда, то помѣстныя и вотчинныя земли въ Касимовѣ было велѣно описать тѣмъ же писцамъ изъ Помѣстнаго приказа, который и далъ имъ для этого особый наказъ[6]).

Судя по всему, приказъ Большого Дворца, вѣдавшій дворцовыя владѣнія во всемъ государствѣ безраздѣльно: судомъ и управой, воеводскими отпусками и всякими доходами, самъ производилъ и описанія. Такъ, въ концѣ XVI вѣка онъ дозиралъ дворцовыя села въ Вологодскомъ, Владимирскомъ и Рязанскомъ уѣздахъ и выдалъ крестьянамъ сотныя грамоты съ новыхъ книгъ[7]); въ 128 г. дозрилъ

---

[1]) Тамъ же, Писц. кн. № 6, л. 65.

[2]) Тамъ же, Писц. кн. № 54.

[3]) Ѳедотовъ-Чеховскій, Акты гражданской расправы, I, № 106.

[4]) Ак. п. д., I, № 111.

[5]) Тамъ же, № 262.

[6]) Тамъ же, №№ 256 и 261.

[7]) В. Н. Сторожевъ, Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду, I, стран. 328—331. С.-Пб. 1906 г. Ак. п. д., I, № 1. Прик. д. стар. л., 1680 г. № 383.

посадъ Углича и сообщилъ Ямскому приказу, сколько на посадѣ по новому дозору въ живущемъ сошнаго письма[1]); послѣ пожара 134 г. предпринялъ описанія многихъ городовъ, а въ 182 г. началъ валовое описаніе всѣхъ дворцовыхъ владѣній[2]). Другіе приказы принимали участіе въ описаніи дворцовыхъ владѣній только въ видѣ исключенія. Такъ, въ 132 г. государи указали Никольскую Плискую волость, Луцкаго уѣзда, послѣ разоренья вѣдать во всемъ и дозрить въ Устюжской чети[3]). Новгородская четь вѣдала дозоры и описанія нѣкоторыхъ дворцовыхъ владѣній въ Псковскомъ и Новгородскомъ уѣздахъ[4]). Послѣднее, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что эти владѣнія были на какомъ-то особомъ положеніи и платили налоги не во Дворцѣ, а въ чети.

По многимъ прямымъ и косвеннымъ указаніямъ, приказъ Казанскаго Дворца все столѣтіе вѣдалъ описанія и дозоры посадовъ и уѣздовъ своего вѣдомства[5]). На участіе здѣсь другихъ приказовъ нѣтъ не только указаній, но даже и намековъ. Это находится вполнѣ въ согласіи съ обособленностью Казанскаго Дворца, который вѣдалъ въ своихъ городахъ не только судъ и управу и всякіе доходы, но и служилыхъ людей и помѣстныя и вотчинныя дѣла.

Такъ же нераздѣльно было вѣдомство Новгородской и Устюжской четей въ Поморьѣ. Устюжская четь вѣдала писцовыми отпусками 5 городовъ: Устюгъ, Соль Вычегодскую, Тотьму, Чаронду и Устьянскія волости, а Новгородская четь—Кольскій и Пустоозерскій остроги съ уѣздами, Двину (съ Варзугой), Кевролу и Мезень, Каргополь

---

[1]) Арх. М. Ю., Угличск. городового магистрата по 5 описи 1 вязка, № 13.

[2]) По 8 іюля 191 г. были изготовлены и поданы въ Б. Дворцѣ книги 42 городовъ и селъ. Акты гражданск. расправы Ѳедотова-Чеховскаго, II, стран. 534. Общія указанія на то, что Б. Дворецъ описывалъ свои владѣнія, см. въ Уложеніи, глава XVIII, ст. 54, и П. С. З., №№ 1033 и 1074. См. еще въ Описаніи докум. и бумагъ Арх. М. Юст., V, стран. 363, списокъ городовъ приказа Б. Дворца. Относительно Вятки и Устьянскихъ волостей, показанныхъ въ этомъ спискѣ, слѣдуетъ замѣтить, что онѣ были взяты во Дворецъ въ началѣ послѣдней четверти XVII вѣка.

[3]) Ак. п. д., I, №№ 138 и 209.

[4]) Тамъ же, I, №№ 84 и 120, и II, №№ 53—56.

[5]) Опис. докум. и бумагъ Арх. М. Ю., V т., стран. 362. См. въ томъ же архивѣ писцовыя книги, напр. книги 194 г. по Алатырскому, Казанскому, Саранскому и другимъ уѣздамъ, составленныя по наказамъ изъ Казанскаго Дворца.

и Турчасово, Олонецъ, Вымь Яренскую, Вятку съ пригородами, Пермь, Соль Камскую и Кайгородокъ[1]).

О вѣдомствѣ Разряда я скажу ниже, а теперь слѣдуетъ заняться территоріей Московскаго государства за вычетомъ Поморья, вѣдомствъ Казанскаго и Большого Дворцовъ и Польскихъ городовъ Разряда. На этой территоріи распредѣленіе писцовыхъ отпусковъ между приказами было довольно сложно и съ теченіемъ времени подверглось значительнымъ измѣненіямъ.

Въ первые годы послѣ Смуты писцовые отпуски, за очень небольшими исключеніями, распредѣлялись между Большимъ Приходомъ и четями: Владимирской, Галицкой, Костромской, Новгородской и Устюжской. Чети вѣдали описанія всѣхъ черныхъ волостей уѣздовъ, большинства посадовъ и нѣкоторыхъ уѣздовъ цѣликомъ, а Большой Приходъ вѣдалъ нѣкоторые посады и во многихъ городахъ описанія помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель. То, что эти именно приказы вѣдали здѣсь писцовое дѣло, вполнѣ понятно, такъ какъ для конца XVI вѣка и для начала XVII-го они были главными финансовыми учрежденіями государства и, въ частности, вѣдали всѣ посошные налоги. Чети сверхъ того имѣли важное значеніе какъ судебные приказы, такъ какъ вѣдали судомъ и управой посадскихъ людей и черныя волости.

Когда въ 122 г. былъ назначенъ первый сборъ хлѣбныхъ запасовъ, то росписи окладовъ сошнаго письма по разнымъ городамъ были присланы въ Разрядъ изъ Большого Прихода и изъ четей. По этимъ росписямъ Разрядъ установилъ оклады запасовъ и предписалъ сборъ ихъ четямъ. Когда при сборѣ встрѣчались затрудненія, то Разрядъ предписывалъ четямъ справляться объ окладахъ въ Большомъ Приходѣ. До насъ дошли всѣ важнѣйшіе акты этого сбора, но ни въ одномъ изъ нихъ я не нашелъ упоминаній о Помѣстномъ приказѣ, какъ объ учрежденіи, которое вѣдало бы гдѣ-либо сошное

---

[1]) Множество указаній на это см. въ Ак. п. д., по указателямъ. См. также въ Опис. докум. и бумагъ Арх. М. Ю., V т., стран. 363, вѣдомство Посольскаго приказа, къ которому въ послѣдней четверти вѣка были приписаны Новгородская и Устюжская чети. Въ этомъ спискѣ вмѣсто несуществовавшаго города Уджи, повидимому, слѣдуетъ читать: Ужга, одна изъ волостей Яренскаго уѣзда. См. еще Д. А. И., IX, № 89.

письмо[1]). Это, конечно, не даетъ еще права говорить увѣренно, что Помѣстный приказъ нигдѣ не вѣдалъ въ это время сошнаго письма, но позволяетъ утверждать, что во всякомъ случаѣ роль его въ этомъ дѣлѣ была ничтожна.

Разсмотримъ прямыя и косвенныя указанія на вѣдомство Большого Прихода.

Въ 122 г. Большой Приходъ посылалъ Аѳ. Молвянинова дозирать посадъ и уѣзда Луха[2]), Неустроя Хитрово съ подьячимъ Ив. Кошкинымъ — Каширскій уѣздъ[3]), а Вас. Кирикрейскаго — Тульскій и Соловскій уѣзды[4]). Въ 123 г. Галицкая четь запрашивала Большой Приходъ о сошныхъ окладахъ нѣкоторыхъ городовъ, и Большой Приходъ въ отвѣтъ на запросъ сообщилъ оклады Медыни, Мещовска, Бѣлева и Кременска, посадовъ и уѣздовъ, «изъ окладныхъ книгъ 119-го года», а про посадъ Мценска писалъ, что его въ Большомъ Приходѣ не вѣдаютъ. Про Мещовскъ Большой Приходъ прибавлялъ, что въ іюлѣ 122 г. «изъ Большого Прихода посланъ въ Мещескъ дозорщикъ Як. Рчиновъ и подьячій Вас. Третьяковъ», но что они еще не подали своихъ книгъ[5]). Сохранившіяся дозорныя книги 124—125 годовъ по Алексинскому, Оболенскому, Серпуховскому и Тарусскому уѣздамъ скрѣплены дьякомъ Матвѣемъ Сомовымъ и справлены подьячими Як. Бутримовымъ и Акинѳомъ Хрисанѳовымъ[6]). Всѣ эти лица служили въ Большомъ Приходѣ, а М. Сомовъ могъ скрѣпить эти книги только въ качествѣ дьяка Большого Прихода[7]).

---

[1]) Акты хранятся въ Московск. Отдѣленіи Дворцовыхъ архивовъ, и значительная часть ихъ указана мною при описаніи стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ. См. Сошное письмо, I т., глава IV.

[2]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 5.

[3]) Ак. п. д., I, № 5.

[4]) Тамъ же, № 13.

[5]) Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 10.

[6]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15, лл. 86—192.

[7]) М. Сомовъ съ ноября 123 г. и въ 124—127 гг. постоянно упоминается въ Б. Приходѣ (Р. И. Б., XXVIII, стр. 246; Ак. п. д., I, №№ 49, 81 и 238; Прик. д. стар. л., 1614 г. № 7). Въ началѣ 129 г. онъ былъ недолго въ Земскомъ приказѣ (Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 13 в, л. 38 об.), а въ 129—134 гг. служилъ на Двинѣ (А. П. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, стр. 64; Разрядныя книги, I, стран. 1247; Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, лл. 265, 270 и 308). Седьмого ноября 135 г. онъ былъ назначенъ опять въ Б. Приходъ, но 17 ноября посланъ въ Вязьму (Р. И. Б., IX, стран. 419 и 429), гдѣ былъ и въ 136 г. (Разрядныя книги, II, стран. 67). По возвращеніи изъ Вязьмы въ 137—141 годахъ онъ былъ опять въ Б. Приходѣ (Прик. д. стар. л., 1631 г.

Такъ какъ скрѣпы дьяковъ на книгахъ служатъ довольно вѣрнымъ знакомъ того, что описаніе было произведено тѣмъ приказомъ, въ которомъ служилъ дьякъ, то приведенный фактъ, въ связи съ другими указаніями, говоритъ за то, что дозоры указанныхъ четырехъ уѣздовъ были произведены Б. Приходомъ. Вотъ еще 2 подобныхъ указанія. По грамотамъ за приписью дьяка М. Сомова, то-есть изъ Большого же Прихода, въ 123—125 гг. было произведено много особныхъ дозоровъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ Костромскомъ уѣздѣ[1]). Въ 126 г. по грамотѣ изъ Большого Прихода за приписью дьяка М. Сомова былъ утвержденъ сошный окладъ, дозора 123 г., посада Волока Ламскаго[2]). Это несомнѣнный знакъ того, что посадъ былъ вѣдомъ сошнымъ письмомъ въ Большомъ Приходѣ. На сохранившейся платежницѣ Боровска съ дозорныхъ книгъ 120—122 гг. отмѣчено, что грамота къ воеводѣ о взиманіи всякихъ податей по новому дозору, по платежницѣ, прислана 16 марта 122 г. за приписью дьяка Вас. Огаркова[3]), а изъ другихъ источниковъ извѣстно, что этотъ дьякъ служилъ въ это время въ Большомъ Приходѣ[4]).

Косвеннымъ указаніемъ на важную въ писцовомъ дѣлѣ роль Большого Прихода служитъ то, что онъ, на ряду съ четями, считался въ это время хранилищемъ писцовыхъ книгъ, и приказы, въ томъ числѣ и Помѣстный, обращались къ нему за разными справками. Такъ, въ 128 г. Помѣстный приказъ запрашивалъ Большой Приходъ и получилъ отъ него справку изъ ростовскихъ дозорныхъ книгъ 123 г. относительно вотчинъ кн. Ростовскихъ[5]). Когда въ 126 г. Галицкой чети понадобились старыя книги вотчинъ Паисіева монастыря, Галицкаго уѣзда, то она искала ихъ въ Большомъ Приходѣ. Вѣроятно, книги пропали въ Смутное время, и Большой Приходъ

№ 74, и Ак. М. Госуд., I, стран. 399). Въ январѣ 141 г. онъ посланъ съ Я. Дашковымъ въ Царьградъ (Р. И. Б., XVIII, стран. 375 и 441), а по возвращеніи изъ посольства въ 144—147 гг. служилъ опять въ Б. Приходѣ (А. М. Г., II, стран. 12, и Р. И. Б., X, стран. 2 и 123). Ак. Хрисанѳовъ упоминается въ Б. Приходѣ въ 123 г. (Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 336), а Як. Бутримовъ — въ 127 г. (Разрядныя книги, I, стран. 663).

[1]) Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа кн. № 11084, докум. №№ 71, 77, 95, 100, 113, 115, 130 и другіе.

[2]) Ак. п. д., I, стран. 498.

[3]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 16, л. 119 об.

[4]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 23, и Ак. п. д., I, №№ 5 и 7.

[5]) Акты гражданской расправы, изд. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, I, стран. 281.

отвѣчалъ, что въ его дѣлахъ ихъ «не сыскано»[1]). Въ 131 г. Посольскій приказъ получилъ изъ Большого Прихода справку о сошныхъ окладахъ нѣсколькихъ посадовъ[2]). Отмѣчу еще слѣдующій случай. Въ 125 г. боярину кн. Д. М. Пожарскому понадобилось узнать, по поводу сбора подводъ, порученнаго ему, сошный окладъ вотчинъ Суздальскаго архіепископа, въ Опольскомъ стану Суздальскаго уѣзда. Когда онъ запросилъ объ этомъ Помѣстный приказъ, то тотъ отозвался невѣдѣніемъ. Тогда бояринъ кн. Д. М. Пожарскій запросилъ Большой Приходъ, отъ котораго и получилъ нужную справку изъ дозорныхъ книгъ Гр. Мякишева 121 года[3]).

Итакъ несомнѣнно, что въ первые годы послѣ Смуты и, навѣрное, ранѣе Большой Приходъ вѣдалъ писцовое дѣло во многихъ городахъ. Несомнѣнно также, что въ другихъ городахъ этой территоріи это дѣло вѣдали чети.

Новгородская четь, сверхъ Поморскихъ городовъ, вѣдала посады и уѣзды Арзамаса, Гороховца, Вологды, Нижняго Новгорода, Пскова, Вел. Новгорода и Старой Русы, и всѣ дозоры въ этихъ городахъ были произведены ею. Въ 125 г. четь докладывала боярамъ о новомъ дозорѣ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель Вологодскаго уѣзда и посылала затѣмъ на Вологду грамоты о взиманіи податей по новому окладу[4]). Въ томъ же году она дозирала посадъ Вологды, а въ 126 г. посадъ Нижняго[5]). Въ 122 и 128 гг. четь дважды дозирала мордовскія и бортныя села Арзамасскаго и Нижегородскаго уѣздовъ[6]), а въ 121—128 гг. произвела множество особныхъ дозоровъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ этихъ уѣздахъ[7]). Въ 131 г.

[1]) Ак. п. д., I, № 49.

[2]) Тамъ же, № 108.

[3]) Дворц. Арх., 24 оп., 125 г. № 245.

[4]) Ак. п. д., I, №№ 23, 37, 58, 60, 61, 67—70. На дозорныхъ книгахъ 123 г. помѣстныхъ земель Кубенской волости отмѣчено: «Таковы книги посланы къ государю къ Москвѣ въ Нижегородскую четь». Арх. М. Ю., Писц. кн. № 57. См. тамъ же, въ Писц. кн. № 58, рядъ дозоровъ, произведенныхъ четью.

[5]) Ак. п. д., I, №№ 38—40, 56, 64—66.

[6]) Тамъ же, № 96, и Опись дѣлъ Новгородской чети, вынесенныхъ въ пожаръ 134 г. Чт. Общ. Ист. и Др., 1905 г., кн. I, Смѣсь.

[7]) Тамъ же, и Ак. п. д., I, стран. 159. Рядъ дозорныхъ книгъ Арзамасскаго уѣзда см. въ Отказныхъ книгахъ по Арзамасу, №№ 2—4, въ Арх. М. Ю. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ Арзамасскихъ помѣстныхъ актахъ, изд. подъ ред. С. Веселовскаго: №№ 383, 386, 389, 398—400, 404 и 407. См. еще № 403. Интересно отмѣтить, что въ 124 г. въ одномъ случаѣ въ дозорное дѣло вмѣшивается Помѣстный приказъ. Тамъ же, № 401.

четь дозираетъ посадъ Гороховца[1]), и она же, навѣрное, произвела передъ этимъ дозоры уѣзда. Неизвѣстно, были ли дозоры во Псковскомъ уѣздѣ до 131 г., но дозоръ посада 127 г. и валовое описанie посада и уѣзда, начатое въ 131 г., были произведены по наказамъ изъ чети[2]). Большая часть Новгородской области была до 125 г. за шведами, а послѣ отдачи ей была дана льгота во всякихъ податяхъ на нѣсколько лѣтъ. Поэтому въ ней было мало дозоровъ, но тамъ, гдѣ они были, ихъ произвела четь. Такъ, въ 124—125 и 127 гг. изъ чети были дозрены всякія земли въ Заонежскихъ погостахъ, въ 127 г. —дворцовая Устрѣцкая волость, а въ 130 г. четь дала наказъ валовымъ писцамъ посада Новгорода и Старой Русы съ уѣздомъ[3]).

Устюжская четь внѣ Поморья вѣдала только посады безъ уѣздовъ. Временное исключенie представляла дворцовая Плиская волость Луцкаго уѣзда, о которой я говорилъ выше. На то, что Устюжская четь вѣдала гдѣ-либо описанія помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, нѣтъ никакихъ указаній. Посадскie дозоры были произведены четью въ слѣдующихъ городахъ: въ 122 г. — въ Старицѣ и Ржевѣ Владимировѣ, въ 122 и 124 гг. — въ Можайскѣ, и въ 126 г. — въ Устюжнѣ[4]). О Рузѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ особо. Въ 132 г. приказъ Большого Дворца писалъ Устюжской чети, что по его окладнымъ книгамъ 98—110 гг. «посадъ сошнымъ письмомъ и съ сошнаго письма посошнымъ кормомъ и ямскими деньгами» и рыбнымъ оброкомъ вѣдомъ былъ во Дворцѣ; со 110 г. по Московское разоренье посадъ вѣдали въ Новгородскомъ Дворцѣ, а послѣ разоренья и по 132 г. Рузу вѣдаютъ въ Большомъ Дворцѣ[5]). Это заявленie Большого Дворца вызываетъ большое сомнѣнье. Что Руза могла попасть въ Устюжскую четь только во время Смуты

---

[1]) Ак. п. д., I, № 113, и Опись дѣлъ Новгородской чети, указанная выше.

[2]) Ак. п. д., I, №№ 85 и 119—122.

[3]) Тамъ же, №№ 84 и 104, и Опись дѣлъ Новгородской чети 134 г.

[4]) Ак. п. д., I, №№ 9, 11 и 83, и Можайскie акты, изд. архим. Д i о н и с i е м ъ, стран. 70—96. Изъ другихъ городовъ чети дозоровъ не было совсѣмъ въ четырехъ: на Лукахъ Великихъ, въ Гремячемъ, Звенигородѣ и въ Клину. Ак. п. д., I, №№ 128 и 142, и Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1. Какимъ приказомъ были произведены дозоры Веневы и Епифани, неизвѣстно. Въ Пошехоньѣ четь вѣдала только кабакъ, а Погорѣлое было разорено въ 125 г. и возстановлено въ 128 г. По Чарондѣ кн. № 1, лл. 321 и 325 об.

[5]) Ак. п. д., I, № 143.

или послѣ нея, это вѣроятно, такъ какъ Устюжская четь образовалась позже другихъ четей, — не ранѣе царствованія Василья Шуйскаго — и была, такъ сказать, сборной четью, но послѣдняя часть заявленья Большого Дворца вызываетъ сильное сомнѣніе. Во-первыхъ, по дозору Ив. Есипова 122 г. посадъ совсѣмъ не былъ положенъ въ сошное письмо, а посошный кормъ и ямскія деньги Большого Дворца стали неизмѣннымъ оброкомъ. Во-вторыхъ, несмотря на заявленіе Большого Дворца, Устюжская четь въ 132 г. послала въ Рузу писцовъ, которые подали перечень и книги въ чети, и въ чети же состоялся указъ по этимъ книгамъ[1]). То обстоятельство, что Большой Дворецъ не зналъ о дозорѣ 122 г., показываетъ, какъ мнѣ кажется, что Руза попала въ четь до этого года.

Владимирская четь вѣдала въ своихъ городахъ описанія нѣкоторыхъ уѣздовъ и большинства посадовъ. Такъ, въ 122 г. она посылала дозирать Верею[2]), въ 125 г. предписывала дозрить Воротынскъ[3]) и рѣшала вопросъ объ окладахъ Владимира и Калуги[4]). Дозоры помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель четь производила въ слѣдующихъ уѣздахъ: въ Боровскомъ, Калужскомъ, Владимирскомъ, Пронскомъ, Рязанскомъ и Тверскомъ[5]). Помѣстный приказъ, судя по извѣстнымъ мнѣ источникамъ, не только не вѣдалъ дозоровъ, но и не имѣлъ списковъ съ дозорныхъ и писцовыхъ книгъ. Такъ, въ 127 г. онъ просилъ у чети выписи изъ дозорныхъ книгъ относительно Барминской слободки въ Твери, а черезъ нѣсколько дней запрашивалъ справку изъ дозорныхъ книгъ Гр. Колединскаго относительно помѣстья М. Чагина, Тверского уѣзда[6]). Въ 130 г. Помѣстный приказъ дѣлалъ въ чети подобную же справку по Новоторжскому уѣзду[7]).

Относительно городовъ Галицкой чети у меня мало данныхъ. Въ 126 г. на запросъ Разряда, сколько въ живущемъ сошнаго письма

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 128 и 143.

[2]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 66.

[3]) Ак. п. д., I, № 24.

[4]) Тамъ же, №№ 3, 16, 30 и 141. Относительно одного города чети — Волока Ламскаго — есть указаніе на то, что дозоръ его въ 123 году былъ произведенъ Большимъ Приходомъ. См. тамъ же, I, стран. 498. О дозорѣ Б. Приходомъ посада Луха я упоминалъ выше.

[5]) Тамъ же, I, №№ 2, 4, 7, 8, 12, 15, 21, 29, 32, 72, 76—81.

[6]) Дворц. Арх., 25 оп., 127 г. №№ 31 и 33.

[7]) Ак. п. д., I, № 100.

въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ городовъ чети, Галицкая четь отвѣчала, что въ ней «городы вѣдаютъ посады, а уѣзды ихъ не вѣдаютъ»[1]). Это заявленіе относительно уѣздовъ, несомнѣнно, не точно. Намъ извѣстно, что въ 122 г. четь по челобитью Ив. Зубарева предписывала дозрить его вотчину въ Кашинскомъ уѣздѣ[2]) и, несомнѣнно, вѣдала описанія всякихъ земель Бѣлозерскаго и Галицкаго уѣздовъ[3]). Изъ приходныхъ же книгъ Галицкой чети извѣстно, что она взимала въ этихъ двухъ уѣздахъ нѣкоторые посошные налоги[4]). Поэтому отвѣтъ чети Разряду слѣдуетъ понимать какъ неточное указаніе на то, что вѣдомство Галицкой чети въ уѣздахъ ея городовъ вообще было невелико. Что касается, въ частности, писцоваго дѣла, то оно распредѣлялось между четью и Большимъ Приходомъ, а относительно участія Помѣстнаго приказа я не встрѣтилъ ни одного указанія. Есть указаніе, что дозорныя книги посада Коломны 123 г. хранились въ Помѣстномъ приказѣ, но это одно, само по себѣ, еще не даетъ права сказать, что и дозоръ былъ произведенъ этимъ приказомъ.

Относительно Костромской чети наши свѣдѣнья очень скудны, но все, что извѣстно, говоритъ за то, что писцовое дѣло въ городахъ ея вѣдомства, подобно другимъ четямъ, распредѣлялось между нею и Большимъ Приходомъ[5]).

Итакъ, въ первые годы послѣ Смуты писцовое дѣло было въ рукахъ четей и Большого Прихода. На участіе въ немъ Помѣстнаго приказа прямыхъ указаній нѣтъ. Два-три косвенныхъ, слабыхъ указанія и дозоръ одного помѣстья въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ 124 г.[6]) вотъ все, что извѣстно относительно дозорной дѣятельности Помѣстнаго приказа за это время. Все это съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ о томъ, что если Помѣстный приказъ кое-гдѣ и производилъ, можетъ быть, дозоры, то въ общемъ его роль была ничтожна. Нѣтъ никакихъ основаній полагать, что этотъ послѣсмутный порядокъ

---

[1]) Дворц. Арх., 24 оп., 126 г. № 466.

[2]) Ак. п. д., I, № 10.

[3]) Тамъ же, относительно Бѣлоозера — №№ 25, 52—55, 57, 82, 86 и 98, а относительно Галича — №№ 19, 20, 34, 41—51 и 62.

[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. №№ 10 и 27.

[5]) См. Ак. п. д., I, № 63, относительно посадовъ Ярославля и Костромы. Объ участіи Б. Прихода см. выше.

[6]) См. выше, 7 примѣчаніе на 8 стран.

былъ новостью: Помѣстный приказъ и до Смуты не вѣдалъ и не сбиралъ никакихъ посошныхъ налоговъ, а значеніе его какъ учрежденія, вѣдавшаго земли служилыхъ людей, было до Смуты во всякомъ случаѣ менѣе значительно. Съ послѣднимъ нельзя не согласиться, если припомнить массовый переходъ черныхъ и дворцовыхъ земель въ руки служилыхъ людей во время Смуты и послѣ нея. Все это даетъ основаніе полагать, что описанный порядокъ распредѣленія писцовыхъ отпусковъ между приказами, по крайней мѣрѣ въ основныхъ чертахъ, сложился еще до Смуты.

Весьма вѣроятно, что роль Большого Прихода раньше была значительнѣе. Дѣло въ томъ, что неизвѣстно ни одного случая перехода писцоваго отпуска какого-либо города изъ четей въ Большой Приходъ, но есть нѣсколько прямыхъ и косвенныхъ указаній на обратное. Напр., въ 121—122 гг. Боровскій уѣздъ дозиралъ Большой Приходъ [1]), а въ 127 г. вотчины Архангельскаго протопопа въ томъ же уѣздѣ дозирала Владимирская четь [2]). Посадъ Волока Ламскаго въ 123 г. былъ дозренъ Большимъ Приходомъ, а описаніе 134 г. произведено Владимирской четью [3]). Изъ четей же, изъ Галицкой и Владимирской, были произведены описанія другихъ посадовъ, напр. Луха Бѣлева и Кременска, которые раньше были вѣдомы сошнымъ письмомъ въ Большомъ Приходѣ [4]). Когда въ 131 г. Посольскій приказъ справлялся въ Большомъ Приходѣ о сошныхъ окладахъ нѣкоторыхъ посадовъ, то по Ростову получилъ 3 оклада: первый былъ выписанъ изъ приходной книги Большого Прихода 121 г., «а написано то сошное письмо съ окладного списка 119-го года», а третій окладъ, окладъ дозора 127 г., былъ сообщенъ Большому Приходу Галицкой четью [5]).

Послѣ Смуты, съ введеніемъ большихъ ямскихъ денегъ и хлѣбныхъ запасовъ, все посошное обложеніе подверглось сильнымъ измѣненіямъ, которыя отразились на распредѣленіи между приказами писцоваго дѣла. Выше я говорилъ, какъ посошные налоги XVI вѣка. вслѣдствіе огромной убыли сошныхъ окладовъ, утратили свое финан-

---

[1]) См. выше, 7 стран.
[2]) Ак. п. д., I, № 81.
[3]) Тамъ же, № 238.
[4]) См. выше, 6 стран., и ниже, 18 стран.
[5]) Ак. п. д., I, № 108.

совое значеніе[1]). Между тѣмъ правительство, вводя новые налоги, нашло цѣлесообразнымъ поручить сборъ ихъ не четямъ и Большому Приходу, а Ямскому, Казачьему и Стрѣлецкому приказамъ. Большой Приходъ, получавшій малыя ямскія и полоняничныя деньги, утратилъ большую часть этого дохода и былъ, такъ сказать, заслоненъ Ямскимъ приказомъ, которому былъ порученъ сборъ новыхъ ямскихъ денегъ. За Большимъ Приходомъ остались еще значительные источники дохода, главнымъ образомъ таможенныя пошлины и разные оброки, но роль его въ посошномъ обложеніи стала ничтожной. Еще въ большей степени пострадали чети: Владимирская, Галицкая, Костромская и отчасти Новгородская. Ихъ старые посошные доходы тоже очень сильно понизились, а раздача большого количества черныхъ земель служилымъ людямъ лишила ихъ, съ своей стороны, весьма значительныхъ доходовъ. Въ первыхъ сборахъ хлѣбныхъ запасовъ онѣ принимали участіе, но въ 125 г. вмѣстѣ съ Разрядомъ были устранены отъ этого дѣла и оттѣснены на задній планъ Казачьимъ и Стрѣлецкимъ приказами, которые, подобно Ямскому, получили значеніе важныхъ финансовыхъ приказовъ. Послѣ доходовъ съ черныхъ волостей и посошныхъ налоговъ важнѣйшимъ доходомъ четей былъ кабацкій, но и его онѣ лишились въ 127 г. Въ концѣ этого года было «велѣно устроить Новая четь» и передать ей кабаки городовъ Владимирской, Костромской и Галицкой четей[2]). Такимъ образомъ, ко 128 году, когда было рѣшено «обновить Землю» дозорами и описаніями, выяснилось вполнѣ, что чети, во всѣхъ частяхъ государства кромѣ Поморья, и Большой Приходъ утратили большую часть своего прежняго финансоваго значенія, и создалось такое положеніе, при которомъ въ описаніяхъ было заинтересовано 4—5 приказовъ, а самое дѣло описаній находилось въ рукахъ такихъ приказовъ, которые вѣдали старые ничтожные налоги. Эти обстоятельства не могли не отразиться на распредѣленіи между приказами писцоваго дѣла и, дѣйствительно, произвели въ немъ значительныя перемѣны.

Когда приказъ вѣдалъ какой-либо городъ «всѣми доходы», то никакихъ недоразумѣній не могло быть: приказъ отпускалъ писцовъ, руководилъ ихъ работой и докладывалъ государю о новыхъ книгахъ;

---

[1]) Сошное письмо, I т., стран. 227—232.

[2]) С. Веселовскій, Двѣ замѣтки о Боярской Думѣ, стран. 307, въ Сборникѣ статей, посвященномъ С. Ѳ. Платонову. С.-Пб. 1911 г.

когда государь давалъ по книгамъ свой указъ, то приказъ начиналъ сбирать налоги по новому окладу, установленному государемъ. Если же доходы съ какого-либо города были вѣдомы въ разныхъ приказахъ, то обыкновенно приказъ, вѣдавшій описанія, сообщалъ другимъ приказамъ государевъ указъ о новыхъ книгахъ и сошный окладъ, который былъ положенъ по нимъ. Тутъ возможны были несогласія, которыя и обнаружились послѣ Смуты, когда въ посошныхъ налогахъ произошли измѣненія, указанныя выше.

Одной изъ важнѣйшихъ обязанностей всякаго приказа было «оберегать» приказанныхъ ему людей «отъ сторонъ», то-есть отъ постороннихъ частныхъ лицъ и отъ приказныхъ другихъ вѣдомствъ. Обереганіе состояло въ защитѣ людей не только судомъ[1]), но и вообще всякими мѣрами, иногда полнымъ запрещеніемъ кому бы то ни было касаться приказанныхъ людей безъ особаго разрѣшенія (послушной грамоты) приказа. На сѣверѣ, въ Поморскихъ городахъ, такой порядокъ сохранился почти въ полной неприкосновенности до послѣднихъ десятилѣтій XVII вѣка. Въ городахъ служилаго землевладѣнія складывались постепенно другіе порядки. Здѣсь для суда служилыхъ людей и ихъ крестьянъ возникли Судные приказы — Московскій, Владимирскій и Дмитровскій, для татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ возникъ особый приказъ — Разбойный, нѣсколько позже для суда въ холопствѣ и для холопьихъ дѣлъ вообще возникъ приказъ Холопья Суда, и, наконецъ, для доходовъ существовало нѣсколько приказовъ. При такихъ условіяхъ отношенія приказовъ къ населенію становились совершенно иными, чѣмъ при исконномъ обереганіи людей, вѣдомыхъ въ приказѣ «судомъ и управою и всякими доходы», и создавалась почва для междувѣдомственныхъ пререканій.

Такъ какъ Поморскіе города совсѣмъ не платили большихъ ямскихъ денегъ, а деньги за стрѣлецкій хлѣбъ въ нихъ сбирали Устюжская и Новгородская чети и, сбирая, передавали Стрѣлецкому приказу, то доступъ въ Поморье Ямскому и Стрѣлецкому приказамъ былъ закрытъ, и чети безъ труда поддерживали исключительность своего вѣдомства. Въ 132 г. Стрѣлецкій приказъ вмѣшался въ вопросъ объ установленіи сошнаго оклада Чаронды, но и въ этомъ случаѣ

---

[1]) Подсудность исковъ, по твердо установленному правилу приказнаго управленія, опредѣлялась по отвѣтчику, то-есть по тому учрежденію, гдѣ былъ вѣдомъ судомъ отвѣтчикъ.

Устюжская четь, по крайней мѣрѣ съ формальной стороны, сохранила свою независимость. Такъ какъ Чаронда платила всѣ четвертные налоги съ вытей, то писцы, посланные изъ Устюжской чети, описали ее вытями, а выти въ сохи не положили. Стрѣлецкій приказъ, находя, очевидно, выти неудобными для оклада стрѣлецкимъ хлѣбомъ, доложилъ 3 сентября 132 г. объ этомъ государямъ, а когда государи указали, какъ положить на Чарондѣ выти въ сохи, то сообщилъ государевъ указъ чети. Обычный порядокъ въ такихъ случаяхъ былъ обратный, то-есть государь давалъ свои указы объ окладахъ сошнаго письма по докладу четей, которыя производили описанія, и чети послѣ этого сообщали Стрѣлецкому приказу государевъ указъ. И на этотъ разъ Устюжская четь, видимо, сочла такое вмѣшательство въ ея вѣдомство неправильнымъ, а сообщенный ей указъ для себя не обязательнымъ, и черезъ 2 дня, 5 сентября, доложила съ своей стороны обо всемъ государямъ. Государи подтвердили свой указъ, и такимъ образомъ форма была соблюдена [1]). Если оставить въ сторонѣ подобныя несущественныя попытки Стрѣлецкаго приказа вмѣшаться въ вѣдомство четей въ Поморскихъ городахъ, то можно сказать, что въ общемъ Устюжской и Новгородской четямъ и въ XVII вѣкѣ, до послѣдней четверти этого вѣка, удалось сохранить свою финансовую независимость вообще и удержать, въ частности, въ своихъ рукахъ писцовое дѣло.

Иное мы видимъ, уже въ первые годы послѣ Смуты, въ другихъ частяхъ государства. Такъ какъ здѣсь посошные налоги поступали въ нѣсколько приказовъ, то приказу, вѣдавшему писцовое дѣло въ томъ или иномъ городѣ, приходилось сообщать другимъ приказамъ государевъ указъ о новыхъ книгахъ и о новыхъ окладахъ сошнаго письма. Когда по новому описанію окладъ сошнаго письма уменьшался, то тяглые люди сами были заинтересованы въ томъ, чтобы государевъ указъ былъ сообщенъ другимъ приказамъ, и били объ этомъ челомъ. Напр., въ 126 г. по докладу Галицкой чети бояре приговорили съ помѣстій смольнянъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ взимать всякія подати вполы окладовъ. Тогда смольняне били челомъ государю, что на Бѣлоозеро изъ Галицкой чети указъ этотъ посланъ, а Казачій и Ямской приказы его не знаютъ и пишутъ грамоты о сборѣ ямскихъ денегъ и хлѣбныхъ

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 123 и 124.

запасовъ съ полнаго оклада, — «вели, государь, изъ Галицкой четверти послать памяти въ Ямской приказъ и въ Казачій приказъ противъ своего государева указа и боярскаго приговора». Галицкая четь удовлетворила эту просьбу[1]). Въ 135 г. посадскіе люди Звенигорода били челомъ въ Большомъ Приходѣ, что по описанію 134 г. посадъ положенъ въ 9 четей, «и съ того де они новаго дозора платятъ всякіе государевы четвертные доходы, а не по старому окладу; и государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ свои государевы Большого Прихода доходы имать по тому же новому дозору». По этому челобитью Большой Приходъ запрашивалъ Устюжскую четь, которая вѣдала описаніе: «въ Звенигородѣ на посадѣ новый дозоръ былъ ли, и кто именемъ дозиралъ, и въ коемъ году, и что по его дозору написано въ живущемъ четвертныя пашни, и государевы четвертные всякіе доходы емлютъ по тому ли новому дозору?»[2]). Въ другихъ случаяхъ приказы дѣлали подобныя справки по собственному почину. Такъ, въ 131 г. приказъ Большого Дворца, вѣдавшій дозоръ Углича 128 г., сообщилъ Ямскому приказу для сбора ямскихъ денегъ, сколько на посадѣ въ живущемъ сошнаго письма по новому дозору[3]). Въ томъ же году Стрѣлецкій приказъ запрашивалъ Посольскій о сошномъ окладѣ Романова: «велѣти отписати въ Стрѣлецкій приказъ — Романовскій посадъ дозиранъ ли, и будетъ дозиранъ, и въ которомъ году, и что сошнаго письма въ живущемъ написано, и по тому ли нынѣ четвертные доходы емлютъ?»[4]). Посольскій приказъ отвѣтилъ на этотъ запросъ, а сверхъ того, оберегая подвѣдомственныхъ ему людей, послалъ въ Романовъ къ воеводѣ грамоту, въ которой сообщалъ, что съ посада сложена часть сошнаго оклада, и предписывалъ не взимать съ этой складки податей самому и не давать взимать «ни въ какіе доходы» посланникамъ изъ другихъ приказовъ[5]).

По мѣрѣ упадка финансоваго значенія и авторитета Большого Прихода и четей, на этой почвѣ между ними и Ямскимъ и Стрѣлецкимъ приказами начали возникать недоразумѣнія. Когда писцы За-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 55.

[2]) Тамъ же, № 242. Другіе подобные случаи см. тамъ же, №№ 51, 68 и 101.

[3]) Арх. М. Ю., Угличск. городового магистрата по 5 описи 1 вязка, № 13.

[4]) Ак. п. д., I, № 111.

[5]) Тамъ же, № 110. Другіе подобные случаи см. тамъ же, I, №№ 19, 64 и 66, и II, №№ 40, 41, 48—52, 255.

райска (133—134 гг.) послали пушкаря по торговыхъ людей, то одинъ изъ нихъ сказалъ пушкарю: «куда ты насъ высылаешь, и тамъ де на съѣзжемъ дворѣ *(т.-е. у писцовъ)* дѣло грошевое»[1]). Дѣйствительно, послѣ введенія ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ и паденія сошныхъ окладовъ, у четей осталось въ рукахъ, въ большинствѣ случаевъ, грошевое дѣло, т.-е. очень небольшіе посошные доходы. Писцовое дѣло по старинѣ осталось въ ихъ рукахъ, но онѣ, слабо заинтерессованныя въ описаніяхъ, часто вели ихъ небрежно, иногда медлили производить описанія и, видимо, вызывали неудовольствіе Ямского и Стрѣлецкаго приказовъ. Послѣдніе въ отвѣтъ на это не признавали иногда описаній четей и сошныхъ окладовъ, положенныхъ ими, и, не производя сами описаній, докладывали государю о томъ или иномъ городѣ и опредѣляли сошные оклады, иногда безъ вѣдома четей и совершенно независимо отъ того оклада, который былъ утвержденъ четью. Иногда, по докладу государю, сни клали въ сошное письмо посады, бывшіе въ четяхъ оброчными, и взимали съ нихъ свои доходы. Рядъ подобныхъ случаевъ будетъ приведенъ мною ниже, когда я буду говорить о посадской сохѣ. Вслѣдствіе этого случалось, что посаду приходилось иногда платить разные налоги по разнымъ окладамъ сошнаго письма, или посадъ, числившійся въ чети оброчнымъ, для платежа ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ былъ положенъ въ сошное письмо. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до самой отмѣны сошнаго письма: правительство не находило цѣлесообразнымъ поручить Ямскому или Стрѣлецкому приказамъ такое несвойственное имъ дѣло, какъ описанія, оставило его по старинѣ за четями, но въ то же время нерѣдко разрѣшало Ямскому и Стрѣлецкому приказамъ вмѣшиваться въ дѣло опредѣленія сошныхъ окладовъ.

Посады между четями и другими приказами распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

Новгородская четь вѣдала посады: Арзамаса, Вологды, Гороховца, Нижняго, Новгорода Великаго, Пскова съ пригородами и Старой Русы. Въ серединѣ вѣка къ этимъ посадамъ присоединились новопостроенные Олонецъ и Кунгуръ[2]).

---

[1]) Ак. п. д., I, № 170.

[2]) Тамъ же, I, №№ 38, 56, 65, 104, 113, 120, 257 и 264, и II, №№ 25 и 128. Д. А. И., IX, № 89.

Устюжская четь вѣдала: Веневу, Вязьму, Городецкой, Гремячій, Дмитровъ, Епифань, Звенигородъ, Клинъ, Луки Великія, Можайскъ, Погорѣлое, Ржеву Владимирову, Рузу, Старицу и Устюжну Желѣзнопольскую[1]).

Владимирская четь вѣдала: Болховъ, Боровскъ, Верею, Владимиръ, Волокъ Ламскій, Воротынскъ, Данковъ, Зарайскъ, Калугу, Крапивну, Лухъ, Михайловъ, Переяславль Рязанскій, Печерники, Пронскъ, Путивль, Рыльскъ, Ряжскъ, Сапожокъ, Тарусу, Тверь, Торжокъ и Тулу[2]).

Менѣе полныя свѣдѣнія имѣются у насъ относительно Галицкой и Костромской четей. Галицкая четь вѣдала: Бѣлевъ, Бѣлоозеро, Галичъ съ пригородами, Кашинъ, Кременскъ, Мещовскъ, Ростовъ, Суздаль, Юрьевъ Польскій[3]), Шую[4]), Каширу и Коломну[5]). Относительно другихъ городовъ этой чети: Карачева, Мценска, Новосили и Черни, у меня нѣтъ прямыхъ указаній, но едва ли можно сомнѣваться, что и они были описаны Галицкой четью. Прямыя указанія о томъ, что Костромская четь вѣдала описанія, есть относительно слѣдующихъ городовъ: Елатьмы, Зубцова, Костромы, Торопца и Ярославля[6]).

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 9, 11, 83, 126, 128, 139, 142, 143, 199, 200, 217—229, 231, 234, 237 и 260, и II, №№ 19, 23, 24, 39, 78, 104—112, 132, 214—255 и 258. Дмитровъ около 173 г. былъ взятъ во Дворецъ.

[2]) Тамъ же, I, №№ 3, 16, 24, 30, 141, 150 и слѣд., 233 и 238, и II, №№ 40, 41, 49—52, 103 и 226.

[3]) Тамъ же, I, № 97, и II, №№ 21, 22, 26, 41, 95 и 226. См. еще Дворц. Арх., 25 оп., 137 г. № 76.

[4]) Описаніе г. Шуи, стран. 276. М. 1851 г. Изд. Вл. Борисова.

[5]) Описанія 131—132 гг.—Арх. М. Юст., Писц. кн. № 201. Описаніе Коломны произведено по наказу за приписью дьяка Сем. Самсонова, то-есть изъ Галицкой чети (Дворц. Арх., 25 оп., 132 г. № 2, и 32 оп., 131 г. № 240, л. 3). Въ Галицкой чети Коломна была по уставной грамотѣ (со 103—104 гг.) оброчнымъ посадомъ, а для платежа ямскихъ денегъ положена въ сошное письмо по докладу изъ Ямского приказа, независимо отъ чети. Поэтому указанныя книги Коломны скрѣплены дьякомъ Ямского приказа Андр. Подлѣсовымъ.

[6]) Ак. п. д., I, №№ 63, 252 и 259, и II, № 220. Относительно дозора Елатьмы въ 122 г. — Дворц. Арх., № 41650. Въ памяти 158 г. изъ Костромской чети въ Посольскій приказъ, по поводу сбора полоняничныхъ денегъ, въ чети показаны слѣдующіе города, сверхъ указанныхъ выше въ текстѣ: 6 пригородовъ Костромы — Нерехта, Буйгородъ, Соль Большая, Судиславль, Кадыевъ и Любимъ, Переяславль Залѣсскій, Муромъ, Серпуховъ, Алексинъ, Ярославецъ Малый, Лихвинъ и Одоевъ. Относительно двухъ городовъ: Козельска и Дѣдилова сказано, что въ нихъ по переписи 154 г. посадскихъ людей нѣтъ. Прик. д. стар. л., 1649 г. № 62. Ср. въ томъ же архивѣ по Владимиру кн. № 4, лл. 59—80, гдѣ указано вѣдомство Костромской чети, и Д. А. И., IX, стран. 129.

Посольскій приказъ вѣдалъ описанія двухъ посадовъ: Романова и Касимова[1]). Во второй половинѣ вѣка Романовъ былъ вѣдомъ въ Хлѣбномъ приказѣ[2]), а Касимовъ — въ Казанскомъ Дворцѣ[3]).

Остается сказать нѣсколько словъ относительно Польскихъ городовъ Разряда: Бѣлгорода, Волуйки, Воронежа, Ельца, Курска, Лебедяни, Ливенъ и Стараго Оскола. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ городахъ были вообще небольшіе посады, а на Волуйкѣ, Ливнахъ, въ Лебедяни и Осколѣ посадовъ не было совсѣмъ. Сверхъ того въ началѣ вѣка эти города, повидимому всѣ, не были положены совсѣмъ въ сошное письмо[4]). Неизвѣстно, какимъ приказомъ были произведены дозоры первыхъ лѣтъ послѣ Смуты, но несомнѣнно, что не четями; на это нѣтъ никакихъ указаній, и вообще чети совсѣмъ не касались этихъ городовъ. Что касается описаній уѣздовъ, то въ указанныхъ городахъ и въ Мосальскѣ они были произведены Помѣстнымъ приказомъ, при чемъ Разрядъ, Стрѣлецкій и, вѣроятно, другіе приказы поручали тѣмъ же писцамъ описаніе людей и предметовъ своего вѣдомства. Такъ, писцамъ Курскаго уѣзда (135—138 гг.), посланнымъ изъ Помѣстнаго приказа, Разрядъ поручилъ описать посадъ и черныя слободы, лавки, амбары и т. п. и въ уѣздѣ всякія оброчныя угодья, а Стрѣлецкій приказъ — казачьи и стрѣлецкія земли[5]).

Итакъ мы видимъ, что дѣло описанія посадовъ, если оставить въ сторонѣ временныя и мѣстныя исключенія, весь XVII вѣкъ распредѣлялось между четями и Большимъ Дворцомъ, о вѣдомствѣ

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 107—111 и 255.

[2]) Д. А. И., IX, стран. 125.

[3]) Въ 122 г. Касимовъ былъ за царемъ Арасланомъ, и вѣдалъ его Казанскій Дворецъ. Въ Посольскій приказъ онъ былъ взятъ въ 130 г., а черезъ нѣсколько лѣтъ возвращенъ въ Казанскій Дворецъ. Н. И. Шишкинъ, Исторія г. Касимова, 2 изд., стран. 46, 51 и 124—125. Рязань. 1891 г.

[4]) Сошное письмо, I т., стран. 88—89.

[5]) Ак. п. д., II, № 65. Этотъ случай заставляетъ отнестись съ большимъ сомнѣніемъ къ *черновику* отвѣтной памяти 143 г. Разряда Стрѣлецкому приказу. Стрѣлецкій приказъ запрашивалъ, сколько въ живущемъ сошнаго письма на посадахъ и въ черныхъ слободахъ въ Оболенскѣ, Ржевѣ Пустой, въ Бѣлгородѣ, Воронежѣ, Осколѣ, Курскѣ, Ливнахъ, Лебедяни и въ Ельцѣ, а въ Мосальскѣ на посадѣ и въ уѣздѣ. Разрядъ отвѣчалъ, что «въ Разрядѣ Оболенска и Пустой Ржевы ничѣмъ не вѣдаютъ», а остальные города «вѣдомы въ Разрядѣ денежными всякими доходы», а сколько въ нихъ сошнаго письма, того въ Разрядѣ неизвѣстно, такъ какъ писцовъ въ нихъ посылалъ Помѣстный приказъ. Ак. п. д., II, № 114.

котораго я говорилъ выше, а сравнительно съ дозорами первыхъ лѣтъ послѣ Смуты можно только отмѣтить полное или почти полное устраненіе Большого Прихода. Совсѣмъ не то мы видимъ относительно описаній помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель уѣздовъ: послѣ нѣкоторыхъ колебаній и опытовъ правительство передаетъ писцовое дѣло Помѣстному приказу, за которымъ оно и остается весь XVII вѣкъ. Такъ какъ поводы и цѣль этой реформы въ источникахъ нигдѣ не указаны, то остается изложить факты и по нимъ сдѣлать предположенія.

Упадокъ финансоваго значенія четей и неудовлетворительность многочисленныхъ поспѣшныхъ дозоровъ первыхъ лѣтъ послѣ Смуты были, повидимому, исходными причинами реформы. Неудовлетворительность и медленность дозоровъ, предпринятыхъ со 127 года, заставляла, съ своей стороны, думать о такомъ порядкѣ описаній, который соотвѣтствовалъ бы измѣнившимся условіямъ веденія государственнаго хозяйства. Выше было показано, какъ для частновладѣльческихъ земель главными финансовыми учрежденіями, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, стали Ямской и Стрѣлецкій приказы. Недовольные дозорами четей и Большого Прихода, эти приказы стали вмѣшиваться въ дѣло опредѣленія сошныхъ окладовъ, но ясно, что передать имъ писцовое дѣло было бы нецѣлесообразно: во-первыхъ, эти приказы имѣли совершенно другое назначеніе, во-вторыхъ, они собирали, каждый самъ по себѣ, свои доходы, а старые посошные налоги поступали попрежнему въ чети и въ Большой Приходъ, въ-третьихъ, описанія преслѣдовали цѣлый рядъ такихъ гражданско-правовыхъ задачъ, которыя были совершенно чужды этимъ приказамъ. При такихъ условіяхъ поневолѣ приходилось отступить отъ стараго правила соединенія писцоваго отпуска съ вѣдомствомъ доходами и поручить дѣло какому-нибудь другому приказу. Такъ представляется вопросъ намъ, но приказные Московскаго государства смотрѣли на него иначе, такъ какъ рѣшительная ломка порядковъ была не въ ихъ привычкахъ.

Дѣйствительно, передачѣ писцоваго дѣла Помѣстному приказу предшествовали попытки уладить дѣло при помощи полумѣръ. Одна изъ этихъ попытокъ разсказана въ грамотѣ 130 г. изъ Ямского приказа въ Муромъ. Послѣ признанія медленности и неудовлетворительности дозоровъ, начатыхъ со 127 года, въ грамотѣ сказано: «мы тѣхъ дозор-

щиковъ за книжною справкою велѣли посадить въ особной палатѣ на нашемъ царскомъ дворѣ и велѣли надъ ними надзирать окольничимъ нашимъ и дьякамъ, что-бъ они тѣ свои книги справливали вскорѣ. И тѣ книги вскорѣ нынѣ не поспѣютъ, а наши доходы за тѣмъ стали»[1]). Въ Указной книгѣ Помѣстнаго приказа есть указаніе на составъ этого чрезвычайнаго приказа; въ ней сказано, что въ 127 и 128 годахъ по городамъ были посланы писцы и дозорщики, «а какъ писцы и дозорщики пріѣхали изъ городовъ къ Москвѣ, и ихъ велѣно вѣдать боярину князю Григорью Петровичу Ромодановскому, да окольничему князю Данилу Ивановичу Долгорукому, да дьякамъ Ивану Остапову да Воину Трескину»[2]). Изъ Указной же книги извѣстно, что этотъ приказъ сдавалъ готовыя книги Помѣстному приказу, а изъ одного доклада Помѣстнаго приказа 135 г. узнаемъ, что въ 131 г. государи, выслушавъ доклада о томъ, какъ класть въ сошное письмо крестьянскіе и бобыльскіе дворы въ 32 городахъ, дали свой указъ, и что указъ этотъ былъ сообщенъ Помѣстному приказу памятью «за приписью дьяка Воина Трескина»[3]). Отсюда можно заключить, что докладъ былъ сдѣланъ приказомъ боярина кн. Г. П. Ромодановскаго. Въ этомъ и состояла, судя по сохранившимся источникамъ, вся дѣятельность этого приказа; на то, что онъ отпускалъ писцовъ, давалъ имъ наказы и руководилъ ихъ дѣятельностью, нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній. Наоборотъ, относительно нѣкоторыхъ городовъ извѣстно, что все это дѣлали чети, а отчасти, можетъ быть, и Помѣстный приказъ. Поэтому я думаю, что вся роль этого чрезвычайнаго приказа сводилась къ тому, что онъ засаживалъ дозорщиковъ, съѣзжавшихся въ Москву, въ «особной палатѣ», лишалъ ихъ, быть можетъ, шапокъ и сапогъ, какъ это было въ обычаѣ, и понуждалъ такимъ путемъ дѣлать книги Весьма возможно, что онъ же докладывалъ государямъ о новыхъ книгахъ. Такая оцѣнка дѣятельности этого приказа подтверждается слѣдующими обстоятельствами.

Во-первыхъ, этотъ приказъ могъ возникнуть не ранѣе 129 г., т.-е. тогда, когда дозорщики уже заканчивали свою работу. Это можно видѣть изъ того, что дьякъ Ив. Остаповъ съ марта 127 г. по мартъ

---

[1]) А. А. Э., III, № 121.

[2]) Указная книга, изд. подъ ред. В. Н. Сторожева, стран. 28. М. 1889.

[3]) Ак. н. д., II, № 5.

129-го служилъ въ Вязьмѣ[1]). Во-вторыхъ, неизвѣстно ни писцовыхъ и дозорныхъ книгъ, ни платежницъ, скрѣпленныхъ этими дьяками. Наоборотъ, извѣстно, что Ямской и Помѣстный приказы сами пользовались новыми дозорами, изготовляли по нимъ платежницы и разсылали ихъ по городамъ для сбора налоговъ. Такъ, платежница Калужскаго уѣзда съ дозорныхъ книгъ 128 г. скрѣплена дьякомъ Андреемъ Подлѣсовымъ и справлена подьячимъ Вас. Өедоровымъ[2]), которые оба служили въ Ямскомъ приказѣ[3]). Въ 131 г. Ямской приказъ посылаетъ на Вологду, за приписью дьяка А. Подлѣсова, платежницы уѣзда съ дозорныхъ книгъ 128—129 гг.[4]). Платежницы Боровскаго и Козельскаго уѣздовъ съ дозоровъ тѣхъ же лѣтъ скрѣплены дьякомъ Третьякомъ Корсаковымъ[5]), который въ 131—133 гг. служилъ въ Помѣстномъ приказѣ[6]). Ни одной платежницы за скрѣпами дьяковъ Ив. Остапова и Воина Трескина до сихъ поръ неизвѣстно.

На основаніи всего этого можно сказать, что приказъ боярина кн. Г. П. Ромодановскаго съ товарищами не вѣдалъ самыхъ существенныхъ частей писцоваго отпуска. Такое раздробленіе писцоваго дѣла между нѣсколькими приказами было само по себѣ весьма нецѣлесообразно. Если прибавить къ этому, что составъ приказа, повидимому весь, не имѣлъ не только писцовой, но и вообще финансовой подготовки[7]),

---

1) А. П. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, стран. 54. С.-Пб. 1902 г.

2) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15.

3) А. Подлѣсовъ служилъ въ Ямскомъ приказѣ непрерывно съ 123 г. по 137-й. Р. И. Б., XXVIII, стран. 253; П. С. З., № 518; А. М. Г., I, стран. 223; Дворц. Разряды, II, стран. 14. В. Өедоровъ въ 135 г. — одинъ изъ первыхъ по окладу подьячихъ Ямского приказа. В. Н. Сторожевъ, Матеріалы Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду, I, стран. 205.

4) Ак. п. д., II, № 88.

5) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15.

6) Съ конца 128 г. по конецъ 130-го онъ управлялъ Галицкой четью (Дворц. Арх., 25 оп., 128 г. № 43, и Д. А. И., II, стран. 84), а въ концѣ 129 г. одновременно упоминается въ Разбойномъ приказѣ (В. Борисовъ, Описаніе г. Шуи, стран. 262. М. 1851 г.). Въ Помѣстномъ приказѣ онъ былъ съ начала 131 г. по конецъ 133-го. Өедотовъ-Чеховскій, Акты гражданской расправы, I, стран. 273, и С. А. Шумаковъ, Сотницы, V вып., стран. 71.

7) Бояринъ кн. Г. П. Ромодановскій могъ ознакомиться съ дѣлами финансовыхъ приказовъ только во время недолговременнаго (около года) управленія, въ 125—126 гг., Галицкой, Владимирской, Новгородской и Костромской четями (Р. И. Б., XXVIII, и Ак. п. д., I, по указателямъ). Кн. Д. И. Долгорукій совсѣмъ не служилъ въ финансовыхъ приказахъ. И. Остаповъ и В. Трескинъ — оба заурядные дьяки. Первый, до посылки въ 127 г. въ Вязьму, служилъ со 122 г. на Денежномъ Дворѣ и въ Серебряномъ приказѣ (Р. И. Б., XXVIII, стран. 70

то станутъ понятными кратковременность существованія приказа и явная неудача этой полумѣры.

Остается опредѣлить время передачи писцоваго дѣла Помѣстному приказу. Образецъ писцоваго наказа, хранившійся въ Помѣстномъ приказѣ въ послѣдней четверти вѣка, говоритъ, что валовые писцы изъ Помѣстнаго приказа были посыланы въ разные города «въ прошлыхъ годѣхъ со 130-го года»[1]). Это показаніе, сдѣланное, быть можетъ, на память полстолѣтія спустя, нуждается въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ. Дѣло въ томъ, что переходъ городовъ въ Помѣстный приказъ начался до 130 г. и произошелъ не сразу. Такъ, въ 128 г. писцы Арзамасскаго и Нижегородскаго уѣздовъ и дозорщики Вологодскаго были посланы или самостоятельно Помѣстнымъ приказомъ или, во всякомъ случаѣ, при его участіи[2]). Съ другой стороны, писцы Псковскаго уѣзда были посланы и получили наказъ въ 131 г. изъ Новгородской чети[3]). Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что въ большинство городовъ писцы были посланы не въ 130 и даже не въ 131 году, а позже — въ 132—133 гг. и послѣ пожара 134 г. Поэтому приведенное выше показаніе писцоваго наказа надо понимать какъ приблизительное опредѣленіе времени изслѣдуемой нами реформы. Я обратилъ вниманіе на эту мелочь потому, что она характерна для правительства Московскаго государства и имѣетъ нѣкоторое значеніе въ связи съ кратковременнымъ существованіемъ чрезвычайнаго приказа, о которомъ я говорилъ выше. Въ общемъ дѣло представляется такъ. Со 127 г. въ писцовыхъ отпускахъ обнаруживается развалъ: дѣло вываливается изъ рукъ четей, утратившихъ свое финансовое

и 799), а въ 133—137 гг. — на Двинѣ (А. П. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, стран. 64). Второй въ 129 г. былъ недолго въ Стрѣлецкомъ приказѣ (Р. И. Б., XV, Кормл. книга, стран. 22), въ ноябрѣ 130 г. былъ посланъ въ Нижній для разбора служилыхъ людей, а въ 131, 133—135 гг. былъ на Москвѣ и участвовалъ въ объѣздахъ (Разрядныя книги, I, стран. 786, 930, 1153, 1258 и 1367), что поручалось обыкновенно второстепеннымъ дьякамъ и даже подьячимъ. Въ 137 г. онъ былъ на Волуйкѣ на крымской размѣнѣ (Тамъ же, II, стран. 164), а позже служилъ въ Печатномъ приказѣ (Прик. д. стар. л., 1631 г. № 8).

[1]) В. Н. Седашевъ, Очерки и матеріалы по исторіи землевладѣнія Московской Руси XVII в., стран. 145. М. 1912 г. Этотъ наказъ будетъ перепечатанъ въ III т. Ак. писц. дѣла.

[2]) Ак. п. д., I, №№ 122 и 246.

[3]) Тамъ же, №№ 119—122. Объ утвержденіи книгъ псковичи били челомъ въ 137 г. уже въ Помѣстномъ приказѣ. Тамъ же, II, №№ 46 и 70.

значеніе, въ него вмѣшиваются Ямской, Стрѣлецкій и Помѣстный приказы, но правительство еще не рѣшается на радикальную реформу. Только послѣ неудачной попытки поднять въ 129—130 гг. писцовое дѣло при помощи приказа боярина кн. Г. П. Ромодановскаго, описанія быстро, но все-таки не сразу, были переданы Помѣстному приказу.

Почему они были переданы именно Помѣстному приказу? На это можно дать такой вѣроятный отвѣтъ. На территоріи, о которой я все время говорилъ, служилое землевладѣніе поглотило съ теченіемъ времени почти всѣ черныя и очень большую часть дворцовыхъ земель и развило весьма сложную систему помѣстно-вотчиннаго права. Указанныя выше перемѣны въ финансовомъ строѣ побуждали правительство взять писцовое дѣло у четей и Большого Прихода и искать для него другого приказа, а нужды служилаго землевладѣнія указали, въ какой именно приказъ цѣлесообразно передать это дѣло. Такое пониманіе реформы подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что описанія посадовъ и черныхъ и дворцовыхъ земель оставались весь XVII вѣкъ въ рукахъ четей и Большого Дворца[1]), а Помѣстному приказу были переданы описанія только частновладѣльческихъ земель, то-есть помѣстныхъ, вотчинныхъ, монастырскихъ и духовенства.

Теперь остается опредѣлить территорію, на которой Помѣстный приказъ вѣдалъ описанія. Такъ какъ въ составъ ея вошли города всѣхъ пяти четей, за исключеніемъ Поморскихъ городовъ Новгородской и Устюжской четей[2]), то слѣдуетъ сказать только о городахъ Разряда и прибавить нѣсколько замѣчаній о границѣ вѣдомства Помѣстнаго приказа и Казанскаго Дворца.

Просматривая по географическимъ указателямъ къ I и II томамъ Актовъ писцоваго дѣла города, въ которые въ 20-хъ годахъ были посланы писцы изъ Помѣстнаго приказа, мы замѣчаемъ, что среди нихъ не достаетъ нѣкоторыхъ городовъ Разряда, напр. Бѣлгорода, Волуйки, Серпейска и Сѣвска. Однако, изъ памяти 143 г., которую я цитировалъ выше, извѣстно, что въ Польскіе города, въ томъ числѣ

---

[1]) Относительно черныхъ и дворцовыхъ волостей см. Ак. п. д., II, №№ 25, 29, 53—56, 63 и 64.

[2]) Въ Поморскихъ городахъ помѣстныя и вотчинныя земли были очень рѣдкимъ исключеніемъ, но тамъ, гдѣ онѣ были, ихъ описывала попрежнему Новгородская четь, вмѣстѣ съ посадами и остальными землями уѣзда. Объ одномъ помѣстьѣ въ Яренскомъ уѣздѣ см. Ак. п. д., II, № 28. О Заонежскихъ погостахъ см. тамъ же, №№ 25, 29, 79 и 96—98.

и въ Бѣлгородъ, писцы были посланы изъ Помѣстнаго приказа[1]). Подъ сомнѣніемъ остаются только Серпейскъ и Сѣвскъ. Болѣе точныя и подробныя свѣдѣнья мы получаемъ изъ указа 21 іюня 180 г.[2]) и изъ актовъ 193—194 гг. о посылкѣ изъ Помѣстнаго приказа валовыхъ писцовъ[3]). Въ указѣ 180 г. приведены списки городовъ — тѣхъ, «которые вѣдомы службою въ Разрядѣ, а землями въ Помѣстномъ приказѣ», и тѣхъ, «которые службою и съ землями вѣдомы въ Разрядѣ». Въ первыхъ городахъ помѣстныя, вотчинныя и вообще всякія земельныя дѣла вѣдалъ Помѣстный приказъ, а во вторыхъ — Разрядъ. Писцовое вѣдомство Помѣстнаго приказа въ общемъ совпадаетъ съ городами перваго списка. Онъ послалъ въ 193—194 гг. писцовъ во всѣ города перваго списка, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ отъ Литовской украйны и нѣкоторыхъ Сѣверскихъ[4]), а изъ городовъ второго списка послалъ писцовъ только на Волуйку и въ Яблоновъ[5]). Такимъ образомъ, вѣдомство Помѣстнаго приказа на югѣ можно опредѣлить въ общемъ такъ: онъ вѣдалъ писцовое дѣло въ старыхъ городахъ, то-есть въ городахъ, существовавшихъ уже въ концѣ XVI в., а изъ городовъ, основанныхъ въ XVII в., послалъ писцовъ въ видѣ исключенія только въ Ефремовъ и Яблоновъ.

Городами Помѣстнаго приказа, граничившими съ вѣдомствомъ Казанскаго Дворца, были: Нижній, Арзамасъ, Касимовъ и Мещера (Шацкъ). Къ нимъ прилегали города Казанскаго Дворца: Ядринъ, Курмышъ, Алатырь, Темниковъ, Елатьма и Кадомъ.

Передача описаній частновладѣльческихъ земель Помѣстному приказу имѣла, какъ мнѣ кажется, важныя послѣдствія.

Основнымъ принципомъ стараго посошнаго тягла была его посильность, то-есть извѣстное соотвѣтствіе между обложеніемъ и платежными силами населенія. При опредѣленіи размѣровъ тягла важное значеніе имѣло усмотрѣніе писцовъ и приказовъ и требовалось близкое знакомство съ составомъ и тяжестью тягла и хозяйственнымъ состояніемъ тяглыхъ людей. Худо ли, хорошо, но приказъ, вѣдавшій какой-

---

[1]) Ак. п. д., II, № 114. Срав. тамъ же (№ 1) конецъ суздальскаго наказа 135 года.

[2]) П. С. З., № 522.

[3]) Будутъ напечатаны въ III т. Ак. п. д.

[4]) Сѣвска, Стародуба, Почепа, Рославля, Трубчевска, Новгорода Сѣверскаго и Чернигова.

[5]) Списокъ городовъ см. въ I приложеніи.

либо городъ «всѣми доходы», все-таки могъ разбираться въ этихъ вопросахъ. Такъ какъ вѣдомство доходами, по исконному правилу приказнаго управленія, соединялось съ вѣдомствомъ судомъ и управой, то приказъ еще болѣе приближался къ управляемымъ имъ людямъ и имѣлъ подъ собой почву для пониманія ихъ нуждъ и средствъ. Отношеніе тяглыхъ людей къ приказамъ совершенно измѣнялось, когда они попадали въ руки служилыхъ людей и частныхъ владѣльцевъ вообще. Выше я говорилъ подробно, какъ измѣнялись при этомъ составъ тягла и порядки отбыванія его и какъ различныя отрасли суда и управленія раздроблялись между приказами. Оберегателемъ и опекуномъ черныхъ людей, посадскихъ и уѣздныхъ, былъ какой-нибудь опредѣленный приказъ. Эту задачу относительно частновладѣльческихъ крестьянъ брали на себя ихъ господа, и соотвѣтственно съ этимъ происходили существенныя перемѣны въ отношеніяхъ правительства — различныя отрасли суда, управленія и тягла раздроблялись между разными приказами. Въ частности Помѣстный приказъ, которому было передано писцовое дѣло, не вѣдалъ никакихъ посошныхъ и иныхъ доходовъ, имѣлъ дѣло исключительно съ служилымъ, а не съ тяглымъ, людомъ, и притомъ только по вопросамъ помѣстнаго и вотчиннаго права. Ни состава обложенія, ни его тяжести, ни хозяйственныхъ и платежныхъ силъ населенія онъ не зналъ. При такихъ условіяхъ опредѣленіе сошныхъ окладовъ на старыхъ субъективныхъ началахъ посильности тягла, особенно при новизнѣ дѣла, стало для Помѣстнаго приказа совершенно невыполнимой задачей. Въ этомъ, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ поисковъ объективныхъ началъ послѣ 127 г. и примѣненія на практикѣ подворныхъ нормъ положенія въ сошное письмо послѣ перехода описаній въ руки Помѣстнаго приказа.

Вторымъ слѣдствіемъ изучаемой реформы было то, что Помѣстный приказъ, заинтересованный болѣе всего въ правовыхъ задачахъ описаній, обратилъ главное вниманіе на эту сторону дѣла, оставляя вопросы тягла на второмъ мѣстѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить любой наказъ писцамъ посада или черныхъ и дворцовыхъ волостей съ наказомъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель. Добрая половина перваго наказа состоитъ изъ фискальныхъ предписаній; значительная часть посвящена сыску и свозу бѣглыхъ тяглецовъ и ожиленію пустыхъ земель, а правовыя задачи писцовъ невелики,

да и тѣ касаются, главнымъ образомъ, такихъ вопросовъ, которые находятся въ тѣсной связи съ тягломъ. При описанiи помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, судя по наказамъ, по крайней мѣрѣ $^3/_4$ силъ и времени писцовъ должны были уходить на разрѣшенiе существенныхъ вопросовъ и разныхъ тонкостей служилаго землевладѣнiя. О сыскѣ бѣглыхъ и призывѣ новыхъ тяглецовъ эти наказы не говорятъ ничего, такъ какъ это было частнымъ дѣломъ самихъ землевладѣльцевъ. Немало статей предусматриваетъ воровство служилыхъ людей, захватъ государевыхъ и чужихъ земель, насилiя и притѣсненiя относительно сосѣдей, межеванiе земель, а собственно тягловые вопросы занимаютъ послѣднее мѣсто.

Приказы не имѣли права собственной властью предпринимать финансовые дозоры и описанiя,—для этого былъ необходимъ указъ государя или приговоръ бояръ. Это было такъ прочно установлено, и на это такъ много указанiй въ изданныхъ мною Актахъ писцоваго дѣла, что я не нахожу нужнымъ подтверждать ссылками и доказывать. Обыкновенно поводомъ къ производству описанiя были болѣе или менѣе настойчивыя челобитья. Когда государь указывалъ произвести описанiе, то одинъ изъ думныхъ дьяковъ или одинъ изъ дьяковъ Челобитнаго приказа, смотря по тому, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ били челомъ челобитчики, помѣчалъ на челобитной государевъ указъ. Когда вопросъ былъ рѣшенъ такимъ образомъ въ принципѣ, то челобитчики отправлялись съ подписной челобитной въ соотвѣтствующiй приказъ, который докладывалъ государю и получалъ отъ него дальнѣйшiе указы[1]).

Не всегда было удобно и цѣлесообразно посылать для описанiя особыхъ людей, и поэтому въ первые годы послѣ Смуты, а изрѣдка и позже, производство описанiй поручалось воеводамъ. Это было проще и быстрѣе, а для населенiя дешевле. Когда дѣло шло о мелкихъ описанiяхъ, напр. о дозорѣ отдѣльной волости, помѣстья, вотчины или мелкаго посада, то приказъ, быть можетъ, имѣлъ право собственной властью поручить его воеводѣ, но вообще вопросъ о томъ, кому именно произвести описанiе, рѣшали государь и бояре. Напр., въ 127 г. по челобитью псковичей, посадскихъ людей, «государь пожаловалъ —

---

[1]) См., напр., въ I т. Ак. п. д. челобитныя, помѣченныя думными дьяками: №№ 8, 12, 54, 73, 84, 85, 88 и 90, и дьяками Челобитнаго приказа: №№ 4 и 45.

велѣлъ послать писцовъ». Этотъ указъ помѣтилъ на челобитной одинъ изъ думныхъ дьяковъ, и челобитная поступила въ Новгородскую четь, которая вѣдала Псковъ сошнымъ письмомъ. Думный дьякъ Ив. Грамотинъ, управлявшій Новгородской четью, получивъ эту челобитную, сначала было помѣтилъ: «послать по дворянина», то-есть попросить Разрядъ прислать дворянина, которому быть писцомъ, но затѣмъ зачеркнулъ это и помѣтилъ: «сказать государю и боярамъ, кого послать писать, или воеводамъ велѣть». Когда черезъ нѣсколько дней псковичи били челомъ вторично, то думный дьякъ чети, быть можетъ зная по словесному докладу волю государя, помѣтилъ на ихъ челобитной произвести дозоръ воеводѣ и дьяку[1]). Еще одинъ подобный случай мы можемъ наблюдать въ дѣлѣ Устюжской чети объ описаніи посада Вязьмы. Въ 153 г. вязьмичи били челомъ государю о дозорѣ посада и о сыскѣ про посадскую землю. На ихъ челобитной думный дьякъ Иванъ Гавреневъ помѣтилъ, что государь указалъ дозрить Вязьму и приказалъ дьяку Устюжской чети выписать все дѣло въ докладъ, между прочимъ и о томъ, «кого послать дозрить и про землю сыскать». Устюжская четь еще не успѣла собрать нужныя для доклада справки, какъ вязьмичи черезъ 6 дней (25 октября) били челомъ государю вторично и просили указать произвести дозоръ мѣстнымъ воеводамъ, — «потому что намъ, сиротамъ твоимъ, нарочнаго дозорщика поить и кормить нечѣмъ». Государь удовлетворилъ челобитчиковъ, а указъ на челобитной помѣтилъ опять Ив. Гавреневъ. Черезъ нѣсколько дней (2 ноября) вязьмичи подали государю третью челобитную, въ которой, вѣроятно узнавъ, что чиновные воеводы дозоровъ не производили, просили грамоты къ стольнику и воеводѣ кн. Ив. П. Пронскому, чтобы онъ поручилъ дозоръ своимъ товарищамъ — С. И. Воейкову и дьяку. На этой челобитной Ив. Гавреневъ помѣтилъ, что государь пожаловалъ вязьмичей и велѣлъ дьяку Устюжской чети дать грамоту къ воеводамъ по ихъ челобитью. По этимъ двумъ помѣтамъ четь поручила дозоръ С. Воейкову и дьяку Д. Прокофьеву и послала имъ наказъ[2]). Дѣйствительно, кн. Ив. П. Пронскій былъ слишкомъ родовитъ и чиновенъ, чтобы заниматься лично дозорами. То же мы видимъ въ приведенномъ выше случаѣ дозора Пскова: въ немъ въ это время служили стольникъ кн. Ив. Ѳед. Троекуровъ, кн. Миронъ Мих. Ше-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 85.
[2]) Тамъ же, II, №№ 214 и 217.

ховской, Сем. Дементьевичъ Яковлевъ и дьяки Сем. Лутохинъ и Никита Дмитріевъ, а дозоръ былъ порученъ кн. М. Шеховскому и послѣднему дьяку[1]).

Рядовые воеводы и приказные люди производили описанія и дозоры посадовъ сами, взявъ съ собой тѣхъ подьячихъ, которые были подъ руками въ съѣзжей избѣ[2]), а въ уѣздъ посылали по своему выбору «кого пригоже». Иногда приказы находили возможнымъ и удобнымъ поручить описаніе въ уѣздѣ самому воеводѣ или приказному[3]), но чаще предписывали послать какого-нибудь мѣстнаго «добраго» дворянина съ подьячимъ «отъ мѣста», т.-е. съ такимъ, который служилъ на какомъ-либо казенномъ мѣстѣ[4]). Можно думать, что воеводы поручали дѣло дѣйствительно «добрымъ» дворянамъ, какъ требовали того приказы. Такъ, въ Суздальскомъ уѣздѣ около 125 г. дозирали Смиряй Казимеровъ, Меньшой Шиловъ и Матвѣй Кротковъ[5]), которые въ разное время служили въ губныхъ старостахъ[6]). Въ Рязанскомъ уѣздѣ въ 126 г. нѣсколько дозоровъ произвелъ осадный голова Род. Бузовлевъ[7]), а въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ первой четверти XVII в. многіе годы отказывалъ, раздѣлялъ и дозиралъ помѣстья и вотчины городовой приказчикъ Юмшанъ Лобановъ[8]). Дозоры мѣстныхъ дворянъ, несомнѣнно, имѣли хорошія стороны, такъ какъ такіе дозорщики были хорошо знакомы съ мѣстными условіями жизни, но въ нихъ были и дурныя стороны: соблазнъ удружить другу и отомстить недругу былъ очень великъ, а провѣрка жалобъ пострадавшихъ для приказа и воеводъ не всегда легко выполнима. Когда дозорщикъ мстилъ недругу и наваливалъ на него непосильное тягло, то казна не страдала, но чаще, повидимому, между нимъ и дозираемыми устанавливались добрыя отношенія, при которыхъ нетрудно было получить

---

1) Ак. п. д., I, № 85. Въ 125 г. кн. Ив. Троекуровъ и дьякъ Ник. Дмитріевъ служили въ Калугѣ, и когда по челобитью калужанъ было велѣно дозрить посадъ, то они поручили дозоръ Ив. Бѣгичеву и подьячему Игн. Пчелину. Тамъ же, № 30.

2) Напр., тамъ же, №№ 9, 11, 24 и 97.

3) Тамъ же, №№ 4, 8, 14 и 26.

4) Тамъ же, №№ 10, 12, 18, 29, 32, 61, 138 и 209.

5) Тамъ же, № 35.

6) В. Борисовъ, Описаніе г. Шуи, стран. 241 и 259. М. 1851 г.

7) Ак. п. д., I, №№ 72 и 78.

8) Арзамасскіе помѣстные акты, изд. подъ ред. С. Веселовскаго, см. по указателю.

большую сбавку въ тяглѣ и завладѣть «великими мѣсты за малыя чети». Къ этому вопросу я вернусь, когда буду описывать послѣсмутные дозоры.

Порядокъ назначенія писцовъ, посылаемыхъ съ Москвы, былъ такой. Извѣстно, что Разрядъ вѣдалъ службой всѣхъ служилыхъ людей, такъ что ни одинъ изъ нихъ не могъ быть назначенъ въ какую бы то ни было посылку безъ прямого назначенія или безъ вѣдома Разряда. Поэтому приказы, получивъ отъ государя указъ произвести описаніе, обращались къ Разряду, который имъ и присылалъ назначенныхъ въ письмо людей. Напр., въ маѣ 133 г. Владимирская четь обращалась къ дьякамъ Разряда: «прислати имъ въ Володимирскую четверть къ дьяку къ В. Юдину 9 человѣкъ дворянъ, а по государеву указу послати ихъ Володимирскія четверти въ городы писать посадовъ». Разрядъ прислалъ черезъ недѣлю списокъ дворянъ, и дьякъ чети размѣтилъ, куда кого послать[1]). Мнѣ неизвѣстно ни одного доклада Разряда государю о томъ, кого именно назначить въ писцы, но, судя по общимъ порядкамъ назначенія на должности, можно думать, что Разрядъ непремѣнно долженъ былъ докладывать государю и получить отъ него соотвѣтствующія приказанія. Такимъ же въ общемъ порядкомъ были назначаемы и товарищи писцовъ — дьяки и подьячіе. Впрочемъ, если подьячій, назначаемый въ письмо, былъ не изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ и служилъ въ томъ же приказѣ, который посылалъ его въ письмо, то дѣло обходилось безъ Разряда.

Интересныя подробности о порядкахъ назначенія писцовъ даютъ акты неудачнаго описанія Устюга. Въ 147 г. посадъ и уѣздъ было велѣно дозрить воеводѣ Мих. Спешневу, въ товарищи къ которому былъ присланъ съ Москвы подьячій Павелъ Давыдовъ. Ссора дозорщиковъ остановила начатый дозоръ, и М. Спешневъ тѣмъ временемъ умеръ. По словамъ одной челобитной П. Давыдова, государь поручилъ дозоръ М. Спешневу, «повѣря его старости, что онъ старъ и на взятки не падокъ»[2]). Судя по тому, что М. Спешневъ уже въ 122—123 гг. былъ воеводой на Мезени[3]), а въ 147 г. при немъ были взрослые

---

[1]) Ак. п. д., I, № 150, и II, № 23. По этому вопросу приказы сносились съ Разрядомъ чаще не памятьми, а краткими памятками, образцы которыхъ есть въ Ак. п. д. См., напр., I, № 84, и II, №№ 54 и 63.

[2]) Прик. д. стар. л., 1646 г. № 154.

[3]) А. П. Барсуковъ, Списки городовыхъ воеводъ, стран. 98.

сыновья, можно думать, что онъ, дѣйствительно, былъ преклоннаго возраста. Послѣ смерти М. Спешнева государь указалъ довершить дозоръ новому устюжскому воеводѣ — Мих. Еропкину. Относительно подьячаго П. Давыдова дьякъ Устюжской чети докладывалъ 3 октября 150 г. государю, и государь указалъ послать другого подьячаго, «потому что онъ, Павелъ, съ М. Спешневымъ писались межъ себя въ посулахъ, и били на него, Павла, устюжане, что-бъ ему у того дѣла не быть»[1]). Взяточничество П. Давыдова не подтвердилось слѣдствіемъ, но очевидно, что ссора со Спешневымъ и жалобы устюжанъ скомпрометировали его въ глазахъ государя. М. Еропкинъ, быть можетъ, имѣя въ виду непріятности, которыя перенесъ отъ дозора М. Спешневъ [2]), уклонялся отъ назначенія. Дьякъ чети 5 дней подъ рядъ посылалъ къ нему на домъ подьячаго, чтобы онъ шелъ поцѣловать крестъ и получить наказъ и грамоты, — «и онъ, Михайло, лежитъ боленъ въ постелѣ, а сказалъ онъ, Михайло, что неможетъ нутреною болѣзнью и въ городъ выѣхать не сможетъ, а какъ де ему будетъ легче, и онъ, Михайло, въ Устюжскую четь.... будетъ». 10-го октября дьякъ чети доложилъ объ этомъ государю, и государь пожаловалъ М. Еропкина — велѣлъ ему быть на воеводствѣ, а отъ дозора по болѣзни освободить, «а велѣлъ послать на Устюгъ въ дозоръ иного дворянина, кому государь укажетъ»[3]). Въ октябрѣ же четь просила Разрядъ прислать, согласно указа государя, подьячаго на мѣсто П. Давыдова, и «прислано изъ Разряда имя подьячаго Никифора Вальцова». Однако, у этого подьячаго были такія же хорошія дипломатическія способности, какъ и писцовыя, и онъ «на Устюгъ Великій не посланъ, а посланъ съ послы въ Датскую землю» [4]). На

---

[1]) Ак. п. д., II, № 141.

[2]) По словамъ П. Давыдова, Мих. Спешневъ стоялъ за лучшихъ людей, которые, видя, что П. Давыдовъ отстаиваетъ интересы казны и мелкихъ людей, «смяли» дозорное дѣло и грозили «сломить» всякаго, кто будетъ продолжать дозоръ не въ ихъ пользу, «хотя во сто тысячъ станетъ». Тамъ же, II, №№ 136—138.

[3]) Тамъ же, № 141.

[4]) Тамъ же, № 142. Передъ этимъ, въ августѣ 147 г., Н. Вальцовъ былъ подьячимъ Новой чети (Р. И. Б., II, стран. 746). По возвращеніи изъ Даніи онъ служилъ въ Аптекарскомъ приказѣ — въ 153 г. подьячимъ въ «дьячье мѣсто», а въ 154—157 гг. дьякомъ (А. И., III, стран. 398 и 494; Ак. юр. б., I, стран. 659 и 664; А. И., IV, стран. 48; Ю. Арсеньевъ, Къ исторіи Оружейнаго приказа, стран. 15. С-Пб. 1904 г.). Одновременно въ 155 г. онъ былъ въ Костромской чети (Р. И. Б., X, стран. 302).

этомъ дѣло остановилось на полгода. Въ апрѣлѣ по просьбѣ чети Разрядъ прислалъ вмѣсто Н. Вальцова подьячаго Вас. Шпилькина, а 5-го іюня государь указалъ по прежнему своему указу довершить дозоръ М. Еропкину, «что онъ, Михайло, въ тѣ поры за немощью отставленъ, и онъ, Михайло, обмогся». Еропкинъ въ это время былъ уже воеводой на Устюгѣ и писалъ оттуда, быть можетъ, опять уклоняясь отъ дозора, что его «изняла скорбь» и что ему не подъ силу не только вѣдать дозорное дѣло, но что и «государевы денежные сборы и всякія расправныя дѣла» за его скорбью стали. Дьякъ чети докладывалъ объ этомъ 13 ноября 151 г. государю, и государь указалъ смѣнить М. Еропкина съ воеводства, а на его мѣсто послать Андрея Волынскаго, которому и довершить дозоръ съ под. В. Шпилькинымъ. Черезъ недѣлю (22 ноября) государь измѣнилъ свой указъ и приказалъ «для того дозорнаго дѣла на Устюгъ Великой послать иного дворянина добра, кого онъ, государь, впередъ укажетъ». Тѣмъ временемъ В. Шпилькинъ, не получавшій на Устюгѣ корма, такъ какъ дозоръ не производился, началъ «помирать голодною смертью», но своевременно по челобитью былъ отпущенъ къ Москвѣ. Послѣ этого четь предписала сдѣлать то, съ чего слѣдовало, собственно, начать, — прислать всѣ дозорныя дѣла и книги къ Москвѣ. Когда они были присланы и разсмотрѣны въ чети, то оказалось, что дозоръ надо не додѣлывать, а производить снова, такъ какъ все сдѣланное было совершенно негодно. По докладу новаго дьяка чети, Мины Грязева, государь 14 іюня 152 г. указалъ отставить эти книги, а на Устюгъ послать «вновь писцовъ съ мѣрою, за крестнымъ цѣлованьемъ». Одновременно государь указалъ, по настойчивымъ челобитьямъ тяглыхъ людей, послать большихъ же писцовъ къ Соли Вычегодской, на Тотьму и въ Устьянскія волости. Очевидно, что послѣдній вопросъ обсуждался у государя въ думѣ, и 6-го и 15-го іюля думный дьякъ Ив. Гавреневъ далъ дьяку М. Грязеву двѣ записки съ именами писцовъ: для посылки къ Соли Вычегодской было написано имя Мих. Ал. Ртищева, на Устюгъ — Лавр. Ѳед. Наумова, а Тотьму велѣно было описать воеводѣ, Филону Аничкову. Обо всемъ этомъ и объ именахъ писцовъ дьякъ М. Грязевъ докладывалъ государю въ комнатѣ 30-го іюля и, вѣроятно, добавилъ словесно, что посылать писцовъ уже поздно. По крайней мѣрѣ государь указалъ не посылать писцовъ, «потому что нынѣ посадовъ и уѣздовъ описать и измѣрить до зимы не успѣть»,

и тяглымъ людямъ въ писцовыхъ кормахъ будутъ лишніе убытки, а послать писцовъ зимнимъ путемъ, чтобы они начали работать съ весны 153 года. Тѣмъ временемъ Лавр. Наумовъ умеръ, и 20 февраля 153 г. дьякъ М. Грязевъ опять докладывалъ государю о писцахъ. Государь указалъ «по прежнему своему государеву указу на Устюгъ и къ Соли Вычегодской послать писцовъ большихъ съ мѣрою къ веснѣ, а о дворянѣхъ, кому быть на Устюгѣ и въ Устьянскихъ волостяхъ, и о дьяцѣхъ или о добрыхъ подьячихъ послать въ Разрядъ память». Государь, какъ видно, не имѣлъ никого въ виду на эти должности и предписалъ чети запросить писцовъ у Разряда. Мих. Ртищевъ, назначенный къ Соли Вычегодской, тоже, повидимому, уклонялся отъ этого назначенія. М. Грязевъ посылалъ за нимъ пристава, но вмѣсто М. Ртищева пришелъ въ четь его сынъ и сказалъ, что отецъ лежитъ боленъ «ломотною болѣзнью, а та де болѣзнь отцу его отъ ранъ», и ѣхать ему къ Соли нельзя. Когда это стало извѣстно государю, то онъ назначилъ 9-го марта къ Соли Богдана Приклонскаго, а на Устюгъ Аѳанасья Толочанова. Это назначеніе было окончательнымъ, а 30-го апрѣля Разрядъ по просьбѣ чети прислалъ 4 подьячихъ, которые должны были быть въ товарищахъ у писцовъ [1]).

Это дѣло прекрасно выясняетъ формальную сторону назначенія писцовъ. Если прибавить, что молодыхъ подьячихъ къ писцамъ, то-есть простыхъ писчиковъ, приказъ назначалъ самъ, безъ доклада государю [2]), то вопросъ будетъ исчерпанъ. Гораздо интереснѣе самое существо вопроса, т.-е. тѣ основанія, которыми руководились государь и Разрядъ, назначая то или иное лицо въ писцы, но о нихъ можно только догадываться, такъ какъ въ источникахъ они не указываются.

Повидимому, взглядъ правительства и самихъ служилыхъ людей на службу въ писцахъ ничѣмъ не отличался отъ взгляда на другія приказныя службы. Письмо, подобно воеводству, было «корыстной», т.-е. доходной, службой, гораздо менѣе почетной и болѣе легкой, чѣмъ ратная или посольская. Мы не видимъ въ писцахъ чиновныхъ и родовитыхъ дворянъ; въ писцахъ служатъ представители низшихъ слоевъ московскаго дворянства и городовые дворяне [3]). Въ письмо

1) Ак. п. д., II, №№ 141—144, 146, 150—152, 154, 155 и 158.

2) Тамъ же, въ томъ же дѣлѣ, №№ 159 и 168.

3) Говоря такъ, я имѣю въ виду описанія первой половины и середины XVII вѣка; въ неудачныхъ описаніяхъ со 192 г. принимало участіе много стольниковъ и другихъ чиновныхъ дворянъ.

не набивались по челобитью, какъ на воеводство, — по крайней мѣрѣ мнѣ не встрѣтилось ни одного подобнаго случая, — и отъ него иногда уклонялись, но не потому, чтобы это была безкорыстная служба, а вѣроятно потому, что она была хлопотливѣе, отвѣтственнѣе и менѣе доходна, чѣмъ воеводство. Въ источникахъ нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы правительство требовало отъ писцовъ какихъ-либо особыхъ качествъ или познаній [1]); всякій добрый, ни въ чемъ дурномъ не ославившійся и не «простой», то-есть не глупый, дворянинъ считался равно пригоднымъ, какъ для письма, такъ и для сыска и своза бѣглыхъ тяглецовъ, постройки городовыхъ укрѣпленій, искорененія разбоевъ и т. п. Конечно, государь и Разрядъ, навѣрное, не упускали случая назначить въ письмо опытнаго человѣка, уже доказавшаго на дѣлѣ свою пригодность къ тому, но, повидимому, такихъ благопріятныхъ случаевъ представлялось немного. Нѣкоторые изслѣдователи, желая защитить писцовъ отъ упрека въ неподготовленности, указывали на то, что нѣкоторыя лица бывали въ писцахъ неоднократно и пріобрѣтали необходимыя познанія путемъ практики [2]). Ю. В. Готье говоритъ, что, благодаря многочисленности описательныхъ работъ, «очень рано, еще въ XVI столѣтіи, выработался особый типъ спеціалиста-писца, удержавшійся до конца XVII вѣка» [3]). Основаніемъ для такого мнѣнія послужилъ несомнѣнный фактъ, что нѣкоторыя лица неоднократно и много лѣтъ работали писцами или дозорщиками въ разныхъ мѣстностяхъ. Такія лица, несомнѣнно, могли пріобрѣсти путемъ практики нѣкоторую опытность, но много ли ихъ было, вотъ въ чемъ вопросъ. Въ настоящее время намъ извѣстно очень большое количество описаній и писцовъ [4]), и все, что извѣстно, даетъ возможность утверждать, что

---

[1]) И здѣсь я говорю объ описаніяхъ до послѣдней четверти вѣка. Изъ актовъ 192—194 гг. (Ак. п. д., III) о назначеніи писцовъ видно, что грамотность писца была признана необходимымъ условіемъ, и дворянъ, оказавшихся неграмотными, Помѣстный приказъ отсылалъ обратно въ Разрядъ.

[2]) См., напр., Н. А. Рожковъ, Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ, стран. 243. Историческіе и соціологическіе очерки, II т. М. 1906 г.

[3]) Замосковный край, стран. 76—77. М. 1906 г.

[4]) См. I и II тт. Ак. п. д., по указателямъ. См. еще I и II тт. Описанія документовъ Арх. М. Ю., по указателямъ къ описанію писцовыхъ книгъ, и Н. Н. Ардашева, Древнѣйшій ст-цъ Помѣстнаго приказа о заготовкѣ приправочныхъ книгъ для писцовъ 7135 г. М. 1909 г.

писцы-специалисты были исключенiемъ, а большинство писцовъ принадлежало къ тѣмъ служилымъ людямъ, которые брались за писцовое дѣло, между военной и разными гражданскими службами, въ первый и послѣднiй разъ въ жизни.

Товарищи писцовъ — дьяки и подьячiе, несомнѣнно, были опытнѣе, и среди нихъ писцы-специалисты встрѣчалися гораздо чаще. Они всегда были людьми грамотными, знакомыми болѣе или менѣе съ приказнымъ дѣлопроизводствомъ, и нерѣдко принимали участiе въ цѣломъ рядѣ описанiй. Многiе изъ нихъ до назначенiя въ писцы сидѣли много лѣтъ въ Помѣстномъ приказѣ или въ финансовыхъ приказахъ. Однако и здѣсь нерѣдки случаи назначенiя въ писцы такихъ людей, которые ни до, ни послѣ этого не имѣли никакого отношенiя къ писцовому дѣлу и, въ частности, къ вопросамъ тягла.

Такимъ образомъ, наблюденiе надъ составомъ писцовыхъ комиссiй даетъ возможность утверждать, что у правительства не было какихъ-либо особыхъ кадровъ людей, нарочно подготовленныхъ и предназначенныхъ для писцоваго дѣла. Если представлялся случай, то въ письмо назначали людей опытныхъ, но чаще такой возможности не было, и люди попадали на эту службу такими же непонятными и кажущимися намъ случайными путями, какъ и на другiя службы. Послѣднее особенно ясно сказывается въ тѣ годы, когда правительство предпринимало одновременно много описанiй и когда особенно сильно долженъ былъ ощущаться недостатокъ въ опытныхъ людяхъ.

Въ литературѣ были указаны случаи неграмотности писцовъ[1]), но, судя по скрѣпамъ писцовъ на подлинныхъ книгахъ и другихъ документахъ, можно утверждать, что это было исключенiемъ, даже въ первой половинѣ XVII вѣка. Гораздо важнѣе отмѣтить случаи поразительнаго невѣжества писцовъ. Ниже, по разнымъ случаямъ, я буду отмѣчать недостатки въ работѣ писцовъ, а здѣсь укажу на одинъ характерный и, быть можетъ, не исключительный случай, случай съ Фокой Ратмановымъ Дуровымъ, посланнымъ въ 131 г. изъ Устюжской чети описывать Тотьму[2]). Этотъ заслуженный дворянинъ[3])

[1]) А. С. Лаппо-Данилевскiй, Организацiя прямого обложенiя, стран. 212. Ср. Ак. п. д., I, № 135.

[2]) Тамъ же, № 118.

[3]) Въ 127 г. онъ былъ четвертчикомъ Устюжской чети съ окладомъ въ 50 руб. Р. И. Б., XXVIII, стран. 692.

въ 126 г. былъ въ объѣзжихъ головахъ на Москвѣ (для береженья отъ огня и для корчемной выимки)[1], въ 127 г. съ дьякомъ Вас. Мартемьяновымъ и выборными москвичами производилъ, для установленія въ Москвѣ цѣнъ на печеный хлѣбъ, «хлѣбную и колачную извѣску»[2], а въ 129 г. съ кн. Мирономъ Шеховскимъ и дьякомъ Постникомъ Колачевымъ описывалъ дворы и дворовыя мѣста въ Каменномъ городѣ въ Москвѣ[3]. При описаніи Тотьмы онъ и его товарищъ, подьячій Евст. Колюпановъ, напутали въ сошкахъ. Когда, лѣтъ 10 спустя, по челобитью тотмичей пришлось исправлять эту ошибку, то Ф. Дуровъ въ разспросѣ прямо заявилъ дьяку Устюжской чети, что «онъ де, Фока, сошнаго письма не знаетъ и класть не умѣетъ»[4]. Говоря такъ откровенно, Ф. Дуровъ, очевидно, былъ убѣжденъ, что такое признаніе нисколько не удивитъ дьяка и не компрометируетъ его, какъ писца. То обстоятельство, что тотемскія книги были утверждены четью и не опорочены послѣ заявленія Ф. Дурова, свидѣтельствуетъ, какъ мнѣ кажется, что четь не считала назначенія его въ писцы ошибкой и не видѣла большой бѣды въ томъ, что онъ не зналъ техники писцоваго дѣла.

Значительная смертность среди писцовъ даетъ основаніе предполагать, что въ писцы назначали людей зрѣлаго и даже преклоннаго возраста. Старикъ М. Спешневъ умеръ, какъ мы видѣли, не окончивъ дозора, а Лавр. Наумовъ, не начиная. На службѣ въ писцахъ умерли: кн. В. Звенигородскій (Двина, около 97 г.)[5], кн. Никифоръ Мещерскій и подьячій Өеоктистъ Тихомировъ (Галичъ, около 136 г.)[6], Юр. Мусинъ-Пушкинъ и подьячій Сидоръ Андреевъ (Вязьма, около 135 г.)[7], Петръ Мансуровъ (Соль Вычегодская, около 132 г.)[8], кн. Мих. Волконскій (Переяславль Залѣсскій, 137 г.)[9], Артемій Лодыгинъ и подьячій Мих. Клементьевъ (Владиміръ, пер-

---

[1]) Разрядныя книги, I, стран. 519.

[2]) Временникъ Общ. Ист., IV кн., Книга, а въ ней писанъ и т. д., стран. 35.

[3]) Разрядныя книги, I, стран. 768.

[4]) Ак. п. д., II, № 102.

[5]) Двинская лѣтопись, стран. 13. Изд. А. Титова. М. 1889 г.

[6]) Арх. М. Ю., Писцов. кн. № 92.

[7]) Тотъ же архивъ, Помѣстн. приказа оклеенный ст-цъ по Вязьмѣ, № 569.

[8]) Ак. п. д., I, № 236.

[9]) Тамъ же, II, № 57.

вый въ 141 г., а второй въ 140 г.) [1]), Алексѣй Лодыженскій (Устюгъ, 188 г.) [2]).

Еще одно наблюденіе, представляющее нѣкоторый интересъ: судя по всему, служба въ писцахъ была вовсе не изъ такихъ, на которой можно было сдѣлать быстро хорошую карьеру. Это равно примѣнимо какъ къ писцамъ-дворянамъ, такъ и къ ихъ товарищамъ — дьякамъ и подьячимъ. Службу въ писцахъ, въ этомъ отношеніи, никакъ нельзя сравнить съ ратной или посольской. Не говоря о дворянахъ, можно указать цѣлый рядъ подьячихъ, получившихъ дьячество и разныя награды за участіе въ посольствахъ, и противопоставить имъ двухъ, насколько мнѣ извѣстно, подьячихъ, получившихъ дьячество за письмо, — Андрея Строева и Ѳедора Витовтова [3]). Если ужъ сравнивать службу въ писцахъ, то правильнѣе всего сравнить ее — для дворянъ съ воеводствомъ и другими подобными «корыстными» службами, а для подьячихъ съ службой въ воеводскихъ товарищахъ «съ приписью» и съ другими подобными приказными службами и посылками [4]). Правда, что въ писцы не напрашивались, какъ на воеводства, но это объясняется скорѣе тѣмъ, что эта служба была безпокойнѣе, отвѣтственнѣе и менѣе прибыльной, чѣмъ особой разборчивостью правительства при назначеніяхъ.

---

[1]) Н. Н. Ардашевъ, Расходные книги и столпы Помѣстнаго приказа, I, стран. 62. М. 1910 г.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., Приказн. дѣлъ новаго разбора № 969, л. 183.

[3]) Андрей Строевъ въ 128 г. дозиралъ Гороховецкій уѣздъ (Ак. п. д., I, стран. 581). Въ концѣ 131 г. онъ былъ посланъ описывать половину Московскаго уѣзда, а когда ихъ книги сгорѣли въ пожаръ 134 г., то въ іюнѣ того же года получилъ наказъ съ Ѳ. Пушкинымъ произвести новое описаніе (Ак. юр. б., III, стран. 36, и Ак. п. д., I, № 215). Въ этомъ письмѣ онъ былъ въ 134—136 гг. и во время него получилъ дьячество (А. А. Э., IV, стран. 26, и Ак. юр. б., II, стран. 423). Въ 137—140 гг. онъ служилъ въ Холопьемъ приказѣ, въ 141—143 гг. въ Томскѣ, а въ 146—153 гг. въ Помѣстномъ приказѣ. Ѳ. Витовтовъ служилъ подьячимъ съ приписью: въ 122 г.—въ Старой Русѣ, въ 124 г.—въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, въ 128 г.— у Соли Камской, въ 129 г.— въ Арзамасѣ. Въ 132 г. онъ былъ на Ельцѣ у городового дѣла, а въ 135—138 гг. съ Мих. Трусовымъ описывалъ Суздаль и Кинешму и во время описанія получилъ дьячество (Ак. п. д., I, № 249, и Опис. докум. Арх. М. Ю., I, 957, 2560—63). Въ 139—142 гг. онъ былъ дьякомъ Каменнаго приказа, а одновременно въ 141 г. упоминается въ Новой чети.

[4]) Въ литературѣ отмѣчены случаи, когда на воеводствѣ сидѣли одновременно или послѣдовательно родственники, напр., отецъ и сынъ. Одинъ такой случай мнѣ извѣстенъ и въ писцовомъ дѣлѣ. Когда Богданъ Унковскій, посланный въ 136 г. описывать Курскій уѣздъ, заболѣлъ, то въ помощь ему былъ назначенъ его сынъ Степанъ, который позже довершилъ работу отца. Ак. п. д., II, № 65.

При изслѣдованіи вопроса о назначеніи писцовъ, слѣдуетъ сказать объ отводѣ ихъ по челобитьямъ заинтересованныхъ лицъ. Писцы не только разрѣшали вопросы тягла, но были и судьями: разбирали многочисленные споры по вопросамъ землевладѣнія и размежевывали владѣнія. Между тѣмъ, по понятіямъ людей XVII в., приказный Шемяка развѣшивалъ на своихъ вѣсахъ правосудіе вовсе не съ завязанными глазами. Наоборотъ, онъ глядѣлъ въ оба и взвѣшивалъ — въ одной чашѣ дарственныя воздаянія тяжущихся, а въ другой государевъ указъ и страхъ государевой опалы. Поэтому люди XVII в. были убѣждены, что достиженіе справедливости при такихъ условіяхъ возможно, въ лучшемъ случаѣ, только тогда, когда истцы были такъ же безразличны для судьи, какъ прошлогодній снѣгъ, но отказывались допустить возможность надлежащей работы приказнаго Шемяки, если онъ состоялъ въ родствѣ, свойствѣ, дружбѣ или недружбѣ съ кѣмъ-либо изъ истцовъ или ихъ родни и друзей. Поэтому отводъ судей и переносъ судныхъ дѣлъ изъ одного приказа въ другой допускались въ широкихъ размѣрахъ. Допускалось это и въ писцовомъ дѣлѣ.

Въ 136 г. въ Помѣстномъ приказѣ было выписано въ докладъ о лицахъ, бившихъ челомъ государю на писца Московскаго уѣзда Өедора Пушкина. Михаилъ и Ив. Алферьевы просили (въ 134 г.) описать ихъ вотчину иному писцу на томъ основаніи, что они сосѣди съ Михаиломъ Пушкинымъ, братомъ Өедора. Стрешневы и Ил. Суминъ просили размежевать ихъ съ кн. Аө. Вас. Лобановымъ-Ростовскимъ иному писцу, такъ какъ «Өедоръ де Пушкинъ бояріну кн. Аөанасью Васильевичу братъ». Романъ Дуровъ просилъ описать его вотчину иному писцу, потому что Ө. Пушкинъ «отцу его врагъ». Сверхъ этихъ случаевъ въ докладъ было выписано, что по челобитью Погожихъ, при описаніи ихъ вотчины, былъ отведенъ по недружбѣ Лавр. Кологривовъ, писецъ другой половины Московскаго уѣзда. Государь, выслушавъ выписки, утвердилъ свои прежніе указы [1]). Въ томъ же году по челобитью Аө. Пропчищева былъ отведенъ по недружбѣ угличскій писецъ Сев. Давыдовъ, и вотчину челобитчика было указано описать кашинскимъ писцамъ [2]). Челобитье 135 г. Гавр. Пушкина

---

[1]) Ак. п. д., II, № 11.

[2]) Тамъ же, примѣчаніе къ № 11.

объ отводѣ при описанiи его вотчины, Касимовскаго уѣзда, писца Петра Воейкова указываетъ причину недружбы: «онъ, Петръ, въ прошломъ во 132-мъ году билъ челомъ тебѣ, государю, о той моей касимовской вотчинкѣ ложно утайкою, и за мною, холопомъ твоимъ, по ихъ ложному челобитью утаеннаго нигдѣ не сыскано». Государь указалъ описать вотчину челобитчика муромскимъ писцамъ[1]). Въ 137 г. Мих. Засѣцкiй билъ челомъ государю на угличскаго писца Северьяна Давыдова: получили де они съ братомъ вотчины дяди своего, Никифора Засѣцкаго, и угличская де ихъ вотчина смежна съ вотчиной вдовы Никифора, Марьи Засѣцкой. Сев. Давыдовъ ему недругъ, такъ какъ по его наученью племянникъ его, Андрей Давыдовъ, бьетъ челомъ на него, Михаила, о помѣстьѣ, «да онъ же Северьянъ положилъ на словѣ, что ему на вдовѣ на Марьѣ жениться, а ей за него иттить. И мстя мнѣ тотъ Северьянъ тое недружбу и норовя сосѣдямъ моимъ, мѣряетъ мои, холопа твоего, деревнишка и пустошенка не противъ твоего государева указа... и во всемъ тотъ Северьянъ въ межеваньѣ и въ мѣрѣ тѣснитъ, и отнимаетъ у меня землю и отдаетъ сосѣдямъ моимъ не дѣломъ по недружбѣ». При такихъ уважительныхъ причинахъ нельзя было отказать, и государь удовлетворилъ челобитчика[2]). Въ томъ же году по челобитью кн. П. Борятинскаго государь указалъ его вотчину, Переяславля Залѣсскаго уѣзда, описать юрьевскому писцу. Кн. П. Борятинскiй не нашелъ нужнымъ объяснять причины недружбы, а просто сказалъ, что переяславскiй писецъ ему недругъ[3]).

Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ слѣдуетъ отмѣтить то, что описывать иному писцу предписывалось только то, что еще не было описано и измѣрено тѣмъ писцомъ, котораго отводилъ челобитчикъ. То же мы можемъ наблюдать и въ судныхъ дѣлахъ вообще: отводъ судей и переносъ уже засуженнаго, то-есть начатаго, дѣла къ другимъ судьямъ и судъ «съ головы» были допускаемы въ видѣ очень рѣдкаго исключенiя.

Понятно, что это характерное для приказнаго строя явленiе въ писцовомъ дѣлѣ представляло значительныя неудобства, такъ какъ писцамъ, получившимъ указъ описать владѣнiе челобитчика,

---

1) Тамъ же, № 4.
2) Тамъ же, № 62.
3) Тамъ же, № 58.

приходилось для этого нарочно ѣздить изъ своего уѣзда въ другой уѣздъ. Тѣмъ не менѣе право отвода просуществовало до послѣднихъ дней сошнаго письма. Въ 189 г. Помѣстный приказъ докладывалъ государю объ отводѣ писцовъ по недружбѣ, и 18-го сентября государь указалъ: «челобитье помѣщиковъ и вотчинниковъ, всякихъ чиновъ людей, которые ему, великому государю, недружбою на писцовъ бьютъ челомъ, отставить». Указъ мотивированъ тѣмъ, что писцамъ, когда они были на отпускѣ у руки государя, былъ сказанъ государевъ указъ «съ великимъ подкрѣпленьемъ», чтобы они «чинили во всемъ по указнымъ статьямъ въ правду»[1]). Несмотря на этотъ указъ, помѣщики и вотчинники продолжали «приносить подписныя челобитныя на писцовъ недружбою, а иные свойствомъ тѣхъ писцовъ къ недрузьямъ ихъ, челобитчиковымъ, что-бъ великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ тѣ ихъ земли писать и межевать инымъ писцамъ». Писцы съ своей стороны писали, что многіе помѣщики и вотчинники оказываютъ имъ сопротивленіе и задерживаютъ писцовое дѣло, и что у нихъ нѣтъ достаточно приставовъ, чтобы бороться съ ослушниками[2]). Извѣстно, что для борьбы съ этимъ и для сыска про «неправое письмо и межеваніе писцовъ» во всѣ города было велѣно послать стольниковъ и «знатныхъ» дворянъ съ дьяками и установить очень суровыя наказанія, какъ для ослушниковъ, такъ и для писцовъ. Указомъ государей, съ боярскимъ приговоромъ, 26 мая 194 г. все это было подтверждено и еще разъ запрещено бить челомъ на писцовъ недружбою при межеваніи земель[3]). Несмотря на всѣ принятыя мѣры, жалобы писцовъ и помѣщиковъ и вотчинниковъ другъ на друга продолжались[4]) и задерживали описанія, которыя и безъ того проходили неудовлетворительно и медленно, при неблагопріятной политической обстановкѣ. Въ мартѣ 196 г. описанія были вторично прерваны, такъ какъ многіе писцы были взяты на службу, и оставался только вопросъ о межеваніи отдѣльныхъ владѣній по особымъ челобитьямъ землевладѣльцевъ. По этому поводу Помѣстный приказъ 31 августа 196 г. докладывалъ государю и боярамъ: допускать ли отводъ межевщиковъ, или по прежнему указу не допускать. Государи указали допускать, но съ огра-

[1]) П. С. З., № 893.
[2]) Тамъ же, № 893,— боярскій приговоръ 26 октября 190 г.
[3]) Тамъ же, № 1189.
[4]) Тамъ же, № 1215.

ниченіемъ, въ которомъ мы узнаемъ старое правило: «которые межевщики по чьему челобитью будутъ посланы, а смежные помѣщики и вотчинники на тѣхъ межевщиковъ учнутъ бить челомъ недружбою, и тѣхъ межевщиковъ, за спорнымъ ихъ челобитьемъ, на тѣ земли не посылать»; если же челобитье будетъ подано послѣ начала межеванья, то челобитчикамъ отказывать, челобитныхъ не принимать и отвода не допускать [1]).

Само собой разумѣется, что при описаніяхъ посадовъ и черныхъ и дворцовыхъ волостей отводъ писцовъ по частнымъ челобитьямъ не примѣнялся, — писцы, дворяне и подьячіе, стояли слишкомъ высоко и далеко отъ черныхъ людей, чтобы между ними можно было допустить недружбу, родство или свойство.

Назначенныхъ въ писцы людей приказъ посылалъ къ духовенству для привода къ присягѣ [2]). Повидимому, и правительство и населеніе придавали большое значеніе крестному цѣлованью [3]), но, насколько оно вліяло вообще на качество работы, сказать, конечно, невозможно. Интересно отмѣтить, что общей присяги для служилыхъ людей въ XVII в. не было, и для каждаго чина или должности существовали особыя крестоприводныя записи. Присяга, по тогдашнимъ понятіямъ, чтобы быть дѣйствительной, должна была непремѣнно содержать опредѣленное перечисленіе важнѣйшихъ возможныхъ злоупотребленій и упущеній по данной службѣ. Съ этой точки зрѣнія писцовыя крестоприводныя, нѣсколько образцовъ которыхъ напечатано въ Актахъ писцоваго дѣла [4]), заслуживаютъ вниманія какъ сжатое перечисленіе слабыхъ сторонъ работы писцовъ.

Послѣ присяги писцы получали, въ той или иной формѣ, словесныя наставленія и внушенія. Относительно дозорщиковъ 127—129 гг. есть указаніе, что государи при отпускѣ имъ «словесно приказывали съ великимъ укрѣпленьемъ, что-бъ они дѣлали правду» [5]). Въ 188 г.,

---

[1]) Тамъ же, № 1312.

[2]) Памяти Устюжской чети духовенству Большого Успенскаго собора о приводѣ ко кресту устюжскихъ, усольскихъ и устьянскихъ писцовъ (31 мая 184 г. и 24 февраля 187 г.), см. въ III т. Ак. п. д. На оборотѣ памятей отмѣтки о приводѣ ко кресту.

[3]) См., напр., Ак. п. д., I, №№ 231 и 237.

[4]) Тамъ же. I, №№ 91, 121 и 152, и II, № 157.

[5]) А. А. Э., III, № 121.

одновременно съ попыткой отмѣнить крестное цѣлованье для таможенныхъ и кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ, была сдѣлана попытка замѣнить его и для межевщиковъ и писцовъ «градскими» наказаніями за «неправое письмо»[1]). Когда въ маѣ 188 г. межевщики были на отпускѣ у государевой руки, то думный дьякъ Ив. Гороховъ сказалъ имъ въ Передней палатѣ именной государевъ указъ: «Межевщики! стольники и стряпчіе и дворяне! Великій государь... велѣлъ вамъ сказать: въ прошлыхъ годѣхъ, какъ были межевщики, и они посыланы за крестнымъ цѣлованьемъ, а нынѣ великій государь указалъ (вмѣсто того)[2]) съ подкрѣпленьемъ вамъ наказать, что-бъ, будучи вамъ у межевого дѣла, чинить во всемъ правду по указнымъ статьямъ, каковы вамъ даны за дьячьею приписью, никому не норовя и не для своихъ корыстей. А будетъ великому государю учинится вѣдомо, кто учинитъ какую неправду дружбою кому или для корыстей, и за то по сыску быть тому, кто не по указу что неправдою учинитъ, въ великой опалѣ и въ жестокомъ разореньѣ, безо всякаго милосердія и пощады, и въ ссылкѣ, а помѣстья и вотчины взяты будутъ безповоротно»[3]). Въ сентябрѣ 189 г. межевщики, послѣ такой же сказки, были по государеву указу отосланы къ патріарху для поученія «отъ заповѣдей церковныхъ»[4]). Въ 192 г. крестное цѣлованье было возстановлено[5]).

Во все время работы на мѣстѣ писцы получали отъ населенія кормы, которые были опредѣлены въ даваемой имъ изъ приказа кормовой грамотѣ. Древнѣйшая извѣстная намъ кормовая грамота это — грамота 97 г. писцу Ржевскаго уѣзда Гр. Ловчикову[6]). Писецъ имѣлъ право получать ежедневно: тушу баранью, 2 курицы, луку и чесноку

---

[1]) П. С. З., № 886. По этому указу, 12 августа 189 г., писцы подлежали наказанью не по Уложенію, а гораздо болѣе строгому: безповоротному лишенію помѣстій и вотчинъ, при чемъ половина ихъ поступала въ раздачу челобитчикамъ, а другая половина — женѣ и дѣтямъ провинившагося писца.

[2]) Эти два слова вставлены въ сентябрьской сказкѣ 189 г. Арх. М. Ю., Помѣстнаго приказа Приказныхъ дѣлъ кн. № 28 (общій № 5052), л. 129 об.

[3]) Тамъ же, л. 81 об.

[4]) Тамъ же, л. 129 об. и далѣе.

[5]) П. С. З., № 1074, статья 70-я. Сверхъ цѣлованья было сохранено наказаніе за неправду, установленное указомъ 12 августа 189 г. См. тамъ же, статью 71-ю.

[6]) А. Юшковъ, Акты, представленные въ Разрядный приказъ, № 244. М. 1898 г.

на 1 деньгу, а сметаны, крупъ, соли, хлѣба и колачей, сколько потребуется. Въ постные дни онъ имѣлъ право получать вмѣсто мяса рыбу, «гдѣ какова рыба лучится, или, счетчи, цѣною противъ мясного дня». Почти такой же по составу и размѣрамъ кормъ получали писцы и въ XVII вѣкѣ. При этомъ товарищи писца получали нѣсколько меньшій, чѣмъ писцы, кормъ, а молодые подьячіе — писчики — еще меньшій. Напр., писцамъ Арзамаса и Нижняго въ 128 г. по государеву указу и боярскому приговору было положено на день: старшему писцу по тушѣ бараньей, по курицѣ и на 2 деньги луку, чесноку и сметаны, «а другое куря и окорокъ для нынѣшнія скудости велѣно отставить»; товарищи писца — дворянинъ и дьякъ — имѣли право получать по полтуши, а остальныхъ припасовъ, какъ старшій писецъ; наконецъ, подьячему съ тремя писчиками, всѣмъ вмѣстѣ, было положено «противъ дьяка». Сверхъ того всѣ писцы и писчики имѣли право получать хлѣбовъ и колачей, «чѣмъ мочно съ людьми сытымъ быть». Въ постные дни писцы имѣли право получать рыбой, «счетчи противъ мясныхъ дней»[1]). Такіе же, въ общемъ, кормы получали и другіе писцы[2]). По соглашенію съ населеніемъ писцы, конечно, могли получать вмѣсто кормовъ деньгами.

Въ 154 г. переписчикамъ по государеву указу было велѣно давать вмѣсто корма деньгами: дворянину по 8 ал. 2 д. на день, а старому и молодымъ подьячимъ всѣмъ вмѣстѣ столько, сколько дворянину, однако писцы, которые въ 171—180 гг. были посыланы изъ Помѣстнаго приказа, получали кормы опять натурой, въ прежнемъ размѣрѣ. Межевщикамъ 182 г. (въ Заоцкихъ городахъ) и переписчикамъ 186 г. было положено вознагражденіе опять деньгами. Новый порядокъ вознагражденія былъ установленъ въ 189 г.: писцамъ Московскаго уѣзда было положено брать «съ тѣхъ людей, чьи земли опишутъ и омежуютъ», съ четверти земли по 2 деньги, изъ которыхъ половину дворянину, а другую половину подьячимъ и приставамъ-стрѣльцамъ. Боярскимъ приговоромъ 17 августа 189 г. эту форму и размѣръ вознагражденія было постановлено примѣнить ко всѣмъ послѣдующимъ

---

[1]) Ак. п. д., I, № 122.

[2]) Кормовыя грамоты см. тамъ же, №№ 40, 43, 94, 105, 155, 215 (стран. 438), 225 и 257 (стран. 543), и II, № 64 (стран. 145). Докладъ 135 г. Помѣстнаго приказа патріарху о кормахъ см. тамъ же, I, № 250. Другіе акты о кормахъ: тамъ же, №№ 127, 194, 200, 252 и 259, и II, № 157.

описаніямъ [1]). Такимъ образомъ, каждый владѣлецъ долженъ былъ платить соотвѣтственно количеству описанной и обмежеванной у него писцами земли. Это, конечно, очень упрощало счеты населенія съ писцами относительно вознагражденія, а у писцовъ, лишавшихся поденнаго корма, пропадало побужденіе затягивать работу, но насколько это оказалось цѣлесообразнымъ на дѣлѣ, мнѣ неизвѣстно. Извѣстно только, что правительство въ этомъ вопросѣ колебалось: указъ 17 апрѣля 191 г. возстановилъ старый порядокъ поденнаго вознагражденія [2]), но указъ 8 іюня того же года вернулся къ боярскому приговору 17 августа 189 г.[3]) и былъ внесенъ въ писцовый наказъ 192 г.[4]).

Сверхъ кормовъ населеніе должно было давать писцамъ дворы, гдѣ стоять и работать, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, сторожей, необходимыя письменныя принадлежности и, наконецъ, подводы для разъѣздовъ по уѣзду [5]).

Теперь, если прибавить, что подьячіе, взятые въ письмо «отъ мѣстъ», то-есть изъ приказовъ или съ какой-нибудь другой государевой службы, имѣли нѣкоторую возможность получить жалованье, каждый разъ по особому челобитью [6]), изъ приказа, въ свой окладъ, то вопросъ о вознагражденіи писцовъ будетъ исчерпанъ.

Описанные выше кормы могутъ показаться, на первый взглядъ, не особенно обременительными для населенія, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что описанія иногда затягивались на нѣсколько лѣтъ, что писцы, дворяне и подьячіе съ писчиками, отправлялись въ письмо съ женами, дѣтьми и многочисленной дворней и что населеніе должно было давать имъ хлѣба и колачей въ неограниченномъ количествѣ — «чѣмъ мочно съ людьми сытымъ быть». Ко всему этому надо прибавить обычныя приказныя взятки и незаконные поборы. Поэтому понятно, что населеніе выражало иногда желаніе сократить, тѣмъ или инымъ путемъ,

---

[1]) П. С. З., № 889. Въ наказныхъ статьяхъ (тамъ же, № 890, статья 30) пояснено, что четь земли слѣдуетъ понимать въ 3 поляхъ — «съ чети по деньгѣ съ одного поля, а съ двухъ поль не имать».

[2]) П. С. З., № 1005. См. этотъ указъ въ наказѣ 20 мая 191 г. межевщикамъ. Тамъ же, № 1013.

[3]) Тамъ же, № 1019.

[4]) Тамъ же, № 1074, статья 76.

[5]) См., напр., Ак. п. д., I, №№ 117, 118 и 200, и II, № 187. Въ 189 и 191 гг. было опредѣлено сбирать на канцелярскіе расходы «со ста чети по гривнѣ». П. С. З., №№ 890 (статья 30) и 1005.

[6]) См., напр., Ак. п. д., I, №№ 235 и 236, и II, №№ 16, 45, 72 и 99.

падающія на него жертвы. Напр., въ 131 г. псковичи били челомъ государю и просили послать къ нимъ «валового писца съ мѣрою, а не дозорщика», и государь указалъ послать двухъ дворянъ и дьяка. Тогда они били челомъ вторично и просили государей — «велите быти въ писцѣхъ дворянину да съ нимъ дьяку, для порубежья и нашія бѣдности, что мѣсто пустое, разоренное, что-бъ крестьянцы бѣдные достальные отъ кормовъ вконецъ не погибли и розно не розбрелися»[1]). По этой же причинѣ населеніе иногда просило поручить описаніе не особымъ лицамъ, а мѣстнымъ приказнымъ. Повидимому, однако, приказы относились къ такимъ просьбамъ отрицательно и принимали съ своей стороны другія мѣры: угрозами наказаній и опалы побуждали писцовъ не медлить описаніемъ, вызывали ихъ на зиму, когда досмотръ и межеванье земель приходилось пріостанавливать, въ Москву, а въ исключительныхъ случаяхъ опредѣляли въ кормовой грамотѣ срокъ, въ теченіе котораго писцы могли получать кормъ[2]).

Предписанія не медлить въ работѣ для своей корысти мы встрѣчаемъ въ каждомъ наказѣ. Сверхъ этого Устюжская четь въ наказѣ 153 г. усольскимъ писцамъ дѣлала такое характерное внушеніе: «А однолично писцамъ у Соли Вычегодской посадъ и уѣздъ писать безъ замотчанія вскорѣ, для своей корысти и для кормовъ у Соли долгаго времени не жить, не такъ, какъ прежніе писцы писали года по 3 и по 4 и жили у Соли съ женами и съ дѣтьми прохладомъ и тѣмъ мірскимъ людямъ учинили своими большими расходы скудость»[3]).

Есть одно указаніе, что въ XVI вѣкѣ описательныя работы зимой были пріостанавливаемы[4]). При описаніяхъ 20—30-хъ годовъ Помѣстный приказъ пріостанавливалъ работы на зиму во всѣхъ городахъ своего вѣдомства. Осенью 136 г. (14 октября) государь указалъ Помѣстному приказу разослать писцамъ грамоты съ указомъ: «какъ снѣгъ падетъ, и писцамъ, которымъ посадовъ не писать, указалъ государь ѣхати къ Москвѣ, что-бъ уѣзднымъ людямъ отъ писцовъ продажи не было въ кормахъ». Воеводамъ были посланы одновременно грамоты, чтобы

---

[1]) Ак. п. д., I, № 119.

[2]) См. такой случай въ 135 г. при вторичномъ описаніи Вязьмы. Тамъ же, №№ 225 и 226.

[3]) Тамъ же, II, № 183.

[4]) Случай 7050 г., описаніе Каширы. А. Ѳедотовъ-Чеховскій, Акты гражданской расправы, I, стран. 105.

они высылали писцовъ[1]). Такіе же указы повторялись и въ послѣдующіе годы[2]). При описаніи Устюга государь указалъ въ 154 г. (въ декабрѣ) вызвать писцовъ въ Москву, — «для того что по нашему указу въ городахъ зимою писцы не пишутъ, потому что земля снѣгомъ запала, и гдѣ какая земля, добрая-ль или середнея, того не знать»[3]).

Перерывъ описанія на зиму, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда писцы должны были описывать не одинъ уѣздъ, но и посадъ, представлялъ нѣкоторыя неудобства. Дѣло въ томъ, что кромѣ досмотра, измѣренія и межеванія земель у писцовъ было много другихъ работъ: они судили въ земельныхъ дѣлахъ, разсматривали множество представляемыхъ имъ грамотъ и земельныхъ крѣпостей и справляли по нимъ въ своихъ книгахъ владѣнія, много должны были поработать по различнымъ вопросамъ оброчнаго и сошнаго тягла и, наконецъ, исполнить сложныя работы по окончательному составленію и написанію книгъ. Все это было удобнѣе, во многихъ отношеніяхъ, производить на мѣстѣ, а не въ Москвѣ. Наконецъ, проѣзды въ Москву и обратно изъ дальнихъ городовъ сами по себѣ были дѣломъ хлопотливымъ и дорогимъ. Этимъ, очевидно, объясняется, что перерывъ описаній на зиму вовсе не былъ общимъ правиломъ и примѣнялся преимущественно Помѣстнымъ приказомъ, который вѣдалъ описанія только уѣздовъ и большинство городовъ котораго было сравнительно близко къ Москвѣ.

Огромное большинство послѣсмутныхъ дозоровъ было произведено дозорщиками и воеводами безъ наказовъ. Произошло это вовсе не потому, что приказы не находили пользы въ подробныхъ наказахъ, а вслѣдствіе поспѣшности, съ которой приходилось производить дозоры, и многочисленности дозоровъ отдѣльныхъ владѣній (особныхъ дозоровъ). Вмѣсто наказовъ приходилось давать дозорщикамъ или посылать къ воеводамъ указныя грамоты съ краткими и общими наставленіями, какъ дозирать[4]). Позже, въ 127 г., правительство приписывало часть злоупотребленій и ошибокъ дозорщиковъ отсутствію у нихъ подроб-

---

[1]) Ак. п. д., II, №№ 5, 18 и 20.
[2]) Тамъ же, №№ 44, 68 и 84.
[3]) Тамъ же, № 172.
[4]) См., напр., тамъ же, I, №№ 4, 8—12, 14, 15, 18, 24, 42, 46 и 61.

ныхъ наказовъ и, рѣшивъ «обновить Землю» писцами и дозорщиками, постановило давать имъ «полные наказы, чтобы они описали и дозрили всѣ городы въ правду безъ посуловъ»[1]). Дѣйствительно, со 127 г. правительство могло удѣлять больше времени и вниманія описаніямъ, и писцы и дозорщики стали получать большіе, старательно составленные наказы. Съ теченіемъ времени наказы становятся все подробнѣе и разрастаются въ огромныя инструкціи, раздѣленныя на множество статей[2]). Въ виду важности наказовъ для исторіи писцоваго дѣла, слѣдуетъ разсмотрѣть порядокъ ихъ составленія и общее значеніе. Что же касается подробностей и частныхъ предписаній, то сейчасъ я не буду говорить о нихъ, такъ какъ мнѣ придется не разъ обращаться къ нимъ позже при изслѣдованіи частныхъ вопросовъ писцоваго дѣла.

Писцы получали наказъ изъ того приказа, который вѣдалъ данный городъ писцовымъ отпускомъ. Если другіе приказы поручали тѣмъ же писцамъ описать что-либо изъ ихъ вѣдомства, то они давали отъ себя особые наказы или болѣе или менѣе подробныя указныя грамоты. Такъ, въ 134 г. Помѣстный приказъ отпустилъ писцовъ въ Можайскій и Верейскій уѣзды, «а изъ Устюжскія четверти тѣмъ же писцамъ данъ наказъ, а велѣно имъ описать и измѣрить въ Можайскѣ посадъ» [3]). Въ 135 г. Костромская четь запрашивала Помѣстный приказъ, кого онъ посылаетъ описывать Торопецкій уѣздъ, и просила тѣхъ писцовъ прислать въ Костромскую четь, «для того что тѣмъ писцамъ изъ Костромскія чети по государеву указу дадутъ имъ наказъ Торопецкой посадъ писати»[4]). Въ томъ же году Помѣстный приказъ просилъ Посольскій прислать къ нему писцовъ земель Касимовскаго царя, которымъ по государеву указу было велѣно описать помѣстныя и вотчинныя земли Касимовскаго уѣзда, такъ какъ «государевъ наказъ о помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ дадутъ имъ изъ Помѣстнаго

---

[1]) С. Г. и Д., II, № 47. То же въ грамотѣ къ Соли Вычегодской — Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 10, лл. 388 об.—395.

[2]) Устюжскій наказъ 12 мая 184 г. содержитъ, кромѣ большого предисловія, 72 статьи. Ак. п. д., III т. Апрѣльскій наказъ 192 г., данный изъ Помѣстнаго приказа, состоитъ изъ 77 статей. П. С. З., № 1074. Въ 194 г. къ нему были даны дополнительныя статьи. Тамъ же, № 1178.

[3]) Ак. п. д., I, № 260.

[4]) Тамъ же, № 259. Такую же справку относительно костромскихъ писцовъ см. тамъ же, № 252.

приказа»[1]). Ямской приказъ въ томъ же 135 году сообщалъ Помѣстному, что государь указалъ описать ямскія земли въ разныхъ городахъ тѣмъ же писцамъ, которыхъ Помѣстный приказъ отпускалъ описывать уѣзды, — «а свои государевы указныя грамоты о ямскихъ земляхъ послать къ писцамъ изъ Ямского приказа»[2]).

Въ такихъ случаяхъ каждый приказъ самостоятельно руководилъ работой писцовъ, и писцы подавали книги своего письма въ разные приказы порознь. Напр., путивльскіе писцы (135—137 гг.) подали книги: въ Помѣстный приказъ — «помѣстнымъ и вотчиннымъ землямъ», въ приказъ Большого Дворца — «оброчнымъ ухожьямъ бортнымъ и сошнымъ пашнямъ и сѣннымъ покосамъ», въ Стрѣлецкій приказъ — «стрѣлецкимъ и казачьимъ землямъ» и, наконецъ, въ Галицкую четь — «переписныя путивльскихъ посадскихъ людей»[3]). На это обстоятельство слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ какъ оно имѣетъ значеніе при изслѣдованіи происхожденія дошедшихъ до насъ писцовыхъ книгъ. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе указаннаго раздѣленія писцоваго дѣла между приказами судьба книгъ однихъ и тѣхъ же писцовъ могла быть различной. Такъ, по докладу Устюжской чети государи признали негодными посадскія книги можайскихъ писцовъ Н. Неплюева и подьячаго А. Берестова и указали произвести новое описаніе посада Можайска[4]), а уѣздныя книги тѣхъ же писцовъ Помѣстнымъ приказомъ были одобрены. Съ книгами писцовъ Юрьева Польскаго, Ѳ. Скрябина съ товарищами, произошло обратное: ихъ книги уѣзда были опорочены и отставлены, а книги посада признаны удовлетворительными и утверждены[5]).

Пріемы изготовленія наказовъ были такіе же, какъ и другихъ приказныхъ актовъ. Младшіе подьячіе подъ руководствомъ одного изъ старшихъ составляли черновикъ, который поступалъ на просмотръ къ дьяку. Дьякъ просматривалъ черновикъ и «чернилъ» его, т.-е. исправлялъ, гдѣ находилъ нужнымъ, и возвращалъ подьячимъ

---

[1]) Ак. п. д., I, № 256, а самый наказъ — № 261.

[2]) Тамъ же, № 249.

[3]) Расходные книги и столпы Помѣстнаго приказа, I, стран. 28. Изд. подъ ред. Н. Н. Ардашева. М. 1910 г.

[4]) Ак. п. д., I, № 260, и II, № 39.

[5]) Ю. В. Готье, Замосковный край, стран. 69. О томъ, что посадскія книги были утверждены, см. въ приходныхъ книгахъ Галицкой чети, напр., въ книгѣ 152 г. Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 261.

для переписки набѣло. Справный подьячій свѣрялъ бѣловикъ съ исправленнымъ дьякомъ черновикомъ и на оборотѣ послѣдняго листа свидѣтельствовалъ своей подписью точность списка и исправность акта вообще: справилъ подьячій имярекъ. Дьякъ скрѣплялъ наказъ на оборотѣ по склейкамъ своей подписью и отсылалъ въ Печатный приказъ для приложенія къ нему печати. Изготовленный такимъ образомъ наказъ поступалъ, наконецъ, въ руки писцовъ.

Главное содержаніе наказовъ было почерпаемо изъ повседневной дѣятельности приказовъ. Если взять любой наказъ и разсмотрѣть его, сличая съ другими текущими дѣлами приказовъ, то мы найдемъ въ немъ цѣлый рядъ статей, которыя въ однообразныхъ выраженіяхъ содержатъ принятыя во всѣхъ приказахъ правила и пріемы управленія. Таковы, напр., статьи объ отдачѣ на оброкъ и въ тягло пустыхъ дворовъ, земель и угодій, общія предписанія объ отдѣлѣ помѣстій, о сыскѣ и вывозѣ бѣглыхъ тяглецовъ и т. п. Всѣ эти и подобныя имъ статьи, равно какъ и общія наставленія писцамъ, какъ работать, подьячіе черпали, конечно, не непосредственно изъ текущаго дѣлопроизводства, а изъ старыхъ «отпусковъ», т.-е. изъ черновиковъ старыхъ наказовъ и изъ другихъ писцовыхъ дѣлъ. Напр., въ устьрѣцкомъ наказѣ 127 г. есть указанія на заимствованія изъ недошедшаго до насъ наказа дозорщикамъ Сумерскихъ волостей Старорусскаго уѣзда[1]), въ вологодскомъ посадскомъ 135 г. — изъ наказа 131 г. для описанія Вел. Новгорода[2]), въ гороховецкомъ 135 г. — изъ вологодскаго того же года [3]); въ наказѣ того же года изъ Помѣстнаго приказа писцамъ Суздальскаго уѣзда одна статья взята, несомнѣнно, изъ бѣлогородскаго наказа [4]); можайскій наказъ 136 г. въ значительной части списанъ дословно съ вяземского наказа 135 года [5]).

Мнѣ не встрѣтилось ни одного случая, когда одинъ приказъ запрашивалъ бы у другого текстъ наказа, чтобы взять его за образецъ, но думаю, что такіе случаи бывали. На это предположеніе наводитъ

---

[1]) Ак. п. д., I, № 84.
[2]) Тамъ же, № 257. Ср. тамъ же, № 104.
[3]) Тамъ же, № 264. Ср. тамъ же, № 257.
[4]) Тамъ же, II, № 1.
[5]) Тамъ же, № 39.

близкое сходство цѣлаго ряда статей нѣкоторыхъ наказовъ, данныхъ въ разное время изъ разныхъ приказовъ [1]).

Каковы бы ни были заимствованія изъ старыхъ наказовъ или изъ наказовъ, взятыхъ въ другихъ приказахъ, но въ общемъ каждый писцовый наказъ, особенно первой половины XVII в., имѣетъ свои бóльшія или меньшія особенности. Въ каждомъ приказѣ были свои образцы и источники, которыми онъ пользовался совершенно самостоятельно, и это налагало печать на наказы. Приказные порядки въ общемъ, конечно, довольно однообразны, но когда мы изучаемъ близко дѣлопроизводство разныхъ приказовъ, то быстро замѣчаемъ, что въ каждомъ изъ нихъ были свои традиціонныя особенности порядковъ и письмоводства, которыя налагали печать на всѣ акты, исходившіе изъ приказа, въ томъ числѣ и на наказы. Напр., наказы Устюжской и Новгородской четей настолько же полнѣе, яснѣе и толковѣе наказовъ Владимирской чети, насколько дѣлопроизводство первыхъ двухъ приказовъ выше дѣлопроизводства послѣдняго. Но и наказы одного и того же приказа всегда отличаются другъ отъ друга, то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ. Часть особенностей вносили сами подьячіе, глядя по дѣлу и по обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая, а большую часть вносили сами дьяки. Сличая черновики двухъ наказовъ въ Каргополь (127 и 128 годовъ), можно видѣть, какъ внимательно дьякъ Новгородской чети [2]) чернилъ ихъ, внося то стилистическія поправки, то измѣненія по существу [3]).

Когда при составленіи наказа возникали какіе-нибудь вопросы, или когда приказъ сомнѣвался относительно той или иной статьи прежнихъ наказовъ, которые служили образцомъ, то онъ либо справлялся объ этомъ въ другихъ приказахъ, либо докладывалъ государю.

Такъ, въ 131 г. думный дьякъ Новгородской чети Ив. Грамотинъ, просматривая и исправляя черновикъ псковскаго наказа, усумнился, стоитъ ли поручать писцамъ сыскъ про земли, которыя въ XVI в. были въ опричнинѣ, а позже безъ государева указа были захвачены старыми вотчинниками, и помѣтилъ на поляхъ противъ этой статьи:

---

[1]) Ср., напр., наказъ 131 г. изъ Новгородской чети псковскимъ писцамъ съ наказомъ 134 г. изъ Помѣстнаго приказа московскимъ писцамъ. Ак. п. д., I, №№ 120 и 215.

[2]) Думный дьякъ Ив. Грамотинъ.

[3]) Ак. п. д., I, №№ 89 и 90.

«написать въ докладъ». Подьячіе составили докладъ, и по докладу государи указали «не писать того въ наказъ, ... потому что застарѣло» [1]). Для приказнаго строя вообще и для составленія наказовъ въ частности очень характерно то, что эта статья, выкинутая по государеву указу изъ псковскаго наказа, была удержана въ наказахъ, данныхъ позже изъ Помѣстнаго приказа [2]).

Устюжская четь, составляя въ 152—153 гг. наказы писцамъ Устюга и Соли Вычегодской, отнеслась къ своей задачѣ весьма внимательно. Въ основу наказовъ она положила наказъ 131 г. [3]) и прибавила сверхъ того цѣлый рядъ новыхъ статей, частью по челобитью населенія, частью по собственному почину [4]). Усольцы били челомъ государю о томъ, что писцы 131—134 гг. положили ихъ слишкомъ тяжело въ выти, и просили положить ихъ въ большія сохи, а малыя неравныя сошки отставить. По этой челобитной государь указалъ составить докладъ и доложить ему, «какъ учнутъ наказъ писать». Устюжская четь составила 2 доклада, но по неизвѣстной причинѣ они не были доложены государю. Такъ какъ сольвычегодцы въ своей челобитной ссылались на Вятку и Пермь, гдѣ малыхъ сошекъ не было, то Устюжская четь запросила Новгородскую, какъ по описаніямъ 129—137 гг. положены въ сошное письмо и какіе налоги платятъ тяглые люди на Двинѣ, въ Каргополѣ, на Вяткѣ и у Выми Яренской. Не получивъ указа государя по докладу о малыхъ сошкахъ, Устюжская четь изложила въ наказѣ усольскимъ писцамъ челобитье усольцовъ и предписывала имъ сыскать, почему и для чего существуютъ малыя сошки и нужны ли онѣ впредь, — «а разсмотря то все писцамъ.... о томъ о всемъ писати къ государю. . . . . къ Москвѣ въ Устюжскую четь, и по тѣмъ ихъ отпискамъ государевъ указъ будетъ» [5]). Для образца и свѣдѣнія, какъ положены въ сошное письмо города Новгородской чети, Устюжская четь вписала въ наказъ цѣликомъ отвѣтную память Новгородской чети.

По поводу устройства на Устюгѣ стрѣльцовъ въ особую слободу, Устюжская четь справлялась въ Стрѣлецкомъ приказѣ: «на Москвѣ

---

[1]) Тамъ же, I, стран. 254—255.

[2]) См., напр., тамъ же, I, № 215 (стран. 431), и II, № 1 (стран. 9).

[3]) Тамъ же, I, № 115—устюжскій наказъ.

[4]) Тамъ же, II, №№ 177—182. Усольскій наказъ — тамъ же, № 183, а устюжскій — № 184.

[5]) Тамъ же, № 183.

московскимъ и въ городахъ городовымъ стрѣльцамъ подъ дворы по государеву указу по сколько саженъ земли велѣно давать?»[1]). Стрѣлецкій приказъ отвѣтилъ, и Устюжская четь вписала отвѣтъ Стрѣлецкаго приказа въ наказъ, не придавая, однако, ему обязательнаго для писцовъ значенія: писцы должны были дать стрѣльцамъ земли «всѣмъ ровно, почему пригоже и какъ мірскіе люди приговорятъ»[2]).

По вопросу о тяглѣ торговыхъ людей Гостиной сотни и ихъ дѣтей, о бѣломѣстцахъ и вообще о людяхъ, разными путями уклоняющихся отъ тягла, Устюжская четь справлялась въ Сыскномъ приказѣ, въ приказѣ Большого Дворца, на Казенномъ Дворѣ и въ Новгородской чети и выписала государю въ докладъ различные указы, частью противорѣчившіе другъ другу, которые были сообщены ей этими приказами. Сверхъ этого Устюжская четь прибавила въ докладъ изъ извѣтной челобитной устюжскаго дозорщика П. Давыдова вопросъ о торговыхъ людяхъ, которые живутъ въ уѣздахъ и ведутъ большую торговлю, а тягло тянутъ только съ земли. Государь выслушалъ этотъ докладъ (19 апрѣля 153 г.) и далъ указъ, который и былъ внесенъ въ наказъ писцамъ[3]).

Болѣе подробный разборъ устюжскаго и усольскаго наказовъ 153 г. даетъ возможность сдѣлать еще цѣлый рядъ наблюденій относительно составленія наказовъ, но я ограничиваюсь вышеприведенными замѣчаніями, такъ какъ для пониманія формальной стороны дѣла они вполнѣ достаточны, а изслѣдованіе этого вопроса по существу сводится къ изслѣдованію исторіи правовыхъ нормъ вообще и выходитъ далеко за предѣлы вопроса о составленіи наказовъ.

Интересно отмѣтить, что съ теченіемъ времени писцовые наказы становятся все болѣе и болѣе однообразными. Напр., всѣ наказы 20—30-хъ годовъ, данные изъ Новгородской чети, отличаются, иногда очень значительно, другъ отъ друга. Устюжскій и сольвычегодскій наказы 153 г., при близкомъ сходствѣ во многихъ статьяхъ, имѣютъ цѣлый рядъ особыхъ статей. Наказы же этихъ городовъ 184—185 гг. уже статья въ статью и слово въ слово одинаковы. Наказъ изъ Устюжской же чети 24 февраля 187 г. писцамъ Устьянскихъ волостей

¹) Ак. п. д., II, № 179.
²) Тамъ же, № 183.
³) Тамъ же, №№ 137, 177, 178 и 182.

списанъ буквально съ устюжскаго наказа 184 г., при чемъ вычеркнуто только то, что касалося посада, такъ какъ въ Устьянскихъ волостяхъ его не было[1]). Нельзя сказать, чтобы это однообразіе наказовъ было вполнѣ вѣрнымъ отраженіемъ растущаго, съ теченіемъ времени, однообразія порядковъ управленія и тягла. Послѣднее обстоятельство имѣло, конечно, большое значеніе, но несомнѣнно также и то, что въ этихъ развивавшихся шаблонахъ сказалась бюрократизація приказнаго строя управленія, который въ погонѣ за простотой и однообразіемъ нормъ отдалялся отъ жизни, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опережалъ ее и брался иногда навязывать ей то, что было совершенно неумѣстно или несвоевременно. Напр., въ устюжскомъ наказѣ 184 г. и въ усольскомъ 185-го есть статьи, заимствованныя, несомнѣнно, у Помѣстнаго приказа[2]) и совершенно ненужныя при описаніи этихъ уѣздовъ, въ которыхъ ни раньше, ни позже никогда не было помѣстныхъ и вотчинныхъ земель.

Обсужденіе и изготовленіе наказовъ писцамъ, которыхъ со 189 г. посылалъ Помѣстный приказъ, представляетъ очень любопытный вопросъ, не столько впрочемъ въ исторіи сошнаго письма, сколько въ исторіи законодательства. Къ сожалѣнію, сохранившіеся и извѣстные до сихъ поръ по этому вопросу источники весьма недостаточны. Очень многое не вошло въ Полное Собраніе Законовъ, а то, что вошло, напечатано не вполнѣ исправно и, что еще хуже, въ выдержкахъ или отрывкахъ. Архивные источники, по крайней мѣрѣ тѣ, которые были уже извѣстны въ литературѣ [3]) и которые найдены мною, тоже неполны и дошли до насъ въ довольно безпорядочномъ видѣ. Чѣмъ объясняется послѣднее, неизвѣстно, но едва ли можно сомнѣваться, что это именно обстоятельство повліяло неблагопріятно на работу редакторовъ Полнаго Собранія Законовъ. Возможно, что въ будущемъ удастся найти всѣ необходимые по этому вопросу источники, а пока я обращу вниманіе читателя на одинъ цѣнный документъ, который будетъ напечатанъ въ III томѣ Актовъ писцоваго дѣла.

---

[1]) Устюжскій наказъ данъ 12 мая 184 г., а сольвычегодскій—30 іюля 185 г. Будутъ напечатаны въ III т. Ак. п. дѣла.

[2]) Таковы, напр., 39—40 статьи о завладѣніи помѣстными крестьянами бортными ухожьями.

[3]) Послѣдняя работа по этому вопросу принадлежитъ В. Н. Седашеву: Очерки и матеріалы по исторіи землевладѣнія Московской Руси въ XVII вѣкѣ. М. 1912 г.

Въ одной изъ книгъ «Приказныхъ дѣлъ» Вотчиннаго архива содержится списокъ, довольно неисправный и небрежный, съ доклада 191 г. государямъ по вопросу о наказѣ писцамъ, которыхъ предполагалось послать во всѣ города[1]). Собственно это не докладъ, а группа докладовъ и отрывковъ изъ докладовъ. Куда дѣлись подлинные доклады и почему Помѣстный приказъ не сдѣлалъ съ нихъ исправнаго и полнаго списка, неизвѣстно. Несмотря на дефекты, этотъ источникъ заслуживаетъ большого вниманія, какъ по содержанію, такъ и потому, что изъ него мы узнаемъ объ одномъ очень интересномъ эпизодѣ исторіи писцоваго дѣла и, въ частности, составленія наказовъ.

24 ноября 190 г. государь указалъ боярину кн. В. В. Голицыну съ товарищами «вѣдать ратныя дѣла для лучшаго своихъ государевыхъ ратей устроенія и управленія, а съ нимъ, бояриномъ, со кн. Васильемъ Васильевичемъ у того дѣла быти выборнымъ, и стольникамъ и генераламъ, и стольникамъ же и полковникамъ, рейтарскимъ и пѣхотнымъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и жильцамъ, и городовымъ дворянамъ же и дѣтямъ боярскимъ». Извѣстно, что однимъ изъ дѣяній этого собора служилыхъ людей было уничтоженіе, въ январѣ, мѣстничества[2]). Неизвѣстно, по указу ли государя или по почину выборныхъ, соборъ вышелъ изъ предѣловъ обсужденія ратныхъ дѣлъ и въ мартѣ 190 г. обсуждалъ уже и «земскія» дѣла: по челобитью выборныхъ, «которые сидятъ въ палатѣ для ратныхъ и земскихъ дѣлъ», государь 26-го марта далъ указъ объ отводѣ земли подъ усадьбы[3]). Изъ найденнаго мною дѣла 191 г. мы узнаемъ, что ранѣе этого, въ февралѣ или въ первыхъ числахъ марта 190 г., выборнымъ была предложена на обсужденіе значительная часть всего законодательства о помѣстьяхъ и вотчинахъ. По государеву указу выборные обсуждали въ Столовой палатѣ ненапечатанныя въ Полномъ Собраніи Законовъ и до сихъ поръ не найденныя статьи 189 г., «по которымъ были даны наказы и отпущены въ городы писцы»[4]). Московскіе чины

---

[1]) Арх. М. Ю., кн. № 43, общій № 5069, лл. 1—98.

[2]) П. С. З., № 905. Одновременно съ этимъ были созваны и работали, подъ предсѣдательствомъ того же боярина кн. В. В. Голицына, по вопросамъ тягла (для равненія въ службахъ и въ тяглѣ), такъ называемые, «двойники»— «по 2 человѣка самыхъ лучшихъ и добрыхъ и знающихъ къ тому дѣлу людей» отъ московскихъ и городовыхъ тяглыхъ людей. Тамъ же, № 899.

[3]) П. С. З., № 908.

[4]) Въ 189 г. писцы были посланы въ очень немногіе города.

и выборные дѣлились на 2 группы: во главѣ одной стоялъ стольникъ кн. Андрей Хованскій, а во главѣ другой — стольникъ кн. Ив. Голицынъ. Отдѣльно въ докладѣ упоминаются въ двухъ случаяхъ челобитья городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Выборные слушали наказъ 189 г. постатейно и подавали свои мнѣнія порознь. Иногда ихъ мнѣнія сходились. Напр., по 1-й статьѣ, о вотчинахъ духовенства и монастырей, «стольники князь Иванъ Голицынъ, князь Андрей Хованскій съ товарищи говорили: быть по прежнему». Когда рѣчи выборныхъ расходились, то онѣ записаны порознь. Напр., по статьѣ о вотчинахъ, на которыя не будетъ положено крѣпостей, кн. И. Голицынъ съ товарищами «говорили: быть по прежнему. А князь Андрей Хованскій съ товарищи говорили: тѣ вотчины отписывать на великаго государя до его, великаго государя, указа» . . . . .

Въ томъ же году, вѣроятно вскорѣ послѣ обсужденія статей выборными, «марта въ 7-й да въ 15-й день по указу блаженныя-жъ памяти великаго государя тѣхъ наказныхъ статей и выборныхъ рѣчей слушали бояре и говорили, которыя статьи въ наказъ писцамъ писать, и которыя изъ наказа статьи и выборныхъ рѣчи отставить». Бояре высказались по каждой статьѣ особо, при чемъ иногда ихъ мнѣніе за недѣлю (съ 7-го по 15-е марта) измѣнялось. Напр., по вопросу объ одабриваніи изъ примѣрной земли, 7 марта «бояре, сей статьи слушавъ, приговорили: быть такъ, какъ стольники и выборные говорили. А въ 15-мъ числѣ бояре-жъ, слушавъ той статьи, говорили: буде гдѣ за патріархомъ»..... и т. д. Только по немногимъ статьямъ между мнѣніями выборныхъ и бояръ не было совсѣмъ разногласія; по большинству же вопросовъ рѣчи выборныхъ между собой и съ рѣчами бояръ разнились, то въ мелочахъ, то въ существенномъ.

Весь этотъ обмѣнъ мнѣній и статьи 189 г. Помѣстный приказъ долженъ былъ доложить государямъ — Петру и Ивану Алексѣевичамъ, но, къ сожалѣнію, неизвѣстно, когда былъ сдѣланъ докладъ и что указали государи. Возможно, что докладъ, извѣстный намъ въ спискѣ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ переработанъ, доложенъ государямъ и боярамъ на слѣдующій годъ (въ 192 г.) и легъ въ основу писцоваго наказа 192 г.[1]), во многихъ статьяхъ котораго замѣтны слѣды рѣчей

---

[1]) П. С. З., № 1074.

выборныхъ и бояръ, обсуждавшихъ статьи наказа 189 г. и рѣчи выборныхъ.

Сличеніе и анализъ нашего доклада и наказа 192 г. могутъ быть очень интересной задачей, но я не берусь за нее, такъ какъ она выходитъ за предѣлы моей темы. Впрочемъ, ниже я не разъ буду возвращаться по отдѣльнымъ вопросамъ къ мнѣніямъ выборныхъ и бояръ, высказаннымъ въ докладѣ, поскольку они бросаютъ свѣтъ, иногда яркій, на предшествовавшую писцовую практику.

Давши писцамъ наказъ, приказы руководили ихъ работой и сообщали указными грамотами дополнительные государевы указы. Иногда эти грамоты касались очень важныхъ вопросовъ и вносили существенныя измѣненія въ тѣ предписанія, которыя были даны писцу въ наказѣ.

Въ однихъ случаяхъ эти указы возникали по почину самого правительства. Напр., въ 135 г. государи указали Помѣстному приказу написать въ наказы писцамъ, чтобы они не дозирали и не межевали тѣхъ земель, которыя были обмежеваны и измѣрены послѣ 127 г., а писали бы такія земли въ свои книги по выписямъ изъ прежнихъ книгъ, — «а которые писцы съ Москвы поѣхали, и къ писцамъ указали въ городы послати свои государевы грамоты — потому-жъ тѣхъ земель не писати и не мѣрити и не дозирати, а писати тѣ земли по выписямъ»[1]). Указъ этотъ былъ вызванъ желаніемъ ускорить описанія: «что-бъ писцамъ за такими землями мотчанья не было, и письму бы ихъ было спѣшнѣе».

Чаще дополнительные указы были вызываемы челобитьями населенія. Такъ, «многіе» помѣщики и вотчинники били челомъ государю, что писцы для своей корысти не межуютъ всѣхъ земель, «что-бъ имъ для межеванья впередъ въ городѣхъ быть». Помѣстный приказъ докладывалъ объ этомъ государю, и государь указалъ послать къ писцамъ грамоты, чтобы они межевали всѣ земли, какъ спорныя, такъ и неспорныя, а если на нихъ впредь будутъ жалобы, то пригрозить имъ опалой и наказаніемъ, что «для межеванья велитъ государь послати тѣхъ же писцовъ на своихъ подводахъ и на своемъ корму»[2]). По челобитьямъ же служилыхъ людей были сообщены писцамъ указы

---

[1]) Ак. п. д., I, № 254.
[2]) Тамъ же, II, №№ 9 и 59.

о томъ, по скольку крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ класть на четь пашни [1]).

Наконецъ, самымъ важнымъ источникомъ дополнительныхъ указовъ были отписки писцовъ въ приказы по разнымъ вопросамъ, возникавшимъ на мѣстахъ во время работы и требовавшимъ разрѣшенія. Почти въ каждомъ наказѣ есть статья, которая говоритъ объ обязанности писцовъ обращаться за указомъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ въ приказъ. Въ устюжскомъ наказѣ 131 г. эта статья составлена такъ: «А которыя будетъ дѣла въ семъ государевѣ наказѣ не написаны, а по сыску объявятся, а смотря по тамошнимъ дѣламъ чаять въ нихъ государю прибыли, а крестьянамъ утѣсненья въ томъ не будетъ, и писцамъ о томъ писати ко государю . . . . и государь велитъ о томъ указъ учинить» [2]). Кромѣ такого общаго предписанія въ каждомъ наказѣ встрѣчаются частныя. Напр., въ наказѣ 134 г. писцамъ Московскаго уѣзда предписывается сыскивать про пустыя земли, которыми самовольно владѣютъ разныя лица, и давать такихъ людей въ государевѣ пенѣ на поруки, «да о томъ отписати ко государю . . . и государь . . . . указъ учинить» [3]). Въ 194 г., несмотря на долговременное и подробное обсужденіе со 189 г. наказа валовымъ писцамъ Помѣстнаго приказа, по отпискамъ писцовъ образовались, такъ называемыя, «прибавочныя статьи» къ наказамъ, даннымъ писцамъ въ 192 и 193 годахъ [4]).

Ниже мнѣ придется не разъ разбирать отдѣльныя статьи писцовыхъ наказовъ, а здѣсь я сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній о значеніи наказовъ въ писцовомъ дѣлѣ.

Въ наказахъ, какъ и въ другихъ приказныхъ актахъ, сразу бросается въ глаза непримиримое, на первый взглядъ, соединеніе формализма и мелочныхъ предписаній съ большимъ просторомъ для усмотрѣнія писцовъ. Наказы, съ одной стороны, даютъ писцамъ такія важныя права, какъ право опредѣлять по усмотрѣнію размѣръ тягла или какъ право положить или нѣтъ въ тягло того или иного человѣка, а съ другой стороны, даютъ опредѣленныя нормы,

[1]) Подробно объ этомъ см. ниже въ XVIII главѣ. Множество грамотъ по челобитьямъ населенія по частнымъ вопросамъ напечатано въ I и II тт. Ак. п. д.

[2]) Ак. п. д., I, № 115.

[3]) Тамъ же, № 215 (стран. 436).

[4]) П. С. З., № 1178. В. Н. Седашевъ, Очерки и матеріалы, стран. 211 и далѣе.

а иногда связываютъ въ мелочахъ, предписывая спрашивать на то государева указа. Иногда въ одной и той же статьѣ содержатся предписанія, которыя на дѣлѣ могли оказаться непримиримыми и неисполнимыми. Напр., въ статьѣ о томъ, какъ класть въ сошное письмо посадскихъ людей, рядомъ съ дворовой нормой сохи обыкновенно находятся предписанія класть въ тягло по животамъ, торгамъ и промысламъ, «разсмотря о томъ накрѣпко», примѣрясь къ прошлому, по совѣсти, при томъ такъ, чтобы казнѣ было прибыльно, а тяглымъ людямъ не было «большой тягости» [1]). Въ дѣйствительности эти предписанія могли оказаться въ разныхъ сочетаніяхъ совершенно непримиримыми: данная въ наказѣ норма числа дворовъ на соху могла оказаться непосильной для тяглыхъ людей и не соотвѣтствующей ихъ торгамъ и промысламъ; исполненіе предписанія брать примѣръ съ прежняго могло оказаться въ противорѣчіи съ дворовой нормой сохи; стремленіе писцовъ положить на тяглыхъ людей по совѣсти посильное, но выгодное для казны тягло могло заставить ихъ отступить отъ того, что было раньше, и т. п.

Это двойственное отношеніе приказовъ къ писцамъ и противорѣчивость нѣкоторыхъ статей наказовъ объясняются, какъ мнѣ кажется, такъ. Недовѣріе приказовъ, иногда совершенно основательное, къ профессіональной опытности и къ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ писцовъ подсказывало имъ формализмъ и вызывало стремленіе поставить узкія и, по возможности, опредѣленныя рамки для усмотрѣнія писцовъ, а съ другой стороны, ярко выраженный, особенно въ области финансовъ, утилитаризмъ приказовъ, при слабомъ развитіи общихъ правовыхъ нормъ и при силѣ и живучести мѣстныхъ особенностей, заставлялъ давать писцамъ широкія полномочія.

Послѣдствіемъ этой двойственности было то, что писцы очень различно относились къ предписаніямъ наказовъ и что работа ихъ, вслѣдствіе этого, была весьма разнообразна. Одни близко придерживались статей наказовъ и прилагали старанія примирить тѣ изъ нихъ, которыя противорѣчили другъ другу, въ то время какъ другіе писцы руководились не столько отдѣльными статьями наказа, сколько вообще его фискальнымъ духомъ: иныхъ предписаній совершенно

---

[1]) См., напр., Ак. п. д., I, № 120.

не соблюдали, а между противорѣчивыми выбирали тѣ, которыя имъ казались болѣе подходящими. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого замѣчанія, достаточно взять десятокъ писцовыхъ книгъ и сравнить ихъ между собой и съ писцовыми наказами. Напр., всѣ наказы довольно однообразно говорятъ о томъ, какъ описывать дворы и «людей во дворѣхъ». Между тѣмъ, писцовыя книги разныхъ писцовъ, даже близкія другъ къ другу по времени составленія, описываютъ дворы очень различно. Наказы требуютъ, чтобы писцы, описывая тяглыхъ людей, указывали въ своихъ книгахъ, какъ и сколько они платятъ по мірскому окладу, однако эти свѣдѣнія во многихъ книгахъ отсутствуютъ. Всѣ наказы требуютъ отъ писцовъ подробнаго сравненія и сопоставленія описаннаго ими съ тѣмъ, что было раньше и что было написано въ приправочныхъ книгахъ, но и въ этомъ вопросѣ писцы поступаютъ очень разнообразно: одни тщательно выполняютъ это предписаніе, по статьямъ, другіе даютъ требуемыя сопоставленія только въ итогахъ, а третьи не даютъ ихъ совсѣмъ. Ниже мнѣ придется еще не разъ указывать на эти отклоненія писцовъ отъ приказныхъ предписаній и на разнообразное пониманіе ими своихъ задачъ и обязанностей.

Отношеніе приказовъ къ писцамъ по этому вопросу, какъ можно ожидать, тоже было очень разнообразно. Иногда они обнаруживали большую придирчивость къ писцамъ и ставили имъ въ вину несоблюденіе совершенно второстепенныхъ предписаній, но чаще относились снисходительно и не обращали вниманія на то, что писцы исполнили свою задачу далеко не вполнѣ по наказу. Такое отношеніе приказовъ къ работѣ писцовъ можно объяснить предположительно такъ. Приказы давали писцамъ столь широкую и сложную программу описанія, что точное исполненіе ея далеко превосходило силы и средства писцовъ. Приказы, вѣроятно, понимали это и смотрѣли на свою программу какъ на максимумъ, который слѣдуетъ выставить, чтобы получить навѣрное необходимый минимумъ. Съ другой стороны, приказы смотрѣли на свои фискальныя предписанія не какъ на нормы, которыхъ всегда и вездѣ слѣдовало придерживаться, а какъ на средства и на примѣрный путь для достиженія главной цѣли описаній. А такъ какъ такой цѣлью было прибыльное для казны и не слишкомъ обременительное для населенія тягло, то приказы относились снисходительно къ отступленіямъ отъ ихъ предписаній, если писцамъ

удавалось выполнить удовлетворительно свою главную задачу. Если новое описаніе приносило выгоду казнѣ, не вызывая при этомъ жалобъ населенія, то приказы разсматривали работу писцовъ сквозь призму этой удачи и не ставили имъ въ вину неисполненіе второстепенныхъ задачъ. Вышесказанное, конечно, не относится къ тѣмъ задачамъ писцовъ, которыя имѣли чисто-правовое значеніе, напр., къ вопросамъ помѣстнаго и вотчиннаго землевладѣнія. Эти задачи были предусмотрѣны въ наказахъ опредѣленными нормами, дававшими небольшой просторъ усмотрѣнію писцовъ, а исполненіе ихъ было проще и легче. Поэтому въ этихъ вопросахъ приказы были гораздо требовательнѣе, а писцы исполнительнѣе. Слѣдствіемъ этого является то, что части писцовыхъ книгъ, которыя не имѣли отношенія къ вопросамъ тягла, оказываются составленными гораздо болѣе въ соотвѣтствіи съ наказами и, въ общемъ, гораздо болѣе однообразными, чѣмъ тѣ части, которыя преслѣдовали фискальныя цѣли.

Чтобы облегчить работу писцовъ и дать ей надлежащее направленіе, приказы давали имъ различные, такъ называемые, «приправочные» документы. Въ виду важности ихъ въ писцовомъ дѣлѣ, необходимо выяснить, для чего именно и какіе документы получали писцы для приправки.

Первое назначеніе приправочныхъ документовъ состояло въ томъ, чтобы освѣдомить писцовъ относительно того, что изъ предыдущихъ описаній и изъ другихъ приказныхъ актовъ не утратило своего значенія и нуждалось только въ поправкахъ. Напр., въ приправочномъ спискѣ съ старой писцовой или дозорной книги писцы имѣли готовый списокъ населенныхъ мѣстъ съ указаніемъ землевладѣльцевъ и другими свѣдѣніями. Конечно, проще было вносить въ этотъ списокъ поправки, чѣмъ составлять его вновь. Приказы, облегчая такимъ образомъ задачу писцовъ, руководились и другимъ соображеніемъ. Дѣло въ томъ, что небрежность и нерадѣніе писцовъ и обманы населенія, при большихъ разстояніяхъ и рѣдкомъ населеніи описываемыхъ мѣстностей, приводили къ тому, что потеря старыхъ писцовыхъ книгъ и другихъ приказныхъ документовъ была равносильна потерѣ, по крайней мѣрѣ отчасти, самихъ объектовъ описанія, т.-е. земель, угодій и т. п.

Опасеніе такой потери хорошо выражено въ наказѣ 184 г. устюжскимъ писцамъ. Сверхъ списковъ съ писцовыхъ, переписныхъ и приход-

ныхъ книгъ этимъ писцамъ было велѣно взять у воеводы свѣдѣнья относительно земель и угодій, розданныхъ въ тягло и на оброкъ послѣ писцовыхъ и переписныхъ книгъ воеводами и по грамотамъ изъ приказа. Послѣднее предписаніе мотивировано тѣмъ, «что-бъ имъ, писцамъ, о всемъ было вѣдомо и чтобы у письма было не пройдено и не потеряно»[1]). Опасеніе приказа, что писцы по недосмотру или небрежности могутъ «пройти», т.-е. пропустить и «потерять» земли и угодья, было далеко не безосновательно, на что есть цѣлый рядъ указаній. Нѣсколько указовъ по вопросамъ помѣстнаго и вотчиннаго права, вошедшихъ въ Указную книгу Помѣстнаго приказа, предвидятъ, какъ распространенное явленіе, утайку служилыми людьми старыхъ писцовыхъ книгъ, выписей изъ нихъ и сотныхъ грамотъ, чтобы завладѣть «великими мѣсты за малыя чети» по своимъ сказкамъ и по новымъ дозорнымъ книгамъ[2]). Нормы очень важнаго по этому вопросу указа 12 марта 128 г. вошли въ наказы писцамъ, данные изъ Помѣстнаго приказа[3]). Объ утайкѣ сотныхъ, съ цѣлью утаить земли и обмануть писцовъ, говорятъ нѣкоторые наказы для описанія и черныхъ волостей. Очень характерна въ этомъ отношеніи одна статья наказа, даннаго въ 127 г. изъ Новгородской чети дозорщикамъ Устьрѣцкихъ волостей Новгородскаго уѣзда: «А будетъ Устьрѣцкія волости крестьяне сотныя грамоты не скажутъ, а учнутъ таити, починки и займища и угодья какія обводити, а въ приправочныхъ книгахъ тѣ земли и угодья будетъ не написаны-жъ, и Куракѣ и Григорью *(дозорщикамъ)* сказати крестьянамъ: будетъ кто на нихъ въ томъ доведетъ, или какими мѣрами послѣ про то сыщется, что у нихъ сотныя грамоты есть, а они ихъ, воровствомъ утая, не хотятъ объявити, а земли и всякія угодья обводити, что-бъ тѣми угодьи владѣти имъ безоброчно, и имъ за то отъ государя быть въ великой опалѣ, а у кого сыщутъ, и тѣмъ быти казненнымъ смертью, а кто доведетъ, и тѣхъ государь пожалуетъ, велитъ имъ за то дати свое государево жалованье; и они-бъ одноличное межъ себя сотныхъ не таили, и никакихъ земель и угодій не обводили,

---

[1]) Ак. п. д., III, 184 г. 12 мая.

[2]) Указъ 12 марта 128 г., исправленный и подтвержденный 30 сентября 131 г. Указная книга Помѣстнаго приказа, изд. В. Н. Сторожевымъ, стран. 54—59. Указъ 10 августа 130 г.—тамъ же, стран. 37—38.

[3]) Наказы—134 г. по Московскому уѣзду и 135 г. по Касимовскому см. въ Ак. п. д., I, №№ 215 и 261 (стран. 437 и 561).

и другъ на друга сказывали въ правду, что-бъ за тѣмъ дозорному дѣлу порухи не было и было бы, къ чему примѣритись»[1]). Такого же содержанія статья есть и въ устюжскомъ наказѣ 131 года [2]).

Вотъ случаи потери писцами земель вслѣдствіе отсутствія старыхъ книгъ. Писцы Суздальскаго уѣзда (135 г.) М. Трусовъ съ товарищами получили для приправки списки: съ писцовыхъ книгъ кн. Гр. Звенигородскаго съ товарищами 86—87 гг., съ дозорныхъ книгъ Стародуба Ряполовскаго дозора Тучка Ратцова 83 г. и съ отдѣльныхъ книгъ Назаревской и Быковской волостей 121 и 122 годовъ[3]). Какъ можно видѣть, эти писцы были недурно снабжены приправочными книгами, что не предохранило ихъ, однако, отъ «потери» большого количества земли. Объ этомъ мы узнаемъ изъ интересной челобитной Ив. Хрипкова, который передъ 141 годомъ служилъ съ городомъ по Суздалю, а еще ранѣе былъ подьячимъ Помѣстнаго приказа. Ив. Хрипковъ разыскалъ гдѣ-то суздальскія платежныя книги съ писцовыхъ книгъ Як. Наумова 81 г. и подалъ ихъ государямъ. По этимъ книгамъ было «сыскано у суздальскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ лишнія утаенныя земли, сверхъ дачъ и сверхъ нынѣшнихъ писцовъ *(т. е. М. Трусова съ товарищами)*, больше 30000 четей». Государи, выслушавъ доклада объ этомъ, указали произвести новое описаніе, а Ив. Хрипкову стало невозможно служить съ городомъ, и онъ билъ челомъ государямъ о назначеніи его опять въ подьячіе Помѣстнаго приказа [4]). Другой случай утайки земли и нахожденія ея по старымъ книгамъ мы можемъ наблюдать въ интересномъ дѣлѣ 133—135 гг. нѣсколькихъ вологодскихъ помѣщиковъ, напечатанномъ В. Н. Сторожевымъ въ Матеріалахъ для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду въ XVII вѣкѣ[5]). Въ этомъ случаѣ землю «потеряли» отдѣльщики 121 г. и дозорщики 128—129 гг., а найдена она была по старымъ писцовымъ книгамъ 76 г., благодаря стара-

---

[1]) Ак. п. д., I, стран. 115—116.

[2]) Тамъ же, стран. 215.

[3]) Тамъ же, № 248.

[4]) Расходные книги и столпы Помѣстнаго приказа, изд. подъ ред. Н. Н. Ардашева, I кн., стран. 41. М. 1910 г. Ив. Хрипковъ писалъ въ челобитной: «и впередъ мнѣ, холопу вашему, съ городомъ съ суздальцы служить не мочно: безпрестанно похваляются меня, холопа вашего, убить до смерти». Государи удовлетворили просьбу И. Хрипкова, и онъ служилъ многіе годы въ Помѣстномъ приказѣ. Р. И. Б., XVIII, стран. 897 (въ 148 году), и Д. А. И., III, 48 (155 годъ).

[5]) Изд. Имп. Академіи Наукъ. I в., стран. 5—49. С.-Пб. 1906 г.

ніямъ нѣсколькихъ служилыхъ людей, разыскавшихъ эти книги и бившихъ челомъ государю о дачѣ имъ въ помѣстье найденной земли.

Эти два случая, въ связи съ упомянутыми выше указами и предписаніями писцовыхъ наказовъ, показываютъ, что вѣроятность потери писцами и дозорщиками земель и угодій, вслѣдствіе недостатка въ приправочныхъ документахъ и стремленія населенія къ утайкамъ, была значительна, а самые случаи потерь не были рѣдкостью. Приправочные документы давали писцамъ возможность «не растерять стараго» и тѣмъ способствовали полнотѣ и удовлетворительности описанія.

Второе назначеніе приправочныхъ документовъ состояло въ томъ, что писцы получали въ нихъ образецъ для работы вообще и средства для ознакомленія съ особенностями тягла и склада жизни той мѣстности, которую имъ приходилось описывать. Одни писцы, какъ мы видѣли, не имѣли совсѣмъ опыта, — такимъ нужно было дать для работы образецъ и руководство, «чтобы было, къ чему примѣриваться». Другіе писцы имѣли уже нѣкоторую опытность, но ни ея, ни самыхъ полныхъ наказовъ не было достаточно, чтобы предусмотрѣть и разрѣшить всѣ вопросы, которые могли встрѣтиться на практикѣ, тѣмъ болѣе недостаточно, что мѣстныя особенности жизни и обложенія были значительны, а приказы высоко цѣнили старину какъ испытанные на практикѣ средства и пріемы веденія дѣлъ.

Чтобы убѣдиться въ важности приправочныхъ документовъ въ этомъ отношеніи, то-есть какъ образца и руководства, по формѣ и по существу дѣла, достаточно просмотрѣть писцовые наказы. Напр., въ устюжскомъ наказѣ 131 г. писцамъ предписывается: церковные и монастырскіе дворы и земли описывать по государевымъ грамотамъ, даннымъ и по купчимъ, «примѣрясь къ прежнимъ къ писцовымъ книгамъ»; оброки на всякія угодья класть, «примѣрясь къ прежнему», «противъ прежняго государева указа и примѣряся къ дозорнымъ книгамъ»; земли въ уѣздѣ положить въ выти, сошки и сохи, «смотря по землѣ и по угодью и примѣряся къ прежнимъ писцовымъ и къ дозорнымъ книгамъ и къ сотнымъ грамотамъ»; вотчины Строгановыхъ писать съ волостями или особо, смотря по тому, какъ онѣ были описаны раньше: «будетъ Строгановы-жъ которыя вотчины или села и деревни сошнымъ письмомъ и платежемъ по прежнимъ сотнымъ грамотамъ и по дозорнымъ книгамъ прошлаго 128-го года отъ волостей отписаны особно, и тѣ ихъ вотчины писать по прежнему государеву указу и по дозорнымъ

книгамъ, что-бъ въ томъ впередъ спора и челобитья не было»[1]). Приведенными примѣрами далеко не исчерпывается все то множество случаевъ, въ которыхъ писцы должны были справляться въ приправочныхъ документахъ и брать въ нихъ «примѣры». Писцовые наказы обыкновенно и не имѣютъ въ виду предусмотрѣть и перечислить всѣ подобные случаи; значеніе приправочныхъ документовъ такъ велико, что предписаніе справляться въ нихъ и руководиться ими употребляется въ наказахъ какъ привычный припѣвъ, который можно вставить въ любой статьѣ, не касаясь сути дѣла. Если сличить десятокъ наказовъ, то мы найдемъ этотъ припѣвъ въ разныхъ мѣстахъ, въ различныхъ сочетаніяхъ съ другими предписаніями и въ приложеніи къ самымъ разнообразнымъ вопросамъ.

Наконецъ, третье назначеніе приправочныхъ документовъ состояло въ томъ, чтобы дать писцамъ основу для сравненія прошлаго съ настоящимъ и для болѣе правильной оцѣнки послѣдняго. Это было особенно важно въ вопросахъ тягла, и этого требовали отъ писцовъ приказы, чтобы самимъ быстрѣе осмотрѣться и лучше оцѣнить ихъ работу. Какъ пользовались писцы приправочными документами въ этомъ отношеніи, прекрасно видно по перечневымъ росписямъ, которыя они должны были подавать въ приказъ раньше книгъ. Въ этихъ росписяхъ писцы сравниваютъ свѣдѣнья о дворахъ, людяхъ, лавкахъ, земляхъ, угодьяхъ, всякихъ доходахъ и т. п. по приправочнымъ книгамъ съ такими же свѣдѣньями по своему описанію, отмѣчаютъ, гдѣ сколько чего убыло или прибыло, и иногда мотивируютъ свою работу[2]). Это же сравненіе многіе писцы проводятъ и въ своихъ книгахъ, давая его то по волостямъ или станамъ, то въ конечныхъ итогахъ.

Естественно, что самымъ лучшимъ приправочнымъ матеріаломъ были старыя писцовыя книги. Дозорныя, какъ менѣе подробныя и содержательныя, были не такъ полезны, но за недостаткомъ писцовыхъ приходилось давать и ихъ. Если представлялся случай дать писцамъ и писцовыя и дозорныя, то приказы обыкновенно его не упускали.

---

[1]) Ак. п. д., I, стран. 207, 209, 210, 214, 217, 215 и другія.

[2]) Тамъ же, I, №№ 126, 142, 218, 227, 233 и 234, и II, №№ 2, 19, 24, 124, 197, 199, 200 и 218. См. еще въ Указной книгѣ Помѣстнаго приказа списки съ перечневыхъ росписей писцовъ Московскаго уѣзда 131—132 гг. Изд. В. Н. Сторожева, стран. 76—79.

Полезнымъ дополненіемъ къ писцовымъ и дозорнымъ книгамъ, особенно если онѣ были очень старыми, служили платежныя книги. Въ крайнемъ случаѣ, то-есть при утратѣ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ, платежницы могли быть главнымъ приправочнымъ матеріаломъ[1]).

Такъ какъ названіе платежныхъ книгъ или платежницъ примѣнялось къ различнымъ документамъ, то слѣдуетъ выяснить, какія именно платежницы были даваемы писцамъ.

Городовые воеводы сбирали всякіе доходы и для записи ихъ вели особыя приходныя книги. Эти книги содержали запись всѣхъ поступленій: посошныхъ и вытныхъ налоговъ, всевозможныхъ оброковъ, таможеннаго, кабацкаго и другихъ доходовъ на вѣрѣ и на откупѣ и т. п., и были составляемы ежегодно. Онѣ имѣли на мѣстахъ то же значеніе, какъ на Москвѣ окладныя приходныя книги приказовъ. Обыкновенно эти книги назывались приходными, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ носили названіе платежныхъ книгъ или просто платежницъ[2]). Такія платежницы или приходныя книги были малопригодны для приправки уже потому, что содержали свѣдѣнья не объ источникахъ доходовъ, а объ ихъ поступленіи. Въ нихъ были ненужныя для писцовъ свѣдѣнья, напр. о поступленіи косвенныхъ налоговъ, но не было очень многихъ нужныхъ для приправки подробностей объ окладныхъ статьяхъ. Поэтому, если иногда приказы и предписывали писцамъ взять у воеводъ ихъ приходныя книги, то съ особой цѣлью — для справокъ относительно тѣхъ оброчныхъ и тяглыхъ земель и угодій, которыя были даны тяглымъ людямъ мѣстными воеводами послѣ предшествовавшаго описанія[3]). Повидимому, однако,

---

[1]) По вопросу о томъ, какіе и когда были даны писцамъ приправочные документы, множество свѣдѣній въ Ак. п. д. Въ частности, слѣдуетъ обратить вниманіе на наказы, въ которыхъ часто указываются документы, даваемые писцамъ для приправки. См. также Ак. п. д., I, № 248—роспись (135 г.) приправочныхъ книгъ, данныхъ Помѣстнымъ приказомъ писцамъ городовъ Московскаго стола. Цѣннымъ и обильнымъ источникомъ по этому вопросу являются два изданія Н. Н. Ардашева: Древнѣйшій столбецъ Помѣстнаго приказа о заготовкѣ приправочныхъ книгъ для писцовъ 135 г. (М. 1909 г.) и Расходные книги и столпы Помѣстнаго приказа, I т. (М. 1910 г.). Изд. Московск. Археологическаго Института.

[2]) Образцомъ такихъ платежницъ могутъ служить Нижегородскія платежницы 7116 и 7120 гг., издан. Московск. Общ. Ист. и Древн., подъ редакціей С. Веселовскаго. М. 1910 г.

[3]) Для этого именно должны были устюжскіе писцы взять въ 184 г. у воеводы приходныя книги. Ак. п. д., III, 184 г. 12 мая.

приказы предпочитали давать писцамъ, съ указанной цѣлью, не воеводскія приходныя книги, а выписи изъ окладныхъ приказныхъ книгъ, въ которыхъ были записываемы, съ нѣкоторымъ опозданіемъ, но ежегодно, всѣ новыя воеводскія дачи. Такъ, у устюжскихъ дозорщиковъ 128 г., сверхъ сотныхъ съ писцовыхъ книгъ М. Нестерова 93 г., была роспись, «какова дана съ приходныхъ окладныхъ книгъ для приправки»[1]). Тотемскіе писцы 131 г. получили изъ Устюжской чети списокъ съ дозорной книги 128 г. и выписку изъ приходной окладной книги чети 131 года[2]).

Итакъ, приходныя платежницы были малопригодны для приправки и рѣдко попадали въ руки писцовъ. Гораздо цѣннѣе были другія платежницы — платежницы съ писцовыхъ или съ дозорныхъ книгъ, и писцы получали ихъ довольно часто[3]). Назначеніе въ приказномъ дѣлопроизводствѣ платежницъ этого рода было такое. Въ воеводскихъ избахъ обыкновенно хранились списки съ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ, но для повседневнаго пользованія они были слишкомъ громоздкимъ и дорогимъ источникомъ. Для сбора налоговъ и раскладки повинностей гораздо удобнѣе было сдѣлать краткую окладную книгу, откинувъ изъ подлинной писцовой все то, что не было необходимо для этихъ цѣлей. Такія окладныя книги, составленныя по писцовымъ или дозорнымъ, назывались платежными книгами или, короче, платежницами. Онѣ были выдаваемы въ воеводскую избу изъ приказа и служили много лѣтъ, впредь до новаго описанія и выдачи новой платежницы. Платежницу, за скрѣпой одного изъ своихъ дьяковъ, выдавалъ обычно тотъ же приказъ, который отпускалъ писцовъ и вѣдалъ сошнымъ письмомъ данный городъ[4]). Судя по всему, не всѣ города получали такія платежницы. Дѣло въ томъ, что посады и черныя и дворцовыя волости, для платежа налоговъ и раскладки между собой мѣстныхъ расходовъ и повинностей, получали сотныя грамоты, которыя всегда находились на рукахъ у тяглыхъ людей и были полной и точной выпиской изъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ.

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1627 г. № 80.

[2]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 479. Лл. 1—369 об. занимаетъ дозорная книга, а съ 370 л. идетъ выписка изъ окладной книги чети.

[3]) См. Ак. п. д., I, № 248, и указанныя выше изданія Н. Н. Ардашева.

[4]) Объ отступленіяхъ отъ этого правила, объясняющихся вмѣшательствомъ въ писцовое дѣло Ямского и Стрѣлецкаго приказовъ, я говорилъ выше. См. стран. 16—17. См. еще ниже, стран. 208—210.

Такъ какъ раскладку податей и повинностей въ черносошныхъ уѣздахъ производили сами тяглые міры, связанные круговой порукой, то воеводамъ для надзора и вѣдома было достаточно имѣть подъ руками списокъ тяглыхъ союзовъ, съ указаніемъ ихъ сошныхъ и вытныхъ окладовъ, и справляться въ спорныхъ случаяхъ въ подлинныхъ писцовыхъ книгахъ[1]). Этимъ, повидимому, объясняется то, что приказы давали въ воеводскія избы черносошныхъ городовъ только списки съ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ и не находили нужнымъ посылать особыя платежницы. Иначе было въ городахъ служилаго землевладѣнія. Частные владѣльцы получали на руки выписи изъ писцовыхъ книгъ, для владѣнія землей и крестьянами, но такъ какъ каждый изъ нихъ платилъ только за себя, а раскладка мѣстныхъ повинностей была въ рукахъ воеводъ, то послѣднимъ были нужны не только списки съ писцовыхъ книгъ, но и платежницы. Они ихъ обыкновенно и получали.

Платежницъ этого рода сохранилось много[2]), и нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны[3]). Сравнивая платежницу съ писцовой книгой, можно видѣть, какъ ихъ составляли и что при этомъ выкидывали изъ подлинныхъ книгъ. Въ платежницѣ мы обыкновенно видимъ: имя владѣльца, названіе главнаго его владѣнія и суммарное перечисленіе прочихъ и оклады живущаго и пустого сошнаго письма; всѣ остальныя свѣдѣнья писцовыхъ книгъ, какъ не имѣющія прямого отношенія къ назначенію платежницъ, пропущены[4]). Ограничусь однимъ примѣромъ

---

[1]) Что касается «особныхъ оброковъ», т.-е. такихъ, которые отдѣльные тяглецы платили особо отъ посада и волостей, то оклады и поступленія ихъ воеводы записывали въ своихъ приходныхъ книгахъ.

[2]) См., напр., въ Арх. М. Ю., Писц. кн. № 409, въ которой содержатся платежницы съ книгъ 135—140 гг. по городамъ: Алексину, Болхову, Боровску, Веневѣ, Данкову, Дѣдилову, Епифани, Калугѣ, Лебедяни, Оболенску, Рязани, Ряжску, Серпухову, Соловѣ, Тарусѣ, Тулѣ и Черни. О платежницахъ по Арзамасу и Нижнему см. Ак. п. д., II, № 113.

[3]) Платежница съ псковскихъ писцовыхъ книгъ Гр. Морозова и Ив. Дровнина съ товарищами 94—95 гг. напечатана въ V т. Сборника Московск. Архива Мин. Юстиціи. М. 1913 г. Платежницы по Рязани и ея пригородамъ, съ писцовыхъ книгъ 103—105 гг., напечатаны В. Н. Сторожевымъ въ I вып. I тома (стран. 1—416) Писцовыхъ книгъ Рязанскаго края. Рязань. 1898 г. Судя по скрѣпамъ дьяковъ (стран. 414—415), эти платежницы были изготовлены и даны для приправки дозорщикамъ послѣ Смуты и писцамъ 135 г. Ср. Н. Н. Ардашевъ, Древнѣйшій столбецъ и т. д., стран. 8 и 27.

[4]) Сличеніе дозорныхъ книгъ Боровскаго уѣзда 121—122 гг. съ платежницей см. въ II приложеніи.

изъ псковскихъ платежницъ. Въ Завелицкой засадѣ, въ Каменской губѣ, написано: «За псковскимъ дьякомъ за Иваномъ за Андреевымъ село Кусва, на Великой рѣкѣ, да 7 деревень, да пустошь, сошнаго письма въ живущемъ пол-пол-четь сохи и 1 четь съ осминою пашни, а въ пустѣ пол-трети и пол-пол-чети сохи»[1]).

Понятно, что такое сокращеніе подлинныхъ книгъ не могло замѣнить ихъ, и писцы получали для приправки платежницы только тогда, когда подлинники были утрачены.

Во многихъ отношеніяхъ было полезно, а иногда необходимо, ознакомить писцовъ съ тѣми перемѣнами, которыя произошли послѣ предшествовавшаго описанія. Я уже упоминалъ, что съ этой цѣлью приказы давали писцамъ росписи или выписи изъ приказныхъ окладныхъ и изъ воеводскихъ приходныхъ книгъ. Съ этой же цѣлью при описаніяхъ уѣздовъ служилаго землевладѣнія приказы давали писцамъ отдѣльныя, раздѣльныя, межевыя и другія подобныя имъ книги на помѣстья и вотчины. Эти документы были особенно нужны писцамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ уѣздѣ были дворцовыя или черныя земли, розданныя служилымъ людямъ послѣ предшествовавшаго описанія и потому въ него не попавшія[2]).

Слѣдуетъ сказать о томъ, какъ изготовляли приказы приправочныя книги, такъ какъ многіе изслѣдователи видятъ въ нихъ не простыя списки, а какъ бы особую разновидность описательныхъ работъ Московскаго государства. Этотъ вопросъ имѣетъ нѣкоторое значеніе при изслѣдованіи сошнаго письма, но особенно важенъ при изученіи писцовыхъ книгъ. Приступая къ изученію какой-либо сохранившейся книги, очень важно знать, хотя бы въ самыхъ существенныхъ чертахъ, ея происхожденіе, такъ какъ для выводовъ, которые пожелаетъ сдѣлать изслѣдователь, далеко не безразлично, имѣетъ ли онъ дѣло съ подлинникомъ или со спискомъ. Если въ нашихъ рукахъ списокъ, то важно знать, кѣмъ, когда, какъ и съ какими цѣлями онъ сдѣланъ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что бѣлыя книги, подаваемыя въ приказъ, непремѣнно должны были быть скрѣплены писцами или вмѣсто нихъ «по ихъ велѣнью» кѣмъ-либо другимъ, кому они довѣряли.

---

[1]) Сборникъ Московск. Архива М. Ю., V т., стран. 138.

[2]) О томъ, что многіе писцы получали для приправки отдѣльныя и отказныя книги, можно видѣть въ указанныхъ выше (стран. 65) изданіяхъ Н. Н. Ардашева и въ № 248 I тома Ак. п. дѣла.

Этого опредѣленно требуютъ очень многіе наказы, и это соблюдалось на дѣлѣ. Напр., въ наказѣ 131 г. псковскимъ писцамъ сказано: «а на Москвѣ явитися и книги и всякіе сыски за своими руками отдати въ Новгородской четверти»[1]). Если нѣкоторые наказы не упоминаютъ объ этомъ, то только потому, что это было понятно само собой и представляло какъ бы азбуку приказнаго дѣлопроизводства. Скрѣпа писцовъ была необходима не столько «для всякаго воровства», то-есть во избѣжаніе вырѣзокъ и подмѣны листовъ, — такую предохранительную скрѣпу приказъ могъ сдѣлать самъ, —сколько въ смыслѣ ручательства писцовъ за содержаніе и истинность свѣдѣній книгъ ихъ письма. Такое значеніе скрѣпъ подтверждается отдѣльными случаями писцовой практики и требованіемъ наказовъ, чтобы всякіе сыски, которые производили писцы, а иногда и черныя писцовыя книги, были скрѣплены выборными и «обыскными» (то-есть тѣми, которыми писцы обыскивали) людьми.

Въ 153 г. устюжскій писецъ Аѳ. Толочановъ, не дождався своего товарища, подьячаго Ак. Плохова, описалъ одинъ Вожбальскую волость. Ак. Плохово былъ допрошенъ въ чети, почему онъ опоздалъ и почему у писцовыхъ книгъ нѣтъ его рукоприкладства. На это подьячій сказалъ, что писецъ показывалъ ему не книги, а только полевые списки, въ которыхъ были написаны только живущіе дворы, «а крестьянскихъ жеребьевъ и вытей и сѣнныхъ покосовъ не росписано; и бѣглыхъ крестьянъ описывалъ не имянно. И онъ де, Акимъ, потому къ книгамъ и къ тѣмъ къ землянымъ спискамъ руки не приложилъ, что дѣлано не дѣломъ»[2]). Въ данномъ случаѣ товарищъ писца не пожелалъ скрѣпить книгъ и взять на себя такимъ образомъ отвѣтственность за работу писца, произведенную неправильно и безъ его участія.

Изрѣдка приказы требовали, чтобы бѣлыя книги кромѣ дозорщика были скрѣплены тѣми людьми, которые будутъ при немъ на дозорѣ. Такъ, въ наказѣ 126 г. дозорщику вотчинъ Паисіева монастыря было велѣно книги подать въ Галицкой чети «за своею рукою и за поповыми и за дьяконовыми руками, которые будутъ съ нимъ на дозорѣ»[3]). Нѣсколько такихъ бѣловыхъ книгъ за подписью мірскихъ

---

[1]) Ак. п. д., I, № 120 (стран. 253).

[2]) Тамъ же, II, № 123.

[3]) Тамъ же, I, № 46. Въ 125 г. дозорщику вотчины Яминскаго монастыря, въ Тверскомъ уѣздѣ, было велѣно подать книги за своей рукой «и тѣхъ людей за руками, которые съ нимъ на дозорѣ будутъ». Тамъ же, № 29.

людей, бывшихъ на дозорѣ, дошло до насъ[1]). Однако, чаще приказы ограничивались требованіемъ подписей мірскихъ людей только на обыскахъ и на черновыхъ книгахъ. Такъ, въ устюжскомъ наказѣ 131 г. сказано: «А гдѣ что дозрятъ, и кто съ ними тутошнихъ или на спорныхъ земляхъ стороннихъ людей на дозорѣ будутъ, и имъ тутошнихъ и стороннихъ людей подо всякою волостью въ черныхъ своихъ книгахъ, каковы у нихъ впередъ для спора будутъ, подписывати имяны, кто съ ними былъ на дозорѣ, и велѣти имъ или въ ихъ мѣсто отцамъ ихъ духовнымъ руки свои прикладывати въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ»[2]). Ясно, съ какой цѣлью приказы требовали подписей этихъ людей на обыскахъ и черныхъ книгахъ: подписи служили удостовѣреніемъ подлинности и правильности показаній. То же, по существу, значеніе имѣли и скрѣпы писцовъ на подлинныхъ бѣловыхъ книгахъ.

Итакъ, отличить подлинныя книги отъ списковъ нѣтъ ничего легче — подлинники непремѣнно должны были имѣть скрѣпу писцовъ, а иногда имѣютъ и подписи мірскихъ людей, бывшихъ свидѣтелями описанія или дававшихъ писцамъ показанія.

Что касается списковъ съ разныхъ документовъ, которые писцы получали для приправки, то относительно ихъ существовало правило, отступленій отъ котораго мнѣ не встрѣчалось: списокъ долженъ былъ имѣть скрѣпу лица или лицъ того учрежденія, которое выдавало его. Этой скрѣпой учрежденіе свидѣтельствовало точность и исправность списка, и необходимость скрѣпы была такой же азбукой приказнаго дѣлопроизводства, какъ скрѣпа писцовъ на подлинныхъ книгахъ. Указанія на то, что приправочныя книги, выдаваемыя приказомъ, имѣли дьячью припись, можно встрѣтить почти въ каждомъ писцовомъ наказѣ и во многихъ другихъ актахъ писцоваго дѣла. Такъ, въ наказѣ 127 г. дозорщикамъ Устьрѣцкихъ волостей сказано, что списокъ съ дозорныхъ книгъ 124 г. данъ имъ «за дьячьею приписью»[3]). Въ 135 г. Помѣстный приказъ запрашивалъ у Казачьяго

---

[1]) См., напр., въ Арх. М. Ю.: дозорныя книги по Вологодскому уѣзду 123 г. (Писц. кн. №№ 57 и 58), писцовыя 193 г. по Алексину (тамъ же, кн. № 6), по Боровску того же года (тамъ же, № 19), по Воротынску (тамъ же, № 85).

[2]) Ак. п. д., I, стран. 219. Такіе списки людей, бывшихъ съ писцами, мы видимъ по волостямъ въ бѣлыхъ книгахъ тотемскихъ писцовъ 131 г. Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 480 и 486.

[3]) Ак. п. д., I, № 84.

списковъ съ путивльскихъ и рыльскихъ старыхъ книгъ. Казачій приказъ изготовилъ списки и послалъ ихъ въ Помѣстный за дьячьей приписью[1]). Въ 136 г. Патріаршій приказъ послалъ по государеву указу въ Помѣстный для приправки писцамъ списки съ книгъ патріаршихъ вотчинъ въ 12 уѣздахъ; эти списки были скрѣплены патріаршимъ дьякомъ Кузьмой Рагозинымъ[2]). Если въ приказѣ не было книгъ, которыя слѣдовало дать писцамъ, то онъ посылалъ грамоты къ воеводамъ съ приказаніемъ дать списки за своими скрѣпами[3]).

Итакъ, скрѣпы дьяковъ, воеводъ и другихъ приказныхъ людей на приправочныхъ спискахъ являются необходимой принадлежностью ихъ. По этимъ скрѣпамъ, зная время и мѣсто службы лица, скрѣпившаго документъ, очень часто возможно опредѣлить съ большой вѣроятностью происхожденіе и назначеніе списка[4]).

До насъ дошло небольшое количество писцовыхъ, дозорныхъ и другихъ книгъ безъ скрѣпъ. Какъ относиться къ подобнымъ документамъ? можно ли довѣрять имъ и пользоваться въ научныхъ цѣляхъ? На это можно отвѣтить опредѣленно: конечно, такія книги заслуживаютъ гораздо меньшаго довѣрія, но съ нѣкоторыми предосторожностями можно пользоваться и такими книгами. Такъ, черныя книги писцовъ могли попасть въ приказъ безъ скрѣпъ, и ими возможно пользоваться, не упуская, однако, изъ вида, что при окончательной передѣлкѣ и перепискѣ набѣло въ нихъ могли быть сдѣланы измѣненія. Вообще же говоря, на происхожденіе и, въ частности, на скрѣпы дошедшихъ до насъ подлинниковъ и списковъ нужно обращать гораздо больше вниманія, чѣмъ это дѣлали изслѣдователи писцовыхъ книгъ.

Нѣсколько замѣчаній объ изготовленіи приправочныхъ списковъ будутъ полезны, въ этомъ отношеніи, будущимъ изслѣдователямъ.

Весьма часто можно отличить списокъ отъ подлинника по внѣшнему виду письма, не зная скрѣпъ и не наводя справокъ о службѣ лицъ, скрѣпившихъ его. Подлинныя бѣлыя книги, насколько мнѣ приходи-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 258.
[2]) Тамъ же, II, № 27.
[3]) Тамъ же, I, №№ 39, 104 (стран. 175), 114, 118, 223 и 263.
[4]) Въ III приложеніи дано нѣсколько опытовъ опредѣленія по скрѣпамъ происхожденія списковъ съ писцовыхъ и другихъ книгъ.

лось наблюдать, обыкновенно написаны, судя по почеркамъ, однимъ-двумя лицами. Списки чаще всего имѣютъ совершенно другой видъ. Вѣроятно, тѣ, кто занимался писцовыми книгами въ архивахъ, обращали вниманіе на то, что многія изъ нихъ явно написаны многими лицами: иногда чуть ни каждая тетрадь написана особымъ почеркомъ. Но особенно обращаютъ на себя вниманіе концы тетрадей — двѣ-три или одна послѣдняя страница каждой тетради. Эти концы написаны то неестественно разгонисто, сравнительно съ другими страницами, то такъ же неестественно уписисто, сжато. Кажется, будто писавшій долженъ былъ закончить страницу на опредѣленномъ словѣ или даже на полусловѣ и, дописывая тетрадь, замѣчалъ, что у него не достаетъ или остается лишнее мѣсто; чтобы подогнать конецъ, какъ слѣдовало, онъ то разгонялъ, то сжималъ свое письмо. Эти особенности письма объясняются порядкомъ и пріемами изготовленія въ приказахъ приправочныхъ списковъ.

Очевидно, что приказнымъ подьячимъ не хватало для этой работы времени, и приказъ поручалъ ее обыкновенно площаднымъ подьячимъ. Для ускоренія работы подлинникъ расшивали на тетради и раздавали ихъ нѣсколькимъ подьячимъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ списать полученное. Такъ какъ въ книгахъ и спискахъ не полагалось оставлять чистыхъ мѣстъ (во избѣжаніе вставокъ и т. п. воровства), то подьячіе должны были списывать точно каждую тетрадь въ тетрадь. Этимъ и объясняется указанная выше отличительная особенность очень многихъ приправочныхъ списковъ съ писцовыхъ, дозорныхъ и другихъ книгъ. Такъ, напр., въ 127 г. Устюжская четь заказала 5 площаднымъ подьячимъ сдѣлать списокъ съ чарондскихъ дозорныхъ книгъ для приправки дозорщику кн. А. Шеховскому; всего имъ было дано за 94 тетради 2 руб. 27 ал. 2 д., по алтыну за тетрадь[1]). Въ 153 г. Устюжская четь, посылая писцовъ на Устюгъ и къ Соли Вычегодской, просила Казенный приказъ, который въ то время вѣдалъ подьячихъ Ивановской площади, прислать ей 5 человѣкъ подьячихъ «добрыхъ, которые-бъ писать умѣли», и спрашивала, какъ по государеву указу имъ слѣдуетъ платить, поденно или отъ тетради. Казенный приказъ прислалъ подьячихъ и писалъ, что указа о платѣ у него нѣтъ. Тогда четь запросила объ этомъ Помѣстный приказъ и получила отъ него

---

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 751.

отвѣтъ, что въ 135 г., когда во всѣ города были посланы писцы, приправочныя книги писали площадные подьячіе и получали за работу сдѣльно — по алтыну за полудестевую тетрадь [1]). Прямыя указанія на то, что подлинныя книги расшивали и раздавали по тетрадямъ разнымъ подьячимъ, мы находимъ въ расходныхъ книгахъ Помѣстнаго приказа. Въ 153 г. изготовленіе списковъ съ нижегородскихъ писцовыхъ книгъ 129—131 гг., Д. Лодыгина съ товарищами, и съ ярославскихъ книгъ 137—138 гг., Ив. Головина и Мирона Хлопова, было поручено 20 площаднымъ подьячимъ [2]). Когда они окончили свою работу, то книги пришлось переплетать вновь, и 7 іюля того же года Помѣстный приказъ заплатилъ за переплетъ нижегородскихъ книгъ 1 р. 8 ал. 2 д., — «розняты были тѣ подлинныя нижегородскія книги списывать, для того что съ тѣхъ книгъ противни даны на приправку писцамъ» [3]). Въ 156 г. были переплетены вновь романовскія писцовыя книги Юр. Редрикова, «а та книга рознята была изъ переплетки, для того что съ тѣхъ книгъ писали подьячіе противень для приправки писцамъ» [4]). Множество записей въ расходныхъ книгахъ Помѣстнаго приказа о выдачахъ за переплетъ расшитыхъ книгъ свидѣтельствуетъ о томъ, что такой порядокъ изготовленія списковъ былъ обычнымъ [5]).

Итакъ, приправочные списки дѣлали обыкновенно площадные подьячіе. Работали они сдѣльно и наспѣхъ, и при такихъ условіяхъ въ ихъ спискахъ, навѣрное, не было недостатка въ опискахъ, пропускахъ и ошибкахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ приказѣ свѣряли списки съ подлинниками, но насколько тщательно, сказать опредѣленно невозможно.

Описанный порядокъ изготовленія приправочныхъ книгъ даетъ основаніе предполагать, что въ видѣ общаго правила эти списки были дословными, а не передѣлкой подлинниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, было бы совершенно неразумно и очень рискованно позволять толпѣ площадныхъ подьячихъ писать приправочныя книги не дословно

---

[1]) Ак. п. д., II, № 153. Много подробностей объ этомъ см. въ Древнѣйшемъ столбцѣ Помѣстнаго приказа о заготовкѣ приправочныхъ книгъ для писцовъ 135 г., изд. Н. Н. Ардашевымъ.

[2]) Расходные книги и столпы Помѣстнаго приказа, изд. подъ ред. Н. Н. Ардашева, I т., стран. 82. М. 1910 г.

[3]) Тамъ же, стран. 86.

[4]) Тамъ же, стран. 156.

[5]) См. тамъ же, стран. 86—87, 107—109, 138—139, 173, 192, 226—227.

съ подлинниковъ, а съ пропусками или передѣлками. Это, конечно, не относится къ тѣмъ приправочнымъ книгамъ и росписямъ, которыя изготовляли въ приказѣ, подъ наблюденіемъ дьяковъ, приказные подьячіе, хорошо знакомые съ писцовымъ дѣломъ вообще и съ задачами даннаго описанія въ частности. Очень вѣроятно, что въ такихъ случаяхъ подьячіе вносили въ списки тѣ или иныя измѣненія: пропускали, напр., то, что не представляло уже практическаго значенія, и вставляли что-либо изъ другихъ источниковъ[1]).

Приправочный матеріалъ писцовъ не ограничивался документами, полученными въ Москвѣ изъ приказа и на мѣстахъ у воеводъ и приказныхъ людей; весьма важные источники они должны были получать у тяглыхъ людей. Среди послѣднихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить сотныя грамоты и выписи изъ прежнихъ писцовыхъ книгъ, по которымъ писцы могли ознакомиться съ прежнимъ описаніемъ въ томъ видѣ, въ которомъ оно получило утвержденіе государя и примѣнялось на дѣлѣ. Въ случаѣ утраты подлинныхъ писцовыхъ книгъ, сотныя грамоты могли быть главнымъ приправочнымъ матеріаломъ. Такъ, писцы 130 г. Кевролы и Мезени, не получивъ списковъ съ старыхъ книгъ, работали, «примѣрясь прежнихъ писцовыхъ книгъ съ волостныхъ сотныхъ къ спискамъ, каковы взяли въ Кевролѣ и на Мезени у крестьянъ», и къ росписи «съ платежныхъ книгъ 120-го года», полученной отъ воеводы и дьяка[2]). Въ 131 г. писцы Кайгородка получили для приправки только списки съ сотной грамоты и съ окладной росписи, по которой кайгородцы платили подати[3]).

Сверхъ сотныхъ писцы должны были затребовать у населенія всевозможныя государевы грамоты и земельныя крѣпости: жалованныя грамоты въ узкомъ смыслѣ слова, правыя «прежнихъ судовъ», вотчинныя и ввозныя грамоты на помѣстья и вотчины, данныя и оброчныя, выданныя изъ приказовъ и воеводами, и т. п. За недостаткомъ подлинныхъ данныхъ и оброчныхъ грамотъ, тяглые люди должны были пред-

[1]) Приправочнымъ спискомъ, въ которомъ пропущены оклады сошнаго письма, повидимому, является коломенская книга 86 года, напечатанная въ II т. Писцовыхъ книгъ Московскаго государства. См. Сошное письмо, I, стран. 410—411. Составленной по двумъ или даже болѣе источникамъ мнѣ кажется книга Тверского уѣзда середины XVI вѣка, напечатанная тамъ же на 141—290 страницахъ.

[2]) Ак. п. д., I, № 112.

[3]) Тамъ же, № 114.

ставлять отписи въ уплатѣ оброковъ съ оброчныхъ угодій. Всѣ эти источники нужны были писцамъ не только для провѣрки правъ собственности или владѣнія, но и для приправки. Напр., въ данныхъ и оброчныхъ грамотахъ писцы имѣли образецъ и руководство, какъ изоброчить данное угодье; въ помѣстныхъ и вотчинныхъ грамотахъ — образецъ, какъ одобрить землю, и т. п. Если прибавить къ этому, что населеніе должно было представлять и всякіе частные акты: купчія, мѣновыя, закладныя, духовныя, дѣловыя и т. п. грамоты, то мы представимъ себѣ, какое множество источниковъ имѣли подъ руками писцы. Списки со всѣхъ этихъ источниковъ писцы должны были брать себѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказы требовали представленія ихъ въ приказъ[1]).

Наконецъ, послѣднюю и очень важную группу источниковъ, которыми располагали писцы, представляютъ сказки населенія. На посадахъ и въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ старосты и выборные люди должны были подавать писцамъ росписи тяглыхъ людей, съ указаніемъ оклада тягла, положеннаго на нихъ міромъ, пустыхъ дворовъ и тяглыхъ жребьевъ, всевозможныхъ оброчныхъ статей (напр. лавокъ, амбаровъ, мельницъ и т. п.) и угодій, бѣглыхъ людей, съ указаніемъ кто, когда, куда и почему сбѣжалъ, и т. п. Въ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земляхъ подобныя сказки подавали владѣльцы и ихъ приказчики, каждый особо относительно своего владѣнія. О значеніи этихъ сказокъ и вообще объ участіи въ описаніяхъ тяглыхъ людей я буду подробно говорить ниже, а здѣсь ограничусь этимъ замѣчаніемъ.

Въ дополненіе къ вышеизложенному о приправочныхъ документахъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ книгахъ сошнаго письма.

А. С. Лаппо-Данилевскій высказалъ мнѣніе, что редакціи этихъ книгъ дѣлятся на офиціальныя и частныя. Единственнымъ основаніемъ его мнѣнія являются неосторожно брошенныя слова объ одной редакціи, будто-бы «изданной при Уложеніи», и предположеніе, что «земельные списки», которые иногда бывали на рукахъ у писцовъ,

---

[1]) Объ этихъ приправочныхъ источникахъ, получаемыхъ отъ населенія, такъ много указаній въ писцовыхъ наказахъ, что мнѣ кажется излишнимъ приводить цитаты; читатель самъ можетъ справиться въ любомъ наказѣ.

есть то же, что книги сошнаго письма[1]). Признаться, я былъ нѣсколько удивленъ, когда отыскалъ эту редакцію, изданную при Уложеніи[2]), и увидѣлъ, что это — ни что иное какъ одна изъ многочисленныхъ редакцій книги сошнаго письма, которая была найдена переплетенной въ одинъ сборникъ съ частнымъ спискомъ Уложенья. Прихоть судьбы и переплетчикъ соединили эти два разнородные документа, но ни въ нихъ самихъ, ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ нѣтъ никакихъ указаній на то, что при Уложеніи была издана книга сошнаго письма. Что касается земельныхъ списковъ, то они не имѣютъ ничего общаго съ книгами сошнаго письма, ни по содержанію, ни по своему назначенію. Земельные списки содержали голый перечень землевладѣльцевъ, съ указаніемъ въ четвертяхъ количества принадлежащей имъ земли, а иногда и дворовъ, безъ какихъ бы то ни было другихъ подробностей[3]). Такіе списки могли быть полезны писцамъ только какъ дополненіе къ писцовымъ, дозорнымъ и платежнымъ книгамъ, какъ полный списокъ землевладѣльцевъ, составленный наканунѣ описанія по свѣжимъ даннымъ текущаго дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа. Насколько мнѣ извѣстно, писцы очень рѣдко получали такіе списки, а обычнымъ дополненіемъ къ писцовымъ и дозорнымъ книгамъ, какъ я уже упоминалъ, служили отдѣльныя, раздѣльныя и т. п. книги на помѣстья и вотчины.

П. Н. Милюковъ, посвятившій книгамъ сошнаго письма рядъ очень интересныхъ страницъ, не призналъ мнѣніе А. С. Лаппо-Данилевскаго о существованіи офиціальныхъ редакцій книги сошнаго письма доказаннымъ: «классификація текстовъ сошной книги», говоритъ онъ, «на офиціальные и частные, несомнѣнно, основана на черезчуръ внѣшнихъ признакахъ»[4]). Однако П. Н. Милюковъ уклонился отъ рѣшенія вопроса, хотя это имѣетъ существенное, какъ мнѣ кажется, значеніе для его разсужденія, а въ другомъ мѣстѣ той же своей работы,

---

[1]) Организація прямого обложенія и т. д., стран. 196, и 3 примѣчаніе на той же страницѣ.

[2]) Извѣстія Импер. Археологическ. Общества, V т., стран. 50—63. Сообщ. П. С. Вороновымъ.

[3]) Указъ о составленіи земляного списка 139 г. см. Ак. п. д., II, № 84. О назначеніи его см. Сошное письмо, I, стран. 403. Любопытное предложеніе Ѳ. Уварова составить земляной списокъ по сказкамъ см. Ак. п. д., II, № 77.

[4]) Спорные вопросы и т. д., стран. 53.

повидимому, допускаетъ существованіе официальныхъ сошныхъ книгъ[1]).

То, что П. Н. Милюковъ оставилъ подъ вопросомъ или обошелъ, у послѣдующихъ изслѣдователей повторяется какъ доказанное. Напр., Ю. В. Готье говоритъ, что писцы въ числѣ другихъ необходимыхъ документовъ получали и книги сошнаго письма, и полагаетъ, что этотъ вопросъ и другіе вопросы писцоваго отпуска «достаточно освѣщены А. С. Лаппо-Данилевскимъ» [2]).

Со всѣмъ этимъ никакъ нельзя согласиться. Снабженіе писцовъ книгами сошнаго письма никѣмъ не доказано, да и не можетъ быть доказано, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о существованіи оффиціальныхъ редакцій этихъ памятниковъ литературы отпадаетъ самъ собой. Если бы писцы получали изъ приказовъ для руководства и приправки книги сошнаго письма, то мы непремѣнно встрѣтили бы на это указанія. Между тѣмъ ни въ писцовыхъ наказахъ, гдѣ очень часто перечисляются приправочные документы, вручаемые писцамъ, ни въ перечневыхъ росписяхъ писцовъ, ни въ перепискѣ ихъ съ приказами, ни въ другихъ актахъ писцоваго дѣла на это нѣтъ не только указаній, но даже и намековъ. Очень вѣроятно, что нѣкоторые писцы запасались книгами сошнаго письма и другими подобными руководствами, въ той или иной редакціи, но вовсе не для справокъ и руководства по вопросамъ обложенія и сошнаго письма, — для этого у нихъ были наказы, приправочныя книги и другіе документы, — а главнымъ образомъ для быстроты и легкости вычисленій по сошной ариѳметикѣ и для руководства въ землемѣріи. Однако, это было для нихъ не болѣе обязательно, чѣмъ въ настоящее время для туриста выборъ того или иного путеводителя. Признавъ литературный и совершенно частный характеръ книгъ сошнаго письма и другихъ подобныхъ руководствъ по метрологіи, ариѳметикѣ и землемѣрію, мы найдемъ легкое объясненіе чрезвычайному разнообразію редакцій этихъ памятниковъ,

---

[1]) Во 2 примѣчаніи на 65 страницѣ онъ говоритъ, что въ Писцовыхъ книгахъ Московск. государства, изд. Н. Калачовымъ (I, 2 отд., стран. 294), «упоминается о платежѣ ямскихъ денегъ ,,по государеву уложенью'', т.-е., можетъ быть, по окладу, установленному официальной сошной книгой». Это — явный недосмотръ. Налоги устанавливались государевыми указами; если указъ имѣлъ общее значеніе, то его иногда называли уложеньемъ; указы были сообщаемы однимъ приказомъ другому памятьми, — но такихъ сошныхъ книгъ, которыя устанавливали бы налоги, до сихъ поръ еще неизвѣстно.

[2]) Замосковный край въ XVII вѣкѣ, стран. 78. М. 1906 г.

страннымъ анахронизмамъ ихъ и очень частому несоотвѣтствію съ дѣйствительностью. Всякій редактировалъ ихъ для себѣ, какъ ему было угодно, или поручалъ кому-либо списываніе любой готовой редакціи.

Несомнѣнно, что книги сошнаго письма могутъ дать кое-что для исторіи сошнаго письма и обложенія, особенно если будетъ собрано и подвергнуто обслѣдованію значительное количество редакцій ихъ[1]), но совершенно неправильно и нецѣлесообразно искать въ нихъ отвѣтовъ на такіе вопросы, для рѣшенія которыхъ офиціальные приказные акты даютъ надежный и обильный матеріалъ.

У читателя можетъ естественно возникнуть вопросъ, какъ пользовались писцы на дѣлѣ тѣми многочисленными приправочными документами, которые были перечислены выше. Мнѣ кажется, что отвѣтъ возможенъ только въ самой общей формѣ, и что слѣдуетъ измѣнить постановку вопроса, если мы желаемъ получить болѣе опредѣленный отвѣтъ. Несомнѣнно, что писцы пользовались приправочными документами очень различно, и ниже мнѣ придется не разъ говорить объ этомъ по поводу частныхъ вопросовъ описаній. Нѣкоторые писцы настолько злоупотребляли обиліемъ приправочныхъ документовъ, бывшихъ у нихъ подъ руками, что списывали изъ нихъ безъ личнаго досмотра и провѣрки такія свѣдѣнья, которыя утратили уже свое значеніе и не отвѣчали дѣйствительности. Наоборотъ, другіе старательно сравнивали между собой показанія приправочныхъ документовъ и провѣряли ихъ опросомъ населенія и личнымъ досмотромъ. При такихъ условіяхъ мнѣ кажется болѣе цѣлесообразнымъ спрашивать не то, какъ вообще писцы пользовались приправочными документами, а какъ пользовался ими данный писецъ въ какомъ-либо опредѣленномъ случаѣ. При такой постановкѣ вопроса отвѣтъ возможенъ только послѣ тщательнаго изученія писцовой книги въ связи со всѣми обстоятельствами ея происхожденія[2]). Такое изслѣдованіе необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда въ основу работы полагаются книги опредѣленной мѣстности, но для моей настоящей задачи излишне.

---

[1]) Нѣсколько замѣчаній объ одной редакціи, хранящейся въ Московск. Архивѣ Мин. Ин. дѣлъ, см. въ XII приложеніи (стран. 413—414) I тома Сошнаго письма.

[2]) Нѣтъ возможности предвидѣть и перечислить всѣ тѣ средства и пріемы, которые могутъ быть употреблены изслѣдователями съ этой цѣлью. Нѣсколько замѣчаній по этому вопросу помѣщено ниже, въ IV приложеніи.

X. Общія основанія описательныхъ работъ.

Посильность тягла въ XV—XVI вѣкахъ. Опредѣленіе по силамъ тягла льготчиковъ. Посильность тягла въ XVII вѣкѣ: 1) на посадахъ, 2) въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ и 3) въ частновладѣльческихъ земляхъ. — Старина и ея значеніе въ писцовомъ дѣлѣ. Сохранность старины въ Поморьѣ и ея упадокъ въ городахъ служилаго землевладѣнія. — Участіе въ описаніяхъ старостъ, выборныхъ людей и самого населенія. Отношенія между писцами и населеніемъ на посадахъ, въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ и въ частновладѣльческихъ земляхъ. Мѣры, которыя принимало правительство противъ обмановъ. Свѣдѣнья, которыя должны были давать писцамъ посадскіе люди и черные и дворцовые крестьяне, и участіе послѣднихъ въ опредѣленіи условій и размѣра тягла. Тотъ же вопросъ въ частновладѣльческихъ земляхъ. — Договоръ и соглашенія въ сошномъ письмѣ. Договоръ при возникновеніи налоговъ. Замѣна кормленій оброкомъ и посошными налогами. Оброкъ съ пустыхъ вытей въ XVII вѣкѣ. Договоръ о тяглѣ. Поряда въ тягло вольныхъ людей. Соглашенія о тяглѣ. Общая характеристика отношеній приказовъ и писцовъ къ государевымъ тяглымъ людямъ. Отношеніе писцовъ къ населенію частновладѣльческихъ земель.

Основнымъ принципомъ посошнаго и вытнаго тягла, какъ въ XV и XVI вѣкахъ, такъ и въ XVII-мъ, была его посильность: всякій долженъ тянуть тягло по своей силѣ. Понятіе посильнаго тягла, несомнѣнно, не было одинаковымъ на всемъ пространствѣ Московскаго государства, содержаніе его измѣнялось съ теченіемъ времени, но по существу оно оставалось основнымъ принципомъ финансовой политики какъ удѣльныхъ князей, такъ и московскихъ царей. Посильное тягло имѣетъ опредѣленно выраженный субъективный характеръ: обложенію подлежатъ не земли и угодья, не животы, не торги и промыслы и т. п., взятые порознь или въ совокупности, сами по себѣ, а индивидуальная тягловая сила тяглеца-хозяина. «По человѣку глядя», «по людямъ» — вотъ самое краткое и опредѣленное выраженіе идеи индивидуально-посильнаго тягла, которое встрѣчается въ актахъ XV—XVII вѣковъ. По существу это — мірской принципъ тягла, о которомъ я говорилъ выше. Правительство вноситъ въ него, сообразно своимъ нуждамъ и

свойствамъ своего фискальнаго механизма, тѣ или другія, большія или меньшія измѣненія, но исходное основаніе у него и у тяглаго міра одно и то же.

Князь Владиміръ Андреевичъ, распредѣляя въ своей духовной (1410 г.) между женой и дѣтьми движимое и недвижимое имущество, указывалъ, сколько должны давать его жена и дѣти съ своихъ удѣловъ въ 5000 р. ордынской дани [1]). Великій князь Василій Дмитріевичъ въ своихъ духовныхъ 1423 и 1424 годовъ не опредѣлилъ уроковъ, т.-е. долей, дани сонаслѣдниковъ, а завѣщалъ княгинѣ и сыну послать въ волости и села писцовъ и положить на нихъ дань «по людямъ, по силѣ» [2]). Великій князь Василій Васильевичъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ своей первой духовной (1462 г.) пишетъ, что княгиня и дѣти, получивъ удѣлы, «пошлютъ писцовъ, да удѣлы свои писцы ихъ опишутъ по крестному цѣлованью, да по тому письму и обложатъ по сохамъ и по людямъ, да по тому окладу моя княгиня и мои дѣти и въ выходъ учнутъ давати сыну моему Ивану съ своихъ удѣловъ» [3]).

Многочисленныя льготныя грамоты XV вѣка разныхъ княженій о посильности тягла говорятъ въ однообразныхъ выраженіяхъ. Въ началѣ XV в. нижегородскій князь Александръ Ивановичъ, въ жалованной грамотѣ Благовѣщенскому монастырю, освобождаетъ на 10 лѣтъ отъ всѣхъ даней людей, которыхъ монастырь призоветъ изъ другихъ княженій, — «а уживутъ 10 лѣтъ, и они потянутъ съ старожильцы по силѣ» [4]). Въ грамотѣ 1424 г. московскаго великаго князя И. Кафтыреву сказано, что льготчики послѣ льготныхъ лѣтъ «потянутъ съ боярскими сиротами къ черным людямъ въ дань мою по силѣ» [5]).

---

[1]) С. Г. и Д., I, № 40. «А выйдетъ дань великаго князя ко ордѣ дати, и дѣти мои и княгиня моя возьмутъ дань кто же на своемъ удѣлѣ по уроку, что въ сей грамотѣ писано».

[2]) Тамъ же, № 41. Въ духовной 1424 г.: «по людямъ и по силѣ». Тамъ же, № 42.

[3]) Тамъ же, № 86.

[4]) А. А. Э., I, № 17. То же въ грамотахъ: вел. кн. Василія Дмитріевича (1421 г.) митрополиту Фотію (тамъ же, № 20), игумену Никону (Ак. юр. б., I, № 31), Курмышскому Спасскому-Благовѣщенскому монастырю (1423 г. А. А. Э., I, № 21, и П. Ивановъ, Описаніе Государств. архива старыхъ дѣлъ, стран. 207. М. 1850 г.). Другія грамоты московскихъ и другихъ князей: А. А. Э., I, №№ 39 и 88; Ак. юр. б., I, № 31, VI; А. И., I, №№ 87 и 88; М. А. Дьяконовъ, Акты тяглаго населенія, II вып., № 1; Акты А. Юшкова, № 14.

[5]) Тамъ же, № 4.

Въ грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича С. Писареву: «по силамъ»[1]).

Многочисленность и однообразіе этихъ выраженій относительно основного принципа тягла позволяютъ заключить, что здѣсь рѣчь идетъ о повсемѣстномъ и всѣмъ хорошо знакомомъ принципѣ, настолько извѣстномъ, что многія льготныя грамоты, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, совсѣмъ не поясняютъ, какъ должны тянуть тягло льготчики послѣ льготныхъ лѣтъ. Изслѣдованіе этого источника, въ связи съ показаніями актовъ послѣдующаго времени, даетъ возможность сдѣлать еще такіе выводы. Во-первыхъ, тягло посильно тянутъ не только льготчики-новоприходцы, но и старожилы, т.-е. всѣ черные люди. Во-вторыхъ, это — не только мірской принципъ размета всякихъ тяглей и потуговъ, но и принципъ великихъ князей и ихъ писцовъ. Поэтому выраженія: «по сохамъ», «по людямъ» и «по силамъ» по существу однозначущи и вовсе не обозначаютъ различныхъ пріемовъ оклада. На послѣднее слѣдуетъ обратить особое вниманіе, такъ какъ нѣкоторыя грамоты XVI в. могутъ подать поводъ думать, что окладъ писцовъ былъ существенно отличенъ отъ мірского оклада, что платежъ налоговъ «по писцовымъ книгамъ» отличался отъ платежа по мірскому окладу не по формальнымъ основаніямъ, а по существу.

Дѣло, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что выраженія льготныхъ и жалованныхъ грамотъ XVI в., дѣйствительно, измѣняются, но не потому, что вырабатываются новыя основанія правительственнаго оклада, а потому, что измѣняются условія жизни и порядки управленія. Въ XV в. даньщикъ, т.-е. сборщикъ податей, часто бывалъ одновременно и писцомъ, и наоборотъ — писецъ бывалъ даньщикомъ. При слабомъ развитіи мѣстныхъ органовъ управленья и при правѣ населенія переходить такое приближеніе писца къ населенію было не только цѣлесообразно, но, можетъ быть, часто и необходимо. Въ XVI в. уже некого перезывать въ тягло на льготу изъ иныхъ княженій, а съ теченіемъ времени все тяглое населеніе постепенно лишается права перехода; на льготу въ тягло могутъ садиться только неписьменные и нетяглые люди — вольные охочіе люди, не бывшіе раньше въ тяглѣ, да дѣти

[1]) Тамъ же, № 27. Такъ же въ другихъ грамотахъ — тамъ же, №№ 15 и 27, и Ак. юр. б., I, № 31, V.

и родственники тяглыхъ людей. Съ другой стороны, во второй половинѣ вѣка значительно развивается мѣстное управленіе. При такихъ условіяхъ писецъ перестаетъ быть даньщикомъ, и является возможность производить описанія рѣже и подробнѣе. Эти обстоятельства отразились на выраженіяхъ льготныхъ и жалованныхъ грамотъ.

Въ грамотѣ 7032 г. великаго князя Василія Ивановича двинянину Ив. Кобелю съ товарищами сказано: «а какъ отсидятъ тѣ свои урочныя лѣта, и имъ потянути въ мою, великаго князя, дань и во всѣ пошлины, чѣмъ ихъ обложитъ мой, великаго князя, писецъ»[1]). Это выраженіе, несомнѣнно, страдаетъ неточностью: великій князь не станетъ посылать и обыкновенно не посылалъ писцовъ нарочно, чтобы обложить льготчиковъ въ тотъ моментъ, когда будетъ истекать срокъ льготы. Обычный въ этомъ дѣлѣ порядокъ въ XVI и XVII вѣкахъ былъ такой: 1) либо льготчики по истеченіи льготныхъ лѣтъ должны были тянуть тягло «въ пособь міру», т.-е. въ старый правительственный окладъ, положенный раньше писцами на міръ, пока при новомъ описаніи писецъ положитъ ихъ въ тягло вновь, 2) либо мѣстные органы правительства послѣ срока льготы облагали льготчиковъ временно, впредь до писцовъ, либо, наконецъ, 3) въ самой льготной грамотѣ были опредѣляемы платежи и сошный или вытный окладъ, съ котораго долженъ былъ платить льготчикъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ тягло льготчиковъ, какъ и всѣхъ тяглыхъ людей, опредѣлялось тяглыми мірами и писцами по силамъ. Это нетрудно доказать.

Въ грамотѣ 55 г. вятчанамъ Шестаковскаго городка предписывается послѣ льготныхъ лѣтъ потянуть «во всякіе протори и въ разметы съ слобожаны по силѣ, чѣмъ ихъ обложатъ, докуды ихъ нашъ писецъ опишетъ»[2]). Что тяглые міры облагали своихъ сочленовъ по силѣ, это извѣстно и, кажется, никѣмъ не оспаривалось, но и конецъ приведенной выдержки не слѣдуетъ понимать такъ, будто писецъ положитъ тягло по иному принципу, а не по силамъ. Міръ и писецъ могли положить въ основу оцѣнки силъ не одинаковые признаки, могли разойтись въ результатахъ оцѣнки, но основной принципъ у нихъ одинъ. Это выражено опредѣленно въ грамотѣ 56 г. причту церкви Ивана Предтечи на Толшмѣ, въ Тотемскомъ уѣздѣ, въ которой

[1]) А. А. Э., I, № 385. То же въ грамотахъ Строгановымъ 72 и 76 годовъ. А. И., I, №№ 117 и 119.

[2]) Тамъ же, № 210.

сказано, что жильцы, созванные на тягло причтомъ, послѣ 10 лѣтъ льготы потянутъ съ черными людьми «во всѣ протори и въ разметы по силѣ, чѣмъ ихъ обложатъ своя братья и впредь чѣмъ нашъ писецъ обложитъ»[1]). Чтобы устранить сомнѣнія въ правильности такого пониманія приведенной выдержки, слѣдуетъ обратить вниманіе на третью форму опредѣленія тягла льготчиковъ, т.-е. на тѣ случаи, когда въ самой льготной былъ заранѣе опредѣленъ окладъ, съ котораго долженъ былъ платить льготчикъ.

Съ точки зрѣнія изслѣдователей, противополагавшихъ мірской окладъ правительственному и видѣвшихъ въ сохахъ и другихъ окладныхъ единицахъ указанія на дѣйствительную запашку тяглыхъ хозяйствъ, послѣдніе случаи не поддавались удовлетворительному толкованію. Съ этой точки зрѣнія казалось непонятнымъ, какъ писецъ или другое правительственное лицо могли предвидѣть, сколько будетъ распахивать льготчикъ черезъ 10, 15 или 20 лѣтъ, тѣмъ болѣе непонятнымъ, что иногда имъ не было извѣстно точно даже общее количество земли, которую получалъ льготчикъ, а не только количество пахотной или пригодной для пашни земли. Напр., въ 73 г. устюжскій и сольвычегодскій писецъ Юр. Самсоновъ, дозря чернаго лѣса въ Лузской волости и не измѣряя его, какъ это видно изъ льготной, засвидѣтельствовалъ, что «на тому лѣсу роспашей пашенъ и поженъ и никакихъ угодій нѣтъ», и далъ его на льготу Ѳ. Аникееву на 15 лѣтъ, — «а какъ урочные годы отойдутъ, и Ѳедькѣ тянуть съ черными людьми къ Антропьевѣ слободѣ съ пол-пол-пол-чети сохи»[2]). А вотъ случай XVII в., въ которомъ дозорщикамъ было извѣстно общее количество земли. Въ 128 г. сольвычегодскіе дозорщики дали на льготу, на 5 лѣтъ, Лар. Дьякову пустошь въ Алексинскомъ стану, въ которой было «четвертныя пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло 7 четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жъ», ... «а какъ отойдутъ льготные годы, и ему, Ларькѣ, съ тое пустоши государевъ оброкъ и дань, и всякіе мірскіе расходы, и всякіе прогоны, и въ сибирскіе запасы платить съ получетверти выти»[3]). Такъ какъ у Соли Выче-

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и Др. 1907 г. III кн., смѣсь, стран. 31.

[2]) Ак. п. д., I, стран. 263. Рѣчь идетъ объ устюжской малой сошкѣ, въ которой не было опредѣленнаго числа четей пашни. См. Сошное письмо, I, стран. 66—68.

[3]) Арх. Мин. Ин. д., Приказн. дѣлъ новаго разбора № 530, л. 293.

годской въ выть было положено по 12 четей доброй земли, то выходило, что въ данномъ случаѣ дозорщики изъ 7 четвертей всей земли положили въ живущее полторы четверти.

И. Н. Миклашевскій обратилъ вниманіе на подобные случаи и привелъ нѣсколько хорошихъ примѣровъ, но его попытка объяснить ихъ страдаетъ недосказанностью. Онъ указалъ, что засѣчный сторожъ М. Григорьевъ получилъ на льготу въ Рязанскомъ уѣздѣ 20 четей дикаго поля, со 106 года по 113-й, — «а какъ отойдутъ льготные годы, и ему платить съ живущаго съ 2 чети»[1]). Чтобы объяснить подобные случаи, И. Н. Миклашевскій высказалъ предположеніе, что, и до указовъ о дворовой чети живущей пашни, въ живущее сошное письмо клали «нѣкоторую часть пашни», а далѣе, указывая положеніе въ живущее льготчиковъ, прибавилъ, что въ такихъ случаяхъ «платежъ съ живущаго устанавливался не со всего количества распаханной въ продолженіи льготныхъ лѣтъ пашни, а съ заранѣе опредѣленнаго количества части ея». Такимъ образомъ, И. Н. Миклашевскій прямо не сказалъ, что, при положеніи въ тягло льготчиковъ, въ живущее клали опредѣленную часть льготнаго участка, а изъ приводимыхъ имъ и изъ другихъ примѣровъ изъ того же источника видно, что въ Рязанскомъ уѣздѣ живущая пашня льготчиковъ составляла то $^1/_9$, то $^1/_{10}$, то $^1/_{15}$, то даже $^1/_{30}$ часть всей земли, данной на льготу. Если такъ, то естественно возникалъ вопросъ: на основаніи чего опредѣляли эту часть? Этого вопроса И. Н. Миклашевскій опредѣленно не поставилъ, хотя случай положенія въ живущее однодворцевъ ряжскими писцами 138—140 гг., разсказанный имъ передъ этимъ, не только подсказывалъ постановку вопроса, но и намѣчалъ его рѣшеніе. Дѣло въ томъ, что эти писцы, какъ и другіе, получили предписаніе класть въ живущія чети только крестьянскіе и бобыльскіе дворы. Между тѣмъ имъ встрѣтились въ уѣздѣ однодворцы, у которыхъ не было ни крестьянъ, ни бобылей, и они послѣ нѣкотораго колебанія положили ихъ въ тягло: «на однодворцевъ сошнаго письма не смѣли не положить, потому что они прежъ сего въ сошномъ письмѣ были-жъ, а положили на однодворцевъ сошнаго письма до государева указа, какъ бы имъ, однодворцамъ, *(въ ?)* сошное письмо пла-

---

[1]) Къ исторіи хозяйствен. быта Московскаго государства, страп. 45. Тамъ же въ 3 примѣчаніи дано еще нѣсколько подобныхъ случаевъ.

тить, на человѣка по четверику и по полуосминѣ и больше»[1]). На мой взглядъ, смыслъ этого случая ясенъ: писцы, не получивъ указа объ однодворцахъ, положили ихъ въ живущее по силѣ, т.-е. такъ, какъ они были положены раньше и какъ до указовъ о дворовой чети писцы клали всѣхъ тяглыхъ людей. Въ сущности И. Н. Миклашевскій такъ и понялъ этотъ случай, но не рѣшился высказаться опредѣленно: «У однодворцевъ не было ни крестьянъ, ни бобылей. Значитъ, для исчисленія живущей пашни писцы должны были руководствоваться другими условіями, опредѣляющими платежную способность ихъ, а среди этихъ условій количество распахиваемой земли могло имѣть большое значеніе, хотя, конечно, при этомъ могли быть принимаемы во вниманіе другія условія, какъ, напр., количество взрослаго населенія дворовъ, количество живого и мертваго инвентаря и т. д.» [2]). Не высказавшись опредѣленно, И. Н. Миклашевскій не приложилъ этого наблюденія къ льготчикамъ, а сдѣлалъ вмѣсто этого предположеніе о «части пашни», полагаемой изстари въ живущее, которое ничего не объясняетъ. Между тѣмъ, вопросъ разрѣшается просто, если признать, что тягло льготчиковъ опредѣлялось писцами «по силамъ», по ихъ представленію о платежеспособности льготчика, основанному на цѣломъ рядѣ признаковъ.

Посильность тягла можно понимать двояко: какъ равномѣрно обременительное для всѣхъ и каждаго тягло, тягло соотвѣтствующее силамъ каждаго тяглеца, и во-вторыхъ, какъ максимальное, но не превосходящее силы, и равномѣрное для всѣхъ тягло. Для сужденія о томъ, къ какому пониманію посильности склонялись въ XVII в. приказы и писцы, мы имѣемъ обильные источники. Особенно важны въ этомъ отношеніи писцовые наказы.

Въ наказѣ 126 г. дозорщикамъ посада Нижняго Новгорода велѣно «положити въ тягло всякаго человѣка въ правду, по государеву крестному цѣлованью, не норовя никому ни въ чемъ, и недружбою ни на кого не дѣломъ не писати»; посадскимъ людямъ дозорщики должны сказать, чтобы они дворовъ и людей не таили и «ска-

---

[1]) И. Н. Миклашевскій, Къ исторіи и т. д., стран. 43—45. И. Н. Миклашевскій по ошибкѣ отнесъ этотъ случай къ Рязанскому уѣзду; въ дѣйствительности это произошло съ писцами Ряжскаго, Данковскаго и Лебедянскаго уѣздовъ. Объ этомъ и объ однодворцахъ см. ниже, въ главѣ о дворовой чети.

[2]) Указан. сочиненіе, стран. 45.

зывали прямо въ правду по государеву крестному цѣлованью, какъ нынѣ и впередъ мочно жити и государево тягло тянути; того имъ *(т.-е. дозорщикамъ)* смотрѣти и беречи накрѣпко, что-бъ государеву тяглу убыли, а имъ бы *(посадскимъ людямъ)* лишнія тягости не было». Въ заключительной части наказа это предписаніе повторяется и подкрѣпляется угрозой: «А будетъ они *(дозорщики)* учнутъ дозирать и писати не прямо по поноровкѣ кому, или на кого лишнее положено будетъ не по силѣ, и государево будетъ тягло облегчатъ не противъ живущаго, а послѣ про то сыщется, и имъ за то отъ государя . . . *(п. т.)* быти въ великой опалѣ» [1]). Въ наказѣ 127 г. дозорщикамъ Пскова велѣно положить посадскихъ людей въ сошное тягло, «примѣрясь къ прежнимъ писцовымъ и къ платежнымъ книгамъ и смотря по тамошнему дѣлу, въ правду по нашему крестному цѣлованью, какъ бы нашей казнѣ убыли не было, а псковичамъ всякимъ тяглымъ людямъ большія тягости не было же» [2]). Въ одной изъ заключительныхъ статей вяземскаго посадскаго наказа 135 г. сказано: «А не по дѣлу никакого лишка въ сошномъ письмѣ и въ оброкѣхъ потому-жъ не прибавливати, и искати во всемъ государю прибыли въ правду, какъ бы государевѣ казнѣ было прибыльнѣе, а посадскимъ бы людямъ впередъ государевы подати платить было возможно» [3]).

Въ этихъ трехъ наказахъ нѣтъ предписанья, по скольку дворовъ класть въ соху, но и въ тѣхъ наказахъ, гдѣ оно есть, мы читаемъ то же самое; опредѣленная норма дворовъ на соху, которую приказъ даетъ писцамъ, вовсе не противорѣчитъ, съ его точки зрѣнія, принципу посильности тягла. Наказъ 133 г., данный изъ Владимирской чети писцамъ Болхова, Воротынска, Путивля и Рыльска, указываетъ, по скольку дворовъ писцы должны класть на соху, и повторяетъ затѣмъ дословно то, что сказано въ вяземскомъ наказѣ 135 г. [4]). Въ вологодскомъ и гороховецкомъ наказахъ 135 г. написано одинаково — писцамъ велѣно тяглые дворы «положити въ сошное письмо по государеву . . . . *(п. т.)* указу, а класти въ соху на Вологдѣ на посадѣ черныхъ дворовъ лучшихъ людей по 40 дворовъ, а середнихъ по 50 и по 60 дворовъ, а молодшихъ по 70 и по

---

[1]) Ак. п. д., I, № 38.
[2]) Тамъ же, № 85 (стран. 126).
[3]) Тамъ же, № 224 (стран. 462).
[4]) Тамъ же, № 151 (стран. 314—315).

80 дворовъ, а которые добрѣ бѣдны, и тѣхъ по 100 дворовъ на соху, разсмотря о томъ накрѣпко, и по людямъ, и по прожиткамъ, и по торгамъ, и по промысламъ, и примѣряся къ прежнимъ писцовымъ и платежнымъ книгамъ, въ правду по государеву крестному цѣлованью, какъ бы государевѣ казнѣ убыли не было, а вологжанамъ всякимъ тяглымъ людямъ большія тягости не было-жъ». Въ концѣ этихъ наказовъ послѣдняя мысль выражена еще ярче: «какъ бы государевѣ казнѣ было прибыльнѣе, а посадскимъ бы людямъ впередъ государевы подати платить было возможно» [1]). То же повторяется, на разные лады, но съ несущественными измѣненіями, въ другихъ посадскихъ наказахъ. Ниже я буду подробно говорить о томъ, какъ писцы мирили и примѣняли на дѣлѣ эти, частью противорѣчивыя, предписанія, а пока ограничиваюсь указаніемъ на основной принципъ: тягло посадскихъ людей должно быть посильно, во-первыхъ, такъ, чтобы давать казнѣ возможно бóльшую прибыль безъ разоренья тяглецовъ, а во-вторыхъ, чтобы всѣ и каждый были обложены соотвѣтственно своимъ личнымъ силамъ.

По поводу послѣдняго слѣдуетъ сдѣлать поясненіе. Извѣстно, что обыкновенно писцы клали посадскихъ людей въ одинъ общій сошный окладъ, съ котораго посадъ тянулъ тягло за круговой порукой, раскладывая всѣ платежи по мірскому окладу. Однако это не значитъ, что писцы во время описанія должны были опредѣлять размѣръ оклада огуломъ для всего посада. Наоборотъ, нѣкоторые наказы (напр. нижегородскій) прямо говорятъ, а другіе подразумѣваютъ, что писцы должны выяснять силы и класть въ тягло «всякаго человѣка въ правду», и уже послѣ объединить эти оцѣнки силъ и опредѣлить общій окладъ посада. Опредѣлять силу тяглыхъ людей и класть ихъ въ тягло писцы должны были по животамъ, торгамъ и промысламъ и принимая во вниманіе личный составъ тяглыхъ хозяйствъ, словомъ на основаніи всѣхъ признаковъ индивидуальной тяглоспособности хозяйствъ.

Тотъ же принципъ посильности тягла мы видимъ въ различныхъ частныхъ случаяхъ посадскаго сошнаго оклада.

Если какому-нибудь старому тяглецу или новому, охочему человѣку, садящемуся на тягло, придется дать льготу, то писцы должны

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 257 (стран. 541—542) и 264.

ее давать, смотря по человѣку и по его животамъ и промысламъ. Въ данковскомъ наказѣ 133 г. бѣднымъ людямъ, возвращеннымъ на старое тягло, велѣно давать льготы «года на 2, и на 3, и больше, смотря по людямъ и по ихъ животамъ и по промысламъ, разспрашивая посадскихъ людей» [1]). Въ вяземскомъ наказѣ 135 г. писцамъ предписывается свозить на старыя мѣста закладчиковъ — «и въ тягло ихъ земскимъ старостамъ велѣти обложити по ихъ животамъ и по промысламъ». Бѣднымъ тяглецамъ велѣно давать льготы «на годъ, или на 2, и на 3, и больше, смотря по людямъ и по ихъ животамъ и по промысламъ, разспрашивая про то старостъ и выборныхъ людей накрѣпко». Новымъ тяглецамъ велѣно давать льготы «потому-жъ, смотря по ихъ животамъ и по промысламъ, какъ бы государю было прибыльнѣе, а имъ бы потому-жъ возможно было жить и впередъ оброкъ платить» [2]).

Во всѣхъ наказахъ, въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ, предписывается всякихъ захребетниковъ, т.-е. такихъ людей, которые живутъ въ сосѣдяхъ или у своихъ родственниковъ и ведутъ самостоятельное хозяйство, но тягла не тянутъ, писать въ тяглые люди. Напр., въ каргопольскомъ наказѣ 127 г. про захретебниковъ сказано: «А будетъ тѣ люди живутъ въ избыляхъ, а государевыхъ податей съ мірскими людьми не платятъ, а торгуютъ и всякими промыслы промышляютъ, а въ тяглѣ имъ съ тяглыми людьми быти мочно, и тѣхъ людей велѣти старостамъ и выборнымъ людямъ въ тягло обложити по ихъ животамъ и по промысламъ, что-бъ никаковъ торговой и промышленной (и) рукодѣльной человѣкъ въ государевыхъ податяхъ въ избылыхъ не былъ; и тѣхъ людей написати въ книги, чѣмъ кого въ тяглѣ обложатъ» [3]).

Интересно отмѣтить слѣдующую подробность наказовъ. Когда они говорятъ о старыхъ наличныхъ тяглецахъ, то-есть о нормальныхъ хозяйствахъ, то предписываютъ писцамъ, при наложеніи на нихъ тягла, руководиться сказками старостъ и выборныхъ, примѣриваться къ тому, какъ они были положены въ тягло раньше, допрашивать ихъ въ случаѣ надобности лично и опредѣлять тягло по силамъ по своему усмотрѣнью. Что же касается льготчиковъ и закладчи-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 154 (стран. 318).
[2]) Тамъ же, № 224 (стран. 459).
[3]) Тамъ же, № 89 (стран. 132).

ковъ, силы и нормальное хозяйство которыхъ писцамъ было очень трудно оцѣнить, то наказы подчеркиваютъ относительно ихъ важную роль выборныхъ и выражаются такъ, какъ будто выборные, а не писцы, должны класть такихъ людей въ тягло[1]). Въ дѣйствительности право обложенія этихъ людей принадлежало писцамъ же, отъ которыхъ зависѣло опредѣлить и написать въ свои книги на нихъ тягло, но по необходимости приходилось дѣлать это, «разспрашивая накрѣпко» и «совѣтуя» съ мірскими людьми. По существу было вполнѣ допустимо и возможно поручить обложеніе такихъ людей выборнымъ (подъ наблюденіемъ, конечно, писцовъ), такъ какъ основной принципъ правительственнаго и мірского оклада былъ одинаковъ — посильность тягла.

Несомнѣнно, что приказное пониманіе посильности тягла не было тожественнымъ съ мірскимъ. Мірскіе люди, которымъ приходилось тянуть тягло за круговой порукой, т.-е. постоянно раскладывать между собой всѣ подати и повинности, понимали посильность не какъ наивысшее неразорительное тягло, а въ смыслѣ соотвѣтствія его силамъ каждаго тяглеца[2]), тогда какъ приказы стремились проводить принципъ наивысшаго тягла, а на соотвѣтствіе тягла силамъ отдѣльныхъ тяглецовъ смотрѣли какъ на естественный выводъ и неизбѣжный путь для достиженія возможно бо́льшей прибыли государевѣ казнѣ. Какъ бы то ни было, въ источникахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній на то, что основной принципъ правительственнаго посадскаго тягла былъ противоположенъ или существенно отличенъ отъ мірского.

Тотъ же принципъ посильности тягла и съ тѣмъ же оттѣнкомъ правительство проводитъ въ наказахъ и указныхъ грамотахъ къ писцамъ и относительно уѣздныхъ людей. Только при обложеніи послѣднихъ, сообразно особенностямъ ихъ хозяйственнаго быта, писцы должны были обращать преимущественное вниманіе на другіе признаки хозяйственной и податной силы. Посады были средоточіемъ торговъ и промысловъ, а пашня и угодья были второстепеннымъ, въ видѣ

---

[1]) См., напр., выше выдержку изъ каргопольскаго наказа.

[2]) Понятіе о наивысшемъ посильномъ тяглѣ, конечно, было извѣстно и міру и выражалось въ томъ, что онъ облагалъ оброкомъ или освобождалъ отъ тягла совсѣмъ тѣхъ людей, которымъ было не подъ силу тянуть сошное тягло или платить оброкъ.

общаго правила, источникомъ благосостоянія посадскихъ людей. Поэтому главными признаками силы посадскихъ людей служили: во-первыхъ, животы, т.-е. движимое имущество вообще, во-вторыхъ, промыслы, т.-е. вообще всякія хозяйственныя предпріятія съ приложеніемъ какъ движимаго, такъ и недвижимаго капиталовъ, въ-третьихъ, торги и, наконецъ, личный составъ тяглыхъ хозяйствъ и личный, безъ приложенія капитала, заработокъ тяглецовъ. Въ уѣздахъ было мало торговыхъ и промышленныхъ людей, а ремесленнымъ людямъ, по выраженію современныхъ документовъ, тамъ «держаться было не у чего», т.-е. спросъ на ихъ трудъ былъ не настолько значителенъ, чтобы давать ремесленникамъ прочное обезпеченіе и исключительный источникъ существованія. Основу благосостоянія уѣздныхъ людей составляли хлѣбопашество и связанные съ нимъ промыслы, какъ, напр., животноводство, а различныя отрасли обрабатывающей промышленности для большинства населенія были второстепеннымъ источникомъ существованія. Поэтому главнымъ признакомъ хозяйственной и податной силы уѣздныхъ тяглецовъ были пашня и угодья, а торги и промыслы — второстепеннымъ.

Посмотримъ, что говорятъ наказы о положеніи въ тягло дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ.

Въ наказѣ 130 г. для описанія дворцовыхъ селъ и монастырскихъ земель Старорусскаго уѣзда указано, по скольку четей пашни писцы должны класть въ выти и въ сохи, а затѣмъ прибавлено, что писцы должны класть крестьянъ въ вытное и сошное тягло, «примѣриваяся къ прежнимъ же писцовымъ и къ дозорнымъ книгамъ и смотря по дѣлу, какъ бы государевѣ казнѣ убытка не было, а старорусскимъ бы посадскимъ людямъ и Старорусскихъ окологородныхъ погостовъ и Сумерскаго погоста и Старопольскія волостки крестьянамъ и всякимъ тяглымъ людямъ большія тягости не было-жъ, и что-бъ всякая прибыль впередъ была крѣпка и стоятельна». Въ заключительной части наказа эта мысль повторяется въ другихъ выраженіяхъ: писцамъ предписывается работать по наказу и добросовѣстно—«живущихъ дворовъ въ пусто, а добрыя земли за середнюю, а середнія за худую землю не писати, и со всякихъ оброчныхъ угодій никакихъ государевыхъ доходовъ не по дѣлу не складывати» . . . . «а не по дѣлу ни на кого лишка въ сошномъ письмѣ и въ оброкѣхъ не прибавливати и искати во всемъ государю прибыли, какъ бы государевѣ казнѣ было

прибыльнѣе, а посадскимъ бы и волостнымъ людямъ впередъ государевы подати платить было возможно»[1]). Эта идея посильнаго и наиболѣе прибыльнаго для казны тягла повторяется на разные лады во всѣхъ извѣстныхъ намъ наказахъ. Особенно ярко она выражена въ вятскомъ наказѣ 136 года. Описавъ посады и уѣзды, писцы должны положить вятчанъ въ выти и въ сохи по наказу и по совѣсти, «и смотря по тамошнему дѣлу — посадскихъ людей по ихъ животамъ и по всякимъ ихъ промысламъ, а уѣздныхъ людей по пашнѣ и по всякимъ угодьямъ и по промысламъ, какъ бы государевѣ казнѣ было прибыльнѣе, а посадскимъ бы и уѣзднымъ и всякимъ тяглымъ людямъ государевы всякія подати платить и ямскіе подводы отпускати возможно ежегодъ безпереводно»[2]). Въ грамотѣ 132 г. къ воеводѣ Лукъ Великихъ о дозорѣ дворцовой Никольской волости предписывается положить на крестьянъ тягло, «смотря по людямъ, и по промысламъ, и по землѣ, и по угодью, и какъ бы нашей казнѣ было прибыльнѣе, а тѣмъ бы всякимъ людямъ какъ впредь мочно было прож(ить и) наши денежные доходы возможно платить; учинилъ бы о томъ по разсмотрѣнью въ правду, по нашему крестному цѣлованью, — то наше дѣло во всемъ положено на тебя»[3]).

Тотъ же принципъ высказываютъ приказы въ частныхъ случаяхъ. Въ 132 г., по челобитью крестьянина В. Гниды, устюжскимъ писцамъ было велѣно отписать его сошнымъ и вытнымъ письмомъ отъ волости[4]), «а, дозря и описавъ, положити въ выти и въ сошное письмо въ правду, и смотря по землѣ и по угодью и по его крестьянскимъ животамъ и по промысламъ, во что пригоже»[5]).

Статьи писцовыхъ наказовъ относительно того, какъ писцы должны верстать крестьянъ на выти, проникнуты тѣмъ же принципомъ посильности тягла и бросаютъ яркій свѣтъ на соотношеніе между живущимъ сошнымъ и вытнымъ окладомъ, съ котораго приходилось

[1]) Ак. п. д., I, стран. 183 и 189.

[2]) Тамъ же, II, № 28 (стран. 73). Сверхъ наказовъ, напечатанныхъ въ Актахъ писцоваго дѣла, см. наказъ 182 г. писцамъ дворцовыхъ земель Угличскаго уѣзда, въ которомъ предписывается положить крестьянъ въ сошное письмо и опредѣлить ихъ платежи, «смотря по пашнѣ и по угодью, чтобы имъ тягло тянуть и всякіе доходы платить было въ силу». Труды Ярославск. Арх. Ком., II выпускъ (М. 1892 г.), стран. 34.

[3]) Ак. п. д., I, № 138.

[4]) Объ этомъ — Сошное письмо, I, стран. 309.

[5]) Прик. д. стар. л., 1627 г. № 80.

тянуть тягло, и дѣйствительными размѣрами запашки тяглыхъ хозяйствъ. Въ устюжскомъ наказѣ 131 г. читаемъ: «А въ которыхъ селахъ и въ деревняхъ ни живущихъ вытяхъ живетъ крестьянъ человѣкъ по 5, и по 6, или по 10 и больше на одной выти, а тѣ будетъ крестьяне животомъ прожиточны и семьянисты гораздо, и имъ *(т.-е. писцамъ)* тѣхъ крестьянъ разсаживати на пустыя выти, или къ нимъ прибавливати пашню изъ пустыхъ земель, что-бъ одинолично въ томъ государю прибыль учинити, а жилъ бы всякъ на пашнѣ. А на выти писати и верстати крестьянъ; примѣряся къ прежнимъ писцовымъ книгамъ, по кольку человѣкъ пригоже, смотря по животамъ и по промысламъ и по угодьямъ»[1]). Не слѣдуетъ понимать эту статью буквально, — выть вовсе не станетъ больше отъ того, что писцы будутъ «прибавливать» пашню на тяглецовъ. Писцамъ предписывается разсадить крестьянъ на пустыя выти, т.-е. записать за ними участки, которые были въ тяглѣ, но запустѣли, или дать имъ земли изъ пустыхъ земель, словомъ положить на нихъ вытный окладъ. Сдѣлать это писцы должны, примѣриваясь къ тому, что было раньше, и смотря по животамъ, промысламъ, землѣ и угодьямъ.

Однообразіе, съ которымъ эта статья почти дословно повторяется во всѣхъ наказахъ, показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ прочно установившимся и общеизвѣстнымъ пріемомъ положенія людей въ вытное тягло. Смыслъ этой статьи ясенъ: дѣйствительный размѣръ запашки тяглыхъ хозяйствъ есть только одинъ изъ признаковъ ихъ тяглоспособности. Поэтому писцы при опредѣленіи тягла должны руководиться имъ только въ той мѣрѣ, въ какой онъ совпадаетъ съ другими признаками. Если тяглый человѣкъ прожиточенъ и семьянистъ, то писцы должны дать ему еще земли, написать эту землю *на него* и прибавить тягла. Такое пониманіе этой статьи подтверждается одной изъ статей наказовъ, которая обыкновенно помѣщается передъ ней. Въ томъ же устюжскомъ наказѣ 131 г. читаемъ: «А которые будетъ крестьяне пашутъ пустыя крестьянскія-жъ жеребьи въ тѣхъ же волостяхъ и въ деревняхъ и въ починкахъ опричь своей тяглыя пашни лишекъ, а тягла съ той припашной пашни не тянутъ, и писцамъ . . . . та ихъ лишняя прибавочная пашня написати на нихъ въ живущія выти въ тягло къ ихъ прежней тяглой

---

[1]) Ак. п. д., I, № 115 (стран. 211—212).

пашнѣ и оброкъ на нихъ съ тѣхъ прибылыхъ пашенъ положити, примѣриваяся къ инымъ землямъ, какъ бы имъ платить было возможно и что-бъ ихъ въ тяглѣ не отяжелить» [1]). Если не обратить достаточно вниманія на конецъ этой статьи, то можно подумать, что писцы должны положить въ живущее всю запашку, но всякое сомнѣніе устраняется, если мы посмотримъ, какъ выражена эта статья въ другихъ наказахъ. Въ устьрѣцкомъ наказѣ 127 г. дозорщикамъ предписывается «та ихъ *(т.-е. крестьянъ)* лишняя прибавочная пашня прибавливати въ выти въ тягло къ ихъ къ прежней тяглой пашнѣ, смотря по пашнѣ, и по угодью, и по ихъ животамъ и по семьямъ, сколько на кого тягла мочно прибавити» [2]). Слѣдуетъ еще разъ повторить, что выть отъ этого больше не станетъ: увеличится только доля вытнаго тягла, приходящаяся на тяглеца.

Полное отсутствіе пашни у человѣка вовсе не освобождало его отъ тягла; только отношеніе наказовъ къ такимъ людямъ нѣсколько различается: одни наказы просто предписываютъ класть ихъ въ тягло по силѣ, а другіе — давать имъ и писать «на нихъ» сверхъ того пашню. Такъ, въ наказѣ 127 г. для дозора Устьрѣцкихъ волостей написано: «А будетъ которые люди въ Устьрѣцкой волости живутъ, а пашни за ними нѣтъ, а кормятся торгомъ или какимъ промысломъ, и тѣхъ людей писати въ живущія-жъ выти по ихъ животамъ и по промысламъ и по выпросу старостъ и старожильцевъ въ правду, какъ имъ мочно въ какомъ тяглѣ быти, что-бъ въ Устьрѣцкой волости никаковъ человѣкъ въ тяглѣ въ избыляхъ не былъ» [3]). Въ каргопольскомъ наказѣ 128 г. такихъ людей велѣно класть въ тягло «съ посадскими или съ волостными людьми, смотря по ихъ животамъ и по промысламъ, что-бъ однолично никто въ государевыхъ податяхъ въ избылыхъ не былъ» [4]). Въ новгородскомъ наказѣ 130 г. и въ псковскомъ и устюжскомъ наказахъ 131 г. въ послѣдней фразѣ послѣ словъ: «смотря по ихъ животамъ и по промысламъ» прибавлено: «и пашня имъ давати, смотря по нихъ» [5]).

Всѣ приведенныя выше выдержки взяты изъ наказовъ для описанія посадовъ, черныхъ и дворцовыхъ волостей и тѣхъ монастырскихъ

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же, № 84 (стран. 114).
[3]) Тамъ же, стран. 115.
[4]) Тамъ же, стран. 143 и 135.
[5]) Тамъ же, № 104 (стран. 184), № 115 (стран. 210) и № 120 (стран. 237).

и церковныхъ земель, которыя находились въ уѣздахъ чернаго и дворцоваго землевладѣнія. О тяглѣ помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ я пока не говорилъ для большей ясности обсужденія вопроса. Это было желательно еще и потому, что относительно первыхъ сохъ исконный принципъ посильности тягла остается неизмѣннымъ въ XVII вѣкѣ, тогда какъ въ основахъ обложенія частновладѣльческихъ крестьянъ въ первой половинѣ этого вѣка происходятъ значительныя перемѣны. Разсмотримъ, каковъ былъ первоначальный принципъ и въ чемъ состояли внесенныя въ него измѣненія, а позже (въ главѣ о дворовой чети) я попытаюсь выяснить причины этихъ измѣненій.

Всѣ извѣстные намъ источники ясно говорятъ за то, что основнымъ принципомъ обложенія частновладѣльческихъ крестьянъ была та же посильность тягла, о которой я говорилъ выше. Если наказы говорятъ объ этомъ въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, то это объясняется только инымъ правовымъ положеніемъ этихъ крестьянъ [1]), а не существомъ дѣла.

Въ 131 г. Новгородская четь дала наказъ писцамъ для описанія Псковскихъ посадовъ и черныхъ, дворцовыхъ, помѣстныхъ, вотчинныхъ, монастырскихъ и церковныхъ земель Псковскаго уѣзда. Въ одной изъ послѣднихъ статей наказа мы читаемъ обычное напоминаніе писцамъ писать по совѣсти и по наказу «и искати во всемъ государю прибыли правдою, какъ бы государевѣ казнѣ было прибыльнѣе, а посадскимъ бы и волостнымъ людямъ впредъ государевы подати платити было возможно и большія тягости не было» [2]). Изъ другихъ статей наказа видно, что это напоминаніе касается одинаково какъ тягла посадовъ и дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ, такъ и частновладѣльческихъ [3]). Въ томъ же наказѣ по одному частному вопросу читаемъ слѣдующую статью: «А съ которыхъ будетъ селъ и съ деревень, съ бортныхъ и съ оброчныхъ земель, которыя розданы въ помѣстье, изстари бывали оброки съ земель, а не съ лѣсовъ, и тѣ земли писцамъ класти въ сошное письмо врядъ съ черными сохами, сыскивая накрѣпко, по своему

[1]) Напр., тѣмъ, что призывъ вольныхъ людей на льготу и сыскъ бѣглыхъ тяглецовъ въ частновладѣльческихъ земляхъ не входили въ обязанности писцовъ, а были правомъ землевладѣльцевъ.

[2]) Ак. п. д., I, № 120 (стран. 253).

[3]) Ср. тамъ же на 252 стран. статью о размѣрахъ сохи въ разныхъ земляхъ и другія статьи.

письму, какъ бы было государю прибыльнѣе и что-бъ какъ мочно было впередъ платить»[1]). Во всѣхъ извѣстныхъ намъ наказахъ, данныхъ изъ Помѣстнаго приказа, статья о положенiи въ тягло помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель редактирована почти дословно одинаково. Въ московскомъ наказѣ 134 г., послѣ предписанiя, по скольку четей земли разнаго качества класть въ соху, сказано: «А одно-лично писцамъ въ Московскомъ уѣздѣ въ сошное письмо положити, какъ бы государю . . . . *(п. т.)* было прибыльнѣе, а крестьянамъ бы тягости великiя не было, какъ бы впередъ мочно государевы тягла тянути сполна; то государь . . . *(п. т.)* положилъ на писцахъ и на ихъ душахъ»[2]). Эта статья, утратившая свое значенiе послѣ примѣненiя на практикѣ указовъ о дворовой чети, несомнѣнно, взята изъ старыхъ наказовъ и прекрасно характеризуетъ старый принципъ посошнаго тягла частновладѣльческихъ крестьянъ[3]).

Въ дополненiе къ наказамъ приведу одно косвенное, но важное указанiе на то, что принципъ посильности тягла былъ общимъ для всѣхъ тяглыхъ людей. Извѣстно, что дворцовыя и черныя земли часто попадали въ руки служилыхъ людей. Если бы тягло частновладѣльческихъ крестьянъ покоилось на другомъ принципѣ, то при отдѣлѣ служилымъ людямъ черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ отдѣльщикамъ приходилось бы измѣнять окладъ тягла послѣднихъ. Между тѣмъ ни въ одной изъ множества сохранившихся отдѣльныхъ книгъ мы этого не видимъ: обыкновенно помѣщикъ или вотчинникъ, получившiй дворцовыхъ или черныхъ крестьянъ, долженъ платить, какъ и всѣ землевладѣльцы, съ того сошнаго оклада, съ котораго платили эти крестьяне раньше. Служилые люди иногда при этомъ жаловались, что ихъ новые крестьяне положены въ сошное письмо «тяжело, по дворцовому окладу»[4]), но эти жалобы объясняются особенностями

---

[1]) Тамъ же, стран. 248.

[2]) Тамъ же, I, № 215 (стран. 433). То же въ касимовскомъ и суздальскомъ наказахъ 135 г. Тамъ же, стран. 558, и II, № 1 (стран. 11—12). Въ образцовомъ наказѣ, напечатанномъ В. Н. Седашевымъ, сказано такъ: «какъ бы и впередъ мочно государевы всякiя подати и тягло тянуть сполна; то государь . . . . *(п. т.)* положилъ на ихъ писцовыхъ душахъ». Очерки и матерiалы по исторiи землевладѣнiя и т. д., стран. 163. Цитата провѣрена мною по подлиннику.

[3]) Ниже, въ главѣ о дворовой чети, объяснено, почему въ наказахъ удержалась эта утратившая свое значенiе статья.

[4]) См., напр., Арзамасскiе помѣстные акты, № 398. М. 1915 г.

тягла дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ, съ одной стороны, и частновладѣльческихъ, съ другой, и имѣютъ въ виду уменьшеніе размѣра оклада, а не измѣненіе принциповъ его [1]).

Во второй четверти XVII в. указы о дворовой чети измѣнили основанія тягла частновладѣльческихъ крестьянъ. Я уже говорилъ, что дворовая четь была однимъ изъ пріемовъ положенія тяглыхъ людей въ сошное письмо. Указы о ней возникли на почвѣ того же принципа посильности тягла, и этимъ объясняется то, что на четь пашни въ различныхъ городахъ было положено различное количество дворовъ, то, что сохранилось, несмотря на дворовую четь, дѣленіе въ сошномъ письмѣ земель по качеству на статьи и что въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ въ соху было положено попрежнему 600 (теперь дворовыхъ) четей, а въ помѣстныхъ и вотчинныхъ по 800. Съ точки зрѣнія правительства дворовая четь такъ же не противорѣчила принципу посильности и такъ же не исключала его, какъ задолго раньше и послѣ указовъ о дворовой чети дворовыя нормы посадской сохи не противорѣчили принципу посильности посадскаго тягла. Несмотря на это, указы о дворовой чети внесли въ сошный окладъ существенныя измѣненія: въ сошный окладъ было введено на мѣсто усмотрѣнія писцовъ объективное основаніе — количество дворовъ — и это пріучало населеніе къ мысли, что сошное тягло можетъ и должно опредѣляться по дворамъ, а не по субъективному представленію писцовъ о силѣ тяглыхъ людей. Съ такой точки зрѣнія указы о дворовой чети, несомнѣнно, подготовляли почву для послѣдующаго перехода къ чисто-подворному обложенію и важны для изслѣдователя какъ несомнѣнный знакъ отживанія принципа посильности въ приложеніи къ частновладѣльческимъ крестьянамъ.

Хорошо извѣстно, какое большое значеніе имѣла въ жизни Московскаго государства старина, какъ сложившійся изстари строй отношеній вообще, и отдѣльныя проявленія старины — «примѣры», т.-е. прецеденты. Московскіе государи и ихъ приказные, собирая и строя государство, никогда безъ необходимости не разрушали мѣст-

[1]) Характерно, въ этомъ отношеніи, показаніе челобитной (154 г.) А. Гамильтона, получившаго помѣстье въ Арзамасскомъ уѣздѣ изъ дворцовыхъ селъ: «А тѣ, государь, крестьянишка преже сего, какъ были во Дворцѣ, никакія городовыя подѣлки съ иными сошными людьми не дѣлывали». Ак. п. д., II, № 256. Объ особенностяхъ дворцоваго тягла см. въ I т. Сошнаго письма.

ныхъ обычаевъ и особенностей. Однако, отношеніе ихъ къ старинѣ было отнюдь не принципіальное, а чисто практическое: они цѣнили старину какъ надежное руководство при разрѣшеніи частныхъ вопросовъ текущихъ задачъ управленія и какъ строй отношеній, выработанный предшествующей жизнью и доказавшій на дѣлѣ свое право на дальнѣйшее существованіе, но не стѣснялись измѣнять старину и даже разрушать, когда тѣ или иныя проявленія ея сталкивались съ интересами казны и нуждами растущаго государства. Отсюда двойственное отношеніе правительства къ старинѣ и постоянные компромиссы. Приказы крѣпко держались за старину до тѣхъ поръ и въ той мѣрѣ, въ какой она была выгодна, не обращали на нее вниманія или терпѣли, когда она была безразлична, а то безъ стѣсненія и всякой послѣдовательности разрушали ее, не предвидя, что въ иныхъ случаяхъ имъ приходилось рубить тотъ самый сукъ, на которомъ они сидѣли. Издавая указы, разрушавшіе тѣ или иныя проявленія старины, и проводя ихъ въ жизнь, приказные не смущались противорѣчіями и рѣдко прилагали старанія примирить и согласовать свои предписанія съ прочими проявленіями старины, которыя они оставляли существовать.

Укажу, въ качествѣ примѣра, на отношеніе правительства къ землевладѣнію черныхъ крестьянъ. Приказные прекрасно понимали, какія сильныя хозяйственныя побужденія создаетъ въ человѣкѣ право частной собственности, и пользовались этимъ, чтобы увеличить платежныя силы населенія, но одновременно прикрѣпляли людей къ тяглу и вслѣдствіе этого должны были неизбѣжно ограничить и уничтожить нѣкоторыя стороны этого права. Если бы приказы были послѣдовательны, то тяглые люди, прикрѣпленные къ тяглу, должны были бы изъ субъектовъ гражданскихъ правъ превратиться въ живую принадлежность тяглыхъ жребьевъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было бы, если бы приказы были послѣдовательны. Въ дѣйствительности взгляды приказовъ и черныхъ крестьянъ очень значительно расходились. Указы правительства говорили: вы всѣ должны тянуть тягло и поэтому имѣете право на землю и угодья, какъ на необходимыя для тягла средства. Мірская старина говорила: крестьянинъ имѣетъ право на землю и угодья и поэтому долженъ тянуть съ міромъ всѣ протори и убытки. Соотвѣтственно такому взгляду крестьяне и поступали: покупали, продавали и закладывали по частямъ и цѣли-

комъ свою недвижимость, жертвовали ее вкладами и на поминъ душъ церквямъ и монастырямъ, выкупали родовое имущество и т. п. Правительство общими и частными указами ограничивало или вовсе уничтожало право крестьянъ на подобныя сдѣлки, а на дѣлѣ, смотря по обстоятельствамъ, въ однихъ случаяхъ признавало ихъ недѣйствительными, а въ другихъ, совершенно подобныхъ, терпѣло или даже прямо признавало, напр., объявляло незаконной продажу тяглаго участка и въ то же время признавало за вотчичемъ право выкупа; неоднократно запрещало продажу тяглыхъ участковъ нетяглымъ людямъ, но не уничтожало такой незаконной сдѣлки, пока нетяглый покупатель, по соглашенію съ продавцомъ или по своей волѣ, тянулъ положенное на продавца тягло. Эти противорѣчія и непослѣдовательность никакъ нельзя объяснить нелогичностью мышленія приказныхъ и, тѣмъ болѣе, безсиліемъ правительства сразу покончить съ исконными правовыми взглядами населенія. Нѣтъ спора, что нѣкоторыя противорѣчія объясняются недостаткомъ средствъ, чтобы ихъ устранить, но главная, какъ мнѣ кажется, причина лежала въ чисто-дѣловомъ, житейскомъ, а не принципіальномъ, отношеніи приказовъ къ старинѣ.

Говоря такъ, я вовсе не хочу осуждать приказныхъ, — въ ихъ утилитарномъ отношеніи къ старинѣ, несомнѣнно, былъ извѣстный житейскій смыслъ, — но на это обстоятельство необходимо было обратить вниманіе, такъ какъ оно сильно отражалось на дѣятельности мѣстныхъ органовъ правительства и, въ частности, на работѣ писцовъ.

Говоря о приправочныхъ документахъ, я имѣлъ уже случай отмѣтить, какъ писцы должны были въ своей работѣ примѣриваться, т.-е. брать образецъ, къ тому, «что было напередъ сего». Нѣтъ никакой возможности перечислить всѣ тѣ случаи, когда писцы должны были прибѣгать къ этому испытанному выходу изъ затрудненій. Когда приказы не могли дать писцамъ опредѣленнаго предписанія, когда писцы останавливались въ затрудненіи передъ какимъ-либо вопросомъ и обращались къ приказу за разрѣшеніемъ ихъ недоумѣнія, когда, наконецъ, населеніе жаловалось по какому-нибудь поводу на писцовъ, то приказы въ огромномъ большинствѣ случаевъ возлагали надежду на старину и «примѣры» и предписывали писцамъ въ нихъ искать разрѣшенія спорныхъ вопросовъ.

Посольскій приказъ въ наказѣ 128 г. романовскимъ дозорщикамъ не далъ дворовой нормы сохи, а предписывалъ положить посадскихъ людей въ сошное письмо, «примѣрясь къ прежнему, почему прежъ сего на Романовѣ клали въ соху лучшихъ и середнихъ и молодшихъ людей»[1]). Нижегородскій наказъ 126 г. предписываетъ раздѣлить посадскихъ людей на статьи, на лучшихъ, среднихъ и младшихъ, «примѣрясь къ прежнимъ платежнымъ книгамъ и смотря по нынѣшнему дозору»[2]). Въ 134 г. сольвычегодцы жаловались въ Устюжской чети, что писцы дали имъ на выть по 40 копенъ сѣна «малыхъ лѣтнихъ волоковыхъ», которыхъ на возъ идетъ по 5—6 копенъ, — «и того де сѣна и на одну лошадь корма въ годъ будетъ мало»; завытныя сѣна писцы писали тоже малыми копнами и изоброчили противъ прежняго очень тяжело. Устюжская четь, въ отвѣтъ на это челобитье, указывала писцамъ давать сѣна на выти, «примѣрясь къ прежнему, по скольку какихъ копенъ сѣна на выть кладено было у прежнихъ дозорщиковъ, или какъ гдѣ годно по вашему разсмотрѣнью, по тольку-бъ копенъ на выть положили, что-бъ крестьянамъ мочно было чѣмъ скотъ всякой въ годъ прокормить, а скудости-бъ и недостатка передъ прошлыми годы крестьянамъ въ сѣнѣ не было и съ тѣхъ вытныхъ съ сѣнныхъ покосовъ возможно было крестьянамъ впередъ наши оброчныя деньги платить». Характерно заключеніе грамоты. Уже по жалобѣ тяглыхъ людей приказъ видѣлъ, что писцы «радѣютъ», и потому не говорилъ въ своей грамотѣ о прибыли казнѣ; онъ выдвигаетъ другой излюбленный припѣвъ: «чтобъ впередъ было крѣпко и стоятельно, а отъ крестьянъ бы въ тѣхъ сѣнахъ челобитья намъ никотораго не было»[3]) Наивысшая прибыль казнѣ, съ одной стороны, и докука челобитчиковъ, а въ будущемъ запустѣніе тяглыхъ жребьевъ, недоимки и въ конечномъ счетѣ убыль для казны, вотъ — два предѣла, въ которыхъ должны были работать писцы. Наилучшее средство, съ точки зрѣнія приказныхъ, избѣжать всякой крайности состояло въ томъ, чтобы примѣриваться къ прежнему; во всякомъ случаѣ, это — прекрасное средство, чтобы не растерять стараго и не вызвать жалобъ

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1621 г. № 1. То же въ псковскомъ наказѣ 127 г. — «примѣрясь къ прежнимъ писцовымъ и къ платежнымъ книгамъ и смотря по тамошнему дѣлу». Ак. п. д., I, № 85.

[2]) Тамъ же, № 38 (стран. 53).

[3]) Тамъ же, № 210.

тяглыхъ людей. Если же писцы въ интересахъ казны сочтутъ цѣлесообразнымъ отступить отъ старины, то они должны это дѣлать осмотрительно, а безъ толку — «не дѣломъ» — своей службы государю «не объявлять»[1]).

Когда мѣстная особенность представляла для казны выгоду, то приказы предписываютъ сохранять ее, хотя бы въ другихъ мѣстахъ такой особенности не было совсѣмъ или она была уже отмѣнена. Напр., нѣкоторые наказы Новгородской чети говорятъ объ осадныхъ дворахъ тяглыхъ людей и предписываютъ класть или не класть на нихъ тягло, смотря по тому, какъ было раньше: «А которые посадскіе люди живутъ на посадѣ, а въ городѣ будетъ у нихъ дворы для осады есть же, а изстари будетъ съ тѣхъ осадныхъ дворовъ оброковъ и всякихъ податей не давывали, и нынѣ будетъ на нихъ оброковъ и иныхъ податей положити не доведется, и тѣ дворы писати въ осадные дворы съ нетяглыми дворами по старинѣ»[2]). Другой примѣръ. Наказы для описанія частновладѣльческихъ земель: псковскій 131 г., московскій 134 г. и касимовскій и суздальскій 135 г., требуютъ отъ писцовъ, чтобы они при опредѣленіи оброковъ руководились стариной — «съ которыхъ угодій напередъ сего оброки шли, на тѣ угодья, обыскавъ, и нынѣ оброки положити» . . . . «А на выпуски и на пастбища будетъ напередъ сего оброковъ не положено было, и нынѣ на выпуски и на пастбища оброковъ не класти-жъ»[3]). Третій примѣръ. Въ 192 г. въ Помѣстномъ приказѣ былъ изготовленъ докладъ государямъ, въ которомъ между прочимъ былъ поставленъ вопросъ о томъ, класть или нѣтъ въ живущія сохи и чети церковныя земли. Въ наказахъ де, которые со 130 г. Помѣстный приказъ давалъ писцамъ, было указано старыя церковныя земли, если ихъ не болѣе 20 четей, «а въ сошное письмо не кладено, и тѣхъ пашенъ въ сошное письмо не писать по старинѣ»; новымъ церквямъ давать отъ 10 до 20 четей земли и въ сошное письмо не класть. Въ той же статьѣ наказовъ было сказано, что если у какой-либо церкви пашни болѣе 20 четей, «или которыя церковныя пашни изстари въ сошное письмо не писаны, и писцамъ о тѣхъ пашняхъ писать къ ве-

---

1) Ак. п. д., I, № 131.

2) Новгородскій наказъ 130 г. — Тамъ же, № 104 (стран. 179). То же въ другихъ наказахъ: тамъ же, №№ 120, 257 и 264. То же въ псковскомъ наказѣ, августа 187 г. — Ак. п. д., III т.

3) Тамъ же, I, № 120 (стран. 250), № 215 (стран. 432), № 261 (стран. 556), и II, № 1 (стран. 10).

ликому государю». Сдѣлавъ эту справку, Помѣстный приказъ писалъ въ докладѣ: «А въ писцовыхъ книгахъ церковныя земли въ сошное письмо и въ живущія чети во многихъ городахъ не писаны, а въ иныхъ городахъ въ сошное письмо и въ живущія чети писаны [1]), а по какому указу писаны, того въ писцовыхъ книгахъ подлинно не написано» [2]). Мнѣ кажется, это объясняется очень просто тѣмъ, что писцы по старинѣ писали эти земли въ тягло, несмотря на данный имъ наказъ, и далеко не всегда докладывали объ этомъ государю. Это показаніе доклада тѣмъ болѣе знаменательно, что въ наказахъ, несомнѣнно, видно намѣреніе правительства обезпечить церкви обѣленной землей и указана норма обезпеченія.

Въ томъ же докладѣ 192 г. отмѣчены два факта, которые тоже объясняются тѣмъ, что писцы работали по старинѣ и вопреки указамъ. Докладъ отмѣчаетъ, что за патріархомъ, властьми и монастырями «кладено» «въ соху добрыя земли по 600 чети, середнія по 700, а индѣ по 750 чети, худыя по 800, а индѣ по 900 чети». По поводу дворовой чети докладъ говоритъ, что въ писцовыхъ книгахъ дворы положены въ живущее вообще по указамъ 137—139 гг., «а въ иныхъ статьяхъ тѣхъ же городовъ въ писцовыхъ книгахъ кладено не противъ того государева указа, больше и меньше, а для чего кладено неровно, того въ тѣхъ писцовыхъ книгахъ имянно не написано». Послѣднее въ значительной степени объясняется тѣмъ, что нѣкоторые писцы придерживались старины и различали дворы по качеству, что не было предусмотрѣно указами, клали въ тягло однодворцевъ, о которыхъ въ указахъ ничего не говорилось, или клали людей въ тягло болѣе по своему усмотрѣнію, чѣмъ по даннымъ имъ дворовымъ нормамъ. Не менѣе характернымъ мнѣ кажется и то, что Помѣстный приказъ, руководившій этими описаніями, не осудилъ подобныхъ отступленій отъ наказовъ и дополнительныхъ къ нимъ указовъ и позволилъ существовать этимъ пережиткамъ и обломкамъ старины.

Нерѣдко приказы, недостаточно знакомые съ мѣстными особенностями, изъ опасенія растерять старое и причинить казнѣ убытокъ, давали въ наказахъ нѣсколько предписаній, предоставляя писцамъ

---

[1]) Рѣчь идетъ не о Поморскихъ городахъ, въ которыхъ, въ видѣ общаго правила, церковныя земли были положены въ сошное письмо наравнѣ съ черными.

[2]) Этотъ докладъ будетъ напечатанъ въ III т. Ак. п. дѣла.

самимъ разобраться во всѣхъ подробностяхъ дѣла и исполнить то или иное предписаніе, смотря «по тамошнему дѣлу», т.-е. смотря по мѣстной старинѣ и особенностямъ даннаго случая. Напр., въ посадскихъ наказахъ мы часто видимъ рядомъ съ дворовой нормой сохи предписанія «примѣриваться къ прежнему» и класть людей въ тягло по силѣ и «смотря по тамошнему дѣлу». На мѣстѣ оказывалося, что норма непосильна или не совпадаетъ съ тѣмъ, что было раньше, что писцы не могутъ придерживаться стараго примѣра, такъ какъ обложеніе измѣнилось и тягло, положенное по старому, будетъ непосильно, и т. п. Изъ этихъ затрудненій писцы избираютъ различные выходы, придерживаясь то одного, то другого даннаго имъ въ наказѣ предписанія. Не менѣе различно относятся къ работѣ писцовъ и приказы — то одобряютъ подражаніе старинѣ, хотя это, быть можетъ, противорѣчило другимъ предписаніямъ наказа, то оставляютъ въ силѣ «разсмотрѣніе» писцовъ, противное старинѣ и наказу, если оно принесло казнѣ прибыль и не вызвало жалобъ населенія. Иначе и не могло быть, когда приказы смотрѣли на старину и примѣры какъ на средства достигнуть желанныхъ цѣлей, а на свои предписанія и нормы какъ на приблизительные образцы для рѣшенія житейскихъ вопросовъ.

Яркій образецъ такого отношенія къ старинѣ мы видимъ въ дѣлѣ описанія Устюга. Писцы 131 г. получили для приправки дозорныя книги 128 г., въ которыхъ на Устюгѣ на посадѣ было положено въ соху по 14 дворовъ лучшихъ людей, по 30—среднихъ, и по 84—младшихъ. Когда Устюжская четь давала наказъ писцамъ, то она не знала навѣрное, какая это соха, большая-ли московская или малая устюжская, и предписывала писцамъ разузнать объ этомъ. Для большой сохи четь даетъ въ наказѣ обычную дворовую норму: 40 дворовъ лучшихъ, 50—60 среднихъ и т. д. въ соху, но не дѣлаетъ ее безусловно обязательной для писцовъ. Писцы должны были сыскать, и если по сыску оказалось бы, что дозорщики 128 г. клали по 14 дворовъ лучшихъ, по 30 среднихъ и по 84 младшихъ въ малую сошку, то писцы, «оставя малыя сошки», должны были положить посадскихъ людей по приказной обычной нормѣ, такъ какъ если положить «въ большую соху малыхъ по 7 сошекъ», «какъ на Устюгѣ прежъ сего велось», «а въ малую сошку положити лучшихъ людей по 14 дворовъ, и имется противъ 7 сошекъ малыхъ лучшихъ людей положити въ большую соху по 90 по 8 дворовъ,

и въ томъ сошномъ письмѣ и во всякихъ государевыхъ доходахъ въ платежѣ будетъ убыль великая, а посадскимъ людямъ во всемъ будетъ льготнѣе». Если же по сыску окажется, что дозорщики положили по 14 дворовъ лучшихъ и т. д. въ большую соху, «и челобитья будетъ о томъ напередъ сего устюжанъ посадскихъ людей не было», то четь предписываетъ писцамъ послѣдовать этому выгодному для казны примѣру и положить устюжанъ въ сохи такъ, какъ они были положены въ 128 г., «да о томъ отписати къ государю къ Москвѣ вскорѣ напередъ себя, для вѣдома и для оклада иныхъ городовъ въ посадскихъ людяхъ»[1]). Послѣднее предписаніе очень характерно — четь хочетъ поскорѣе узнать, удастся ли такъ выгодно для казны положить въ сохи устюжанъ безъ жалобы съ ихъ стороны, чтобы воспользоваться этимъ «примѣромъ» для оклада другихъ городовъ.

Въ дѣйствительности писцы положили на посадѣ и въ уѣздѣ тяглыхъ людей по старинѣ не въ большія сохи, а въ малыя сошки. Малыхъ сошекъ въ большую соху они положили, отступивъ отъ примѣра дозора 128 г., не по 7, а по $8^1/_2$ [2]). Зато въ посадскомъ сошномъ окладѣ они взяли примѣръ съ дозора 128 г. и далеко отступили отъ нормы большой сохи, данной имъ въ наказѣ. Они клали въ сошку по 13 дворовъ лучшихъ, по 30 среднихъ, по 70 младшихъ и по 100 самыхъ худыхъ[3]). Въ общемъ на 689 дворовъ они положили $11^1/_{12}$ сошки, такъ что въ среднемъ на сошку пришлось по 62 двора, т.-е. очень близко къ дозору 128 г. Такъ какъ писцы положили въ большую соху по $8^1/_2$ сошекъ, то въ конечномъ счетѣ на большую соху пришлось въ среднемъ около 525 дворовъ, а если вычислять порознь, то $110^1/_2$ дворовъ лучшихъ, 255 среднихъ и т. д. Государи, по докладу Устюжской чети, одобрили работу писцовъ и не поставили имъ въ вину, что въ одномъ вопросѣ они взяли примѣръ съ старины, а въ другомъ по усмотрѣнію отступили и отъ нея и отъ предписаній наказа.

Такъ же работали эти писцы въ уѣздѣ. По наказу они должны были класть въ черныхъ волостяхъ въ соху по 800 четей доброй земли, 1000 средней и по 1200 худой, а въ монастырскихъ вотчинахъ по 600: 800: 1000 четей, «и учинити всѣ сохи ровны, смотря по пашнямъ и

---

[1]) Ак. п. д., I, № 115 (стран. 216—217).
[2]) См. Сошное письмо, I, стран. 67—68.
[3]) Арх. Мин. Ин. д., Приказн. дѣлъ новаго разбора № 968.

по угодью и примѣрясь къ прежнимъ приправочнымъ книгамъ». Далѣе въ наказѣ имъ были даны на всякій случай другія предписанія, которыя могли оказаться несовмѣстимыми, и дѣйствительно оказались такими, съ вышеприведенной нормой. Имъ предписывалось класть всякія земли «по прежнему въ малыя сошки и въ большія и въ выти, потому же, по кольку чети пригоже, смотря по землѣ и по угодью и примѣряся къ прежнимъ писцовымъ и къ дозорнымъ книгамъ и къ сотнымъ грамотамъ; то государево дѣло положено во всемъ на нихъ, что-бъ впередъ было постоятельно и безспорно, а чего не доведется и въ чемъ чаять впередъ убыли, того собою не дѣлать»[1]). Мы видимъ, что въ этихъ статьяхъ (объ уѣздной сохѣ) писцамъ дано право по усмотрѣнію выбрать тотъ или иной путь рѣшенія вопросовъ: придерживаться опредѣленной нормы, взять за образецъ старину или, наконецъ, рѣшить вопросъ «какъ пригоже», по своему усмотрѣнью, только бы сдѣлать все это такъ, чтобы не причинить казнѣ убытковъ и чтобы «впередъ было постоятельно и безспорно», т.-е. не вызвало бы жалобъ тяглыхъ людей и разоренья. Писцы разобрались въ этихъ предписаніяхъ такъ. Монастырскія и церковныя земли они по старинѣ писали въ выти и сошки наравнѣ съ черными землями. Выти въ сошки они клали противъ прежняго неровно, во всѣхъ волостяхъ за исключеніемъ одной такъ же, какъ онѣ были положены по дозору 128 г. Въ перечневой росписи ихъ письма, поданной въ Устюжскую четь, подъ описаніемъ каждой волости мы читаемъ: «а кладено въ соху противъ приправочныхъ книгъ Ю. Стромилова съ товарищи 128 года»... по стольку-то вытей. Только въ одной волости — въ Городищенской— писцы отступили по неизвѣстной причинѣ отъ дозора 128 г.: дозорщики положили въ этой волости въ сошку по 20 вытей, а писцы «противъ иныхъ волостей Устюжскаго уѣзда» положили по 10 вытей. Въ очень существенномъ вопросѣ, въ складкѣ малыхъ сошекъ въ большую соху, писцы значительно отступили отъ того, что было раньше. По дозору 128 г. на соху было положено по 7 сошекъ, а писцы 131 г. положили по $8^1/_2$ сошекъ, объясняя это совершенно невразумительно тѣмъ, что «въ Устюжскомъ во всемъ уѣздѣ земля середняя и худая»[2]), какъ будто во время дозора 128 г. она была лучше. Такъ какъ въ боль-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 115 (стран. 217).
[2]) Прик. д. стар. л., 1626 г. № 61.

шую соху писцы клали не чети пашни и не выти, а сошки, въ которыя по ихъ письму въ разныхъ волостяхъ было положено отъ 6 до 15 вытей, то въ конечномъ счетѣ на большую соху, если произвести вычисленіе, пришлось совсѣмъ не то количество четей пашни, которое было указано въ наказѣ, и норма большой сохи, данная писцамъ въ наказѣ, совсѣмъ не была примѣнена. Государи, какъ я уже сказалъ, утвердили работу писцовъ, такъ какъ въ общемъ они учинили прибыль казнѣ, а пріемы ихъ работы вовсе не были исключительными.

Нѣтъ надобности много говорить, какъ облегчали работу писцовъ примѣры и указанія старины. По приправочнымъ документамъ они познавали обложеніе и всѣ условія тягла и увѣренно могли брать за образецъ и руководство многолѣтній опытъ. Описавъ при содѣйствіи тяглыхъ людей дворы, людей во дворахъ, земли и прочее, писцы сравнивали все это съ тѣмъ, что было раньше, и, стоя твердо на почвѣ сравненій, опредѣляли новые оклады тягла. Если прежнее описаніе не слишкомъ устарѣло, если въ составѣ и высотѣ обложенія и въ общихъ условіяхъ жизни описываемой мѣстности не произошло особо крупныхъ перемѣнъ, то задача писцовъ могла сводиться къ болѣе или менѣе крупнымъ поправкамъ. Положеніе существенно измѣнялось и задача писцовъ становилась много труднѣе, если предшествующее описаніе было произведено давно, а послѣ него въ общихъ условіяхъ жизни и въ обложеніи произошли большія перемѣны. Особенно большія, какъ мнѣ кажется, затрудненія вызывали значительныя перемѣны въ обложеніи. Въ самомъ дѣлѣ, когда въ данной мѣстности убывала, напр., треть жилыхъ дворовъ или пустѣла треть земель, то писецъ съ большимъ приближеніемъ къ истинѣ могъ предположить, что и платежныя силы населенія сократились на $^1/_3$. Совсѣмъ нельзя было сказать того же при повышеніи на $^1/_3$ обложенія, а тѣмъ болѣе трудно было предвидѣть, какое дѣйствіе произведутъ дальнѣйшія повышенія обложенія: первое повышеніе могло только сократить потребленіе, а послѣдующія будутъ дѣйствовать иначе — могутъ сократить производство и вызвать разоренье. Само собой понятно, что задача писцовъ становилась въ высшей степени трудной, когда эти неблагопріятныя условія совпадали, то-есть, когда крупныя перемѣны въ жизни населенія происходили одновременно съ крупными же перемѣнами въ обложеніи, какъ это было во время Смуты и въ первые годы послѣ нея.

Переходя отъ этихъ общихъ замѣчаній къ болѣе близкому разсмотрѣнію вопроса, я опять долженъ вернуться къ противоположенію Поморья, съ одной стороны, Замосковному краю съ прилегающими къ нему уѣздами служилаго, монастырскаго и церковнаго землевладѣнья, съ другой.

Кризисъ конца XVI в., такъ тяжело поразившій центръ, западъ и югъ государства, не коснулся сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ Поморья. Если Поморье и было затронуто имъ, то только косвенно, поскольку разстройство хозяйственной жизни однѣхъ частей государства отражается вообще на другихъ частяхъ. Хорошо извѣстно также, что Поморье сравнительно мало пострадало отъ разореній Смуты и первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича, а нѣкоторые города совсѣмъ не испытали разореній. Разоренья Поморья, во всякомъ случаѣ, никакъ нельзя сравнивать съ разореньемъ Замосковья, юга и запада, которые многіе годы были ареной борьбы и грабежей.

Еще, быть можетъ, болѣе важно различие въ судьбахъ обложенія. Введенные послѣ Смуты хлѣбные запасы ратнымъ людямъ на жалованье нѣсколько уменьшили въ Поморьѣ значеніе мѣстныхъ особенностей обложенія и нѣсколько уравняли его, но далеко не въ такой степени, какъ это произошло въ другихъ частяхъ государства подъ вліяніемъ стрѣлецкаго хлѣба и ямскихъ денегъ и сильнѣйшаго уменьшенія сошныхъ окладовъ. Мы видѣли, что въ Поморьѣ, и послѣ введенія большой сохи, во многихъ городахъ сохранились мѣстныя разнообразныя окладныя единицы, и старые налоги XVI в. не утратили своего финансоваго значенія. Старина въ обложеніи и въ окладныхъ единицахъ пошла быстро на убыль и стала терять свое значеніе только въ третьей четверти XVII в., когда деньги за стрѣлецкій хлѣбъ и множество чрезвычайныхъ подворныхъ налоговъ отодвинули на второе мѣсто старые четвертные доходы. Не менѣе важно и то обстоятельство, что хозяйственный и правовой укладъ жизни Поморскихъ городовъ измѣнялся очень медленно. Здѣсь прикрѣпленіе къ тяглу имѣло опредѣленно выраженный государственный характеръ, и если и противорѣчило въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ старинѣ и разрушало ее, то очень медленно, такъ какъ разрушительное вліяніе государственной политики на старину въ значительной мѣрѣ ослаблялось всѣмъ строемъ жизни Поморья — широкими правами самоуправленія крупныхъ міровъ и слабостью приказной администраціи.

При такихъ условіяхъ въ Поморьѣ старина и въ XVII вѣкѣ продолжала быть надежной почвой и руководствомъ для писцовъ, и этимъ, думается мнѣ, объясняется то, что здѣсь сошное письмо стараго склада сохранилось и продолжало существовать, когда въ другихъ частяхъ государства оно разрушалось и было реформировано указами о дворовой чети.

Иное мы видимъ въ другихъ частяхъ государства. Въ I томѣ я показалъ, что уже въ концѣ XVI вѣка обложеніе помѣстныхъ и вотчинныхъ земель и тѣхъ монастырскихъ и церковныхъ, которыя находились среди нихъ, достигло значительнаго, въ сравненіи съ обложеньемъ Поморскихъ городовъ, однообразія. Рядомъ съ этимъ исчезали и мѣстныя разнообразныя окладныя единицы, и нормальной единицей стала соха въ 800 четей. Въ первые годы послѣ Смуты въ обложеніи посадовъ и частновладѣльческихъ земель произошелъ переворотъ, описанный подробно выше. Слѣдствіями этого было, во-первыхъ, повсемѣстное распространеніе однообразной окладной единицы — большой сохи, а во-вторыхъ, еще бо́льшее, чѣмъ прежде, однообразіе въ обложеніи. Такъ погибла старина въ составѣ тягла и въ окладныхъ единицахъ. Одновременно съ этимъ въ хозяйственномъ и правовомъ укладѣ жизни происходилъ глубокій переворотъ. Хозяйственный кризисъ конца XVI в., Смута и послѣсмутное разоренье разогнали и разорили населеніе. На этой почвѣ государство и служилое землевладѣніе, каждое по своему и въ разныхъ отношеніяхъ, разрушали старину въ правѣ и передѣлывали на свой ладъ весь правовый строй жизни. Государство лишало людей права перехода и усиливало свои мѣстные органы администраціи, а служилое землевладѣніе вело свою разрушительную работу, такъ сказать, изнутри: разрушало волость и волостную раскладку податей, измѣняло порядки отбыванія тягла и, вопреки намѣреніямъ и интересамъ правительства, настойчиво развивало личное прикрѣпленіе крестьянъ. Такъ гибла старина во всей обстановкѣ и въ мірскихъ порядкахъ отбыванія тягла.

Едва ли менѣе быстро и значительно измѣнялась и посадская старина. Правда, что въ обложеніи посадовъ, въ особенности крупныхъ, и въ XVII в. сохранилось еще много своеобразныхъ остатковъ старины, но финансовое значеніе ихъ было невелико и съ теченіемъ времени, по мѣрѣ роста ямскихъ денегъ и стрѣлецкаго хлѣба, быстро шло на

убыль. Ростъ и развитіе служилаго землевладѣнія значительно измѣнили положеніе посада въ уѣздѣ. По мѣрѣ отдѣленія посадовъ отъ уѣздовъ тягломъ и въ административномъ отношеніи, положеніе посадовъ, особенно мелкихъ, становилось очень тяжелымъ, — безъ преувеличенія можно сказать, что мелкіе посады попали какъ бы въ осаду. Служилое землевладѣніе лишило ихъ помощи уѣзда, сваливало на нихъ одну за другой повинности, которыя раньше лежали и на уѣздѣ, принимало и укрывало бѣглыхъ тяглецовъ и, наконецъ, часто отбивало у посадовъ черезъ своихъ людей и крестьянъ торги и промыслы. Ко всему этому надо прибавить, что посады, какъ средоточіе торговой и промышленной дѣятельности страны, живѣе и сильнѣе, чѣмъ уѣзды, отражали хозяйственную жизнь страны. Первостепенные въ XVI в. посады послѣ Смуты запустѣли и захудали, другіе едва удерживали свое прежнее положеніе и лишь немногіе продолжали развиваться. Чтобы дополнить картину тяжелаго положенія посадовъ, слѣдуетъ напомнить, что очень многіе изъ нихъ и не разъ были разорены и сожжены во время Смуты и въ первые годы послѣ нея.

Такъ въ городахъ служилаго землевладѣнья, подъ совокупнымъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ, происходилъ полный разрывъ съ стариной. Погибла старина по существу, какъ сложившійся строй отношеній, и съ внѣшней стороны, какъ совокупность полезныхъ для писцоваго дѣла примѣровъ. Мало того, когда обложеніе стало однообразнымъ, а правовыя условія жизни подъ вліяніемъ государства и служилаго землевладѣнья быстро измѣнялись и принимали новый видъ, значительно отличный отъ того, который былъ завѣщанъ стариной, то становилось нецѣлесообразнымъ отыскивать и стараться сохранить остатки старины. Наоборотъ, быстро растущее однообразіе въ обложеніи, помимо другихъ обстоятельствъ, постоянно подсказывало мысль, что и пріемы оклада должны быть тоже однообразными и что нѣтъ смысла считаться съ мѣстными особенностями, когда онѣ утрачиваютъ свое значеніе. Раньше приказы и писцы всегда возлагали большія надежды на старину и на «тамошнее дѣло», а теперь, послѣ Смуты, когда старина рушилась, «разсмотрѣніе» писцовъ «по тамошнему дѣлу» теряло подъ собой почву и вырождалось въ произволъ. Все это говорило за то, что для однообразнаго обложенія, на почвѣ, очищенной отъ мѣстныхъ особенностей, необходимо

выработать болѣе однообразные, а слѣдовательно и объективные, пріемы оклады.

Задачи, возлагаемыя приказами на писцовъ, были очень сложны и трудны. Вѣдь, по наказамъ они должны были не только собрать и обработать множество различныхъ свѣдѣній, но и «положить въ тягло всякаго человѣка въ правду» [1]) по силамъ, для чего требовалась большая освѣдомленность относительно хозяйственнаго положенія и платежеспособности тяглецовъ. Въ послѣднемъ дѣлѣ приправочные документы были безполезны, а предпринимать самостоятельно сложную и тонкую работу оцѣнки животовъ, торговъ и промысловъ писцы, конечно, не могли. Эта работа была подъ силу только мірскимъ людямъ, опутаннымъ густой сѣтью общихъ нуждъ и интересовъ и имѣвшихъ возможность изо дня въ день наблюдать другъ за другомъ. Задача писцовъ сводилась къ тому, чтобы заставить мірскихъ людей давать правдивыя показанія и, провѣряя ихъ по мѣрѣ надобности, использовать въ интересахъ казны. Поэтому роль тяглыхъ людей въ описаніяхъ была очень значительна, настолько значительна, что самыя описанія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ, которыя касались вопросовъ тягла, безъ преувеличенія можно назвать плодомъ совмѣстной работы писцовъ и тяглыхъ людей. Такъ какъ эта сторона писцоваго дѣла очень слабо освѣщена предшествовавшими изслѣдователями, то ее слѣдуетъ разсмотрѣть подробно.

Пріѣхавъ на мѣсто работы, писцы должны были прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, потребовать къ себѣ земскихъ старостъ и свѣдущихъ выборныхъ людей. Напр., въ устюжскомъ наказѣ 131 г. писцамъ предписывалося «велѣть старостамъ и цѣловальникамъ и всякимъ посадскимъ людямъ и уѣзднымъ крестьянамъ для сыска и оклада выбрати на посадѣ и въ волостяхъ лучшихъ людей, по скольку человѣкъ на посадѣ и въ волости пригоже, которые-бъ про торговыхъ и про волостныхъ людей и про землю и про всякія угодья вѣдали подлинно, и выборы на тѣхъ людей взяти за волостныхъ людей руками» [2]). Въ этой статьѣ не сказано ничего о земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ, но изъ другихъ статей наказа [3]) видно, что и

---

[1]) Ак. п. д., I, № 38. Нижегородскій наказъ 126 г.
[2]) Тамъ же, № 115.
[3]) См., напр., тамъ же, стран. 215.

они должны были давать показанія и содѣйствовать работѣ писцовъ. Молчаніе этой статьи о старостахъ и цѣловальникахъ объясняется, очевидно, тѣмъ, что участіе ихъ въ работѣ было необходимо и понятно само собой. Въ псковскомъ наказѣ 131 г. читаемъ: «Да писцамъ же велѣть къ себѣ быть псковскимъ лучшимъ и середнимъ и молодшимъ людямъ и велѣти имъ выбрать изъ гостей и изъ торговыхъ и изъ посадскихъ лучшихъ людей человѣкъ до 20, и сколько человѣкъ пригоже, кому съ ними у письма быти, которые-бъ всякихъ людей, кто каковъ прожиткомъ и промысломъ, знали. И велѣть тѣмъ выборнымъ людямъ и псковскимъ всегороднымъ старостамъ и діячкамъ у письма быти съ собою же, а на томъ, что имъ про всякихъ людей животы и промыслы сказывать въ правду, привести тѣхъ старостъ и выборныхъ людей къ крестному цѣлованью» [1]). То же должны были сдѣлать эти писцы и при описаніи пригородовъ [2]). Эти предписанія относительно старостъ и выборныхъ людей, въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ, повторяются во всѣхъ наказахъ.

Не ограничиваясь содѣйствіемъ этихъ постоянныхъ сотрудниковъ, писцы въ случаѣ надобности должны были допрашивать и самихъ тяглыхъ людей. Наказы предусматриваютъ много подобныхъ случаевъ, но, очевидно, вовсе не имѣютъ въ виду перечислить всѣ возможные случаи, считая понятнымъ само собой, что писцы будутъ допрашивать самихъ тяглыхъ людей всегда, когда это понадобится по ходу дѣла. Поэтому я ограничусь указаніемъ на болѣе важные случаи. Каргопольскій наказъ 127 г. предписываетъ писцамъ, какъ и другіе наказы, описать дворы всякихъ людей на монастырскихъ и церковныхъ земляхъ — «и тѣхъ людей самихъ и про нихъ выборныхъ людей разспросити, кто чѣмъ промышляетъ, торговлею-ль или какимъ промысломъ, и оброкъ они какой съ мірскими людьми платятъ ли» . . . и т. д. [3]). Тотъ же наказъ предписываетъ писцамъ допрашивать всякихъ оброчниковъ относительно условій и основанія оброчнаго держанья. Псковскій наказъ 131 г. говоритъ о личномъ допросѣ бѣломѣстцевъ и всякихъ нетяглыхъ людей относительно ихъ правъ на дворы и на свободу отъ тягла [4]). Наконецъ, многіе наказы то

---

[1]) Ак. п. д., I, № 120 (стран. 228).
[2]) Тамъ же, стран. 234.
[3]) Тамъ же, № 89 (стран. 132).
[4]) Тамъ же, № 120 (стран. 229).

въ одной, то въ другой статьѣ упоминаютъ о допросѣ старожиловъ вообще.

Такимъ образомъ, при описанiи посадовъ и черныхъ и дворцовыхъ волостей земскiе старосты и цѣловальники должны были давать писцамъ показанiя по должности, выборные присяжные — по выбору, а старожильцы и вообще всѣ тяглые люди—по мѣрѣ надобности.

Нѣсколько иныя отношенiя къ населенью складывались у писцовъ при описанiяхъ помѣстныхъ, вотчинныхъ и прочихъ частновладѣльческихъ земель. Во-первыхъ, здѣсь не было выборныхъ присяжныхъ и показанiя писцамъ должны были давать сами владѣльцы или ихъ приказчики, старосты и крестьяне. Во-вторыхъ, несомнѣнно, что послѣднихъ заслоняли ихъ владѣльцы: старостамъ и крестьянамъ приходилось выступать и входить въ непосредственныя сношенiя съ писцами только въ тѣхъ рѣдкихъ, вѣроятно, случаяхъ, когда владѣльцы отсутствовали или по какой-либо другой причинѣ не могли подать сказокъ сами. Поэтому старосты, цѣловальники и крестьяне выступали только при обыскахъ, какъ «тутошнiе и сторонниiе люди», и въ нѣкоторыхъ вопросахъ техники описаній [1]). Устраненiе крестьянъ отъ непосредственныхъ сношеній съ писцами оставило любопытный слѣдъ въ той статьѣ наказовъ, которая говоритъ о подачѣ писцамъ сказокъ. Въ началѣ этой статьи писцамъ предписывается брать у частныхъ владѣльцевъ памяти, «сколько за кѣмъ живущiя пашни и перелога и что за кѣмъ крестьянъ и бобылей», «а говорити псковскимъ всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ и ихъ приказчикамъ и крестьянамъ накрѣпко, что-бъ они про помѣстья, и про вотчины, и про крестьянъ, и про пашни, и на лѣсахъ про поляны, и про лѣса, и про всякiя угодья сказывали и въ памятяхъ своихъ писали въ правду, по государеву . . . . крестному цѣлованью» . . . . «а не лгали и земель бы и угодій всякихъ не обводили». Эта часть статьи упоминаетъ о крестьянахъ, но вся остальная говоритъ только о помѣщикахъ и вотчинникахъ, какъ будто они одни были обязаны

---

[1]) Напр., наказы предписываютъ писцамъ измѣрять землю въ одномъ полѣ, а въ двухъ другихъ поляхъ писать по своей смѣтѣ и «выпрашивая поповъ и дьяконовъ по священству, а старостъ и цѣловальниковъ и крестьянъ по государеву... крестному цѣлованью». Псковскiй наказъ 131 г. — Ак. п. д., I, № 120. То же въ московскомъ наказѣ 134 г. и касимовскомъ 135 г. Тамъ же, №№ 215 и 261.

и имѣли право подавать указанныя памяти [1]). Значеніе этой статьи оттѣняется тѣмъ, что наказы не предусматриваютъ и, повидимому, не допускаютъ доносовъ крестьянъ на своихъ владѣльцевъ. Ниже я покажу, что правительство возвело доносы служилыхъ людей другъ на друга въ цѣлую систему, но ни въ одномъ изъ наказовъ для описанія помѣстныхъ и вотчинныхъ земель нѣтъ ни слова о томъ, что владѣльческіе крестьяне имѣютъ право или должны дѣлать доносы о лживыхъ показаніяхъ своихъ господъ, а писцы обязаны ихъ принимать во вниманіе.

Между тѣмъ, въ наказахъ есть одна статья, въ которой можно было бы ожидать упоминанья объ этомъ. Я имѣю въ виду статью, которая предвидитъ, что нѣкоторые владѣльцы, «почаявъ писцовъ», могутъ разослать своихъ крестьянъ «по забѣгамъ по лѣсамъ, съ лошадьми и съ животиною», свести своихъ крестьянъ «изъ разныхъ дворовъ въ одинъ дворъ», а иные дворы сжечь, чтобы показать свои владѣнія пустыми, и предписываетъ писцамъ объ этомъ сыскивать. Помѣстья и вотчины такихъ владѣльцевъ писцы по обыску должны были отписывать на государя, а самихъ владѣльцевъ давать до государева указа на поруки. Безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ людямъ писцы должны сказать, «чтобы они о тѣхъ земляхъ и о крестьянахъ государю били челомъ, а кто доведетъ про земли и про крестьянъ, и тѣ земли и крестьянъ государь пожалуетъ тѣмъ людямъ, кто доведетъ» [2]). О доносахъ со стороны крестьянъ—ни слова. При повальномъ обыскѣ крестьяне, конечно, должны были, на ряду съ прочими мѣстными жителями, давать показанія, но доносовъ на своихъ господъ или прочихъ владѣльцевъ наказъ съ ихъ стороны не предвидитъ и не пытается вызвать обѣщаніемъ награды. Очевидно, что правительство, широко пользуясь доносами вообще, не находило возможнымъ и удобнымъ пользоваться ими со стороны владѣльческихъ крестьянъ, такъ какъ это противорѣчило сложившемуся между владѣльцами и крестьянами строю отношеній.

Итакъ, при описаніяхъ посадовъ и черныхъ и дворцовыхъ волостей показанія писцамъ давали земскіе старосты и цѣловальники, выборные свѣдущіе люди и сами тяглецы, а при описаніяхъ помѣстныхъ, вот-

---

[1]) Псковскій наказъ 131 г. — Ак. п. д., I, № 120 (стран. 243). То же въ московскомъ и касимовскомъ наказахъ. Тамъ же, №№ 215 и 261.

[2]) Тамъ же, № 215 (стран. 434). См. то же, тамъ же, № 261, и II, № 1.

чинныхъ и прочихъ частновладѣльческихъ земель — землевладѣльцы и по порученію землевладѣльцевъ ихъ старосты и приказчики.

Нѣтъ никакого сомнѣнья, что писцы относились очень различно къ подаваемымъ имъ сказкамъ. Нерадивый писецъ довѣрялъ имъ больше, чѣмъ слѣдовало, и пользовался ими для ускоренія работы безъ достаточной провѣрки, а добросовѣстный — личнымъ досмотромъ и путемъ допросовъ провѣрялъ показанія сказокъ. Мнѣ извѣстенъ одинъ случай, когда дозорщикъ посада личнымъ досмотромъ животовъ посадскихъ людей провѣрялъ ихъ показанія подъ присягой [1]), но, насколько часто бывали такіе случаи, сказать, конечно, невозможно. Провѣрка сказокъ досмотромъ въ уѣздахъ была еще труднѣе. Рѣдкость населенія, дурныя пути сообщенья и недостатокъ у писцовъ времени и средствъ дѣлали личный досмотръ очень затруднительнымъ. Отсюда — частая утайка населеніемъ земель и дворовъ и прописка писцами такихъ земель и угодій, за которыя некому было подать сказокъ [2]). Вѣдь слѣдуетъ напомнить, что писцы, по наказамъ, должны были описывать вовсе не всю территорію уѣзда, а только живущее, т.-е. населенные дворы и земли, и «пустое», т.-е. то, что раньше было въ живущемъ, а позже запустѣло. Нѣкоторые наказы расширяютъ, на всякій случай, задачу писцовъ и предписываютъ имъ смѣтить и описать бортныя и черныя лѣса, на которыхъ «пригоже впередъ деревни и починки ставить» [3]), но это дѣлаютъ далеко не всѣ наказы, а писцы, судя по сохранившимся писцовымъ книгамъ, исполняли очень рѣдко.

Въ борьбѣ противъ утаекъ и обмановъ населенія приказы употребляли разныя средства. Сверхъ многочисленныхъ угрозъ суровыми наказаніями, приказы, за недостаткомъ лучшихъ средствъ, возводятъ въ систему доносы и сообщаютъ писцовымъ и дозорнымъ книгамъ большое значеніе въ обоснованіи и доказательствѣ правъ собственности и владѣнья на земли и угодья. Я вовсе не думаю утверждать, что

---

[1]) Ак. п. д., I, № 59. Дозоръ черной слободы Переяславля Рязанскаго 124 г.

[2]) Вотъ одно изъ многочисленныхъ показаній источниковъ, которое мнѣ кажется типичнымъ: въ 188 г. служилые люди писали въ челобитной — «а въ писцовыхъ де книгахъ и родственныя ихъ помѣстья за пустотою прописаны, потому что сказать было писцамъ про тѣ земли некому». П. С. З., № 785.

[3]) См., напр., псковскій наказъ 131 г. и касимовскій 135 г. Ак. п. д., I, №№ 120 и 261.

все частноправовое значеніе писцовыхъ книгъ было создано для контроля, но несомнѣнно, что приказы усиленно пользовались имъ съ этой цѣлью.

Безъ угрозъ наказаніемъ за обманы и безъ обѣщаній награды доносчикамъ не обходится ни одинъ наказъ, но наказы для описанья посадовъ и черныхъ и дворцовыхъ волостей, съ одной стороны, и для описанья частновладѣльческихъ земель, съ другой, выражаются различно и устанавливаютъ разныя награды за доносы и наказанія за обманы. Сравненіе соотвѣтствующихъ мѣстъ тѣхъ и другихъ наказовъ очень интересно.

Въ первыхъ наказахъ приказы въ общихъ выраженіяхъ грозятъ опалой и наказаньями и обѣщаютъ государево жалованье доносчикамъ. Иногда къ этому присоединяется угроза положить на утаенные дворы, земли и угодья увеличенное тягло или оброкъ. Напр., въ псковскомъ наказѣ 131 г. сказано: «а кто что утаитъ или по комъ покроетъ, а опослѣ про то сыщется, и тѣмъ людямъ быть отъ государя въ великой опалѣ, а на дворы ихъ и на угодья велитъ государь оброки положити втрое». Ниже угроза великой опалы и казни повторяется, а къ угрозѣ присоединяется обѣщаніе награды за доносъ: «тѣмъ людямъ, которые что утаятъ или обведутъ, отъ государя . . . . *(п. т.)* быти въ великой опалѣ и въ казни, а кто на кого въ томъ скажетъ, и тѣхъ людей государь пожалуетъ своимъ государевымъ жалованьемъ»[1]). Изрѣдка приказъ употребляетъ другія угрозы, напр., излюбленную, но едва ли осуществлявшуюся, угрозу смертной казнью. Такъ, въ наказѣ 128 г. для дозора мордовскихъ и бортныхъ деревенъ Арзамасскаго уѣзда сказано: «а то мордовскимъ сотникамъ, и пятидесятникамъ, и старожильцамъ, и мордвѣ, и бортникамъ сказати имянно: будетъ они невеликое что ихъ *(т.-е. дозорщиковъ)* обведутъ въ чемъ или въ сыску про что въ правду имъ не скажутъ, а послѣ про то сыщется, или кто на нихъ въ томъ доведетъ, и тѣхъ людей, кто на нихъ доведетъ, пожалуетъ государь . . . . . *(п. т.)*, велитъ имъ дати свое государево жалованье, а тѣмъ людямъ, которые что утаятъ или обведутъ, и имъ быти въ великой опалѣ и въ казни, а у кого что сыщутъ, и тѣмъ быти казненнымъ смертью»[2]). Если оставить въ сторонѣ эти угрозы тройного тягла и смертной казни, случаевъ примѣненія

---

[1]) Ак. п. д., I, № 120, стран. 232 и 241.

[2]) Тамъ же, № 96 (стран. 155).

которыхъ на дѣлѣ мнѣ не встрѣчалось, то остаются общія угрозы опалы и наказанья и не болѣе опредѣленное обѣщаніе награды.

Это легко объяснимо, такъ какъ тягло было обязанностью, и нецѣлесообразно было наказывать тяглаго человѣка лишеніемъ имущества и жребья земли. Съ другой стороны, передъ писцами посадовъ и черныхъ и дворцовыхъ волостей стоялъ сплоченный міръ, всѣ члены котораго въ общемъ были заинтересованы скрывать, по мѣрѣ возможности, тяглоспособность свою и своихъ сосѣдей. Доносить изъ любви къ искусству, конечно, никому не было смысла, а когда находились люди, которые были не прочь донести писцу про какое-нибудь утаенное угодье и получить его изъ оброка или изъ тягла, то міръ относился къ такимъ людямъ очень враждебно и подвергалъ ихъ изгону и изводу[1]). Опасенія, возбуждаемыя такими доносчиками, иногда заставляли тяглыхъ людей узаконивать у писцовъ или у воеводъ свое захватное владѣнье и брать въ тягло земли и угодья, которыми они владѣли изъ оброка, но въ общемъ міръ и его отдѣльные члены стояли противъ писцовъ заодно, и потому здѣсь доносы не имѣли подъ собой такой благопріятной почвы, какъ среди служилыхъ людей. Достаточно напомнить о напряженной борьбѣ служилыхъ людей между собой изъ-за земли и крестьянъ, о постоянномъ несоотвѣтствіи помѣстныхъ дачъ окладамъ, чтобы согласиться, что здѣсь была очень хорошая почва для развитія доносовъ. Правительство пользовалось этимъ обстоятельствомъ и возвело доносы въ систему, очень характерную какъ для писцоваго дѣла, такъ и для земельной политики вообще. Эта система обращаетъ на себя наше вниманіе, конечно, не съ нравственной стороны, а какъ свидѣтельство того, что у приказовъ не доставало лучшихъ и болѣе дѣйствительныхъ средствъ провѣрки показаній землевладѣльцевъ и дѣятельности писцовъ вообще.

Въ указной книгѣ Помѣстнаго приказа записано нѣсколько указовъ, предусматривающихъ различные случаи утайки земель и правá доносчиковъ на утаенное[2]). Я не буду разсматривать ихъ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы моей задачи, а обращу вниманіе на писцовые наказы. Псковскій наказъ 131 г., почти въ одинаковыхъ

---

[1]) См. въ I т. Сошнаго письма (стран. 309) случай съ В. Гнидой.

[2]) См. Указную книгу въ изданіи Арх. Мин. Юстиціи, подъ ред. В. Н. Сторожева, и замѣчанія редактора въ V приложеніи.

выраженіяхъ съ другими наказами, предписываетъ писцамъ за ложь въ сказкахъ отписывать на государя утаенныхъ крестьянъ, бобылей, земли и угодья, а въ доносахъ заинтересовывать обездоленныхъ служилыхъ людей: «а дѣтямъ боярскимъ безпомѣстнымъ и маломѣстнымъ сказывать: будетъ которые помѣщики и вотчинники учнутъ за собою крестьянъ и деревни и живущія пашни таить, и они-бъ о тѣхъ обводныхъ и утаенныхъ земляхъ и о крестьянахъ и о бобыляхъ били челомъ государю. . . . . и государь, сыскавъ про то подлинно, велитъ тѣ земли обводныя и крестьянъ и бобылей отдавати тѣмъ, кто на кого правду скажетъ» [1]). Московскій наказъ 134 г. и касимовскій и суздальскій 135 г. сверхъ этой статьи содержатъ еще двѣ по этому же вопросу. Объ одной изъ нихъ я упоминалъ выше [2]), а вторая облегчаетъ задачу доносчиковъ и ставитъ всю работу писцовъ подъ ихъ надзоръ. Окончивъ описаніе, писцы должны были собрать «всѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, всякихъ чиновъ людей, и велѣти имъ книги всѣ передъ ними прочесть перечни, что за кѣмъ сколько написано жильцовъ и пашни и перелога, и такъ ли въ сѣхъ книгахъ писано крестьянъ и пашни, и что въ книгахъ прописано». Если кто-либо укажетъ на прописку или утайку, то писцы должны немедленно ѣхать «въ тѣ спорныя земли» и сыскивать. Если по сыску будетъ обнаруженъ обманъ, то «у тѣхъ людей, кто за собою что утаитъ, за ихъ воровство помѣстья ихъ отписывати на государя . . . . . *(п. т.)* и въ раздачу раздавать тѣмъ людямъ, кто на кого доведетъ, а кто утаитъ, и тѣхъ людей въ государевѣ . . . *(п. т.)* пенѣ велѣть подавать на крѣпкія поруки съ записьми» [3]). Интересно было бы найти прямыя указанія на то, какъ исполняли писцы это предписаніе о чтеніи перечней и каково было значеніе этой мѣры на дѣлѣ, но, говоря вообще, есть полное основаніе полагать, что опасеніе доносовъ, при напряженной борьбѣ служилыхъ людей за землю и крестьянъ, дѣйствительно сокращало обманы со стороны землевладѣльцевъ и нѣсколько облегчало задачу писцовъ. Нельзя, однако, не отмѣтить, что эти положительные результаты покупались дорогой цѣной — доносы плодили кляузы и вносили въ среду служилыхъ людей дурную рознь. Помѣстные акты Вологодскаго уѣзда, изданные

---

[1]) Ак. п. д., I, № 120 (стран. 243).
[2]) См. выше, 111 стран.
[3]) Ак. п. д., I, № 215 (стран. 435), № 261 (стран. 559), и II, № 1 (стран. 13).

подъ редакціей В. Н. Сторожева, даютъ нѣкоторое представленіе о томъ мутномъ омутѣ утаенныхъ, вылганныхъ, обводныхъ и прописныхъ помѣстій, въ которомъ барахтались голодные безпомѣстные и мелкопомѣстные служилые люди, всѣми правдами и неправдами поѣдая другъ друга [1]).

Въ заключеніе слѣдуетъ подчеркнуть, что если доносы со стороны отдѣльныхъ служилыхъ людей и опасеніе доносовъ у всѣхъ землевладѣльцевъ облегчали задачу писцовъ, то это не имѣло прямого отношенья къ вопросамъ тягла: доносчики не имѣли побужденій и, пожалуй, не были въ состояніи сообщать такія свѣдѣнья о тяглоспособности крестьянъ, которыя могли бы помочь писцамъ при опредѣленіи размѣровъ посошнаго тягла.

Разсмотримъ теперь, какія свѣдѣнья должны были давать писцамъ мірскіе люди и землевладѣльцы. Наказы говорятъ объ этомъ различно въ подробностяхъ, но по существу очень однообразно.

На посадахъ важнѣйшими свѣдѣньями были списки дворовъ и людей, съ указаніемъ ихъ животовъ, торговъ и промысловъ и оклада тягла, положеннаго на нихъ міромъ, росписи бѣглыхъ тяглецовъ, съ указаніемъ, кто, когда и куда сбѣжалъ и какое тягло тянулъ съ міромъ, и, наконецъ, росписи всякихъ оброчныхъ статей и угодій [2]).

Въ наказѣ 133 г., данномъ изъ Владимирской чети писцамъ Болхова, Воротынска, Путивля и Рыльска, писцамъ предписывалось взять у посадскихъ людей «именныя окладныя ихъ росписи всѣмъ посадскимъ людямъ, кто въ чемъ нынѣ у нихъ всякихъ людей въ тяглѣ и во всякихъ податяхъ, за ихъ, посадскихъ людей, и отцовъ ихъ духовныхъ руками». Для «сыска и оклада» писцы должны были велѣть выбрать лучшихъ людей, «которые-бъ про торговыхъ людей и про землю и про всякія угодья вѣдали подлинно», и взять на нихъ выборы за руками посадскихъ людей. На посадахъ и въ слободахъ писцы должны переписать дворы, пустые и жилые, а во дворахъ всякихъ людей «по именамъ, съ отцы и съ прозвищи» . . . . «и разспрашивати про нихъ старостъ и выборныхъ людей порознь, кто съ чего по мір-

---

[1]) Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду. I т. С.-Пб. 1906 г. См. №№ II, VI, XI и XXI.

[2]) Нѣсколько подобныхъ росписей напечатано въ Ак. писц. дѣла: I, №№ 159, 167, 176, 208 и 228, и II, №№ 188—195 (особенно № 192), 218, 233 и 234. Указанія на росписи и болѣе или менѣе подробное изложеніе ихъ содержанія см. въ перечневыхъ росписяхъ писцовъ и въ докладахъ о новыхъ книгахъ.

скому окладу государевы подати даютъ». У дворохозяевъ писцы должны переписать дѣтей, родню и сосѣдей, «которые торгуютъ и всякими промыслы промышляютъ собою опричь отцовъ своихъ и дядь и братей», «и про тѣхъ людей разспрашивати старостъ же и выборныхъ людей, кто чѣмъ промышляетъ, и какими товары торгуетъ, и кто каковъ прожиткомъ, и кто съ чего по мірскому окладу всякія государевы подати и мірскіе разметы даетъ». Если кто-либо изъ этихъ людей ведетъ самостоятельное хозяйство, а тягла съ міромъ не тянетъ, «а въ тяглѣ имъ съ тяглыми людьми быть мочно, и тѣхъ людей велѣти старостамъ и выборнымъ людямъ въ тягло обложити по ихъ животамъ и по промысламъ, что-бъ никаковъ торговой и промышленной и рукодѣльной человѣкъ въ государевыхъ податяхъ въ избылыхъ не былъ; а чѣмъ кого обложатъ, и тѣхъ людей написати въ книги особною статьею». Слѣдующія статьи наказа еще ярче опредѣляютъ участіе мірскихъ людей и значеніе ихъ показаній. Одна статья, между прочимъ, говоритъ о людяхъ, которыхъ писцы «по мірскому окладу въ тягло вновь напишутъ», а другая предписываетъ писцамъ приказать «накрѣпко» посадскимъ людямъ, чтобы они обо всемъ говорили правдиво по присягѣ и ни въ чемъ не обманывали писцовъ, «и дву дворовъ за одинъ дворъ не сказывали, и посадскихъ бы людей изъ дву дворовъ въ одинъ дворъ не переводили, и прожиточные-бъ и семьянистые посадскіе люди тягла съ себя не сбавливали и на молодыхъ людей тягла не прибавливали». Послѣдняя статья наказа требуетъ, чтобы писцы привезли съ собой и отдали въ чети платежныя книги, сотныя грамоты и «окладныя росписи, каковы возьмутъ у старостъ и у цѣловальниковъ за ихъ руками» [1]).

Нѣкоторыя неясности и неточности этого наказа станутъ ясными, если мы сопоставимъ ихъ съ соотвѣтствующими предписаніями другихъ наказовъ. Напр., гороховецкій наказъ 131 г. кратко и очень ясно опредѣляетъ, о чемъ, главнымъ образомъ, должны были допрашивать писцы тяглыхъ людей. Они должны описать всякіе тяглые дворы и огороды, а во дворахъ поименно всѣхъ людей, «и тѣхъ людей самихъ и выборныхъ людей разспрашивати про нихъ въ правду, по государеву . . . *(п. т.)* крестному цѣлованью, кто каковъ прожиткомъ, и кто какимъ торгомъ и промысломъ промышляетъ, и въ чемъ

---

[1]) Ак. п. д., I, № 151.

кто по ихъ мірскому окладу нынѣ въ тяглѣ» [1]). Другіе наказы, напр. новгородскій 130 г., псковскій и устюжскій 131-го, вологодскій и гороховецкій 135-го, оттѣняютъ важную роль старостъ и выборныхъ въ рѣшеніи вопроса, можно и слѣдуетъ ли положить въ тягло того или иного захребетника. По новгородскому наказу писцы должны допросить выборныхъ людей и старожильцевъ: «тѣ захребетники съ своихъ торговъ и съ промысловъ съ тяглыми людьми всякія государевы подати и въ мірскіе разметы даютъ ли, и будетъ не даютъ, и въ тягло ихъ съ тяглыми людьми положити мочно ли; и будетъ мочно, и тѣхъ людей по сыску и по разспросу земскихъ старостъ и и выборныхъ людей написати въ тяглые люди» [2]). Болховской наказъ и нѣкоторые другіе, напр. каргопольскіе наказы 127 и 128 гг. [3]), въ статьѣ о захребетникахъ допускаютъ неточность выраженій, которая можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію, — можно подумать, что мірскіе люди самостоятельно положатъ въ тягло захребетниковъ, а писцы должны ограничиться только тѣмъ, что «тѣхъ людей написати въ книги, чѣмъ кого въ тяглѣ обложатъ» [4]). Въ дѣйствительности было, конечно, не такъ. Опредѣленіе оклада мірского тягла зависѣло отъ воли міра, а писцы должны были только слѣдить за тѣмъ, чтобы прожиточные и семьянистые люди «тягла съ себя не сбавливали и на молодыхъ людей не прибавливали», и записать въ свои книги этотъ окладъ, какъ основу для опредѣленія размѣровъ государственнаго тягла, — но рѣшеніе вопроса о томъ, положить или не положить въ тягло того или иного человѣка, зависѣло по праву, конечно, отъ писцовъ. Писцы должны были дѣлать это «по сыску и по разспросу старостъ и выборныхъ людей», т.-е. осмотрительно и выслушавъ мнѣнія указанныхъ лицъ, но это мнѣніе для нихъ не было обязательнымъ.

Тяглые міры, вообще, были заинтересованы въ томъ, чтобы привлекать къ себѣ въ помощь въ тягло возможно бо́льшее число людей, такъ что съ этой стороны писцы могли бы довѣрять ихъ показаніямъ, но, съ другой стороны, они были одновременно заинтересованы въ томъ, чтобы скрывать отъ писцовъ количество и тяглоспособность своихъ сочленовъ. Между тѣмъ какъ разъ эти свѣдѣнья были всего необхо-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 113 (стран. 200).

[2]) Тамъ же, № 104 (стран. 177).

[3]) Тамъ же, №№ 89 и 90.

[4]) Тамъ же, № 89 (стран. 132).

димѣе для писцовъ, чтобы установить размѣры сошнаго и оброчнаго тягла описываемаго ими посада. Этимъ, какъ мнѣ кажется, объясняется двойственное отношеніе приказовъ къ показаніямъ мірскихъ людей: съ одной стороны, они не могутъ обойтись безъ этихъ показаній и стремятся использовать въ своихъ цѣляхъ опытъ и цѣнныя свѣдѣнья мірскихъ людей, а съ другой стороны, прекрасно знаютъ, что довѣрять этимъ показаніямъ и свѣдѣньямъ безъ провѣрки невозможно. При такихъ условіяхъ наилучшая, съ точки зрѣнія приказовъ, постановка дѣла состояла, какъ мнѣ представляется, въ слѣдующемъ: тяглый міръ на глазахъ писцовъ, по совѣсти и по своимъ основаніямъ посильнаго тягла, долженъ окладывать всѣхъ своихъ сочленовъ и дать свою работу писцамъ, а писцы должны осмотрительно провѣрить эту работу и пользоваться ею въ интересахъ и съ точки зрѣнія казны, отвергая или принимая въ той мѣрѣ и въ тѣхъ частяхъ, въ которой по ихъ мнѣнію ее слѣдуетъ принять или отвергнуть. Въ нижегородскомъ наказѣ 126 г. эта двойственность выразилась ярче, чѣмъ во всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ наказахъ. Писцамъ предписывалося, описавъ живущіе дворы, расписать тяглыхъ людей на статьи, на лучшихъ, среднихъ и младшихъ, «примѣрясь къ прежнимъ платежнымъ книгамъ и смотря по нынѣшнему дозору, и положити въ тягло всякаго человѣка въ правду, по государеву крестному цѣлованью, не норовя никому ни въ чемъ, и недружбою ни на кого не дѣломъ не писати; и посадскимъ старостамъ и цѣловальникамъ и лучшимъ, и середнимъ, и молодшимъ людямъ заказъ учинити крѣпкой, что-бъ они своихъ посадскихъ дворовъ и людей не таили и межъ себя не укрывали, тѣмъ бы на себя государевы опалы не наводили, сказывали прямо въ правду по государеву крестному цѣлованью, какъ нынѣ и впередъ мочно жити и государево тягло тянути; того имъ *(т.-е. писцамъ)* смотрѣти и беречи накрѣпко, что-бъ государеву тяглу убыли, а имъ бы *(т.-е. посадскимъ людямъ)* лишнія тягости не было». Эту статью слѣдуетъ сопоставить съ заключительной статьей того же наказа, въ которой сказано: «А будетъ они *(писцы)* учнутъ дозирать и писати не прямо по поноровкѣ кому, или на кого лишнее положено будетъ не по силѣ, и государево будетъ тягло облегчатъ не противъ живущаго, а послѣ про то сыщется, и имъ за то отъ государя . . . *(п. т.)* быти въ великой опалѣ» [1]).

---

[1]) Ак. п. д., I, № 38.

Изслѣдованіе другихъ статей наказовъ подтверждаетъ сказанное. Разсмотримъ статьи относительно пустыхъ дворовъ. Писцы должны переписать пустые дворы и дворовыя мѣста и сыскать, когда и почему тяглые люди ихъ покинули, «отъ скудости-ль или не хотя государевыхъ податей платить,ища себѣ льготы, и что съ тѣхъ людей по мірскому окладу было государевыхъ податей» [1]), и гдѣ и за кѣмъ они нынѣ живутъ. Бѣглыхъ тяглецовъ, сыскивая, писцы должны вывозить изъ-за монастырей и всякихъ людей на посады и сажать на старыя мѣста. О томъ, какъ положить въ тягло такихъ людей, наказы выражаются различно, но не слѣдуетъ, конечно, принимать эти различія за дѣйствительное разнообразіе въ правилахъ и на дѣлѣ. Новгородскій наказъ 130 г. выражается коротко и, несомнѣнно, не договариваетъ того, что считаетъ яснымъ и ненуждающимся въ поясненіяхъ: «а въ житьѣ давати ихъ *(т.-е. возвращенныхъ изъ бѣговъ тяглецовъ)* на поруки съ записьми, что имъ на старыхъ мѣстахъ жити и всякія подати платить по старинѣ» [2]). Въ другомъ мѣстѣ того же наказа это повторяется такъ: «что имъ на тѣхъ своихъ старыхъ мѣстахъ жити съ мірскими людьми и всякія подати платить» [3]). Въ устюжскомъ наказѣ 131 г. соотвѣтствующее предписаніе выражено иначе: «подавати на крѣпкія поруки съ записьми и посажати ихъ на тѣ ихъ старыя мѣста, и въ тягло ихъ земскимъ старостамъ велѣти обложить по ихъ животамъ и по промысламъ» [4]). Эти выраженія опять-таки не слѣдуетъ понимать такъ, что старосты положатъ такихъ людей въ тягло самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства и участія писцовъ. Яснѣе всего по данному вопросу выражается и устраняетъ всякія сомнѣнія одна статья наказа Владимирской чети (около 133 г.), который, по моему предположенію, не былъ данъ писцамъ. Въ этомъ наказѣ написано: «и тѣхъ людей, сыскивая, давати на поруки съ записьми и сажати ихъ на старыя ихъ мѣста, и тягло на нихъ положить съ земскими старосты и съ цѣловальники» [5]).

---

[1]) Тамъ же, № 154. Срав. тамъ же № 115 (стран. 208), № 151 (стран. 312) и № 224 (стран. 459).

[2]) Тамъ же, № 104 (стран. 180).

[3]) Тамъ же, стран. 177. То же см. въ псковскомъ наказѣ 131 г. (стран. 230 и 233) и въ вологодскомъ и гороховецкомъ 135 г. (стран. 541 и 569).

[4]) Тамъ же, № 115 (стран. 208). То же въ болховскомъ наказѣ 133 г. и вяземскомъ 135 г. Тамъ же, стран. 312 и 459.

[5]) Тамъ же, № 154 (стран. 318 и примѣчаніе).

Сопоставленіе этихъ предписаній выясняетъ, какъ должны были поступать писцы относительно возвращенныхъ на старое тягло бѣглецовъ: они должны были сажать ихъ за поруками на старыя мѣста и при содѣйствіи земскихъ старостъ и выборныхъ людей положить въ тягло. Если такимъ людямъ или обѣднѣвшимъ дѣтямъ и родственникамъ побитыхъ и умершихъ тяглыхъ людей нужно было дать въ податяхъ льготу, то писцы должны были давать ее, «смотря по людямъ и по ихъ животамъ и по промысламъ, разспрашивая про то старостъ и выборныхъ людей накрѣпко» [1]).

Изъ всего этого можно видѣть, сколь значительное и цѣнное содѣйствіе должны были оказывать писцамъ мірскіе люди и какъ велико было значеніе мірского оклада при положеніи людей въ тягло. Это мнѣ представляется вполнѣ естественнымъ, такъ какъ основанія мірского и правительственнаго окладовъ по существу были одинаковыми.

Подчеркну еще разъ, что писцовые наказы не преслѣдуютъ цѣли и, повидимому, не считаютъ нужнымъ предусмотрѣть и указать всѣ тѣ случаи, въ которыхъ писцы могли пользоваться содѣйствіемъ тяглаго міра и мірскимъ окладомъ. Напр., ниже мы увидимъ, что дѣленіе посадскихъ людей на статьи, на людей лучшихъ, среднихъ и т. д., основывалось на мірскомъ окладѣ, но прямое указаніе на это мы находимъ только въ одномъ наказѣ, именно въ гороховецкомъ 131 г., въ которомъ предписывается росписать тяглыхъ людей на статьи «по выпросу земскихъ старостъ и выборныхъ людей» [2]).

Слѣды содѣйствія мірскихъ людей и, въ частности, мірской окладъ мы можемъ видѣть во многихъ писцовыхъ книгахъ и въ разныхъ актахъ писцоваго дѣла. Напр., въ вологодскихъ книгахъ 125 г. дозорщики, описывая порознь разныя группы тяглецовъ: лучшихъ, среднихъ, младшихъ, обнищавшихъ, ставшихъ въ стрѣльцы и въ ямскіе охотники и т. д., тщательно отмѣчаютъ, съ какого мірского оклада платили эти группы до Вологодскаго разоренья (121 г.), послѣ разоренья и съ какого платили во время дозора. Напр., послѣ описанія тяглыхъ дворовъ мы читаемъ: «прежній окладъ былъ до Вологодскаго разоренья 2 руб. 13 ал. 2 д. 5 пулъ, а послѣ Вологодскаго разоренья окладъ имъ былъ рубль 4 ал. 1 д. съ пирогомъ.

[1]) Ак. п. д., I, № 224 (стран. 459).
[2]) Тамъ же, № 113 (стран. 202).

А нынѣ имъ окладъ 22 ал., а убыло съ нихъ послѣ Вологодскаго разоренья ихъ оклада 15 ал. 3 д. съ пирогомъ». Въ концѣ книги дозорщики даютъ итоги и сравниваютъ оклады сошнаго письма, положенные на посадъ до разоренья и по дозору 121 г., съ своимъ окладомъ, а рядомъ сравниваютъ убыль мірского оклада[1]). Мірской окладъ мы видимъ въ слѣдующихъ напечатанныхъ книгахъ: въ описаніи конца XVI в. (около 94 г.) Новгорода Великаго[2]), въ писцовыхъ книгахъ Нижняго Новгорода 129—136 гг.[3]), въ писцовыхъ же Балахны 184 г.[4]) и въ сотной Дмитрова съ писцовыхъ книгъ 132 г. Дм. Скуратова и подьячаго П. Трофимова[5]). Въ сотной сверхъ мірского оклада записаны, со словъ старостъ и выборныхъ людей, довольно подробныя свѣдѣнья о животахъ, торгахъ и промыслахъ тяглецовъ. Нѣсколько росписей мірского оклада, которыми пользовались писцы, напечатано въ Актахъ писцоваго дѣла[6]).

Такія же цѣнныя и разнообразныя свѣдѣнья получали писцы отъ тяглыхъ людей при описаніи черныхъ и дворцовыхъ волостей. Перечислить ихъ всѣ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ писцовые наказы — главный источникъ по этому вопросу — не ставятъ себѣ такой цѣли, а указываютъ въ различныхъ сочетаніяхъ и съ различной полнотой то на одно, то на другое, предполагая яснымъ, что писцы будутъ спрашивать тяглыхъ людей обо всемъ, что понадобится по ходу дѣла. Подробнѣе всего объ этомъ говоритъ устюжскій наказъ 12 мая 184 года[7]), и я возьму его въ основу изложенья, такъ какъ сравнительная краткость наказовъ первой половины XVII в. вовсе не означаетъ какихъ-либо отличій въ пріемахъ описаній въ этомъ вопросѣ. Дѣло въ томъ, что наказы съ теченіемъ времени становятся вообще подробнѣе, и то, что въ устюжскомъ наказѣ сведено въ одну статью (2-я статья) и изложено подробно, въ болѣе раннихъ наказахъ раз-

---

[1]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 60, лл. 89—91 об.

[2]) Лѣтопись Зан. Арх. Ком., XXIII и XXIV тт. С.-Пб. 1911 и 1912 гг.

[3]) Р. И. Б., XVII т.

[4]) Сборникъ, издав. Нижегородск. Губ. Арх. Ком., XV т. Нижній. 1913 г.

[5]) Временникъ Общ. Ист. и Древ., 24 книга. См. еще мірской окладъ въ окладныхъ книгахъ Ростова 160 г., письма и оклада Н. Маслова тяглецовъ, приписанныхъ къ посаду вновь въ 157 г. Дозорныя и переписныя книги г. Ростова. М. 1880 г.

[6]) Росписи по Зарайску, Вязьмѣ и Гороховцу. Ак. п. д., I, №№ 159, 218 и 264.

[7]) Войдетъ въ III т. Ак. п. дѣла.

бросано по разнымъ статьямъ и высказано короче. То же немногое, что появляется въ устюжскомъ наказѣ вновь, я буду отмѣчать.

Устюжскіе писцы должны были приказать посадскимъ людямъ и крестьянамъ выбрать «для сыска и оклада» старожильцевъ, сколько будетъ «пригоже», которые бы про все «знали и вѣдали подлинно». На выборныхъ взять выборы и велѣть попамъ привести ихъ къ присягѣ на томъ, что они будутъ говорить обо всемъ правдиво, — «въ томъ во всемъ дѣлѣ, будучи съ ними, писцы, быть имъ радѣтельнымъ и въ свидѣтельствѣ ни въ чемъ неложнымъ». Приведя выборныхъ къ присягѣ, писцы должны были сказать имъ государевъ указъ, чтобы они обо всемъ говорили правду, и пригрозить имъ за ложь смертной казнью «безо всякаго милосердія», а мірскимъ людямъ за избраніе лгуновъ жестокимъ наказаньемъ безъ пощады и ссылкой въ Понизовые дальніе города[1]). Послѣ этого писцы должны были черезъ старожиловъ взять у старостъ и у мірскихъ людей росписи «за руками отцовъ ихъ духовныхъ». Содержаніе росписей наказъ опредѣляетъ такъ: «сколько въ Устюжскомъ уѣздѣ становъ, и волостей, и деревенъ, и починковъ, и займищъ, и кто имяны посадскіе люди, и крестьяне, и бобыли, и сосѣди, и захребетники, и половники, и ихъ дѣти и братья и племянники, съ отцы и съ прозвищи, и сколькихъ кто лѣтъ[2]), и которые поселились вновь, и сколь давно кто поселился, отъ отцовъ ли дѣти или отъ братій братья или откуда кто пришли, а недорослей, которые меньше 15 лѣтъ, писали-бъ въ росписяхъ имянно, кто сколькихъ лѣтъ[3]), и подъ пашенными крестьяны живущаго вытнаго тягла и сошнаго письма, и почему кто платитъ великаго государя денежныхъ и иныхъ всякихъ доходовъ порознь; и сколько у нихъ крестьянскія пашни паханыя, и перелога, и лѣсной поросли, и сѣнныхъ покосовъ, и животинныхъ выпусковъ, и пустошей, и селищъ, и займищъ, и рѣкъ, и озеръ, и въ нихъ рыбныхъ ловель, также на рѣкахъ и на ключахъ и на прудахъ мельницъ, и въ лѣсахъ бортныхъ ухожьевъ, и звѣриныхъ ловель, и бобровыхъ гоновъ, и перевѣсей, и будныхъ становъ, и рудней, и соляныхъ варничныхъ трубъ и мѣстъ, и иныхъ всякихъ угодій, за великимъ государемъ, также и въ откупѣ (и) на оброкѣ, и за кѣмъ имяны, и почему кто съ чего платитъ великаго

---

[1]) Въ старыхъ наказахъ угрозы не такъ сильны.

[2]) Требованія записывать возрастъ людей въ раннихъ наказахъ нѣтъ

[3]) Это — тоже новость.

государя въ казну какихъ откуповъ и оброковъ порознь, и кто какими угодьи владѣетъ безоброчно, и съ котораго года и по какому указу; и сколько гдѣ на посадахъ и въ которыхъ станахъ и въ волостяхъ и въ деревняхъ пустыхъ дворовъ и мѣстъ дворовыхъ и всякихъ откупныхъ и оброчныхъ угодій, и чьи имяны, и сколь давно и отъ чего запустѣли, и въ тѣхъ пустыхъ дворахъ посадскіе люди и крестьяне померли-ль или изъ тѣхъ дворовъ въ которые городы и уѣзды сбѣжали, и гдѣ нынѣ въ бѣгахъ живутъ, и тѣхъ пустыхъ дворовъ пашнею и сѣнными покосы и всякими угодьи кто владѣетъ, и по чему, и оброкъ платитъ ли, или владѣетъ безоброчно, и буде платитъ оброкъ, сколько и кому и съ котораго года, или тѣхъ дворовъ земля и сѣнные покосы и всякія угодья пусты съ того времени, какъ тѣхъ дворовъ жильцы бѣжали или померли». Получивъ эти росписи, писцы должны были взять съ собою «окольнихъ селъ поповъ и приказныхъ людей» и съ выборными старожилами при старостахъ и крестьянахъ приступить къ описанію.

Поданныя мірскими людьми росписи служили писцамъ основой, на которой они работали, сопоставляя и провѣряя содержаніе ихъ приправочными документами и дополняя личнымъ досмотромъ и разспросами выборныхъ старожиловъ и самихъ тяглыхъ людей. Старожиловъ тяглые люди должны были выбирать «для сыска и оклада», и выборные должны были находиться при писцахъ постоянно, но кромѣ нихъ писцы должны были разспрашивать земскихъ старостъ и цѣловальниковъ, а въ случаѣ надобности и самихъ крестьянъ. На послѣднее въ писцовыхъ наказахъ такъ много указаній, что мнѣ кажется излишнимъ доказывать. Для насъ важнѣе то, какія свѣдѣнья должны были собирать писцы у выборныхъ и у самихъ тяглыхъ людей. Наказы даютъ на это исчерпывающій отвѣтъ: по существу это тѣ же свѣдѣнья, что и на посадахъ.

Въ устюжскомъ наказѣ 184 г., по поводу присяги выборныхъ сказано, что они должны показывать: «про торговыхъ и промышленныхъ людей и про ихъ торги и промыслы и про волостныхъ крестьянъ пожитки». Говоря о посадахъ, я указалъ, что писцы должны были разспрашивать старостъ и выборныхъ людей о зажиточности и промыслахъ посадскихъ людей и взять роспись мірского оклада, а при опредѣленіи посошнаго и оброчнаго тягла должны были пользоваться содѣйствіемъ тяглыхъ людей. Такъ же должны были

работать писцы и въ уѣздахъ, и если писцовые наказы не всегда и не такъ ясно и опредѣленно говорятъ объ этомъ, то это объясняется не различіемъ въ пріемахъ описаній, а указанными выше недомолвками наказовъ и особенностями хозяйственныхъ и бытовыхъ условій жизни уѣздныхъ людей.

Я только что указалъ, что устюжскій наказъ 184 г. требуетъ отъ выборныхъ старожиловъ, между прочимъ, показаній «про волостныхъ крестьянъ пожитки». То же мы видимъ и въ древнѣйшемъ извѣстномъ намъ наказѣ — въ наказѣ 122 г. воеводъ Новгорода Великаго дозорщикамъ Старорусскихъ погостовъ. Дозорщики должны были дозрить и описать дворы и во дворахъ крестьянъ и бобылей, кто «имяны на каковѣ участкѣ нынѣ живетъ, и каковъ кто прожиткомъ, и кому на чемъ мочно впредь жити и пашня пахати и подати платить» [1]). Ясно, что показанія о томъ, кто каковъ прожиткомъ, писцы могли получить только отъ тяглыхъ людей, хотя въ наказѣ прямо объ этомъ не сказано. Главнымъ промысломъ уѣздныхъ людей было хлѣбопашество, и всѣ наказы предписываютъ писцамъ разспрашивать о пашнѣ. Торги и промыслы (въ узкомъ смыслѣ слова) занимали среди источниковъ благосостоянія второе мѣсто, и нѣкоторые наказы объ нихъ не упоминаютъ, хотя, конечно, это не значитъ, что одни писцы должны были принимать ихъ во вниманье, а другіе нѣтъ. Въ наказѣ 128 г. дозорщикамъ мордовскихъ и бортныхъ селъ Арзамасскаго уѣзда предписывается переписать всякихъ людей «и про тѣхъ людей разспрашивати выборныхъ людей и тутошнихъ жильцовъ и самимъ *(дозорщикамъ)* тѣхъ людей въ правду, русскихъ людей по государеву крестному цѣлованью, а мордву по ихъ вѣрѣ по шерти, кто что пашни пашетъ, и на колько чети, и на чемъ кто живетъ, на выти ли, или на полувыти или меньше» [2]). Въ каргопольскомъ наказѣ того же года читаемъ: «и про тѣхъ людей сыскивати и разспрашивати старостъ и цѣловальниковъ и тутошнихъ жильцовъ и самимъ тѣхъ людей разспрашивати имянно въ правду, по государеву крестному цѣлованью, кто чѣмъ промышляетъ, торгуетъ ли, или инымъ какимъ промысломъ промышляютъ, или пашню пашутъ, и кто на чемъ живетъ и кто что пашни пашетъ» [3]).

---

[1]) Д. А. И., II, № 18
[2]) Ак. п. д., I, № 96.
[3]) Тамъ же, стран. 134 и 142.

Итакъ, и въ уѣздахъ писцы должны были допрашивать тяглыхъ людей и собирать свѣдѣнья о животахъ, торгахъ и промыслахъ, т.-е. о зажиточности тяглецовъ. Болѣе подробное доказательство этого положенія мнѣ кажется излишнимъ, тѣмъ болѣе, что мы уже знаемъ, зачѣмъ писцамъ нужны были эти свѣдѣнья — на основаніи ихъ и другихъ признаковъ «силы» тяглыхъ людей писцы должны были опредѣлить размѣры сошнаго и вытнаго тягла. Отмѣтивъ это, я возвращаюсь къ вопросу объ участіи мірскихъ людей въ работѣ писцовъ и въ частности въ опредѣленіи оклада тягла.

Уже то, что писцы должны были собирать свѣдѣнья о животахъ, торгахъ и промыслахъ и вообще о тяглоспособности уѣздныхъ людей, даетъ намъ основаніе предполагать, что писцы должны были пользоваться мірскимъ окладомъ, который, какъ мы знаемъ, основывался на этихъ признакахъ. Источники подтверждаютъ такое предположеніе. Изъ описи дѣлъ устюжскихъ дозорщиковъ 147 г. мы узнаемъ, что у нихъ была подъ рукой, между прочимъ, «связка разрубныхъ списковъ разныхъ волостей цѣловальниковъ прошлыхъ лѣтъ» [1]). Писцы Соли Вычегодской 153 г. въ своей памяти земскимъ цѣловальникамъ Никольскаго прихода Вилегодской волости, о выборѣ трехъ или четырехъ крестьянъ, «которые-бъ знали сказать про себя и того прихода про крестьянъ и про жилыя и про пустыя деревни и про всякія угодья», предписывали цѣловальникамъ привезти къ Соли Вычегодской и подать имъ, писцамъ, «съ писцовыхъ книгъ сотную за дьячьею приписью и разрубную роспись, кто имянемъ въ которой деревнѣ живетъ и съ чего (съ) живущаго тягло платитъ» [2]). Писцовые наказы, и между ними наказъ 153 г. сольвычегодскимъ писцамъ[3]), которые требовали у земскихъ цѣловальниковъ разрубной росписи, прямо не говорятъ о томъ, что писцы должны брать у мірскихъ людей ихъ окладники и пользоваться послѣдними, но это объясняется, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что считалось понятнымъ само по себѣ, что писцы будутъ пользоваться мірскимъ окладомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ безъ исключенія наказы требуютъ отъ писцовъ, чтобы они допрашивали тяглыхъ людей о вытяхъ, пашнѣ и объ угодьяхъ, и предписываютъ имъ наблюдать, чтобы «прожиточные и семьянистые крестьяне

---

[1]) Ак. п. д., II, № 146.

[2]) Тамъ же, № 185.

[3]) Тамъ же, № 183.

тягла съ себя не сбавливали и на молодшихъ крестьянъ тягла не прибавливали»; выборные старожилы должны были находиться при писцахъ «для сыска и оклада». Возникаютъ вопросы, что это за выть, о которой должны были допрашивать писцы тяглыхъ людей, для какого «оклада» тяглые люди выбирали старожильцевъ, и какое тягло могли прожиточные люди съ себя «сбавливать» и сваливать на младшихъ людей? Я думаю, что отвѣтъ на эти вопросы ясенъ: рѣчь идетъ о мірскомъ окладѣ, на основаніи котораго писцы должны были строить правительственный сошный и вытный окладъ.

Мы знаемъ, что главными основаніями уѣзднаго мірского оклада были пашня и угодья, а животы, торги и промыслы, въ узкомъ смыслѣ слова, занимали второе мѣсто; знаемъ также, что мірскіе люди, опредѣляя тяглоспособность отдѣльныхъ тяглецовъ по указаннымъ признакамъ, выражали свой окладъ въ условныхъ единицахъ — въ бѣлкахъ, деньгахъ и вытяхъ [1]). Объ этихъ-то единицахъ и должны были разспрашивать писцы тяглыхъ людей. Дѣйствительно, о правительственномъ вытномъ окладѣ писцамъ не было надобности разспрашивать тяглыхъ людей, такъ какъ свѣдѣнья о немъ были у нихъ подъ руками въ приправочныхъ документахъ — въ старыхъ писцовыхъ и дозорныхъ книгахъ, въ сотныхъ грамотахъ и т. п. Эти свѣдѣнья служили писцамъ основой, въ которую нужно было внести поправки сообразно перемѣнамъ, которыя произошли послѣ предыдущаго описанія. Мы уже знаемъ, что эти поправки, т.-е. положеніе въ тягло наличныхъ во время описанія тяглецовъ, писцы должны были дѣлать по силѣ ихъ, т.-е. на основаніи ихъ пашни, угодій, животовъ и т. д. Совершенно естественно было воспользоваться для этого мірскимъ окладомъ, который былъ основанъ на тѣхъ же признакахъ тяглоспособности.

Если стать на эту точку зрѣнія, то становится легко объяснимымъ, что означаетъ требованіе наказовъ, чтобы прожиточные люди не облегчали себя въ окладѣ и не наваливали оклада на младшихъ людей, и для какого «оклада» тяглые люди должны были выбирать на помощь писцамъ старожиловъ. Земскіе старосты и выборные давали писцамъ показанія о зажиточности и тяглоспособности отдѣльныхъ тяглецовъ и облагали ихъ по своимъ мірскимъ обычаямъ. При этомъ лучшіе

---

[1]) Сошное письмо, I, стран. 365—368 и 394 и далѣе.

люди могли быть заинтересованы сбавлять съ себя оклада не только для того, чтобы облегчить обложеніе волости вообще, но и потому, что нѣкоторые налоги, напр. вытные оброки, каждый платилъ за себя по писцовому окладу, безъ волостной перераскладки. Наказы предвидятъ, что лучшіе люди, уменьшая противъ прежняго свои оклады, будутъ наваливать ихъ на младшихъ людей. Это объясняется тѣмъ, что приказы и писцы особенно зорко смотрѣли и становились недовѣрчивыми, когда сошные и вытные оклады уменьшались. Естественно, что лучшимъ людямъ было проще свалить часть своего оклада на младшихъ и задержать такимъ косвеннымъ путемъ увеличеніе правительственнаго оклада, чѣмъ затѣвать съ писцами споръ о размѣрахъ оклада волости и тратиться на челобитья и хожденія въ приказѣ, чтобы получить уменьшеніе волостного оклада. Писцы провѣряли показанія выборныхъ и ихъ окладъ личнымъ дозоромъ, допрашивали, въ случаѣ надобности, самихъ облагаемыхъ и строили офиціальный окладъ на мірскомъ, внося въ послѣдній по своему усмотрѣнію тѣ или иныя поправки.

Такія отношенія писцовъ къ населенію и къ его мірскому окладу вполнѣ подтверждаются частными случаями опредѣленія окладовъ. Переходя къ разсмотрѣнію ихъ, я еще разъ подчеркну, что буквальное толкованіе отдѣльныхъ наказовъ въ данномъ вопросѣ непригодно и неправильно и что необходимо, для уясненія дѣла, сопоставленіе различныхъ наказовъ.

Всѣ наказы предписываютъ писцамъ положить въ тягло уѣздныхъ непашенныхъ людей, чтобы «никаковъ человѣкъ въ тяглѣ въ избылыхъ не былъ» [1]). При этомъ нѣкоторые наказы требуютъ, чтобы писцы допросили про такихъ людей старостъ и цѣловальниковъ: «кто чѣмъ торгуетъ и какимъ промысломъ промышляетъ, и подати они съ посадскими или съ волостными людьми платятъ ли». Если эти люди торгуютъ и промышляютъ, а тягла не тянутъ, то писцы должны ихъ «положити въ тягло съ посадскими или съ волостными людьми, смотря по ихъ животамъ и по промысламъ, и пашня имъ давати, смотря по нихъ». Въ такихъ выраженіяхъ говорятъ о непашенныхъ людяхъ наказы: новгородскій 130 г. и устюжскій и псковскій 131 г. [2]). Судя

[1]) Ак. п. д., I, № 84 (стран. 115).

[2]) Тамъ же, № 104 (стран. 184), № 115 (стран. 210) и № 120 (стран. 236).

по этимъ наказамъ, участіе мірскихъ людей ограничивается показаніями на вопросы писцовъ. Другіе наказы выражаются иначе. Такъ, устьрѣцкій наказъ 127 г. предписываетъ непашенныхъ людей «писати въ живущія-жъ выти по ихъ животамъ и по промысламъ и по выпросу старостъ и старожильцовъ въ правду, какъ имъ мочно въ какомъ тяглѣ быти» [1]). Въ каргопольскомъ наказѣ того же года такихъ людей предписывается положить въ тягло «по сказкѣ выборныхъ людей и смотря по ихъ животамъ и по промысламъ» [2]). Судя по этимъ наказамъ, мірскіе люди должны были не только давать показанія о непашенныхъ людяхъ, но и высказывать свое мнѣніе, «какъ имъ мочно въ какомъ тяглѣ быти», т.-е. опредѣлять размѣръ тягла, которое на ихъ взглядъ можно было положить на такихъ людей. Наконецъ, есть такіе наказы, которые отводятъ мірскимъ людямъ еще болѣе важную роль. Онежскій наказъ 136 г., подобно вятскому того же года и устьрѣцкому 137-го, предписываетъ писцамъ непашенныхъ людей «положити въ тягло съ волостными людьми, смотря по ихъ животамъ и по промысламъ, чѣмъ кого волостные старосты и выборные люди обложатъ, а пашня имъ давати, смотря по нихъ» [3]). Если знать только эти наказы и допустить относительно ихъ буквальное толкованіе, то можно подумать, что писцы должны были вполнѣ предоставить окладъ самимъ мірскимъ людямъ и ограничиться записью въ свои книги тягла, положеннаго ими. Въ дѣйствительности, конечно, было не такъ, и вторая группа наказовъ даетъ наиболѣе правильное представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ писца и тяглыхъ людей въ вопросѣ установленія окладовъ тягла: тяглые люди давали писцамъ свѣдѣнья и подавали свой совѣтъ, какъ кого положить въ тягло, а право опредѣленія оклада принадлежало писцамъ.

Содѣйствіе тяглыхъ людей писцамъ въ другихъ частныхъ вопросахъ я опишу короче. Новгородскій наказъ 130 г. предписываетъ писцамъ сыскивать и свозить бѣглыхъ тяглецовъ, сажать ихъ за поруками на старыя мѣста «и въ тягло ихъ земскимъ старостамъ велѣти обложити по ихъ животамъ и по промысламъ» [4]). Онежскій наказъ 136 г. пред-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 84 (стран. 115).

[2]) Тамъ же, № 89 (стран. 135). Въ редакціи 128 года того же наказа о сказкѣ выборныхъ пропущено. Тамъ же, № 90.

[3]) Тамъ же, II, №№ 28, 29 и 55.

[4]) Тамъ же, I, № 104. То же въ псковскомъ наказѣ 131 г. Тамъ же, № 120.

писываетъ вывозить закладчиковъ изъ-за монастырей и церквей и «написать въ тяглѣ съ волостными крестьяны, чѣмъ кого тѣ выборные люди въ тяглѣ положатъ, по ихъ животамъ и по промысламъ»[1]). Сольвычегодскій наказъ 153 г. о такихъ закладчикахъ говоритъ: «и тѣмъ всѣмъ людямъ велѣть жить въ тяглѣ по прежнему на старыхъ жеребьяхъ, а въ житьѣ и въ тяглѣ и во всякихъ податяхъ по тѣхъ людяхъ имать поручныя крѣпкія записи, а въ тягло велѣть ихъ выборныхъ людямъ положить, примѣрясь къ ихъ братьѣ, къ посадскимъ и волостнымъ крестьянамъ» [2]).

Наказы различно говорятъ о временной льготѣ въ тяглѣ, которую писцамъ придется давать въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, но за исключеніемъ того, что нѣкоторые наказы устанавливаютъ предѣльные сроки льготы, а другіе этого не дѣлаютъ, предписанія ихъ по существу однообразны. Льготу слѣдуетъ давать по людямъ, по ихъ животамъ и по разоренью, а съ другой стороны по степени запустѣнья того участка, на которомъ они сидятъ или сядутъ. При этомъ нѣкоторые наказы, какъ бы вспоминая о цѣнномъ для писцовъ содѣйствіи тяглыхъ людей, предписываютъ пользоваться имъ. Въ вятскомъ наказѣ 136 г. сроки льготы не ограничены, и посадскимъ людямъ велѣно давать льготу, «смотря по людямъ и по ихъ животамъ и по промысламъ, разспрашивая про то старостъ и выборныхъ людей накрѣпко въ правду». Ниже въ томъ же наказѣ говорится о льготѣ уѣзднымъ людямъ, при чемъ про разспросъ старостъ не упомянуто [3]). Ясно, что это умолчаніе вовсе не значитъ, что въ уѣздѣ писцы не могли и не должны были пользоваться разспросомъ старостъ и выборныхъ. Очень опредѣленно выражаются арзамасскій наказъ 128 г., для дозора мордовскихъ и бортныхъ селъ, и каргопольскій 127 г. Въ первомъ мы читаемъ: «А давати льгота, совѣтовавъ съ волостными людьми, съ мордвою и съ бортники, они то вѣдаютъ, сколько кому надобно льготы дати»[4]).

Приведенныя изъ наказовъ выдержки въ общемъ такъ изображаютъ

---

[1]) Ак. п. д., II, № 29 (стран. 79). То же въ вятскомъ наказѣ того же года. Тамъ же, № 28.

[2]) Тамъ же, № 183.

[3]) Тамъ же, № 28 (стран. 65 и 68).

[4]) Тамъ же, I, стран. 152. Въ каргопольскомъ наказѣ: «а давати льгота, совѣтовавъ съ волостными людьми, они то вѣдаютъ, сколько кому мочно льготы дати». Тамъ же, стран. 136. Сравн. тамъ же, стран. 144.

взаимныя отношенія писцовъ и населенія: старосты, выборные и сами тяглые люди должны дать писцамъ цѣлый рядъ важныхъ свѣдѣній, показать свой мірской окладъ, отвѣчать на разспросы и подавать совѣты, когда писцы ихъ будутъ спрашивать; право же опредѣленія условій и оклада тягла принадлежитъ, безспорно, писцамъ, которые рѣшаютъ эти вопросы односторонне. На дѣлѣ было не совсѣмъ такъ, и это отразилось въ наказахъ: то въ одномъ, то въ другомъ наказѣ, иногда въ одномъ и томъ же наказѣ, приказные обмолвливаются и выражаются такъ, будто важные вопросы объ условіяхъ и размѣрахъ тягла рѣшали сами тяглые люди, а писцы только присутствовали при этомъ и записывали въ свои книги рѣшенія тяглыхъ людей. И такое взаимоотношеніе писцовъ и населенія, если говорить вообще, не отвѣчаетъ дѣйствительности, а указанныя обмолвки и неточности наказовъ являются отраженіемъ важности показаній и совѣтовъ тяглыхъ людей въ дѣлѣ описаній. Содѣйствіе тяглыхъ людей писцамъ было настолько значительно и важно, что я, не боясь преувеличенія, рѣшаюсь сказать, что писцовыя книги въ нѣкоторыхъ частяхъ (главнымъ образомъ въ вопросахъ тягла) были плодомъ совмѣстной работы писцовъ и населенія. Думается, что это объясняется просто и естественно существомъ и постановкой описаній: множествомъ и разнообразіемъ необходимыхъ свѣдѣній, которыя писцы могли получить только отъ тяглыхъ людей, большимъ значеніемъ мѣстной старины, съ которой должны были считаться писцы, и, наконецъ, субъективностью сошнаго и вытнаго оклада, устранявшей возможность односторонняго оклада, безъ вниманія къ мнѣнію облагаемыхъ, и заставлявшей допускать при окладѣ начало соглашенія облагающей власти съ облагаемыми. О послѣднемъ я буду говорить подробно ниже.

При описаніяхъ частновладѣльческихъ земель отношенія писцовъ къ населенію складывались иначе. Выше я говорилъ, что здѣсь сами владѣльцы или ихъ старосты и приказчики подавали сказки, заслоняя собой отъ писцовъ массу населенья. Съ другой стороны, и задачи писцовъ здѣсь были нѣсколько иныя: имъ не приходилось сыскивать, свозить и сажать на тягло бѣглыхъ людей и не было надобности призывать на льготу новыхъ тяглецовъ, такъ какъ все это было частнымъ дѣломъ самихъ землевладѣльцевъ; здѣсь не было хлопотливой работы по опредѣленію частноправовыхъ оброковъ, такъ какъ они были

прямо ничтожны въ сравненіи съ оброками посадскихъ людей и черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ; зато бо́льшую часть времени и силъ здѣсь поглощали правовыя задачи описаній: провѣрка основаній владѣній, обмѣръ и межеваніе ихъ, земельные споры и т. п. Ко всему этому надо напомнить, что здѣсь писецъ имѣлъ передъ собой не сплоченный большой міръ, а отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга владѣльцевъ, часто весьма богатыхъ и вліятельныхъ.

Частные владѣльцы, лично или черезъ своихъ старостъ и приказчиковъ, подавали писцамъ, каждый по своему владѣнью, земельныя крѣпости, грамоты, выписи изъ писцовыхъ, дозорныхъ и отдѣльныхъ книгъ, словомъ, множество различныхъ документовъ. Писцы провѣряли эти документы при помощи приправочныхъ книгъ, досмотромъ на мѣстѣ, допросомъ и т. п. средствами, и на эту по преимуществу бумажную работу уходила большая часть ихъ времени. Вся эта работа не имѣла никакого непосредственнаго отношенія къ вопросамъ тягла и была производима безъ участія массы тяглаго населенія. Тяглые люди появлялись иногда передъ писцами, но не какъ заинтересованныя лица, а какъ мѣстные жители, напр. какъ свидѣтели и старожилы — при межеваніи, при обыскахъ и т. п.

Какъ же и на основаніи чего должны были писцы класть въ тягло частновладѣльческихъ крестьянъ? Извѣстные намъ писцовые наказы, начиная съ псковскаго наказа 131 г., не даютъ на это яснаго отвѣта. Судя по нимъ, въ сказкахъ, подаваемыхъ писцамъ, владѣльцы должны были писать, «сколько за кѣмъ живущія пашни и перелога, и что за кѣмъ крестьянъ и бобылей»[1]). Ни въ наказахъ, ни въ другихъ писцовыхъ дѣлахъ нѣтъ указаній на то, чтобы писцы второй четверти XVII в. должны были требовать, а владѣльцы давать показанія относительно зажиточности крестьянъ и о томъ, какое они тянутъ тягло въ дѣйствительности, по своему крестьянскому или по господскому окладу. Извѣстныя мнѣ сказки 136—138 гг., поданныя писцамъ Ярославскаго уѣзда, содержатъ только перечисленіе владѣній, съ указаніемъ пашни, перелога и угодій и съ перечисленіемъ людей, крестьянъ и бобылей, но безъ какихъ бы то ни было иныхъ подробностей[2]).

---

[1]) Ак. п. д., I, № 120 (стран. 243). То же въ другихъ наказахъ. См. тамъ же №№ 215 и 261.

[2]) Арх. М. Юст., Помѣстнаго приказа ст-цъ № 21354, по Ярославлю оклеенный столбецъ № 42.

Судя по этому, можно подумать, что основаніемъ оклада должны были служить только объективныя данныя, указанныя въ сказкахъ, т.-е. пашня или количество крестьянъ и бобылей. Послѣ примѣненья на дѣлѣ указовъ о дворовой чети такъ и стало, т.-е. основаніемъ оклада стали дворы, но нѣтъ никакого сомнѣнья, что раньше было иначе и что предписанія наказовъ второй и третьей четверти XVII в. относительно сказокъ существенно отличались отъ тѣхъ, которыя писцы и дозорщики получали раньше.

Дѣйствительно, наказы дозорщикамъ первыхъ лѣтъ послѣ Смуты содержатъ такія предписанія, которыхъ въ писцовыхъ наказахъ 131—135 гг. уже не встрѣчается. Въ наказѣ 122 г. дозорщику вотчины кн. Ѳ. Телятевскаго, въ Тверскомъ уѣздѣ, велѣно переписать села и деревни, жилые и пустые дворы и людей во дворахъ, «и на чемъ кто живетъ, на выти-ль, или на полувыти, или на четверти выти, или на скольку жеребью ни буди, и что въ его вотчинѣ передъ прежнимъ дозоромъ крестьянскихъ дворовъ въ пустѣ и что подъ ними было тягла, и что передъ прежнимъ дозоромъ осталось въ живущемъ»[1]). То же по существу было сказано въ наказѣ 125 г. дозорщику вотчины Яминскаго монастыря, въ томъ же уѣздѣ[2]). Насколько въ это время не различались предписанія дозорщикамъ черныхъ волостей, съ одной стороны, и частновладѣльческихъ земель, съ другой, можно видѣть изъ двухъ наказовъ 126 г. Т. Жемчужникову. Въ наказѣ для дозора черныхъ волостей Галицкаго уѣзда, которыя были вѣдомы на Старомъ Дворѣ на обиходъ великой старицы Марѳы Ивановны, предписывается переписать села, деревни, починки, дворы и людей во дворахъ, «и пашню паханую, и перелогъ, и сѣнные покосы, и лѣсъ, и всякія угодья», а, переписавъ, положить въ выти и въ сошное письмо «для нынѣшнихъ великихъ податей», «примѣрясь» къ галицкимъ частновладѣльческимъ землямъ, «которыя вновь дозираны и въ сошное письмо положены легко»[3]). О томъ, что дозорщикъ долженъ сыскать, «на чемъ кто живетъ» и «что подъ ними тягла», не говорится, такъ какъ это было понятно само собой. Въ наказѣ для дозора вотчинъ Паисіева монастыря это сказано ясно[4]), а въ остальномъ наказъ по существу не отличается отъ перваго наказа.

[1]) Ак. п. д., I, № 12. Срав. тамъ же № 4.
[2]) Тамъ же, № 29.
[3]) Тамъ же, № 42.
[4]) Тамъ же, № 46, — «пашню по четямъ, кто на чемъ живетъ». «А, пере-

Выраженія: «на чемъ кто живетъ» и «что подъ кѣмъ тягла» имѣютъ, на мой взглядъ, большое значеніе. Истинный смыслъ ихъ выясняется при помощи наказовъ для описанья черныхъ и дворцовыхъ земель. Это вовсе не окладъ тягла по предыдущему описанію — такой старый окладъ дозорщики могли узнать изъ приправочныхъ документовъ, не спрашивая тяглыхъ людей, — и, тѣмъ болѣе, это не дѣйствительный размѣръ запашки хозяйствъ; это — тѣ условные оклады, которые были положены на крестьянъ и съ которыхъ они тянули тягло въ дѣйствительности въ моментъ дозора. Въ черныхъ волостяхъ эти оклады опредѣляли и выражали въ бѣлкахъ, деньгахъ или вытяхъ волостные міры, а въ частновладѣльческихъ земляхъ — частные владѣльцы по соглашенью съ своими крестьянами. Объ этихъ то окладахъ дозорщики должны были допрашивать и класть ихъ въ основу своей работы.

Понятно, почему въ позднѣйшихъ наказахъ мы не встрѣчаемъ подобныхъ предписаній, — они и въ наказахъ дозорщикамъ удержались какъ отживающая старина. Въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ разрушенія въ частновладѣльческихъ земляхъ волостного міра, писцы лишались возможности получить цѣнныя для нихъ указанія въ мірскомъ окладѣ, такъ какъ мірской волостной окладъ прекращался. Мірской окладъ сохранялся только въ предѣлахъ боярщинъ и при томъ въ той только мѣрѣ, въ какой его допускали господа боярщинъ. Однако, и этимъ окладомъ, ограниченнымъ предѣлами боярщинъ, писцы не могли воспользоваться, во-первыхъ, потому, что частные владѣльцы, заинтересованные въ сокрытіи его, отдѣлили писцовъ отъ тяглыхъ людей, а во-вторыхъ, потому, что если бы писцы и имѣли всегда возможность узнать этотъ окладъ, то онъ по своему существу уже былъ малопригоденъ для сужденія о тяглоспособности крестьянъ. Дѣло, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что этотъ окладъ, по мѣрѣ прикрѣпленья крестьянъ къ тяглу и усиленія надъ ними власти господъ, пріобрѣталъ все болѣе частный характеръ и все болѣе основывался на соглашеніи крестьянъ съ господами, съ большой или меньшей долей принужденія со стороны послѣднихъ, чѣмъ на мірскихъ правилахъ посильности.

писавъ, положити ему пашню живущую въ выти и въ сошное письмо противъ иныхъ монастырскихъ вотчинъ, примѣрясь къ прежнимъ дозорщикамъ и сотнымъ выписямъ».

Такимъ образомъ, можно сказать, что писцы частновладѣльческихъ земель были отстранены, съ теченіемъ времени, частными владѣльцами отъ такого важнаго для сошнаго оклада источника какъ мірской окладъ, а самый источникъ былъ испорченъ развивавшимися крѣпостными отношеніями. При такихъ условіяхъ казалось бы естественнымъ истолковать приведенныя выше предписанія наказовъ относительно содержанія частновладѣльческихъ сказокъ буквально, т. е. въ томъ смыслѣ, что къ 131 году, къ которому относится первый извѣстный намъ писцовый наказъ (псковскій), основанія писцоваго оклада рѣшительно измѣнились, что теперь владѣльцы должны были писать въ сказкахъ только о пашнѣ и дворахъ и что, слѣдовательно, только этими основаніями писцы могли пользоваться при окладѣ; однако такія заключенія опровергаются тѣми же наказами и другими актами писцоваго дѣла.

Выше я упоминалъ, что и въ наказахъ 131—135 гг. сохранилась статья, предписывавшая писцамъ класть людей въ тягло по силамъ, и что вообще принципъ посильности былъ приложимъ одинаково ко всѣмъ сохамъ Московскаго государства. Въ приложеніи къ частновладѣльческимъ землямъ онъ явно отживалъ свое время, но насколько это медленно происходило, можно видѣть изъ того, что и послѣ указовъ о дворовой чети, которые, казалось бы, должны были совершенно устранить прежнее рѣшающее усмотрѣніе писцовъ, нѣкоторые писцы руководились не столько этими указами, сколько старыми привычными воззрѣніями, клали, напр., дворы въ живущее не точно по указу, различали дворы по качеству, что не было предусмотрѣно указами, и т. п.

Все вышеизложенное заставляетъ меня сдѣлать такія заключенія: 1) предписанія наказовъ дозорщикамъ первыхъ лѣтъ послѣ Смуты и наказовъ писцамъ послѣдующихъ лѣтъ хорошо отразили въ себѣ колебанія правительства, когда старыя основанія оклада и старыя отношенія писцовъ къ населенью на дѣлѣ становились непригодными, а новыя основанія едва намѣчались, но 2) эти предписанія очень неточно и неполно изображаютъ отношенія писцовъ къ частнымъ владѣльцамъ, какъ они складывались въ дѣйствительности въ это переходное время. На дѣлѣ, при такихъ условіяхъ, получалось, что прежнее право писцовъ опредѣлять по своему усмотрѣнью посильное сошное тягло вырождалось въ произволъ, невыгодный для

казны, когда писцы поддавались вліяніямъ землевладѣльцевъ и норовили имъ, и весьма непріятный своей необоснованностью и несправедливостью для землевладѣльцевъ.

Въ исторіи сошнаго письма и обложенія большое значенье имѣли договоръ и соглашенія правительства и писцовъ съ тяглыми людьми. Я говорю: договоръ и соглашенія, подразумѣвая подъ первымъ юридическія формы отношеній, а подъ вторыми житейскія сдѣлки. Значеніе этихъ факторовъ съ теченіемъ времени уменьшалось, а начало государственно-правовой принудительности обложенія развивалось и усиливалось. Это измѣненіе отношеній государства къ облагаемымъ происходило, конечно, очень медленно и проявлялось въ очень различныхъ формахъ. Въ общемъ, договорныя отношенія касательно самихъ налоговъ, ихъ окладовъ и окладныхъ единицъ выходили изъ употребленья гораздо раньше и быстрѣе житейскихъ соглашеній по тѣмъ же вопросамъ. Въ XVII в. договорныя отношенія удерживаются только въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, при томъ, главнымъ образомъ, относительно размѣра тягла, но житейскія соглашенія продолжаютъ сохранять значительную долю своей прежней силы, настолько значительную, что не обратить на это обстоятельство вниманія было бы большой ошибкой.

Въ XVII в. договоръ при возникновеніи и установленіи налоговъ имѣетъ уже небольшое значеніе. Онъ примѣняется только въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, какъ при замѣнѣ, по челобитью населенья отдѣльныхъ мѣстностей, питейной монополіи или таможенныхъ налоговъ прямымъ налогомъ — оброкомъ. Такъ какъ эти случаи не имѣютъ прямого отношенія къ посошнымъ налогамъ, то относительно ихъ достаточно упоминанья. Что касается болѣе ранняго времени, то договорное происхожденіе нѣкоторыхъ налоговъ Московскаго государства несомнѣнно. Не заходя въ такую глубь временъ, относительно которой вслѣдствіе недостатка источниковъ возможны только догадки, я обращу вниманіе на два налога: на деньги или оброки за доходы намѣстниковъ и волостелей и ихъ пошлинныхъ людей и на деньги или откупъ за намѣстничъ кормъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что кормы и доходы кормленщиковъ возникли на почвѣ мѣстныхъ обычаевъ и первоначально опредѣлялись ими. Великокняжескіе указы, въ доходныхъ спискахъ и въ уставныхъ

грамотахъ, упорядочивали это дѣло и узаконяли сложившіяся или только слагавшіяся отношенія. Еще не изслѣдовано, какъ и почему, но приблизительно къ срединѣ XVI в. стало обнаруживаться, что ни мѣстная старина, ни княжескіе указы уже не могутъ обезпечить надлежащихъ отношеній между кормленщиками и населеніемъ. Старые порядки стали вызывать жалобы съ обѣихъ сторонъ: населеніе жаловалось на лишніе поборы и злоупотребленія кормленщиковъ, а кормленщики жаловались на непослушаніе населенія и на поклепные, т.-е. неосновательные, съ его стороны иски. Неизвѣстно, насколько само правительство не удовлетворялось кормленьями, какъ извѣстнымъ строемъ мѣстнаго управленія, но несомнѣнно, что, предпринимая по челобитьямъ населенья отмѣну ихъ, оно не только не поступилось своими доходами, но даже воспользовалось возможностью увеличить ихъ.

Общій ходъ отмѣны кормленій извѣстенъ. Въ нѣкоторыхъ земскихъ уставныхъ грамотахъ сказано, что государь, подъ вліяніемъ многочисленныхъ жалобъ населенья, указалъ отставить кормленщиковъ «во всѣхъ городахъ, и въ станахъ, и въ волостяхъ», однако въ дѣйствительности въ началѣ второй половины XVI в. кормленщики были отставлены только во многихъ городахъ, а далеко не во всѣхъ, и отставка ихъ растянулась на всю вторую половину вѣка, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кормленья были отмѣнены окончательно только въ XVII вѣкѣ. Это можно объяснить только тѣмъ, что правительство отмѣняло кормленья не по своему почину и не въ видѣ общей мѣры, а по челобитьямъ населенья отдѣльныхъ мѣстностей. Поэтому можно сказать, что населенье не получило эту реформу, а покупало. Это отразилось въ терминологіи источниковъ: налогъ, который населеніе должно было платить въ казну за доходы и кормы намѣстниковъ, часто называется «окупомъ» или «откупомъ». Извѣстные намъ случаи опредѣленія этого налога говорятъ именно о такомъ откупѣ. Въ 59 г. крестьяне Плесской волости, Владимирскаго уѣзда, «пооброчились» давать въ государеву казну за судъ и кормъ волостеля по 15 р. въ годъ. Черезъ 2 года, вѣроятно подъ угрозой попасть опять въ руки волостеля, они «наддали надъ старымъ оброкомъ 15 рублевъ», т. е. откупились за 30 р.[1]).

---

[1]) Первое изданіе уставной грамоты принадлежитъ М. А. Дьяконову. Журналъ Мин. Нар. Пр. 1894 г., № 10.

Понятно, что положеніе сторонъ въ этихъ договорахъ было далеко не равное, и этимъ, думается, объясняется разнообразіе формъ, въ которыя вылился откупъ отъ кормленщиковъ и ихъ доходовъ: одни доходы перешли въ казну какъ косвенные налоги, сбираемые на вѣрѣ выборными или на откупѣ, сборъ другихъ попалъ въ руки воеводъ, а отъ нѣкоторыхъ населеніе «откупилось» и должно было платить оброкъ или посошный налогъ[1]). Что касается кормовъ, то они повсемѣстно были замѣнены прямымъ налогомъ, при чемъ однѣ мѣстности были изоброчены, т.-е. должны были платить изъ года въ годъ однообразный оброкъ, а на другія онъ былъ положенъ на мѣстныя окладныя единицы, соотвѣтственно ихъ количеству. Такъ, Плесская волость, Соль Переяславльская, Переяславльскіе рыболовы и Устьянскія волости были пооброчены; на подклѣтныя села Переяславльскаго уѣзда и на Каргополь съ Турчасовомъ окупъ былъ положенъ повытно, а на Двину — посошно[2]).

Чѣмъ руководились приказы, опредѣляя тотъ или иной окладъ оброка или посошнаго и повытнаго налога? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приказы положили кормленный откупъ, несомнѣнно, какъ настоящій налогъ, т.-е. какъ такой сборъ, относительно котораго договора съ населеньемъ не было. Такъ, повидимому, было относительно частновладѣльческихъ земель, на которыя деньги за намѣстничъ кормъ были положены въ однообразномъ окладѣ — по 42 ал. 4 д. съ сохи[3]). Иначе были положены деньги за кормы и доходы кормленщиковъ на посады и черныя волости. Здѣсь приказы учитывали доходность кормленій и съ нея начинали торговаться съ тяглыми людьми. Такъ, на Торопецъ, по челобитью посадскихъ людей, было положено въ 99 г. оброкомъ столько, сколько было собрано всякихъ намѣстничьихъ доходовъ въ 97 г.[4]). Относительно Плесской волости я упоминалъ выше. Укажу еще на Устьянскія волости, которыя дважды (въ серединѣ XVI в. и въ 131 г.) откупались — сначала отъ кормленщиковъ, а затѣмъ отъ приказчиковъ. Въ 131 г. устьянцы били челомъ государю, что до Московскаго разоренья у нихъ въ волостяхъ приказныхъ не было, а судили ихъ, по уставной грамотѣ, выборные земскіе судейки.

---

[1]) См. Сошное письмо, I т., III глава.
[2]) Уставныя грамоты Московскаго государства. М. 1909 г.
[3]) Сошное письмо, I, стран. 137—139.
[4]) Уставныя грамоты въ указан. выше изданіи, стран. 142—143.

Послѣ разоренья къ нимъ стали посылать приказчиковъ, отъ которыхъ крестьяне терпятъ притѣсненья и большiе убытки. Крестьяне просили «въ Устьянскихъ волостяхъ впередъ приказчикамъ быти не велѣти, а велѣти-бъ у нихъ быти мiрскимъ выборнымъ судейкамъ попрежнему, а за то бы ихъ оброкомъ обложити сверхъ стараго оброка, чѣмъ ихъ пожалуемъ *(т.-е. государь)*, что-бъ имъ отъ приказчиковыхъ насильствъ и отъ посуловъ и отъ продажъ вконецъ не погинуть и розно не разбрестися». Государь пожаловалъ устьянцевъ и указалъ имъ платить сверхъ 855 р. 19 алтынъ старыхъ налоговъ еще по 144 р. 14 ал. 2 д. оброка за приказчиковы доходы, всего по 1000 р. въ годъ[1]). Въ данномъ случаѣ оброкъ былъ положенъ, повидимому, въ округленной суммѣ на глазъ, безъ точнаго вычисленiя доходовъ приказчиковъ.

До сихъ поръ мнѣ неизвѣстно ни одного случая, который бы показывалъ, чѣмъ руководились приказы при опредѣленiи окладовъ посошныхъ и повытныхъ денегъ за кормы и доходы кормленщиковъ, но уже самое разнообразiе окладовъ говоритъ за то, что и здѣсь договоръ имѣлъ большое значенiе. Доходность кормовъ и другихъ доходовъ была минимумомъ требованiй приказа, который онъ повышалъ въ зависимости отъ того, насколько настойчиво тяглые люди просили отставки кормленщиковъ.

Въ XVII в. договоръ при возникновенiи и опредѣленiи окладовъ налоговъ уже теряетъ свое прежнее значенiе, и новые налоги имѣютъ видъ налоговъ въ современномъ смыслѣ слова, т.-е. односторонне налагаемыхъ казной на населенiе принудительныхъ жертвъ. Однако, есть одна область отношенiй казны къ тяглымъ людямъ, въ которой договоръ сохраняетъ свое значенiе и которая имѣетъ близкое отношенiе къ изслѣдуемому вопросу. Я имѣю въ виду оброки съ пустыхъ вытей. Совершенно неправильно, конечно, смѣшивать оброкъ, въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. какъ добровольную жертву за пользованiе государственными землями и угодьями, съ налогомъ, т.-е. съ принудительной жертвой, однако въ Московскомъ государствѣ оброкъ съ пустыхъ вытей часто имѣлъ такiя свойства, которыя даютъ полное основанiе признать его формой обложенья, промежуточной между налогомъ и добровольной наемной платой за пользованiе государственными землями, и обратить на него вниманiе при изслѣдованiи вопроса о договорѣ въ тяглѣ.

---

[1]) Уставн. грамоты, стран. 157—161. Перепечатано изъ А. А. Э., III, № 126.

Извѣстно, что сдача земель и угодій на оброкъ частнымъ землевладѣльцамъ: монастырямъ, помѣщикамъ и вотчинникамъ, была, въ видѣ общаго правила, запрещена[1]). Поэтому оброчное владѣніе этихъ лицъ не имѣло значительныхъ размѣровъ. Наоборотъ, оброчное владѣніе черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ, а иногда и посадскихъ людей, было весьма значительно. Въ однихъ случаяхъ лица, владѣвшія землями и угодьями, были за все про все изоброчены и не несли сошнаго и вытнаго тягла. Такой оброкъ, или, точнѣе, оброчное тягло, былъ принудительнымъ и имѣетъ всѣ признаки прямого налога; оброкомъ онъ назывался только потому, что этимъ словомъ обозначали вообще всякій однообразный, заранѣе опредѣленный платежъ. Значительнѣе и интереснѣе въ настоящее время для насъ было держаніе на оброкѣ земель и угодій, такъ называемыхъ пустыхъ вытей, тѣми тяглыми людьми, которые въ то же время несли сошное и вытное тягло. Выходило такъ, что эти люди владѣли землей на двухъ основаніяхъ — изъ тягла и изъ оброка, при чемъ съ одной части, съ тяглой, они несли полное тягло, а съ другой, съ оброчной, несли гораздо болѣе легкую жертву — оброкъ. И это не мѣшало имъ, если они находили выгоднымъ, пользоваться въ хозяйственныхъ цѣляхъ обѣими частями безразлично.

Право опредѣлить, какое количество земли и угодій дать тяглымъ людямъ «изъ тягла», а какое — «изъ оброка», принадлежало писцамъ, которые должны были *написать на тяглыхъ людей* землю въ тягло по силамъ и смотря по обстоятельствамъ дѣла. Писцы должны были стремиться, съ одной стороны, чтобы «однолично государевыхъ земель въ пустѣ нигдѣ не было», т.-е., чтобы раздать ихъ по возможности побольше хотя бы изъ оброка, а съ другой стороны, не давать крестьянамъ «лишнихъ земель», т.-е., во-первыхъ, не давать лишней земли «въ угодья», какъ необходимое добавленіе къ тяглымъ участкамъ, а во-вторыхъ, не давать земли изъ оброка, если есть возможность дать ее изъ тягла[2]). Всѣ эти вопросы писцы рѣшали по своему усмотрѣнію, глядя по мѣстнымъ условьямъ, и по соглашенью съ тяглыми людьми. Здѣсь соглашенія имѣли, несомнѣнно, большое значеніе,

---

[1]) См. въ любомъ наказѣ для описанія частновладѣльческихъ земель особую объ этомъ статью.

[2]) Подробно объ этомъ я говорю въ XVII главѣ (о вытномъ письмѣ) и въ XVI главѣ (см. о землѣ подъ усадьбы и въ угодья).

но договора не было. Что же касается условій и размѣра оброка, то они опредѣлялись путемъ формальнаго договора.

Оброкъ съ пустыхъ вытей имѣетъ многіе признаки налога, и приказные никогда не смѣшивали его съ оброкомъ-арендой. Дѣйствительно, этотъ оброкъ былъ безсрочнымъ (въ противоположность арендному оброку, обусловленному срокомъ) и принудительнымъ — юридически принудительнымъ очень часто и всегда принудительнымъ па дѣлѣ, такъ какъ крестьяне не могли вести хозяйства и существовать только на своихъ тяглыхъ земляхъ. Когда крестьяне не были лишены права отказаться отъ держанья пустыхъ вытей, то приказные употребляли съ своей стороны мѣры косвеннаго принужденья. Во-первыхъ, они могли отдать эти земли постороннимъ тяглому міру людямъ «изъ найма», т.-е. изъ краткосрочнаго оброка. Обыкновенно одной угрозы или возможности лишиться нужныхъ земель, въ которыя къ тому же крестьяне могли вложить свои труды и капиталы, было достаточно, чтобы заставить ихъ не отказываться отъ пустыхъ вытей. Нерѣдко приказы употребляли другую мѣру: если крестьяне отказывались отъ пустыхъ вытей, чтобы уклониться отъ платежа оброка, то приказы посылали выдѣльщиковъ, т.-е. людей, которые сыскивали, кто владѣетъ не по указу государевой землей, и выдѣляли у владѣльцевъ долю урожая — хлѣба и сѣна, наказывая ихъ за самовольное владѣнье пеней. Опасеніе крестьянъ подвергнуться пенѣ и имѣть дѣло съ выдѣльщиками заставляло ихъ узаконять свое владѣніе и соглашаться платить оброкъ.

Договоръ относительно оброка съ пустыхъ вытей и положеніе въ этомъ договорѣ сторонъ, т.-е. приказныхъ и крестьянъ, очень хорошо обрисованы въ наказѣ 127 г. дозорщикамъ Устьрѣцкихъ волостей Новгородскаго уѣзда. Крестьяне просили государя произвести выдѣлъ хлѣба и сѣна съ пустыхъ вытей дозорщикамъ, а не особымъ выдѣльщикамъ, чтобы имъ «отъ той розни вконецъ не погинуть, отъ иныхъ выдѣльщиковъ». Просьба крестьянъ была удовлетворена и въ наказѣ дозорщикамъ было сдѣлано соотвѣтствующее добавленіе. Дозорщики должны были напомнить крестьянамъ хорошо извѣстное имъ дѣло, именно, что отъ ежегодныхъ пріѣздовъ нарочныхъ выдѣльщиковъ «имъ въ подводахъ и въ кормахъ чинятся убытки великіе, и отъ посланниковъ насильства и продажи», и предложить имъ платить денежный постоянный оброкъ, по 4 р. съ выти. Предвидя,

что крестьяне могутъ не согласиться платить такой высокій оброкъ, четь предписываетъ дозорщикамъ поторговаться и разрѣшаетъ имъ уступить: «а будетъ крестьяне по 4 рубли съ выти платити не похотятъ, и у нихъ просити съ выти по 3 рубли съ полтиною и по 3, а по конечной мѣрѣ по полутретья рубли; а меньше дву рублевъ отнюдь не имати». Когда дозорщики договорятся объ оброкѣ и соберутъ его, то «впередъ для уговора съ пустыхъ вытей за выдѣльной хлѣбъ и за сѣнные покосы» они должны велѣть крестьянамъ ѣхать въ Москву, «изъ села по человѣку или по 2 лучшихъ крестьянъ, кого всею волостью излюбятъ». Очень характерно въ этомъ же наказѣ предписаніе: «а выти велѣти пахати тѣмъ же крестьянамъ, разверставъ межъ себя по живущимъ вытямъ, кому сколько мочно» [1]). Обыкновенно такъ бывало на дѣлѣ и безъ предписаній приказа, но здѣсь очень ясно отмѣчено словами самихъ приказныхъ различіе между добровольнымъ оброкомъ-наймомъ, платимымъ отдѣльными охочими людьми (такъ называемымъ «особнымъ оброкомъ»), и оброкомъ съ пустыхъ вытей, который для волости былъ какъ бы добавочнымъ договорнымъ тягломъ сверхъ принудительнаго вытнаго тягла.

Разсмотримъ теперь договорныя отношенія по поводу сошнаго и вытнаго тягла.

Въ XVII вѣкѣ, особенно въ первой половинѣ его, было еще много вольныхъ людей, имѣвшихъ право рядиться въ тягло. Укажу, прежде всего, дѣйствительно вольныхъ людей, т.-е. такихъ, которые никогда не тянули съ мірами тягла и не были записаны на тяглѣ офиціально, напр., гулящихъ людей, выходцевъ изъ-за рубежа, холоповъ, освобожденныхъ своими господами и получившихъ отъ нихъ отпускныя, и т. п. Во-вторыхъ, слѣдуетъ указать на такихъ людей, которые раньше были на тяглѣ, но покинули его и замели, если можно такъ выразиться, юридическіе слѣды своей былой крѣпости, сбѣжали съ тягла и такъ скрылись, что зажили на новыхъ мѣстахъ урочные годы. Наконецъ, въ третьихъ, слѣдуетъ указать на значительное количество людей, которыхъ можно назвать условно-тяглыми. Я имѣю въ виду дѣтей и родственниковъ тяглыхъ людей, за которыми приказы то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ признавали право отдѣляться отъ своихъ отцовъ и родичей и рядиться въ тягло.

---

[1]) Ак. п. д., I, № 84 (стран. 119).

Относительно первой группы вольныхъ людей замѣчаній не требуется. По поводу второй группы напомню извѣстный въ литературѣ фактъ разлада между правительственными указами и дѣйствительностью, между прикрѣпленіемъ людей къ тяглу и народными обычаями и привычками, которыя очень медленно подавались и измѣнялись подъ напоромъ указного права. Не поднимая въ настоящее время этого вопроса въ цѣломъ, укажу на хорошо извѣстный фактъ — на отчужденіе поморскими крестьянами своихъ дворовъ и участковъ.

Въ 125 г. воевода и подьячій Соли Вычегодской писали въ Устюжскую четь, что на посадѣ и въ уѣздѣ многіе люди продаютъ свои дворы и деревни, «а въ книги не записываютъ [1]), и, не хотя нашихъ *(т.-е. государевыхъ)* податей платить, съ животами своими идутъ въ Пермь Великую и въ Сибирскіе городы на льготы». Они де, воевода и подьячій, велѣли тяглымъ людямъ извѣщать про тѣхъ, кто будетъ собираться бѣжать, но усольцы имъ «отказали»: «у насъ де такъ ведется изстари, кто куда ни похочетъ ѣхать на житье, и о томъ де прежъ сего нашей *(т.-е. государевой)* заповѣди не бывало». На это воеводѣ и подьячему была послана грамота, чтобы они велѣли старостамъ и цѣловальникамъ доносить про такихъ людей, «а будетъ кто съ посада и изъ волостей выбѣжитъ, а старосты и цѣловальники вамъ про тѣхъ людей сказывать не учнутъ, и вы-бъ за тѣхъ людей всякія подати имали на тѣхъ волостяхъ, кто изъ которыя волости выбѣжитъ» [2]). Это старое средство могло быть дѣйствительнымъ, въ лучшемъ случаѣ, только противъ такихъ людей, которые, уходя съ тягла, бросали свои дворы и землю на произволъ судьбы и тѣмъ подводили міръ подъ отвѣтственность, но такъ какъ чаще крестьяне отчуждали свои участки съ положеннымъ на нихъ тягломъ, то міръ получалъ новаго тяглеца, взамѣнъ ушедшаго, и не былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы препятствовать отчужденіямъ и удерживать стараго тяглеца. Заявленіе крестьянъ, что заповѣди уходить съ тягла не было, конечно, невѣрно, но не подлежитъ сомнѣнію, что у нихъ, дѣйствительно, повелось изстари покидать тягло и уходить по желанью на новыя мѣста. Эту старину тяглые люди помнили весь XVII вѣкъ.

---

[1]) Т-е. не платятъ крѣпостныхъ пошлинъ и не находятъ нужнымъ свидѣтельствовать въ воеводской избѣ свои сдѣлки.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 10, л. 312 об.

Въ 132 г. государи издали общій указъ, чтобы тяглые люди не продавали и не закладывали своихъ дворовъ и тяглыхъ жребьевъ монастырямъ и нетяглымъ людямъ. Этотъ указъ вызвалъ челобитье устюжанъ: «что де у нихъ изстари то ведется, что на посадѣ и въ волостяхъ деревни и угодья другъ другу продавали и покупали и закладывали, и тѣмъ наши *(т.-е. государевы)* всякіе четвертные доходы и въ сибирскіе запасы и всякіе мірскіе расходы платили. А нынѣ де безъ продажи и безъ заклада деревенъ и угодій на посадѣ и въ волостяхъ другъ другу ссуды не стало, и многіе де посадскіе люди и волостные крестьяне въ нашихъ податяхъ и въ заемныхъ деньгахъ стоятъ на правежѣ и въ тюрьмѣ, сидячи, помираютъ голодною смертью, потому что въ нашихъ податяхъ и въ заемныхъ долгахъ искупитися нечѣмъ». Государи уступили старинѣ и разрѣшили продажу и закладъ тяглой недвижимости, но только мѣстнымъ тяглымъ же людямъ, а не монастырямъ и не нетяглымъ людямъ[1]). Дѣйствительность пошла гораздо дальше этого указа, и, несмотря на этотъ и послѣдующіе неоднократные указы, продажа и закладъ тяглыхъ дворовъ и земель продолжались попрежнему. Конечно, пріобрѣтатель могъ лишиться пріобрѣтенныхъ земель и дворовъ, но, очевидно, этого опасенія было совершенно недостаточно, чтобы быстро искоренить старые обычаи[2]). Понятно, что тяглецъ, лишившійся своего участка, не могъ уже нести тягла и долженъ былъ либо поступать въ батраки или половники, либо брести на новыя мѣста.

Тяжелые налоги, различныя несчастныя случайности, надежда на лучшее и другія обстоятельства вызывали и поддерживали побѣги тяглыхъ людей. Можно безъ преувеличенія сказать, что погоня за бѣглыми тяглецами, сыскъ и возвратъ ихъ на старыя мѣста были для правительства неизсякающимъ источникомъ постоянныхъ хлопотъ. Частновладѣльческихъ бѣглыхъ крестьянъ приказы по своему почину не сыскивали, полагая это дѣломъ самихъ владѣльцевъ, но погоня за посадскими, дворцовами и черными бѣглыми людьми начинается, несомнѣнно, уже на рубежѣ XVII в., при царяхъ Ѳедорѣ и Борисѣ, возобновляется въ первые годы послѣ Смуты и продолжается, то затихая, то усиливаясь, весь XVII вѣкъ. Все это съ несомнѣнностью

---

[1]) Ак. п. д., I, № 133.

[2]) См. тамъ же, въ № 202, очень яркое противорѣчіе между стариной и указами, которое нашли и отмѣтили писцы Соли Вычегодской въ 133 году.

свидѣтельствуетъ о томъ, что, несмотря на постоянныя челобитья тяглыхъ міровъ о возвратѣ бѣглыхъ, несмотря на многочисленные указы и разнообразныя мѣры правительства, побѣги съ тягла были очень распространеннымъ явленіемъ.

Выше я назвалъ дѣтей и родственниковъ тяглецовъ людьми условно-вольными. Мнѣ кажется, что такое опредѣленіе ихъ отношенія къ тяглу будетъ наиболѣе подходящимъ, такъ какъ приказная политика относительно этихъ людей была за весь XVII вѣкъ весьма неустойчива — приказы то признавали за ними право перехода, то не признавали, смотря по тому, какъ и куда они переходили.

Говоря вообще, правительство въ XVII вѣкѣ стремилось сдѣлать тягло наслѣдственнымъ и въ наказахъ писцамъ и свозчикамъ предписывало сыскивать и свозить бѣглыхъ тяглецовъ съ женами и дѣтьми. Равнымъ образомъ предписывалось сыскивать и свозить вдовъ и сиротъ тяглыхъ людей, которыя за бѣдностью или по другимъ причинамъ покидали тягло послѣ смерти своихъ мужей и отцовъ. Однако, одновременно тѣ же наказы предписываютъ въ пустые дворы и на пустые участки сзывать и сажать на льготу въ тягло всякихъ вольныхъ людей, между прочимъ, «отъ отцовъ дѣтей, отъ братьи братью и отъ дядь племянниковъ», при томъ, конечно, условіи, если они не записаны еще нигдѣ въ тягло и если уходъ ихъ не поведетъ къ запустѣнью двора той семьи, отъ которой они уходятъ. Сущность и цѣль этихъ предписаній ясны. Съ одной стороны, казна не хотѣла терять людей, которые увеличивали хозяйственную и податную силу тяглецовъ-домохозяевъ и могли сами со временемъ стать отвѣтственными тяглецами, а съ другой стороны, для казны было гораздо выгоднѣе, когда эти люди выходили изъ-за спины тяглеца-домохозяина и рядились на самостоятельное тягло, такъ какъ обложеніе этихъ захребетниковъ, жившихъ за спиной офиціальныхъ тяглецовъ и часто имѣвшихъ самостоятельное хозяйство, было весьма затруднительно. Отсюда значительныя колебанія приказной практики. Приказы довольно послѣдовательно запрещали и преслѣдовали переходы дѣтей и родственниковъ посадскихъ людей и государственныхъ крестьянъ на земли служилыхъ людей и монастырей, такъ какъ такіе переходы были для казны чистой потерей, но очень различно относились къ переходу ихъ на казенное же тягло: возвращали болѣе или менѣе послѣдовательно на старыя мѣста, если съ ихъ уходомъ тяглые

жребьи и дворы пустѣли, не разыскивали, если официальный тяглецъ продолжалъ тянуть тягло, и, наконецъ, прямо признавали право перехода, если они, отдѣлившись отъ своего отца или домохозяина, поступали сами въ тяглые люди.

Не вдаваясь въ бо́льшія подробности по этому вопросу, я сошлюсь, въ подтвержденіе вышесказаннаго, на компетентное мнѣніе М. А. Дьяконова, указавшаго на колебанія и противорѣчія въ политикѣ приказовъ относительно дѣтей и родственниковъ тяглыхъ людей [1]). По другому вопросу, тѣсно связанному съ вопросомъ о свободѣ дѣтей и родственниковъ, именно по вопросу о признаніи свободными тѣхъ тяглыхъ людей, которые уходили съ тягла, сдавши его предварительно кому-либо другому, М. А. Дьяконовъ говоритъ: «Мало того, само правительство по временамъ допускаетъ дѣйствіе этого правила въ эпоху полнаго господства крѣпостныхъ порядковъ — во вторую половину XVII вѣка» [2]).

Такое отношеніе приказовъ къ переходамъ тяглыхъ людей и ихъ дѣтей и родственниковъ вызывало надежду на безнаказанность ухода съ тягла, что съ своей стороны увеличивало размѣры переходовъ.

Итакъ, въ XVII вѣкѣ было еще много людей, которые имѣли право и возможность или только возможность рядиться въ тягло. За весь XVII вѣкъ указныя ограниченія переходовъ увеличиваются, а самая возможность переходовъ уменьшается, и несомнѣнно, что это явленіе есть только продолженіе процесса, начавшагося много раньше. Если же и въ XVII вѣкѣ было еще много «вольныхъ» порядчиковъ, то раньше, въ XV и XVI вѣкахъ, ихъ было гораздо больше, и значеніе въ тяглѣ поряды, т.-е. договора, было весьма велико.

Мы не знаемъ и, вѣроятно, никогда не будемъ въ состояніи опредѣлить, насколько велико было въ XVII в. и раньше сравнительно со всей массой тяглыхъ людей количество порядчиковъ, но мнѣ кажется, что это отнюдь не мѣшаетъ намъ дѣлать выводы, такъ какъ важно не столько относительное количество порядчиковъ, какъ то, что поряда вовсе не была рѣдкимъ исключеньемъ, неспособнымъ вліять вообще на отношенія власти къ тяглому населенію. То обстоятельство,

---

[1]) Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, стран. 87. С.-Пб. 1901 г.

[2]) Тамъ же, стран. 14.

что *многіе* или только *нѣкоторые* рядились въ тягло вновь, поддерживало надежду и открывало до нѣкоторой степени возможность для *всѣхъ* тяглецовъ покинуть свое тягло, чтобы пожить на льготѣ и устроиться лучше прежняго на новомъ мѣстѣ. Съ этимъ психологическимъ обстоятельствомъ, несомнѣнно, считались не только тяглые міры, которымъ было выгодно привлекать къ себѣ новыхъ тяглецовъ и не терять старыхъ, но и приказная администрація и писцы.

Эти два обстоятельства, т.-е. порядa въ тягло сама по себѣ и психологическое вліяніе ея на всю массу населенія, имѣютъ, какъ мнѣ кажется, большое значеніе въ исторіи сошнаго тягла: первое изъ нихъ вносило въ отношенія казны къ населенію элементъ договора, а второе поддерживало элементъ житейскихъ соглашеній. Значеніе этихъ двухъ обстоятельствъ съ теченіемъ времени шло на убыль, такъ какъ по мѣрѣ развитія и усиленія, въ указахъ и на дѣлѣ, крѣпости тяглу количество людей, имѣвшихъ право рядиться въ тягло, и возможность безнаказанно покинуть тягло уменьшались, и отношенія власти къ облагаемому населенію все болѣе и болѣе проникались элементомъ принудительности.

Вопросъ о порядѣ въ тягло достаточно освѣщенъ въ литературѣ, и мнѣ нѣтъ надобности говорить о немъ много. Вольный новопорядчикъ, приходя въ какую-нибудь мѣстность, встрѣчалъ сложившійся тамъ изстари строй отношеній и не могъ, по пословицѣ, соваться въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ. Обыкновенно отъ него зависѣло только опредѣленіе той доли тягла, выраженной въ вытяхъ, обжахъ и т. п., которую онъ бралъ на себя. Въ этомъ новопорядчикъ руководился, съ одной стороны, своими средствами и личными силами, а съ другой стороны, тѣми обязанностями, которыя по мѣстнымъ обычаямъ ему предстояло нести, и правами, которыя онъ получалъ, поступая членомъ въ тяглый міръ. Что касается другихъ условій поряды, которыя зависѣли отъ порядчика, напр., срока льготы, платежа или свободы отъ уплаты старыхъ недоимокъ, то они имѣли второстепенное значеніе. Насколько велики были сила старины и вѣра въ старину порядчика, можно видѣть изъ того, что нерѣдко въ порядныхъ и земскихъ данныхъ грамотахъ условія и размѣръ тягла новопорядчика не указаны совсѣмъ, — онъ обязывается, послѣ льготныхъ лѣтъ, тянуть тягло «съ міромъ въ рядъ», «чѣмъ міромъ обложатъ». Это вполнѣ естественно, такъ какъ сама тягловая мірская старина,

т.-е. окладъ и другія условія жизни въ мірѣ, была проникнута началами договора и соглашеній. Порядчикъ подчинялся этой старинѣ, такъ какъ она и при вступленіи въ міръ и позже въ жизни на міру открывала ему одинъ и тотъ же путь защиты своихъ интересовъ.

Послѣ того, что было сказано о роли выборныхъ при описаніяхъ, о значеніи старины въ тяглѣ и о связи мірскихъ окладныхъ единицъ съ писцовыми, мнѣ кажется, что значеніе порядды для сошнаго тягла ясно. Суть дѣла не измѣнялась отъ того, съ кѣмъ договаривался порядчикъ, т.-е. садился ли онъ въ тягло по земской данной грамотѣ или по писцовой льготной грамотѣ, — въ обоихъ случаяхъ тягло было основано на договорѣ, которымъ опредѣлялись не столько условія тягла, сколько размѣръ его.

Итакъ, въ XVII в. юридическія формы договора о тяглѣ существовали только для новопорядчиковъ и только въ дворцовыхъ и черныхъ волостяхъ и на посадахъ. Тягло всей остальной массы государевыхъ тяглецовъ въ принципѣ было принудительнымъ, но дѣйствительность сильно расходилась съ принципомъ. Во-первыхъ, прикрѣпленіе людей къ тяглу было далеко не полнымъ: было еще много «вольныхъ» людей, которые имѣли право рядиться въ тягло, а во всей массѣ населенія были еще живы взгляды и привычки, поддерживавшіе переходы. Во-вторыхъ, здѣсь продолжала сохранять свою силу тяглая старина и поддерживалась, въ большой или меньшей мѣрѣ, связь между правительственнымъ окладомъ и мірскимъ; писцы стояли на почвѣ старины, примѣривались къ ней и работали при широкомъ содѣйствіи выборныхъ отъ населенія и самихъ тяглецовъ. На такой почвѣ правительству удавалось, несмотря на развиваемый имъ принципъ принудительности тягла, сохранять и проводить на дѣлѣ старый принципъ посильности, обложенія «по человѣку глядя». Это смѣшеніе и соединеніе старыхъ и новыхъ началъ приводило къ тому, что приказы и писцы при установленіи окладовъ тягла дѣйствовали не односторонне принудительно, а вступали съ населеніемъ въ сдѣлки и допускали, то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ, смотря по обстоятельствамъ, соглашенія съ нимъ. При неравномъ положеніи сторонъ, вступающихъ въ соглашенія, эти сдѣлки имѣли безформенный и часто трудноуловимый характеръ, но большое значеніе ихъ въ сошномъ окладѣ несомнѣнно.

Ниже, при изслѣдованіи частныхъ вопросовъ и практики сошнаго оклада, мнѣ не разъ придется возвращаться къ этому вопросу, а здѣсь мнѣ кажется умѣстнымъ дать общую характеристику взаимныхъ отношеній писцовъ и приказовъ къ тяглымъ людямъ, какъ они мнѣ представляются.

Приказы возлагали на писцовъ очень трудныя и сложныя задачи и давали имъ большія полномочія, но безъ содѣйствія тяглыхъ людей писцы не имѣли сколько-нибудь достаточныхъ средствъ для выполненія главной задачи — опредѣленія размѣровъ тягла. Поэтому передъ ними возникала нелегкая задача поступать такъ, чтобы принудить тяглыхъ людей обнаружить свою тяглоспособность, раскрыть, такъ сказать, въ игрѣ свои карты и тѣмъ дать возможность запрячь ихъ въ тягло. Это прекрасно выражено въ нижегородскомъ наказѣ 126 г. Дозорщики должны были «положити въ тягло всякаго человѣка въ правду, по государеву крестному цѣлованью, не норовя никому ни въ чемъ, и недружбою ни на кого не дѣломъ не писати; и посадскимъ старостамъ, и цѣловальникамъ, и лучшимъ и середнимъ и молодшимъ людямъ заказъ учинити крѣпкой, чтобы они своихъ посадскихъ дворовъ и людей не таили и межъ себя не укрывали, тѣмъ бы на себя государевы опалы не наводили, сказывали прямо въ правду, по государеву крестному цѣлованью, какъ нынѣ и впередъ мочно жити и государево тягло тянути; того имъ *(т.-е. писцамъ)* смотрѣти и беречи накрѣпко, что-бъ государеву тяглу убыли, а имъ бы *(т.-е. посадскимъ людямъ)* лишнія тягости не было»[1]). Далеко не въ интересахъ самихъ тяглыхъ людей было отказаться начисто отъ всякихъ уступокъ. Если они упирались, не давали писцу необходимыхъ ему свѣдѣній и тѣмъ лишали его возможности работать, какъ слѣдовало, то и писецъ имѣлъ нѣкоторыя средства сбить ихъ съ такой позиціи. По приправочнымъ документамъ ему были извѣстны размѣръ и условія прежняго тягла, и онъ не уменьшитъ его безъ основательныхъ доводовъ со стороны тяглыхъ людей. Мало того, онъ могъ пригрозить имъ увеличить по своему усмотрѣнью старое тягло. Для тяглыхъ людей было невыгодно скрывать свою тяглоспособность и оттягивать полюбовное соглашеніе еще и потому, что писцы пріѣзжали къ нимъ съ женами, дѣтьми, родственниками и дворней и кормились и полнились живо-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 38.

тами на счетъ населенія. Живя на всемъ готовомъ, писцы подъ рукой и открыто собирали нужныя имъ свѣдѣнья: допрашивали старостъ и выборныхъ, знакомились съ мірскимъ окладомъ и съ мѣстными условіями жизни и тягла, допрашивали при случаѣ постороннихъ тяглому міру людей, принимали отъ міра и отъ отдѣльныхъ челобитчиковъ посулы и подарки и выясняли, мало-по-малу, основанія возможной сдѣлки, такой сдѣлки, которая была бы равно пріемлема и для приказа, и для тяглыхъ людей. Безтолковый и неопытный писецъ могъ испортить дѣло сразу: сорвать большую взятку, сноровить тяглымъ людямъ и явиться въ приказъ съ такими книгами, которыя государь отставитъ, не входя въ разсмотрѣніе подробностей. Такой исходъ былъ невыгоденъ тяглымъ людямъ. Къ нимъ пришлютъ новаго, еще голоднаго, писца, который тоже привезетъ свою семью и дворню и начнетъ кормиться, какъ и первый писецъ. Могло случиться и хуже: государь не пошлетъ новаго писца, а приказъ по своему усмотрѣнью навалитъ тягло. Въ большинствѣ случаевъ писцы дѣйствовали умнѣе. Толковый, опытный писецъ и покормится вдоволь, и подарковъ наберетъ, и не преступитъ крестнаго цѣлованья. Онъ сдѣлаетъ нѣкоторыя уступки тяглымъ людямъ, но одновременно, руководясь купеческимъ правиломъ: запрашивай больше, чтобы было, съ чего спустить, — положитъ тягло, выгодное для казны. Если тяглые люди стерпятъ, то его похвалятъ въ приказѣ за радѣнье, а если не смолчатъ и поѣдутъ въ Москву бить челомъ, то его дѣло — сторона.

Если тяглымъ людямъ не удавалось уладить дѣло съ писцомъ полюбовно, или если приказъ не одобрялъ достигнутаго писцомъ соглашенья, то рѣшеніе дѣла переносилось въ Москву. Для тяглыхъ людей это хуже. На Москвѣ берутъ не такъ, какъ въ городахъ: здѣсь и людей больше, и люди значительнѣе, и отношенія между ними сложнѣе. Вѣдь, въ большинствѣ такихъ случаевъ дѣло не оставалось въ стѣнахъ приказа, а поступало на усмотрѣнье государя и думныхъ людей. Много нужно было волочиться за дѣломъ, проѣдаться на Москвѣ и разузнавать, кому, сколько и какъ дать, чтобы не ошибиться, не потерять дѣла и не потратиться даромъ [1]). У государя и думцевъ

---

[1]) См. въ V приложеніи разсказъ о хожденіи по приказамъ устюжскаго протодьякона по поводу новаго описанія.

было еще меньше, чѣмъ у писцовъ, данныхъ, чтобы оцѣнить по справедливости жалобу челобитчиковъ, но это не мѣшало имъ твердо стоять на своемъ запросѣ. Вѣдь, если сразу уступить, то, помимо непосредственной убыли казнѣ, создавался нехорошій «примѣръ», и, глядя и ссылаясь на него, къ царю могли потянуться новые челобитчики. Поэтому правительство предоставляло челобитчикамъ ловить государя на выходахъ, подавать ему десятки челобитныхъ, годами проѣдаться на Москвѣ и проходить всѣ мытарства московской волокиты. Если они были, дѣйствительно, обложены немѣрно тяжело, то своими настойчивыми челобитьями, а еще болѣе того готовностью потратиться на хожденіе по дѣлу, они доказывали свою правоту въ глазахъ правительства лучше, чѣмъ какими-либо другими доводами. Такимъ настойчивымъ челобитчикамъ можно было и уступить, такъ какъ другимъ, глядя на ихъ расходы по дѣлу и на московскую проѣсть, будетъ неповадно докучать государю просьбами безъ крайней необходимости.

До сихъ поръ я говорилъ все время о государевыхъ тяглыхъ людяхъ, т.-е. о черныхъ и дворцовыхъ крестьянахъ и о посадскихъ людяхъ. Совершенно иное было положеніе частновладѣльческихъ крестьянъ. Когда служилые люди добились уничтоженья волостной круговой поруки и раскостили волости на боярщины, то государство сдѣлало ихъ отвѣтственными въ уплатѣ податей лицами. Это обстоятельство, въ связи съ государственнымъ прикрѣпленіемъ людей къ тяглу, способствовало развитію власти господъ надъ крѣпостнымъ населеніемъ боярщинъ и открыло землевладѣльцамъ возможность заслонить, съ теченіемъ времени, своихъ крестьянъ отъ непосредственныхъ сношеній съ приказными и, въ частности, съ писцами. Это имѣло большое значеніе для писцоваго дѣла вообще и для сошнаго тягла въ частности. То обстоятельство, что землевладѣльцы сами стали призывать на льготу и рядить въ тягло новыхъ тяглецовъ и оброчить по своему усмотрѣнію старыхъ, безъ всякаго участія волости и писцовъ, прекратило всякія легально-договорныя отношенія казны къ частновладѣльческимъ крестьянамъ, а то, что землевладѣльцы въ сношеніяхъ съ приказными, въ томъ числѣ и съ писцами, заслонили своихъ крестьянъ, измѣнило и внѣ-легальныя, житейскія соглашенія казны съ тяглецами. Задачей писцовъ стало не обложеніе крестьянъ, при ихъ содѣйствіи и на основаніи мѣстной тягловой старины,

а обложеніе самихъ землевладѣльцевъ, а такъ какъ интересы послѣднихъ въ этомъ вопросѣ рѣзко сталкивались съ интересами казны, то посильный сошный окладъ, отрѣзанный отъ своего живого источника (мірского оклада) и лишенный своихъ исконныхъ основъ, сталъ вырождаться въ чистый произволъ. Чиновный и богатый землевладѣлецъ оказывалъ давленіе на писцовъ и получалъ несправедливое и невыгодное для казны облегченіе въ тяглѣ, а мелкій землевладѣлецъ постоянно чувствовалъ себя обиженнымъ, такъ какъ видѣлъ, что у писца кромѣ глазомѣра и усмотрѣнья нѣтъ почти никакихъ основательныхъ данныхъ. Этимъ, какъ мнѣ кажется, объясняются частыя жалобы служилыхъ людей на сошное письмо и просьбы установить подворное обложеніе, т.-е. такое, которое было бы основано на объективномъ и болѣе простомъ, не допускающимъ произвола основаніи.

XI. Перечневыя росписи писцовъ и доклады государю о новыхъ описаніяхъ.

Перечневыя росписи и доклады писцовъ. Содержаніе и назначеніе ихъ.— Приказные доклады о новыхъ описаніяхъ. Когда приказъ могъ утвердить описаніе самостоятельно, а когда долженъ былъ докладывать о немъ государю. Неутвержденіе работы писцовъ, въ цѣломъ или только въ нѣкоторыхъ частяхъ. Значеніе этого обстоятельства для научной обработки писцовыхъ книгъ. — Выдача населенію сотныхъ грамотъ и выписей съ новыхъ книгъ.

Послѣ изслѣдованія общихъ основаній описательныхъ работъ слѣдовало бы перейти къ работѣ писцовъ на мѣстахъ, но я нахожу возможнымъ ограничиться ссылкой на предшествующихъ изслѣдователей послѣдняго вопроса [1]) и заняться только тѣми сторонами писцоваго дѣла, которыя остались невыясненными.

Уже извѣстно, что работа писцовъ проходила подъ непрерывнымъ наблюденіемъ и руководствомъ приказовъ, а выше я упоминалъ, что писцы сверхъ наказа получали, по мѣрѣ надобности, особыя указныя грамоты по частнымъ вопросамъ. Наказы въ общихъ выраженіяхъ и по многимъ частнымъ случаямъ предписываютъ писцамъ запрашивать въ сомнительныхъ случаяхъ указа государя, а нѣкоторые вопросы совсѣмъ запрещаютъ рѣшать самостоятельно. Такъ, наказъ 134 г. писцамъ Московскаго уѣзда запрещаетъ раздавать служилымъ людямъ примѣрныя земли и требуетъ «о томъ писати къ государю . . . . *(п. т.)*, и государь . . . . *(п. т.)* велитъ имъ

---

[1]) А. С. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого обложенія и т. д., стран. 199 и дальше. Ю. В. Готье, Замосковный край, III часть I-й главы. И. Н. Миклашевскій, Къ исторіи хозяйственнаго быта и т. д., отдѣльныя замѣчанія, разбросанныя въ I главѣ, съ 28 страницы. Н. А. Рожковъ, Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ, во II части Историческихъ и соціологическихъ очерковъ (М. 1906 г.). В. Н. Седашевъ, Очерки и матеріалы и т. д. М. 1912 г.

(т.-е. писцамъ) указъ учинить». То же сказано относительно пустыхъ оброчныхъ земель — «безъ государева вѣдома въ раздачу не раздавати никоторыми дѣлы». О хлѣбѣ, который писцы отпишутъ на государя на примѣрныхъ и лишнихъ земляхъ, они должны писать государю, «что-бъ то все государю . . . *(п. т.)* было вѣдомо». Если населеніе будетъ лгать въ своихъ сказкахъ, обманывать писцовъ и скрывать дворы и людей, то писцы должны «о томъ отписати ко государю . . . *(п. т.)*, и государь . . . . *(п. т.)* тѣмъ людямъ указъ свой учинитъ, а тѣ ихъ села и деревни и починки велитъ раздать тѣмъ людямъ, кто про то доведетъ». По нѣкоторымъ вопросамъ наказъ требуетъ отъ писцовъ не отписокъ, а доклада государю. Такъ, одна статья того же московскаго наказа предписываетъ не класть по старинѣ въ сошное письмо церковныхъ земель, если у церкви не болѣе 20 четей, «а у которыя церкви пашни больше 20 чети или которыя пашни церковныя изстари въ сошное письмо не писаны, и писцамъ о тѣхъ пашняхъ доложити государя. . . . *(п. т.)*, и государь . . . указъ учинитъ». Равнымъ образомъ писцы должны составить доклады государю: о пустыхъ земляхъ, съ указаніемъ, «на колько лѣтъ на которыя мѣста пригоже льготы дати», о выкупѣ вотчичами вотчинъ у монастырей, о вотчинахъ, которыя были розданы опричникамъ, а позже захвачены опять вотчинниками безъ государева указа, и о вотчинахъ, на которыя будутъ положены только купчія, а государевыхъ грамотъ не будетъ[1]). Изъ другихъ наказовъ и документовъ видно, что указанными вопросами далеко не ограничивались тѣ случаи, когда писцы должны были отписывать къ государю или докладывать и ждать указа. Напр., въ нѣкоторыхъ наказахъ въ статьѣ о сыскѣ и свозѣ бѣглыхъ тяглецовъ прибавлено: «А будетъ которыхъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ вывезти имъ безъ государева указа изъ-за кого нельзя, и писцамъ писати о томъ къ государю . . . *(п. т.)*, и государь велитъ о томъ указъ учинить»[2]). Въ псков-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 215.

[2]) Устюжскій наказъ 131 г., тамъ же № 115. То же въ псковскомъ наказѣ 131 г., тамъ же № 120. Срав. съ этимъ статью вятскаго наказа 136 г. о людяхъ, живущихъ на монастырскихъ и церковныхъ земляхъ, — ихъ велѣно писать по старинѣ за монастырями и церквями «опричь самыхъ лучшихъ людей. А которые люди торгуютъ свальными большими товары или ходятъ судами и торгуютъ великими товары, и о тѣхъ лучшихъ людяхъ о указѣ писати ко государю... подлинно». Ак. п. д., II, № 28 (стран. 64).

скомъ наказѣ 131 г. мы читаемъ: «А будетъ во Псковскихъ пригородахъ и въ уѣздахъ государевыхъ черныхъ и всякихъ земель въ сошное письмо безъ государева указа положити нельзя, и писцамъ Ивану Вельяминову и дьяку Ивану о томъ писати объ указѣ ко государю . . . . *(п. т.)*, расписавъ всякія земли подлинно, и государь велитъ о томъ указъ учинити» [1]).

Въ Актахъ писцоваго дѣла напечатанъ цѣлый рядъ отписокъ и докладовъ писцовъ, просившихъ государева указа. Такъ, кн. Ив. Волконскій, посланный въ 135 г. описывать вторично посадъ Вязьмы, не рѣшился положить посадскихъ людей въ сошное письмо и въ своемъ перечневомъ докладѣ писалъ: «И въ сошное письмо изъ прежней полусохи въ живущемъ вязьмичъ посадскихъ людей въ чемъ государь . . . . и великій государь святѣйшій патріархъ . . . . положити укажутъ?» [2]). Писцы Шелонской и Бѣжецкой пятинъ, 134—135 годовъ, тоже не положили людей въ живущее и писали въ своихъ перечняхъ— шелонскіе писцы: «а живущая пашня безъ государева . . . . указа по новому дозору не положена», а бѣжецкіе: «а пашня паханая на нихъ въ живущія сохи до государева . . . . указа не положена» [3]). Цѣлый рядъ очень важныхъ вопросовъ поставили на разрѣшеніе государей въ 133 г. писцы Соли Вычегодской [4]). Въ 136 г. писцы Суздальскаго, Луховскаго и Ростовскаго уѣздовъ подали доклады объ отмежеваніи посадскихъ земель отъ уѣздныхъ [5]). Писцы посада Лукъ Великихъ въ своей перечневой росписи (136 г.) поставили вопросы о примѣрныхъ и спорныхъ земляхъ [6]). Я ограничиваюсь этими примѣрами, находя ихъ достаточными, чтобы показать, насколько разносторонне и важно было участіе правительства въ работѣ писцовъ.

Зная это, мы не будемъ представлять себѣ заключительные моменты дѣятельности писцовъ такими простыми, какими они казались Ю. В. Готье. Ю. В. Готье говоритъ, что «послѣднимъ моментомъ, завершавшимъ составленіе писцовой и переписной книги, было представленіе ея въ приказъ. При этомъ полагалось книгу принять ,,ос-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 120 (стран. 236).
[2]) Тамъ же, № 227.
[3]) Тамъ же, II, № 2.
[4]) Тамъ же, I, № 202.
[5]) Тамъ же, II, № 21.
[6]) Тамъ же, № 19.

мотря“, хотя, въ чемъ заключался этотъ осмотръ, сказать довольно трудно. Можно думать, что настоящая провѣрка происходила далеко не часто и, главнымъ образомъ, по челобитью представителей мѣстнаго населенія, недовольныхъ почему-либо дѣятельностью писцовъ»[1]). Здѣсь Ю. В. Готье отмѣтилъ формальную сторону дѣла — внѣшній осмотръ книгъ, т.-е. подчистокъ, поправокъ, вставокъ между строкъ, скрѣпъ писцовъ и т. п., но это было общимъ и элементарнымъ требованіемъ приказнаго дѣлопроизводства вообще и вовсе не было особенностью писцоваго дѣла. Провѣрка итоговъ переписныхъ книгъ 154 и 186 годовъ и сличеніе этихъ книгъ съ подлинными сказками, о чемъ Ю. В. Готье говоритъ ниже[2]), касались уже существа дѣла, но по своей важности далеко уступали тому внимательному разсмотрѣнію, которому подвергались со стороны правительства писцовыя и дозорныя книги. Читая страницы, отведенныя Ю. В. Готье заключительнымъ моментамъ дѣятельности писцовъ, можно подумать, что книги, послѣ осмотра ихъ и провѣрки итоговъ въ приказѣ, получали немедленное примѣненіе на дѣлѣ, и что только въ видѣ рѣдкаго исключенія этого не происходило по челобитью населенія. Въ дѣйствительности же писцовыя и дозорныя книги съ точки зрѣнія правительства были не законченной работой, которую оставалось только использовать сообразно поставленнымъ ей задачамъ, а матеріаломъ, который предстояло разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ, провѣрить и только послѣ этого утвердить, отчасти или цѣликомъ, и примѣнять къ дѣлу. Этотъ важный вопросъ слѣдуетъ разсмотрѣть внимательно.

Дозря, измѣря и описавъ все по наказу, писцы должны были положить оклады живущаго сошнаго и вытнаго тягла и опредѣлить оброки и разные платежи. Въ этомъ состояли главныя задачи описаній, которыя писцы выполняли, какъ я уже говорилъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ приказовъ. Когда эти основныя задачи были выполнены, то писцы должны были, до окончательной отдѣлки книгъ, составить перечень съ книгъ своего письма и немедленно представить его въ приказъ. Такъ, въ устюжскомъ наказѣ 131 г. сказано: «А перечень Устюжскому посаду и уѣзду письма своего, сдѣлавъ порознь, отдати въ четверти напередъ своихъ писцовыхъ

---

[1]) Замосковный край и т. д., стран. 122.

[2]) Тамъ же, стран. 122-124.

книгъ»[1]). Въ другомъ мѣстѣ того же наказа и въ нѣкоторыхъ другихъ наказахъ довольно подробно указано, какъ составлять перечни. Напр., въ вятскомъ наказѣ 136 г. сказано: «А въ книгахъ подъ посады и подъ волостьми велѣти писати большія перечни порознь, что къ которой волости селъ, и деревень, и починковъ, и пустошей, и селищъ, и займищъ, и въ нихъ монастырскихъ, и поповыхъ, и дьяконовыхъ, и церковныхъ причетниковъ и на посадахъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ, и въ уѣздахъ крестьянскихъ живущихъ, пашенныхъ и непашенныхъ, и бобыльскихъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ, и сколько по ихъ письму и по мѣрѣ монастырскія и церковныя и крестьянскія пашни паханыя, и перелога, и лѣсомъ поросли, и сѣна, и лѣсу, и всякихъ угодій порознь, и вытей и сохъ въ живущемъ, и почему съ которыя волости государевыхъ всякихъ денежныхъ доходовъ крестьяне платили по прежнему, и что съ которыя волости по ихъ письму государевыхъ денежныхъ всякихъ доходовъ прибудетъ порознь, или гдѣ убудетъ, и сколько отдадутъ на льготу, и на колько кому лѣтъ льготы дадутъ, и что будетъ въ пустѣ, — и то все въ книгахъ въ перечняхъ расписывати подлинно и перечневая роспись тому всему сдѣлати тотчасъ и очистить въ росписи всякія статьи имянно». Ниже въ наказѣ прибавлено: «А перечень Вятскимъ посадамъ и уѣздамъ письма своего, сдѣлавъ порознь, отдати въ четверти напередъ своихъ писцовыхъ книгъ» [2]). Подача такихъ перечней или перечневыхъ росписей, ранѣе окончательной отдѣлки и сдачи въ приказъ книгъ, была общимъ правиломъ, отступленія отъ котораго мы можемъ наблюдать только при дозорахъ первыхъ лѣтъ послѣ Смуты, когда дозоры производились очень поспѣшно и приказы требовали отъ дозорщиковъ поскорѣе только книгъ.

Перечневая роспись, какъ можно видѣть по приведенной выдержкѣ изъ вятскаго наказа, должна была, прежде всего, содержать итоги и сжатый, краткій отчетъ всей работы, а во-вторыхъ, сравненье прошлаго съ настоящимъ. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ перечняхъ или въ особыхъ докладахъ писцы должны были поста-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 115. То же въ другихъ наказахъ. См. тамъ же, №№ 89, 96, 104 и другіе. Въ наказѣ 134 г. писцамъ Московскаго уѣзда сказано: «А перечень всѣмъ землямъ и что за кѣмъ живущаго и пустого привезти съ собою вмѣстѣ и отдати напередъ въ Помѣстномъ приказѣ». Тамъ же, № 215.

[2]) Ак. п. д., II, № 28 (стран. 72 и 74).

вить на разрѣшеніе государя всѣ тѣ вопросы, которые они не имѣли права или не рѣшались рѣшить сами. Такъ какъ въ Актахъ писцоваго дѣла напечатано много перечневыхъ росписей[1]), то я нахожу возможнымъ ограничиться сдѣланными замѣчаніями.

Значеніе подачи перечней «напередъ писцовыхъ книгъ» ясно. Я уже говорилъ, что указъ о производствѣ описанія или дозора нерѣдко сопровождался, въ видѣ особой льготы, указомъ о взиманіи всѣхъ или нѣкоторыхъ податей въ уменьшенномъ размѣрѣ, напр. вполы окладовъ, или даже полнымъ освобожденіемъ отъ налоговъ впредь до окончанія описанья. Однако и въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе не получало подобныхъ льготъ, приказу было важно знать возможно скорѣе результаты описанія, такъ какъ уже самое производство его было признаньемъ, со стороны правительства, неудовлетворительности и устарѣлости прежняго описанья. Такимъ образомъ, первое и главное назначеніе перечней состояло въ томъ, чтобы по возможности скорѣе узнать и использовать для обложенья данныя новаго описанія. Во-вторыхъ, перечни были нужны приказамъ для того, чтобы разрѣшить тѣ вопросы, которые писцы не могли или не рѣшились разрѣшить сами. На основаніи перечней и другихъ матеріаловъ приказъ составлялъ по этимъ вопросамъ государю докладъ и получалъ на нихъ указы. Послѣ этого писцы додѣлывали сообразно съ этими указами свои книги и сдавали ихъ въ приказъ. Наконецъ, перечни были средствомъ приказнаго надзора надъ писцами въ тѣхъ случаяхъ, когда описаніе длилось нѣсколько лѣтъ, а послѣ работы на мѣстахъ писцы должны были еще обрабатывать собранные матеріалы и отдѣлывать бѣловыя книги[2]).

Итакъ, по перечнямъ приказъ наблюдалъ за работой писцовъ, выяснялъ до окончательнаго изготовленія и утвержденія книгъ, какъ можно взимать налоги и оброки, докладывалъ государю о тѣхъ во-

---

[1]) См. Ак. п. д., I, №№ 126, 128, 142, 218, 227 и 233, и II, №№ 2, 19, 24, 111, 121, 196, 197, 199 и 200. Перечневую роспись писцовъ Устюга, 131—136 гг., см. въ Прик. д. стар. л., 1626 г. № 61. Перечневыя росписи писцовъ Московскаго уѣзда, 131—132 гг., см. въ Указной книгѣ Помѣстнаго приказа. Изд. В. Н. Сторожева, стран. 76—79.

[2]) Такъ, при описаніяхъ 192—194 гг. Помѣстный приказъ требовалъ отъ писцовъ представленія годичныхъ перечней къ зимѣ, то-есть къ концу каждаго писцоваго сезона. Ср. Ю. В. Готье, Замосковный край, стран. 105.

просахъ, которые требовали его указа, и руководилъ писцами въ окончательной отдѣлкѣ книгъ.

Слѣдующимъ и еще болѣе важнымъ въ писцовомъ дѣлѣ моментомъ было разсмотрѣніе новаго описанія въ цѣломъ. Переходя къ этому, слѣдуетъ прежде всего разрѣшить вопросъ: кто «учинялъ указъ» о новыхъ книгахъ, т.-е., всегда ли приказъ долженъ былъ докладывать о новомъ описаніи государю или въ извѣстныхъ случаяхъ могъ рѣшить дѣло самостоятельно. Такъ какъ въ источникахъ нѣтъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, т.-е. нѣтъ указовъ, опредѣлявшихъ права приказовъ въ этомъ дѣлѣ, то намъ приходится искать рѣшенія въ приказномъ дѣлопроизводствѣ и въ наблюденіяхъ надъ другими отраслями финансовой дѣятельности правительства.

Въ общемъ дѣло мнѣ представляется въ такомъ видѣ. Когда по новому описанію оказывалась прибыль государевѣ казнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, т.-е. и въ сошномъ письмѣ и во всякихъ доходахъ, то приказъ, если не встрѣчалось никакихъ новыхъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію самого государя, имѣлъ, повидимому, право утвердить новыя книги самъ. Я говорю: повидимому, такъ какъ извѣстны и ниже будутъ приведены случаи самостоятельнаго утвержденія новыхъ описаній приказами, но прямыхъ указаній въ источникахъ на такое право приказовъ нѣтъ. Когда же по новому описанію оказывалась убыль противъ прежняго, хотя бы небольшая, въ сошномъ письмѣ или въ денежныхъ платежахъ, то приказъ долженъ былъ непремѣнно докладывать дѣло государю или боярамъ. Это не подлежитъ сомнѣнью. Такъ какъ на дѣлѣ бывало рѣдко, чтобы новое описаніе было выгодно для казны во всѣхъ отношеніяхъ, то случаи самостоятельнаго рѣшенія вопроса приказами были весьма рѣдки. Подобные случаи бывали тѣмъ рѣже, что выгодное для казны описаніе, которое приказъ могъ бы утвердить самъ, вызывало очень часто жалобы населенья и по этимъ жалобамъ восходило на усмотрѣніе государя.

Такія же, въ общемъ, отношенія царской власти къ приказамъ можно наблюдать и въ таможенномъ и кабацкомъ дѣлѣ. Когда вѣрные головы и цѣловальники сбирали больше установленнаго для нихъ оклада, то приказъ самъ слушалъ счетную докладную выписку объ ихъ сборѣ и относился весьма снисходительно къ нецѣлесообразнымъ

и даже противозаконнымъ дѣйствіямъ вѣрныхъ сборщиковъ. Но лишь только происходилъ недоборъ противъ оклада, хотя бы въ нѣсколько рублей, какъ приказъ становился крайне придирчивымъ, ставилъ сборщикамъ въ вину самыя мелкія упущенія и непремѣнно докладывалъ дѣло о недоборѣ государю. Здѣсь, какъ и въ другихъ отрасляхъ финансоваго управленія, приказъ не имѣлъ права собственной властью сложить ни одного алтына государевыхъ доходовъ.

Для характеристики правъ приказовъ относительно утвержденія новыхъ книгъ и сложенія доходовъ и недоимокъ очень важно сыскное дѣло 127 г. о доходахъ Новгородской чети, дошедшее до насъ, къ сожалѣнію, въ отрывкахъ [1]). Въ 126 г., 5 апрѣля, въ Новгородскую четь былъ назначенъ на мѣсто Алексѣя Витовтова новый дьякъ — извѣстный Ив. Грамотинъ. Возможно, что по его именно почину былъ произведенъ сыскъ о доходахъ чети со 122 года. Сыщики — окольничій Семенъ Васильевичъ Головинъ и дьякъ Петръ Микулинъ — провѣряли, между прочимъ, всѣ основанія, по которымъ производились въ чети складки недоимокъ, зачеты и предписанія о взиманіи податей по новымъ дозорнымъ книгамъ. Въ сыскѣ было выписано, что въ 123 г. Каргополь и Турчасово дозиралп Семенъ Языковъ и подьячій Сем. Осокинъ, и по ихъ дозору обнаружилась большая убыль. Каргопольцы били челомъ государю объ утвержденіи новыхъ книгъ, и по государеву указу бояринъ кн. Григорій Петровичъ Ромодановскій, управлявшій въ 125—126 гг. одновременно 4 четвертями: Новгородской, Галицкой, Владимирской и Костромской [2]), и дьяки Алексѣй Витовтовъ съ товарищами велѣли «денежные всякіе доходы выписати въ докладъ». Однако, въ докладной выпискѣ, пишутъ сыщики, были выписаны только «четвертные доходы, данные и оброчные, а за хлѣбные запасы доимочныхъ денегъ въ докладъ въ выпискѣ не написано». На этомъ докладѣ дьякъ А. Витовтовъ помѣтилъ — взимать всякіе доходы на прошлые 123 и 124 годы и впредь по новому дозору, а въ грамотѣ, посланной въ Каргополь за приписью дьяка Василья Семенова, было написано «мимо Алексѣевы помѣты — и за хлѣбные запасы имати по тому-жъ новому дозору съ живущаго,

[1]) Дворц. Арх., 24 опись, 127 г. № 170 и 126 г. № 471.

[2]) Ак. п. д., I, стран. 35, 40, 50 и другія, по указателю. Р. И. Б., XXVIII, стран. 514, 522, 623 и 628. Въ Костромской чети, въ августѣ 124 г., см. Л. М. Сухотинъ, Четвертчики Смутнаго времени, стран. 294. М. 1912 г.

а Алексѣевы помѣты про хлѣбные запасы ничего не написано». Дьякъ В. Семеновъ оправдывался передъ сыщиками, что онъ приписалъ о деньгахъ за хлѣбные запасы потому, что «указаны четвертные доходы имати по новому дозору, а тѣ хлѣбные деньги по государеву указу велѣно имати съ тѣхъ же сохъ». По существу дьякъ, конечно, былъ правъ, и обыкновенно, хотя и не всегда, всѣ подати были взимаемы съ одного и того же сошнаго оклада, но формально онъ былъ виноватъ — въ помѣтѣ хлѣбныя деньги опредѣленно не были упомянуты. На докладной выпискѣ было помѣчено, что 13 сентября 125 г. бояринъ кн. Г. П. Ромодановскій и дьяки приговорили всякіе доходы на 122—124 годы и впредь брать по новымъ книгамъ «и государеву грамоту съ дозорныхъ книгъ приговорили дати, по чему имъ впередъ государевы денежные доходы платить». Такимъ образомъ, приговоръ заключалъ въ себѣ не только указъ о взиманіи податей по новому дозору, но и указъ о сложеніи недоимокъ 122—124 гг., накопившихся противъ стараго письма, и о зачетѣ денегъ, уплаченныхъ по старому окладу сверхъ новаго дозора. Приговоръ былъ явно незаконный[1]), такъ какъ приказъ, даже въ полномъ составѣ, не имѣлъ права приговаривать по такому вопросу безъ государя и бояръ. Сверхъ этого тутъ было приказное воровство. Сыщики показали боярину кн. Г. П. Ромодановскому эти доклады и приговоры и допрашивали его. Бояринъ, едва ли вполнѣ правдиво, сказалъ, «что онъ о складкахъ и о зачетахъ и что имати по новому дозору съ живущаго, а съ пуста не имать, не приговаривалъ, и государевыхъ денегъ никакихъ не складывалъ и не зачитывалъ, и по новымъ дозорамъ никакихъ доходовъ съ живущаго имати, а съ пуста складывати не веливалъ, и приговоровъ такихъ писать и на челобитной о зачетѣ подписывать не веливалъ. А только бы де было ему государевы доходы складывати или зачитати, и онъ бы де, то выписавъ въ докладъ, ходилъ ко государю и къ боярамъ, и государя-бъ докладывалъ и съ бояры говорилъ въ Верху, а ино (по) праздникомъ у церквей говорилъ[2]). А безъ государева де онъ указа и безъ боярскаго при-

[1]) Ср. въ I т. Ак. писц. дѣла другіе приговоры б. кн. Г. П. Ромодановскаго. Въ № 23 выписку слушали *всѣ* бояре. Въ № 34 б. кн. Г. П. Ромодановскій «говорилъ съ бояры, и бояре приговорили». То же въ № 48. Ср. приговоръ въ № 56, гдѣ начальство Новгородской чети рѣшаетъ вопросъ самостоятельно, опираясь на предшествовавшій указъ и боярскій приговоръ.

[2]) Въ подлинникѣ это мѣсто перемарано и неясно. Можно прочесть: «а и

говора ни одного алтына не складывалъ; тѣ деи его приговоры и на челобитныхъ діяки писали ложно». Про такую же незаконную складку недоимокъ съ Выми Яренской, помѣченную А. Витовтовымъ отъ имени всего состава Новгородской чети, дьякъ Павелъ Матюшкинъ сказалъ, что онъ «того не вѣдаетъ, —дѣлали все дьяки Ал. Витовтовъ й В. Семеновъ, и приговоръ писали они, а онъ того зачета не приговаривалъ; да и въ приговорѣ его имени не написано».

Нѣтъ возможности по отрывкамъ сыска провѣрить правду и ложь въ показаніяхъ указанныхъ лицъ. Что дьякъ Ал. Витовтовъ своевольничалъ, это на него похоже, —на это есть указанія, и не даромъ его карьера окончилась этой службой въ Новгородской чети[1]). Для насъ важно и интересно то, что вліятельный бояринъ, державшій въ своихъ рукахъ 4 важныхъ приказа, вовсе не усваивалъ себѣ права складывать недоимки и утверждать дозоры и опредѣленно признавалъ, что приказъ, во главѣ съ нимъ, не имѣлъ такого права. Признавая подобныя помѣты незаконными, бояринъ начисто отперся отъ нихъ.

Приказныя дѣла, дошедшія до насъ, подтверждаютъ это, т.-е., что приказъ своей властью имѣлъ право утвердить новое описаніе только тогда, когда оно было выгодно для казны во всѣхъ отношеніяхъ, но долженъ былъ докладывать дѣло государю, если въ чемъ-либо была хотя малая убыль сравнительно съ прежнимъ.

Въ Клину на посадѣ по описанію 132 г. была прибыль. На коротенькомъ докладѣ объ этомъ дьякъ Устюжской чети Мих. Смываловъ помѣтилъ: «Написать въ приходную книгу, а въ землѣ справиться, сколько тое земли»[2]). Въ Дмитровѣ на посадѣ по описанію 132 г. окладъ сошнаго письма былъ увеличенъ сравнительно съ прежнимъ почти втрое, а денежные доходы — вдвое. Устюжская четь изготовила объ этомъ докладъ государю, но дьякъ нашелъ возможнымъ не докладывать и помѣтилъ: «132-го августа въ 7 день, послать грамота — велѣть собрать и прислать къ Москвѣ»[3]). На перечневой

по праздникамъ» или «а ино праздникомъ». Мнѣ кажется, что смыслъ словъ боярина тотъ, что либо онъ докладывалъ бы въ Верху, либо говорилъ бы въ праздникъ у церкви, какъ было принято до и послѣ церковной службы обсуждать дѣла.

[1]) П. Матюшкинъ и В. Семеновъ, повидимому, были оправданы и позже еще долго служили въ дьякахъ.

[2]) Ак. п. д., I, № 199. Въ книгахъ не было точно указано, сколько было оброчной земли.

[3]) Тамъ же, № 139.

росписи городецкихъ писцовъ, по книгамъ которыхъ на посадѣ была большая прибыль въ сошномъ окладѣ и въ доходахъ, дьякъ Устюжской чети помѣтилъ: «135-го сентября въ 21 день, написать въ приходную книгу»[1]). На Устюжнѣ, по письму тѣхъ же писцовъ, была тоже большая прибыль, и дьякъ на докладѣ объ этихъ книгахъ, составленномъ для государя, помѣтилъ самъ: «136-го марта въ 3 день, записать въ приходную книгу, а денежные доходы по писцовымъ и по дозорнымъ книгамъ на нынѣшній 136-й годъ взяти сполна,и впредь имати потому же» [2]).

А вотъ случай, когда тотъ же дьякъ Устюжской чети доложилъ дѣло государямъ, такъ какъ новое описаніе дало прибыль не во всѣхъ отношеніяхъ. 21 іюня 136 г. устюжскіе писцы Н. Вышеславцевъ и подьячій Аг. Өедоровъ подали въ Устюжскую четь свои книги. По старому дозору (128 г.) на посадѣ и въ уѣздѣ было 185 сошекъ безъ чети и пол-пол-трети и пол-пол-пол-чети сошки и 16 вытей безъ чети и безъ пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети выти и 5 десятинъ безъ пол-пол-трети десятины пашни, а денежныхъ всякихъ четвертныхъ доходовъ 5900 р. 17 ал. 4 д., «и съ тѣмъ, что съ Утмановскія волости съ пуста по государеву указу до большихъ писцовъ имать не велѣно». По новому описанію, сравнительно съ дозоромъ 128 г., прибыло 59 сошекъ безъ пол-пол-пол-чети сошки и 9 вытей, а денежныхъ доходовъ прибыло 480 р. 29 ал. $4^1/_2$ д., кромѣ того, что должно было выйти изо льготы со 138 года. Сравнительно же съ приходной четвертной книгой 137 г. по новому описанію убыло 4 сошки безъ трети и пол-пол-пол-трети сошки и $^1/_4$ выти, а денежныхъ доходовъ убыло 259 р. 33 ал. Эта убыль объяснялась отчасти тѣмъ, что по приказной ошибкѣ устюжане платили нѣкоторые оброки вдвое, а писцы исправили ошибку. Въ общемъ же, по новому описанію въ денежныхъ доходахъ прибыло 220 р. 30 ал. $^1/_2$ д. (480 р. 29 ал. $4^1/_2$ д.—259 р. 33 ал.=220 р. 30 ал. $^1/_2$ д.), а въ сошкахъ была ничтожная убыль, которая съ лихвой вознаграждалась вытями, которыя писцы дали на льготу. Дьякъ М. Смываловъ 29 іюля 137 г. доложилъ дѣло государямъ, и государи утвердили новое описаніе[3]).

---

[1]) Ак. п. д., I, № 234.
[2]) Тамъ же, II, № 24.
[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 14, лл. 278—280 об.

Дѣло о дозорѣ Ладоги показываетъ, какими формалистами были приказные въ вопросѣ о казенныхъ доходахъ. Въ 145 г. воеводамъ Вел. Новгорода было велѣно «для легости сошнымъ людямъ» вѣдать ямское дѣло на мѣстѣ. Такъ какъ Ладога запустѣла, то по челобитью ладожанъ воеводы послали дозорщика и по дозору сложили съ нихъ часть оклада податей. Между тѣмъ, Новгородская четь продолжала требовать свои доходы по старому окладу, и когда въ 148 г. ладожане просили снять съ нихъ недоимки и взимать налоги по новому дозору, то государь (по докладу чети) польготилъ имъ и недоимку сложилъ, но впредь велѣлъ платить подати по старому, «для того что складки тѣмъ деньгамъ не бывало, и государева указа о томъ въ Новгородъ не посылывано, а новой досмотръ Ладоги посаду былъ для ямскихъ денегъ, а не для четвертныхъ доходовъ»[1]). Основаніемъ этого указа было то, что новгородскіе воеводы получили право вѣдать самостоятельно ямское дѣло и для этого могли принимать различныя мѣры, въ томъ числѣ и дозоры, но не имѣли права вмѣшиваться въ четвертные доходы.

Когда новое описаніе было невыгодно для казны, то случалось, что проходило нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ правительство утверждало его послѣ настойчивыхъ просьбъ населенія[2]). Въ исключительныхъ случаяхъ дѣло затягивалось еще больше. Такъ, въ 147 г. власти Кириллова монастыря били челомъ государю, что во всѣхъ городахъ въ 135—136 гг. были писцы, и по указу государя «всѣ городы и монастыри всякіе государевы доходы и хлѣбные запасы и ямскія деньги платятъ по новымъ писцовымъ книгамъ, а на нихъ де всякіе государевы доходы и хлѣбные запасы и ямскія деньги емлютъ по дозорнымъ книгамъ *(126 года)*, а не по писцовымъ книгамъ». Государь указалъ, по этому челобитью, взимать всякія подати по новымъ книгамъ, но прошло еще 5 лѣтъ, и только въ 152 г. Галицкая четь окончательно предписала Бѣлозерскимъ вотчинамъ монастыря платить четвертные доходы по письму 134—135 гг.[3]).

Близкое знакомство съ докладами и указами о новыхъ книгахъ очень важно не только для исторіи сошнаго письма, но и для научной

---

[1]) Ак. п. д., II, № 128.

[2]) См., напр., тамъ же, №№ 124—126, 200—201 и другіе, напр., дѣло описанія Вязьмы 153—157 гг.

[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 229 об.

обработки писцовыхъ книгъ. Дѣло въ томъ, что случаи «отставки» писцовыхъ и дозорныхъ книгъ были вовсе не такъ рѣдки, какъ полагали, повидимому, изслѣдователи этого источника. Во-вторыхъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что новое описаніе могло быть утверждено или отвергнуто отчасти, а не цѣликомъ. Напр., сошное письмо могло быть отвергнуто и измѣнено государевымъ указомъ, а въ остальныхъ отношеніяхъ книги могли быть утверждены; однѣ книги какихъ-либо писцовъ могли быть утверждены, а другія книги тѣхъ же писцовъ отвергнуты. Разсмотримъ различные случаи измѣненья и отставки новыхъ описаній, обращая вниманіе на поводы и основанія, которыми руководилось правительство въ этомъ дѣлѣ.

Ю. В. Готье указалъ одинъ случай отставки писцовыхъ книгъ. Книги уѣзда Юрьева Польскаго 136—137 гг. писцовъ Ѳ. Скрябина съ товарищами, по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ, были взяты изъ Помѣстнаго приказа въ Челобитной, «и тѣмъ книгамъ по государеву указу вѣрить не велѣно». Ю. В. Готье отмѣчаетъ, что посадскія книги (Юрьева) тѣхъ же писцовъ и нѣкоторыя частныя описанія, произведенныя ими же въ Костромскомъ и Владимирскомъ уѣздахъ, остались въ силѣ, и прибавляетъ: «Помѣстный приказъ, признавшій его *(Ѳ. Скрябина)* дѣятельность вредной и книги его негодными, не довелъ дѣла до конца и часть составленныхъ имъ описаній сохранила свое дѣйствіе. Такимъ образомъ, и этотъ единственный въ своемъ родѣ случай долженъ быть признанъ не совсѣмъ выполненной и потому не совсѣмъ удачной мѣрой Помѣстнаго приказа» [1]).

На это слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что Помѣстный приказъ, какъ видно изъ дѣла, былъ не при чемъ: книги были взяты въ Челобитный приказъ «къ сыскному дѣлу» и тамъ опорочены [2]). Во-вторыхъ, изъ дѣла не видно, что правительство признавало дѣятельность Ѳ. Скрябина и его товарища вредной. Сыскъ и отмѣна книгъ произошли по челобитью дворянъ, которое могло быть вызвано и не злоупотребленіями

---

[1]) **Ю. В. Готье**, Замосковный край и т. д., стран. 125.

[2]) Въ 181 г. Помѣстный приказъ далъ Галицкой чети справку, что для Юрьева-Польскаго уѣзда у него существуютъ книги 153—154 гг. кн. Гр. Шехонскаго, «а писцовыя книги Ѳ. Скрябина да подьячаго Леонтья Лазарева 136 и 137 года изъ Помѣстнаго приказа, по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ, взяты къ сыскному дѣлу въ Челобитенной приказъ, и по указу великаго государя тѣмъ книгамъ Ѳ. Скрябина вѣрить не велѣно». Прик. д. стар. л., 1672 г. № 403.

писцовъ, а ихъ черезмѣрнымъ радѣньемъ. При описаніи посада писцы нашли золотую середину, не вызвали жалобъ населенья и учинили прибыль казнѣ, а при описаніи уѣзда могли переусердствовать и вызвать неудовольствіе дворянъ, которые и добились отставки книгъ. Наконецъ, слѣдуетъ прибавить, что Ѳ. Скрябинъ былъ отпущенъ изъ двухъ приказовъ и получилъ два наказа — одинъ изъ Помѣстнаго приказа для описанія уѣзда, а другой изъ Галицкой чети для посада, и потому доклады объ его книгахъ посада и уѣзда были составлены въ этихъ приказахъ и сдѣланы государю порознь.

Мнѣ извѣстенъ другой подобный случай: посадскія книги можайскихъ писцовъ Н. Неплюева и подьячаго Алексѣя Берестова были опорочены, а книги уѣзда утверждены. Въ 134 г. эти писцы были посланы изъ Помѣстнаго приказа въ Можайскій и Верейскій уѣзды, «а изъ Устюжскія четверти тѣмъ же писцамъ данъ наказъ, а велѣно имъ описать и измѣрить въ Можайскѣ посадъ». Дьякъ Устюжской чети докладывалъ государю, что писцы «можаичъ, посадскихъ людей, съ Лужецкимъ монастыремъ въ земляномъ дѣлѣ и въ людяхъ не развели», подлинно не сыскавъ спорнаго дѣла, «хотѣли было тѣ слободки написать и отвесть къ Лужецкому монастырю»; книгъ своихъ, несмотря на неоднократныя напоминанія, писцы долго не представляли въ четь, а когда подали, то оказалось, что книги «писаны не противъ государева наказа»: мѣры посадскимъ дворамъ и землямъ не написано, посадскіе люди не расписаны по слободамъ, оброки съ лавокъ написаны «содного», а не порознь, пустые дворы не описаны и не указано, кто изъ можаичей, куда и когда сбѣжалъ съ тягла, наконецъ, не написано, кто изъ служилыхъ людей, съ какихъ поръ и по какому указу владѣетъ посадскими землями. Устюжская четь заканчивала докладъ вопросомъ: «о тѣхъ книгахъ что государь ..... *(п. т.)* укажетъ, вѣрить ли имъ или не вѣрить?». Государи 19 іюля 135 г. выслушали этотъ докладъ и указали послать новыхъ писцовъ, а описаніе Н. Неплюева отмѣнить. Устюжская четь, давъ отъ себя писцамъ особый наказъ, совершенно независимо отъ Помѣстнаго приказа разсмотрѣла ихъ книги и возбудила передъ государями вопросъ объ ихъ отмѣнѣ. Книги посада были составлены небрежно и не по наказу и отставлены, а уѣздныя книги тѣхъ же писцовъ

---

[1]) Ак. п. д., I, № 260.

одобрены, и ссылки на нихъ часто встрѣчаются въ позднѣйшее время[1]).

Вотъ случай отмѣны правительствомъ по собственному почину сошнаго оклада, положеннаго дозорщиками. Въ 125 г. половину Вологодскаго уѣзда дозрили П. Новосильцевъ и подьячій Ероѳей Рябцовъ. По ихъ дозору сошный окладъ уменьшился разъ въ 6. Бояринъ кн. Гр. П. Ромодановскій съ дьяками, управлявшій Новгородской четью, носилъ докладъ объ этомъ дозорѣ «къ боярамъ ко всѣмъ, и бояре сей выписки слушали и приговорили»: окладъ, положѐнный дозорщиками, отмѣнить, «потому что Петръ Новосильцевъ и подьячій Ероха по своему дозору сбавили много», а подати указали взимать съ трети оклада предшествовавшаго дозора [2]). По этому приговору сошный окладъ увеличился нѣсколько болѣе чѣмъ въ 2 раза, сравнительно съ тѣмъ, который былъ положенъ дозорщиками. Изъ другого источника мы узнаемъ, что такой же указъ былъ примѣненъ и къ дозору посада и другой половины уѣзда, произведенному кн. П. Волконскимъ съ подьячимъ Л. Софоновымъ, — «по государеву указу и по боярскому приговору тѣмъ новымъ дозорщикамъ, Петру Новосильцеву и князю Петру Волконскому, ихъ дозору вѣрити не велѣно, потому что они писали передъ прежними дозорными книгами легко, съ великою убылью, а указалъ государь и бояре приговорили по прежнимъ книгамъ имати въ треть» [3]).

Вотъ случай частичнаго неутвержденія книгъ и уменьшенія оклада, положеннаго писцами, по челобитью населенія. Въ 130 г. изъ Новгородской чети были посланы въ Пермь, Кайгородокъ и къ Соли Камской писцы М. Кайсаровъ съ товарищами. По книгамъ ихъ письма, которыя они положили въ чети 20 сентября 134 г., было: въ Кайгородкѣ — 4 сохи и пол-пол-чети сохи (по старому письму 2 сохи), у Соли Камской — 5 сохъ безъ трети и пол-пол-пол-трети и пол-пол-пол-четь сохи (по старому — 2 сохи), а въ Перми — 12 сохъ и пол-пол-трети и пол-пол-чети сохи (по старому — 8 сохъ) [4]). Такое увеличеніе сошныхъ окладовъ вызвало жалобы населенія, которое добилось

---

[1]) См., напр., Можайскіе акты арх. Діонисія, стран. 163, 165, 248 и др. С.-Пб. 1892. Сотную писцовъ Н. Неплюева и под. А. Берестова 135 г., напечатанную тамъ же за № 12, слѣдуетъ считать, очевидно, недѣйствительной.

[2]) Ак. п. д., I, № 23.

[3]) Тамъ же, № 56.

[4]) Арх. Мин. Ин. дѣлъ, по Новгороду кн. № 15, лл. 426, 438 и 461.

отмѣны писцоваго оклада. Въ приходной книгѣ Новгородской чети 134 г. написано, что въ Кайгородкѣ по новому описанію денежныхъ доходовъ не прибыло, такъ какъ кайгородцы «передъ пермскими городы, передъ чердынцы и передъ усольцы, въ денежныхъ доходахъ по прежнимъ писцовымъ книгамъ были отяжелены, и нынѣ тѣ деньги *(т.-е. старый окладъ налоговъ)* разверстаны на тѣ же старыя и на новоприбылыя сохи противъ чердынскихъ и усольскихъ сохъ, съ сохи по 47 р. 33 ал.» [1]). Иными словами — приказъ попытался, не уменьшая новаго оклада сошнаго письма, съ котораго кайгородцамъ приходилось платить деньги за стрѣлецкій хлѣбъ и возить на Верхотурье сибирскіе хлѣбные запасы, удовлетворить кайгородцевъ частичной льготой, уменьшивъ четвертные платежи. На 134 г. и впредь по государеву указу всякіе доходы съ Перми, Кайгородка и Соли Камской было велѣно брать по новому письму, но пермичи, усольцы и кайгородцы въ 134 и 135 гг. платили попрежнему съ стараго оклада запуская недоимки, а въ 136 г. добились уменьшенія сошныхъ окладовъ. По ихъ челобитью государь указалъ пермичей, усольцевъ и кайгородцевъ «положить въ сошное письмо противъ Каргопольскаго уѣзда, а мелкіе оброки, которые расписаны порознь, велѣно платить по писцовымъ книгамъ Мих. Кайсарова съ товарищами, потому что всякія угодья имали на оброкъ изъ воли». Доимку, накопившуюся за 134—136 гг. по окладамъ новаго письма, государь указалъ сложить. Когда эти города, по докладной выпискѣ за помѣтой дьяка Баима Болтина, были положены въ сошное письмо противъ Каргополя, то оказалось: въ Кайгородкѣ — $2^1/_2$ сохи, у Соли Камской — 2 сохи (т.-е. старый окладъ), а въ Перми — 6 сохъ и пол-трети и пол-пол-полтрети сохи [2]). Результатъ доклада противорѣчитъ тому, что было сказано въ приходной четвертной книгѣ 134 г. По старому письму кайгородцы были «отяжелены» передъ пермичами и соликамцами, а теперь по докладу на нихъ было прибавлено $^1/_2$ сохи, тогда какъ окладъ Соли Камской остался безъ измѣненія, а окладъ пермичей уменьшенъ почти на четвертую часть. Намъ извѣстны наказъ каргопольскимъ писцамъ и нѣкоторыя данныя объ ихъ работѣ [3]), но все это не даетъ

[1]) Тамъ же, л. 470 об.

[2]) Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61, лл. 114, 115, 128—130 и 143. Срав. еще Ак. п. д., II, № 101.

[3]) Ак. п. д., I, №№ 89 и 90. Арх. Мин. Ин. дѣлъ, по Новгороду кн. № 13 в, л. 298, и книга № 15, лл. 791—792.

возможности сказать, почему письмо М. Кайсарова было измѣнено такъ, какъ указано выше. Ясно только, что правительство не находило никакихъ основаній опорочить книги М. Кайсарова и измѣнило его сошный окладъ, уступая челобитью тяглыхъ людей, но въ остальномъ, въ частности въ оброкахъ, утвердило новыя книги.

Вотъ случай опороченья книгъ и передѣлки ихъ заново. Въ 136—137 гг. Алексинскій уѣздъ описывали П. Софоновъ и подьячій Григорій Никифоровъ. Въ 143 г., 25 января, Помѣстный приказъ отвѣчалъ приказу Холопья Суда, просившему выписки изъ этихъ книгъ, что писцы положили свои книги въ Помѣстномъ приказѣ, «и тѣ книги смотрѣны, и въ тѣхъ книгахъ многія статьи съ крестьяны переправливаны, и во многихъ статьяхъ не противъ государева указа написано. И тѣ книги запечатаны, а изъ нихъ никакихъ дѣлъ не выписываютъ, потому что тѣ книги довелось передѣлать изнова»[1]). Въ 148 г. эти книги были уже исправлены, и ими пользовались для дѣлъ[2]).

Есть указаніе на то, что цѣлый рядъ дозоровъ 126—128 гг. не получилъ утвержденія. Въ грамотѣ 129 г. на Бѣлоозеро о ямскихъ деньгахъ было сказано: «а которые дозоры въ прошломъ во 126 и въ 127 и въ 128 году были, и тѣмъ дозорамъ вѣрить не велѣно»[3]). Такъ какъ намъ извѣстны дозоры этого времени, которые, несомнѣнно, не были отмѣнены, то это показаніе слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что были отставлены многіе дозоры, а не всѣ. Какъ разъ были отмѣнены два дозора Бѣлозерскаго уѣзда — дозоръ 126—127 гг. (не всего уѣзда) Сем. Юренева и подьячаго Вас. Прокофьева и валовой дозоръ 128—129 гг. Ратмана Тарбѣева и подьячаго Алексѣя Корноухова[4]). Навѣрное, былъ отмѣненъ дозоръ 128 г. Бѣжецкой пятины Ив. Стараго-Милюкова и под. Томилы Родіонова[5]).

Приведенные мною случаи показываютъ, что отмѣна, полная или частичная, писцовыхъ книгъ и измѣненія сошныхъ окладовъ, положенныхъ писцами и дозорщиками, вовсе не были рѣдкимъ исключеніемъ. Въ однихъ случаяхъ правительство отмѣняло или измѣняло

---

[1]) С. А. Шумаковъ, Сотницы и т. д., IV в., стран. 39. М. 1908.

[2]) Того же автора, Сотницы, VI в., стран. 37. М. 1911 г.

[3]) А. А. Э., III, № 116.

[4]) Сошное письмо, I, стран. 220—221. Дозоръ С. Юренева сначала не былъ отвергнутъ. Ср. Ак. п. д., I, № 86.

[5]) Тамъ же, № 135. Дополнительныя свѣдѣнья объ отставленныхъ описаніяхъ и дозорахъ см. въ VI приложеніи.

работу писцовъ по своему почину, въ другихъ — по челобитью населенія, а въ общемъ обращалось съ работой писцовъ какъ съ матеріаломъ для рѣшенія соотвѣтствующихъ вопросовъ, а не какъ съ готовымъ рѣшеніемъ ихъ. Возможно, что въ XVI вѣкѣ приказы давали писцамъ больше самостоятельности и больше довѣряли имъ, но въ XVII-мъ они стремятся подойти ближе къ населенію и ограничить усмотрѣніе писцовъ, замѣняя его частью собственнымъ усмотрѣніемъ, частью же общими нормами.

Уже изъ предшествовавшаго изложенія видно, что при научной обработкѣ писцовыхъ книгъ слѣдуетъ обращать вниманіе на то, въ какой стадіи изготовленія писцовыхъ книгъ состоялся государевъ указъ о нихъ, но для большей ясности я сообщу по этому вопросу нѣсколько подробностей.

Иногда государь слушалъ доклада о новомъ описаніи, въ цѣломъ или объ отдѣльныхъ вопросахъ его, по перечневой росписи, поданной писцами, и давалъ свой указъ; тогда писцы заносили государевъ указъ въ свои книги и додѣлывали ихъ согласно его. Такъ, нижегородскіе писцы, посланные въ 128 г., подали свои книги въ чети 20 октября 137 г.[1]). До этого, въ 135 г., они, встрѣтивъ затрудненіе при положеніи въ сошное письмо посада, представили государю докладъ, а когда на этотъ докладъ государь далъ свой указъ, то они примѣнили его и записали въ своихъ книгахъ[2]). Общее утвержденіе ихъ описанія посада и уѣзда состоялось въ началѣ 136 г.[3]), т.-е. до подачи книгъ въ четь, а грамота изъ чети въ Нижній къ воеводѣ и дьяку о взиманіи всякихъ податей по новому письму пришла 15 декабря 136 г.[4]). Такимъ образомъ, зимой и лѣтомъ 136 г. писцы додѣлывали свои книги сообразно съ тѣми указами, которые имъ были даны. Въ частности, для этихъ нижегородскихъ книгъ и для арзамасскихъ книгъ 128—136 гг. дѣло этимъ не кончилось. Въ другомъ мѣстѣ[5]) у меня разсказано, что въ 140 г., по челобитью нижегородцевъ и арзамасцевъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, государи измѣнили свой первоначальный указъ о дворовой чети, примѣненный этими писцами, и указали положить

---

[1]) Р. И. Б., XVII, стран. 1.

[2]) Тамъ же, стран. 191—193.

[3]) См. смѣту Новгородской чети 136 г. Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61, лл. 64 и 70.

[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Нижнему кн. № 16, I часть, лл. 473 об. и 487 об.

[5]) Ниже, въ главѣ о дворовой чети.

крестьянскіе и бобыльскіе дворы въ Нижегородскомъ и Арзамасскомъ уѣздахъ противъ Курмыша и Алатыря, т.-е. приблизительно вдвое легче, чѣмъ эти уѣзды были положены писцами 128—136 гг. Помѣстный приказъ, чтобы упростить дѣло, не сталъ передѣлывать писцовыхъ книгъ, а уменьшилъ, не придерживаясь точно указа, сошные оклады помѣстій и вотчинъ вдвое. Изготовивъ такимъ образомъ новыя платежницы, онъ послалъ ихъ въ Арзамасъ и въ Нижній въ 142 г.[1]). Поэтому дошедшія до насъ въ спискѣ арзамасскія писцовыя книги 129—136 гг.[2]) даютъ представленіе о томъ, какъ работали писцы по тѣмъ указамъ, которые имъ были даны до и во время описанія, а не о томъ положеніи дѣла, которое установилось окончательно послѣ указа 140 года.

Мнѣ встрѣтился одинъ случай, когда государевъ указъ о новомъ сошномъ окладѣ состоялся послѣ сдачи книгъ писцами и былъ записанъ въ этихъ книгахъ приказомъ. На подлинныхъ дозорныхъ книгахъ посада Романова въ Посольскомъ приказѣ было отмѣчено: «129-го апрѣля въ 13 день подали книги Алексѣй Шапиловъ да подьячій Арефа Башмаковъ», т.-е. сами дозорщики. На послѣднемъ листѣ книгъ, окончаніе которыхъ утрачено, написано, что 11 іюля 129 г. государь и патріархъ слушали челобитья романовцевъ и указали....[3]). Изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что окончательный указъ по этимъ книгамъ состоялся въ 131 г., и, несомнѣнно, что именно въ Посольскомъ приказѣ была сдѣлана указанная приписка, которая содержала дѣло объ уменьшеніи оклада сошнаго письма, части котораго напечатаны въ Актахъ писцоваго дѣла[4]).

Обыкновенно приказы не дѣлали такихъ приписокъ, и это обстоятельство дѣлаетъ изученіе и статистическую обработку той или иной книги, безъ изслѣдованія ея происхожденія и, въ частности, государева указа о ней, задачей подчасъ весьма рискованной.

Въ заключеніе этой главы слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о выдачѣ населенію сотныхъ грамотъ и выписей изъ писцовыхъ книгъ.

---

[1]) Эти платежницы сохранились въ Арх. М. Ю., и предисловіе изъ нихъ напечатано за № 113 въ II томѣ Ак. п. дѣла.

[2]) Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 7040 и 7041.

[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Романову кн. № 1а.

[4]) Ак. п. д., I, №№ 107—111.

Очень во многихъ наказахъ мы встрѣчаемъ запрещеніе писцамъ давать сотныя, пока ихъ книги не будутъ утверждены, а нѣкоторые наказы совсѣмъ запрещаютъ выдачу сотныхъ. Такъ, въ каргопольскомъ наказѣ 127 г. сказано: «а сотныхъ грамотъ безъ государева указа посадскимъ и волостнымъ людямъ не давати, а дадутъ имъ сотныя грамоты съ дозорныхъ книгъ на Москвѣ изъ Новгородскія четверти въ тѣ поры, какъ государь укажетъ имати свои государевы доходы по повому дозору»[1]). Въ новгородскомъ наказѣ 130 г. и въ псковскомъ 131 г. сказано такъ: «а сотныхъ грамотъ и выписей съ тѣхъ своихъ книгъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ до государева . . . . *(п. т.)* указа никому не давати, до тѣхъ мѣстъ, покамѣста положатъ книги и перечни отдадутъ совсѣмъ, что-бъ въ томъ впередъ спора не было»[2]). Въ устюжскомъ наказѣ 131 г. послѣ такихъ же словъ прибавлено: «а учнутъ сотныя давать на Москвѣ за приписью дьяка Михаила Смывалова»[3]).

Послѣ того, что было сказано выше объ утвержденіи книгъ правительствомъ, причина этихъ предписаній ясна. Укажу въ дополненіе къ этому одинъ характерный случай. Въ 133 г. чарондцы били челомъ въ Устюжской чети о выдачѣ имъ сотной съ новыхъ книгъ А. Зубова. Дьякъ чети помѣтилъ на ихъ челобитной: «какъ книги писцовы на мѣрѣ станутъ, и имъ дать сотная грамота съ писцовыхъ книгъ Алексѣя Зубова»[4]).

Быть можетъ, иногда правительство, довѣряя писцамъ, разрѣшало имъ выдавать сотныя и выписи самостоятельно, но обыкновенно въ XVII вѣкѣ населеніе получало ихъ или изъ приказа или отъ писцовъ, но по распоряженію приказа, и во всякомъ случаѣ уже послѣ того, какъ описаніе, по перечнямъ или по книгамъ, было утверждено государемъ.

---

[1]) Ак. п. д., I, № 89 (стран. 140). То же въ арзамасскомъ наказѣ 128 г. Тамъ же, № 96.

[2]) Тамъ же, №№ 104 и 120.

[3]) Тамъ же, № 115.

[4]) Тамъ же, № 144.

XII. Обзоръ описательныхъ работъ конца XVI-го вѣка и за XVII-й вѣкъ.

Описанія и дозоры конца XVI вѣка. Литературныя мнѣнія по вопросу о значеніи ихъ въ исторіи крѣпостного права. Ходъ описаній въ Поморьѣ и въ дворцовыхъ владѣніяхъ. Сыскъ и свозъ бѣглыхъ государевыхъ тяглецовъ при царяхъ Ѳедорѣ и Борисѣ. Ходъ описаній частновладѣльческихъ земель. — Дозоры первыхъ лѣтъ послѣ Смуты. Многочисленность общихъ и «особныхъ» дозоровъ. Поспѣшность и неудовлетворительность ихъ. Разстройство сошнаго письма, вызванное ими и другими обстоятельствами.— Обновленіе Земли новыми писцами и дозорщиками послѣ наступленія въ 1619 г. мира. Прекращеніе чрезвычайныхъ сборовъ, пониженіе окладовъ постоянныхъ налоговъ и многочисленныя частныя льготы. Описательныя работы Владимирской, Галицкой, Устюжской и Новгородской четей. — Дозоры и описанія частновладѣльческихъ земель. Неудача дозоровъ 128—129 гг. Сосредоточеніе писцоваго дѣла въ Помѣстномъ приказѣ. Ходъ описаній и изготовленіе по нимъ платежницъ. Медленность описаній, перерывъ ихъ изъ-за Смоленской войны и завершеніе послѣ войны. Значеніе этихъ описаній въ исторіи посошнаго обложенія. — Описанія середины и третьей четверти XVII вѣка. Перепись 154—155 гг. и отношеніе ея къ описаніямъ. — Описательныя работы послѣдней четверти вѣка. Перепись 186 г. и ея значеніе въ исторіи посошнаго обложенія. Описанія, предпринятыя въ 182 г. Большимъ Дворцомъ. Описанія Новгородской и Устюжской четей и ихъ неудача. Описанія Помѣстнаго приказа. Частныя и общія причины неудачи описаній 70—80-хъ годовъ.

Цѣль настоящей главы дать обзоръ описательныхъ работъ Московскаго государства съ той полнотой и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это необходимо для исторіи сошнаго письма. Необходимо, прежде всего, установить и подчеркнуть тотъ фактъ, что описанія и дозоры производились разновременно и почти не прерывались, что были годы, когда правительство предпринимало и вело сразу большое количество описаній, но что до переписи 154—155 гг., которая преслѣдовала другія цѣли и не имѣетъ прямого отношенія къ сошному письму, не было одновременныхъ описаній всего государства. Затѣмъ необходимо разсмотрѣть главные моменты въ исторіи описаній: описанія конца XVI в., послѣсмутные дозоры, ходъ описательныхъ работъ со 127 г., когда наступилъ миръ, и по Смоленскую войну, когда онѣ

были прерваны, описанія середины XVII в. и отношеніе къ нимъ переписи 154—155 гг. и, наконецъ, описанія второй половины XVII в. и перепись 186 г.

Вопросъ объ описаніяхъ конца XVI в. важно выяснить еще потому, что многіе изслѣдователи приписываютъ имъ неправильное, какъ мнѣ кажется, значеніе въ исторіи прикрѣпленья крестьянъ и вообще тяглыхъ людей.

Неясности и недоразумѣнія по этому вопросу начались еще съ В. Н. Татищева. В. Н. Татищевъ, передавая своими словами указъ 9 марта 115 г., говоритъ, что царь Өедоръ по наговору Бориса Годунова, не послушавшись совѣта бояръ, «выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ»; отъ этого начались ссоры и тяжбы, и царь Борисъ, «видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги о(т)ставилъ и переходъ крестьянамъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, како по тому суды вершити». Это вызвало еще бо́льшія распри, разоренья и убійства, для устраненія которыхъ и былъ изданъ указъ 9 марта 115 г. Этотъ указъ запретилъ давать судъ о крестьянствѣ за 15 лѣтъ и, по словамъ В. Н. Татищева, установилъ: «которые крестьяне отъ сего числа передъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 года положены, и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны»[1]). Въ этомъ сообщеніи В. Н. Татищева нѣсколько неясностей. Сначала онъ говоритъ вообще о книгахъ царя Өедора, составленныхъ, будто бы, нарочно для переписи и прикрѣпленія крестьянъ, а ниже говоритъ опредѣленно о книгахъ 101 года. Во-вторыхъ, неясно, какъ слѣдуетъ понимать, что царь Борисъ «отставилъ» эти книги царя Өедора. Дѣло въ томъ, что въ источникахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній на то, что книги царя Өедора были отмѣнены въ вопросахъ тягла. Такимъ образомъ, сообщеніе В. Н. Татищева приходится понимать въ томъ смыслѣ, что царь Борисъ лишилъ эти книги значенья *основанія* крѣпости тяглу, которое имъ было придано указомъ царя Өедора, и оставилъ за ними, быть можетъ, только значенье *средства* доказательства, въ извѣстныхъ случаяхъ, тягловой крѣпости. Указъ 115 года, будто бы, возстановилъ первое значеніе книгъ 101 г., ограничивъ его 15-лѣтней исковой давностью.

---

[1]) Судебникъ государя царя Іоанна Васильевича и т. д., стран. 134—135. М. 1768 г.

М. М. Сперанскій по поводу указа 1597 г. говоритъ опредѣленно, что «къ установленію сего срока *(5-лѣтней давности)* принято было то основаніемъ, что въ 1593 г. учреждены были переписныя книги»[1]).

Эти ошибки и неясности едва ли можно считать устраненными вполнѣ и въ послѣдующей литературѣ, и мнѣ кажется, что вопросъ о значеніи писцовыхъ книгъ въ исторіи прикрѣпленья тяглыхъ людей нуждается въ пересмотрѣ и въ болѣе пристальномъ изслѣдованіи. Слѣдуетъ перестать называть вольное, а въ нѣкоторыхъ частяхъ совершенно произвольное, сообщеніе В. Н. Татищева указомъ и подвергнуть его основательной критикѣ. Между тѣмъ въ литературѣ замѣтны колебанія между довѣріемъ къ сообщенію В. Н. Татищева, съ одной стороны, и противорѣчащими ему фактами, съ другой.

В. О. Ключевскій говоритъ: «Указъ 1607 г., устанавливая 15-лѣтнюю давность для исковъ о бѣглыхъ, прямо принимаетъ за основаніе для рѣшенія такихъ дѣлъ писцовыя книги 1592—3-го (7101 сентябрьскаго) года. Надобно думать, что въ этомъ году закончено было составленіе писцовыхъ книгъ если не по всѣмъ уѣздамъ государства, то по большей ихъ части, хотя по уцѣлѣвшимъ остаткамъ поземельныхъ описей XVI в. трудно провѣрить такое предположеніе»[2]). Гораздо опредѣленнѣе говоритъ С. Ѳ. Платоновъ: «Предпринявъ общую „перепись 7101 года“, какъ ее обыкновенно принято называть, правительство записывало въ книгахъ крестьянъ за владѣльцами и затѣмъ сдѣлало писцовую книгу своего рода крѣпостнымъ актомъ, которымъ землевладѣлецъ могъ доказывать свое право на записаннаго въ книгу крестьянина»[3]). М. А. Дьяконовъ, въ послѣднемъ изданіи своихъ Очерковъ общественнаго и государственнаго строя Древней Руси, тоже придаетъ большое значеніе описаніямъ конца XVI в., но не утверждаетъ, что въ 101 г. было произведено общее описаніе. Указъ 24 ноября 1597 г., говоритъ онъ, упорядочилъ дѣло предъявленія

---

[1]) Цитировано по М. А. Дьяконову, Очерки общественнаго и государственнаго строя Древней Руси, 4-е изд., стран. 316. С.-Пб. 1912 г. «Переписныя» книги, конечно, неточность, которой слѣдуетъ избѣгать; первая перепись была произведена только въ 1646 г. Замѣчу, что приказные, на дѣлѣ и въ терминологіи своихъ актовъ, не смѣшивали переписей съ дозорами и описаніями.

[2]) В. О. Ключевскій, Опыты и изслѣдованія, I т., стран. 261. М. 1912 г.

[3]) Очерки по исторіи Смуты, 3-е изд., стран. 168. С.-Пб. 1910 г.

исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ и опирался «на составленныя въ 1590—93 гг. по многимъ уѣздамъ писцовыя книги, которыя и были положены въ основу рѣшенія споровъ о бѣглыхъ крестьянахъ». «Такое значеніе упомянутыхъ писцовыхъ книгъ подтверждается указомъ 1607 г., въ которомъ сказано: ,,которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 года положены, и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны''. Вслѣдствіе этого по указу 1597 г. назначенъ пятилѣтній срокъ для предъявленія исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, а въ 1607 г. 15-лѣтній»[1]).

Изслѣдованіе хода описаній даетъ основаніе говорить, что В. Н. Татищевъ не только передалъ указъ своими словами, но кое-что присочинилъ и отъ себя, пытаясь истолковать самый указъ[2]).

Прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, напомню, что было сказано выше объ утвержденіи книгъ, и сдѣлаю замѣчаніе о приказной датировкѣ книгъ. Я говорилъ выше, что для примѣненія на дѣлѣ всякой книги было необходимо утвержденіе ея государемъ или приказомъ, и что это утвержденіе происходило иногда много лѣтъ спустя послѣ окончанія работы писцовъ на мѣстахъ. Между тѣмъ, писцовыя и дозорныя книги обыкновенно обозначаются годомъ или годами начала описанія, а не окончательнаго утвержденія ихъ. Напр., писцы Нижняго Дм. Лодыгинъ съ товарищами начали работать въ концѣ 128 г., описаніе ихъ было утверждено въ 136 г., и послѣ этого они додѣлывали книги и въ октябрѣ 137 г. сдали описаніе посада въ Новгородскую четь. Между тѣмъ, ихъ описаніе обыкновенно называется книгами 129—130 годовъ. Устюжскіе писцы Н. Вышеславцевъ и подьячій Аг. Өедоровъ начали работать весной 131 г., а книги ихъ были утверждены въ концѣ 137 г. Между тѣмъ, ихъ описаніе называется въ источникахъ либо книгами 131 года, либо 131—134 годовъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести очень много. Такимъ образомъ, приказная датировка книгъ говоритъ о времени начала описанія, а не о годахъ,

---

[1]) Очерки и т. д., 4-е изд., стран. 332. Въ «Очеркахъ изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ» (стран. 31) М. А. Дьяконовъ говоритъ о книгахъ «7095—7102 годовъ», но тоже ставитъ въ связь сроки — 5-лѣтній по указу 1597 г. и 15-лѣтній по указу 1607 г. — съ книгами 101 года.

[2]) Не перенесъ ли В. Н. Татищевъ, въ данномъ случаѣ, идею общей переписи, съ цѣлью сдѣлать книги основаніемъ крѣпости, изъ болѣе поздняго времени, именно изъ переписей 154—155 и 186 годовъ, которыя ему были, конечно, лучше знакомы, чѣмъ описанія конца XVI вѣка?

которые оно длилось, и не о времени ихъ примѣненія къ дѣлу. Для дозоровъ, которые вообще производились быстро, это не имѣетъ большого значенья, но для описаній, въ особенности большихъ уѣздовъ, длившихся 3—4 и болѣе лѣтъ, этого обстоятельства не слѣдуетъ упускать изъ вида.

Относительно Поморскихъ городовъ и въ данномъ вопросѣ мы имѣемъ весьма полныя свѣдѣнья. Общій дозоръ Вятки произвели въ 98 г. Богданъ Григорьевъ и подьячій Савва Григорьевъ, а послѣ нихъ хлыновскій городовой приказчикъ Ѳ. Рязанцовъ произвелъ въ 104 г. частичный дозоръ — въ волости Вобловичахъ[1]). Вымь Яренскую въ 94 г. описали Ив. Гр. Огаревъ и подьячій Фил. Юрьевъ, а въ 116 г. дозрили Вас. Ларіоновъ и подьячій Андрей Гороховъ. Двинскую землю начали описывать въ 95 г. кн. Вас. Андр. Звенигородскій и подьячій Рахманинъ Вороновъ, а послѣ смерти перваго описаніе было окончено въ 98 г. кн. Б. Ив. Мезецкимъ съ тѣмъ же подьячимъ. Въ 119 г. въ Матигорской волости упоминаются писцы А. Загряжскій и под. М. Любучениновъ, но неизвѣстно, были ли это валовые писцы[2]). Въ Каргополѣ и Турчасовѣ, послѣ описаній 61—64 гг. Як. Ив. Сабурова съ товарищами и 70 г. Никиты Яхонтова съ товарищами, упоминаются книги 82 г. Аргуна Бориса Иванова Беклемишева, а на дозоры или описанія конца вѣка и Смутнаго времени указаній нѣтъ. Кольскій острогъ въ 82 г. описали Вас. Агалинъ и подьячій Ст. Ѳедоровъ, и по этому описанію коляне платили въ XVII вѣкѣ, такъ какъ дозоръ 116, 117 и 119 годовъ Алая Ив. Михалкова и дьяка Вас. Мартемьянова былъ отмѣненъ. Въ Перми Ив. Игн. Яхонтовъ и подьячій Третьякъ Карповъ описали въ 87 г. Чердынь, Соль Камскую и вотчины Строгановыхъ, а Кайгородокъ въ 93—94 гг. описали вымскіе писцы Ив. Огаревъ и Ф. Юрьевъ. Послѣ этого въ 117 г. Соль Камскую и Кайгородокъ дозрили дьякъ Сарычъ Шестаковъ и подьячій Второй Ильинъ. Въ Пустоозерскомъ острогѣ при царѣ Иванѣ были писцы Акимъ Ивановъ и Никита Истоминъ, а въ 82 г. писали и дозирали Вас. Агалинъ и подьячій Ст. Ѳе-

---

[1]) Всѣ относящіеся сюда источники см. въ VII приложеніи, гдѣ данъ списокъ дозоровъ и описаній съ конца XVI вѣка.

[2]) Въ Двинской лѣтописи сказано неопредѣленно: «Былъ на Двинѣ писецъ Алексѣй Ѳедоровъ сынъ Загряжскій да съ нимъ подьячій Меркурій Любучениновъ». Двинская лѣтопись, стран. 13. Изд. А. Титова. М. 1889 г.

доровъ. Послѣ этого въ Пустоозерскѣ ни въ XVI-мъ, ни въ XVII вѣкахъ писцовъ не было. У Соли Вычегодской въ 65 и 73 годахъ работалъ «Устюжскія земли писецъ» Юрій Самсоновъ, а въ одной грамотѣ 76 г. упоминаются тоже устюжскіе писцы кн. Ив. Вас. Гундоровъ и Гавр. Вас. Сиверицинъ. Послѣ этихъ описаній упоминается писецъ Алексинскаго стана кн. Ив. Вадбольскій, а валовое описаніе произвели въ 94—97 гг. писцы Аѳан. Ив. Вельяминовъ и дьякъ Ив. Григорьевъ. Послѣ этого уѣздъ въ 118 г. дозрили Ив. Сабуровъ и подьячій Ив. Болотниковъ, а посадъ нѣсколько позже дозрилъ кн. Гр. Гагаринъ. Устюжскіе писцы 65, 73 и 76 гг. упомянуты выше. Нововышлый Сухонскій станъ и Черевковскую волость въ 73 г. описали устьянскіе писцы Ив. Невѣжинъ и подьячій П. Аѳанасьевъ, а валовое описаніе съ 93 г. производили Мина Сем. Нестеровъ и подьячіе Вас. Павловъ и Влад. Ивановъ. Указаній или намековъ на послѣдующія описанія мнѣ не встрѣчалось. На Тотьмѣ, послѣ большого мора 91 г., Пятой Рудинъ дозрилъ, по челобитью крестьянъ, двѣ волости — Молскую и Стрѣлинскую, а валовое описаніе произвели въ 96 г. Мих. Пушкинъ и подьячій Петръ Аѳанасьевъ. Валовое описаніе Устьянскихъ волостей произвели въ 73 г. Ив. Петр. Невѣжинъ и подьячій П. Аѳанасьевъ, и по этому описанію устьянцы платили до 155 г. Относительно Ваги и Чаронды у меня свѣдѣній нѣтъ.

Такимъ образомъ, ходъ валовыхъ описаній и дозоровъ въ Поморьѣ представляется въ такомъ видѣ: въ 73 г. были описаны Устьянскія волости, въ 82 г. — Каргополь съ Турчасовомъ и Кольскій и Пустоозерскій остроги, въ 87 г. — Чердынь, Соль Камская и вотчины Строгановыхъ, а въ 93—98 гг. — большинство остальныхъ городовъ. Послѣ этого при царѣ Василіѣ и во время междуцарствія были произведены валовые дозоры въ 4—5 городахъ.

Относительно дворцовыхъ владѣній мы имѣемъ очень цѣнное указаніе въ сотной грамотѣ 26 января 95 года села Краснаго, Владимирскаго уѣзда, съ писцовыхъ книгъ кн. Дм. Борятинскаго 93 г. Въ этой сотной сказано, что царь Ѳедоръ «перечневыхъ списковъ всѣхъ двор(цовыхъ) селъ слушалъ» и указалъ $^2/_3$ пустоты, «что убыло по новому письму», сложить, а $^1/_3$ разложить на живущія выти всѣхъ дворцовыхъ волостей [1]). Изъ этого видно, что приблизительно въ 94 г.

---

[1]) Ак. п. д., I, № 1.

было закончено новое описаніе дворцовыхъ владѣній. Указанія источниковъ подтверждаютъ, что къ этому времени были, дѣйствительно, готовы книги дворцовыхъ владѣній во многихъ городахъ, но опровергаютъ описаніе *всѣхъ* владѣній. Напр., дворцовыя села Арзамасскаго уѣзда были описаны только въ 98 г. кн. Өедоромъ Болховскимъ съ товарищами. Дворцовыя, бортныя и оброчныя села Нижегородскаго уѣзда дозрили въ 96 году Вас. Өед. Борисовъ и подьячій Третьякъ Аврамовъ. Возможно, что это были рѣдкія исключенія, а возможно и то, что это были вторичныя описанія, вызванныя какими-либо особыми обстоятельствами или произведенныя взамѣнъ отвергнутыхъ. Такіе повторные дозоры мы наблюдаемъ въ Вологодскомъ уѣздѣ: въ 92—93 гг. дворцовыя и черныя села описали Никифоръ Васильевичъ Траханіотовъ съ дьякомъ Дан. Граворономъ и Ив. Өедоровымъ и кн. Аө. Вяземскій съ подьячимъ Григ. Васильевымъ, а въ 97 г. дозирали Верига Өедоровичъ Сабуровъ съ подьячимъ Фил. Митрофановымъ и кн. Өедоръ Тюфякинъ. Около 99 г. часть владѣній, а можетъ быть и всѣ, была дозрена въ третій разъ.

На основаніи этого я считаю возможнымъ сказать, что главное описаніе дворцовыхъ владѣній, начатое около 92 г., а мѣстами, можетъ быть, и раньше, было закончено лѣтъ за пять до 101 года. Послѣ этого мѣстами были произведены повторныя описанія, а можетъ быть и запоздалыя новыя, но общаго описанія 100—102 годовъ, несомнѣнно, не было.

Итакъ, установить связь между описаніями черносошныхъ городовъ и дворцовыхъ владѣній и указами 1597 и 1607 годовъ нѣтъ возможности. То же слѣдуетъ сказать и относительно посадовъ: нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній на то, чтобы въ 100—102 гг. было произведено общее или хотя бы массовое описаніе посадовъ. Равнымъ образомъ нѣтъ основаній говорить, что описанія 92-го и послѣдующихъ годовъ были предприняты съ цѣлью переписать и прикрѣпить къ тяглу государственныхъ тяглыхъ людей.

Въ исторіи прикрѣпленья этихъ людей къ тяглу гораздо важнѣе другой фактъ, не отмѣченный, какъ мнѣ кажется, въ литературѣ, именно то, что при царяхъ Өедорѣ и Борисѣ были произведены въ большихъ размѣрахъ сыскъ и свозъ бѣглыхъ дворцовыхъ крестьянъ и посадскихъ людей. Такъ, при царѣ Өедорѣ Матвѣй Проѣстевъ и подьячій Яковъ Демидовъ строили посадъ

Калуги[1]). Валовые писцы посада и уѣзда Твери, 96—97 годовъ, кн. Мерк. Александр. Щербатой, дьякъ Алф. Григорьевъ и подьячій Тархъ Антоновъ, одновременно съ описаніемъ, свозили изъ Новоторжскаго уѣзда бѣглыхъ тяглецовъ и строили посадъ [2]). Въ 102—103 гг. посадъ Болхова строили и свозили бѣглыхъ тяглецовъ Мих. Кульневъ и подьячіе Жданъ Зиновьевъ и Суббота Ананскій[3]). Въ 103—104 гг. Мих. Протопоповъ съ Суб. Ананскимъ строилъ Коломну[4]). Въ 104 г. былъ «присланъ въ Арзамасъ Парѳенъ Нефимоновъ, а велѣно ему сыскивати государевыхъ . . . арзамасскихъ дворцовыхъ селъ бѣглыхъ крестьянъ и вывозить въ государевы . . . . дворцовыя села»[5]). Въ 108 г. черную слободу въ Переяславлѣ Рязанскомъ строили Григ. Овцынъ и подьячій Алексѣй Малаховъ. Въ челобитной 126 г. чернослободцы писали, что стройщикамъ было велѣно брать въ тягло дворниковъ съ дворовъ «княженецкихъ, и боярскихъ, и дѣтей боярскихъ и съ монастырскихъ дворовъ» и «ссадить слобода вмѣстѣ». Стройщики собрали такихъ дворниковъ 307 человѣкъ и приписали къ нимъ сверхъ того 60 человѣкъ изъ пушкарей, затинщиковъ, казенныхъ сторожей, ворóтниковъ и разсыльщиковъ[6]). Тѣ же стройщики, вѣроятно тогда же, строили черную слободу въ Зарайскѣ и писали въ нее захребетниковъ, пушкарей, затинщиковъ и ворóтниковъ[7]).

Приведенные случаи не даютъ еще, конечно, основанія говорить съ увѣренностью о томъ, что въ эти годы сыскъ и свозъ бѣглыхъ тяглецовъ былъ произведенъ по всему государству, но едва ли могутъ быть признаны и исключительной, мѣстной мѣрой. Я думаю, что списокъ подобныхъ свозовъ и строеній будетъ современемъ значительно увеличенъ. Во всякомъ же случаѣ, на основаніи приведенныхъ случаевъ можно утверждать, что массовыя облавы на захребетниковъ и бѣглыхъ тяглецовъ ведутъ свое начало съ царствованія Ѳедора Ивановича. Важно отмѣтить еще то, что эти облавы были производимы,

---

[1]) Ак. п. д., I, № 3. Въ подлинникѣ ясно написано: «въ 112-мъ году». Ошибка въ годѣ вѣроятнѣе, чѣмъ въ имени царя.

[2]) Дворц. Арх., 32 оп., 129 г. № 208.

[3]) Тотъ же архивъ, 25 оп., 136 г. № 65, л. 212.

[4]) Арх. Мин. Ю., Писц. кн. № 201, лл. 169 об.—170 об.

[5]) Арзамасскіе помѣстные акты, изд. подъ ред. С. Веселовскаго, № 112. М. 1915 г.

[6]) Ак. п. д., I, № 59.

[7]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 59.

какъ и позже — въ XVII вѣкѣ, особыми лицами, т.-е. независимо отъ описаній.

Послѣ этого отступленія разсмотримъ описанія частновладѣльческихъ земель. Не предпринимая очень кропотливаго и едва ли вполнѣ возможнаго, по состоянію источниковъ, изслѣдованія всѣхъ дозоровъ и описаній, я покажу, что описанія однихъ уѣздовъ были закончены за нѣсколько лѣтъ до 100 г., а описанія ряда другихъ были предприняты нѣсколькими годами послѣ этого года.

Арзамасскій уѣздъ, повидимому весь, въ 69—71 гг. описали нижегородскіе писцы Григ. Никитичъ Сукинъ съ товарищами. Въ 82—83 гг. уѣздъ описали Никита Яхонтовъ и Матв. Могутовъ съ товарищами, а въ 92—93 гг. посадъ и уѣздъ описали валовые писцы Игн. Зубовъ и подьячіе Безсонъ Пахиревъ и Рахманинъ Вороновъ. Неизвѣстно точно, когда окончили работать послѣдніе писцы, но несомнѣнно, что не позже 95 г., такъ какъ въ этомъ году Рахм. Вороновъ былъ посланъ писцомъ на Двину, а порозжія земли въ уѣздѣ раздавалъ служилымъ людямъ Никифоръ Чепчуговъ, что означаетъ, что писцовъ уже не было [1]). Послѣ описанія И. Зубова первый общій дозоръ былъ произведенъ въ 121 г., при боярахъ, Ѳед. Дементьевымъ и Петромъ Копнинымъ.

Общее описаніе Нижегородскаго уѣзда было произведено, повидимому, въ 68—69 гг. О писцахъ Гр. Сукинѣ съ товарищами я уже упоминалъ, а другіе писцы этихъ лѣтъ указаны П. Н. Милюковымъ [2]). Послѣ этого въ 79, 80 и 82 гг. упоминается дозоръ одного Березопольскаго стана, кн. Сем. Жижемскаго и подьячаго Степ. Коровина. Въ 84 г. тотъ же станъ дозрили Пятой Тумскій и подьячій Семейка Панкратьевъ. Оба дозора, судя по сохранившимся изъ нихъ выписямъ, были вызваны разореньемъ отъ «черемисской войны». Валовой дозоръ всего уѣзда произвели въ 96 г. Вас. Борисовъ и подьячій Третьякъ Аврамовъ, а послѣ нихъ слѣдующій общій дозоръ былъ произведенъ при боярахъ въ 121 г. Силой Никитичемъ Грековымъ и подьячимъ Клем. Козодавлевымъ.

На Бѣлоозерѣ езовыя волости описали въ 93 г. Андр. Еф. Салтыковъ съ товарищами, а черныя кн. Ѳедоръ Жировой-Засѣкинъ. Мо-

---

1) Арзамасскіе помѣстные акты, см. по указателю.

2) Спорные вопросы и т. д., стран. 164—165.

настырскія вотчины были дозрены, кажется, раньше, именно въ 89 г. кн. Сем. Дан. Жижемскимъ, Елиз. Григ. Старово и подьячимъ Тишиной Васильевымъ. Послѣ этого весь уѣздъ или, во всякомъ случаѣ, значительную часть его дозрили въ 95 г. Ив. Алексѣевичъ Шетневъ и подьячій Жданъ Софоновъ, книги которыхъ были даны для приправки дозорщикамъ 128 г. Послѣдующіе дозоры и описанія: дозоръ 102 г. Троицкихъ вотчинъ, описаніе ямскихъ дворовъ на Словинскомъ волочкѣ 106 г. и опись вотчинъ Кириллова монастыря 109 г., не имѣютъ ничего общаго съ валовыми описаніями.

Псковъ съ пригородами въ 93—95 гг. описали Григ. Ив. Мещаниновъ-Морозовъ и Ив. Вас. Дровнинъ съ товарищами. Указаній на послѣдующія описанія уѣзда нѣтъ, а относительно посада Пскова есть опредѣленное указаніе, что до 127 г. онъ долженъ былъ платить по письму Гр. Морозова [1]).

Тульскій уѣздъ въ 96—97 гг. описали Ив. Жеребцовъ и дьякъ Ив. Мѣшаевъ, которымъ для приправки были даны книги 93 г. Конст. Наумова. Впервые послѣ описанія 96—97 гг. Тула была дозрена въ 122 году.

Я ограничиваюсь этими примѣрами, выражая при этомъ увѣренность, что при желаніи можно значительно увеличить списокъ уѣздовъ, описанія и дозоры которыхъ были предприняты при царѣ Ѳедорѣ и закончены за 3—5 лѣтъ до 100 года.

Разсмотримъ теперь уѣзды, въ которыхъ со 101 г. были произведены частью новыя, частью повторныя описанія.

Въ 101—102 гг. Романовъ съ уѣздомъ дозрили Ив. Камынинъ и подьячій Ив. Ефановъ. Передъ ними упоминается дозоръ 88 г. Ив. Сабурова и Ильи Иванова и описаніе ямскихъ земель 95 г., Дм. Тургенева и подьячаго Прок. Яковлева. Въ 102 г. Путивль описалъ Ив. Вахромѣевъ съ товарищами. Вязьму въ 102—103 гг. описали Вас. Волынскій и подьячій Второй Ильинъ. Передъ этимъ Вязьма была описана въ 95 г. валовыми писцами Вас. Волынскимъ, Тим. Хлоповымъ, дьякомъ Вас. Нелюбовымъ и подьячимъ Третьякомъ Мокіевымъ. Въ 102—104 гг. были произведены дозоры 4 пятинъ, а можетъ быть и всѣхъ пяти, Новгородскаго уѣзда. Предшествовавшее валовое описаніе Новгородской области было произведено въ 90—

---

[1]) Ак. п. д., I, № 85.

93 гг. Въ 103 г. Брянскъ описали Третьякъ Григ. Вельяминовъ и Арт. Ив. Колтовскій съ подьячими Ил. Ивановымъ и Третьякомъ Мокіевымъ, а Орелъ — Дем. Яковлевъ и подьячій Леонтій Софоновъ. Рязань съ пригородами описали въ 103—106 гг. по половинамъ писцы — Третьякъ Григ. Вельяминовъ съ товарищами и Вас. Яков. Волынскій съ товарищами. Послѣдній въ 105 г. описалъ также дворцовыя села Мещерской стороны Рязанскаго уѣзда. Предшествовавшій валовой дозоръ Рязани былъ произведенъ въ 81—83 гг. по третямъ тремя коллегіями дозорщиковъ. Зубцовъ въ 104 г. описали Дм. Андр. Замыцкій и подьячій Симонъ Давыдовъ, а передъ этимъ въ 96 г. Ив. Ѳед. Елизаровъ и дьякъ Салтанъ Куломзинъ съ тѣмъ же подьячимъ. Въ томъ же году Холмскій уѣздъ описалъ кн. Дм. Друцкой съ товарищами. Въ 104—105 гг. Угличъ и Устюжну описали кн. Дм. Бѣльскій съ товарищами, а Костромской уѣздъ по половинамъ описали: Нагорную половину Вас. Вельяминовъ и Пант. Дм. Усовъ съ товарищами, а Луговую — Ѳед. Кривоборскій и Арт. Колтовскій съ товарищами. Верею и Можайскъ въ 104—106 гг. описали Вл. Ѳ. Загряжскій и подьячіе Дѣй Чечетовъ и Леонтій Софоновъ.

Послѣ 106 г. описанія становятся, видимо, гораздо рѣже, а послѣ 110-го, приблизительно, года пріостанавливаются почти совсѣмъ, лѣтъ на 10. Очень вѣроятно, что списокъ валовыхъ описаній 101—106 гг. будетъ пополненъ, но это не измѣнитъ сути дѣла: несомнѣнно, что въ эти годы были произведены описанія сравнительно немногихъ уѣздовъ.

Итакъ, общій ходъ описательныхъ работъ послѣдней четверти XVI вѣка представляется въ такомъ видѣ. Непрекращавшіяся то здѣсь, то тамъ описанія царствованья Ивана Васильевича съ воцареніемъ Ѳедора Ивановича сразу замѣтно оживляются и охватываютъ очень значительную часть государства, при чемъ большинство описаній было предпринято въ первое пятилѣтіе послѣдняго царствованья. Въ 98—101 гг. описанія затихаютъ, а въ 102—106 гг. опять оживляются, при чемъ въ однихъ городахъ они являются повторными, послѣ недавнихъ предшествовавшихъ описаній, а въ другихъ производятся впервые послѣ значительнаго промежутка времени. Такимъ образомъ, описанія первыхъ лѣтъ царя Ѳедора были *закончены* года за 3, 4, 5 и больше до 100—101 гг., а послѣдующія на столько же лѣтъ позже. Это даетъ основаніе утверждать, что никакой прямой

связи между этими описаніями и указами о 5 и 15-лѣтней давности не было и не могло быть. Приказы могли пользоваться писцовыми книгами, какъ и другими офиціальными документами, напр. отдѣльными и отказными книгами, при разборѣ споровъ о бѣглыхъ тяглецахъ, но ни въ ходѣ описаній, ни въ другихъ обстоятельствахъ и источникахъ этого времени нѣтъ указаній, которыя бы подтверждали слова В. Н. Татищева, что царь Ѳедоръ предпринялъ описанія съ цѣлью прикрѣпить къ тяглу государевыхъ тяглецовъ и частновладѣльческихъ крестьянъ.

Гораздо проще и естественнѣе оцѣнить описанія царя Ѳедора по аналогіи съ описаніями XVII вѣка. Нѣкоторыя стороны внутренней политики царя Ивана усиливали потребность въ новыхъ описаніяхъ, удовлетвореніе которой, повидимому, было задержано войнами и внутренними событіями этого бурнаго царствованья. Удовлетвореніе этой текущей потребности управленья и обновленіе земли новыми описаніями и было произведено при тихомъ и миролюбивомъ царѣ Ѳедорѣ.

Я этимъ вовсе не хочу сказать, что книги царя Ѳедора и вообще писцовыя и дозорныя книги не имѣли значенья или имѣли небольшое значеніе въ исторіи прикрѣпленія къ тяглу, но я считаю, во-первыхъ, несомнѣннымъ, что цѣль описаній царя Ѳедора состояла въ удовлетвореніи текущихъ потребностей финансоваго управленія, а не въ переписи тяглаго населенія съ цѣлью его прикрѣпить, а во-вторыхъ, мнѣ кажется очень сомнительнымъ, судя по ходу описаній, чтобы правительство, предпринимая описанія съ финансовыми цѣлями, имѣло въ виду сдѣлать и дѣйствительно сдѣлало эти книги *основаніемъ* крѣпости.

Во время Смуты описанія не прекращались, но естественно не могли принять значительныхъ размѣровъ, такъ какъ все вниманіе быстро смѣнявшихся и занятыхъ напряженной борьбой за существованіе правительствъ было отвлечено въ другую сторону. Между тѣмъ, разоренье захватывало все бо̀льшую часть государства, и потребность въ дозорахъ увеличивалась. Великая Московская разруха 119 г. дала сильный толчокъ въ этомъ направленіи, и съ этого года, несмотря на распадъ государственной власти, дозорное дѣло оживляется. Въ этомъ году были дозрены посады Кашина и Углича и упоминаются

дозорщики въ другихъ городахъ, напр. въ Твери и Ярославлѣ. Въ 120 г. дозорщики работаютъ уже во многихъ городахъ — на посадахъ Боровска, Суздаля и Торжка и въ уѣздахъ: Бѣжецкомъ, Владимирскомъ, Кинешемскомъ, Козельскомъ, Суздальскомъ и, вѣроятно, Новоторжскомъ.

Слѣдующіе два случая показываютъ, насколько велика была потребность въ дозорахъ. Въ іюлѣ 120 года дворцовые крестьяне Бѣлозерскаго уѣзда послали въ Ярославль къ кн. Д. М. Пожарскому съ товарищами челобитчиковъ и въ своей посыльной грамотѣ на первомъ мѣстѣ поставили просьбу о дозорѣ [1]). Въ началѣ 121 г., когда ополченія кн. Д. М. Пожарскаго и кн. Д. Т. Трубецкого еще не соединились, суздальскій воевода кн. Ром. Петр. Пожарскій посылалъ, несомнѣнно по челобитью шуянъ, Ѳ. Болотникова и М. Шилова дозрить посадъ и уѣздъ Шуи [2]).

Въ томъ же 121 г. при боярахъ были произведены уже многочисленные дозоры. Цѣликомъ были дозрены уѣзды: Арзамасскій, Боровскій, Переяславля Залѣсскаго, Нижегородскій и Тверской, и части уѣздовъ и посады на Вологдѣ, въ Кашинѣ, Коломнѣ, Романовѣ, Ростовѣ, Устюжнѣ Желѣзнопольской, Юрьевѣ Польскомъ и Ярославлѣ.

Въ первое полугодіе царствованія Михаила Ѳедоровича незамѣтно значительнаго оживленья дозорнаго дѣла, и только лѣтомъ 122 г. и въ 123 году дозоры принимаютъ характеръ общей мѣры. Объясняется это, какъ мнѣ кажется, тѣмъ, что всѣ силы и все вниманіе правительства были обращены на упроченіе своего положенья и на приведеніе въ порядокъ разстроеннаго Смутой внутренняго управленья. Когда въ февралѣ 122 г. было указано собрать хлѣбные запасы ратнымъ людямъ на жалованье, то ихъ было велѣно взять «не во многихъ городахъ съ новаго дозора» въ полномъ окладѣ, а большинство городовъ, еще не дозренныхъ послѣ разоренья, должно было уплатить хлѣбные запасы въ пониженныхъ окладахъ [3]). Лѣтомъ 122 г. было произведено уже множество дозоровъ, и къ серединѣ 123 г., по моимъ неполнымъ, конечно, свѣдѣньямъ, было дозрено около 40 посадовъ и не менѣе 35 уѣздовъ, не считая множества частичныхъ дозоровъ.

---

[1]) Новые акты Смутнаго времени, изд. подъ ред. С. Веселовскаго, стран. 155. М. 1911 г.

[2]) Тамъ же, стран. 102.

[3]) Сошное письмо, I, стран. 171—172.

Въ 124 г. дозоры охватываютъ уже почти всѣ города государства, подвергшіеся разоренью, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. на Вологдѣ, въ Кашинѣ, Суздалѣ, Твери, Торжкѣ и Шуѣ, производятся вторичные дозоры. Въ послѣдующіе годы, въ 125—127 гг., кромѣ запоздалыхъ первыхъ дозоровъ, во многихъ городахъ происходятъ вторые и даже третьи дозоры, и ко времени заключенья мира съ Польшей совсѣмъ не дозренные города (если не считать Поморья) были, навѣрное, очень рѣдкимъ исключеніемъ.

Эти многочисленные дозоры, слѣдовавшіе непрерывно одинъ за другимъ, разстраивали всѣ смѣтныя предположенія правительства и создавали въ государственномъ хозяйствѣ, далеко еще не приведенномъ въ порядокъ, новыя затрудненія. Напряженная борьба съ внутренними и внѣшними врагами государства требовала огромныхъ средствъ, какъ разъ тогда, когда разоренья продолжались и требовали новыхъ дозоровъ. При такихъ условіяхъ все смѣшалось, спуталось и образовало какой-то безъисходный кругъ: за разореньемъ слѣдовали дозоры; по дозорамъ происходило сильное уменьшеніе сошныхъ окладовъ, заставлявшее правительство увеличивать оклады посошныхъ налоговъ; увеличенное обложеніе дѣлалось непосильнымъ, становилось само причиной разоренья и вызывало новые дозоры; по вторичнымъ дозорамъ сошные оклады еще разъ понижались, и, въ концѣ концовъ, налоги такъ возрасли, что стали непосильными даже для тѣхъ городовъ, которые совершенно не подвергались разоренью.

Чтобы выяснить значеніе этихъ дозоровъ въ исторіи сошнаго письма, слѣдуетъ обратить вниманіе на ихъ характерныя черты, на тѣ особенности, которыми они отличались отъ дозоровъ и описаній послѣдующаго и, вѣроятно, предшествовавшаго времени. Такими особенностями были: многочисленные, такъ называемые, «особные» дозоры, т.-е. не валовые дозоры цѣлыхъ уѣздовъ, а дозоры отдѣльныхъ владѣній, и крайняя поспѣшность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неудовлетворительность вообще всѣхъ дозоровъ.

Выше я говорилъ, что въ это время было уже прочно установившимся правиломъ, что каждая боярщина должна платить подати только за себя. Это правило, при небольшихъ размѣрахъ большинства боярщинъ, дѣлало сошное письмо непрочной и неэластичной основой обложенья.

Когда на посадѣ и въ черной или дворцовой волости пу-

стѣла часть дворовъ, или когда въ черносошномъ городѣ происходило частичное разоренье отъ литвы и русскихъ воровъ, то міръ, посадскій, волостной или городовой, оплачивалъ пустоту и могъ обойтись безъ дозора, если, конечно, разоренье не было очень значительнымъ.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находились частные владѣльцы: они освободились отъ отвѣтственности за пустоту другихъ боярщинъ, но зато и лишались ихъ помощи, когда разоренье или бѣгство крестьянъ ставило ихъ въ тяжелое положеніе. Несомнѣнно, что въ мирное время частные владѣльцы находили для себя выгодными свободу отъ круговой поруки и «особный» платежъ податей, — иначе они не стали бы ихъ добиваться, — но разоренья Смутнаго времени и послѣсмутныхъ лѣтъ показали имъ и невыгодныя стороны такого порядка. Однако, возвратъ къ старымъ порядкамъ, очевидно, уже былъ невозможенъ, а съ другой стороны, правительство не могло не считаться съ сложившимися обстоятельствами и доводить служилыхъ людей новыми тяжелыми налогами до окончательнаго разоренья, когда они должны были нести непрерывныя тяжелыя службы. Чтобы не разорять служилыхъ людей и не лишиться совершенно доходовъ, правительство было вынуждено допускать особные дозоры частновладѣльческихъ земель. Разница въ этомъ отношеніи между Поморскими крупными городами, съ одной стороны, и частновладѣльческими землями, съ другой, несомнѣнна и очень значительна: въ то время, какъ большинство Поморскихъ городовъ обходится послѣ Смуты безъ дозоровъ, даже тогда, когда ихъ постигало частичное, болѣе или менѣе сильное, разоренье, въ частновладѣльческихъ земляхъ сверхъ валовыхъ дозоровъ, иногда двукратныхъ, было произведено еще множество особныхъ.

Позже, послѣ 127 г., правительство не разъ поминало недобрымъ словомъ эти особные дозоры и допускало ихъ очень неохотно, въ видѣ рѣдкаго исключенья. На Соборѣ 128 г. былъ поставленъ вопросъ о лишнихъ земляхъ, которыми служилые люди завладѣли путемъ обмановъ, и правительство указывало, что дозорщики способствовали этому захвату: многіе де служилые люди во время Смуты и послѣ нея «поимали государевы дворцовыя села и черныя волости въ помѣстья и въ вотчины неправдою, мимо старыхъ писцовыхъ книгъ по новымъ дозорнымъ книгамъ, и владѣютъ великими мѣсты за малыя

чети. А иные, утая прежнія писцовыя и дозорныя книги, имали на тѣ свои дачи особныхъ дозорщиковъ и велѣли за собою тѣ земли въ помѣстья и въ вотчины писать такъ, какъ имъ годно»[1]). Такіе обманы и захваты земли были возможны потому, что дѣла Помѣстнаго приказа, и въ томъ числѣ старыя писцовыя и дозорныя книги, погибли въ Московскую разруху, а дозорщики писали свои книги почти исключительно по сказкамъ, либо не имѣя возможности провѣрить ихъ старыми книгами, либо по недобросовѣстности дѣлая такъ, какъ было «годно» служилымъ людямъ. Такимъ образомъ, при особныхъ дозорахъ къ небрежности дозорщиковъ, склонныхъ упрощать свою работу и писать по сказкамъ, и къ недостатку или полному отсутствію приправочныхъ книгъ присоединялись еще большія злоупотребленія.

Послѣднія въ значительной степени объясняются порядкомъ назначенія особныхъ дозорщиковъ. Выше я говорилъ, что обычно бывало такъ: челобитчикъ билъ челомъ государю и получалъ изъ приказа грамоту къ воеводѣ, въ которой послѣднему предписывалось послать дозрить дворянина «добра» или «кого пригоже»[2]). Для монастыря или мѣстнаго частнаго землевладѣльца, особенно если онъ былъ чиновнымъ и значительнымъ человѣкомъ, было нетрудно войти съ воеводой въ сдѣлку и намѣтить по соглашенію въ дозорщики угоднаго ему человѣка. При широкомъ просторѣ для усмотрѣнія писца въ такихъ важныхъ вопросахъ какъ одабриваніе земли или положеніе въ живущее, выходило, дѣйствительно, такъ, что дозорщикъ писалъ по дружбѣ, какъ было угодно дозираемому землевладѣльцу. Если послѣднему не удавалось выхлопотать себѣ покладистаго дозорщика, то могло случиться обратное, т.-е. дозорщикъ, самъ мѣстный землевладѣлецъ, могъ выместить свою недружбу и свести на дозорѣ свои старые, запутанные счеты мѣстной вражды. Характерный въ этомъ отношеніи случай былъ въ Арзамасѣ; правда, онъ произошелъ при общемъ дозорѣ уѣзда 121 г., но даетъ представленіе и о томъ, что могло быть при особныхъ дозорахъ, такъ какъ дозорщикомъ былъ мѣстный помѣщикъ — Ѳед. Дементьевъ. Въ 124 г. арзамасецъ Ив. Левашевъ жаловался на Ѳ. Дементьева и писалъ въ челобитной, что онъ, дозирая уѣздъ, «написалъ де у него въ помѣстьѣ по недружбѣ

---

[1]) Указная книга Помѣстнаго приказа, въ изданіи В. Н. Сторожева, стран. 54. М. 1889 г.

[2]) См. выше, стран. 27—30.

въ живущемъ 25 чети, потому что де былъ на Теркѣ отецъ его, Ивановъ, а на Теркѣ де и преставись, а душу свою и животы и духовную приказалъ тому Ѳедору, а велѣлъ де ему животы свои и духовную отдать матери его, Ивановѣ, и ему, Ивану; и тотъ де Ѳедоръ отца его животовъ и духовныя матери его и ему не отдалъ. А онъ де къ нему посылалъ о тѣхъ животахъ говорити людей и сами де ему о тѣхъ животахъ и о духовной говорили, и онъ де имъ ничего не отдалъ. И за то де тотъ Ѳедоръ съ нимъ и съ матерью его бранится и по той де недружбѣ того его помѣстья написалъ тяжело». По грамотѣ изъ приказа воеводѣ и дьяку было велѣно послать дозрить помѣстье Ѳ. Дементьева «кого пригоже, дворянина или сына боярскаго добра да подьячаго». Воевода послалъ дозирать Юмшана Лобанова, и по дозору въ помѣстьѣ Ив. Левашова оказалось въ живущемъ вмѣсто 25 четей только 5[1]). До насъ дошло еще 6 подобныхъ жалобъ о тяжелыхъ окладахъ, положенныхъ Ѳ. Дементьевымъ и его товарищемъ П. Копнинымъ по недружбѣ [2]).

Общее указаніе на то, что дружба и недружба дозорщиковъ портила дозоры, мы имѣемъ въ извѣстной іюльской грамотѣ 127 г. о созывѣ Собора. Про послѣсмутные дозоры въ ней сказано: «а дозорщики, которые послѣ Московскаго разоренья посыланы, по городамъ будучи, дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными по недружбѣ тяжело, и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная»[3]). Если можно было сказать такъ про дозоры вообще, то тѣмъ болѣе это справедливо относительно особныхъ дозоровъ, которые въ огромномъ большинствѣ случаевъ были произведены мѣстными людьми, у которыхъ было больше основаній для дружбы или недружбы, чѣмъ у дозорщиковъ и писцовъ, присылаемыхъ съ Москвы.

Судя по цѣлому ряду указаній, особные дозоры были весьма многочисленны. По приходной книгѣ (пошлинной) Печатнаго приказа можно составить неполный, но довольно большой списокъ особныхъ дозоровъ второй половины 121 г., когда правительство только еще устраивалось и не могло отдать много силъ дозорамъ. Въ Печатномъ приказѣ были запечатаны слѣдующія грамоты.

---

[1]) Арзамасскіе помѣстные акты, издан. подъ ред. С. Веселовскаго, № 404. М. 1915 г.

[2]) Тамъ же, №№ 383, 386, 389, 400, 403 и 407.

[3]) С. Г. и Д., III, № 47, и А. А. Э., III, № 105.

27 февраля, по челобитью Гурья Волынцова и Зах. Гошневскаго, въ Угличъ.

1 марта, архимандрита Спасскаго монастыря Өеофила, въ Переяславль Залѣсскій.

2 марта, архимандрита Спаса Каменнаго монастыря и архимандрита Денисьевы пустыни Глушицкаго монастыря, на Вологду.

3 марта, Александра Нагово, въ Коломну.

7 апрѣля, архимандрита Оршина монастыря, въ Кашинъ.

19 мая, архіепископа Муромскаго и Рязанскаго Өеодорита, на Коломну.

14 іюня, Өедора Красново, въ Тверь.

15 » Өед. Витовтова и Фад. Лаптева, въ Любимъ.

19 » Т. Игнатьева съ товарищами, въ Юрьевъ Польскій.

23 » Өед. Елагина, въ Курмышъ.

25 » Матвѣя и Ив. Олениныхъ, въ Арзамасъ.

12 іюля, Антоньева монастыря келаря, въ Бѣжецкій Верхъ.

19 » стольника кн. Өед. Телятевскаго, въ Ростовъ.

21 » Гордѣя Мандрыкина съ товарищами, въ Романовъ.

Тогда же были посланы грамоты, утверждавшія особные дозоры, произведенные по боярскимъ грамотамъ до воцаренья Михаила Өедоровича.

10 марта, грамота игумена Калязина монастыря, въ Кашинъ.

20 » патріаршихъ крестьянъ села Стоянца, въ Кашинъ.

9 апрѣля, архимандрита Борисоглѣбскаго монастыря, въ Ростовъ.

10 » архимандрита Спаса Ефимьева монастыря и архимандрита Печерскаго Нижегородскаго монастыря, въ Суздаль.

23 » Моденскаго Никольскаго монастыря, въ Устюжну.

17 мая, Живоначальной Троицы Рябовы пустыни, въ Кашинъ.

21 » Сем. Шубина съ товарищами, въ Суздаль.

7 іюня, Григ. Лобанова, въ Ярославль.

19 іюля, Ив. Карфунова, въ Романовъ.

29 » Өед. Старовскаго, въ Ярославль.

1 августа, Б. Тургенева, въ Ярославль.

10 » Никифора и Леонтья Титовыхъ, въ Угличъ [1]).

---

[1]) Арх. М. Ю., Печатной конторы, Пошлинная книга № 1.

Эти свѣдѣнья, несомнѣнно, весьма неполны, такъ какъ въ книгѣ записаны только тѣ грамоты, съ которыхъ взяты пошлины, а кромѣ того многія, навѣрное, дозорныя грамоты были освобождены, по особымъ челобитьямъ, отъ пошлинъ [1]).

Судя по приведенному списку, въ первые мѣсяцы царствованія Михаила Ѳедоровича среди челобитчиковъ о дозорахъ и объ утвержденіи ихъ преобладали монастыри. Возможно, что это не случайность. Во всякомъ же случаѣ, позже мы можемъ видѣть множество дозоровъ и служилыхъ земель. Такъ, Андр. Лазаревъ, посланный въ 125 г. для сбора подводъ въ Суздаль, отписывалъ въ Москву, что, кромѣ дозора посада и части уѣзда Т. Лазарева и другого частичнаго уѣзднаго дозора 124 г. Дав. Яхонтова, въ уѣздѣ было 17 новыхъ дозорщиковъ [2]). Большой списокъ дозоровъ по Вологодскому уѣзду, изъ которыхъ многіе сохранились, напечатанъ въ II т. Актовъ писцоваго дѣла [3]). По нѣкоторымъ другимъ уѣздамъ, напр. по Арзамасскому и Костромскому, тоже сохранилось большое количество дозоровъ [4]).

Другой отличительной чертой послѣсмутныхъ дозоровъ слѣдуетъ признать ихъ быстроту. Послѣ 127 г. дозоры, а тѣмъ болѣе описанія, растягивались на нѣсколько лѣтъ, смотря по размѣрамъ описываемаго города и другимъ обстоятельствамъ. Три-четыре года работы слѣдуетъ признать обычнымъ срокомъ описанія города средняго размѣра. Описанія такихъ большихъ городовъ какъ Арзамасъ, Нижній или Устюгъ затягивались на 6—7 лѣтъ. Такую продолжительность описаній никакъ нельзя считать чрезмѣрной, если принять во вниманіе, что, въ видѣ общаго правила, измѣреніе, межеваніе и досмотръ земель прерывались на всю зиму, отъ снѣга до снѣга, не считая задержекъ отъ весенняго и осенняго бездорожья. Послѣсмутные дозоры рѣдко затягивались на второй годъ. Въ общемъ они были производимы настолько быстро, что только съ большими оговорками и огра-

---

[1]) Напр., въ книгѣ не записана грамота въ Нижній, по которой былъ утвержденъ дозоръ всего уѣзда. См. Нижегородскія платежницы, изд. подъ ред. С. Веселовскаго, стран. 173. М. 1910 г.

[2]) Ак. п. д., I, № 35.

[3]) Тамъ же, II, № 88. Сохранившіеся дозоры см. въ Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 56—59, 61 и 62.

[4]) Большой сборникъ дозоровъ по Костромскому уѣзду 122—125 гг., см. въ Арх. М. Ю., Помѣстнаго приказа кн. № 11084. По Арзамасскому уѣзду см. тамъ же, Отказныя книги по Арзамасу №№ 3—5. Въ описаніи писцовыхъ книгъ Архива эти сборники не указаны.

ниченіями можно говорить о дѣйствительномъ «дозорѣ», то-есть о личномъ досмотрѣ дозорщиками описываемыхъ земель. Повидимому, большинство дозорщиковъ довольствовалось сказками и составляло свои книги безъ досмотра земель и безъ сколько-нибудь тщательной провѣрки сказокъ. Въ подтвержденіе этого можно указать на цѣлый рядъ дозоровъ, произведенныхъ зимой, то-есть тогда, когда дѣйствительный «дозоръ» земель былъ совершенно невозможенъ. Напр., въ началѣ января 126 г. Вас. Жемчужниковъ былъ отправленъ дозирать въ Галицкій уѣздъ черныя волости иноки Мароы Ивановны и вотчину Паисіева монастыря. 19-го февраля его книги по монастырской вотчинѣ были уже получены въ Москвѣ, а 1 марта утверждены боярами[1]). Этотъ случай вовсе не былъ исключеніемъ. Въ 123 г. Гр. Майковъ дозиралъ 3 декабря помѣстье Бориса и Глѣба Морозовыхъ въ Вологодскомъ уѣздѣ. Л. Шарыгинъ и подьячій Ив. Гогаровъ въ томъ же году дозрили с. Никольское и положили свои книги на Вологдѣ передъ воеводой 12 февраля, а 3 марта значительную часть уѣзда дозирали Ив. Гнѣвашевъ и подьячій И. Воробьевъ[2]). Въ 122 г. въ первой половинѣ марта была дозрена вотчина Чудова монастыря во Владимирскомъ уѣздѣ[3]). Наконецъ, укажу на цѣлый рядъ дозоровъ 122—125 гг. въ Костромскомъ уѣздѣ, произведенныхъ въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ и февралѣ[4]).

Приведу заурядный, какъ мнѣ кажется, примѣръ грубой небрежности дозоровъ этого времени. Въ 126 г. Род. Бузовлевъ дозрилъ помѣстье А. Борзецова, въ Рязанскомъ уѣздѣ, которое за 2 года передъ тѣмъ (въ 124 г.) дозрилъ П. Давыдовъ. По дозору П. Давыдова въ сельцѣ Великомъ полѣ, въ деревнѣ Сушковой, въ сельцѣ Полянкахъ и въ пустоши Крайковѣ на 206 четей помѣстной дачи въ живущемъ было 11 четей; земля вездѣ средняя и добрая. Въ вотчинѣ, въ селѣ Нѣмцовѣ, на $101^1/_3$ чети доброй земли въ живущемъ было 4 чети[5]). По дозору Р. Бузовлева во всей боярщинѣ всего въ живущемъ оказалось полосмины худой земли[6]), то-есть въ 60 разъ меньше, чѣмъ

[1]) Ак. п. д., I, №№ 42 и 48.

[2]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 58, лл. 9 и 48.

[3]) Ак. п. д., I, № 8.

[4]) Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа кн. № 11084. Большая часть дозоровъ — 122 года.

[5]) Временникъ Общ. И. и Др., кн. XIII, стран. 65 и 97.

[6]) Ак. п. д., I, № 78.

за 2 года передъ тѣмъ. Можно допустить, что разоренье дѣйствительно было такъ велико; можно допустить, что дозорщикъ добросовѣстно призналъ добрыя и среднія земли худыми, такъ какъ онѣ могли лишиться приписанныхъ къ нимъ угодій[1]), — но совершенно непонятно, какъ земля могла порости лѣсомъ въ 2 года. По дозору 124 г. въ пустоши Крайковѣ написано: «пашни паханыя добрыя земли наѣздомъ четь съ осминой, да перелогомъ 10 чети съ осминой». Въ дозорѣ 126 г. сказано: «пустошь, что была деревня Крайкова, перелогомъ и лѣсомъ поросло худыя земли 12 чети». Ясно, что Р. Бузовлевъ, дозиравшій въ 126—127 гг. кромѣ боярщины А. Борзецова много другихъ, работалъ безъ досмотра по сказкамъ и небрежно. Важно отмѣтить, что приказъ не обратилъ на это никакого вниманія и одобрилъ дозоръ Бузовлева.

Поспѣшные общіе дозоры и множество особныхъ, новыя разоренья, которыя мѣстами были горше испытанныхъ во время Смуты, наконецъ, цѣлый переворотъ въ посошномъ обложеніи, все это вмѣстѣ взятое вконецъ разстраивало сошное письмо. Между тѣмъ, обстоятельства складывались такъ, что у правительства не было ни времени, ни силъ пріостановить бурный потокъ этихъ событій. Приходилось жить, что называется, изо дня въ день, не будучи въ состояніи заглядывать въ будущее. Такъ продолжалось до 127 г., когда долгіе годы жизни въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь и имущество и тяжелыя жертвы на поддержаніе правительства завершились разореньемъ отъ «королевичева прихода», такимъ разореньемъ, которое во многихъ мѣстностяхъ не уступало по своимъ размѣрамъ всѣмъ предшествовавшимъ.

Велико было разоренье, но, кажется, страхъ передъ «доступомъ» королевича на Московскій престолъ былъ еще больше. Не довѣряя своимъ силамъ и опасаясь измѣны и воровской шатости своихъ подданныхъ, на которыя королевичъ Владиславъ возлагалъ, повидимому, больше надеждъ, чѣмъ на свои силы, московское правительство рѣшило отсидѣться въ осадѣ. Главныя силы были сосредоточены въ трехъ городахъ: въ Москвѣ — съ царемъ, въ Ярославлѣ — съ бояриномъ кн. Ив. Б. Черкасскимъ и въ Нижнемъ — съ бояриномъ кн. Б. М. Лыковымъ. Другіе города частью

---

[1]) См. объ этомъ ниже въ XV главѣ, гдѣ говорится объ одабриваніи земель.

остались совсѣмъ беззащитными, а частью защищались такими слабыми силами, что больше надѣялись на счастье и милость Божью, чѣмъ на самихъ себя. При такихъ обстоятельствахъ югъ былъ жестоко разоренъ черкасами Сагайдачнаго, а небольшія, сравнительно, шайки литвы и русскихъ воровъ, на глазахъ у правительства и его воеводъ, разорили внѣ и внутри треугольника, образуемаго Москвой, Нижнимъ и Ярославлемъ, все, что не было защищено самой природой: большими разстояніями, лѣсами, бездорожьемъ и т. п. Когда было заключено перемиріе, и сидѣвшіе въ осадѣ государевы ратные люди вышли изъ городовъ очищать государство отъ мелкихъ шаекъ литвы и русскихъ воровъ, то населеніе еще разъ испытало на себѣ бѣдствія военнаго времени.

Наконецъ наступилъ давно желанный миръ, и разоренное и забитое населеніе вздохнуло свободно. Еще до пріѣзда Филарета, въ Москву начали стекаться челобитчики, и лѣтомъ 127 г. ихъ было на Москвѣ такъ много, что правительство и безъ Собора, созваннаго нарочно, могло узнать пожеланія и нужды населенья, которыя слѣдовало удовлетворить въ первую очередь. Эти пожеланія изложены въ извѣстной іюльской грамотѣ 127 г. о созывѣ Собора. На первую очередь поставлено обновленіе всего государства писцами и дозорщиками, а рядомъ указаны другія нужды, въ частности льгота въ податяхъ[1]).

Необходимость обновленія Земли дозорами и описаніями обоснована въ грамотѣ такъ: государство разорено и опустѣло, «а подати всякія и ямскимъ охотникамъ подмоги емлютъ съ иныхъ по писцовымъ книгамъ, а съ иныхъ по дозорнымъ книгамъ, и инымъ тяжело, а другимъ легко; а дозорщики, которые послѣ Московскаго разоренья посыланы, по городамъ будучи, дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными по недружбѣ тяжело, и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная». Эту цитату не слѣдуетъ понимать односторонне, въ томъ смыслѣ, что правительство видѣло причину «конечной скорби» исключительно въ злоупотребленіяхъ дозорщиковъ. Въ приведенной выдержкѣ содержатся два отдѣльныхъ положенія: первое — то, что одни люди платятъ по новымъ дозорнымъ книгамъ, а другіе по писцовымъ, то-есть по старымъ описаніямъ, бывшимъ

[1]) С. Г. и Д., III, № 47 Ср. А. А. Э. III, № 121,—грамота въ Муромъ, въ которой сказано: «указали есмя наше государство все обновити писцами и дозорщиками».

до разоренья, а второе — то, что дозорщики облагали несправедливо и неравномѣрно. Послѣ того, что было сказано выше о быстромъ ростѣ обложенья и о сильномъ уменьшенiи сошныхъ окладовъ по послѣсмутнымъ дозорамъ, я думаю ясно, насколько тяжело и невыгодно было нести тягло по старымъ писцовымъ книгамъ, даже такимъ мѣстностямъ, которыя совершенно не испытали разоренья. Не обезпечивали равномѣрности обложенья и многочисленные новые дозоры. Дѣло въ томъ, что въ 122—127 гг. посошное обложенiе расло такъ быстро, что посады и уѣзды, не дозренные вторично въ 125—127 гг., оказались обложенными тяжелѣе дозренныхъ уже потому, что въ 122—124 гг. ни дозорщики, ни дозираемые не предвидѣли, что обложенiе вскорѣ увеличится раза въ 3—4. Словомъ, главной причиной неравномѣрности обложенiя, указанной въ iюльской грамотѣ, была разновременность дозоровъ и описанiй при необычайно быстромъ ростѣ посошныхъ налоговъ. Злоупотребленiя и небрежность дозорщиковъ, съ своей стороны, увеличили неравномѣрность, и въ общемъ всякихъ чиновъ люди стали испытывать отъ этого «конечную скорбь» и обиду. Такое пониманiе указаннаго текста даетъ мнѣ основанiе видѣть въ немъ не столько осужденiе послѣсмутныхъ дозоровъ, сколько неудачно выраженное и не вполнѣ ясное признанiе разстройства сошнаго письма вообще.

Рѣшенiе обновить Землю описанiями и дозорами, несомнѣнно, было подсказано всѣмъ ходомъ жизни первыхъ лѣтъ царствованья Михаила Θедоровича и челобитьями, которыя правительству пришлось выслушать отъ населенiя весной и лѣтомъ 127 года, и опредѣленно выражено въ iюльской грамотѣ о созывѣ Земскаго собора на 128-й годъ. Въ грамотѣ сказано такъ: «во всѣ городы, которые не были въ разореньѣ, и въ тѣ городы послати писцовъ, а которые городы отъ литовскихъ людей и отъ черкасъ были въ разореньѣ, и въ тѣ городы послати дозорщиковъ добрыхъ, приведши къ крестному цѣлованью, давъ имъ полные наказы, что-бъ они описали и дозрили всѣ городы въ правду безъ посуловъ»[1]).

Ясно, почему разоренные города было постановлено дозрить, а не разоренные описать. Между дозорами и описанiями было много

---

¹) С. Г. и Д., III, № 47.

общаго, но было и существенное различіе. Главной цѣлью дозора былъ досмотръ пустоты, то-есть выясненіе размѣровъ запустѣнья сравнительно съ прежнимъ, и опредѣленіе живущаго, съ котораго населеніе должно было нести тягло. Правовыя задачи описаній вообще при дозорахъ были случайнымъ и совершенно второстепеннымъ элементомъ. Поэтому можно сказать, что дозоръ былъ преимущественно, а иногда даже исключительно финансовой мѣрой. Описанія преслѣдовали гораздо болѣе широкія задачи. Помимо опредѣленія размѣровъ и свойствъ тягла, они сопровождались провѣркой и укрѣпленіемъ правъ собственности и владѣнія на земли, угодья и дворы, обмѣромъ и межеваніемъ земель, судомъ въ земельныхъ спорахъ и т. п. Поэтому можно сказать, что дозоръ, то-есть личный досмотръ, былъ одной изъ составныхъ частей описанія, какъ совокупности работъ, производимыхъ съ финансовыми и гражданско-правовыми цѣлями. Вслѣдствіе этого дозоры требовали гораздо меньше времени и силъ, были проще и производились гораздо быстрѣе описаній.

Такъ какъ въ хозяйственной и правовой жизни населенія и въ обложеніи многое измѣнилось въ эту бурную эпоху, то старыя описанія сильно устарѣли, и новое подробное описаніе неразоренныхъ городовъ было необходимо и въ финансовыхъ и въ правовыхъ цѣляхъ. Что касается разоренныхъ городовъ, то было цѣлесообразнѣе быстро дозрить ихъ, чтобы поскорѣе облегчить для нихъ бремя налоговъ, и было нецѣлесообразно подробно описывать, такъ какъ населеніе ихъ разбѣжалось и было разорено, вообще было не въ обычныхъ условіяхъ жизни. Напомню, что тогда же, то-есть лѣтомъ 127 г., былъ учрежденъ особый Сыскной приказъ, который долженъ былъ сыскивать бѣглыхъ тяглецовъ и закладчиковъ и свозить ихъ на старыя мѣста. Конечно, было цѣлесообразнѣе выполнить предварительно эту задачу, а затѣмъ уже браться за описанія.

Прежде, чѣмъ изслѣдовать, что и какъ было выполнено изъ этого рѣшенія обновить Землю писцами и дозорщиками, слѣдуетъ сказать о льготахъ, полученныхъ населеніемъ, такъ какъ это обстоятельство оказало замѣтное вліяніе на ходъ дозоровъ и описаній.

Прежде всего, со 128 г. прекратился сборъ чрезвычайныхъ налоговъ, взысканіе недоимокъ по этимъ и другимъ налогамъ было пріостановлено, а часть недоимокъ сложена совсѣмъ. Не менѣе важное значеніе имѣло пониженіе посошныхъ налоговъ: окладъ

ямскихъ денегъ съ 800 руб. съ сохи былъ пониженъ въ 129 г. до 584 р., а въ 130 г. — до 468 р.; окладъ стрѣлецкаго хлѣба былъ уменьшенъ вдвое уже на 127-й годъ, а въ 128 г. былъ сильно пониженъ и окладъ денегъ за нихъ. Значительное облегченіе получили и Поморскіе города: окладъ денегъ за хлѣбные запасы для нихъ былъ сильно пониженъ, а со 134 года они были временно освобождены отъ возки сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ.

Сверхъ общаго пониженія посошныхъ налоговъ населенье получило множество особыхъ льготъ. Такъ какъ большая часть приходныхъ приказныхъ книгъ этого времени утрачена, то нельзя дать полнаго списка льготъ, но и по сохранившимся книгамъ и другимъ источникамъ можно видѣть, что льготы были многочисленны и значительны.

Новгороду Великому «послѣ нѣмецкой отдачи дана льгота во всякихъ податяхъ, опричь ямского строенья», — посаду по 131 г., а уѣзду по 130 годъ. Старой Русѣ съ уѣздомъ дана такая же льгота съ 15 августа 125 года по то же число 128 г., а въ 128 году льгота продолжена по 131 годъ[1]). Посадъ Лукъ Великихъ 11 іюня 127 г. получилъ льготу во всякихъ податяхъ и въ городовомъ дѣлѣ на 7 лѣтъ, по 1 іюня 134 г., да сверхъ того посадскимъ людямъ дано на 3 года право торговать безпошлинно на сумму не свыше 100 р. (каждому) на Лукахъ Великихъ, въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Торопцѣ и «въ иныхъ городахъ»[2]). Другимъ посадамъ Устюжской чети даны льготы во всѣхъ податяхъ на слѣдующіе сроки: Рузѣ — на 4 года, съ 28 августа 127 г. по 132 годъ, Можайску — на 5 лѣтъ, со 127 г. по 132-й, Вязьмѣ — на 5 лѣтъ, со 128-го по 133-й, Ржевѣ Владимировѣ — на 3 года, со 128-го по 131-й, Погорѣлому городищу, построенному въ 129 г. вновь, — на 5 лѣтъ, со 129-го по 134-й[3]). О другихъ болѣе или менѣе крупныхъ льготахъ мы узнаемъ случайно. Такъ, 21 декабря 128 г. по государеву указу и боярскому приговору взысканіе съ Чаронды 3858 рублей недоимки стрѣлецкихъ денегъ было пріостановлено, а 5 сентября 132 г. по указу государей недоимка сложена совсѣмъ[4]). О городахъ другихъ четей наши свѣдѣнья менѣе полны, чѣмъ о го-

---

[1]) Арх. Мин. Ин. дѣлъ, по Новгороду кн. № 13в, л. 8 об., и кн. № 14, лл. 1 об. и 67 об. Ак. п. д., I, № 104.

[2]) Тотъ же архивъ, Разряда кн. № 1, л. 1174.

[3]) Тотъ же архивъ, по Чарондѣ кн. № 1, лл. 306, 310, 312, 319, 326. Ак. п. д., I, №№ 128, 143 и 219.

[4]) Тамъ же, № 124.

родахъ Устюжской, но несомнѣнно, что и здѣсь льготы были значительны. Въ 127 г. Калуга и Таруса были разорены и получили льготу на 3 года, со 128 г. по 131-й. Въ апрѣлѣ 130 г. Калуга погорѣла, и ея льгота была продолжена съ 1 мая 130 г. еще на 3 года[1]). Вереѣ послѣ разоренья 127 г. была дана льгота на 5 лѣтъ, со 128 г. по 132-й[2]). Другіе города совсѣмъ запустѣли отъ разоренья и не платили никакихъ налоговъ. Таковы, напр., Крапивна, Воротынскъ, Рыльскъ, Путивль, Михайловъ и Болховъ[3]).

У меня нѣтъ свѣдѣній относительно уѣздовъ, но я не сомнѣваюсь, что и они получили тѣ или иныя льготы. Такъ, напр., помѣщики и вотчинники Бѣлозерскаго уѣзда получили льготу платить подати вполы сошнаго оклада, а тѣ изъ нихъ, которые принадлежали къ смольнянамъ, даже въ четверть оклада[4]).

Частныя льготы и общее пониженіе посошнаго обложенья оказали двоякое вліяніе на ходъ дозоровъ и описаній. Во-первыхъ, приказы совершенно основательно не спѣшили съ дозоромъ тѣхъ городовъ, которые получили льготу во всякихъ податяхъ, и стали описывать ихъ только ко времени истеченія срока льготы, а во-вторыхъ, значительное пониженіе посошныхъ налоговъ поддерживало у правительства надежду возстановить сошное письмо на старыхъ началахъ, не предпринимая крупной реформы. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что выжиданіемъ конца льготныхъ сроковъ никакъ нельзя объяснить всѣхъ отступленій отъ постановленья 127 г., и по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ дозоры и описанія посадовъ были произведены совсѣмъ не такъ, какъ предполагалось въ 127 году.

Ходъ описательныхъ работъ удобнѣе всего разсматривать по приказамъ, такъ какъ нужды приказовъ и особенности внутренняго распорядка, присущія каждому приказу, оказали на него несомнѣнное вліяніе.

Владимирская четь, не производя дозоровъ, предприняла прямо описанія. Въ маѣ 133 г. были посланы писцы, и въ 133—134 гг. были описаны слѣдующіе посады: Болховъ, Боровскъ, Верея, Вла-

---

[1]) Тамъ же, № 141. Дворц. Арх., 25 оп., 131 г. № 31. Прик. д. стар. л., 1627 г. № 10.

[2]) Ак. п. д., I, № 238.

[3]) Тамъ же, №№ 151 и 156.

[4]) Сошное письмо, I т., стран. 221.

димиръ, Волокъ Ламскій, Воротынскъ, Городень, Зарайскъ, Калуга, Крапивна, Лухъ, Михайловъ, Переяславль Рязанскій, Печерники, Путивль, Рыльскъ, Тверь, Торжокъ и Тула[1]). Изъ всѣхъ этихъ городовъ только въ одномъ — въ Боровскѣ — извѣстенъ предшествующій дозоръ[2]), а относительно большинства есть прямыя указанія, что ихъ «послѣ Московскаго разоренья по 133-й годъ изъ Володимирской чети дозирать не посылано»[3]). Послѣднимъ именно обстоятельствомъ мотивировано въ наказѣ писцамъ Болхова, Воротынска, Путивля и Рыльска описаніе 133 года[4]).

Иначе вела дѣло Галицкая четь. Въ 127 г. были дозрены Коломна и Ростовъ, при чемъ относительно послѣдняго извѣстно, что онъ былъ дозренъ въ началѣ года, по присылкѣ изъ Ярославля отъ боярина кн. И. Б. Черкасскаго. Затѣмъ въ 128 г. были дозрены Бѣлевъ, Галичъ и Чухлома, а въ 129 г. Кашинъ. Затѣмъ начались описанія: въ 131 г. — Бѣлоозера, Коломны, Суздаля, Шуи и Юрьева Польскаго, въ 132 г. — Каширы, въ 133 г. — Бѣлева, Мценска, Мещовска и Ростова, и въ 134 г. — Карачева и Новосили. Со 136 г. были произведены запоздалыя первыя описанія, а мѣстами повторныя. Въ февралѣ 136 г. были посланы писцы въ Галичъ, но, за смертью ихъ, описаніе было закончено не ранѣе 145 г. Н. Беклемишевымъ. Описаніе Соли Галицкой 136 г. было утверждено послѣ 140 года. Далѣе, въ 136—138 гг. были описаны Суздаль, Чухлома и Юрьевъ Польскій, а описаніе Шуи затянулось и было окончено не ранѣе 140 г. Отсутствіе планомѣрности въ ходѣ описательныхъ работъ Галицкой чети усугубляется еще тѣмъ, что судьба многихъ дозоровъ и описаній неясна, а относительно нѣкоторыхъ опредѣленно извѣстно, что они были отвергнуты. Такъ, Бѣлоозеро не было дозрено совсѣмъ, а описаніе 131 г. не было утверждено, и посадъ платилъ до описанія 182 г. по дозору 126 года. Галичъ и Чухлома были дозрены въ 128 г., а описаніе ихъ 136 г., можетъ быть, вызвано было тѣмъ, что дозорныя книги сгорѣли въ пожаръ 134 г. Въ Кашинѣ послѣ дозора 129 г. или совсѣмъ не было описаній, либо они не были утверждены. Въ Пароеньевѣ послѣ дозора

---

[1]) Ак. п. д., I, см. по указателю, особенно же №№ 150, 156, 157, 198 и 238.

[2]) Дозоръ 129 г. Ил. Чемесова и подьячаго Вас. Прокофьева. Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399. Упоминаніе объ этомъ дозорѣ см. въ Ак. п. д., I, № 179.

[3]) Тамъ же, №№ 151, 156 и 238.

[4]) Тамъ же, № 151.

124 г., а въ Унжѣ —125 г. не упоминается ни послѣдующихъ дозоровъ, ни описаній. Неизвѣстно, былъ ли дозоръ у Соли Галицкой; извѣстно только, что посадъ ея долго платилъ по дозору 122 г., а описаніе 136 г. было утверждено послѣ 140 года. Все это даетъ основаніе утверждать, что Галицкая четь вела обновленіе Земли не по какому-либо опредѣленному плану, а по мѣрѣ необходимости въ описаніяхъ для сбора налоговъ.

Относительно Костромской чети у насъ сохранилось мало данныхъ, но, судя по имѣющимся, ходъ дозоровъ и описаній въ ея городахъ болѣе похожъ на ходъ Галицкой чети, чѣмъ Владимирской.

Въ дѣятельности Устюжской чети виденъ планъ и нѣкоторая твердость въ исполненіи его. Въ 128 г. четь послала дозорщиковъ въ Поморскіе города: на Устюгъ, на Тотьму, въ Устьянскія волости и къ Соли Вычегодской, а въ 129 г. и на Чаронду. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ этихъ городовъ подверглись недавнему разоренью (Тотьма и Чаронда въ 127 г.), дозорщики, дѣйствуя, очевидно, по опредѣленному внушенію, прибавили на всѣ города довольно много сошнаго письма[1]). Неудачнымъ былъ только дозоръ Устьянскихъ волостей: Никиф. Талызинъ въ 128—129 гг. дозрилъ только 3 волости изъ пяти, а послѣ него дозиралъ Дм. Пушечниковъ, но оба эти дозора, равно какъ и описаніе 131 г., не были утверждены. Изъ одного дѣла мы знаемъ, что писцовыя книги 131 г. были по челобитью крестьянъ «положены ни во что», т.-е. отставлены[2]). Очень вѣроятно, что такимъ же образомъ были опорочены и отмѣнены и дозоры. Проведя удачно для казны дозоры остальныхъ городовъ, Устюжская четь не стала бы, можетъ быть, вскорѣ посылать писцовъ, но, уступая челобитью тяглыхъ людей, послала весной 131 г. писцовъ на Устюгъ, къ Соли Вычегодской и на Тотьму, а въ 132 г. и на Чаронду. Эти описанія, въ наказѣ писцамъ Устюга и въ грамотѣ на Тотьму, мотивированы такъ: послѣ дозора 128 г. многіе люди бьютъ челомъ о справкѣ за ними земель и угодій, «въ которыхъ земляхъ у нихъ межъ себя споръ»; многіе люди владѣютъ безоброчно лишними землями, и отъ того казнѣ чинятся убытки, а у тяглыхъ людей споры; въ дозорныхъ книгахъ такихъ земель не написано, и въ чети не по чему разбирать тяжбы; къ воеводамъ было послано много грамотъ о сыскѣ, но воевода

[1]) См. Сошное письмо, I, стран. 196—198 и 200.
[2]) См. тамъ же, стран. 114—115.

«тѣмъ сыскнымъ спорнымъ землямъ книгъ къ государю къ Москвѣ не присылывалъ, а писцы на Устюгѣ не бывали давно»[1]). Судя по этому, можно думать, что описанія были вызваны главнымъ образомъ челобитьями тяглыхъ людей. Эти описанія прошли благополучно. Описаніе Чаронды было закончено въ 133 г. Тотемскіе писцы подали свои книги въ чети въ 134 г., а когда онѣ сгорѣли въ майскій пожаръ этого года, то писцы сдѣлали съ черновиковъ новыя книги. Книги Соли Вычегодской и Устюга были поданы писцами въ 136 г., а въ 137 г. утверждены.

На посады Замосковныхъ городовъ Устюжская четь дозорщиковъ не посылала[2]), имѣя, очевидно, въ виду то, что большинство ихъ получило льготы во всѣхъ податяхъ, а со 132 г. начала описанія. Въ 132 г. были посланы писцы: въ Веневу, Гремячій, Дмитровъ, Епифань, Звенигородъ, Клинъ, Погорѣлое, Ржеву Владимирову, Рузу и Старицу. Въ 133 г. были описаны Городецкой и Вязьма, а со 134 г. Можайскъ и Устюжна. Вяземскія книги не были готовы и сгорѣли недодѣланными на дворѣ у писцовъ въ майскій пожаръ 134 г., и въ октябрѣ 135 г. четь послала писцовъ произвести новое описаніе. Можайскіе писцы подали свои книги послѣ пожара, но онѣ были отставлены, и въ 137 г. Можайскъ былъ описанъ вновь. Наконецъ, въ 135 г. былъ описанъ послѣдній городъ Устюжской чети — Луки Великія.

Относительно городовъ Новгородской чети мы имѣемъ тоже полныя свѣдѣнья. Уже лѣтомъ 127 г. о дозорѣ били челомъ крестьяне Устьрѣцкихъ волостей Новгородскаго уѣзда (въ іюнѣ), посадскіе люди Пскова и каргопольцы и турчасовцы. Крестьяне Устьрѣцкихъ волостей въ челобитьѣ о дозорѣ ссылались на свое разоренье послѣ дозора 124 г., и 6 іюля 127 г. Новгородская четь дала дозорщикамъ наказъ[3]). Псковичи ссылались на разоренье и указывали, что имъ не по силамъ платить по старому описанію 94 г. Новгородская четь предписала произвести дозоръ[4]), но былъ ли онъ утвержденъ, на это я не встрѣтилъ указаній. Каргопольцы тоже ссылались на свои разоренья послѣ

[1]) Ак. п. д., I, № 115. Ср. тамъ же, № 118.

[2]) Писцамъ 135 г. Лукъ Великихъ были даны для приправки какія-то книги Аѳ. Маркова и Кузьмы Лодыженскаго 128 и 131 гг., но какія это были книги, неизвѣстно. Тамъ же, II, № 19.

[3]) Тамъ же, I, № 84.

[4]) Тамъ же, № 85

дозора 123—124 гг., въ особенности на разоренье 127 г., и просили «писца съ веревью и съ мѣрой». Новгородская четь назначила дозорщиковъ и изготовила имъ наказъ (въ августѣ), но по неизвѣстной причинѣ дозоръ не былъ начатъ. Въ 128 г., въ маѣ, каргопольцы вновь били челомъ о писцахъ, и на этотъ разъ ихъ челобитье было удовлетворено[1]). Въ томъ же году, въ началѣ года, были посланы дозорщики въ мордовскія и бортныя села Арзамасскаго и Нижегородскаго уѣздовъ, а въ концѣ года были посланы писцы описывать посады и уѣзды Арзамаса и Нижняго. Затѣмъ лѣтомъ 130 г. были посланы писцы въ Пермскіе города: въ Чердынь, Соль Камскую и Кайгородокъ, на Двину[2]), въ Кевролу и Мезень, на посадъ Вел. Новгорода и въ Старую Русу съ уѣздомъ. Описаніе первыхъ шести городовъ могло быть вызвано тѣмъ, что въ нихъ совсѣмъ не было дозоровъ со времени воцаренія Михаила Ѳедоровича, а причины описанія Новгорода и Старой Русы указаны въ наказѣ, данномъ писцамъ[3]). Съ Новгорода, написано въ наказѣ, со 107 г. всякихъ доходовъ «по новгородское взятье, какъ Новгородъ нѣмцы взяли, не имывано» по жалованнымъ грамотамъ, а «послѣ нѣмецкой отдачи» новгородцамъ дана льгота до 131 г., — «а сколько нынѣ послѣ нѣмецкаго разоренья въ Великомъ Новгородѣ на посадѣ живущихъ сохъ и лавокъ и что съ нихъ денежныхъ доходовъ, и того невѣдомо, потому что послѣ новгородскаго разоренья дозоръ не бывалъ». Старой Русѣ съ уѣздомъ тоже дана льгота до 131 г.; живущіе дворы и выти въ 126—128 гг. переписывали мѣстные приказные люди, «а для податей въ Старой Русѣ и въ погостахъ дозоръ не бывалъ».

Въ 131 г. были посланы писцы во Псковъ съ пригородами и на посадъ Гороховца. Послѣднее описаніе вызвано тѣмъ, что со 122 г. Гороховецъ былъ данъ «со всякими государевы доходы въ путь крайчему Мих. Мих. Салтыкову», а въ 131 г. государь пожаловалъ его въ окольничіе, а Гороховецъ указалъ «отписати и вѣдати на себя, государя»[4]).

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 89 и 90.

[2]) Описаніе Двины было закончено не позже 133 г. Въ пожаръ 134 г. сгорѣло 7 тетрадей этихъ книгъ, и въ маѣ 135 г. на Двину былъ посланъ дьякъ Баженъ Степановъ описать тѣ волости, тетради которыхъ сгорѣли. Тамъ же, № 244.

[3]) Тамъ же, № 104.

[4]) Тамъ же, № 113.

Въ томъ же году В. Брянчаниновъ переписалъ дворы и лавки на Вологдѣ, но это было сдѣлано только для оброковъ.

Такимъ образомъ, большая часть городовъ Новгородской чети была описана до пожара 134 г. Неописанными оставались только Вологда, Вятка съ пригородами, Вымь Яренская, Заонежскіе погосты и Пустоозерскій и Кольскій остроги съ уѣздами.

Отъ пожара 134 г. была спасена довольно значительная часть дѣлъ Новгородской чети [1]), но все-таки гибель нѣкоторыхъ писцовыхъ книгъ послужила толчкомъ для дальнѣйшихъ описаній. Лѣтомъ 135 г. были посланы писцы описывать посады Вологды и Гороховца [2]). Посылка писцовъ на Вологду объяснена въ наказѣ такъ: Вологодскій уѣздъ дозренъ въ 128 г. и платитъ по этому дозору, а посадъ платитъ по старому окладу, съ трети дозора 121 г.; по переписи 131 г. обнаружилось, что многими тяглыми дворами владѣютъ нетяглые люди, изъ которыхъ одни не платятъ ничего, а другіе платятъ дворовый оброкъ въ земскую избу, а не въ государеву казну; кромѣ того по переписи объявилось много лавокъ, которыя платятъ оброкъ тоже въ земскую избу, — «а сколько на Вологдѣ на посадѣ посадскихъ тяглыхъ людей дворовъ и что съ нихъ какихъ доходовъ, и того невѣдомо, потому что Вологдѣ посаду писцовыхъ и дозорныхъ книгъ въ чети нѣтъ, а были дозорныя книги дозора князь Ив. Ив. Одоевскаго съ товарищи 121 г., и тѣ были несправчивы и въ Московской пожаръ во 134 г. сгорѣли, а послѣ того Вологда посадъ не дозирыванъ»[3]). Описаніе Гороховца вызвано тѣмъ, что дозорныя книги 131 г. сгорѣли, «а писцы въ Гороховцѣ на посадѣ не бывали давно»[4]).

Однако, гибель книгъ не заставила Новгородскую четь предпринять описаніе всѣхъ городовъ, книги которыхъ сгорѣли, и въ мартѣ 136 г. она докладывала объ этомъ государямъ, очевидно по челобитью тяглыхъ людей [5]). Съ Вятки платятъ, сказано въ докладѣ, по дозору 123 г., и были въ чети «дозорныя двои книги, однѣ тяглымъ землямъ, а другія оброчнымъ землямъ, и тѣ оброчныя книги въ по-

---

[1]) Опись этихъ дѣлъ издана С. К. Богоявленскимъ, въ Чт. Общ. И. и Др. 1905 г. Кн. I. Смѣсь.

[2]) О нѣкоторыхъ волостяхъ Двины я упоминалъ выше.

[3]) Ак. п. д., I, № 257.

[4]) Тамъ же, № 264.

[5]) Докладъ см. Ак. п. д., II, № 25. О челобитьѣ яренчанъ въ докладѣ упоминается.

жаръ сгорѣли, а писцовыхъ книгъ въ четверти нѣтъ». Съ Выми Яренской платятъ по дозору 117 г., «и тому нынѣ по 135 годъ 19 лѣтъ, а послѣ разоренья на Вымн дозоръ не бывалъ, и писцовыхъ книгъ въ четверти нѣтъ». Далѣе въ докладѣ было сказано, что Кольскій и Пустоозерскій остроги платятъ по старому окладу, «какъ плачивали до Московскаго разоренья, а писцовыхъ и дозорныхъ книгъ въ четверти нѣтъ»[1]). Относительно дозорныхъ книгъ Гороховца посада 131 г. и Устьрѣцкихъ волостей 128 г. сказано, что онѣ сгорѣли, а относительно Порхова и Ладоги сказано, что сколько въ нихъ въ живущемъ сошнаго письма, того въ четверти неизвѣстно, такъ какъ ихъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ нѣтъ. Наконецъ, къ докладу была приложена роспись живущаго въ Заонежскихъ погостахъ по дозору 125—127 гг.[2]). Государи, выслушавъ докладъ, указали послать писцовъ на Вятку, въ Заонежскіе погосты и на Вымь, и, дѣйствительно, весной 136 г. писцы были посланы. Почему не были посланы писцы въ другіе города, неизвѣстно. Пустоозерскій и Кольскій остроги остались совсѣмъ безъ писцовъ и платили въ XVII вѣкѣ подати по старымъ окладамъ, по описаніямъ 82 года.

Не были посланы писцы и въ Устьрѣцкія волости, и только въ 137 г. по челобитью крестьянъ государи указали описать ихъ и отмежевать отъ сосѣднихъ частновладѣльческихъ земель. Крестьяне били челомъ, что многія дворцовыя волости описаны и обмежеваны, а у нихъ «послѣ разоренья валовой большой писецъ съ мѣрою не бывалъ», и ихъ земли не описаны и не обмежеваны, — «и у насъ, сиротъ твоихъ, завсегда съ тѣми уѣздными людьми, съ помѣщики и съ вотчинники, съ дворяны и съ дѣтьми боярскими и съ монастыри въ межахъ межъ селъ и деревенъ о земляхъ и о всякихъ угодьяхъ бываютъ брани, и бои, и убойство смертное, и продажи и убытки великіе». Сверхъ того крестьяне просили сыска и своза бѣглыхъ тяглецовъ, льготы въ податяхъ и пониженія оброковъ. По докладу государи указали послать писцовъ[3]).

---

[1]) Относительно Кольскаго острога слѣдуетъ замѣтить, что въ 116, 117, и 119 гг. онъ былъ дозренъ, и подлинныя книги этого дозора сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 208), но дозоръ по челобитью колянъ былъ отставленъ, и потому, очевидно, Новгородская четь не принимала его во вниманіе въ своемъ докладѣ.

[2]) Этотъ дозоръ сохранился. См. VII приложеніе.

[3]) Ак. п. д., II, №№ 53—55.

Не менѣе характерно дѣло описанія мордовскихъ и бортныхъ селъ Нижегородскаго уѣзда. Въ началѣ 128 г. ихъ было велѣно дозрить Аѳ. Блохину и подьячему П. Филатьеву[1]), но либо эти дозорщики не были посланы, либо ихъ дозоръ не былъ утвержденъ, и въ 129 г. села было велѣно описать писцамъ посада и уѣзда, Дм. Лодыгину съ товарищами. Книги мордовскимъ деревнямъ писцы подали въ четь только въ 137 г., а книги бортнымъ деревнямъ были поданы раньше и сгорѣли въ пожаръ 134 г. — бѣлыя книги въ чети, а черныя у писцовъ на дворѣ. Въ августѣ 137 г. Новгородская четь докладывала объ этомъ государямъ и прибавляла въ докладѣ, что съ бортныхъ деревень оброки и медъ сбирать не по чему, такъ какъ старыя платежныя книги В. Борисова 96 г. совершенно устарѣли. По этому докладу государи указали описать бортныя села, и четь дала наказъ Кузьмѣ Шапилову и подьячему Дан. Цвиленеву. Однако, эти писцы «своимъ нерадѣньемъ» по наказу всего не описали, ихъ книги не были утверждены, и въ 140 г. четь послала новыхъ писцовъ — Аѳ. Блохина и подьячаго Гр. Козлова [2]).

Сдѣланный выше обзоръ описательныхъ работъ четей даетъ возможность утверждать, что онѣ были производимы не по опредѣленному плану, а по челобитьямъ населенья и по мѣрѣ необходимости. Каждая четь вела дѣло по своему. Лучше всего провела описанія, повидимому, Устюжская четь, а хуже всѣхъ — Галицкая. Московскій пожаръ 134 г. заставилъ произвести кое-гдѣ повторныя описанія и послужилъ толчкомъ для описанья тѣхъ городовъ, которые не были ни дозрены, ни описаны. Въ общемъ, ко времени Смоленской войны всѣ города, за ничтожными исключеніями, были дозрены и описаны.

Разсмотримъ теперь писцовую дѣятельность Помѣстнаго приказа. Изслѣдуя отпускъ писцовъ, я показалъ, какъ дѣло описанія частновладѣльческихъ земель, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, было сосредоточено около 130 г. въ Помѣстномъ приказѣ, а чети и Большой Приходъ были отъ него отстранены. Тамъ же я указалъ на возможныя причины этой реформы и на важнѣйшія обстоятельства, которыя ей предшествовали.

---

[1]) Ак. п. д., I, № 96 (стран. 159).
[2]) Тамъ же, II, №№ 63 и 64.

Дозоры начались въ 128 г. (вѣроятно весной), и въ 128—129 гг. была дозрена очень значительная часть городовъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности составить полный списокъ дозоровъ, такъ какъ сохранилось ихъ мало и указанія на нихъ сравнительно рѣдки. Объясняется это отчасти тѣмъ, что бо́льшая часть дозорныхъ книгъ пропала въ пожаръ 134 г., а многія изъ нихъ не были утверждены, такъ что Помѣстный приказъ не принялъ мѣръ къ возстановленію ихъ по спискамъ и черновикамъ, сохранившимся у дозорщиковъ и въ городахъ у воеводъ. По моимъ неполнымъ, несомнѣнно, свѣдѣньямъ въ эти годы, изъ общаго количества девяти съ лишнимъ десятковъ городовъ, дозорщики были посланы не менѣе какъ въ 50 городовъ. Писцы, насколько мнѣ извѣстно, были посланы только въ 2 города — въ Арзамасъ и Нижній.

Несомнѣнно, что въ общемъ дозоры этого времени были весьма неудачны и вызвали сильное неудовольствіе правительства. Выше я говорилъ, что многіе дозоры были отставлены [1]). На злоупотребленія дозорщиковъ и медленность дозоровъ правительство указывало въ грамотѣ 130 г. въ Муромъ, о пониженіи на 130 г. оклада ямскихъ денегъ. Въ грамотѣ сказано, что государи, отпуская дозорщиковъ, «словесно приказывали съ великимъ укрѣпленіемъ, что-бъ они дѣлали правду, по нашему *(т.-е. государеву)* крестному цѣлованью. И тѣ дозорщики ѣздили и дозирали больше полутора года, а иные 2 года, и посямѣста своего письма и дозора книгъ не свершили, а которыя книги положили, и то написаны вчернѣ. А иные дѣлали воровствомъ, не по нашему наказу, забывъ наше крестное цѣлованье и нашъ словесный приказъ, съ сильныхъ сбавливали, а на мелкихъ прибавливали не по правдѣ» Далѣе въ грамотѣ сказано, что дозорщики посажены на царскомъ дворѣ въ особой палатѣ, а для понуканья и присмотра къ нимъ приставлены окольничіе и дьяки. Тѣмъ не менѣе, сказано въ грамотѣ, «тѣ книги вскорѣ нынѣ не поспѣютъ»[2]).

Въ другихъ источникахъ есть подтвержденія медленности дозоровъ. Напр., дозирать Вологодскій уѣздъ по половинамъ въ 128 г. было послано четверо дозорщиковъ, изъ которыхъ первые не сдали своихъ книгъ еще въ 132 г., а вторые въ мартѣ 133 г.[3]). Возможно, что этотъ

---

[1]) См. выше, стран. 170.
[2]) А. А. Э., III, № 121.
[3]) См. въ VII приложеніи.

случай былъ исключительнымъ и объясняется большими размѣрами уѣзда, но и большинство дозорщиковъ, видимо, исполняло свою задачу медленно. Правительство объясняло это нерадѣньемъ и упрекало дозорщиковъ въ воровствѣ, но несомнѣнно, что причины неуспѣшности дозоровъ были сложнѣе и лежали глубже. Дѣло въ томъ, что вся обстановка, въ которой были предприняты дозоры, была очень неблагопріятна. Многолѣтняя смута, неоднократныя разоренья и цѣлый переворотъ въ посошномъ обложеніи порудили всю старину,— дозорщикамъ не было, къ чему примѣриваться. Переворотъ въ посошномъ обложеніи вызвалъ упадокъ финансоваго значенія Большого Прихода и четей и сдѣлалъ Ямской и Стрѣлецкій приказы важными финансовыми учрежденіями. Послѣднее обстоятельство вызвало разстройство стараго строя писцоваго дѣла: Большой Приходъ и чети вели дѣло небрежно и неудовлетворительно, а Ямской и Стрѣлецкій приказы, недовольные этимъ, стали вмѣшиваться, но не могли взять его въ свои руки совсѣмъ. Одновременно съ этимъ сильный ростъ служилаго землевладѣнія, основательно запутаннаго Смутой и послѣсмутными неурядицами, выдвигалъ на первое мѣсто Помѣстный приказъ. Такимъ образомъ, вокругъ писцоваго дѣла столпилось, если можно такъ выразиться, нѣсколько приказовъ, изъ которыхъ каждый предъявлялъ свои требованія, но ни одинъ не имѣлъ надлежащихъ знаній и средствъ вести дѣло успѣшно. Въ итогѣ получилось, что писцовое дѣло осталось безъ руководителя какъ разъ въ то время, когда измѣнившіяся условія жизни поставили на очередь новыя, трудныя задачи.

Особенно трудной, какъ мнѣ кажется, была задача сошнаго оклада (опредѣленіе окладовъ живущаго), такъ какъ огромныя перемѣны въ обложеніи и вообще въ жизни населенія лишали возможности примѣриваться къ прошлому и требовали выработки новыхъ пріемовъ оклада. При такой обстановкѣ возникли первые указы о дворовой чети. Дошедшіе до насъ источники пріурочиваютъ къ 128 г. указъ относительно 9—10 уѣздовъ, а къ 131 г. указъ о 32 городахъ. Эти указы, несомнѣнно, были даны для дозоровъ 128—129 гг., такъ какъ описанія начались только въ 131 г.[1]). Замѣчу еще, что точности пріуроченья

---

[1]) Если не считать Арзамаса и Нижняго, о которыхъ было упомянуто выше.

извѣстныхъ намъ указовъ къ опредѣленнымъ годамъ довѣрять вполнѣ нельзя, и возможно, что указы касались бо́льшаго числа городовъ. Ниже я подробно изслѣдую исторію дворовой чети, а здѣсь отмѣчу обстоятельство, которое, какъ мнѣ кажется, имѣло большое значеніе для хода дозоровъ 128—129 гг. и послѣдующихъ описаній. Дѣло въ томъ, что указы о дворовой чети, давая объективную норму сошнаго оклада, позволяли отдѣлить сошный окладъ отъ прочихъ работъ дозорщиковъ и писцовъ. Дѣйствительно, если сошный окладъ опредѣляется по числу дворовъ, а не по силамъ, какъ было раньше, то все сводится къ ариѳметическимъ выкладкамъ, которыя можно сдѣлать во всякое время, и при описаніи и послѣ него, и поручить его писцамъ и дозорщикамъ или сдѣлать совершенно независимо отъ нихъ на Москвѣ въ приказѣ.

Этимъ только можно объяснить тотъ несомнѣнный фактъ, что ни писцы, ни дозорщики не получили въ наказахъ предписаній о дворовомъ окладѣ. Относительно писцовъ, посланныхъ со 133 г., мы имѣемъ прямыя указанія: докладъ 19 марта 138 г. начинается заявленіемъ: «Въ прошломъ во 133-мъ и во 135-мъ году посланы писцы въ разные городы, а почему имъ крестьянъ и бобылей на живущую пашню на четь класть, и того не указано»[1]). «Не указано» слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что не было предписано писцамъ, такъ какъ указы были, и ниже они приведены въ томъ же докладѣ. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ, не были даны указы и дозорщикамъ. Такъ, въ 128 г. былъ данъ указъ, между прочими городами, и относительно Романова. Между тѣмъ, дозорщики уѣзда 128—129 гг., очевидно, не получили этого указа и положили уѣздъ въ 9 сохъ. Этотъ окладъ вызвалъ челобитье уѣздныхъ людей, и въ началѣ 131 г. по указу государей уѣздъ былъ положенъ въ соху съ четью [2]). Несомнѣнно, что послѣдній окладъ былъ слѣдствіемъ примѣненія къ уѣзду указа 128 года.

Возможностью отдѣлить сошный окладъ отъ прочихъ описательныхъ работъ приказы начали пользоваться, судя по всему, въ широкой мѣрѣ. Такъ, въ 131 г. Ямской приказъ, независимо отъ Новгородской чети и Помѣстнаго приказа, изготовилъ и послалъ на Вологду платежницу съ дозора 128—129 гг., когда дозорщики еще не окончили

[1]) Ак. п. д., II, № 70.
[2]) Тамъ же, I, №№ 109 и 110.

своей работы и додѣлывали книги [1]). Платежницу Калужскаго уѣзда съ дозора 128 г. изготовилъ тоже Ямской приказъ, а платежницы — Козельскаго уѣзда съ дозора 128 г. и Боровскаго уѣзда съ дозора 129 г. изготовилъ Помѣстный приказъ. Кромѣ вмѣшательства Ямского, а можетъ быть и Стрѣлецкаго приказа, это обстоятельство имѣло еще то слѣдствіе, что открывало возможность пользоваться незаконченными дозорами и даже неудовлетворительными въ иныхъ отношеніяхъ, если только въ нихъ была исполнена перепись дворовъ.

Выше я говорилъ, что послѣ неудачной попытки ускорить и улучшить дозорное дѣло путемъ образованія особаго приказа, правительство около 130 г. рѣшило передать его Помѣстному приказу. Это создало такое положеніе: чети и Ямской и Стрѣлецкій приказы, заинтересованные только въ финансовой сторонѣ описаній, взимали налоги либо по старымъ окладамъ, либо вмѣшивались въ дѣло и устанавливали оклады независимо другъ отъ друга и отъ Помѣстнаго приказа, а Помѣстный приказъ, совершенно не заинтересованный въ окладномъ дѣлѣ, не спѣшилъ съ новыми описаніями. Этимъ только можно объяснить небольшое количество описаній, предпринятыхъ со 131 года.

Судя по сохранившимся, довольно полнымъ, даннымъ, въ 131—132 гг. было предпринято описаніе 5—6 городовъ: Москвы, Звенигорода, Клина, Перемышля (?), Ржевы Владимировы и Старицы [2]). Въ 133 г. и въ 134-мъ до майскаго пожара было начато описаніе семи городовъ: Бѣлоозера, Волуйки, Вереи, Можайска, Новгорода Великаго, Орла и Рузы. Подъ 134-мъ годомъ показываются въ источникахъ описанія еще 11 городовъ: Брянска, Бѣлгорода, Вереи, Волока Ламскаго, Воротынска, Вязьмы, Карачева, Лихвина, Лукъ Великихъ, Мещовска и Можайска, но относить ихъ всѣ ко времени до пожара нельзя. Такъ, относительно Вязьмы есть опредѣленное указаніе, что описывать ее писцы были посланы послѣ пожара. Я подчеркиваю это обстоятельство, такъ какъ пожаръ 134 г. имѣлъ большое значеніе для хода дальнѣйшихъ описаній.

Итакъ, въ промежуткѣ времени со 128 г. и до пожара 134 г. было предпринято сравнительно немного описаній. Если считать и Псковъ, куда писцовъ въ 131 г. послала Новгородская четь, то навѣрное были

[1]) См. выше, стран. 22 и 207.

[2]) Сверхъ того Новгородская четь въ 131 г. послала писцовъ во Псковъ, а Казанскій Дворецъ — въ 132 г. на Алатырь и въ Курмышъ.

начаты описанія только въ 15—16 городахъ, а если принять во вниманіе 10 сомнительныхъ городовъ, указанныхъ выше [1]), то итогъ предпринятыхъ описаній можно довести до 20 съ немногимъ городовъ. Это составляетъ едва четвертую часть всѣхъ городовъ вѣдомства Помѣстнаго приказа.

Изъ всѣхъ этихъ описаній до пожара были окончены очень немногія. Описанія 133—134 гг. и не могли быть закончены въ такой короткій срокъ, а относительно большинства болѣе раннихъ есть прямыя указанія, что они были окончены гораздо позже. Только относительно книгъ Клинскаго уѣзда и части Московскаго есть указанія, что онѣ были поданы писцами до пожара и сгорѣли въ Помѣстномъ приказѣ, при чемъ клинскія книги были сдѣланы писцами вновь по черновикамъ.

Пожаръ 3 мая 134 г. произвелъ страшныя опустошенія въ приказныхъ архивахъ. Нѣкоторые приказы, напр. Разрядъ и Новгородская и Устюжская чети, спасли часть своихъ дѣлъ, но архивъ Помѣстнаго приказа сгорѣлъ, повидимому, цѣликомъ. Помѣстный приказъ вскорѣ послѣ пожара принялъ мѣры къ возстановленію своихъ дѣлъ: затребовалъ списки съ писцовыхъ и другихъ книгъ, съ различныхъ грамотъ, выписей и т. п. изъ городовъ отъ воеводъ [2]) и отъ дозорщиковъ и писцовъ, у которыхъ уцѣлѣли приправочныя книги и черныя книги ихъ письма [3]), но всего этого было далеко недостаточно. Если до пожара Помѣстный приказъ пробавлялся еще несовершенными дозорами и устарѣлыми описаніями и медлилъ съ новыми описаніями, то теперь послѣднія стали необходимостью.

Посылать писцовъ тотчасъ было, однако, невозможно, такъ какъ нужно было привести сначала въ извѣстность уцѣлѣвшія дѣла и изготовить приправочныя книги. Такъ были пропущены лѣто и осень 134 г., и описанія пришлось отложить до весны 135-го. Въ 134 г., насколько мнѣ извѣстно, писцы были посланы въ очень немногіе города: въ Московскій уѣздъ, въ Бѣжецкую пятину, въ Вязьму и въ нѣкоторые изъ городовъ, о которыхъ я говорилъ выше [4]). Пропустилъ Помѣстный приказъ и зиму 135 г. и только во второй

---

[1]) Брянскъ и другіе, безъ Вязьмы.

[2]) Ак. п. д., I, № 214.

[3]) См. объ этомъ въ Указной книгѣ Помѣстнаго приказа.

[4]) См. выше, стран. 210, — Брянскъ и другіе.

половинѣ апрѣля взялся за изготовленіе приправочныхъ книгъ. По столбцу Помѣстнаго приказа, напечатанному Н. Н. Ардашевымъ[1]), съ апрѣля и лѣтомъ 135 г. въ Московскомъ, Рязанскомъ, Псковскомъ, Владимирскомъ и Ярославскомъ столахъ Помѣстнаго приказы были изготовляемы приправочныя книги по 42 городамъ. Несомнѣнно, что не во всѣ эти города удалось послать писцовъ, такъ какъ изготовленіе приправочныхъ книгъ задержалось, но съ другой стороны были посланы писцы въ нѣкоторые города другихъ столовъ (напр., въ Касимовъ и Ржеву Пустую), и въ общемъ сразу было послано столько писцовъ, какъ никогда раньше. Въ 136 г. мы видимъ писцовъ уже по меньшей мѣрѣ въ 60 городахъ, что вмѣстѣ съ описаніями, начатыми до пожара, составляло очень значительную часть (болѣе четырехъ пятыхъ) всѣхъ городовъ Помѣстнаго приказа. Наконецъ, въ 137 г. были начаты запоздалыя описанія остальныхъ городовъ.

Разсмотримъ теперь, какъ шло дѣло, поведенное, наконецъ, въ такихъ крупныхъ размѣрахъ.

Приведу цѣлый рядъ указаній на время работы и подачи книгъ въ приказъ, оговорившись, что при желаніи количество этихъ указаній можно значительно увеличить[2]).

Алексинскіе писцы, посланные не позже 136 г., въ 139 г. еще работали въ уѣздѣ. Поданныя ими въ приказъ книги были неисправчивы и въ январѣ 143 г. хранились въ Помѣстномъ приказѣ опечатанными, — «потому что тѣ книги довелось передѣлать изнова». Позже книги были исправлены, и въ 148 г. ими пользовались для дѣлъ. Балахонскіе писцы Зах. Быковъ и подьячій Пятый Колобовъ, посланные, повидимому, въ томъ же 136 г., подали свои книги 3 декабря 140 г. Описаніе Брянскаго уѣзда было начато въ 134 г., а книги поданы не ранѣе 139 г. Писцы Бѣжецкаго Верха, посланные въ 135 г., подали книги 14 мая 140 г. Писцы Бѣлевскаго уѣзда, посланные въ 136 г., подали книги 17 декабря 141 г. Описаніе Бѣлозерскаго уѣзда, начатое въ 134 г. до пожара, въ іюлѣ 138 г. еще не было утверждено. Верейскіе писцы, посланные въ сентябрѣ 134 г., еще не закончили своей

[1]) Древнѣйшій столбецъ Помѣстнаго приказа о заготовкѣ приправочныхъ книгъ для писцовъ 135 г. М. 1909 г. Ср. Ак. п. д., I, № 248.

[2]) Кромѣ указаній, встрѣчающихся болѣе или менѣе случайно, въ разныхъ источникахъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на отмѣтки въ Помѣстномъ приказѣ на книгахъ о времени подачи ихъ писцами.

работы въ 137 г. Описаніе Дѣдиловскаго уѣзда, начатое въ 135 г., было окончено не ранѣе 140 г., а платежница была изготовлена въ 141 г. Описаніе небольшого уѣзда Звенигорода, начатое въ 132 г., еще не было закончено въ 137 г. Книги Каширскаго уѣзда 135—137 гг. были сданы писцами въ приказъ въ началѣ 141 г. Книги Лихвинскаго уѣзда 134—135 гг. еще не были сданы въ приказъ въ сентябрѣ 140 г. Муромскіе писцы, посланные въ 135 г., въ іюлѣ 139 г. еще сидѣли у справки книгъ. Описаніе Псковскаго уѣзда, начатое въ 131 г., еще не было окончено въ 137-мъ. Описаніе Тульскаго уѣзда, начатое въ 135 г., еще не было окончено въ февралѣ 141 г. Писцы Ярославецкаго уѣзда, посланные въ 136 г., въ мартѣ 141 г. еще сидѣли у книгъ.

Такъ шли описанія, не осложнявшіяся, насколько мнѣ извѣстно, такими случайными причинами, какъ смерть писцовъ, жалобы населенія на «неправое письмо» и т. п. Между тѣмъ, такія случайности и внѣшнія задержки вовсе не были рѣдкостью. Артемій Лодыгинъ и подьячій Мих. Клементьевъ, посланные въ 135 г. описывать Владимирскій уѣздъ, оба умерли, не додѣлавъ своихъ книгъ, — первый въ 141 г., а второй во 140 г. Описаніе, прерванное смертью писцовъ и задержанное Смоленской войной, въ 144 г. было поручено другимъ писцамъ. Юр. Мусинъ-Пушкинъ и подьячій Сидоръ Андреевъ тоже умерли, не сдавши въ приказъ своихъ книгъ, и новое описаніе Вяземскаго уѣзда было предпринято много позже — въ 172 или въ 173 г. Также умерли во время описанія оба писца половины Галицкаго уѣзда — кн. Никифоръ Мещерскій и подьячій Ѳеоктистъ Тихомировъ, и описаніе окончилъ уже послѣ войны Никита Беклемишевъ. Работа мценскихъ писцовъ вызвала жалобы, и въ 139—140 гг. въ уѣздъ были посланы сыщики про неправду писцовъ. Описаніе Суздальскаго уѣзда, начатое въ 135 г., было, повидимому, уже закончено, когда суздалецъ И. Хрипковъ донесъ объ утайкѣ старыхъ книгъ и большого количества земли, и государи указали произвести новое описаніе. Однако, посылка писцовъ была отсрочена «для службы» суздальцевъ, т.-е. потому, что суздальцы были въ Смоленскомъ походѣ.

Нѣкоторая часть описаній, неоконченныхъ къ Смоленской войнѣ, была прервана, такъ какъ писцы и ихъ товарищи были взяты на войну. Такъ, въ 140 г. къ боярину М. Б. Шеину были взяты подьячіе у писцовъ: у ярославскаго писца Мирона Хлопова — подьячій Акимъ Ларіоновъ, у вологодскаго писца Сем. Коробьина — Сем. Петровъ,

у костромского писца кн. Вас. Волконскаго — Елисей Аѳанасьевъ, у рязанскаго писца Кирилла Вельяминова — Мих. Семеновъ[1]). Къ прерваннымъ войной описаніямъ, повидимому, принадлежитъ и описаніе Козельскаго уѣзда. Книги всѣхъ этихъ уѣздовъ, а частью и самыя описанія, пришлось додѣлывать послѣ войны.

Медленность описаній происходила, несомнѣнно, отъ многихъ и различныхъ причинъ. Я нахожу возможнымъ ограничиться по этому вопросу краткими замѣчаніями и обращу особое вниманіе только на финансовую сторону, т.-е. на примѣненіе указовъ о дворовой чети и на изготовленіе платежницъ.

Одну изъ главныхъ причинъ медленности слѣдуетъ видѣть, какъ мнѣ думается, въ сложности и широтѣ поставленныхъ писцамъ задачъ. Писцы должны были провѣрять основанія владѣнья землей и угодьями, разбирать множество тяжбъ на этой почвѣ и измѣрять и межевать множество спорныхъ, большею частью новыхъ, владѣній. Такія же въ общемъ задачи исполняли писцы и ранѣе, но положеніе писцовъ 129-го и слѣдующихъ годовъ было во многихъ отношеніяхъ гораздо болѣе неблагопріятнымъ. Дѣло въ томъ, что дозоры 120—129 гг., преслѣдовавшіе финансовыя цѣли, обходили всѣ эти задачи и не могли служить писцамъ приправочнымъ матеріаломъ, а досмутныя описанія слишкомъ устарѣли и сохранились къ тому же далеко не по многимъ уѣздамъ. Между тѣмъ, во время Смуты и послѣ нея въ руки служилыхъ людей перешло очень большое количество черныхъ и дворцовыхъ земель и перешло, при томъ, далеко не всегда вполнѣ правильно. Служилые люди захватили много государственныхъ земель и во время и по поводу этого захвата затѣяли множество ссоръ и тяжбъ, которыя доставляли правительству много хлопотъ всю первую половину XVII в.[2]). Выясненіе и ликвидація этихъ запутанныхъ Смутой узловъ выпали на долю писцовъ и сильно замедляли описанія.

Къ этимъ причинамъ, замедлявшимъ описанія, присоединилось колебаніе Помѣстнаго приказа въ вопросѣ о положеніи въ живущее. Неизвѣстно, потому ли, что правительство надѣялось возстановить сошное письмо на старыхъ началахъ, или по другимъ основаніямъ, но только несомнѣнно, что оно не спѣшило съ примѣненіемъ указовъ

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1632 г. № 59.

[2]) Въ дѣлахъ Помѣстнаго приказа сохранилось много судныхъ дѣлъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, начало которыхъ коренилось въ «воровствѣ» Смутнаго времени.

о дворовой чети и тѣмъ замедлило описанія и примѣненіе описаній къ взиманію налоговъ. Я уже упоминалъ, что писцы не получили въ наказахъ указа, какъ класть въ живущее дворы; многіе писцы не получили надлежащаго указа и позже, во время работы на мѣстахъ.

Писцы, зная, несомнѣнно, о существованіи указовъ, но не получивши ихъ, работали различно. Нѣкоторые положили частновладѣльческія земли въ живущее на старыхъ началахъ и подали въ такомъ видѣ книги въ Помѣстный приказъ. Такъ было, напр., съ писцами Галицкаго уѣзда. Товарищъ писца, подьячій Жданъ Ромодановъ, билъ челомъ въ іюнѣ 140 г. о жалованьѣ и писалъ въ челобитной, что въ 136 г. онъ былъ посланъ съ Никитой Ласкиревымъ описывать уѣздъ, — «и тѣмъ землямъ книги я, холопъ твой, сдѣлавъ, отдалъ въ Помѣстный приказъ съ живущею пашнею, что за кѣмъ наѣхали четвертныя пашни въ живущемъ»... «А нынѣ мнѣ, холопу твоему, велѣно тѣмъ же землямъ дѣлать другія книги, и живущую пашню класти по своему государеву уложенью противъ крестьянъ и бобылей»[1]). Класть «противъ крестьянъ и бобылей» — значитъ положить въ живущее по указу о дворовой чети. Такимъ образомъ, писцамъ пришлось передѣлывать книги наново.

Нѣкоторые писцы поступили благоразумнѣе — не клали совсѣмъ въ живущее, а оставляли въ своихъ книгахъ чистыя мѣста, въ которыя позже и вписали оклады живущаго по данному имъ указу. Однако, и здѣсь не обходилось иногда безъ напрасной двойной работы. Извѣстно, что правительство, подъ вліяніемъ служилыхъ людей, измѣнило первоначальные указы и значительно облегчило окладъ, увеличивъ число дворовъ на четь пашни. Поэтому тѣмъ писцамъ, которые поспѣшили примѣнить данный имъ указъ, пришлось позже передѣлывать книги наново. Въ такомъ положеніи оказались писцы Луцкаго уѣзда. Въ 140 г. подьячій Евлампій Шатохинъ билъ челомъ о жалованьѣ и писалъ, между прочимъ, въ челобитной, что онъ былъ посланъ съ Тим. Боборыкинымъ описывать уѣздъ, «и книги луцкія были въ додѣлкѣ, и въ платежъ по твоему государеву указу было положено по 12 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ на четь. И били челомъ тебѣ, государю, луцкіе помѣщики, что имъ такъ твоихъ государевыхъ податей за пустотою платить невозможно, и по твоему

---

[1]) Расходные книги и столпы Помѣстнаго приказа, I т., стран. 32. Москва. 1910 г. Изд. подъ редакціей Н. Н. Ардашева.

государеву указу прислана къ намъ другая память — велѣно положить по 20 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ на четь, и для того книги велѣно передѣлать по новому твоему государеву указу»[1]).

Колебанія и нерѣшительность правительства задерживали примѣненіе новыхъ описаній къ сбору налоговъ, и на это обстоятельство слѣдуетъ обратить вниманіе.

Въ августѣ 136 г. и въ октябрѣ и ноябрѣ 137 г. Ямской приказъ въ четырехъ памятяхъ запрашивалъ у Помѣстнаго платежныхъ книгъ съ новыхъ описаній. Въ памятяхъ Ямской приказъ писалъ, что по указу государя и по приговору бояръ ему велѣно взять платежницы «тотчасъ», а въ памяти 23 октября прибавлялъ, что «съ тѣхъ городовъ, которые дозираны новыми дозоры, ямскихъ денегъ сбирати не по чему, — послѣ Московскаго разоренья и посямѣстъ тѣ городы были въ избыли»[2]). Послѣднее выраженіе, конечно, не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что эти города совсѣмъ не платили ямскихъ денегъ, — этому противорѣчатъ факты, — но несомнѣнно, что взиманіе налоговъ по устарѣвшимъ дозорамъ, частью 128—129 гг., а частью болѣе ранняго времени, иногда въ пониженныхъ окладахъ (Бѣлоозеро), было очень невыгодно для казны и представляло значительныя неудобства. Неравномѣрность обложенія по старымъ дозорамъ, нежелательная сама по себѣ, сильно препятствовала повышенію окладовъ посошныхъ налоговъ и даже вынуждала понижать ихъ. Интересное подтвержденіе этому мы находимъ въ грамотѣ 130 г. въ Муромъ, на которую я уже не разъ ссылался. Послѣ указанія на то, что дозорщики работаютъ медленно и кладутъ въ живущее не по правдѣ, и что они посажены для ускоренія работы на царскомъ дворѣ, въ грамотѣ сказано: «и тѣ книги вскорѣ нынѣ не поспѣютъ, и наши доходы за тѣмъ стали». Послѣ этого введенія въ грамотѣ сказано, что не сбирать ямскихъ денегъ нельзя, а чтобы «сошнымъ людямъ въ ямскихъ деньгахъ тягости не было», государи ихъ пожаловали — въ 129 г. понизили окладъ съ 800 руб. съ сохи до 584 руб., а на 130 г. велѣли

---

[1]) Расходные книги и столпы Помѣстн. приказа, стран. 27. Срав. тамъ же, стран. 62, челобитье подьячаго Я. Девятаго, іюня 141 года: «а подьячій Евлампій былъ въ письмѣ на Лукахъ Великихъ, и книгъ онъ луцкихъ не отдѣлалъ, а луцкихъ книгъ будетъ ему дѣлать многое время». Указъ луцкимъ писцамъ класть по 20 дворовъ посланъ 23 декабря 139 г. Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа ст-цъ Вотчинной записки № 29, общій № 18859.

[2]) Ак. п. д., II, № 43.

взять по 468 руб.[1]). Возможно, что этимъ же объясняется пониженіе оклада ямскихъ денегъ на 139—141 гг. до 400 руб. съ сохи, несмотря на то, что правительство въ это время очень нуждалось въ деньгахъ и сверхъ обычныхъ налоговъ назначило сборъ нѣсколькихъ тяжелыхъ чрезвычайныхъ.

Вернемся къ запросу Ямского приказа. Въ отвѣтъ на него Помѣстный приказъ послалъ въ октябрѣ платежницы только 4 городовъ: Орла, Ржевы, Рузы и Старицы, а про остальные города писалъ, что они еще не описаны [2]). Отмѣчу, что описаніе трехъ изъ этихъ городовъ было начато еще въ 132 и 133 гг. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что въ это время, т.-е. къ началу 137 г., указы о дворовой чети были уже примѣнены и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ: въ Арзамасѣ и въ Нижнемъ, описаніе которыхъ было начато въ 128—129 гг., въ Бѣжецкой и Шелонской пятинахъ и въ Клину. Къ марту 138 г., ко времени перваго большого доклада государю о дворовой чети [3]), были сдѣланы, по моему предположенію, платежницы еще нѣсколькихъ городовъ: Звенигорода, Можайска, Москвы, Погорѣлаго и нѣкоторыхъ другихъ. Въ общемъ же, несомнѣнно, что къ этому времени платежницы были изготовлены по немногимъ городамъ, да и тѣ пришлось въ нѣкоторой части передѣлывать, такъ какъ нормы дворовой чети были понижены послѣдующими указами.

Указъ 19 марта 138 г. устанавливалъ нормы для 69 городовъ, отчасти подтверждая старыя нормы, а для нѣкоторыхъ городовъ давая ихъ вновь. Слѣдующій указъ — 10 ноября 139 г. — касался 13 городовъ, въ числѣ которыхъ было 3 такихъ, которые не упомянуты въ указѣ 138 г. Слѣдующіе указы — 18 января и 21 апрѣля 139 г. — касались: первый 36 городовъ, а второй — 22. Въ общей сложности эти 4 указа устанавливали нормы, по моему подсчету, для 75 городовъ. Эту сумму можно считать показателемъ количества городовъ, въ которыхъ дворовая четь ко времени этихъ указовъ не была еще примѣнена къ новымъ описаніямъ.

Не видно, чтобы Помѣстный приказъ особенно спѣшилъ примѣнить вышеприведенные указы и изготовить платежницы. Такъ, мартовскій

---

[1]) А. А. Э., III, № 121.
[2]) Ак. п. д., II, № 43.
[3]) Тамъ же, № 70.

указъ 138 г. былъ сообщенъ писцамъ только 25 мая того же года [1]). Указъ 10 ноября 139 г. былъ сообщенъ писцамъ въ концѣ декабря. Послѣдующіе указы были сообщены быстрѣе. Такъ, указъ 21 апрѣля былъ посланъ многимъ писцамъ черезъ 3 дня, т.-е. 24 апрѣля [2]).

Итакъ, огромное большинство писцовъ получило окончательные указы не ранѣе зимы 139 г., а частью къ веснѣ того же года. Такимъ образомъ, даже въ лучшемъ случаѣ, если не было другихъ задержекъ и если описаніе было уже закончено, платежницы могли быть изготовлены только лѣтомъ 139 г. Между тѣмъ, мы знаемъ, что многія описанія въ это время не были еще закончены, а нѣкоторыя изъ нихъ вскорѣ за тѣмъ прерваны Смоленской войной.

14 октября 141 г. государи указали взять немедленно изъ Помѣстнаго приказа въ Ямской «всѣхъ городовъ съ новыхъ писцовыхъ книгъ платежныя книги», и Ямской приказъ сообщилъ объ этомъ памятью отъ 15 октября. Черезъ 3 недѣли Ямской приказъ другой памятью напоминалъ объ этомъ Помѣстному приказу, такъ какъ «изъ Помѣстнаго приказа съ писцовыхъ книгъ платежныхъ книгъ ноября по 8-е число не прислано»[3]). Эти двѣ памяти показываютъ, что въ это время Ямской приказъ былъ вынужденъ сбирать ямскія деньги во многихъ городахъ по старымъ дозорамъ, такъ какъ не имѣлъ новыхъ платежницъ. Послѣднее подтверждается цѣлымъ рядомъ различныхъ свидѣтельствъ.

22 іюля 140 г. Новгородская четь запрашивала Помѣстный приказъ, по скольку дворовъ на четь положено на Бѣлоозерѣ, въ Галичѣ и на Вологдѣ. Помѣстный приказъ, въ памяти 25 августа, отвѣчалъ на этотъ вопросъ, при чемъ въ черновикѣ памяти сначала было написано: «положено», а затѣмъ зачеркнуто и поправлено: «велѣно положить»[4]). Въ Архивѣ Министерства Юстиціи хранится, между прочимъ, сборникъ платежницъ по 18 городамъ, на которомъ отмѣчено, что списки съ нихъ посланы въ Ямской приказъ въ 141 г.[5]). Изъ помѣты на Бо-

[1]) Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа ст-цъ Вотчинной записки № 29, общій № 18859. Черновики памятей писцамъ: Рыльска, Путивля, Касимова, Брянска, Карачева, Лукъ Великихъ, Твери, Ржевы Пустой, Углича и Торопца.

[2]) Тамъ же.

[3]) Ак. п. д., II, № 100.

[4]) Арх. М. Ю., Помѣстнаго приказа, по Бѣлоозеру оклеенный ст-цъ № 190, докум. № 49.

[5]) Писц. кн. № 409. Города: Алексинъ, Болховъ, Боровскъ, Венева, Данковъ, Дѣдиловъ, Епифань, Калуга, Лебедянь, Оболенскъ, Одоевъ, Ряжскъ, Рязань, Серпуховъ, Солова, Таруса, Тула и Чернь.

ровской платежницѣ видно, что это было сдѣлано не раньше конца декабря[1]). Указъ относительно Заонежскихъ погостовъ былъ данъ государями 12 декабря 140 г., а платежницы сдѣланы въ 141 г.[2]). Описанія Арзамаса и Нижняго были утверждены еще въ 136 г., но служилые люди этихъ городовъ, соблазненные уступками, сдѣланными правительствомъ въ нормахъ дворовой чети въ 139 г. другимъ городамъ, били челомъ о болѣе легкомъ окладѣ, и государи 4 августа 140 г. указали положить Арзамасъ и Нижній противъ Курмыша и Алатыря. Во исполненіе этого указа Помѣстный приказъ въ концѣ 141 г. или въ началѣ 142-го сдѣлалъ новыя платежницы по этимъ двумъ городамъ [3]).

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ фактовъ можно сказать съ увѣренностью, что большинство платежницъ было сдѣлано наспѣхъ передъ самой войной и во время войны, а значительную часть пришлось дѣлать и послѣ войны. Помимо многихъ описаній, удачно законченныхъ во время войны и тотчасъ послѣ нея, можно указать десятка полтора и такихъ городовъ, въ которыхъ пришлось, по тѣмъ или инымъ причинамъ, производить описанія въ 30—40-хъ годахъ, частью вновь взамѣнъ отвергнутыхъ, а частью дополнительно къ начатымъ до войны[4]). Къ сожалѣнію, нельзя сказать опредѣленно, когда были закончены эти запоздалыя описанія и сдѣланы платежницы, но мнѣ кажется вѣроятнымъ, что это произошло не ранѣе 145—146 гг. и не позже 149—150 гг. Послѣ этого оставалось, насколько мнѣ извѣстно, только 3 города, въ которыхъ обновленіе земли новыми писцами затянулось на послѣднее десятилѣтіе первой половины вѣка: Владимиръ, Рязань и Юрьевъ Польскій.

Я разсмотрѣлъ подробно вопросъ объ изготовленіи платежницъ, такъ какъ онъ имѣетъ, какъ мнѣ кажется, большое значеніе въ исторіи посошнаго обложенія. Дѣло въ томъ, что правительство, уступая наканунѣ войны служилымъ людямъ въ указахъ о дворовой чети, прекрасно понимало, что это очень убыточно для казны. Если оно шло на это, то только потому, что не было уже времени торговаться

---

1) Тамъ же, л. 692.

2) Ак. п. д., II, №№ 96—98.

3) Тамъ же, № 113.

4) Къ такимъ городамъ можно увѣренно причислить: Алексинъ, Владимиръ, Галичъ, Кострому, Козельскъ, Москву, Мценскъ, Рязань, Суздаль, Юрьевъ Польскій и Ярославль, не считая другихъ, сомнительныхъ.

и оттягивать примѣненіе новыхъ описаній къ сбору налоговъ. По указаннымъ выше причинамъ примѣненіе указовъ о дворовой чети и изготовленіе платежницъ задержалось и было выполнено въ большей части во время войны и вскорѣ нея. Послѣ этого оставалось, однако, еще десятка полтора городовъ, описанія которыхъ и платежницы были сдѣланы въ слѣдующее пятилѣтіе. Когда, наконецъ, обновленіе Земли новыми описаніями было закончено, то стало яснымъ и легко опредѣлимымъ то, что правительство, несомнѣнно, предвидѣло,—значительное уменьшеніе сошныхъ окладовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіе дохода отъ посошныхъ налоговъ. До окончанія и примѣненія новыхъ описаній, хотя бы не по всѣмъ, но по большинству городовъ, не было возможности значительно повысить оклады посошныхъ налоговъ, тѣмъ болѣе, что для Смоленской войны съ населенія былъ взятъ цѣлый рядъ чрезвычайныхъ налоговъ, но по мѣрѣ завершенія описаній правительство постаралось и поспѣшило наверстать повышеніемъ окладовъ налоговъ то, что оно потеряло отъ пониженія сошныхъ окладовъ. Окладъ ямскихъ денегъ съ 400 руб. на соху въ 142 г. былъ повышенъ до 534 руб., а въ 149 г. — до 726 руб. Еще значительнѣе было повышеніе оклада стрѣлецкаго хлѣба. Въ 139—144 и въ 147—148 гг. окладъ былъ 100 юфтей съ сохи, а въ 145 и 146 гг. — 200 юфтей. Въ 149 или 150 г. онъ былъ увеличенъ, сравнительно съ первыми годами, въ 7 разъ и достигъ 700 юфтей, при чемъ цѣна юфти, сравнительно съ 139—141 гг., была значительно увеличена, именно съ 26 ал. 4 д. за юфть до 32 ал.[1]).

Послѣдующія описанія, т.-е. описанія середины и третьей четверти вѣка, произведенныя въ нѣкоторыхъ городахъ, большею частью по настойчивымъ челобитьямъ населенья, не представляютъ большого интереса и не требуютъ подробнаго изслѣдованія. Поэтому, разсказавъ о нихъ вкратцѣ, я постараюсь выяснить другой, гораздо болѣе важный вопросъ, именно вопросъ о переписи 154—155 гг. и объ отношеніи ея къ предшествовавшимъ ей и къ послѣдующимъ описаніямъ.

Насколько мнѣ извѣстно, Галицкая и Владимирская чети въ это время дозоровъ и описаній не предпринимали. Въ вѣдомствѣ Новго-

---

[1]) См. Сошное письмо, I, глава IV и приложенія XIII и XIV.

родской чети мнѣ извѣстенъ только одинъ дозоръ — это дозоръ мордовскихъ земель Арзамасскаго уѣзда Дан. Зубова и подьячаго Родіона Иванова 149 г. Гораздо значительнѣе была дѣятельность Устюжской чети. Въ 143 г., по челобитью чернослободцевъ, была дозрена Венева, сильно разоренная въ 140 г. крымскимъ царевичемъ [1]). Въ 153—154 гг. былъ дозренъ посадъ Вязьмы. Дозоръ былъ вызванъ слѣдующими обстоятельствами. Вязьма была свободна до 142 г. отъ платежа ямскихъ денегъ и до 143 г. отъ стрѣлецкаго хлѣба, а четвертные доходы платила по описанію 135 г. Ямскія деньги она заплатила только на 142 г., а стрѣлецкій хлѣбъ платила по 147 г. включительно, а на всѣ остальные годы — въ ямскихъ деньгахъ по 153 г., а въ стрѣлецкихъ по 154 г. — Вязьмѣ была дана льгота за разоренье и за тяжелыя повинности, понесенныя ею въ Смоленскую войну. Такимъ образомъ, Вязьмѣ, положенной въ 135 г. въ сошное письмо примѣнительно къ однимъ четвертнымъ налогамъ, предстояло со 154 г. начать платить ямскія и стрѣлецкія деньги, не предусмотрѣнныя описаніемъ 135 г. и превосходившія во много разъ четвертные доходы. Поэтому вязьмичи въ началѣ 153 г. стали бить челомъ государю о дозорѣ, который и былъ произведенъ въ 153—154 гг. Дозоръ еще не былъ законченъ, когда Помѣстный приказъ послалъ въ Вязьму, совершенно независимо отъ дозора, переписчиковъ для переписи дворовъ. Такъ какъ дозорщики не рѣшились сами положить вязьмичей въ сошное письмо, то Устюжская четь, желая, очевидно, провѣрить работу дозорщиковъ при помощи переписныхъ книгъ, отложила разсмотрѣнье дозорныхъ книгъ до окончанія переписи. Когда перепись была закончена, то Устюжская четь запросила о результатахъ ея Помѣстный приказъ, и въ октябрѣ 155 г. составила государю докладъ, въ которомъ былъ поставленъ вопросъ: «вязьмичъ посадскихъ людей въ сошное письмо или въ четвертную пашню въ живущее положить противъ котораго города и по которымъ книгамъ, по дозорнымъ ли Семена Воейкова да дьяка Дмитрія Прокофьева или по переписнымъ книгамъ Романа Боборыкина, что по Романовѣ переписи передъ дозорными книгами дворовъ и людей объявилось больше?» По этому докладу государь указалъ положить на Вязьму ямскія и стрѣлецкія деньги оброкомъ, и вопросъ о сошномъ окладѣ

---

[1]) Дѣло о дозорѣ Веневы см. Ак. п. д., II, №№ 104—112.

и объ использованіи для него данныхъ переписи былъ обойденъ. Вязьмичи, находя положенный на нихъ оброкъ слишкомъ тяжелымъ, били челомъ вновь, и въ іюлѣ Устюжская четь вторично докладывала дѣло государю и поставила въ докладѣ тотъ же вопросъ. Однако, и на этотъ разъ государевъ указъ обошелъ вопросъ о примѣненіи переписныхъ книгъ къ сошному окладу: государь указалъ сбавить съ стараго сошнаго оклада, положеннаго на Вязьму въ 135 г., 100 четей и платить съ остальныхъ 200 четей. Черезъ годъ (въ іюнѣ 156 г.), по новому челобитью вязьмичей, дѣло было выписано въ докладъ государю вновь и въ мартѣ 157 г. доложено. По государеву указу и боярскому приговору Вязьму, наконецъ, было велѣно положить по переписнымъ книгамъ противъ Калуги, по 4 двора на четь, всего 240 дворовъ въ 60 четей [1]).

По поводу дозоровъ и описаній Устюжской чети въ Поморскихъ городахъ слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Выше я говорилъ о томъ, что посланные въ эти города въ 128 г. дозорщики и въ 131 г. писцы, повидимому по внушенію начальства чети, значительно увеличили оклады сошнаго письма и вообще учинили казнѣ большую прибыль. Тягло, положенное ими, несомнѣнно, напрягало всѣ платежныя силы населенія, но было сносно, такъ какъ чрезвычайныхъ налоговъ въ это время не было, а въ 134—139 гг., сверхъ того, Устюгъ и Соль Вычегодская были свободны отъ возки сибирскихъ запасовъ. Со 140 г. была возобновлена возка запасовъ, и кромѣ того на всѣ города для Смоленской войны было положено нѣсколько чрезвычайныхъ налоговъ. Это новое бремя подорвало силы населенія, а окончательный ударъ имъ былъ нанесенъ очень тяжелымъ подворнымъ налогомъ 146 и 147 гг., который сбиралъ Приказъ сбора ратныхъ людей. Непреложнымъ подтвержденіемъ переобремененія этихъ городовъ служатъ большія недоимки, которыя Устюжской чети пришлось разсрачивать и складывать.

Въ 147 г., въ отвѣтъ на челобитье устюжанъ, посадъ и уѣздъ было велѣно дозрить Мих. Спешневу и подьячему Пав. Давыдову. Дозоръ былъ остановленъ ссорой дозорщиковъ, а затѣмъ смертью М. Спешнева. Устюжская четь сначала попыталась додѣлать начатый дозоръ, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ дозорщики сдѣлали мало

[1]) Ак. п. д., II, №№ 214—255. Особенно №№ 232, 239, 244, 246 и 253.

и очень плохо, и лѣтомъ 152 г. государь указалъ признать дозоръ М. Спешнева негоднымъ и послать для новаго описанія Устюга писцовъ [1]).

Тогда же государь указалъ послать писцовъ и на Тотьму, въ Устьянскія волости и къ Соли Вычегодской [2]). Несомнѣнно, что всѣ эти описанія были вызваны челобитьями населенія, при чемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ основанія къ тому были нѣсколько отличныя. Такъ, сольвычегодцы сверхъ жалобы на непосильный окладъ, положенный на нихъ писцами 131—136 гг., просили уничтоженія неравныхъ малыхъ сошекъ [3]). Устьянцы со 148 г. настойчиво били челомъ о сложеніи съ нихъ «навальныхъ» по указу 130 г. вытей. Ко 153 г. послѣдній вопросъ осложнился накопленіемъ большихъ недоимокъ, а такъ какъ четь не могла разобраться въ «навальныхъ» вытяхъ, то государь, «слушавъ выписки, указалъ въ Устьянскія волости послать писцовъ съ мѣрою, потому что въ тѣхъ волостяхъ писецъ былъ въ 73-мъ году, тому 80 лѣтъ» [4]).

Писцы были посланы годъ спустя, т.-е. весной 153 г., но не во всѣ города, а только на Устюгъ, къ Соли Вычегодской и въ Устьянскія волости. Описанія послѣднихъ двухъ городовъ были исполнены быстро и утверждены — Соли Вычегодской въ 157 г., а Устьянскихъ волостей въ 155-мъ [5]). Описаніе Устюга, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, не было утверждено; возможно, что его «смяли» лучшіе люди, какъ это они сдѣлали съ дозоромъ М. Спешнева [6]). На Тотьму писцы не были посланы совсѣмъ въ наказанье за ложь и обманы тотмичей. Этотъ случай настолько характеренъ, что я разскажу его съ нѣкоторыми подробностями.

Въ 141 г., по челобитью тотмичей о тяжелыхъ податяхъ и большомъ запустѣньѣ, на Тотьму былъ посланъ М. Бороздинъ для сыска и своза бѣглыхъ крестьянъ, и по его сыску государь сложилъ тягло съ запустѣвшихъ вытей [7]). Въ 147 г. воевода Ал. Большевъ писалъ

[1]) Ак. п. д., II, №№ 134—150.
[2]) Тамъ же, №№ 151 и 152.
[3]) Тамъ же, №№ 154, 156 и 180.
[4]) Тамъ же, №№ 129—131.
[5]) Тамъ же, №№ 183, 131 и 200—202.
[6]) Тамъ же, № 136, и Ак. п. д., III, устюжскій наказъ 12 мая 184 г.
[7]) По сыску М. Бороздина и по указу государя 144 г. съ Тотьмы было сложено около $^1/_3$ сошнаго оклада.

въ Устюжскую четь, что тотмичи владѣютъ пустыми жребьями, а податей съ нихъ не платятъ. По словамъ тотмичей, онъ написалъ это въ отместку имъ за то, что они били на него челомъ и добились удаленія съ воеводства. На мѣсто А. Большева на воеводство былъ присланъ Ив. Малыгинъ, которому было велѣно сыскать про пустоту и про владѣнье крестьянами пустыми землями. И. Малыгинъ, подобно А. Большеву, «на посулы» тотмичей «не прельстился», и по книгамъ, присланнымъ имъ, оказалось въ живущемъ 319 дворовъ (на $85^1/_8$ выти), которые въ книгахъ М. Бороздина были написаны пустыми. По докладу объ этомъ Устюжской чети государь указалъ, 22 мая 153 г., взыскать съ тотмичей деньги за пустыя земли со 143 г. и впредь взимать, такъ какъ «знатно то, что тотемцы, посадскіе люди и волостные крестьяне, пустыми землями и живущими и льготными вытьми и сѣнными покосы владѣютъ, и никакія пустоты у нихъ . . . нѣтъ». Тотмичи отвѣтили на это сопротивленіемъ: лѣтомъ 154 г. новый воевода писалъ въ четь, что ему съ мѣстными разсыльщиками нельзя доправить всякихъ доходовъ, такъ какъ «тотмичъ, посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ непослушанье стало большое: въ государевыхъ доходахъ отказываютъ и чинятся сильны». Одновременно съ этимъ въ Москву явились тотемскіе челобитчики и подали государю 3 челобитныхъ, въ которыхъ оправдывались и просили послать къ нимъ писца. На нашъ взглядъ, казалось бы, посылка писца была лучшимъ средствомъ, чтобы установить истинные размѣры пустоты и сыскать про владѣнье пустыми землями, но правительство рѣшило дѣло иначе. По докладу чети государь 5 августа 154 г. указалъ наказать тотмичей за ослушанье, взыскивать съ нихъ подати по прежнему указу, а писцовъ не посылать, такъ какъ «знатно», что тотемцы владѣли и владѣютъ пустыми землями, «и никакія пустоты у нихъ въ Тотемскомъ уѣздѣ нѣтъ» [1]).

Итакъ, изъ пяти Поморскихъ городовъ Устюжской чети писцы были посланы въ 3 города: на Устюгъ, къ Соли Вычегодской и въ Устьянскія волости, при чемъ утверждены были описанія только

---

[1]) Ак. п. д., II, № 207. Въ связи съ этимъ находится дѣло о дозорѣ Вожбальской волости Тотемскаго уѣзда (Тамъ же, №№ 116—127). Послѣ 5—6 лѣтъ настойчиваго челобитья крестьянъ, въ 153 г. устюжскимъ писцамъ было велѣно дозрить Вожбалу, а въ 157 г. дозоръ былъ утвержденъ государемъ. Сложенную съ Вожбалы пустоту было велѣно наложить на посадъ и уѣздъ, что вызвало въ 160 г. жалобу тотмичей.

послѣднихъ двухъ городовъ. На Тотьму писцы не были посланы въ наказанье за обманъ и непослушанье, а относительно описанія Чаронды, повидимому, рѣчи не было.

Чаронда дождалась писцовъ въ 178 г. Со 170 г., послѣ повышенія оклада стрѣлецкаго хлѣба, чарондцы начали бить челомъ о непосильномъ тяглѣ и запускать большую недоимку. Въ 174 г. они подали челобитную о новомъ описаніи, и на челобитной ихъ думный дьякъ Дем. Башмаковъ помѣтилъ: «Государь пожаловалъ, будетъ въ иные такіе городыописчики нынѣ посланы, и къ нимъ послать же, а будетъ описчики въ иные городы нынѣ не посыланы, и къ нимъ не посылать же, а послать въ то время, какъ миръ учинится». Получивъ эту подписную челобитную, чарондцы не подали, однако, ея въ Устюжской чети, вѣроятно потому, что въ другіе города въ это время писцы не были посланы, а держали ее у себя «для преду». 7 мая 177 г. они подали эту челобитную въ чети и возобновили свое челобитье. По докладу чети 20 августа 177 г. государь указалъ и бояре приговорили произвести описаніе. Описывать были посланы въ началѣ 178 г. стольникъ Никифоръ Толочановъ и подьячій Илларіонъ Бѣликовъ, которые и произвели описаніе въ 178—179 годахъ [1]).

Относительно описательныхъ работъ Помѣстнаго приказа достаточно нѣсколькихъ замѣчаній. Въ послѣднемъ десятилѣтіи первой половины вѣка Помѣстный приказъ заканчивалъ описанія, начатыя ранѣе. Описанія производились въ уѣздахъ: Владимирскомъ, Галицкомъ, Костромскомъ, Рязанскомъ и Юрьевскомъ. Тогда же и въ послѣдующія десятилѣтія довольно во многихъ уѣздахъ работали межевщики. При этомъ въ нѣкоторые уѣзды для межеванья были посланы особые межевщики, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ межеванье было возложено на людей, которые раньше были тамъ же писцами, очевидно въ наказаніе за то, что они не обмежевали всѣхъ земель въ свое время [2]). Писцы, насколько мнѣ извѣстно, были посланы только въ 3 города: въ Мещеру, Веневу и въ Вязьму. Въ Мещеру въ 152 г. были посланы Сем. Глѣбовъ и дьякъ Герасимъ Лавровъ, которые работали въ 153—157 гг., а въ іюнѣ 160 г. къ ихъ описанью былъ примѣненъ

---

[1]) Ак. п. д., III, Дѣло описанія Чаронды, 23 сентября 177 г.

[2]) Особый межевщикъ въ Угличѣ въ 158 г. Ак. п. д., II, №№ 259—260. Писцы въ межевщикахъ — въ Боровскѣ и Козельскѣ.

указъ о дворовой чети [1]). По неизвѣстной причинѣ въ 166—169 гг. Ив. Лодыженскій и дьякъ Никита Насоновъ работали въ Мещерѣ и дополняли описаніе Сем. Глѣбова. Веневскій уѣздъ въ 171—175 гг. описали Андр. Акинѳовъ и подьячій Григ. Богдановъ, а Вяземскій уѣздъ въ тѣ же приблизительно годы описали Арт. Рчиновъ и подьячій Ѳедоръ Леонтьевъ. Послѣднее описаніе вызвано, повидимому, тѣмъ, что оба писца 134—135 гг. «книгъ письма своего и мѣры и перечневыхъ списковъ въ Помѣстномъ приказѣ не отдали, а сами померли», и въ приказѣ по Вяземскому уѣзду не было никакихъ книгъ кромѣ списка съ писцовыхъ книгъ 102—103 гг., Вас. Волынскаго и подьячаго Второго Ильина, и дозорныхъ книгъ 124 г., Никифора Шапилова и подьячаго Евстафья Колюпанова [2]).

Разсмотримъ теперь вопросъ о переписи 154—155 гг. и объ отношеніи ея къ описаніямъ.

Уже изъ того обстоятельства, что перепись производили особые переписчики, одновременно съ описаніями и совершенно независимо отъ писцовъ[3]), можно заключить, что она преслѣдовала совершенно другія цѣли и не находилась въ связи съ сошнымъ письмомъ, которое всецѣло основывалось на дозорахъ и описаніяхъ. Такое заключеніе подтверждается какъ наказомъ переписчикамъ, въ которомъ указана цѣль переписи, такъ и исторіей посошныхъ и подворныхъ налоговъ.

До сихъ поръ извѣстенъ одинъ наказъ переписчикамъ — «Писцовый (!) наказъ о переписи Московскаго уѣзда», напечатанный въ Актахъ Археографической Экспедиціи[4]). Въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ хранятся еще 2 наказа: наказъ переписчикамъ Каргополя и Турчасова и Тотемскій наказъ[5]). Сличеніе этихъ трехъ наказовъ позволяетъ сдѣлать интересныя наблюденія: 1) во всѣхъ трехъ наказахъ мы видимъ дословно одинаковую

---

[1]) Расходные книги и столпы Помѣстнаго приказа, I, стран. 77. М. 1910 г. См. еще въ III т. Ак. писц. дѣла «Выписку о живущей пашнѣ въ сошное письмо», 192 года.

[2]) Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа, оклеенный ст-цъ по Вязьмѣ № 569.

[3]) Относительно Вязьмы см. выше, стран. 221. О Владимирскомъ и Юрьевскомъ уѣздахъ см. Ю. В. Готье, Замосковный край, стран. 45 и 69. О Тотьмѣ и Соли Вычегодской см. Ак. п. д., II, №№ 208—213.

[4]) А. А. Э., IV, № 14.

[5]) Прик. д. стар. л., 1645 г. № 72 и 1646 г. № 15. Тотемскій наказъ напечатанъ въ II т. Ак. п. д., за № 208.

мотивировку переписи; 2) въ остальныхъ частяхъ каргопольскій и тотемскій наказы списаны, несомнѣнно, съ той же основной редакціи, съ которой списанъ и Московскій наказъ, и измѣнены только въ подробностяхъ, въ зависимости отъ того, что въ Каргополѣ и на Тотьмѣ были посады, но не было помѣстій и вотчинъ. Если мѣстности съ такимъ разнороднымъ населеніемъ какъ Московскій уѣздъ, съ одной стороны, и Тотьма и Каргополь, съ другой, были переписаны по одинаковымъ наказамъ, то можно съ большой вѣроятностью полагать, что и для переписи всего государства была дана одна основная редакція наказа, въ противоположность описаніямъ, при которыхъ не только каждый приказъ давалъ свой отличный наказъ, но иногда и изъ одного и того же приказа исходили въ разные города различные наказы. Еще одно интересное замѣчаніе, относительно организаціи переписи: въ Поморскихъ городахъ перепись произвели Новгородская и Устюжская чети, а *посады* и уѣзды всѣхъ остальныхъ городовъ переписывалъ Помѣстный приказъ[1]), при чемъ въ 154 г. эти 3 приказа временно были объединены верховнымъ управленіемъ одного лица — боярина кн. Никиты Ивановича Одоевскаго[2]). Послѣднее, какъ мнѣ кажется, указываетъ на желаніе правительства объединить перепись подъ однимъ общимъ надзоромъ и провести ее такимъ образомъ успѣшнѣе.

Итакъ, поводы и цѣль переписи были одинаковыми для всѣхъ городовъ и для всѣхъ разрядовъ населенія и указаны въ наказѣ переписчикамъ; остается ихъ истолковать. Вводная часть наказа излагаетъ докладъ по челобитью 153 г. служилыхъ людей и указъ съ боярскимъ приговоромъ, 19 октября 154 г., на этотъ докладъ. Челобитье служилыхъ людей заключалось въ просьбѣ отмѣнить урочныя лѣта для сыска бѣглыхъ крестьянъ и «бѣглыхъ крестьянъ отдавать имъ по писцовымъ книгамъ и по выписямъ». Просьба обоснована тѣмъ, что они за службами пропускаютъ урочные годы и лишаются вслѣдствіе этого своихъ крестьянъ. Государевъ указъ отвѣчаетъ служилымъ людямъ отказомъ, «потому что передъ уложеньемъ прежнихъ государей прибавлено 5 лѣтъ и учинено вдвое — 10 лѣтъ», то-есть срокъ, совершенно достаточный, съ точки зрѣнія правительства, для сыска бѣглыхъ. Отка-

---

[1]) Дворцовыя владѣнія были описаны, кажется, тѣми же переписчиками, но книги поданы въ Большой Дворецъ.

[2]) Ср. А. А. Э., IV, № 14, и Ак. п. д., II, № 208.

зывая челобитчикамъ и признавая одновременно важность поставленнаго ими вопроса, правительство «для подлиннаго вѣдома» рѣшаетъ произвести перепись людей... «а какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ». Одновременно указъ лишаетъ на будущее время землевладѣльцевъ права принимать въ крестьяне вольныхъ людей безъ офиціальной записи о томъ и предписываетъ «такихъ вольныхъ людей приводить къ Москвѣ къ разспросу и къ запискѣ въ Помѣстный приказъ, а казанцамъ — въ Казани, а новгородцамъ — въ Новѣгородѣ, того-жъ года, какъ къ кому придетъ». Такимъ образомъ, цѣль переписи и послѣдующей записки вольныхъ людей состояла въ перепискѣ и прикрѣпленіи людей къ тяглу; переписчики должны были провѣрить основанія крѣпости наличнаго населенія и подвести итоги всему прошлому, а записка вольныхъ людей въ Помѣстномъ приказѣ, въ Казани и Новгородѣ должна была продолжать регистрацію крѣпкихъ тяглу людей въ дальнѣйшемъ.

Судя по этому, можно было бы подумать, что переписныя книги должны были стать не подлежащимъ спору *основаніемъ* крѣпости, но очевидно, что послѣдовательное проведеніе на дѣлѣ такого взгляда считалось неудобнымъ или невозможнымъ, и правительство дѣлаетъ отъ него отступленія. Не надѣясь, можетъ быть, на исчерпывающую перепись крѣпкихъ тяглу людей, правительство сохраняетъ десятилѣтній срокъ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ, а съ другой стороны вводитъ въ наказъ одну статью, которая давала возможность оспаривать запись въ переписныя книги. Переписчики, встрѣчая пустые дворы, должны были допрашивать о сбѣжавшихъ изъ нихъ крестьянахъ и бобыляхъ, «кто въ которомъ году выбѣжалъ въ указныя въ 10 лѣтъ. А далѣ десяти лѣтъ не писать». Вслѣдствіе этого могло случиться, что одинъ и тотъ же крестьянинъ могъ оказаться записаннымъ въ книгахъ разныхъ уѣздовъ: въ одномъ мѣстѣ въ наличности, а въ другомъ — въ бѣгахъ, и на этой почвѣ въ теченіе десяти лѣтъ со времени окончанія переписи могли возникать споры. Такимъ образомъ, правительство склонилось къ мысли служилыхъ людей, просившихъ сдѣлать писцовыя книги *основаніемъ* крѣпости, но не сдѣлало всѣхъ необходимыхъ къ тому выводовъ и остановилось на полдорогѣ. При такихъ условіяхъ перепись должна была уяснить и упростить вопросы крѣ-

ности тяглу и прикрѣпить къ тяглу безспорныхъ людей, но не могла устранить совсѣмъ на будущее время споровъ о крѣпости.

Думается, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Дѣло въ томъ, что жизнь была неизмѣримо сложнѣе указовъ и протекала частью вопреки указамъ, а частью за предѣлами ихъ. Обращу вниманіе, въ подтвержденіе этого, на одно обстоятельство, ясно выраженное въ наказѣ переписчикамъ. Служилые люди въ своемъ челобитьѣ указывали, что ихъ бѣглые крестьяне «заживаютъ» въ бѣгахъ урочные годы, и люди, принявшіе ихъ къ себѣ, называютъ на основаніи этого такихъ крестьянъ своими старинными. Другіе источники, главнымъ образомъ сохранившіяся судныя дѣла о крестьянствѣ, подтверждаютъ это показаніе служилыхъ людей. Служилые люди и приказная администрація нерѣдко склонялись къ признанію за урочными лѣтами значенія правосозидающей давности, разсуждая, очевидно, такъ: крестьянинъ прожилъ, положимъ, 10 лѣтъ, слѣдовательно его прежній господинъ утратилъ право отыскивать его судомъ, а слѣдовательно крестьянинъ сталъ крѣпокъ новому господину. Такого значенія правосозидающей давности нѣтъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ указѣ объ урочныхъ лѣтахъ: всѣ они предусматриваютъ праворазрушающую исковую давность. Указанное пониманіе урочныхъ лѣтъ не могло не быть источникомъ споровъ, во-первыхъ, потому, что для различныхъ мѣстностей и разрядовъ населенія существовали различные сроки урочныхъ лѣтъ, а во-вторыхъ, еще потому, что служилые люди для службы получали, въ извѣстныхъ случаяхъ, отсрочку въ судныхъ дѣлахъ (въ искѣ и въ отвѣтѣ), которая прерывала теченіе исковой давности и могла такимъ образомъ удлиннить срокъ давности.

Итакъ, перепись была не вполнѣ послѣдовательной мѣрой провѣрки и закрѣпленія тягловой крѣпости. Никакихъ другихъ цѣлей переписи въ наказѣ не указано и не было въ дѣйствительности.

Въ соотвѣтствіи съ своей цѣлью перепись должна была охватить прежде всего все крѣпкое тяглу населеніе, то-есть не только частновладѣльческихъ крестьянъ и бобылей, но и посадскихъ людей и населеніе дворцовыхъ и черныхъ волостей. Наказъ предписываетъ переписать и не подлежащее тяглу населеніе: монастырскихъ и всякихъ чиновъ людей дворниковъ (на посадахъ), монастырскихъ служекъ и дѣтенышей и, наконецъ, холоповъ, но это объясняется вовсе не тѣмъ,

что правительство предполагало привлечь на основанiи переписи этихъ людей въ тягло, а было необходимой мѣрой провѣрки тягловой крѣпости. Переписчики такъ и поняли это подсобное значенiе переписи нетяглыхъ людей и въ соотвѣтствiи съ этимъ составили книги нѣсколько различно. Такъ, переписчики Болхова и Вологды включили въ свои книги и показали порознь старинныхъ и кабальныхъ «людей» помѣщиковъ и вотчинниковъ[1]), а переписчики Бѣлоозера включили въ свои книги только крѣпкое тяглу населенiе[2]).

Заключая свои замѣчанiя о переписи, я подчеркну еще разъ: перепись не преслѣдовала финансовыхъ цѣлей, и нѣтъ рѣшительно никакихъ указанiй, ни въ наказѣ переписчикамъ, ни въ другихъ источникахъ на то, что перепись была предпринята въ связи съ какой-либо предположенной правительствомъ реформой въ обложенiи. Такой реформы, говоря точно, не было произведено и послѣ переписи, когда обнаружилось, что она прошла быстро и въ общемъ удачно. Я оговариваюсь: говоря точно, такъ какъ немедленно послѣ окончанiя переписи правительство стало пользоваться ею для обложенiя — для сбора множества чрезвычайныхъ подворныхъ налоговъ третьей четверти вѣка, а со 157 г. для сбора, по приговору Собора, полоняничныхъ денегъ, но едва ли это можно назвать реформой. Это важное, но не предвидѣнное правительствомъ послѣдствiе переписи объясняется, какъ мнѣ кажется, просто. Перепись была произведена главнымъ образомъ въ интересахъ служилыхъ землевладѣльцевъ и не преслѣдовала финансовыхъ цѣлей, что не могло не отразиться благопрiятно на полнотѣ ея, сравнительно съ писцовыми описанiями. Съ другой стороны, служилые землевладѣльцы задолго до переписи неоднократно выражали свое неудовольствiе на сошное письмо и высказывались за подворное обложенiе. Такимъ образомъ, перепись дала болѣе полныя и болѣе свѣжiя, чѣмъ писцовыя книги, данныя для обложенiя, что въ связи съ упадкомъ сошнаго письма побуждало правительство использовать ее для сбора чрезвычайныхъ налоговъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что и послѣ переписи всѣ старые посошные налоги оставались въ неприкосновенности, и сошное письмо попрежнему продолжало служить главной основой прямого обложенiя.

---

[1]) Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 14 и 67.
[2]) Тамъ же, Писц. кн. № 48.

Все вышесказанное даетъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный мною выше, объ отношенiи переписи и переписныхъ книгъ къ описанiямъ и писцовымъ книгамъ: между описанiями и переписью не было никакой связи, ни по цѣлямъ, ни по содержанью.

Описанiя 20—30-хъ годовъ, несмотря на свои общiе недостатки и частныя неудачи, должны быть признаны такимъ крупнымъ предпрiятiемъ, которое по широтѣ и сложности задачъ далеко превосходило перепись 154—155 гг. и болѣе уже не повторялось въ исторiи Московскаго государства. Описанiя послѣдней четверти вѣка, затѣянныя по очень широкому плану и долженствовавшiя замѣнить устарѣвшiя описанiя второй четверти вѣка, велись недружно, съ перерывами и не были доведены до конца. Это объясняется нѣсколькими причинами, среди которыхъ главной, конечно, слѣдуетъ признать переходъ отъ посошнаго обложенiя къ подворному. Такъ какъ послѣднiй вопросъ выходитъ за предѣлы моей темы, то я разсмотрю его вкратцѣ, поскольку это необходимо для пониманiя хода описательныхъ работъ и важнѣйшихъ обстоятельствъ отмѣны сошнаго письма.

Выше я говорилъ, что успѣшность переписи 154—155 гг. и полнота и свѣжесть данныхъ ея, сравнительно съ писцовыми книгами, побудили правительство использовать ее для сбора множества чрезвычайныхъ налоговъ третьей четверти вѣка. Такимъ образомъ, если правительство, предпринимая перепись 154 г., и не имѣло въ виду перейти къ подворному обложенiю, то послѣ многолѣтняго опыта оно убѣдилось въ цѣлесообразности и удобствѣ обложенiя по дворамъ и оцѣнило вполнѣ пользу переписи. Однако, сила привычки была настолько велика, что и послѣ тридцати съ лишнимъ лѣтъ опытовъ подворнаго обложенiя правительство не находило нужнымъ и цѣлесообразнымъ отказаться совсѣмъ отъ исконной основы обложенья — отъ сошнаго письма — и предприняло въ 186 г. новую перепись, какъ и перепись 154—155 г., совершенно независимо отъ предшествовавшихъ ей и послѣдующихъ описанiй. Предпринимая вторую перепись, правительство, конечно, уже предвидѣло, что она будетъ использована для обложенья, но, судя по всему, это не отразилось на наказѣ переписчикамъ.

Основная редакцiя наказа до сихъ поръ не найдена; извѣстенъ только наказъ 26 января, данный изъ Помѣстнаго приказа неизвѣст-

ному переписчику, посланному дописать то, что началъ первый переписчикъ, отозванный на государеву службу[1]). Впрочемъ, вполнѣ допустимо, судя по этому наказу, думать, что первый наказъ отличался отъ извѣстнаго намъ только, можетъ быть, бо́льшей подробностью, но никакъ не по существу.

Наказъ такъ объясняетъ новую перепись: «всякія подати прежъ сего иманы и нынѣ на великаго государя емлютъ» по переписи 154—155 гг., и нынѣ, то-есть въ 186 г., государю «вѣдомо учинилось», что «съ посадовъ посадскіе жилецкіе люди взяты въ службу, а иные отъ скудости собою сошли въ иные городы, а въ уѣздѣ помѣщики и вотчинники изъ помѣстій своихъ и изъ вотчинъ крестьянъ и бобылей перевели иныхъ городовъ въ уѣзды на помѣстныя и на вотчинныя свои земли, а иные волею Божіею въ моровое повѣтріе померли и разбѣжались, и отъ того села и деревни и починки омалолюдѣли и запустѣли». Судя по этому, новая перепись была вызвана измѣненіями и вольнымъ и невольнымъ перемѣщеніемъ населенія, то-есть, говоря иными словами, устарѣлостью и несоотвѣтствіемъ дѣйствительности первой переписи. По своему содержанію наказъ 186 г. мало отличается отъ наказа 154 г., — только съ бо́льшей подробностью и опредѣленностью выражено предписаніе не смѣшивать и не позволять смѣшивать тяглыхъ крестьянъ и бобылей съ нетяглыми людьми: съ монастырскими служками и дѣтенышами и съ помѣщиковыми и вотчинниковыми дворовыми, задворными и дѣловыми людьми.

Перепись 186 г. была проведена тѣми же приказами, какъ и перепись 154 г.: въ дворцовыхъ владѣніяхъ — приказомъ Большого Дворца, въ Поморскихъ городахъ — Новгородской и Устюжской четями, а на посадахъ и въ уѣздахъ остальныхъ городовъ — Помѣстнымъ приказомъ. Исполненіе ея, судя по всему, было такъ же быстро и успѣшно, какъ и первой переписи.

Разсмотримъ значеніе переписи 186 г. въ судьбахъ посошнаго обложенья.

Неудача попытки правительства создать въ видѣ большой московской сохи однообразную для всего государства окладную единицу становится очевидной въ послѣднемъ десятилѣтіи первой половины вѣка, когда

---

[1]) Наказъ напечатанъ В. Н. Седашевымъ (Очерки и матеріалы по исторіи землевладѣнія и т. д., стран. 207—211) и будетъ перепечатанъ въ III т. Ак. писц. дѣла.

было закончено обновленіе Земли писцами, и выражается въ томъ, что въ 149 или 150 году на посады и частновладѣльческія земли окладъ стрѣлецкаго хлѣба былъ положенъ въ 4 раза бо́льшій, чѣмъ на черныя и дворцовыя сохи. Иными словами — правительству пришлось, чтобы сохранить надлежащую равномѣрность обложенія, увеличивать наугадъ по своему усмотрѣнью окладъ налога для посадовъ и частновладѣльческихъ земель, и большая соха утратила, такимъ образомъ, свое значеніе единаго мѣрила. Лѣтъ 20 такой порядокъ оказывался сноснымъ, и сошное письмо служило свою службу, несмотря на моръ 163 г., недороды и многочисленные военные чрезвычайные налоги. Мѣстами приходилось дѣлать дозоры, складывать недоимки и уменьшать оклады сошнаго письма, но старый механизмъ еще не отказывался служить. Первый тяжелый ударъ былъ нанесенъ ему въ 171 г., когда послѣ кризиса, вызваннаго мѣдными деньгами, окладъ стрѣлецкаго хлѣба былъ удвоенъ для всего государства, а для Поморья сверхъ того была значительно повышена цѣна юфти хлѣба [1]). Указъ отразился различно на разныхъ сохахъ: для частновладѣльческихъ земель онъ принесъ значительное увеличеніе бремени тягла, но въ общемъ, повидимому, вовсе не былъ разорителенъ; гораздо тяжелѣе отразилось повышеніе оклада на посадахъ, и особенно много жалобъ вызвало требованіе Стрѣлецкаго приказа платить хлѣбомъ, а не деньгами; наконецъ, для Поморскихъ городовъ новый окладъ оказался разорительнымъ и совершенно непосильнымъ. Опытъ десятилѣтія со 171 г. указалъ правительству на необходимость измѣнить сравнительную тяжесть стрѣлецкаго хлѣба для разныхъ сохъ государства. Когда въ началѣ 181 г. пришлось увеличить количество сбираемаго хлѣба, чтобы обезпечить прибылыхъ стрѣльцовъ, то соотношеніе окладовъ было измѣнено. Хлѣбный окладъ Поморскихъ городовъ былъ оставленъ старый, а цѣна юфти понижена — соха должна была платить вмѣсто 822 р. съ полтиной по 700 р. Посады тоже получили облегченіе — имъ было разрѣшено платить деньгами, а хлѣбный окладъ остался старый. Окладъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель правительство нашло возможнымъ увеличить болѣе чѣмъ вдвое, а окладъ монастырскихъ и церковныхъ земель нѣсколько менѣе чѣмъ вдвое. Наконецъ, въ обложеніи дворцовыхъ земель указъ долженъ былъ

[1]) См. Сошное письмо, I, стран. 187—188.

произвести цѣлый переворотъ, такъ какъ ихъ окладъ былъ увеличенъ болѣе чѣмъ въ 5 разъ. Такимъ образомъ, соха по этому указу совершенно утрачивала свое значеніе общаго мѣрила тягла, а вся эта попытка правительства исправить путемъ усмотрѣнья недостатки сошнаго письма, обнаруженные опытомъ 171—180 гг., оказалась неудачной.

Окладъ, положенный на дворцовыя сохи, оказался, какъ раньше въ Поморьѣ, совершенно непосильнымъ, и въ 182 г. Большой Дворецъ долженъ былъ предпринять новое общее описаніе дворцовыхъ посадовъ и волостей. Оклады посадовъ и Поморскихъ городовъ хотя и были облегчены, но продолжали вызывать многочисленныя жалобы и просьбы о новыхъ описаніяхъ. Такъ же отозвались на увеличеніе окладовъ и частновладѣльческія земли, относительно которыхъ пришлось допустить рядъ уступокъ.

Интересный пріемъ оклада былъ употребленъ относительно Новгорода, Пскова и Старой Русы. Быть можетъ, эти города били челомъ, а можетъ быть, правительство по своему почину рѣшило измѣнить свой указъ 181 г., о повышеніи оклада стрѣлецкаго хлѣба, и примѣнить дворовый окладъ, но только въ томъ же 181 г. въ этихъ городахъ, на посадахъ и въ уѣздахъ, было велѣно переписать дворы и положить стрѣлецкій хлѣбъ, какъ выражается указъ, «съ двороваго числа». Въ дѣйствительности окладъ былъ положенъ не прямо и просто на дворы, а косвенно, при посредствѣ не вполнѣ ясныхъ расчетовъ. Посадскій окладъ ясенъ: дворы были переписаны и на дворъ положено по четверти безъ четверика ржи, а овса то-жъ, а за хлѣбъ деньгами — по 2 р. за юфть, какъ съ посадовъ всего государства. Такъ какъ дворъ былъ приравненъ четверти пашни, то выходило, что на соху (въ 800 четей) было положено 700 юфтей, то-есть столько, сколько платила соха до 181 г. по указу 171 года. Исчисленіе хлѣба на дворы въ уѣздахъ неясно. Въ Псковскомъ уѣздѣ, по книгамъ присланнымъ изъ Пскова въ Новгородскую четь, съ монастырскихъ и церковныхъ дворовъ было положено по $1^3/_4$ юфти съ двора, то-есть, если считать дворъ равнымъ 1 чети пашни, то съ сохи вышло бы 1400 юфтей, то-есть столько, сколько платила монастырская соха по указу 171 года и почти вдвое меньше, чѣмъ сколько было положено на все государство. Однако, рядомъ въ книгѣ приведенъ расчетъ живущихъ четей и сказано, что монастырскіе и церковные дворы положены «противъ писцовой книги

письма и мѣры Ив. Вельяминова съ товарищами» (131 года), «на живущую четь по 7 дворовъ съ полудворомъ»[1]). Въ дворцовыхъ волостяхъ на дворъ было положено немного болѣе $1^1/_3$ юфти, а на живущую четь положено, противъ письма Ив. Вельяминова, по 10 дворовъ[2]). На посадъ Старой Русы хлѣбъ былъ положенъ такъ же, какъ на Псковъ, то-есть по четверти безъ четверика ржи, а овса то же, на дворъ, а за юфть по 2 р., а въ Старорусскомъ уѣздѣ на дворъ положено по 3 четверика съ малымъ третникомъ, то-есть значительно меньше, чѣмъ во Псковѣ. Въ точности неизвѣстно, какъ былъ обложенъ Новгородъ, но въ 186 г. по государеву указу и боярскому приговору было велѣно со всѣхъ пятинъ Новгородскаго уѣзда собрать стрѣлецкій хлѣбъ на 183—186 гг. по прежнему указу «съ дворового числа», а на 187 г. было велѣно уплатить «съ живущихъ чети сошнаго письма по окладнымъ книгамъ прошлаго 181 года» *противъ Замосковныхъ городовъ*, то-есть по указу 181 года[3]).

Всѣ эти расчеты, по состоянію источниковъ, не вполнѣ ясны, но несомнѣнно, что они представляютъ очень интересный компромиссъ между дворовымъ и посошнымъ окладомъ.

Необходимость новаго описанія и новой переписи стала ясной правительству уже въ 185 г. Еще до этого года въ вѣдомствахъ Большого Дворца и Устюжской чети были предприняты многочисленныя описанія, а въ мартѣ 185 г. государь указалъ и бояре приговорили «послать во все государство изъ Помѣстнаго приказа валовыхъ писцовъ, и переписчикамъ быть имъ же и дворы переписывать прежъ валового письма»[4]). Въ дѣйствительности писцы изъ Помѣстнаго приказа не были посланы совсѣмъ, а переписчики были посланы въ 186 году.

Посылая переписчиковъ, правительство предвидѣло, что переписью можно будетъ воспользоваться для оклада впредь до того времени, когда будутъ предприняты и окончены новыя описанія: въ упомянутомъ выше указѣ 186 г. относительно Новгорода было сказано, что на 187 г.

---

[1]) $7^1/_2$ дворовъ на четь получилось, очевидно, такъ: въ Псковскомъ уѣздѣ въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ было положено на четь по 6 дворовъ крестьянскихъ и по 3 двора бобыльскихъ; считая 2 бобыльскихъ двора равными одному крестьянскому, получимъ въ итогѣ $7^1/_2$ дворовъ.

[2]) Расчетъ, очевидно, такой: 8 дв. крестьянскихъ + 4 дв. бобыльскихъ = 10 дворовъ. Псковскія книги см. Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 85.

[3]) Прик. д. стар. л., 1680 г. № 424.

[4]) Тамъ же, 1677 г. № 200.

онъ долженъ заплатить хлѣбъ «съ живущихъ четей», ... «а впредь какъ имъ, новгородцамъ, стрѣлецкій хлѣбъ платить, и о томъ великаго государя указъ въ Великій Новгородъ присланъ будетъ въ то время, какъ по указу великаго государя во всѣхъ городахъ переписчики крестьянскіе и бобыльскіе дворы перепишутъ и переписныя книги къ Москвѣ привезутъ, и о сборѣ того хлѣба по переписнымъ книгамъ великаго государя указъ во всѣ городы будетъ посланъ»[1]).

Перепись была закончена въ 187 г., а указы по переписнымъ книгамъ состоялись 2 и 5 сентября 188 г.[2]). Государь, по совѣту съ патріархомъ, указалъ и бояре приговорили стрѣлецкій хлѣбъ съ 1 сентября 188 г. «и впредь по вся годы до валовыхъ писцовъ» взимать по переписнымъ книгамъ 185—187 гг., «съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ дворовъ и съ задворныхъ людей, по указанымъ статьямъ», подворно. Черезъ 3 дня — 5 сентября — такой же указъ съ боярскимъ приговоромъ былъ данъ и относительно Поморскихъ городовъ: разные доходы, «что было положено по сошному письму и платили въ разныхъ приказахъ, до валовыхъ писцовъ отставить, и вмѣсто тѣхъ денежныхъ доходовъ на нынѣшній на 188 годъ взять и впредь имать съ тѣхъ со всѣхъ городовъ, съ посадовъ и съ уѣздовъ, съ прежнихъ и съ прибылыхъ дворовъ по нынѣшнимъ переписнымъ книгамъ указною статьею, передъ прежнимъ съ убавкою, и вѣдать ихъ тѣми сборы въ одномъ Стрѣлецкомъ приказѣ, что-бъ имъ въ томъ лишнія волокиты и убытковъ не было»[3]).

Итакъ, платить стрѣлецкій хлѣбъ и другіе доходы подворно, по переписи 186 г., было указано временно — «впредь до валовыхъ писцовъ». Устарѣлость старыхъ описаній и разстройство сошнаго письма, вызывавшія многочисленныя жалобы, побуждали искать иной основы для обложенья, а успѣшно проведенная перепись, потребовавшая несравненно меньше труда и времени, чѣмъ требовали описанія, дала такую основу, испытанную уже на сборахъ чрезвычайныхъ налоговъ во всемъ государствѣ, а мѣстами и для сбора постоянныхъ налоговъ. Однако, правительство смотрѣло на эту мѣру какъ на временную и вовсе не думало отказываться отъ сошнаго письма. Такъ,

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1680 г. № 424.

[2]) Д. А. И., VIII, № 36, II и IV. Ср. П. С. З., № 770, и Прик. д. стар. л., 1680 г. № 402.

[3]) Д. А. И., VIII, № 36, III, и А. И., V, № 48.

Новгородская четь, готовясь въ 190 г. послать въ свои города писцовъ, предполагала на посадахъ дворы, а въ уѣздахъ земли класть въ сошное письмо[1]). Въ дѣлахъ Помѣстнаго приказа сохранилось два невершеныхъ доклада 192 г. «о живущей пашнѣ въ сошное письмо», въ которыхъ поставленъ вопросъ: государи указали и бояре приговорили «въ наказы валовымъ писцамъ написать — въ сошное письмо и въ живущія чети класть, а по скольку въ которомъ городѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ живущую четь и въ соху четвертныя пашни писать, и церковныя земли въ живущія чети и въ сошное письмо писать ли, того въ томъ ихъ, великихъ государей, указѣ и въ боярскомъ приговорѣ не написано. И нынѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ по скольку дворовъ въ которыхъ городахъ и что въ соху четвертныя пашни за патріархомъ, и за властьми, и за монастыри, и за помѣщики и за вотчинники класть, и церковныя земли въ живущія чети и въ сошное письмо писать ли, великіе государи... что укажутъ?»[2]). Указовъ на эти доклады не послѣдовало, но это говоритъ о колебаніяхъ правительства, а не объ отрицательномъ рѣшеніи вопроса. Дѣйствительно, въ апрѣльскомъ наказѣ 192 г. валовымъ писцамъ, составленномъ, несомнѣнно, позже этихъ докладовъ, сказано: «а въ сошное письмо и въ живущія чети не писать, а класть въ сошное письмо и въ живущія чети въ Помѣстномъ приказѣ въ то время, какъ писцы книги положатъ. А покамѣстъ писцы книгъ въ Помѣстный приказъ не подадутъ, и до тѣхъ мѣстъ всякія подати имать попрежнему съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ дворовъ по переписнымъ книгамъ 186 года»[3]). Такимъ образомъ, можно сказать, что Помѣстный приказъ вовсе не намѣревался отказаться отъ сошнаго письма, а отложилъ вопросъ о сошномъ окладѣ до окончанія описаній. Мы уже знаемъ, что дворовая четь дѣлала такую отсрочку и отдѣленіе сошнаго оклада отъ прочихъ описательныхъ работъ вполнѣ возможными.

Насколько велики были колебанія по этому вопросу и насколько неустойчивы вообще были намѣренія правительства въ это время, показываетъ вопросъ о перепискѣ писцами дворовъ. Въ наказѣ 189 г.

---

[1]) Д. А. И., IX, № 89, III.

[2]) Доклады напечатаны В. Н. Седашевымъ (Очерки и матеріалы по исторіи землевладѣнія, стран. 190—195) и будутъ перепечатаны въ III т. Ак. п. дѣла.

[3]) П. С. З., № 1074, статья 7.

писцамъ Московскаго уѣзда было предписано: «крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ не писать, для того что во 186-мъ году были переписчики». 6 іюля 189 г. бояре приговорили: «крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ не писать, для того — въ прошломъ во 186-мъ году во всѣхъ городахъ были переписчики, и стрѣлецкій хлѣбъ и ямскія деньги и всякія подати указаны платить по тѣмъ переписнымъ книгамъ»[1]). Послѣдній приговоръ былъ внесенъ въ сентябрьскій наказъ 190 г. писцамъ Дмитровскаго уѣзда[2]). Однако, 1 декабря 191 г. государи, выслушавъ доклада объ этомъ, указали писцамъ брать сказки о дворахъ, сколько ихъ по переписи 186 г. и сколько прибыло послѣ переписи, и писать крестьянскіе и бобыльскіе дворы въ свои книги, а про дворы, прибывшіе послѣ переписи, сыскивать, откуда и когда прибыли въ нихъ крестьяне и бобыли[3]). Этотъ указъ въ дополненномъ видѣ вошелъ въ апрѣльскій наказъ 192 г.[4]), и такимъ образомъ вопросъ о новомъ описаніи дворовъ былъ рѣшенъ утвердительно.

Въ дополненіе къ вышесказанному о колебаніяхъ правительства относительно сошнаго письма, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ относительно «задворныхъ людей». Сентябрьскій указъ 188 г., какъ мы видѣли, предписывалъ обложить дворы задворныхъ людей наравнѣ съ дворами крестьянскими и бобыльскими. Это была очень важная въ исторіи обложенія мѣра, заслуживающая, несомнѣнно, самаго внимательнаго изслѣдованія, но для моей темы достаточно указать, что она не имѣла никакого отношенія къ судьбамъ сошнаго письма. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакихъ указаній на то, что перепись была предпринята съ цѣлью переписать, а затѣмъ обложить задворныхъ людей. Наоборотъ, извѣстный намъ наказъ переписчикамъ даетъ основаніе полагать, что правительство, давая его, еще не думало и не рѣшило вопросъ о привлеченіи въ тягло задворныхъ людей; этотъ вопросъ былъ рѣшенъ только въ сентябрѣ 188 г. и при томъ совершенно независимо отъ вопроса о томъ, взимать ли налоги подворно или

[1]) Арх. М. Ю., Помѣстнаго приказа, книга Приказныхъ дѣлъ № 4 (общій № 5069). Будетъ напечатано въ III т. Ак. п. дѣла.

[2]) Тамъ же, книга Приказныхъ дѣлъ № 28 (общій № 5052).

[3]) П. С. З., № 973. Срав. вышеуказанную книгу Приказныхъ дѣлъ, № 43.

[4]) П. С. З., № 1074, статья 7.

посошно. По существу это были два совершенно самостоятельныхъ вопроса, такъ какъ задворныхъ людей можно было положить въ тягло и подворно и посошно, подобно тому, какъ раньше по указамъ о дворовой чети 1620—32 гг. было велѣно класть въ живущее дворы мастеровыхъ и торговыхъ людей наравнѣ съ бобыльскими. Это было тѣмъ болѣе вполнѣ возможно, что и апрѣльскій наказъ 192 г. требовалъ отъ писцовъ описанія не только крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, но и «задворныхъ и дѣловыхъ и кабальныхъ людей»[1]).

Такъ большая московская соха, навязанная въ 123 г. Поморскимъ и другимъ городамъ, гдѣ ея раньше не было, для оклада хлѣбными запасами, перестала служить своей цѣли — быть однообразной для всего государства окладной единицей; дворовая четь, этотъ компромиссъ между старымъ окладомъ по силамъ и подворнымъ, съ частновладѣльческихъ земель распространилась мѣстами и на черныя и дворцовыя земли; сошное письмо явно приходило въ разрушеніе, а правительство и въ 192 г. еще не рѣшалось его отмѣнить и надѣялось возстановить при помощи новыхъ описаній. Предпринятыя описанія, однако, были неудачны и не были доведены до конца, и такимъ образомъ получилось, что временный переходъ къ подворному обложенью, по указу 188 г., превратился въ «реформу», похоронившую сошное письмо навсегда. Для всесторонняго уясненія этого важнаго въ исторіи государственнаго хозяйства событія слѣдуетъ разсмотрѣть ходъ предпринятыхъ описательныхъ работъ и постараться выяснить причины неудачи ихъ.

Общее описаніе дворцовыхъ владѣній, какъ я уже говорилъ, было предпринято въ 182 г. Оно было вызвано, повидимому, нѣсколькими причинами. За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ приказу Большого Дворца пришлось считаться съ многочисленными жалобами на запустѣніе отъ разныхъ причинъ, на повышенный окладъ стрѣлецкаго хлѣба и другіе «новонакладные» доходы и на непосильность старыхъ окладовъ сошнаго письма. Въ отвѣтъ на эти жалобы приказъ принималъ обычныя въ такихъ случаяхъ мѣры: складывалъ мѣстами недоимки, уменьшалъ оклады сошнаго письма и, наконецъ, производилъ сыскъ и свозъ бѣглыхъ тяглецовъ. Есть указанія, что послѣдняя мѣра была принята въ 176—179 гг. едва ли не во всѣхъ дворцовыхъ

---

[1]) П. С. З., № 1074, статья 7.

владѣньяхъ [1]). Одновременно, по челобитьямъ населенія о непосильномъ тяглѣ, были производимы «переписи». Такъ, въ 177 г. Ѳ. Протасьевъ переписалъ наличные посадскіе дворы въ Угличѣ [2]). Въ 175 г. Ст. Ждановъ и подьячій Богд. Возницынъ сдѣлали перепись въ Важской области и положили ее въ новый сошный окладъ, а въ мартѣ 176 г. государь, по челобитью важанъ, пожаловалъ ихъ — за множество постоянныхъ и чрезвычайныхъ налоговъ, взятыхъ съ нихъ передъ тѣмъ, указалъ стрѣлецкій хлѣбъ взимать съ сошнаго оклада, положеннаго переписчиками, и при томъ по сильно пониженному денежному окладу — не по указу 171 года, а «какъ съ нихъ и со всѣхъ дворцовыхъ селъ имано со 162 года, по 228 руб. съ сохи» [3]). Въ 181 г. бѣлозерцы, посадскіе люди, били челомъ, что имъ не по силамъ платить по дозору 126 г. повышенный (въ 181 г.) окладъ стрѣлецкихъ денегъ, «дворцовые прибылые доходы» и другія подати и просили уменьшенія тягла. По этому челобитью (въ іюлѣ) воеводѣ было велѣно переписать посадскихъ людей, а податей до государева указа не править [4]).

Сверхъ этихъ частныхъ причинъ, требовавшихъ новыхъ описаній и пересмотра дворцоваго тягла, въ 181 г. появилась общая. Я имѣю въ виду извѣстный указъ 181 г., который, какъ я уже говорилъ, увеличивалъ для дворцовыхъ сохъ окладъ стрѣлецкаго хлѣба болѣе чѣмъ въ 5 разъ и очень сильно измѣнялъ соотношеніе окладовъ этого налога

---

[1]) Въ памяти 20 августа 179 г. изъ Большого Дворца въ Мастерскую Палату сказано: «По указу великаго государя... велѣно его государевыхъ дворцовыхъ селъ крестьянъ и бобылей, которые въ прошлыхъ годахъ изъ городовъ съ посадовъ и изъ дворцовыхъ селъ бѣжали и живутъ въ бѣгахъ на Москвѣ и въ городахъ на посадахъ, также и за помѣщики и вотчинники во крестьянахъ и въ бобыляхъ, сыскивая, свозить на прежнія ихъ тяглыя жеребьи, съ которыхъ они бѣжали». Указъ вызванъ челобитьемъ дворцовыхъ старостъ и крестьянъ о томъ, что «многіе» крестьяне и бобыли бѣжали изъ дворцовыхъ посадовъ и селъ, «и тягла и податей съ тѣхъ жеребьевъ платить и службъ служить некому». Дворц. Арх., 25 оп., 134 г. № 141.

[2]) Арх. М. Ю., Угличск. городового магистрата 1 вязка, по 5 описи, № 47.

[3]) Это составляло уменьшеніе бремени болѣе чѣмъ въ $3^1/_2$ раза. Прик. д. стар. л., 1670 г. № 476. Изъ того, что Ст. Ждановъ положилъ важанъ въ сошное письмо, можно видѣть, что эту «перепись» не слѣдуетъ смѣшивать съ собственно дворовыми переписями. Повидимому, она названа переписью, а не дозоромъ, потому, что С. Ждановъ переписалъ запустѣвшія повытья и соотвѣтственно пустотѣ убавилъ старый сошный окладъ, не предпринимая пересмотра всѣхъ прежнихъ сошныхъ окладовъ. Съ такими переписями мы познакомимся ниже, въ дѣлахъ Устюжской чети.

[4]) Арх. М. Ю., Бѣлозерск. уѣздн. суда 7 ст-цъ.

для различныхъ сохъ государства, не въ пользу дворцовыхъ сохъ. Повидимому, онъ оказался совершенно непосильнымъ и былъ послѣднимъ и, пожалуй, самымъ важнымъ поводомъ къ общему описанію, которое и было предпринято въ 182 г. По недостатку источниковъ нѣтъ возможности сказать, насколько удачно шли описанія, но извѣстно, что къ 8 іюля 191 г. были изготовлены и поданы въ приказъ Большого Дворца книги 42 городовъ и селъ [1]), т.-е. весьма значительной части дворцовыхъ владѣній.

Совсѣмъ иначе сложились дѣла въ вѣдомствѣ Новгородской чети. Въ 186 г. она произвела въ своихъ Поморскихъ городахъ дворовую перепись, а до этого и послѣ, по 190 г., новыхъ описаній не предпринимала. Вопросъ о нихъ былъ поставленъ, повидимому, въ началѣ 190 г. Въ ноябрѣ Кевролу и Мезень было велѣно описать стольнику Прок. Ларіонову и подьячему Бор. Максимову [2]). Для приправки было велѣно дать имъ, между прочимъ, какія-то дозорныя книги 187 г. генералъ-поручика и воеводы Аѳ. Траурнихта, но указаній на примѣненіе этихъ книгъ и на свойство этого дозора мнѣ не встрѣчалось. Однако, эти писцы не были посланы, а 1 февраля государь «указалъ въ городы, которые вѣдомы въ Новгородскомъ приказѣ, послать писцовъ, а съ ними товарищей подьячихъ, добрыхъ людей, которымъ бы писцовое дѣло было за обычай, а наказы имъ дать изъ Новгородскаго приказа противъ того, каковы наказы даны были писцамъ изъ приказа Устюжскія чети» [3]). Писцы едва начали работать, можетъ быть, даже не во всѣхъ городахъ, какъ весной того же года государь указалъ и бояре приговорили «писцамъ нигдѣ не быть, а которые писцы и подьячіе отпущены были изъ Новгородскаго приказа, и тѣхъ писцовъ и подьячихъ взять къ Москвѣ тотчасъ» [4]). Прерванныя въ самомъ началѣ описанія, судя по всему, возобновлены не были. Мнѣ извѣстно только одно описаніе, да и то не доведенное до конца: въ мартѣ 190 г. стольнику Як. Нелединскому было велѣно быть воеводой на Мезени и ему же велѣно было описать Мезень и Кев-

---

[1]) Акты гражданской расправы, изд. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, II, стран. 534.

[2]) Черновикъ грамоты объ этомъ къ воеводѣ. Прик. д. стар. л., 1681 г. № 135.

[3]) Д. А. И., IX, № 89, II.

[4]) Грамота въ Пермь отъ 11 мая. А. И., V, № 84.

ролу [1]). Неизвѣстно, онъ ли началъ описаніе, но книги въ Новгородскую четь подалъ 18 февраля 195 г. стольникъ Ѳед. Ром. Яковлевъ, который былъ воеводой послѣ Як. Нелединскаго. Дьяческая помѣта на книгахъ даетъ основаніе полагать, что и въ 195 г. описаніе не было закончено [2]).

Ходъ описаній въ Поморскихъ городахъ Устюжской чети, съ которымъ мы имѣемъ возможность познакомиться въ подробностяхъ, очень интересенъ. Уже послѣ моровото повѣтрія 163 г. и до повышенія въ 171 г. оклада денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ, эти города были сильно обременены постоянными и чрезвычайными налогами и повинностями. Окладъ денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ, положенный въ 171 г., оказался для этихъ городовъ совершенно непосильнымъ и вызвалъ накопленіе огромныхъ недоимокъ, которыя никакъ не удавалось выбрать, несмотря на безпощадный правежъ. Населеніе начало осаждать государя жалобами и бить челомъ «безпрестанно о его государской милостивой пощадѣ».

Вотъ одно изъ челобитій Тотьмы. Въ 178 г. тотмичи писали, что у нихъ «отъ большихъ податей учинилась пустота большая, да у нихъ же де во 177-мъ году о Ильинѣ дни выпалъ снѣгъ выше колѣна и лежалъ на поляхъ трои сутки, и хлѣбъ ржаной и яровой подавило безъ остатка, а государевы де денежные доходы правятъ на нихъ и за пустоту смертнымъ правежемъ; и многіе де крестьяне, не истерпя правежа, помираютъ отъ своихъ рукъ, а иные розбрелись врознь, и многіе де крестьяне и съ женами и съ дѣтьми живутъ по лѣсамъ и ѣдятъ елевую кору, и отъ того оцынжавъ, и въ нынѣшнее зимнее время помираютъ». Челобитчики просили послать къ нимъ писцовъ [3]).

Въ этой жалобѣ не слѣдуетъ видѣть обычныхъ преувеличеній, которыя допускали челобитчики, чтобы добиться просимаго, —въ челобитныхъ устюжанъ, которымъ, повидимому, приходилось особенно туго, мы услышимъ еще болѣе горькія жалобы, а въ докладахъ по ихъ челобитнымъ —подтвержденія справедливости ихъ.

---

[1]) Срокъ перемѣнить Як. Тухачевскаго назначенъ 29 іюня. Прик. д. стар. л., 1682 г. № 32.

[2]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 186. Подлинная писцовая за скрѣпой Ѳ. Яковлева. На первомъ листѣ помѣта: «195-го февраля въ 18 день подалъ стольникъ Ѳедоръ Яковлевъ. Взять и съ наказомъ справить и учинить выписку, сколько становъ написано и не дописано».

[3]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 664.

Уже въ 176 г. воевода кн. Гавр. Мышецкій, несомнѣнно по челобитью устюжанъ, производилъ въ уѣздѣ перепись пустоты [1]), но, очевидно, устюжане не добились по этой переписи никакихъ льготъ и въ 178 г. били челомъ вновь. Въ челобитной, поданной отъ уѣзда 31 января 178 г., устюжане писали, что писцы 131—134 гг., «забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованье», наложили на нихъ непосильный сошный окладъ, но что они съ того оклада по 170 годъ всякія подати выплачивали «съ великою нужею, по вся годы съ правежа, сполна». Сверхъ того въ 5 поборовъ они дали больше 5000 даточныхъ и солдатъ, а на подмогу имъ вышло болѣе 300000 рублей. Они же возятъ въ Сибирь хлѣбные запасы и гоняютъ ямскую гоньбу, да со 170 г. на нихъ «сверхъ Вологды и иныхъ городовъ за стрѣлецкій хлѣбъ указано деньги имать передъ прошлыми годами вчетверо». Для правежа недоимокъ присланъ къ нимъ Е. Зиновьевъ, а окладныя деньги правитъ воевода, — «смертнымъ правежемъ бьютъ влежачь, розувъ, и многіе, государь, крестьянишка, не истерпя того смертнаго жестокаго правежа, розно разбрелись и помираютъ голодною смертью. А нынѣ, государь, у насъ, сиротъ твоихъ, хлѣбъ вызябъ, а впредь не насѣяно, и яровыхъ сѣмянъ нѣтъ и сѣять будетъ нечѣмъ». Устюжане писали, что отъ этого «Устюжской уѣздъ разорился безъ остатка» и запустѣло больше 60 сошекъ. Челобитчики просили: «вели, государь, Устюгъ посадъ и уѣздъ описать и измѣрить вновь, потому что у насъ писцы не бывали больше сорока лѣтъ [2]), а въ иныхъ, государь, городахъ, къ Устюгу смежны, писцы были не въ давнихъ годахъ», . . . «а за пусто не вели, государь, съ насъ, сиротъ своихъ, править до своего великаго государя указа и до дозора». Въ челобитной, поданной отъ всего города, устюжане повторяли то, что было сказано въ первой, и болѣе подробно перечисляли свои платежи и повинности. Между прочимъ они писали, что до описанія 131 г. они платили со 180 сошекъ, а писцы 131—134 гг. «писали и мѣрили неправдою, накладывали во многихъ волостяхъ сошку на сошку», и всего положили $244^3/_4$ сошки. Съ этого оклада они платили сполна «только 7 годовъ, по 141-й годъ», а затѣмъ «отъ того, государь, вытнаго и сошнаго прибавочнаго письма учала въ мірѣ

---

[1]) Описаніе документовъ и бумагъ Арх. Мин. Юстиціи, I, стран. 281. С.-Пб. 1869 г.

[2]) Челобитчики не считали описанія 153 г., такъ какъ оно не было утверждено.

быть скудость великая». Особенно тяжелы были сборы даточныхъ и солдатъ, произведенные со 162 года. Отъ правежа недоимокъ и по окладу посадъ и уѣздъ пустѣетъ, «а окупиться, государь, намъ, сиротамъ, осталымъ крестьянишкамъ нечѣмъ, потому что многіе годы хлѣбной недородъ, а въ прошломъ, государь, во 177-мъ году во всемъ Устюжскомъ уѣздѣ хлѣбной большой же недородъ: рожь и всякой яровой хлѣбъ побило градомъ и мразомъ. И отъ того мы, сироты твои, обнищали и оскудали и вконецъ погибли, и многіе люди въ Устюжскомъ уѣздѣ сосновую и пихтовую кору съ мякинами ѣдятъ и отъ того съ голода помираютъ». Къ 178 г. въ уѣздѣ «и вполы не сѣяно», да и то, что посѣяно, не взошло. Въ 176 г. прислана къ нимъ на Устюгъ «твоя великаго государя радостная грамота съ милостивымъ надежнымъ словомъ», но льготъ никакихъ не дано. Челобитчики просили не править денегъ за пустоту, польготить въ податяхъ и убавить сошные и вытные оклады — «поверстать противъ своихъ великаго государя городовъ уѣздовъ: Вологодскаго, и Ярославскаго, и Галицкаго, и Костромского», въ которыхъ «кладено по 14 дворовъ въ выть и больше». Вмѣстѣ съ челобитной устюжане подали роспись пустоты.

Устюжская четь составила по этимъ челобитнымъ докладъ государю, въ которомъ, между прочимъ, было приведено свидѣтельство изъ отписки воеводы: «Устюжскаго уѣзда крестьяне отъ хлѣбнаго недорода и отъ правежа разбрелись и нынѣ бредутъ врознь въ Сибирскіе и въ иные города, и учинилась де въ Устюжскомъ уѣздѣ великая пустота, и впредь чинится-жъ. И они де велѣли учинить по дорогамъ заставы», чтобы задерживать бѣгущихъ тяглецовъ. 18 февраля государь, выслушавъ челобитныхъ и доклада, устюжанъ «пожаловалъ, для поминовенія блаженныя памяти великія государыни царицы и великія княгини Маріи Ильичны и сына своего государева благовѣрнаго государя царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, доимочныхъ денегъ на прошлые годы 9384 р. 25 ал. съ деньгою править на нихъ не велѣлъ», а окладъ на 178 г. велѣлъ взять съ разсрочкой — часть зимой, а часть лѣтомъ. Въ грамотѣ къ воеводѣ государь велѣлъ передать устюжанамъ свою милость: «что нынѣ отданы имъ многія доимочныя деньги на прошлые годы, и они-бъ впредь всякіе доходы платили сполна и изъ волостей не расходились, а которые крестьяне было побрели, и тѣ-бъ по-

прежнему на жеребьи свои сходились и въ пустѣ жеребьевъ своихъ не метали»[1]).

Однако, положеніе дѣла было хуже, чѣмъ представляли себѣ государь и Устюжская четь, и не могло быть поправлено сложеньемъ недоимки. Черезъ полгода, 2 ноября 179 г., государю пришлось выслушать еще докладъ, по новому челобитью устюжанъ, просившихъ о сложеніи съ нихъ «прибавочныхъ стрѣлецкихъ денегъ», т.-е. оклада, положеннаго указомъ 171 г., и о платежѣ этого налога противъ Ваги, т.-е. по окладу 162 года. Въ докладъ между другими справками было выписано, что на Устюгѣ, на посадѣ и въ уѣздѣ, по переписи 154 г. числилось 9524 двора, а нынѣ по росписи, поданной челобитчиками, запустѣли въ уѣздѣ 2591 дворъ. Государь, выслушавъ доклада, указалъ (2 ноября 179 г.) прибавочныя стрѣлецкія деньги на 178 г. и впредь не брать, а платить этотъ налогъ по окладу 162—168 гг.; челобитчикамъ государь велѣлъ сказать, «что-бъ они, видя такую его государскую къ себѣ милость, пріѣхавъ на Устюгъ, своей братьѣ сказали, что-бъ они памятовали его государское крестное цѣлованье — съ Устюга съ посада и изъ Устюжскаго уѣзда въ Сибирь и въ иные городы не бѣгали, а которые побѣжали, и они-бъ сходились по прежнему на свои жеребьи и полнились; а великаго государя доходы нынѣ на нихъ положены передъ прежними годами съ большою убавкою, и напередъ сего имъ допмочныя деньги отданы большія-жъ, и они-бъ всякіе его, великаго государя, доходы, которые на нихъ положены, платили сполна безъ недобора»[2]).

Можетъ быть, дѣло этимъ уладилось бы, но ноябрьскій указъ 181 г. опять вызвалъ жалобы устюжанъ. Въ 180 г. было указано стрѣлецкія деньги съ Поморскихъ городовъ сбирать Стрѣлецкому приказу, и Стрѣлецкій приказъ сообщилъ Устюжской чети указъ — взимать съ Устюга деньги «по 2 рубли за юфть съ полнаго сошнаго оклада». На основаніи этого указа Устюгъ долженъ былъ платить не 228 р. съ сохи, какъ было указано 2 ноября 179 г., а 700 р., т.-е. въ 3 раза больше. Между тѣмъ Устюжская четь, не довѣряя, очевидно, росписи и сыску пустоты, произведенному самимъ населеніемъ въ 178 и

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 52. Будетъ напечатано въ III т. Ак. п. дѣла.

[2]) Прик. д. стар. л., 1670 г. № 476. Будетъ напечатано въ III т. Ак. п. дѣла.

179 гг., предписала устюжскому воеводѣ П. Измайлову «противъ тѣхъ мірскихъ сказокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ тѣхъ новыхъ пустыхъ жеребьевъ, съ которыхъ крестьяне сбѣжали въ Сибирь и съ которыхъ жеребьевъ крестьяне взяты въ солдаты, и которые крестьяне, покинувъ свои жеребьи, ходятъ по міру, досмотрѣть и описать имянно, сколько тѣхъ пустыхъ жеребьевъ и сколько въ нихъ вытнаго тягла и что съ того тягла всякихъ доходовъ было по окладу на годъ». По «переписнымъ книгамъ», присланнымъ воеводой въ январѣ 181 г., оказалось: сошлыхъ и умершихъ 2351 человѣкъ, взятыхъ въ солдатскую службу 2474 человѣка, а вытей запустѣло 398 съ лишнимъ. Несмотря на это, Устюжская четь требовала отъ воеводы сбора недоимокъ, «хотя и не въ одинъ годъ», на что онъ отписывалъ (въ іюнѣ), что онъ велѣлъ править недоимки «большимъ жестокимъ правежемъ по вся дни безъ спуска, а къ ночи сажаетъ въ тюрьму и за караулы, и съ того де правежа Ивановскаго и Троицкаго и Филипповской пустыни старцы привозятъ къ нему въ съѣзжую избу въ платежъ церковную утварь, книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное украшенье, а волостные крестьяне многіе разбрелись врозь и деревни запустѣли, а иные отъ скудости ходятъ по дворамъ» [1]).

Въ концѣ 181 г. къ устюжанамъ присоединились другіе города, и жалобы и просьбы о «его государской милостивой пощадѣ» слились въ дружный хоръ. Воеводы съ своей стороны писали, «что въ тѣхъ городахъ на посадахъ и въ уѣздахъ многія выти запустѣли, и имъ де не токмо на прошлые годы изъ доимки, и на настоящій годъ по окладу взять не на комъ, да и править де имъ за пустыя выти на тѣхъ остальцахъ не мочно, для того что отъ немѣрнаго правежа бѣгутъ врозь» . . . . «и сверхъ старой пустоты прибываетъ вновь многая-жъ пустота и скудость, и отъ той пустоты и скудости многіе хлѣба не сѣяли, и вмѣсто платежа отъ скудости во многихъ мѣстахъ учали привозить церковныя утвари, и книги, и ризы, и колокола» [2]). На все это государь, «слыша тѣхъ городовъ посадскихъ и уѣздныхъ людей многое и безпрестанное о тѣхъ ихъ вышеписанныхъ дѣлахъ челобитье», указалъ и бояре приговорили: 1) всѣ недоимки по 181-й годъ, за исключеніемъ недоимокъ стрѣлецкихъ денегъ, сложить, а стрѣлецкія деньги «взять съ жилыхъ вытей, что съ нихъ по окладу

[1]) Прик. д. стар. л., 1672 г. № 476.
[2]) Ак. п. д., III, устюжскій наказъ 12 мая 184 г.

взять доведется»; 2) для сбора доходовъ и дозора послать съ Москвы добрыхъ дворянъ, «а велѣть имъ въ тѣхъ городахъ на посадахъ и въ уѣздахъ жилыхъ и пустыхъ вытей дозрить и жилые и пустые дворы переписать, и сколько подъ живущими нынѣ, а подъ пустыми дворами напередъ сего въ тяглѣ было земель и всякихъ угодій», а, описавъ и дозря, положить въ живущее.

Данныя этимъ указомъ льготы нѣсколько смягчили остроту вопроса, но дозорщики не были посланы, и «безпрестанное челобитье» возобновилось. Въ 182 г. устюжане, повторяя свои жалобы и доводы, просили послать къ нимъ писцовъ и ссылались на то, что «на Вагу и въ иные городы писцы посланы, а на Устюгъ не бывали». Въ 183 г. они били челомъ о томъ же еще разъ, и 23 апрѣля государь «пожаловалъ — велѣлъ во всѣ Поморскіе городы писцовъ послать и писать противъ прежняго своего государева указа» [1]).

Однако прошелъ еще годъ, и только весной 184 г. Устюжская четь отправила писцовъ въ 2 города — на Устюгъ Алексѣя Лодыженскаго и подьячаго Ал. Ероѳеева, а на Тотьму Богд. Засѣцкаго и подьячаго Емельяна Телицына. Еще черезъ годъ, въ концѣ 185 г., описывать Соль Вычегодскую были посланы стольникъ Григ. Овцынъ [2]) и подьячій Вас. Крюковъ, а на Чаронду и въ Устьянскія волости *назначены* Петръ Протопоповъ и подьячій Ив. Васильевъ [3]).

Не всѣ еще писцы приступили къ работѣ, какъ лѣтомъ 185 г. имъ было велѣно, оставя временно писцовое дѣло, произвести дворовую перепись. На Устюгѣ, у Соли Вычегодской, на Чарондѣ и на Тотьмѣ перепись сдѣлали указанные выше писцы, а въ Устьянскія волости для этого были посланы Потапъ Дурной и подьячій Ив. Кеминъ [4]). Послѣ этого перерыва описанія возобновились и ходъ ихъ былъ такой.

Устюжскій писецъ А. Лодыженскій умеръ 1 января 188 г., и продолжать описаніе, съ прежнимъ подьячимъ, былъ назначенъ 3 мая стольникъ Никифоръ Ефимьевъ. Послѣдніе работали съ лѣта

---

[1]) Ак. п. д., III, — челобитье устюжанъ 23 апрѣля 183 г.

[2]) Сначала былъ назначенъ Петръ Протопоповъ.

[3]) Для всего дальнѣйшаго изложенія хода работъ см. III т. Ак. п. дѣла, по оглавленію и указателямъ. Другіе источники указаны особо.

[4]) Описаніе документовъ и бумагъ Арх. Мин. Юст., I, стран. 257, 272 и 282. Книги №№ 15038, 510 и 15042, отнесенныя въ Описаніи (стран. 281—282) къ Устюгу, въ дѣйствительности относятся къ Устьянскимъ волостямъ.

188 г. до весны 189 г., а 23 апрѣля государь, по челобитью уѣзднаго земскаго старосты съ товарищами и всѣхъ крестьянъ, указалъ Н. Ефимьева взять къ Москвѣ, а писцовыя книги додѣлать воеводѣ Іову Пояркову и дьяку Андрею Покрышкину[1]). Смѣна Н. Ефимьева объясняется той напряженной борьбой, которая шла въ это время на Устюгѣ между посадомъ и уѣздомъ, съ одной стороны, и отписными монастырями и церквами и всѣми черными людьми, съ другой. Подобно тому, какъ дозоръ М. Спешнева 147 г. погубили происки лучшихъ людей, а описаніе 153 г. было отмѣнено по какимъ-то загадочнымъ причинамъ, такъ и описаніе, начатое въ 184 г., вызвало сильную борьбу различныхъ партій. Уѣздные челобитчики задаривали приказныхъ и добивались, «что быть всѣмъ вмѣстѣ и окладывать врядъ всѣмъ по переписнымъ книгамъ», и по ихъ просьбѣ былъ смѣненъ Н. Ефимьевъ; посадскіе люди и монастыри просили «то писцовое дѣло довершить на Москвѣ, кому онъ, великій государь, укажетъ», при чемъ склонялись къ тому, чтобы довершить было велѣно Н. Ефимьеву, но уѣздные люди этого не хотѣли: «онъ де монастырямъ и посадскимъ норовитъ, а насъ де губитъ»; наконецъ, протодьяконъ Дмитрій, ходатай отъ Успенскаго собора, больше всего боялся платежа податей съ міромъ и добивался быть попрежнему въ отписныхъ,— «хотя-бъ и по 2 рубли *(съ двора)* платить, да за всякіе-бъ доходы и особо»[2]).

Итакъ, послѣ смерти А. Лодыженскаго и отставки Н. Ефимьева писцовыя книги было велѣно додѣлать воеводѣ стольнику І. Пояркову и дьяку Андр. Покрышкину. Судя по сохранившимся книгамъ, они додѣлали ихъ въ 191 г.[3]).

Описаніе Соли Вычегодской произвели въ 186—190 гг., сдѣлавъ перепись, указанные выше писцы.

Тотьму въ 184 г. начали описывать Богд. Засѣцкій и подьячій Ем. Телицынъ. Въ концѣ 185 г. они прервали описаніе и произвели перепись, а въ 186 г. возобновили писцовую работу. Въ февралѣ 187 г. Б. Засѣцкому съ подьячимъ Дм. Семіоновымъ было велѣно

---

[1]) В. П. Шляпинъ, Акты Велико-Устюжскаго Михаило-Архангельскаго монастыря, II ч., № 7. В. Устюгъ. 1913 г. Изд. Комитета по завѣдыванію Церковнымъ Древлехранилищемъ въ г. Вел. Устюгѣ.

[2]) Р. И. Б., XII, стран. 551—567.

[3]) Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 511—516.

ѣхать описывать Устьянскія волости, такъ какъ «вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что у тебя тотемское писцовое дѣло въ совершенство приходитъ, а въ Устьянскія волости писца никого не послано» [1]). Слухъ, дошедшій до государя, о томъ, что тотемское писцовое дѣло приходило «въ совершенство», не оправдался. Возможно, что писцы дѣйствительно заканчивали въ это время свою работу, но до утвержденія ея было еще далеко, такъ какъ произведенныя ими перепись и описаніе вызвали въ 189—190 гг. жалобы посадскихъ, а можетъ быть и уѣздныхъ, людей. Въ 189 г. посадскіе люди били челомъ на Б. Засѣцкаго «въ его неправдахъ и въ налогахъ и въ разореніи, и что онъ, писецъ, росписался во многихъ статьяхъ съ прежнею писцовою книгою Фоки Дурова да подьячаго Астафья Колюпанова *(131 г.)* и съ своею переписною заручною книгою, и съ оброчною книгою, что взята къ нему, писцу, на Тотьмѣ изъ приказныя избы, ... а роспискою норовилъ онъ, писецъ, для своей бездѣльной корысти солянымъ промышленникамъ, гостямъ и Гостиной сотнѣ и монастырямъ, и тяглые наши посадскіе соляные промыслы и иныя угодья изъ посадскаго тягла и изъ сошнаго и вытнаго письма отписалъ отъ насъ, сиротъ, отъ посада прочь». По этому челобитью было велѣно допросить Б. Засѣцкаго, но по неизвѣстной причинѣ допроса не было сдѣлано, и въ октябрѣ 190 г. тотмичи били челомъ вновь: до нихъ де дошелъ слухъ, что Б. Засѣцкаго отпускаютъ «писцомъ ѣхать въ городы», а очной ставки съ нимъ «не бывало и то спорное дѣло не вершено» уже девятый мѣсяцъ. Тотмичи просили дать имъ очную ставку съ писцомъ и доложить дѣло государю, а «за неправое письмо вели, государь, свой царскій указъ учинить по своему великаго государя указу и по соборному уложенью, а покамѣстъ съ нимъ, писцомъ, то наше спорное дѣло вершится, и его, Богдана, не вели, государь, съ Москвы отпускать». Государь велѣлъ на это челобитье «указъ учинить думному дьяку Ларіону Иванову съ товарищи, а будетъ за чѣмъ указа учинить не мочно, взнесть къ боярамъ ко князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ товарищи» [2]). Есть осно-

---

[1]) См. выше, стран. 247. Въ дѣйствительности П. Протопоповъ, назначенный на Чаронду и въ Устьянскія волости, не справился съ описаніемъ и перваго города и въ Устьянскія волости не ѣздилъ.

[2]) Прик. д. стар. л., 1681 г. №№ 61 и 130. Будетъ напечатано въ III т. Ак. п. дѣла.

ваніе полагать, что это «спорное дѣло» окончилось не въ пользу Б. Засѣцкаго, — по крайней мѣрѣ въ 195—196 гг. Тотьму описали вновь Никифоръ Озеровъ и подьячій Ив. Гордѣевъ [1]).

Устьянскія волости въ 186 г. переписалъ, какъ я уже упоминалъ, Потапъ Дурной, а въ февралѣ 187 г. ихъ было велѣно описывать Б. Засѣцкому съ подьячимъ Д. Семіоновымъ. Описали ли они волости и какова была судьба ихъ описанія, мнѣ неизвѣстно, и самыхъ книгъ ихъ письма не сохранилось.

Перепись на Чарондѣ произвели П. Протопоповъ и подьячій Ив. Васильевъ. Они же послѣ переписи начали производить описаніе, но не довели его до конца. Дѣло этого неудачнаго описанія представляется, съ внѣшней стороны, въ такомъ видѣ [2]). П. Протопоповъ, ведя перепись, подбилъ чарондцевъ бить челомъ на воеводу Ден. Данилова, чтобы спихнуть его съ воеводства и сѣсть на его мѣсто. Это ему удалось: по челобитью чарондцевъ П. Протопопову было указано быть воеводой, продолжать описаніе и сыскать про притѣсненія и взятки Д. Данилова. Послѣдній успѣлъ, однако, подготовить отвѣтный ударъ, и въ мартѣ 188 г., по челобитью же чарондцевъ, П. Протопоповъ былъ отставленъ отъ воеводства, а на его мѣсто посланъ Вас. Даудовъ, которому было велѣно сыскать про взятки и притѣсненія своего предшественника и допросить чарондцевъ: «что имъ нынѣ писцовое дѣло и писецъ на Чарондѣ и въ Чарондской округѣ надобенъ ли и для чего надобенъ, или то писцовое дѣло отставить». До выясненія этихъ вопросовъ П. Протопопову было велѣно пріостановить описаніе. В. Даудовъ «по прежней недружбѣ» (по словамъ П. Протопопова) жаловался на П. Протопопова въ приказъ, создавалъ ему въ работѣ препятствія, а порученный ему сыскъ повелъ такъ, что П. Протопоповъ попалъ подъ судъ во взяткахъ и всякихъ неправдахъ. Тогда приказъ, чтобы распутать дѣло, велѣлъ (въ августѣ 188 г.) П. Протопопова съ писцовыми дѣлами взять въ Москву, а для высылки его къ Москвѣ послать съ Вологды нарочно подьячаго. Одновременно подьячій долженъ былъ сыскать, всѣ ли чарондцы били и бьютъ челомъ, чтобы П. Протопопову быть писцомъ и воеводой. Обыскные люди дали показанія не въ пользу

---

[1]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 891.
[2]) Оно будетъ напечатано цѣликомъ въ III т. Ак. п. дѣла.

П. Протопопова, но, чтобы добиться такихъ «рѣчей», В. Даудовъ употребилъ слишкомъ сильное средство и за это поплатился самъ. В. Даудовъ не пустилъ вологодскаго подьячаго для обыска въ волости, не далъ ему разсыльщиковъ, заставилъ обыскныхъ людей «неволею» писать готовыя сказки, а подьячаго принялъ весьма враждебно: «всякими безчестными словами бранилъ и хотѣлъ бить и грозилъ кнутомъ и батоги и тюрьмою, невѣдомо за что, и воеводскую отписку *(съ Вологды)* по столу металъ». Тогда въ 189 г. воеводой на Чарондѣ было указано быть стольнику Андр. Поливанову и дьяку Ив. Зиновьеву, которымъ, въ свою очередь, было велѣно сыскать про налоги и взятки В. Даудова и еще разъ допросить чарондцевъ, нуженъ ли имъ писецъ, «или они хотятъ быть по старымъ писцовымъ книгамъ Никифора Толочанова 178-го года». Этотъ сыскъ и все дѣло были заслушаны 16 ноября 190 г. дьяками Посольскаго приказа, которымъ въ это время была подчинена бывшая Устюжская четь, и дьяки приговорили: 1) «на Чарондѣ писцу быть», такъ какъ 10 волостей высказались за новое описанiе, а 14 волостей сказали, «что о писцовомъ дѣлѣ воленъ великiй государь», а писцовыя книги Н. Толочанова имъ не надобны; 2) на П. Протопоповѣ и его товарищахъ доправить весь указной кормъ, который они получили съ прiѣзда и по отъѣздъ, «потому что они, живучи на Чарондѣ, корыстовались, а писцовыхъ книгъ не сдѣлали»; 3) относительно 180 руб. и другихъ денегъ, взятыхъ будто бы П. Протопоповымъ изъ сборныхъ государевыхъ денегъ, дать П. Протопопову съ земскимъ старостой и цѣловальниками очную ставку, такъ какъ они «въ сыску про взятье тѣхъ денегъ сказали не въ одну рѣчь»; 4) о другихъ взяткахъ П. Протопопова дьяки приговорили чарондцамъ «искать на немъ, Петрѣ, судомъ, потому что въ сыску сыскные люди про всякiя взятки сказали рознь».

Окончанiя дѣла мнѣ не удалось найти, но едва ли можно сомнѣваться, что П. Протопоповъ не получилъ порученiя додѣлать описанiе. Судя по тому, что на новое описанiе нѣтъ никакихъ указанiй, можно думать, что оно и не было произведено.

Такова внѣшняя сторона этого неудачнаго описанiя. Думается, однако, что было бы неправильно видѣть главную причину неудачи въ ссорахъ между собой воеводъ и писца, — причины неудачи сложнѣе и лежатъ гораздо глубже. Слѣдуетъ попытаться ихъ выяснить, такъ какъ онѣ имѣютъ, въ нѣкоторой степени, общее

значенье и дѣйствіе ихъ проглядываетъ и въ другихъ описаніяхъ этого времени.

Изъ всего сохранившагося дѣлопроизводства не видно, чтобы писецъ и воеводы были людьми особо дурными, стоявшими ниже средняго уровня приказныхъ того времени. Всѣ ихъ взятки и налоги, на которые указывали въ челобитныхъ и обыскахъ чарондцы, не могутъ быть признаны исключительными, ни по своимъ размѣрамъ, ни по свойствамъ. Даже то, что П. Протопоповъ для своего спокойствія и пущей важности заставлялъ, будто бы, возить себя лѣтомъ въ саняхъ, не представляетъ его изобрѣтенья. Поэтому причины неудачи описанія надо искать въ другихъ обстоятельствахъ.

Сквозь кучу лжи и правды, нагроможденной правильными и «составными», «одабривальными» и «лиховальными» челобитными и обыскными рѣчами, ясно выступаетъ сильное разногласіе въ средѣ тяглыхъ людей по вопросу о надобности новаго описанія. Всѣ знали по очень свѣжему опыту, что описаніе обходится дорого и требуетъ большихъ жертвъ, но одни шли, скрѣпя сердце, на эти жертвы, а другіе находили ихъ нецѣлесообразными. Въ первомъ обыскѣ, произведенномъ В. Даудовымъ, посадскіе люди сказали, что писцы П. Протопоповъ и Ив. Васильевъ «имъ не надобны», потому что у нихъ были писцы въ 179 г., а отъ двойныхъ кормовъ, подводъ и налогъ П. Протопопова имъ чинятся расходы «свыше великаго государя денежныхъ доходовъ». Другіе посадскіе люди и значительная часть крестьянъ сказали то же и прибавили: «въ нынѣшнее время они, писцы, имъ не надобно, потому что по указу великаго государя велѣно имъ за данныя и оброчныя деньги и за стрѣлецкій хлѣбъ платить по рублю съ двора». Къ этимъ рѣчамъ присоединились частныя жалобы нѣкоторыхъ крестьянъ, обиженныхъ писцами лично: въ одномъ мѣстѣ писецъ взялъ съ крестьянина лошадь, «что-бъ скотиннаго выпуска въ вытное тягло не написалъ», въ другомъ — взялъ лошадь же, «что-бъ сѣнныхъ покосовъ отъ ихъ деревенъ не отвелъ», и т. п. «Всего сказали, что писецъ имъ не надобенъ, 379 человѣкъ». Часть крестьянъ сказала, что писцы 178—179 гг. написали лишнихъ 13 вытей, и потому они и били челомъ о новыхъ писцахъ. Наконецъ, крестьяне волостей, смежныхъ съ Бѣлозерскимъ, Вологодскимъ и Каргопольскимъ уѣздами, сверхъ указанія на 13 лишнихъ вытей прибавили: «да и для того имъ писцы надобно, что около ихъ воло-

стей кругомъ прилегли помѣщики и вотчинники и ихъ пашенную землю опахали и сѣнными покосы потому-жъ завладѣли сильно; и они де отъ помѣщиковъ и отъ вотчинниковъ до конца разорились и мёжъ не вѣдаютъ». «Всего сказали, что писецъ надобенъ, 228 человѣкъ». Въ третьемъ обыскѣ, произведенномъ Андр. Поливановымъ чарондцы въ общемъ повторили сказанное раньше. Посадскіе люди сказали: «писцовое дѣло и писецъ имъ не надобно для хлѣбнаго недорода, да и для того, что нынѣ денежные доходы платятъ указною статьею». Крестьяне девяти волостей сказали: «писцовое дѣло и писецъ имъ надобенъ, что де у нихъ въ земляхъ и въ межахъ съ помѣщики и съ вотчинники споры великіе». Крестьяне четырнадцати волостей сказали: «о писцовомъ де дѣлѣ и о писцѣ воленъ великій государь, потому что де денежные доходы велѣно имъ платить съ дворовъ указною статьею». Наконецъ, крестьяне Тавенской волости сказали, что имъ писецъ нуженъ.

Изъ этихъ сказокъ мы видимъ, что большинство чарондцевъ высказалось противъ П. Протопопова въ частности и вообще противъ новаго описанія. Девять волостей высказались за писцовое дѣло только потому, что имъ было нужно межеваніе. Огромное большинство противниковъ новаго описанія высказалось противъ потому, что указъ о платежѣ налоговъ подворно былъ выгоденъ тяглымъ людямъ. Такъ какъ это была временная мѣра, то нѣкоторые, имѣя въ виду, что писцы 178—179 гг. наложили 13 лишнихъ вытей и большіе оброки, высказались на всякій случай за новое описаніе. Такимъ образомъ, можно сказать, что подворный окладъ, введенный указомъ 188 г., лишилъ тяглыхъ людей прежнихъ побужденій просить новаго описанія и только неувѣренность, что этотъ окладъ останется навсегда, побуждала нѣкоторыхъ высказаться за описаніе.

Это обстоятельство кажется мнѣ очень важнымъ и оказавшимъ большое вліяніе на неуспѣхъ описаній этого времени. Въ самомъ дѣлѣ, изъ исторіи дозоровъ и описаній вообще мы знаемъ, какое огромное значеніе имѣли въ ней челобитья населенія: большая часть описаній была предпринимаема приказами только по настойчивымъ челобитьямъ населенія, и не менѣе настойчивыя просьбы нужны были, чтобы заставить приказы примѣнять къ дѣлу произведенныя описанія. Съ другой стороны, подворный окладъ 188 г., для Поморскихъ по крайней мѣрѣ городовъ, приносилъ значительное облегченіе

тягла. Указъ 190 г. принесъ еще бо́льшее облегченіе. Такъ какъ это уже извѣстно, то я напомню вкратцѣ, что въ 189 г. тяглые люди всѣхъ городовъ были опрошены, въ силу ли имъ платить подворный налогъ по указнымъ статьямъ 188 г., и государевымъ указомъ съ боярскимъ приговоромъ, 19 декабря 190 г., указныя статьи налога были положены «по новому окладу московскихъ гостей передъ прежнимъ съ убавкой»[1]). Послѣ этого тяглые люди Поморскихъ городовъ изъ сторонниковъ новыхъ описаній превратились во многихъ, навѣрное, случаяхъ въ противниковъ и во всякомъ случаѣ перестали просить новыхъ описаній, такъ какъ при мірской раскладкѣ общей массы тягла, положеннаго на нихъ подворно, имъ было безразлично быть обложенными подворно или посошно, лишь бы платить поменьше.

О другихъ, общихъ для всего государства причинахъ неудачи описаній послѣдней четверти вѣка я буду говорить ниже, а раньше разсмотрю описательныя работы Помѣстнаго приказа.

Въ 186 г. Помѣстный приказъ произвелъ, какъ я уже говорилъ, перепись дворовъ на посадахъ и въ уѣздахъ всѣхъ городовъ кромѣ Поморскихъ и кромѣ дворцовыхъ владѣній. Перепись была вызвана устарѣлостью данныхъ предшествовавшей переписи и была предпринята совершенно независимо отъ какихъ-либо предполагаемыхъ измѣненій въ посошномъ обложеніи. По крайней мѣрѣ, указаній на послѣднее пока неизвѣстно. Не видно также, чтобы служилые землевладѣльцы думали передъ переписью о новыхъ описаніяхъ и считали ихъ необходимыми, какъ Помѣстный приказъ счелъ необходимой новую перепись. Нужды и интересы частнаго землевладѣнья направляли вниманіе Помѣстнаго приказа въ другую сторону — на измѣреніе и межеваніе земель и на отводъ «дикихъ поль», — и въ томъ же направленіи дѣйствовало сильное въ это время развитіе вотчиннаго землевладѣнья.

Посылка особыхъ межевщиковъ для измѣренія и обмежеванія отдѣльныхъ владѣній и цѣлыхъ уѣздовъ началась тотчасъ послѣ завершенія валовыхъ описаній второй четверти вѣка, но все это были частные случаи. Въ 175, 178, 180, 182 и 184 гг. межевщики были посыланы уже во многіе города, а въ началѣ 188 г. было рѣшено послать межевщиковъ «въ Московскій уѣздъ и во всѣ

---

[1]) А. И., V, № 77.

городы»[1]). Я не буду разсматривать этихъ работъ, такъ какъ онѣ не имѣютъ отношенія къ сошному письму и не повліяли, судя по всему, на ходъ послѣдующихъ описаній.

До переписи 186 г., насколько мнѣ извѣстно, было предпринято только одно описаніе, да и то находилось въ связи съ нуждами межеванія и землемѣрія. Въ 182 г. Большой Дворецъ послалъ Льва Вельяминова съ товарищами описывать дворцовыя владѣнія въ Псковскомъ уѣздѣ. Въ 184 г. служилые землевладѣльцы били челомъ государю, что въ Псковскомъ уѣздѣ «дворцовыя села не особыми волостьми, по деревнямъ и пополосно съ помѣщиковыми и съ монастырскими и съ церковными, въ одной деревнѣ вотчинниковъ и помѣщиковъ по 5 и по 6», и писцы отводятъ дворцовымъ крестьянамъ землю сполна противъ старыхъ писцовыхъ книгъ, даже тамъ, гдѣ ея не достаетъ, а крѣпостей у нихъ, служилыхъ людей, не смотрятъ, такъ какъ они находятся на государевѣ службѣ. Псковичи просили либо отсрочить межеванье до ихъ возвращенья со службы, либо велѣть писцамъ описывать всѣ земли «валовымъ письмомъ», т.-е. сряду[2]).

Вопросъ о новомъ общемъ описаніи былъ поставленъ вскорѣ послѣ окончанья переписи 186 г. Мы уже видѣли, что сентябрьскій указъ 188 г. устанавливалъ дворовый окладъ «впредь до валовыхъ писцовъ», изъ чего можно заключить, что новое валовое описаніе было поставлено на очередь текущихъ задачъ управленья. Въ 189 г. были посланы писцы въ Московскій уѣздъ[3]), а въ мартѣ 190 г. Помѣстный приказъ предложилъ на обсужденіе выборныхъ дворянъ и Боярской думы статьи старыхъ писцовыхъ наказовъ[4]), чтобы выработать при ихъ содѣйствіи образцовый, одинаковый наказъ писцамъ. Смерть царя Ѳеодора и послѣдовавшая затѣмъ смута прервали выработку наказа и отсрочили посылку писцовъ. Наказъ былъ изготовленъ только къ апрѣлю 192 г., а дѣятельныя приготовленія къ посылкѣ писцовъ начались въ августѣ.

Съ начала августа 192 года Разрядъ прислалъ Помѣстному

---

[1]) П. С. З., №№ 632, 785, 813, 822, 830 и 832. Въ № 889 упоминается о посылкѣ въ 182 г. межевщиковъ въ Заоцкіе города.

[2]) П. С. З., № 632. Въ 187 г. Новгородская четь дала наказъ тѣмъ же писцамъ описать посадъ. Ак. и. д., III, наказъ 187 г., августа мѣсяца.

[3]) П. С. З., № 835.

[4]) Объ этомъ я говорилъ выше, на 53—56 страницахъ.

приказу для посылки писцами 73 человѣка дворянъ[1]). Помѣстный приказъ размѣтилъ ихъ по городамъ и писалъ въ докладѣ объ этомъ государямъ: «Всего въ Московскій уѣздъ и въ 63 города — 73 человѣка, а къ тому надобно въ прибавку сверхъ разряднаго списка въ городы писцовъ . . . всего въ 34 города 38 человѣкъ». 22 августа государи утвердили списокъ Помѣстнаго приказа за исключеніемъ Андр. Самарина (назначеннаго въ Московскій уѣздъ), которому велѣли быть «у дѣла изъ Стрѣлецкаго приказа», а недостающихъ дворянъ велѣли запросить у Разряда [2]). Тогда же Помѣстный приказъ началъ черезъ Разрядъ же собирать во всѣхъ приказахъ подьячихъ, которые должны были быть товарищами писцовъ. Дѣлопроизводство Помѣстнаго приказа показываетъ, какое это было сложное и хлопотливое дѣло подобрать и снарядить болѣе 200 писцовъ въ сотню городовъ. Однихъ дворянъ пришлось отставить за неграмотностью, другихъ — за болѣзнью, третьи находили заступу среди сильныхъ людей и добились освобожденія отъ писцовой службы по челобитьямъ, наконецъ, нѣкоторыхъ писцовъ пришлось назначить въ другіе города, такъ какъ въ тѣхъ городахъ, куда они были первоначально назначены, у нихъ оказались помѣстья и вотчины.

Не меньшія затрудненія представлялъ подборъ подьячихъ — старыхъ въ товарищи къ писцамъ, а молодыхъ въ писчики. По моимъ неполнымъ свѣдѣньямъ (относительно 230 подьячихъ) можно заключить, что Помѣстный приказъ испытывалъ большія затрудненія въ подборѣ такого множества подьячихъ. Относительно 120 подьячихъ въ Разрядныхъ памяткахъ не сказано ничего о ихъ прежней службѣ, а остальные 110 человѣкъ были набраны, судя по опредѣленнымъ указаньямъ памятокъ, въ 16 приказахъ [3]). Неизвѣстно, какое количество подьячихъ выдѣлилъ Помѣстный приказъ изъ своего вѣдомства,

---

[1]) Арх. М. Юст., Помѣстнаго приказа ст-цъ № 18926, лл. 278—283. Этотъ актъ и другіе, относительно описаній этихъ лѣтъ, будутъ напечатаны въ III т. Ак. п. дѣла.

[2]) Тамъ же, лл. 291—298.

[3]) Тотъ же ст-цъ. Подьячіе присланы: изъ приказа Б. Казны — 33 человѣка, изъ Московскаго Суднаго приказа — 17, изъ Стрѣлецкаго — 15, изъ Сыскного—7, изъ Ямского—6, изъ Печатнаго приказа и изъ Казанскаго Дворца по 5, изъ Помѣрной избы и изъ приказа Сбора стрѣлецкаго хлѣба—по 4, изъ Рейтарскаго приказа и изъ Московской Таможни—по 3, съ Отдаточнаго Двора, изъ Мытной избы и изъ Разряда—по 2, изъ Большого Дворца и изъ Суднаго Дворцоваго приказа—по 1.

но и то, что извѣстно, показываетъ, что подьячихъ приходилось набирать въ значительной мѣрѣ, что называется, съ бору да съ сосенки.

Неудивительно, при такихъ условіяхъ, что назначеніе и посылка писцовъ растянулись не только на весь 193 г., но и на 194-й. Повидимому, и въ концѣ 194 г. были города, въ которые писцы еще не были посланы.

Описанія едва начались, какъ приготовленія къ первому Крымскому походу заставили правительство ихъ пріостановить. 2 іюля 194 г. государи указали писцамъ работать до 1 августа, а къ 10-му августа вернуться въ Москву, «а которые писцы помѣчены въ городы, а наказовъ имъ не дано, и тѣхъ не посылать»[1]). Часть писцовъ была взята отъ писцоваго дѣла «по наряду» на государеву службу[2]), и описанія если и были мѣстами возобновлены, то только къ лѣту 195 г. Общій указъ о возобновленіи описаній былъ данъ только 12 марта 196 г.: государи указали послать прежнихъ писцовъ, «а которые изъ тѣхъ писцовъ померли или на ихъ, великихъ государей, службѣ и на воеводствахъ и въ посылкахъ, и на нихъ мѣсто послать иныхъ»[3]). Однако, уже 30 марта этотъ указъ былъ отмѣненъ: государи указали писцовъ не посылать, «для того что многіе на ихъ государевой службѣ»[4]). Въ маѣ 196 г. государи подтвердили этотъ указъ, а межеванье отдѣльныхъ владѣній, по челобитьямъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, разрѣшили поручать воеводамъ[5]). Изъ послѣдняго можно заключить, что правительство въ это время уже не надѣялось на возобновленье описаній въ близкомъ будущемъ. Дѣйствительно, предпринятый вскорѣ послѣ этого второй Крымскій походъ снялъ съ очереди вопросъ объ описаніяхъ, а на возобновленіе ихъ послѣ похода указаній нѣтъ.

Главная причина неудачи описаній послѣдней четверти вѣка лежитъ, несомнѣнно, въ неустойчивости внутренней политики правительства этого времени. Напряженная и бурная борьба придворныхъ партій, примыкавшихъ къ враждовавшей между собой роднѣ царя Алексѣя и его сына Ѳеодора, вносила во внутреннее управленье

---

1) П. С. З., № 1200.
2) Тамъ же, № 1215.
3) Тамъ же, № 1284.
4) Тамъ же, № 1292.
5) Тамъ же, № 1297.

колебанія и безпорядокъ, отражавшіеся очень вредно не только на государственномъ хозяйствѣ, но и во всѣхъ другихъ областяхъ. Не входя въ подробное изслѣдованіе этого интереснаго вопроса, я ограничусь указаньемъ на нѣкоторые характерные факты.

Когда въ 30-хъ годахъ Устюжская четь обновляла города своего вѣдомства новыми дозорами и описаніями, то во главѣ ея подолгу стояли одни и тѣ же дьяки: въ 127—130 гг. ею управлялъ извѣстный дѣлецъ, думный дьякъ Томило Луговской [1]), со 131 г. по 3 апрѣля 139 г.—дѣльный дьякъ, пожалованный изъ гостей, Мих. Смываловъ [2]), съ апрѣля 139 г. по конецъ 149 г.—дьякъ изъ дворянъ Пантелей Чириковъ [3]). Несомнѣнно, что продолжительное управленіе одного и того же лица само по себѣ, независимо отъ другихъ условій и обстоятельствъ, не могло не быть полезнымъ для хода описаній. Совсѣмъ не то мы видимъ въ той же Устюжской чети въ 70—80-хъ годахъ. Въ октябрѣ 178 г. управлять ею былъ назначенъ думный дьякъ Александръ Дуровъ съ прежнимъ дьякомъ—съ Семеномъ Карево [4]). Вскорѣ послѣдній дьякъ былъ отставленъ, и А. Дуровъ управлялъ четью одинъ, по 10 марта 179 г., когда вмѣсто него были назначены думный дворянинъ Иванъ Большой Севастьяновичъ Хитрово и дьякъ Авраамъ Кощеевъ [5]). Эти лица управляли четью и въ 180 г., а въ маѣ 181 г. весь составъ былъ новый—думный дьякъ Илларіонъ Ивановъ и дьякъ Сем. Домашневъ [6]). Въ іюнѣ 182 г. упоминается одинъ дьякъ С. Домашневъ, а въ маѣ 184 г. составъ опять другой: бояринъ кн. Юр. Ал. Долгоруково, думный дьякъ Ил. Ивановъ и дьякъ Памфилъ Бѣляниновъ [7]). Бояринъ Ю. А. Долгоруково просидѣлъ въ чети до присоединенія ея въ 188 г. къ Посольскому приказу, но товарищи его постоянно мѣнялись. Съ нимъ были: въ 185 г. думный дьякъ Дан. Полянскій и дьяки П. Бѣляниновъ и Петръ Хвостовъ, въ 186 г.—стольникъ Кириллъ Аристарховичъ Яковлевъ и дьяки Кир. Алексѣевъ и Онисимъ Кабатовъ, въ 187 г.—тѣ же, но вмѣсто О. Кабатова дьякъ

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 10.

[2]) Тамъ же, по Устюгу кн. № 117, 2-я часть, л. 415, и Прик. д. стар. л., 1635 г. № 12.

[3]) Тамъ же и Прик. д. стар. л., 1641 г. № 42.

[4]) Тотъ же архивъ, по Устюгу кн. № 116.

[5]) Прик. д. стар. л., 1671 г. № 462 и 1670 г. № 628, и по Устюгу кн. № 188.

[6]) Прик. д. стар. л., 1671 г. № 462, и А. А. Э., IV, 246.

[7]) Прик. д. стар. л., 1674 г. № 39.

Маркъ Баженовъ. Въ 188 г. Устюжская четь была присоединена къ Посольскому приказу, которымъ управляли: думный дьякъ Ил. Ивановъ и дьяки Ем. Украинцевъ, Вас. Бобынинъ и Сем. Протопоповъ[1]).

Такія же частыя смѣны начальствующихъ лицъ приказовъ, въ это время и въ ближайшіе послѣдующіе годы, мы можемъ видѣть и въ другихъ приказахъ. Это обстоятельство и неустойчивость внутренней политики вообще не могли не отразиться неблагопріятно на дѣятельности приказовъ. Они и отразились, даже на такомъ внѣшнемъ фактѣ какъ приказное письмоводство: всякому, кто много занимался въ архивахъ, бросались, вѣроятно, въ глаза безпорядокъ и разрозненность дѣлъ этого времени, которые никакъ нельзя объяснить исторіей приказныхъ архивовъ.

Много указаній на неустойчивость политики Устюжской и Новгородской четей относительно Поморскихъ городовъ я приводилъ выше. Приблизительно со 178 г. эти два приказа все время колебались между крайней притязательностью къ платежнымъ силамъ Поморья и нещаднымъ правежемъ недоимокъ, съ одной стороны, и послабленіями и многочисленными уступками, съ другой. Тѣ же колебанія мы видимъ и въ новыхъ описаніяхъ и въ вопросѣ о сошномъ письмѣ и дворовомъ окладѣ. Выше мы видѣли, какъ недружно и вяло вела Устюжская четь новыя описанія. Послѣ указа 188 г. ни четь, ни писцы, ни населеніе не знали, будетъ ли возстановленъ сошный окладъ и стоитъ ли тратить время на эту работу. На этой именно почвѣ чарондцы колебались относительно «надобности» новаго описанія. То же мы видимъ и въ дѣлѣ описанья Устюга. Въ 189 или 190 г., когда описаніе приходило къ концу, Посольскій приказъ предписывалъ взять у устюжанъ сказки, «годно ли» имъ новое описаніе и въ силу ли имъ платить подворно больше 1 рубля съ двора, а ходатай Успенскаго Устюжскаго собора писалъ соборной братьѣ изъ Москвы: «нѣчто послѣ валовыхъ писцовъ платежъ будетъ по старому, не подворно, — въ томъ милости нынѣ просите у писца, что-бъ не отяготилъ окладомъ вытнымъ, въ сошное бы письмо не положилъ»[2]).

---

[1]) Тотъ же архивъ, по Устюгу кн. № 221 и по Тотьмѣ кн. № 60. Прик. д. стар. л., 1677 г. № 72. Д. А. И., IX, 123. См. еще. Ак. п. д., III, по указателю.

[2]) Р. И. Б., XII, стран. 556 и 562.

Еще въ бо́льшей, пожалуй, мѣрѣ вредили колебанія правительства новымъ описаніямъ въ вѣдомствѣ Помѣстнаго приказа. Пословица говоритъ: когда паны дерутся, то у хлопцевъ чубы трещатъ. Такъ, дѣйствительно, и бываетъ съ тѣми хлопцами, которые подвертываются подъ руки дерущимся панамъ, но нерѣдко бываетъ и то, что хлопцы, за мнимую или дѣйствительную поддержку враждующимъ панамъ и пользуясь ихъ временной слабостью, выигрываютъ отъ этого и добиваются такихъ уступокъ, которыхъ имъ, можетъ быть, не удалось бы получить при другихъ условіяхъ. Въ послѣднемъ именно смыслѣ использовали служилые люди слабость и колебанія правительства этого времени. Успѣхи ихъ выразились въ многочисленныхъ пожалованьяхъ деньгами и вотчинами, въ указахъ объ отводѣ «дикихъ поль», въ льготныхъ условіяхъ продажи земель въ вотчину и т. п. Въ дѣлѣ описаній это выразилось двояко — во-первыхъ, въ значительномъ расширеніи тѣхъ задачъ, которыя были полезны для служилаго землевладѣнья, въ ущербъ финансовымъ задачамъ описаній, а во-вторыхъ, въ многочисленныхъ уступкахъ отдѣльнымъ жалобщикамъ, тормозившихъ описанія.

О томъ, что служилые люди требовали межеванья земель, и что отвѣтомъ на это были многочисленныя межевыя работы до и во время описаній послѣдней четверти вѣка, я уже говорилъ. Въ 190 г. выборные отъ служилыхъ людей, при обсужденіи наказа, высказались опредѣленно за измѣреніе земель во всѣхъ трехъ поляхъ, и это пожеланіе вошло въ апрѣльскій наказъ 192 г. Раньше писцы должны были мѣрить только одно поле, а два другія поля писали по своей «смѣтѣ» и по сказкамъ, а теперь ихъ работа только въ одномъ этомъ вопросѣ увеличивалась въ 3 раза. То же усложненіе и расширеніе писцовыхъ задачъ мы видимъ и въ вопросѣ о надѣленіи четвертной земли угодьями: усадебной землей, сѣнными покосами, водой и лѣсами. Словомъ, служилые люди сдѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобы писцы были не столько агентами фиска, сколько ихъ землемѣрами, межевщиками и нотаріусами. Нѣтъ спора, что всѣ эти работы были желательны, быть можетъ, даже необходимы, при томъ не только для однихъ служилыхъ людей, но и для государства, но несомнѣнно, что онѣ очень усложняли и замедляли описанія.

Выше я говорилъ, что при описаніяхъ второй четверти вѣка Помѣстный приказъ допускалъ довольно часто «отводъ» писцовъ по чело-

битьямъ отдѣльныхъ лицъ, по недружбѣ или родству писцовъ съ челобитчиками[1]). При описаніяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, право отвода было отмѣнено, а взамѣнъ его были приняты мѣры, изъ которыхъ одну я безъ колебаній признаю очень неудачной. Предписаніе не посылать людей писцами въ тѣ уѣзды, гдѣ они имѣли помѣстья и вотчины, несомнѣнно, было полезно, но мысль послать «розыщиковъ про неправое письмо и межеванье», когда писцы едва начали работать, слѣдуетъ признать не только неудачной, но и, пожалуй, даже роковой для предпринятыхъ описаній.

Случаи посылки розыщиковъ бывали и при описаніяхъ второй четверти вѣка[2]), но тогда они были, во-первыхъ, рѣдкимъ исключеніемъ, а во-вторыхъ, розыскъ производился, когда описаніе уже было окончено. Теперь посылка розыщиковъ стала общей мѣрой, для розыска было назначено нѣсколько десятковъ стольниковъ и дворянъ съ дьяками, и посылка началась съ конца 193 г.[3]), когда во многихъ городахъ описанія едва начались. Нецѣлесообразность этой мѣры сказалась очень скоро. Въ мартѣ 194 г. Помѣстный приказъ докладывалъ государямъ, что помѣщики и вотчинники бьютъ челомъ на писцовъ и просятъ очныхъ съ ними ставокъ «въ неправомъ ихъ письмѣ и межеваньѣ», а писцы, съ своей стороны, жалуются, что помѣщики бьютъ на нихъ челомъ «ложно», и просятъ очныхъ ставокъ съ челобитчиками. Государи указали, 10 марта, посылать по прежнему указу розыщиковъ и давать писцамъ съ челобитчиками очныя ставки въ Помѣстномъ приказѣ и установили для обѣихъ сторонъ наказанье: у писцовъ, уличенныхъ въ неправомъ письмѣ и межеваньѣ, отнимать половину помѣстій и вотчинъ и отдавать отнятое челобитчику, «у кого они неправдою писали и межевали, а у челобитчика за ложное челобитье отнять столько-жъ помѣстій и вотчинъ, что было довелось отнять у писца, а будетъ у него помѣстій и вотчинъ меньше писцова, и у него отнять половину помѣстій его и вотчинъ и отдать писцу»[4]). Нетрудно представить себѣ, что эти наказанія, при формальномъ

---

[1]) См. выше, стран. 38—41.

[2]) См. выше, стран. 213,— посылка розыщиковъ во Мценскъ.

[3]) Арх. М. Юст., Помѣстнаго приказа ст-цъ № 18926, лл. 204—205. Память 24 августа 193 г. изъ Разряда въ Помѣстный приказъ, со спискомъ стольниковъ и дворянъ, назначенныхъ въ розыщики.

[4]) П. С. З., № 1175.

равенствѣ ихъ, должны были быть гораздо страшнѣе для писца, чѣмъ для множества возможныхъ челобитчиковъ, отъ нападеній которыхъ онъ долженъ былъ защищаться передъ розыщиками и очными ставками въ Помѣстномъ приказѣ. Такимъ образомъ, писцы во время самой работы были подвергнуты надзору розыщиковъ и нападкамъ землевладѣльцевъ. Неизвѣстно, насколько это повышало качество писцовой работы, но несомнѣнно, что послѣдствія получились довольно плачевныя: писцы работали медленно, съ неохотой и боязнью передъ спорами и наказаньями, и всячески добивались освобожденія отъ порученнаго имъ дѣла.

XIII. Посадская соха.

Сошные и оброчные посады. Основанія, по которымъ нѣкоторые посады были освобождаемы отъ сошнаго тягла. — Бѣлые дворы на посадахъ. — Тяглые дворы. Дѣленіе ихъ на дворы сошные, оброчные и безоброчные. — Дѣленіе сошныхъ дворовъ на статьи. — Нормы дворовой сохи въ наказахъ XVII вѣка. Непригодность ихъ примѣнительно къ налогамъ XVII вѣка. — Практика посадскаго сошнаго оклада второй половины XVI вѣка. — Практика XVII вѣка. Вологда, Нижній, Романовъ, Ржева Владимирова, Руза, Устюжна и Вязьма. — Заключительныя замѣчанія о посадскомъ сошномъ окладѣ XVII вѣка.

Послѣ изслѣдованія общихъ основаній сошнаго письма и обзора описательныхъ работъ можно перейти къ частнымъ вопросамъ. Въ настоящей главѣ я займусь посадской сохой.

Сошное тягло было тяжелѣе оброчнаго. Оброчникъ зналъ напередъ, сколько онъ долженъ платить, и платилъ свой оброкъ изъ года въ годъ въ одномъ и томъ же размѣрѣ, пока приказъ, воевода или писецъ не измѣняли оклада налога. Въ противоположность оброчнику отдѣльные тяглецы или группа тяглецовъ, положенные въ сошный окладъ, были пайщиками въ измѣнчивой массѣ государственныхъ и мѣстныхъ платежей и повинностей; сошный окладъ былъ выраженіемъ той доли общегосударственныхъ и мѣстныхъ повинностей, которая должна была по разводу упасть на тяглеца, положеннаго въ сошное письмо. Если оставить въ сторонѣ, какъ ничтожные, посошные налоги XVI вѣка, которые въ XVII вѣкѣ были взимаемы изъ года въ годъ въ одинаковыхъ окладахъ, то останется еще много посошныхъ налоговъ и повинностей, оклады которыхъ были ежегодно опредѣляемы особыми государевыми указами. Такъ, колебались, какъ мы уже знаемъ, оклады большихъ ямскихъ денегъ, стрѣлецкаго хлѣба и денегъ за него и сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ. Правительство, вычисливъ приблизительно необходимую ему сумму денегъ или хлѣба,

разводило ее на сохи и дроби сохъ. Посошно же разводили воеводы и тяглые міры множество мѣстныхъ постоянныхъ и чрезвычайныхъ податей и повинностей. Все это не касалось оброчника: онъ зналъ напередъ, сколько долженъ уплатить, и обыкновенно платилъ гораздо меньше сошнаго тяглеца.

Не всѣмъ было подъ силу сошное тягло, и мы видимъ на посадахъ и въ уѣздахъ, рядомъ съ сошными тяглецами, такихъ, которые «въ сошное письмо не пригодились» и платили оброкъ, и другихъ, которые не могли нести и оброка и были за худобою совсѣмъ освобождены отъ тягла. Подобно этому и группы тяглецовъ — цѣлые посады — были на различномъ положеніи: одни были положены въ сошное письмо, другіе — въ оброкъ, а третьи — за отсутствіемъ тяглыхъ людей не платили и оброка.

Съ теченіемъ времени происходили перемѣны: одни посады полнились людьми и богатѣли, другіе пустѣли и бѣднѣли и дѣлались непригодными для сошнаго тягла. Съ другой стороны, измѣнялись взгляды и нужды правительства. Можно указать много посадовъ, которые переходили съ сошнаго тягла на оброчное и обратно. Такъ, псковскіе пригороды: Кобылій, Изборскъ, Вревъ и Себежъ по письму 93—95 гг. были освобождены «за худобою» отъ сошнаго тягла, тогда какъ по предшествовавшему описанію (кажется 65 г.) они были въ сошномъ письмѣ [1]). Путивль и Мещовскъ до разоренья были въ сошномъ тяглѣ, а по описаніямъ 133—134 гг. положены въ оброкъ [2]). Зарайскъ по описанію 103—105 гг. былъ въ сошномъ тяглѣ, по письму 134 г. положенъ въ оброкъ, а въ 146 г., оставаясь во Владимирской чети на положеніи оброчнаго посада, для платежа ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ былъ положенъ въ сошное письмо [3]).

Послѣ Смуты, когда финансовое значеніе четей и Большого Прихода упало, а Ямской и Стрѣлецкій приказы получили значеніе важныхъ финансовыхъ учрежденій, въ посадскомъ сошномъ письмѣ началось раздвоеніе, о которомъ я говорилъ выше [4]). Случаи, когда Ямской или Стрѣлецкій приказы клали для своихъ налоговъ на по-

---

1) Сборникъ Московск. Арх. Мин. Юстиціи, V, стран. 269, 297, 367 и 426. М. 1913 г.

2) Ак. п. д., II, №№ 226 и 229.

3) В. Н. Сторожевъ, Писцовыя книги Рязанскаго края, I, стран. 157. Ак. п. д., I, № 238. Арх. Мин. Ин. дѣлъ, по Владимиру кн. № 4, л. 16.

4) Стран. 16—17.

сады тотъ или иной сошный окладъ, не считаясь съ приказомъ, который производилъ описаніе посада, особенно часто встрѣчаются во второй четверти XVII вѣка, но образцы для этого были даны, повидимому, послѣ воцаренія Михаила Ѳедоровича, когда правительство очень нуждалось въ деньгахъ.

Въ 122 г. съ посада Калуги было велѣно взять, наравнѣ съ уѣздомъ, посошныхъ лошадей для государева Троицкаго похода. Калужане били челомъ государю, что они обложены оброкомъ со времени устроенья посада въ 112 г. Матв. Проѣстевымъ и подьячимъ Як. Демидовымъ, — «а сошнаго, государь, оклада на насъ не положено, потому что насъ, сиротъ твоихъ, сбирали *(стройщики)* на посадъ оброчныхъ людей, изъ дворцовыхъ селъ, и изъ-за монастырей, и съ княженецкихъ и съ боярскихъ дворовъ дворниковъ и изъ-за поповъ бобылей». Очевидно, что передъ этимъ посадскіе люди брели съ посада врозь и закладывались за сильныхъ людей; стройщики собрали эту бѣдноту на старыя мѣста и за худобой не положили въ сошное тягло. Послѣ этого Калугѣ пришлось пережить тяжелыя времена, и когда въ 122 г. съ нихъ стали требовать посошныхъ налоговъ, то посадскіе люди били челомъ государю: «вели, государь, намъ быть въ оброкѣ попрежнему, а не въ сохахъ». 14 октября 122 г. государь пожаловалъ челобитчиковъ и велѣлъ имъ попрежнему платить оброкъ[1]). Однако, этотъ указъ былъ нарушенъ, и въ одномъ изъ ближайшихъ годовъ посадъ «на время» былъ положенъ въ сошное письмо для платежа казачьихъ кормовъ, которые ему и пришлось платить сверхъ прежняго оброка. Въ 125 г. Калугу было велѣно дозрить Ив. Бѣгичеву и подьячему Игн. Пчелину[2]). Воевода отписывалъ во Владимирскую четь, что дозоръ произведенъ, но что онъ не знаетъ, какъ положить посадъ въ сошное письмо, такъ какъ у него нѣтъ приправочныхъ книгъ, а калужане бьютъ челомъ, что по дозору кн. Л. Шаховского съ ихъ дворовъ положено «урокомъ» 270 руб. оброка, «а въ сошномъ де, государь, письмѣ Калужской посадъ не бывалъ съ Матвѣева письма и устроенья Проѣстева; а послѣ де, государь, князя Леонтьева Шеховского письма и дозора положенъ былъ ихъ Калужской посадъ въ сошное письмо для казачьихъ кормовъ на время, противъ книгъ письма князя Леонтья Шеховского въ 2 сохи». Посадскіе де

¹) Ак. п. д., I, № 3.
²) Ихъ книги см. въ Арх. М. Ю., Писц. кн. № 11605.

люди бьютъ челомъ, писалъ воевода, что имъ невозможно платить съ этого оклада, такъ какъ послѣ дозора многіе люди разбрелись, и просили «пожаловати ихъ, посадскихъ людей, велѣти для казачьихъ кормовъ посадъ ихъ, дозривъ и описавъ, положити въ сошное письмо по нынѣшнему дозору до своего государева указа, до тѣхъ мѣстъ, какъ казачьи кормы минутся»[1]). Мы видимъ, что теперь калужане просили меньшаго: въ 122 г. они просили не класть ихъ въ сошное письмо совсѣмъ, а теперь желали только быть положенными въ сохи по новому дозору. По государеву указу окладъ былъ уменьшенъ, и по дозору И. Бѣгичева на посадъ была положена соха безъ четверти [2]).

Казачьи кормы, противъ ожиданія калужанъ, не «минулись», а только измѣнили свое названіе, и въ 128 г. по государеву указу и боярскому приговору Калуга для платежа ямскихъ денегъ (навѣрное и для стрѣлецкаго хлѣба) была положена въ пол-пол-чети и пол-пол-пол-чети сохи. Однако, вслѣдствіе того, что въ 127 г. Калуга была разорена Сагайдачнымъ, ямскихъ денегъ не велѣно было брать до новаго описанія. Описаніе было произведено въ 134 г., но по неизвѣстной причинѣ «со 133 года по 142 годъ калужане тѣхъ ямскихъ денегъ не платили». Въ 142 г. на Калугу, безъ вѣдома Владимирской чети, которая производила описаніе и обложила посадъ оброкомъ, было положено по письму 134 г. 249 четей съ осминой безъ четверика пашни, и по 147 г. она платила съ этого оклада. Въ 147 г. въ дѣло вмѣшался еще одинъ приказъ: по памяти изъ Разряда, отъ 9 марта, посадъ былъ положенъ въ 40 четей и платилъ съ этого оклада по 158 г. Въ 157 г. къ посаду были приписаны крестьяне боярина Ив. Ник. Романова, села Спасскаго, и на посадъ прибавлено за это 11 четей, «да въ томъ же году по докладной выпискѣ, за помѣтою думнаго дьяка Семена Заборовскаго *(Разряда)*, на Калугу-жъ на посадъ по переписнымъ книгамъ велѣно положить на живущую четверть по 4 двора, и прибыло на нихъ въ окладъ, сверхъ 40 же чети, 119 чети», и стало всего 170 четей. Съ этого оклада калужане платили по моровое повѣтріе, а со 163 г. начали запускать большія недоимки, которыя были съ нихъ сложены въ 179 г. Челобитная калужанъ 180 г. показываетъ, что окладъ въ 119 четей былъ положенъ Ямскимъ приказомъ безъ

---

[1]) Ак. п. д., I, № 30.
[2]) Тамъ же, № 141.

вѣдома Владимирской чети[1]), въ которой Калуга весь XVII-й вѣкъ была на положенiи оброчнаго посада[2]).

Коломну въ 103—104 гг. строилъ, подобно Калугѣ, М. Протопоповъ съ товарищами и обложилъ оброкомъ. Въ 131—134 гг. посадъ былъ описанъ по наказу изъ Галицкой чети А. Ушаковымъ и подьячимъ Дан. Брянцовымъ, и оказавшiеся по ихъ описанiю 355 дворовъ были обложены оброкомъ въ 137 руб. 22 ал. 4 д., — «за сошное письмо, за дань, и за городовое и за ямчужное и за засѣчное дѣло, и за намѣстничъ доходъ, и съ новоприбылыхъ съ 17 дворовъ». Такъ значится въ приходныхъ книгахъ Галицкой чети, напр. въ книгахъ 152 и 182 гг.[3]), и такъ платили коломничи всякiе четвертные доходы. Изъ подлинныхъ же писцовыхъ книгъ Коломны 131—134 гг. мы узнаемъ, что въ описанiи, по неизвѣстной причинѣ, принимали участiе бояринъ кн. Дм. М. Пожарскiй и дьякъ Андр. Подлѣсовъ, которые въ то время вѣдали Ямской приказъ. Въ книгѣ сказано, что по прежней уставной грамотѣ, по наказу изъ Галицкой чети и «по приказу» б. кн. Д. М. Пожарскаго и дьяка А. Подлѣсова посадъ изоброченъ, какъ я указалъ выше, «а ямскiя деньги платить имъ по государеву . . . *(п. т.)* указу и по боярскому приговору съ 25 чети»[4]). Въ 157 г. къ посаду было приписано 180 дворовъ, отписанныхъ по Соборному приговору у коломенскаго архiепископа и у дворянъ, и 23 января 158 г. по докладу государю, за помѣтою думнаго дьяка Сем. Заборовскаго, «на посадъ по переписнымъ книгамъ прибавлено и положено на живущую четь по 5 дворовъ»; всего на посадъ было прибавлено 118 четей безъ полпол-четверика. Въ 175 г. коломничи, ссылаясь на запустѣнiе посада отъ мора 163 г., били челомъ государю въ Тайномъ приказѣ и просили снять съ нихъ эти добавочныя чети. Государь указалъ сыскать про запустѣнье и доложить себѣ по сыску, но исходъ дѣла намъ неизвѣстенъ[5]). Очень возможно, что съ Коломны была сбавлена часть оклада, но для насъ интереснѣе отмѣтить то, что Галицкая четь,

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 141 и 238. Прик. д. стар. л., 1671 г. № 344 и 1672 г. № 384. Будутъ напечатаны въ III т. Ак. п. дѣла.

[2]) См. приходныя книги этой чети въ Арх. Мин. Ин. дѣлъ: книга 144 г.— по Владимиру кн. № 1д, л. 102, и 183 г.—по Владимиру кн. № 14, л. 193.

[3]) Тотъ же архивъ, по Галичу кн. № 10, л. 264, и кн. № 27, л. 114.

[4]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 201, л. 169 об.

[5]) Прик. д. стар. л., 1669 г. № 506 и 1671 г. № 406. Будутъ напечатаны въ III т. Ак. п. дѣла.

въ которую дѣло перешло изъ Тайнаго приказа, такъ же не обращала вниманія на этотъ сошный окладъ и сбирала свои доходы, не считаясь съ Ямскимъ приказомъ, какъ Ямской приказъ не считался съ четью.

А вотъ еще подобные же случаи. Зарайскъ по описанію 134 г., произведенному Владимирской четью, былъ изоброченъ[1]). Когда въ 157 г. по строельнымъ книгамъ Матвѣя Мясоѣдова къ посаду было приписано 132 человѣка, то въ 160 г. Владимирская четь увеличила прежній оброкъ и вмѣсто 103 руб. 7 ал. 2 д. положила 122 руб. 3 ал. 3 д. Послѣ мора 163 г. посадъ дозрилъ Еф. Самаринъ, и по его дозору въ живущемъ оказалось всего 95 дворовъ. На эти дворы въ 164 г. былъ положенъ оброкъ въ 26 руб. 4 ал., который Зарайскъ платилъ въ четь и позже, напр. въ 183 г.[2]). Совершенно независимо отъ чети, въ 146 г. наличные 128 дворовъ были положены «противъ Каширы» по 3 двора на четь пашни, всего въ 43 чети безъ третника[3]). Изъ памяти Ямского приказа Владимирской чети 180 г. мы узнаемъ, что ямскія деньги въ это время Зарайскъ долженъ былъ платить съ этого оклада, что и вызвало жалобу зарайчанъ[4]).

Въ томъ же 146 г. были положены въ сошное письмо Венева и Кашира, по 3 двора на четь пашни, а въ 149 г. — Зубцовъ, по 6 дворовъ на четь, хотя въ четяхъ эти посады были по писцовымъ книгамъ изоброчены[5]).

Итакъ, чети считали эти посады негодными для сошнаго тягла, а Ямской приказъ клалъ въ сошное письмо, для сбора своихъ денегъ, даже такіе ничтожные посады какъ Зубцовскій, на которомъ было только 4 двора[6]). Послѣдній случай, въ связи съ другими, приведенными выше, даетъ основаніе полагать, что очень многіе, а можетъ быть и всѣ, оброчные посады для платежа ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ были положены во второй четверти вѣка въ сошное письмо. Всѣ эти случаи объясняются, какъ мнѣ кажется, крупными перемѣнами

---

[1]) Ак. п. д., I, № 238.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 14, л. 264.

[3]) Тамъ же, по Владимиру кн. № 4, л. 16.

[4]) Ак. г. д., III, 180 г. 15 декабря.

[5]) Тамъ же, II, № 220, и Прик. д. стар. л., 1631 г. № 81, л. 73. Венева — городъ Устюжской чети, Кашира — Галицкой, а Зубцовъ — Костромской.

[6]) Они были положены противъ Ржевы Владимировы, по 6 дворовъ на четь, то-есть въ четь безъ третника пашни. Ак. п. д., II, № 220.

въ обложеніи и упадкомъ четей, о чемъ я говорилъ выше[1]), и въ то же время показываютъ, какъ условно, а иногда и случайно, было въ это время признаніе того или иного посада годнымъ или негоднымъ для сошнаго тягла.

Такъ какъ дѣла Ямского и Стрѣлецкаго приказовъ дошли до насъ въ жалкихъ отрывкахъ, то нѣтъ возможности сказать, какъ, когда и какіе посады были положены въ этихъ приказахъ въ сошное письмо, и остается только перечислить тѣ посады, которые были оброчными въ четяхъ.

Въ Новгородской чети, если не считать Псковскихъ и Новгородскихъ пригородовъ, относительно которыхъ у меня нѣтъ свѣдѣній, не было ни одного оброчнаго посада[2]). Въ Устюжской чети былъ только одинъ оброчный посадъ — Венева, о которой я говорилъ выше. Въ четырехъ городахъ: на Епифани, въ Гремячемъ, Пошехоньѣ и въ Кляземскомъ, не было совсѣмъ посадовъ, а въ Устьянскихъ волостяхъ не было ни посада, ни города. Всѣ остальные посады несли сошное тягло[3]). Во Владимирской чети по описаніямъ 133—135 гг. на оброкѣ было 9 посадовъ: Болховъ, Воротынскъ, Зарайскъ, Калуга, Крапивна, Михайловъ, Переяславль Рязанскій, Путивль и Рыльскъ[4]). Посадскихъ людей не было въ 6 городахъ этой чети: въ Данковѣ, Печерникахъ, Пронскѣ, Ржевѣ Пустой, Ряжскѣ и въ Сапожкѣ[5]). Въ Галицкой чети мнѣ извѣстно 7 оброчныхъ посадовъ: Бѣлевъ, Кашира, Карачевъ, Коломна, Кременскъ, Мещовскъ и Парѳеньевъ[6]). Изъ этихъ посадовъ Бѣлевъ, Кременскъ и Мещовскъ въ 123 г. числились сошными[7]). Посадскихъ людей не было: въ Кологривѣ, Медыни, Мценскѣ, Новосили и Судаѣ[8]). Относительно городовъ Костромской чети мои свѣдѣнья менѣе полны. Навѣрное въ сошномъ письмѣ были слѣдующіе

---

[1]) См. выше, стран. 12—17.

[2]) Источникъ — приходныя книги чети: книга 123 г. — Р. И. Б., XXVIII т., а книги 128, 129, 134 и 152 гг. — Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, 13в, 15 и 28.

[3]) Приходныя книги чети въ томъ же архивѣ: книга 129 г. — по Чарондѣ кн. № 1, книга 131 г. — по Тотьмѣ кн. № 1, а другія среди книгъ по Устюгу.

[4]) Ак. п. д., I, № 238.

[5]) Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. №№ 4 и 1д. Срав. Р. И. Б., XXVIII, приходную книгу чети 122 г.

[6]) Тотъ же архивъ, по Галичу кн. № 10, лл. 206, 264, 298, 307, 317 и 320.

[7]) Сошное письмо, I, стран. 417—419.

[8]) Указан. выше книга по Галичу № 10. Ср. книгу по Владимиру № 4.

города: Буйгородъ, Дѣдиловъ, Зубцовъ, Кадыевъ, Кострома, Любимъ, Муромъ, Нерехта, Соль Большая, Соль Малая, Судиславль, Торопецъ, Ярославль[1]) и Ярославецъ Малый[2]). Въ остальныхъ городахъ, кажется во всѣхъ, были посадскіе люди[3]), но какіе изъ нихъ были въ сошномъ тяглѣ, неизвѣстно. Извѣстно еще, что въ сошномъ письмѣ были 2 города Большого Дворца — Угличъ и Балахна — и 1 городъ Посольскаго приказа — Романовъ[4]).

Въ общемъ можно сказать, что не менѣе $^3/_4$ городовъ указанныхъ выше приказовъ несли сошное тягло. Если же принять во вниманіе, что нѣкоторые изъ этихъ городовъ могли быть вѣдомы сошнымъ письмомъ въ Большомъ Приходѣ, дѣлъ котораго не сохранилось, и что Стрѣлецкій и Ямской приказы клали посады въ сошное письмо для своихъ доходовъ независимо отъ четей, то можно сказать, что оброчные во всѣхъ отношеніяхъ посады, по крайней мѣрѣ въ серединѣ и въ третьей четверти XVII вѣка, были исключеніемъ.

Въ большинствѣ случаевъ это были малолюдные, бѣдные посады, которые по своей бѣдности не годились въ сошное тягло. Таковы, напримѣръ, посады — Парееньева, на которомъ по дозору 124 г. было всего 15 оброчныхъ бобыльскихъ дворовъ[5]), или Крапивны, въ которой по письму 134 г. было въ живущемъ 4 человѣка[6]). Изрѣдка встрѣчаются значительные посады, не положенные въ сошное письмо по какимъ-либо мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ. Таковы, напр., Венева (Устюжской чети), Калуга, Переяславль Рязанскій (Владимирской) и Коломна (Галицкой чети). Что касается освобожденія посадовъ отъ сошнаго тягла въ видѣ привилегіи или временной льготы, то основанія для этого могли быть столь же разнообразны, какъ для привилегій и льготъ вообще, обычнымъ же основаніемъ для признанія посада негоднымъ для сошнаго тягла была «худоба», т.-е. бѣдность и малолюдство. По существу это то же основаніе, по которому на посадахъ, положенныхъ въ сошное тягло, нѣкоторые дворы были признаваемы негодными для него и должны были платить

---

[1]) Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. №№ 125 и 139.
[2]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399, л. 325.
[3]) Указан. выше книга по Владимиру № 4.
[4]) См. ниже, стран. 276—277.
[5]) Указан. книга по Галичу № 10, л. 206.
[6]) Ак. п. д., I, № 238.

оброкъ. Цѣлые посады, какъ и отдѣльные дворы, могли «не пригодиться въ сошное письмо за худобою».

Слѣдуетъ отмѣтить, что писцовые наказы въ вопросѣ о признанiи посадовъ негодными для сошнаго тягла хранятъ такое же глубокое молчанiе, какъ и въ вопросѣ о годности или непригодности въ сошное тягло отдѣльныхъ дворовъ. Напечатанный мною наказъ писцамъ оброчнаго посада[1]) нисколько не выясняетъ вопроса. Онъ такъ мало отличается отъ другихъ посадскихъ наказовъ, что было бы достаточно вставить въ немъ предписанiе положить въ сошное письмо, совершенно не измѣняя другихъ частей, чтобы онъ былъ пригоденъ для описанiя любого сошнаго посада. Наказъ предписываетъ писцамъ изоброчить посадъ по силѣ, т.-е. точно такъ же, какъ писцы другихъ посадовъ должны были класть въ сошное письмо.

Нѣкоторые приказные акты намекаютъ или прямо говорятъ, что посады кладутся въ оброкъ вслѣдствiе безпашенности людей[2]), но эти показанiя опровергаются множествомъ другихъ источниковъ и всей практикой посадскаго сошнаго оклада. Было множество посадовъ, положенныхъ въ сошное письмо, которые совсѣмъ или почти совсѣмъ не имѣли пашни, а съ другой стороны и въ XVI вѣкѣ можно встрѣтить случаи, когда посады имѣли пашню и тѣмъ не менѣе платили только оброкъ. Такъ, псковскiе писцы въ 93—95 гг. не положили «за худобою» въ сошное письмо Кобылья и писали въ своихъ книгахъ: «а пашутъ тѣ посадскiе люди нивы оброчныя, а оброкъ платятъ деньгами»[3]).

Мнѣ неизвѣстно ни одного доклада о положенiи въ сошное письмо оброчнаго посада или объ освобожденiи отъ сошнаго тягла и о переводѣ посада въ разрядъ оброчныхъ, но, зная порядокъ установленiя сошныхъ окладовъ вообще[4]), можно съ увѣренностью сказать, что писцы въ данномъ вопросѣ придерживались того, что было раньше, и во всякомъ случаѣ ни писцы, ни приказы не могли своею властью сложить съ посада сошное тягло и замѣнить его оброкомъ, — докладъ объ этомъ непремѣнно долженъ былъ поступить на усмотрѣнiе государя или бояръ.

---

[1]) Веневскiй наказъ 143 г. Ак. п. д., II, № 108.

[2]) С. Веселовскiй, Посадская соха въ первой половинѣ XVII в. Журн. Мин. Нар. Пр. 1910 г. № 5, стран. 5.

[3]) Сборникъ Московск. Архива Мин. Юст., V, стран. 269. М. 1913 г.

[4]) См. выше, стран. 160—165.

На каждомъ посадѣ были въ большемъ или меньшемъ количествѣ нетяглые, такъ называемые, бѣлые дворы. Къ нимъ принадлежали, во-первыхъ, казенные дворы: таможенный, кабацкій, житничный, зелейный и т. п., а также дворы, въ которыхъ помѣщались воеводы и другіе приказные люди. Затѣмъ значительный разрядъ бѣлыхъ дворовъ составляли осадные дворы уѣздныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые получали право ставить на посадахъ своего уѣзда дворы для осаднаго времени и сажать въ нихъ дворниковъ. Въ разрядъ бѣлыхъ же дворовъ входили дворы всякихъ низшихъ служилыхъ людей (служившихъ по прибору): стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, ворóтниковъ, казенныхъ кузнецовъ и т. п., если они по мѣстнымъ условіямъ и порядкамъ не тянули тягла съ посадскими людьми. Были еще дворы «обѣленные», т.-е. освобожденные отъ тягла, особыми жалованными грамотами. Наконецъ, значительное количество фактически нетяглыхъ дворовъ составляли дворы разныхъ лицъ, мѣстныхъ и иногороднихъ, «самовольствомъ», «мимо государева указа» купившихъ тяглые дворы и мѣста, но не тянувшихъ тягла съ міромъ. Съ этимъ самовольнымъ обѣленіемъ дворовъ правительство упорно, но съ перемѣннымъ успѣхомъ, боролось весь XVII вѣкъ.

Наказы писцамъ и дозорщикамъ неизмѣнно содержатъ предписаніе переписать всѣ эти дворы и тщательно разслѣдовать, насколько законно владѣніе этими дворами и на какомъ легальномъ основаніи кто владѣетъ и не тянетъ тягла съ міромъ. Въ настоящее время я не могу заняться изслѣдованіемъ этого чрезвычайно интереснаго и важнаго для исторіи посадовъ вопроса, такъ какъ это отвлекло бы меня далеко въ сторону, и потому ограничусь нѣсколькими замѣчаніями, которыя имѣютъ значеніе для сошнаго письма.

Бѣлые дворы не тянули тягла съ міромъ, т.-е. не участвовали въ мірскихъ разметахъ и платежахъ и не служили службъ съ мірскими людьми, но нельзя сказать, что они были совсѣмъ свободны отъ обложенія. Такъ, иногда бѣлые дворы были обложены дворовымъ оброкомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ приходилось нести съ міромъ такія повинности, отъ которыхъ не были свободны ни льготчики, ни тарханщики, ни бѣломѣстцы. Одной изъ наиболѣе важныхъ и распространенныхъ повинностей этого рода было городовое и острожное дѣло, т.-е. постройка и содержаніе городовыхъ укрѣпленій. Предстоитъ еще изслѣдовать и выяснить, какъ въ XVI и XVII вѣкахъ были раскла-

дываемы подобныя повинности. Для конца XVI вѣка мнѣ извѣстенъ одинъ случай, когда нетяглые дворы для этой повинности были положены въ сошное письмо. Въ Можайскѣ по описанію 104—106 гг. показаны «на посадѣ слободки монастырскія, а въ нихъ живутъ торговые и мастеровые молодшіе люди, а съ посадскими съ черными людьми тягла не тянутъ опричь городового дѣла». Эти слободки платили подворный оброкъ, а въ сошное письмо были положены только для разверстки съ посадскими людьми городовой повинности[1]). Въ XVII вѣкѣ мнѣ неизвѣстно ни одного подобнаго случая. Ничего объ этомъ не говорятъ и писцовые наказы. Только въ нѣкоторыхъ наказахъ Новгородской чети, напр. въ вологодскомъ и гороховецкомъ 135 г., есть одна статья, которая въ довольно неясныхъ выраженіяхъ говоритъ о положеніи въ сошное письмо бѣлыхъ дворовъ. Въ этихъ наказахъ сказано, что писцы должны досмотрѣть и описать бѣлые дворы и сыскать, на какомъ основаніи кто ими владѣетъ, — «да будетъ по сыску тѣ дворы бывали бѣлые, и тѣ дворы писати за тѣми людьми бѣлыми-жъ дворы, и въ сошное письмо тѣхъ дворовъ не класти и оброковъ на нихъ не писати опричь городовыхъ подѣлокъ, которыя емлютъ со всѣхъ сохъ»[2]). Несмотря на неясность этого предписанія смыслъ его понятенъ — писцы должны положить бѣлые дворы въ сошное письмо, чтобы они могли верстаться съ тяглыми людьми въ городовой повинности. Однако, въ дѣйствительности ни въ сохранившихся вологодскихъ писцовыхъ книгахъ, составленныхъ по этому наказу[3]), ни въ какихъ другихъ книгахъ XVII вѣка мы не встрѣчаемъ бѣлыхъ дворовъ, положенныхъ въ сошное письмо. Возможно, что это объясняется тѣмъ, что приведенное предписаніе было взято изъ старыхъ наказовъ, но въ XVII в. уже не примѣнялось. Ниже мы увидимъ, что нормы дворовой сохи, выработанныя въ XVI вѣкѣ, стали въ XVII-мъ уже непригодными и не примѣнялись, а новыхъ нормъ выработано не было, и при такихъ условіяхъ положеніе бѣлыхъ дворовъ въ сошное письмо вышло изъ употребленія[4]), а разверстку городовой и острожной повинности приходилось произво-

---

[1]) Можайскіе акты архим. Діонисія, стран. 34—35. С-Пб. 1892.

[2]) Ак. п. д., I, №№ 257 и 264.

[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Вологдѣ кн. № 1, лл. 256 об., 264, 276, 283 об., 293 об., 319 и 475.

[4]) Неизвѣстно еще, было ли это обычнымъ порядкомъ въ XVI вѣкѣ. Пока извѣстенъ только одинъ случай, указанный мною выше.

дить при помощи различныхъ мѣстныхъ пріемовъ, а не по сошному письму.

Такъ, напр., въ В. Новгородѣ въ 165 г. былъ употребленъ такой, очевидно, чисто мѣстный пріемъ: часть расходовъ казна приняла на себя; посадскіе люди Новгорода сдѣлали 35 саженъ стѣны; крестьяне митрополита, монастырей, дворцовыхъ селъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ дѣлали съ 7 дворовъ по сажени, а «новгородскіе соборные протопопы и приходскихъ и уѣздныхъ церквей попы съ церковными причетники дѣлали города 131 сажень, съ приходскихъ со 120 дворовъ по сажени, а ружныхъ церквей дѣлали съ оклада государевы годовыя денежныя руги, съ 30 рублевъ по сажени» [1].

Не всѣ посадскіе тяглые дворы были полагаемы въ сошное письмо. Съ офиціально-податной точки зрѣнія тяглые дворы дѣлились то на 2, то на 3 статьи. На однихъ посадахъ мы видимъ 3 статьи: дворы, положенные въ сошное письмо, дворы оброчные, негодные для сошнаго тягла, и дворы безоброчные. На другихъ посадахъ нѣтъ то одной, то другой статьи. Иногда, напр., совершенно не упоминаются дворы безоброчные. Могло, конечно, случиться, что на нѣкоторыхъ посадахъ ихъ не было совсѣмъ, но можно допустить и то, что иногда они не были записаны въ тѣхъ источникахъ, которыми мы пользуемся, такъ какъ эти источники имѣли прежде всего въ виду людей, платившихъ подати.

Вологодскіе писцы 135—136 гг., кн. Ѳ. Мещерскій и подьячій Ѳ. Стоговъ, такъ раздѣлили посадскихъ людей въ своихъ книгахъ. Тяглыхъ 116 дворовъ, а людей въ нихъ 262 человѣка, они положили въ сошное письмо. Далѣе они записали «бѣдныхъ и худыхъ людей, которые, по допросу и по сказкѣ земскаго старосты и цѣловальниковъ и выборныхъ людей, живутъ на посадѣ своими дворишками и владѣютъ мѣсты дворовыми по старинѣ, а государевыхъ никакихъ податей съ посадскими съ тяглыми людьми для бѣдности не платятъ и въ мірскіе разметы не даютъ и тягла не тянутъ, и въ сошное письмо съ тяглыми людьми не пригодятся», — 89 дворовъ. На эти дворы писцы положили 15 руб. 4 ал. 5 д. оброка. Да бобылей, нетяглыхъ же бѣдныхъ худыхъ людей, «которые дѣлаютъ черное дѣло и живутъ

[1]) Прик. д. стар. л., 1659 г. № 27.

въ наймѣхъ, а въ сошное письмо и въ оброкъ не пригодились», 59 дворовъ. Отдѣльно отъ этихъ худыхъ людей писцы записали «бобылей же нищихъ, которые ходятъ по міру и живутъ въ монастыряхъ», 16 дворовъ, да вдовьихъ 28 дворовъ. Всего на посадѣ по итогу писцовъ было 302 двора, изъ которыхъ 116 были положены въ сошное письмо, 89 — изоброчены, а остальные, по моему подсчету 103 двора, признаны негодными и для оброка [1]).

По письму Дм. Лодыгина съ товарищами 129—136 гг. въ Нижнемъ Новгородѣ на посадѣ было 862 двора, положенныхъ въ сошное письмо. Затѣмъ было 204 двора и избы, «а по разсмотру писцовъ и по сказкѣ земскихъ старостъ и посадскихъ выборныхъ людей тѣ люди обхудали и бѣдны, а за худобою и за бѣдностью въ тяглѣ въ сошномъ письмѣ и въ государевыхъ податяхъ съ посадскими людьми быти имъ не мочно». На эти дворы писцы положили оброкъ, «покамѣстъ кто изъ нихъ оправится». Да посадскихъ вдовъ и ярыжныхъ и бѣдныхъ людей 141 дворъ, «за худобою и за бѣдностью съ посадскими людьми никакихъ государевыхъ податей не платятъ и въ тяглѣ съ посадскими людьми быти имъ не мочно, и оброкъ на нихъ денежной для ихъ худобы и бѣдности не положенъ» [2]).

Писцы Ив. Кутузовъ и подьячій Постникъ Трофимовъ, описавшіе въ 135—135 гг. посады Устюжны и Городецка, въ перечневыхъ росписяхъ, поданныхъ въ Устюжскую четь, росписали посадскихъ людей на 2 статьи. На Устюжнѣ они написали: 12 дворовъ лучшихъ, 15 среднихъ, 82 младшихъ людей, «которые государево тягло тянули и впередъ имъ государево тягло тянуть же», 69 дворовъ младшихъ же людей, «которые государева тягла не тянули, а нынѣ на нихъ тягло положено», и 100 дворовъ младшихъ людей, «которые государева тягла не тянули и впередъ имъ для бѣдности давать не мочно». Всего писцы написали 178 дворовъ въ сошное тягло, а 100 дворовъ оставили свободными отъ него и даже, судя по перечневой росписи, не изоброчили [3]). На Городецкѣ тѣ же писцы написали въ сошное тягло 79 дворовъ, а 55 дворовъ, которые и раньше не тянули тягла, оставили внѣ сошнаго письма [4]).

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Вологдѣ кн. № 1, лл. 583 об.—590.
[2]) Р. И. Б., XVII, стран. 190—196.
[3]) Ак. п. д., II, № 24.
[4]) Тамъ же, I, № 234.

Такъ же подраздѣлили посадскихъ людей писцы Курмыша въ 131—134 гг. По грамотѣ 132 г. они приписали къ посаду бобылей изъ Казачьей и Стрѣлецкой слободъ и отвели имъ дворы въ Земской слободѣ. Всего они написали въ Земской слободѣ (съ бобылями) 37 дворовъ, которые положили въ сошное письмо, и 6 дворовъ бобыльскихъ, которые «оброка не платятъ для нищеты» [1]).

Писцы Углича 183 г., М. Самаринъ и подьячій М. Русиновъ, росписали дворы какъ вологодскіе писцы. По ихъ письму на посадѣ было всего 566 дворовъ, изъ которыхъ «нищенскіе 82 да вдовыхъ 22 двора за скудостью въ сошное письмо не положены, а велѣно со вдовъ взимать оброка по гривнѣ съ двора, а нищенскіе дворы и въ оброкъ не положены» [2]).

Въ этомъ вопросѣ писцовая и приказная практика была очень разнообразна. На нѣкоторыхъ посадахъ годной въ сошное тягло признается весьма небольшая часть дворовъ. Такъ, въ Галичѣ по письму 136 г. было всего 361 дворъ. Изъ нихъ 38 дворовъ младшихъ людей были положены въ сошное письмо; 192 двора бобыльскихъ и бѣдныхъ худыхъ людей, «которые въ сошное письмо съ тяглыми людьми не пригодятся, а имати съ нихъ оброкъ», были изоброчены; наконецъ, 131 дворъ «нищихъ вдовъ и бобылей, которые кормятся межъ дворъ, а въ сошное письмо и въ оброкъ не пригодятся-жъ», были свободны и отъ оброка [3]). На Вологдѣ, какъ было сказано выше, внѣ сошнаго письма было болѣе половины дворовъ. Напротивъ, на другихъ посадахъ число дворовъ, не положенныхъ въ сошное письмо, очень невелико, а на многихъ посадахъ ихъ не было совсѣмъ. Возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это отсутствіе несошныхъ и безоброчныхъ дворовъ объясняется тѣмъ, что податные документы, съ которыми мы имѣемъ дѣло и которые сами имѣли въ виду, главнымъ образомъ, только тяглыхъ людей, умалчиваютъ объ этихъ дворахъ (особенно безоброчныхъ), но несомнѣнно, что нерѣдко всѣ безъ исключенія посадскіе тяглые дворы дѣйствительно попадали въ сошное письмо. Такъ, Романовъ, послѣ неутвержденнаго дозора 128 г. Ив. Загряжскаго, въ 129 году было велѣно дозрить А. Шапилову

---

[1]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 227. Подлинная писцовая за скрѣпой обоихъ писцовъ, Сем. Ив. Жеребцова и под. Якова Гнѣвашева.

[2]) Арх. М. Ю., Угличскаго городов. магистрата по 5 описи 1 вязка, № 44.

[3]) Ак. п. д., II, № 226.

и подьячему Арефѣ Башмакову. Дозорщики написали на посадѣ 206 дворовъ среднихъ, младшихъ и вдовьихъ и положили ихъ въ сошное письмо, а 16 дворовъ бобыльскихъ оставили внѣ сошнаго письма. На эти 206 дворовъ дозорщики положили пол-чети сохи и писали въ своихъ книгахъ, что «по Иванову дозору Загряжскаго 128 года написано на нихъ *(т.-е. на посадъ)* сошнаго письма 125 четей, и убыло у нихъ противъ Иванова дозора пол-пол-пол-чети сохи, потому что Иванъ писалъ бѣлые и бобыльскіе дворы въ тяглые дворы» [1]). По челобитью посадскихъ людей окладъ А. Шапилова былъ отмѣненъ, и государи указали «положить въ сошное письмо, примѣрясь къ инымъ городамъ, среднихъ и молодшихъ и вдовъ и бобылей по 3 двора на четь живущія пашни» . . . . . «и съ бобыли, на которыхъ было у Алексѣя Шапилова тягло не положено» [2]). По этому указу всѣ 222 посадскихъ двора были положены въ 74 чети. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ все тяглое населеніе посада было въ сошномъ окладѣ. Такъ клали иногда и писцы [3]), но чаще такъ бывало, когда сошный окладъ устанавливали государь и приказы.

Чтобы показать, насколько разнообразна была писцовая и приказная практика въ этомъ вопросѣ, я привожу 2 таблицы — первую относительно сошныхъ посадовъ, а вторую относительно оброчныхъ [4])

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Романову кн. № 1.

[2]) Ак. п. д., I, № 110.

[3]) См. въ IX приложеніи, напр., Арзамасъ, Боровскъ и Погорѣлое.

[4]) Разнообразіе источниковъ, изъ которыхъ приходится черпать свѣдѣнья по этому вопросу, сильно затрудняетъ изслѣдованіе. Такъ, приходныя окладныя книги четей часто не говорятъ ничего о безоброчныхъ дворахъ, такъ какъ они ничего не платили въ четь, а писцовыя книги не всегда даютъ представленіе о дѣйствительности, такъ какъ при разсмотрѣніи и утвержденіи ихъ въ приказахъ писцовая работа могла быть измѣнена. Такъ, въ 133—134 гг. писцы Владимира, Вереи, Калуги, Крапивны, Твери, Торжка и Тулы оставили безоброчными 489 человѣкъ, а Владимирская четь въ докладѣ государю предлагала ихъ изоброчить «противъ бобылей, по гривнѣ». Ак. п. д., I, стран. 501. Въ Тарусѣ они дѣйствительно были изоброчены. См. I таблицу.

Сошные посады.

	Время описанія.	Сошные дворы.	Оброчные дворы.	Безоброчные дворы.
Балахна [1]	182 г.	314+4	143	46
Боровскъ [2]	134 г.	55	—	—
Верея [3]	134 г.	26	—	12
Владимиръ [4]	134 г.	80	—	71
Вологда [5]	135 г.	116	89	103
Галичъ [6]	136 г.	38	192	131
Гороховецъ [7]	131 г.	195	—	34
Зарайскъ [8]	—	128	—	—
Кашинъ [9]	129 г.	32	48	—
Клинъ [10]	132 г.	16	—	5
Курмышъ [11]	131—134 гг.	37	—	6
Н.-Новгородъ [12]	129—136 гг.	862	204	141
Романовъ [13]	129 г.	222	—	—
Руза [14]	132 г.	41	—	—
Соль Галицкая [15]	122 г.	59	28	—
Соль Камская [16]	131 г.	333	22	—
Таруса [17]	134 г.	20	2	—

---

1) Сборникъ, издав. Нижегородск. Губ. Архивн. Ком., XV т., I выпускъ, стран. 38, 40, 59, 60, 73, 76 и 79. Нижній. 1913 г. Четыре двора людей Гостиной сотни были положены въ сошное письмо особо. Тамъ же, стран. 86.

2) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399, л. 266.

3) Ак. п. д., I, № 238.

4) Тамъ же, II, № 51.

5) См. выше, стран. 274.

6) См. выше, стран. 276.

7) Ак. п. д., I, № 264 (стран. 579).

8) Такъ положены въ сошное письмо дворы въ 146 г. См. выше, стран. 268

9) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 200, и кн. № 27, л. 7.

10) Ак. п. д., I, № 199.

11) См. выше, стран. 276.

12) См. выше, стран. 275.

13) См. выше, стран. 276—277.

14) Ак. д. п., I, № 128.

15) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 451, л. 15 об.

16) См. IX приложеніе.

17) Ак. п. д., I, № 238. Въ подлинныхъ писцовыхъ книгахъ несошные 2 двора оброкомъ не обложены. См. Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399, л. 361 об. Ср. стран. 501 въ I т. Ак. п. дѣла (№ 238).

	Время описанія.	Сошные дворы.	Оброчные дворы.	Безоброчные дворы.
Торжокъ [1])	134 г.	419	6	—
Угличъ [2])	183 г.	462	22	82
Шуя [3])	140 г.	107	47	—
Юрьевъ Польскій [4])	138 г.	61	39	15
Ярославль [5]) . . .	136 г.	666	684	

Оброчные посады.

	Время описанія.	Оброчные дворы.	Безоброчные дворы.
Зубцовъ [6])	136 г.	7	—
Калуга [7])	134 г.	171	102
Коломна [8]).	131 г.	359	32
Крапивна [9])	134 г.	4	—
Михайловъ [10]) . . .	134 г.	56	—
Парееньевъ [11]) . . .	124 г.	15	—

Можетъ показаться страннымъ, что писцовые наказы, очень подробные и многословные въ иныхъ частяхъ, въ вопросѣ о дѣленіи посадскихъ дворовъ на сошные, оброчные и безоброчные либо очень лаконичны, либо совсѣмъ ничего не говорятъ. Ни одинъ изъ нихъ не даетъ объективныхъ для этого признаковъ, и все ограничивается

[1]) Дворц. Арх., 25 оп., 136 г. № 65, и Ак. п. д., I, № 238.

[2]) См. выше, стран. 276.

[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 258.

[4]) Тамъ же, л. 261.

[5]) Тотъ же архивъ, по Владимиру кн. № 4, л. 59. Ср. Акты Ярославск. Спасскаго монастыря, III в., стран. 85. Изд. А. Титова.

[6]) Ак. п. д., II, № 220.

[7]) Тамъ же, I, № 238, и Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 125. До описанія 134 г. охудалые дворы платили оброкъ, а писцы 134 г. его сложили.

[8]) Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 139.

[9]) Писцы не положили оброка на эти дворы (Ак. п. д., I, № 238), а оброкъ былъ положенъ позже въ чети. Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 14, л. 186.

[10]) Ак. п. д., I, № 238.

[11]) Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. №№ 10 и 27.

общими наставленіями: «будетъ пригодится» или «будетъ доведется», смотря по разсмотрѣнью писца и по разспросу земскихъ старостъ и выборныхъ людей. Большинство же наказовъ не говоритъ и этого, какъ-будто предполагая, что все это понятно само собой: писцы должны положить въ тягло всякаго человѣка «по силѣ», «какъ посадскимъ людямъ мочно жить и государево тягло платить», а тамъ, гдѣ нечего было взять, всѣ требованія казны должны были кончаться.

Если писцовые наказы не даютъ прямого и яснаго рѣшенія вопроса, то мы можемъ найти его въ другихъ источникахъ. Основанія, по которымъ одни люди не годились въ сошное письмо, но могли нести оброкъ, а другіе не годились и въ оброкъ, опредѣляются въ этихъ источникахъ, напр. въ писцовыхъ книгахъ и перечневыхъ росписяхъ, въ краткихъ, но краснорѣчивыхъ выраженіяхъ: худоба, скудость, бѣдность, нищенство, т.-е. вообще имущественная маломочность, или — увѣчье, старость и вдовство, т.-е. малая трудоспособность или полное отсутствіе ея. Въ сущности, это тѣ же основанія и признаки, въ обратномъ конечно значеніи, по которымъ тянули тягло вообще тяглые люди, — степень зажиточности въ связи съ степенью трудоспособности.

Чтобы опредѣлить, кому и въ какой мѣрѣ можно тянуть тягло, писцы должны были допросить старостъ и выборныхъ людей и, основываясь на ихъ сказкахъ и по возможности провѣривъ ихъ, должны были такъ или иначе класть въ тягло или освобождать отъ него. Наказы предписываютъ писцамъ допрашивать старостъ и выборныхъ, кто каковъ прожиткомъ, чѣмъ промышляетъ, платитъ ли съ міромъ всякія подати и сколько платитъ по мірскому окладу. Про родственниковъ, сосѣдей и захребетниковъ, живущихъ на чужихъ дворахъ, писцы должны допрашивать выборныхъ, тянутъ ли эти люди тягло съ міромъ, «и въ тягло ихъ съ тяглыми людьми положити мочно ли? И будетъ мочно, и тѣхъ людей, по сыску и по разспросу земскихъ старостъ и выборныхъ людей, написати въ тяглые люди»[1]). Нѣкоторые наказы по этому вопросу выражаются такъ, будто въ тягло должны были класть не писцы, а сами выборные. Такъ, въ устюжскомъ наказѣ 131 г. сказано: «и тѣхъ людей велѣть старостамъ и выборнымъ людямъ въ тягло обложить по ихъ животамъ

---

[1]) **Ак. и. д., I, № 104. Новгородскій наказъ 130 г.**

и по промысламъ» . . . . . . «а чѣмъ ихъ кого обложатъ, и тѣхъ людей написать въ книги особою статьею»[1]). Еще ярче это выражено въ двухъ мѣстахъ вяземскаго наказа 153 г. Писцамъ велѣно, переписавъ дворы и людей во дворахъ, «и сколько изъ нихъ по мірскому окладу и по сказкѣ выборныхъ людей доведется положить въ тягло вновь», расписать дворы на статьи. Въ другомъ мѣстѣ писцамъ предписывается писать все въ книгахъ подробно, между прочимъ людей «лучшихъ, и середнихъ, и молодшихъ, и самыхъ бѣдныхъ, которымъ въ нашемъ тяглѣ быть мочно и про которыхъ людей выборные люди скажутъ, что въ тяглѣ быть не мочно»[2]).

Такимъ образомъ, выборные люди должны были давать писцамъ матеріалъ для рѣшенія вопроса, кого и какъ положить въ тягло. Этотъ матеріалъ они давали изъ практики мірского оклада[3]), и несомнѣнно, что онъ оказывалъ значительное вліяніе на работу писцовъ. Во многихъ писцовыхъ книгахъ и въ другихъ документахъ, напр. въ перечневыхъ росписяхъ, писцы опредѣленно указываютъ на «выпросъ» и «сказки» старостъ и выборныхъ людей, какъ на основаніе, которымъ они руководились въ своей работѣ. Такъ, вяземскіе писцы 135 г. въ перечневой росписи писали, что на посадѣ тяглыхъ дворовъ 177, а нетяглыхъ 11, и что нетяглые дворы принадлежатъ вдовамъ и бобылямъ, «которые въ мірскую дань не даютъ»[4]). Въ сотной Дмитрова 132 г. мы читаемъ, что такой-то человѣкъ «по сказкѣ старосты и выборныхъ людей» тянетъ такое-то тягло, а другой «государевыхъ податей и въ мірскіе расходы не давалъ и впередъ ему для бѣдности государевыхъ податей и въ мірскіе расходы давать не мочно»[5]). То же мы видимъ и въ нижегородскихъ писцовыхъ книгахъ 129—136 гг.[6]).

Данныя мірского оклада и сказки выборныхъ, конечно, не были обязательны для писцовъ, но тѣмъ не менѣе представляли очень важный матеріалъ для рѣшенія вопроса, кого и какъ положить въ тягло.

---

[1]) Ак. п. д., I, № 115 (стран. 207).

[2]) Тамъ же, II, № 217.

[3]) См., напр., въ I т. Ак. п. д., за № 159, роспись тяглыхъ людей Зарайска, поданная писцамъ, съ указаніемъ, кто съ чего тянетъ по мірскому окладу и кто освобожденъ міромъ отъ тягла.

[4]) Тамъ же, I, № 227. См. нѣсколько подобныхъ указаній выше, на стран. 274—275.

[5]) Временникъ Общ. Ист. и Др., 24 т.

[6]) Р. И. Б., XVII, стран. 189—196 (итоги) и другія мѣста.

Приказы ставили писцамъ цѣль — положить такое тягло, которое было бы прибыльно для казны, но въ то же время указывали и предѣлъ — тягло должно быть посильнымъ и не разорительнымъ. А такъ какъ объективныхъ правилъ для освобожденія тѣхъ или иныхъ людей отъ тягла не было, то они предоставляли рѣшать этотъ вопросъ писцамъ по своему усмотрѣнію, на основаніи сказокъ мірскихъ людей. Правда, что приказъ могъ не утвердить работы писцовъ, могъ ее измѣнить въ нѣкоторыхъ частяхъ, но такъ какъ писцы стояли ближе къ населенію, чѣмъ приказы, то на дѣлѣ чаще всего именно они рѣшали такой важный вопросъ, какъ освобожденіе отъ тягла тѣхъ или иныхъ лицъ. Впрочемъ, приказамъ не было основанья слишкомъ опасаться, что писцы будутъ злоупотреблять своимъ правомъ въ этомъ вопросѣ, такъ какъ большинство писцовъ грѣшило скорѣе въ обратную сторону, т.-е. было склонно въ интересахъ казны наваливать на тяглыхъ людей тяжелое бремя и предоставлять имъ добиваться облегченія его у государя или въ приказѣ.

Вопросъ о несошныхъ (оброчныхъ и безоброчныхъ) дворахъ слѣдуетъ освѣтить еще съ другой стороны. Мы видѣли, что писцовая и приказная практика относительно этихъ дворовъ была очень разнообразна. И это разнообразіе наблюдается не только въ дозорныхъ и писцовыхъ книгахъ 20—30-хъ годовъ, но и въ книгахъ середины и послѣдней четверти вѣка [1]). Естественно возникаетъ вопросъ, каково было положеніе на сошныхъ посадахъ этихъ оброчныхъ и безоброчныхъ дворовъ, т.-е., имѣлъ ли посадскій міръ право притянуть ихъ къ себѣ въ тягло, если послѣ описанія они поправлялись и становились годными для этого. На мой взглядъ отвѣтъ ясенъ: за исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ, которыя по жалованнымъ грамотамъ жили на положеніи «отписныхъ» [2]), міръ имѣлъ право притянуть въ тягло всѣхъ, кто жилъ на тяглой землѣ и по своему происхожденію былъ крѣпокъ посадскому тяглу. Равнымъ образомъ

---

[1]) Въ описаніяхъ 182-го и послѣдующихъ лѣтъ.

[2]) Отписные оброчники, платившіе оброкъ въ приказъ «въ отводъ отъ посада», были рѣдкимъ исключеніемъ. Въ 140 г. во всѣхъ городахъ Галицкой чети было только 2 такихъ двора — одинъ въ Коломнѣ, а другой въ Каширѣ. Ак. п. д., II, № 94. Отписные, положенные въ сошное письмо, тянули тягло съ міромъ, но только не по мірскому окладу, а по сошному письму. Объ этомъ см. Сошное письмо, I, стран. 300 и дальше.

онъ имѣлъ право призывать на льготу въ пустые дворы и на дворовыя мѣста вольныхъ людей и облагать ихъ себѣ въ помощь.

Цѣнное указаніе на положеніе несошныхъ дворовъ мы находимъ въ сотной 75 г. Устюжны. Послѣ перечисленія и итога сошныхъ дворовъ въ ней сказано: «На посадѣ-жъ промежъ посадскихъ тяглыхъ дворовъ въ розни дворишка нетяглые, а живутъ въ нихъ людишки убогіе и нищіе и вдовицы убогія-жъ, а питаются по міру, а иные наймомъ» . . . . . «И всего нетяглыхъ нищихъ и вдовицъ убогихъ 53 двора, а людей въ нихъ 53 человѣка, а сошнаго письма на нихъ положити не довелось для убожества. А въ государевы подати давати имъ посадскимъ людямъ въ то-жъ въ сошное письмо, въ 10 сохъ съ полутретью, въ ихъ разметы въ подмогу . . . . . . по 2 алтына съ дворишка на годъ, или чѣмъ кого посадскіе люди обложатъ по ихъ промыслишкамъ и животишкамъ» [1]). Съ этимъ слѣдуетъ сопоставить устюженскую уставную грамоту 122 г., въ одной статьѣ которой сказано: «А впередъ которые дворы на Устюжнѣ на посадѣ на черныхъ мѣстахъ станутъ ново послѣ писцовъ, и имъ на тѣ прибылные дворы разводити всякіе разметы слегка, какъ пригоже, смотря по людямъ, въ пособь всему городу». Далѣе грамота говоритъ, что посадскій міръ имѣетъ право облагать дѣтей боярскихъ, митрополичьихъ и монастырскихъ приказныхъ, «или чей кто ни буди», если они селятся на черныхъ земляхъ. Относительно бѣдныхъ людей сказано: «а у которыхъ у молодшихъ у посадскихъ людей не будетъ своей собины, а живутъ своими дворы, и имъ *(земскимъ властямъ)* на тѣхъ людей разводити всякіе разметы, смотря по ихъ дворамъ и кто чего стоитъ». Наконецъ, въ грамотѣ ясно указана оборотная сторона этихъ правъ посадскаго міра: «а которые дворы опустѣютъ, и тѣ пустые дворы оплачивати всѣмъ городомъ» [2]).

Указанія этихъ двухъ источниковъ ясны: посадскій міръ связанъ въ тяглѣ круговой порукой, долженъ платить за дворы, которые опустѣютъ послѣ писцовъ, но за то имѣетъ право облагать по своему усмотрѣнію всѣхъ, кто живетъ на посадской землѣ. Множество другихъ источниковъ говоритъ, что такой порядокъ былъ не мѣстной особенностью Устюжны, а общимъ правиломъ. Слѣдуетъ только сдѣлать оговорку относительно привлеченія въ тягло *всѣхъ* людей,

[1]) Прик. д. стар. л., 1669 г. № 214.
[2]) А. А. Э., III, № 37.

«чей кто ни буди», устраивавшихся на черной посадской землѣ. Привлеченіе въ тягло такихъ людей, независимо отъ ихъ юридической принадлежности къ посадскому міру, провозглашенное еще въ XVI вѣкѣ, вырабатывается съ теченіемъ времени въ болѣе широкое правило, въ правило тягла по посадскому промыслу — тянуть тягло съ міромъ должны всѣ, кто промышляетъ и торгуетъ на посадѣ, независимо отъ того, на какой землѣ они живутъ, на посадской ли черной или на бѣлой; бѣломѣстцы, не желающіе тянуть тягло съ міромъ, должны прекратить свои торги и промыслы и продать свою недвижимость тяглымъ людямъ. Тяглые міры, подъ гнетомъ тяжелыхъ податей и повинностей, настойчиво выдвигали это правило, а правительство, по мѣрѣ правоваго и хозяйственнаго обособленія посадовъ отъ уѣздовъ, не могло не признавать основательности ихъ пожеланій и шло имъ навстрѣчу.

Ясное выраженіе этого правила мы видимъ уже въ первой трети вѣка въ писцовыхъ наказахъ. Такъ, въ псковскомъ наказѣ 131 г. писцамъ предписывается сыскивать про дворниковъ, живущихъ на осадныхъ дворянскихъ дворахъ, чтобы «за всякими людьми торговыхъ и мастеровыхъ людей не было, а были-бъ мелкіе безпромышленные и безпашенные люди, по одному человѣку во дворѣ. А на которыхъ дворахъ дворники будутъ промышленные и торговые нарочитые люди, и тѣхъ писати въ черные тяглые люди и мѣста имъ подъ дворы и льготы въ податяхъ давати, смотря по людямъ». Относительно монастырскихъ и частновладѣльческихъ слободъ наказъ придерживается полумѣры: писцамъ предписывается сыскивать про дворы и людей слободъ старыми книгами и другими документами и не писать ихъ въ тягло по старинѣ, — а которые дворы «передъ прежними писцовыми книгами прибыли, и тѣ дворы писати въ прибыль и оброкъ на нихъ положити, примѣрясь къ инымъ слободамъ, и велѣти имъ впередъ всякія подати платить съ посадскими съ черными людьми» [1]).

Подобныя предписанія встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ наказахъ [2]), но далеко не во всѣхъ. Иные наказы совсѣмъ молчатъ объ этомъ, а другіе даютъ такія предписанія, которыя показываютъ на склонность приказовъ рѣшать этотъ вопросъ

[1]) Ак. п. д., I, № 120 (стран. 232—233).
[2]) Тамъ же, №№ 104, 257 и 264.

казуистически, смотря по обстоятельствамъ. Такъ, въ наказѣ 133 г. Владимирской чети предписывается не писать въ тягло людей, которые изстари живутъ на церковныхъ земляхъ и которые «люди молодчіе» . . . . . «а будетъ на церковныхъ земляхъ живутъ люди прожиточные и торгуютъ свальными большими товары, или торгуютъ отъѣзжая, и о тѣхъ людяхъ о указѣ писати ко государю подлинно» [1]). Еще характернѣе соотвѣтствующее мѣсто вяземскаго наказа 153 г., по существу тожественное, но предоставляющее меньше мѣста для усмотрѣнія дозорщиковъ. Дозорщики должны переписать всѣхъ людей, поселившихся на церковныхъ и монастырскихъ земляхъ послѣ 121 года, и написать ихъ «себѣ статьею, по допросу выборныхъ людей, кому именемъ въ тяглѣ мочно быть и почему тягла мочно платить, или кому тягла платить будетъ не мочно; да о томъ къ намъ отписали, а отписку и допросныя рѣчи, за руками выборныхъ людей, прислали къ намъ къ Москвѣ, да по тому вамъ о тѣхъ людяхъ нашъ указъ будетъ» [2]).

Извѣстно, что на Соборѣ 157 г., вмѣсто этихъ полумѣръ, было провозглашено послѣдовательное проведеніе правила тягла по посадскому промыслу: всѣ частновладѣльческія слободы должны быть отписаны на государя и приписаны тягломъ къ посадамъ. Передъ этимъ и одновременно съ этой мѣрой приказы и посады вели борьбу противъ торговыхъ и промышленныхъ людей, жившихъ на дворничествѣ въ бѣлыхъ дворахъ или пріобрѣтшихъ тяглые дворы и лавки, но уклонявшихся отъ тягла. Сразу побороть эти вѣковыя явленія, конечно, было невозможно, но въ общемъ и приказы и посадскіе міры настойчиво стремились проводить правило тягла по посадскому промыслу, независимо отъ юридической принадлежности лицъ къ посадскому міру.

При такихъ условіяхъ право міровъ облагать тяглые дворы, не положенные писцами въ сошное письмо, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Если эти дворы по писцовымъ книгамъ были обложены оброкомъ, то міръ, привлекая ихъ въ тягло, долженъ былъ, конечно, принять оброкъ на себя, но и оброчные и безоброчные дворы во всякое время безпрепятственно могли быть обложены мірскимъ данцымъ окладомъ и привлечены «въ пособь міру», если послѣдній находилъ

[1]) Ак. п. д., I, № 151. То же въ вятскомъ наказѣ 136 г. Тамъ же, II, № 28.
[2]) Тамъ же, II, № 217.

это возможнымъ и цѣлесообразнымъ[1]). Такимъ образомъ правительство, связывая посадскій міръ круговой порукой и возлагая на него обязанность платить за дворы, опустѣвшіе послѣ описанія, вознаграждало его правомъ призывать къ себѣ на посадъ новыхъ тяглецовъ и привлекать въ тягло оброчные и безоброчные дворы.

Посадскіе дворы, положенные въ сошное письмо, дѣлились обыкновенно на 3 статьи: на лучшихъ, среднихъ и младшихъ. Изрѣдка встрѣчается четвертая статья — добрѣ худыхъ дворовъ. Въ XVII в. это дѣленіе не имѣетъ, по крайней мѣрѣ для сошнаго письма, почти никакого практическаго значенія, но для всесторонняго освѣщенія вопроса слѣдуетъ на немъ остановиться.

Прежде всего, — на чемъ основывалось это дѣленіе дворовъ на статьи? Писцовые наказы не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ. Нѣкоторые наказы, напр. нижегородскій 129 г. [2]), устюжскій 131 г. и сольвычегодскій 153 года [3]), къ лучшимъ людямъ причисляютъ такихъ, которые имѣютъ большіе промыслы и ведутъ большіе отъѣзжіе торги, но, какіе торги и промыслы считать большими, не говорятъ. Прочія статьи посадскихъ людей и въ этихъ наказахъ остаются даже безъ такого поверхностнаго опредѣленія. Писцамъ предписывается не писать жилыхъ дворовъ пустыми, лучшихъ — средними, среднихъ — младшими, но ни одинъ наказъ не даетъ указаній, а тѣмъ болѣе объективныхъ признаковъ, по которымъ слѣдуетъ писать одинъ дворъ лучшимъ, другой — среднимъ и т. д. Писцы должны были допросить посадскихъ людей, кто изъ нихъ съ чего платитъ по мірскому окладу во всякія подати, кто чѣмъ промышляетъ и кто каковъ прожиткомъ, должны были примѣриваться къ тому, что было раньше и какъ были росписаны посадскіе люди въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ, и на основаніи всего этого

---

[1]) Въ такомъ именно смыслѣ я понимаю нѣсколько неясное показаніе нижегородской писцовой книги 129—136 гг. относительно оброчныхъ дворовъ: «по разсмотру писцовъ и по сказкѣ земскихъ старостъ и посадскихъ выборныхъ людей тѣ люди обхудали и бѣдны, а за худобою и за бѣдностью въ тяглѣ въ сошномъ письмѣ и въ государевыхъ податяхъ съ посадскими людьми быти имъ не мочно, а для ихъ бѣдности и худобы положенъ на нихъ оброкъ, покамѣстъ кто изъ нихъ оправится». Р. И. Б., XVII, стран. 195. Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній объ оброчномъ тяглѣ см. въ VIII приложеніи.

[2]) Р. И. Б., XVII, стран. 189.

[3]) Ак. п. д., I, № 115, и II, № 183.

должны были поступать, «какъ будетъ пригоже» въ данномъ случаѣ, по своему усмотрѣнію. Такъ, въ нижегородскомъ наказѣ 126 г. сказано: «а писати имъ *(т.-е. писцамъ)* живущіе дворы и въ нихъ людей лучшіе себѣ, а середніе и молодшіе особно-жъ, порознь и расписывати, примѣрясь къ прежнимъ платежнымъ книгамъ и смотря по нынѣшнему дозору, и положити въ тягло всякаго человѣка въ правду» и т. д. Ниже въ наказѣ прибавлено: «да и того имъ въ приправочныхъ книгахъ разсматривати и по своему дозору описывати накрѣпко, — будетъ которые люди въ прежнихъ книгахъ написаны прожиточные, а нынѣ охудали, или будетъ которые послѣ дозора охудалые были, а нынѣ стали прожиточные, то имъ въ своихъ дозорныхъ книгахъ расписывати имянно» [1]). Другіе наказы говорятъ короче, но зато ясно указываютъ, на чемъ должны были основываться писцы. Гороховецкій наказъ 131 г. говоритъ, что писцы, переписавъ дворы «и по выпросу земскихъ старостъ и выборныхъ людей, которые съ ними будутъ, росписавъ тяглыхъ людей лучшихъ и середнихъ и молодшихъ», должны положить ихъ въ сохи [2]). О «выпросѣ» старостъ и выборныхъ и объ ихъ показаніяхъ относительно мірского оклада, животовъ, торговъ и промысловъ, какъ объ основѣ дѣленія дворовъ на статьи, упоминаютъ и другіе наказы.

Другіе источники подтверждаютъ, что въ основѣ дѣленія посадскихъ дворовъ на статьи должны были лежать свѣдѣнья, добытыя писцами относительно мірского оклада и зажиточности людей. На основаніи этихъ свѣдѣній и принимая во вниманіе мѣстные обычаи и особенности случая, писцы по своему усмотрѣнію должны были росписать дворы на статьи и положить ихъ въ сохи по данной имъ въ наказѣ нормѣ.

Ниже я разсказываю подробно, какъ вяземскій писецъ кн. Ив. Волконскій не рѣшился примѣнить данной ему нормы. По вопросу о дѣленіи дворовъ на статьи и положеніи ихъ въ сошное письмо, между нимъ и его товарищемъ, подьячимъ Елиз. Розинковымъ, произошло разногласіе. Подьячій сдѣлалъ два примѣрныхъ подраздѣленія дворовъ: «по первой статьѣ» онъ считалъ 57 человѣкъ лучшими, 152—средними и 45 — младшими, а «по второй статьѣ», болѣе льготной для посадскихъ людей, онъ считалъ 25 человѣкъ прожиточными,

---

[1]) Ак. п. д., I, № 38.

[2]) Тамъ же, № 113.

46 — средними и 184 — младшими. Первое подраздѣленіе подьячій сдѣлалъ, взявъ примѣръ съ своего предшественника, Н. Шапилова, который дозиралъ посадъ въ 124 г. Лучшими людьми подьячій считалъ тѣхъ, которые должны были по мірскому окладу платить съ самого высокаго оклада (1 руб. 26 ал. 4 д.) «и съ того числа нанизъ до 5-ти алтынъ», — «а написаны посадскіе люди со 60 алтынъ нанизъ до 5-ти алтынъ въ лучшіе люди потому, что въ приправочныхъ Никифоровыхъ книгахъ Шапилова написано: по 5 алтынъ въ дань даютъ середніе люди». Тѣхъ, кто давалъ по мірскому окладу отъ 5 алтынъ и внизъ до 8 д., подьячій положилъ въ средніе люди, а тѣхъ, кто давалъ отъ 8 д. и внизъ до 2 д., — въ младшіе. «По второй статьѣ» подьячій считалъ — лучшими тѣхъ, кто платилъ отъ 60 до 9 алтынъ, средними, кто платилъ отъ 9 ал. и до 4 ал. 4 д., а младшими, кто платилъ отъ 4 ал. 4 д. и до 2 д. По первому подраздѣленію на посадъ приходилось положить около 4 сохъ, а по второму — немного болѣе 3 [1]). Кн. Ив. Волконскій не согласился съ этими выкладками подьячаго и писалъ въ перечневой росписи, что онъ «таковы безмѣрныя тяжести» безъ указа государя положить не смѣетъ. Самъ, однако, кн. Ив. Волконскій не сдѣлалъ никакихъ выкладокъ и ограничился тѣмъ, что подалъ въ четь перечневую роспись.

Въ Устюжской чети былъ составленъ докладъ, въ которомъ приказные приняли за образецъ подраздѣленіе людей Ел. Розинкова «по второй статьѣ» и вычислили сошный окладъ. Въ дѣйствительности эти выкладки не получили утвержденія [2]), но дѣло не въ этомъ. Для насъ важно въ данномъ случаѣ ясное указаніе на то, какъ и на чемъ писцы и приказные основывали свое дѣленіе посадскихъ дворовъ на статьи, — это дѣленіе основывалось на мірскомъ данномъ окладѣ. Подтвержденіе этому мы можемъ найти во многихъ писцовыхъ книгахъ.

Слѣдуетъ только замѣтить, что иногда писцы дѣлили дворы на статьи не строго-ариѳметически по данному окладу, а нѣсколько отступая отъ него, быть можетъ, по сказкамъ же мірскихъ людей,

---

[1]) Ак. п. д., I, № 218 (стран. 447—448). Чтобы уяснить себѣ эти выкладки, слѣдуетъ просмотрѣть мірской окладъ (тамъ же, стран. 443—444) и имѣть въ виду норму, данную писцамъ въ наказѣ, — на соху 40 дворовъ лучшихъ, 80 среднихъ и 100 младшихъ (тамъ же, стр. 447).

[2]) См. объ этомъ ниже, стран. 318 и далѣе.

а можетъ быть, по своему усмотрѣнію. Такъ, нижегородскіе писцы 129—136 гг. отнесли къ числу лучшихъ 30 дворовъ, платившихъ съ высшихъ окладовъ. Среди этихъ дворовъ 2 двора платили по 8 д., 7 дворовъ по 6 д., 3 двора по 5 д. и одинъ дворъ съ 4 денегъ. Къ среднимъ писцы причислили 72 двора, изъ которыхъ 1 дворъ платилъ съ 7 д., 8 дворовъ съ 6 д., 3 двора съ 5 д., 9 дворовъ съ 4 д., 18 дворовъ съ 3 д. и 32 двора съ 2 д. Къ младшимъ писцы отнесли 378 дворовъ, изъ которыхъ 1 дворъ платилъ съ 3 д., 27 дворовъ съ 2 д., а остальные съ $1^1/_2$ деньги и менѣе, до полуденьги. Къ худымъ людямъ они отнесли 382 двора, платившихъ съ $^1/_4$ деньги и съ мортки [1]). Такія же отступленія отъ даннаго оклада мы можемъ наблюдать и въ сотной грамотѣ 132 г. Дмитрова [2]) и въ писцовой книгѣ 182 г. Балахны [3]). Причины этихъ отступленій въ указанныхъ источникахъ не объяснены.

Въ исторической литературѣ господствуетъ мнѣніе, что посадская соха была дворовой, т.-е., что она состояла изъ того или иного опредѣленнаго количества дворовъ, въ зависимости отъ ихъ качества. Это мнѣніе основано на недостаточномъ количествѣ фактовъ, принятыхъ на вѣру безъ критики и надлежащей осторожности. Впрочемъ, ошибка въ данномъ случаѣ весьма понятна, такъ какъ нигдѣ, кажется, разладъ между жизнью и правительственными предписаніями не сказывается такъ рѣзко, какъ въ этомъ дѣлѣ. Въ очень многихъ наказахъ и другихъ приказныхъ актахъ содержатся предписанія относительно числа дворовъ на соху, но въ XVII вѣкѣ писцы ихъ не исполняли. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда нѣкоторые наивные писцы дѣлали покушеніе соблюсти приказное предписаніе, само правительство оказывалось вынужденнымъ его отмѣнить. Что особенно удивительно, такъ это то, что на протяженіи болѣе полустолѣтія приказные твердятъ одно и то же, не имѣя почти никакой надежды видѣть свои предписанія осуществленными, и не вырабатываютъ новыхъ, пригодныхъ для измѣнившихся условій жизни нормъ. Кажется, какъ-будто приказное творчество совершенно изсякло, и многолѣтній опытъ пропадалъ для правительства даромъ.

---

[1]) Р. И. Б., XVII, стран. 189—190.

[2]) Временникъ Общ. Ист., 24 т.

[3]) Сборникъ, издав. Нижегородской Губ. Архивн. Ком., XV т., I выпускъ, стран. 38 и дальше. Нижній. 1913 г.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ писцовыхъ наказахъ число дворовъ на соху не предопредѣлено совсѣмъ: писцамъ предписывается положить дворы въ сошное письмо, примѣриваясь къ прежнему, противъ старыхъ писцовыхъ, дозорныхъ и платежныхъ книгъ, и смотря по обстоятельствамъ дѣла. Такъ, не указано число дворовъ на соху въ нижегородскомъ наказѣ 126 г., въ псковскомъ и каргопольскомъ 127 г., данныхъ изъ Новгородской чети [1]), въ романовскомъ 129 г., данномъ изъ Посольскаго приказа [2]), въ гороховецкомъ 131 г., данномъ изъ Новгородской же чети, и въ наказахъ Устюжской чети — въ вяземскомъ 135-го и въ устюжскомъ 184 года [3]). Въ псковскомъ наказѣ дозорщикамъ велѣно положить посадъ въ сошное письмо, «примѣрясь къ прежнимъ писцовымъ и къ платежнымъ книгамъ и смотря по тамошнему дѣлу, въ правду, по нашему крестному цѣлованью, какъ бы нашей казнѣ убыли не было, а псковичамъ всякимъ тяглымъ людямъ большія тягости не было же». Въ романовскомъ наказѣ велѣно положить, «примѣрясь къ прежнему, почему прежъ сего на Романовѣ клали въ соху лучшихъ и середнихъ и молодшихъ людей». То же по существу сказано и въ каргопольскомъ наказѣ 127 г. Въ гороховецкомъ наказѣ 131 г. старина подразумѣвается сама собой, какъ всегда необходимая руководительница писца, и на первое мѣсто выдвинутъ принципъ посильности тягла: дозорщикамъ велѣно посадскихъ людей «положить въ сохи въ живущее, какъ имъ впередъ государевы подати платить».

Въ большинствѣ же наказовъ благоразуміе покидаетъ приказныхъ, и они безъ пользы для дѣла пачкаютъ казенную бумагу устарѣлыми измышленіями своихъ предшественниковъ.

Въ грамотѣ изъ Устюжской чети, отъ 7 марта 122 г., въ Старицу къ воеводѣ въ соху велѣно положить «лучшихъ по 30 человѣкъ, а середнихъ по 50, а худыхъ по 80 человѣкъ»[4]). Въ грамотѣ того же года изъ той же чети къ воеводѣ во Ржеву Владимирову въ соху велѣно положить «добрыхъ по 30 человѣкъ, а среднихъ по 50, а молодшихъ по 100 человѣкъ»[5]). Въ наказѣ изъ Новгородской чети 130 г.

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 38, 85 и 89.
[2]) Прик. д. стар. л., 1621 г. № 1.
[3]) Ак. п. д., I, №№ 113 и 224, и III, устюжскій наказъ 12 мая 184 г.
[4]) Тамъ же, I, № 9.
[5]) Тамъ же, № 11.

писцамъ Перми, Кайгородка и Соли Камской въ соху было велѣно положить по 40 дворовъ лучшихъ, 60 — среднихъ, 80 — младшихъ, а самыхъ худыхъ по 120 дворовъ[1]). Въ наказѣ Устюжской чети писцамъ Вязьмы, 133 года, было указано положить въ соху по 40 дворовъ лучшихъ, 70—80 среднихъ и по 100 дворовъ младшихъ и охудалыхъ[2]). Иная норма была написана въ наказѣ Владимирской чети, около 133 года, писцамъ Ряжска и другихъ городовъ, который былъ изготовленъ, но не данъ писцамъ: на соху было указано положить лучшихъ по 60 дворовъ, среднихъ по 80, а худыхъ по 100 [3]). Большинство же наказовъ Владимирской, Устюжской и Новгородской четей даетъ одинаковую норму, а именно: по 40 дворовъ лучшихъ, по 50—60 среднихъ, по 70—80 младшихъ, а самыхъ худыхъ по 100 дворовъ или по 100 «и больше» на соху. Такая норма содержится въ наказѣ 133 г. изъ Владимирской чети писцамъ Болхова, Воротынска, Путивля и Рыльска[4]). Изъ отвѣтной памяти 137 г. Владимирской чети въ Костромскую мы узнаемъ, что эта норма была дана писцамъ всѣхъ посадовъ Владимирской чети[5]). Ту же норму мы видимъ въ наказахъ Новгородской чети: въ нижегородскомъ — 129 г.[6]), въ новгородскомъ — 130 г., въ псковскомъ — 131 г., въ вологодскомъ и гороховецкомъ — 135 г.[7]), въ вымь-яренскомъ и въ двухъ вятскихъ наказахъ 136 г. и, наконецъ, въ псковскомъ 187 г.[8]). Такая же норма дана въ 4 наказахъ Устюжской чети: въ устюжскомъ наказѣ 131 г. [9]) и въ тотемскомъ, устюжскомъ и сольвычегодскомъ наказахъ 153 года[10]).

Такимъ образомъ, можно сказать, что наиболѣе распространенной была норма: 40 дворовъ лучшихъ людей, 50—60 — среднихъ, 70—80 — младшихъ и 100 или 100 «и больше» — самыхъ худыхъ людей.

Слѣдуетъ подчеркнуть то обстоятельство, что приказы, давая

---

1) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, л. 440.

2) Ак. п. д., I, стран. 447.

3) Тамъ же, № 154.

4) Тамъ же, № 151.

5) Тамъ же, II, № 51. Въ памяти 141 г. изъ Владимирской чети въ Новгородскую, очевидно по небрежности, показана другая норма: 40 дв., 50—60 дв., 80—100 дв., 120 и болѣе дворовъ. Тамъ же, № 103.

6) Р. И. Б., XVII, стран. 192.

7) Ак. п. д., I, №№ 104, 120, 257 и 264.

8) Тамъ же, II т., № 28, и III т., августъ 187 г.

9) Тамъ же, I, № 115.

10) Ак. п. д., II, №№ 183 и 184, и Прик. д. стар. л., 1646 г. № 130.

писцамъ ту или иную норму, всегда предоставляли имъ большій или меньшій просторъ для усмотрѣнія, да и самую норму вовсе не считали безусловно обязательной. Такъ, наказы предписываютъ положить въ соху 50 *или* 60 среднихъ дворовъ или 100 *и больше* самыхъ худыхъ. Гораздо важнѣе то, что, какова бы ни была наказная норма, писцы должны были руководиться прежде всего интересами казны и принципомъ посильности тягла. Особенно хорошо и ясно объ этомъ говорятъ наказы Новгородской чети. Въ вологодскомъ наказѣ 135 г. писцамъ велѣно, переписавъ дворы, «класти въ соху на Вологдѣ на посадѣ тяглыхъ черныхъ дворовъ лучшихъ людей по 40 дворовъ, а середнихъ по 50 и по 60 дворовъ, а молодшихъ по 70 и по 80 дворовъ, а которые добрѣ бѣдны, и тѣхъ по 100 дворовъ въ соху, разсмотря о томъ накрѣпко, и по людямъ, и по прожиткамъ, и по торгамъ, и по промысламъ, и примѣряся къ прежнимъ писцовымъ и платежнымъ книгамъ, въ правду по государеву крестному цѣлованью, какъ бы государевѣ казнѣ убыли не было, а вологжанамъ всякимъ тяглымъ людямъ большія тягости не было-жъ»[1]). Въ псковскихъ наказахъ 131 и 187 гг. эта фраза кончается такъ: «по государеву крестному цѣлованью, какъ бы государевѣ казнѣ учинить прибыль, а псковичамъ бы всякимъ тяглымъ людямъ большія тягости не было-жъ»[2]).

Приказные вѣроятно предвидѣли, что эти предписанія могли оказаться несовмѣстимыми: что, примѣриваясь къ прежнему, писецъ могъ быть вынужденъ оставить безъ вниманія дворовую норму, что примѣненіе нормы могло оказаться непосильнымъ для тяглыхъ людей и т. п., однако это ихъ не смущало, такъ какъ главная задача писцовъ — прибыльное для казны, но не чрезмѣрное тягло — была выражена ясно, а соблюденіе или несоблюденіе нормы приказные оцѣнивали по плодамъ писцовой работы. Употребляя сравненіе, можно сказать, что приказы учили (своими нормами) писцовъ, какъ прицѣливаться, чтобы попасть въ цѣль, но одновременно побуждали ихъ къ личному почину и какъ бы прибавляли: стрѣляй хоть съ другого конца, только попадай въ цѣль. Яркій образецъ подобнаго отношенія

---

[1]) Ак. п. д., I, № 257. Дословно то же въ гороховецкомъ наказѣ 135 г. (тамъ же, № 264) и въ новгородскомъ 130 года (тамъ же, № 104).

[2]) Тамъ же, № 120 (стран. 233), и III т., августъ 187 г.

приказовъ къ дѣлу вообще и къ дворовой нормѣ въ частности я привелъ выше[1]) изъ устюжскаго наказа 131 года.

Мы не знаемъ, такъ же ли относились къ этому вопросу приказные въ XVI вѣкѣ, но въ XVII-мъ ни писцы, ни сами приказы не руководились указанными нормами. Большинство писцовъ кладетъ посадскихъ людей въ сошное письмо такъ, какъ-будто имъ не было дано въ наказѣ никакой нормы. Другіе писцы какъ-будто стремятся придерживаться данной имъ нормы, но достигаютъ цѣли путемъ такой грубой бухгалтеріи, которая не имѣетъ никакой практической цѣны. Такъ, писцы Вологды 135 г. положили посадскихъ людей очень близко къ нормѣ, данной имъ въ наказѣ: одинъ дворъ лучшій, 3 среднихъ и 112 младшихъ они положили въ $1^1/_{16}$ сохи, тогда какъ точно по наказу ихъ слѣдовало бы положить въ $1^1/_4$ сохи или немного меньше. Однако, чтобы приблизиться въ такой мѣрѣ къ наказной нормѣ и одновременно положить на посадъ посильное тягло, писцы около $^2/_3$ посадскихъ дворовъ не положили совсѣмъ въ сошное письмо[2]). А такъ какъ посадскій міръ имѣлъ право во всякое время притянуть эти дворы къ себѣ въ тягло, и на Вологдѣ, какъ мы знаемъ, дѣйствительно ихъ притянулъ[3]), то пріемъ, употребленный вологодскими писцами, чтобы приблизиться къ нормѣ, нельзя назвать иначе какъ наивной бухгалтеріей.

Въ XVII вѣкѣ лишь самые наивные писцы дѣлали неудачныя покушенія соблюсти нормы наказа, не прибѣгая къ пріему, употребленному вологодскими писцами. Мнѣ извѣстно только одно подобное покушеніе, окончившееся полной неудачей. Пермскіе писцы 131 г., М. Кайсаровъ съ товарищами, положили посады Соли Камской и Чердыни вполнѣ точно по наказной нормѣ. Однако, по челобитью тяглыхъ людей сошные оклады, положенные писцами, были отмѣнены приказомъ. Разница получилась большая: писцы положили Соль Камскую въ 3 сохи съ полутретью и въ пол-пол-чети и въ пол-пол-полтрети сохи, а по государеву указу посаду было велѣно платить съ 1 сохи, какъ онъ платилъ раньше[4]).

---

[1]) См. выше, стран. 102—103.

[2]) См. выше, стран. 274—275. Наказъ писцамъ — Ак. п. д., I, № 257.

[3]) Объ этомъ см. Сошное письмо, I, стран. 387—388.

[4]) В. Шишонко, Пермская лѣтопись, II періодъ, стран. 152. Пермь 1882 г. См. еще: С. Веселовскій, отзывъ о книгѣ Ю. В. Готье, Замосковный край въ XVII вѣкѣ, стран. 421—422. Журн. Мин. Нар. Пр. 1908 г., № 2.

Ниже будетъ показано, что и приказы не соблюдали своихъ нормъ. Можно сказать даже больше: они не только не соблюдали, но иногда даже не знали, какъ можно класть посады въ сошное письмо и какъ они положены въ дѣйствительности. Выше было разсказано, какое невѣжество обнаружила Устюжская четь въ дѣлѣ описанія Устюга 131—136 гг.[1]). Такое же невѣжество обнаружили дьякъ и подьячіе Владимирской и Галицкой четей. Въ 137 г. Костромская четь запрашивала дьяка Гуляя Золотарева, вѣдавшаго въ то время Владимирскую и Галицкую чети, по скольку человѣкъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ положено въ соху въ Галичѣ и Владимирѣ. Дьякъ Г. Золотаревъ, только что передъ тѣмъ руководившій описаніями и докладывавшій объ нихъ государю, не былъ въ состояніи дать опредѣленный отвѣтъ; онъ отвѣчалъ, что «по государеву... указу и по наказу, каковъ наказъ данъ писцамъ въ прошломъ во 133-мъ году изъ Володимирскія чети, велѣно класти въ соху посадскихъ лучшихъ людей по 40 человѣкъ, а середнихъ по 50 и по 60»... и т. д., а относительно того, какъ положены посадскіе люди въ дѣйствительности, въ памяти было написано, что «того въ тѣхъ *(владимирскихъ 134 г. и въ галицкихъ 128 г.)* книгахъ не написано». Написавъ это въ черновикѣ отвѣтной памяти, подьячій все перечеркнулъ и въ концѣ концовъ ограничился тѣмъ, что написалъ, сколько въ этихъ городахъ дворовъ и какъ велики сошные оклады[2]). Такъ Костромская четь въ сущности не узнала ничего опредѣленнаго.

Непонятно, какъ приказы, говоря постоянно о посильности тягла и прекрасно понимая, что это есть требованіе жизни, отъ котораго невозможно, въ видѣ общаго правила, длительное отступленіе, въ то же время не сознавали, что наказныя нормы посадской сохи стали въ XVII вѣкѣ совершенно непригодными, послѣ того переворота въ посошномъ обложеніи, который я описалъ въ IV главѣ. Возможно, впрочемъ, что приказы и правительство понимали это, но тогда не можетъ не показаться страннымъ, что они не сдѣлали никакихъ серьезныхъ попытокъ выработать новыя нормы. Между тѣмъ, писцы при своей работѣ считались съ этимъ обстоятельствомъ, а нѣкоторые опредѣленно на него указывали. Такъ, писцы Нижняго 129—136 гг. не рѣшились примѣнить данной имъ въ наказѣ нормы и написали

---

[1]) См. выше, стран. 102—103.

[2]) Ак. п. д., II, № 51.

государю докладъ, такъ объясняя свое колебаніе: до разоренья посадъ платилъ всякихъ налоговъ по 47 руб. 14 ал. съ сохи, а послѣ разоренья посадскимъ людямъ приходится платить сверхъ старыхъ налоговъ по 468 руб. съ сохи ямскихъ денегъ и по 100 четей ржи, а овса столько же, московскимъ стрѣльцамъ на жалованье[1]). Въ наказѣ де имъ указано, сколько дворовъ положить въ соху, «а того въ государевѣ наказѣ не написано, тѣ дворы въ сошное письмо класть противъ прежнихъ ли всякихъ государевыхъ податей, почему было имано съ сохъ до Московскаго разоренья, или противъ нынѣшнихъ всякихъ государевыхъ податей и съ новоприбылыми доходы, что сверхъ прежняго послѣ Московскаго разоренья сбираютъ къ Москвѣ на подмогу московскимъ ямскимъ охотникамъ и стрѣлецкіе хлѣбные запасы». Государи, выслушавъ доклада писцовъ, указали положить нижегородцевъ противъ Балахны — по 200 дворовъ въ соху, безъ различія качества дворовъ. По наказу посадъ пришлось бы положить приблизительно въ $11^1/_4$ сохъ, а писцы, руководясь государевымъ указомъ, положили въ 4 сохи съ четвертью и съ небольшой дробью сохи, т.-е. почти въ 2 съ половиной раза легче, при чемъ почти треть посадскихъ дворовъ не положили совсѣмъ въ сошное письмо[2]). Если же взять всѣ дворы посада, то на соху выйдетъ по 284 двора, т.-е. почти въ 3 раза больше низшей нормы наказа.

Примѣненіе на дѣлѣ указанныхъ выше нормъ было возможно въ XVI вѣкѣ, когда посадская соха платила десятки рублей посошныхъ налоговъ, но стало совершенно невозможнымъ въ XVII вѣкѣ, когда на соху падали сотни рублей.

Тѣ немногочисленныя данныя, которыми мы располагаемъ относительно посадской сохи XVI вѣка, показываютъ, что тогда практика посадскаго сошнаго оклада вращалась въ предѣлахъ указанныхъ нормъ, а если иногда выступала изъ нихъ, то не очень значительно.

Въ Торопцѣ по письму 7048 г. 415 дворовъ было положено въ 9 сохъ. На соху приходится по 46 дворовъ[3]). Впрочемъ, этотъ случай

---

[1]) Здѣсь указаны оклады 131—136 гг., когда соха платила гораздо меньше, чѣмъ въ 126—128 гг. См. Сошное письмо, I, стран. 414—416.

[2]) Р. И. Б., XVII, стран. 191—193.

[3]) Н. Д. Чечулинъ, Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ, стран. 60. С-Пб. 1889 г. По подсчету Н. Д. Чечулина тяглыхъ дворовъ всего было 402.

лучше не считать, такъ какъ, судя по небольшимъ размѣрамъ уѣздной сохи, можно полагать, что посадъ былъ положенъ не въ большія сохи, въ 800 четей, а въ мѣстныя сохи, меньшихъ размѣровъ. Возьмемъ тѣ случаи, гдѣ несомнѣнна или очень вѣроятна наличность большой сохи. Въ Серпуховѣ по письму 60 г. было всего 623 двора, изъ которыхъ 110 среднихъ, а остальные младшіе; сошнаго письма 9 сохъ безъ получетверти. Въ среднемъ на соху приходится около 70 дворовъ. По предположенію Н. Д. Чечулина среднихъ могло быть положено по 50—52 двора на соху, а младшихъ по 75—76 дворовъ[1]). Во Псковскихъ пригородахъ по письму начала второй половины XVI вѣка[2]) посадскіе люди были положены такъ. Во Гдовѣ 290 дворовъ было положено въ $3^5/_8$ сохи; на соху выходитъ ровно 80 дворовъ. Въ Кобыльѣ 37 дворовъ положено въ $^{15}/_{32}$ сохи; на соху приходится около 79 дворовъ. Въ Островѣ 204 двора были положены въ 3 сохи; на соху выходитъ ровно 68 дворовъ. Въ Изборскѣ 57 дворовъ положено въ $^5/_8$ сохи; на соху выходитъ почти ровно 91 дворъ. Въ Вороначѣ 371 дворъ положены въ $4^5/_8$ сохи; на соху выходитъ ровно 80 дворовъ, съ остаткомъ одного двора. Во Вревѣ 105 дворовъ (100?) положено въ 1 соху. На Опочкѣ 172 двора положены въ 2 сохи; на соху выходитъ 86 дворовъ. Въ Себежѣ 75 дворовъ положено въ $^1/_2$ сохи; на соху приходится 150 дворовъ[3]). Въ среднемъ для всѣхъ посадовъ выходитъ на соху немного болѣе 87 дворовъ[4]). По описанію 93—95 гг., произведенному послѣ разоренья Пскова Баторіемъ, всѣ пригороды, за исключеніемъ Гдова, Воронача и Опочки, не были положены въ сошное письмо за худобой. Указанные же 3 пригорода, очевидно вслѣдствіе разоренья, были положены гораздо легче прежняго. Во Гдовѣ 13 дворовъ было положено въ $^1/_{16}$ сохи; на соху выходитъ 208 дворовъ. Въ Вороначѣ 7 дворовъ положено въ $^1/_{16}$ сохи; на соху выходитъ

---

[1]) Города Московскаго государства, стран. 158 и 177—178.

[2]) Возможно, что это — описаніе кн. Вас. Великаго съ товарищами, которое упоминается въ платежницѣ съ писцовыхъ книгъ 94—95 гг. Сборникъ Московск. Арх. Мин. Юст., V, стран. 76. М. 1913 г. По предположенію Н. Д. Чечулина это было то описаніе, которое упоминается въ лѣтописи подъ 65-мъ годомъ. Указан. выше сочиненіе, стран. 81.

[3]) Сборникъ Арх. М. Ю., V, стран. 214, 269, 282, 300, 333, 400 и 426. Ср. Арх. М. Ю., Писц. кн. № 831, часть 2-я.

[4]) По вычисленію Н. Д. Чечулина въ 9 Псковскихъ пригородахъ, считая Красный и Велье, но безъ Кобылья и Врева, въ среднемъ на соху было по 91 двору. Указан. выше сочиненіе, стран. 111.

112 дворовъ. Въ Опочкѣ 7 дворовъ положено въ $^1/_{32}$ сохи; на соху выходитъ 224 двора[1]). На Устюжнѣ по описанію 75 года 713 дворовъ положено въ $10^1/_6$ сохи, при чемъ въ сотной сказано, что положено «лучшихъ и отрадныхъ людей по 30 по 5 дворовъ въ соху, а середнихъ людей по 60 дворовъ въ соху, а молодшихъ по 80 по 5 дворовъ въ соху, а которые люди добрѣ худы, казаковъ и молотниковъ по 100 дворовъ въ соху»[2]). По сотной 105 г. посадъ былъ положенъ очень близко къ письму 75 г.: 7 дворовъ среднихъ и 127 младшихъ, кузнецовъ, молотниковъ и пашенныхъ людей, были положены въ $1^7/_8$ сохи[3]). На соху въ среднемъ выходитъ 72 двора. Въ Суздалѣ по платежнымъ книгамъ 81 г. Як. Наумова было 414 дворовъ, а сошнаго письма $2^1/_4$ сохи[4]). Въ Муромѣ по сотной 82 г. 111 дворовъ младшихъ людей было положено въ $^3/_4$ сохи[5]). На соху выходитъ 148 дворовъ. Въ Коломнѣ по письму 86 г. 12 черныхъ дворовъ на посадѣ было положено въ $^1/_6$ сохи, $20^1/_2$ дворовъ въ слободкѣ — въ $^1/_4$ сохи[6]). Въ первомъ случаѣ на соху выходитъ 72 двора, а во второмъ — 82. Въ Воротынскѣ по сотной 99 г. 56 дворовъ было положено въ пол-трети и пол-полчети сохи и въ $9^2/_3$ чети пашни, т.-е. почти въ $^1/_4$ сохи[7]). На соху выходитъ около 220 дворовъ. Въ Вязьмѣ по описанію 102—103 гг. 5 дворовъ лучшихъ, 35 среднихъ, 291 младшихъ и 169 убогихъ, всего 500 дворовъ положено было въ $6^{13}/_{24}$ сохи, «а кладено въ соху лучшихъ людей по 50 дворовъ, а середнихъ по 60, а молодшихъ по 70, а молодшихъ же и убогихъ по 100 дворовъ въ соху»[8]). Въ Зарайскѣ по описанію 103—105 гг. «въ соху положено лучшихъ людей по 80 дворовъ, а середнихъ людей по 100 дворовъ, а молодшихъ и убогихъ

---

[1]) Источникъ тотъ же, который указанъ на 296 стран. въ 3 примѣчаніи.

[2]) Лучшихъ дворовъ 50, среднихъ 250, младшихъ 213, самыхъ худыхъ 200. Сверхъ того было «нетяглыхъ нищихъ и вдовицъ убогихъ 53 двора, а людей въ нихъ 53 человѣка; а сошнаго письма на нихъ положити не довелось для ихъ убожества». Прик. д. стар. л., 1669 г. № 214.

[3]) Тамъ же. Убогихъ бобыльскихъ и вдовьихъ 76 дворовъ «въ сошное письмо не положены для убожества, — скитаются по міру».

[4]) Н. Д. Чечулинъ, Города Московскаго государства, стран. 79. Цифра дворовъ мнѣ кажется сомнительной; не показаны ли въ ней и пустые дворы?

[5]) А. Ю., № 229.

[6]) Писц. книги Московскаго государства XVI вѣка, I, стран. 313—314.

[7]) Р. И. Б., XXVIII, стран. 78.

[8]) Ак. п. д., II, № 232.

людей по 120 дворовъ»[1]). Въ Можайскѣ по описанію 104—105 гг. 30 дворовъ среднихъ и 175 младшихъ были положены въ $2^1/_4$ сохи[2]). Весьма вѣроятно, что среднихъ положено по 60 дворовъ на соху ($^1/_2$ сохи), а младшихъ по 100 дворовъ ($1^3/_4$ сохи).

Въ описаніяхъ Великаго Новгорода 90 и 91 годовъ[3]) есть интересныя особенности сошнаго оклада, которыя, къ сожалѣнію, необъяснимы безъ помощи другихъ источниковъ. Въ одномъ мѣстѣ описанія Софійской стороны сказано, что «дворовъ кладено въ сошное письмо, примѣриваясь къ старымъ книгамъ», т.-е., повидимому, къ описанію 88 г. Юр. Дмитріева[4]), но нѣтъ возможности выяснить, по какой нормѣ были положены дворы. Несомнѣнно, однако, что норма была и при томъ очень близкая къ тѣмъ, которыя были примѣнены на Устюжнѣ, въ Вязьмѣ и Можайскѣ. Напр., на Софійской сторонѣ въ живущую соху въ среднемъ было положено нѣсколько менѣе 80 дворовъ, а въ пустую соху немного болѣе 80 пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ. По письму Юр. Дмитріева на той же сторонѣ на соху приходилось около 75 дворовъ. Если взять отдѣльные случаи (а не итоги), то количество дворовъ на соху, какъ и слѣдуетъ ожидать, то понижается, то повышается. Такъ, въ Гончарскомъ концѣ на соху выходитъ около 50 дворовъ, на Бардовѣ улицѣ — ровно 80 дворовъ, въ Неревскомъ концѣ — около 87, а въ нѣкоторыхъ приходахъ этого же конца болѣе 100 дворовъ[5]).

Всего мною приведено, если не считать Торопца и Суздаля, 21 случай. Изъ нихъ въ трехъ (Устюжна, Вязьма и Зарайскъ) опредѣленно сказано о примѣненіи нормъ, въ 13 случаяхъ примѣненіе ихъ очень вѣроятно и, во всякомъ случаѣ, сошный окладъ не выходитъ за предѣлы низшей нормы (100—120 дворовъ худшихъ), и

---

[1]) Писц. книги Рязанскаго края, издан. подъ ред. В. Н. Сторожева, I, стран. 157. Рязань. 1898 г.

[2]) Можайскіе акты, изд. архим. Діонисіемъ. С.-Пб. 1892 г. Въ пустѣ на посадѣ было 1573 двора и мѣста дворовыхъ, положенныхъ въ $15^3/_4$ сохи. На пустую соху выходитъ почти ровно по 100 пустыхъ дворовъ. Въ монастырскихъ слободкахъ 45 дворовъ было положено въ $^7/_{16}$ сохи; на соху тоже выходитъ почти 100 дворовъ. Ср. съ этимъ Коломну, гдѣ въ пустую соху было положено приблизительно по 80 пустыхъ дворовъ. Писц. книги Моск. Госуд., I отд., стран. 313—314.

[3]) Книги изданы Импер. Археограф. Ком., подъ ред. В. В. Майкова. Лѣтопись Занятій, XXIII т. С.-Пб. 1911 г.

[4]) Тамъ же, стран. 210—211.

[5]) Тамъ же, стран. 210, 260, 87 и 86.

только въ пяти случаяхъ окладъ выходитъ изъ нормъ. Изъ послѣднихъ пяти случаевъ 3 (Опочка, Гдовъ и Вороначъ) не показательны, такъ какъ относятся къ очень мелкимъ, только что передъ описаніемъ разореннымъ, Псковскимъ пригородамъ.

Н. Д. Чечулинъ, разсмотрѣвъ сотныя Мурома и Серпухова, говоритъ, что «на данныхъ объ этихъ городахъ можно съ совершенною ясностью убѣдиться, что въ соху клали тогда не вообще опредѣленное число дворовъ, различавшееся только по тому, какіе это дворы — добрые, середніе или молодчіе, а различное и опредѣлявшееся самыми различными мѣстными условіями»[1]. Мнѣ кажется, что отъ такого вывода слѣдуетъ воздержаться.

На челобитной романовцевъ 131 г. было помѣчено, что государь указалъ, «выписавъ, доложити себя государя, какъ въ тѣхъ городахъ, въ Ростовѣ, въ Кашинѣ, на Угличѣ, кладены посадскіе люди въ сохи, по людямъ ли или по сошному разводу»[2]. Я понимаю эту помѣту такъ: положить посадскихъ людей въ сошное письмо по разводу значитъ положить ихъ по числу и качеству дворовъ, какъ предписано въ наказѣ, а положить въ сохи по людямъ значитъ положить не по наказу, а по мѣстнымъ особенностямъ даннаго случая. Едва ли можно сомнѣваться, что эти два пріема — объективный и субъективный — были извѣстны уже въ XVI вѣкѣ. Весь вопросъ состоитъ въ томъ, какой пріемъ преобладалъ въ XVI вѣкѣ, а какой въ XVII-мъ. Приведенные выше случаи, изъ которыхъ нѣкоторые не были извѣстны Н. Д. Чечулину, даютъ право говорить, что уже въ третьей четверти XVI вѣка (Устюжна въ 75 году) существовала дворовая норма сохи и что многіе писцы не выступали за предѣлы ея, а нѣкоторые, несомнѣнно, руководились. Можно также полагать, что, наряду съ этимъ пріемомъ положенія въ сошное письмо, иногда по необходимости приходилось отступать, особенно къ концу вѣка, отъ нормы и класть посады въ тягло «по людямъ».

Итакъ, опыты выработать и примѣнять на дѣлѣ дворовыя нормы сохи были сдѣланы, несомнѣнно, во второй половинѣ XVI вѣка и могутъ быть съ большой вѣроятностью отнесены къ началу второй

---

[1] Города Московскаго государства, стран. 178.

[2] Ак. п. д., I, № 107.

половины его. Такъ какъ, независимо отъ нормъ, посильность оставалась основнымъ принципомъ тягла, то несомнѣнно, что нормы были выработаны примѣнительно къ существовавшему тогда обложенію. Послѣ тѣхъ огромныхъ перемѣнъ, которыя произошли въ послѣднемъ въ первые годы царствованія Михаила Өедоровича, эти нормы стали совершенно непригодными, а такъ какъ новыхъ нормъ выработано не было, то утвердился пріемъ сошнаго оклада «по людямъ», т.-е. по усмотрѣнію писцовъ и приказовъ примѣнительно къ особенностямъ каждаго отдѣльнаго случая.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ разсмотрѣть практику посадскаго сошнаго оклада въ XVII вѣкѣ.

Въ 121 г. въ Вологдѣ на посадѣ было по старому окладу 7 сохъ безъ чети и пол-пол-пол-трети сохи. Въ томъ же году, послѣ разоренья Вологды литвой, посадъ дозрили воеводы, стольникъ кн. И. И. Одоевскій и Г. Г. Пушкинъ, и дьякъ П. Новокщеновъ и положили въ 2 сохи безъ четверти. Эта значительная убыль оклада не понравилась дьякамъ Новгородской чети, и они прибавили на посадъ «сверхъ князь Иванова дозора Одоевскаго съ товарищи пустую соху». Да въ 118 г. къ посаду было приписано четверть сохи уѣздныхъ торговыхъ людей. Такимъ образомъ, Вологда со 121 г. должна была платить съ 3 сохъ[1]).

Въ 125 г. по челобитью вологжанъ посадъ дозрили кн. Петръ Волконскій и подьячій Леонтій Софоновъ[2]). По ихъ дозору было 4 двора лучшихъ людей, 20 дворовъ среднихъ и 125 младшихъ, всего 149 дворовъ, которые они положили въ полъ сохи, да 52 двора людей, «которые нынѣ обнищали, скитаются по міру». Въ своихъ книгахъ дозорщики подъ каждой статьей посадскихъ людей приводятъ данныя о мірскомъ окладѣ и сравниваютъ мірскіе оклады — до разоренья 121 г., послѣ разоренья и окладъ 125 г., который они застали на Вологдѣ. Напр., послѣ итога сошныхъ дворовъ они пишутъ: «прежній окладъ былъ до Вологодскаго разоренья 2 рубля 13 алтынъ 2 деньги 5 пулъ, а послѣ Вологодскаго разоренья окладъ имъ былъ рубль 4 алтына 1 деньга съ пирогомъ. А нынѣ имъ окладъ 22 алтына, а убыло съ нихъ послѣ Вологодскаго разоренья ихъ оклада

[1]) Ак. п. д., I, № 56. По дозору 2 сохи безъ чети, четь сохи уѣздныхъ людей и 1 соха навальная, всего 3 сохи.

[2]) Подлинная книга ихъ дозора — Арх. М. Ю., Писц. кн. № 60.

15 алтынъ 3 деньги съ пирогомъ». Далѣе они выписываютъ и такъ же сравниваютъ оклады другихъ разрядовъ посадскихъ людей: людей обнищавшихъ, побитыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти, ставшихъ въ стрѣльцы и т. д. Послѣ этихъ сравненій дозорщики сравниваютъ свой сошный окладъ съ окладами, которые были до разоренья и по дозору 121 г. Становится несомнѣннымъ, что эти сравненія они продѣлывали не даромъ, хотя точнаго соотвѣтствія мірскихъ и сошныхъ окладовъ нѣтъ.

Вологжане били челомъ въ чети объ утвержденіи этого дозора, и по ихъ челобитью дѣло было доложено боярину кн. Гр. П. Ромодановскому съ товарищами. Бояринъ и его товарищи, дьяки, выслушавъ выписки, велѣли выписать въ докладъ, сколько придется платить посаду противъ дозора 121 г. «въ треть», «для того что по государеву указу и по боярскому приговору тѣмъ новымъ дозорщикамъ, П. Новосильцову и кн. П. Волконскому, ихъ дозору вѣрити не велѣли *(слѣдуетъ: не велѣно)*, потому что они писали передъ прежними дозорными книгами легко, съ великою убылью; а указалъ государь и бояре приговорили по прежнимъ книгамъ имати въ треть; а посадскимъ нынѣшнимъ книгамъ князя Петрову дозору *(Волконскаго)* потому-жъ вѣрити нечему, что онъ посадъ написалъ въ шестую долю передъ прежнимъ дозоромъ»[1]). 25 февраля 126 г. бояринъ кн. Г. П. Ромодановскій съ товарищами, выслушавъ докладной выписки, приговорили: «съ Вологды съ посада имати всякіе государевы доходы противъ государева указа и боярскаго приговора передъ прежними книгами дозора кн. Ив. Одоевскаго съ товарищи 121-го года, и съ накладною сохою, въ треть, потому-жъ что и съ Вологодскаго уѣзда въ треть указано, опричь тое посадскія четверти сохи, что были приписаны къ посаду волостные лучшіе торговые люди, а послѣ отданы помѣщикамъ, всего будетъ съ посада нынѣ съ сохи безъ пол-пол-трети сохи»[2]). Начальство Новгородской чети отвергло, по примѣру уѣзда,

---

[1]) Ак. п. д., I, № 56. Раньше было 3 сохи, а дозорщики положили $^1/_2$ сохи, т.-е. въ 6 разъ легче. Кн. П. Волконскій кромѣ посада дозиралъ значительную часть уѣзда. Одновременно съ нимъ другую часть уѣзда дозирали П. Новосильцовъ и подьячій Ер. Рябцовъ. Эти уѣздные дозоры были отмѣнены въ 125 году, и по государеву указу и боярскому приговору всякіе налоги было указано взимать съ трети сошныхъ окладовъ, существовавшихъ до этихъ дозоровъ. Ак. п. д., I, № 23. Ср. №№ 37 и 58.

[2]) Тамъ же, № 56. Всего было 3 сохи (съ накладной сохой), изъ которыхъ вычтена четь сохи уѣздныхъ людей. Третья доля $2^3/_4$ сохи равна сохѣ безъ пол-пол-трети, какъ сказано въ докладѣ.

посадскій дозоръ кн. П. Волконскаго только на томъ основаніи, что онъ писалъ «съ великою убылью»,—по крайней мѣрѣ, въ докладѣ не приведено никакихъ другихъ основаній и не указано даже количество дворовъ по дозорамъ 125 и 121 годовъ. Отвергнувъ дозоръ 125 г., бояринъ и дьяки уменьшаютъ произвольно на $^2/_3$ прежній окладъ сошнаго письма, который самъ по себѣ былъ установленъ произвольно, и въ результатѣ получается совершенно фантастическая величина, съ которой, однако, вологжане должны были много лѣтъ нести тяжелое налоговое бремя.

Съ этого произвольнаго оклада, т.-е. съ сохи безъ пол-пол-трети сохи, вологжане платили до писцовъ 135—136 гг., кн. Ѳ. Мещерскаго и подьячаго Ѳ. Стогова[1]). Эти писцы получили въ наказѣ предписаніе положить въ соху по 40 дворовъ лучшихъ, 50—60 среднихъ, 70—80 младшихъ и по 100 дворовъ самыхъ худыхъ[2]) и довольно близко придерживались этого предписанія. По ихъ письму было: 1 дворъ лучшій, 3 среднихъ и 112 младшихъ и бѣдныхъ, всего сошныхъ 116 дворовъ, которые они положили въ соху и пол-пол-чети сохи. Однако, этой близости къ наказной нормѣ писцы достигли тѣмъ, что почти $^2/_3$ посадскихъ дворовъ признали негодными для сошнаго тягла[3]). Послѣ такой операціи новый сошный окладъ оказался сравнительно немногимъ больше произвольнаго оклада, установленнаго указомъ 25 февраля 126 г., хотя по описанію 135 г. дворовъ на посадѣ было въ полтора раза больше, чѣмъ по дозору 125 г. Работа писцовъ была утверждена правительствомъ, и въ послѣдующіе годы вологжане платили съ указаннаго оклада[4]).

Нижній до разоренья и въ первые годы послѣ Смуты платилъ съ 7 сохъ[5]). Въ 125 и 126 гг. посадъ дважды погорѣлъ, и въ ноябрѣ 126 г., по челобитью посадскихъ людей, дозрить его были посланы

---

[1]) См. приходныя книги Новгородской чети 128 и 134 годовъ, въ Арх. Мин. Ин. дѣлъ — по Новгороду кн. № 14, л. 102, и кн. № 15, л. 165.

[2]) Ак. п. д., I, № 257.

[3]) См. выше, стран. 274—275 и 293. Подлин. писцовая книга — Арх. Мин. Ин. д., по Вологдѣ кн. № 1.

[4]) См., напр., приходную книгу Новгородской чети 152 г. — Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 28, л. 131.

[5]) Нижегородскія платежницы 116 и 120 гг., стран. 122, и Р. И. Б., XXVIII, стран. 117.

А. И. Голохвастовъ и подьячій Первый Михайловъ. Въ наказѣ имъ не было дано дворовой нормы[1]). Въ апрѣлѣ того же года посадскіе люди били челомъ государю о томъ, что дозорщики подали свои книги въ Новгородскую четь, и просили объ утвержденіи новаго дозора[2]). По дозору Ал. Голохвастова на посадѣ было 594 двора, которые они положили въ 2 сохи, и 494 двора охудалыхъ людей, «которымъ по обыскамъ тягла платити не мочно». Новгородская четь, находя этотъ окладъ, очевидно, слишкомъ легкимъ, запросила Костромскую четь, по скольку человѣкъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ положено въ соху въ Ярославлѣ и въ Костромѣ, и получила отвѣтъ, что въ Ярославлѣ по дозору 122 г. $259^1/_2$ дворовъ положено въ 3 съ половиной сохи, «а положено въ соху лучшихъ и середнихъ и молодшихъ людей по 74 двора», а въ Костромѣ по дозору того же 122 г. 312 дворовъ положено въ 3 сохи безъ получети сохи[3]). На соху въ Костромѣ выходило по $108^1/_2$ дворовъ. Какъ можно видѣть, эти два крупныхъ посада были положены въ сохи очень близко къ нормамъ XVI вѣка, однако надо замѣтить, что это было сдѣлано въ 122 г., до новыхъ «великихъ податей». Для Новгородской чети эта справка не пригодилась и не оказала никакого вліянія на боярскій приговоръ относительно Нижняго. По приговору бояръ окладъ А. Голохвастова былъ отвергнутъ на томъ основаніи, что «посадскихъ людей въ Нижнемъ Новѣгородѣ на посадѣ много, а сошнаго письма положено на нихъ мало», и посаду было велѣно платить съ половины стараго оклада, т.-е. съ 3 съ половиной сохъ[4]). Если бы бояре взяли примѣръ съ Костромы и Ярославля, то на Нижній пришлось бы положить гораздо болѣе тяжелый окладъ — противъ Костромы слѣдовало бы положить около $5^1/_2$ сохъ, а противъ Ярославля—8 сохъ[5]).

Съ этого оклада, т.-е. съ $3^1/_2$ сохъ, Нижній платилъ по 134-й годъ[6]). Въ 135 г. съ посада нѣсколько человѣкъ было взято въ Гостиную сотню, и сошный окладъ былъ уменьшенъ до 3 сохъ съ четвертью

[1]) Ак. п. д., I, № 38.

[2]) С. Веселовскій, Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ, стран. 180—181. М. 1909 г.

[3]) Ак. п. д., I, № 63.

[4]) Тамъ же, №№ 64 и 65.

[5]) Это, не считая худыхъ дворовъ, которыхъ дозорщики въ сохи не положили.

[6]) См. приходную книгу Новгородской чети 134 г. — Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, л. 225.

безъ пол-пол-пол-трети сохи[1]). Между тѣмъ, въ 129 г. въ Нижній были посланы писцы Дм. Лодыгинъ съ товарищами, которымъ по наказу было велѣно описать посадъ и положить въ соху по 40 дворовъ лучшихъ, по 50—60 среднихъ, 70—80 младшихъ и по 100 дворовъ худыхъ. Выше я говорилъ, что писцы, принимая во вниманіе новые посошные налоги, возникшіе послѣ разоренья, не рѣшились положить посадъ въ сохи по этой нормѣ и выписали объ этомъ государю въ докладъ. Государи указали положить Нижній противъ Балахны— по 200 дворовъ въ соху, безъ различія качества дворовъ. Руководясь этимъ указомъ, писцы положили 862 сошныхъ двора въ 4 сохи съ четвертью и въ пол-пол-пол-трети сохи безъ чети съ третникомъ пашни[2]).

Съ этого оклада посадъ платилъ по 143 г., когда по челобитью посадскихъ людей сошный окладъ былъ уменьшенъ на $^1/_3$. Объ этомъ характерномъ случаѣ слѣдуетъ разсказать подробно. Дм. Лодыгинъ съ товарищами вмѣстѣ съ посадомъ описалъ и уѣздъ. Въ уѣздѣ они клали въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ на четь пашни по 2 двора крестьянскихъ и по 2 бобыльскихъ. Столько же клали на четь пашни и писцы сосѣдняго съ Нижегородскимъ Арзамасскаго уѣзда, работая одновременно (т.-е. въ 129—136 гг.). Книги обоихъ писцовъ были утверждены въ 136 г.[3]), и до 140 г. оба уѣзда платили по окладу писцовъ. Въ 140 г. примѣръ другихъ городовъ, въ которыхъ на четь пашни было указано положить гораздо больше дворовъ, подѣйствовалъ заразительно на нижегородцевъ и арзамасцевъ, и государи, уступая ихъ челобитью, указали положить въ Арзамасскомъ и Нижегородскомъ уѣздахъ «противъ Курмыша и Алатыря, на живущую четь пашни по 5 дворовъ крестьянскихъ и по 3 двора бобыльскихъ, а гдѣ не достанетъ дворовъ крестьянскихъ, и тутъ класть за крестьянскій дворъ по полтора двора бобыльскихъ»[4]). Приказные поняли этотъ указъ какъ уменьшеніе прежняго оклада вдвое, хотя это было не вполнѣ точно[5]). За уѣздами вскорѣ потянулись и посады и получили сбавку, но меньшую — ихъ оклады были убавлены на $^1/_3$.

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61, л. 64.

[2]) Р. И. Б., XVII, стран. 192—193. См. выше, стран. 275 и 294—295, и смѣту Новгородской чети 136 г. гдѣ говорится объ утвержденіи этого оклада. Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61, лл. 64—65.

[3]) Тамъ же, лл. 70, 184—185.

[4]) Ак. п. д., II, № 113.

[5]) Подробно объ этомъ см. ниже, въ главѣ о дворовой чети.

По государеву указу «сложено съ арзамасцевъ съ посадскихъ людей сошнаго письма треть и всякіе сошные доходы велѣно съ нихъ имати съ дву третей, а съ трети сошнаго письма на нихъ государевыхъ доходовъ имати не велѣно»[1]). Въ 143 г. нижегородцы били челомъ государю и, ссылаясь на уменьшеніе уѣзднаго оклада и на свой тяжелый окладъ (по 200 дворовъ въ соху), просили положить посадъ въ сошное письмо *противъ* уѣзда. Государь, конечно, не удовлетворилъ такой неумѣренной просьбы, но все-таки сдѣлалъ уступку и велѣлъ съ посада «сложить изъ оклада сошнаго письма (треть), для того что съ Нижегород(скаго уѣзда) сошнаго (письма) сложено половина, а съ нихъ *(т.-е. съ посадскихъ людей)* было не сложено, и для хлѣбнаго недорода и прибылыхъ податей, нѣмецкихъ кормовъ и даточныхъ людей и д(ля пя)тинныхъ денегъ, что съ нихъ имано по 2 года»[2]). Странное обоснованіе безпринципной, по существу, подачки! По этому указу съ посада были сбавлены соха съ третью и 5 четей пашни, кромѣ того, что «нижегородскіе посадскіе люди послѣ писцовъ взяты изъ Нижняго Новгорода къ Москвѣ въ Гостиную сотню и изъ сошнаго письма выложены въ прошлыхъ годахъ»[3]). Послѣ этой сбавки и за вычетомъ людей, взятыхъ въ Гостиную сотню, посадъ платилъ въ серединѣ и въ третьей четверти вѣка съ 3 сохъ безъ трети сохи и съ 10 четей пашни[4]).

Положеніе въ сошное письмо Романова, по дозору 129 г., даетъ нѣсколько интересныхъ подробностей. Здѣсь дозорщики кладутъ посадъ и уѣздъ тяжело, а государи уменьшаютъ оклады. И въ другомъ отношеніи этотъ случай отличается отъ случаевъ Вологды и Нижняго: уже по окладу дозорщиковъ на посадѣ было мало дворовъ, не положенныхъ въ сошное письмо, а по указу государей въ сошный окладъ были положены не только вдовы, но и бобыли. Къ сожалѣнію, вся закулисная сторона дѣла отъ насъ скрыта: докладъ государямъ очень кратокъ и содержитъ только намеки.

Въ 129 г. Посольскій приказъ послалъ Ал. Шапилова и подьячаго Арефу Башмакова дозрить посадъ и уѣздъ Романова. Въ наказѣ

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 142.
[2]) Ак. п. д., II, № 133.
[3]) Тамъ же.
[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Нижнему кн. № 7, л. 54. Прик. д. стар. л., 1639 г. № 89.

дозорщикамъ дворовой нормы посадской сохи дано не было, а было велѣно положить противъ прежняго[1]). Дозоръ былъ произведенъ быстро, и 13 апрѣля того же года книги были поданы въ Посольскомъ приказѣ. Уже 11 іюля того же года посадскіе люди били о чемъ-то челомъ государю, но къ сожалѣнію книга обрывается на ихъ челобитьѣ, и содержаніе его намъ неизвѣстно[2]). Повидимому, они и уѣздные люди подавали государю послѣ этого много челобитныхъ объ уменьшеніи сошнаго оклада. 6 ноября 131 г. посадскіе люди снова били челомъ государямъ и писали въ челобитной: «и ты, государь, святѣйшій патріархъ, пожаловалъ, сказалъ намъ, сиротамъ, милостивое свое слово, что ваше государское уложенье — во всѣхъ городахъ добрыхъ крестьянъ по 4 человѣка на четверть. И насъ, бѣдныхъ разоренныхъ, на Романовѣ на посадѣ середнихъ и худыхъ 144 человѣка, положены тяжело, во 100 чети, не противъ иныхъ городовъ, приверставъ къ уѣзду». Далѣе они писали, что торговыхъ людей у нихъ нѣтъ, а кормятся они «огородною пашнею, лукомъ и чеснокомъ»; да у нихъ же на посадѣ бѣднота — 57 вдовъ, мужья которыхъ побиты литвой и татарами, и 16 бобылей. Челобитчики просили положить ихъ въ сошное тягло такъ, какъ положены посадскіе люди на Угличѣ, въ Кашинѣ и въ Ростовѣ. Государь указалъ, по этому челобитью, справиться, какъ положены въ этихъ городахъ посадскіе люди, «по людямъ ли или по сошному разводу»[3]). Посольскій приказъ запросилъ объ этомъ Большой Приходъ, но въ памяти изъ Большого Прихода не получилъ отвѣта на поставленные вопросы[4]). Послѣ этого посадскимъ людямъ еще «сходили» подписныя челобитныя, но дьяки не докладывали почему-то ихъ дѣла государю, и уѣздные люди добились сбавки раньше. По дозору А. Шапилова уѣздъ былъ положенъ въ 9 сохъ, а «по государеву указу нынѣ *(декабрь или январь 131 г.)* учинено въ живущемъ соха съ четью». Почему съ уѣзда сбавлено 8 безъ четверти сохъ, неизвѣстно. Въ январѣ посадскіе люди снова били челомъ и просили «учинить у нихъ въ живущемъ противъ Романовскаго уѣзда и противъ иныхъ посадовъ», въ частности про-

---

[1]) См. выше, стран. 290.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Романову кн. № 1а. Подлинная дозорная книга, безъ конца.

[3]) Ак. п. д., I, № 107.

[4]) Тамъ же, № 108.

тивъ Кашина, который въ это время платилъ по дозору 124 г. съ 20 четей. Въ докладъ было выписано, что въ Романовѣ по дозору А. Шапилова было 10 дворовъ среднихъ, 139 младшихъ и 57 вдовъ, мужья которыхъ умерли или побиты, «какъ стоялъ воръ въ Тушинѣ», всего тяглыхъ 206 дворовъ, положенныхъ въ 100 четей, да 16 дворовъ бобыльскихъ нетяглыхъ. Въ общемъ докладъ былъ очень кратокъ, и въ него не были выписаны, противъ обыкновенія, денежные платежи посада и не приведены примѣры, какъ положены въ сохи другіе посады. 28 января 131 г. государи, выслушавъ доклада, указали романовцевъ «положить въ сошное письмо, примѣрясь къ инымъ городамъ, среднихъ, и младшихъ, и вдовъ, и бобылей по 3 двора на четь живущія пашни». Всего на 222 двора (съ 16 дворами бобылей) было положено «живущія 74 чети пашни, сошнаго письма пол-полтрети сохи и 7 чети съ третникомъ пашни»[1]). Къ какимъ именно городамъ примѣривались государи въ данномъ случаѣ, изъ дѣла не видно.

Исторія сошнаго оклада Ржевы Владимировы, въ общемъ, какъ мнѣ кажется, заурядная, содержитъ множество интересныхъ подробностей.

Въ 122 г. воеводѣ Ив. Плещееву было велѣно дозрить посадъ и положить въ соху по 30 дворовъ добрыхъ, по 50 среднихъ и по 100 младшихъ[2]). По его дозору было 41 дворъ, людей въ нихъ то же, а сошнаго письма 40 четей, т.-е. разъ въ 8 меньше низшей нормы указа.

Въ 132 г. посадъ описали Іевъ Лачиновъ и подьячій Сергѣй Матвѣевъ, безъ слободки патріарха, такъ какъ «та слободка нынѣ дозирати не указана, а дозирана та слободка съ Патріархова Двора». По ихъ письму на посадѣ было тяглыхъ 49 дворовъ и бобыльскихъ 19, всего 68 дворовъ, людей въ нихъ то же, а сошнаго письма пол-пол-чети сохи[3]). Слободку патріарха писцы написали тягломъ особо отъ посада. Между тѣмъ, это обстоятельство въ докладѣ Устюжской чети государю, быть можетъ умышленно, не было принято во вниманіе, и на посадскихъ людей было написано 60 четей, «для

[1]) Ак. п. д., I, №№ 109—111.

[2]) Тамъ же, № 11.

[3]) Тамъ же, № 126. Перечневая роспись писцовъ, поданная въ Устюжскую четь.

того что писцы не сложили» тѣхъ десяти четей, которыя были положены раньше на слободку. Прошло 2 года, и описаніе было, повидимому, уже утверждено, когда ржевичи въ 134 г. начали бить челомъ государямъ и жаловаться на тяжесть оклада, положеннаго писцами. Въ одной изъ челобитныхъ они писали, что писецъ ихъ «въ сошномъ письмѣ уложилъ неправдою, всего насъ, сиротъ вашихъ, и съ бобылишками 62 человѣка, а положено сошнаго письма 60 четвертей; (и) изъ тѣхъ посадскихъ людишекъ розбрелися изо Ржевы отъ его, писцова, уложенья и отъ податей 16 семей». Въ докладѣ государямъ, составленномъ Устюжской четью, было изложено содержаніе челобитной и приведены необходимыя справки. Ржевичи писали въ челобитной, что «во Ржевскомъ де уѣздѣ тѣ же писцы пашенныхъ крестьянъ клали въ четверть человѣкъ по 5, и по 6, и по 10, и больше», а они де тоже люди бѣдные неторговые и кормятся пашней. Далѣе челобитчики жаловались, что писцы положили у нихъ десятинный оброкъ съ земли тяжелѣе другихъ городовъ и просили оброкъ и сошное письмо положить на нихъ «съ уѣздными людьми врядъ и противъ иныхъ городовъ, Старицы и Твери». Въ Устюжской чети челобитчиковъ допрашивали: «для чего они того года, какъ въ прошломъ во 132-мъ году ржевскіе писцы положили письма своего книги въ четверти, государю не били челомъ, что ихъ писцы государевыми доходы отяжелили, почему имъ невозможно впередъ платить?» Челобитчики на это сказали: «какъ де во Ржевѣ на посадѣ писали писцы, и они де и въ тѣ поры про то свѣдали, что кладутъ ихъ писцы въ оброкъ передъ иными городы тяжело, и они де били челомъ писцамъ, что-бъ ихъ въ оброкѣ не отяжелили и что-бъ имъ отъ чего изо Ржевы не разбрестися. И писцы де Іевъ Лачиновъ да подьячій Сергѣй Матвѣевъ сказали имъ, что имъ, посадскимъ людямъ, для ихъ бѣдности и разоренья оприче Устюжскія четверти въ иные ни въ которые приказы никакихъ денегъ не платить. И они де потому въ прошломъ въ 132-мъ году о новоприбылыхъ доходахъ государю и не били челомъ, потому что было имъ въ одну Устюжскую четверть четвертные доходы и оброчныя деньги возможно было платить. А нынѣ де на нихъ по тому новому письму и мѣрѣ правятъ многія деньги на прошлые годы и на нынѣшній годъ въ Стрѣлецкой и въ Ямской приказъ, и потому де они нынѣ и государю о томъ бьютъ челомъ, что имъ въ розные приказы доходовъ платить стало невозможно». Далѣе въ докладѣ было

выписано, что по дозору 122 г. на посадѣ было въ живущемъ пол-пол-чети сохи, а четвертныхъ и оброчныхъ денегъ (не считая лавочнаго оброка въ Большой Приходъ и ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ) 14 руб. 13 ал. 2 д., а по новому письму пол-пол-чети сохи и 10 четей пашни, а денежныхъ (тѣхъ же) доходовъ 39 р. 32 ал. 1 д. Выписано было, что Спасская слободка патріарха отписана тягломъ отъ посада, но что писцы не сложили съ посада 10 четей, въ которыя она была положена. Наконецъ, было выписано, сколько въ Старицѣ по старому дозору было сошнаго письма и всякихъ доходовъ и сколько прибыло по новому письму. По новому письму въ Старицѣ было 39 дворовъ, людей въ нихъ 64 человѣка, а сошнаго письма 12 четей безъ четверика, — «во Ржевѣ на посадѣ передъ Старицею лишка посадскихъ 29 дворовъ, а людей 4 человѣка, четвертныя пашни лишка 48 чети безъ четверика, а денежныхъ доходовъ платятъ передъ Старицею лишка по 32 руб. по 23 ал. по 2 д.». Словомъ, было произведено подробное сравненіе этихъ двухъ посадовъ между собою, съ одной стороны, и по старому и новому письму, съ другой. Въ докладѣ было выписано также изъ отписки ржевскаго воеводы, что ржевичи стоятъ на правежѣ во многихъ деньгахъ за нѣсколько лѣтъ, «а доправити ихъ не мочно: отъ податей ржевичи съ женами и съ дѣтьми бредутъ розно и поруки по себѣ выдаютъ, а иные женъ и дѣтей мечутъ, для того что ихъ писцы положили въ тягло тяжело, и по тѣмъ писцовымъ книгамъ государевыхъ податей платить имъ невозможно».

Ясно, въ чемъ было дѣло. Изъ доклада видно, что Ржева сошнымъ письмомъ и платежами была обложена, сравнительно съ Старицей, дѣйствительно тяжело. Писцы увеличили сошный окладъ на 10 четей, несмотря на то, что отъ посада была отписана Спасская слободка, и положили оброкъ тяжелѣе другихъ городовъ, но ржевичи, надѣясь на обѣщаніе писцовъ, что имъ не придется платить въ разные приказы, не жаловались государю и тѣмъ какъ бы признали, что имъ возможно платить по новому письму. Дѣйствительность не оправдала надеждъ ржевичей и обѣщанія писцовъ, новое письмо стало ржевичамъ непосильнымъ, и они стали бить челомъ о сбавкѣ. Несомнѣнно, что въ ихъ жалобѣ была значительная доля правды, но они получили отказъ на такомъ основаніи: государи указали (14 іюля 134 г.) платить ржевичамъ по письму І. Лачинова и под. С. Матвѣева, «потому что посыланы писцы за крестнымъ цѣлованьемъ,

а се они, ржевичи, послѣ писцовъ испустя бьютъ челомъ многое время, а вскорѣ ихъ челобитья не было» [1]). Первой доводъ не относится къ существу дѣла — онъ имѣетъ чисто моральное значеніе, а второй представляется мнѣ очень характернымъ. Я понимаю его такъ: по мнѣнію государей ржевичи должны были немедленно бить челомъ и заявить о непосильности писцоваго оклада; если они этого не сдѣлали, то это значило, что они какъ бы признали наложенное на нихъ бремя посильнымъ.

Несмотря на отказъ, ржевичи въ декабрѣ 135 г. снова били челомъ и подали 2 челобитныя. Въ первой изъ нихъ, среди жалобъ и перечисленія непосильныхъ налоговъ, они между прочимъ писали, что городъ ихъ порубежный, пустой и что они послѣ разоренья Лисовскаго кормятся не торговлей, а пашней. Писецъ у нихъ положилъ по четверти на дворъ, «а въ иныхъ вашихъ государевыхъ городахъ, во Твери и въ Торжкѣ, люди торговые и полные и не разоренные, а посадскихъ людей передо Ржевскимъ посадишкомъ вдвое, и втрое, и впятеро, и больше, а положенъ Торжокъ противъ четвертныя пашни 25 четвертей, а Тверь положена противъ четвертныя пашни 20 четвертей, а въ Старицѣ, государи, посадскихъ людишекъ противъ Ржевскаго посадишка и больше, а положена противъ четвертныя пашни 12 четвертей безъ четверика». Челобитчики просили положить на нихъ тягло противъ этихъ городовъ. По этой челобитной государь указалъ выписать дѣло въ докладъ. Во второй челобитной ржевичи, повторяя свои жалобы, просили либо положить ихъ въ тягло противъ Старицы, Твери и Торжка, либо дозрить ихъ посадъ вновь и сыскать про ихъ бѣдность «своими государевыми городами и таможенными платежными и записными книгами, чѣмъ мы, сироты ваши, торгуемъ и какими товары». Государь пожаловалъ челобитчиковъ — «велѣлъ, выписавъ, доложити себя государя, почему ихъ такъ писецъ клалъ въ тягло, по государеву-ль указу или собою, и съ крестнымъ ли цѣлованьемъ писецъ былъ или такъ дозиралъ» [2]).

Доклада по этимъ челобитнымъ не сохранилось, но, судя по всему, ржевичи опять получили отказъ. Однако, новое письмо, очевидно, было такъ тяжело, что они не унялись, пока 18 августа 137 г. добились желанной сбавки. Въ челобитной они вновь просили прирав-

[1]) Ак. п. д., I, № 231.
[2]) Тамъ же, № 237.

нять ихъ къ Старицѣ, Твери, Торжку и Погорѣлому городищу, писали, что отъ немѣрныхъ податей они бредутъ врознь, «а осталось ихъ, посадскихъ людей, и съ бобылями, всего 20 человѣкъ, и тѣ помираютъ голодною смертью», и ссылались на другіе города: «въ иныхъ де городахъ писцы клали въ живущее посадскихъ людей по 15 и по 20 человѣкъ и больше въ четверть». На этотъ разъ государи уступили челобитью ржевичей и указали положить ихъ въ сошное письмо противъ Твери, «по шти человѣкъ въ четь», всего въ 11 четей съ третникомъ [1]).

Дѣло ржевичей, какъ заурядное, заслуживаетъ подробнаго разбора. Въ 122 г. четь даетъ дозорщику норму, но на дѣлѣ дозорщикъ ею не руководится и кладетъ въ сошное письмо почти по двору на четь, т.-е. въ 8 разъ легче низшей нормы. Писцы 132 г., вѣроятно, имѣли въ наказѣ норму, близкую къ той, которая была дана дозорщику 122 г. [2]), но они кладутъ посадскіе дворы легче прежняго, именно 68 дворовъ въ 50 четей. Если даже допустить, что они же прибавили 10 четей Спасской слободки, то и то выходитъ менѣе чети на дворъ. Наконецъ, послѣ настойчиваго челобитья ржевичей, государи указываютъ положить на четь по 6 дворовъ, что составляетъ на соху 4.800 дворовъ. Какъ это далеко отъ нормы, данной писцамъ!

Обычными мнѣ кажутся въ дѣлѣ ржевичей доводы, которые приводятъ въ свою пользу челобитчики, и обстоятельства, которыя принимаетъ во вниманіе приказъ. Челобитчики указываютъ, что они положены въ тягло тяжелѣе такихъ-то посадовъ, что они платятъ такіе-то налоги, что у нихъ нѣтъ торговъ и промысловъ, а живутъ де они пашней и рукодѣльемъ, и, выбравъ какой-либо выгодный для нихъ въ приказной практикѣ примѣръ, ссылаются на него. Правительство разсматриваетъ доводы челобитчиковъ, но съ своей точки зрѣнія. Его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы, не стѣсняясь никакими предвзятыми нормами, найти наивысшее тягло, которое данная тяглая единица можетъ нести безъ разоренья. Въ дѣлѣ ржевичей приказъ, основываясь на томъ, что они 2 года не жаловались на непосильность новаго оклада, полагалъ, что возможный предѣлъ не прейденъ, и только послѣ настойчивыхъ жалобъ

---

[1]) Ак. п. д., II, № 78.

[2]) См. наказы Устюжской чети этого времени. Тамъ же, I, №№ 115 и 218 (стран. 447). См. также выше, стран. 290—291.

рѣшился на уступку. Примѣриваясь къ другимъ посадамъ, приказъ взвѣшивалъ платежи, лежащіе на посадѣ. Это было необходимо, такъ какъ исторически сложившійся, особый для каждаго посада составъ платежей нельзя было не принимать во вниманіе при стремленіи достигнуть наивысшаго посильнаго тягла. Большія ямскія деньги и стрѣлецкій хлѣбъ были общими налогами, но большинство другихъ платежей, посошныхъ и оброчныхъ, было очень разнообразно. Одни посады платили только оброки, а различныхъ посошныхъ налоговъ XVI вѣка не платили, или платили, но мало; другіе — платили меньше оброковъ, но зато платили цѣлую кучу налоговъ XVI в.; третьи — кромѣ ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ не платили никакихъ другихъ посошныхъ налоговъ. Количество оброковъ по отдѣльнымъ посадамъ было тоже очень разнообразно. Напр., нѣкоторые посады сверхъ сошнаго тягла платили подворный оброкъ [1]), а большинство его не платило. При такихъ условіяхъ могло случиться, что два посада, равные по зажиточности и положенные одинаково по числу дворовъ въ сошный окладъ, могли оказаться обложенными очень неровно. Поэтому и писцы и приказы, при положеніи посадовъ въ сошный окладъ, всегда принимали во вниманіе составъ и размѣръ платежей, падающихъ на данный посадъ.

Разскажу теперь докладъ о писцовыхъ книгахъ 132 г. Рузы. Изъ него мы увидимъ, какъ различны были платежи посадовъ и какъ крѣпко держались приказы за сложившійся строй обложенья. Этотъ случай даетъ нѣкоторое представленіе о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ образовалась та прихотливая и запутанная слойка различныхъ налоговъ, о которой я говорилъ выше, въ III главѣ.

Рузскій посадъ до разоренья платилъ царевичу Араслану Кайбулину «за землю, и за полавочное, и за рыбную ловлю, и за сѣнные покосы за княжой лугъ, и за бараны, и за яловицы, и за всякіе доходы» по 15 руб. оброка на годъ. Четвертныхъ доходовъ ружане не платили совсѣмъ, а сверхъ оброка царевичу платили во Дворецъ деньги за посошный кормъ и ямскія. Въ 122 г. посадъ дозрилъ Ив. Есиповъ, но не положилъ дворы (29 дворовъ) въ сошное письмо, а оброкъ царевича велѣлъ платить въ Устюжскую четь. Со 127 г. по 132-й Руза была во льготѣ отъ всякихъ податей, а въ 132 г. ее

---

[1]) Ак. п. д., I, № 128.

описали Ст. Тарбеевъ и подьячій Ѳ. Постниковъ. По ихъ письму на посадѣ было среднихъ и младшихъ 41 дворъ, людей въ нихъ 72 человѣка, а сошнаго письма 9 четей. Сверхъ сошнаго письма писцы положили на ружанъ 1 руб. 30 ал. 2 д. двороваго оброка. Относительно царевичева оброка писцы поступили вполнѣ правильно, замѣнивъ его, по примѣру другихъ городовъ, особыми оброками и принявъ во вниманіе, что княжой лугъ былъ взятъ у посада и отданъ въ помѣстье, а рыбныя ловли взяты и отданы на оброкъ. Лавки, выгонъ и дворовыя и огородныя мѣста писцы изоброчили особо. Въ общемъ по ихъ письму убыло 15 руб. царевичева оброка, а прибыло 5 руб. 11 ал. 5 д. новыхъ доходовъ да 1 руб. 30 ал. 2 д. двороваго оброка. Устюжская четь поступила иначе: она «вмѣнила» ружанамъ царевичевъ оброкъ въ четвертные доходы и потребовала его на 132-й годъ сверхъ новыхъ доходовъ, положенныхъ писцами. Тогда ружане подали государю челобитную, въ которой писали, что царевичевъ оброкъ неправильно «вмѣнили въ четвертные доходы», и указывали, что княжой лугъ и рыбныя ловли у нихъ взяты, а лавки изоброчены особо. Когда это подтвердилось обыскомъ, то государи 23 ноября 133 г. по докладу утвердили писцовыя книги, а царевичевъ оброкъ указали сложить[1]).

Дьякъ Устюжской чети формально, можетъ быть, былъ правъ, такъ какъ своей властью не могъ складывать никакихъ старыхъ доходовъ, но по существу, конечно, дѣйствовалъ нелогично. Онъ поступилъ та́къ, какъ обычно дѣлали въ такихъ случаяхъ приказы,— сохранилъ старый доходъ и предоставилъ ружанамъ о сложеніи его просить государя. Платежъ ружанъ въ Большой Дворецъ былъ пережиткомъ старины. До разоренья посадъ сошнымъ письмомъ и съ него посошнымъ кормомъ и ямскими деньгами былъ вѣдомъ во Дворцѣ и платилъ этихъ налоговъ по 4 руб. 3 ал. $3^1/_2$ д. въ годъ. Послѣ разоренья посадъ попалъ въ Устюжскую четь, по дозору 122 г. совсѣмъ не былъ положенъ въ сошное письмо, по описанію 132 г. былъ положенъ въ 9 четей пашни, а Дворецъ требовалъ эти два налога въ прежнемъ размѣрѣ, «по старымъ дозорнымъ книгамъ, какъ было до Московскаго разоренья»[2]). Такимъ образомъ, первоначально посошный налогъ окаменѣлъ и превратился въ оброкъ. Какъ все

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 128 и 143.

[2]) Тамъ же.

это непохоже на Нижній! Тамъ на дворъ было положено по 4 чети (200 дворовъ въ соху) сошнаго письма, но значительная часть посадскихъ дворовъ не положена въ сохи, а въ Рузѣ положены всѣ, но гораздо легче — приблизительно по $4^1/_2$ двора на четь. Въ Нижнемъ старые посошные налоги, 47 руб. 14 ал. съ сохи, были расчислены на новый сошный окладъ, а въ Рузѣ они превратились въ оброкъ, для котораго измѣненія въ окладѣ сошнаго письма были безразличны. Сверхъ стараго въ Рузѣ былъ установленъ подворный налогъ. Если перевести всѣ платежи ружанъ на ихъ окладъ сошнаго письма, то окажется, что старыхъ налоговъ, съ дворовымъ оброкомъ, они платили на соху много больше нижегородцевъ, но такъ какъ дворами въ сошное письмо они были положены гораздо легче нижегородцевъ, то новые налоги — большія ямскія деньги и стрѣлецкій хлѣбъ — для нихъ были много легче. Слѣдуетъ еще напомнить, что на Нижнемъ сверхъ малыхъ и большихъ ямскихъ денегъ лежала еще ямская гоньба, отъ которой ружане были свободны.

Я нарочно разсмотрѣлъ подробно и сравнилъ эти два случая, чтобы показать, насколько сложна была задача писцовъ и приказовъ при опредѣленіи окладовъ сошнаго письма и платежей. Посошные налоги были одной изъ частей обложенья, притомъ такой частью, которая стояла въ различномъ соотношеніи съ другими платежами и повинностями и сильно различалась на разныхъ посадахъ.

Очень интересна въ нѣсколькихъ отношеніяхъ исторія сошнаго оклада Устюжны Желѣзнопольской.

О томъ, какъ Устюжна была положена въ сошное письмо въ XVI в., по описаніямъ 75 и 105 годовъ, я говорилъ выше[1]). По дозору 127 г. Ф. Маслова и подьячаго М. Лужина на посадѣ было 16 дворовъ тяглыхъ, а людей 31 человѣкъ, 27 дворовъ бобыльскихъ съ 45 людьми, а сошнаго письма пол-чети сохи. Судя по писцовымъ книгамъ Ив. Кутузова и под. Постника Трофимова (134 г.), посадъ быстро оправился отъ разоренья. По ихъ письму было 12 дворовъ лучшихъ, а людей 21 человѣкъ, 15 дворовъ среднихъ, людей 23 человѣка, младшихъ людей, которые были въ тяглѣ и впредь могутъ тянуть тягло, 82 двора, а людей 116 человѣкъ, младшихъ же, которые не были въ тяглѣ, а писцы ихъ положили, 69 дворовъ, а людей 94 человѣка, да млад-

---

[1]) См. выше, стран. 297.

шихъ же, которые не были въ тяглѣ и впредь не годятся, 100 дворовъ, а людей 135 человѣкъ. Всего тяглыхъ и нетяглыхъ 278 дворовъ, людей въ нихъ 389 человѣкъ, а сошнаго письма четь сохи [1]). Съ этого оклада посадъ платилъ по 151 г., когда по челобитью посадскихъ людей, вѣроятно неоднократному и настойчивому, государь указалъ сбавить съ нихъ 50 четей.

Въ 157 г. устюженцы нашли своевременнымъ добиваться для себя еще бóльшаго облегченья. Въ 157 г. «въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ били челомъ государю . . . . . *(п. т.)* въ Столовой избѣ выборные изъ городовъ посадскіе люди, и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто, и подали челобитныя за руками о разныхъ своихъ дѣлахъ». Изъ этихъ челобитныхъ было выписано въ докладъ, и по выпискѣ государя докладывали бояринъ кн. Н. Ив. Одоевскій и кн. С. В. Прозоровскій съ товарищами. Государь, выслушавъ докладной выписки, указалъ «подъ статьями свой государевъ указъ подписать въ приказы, гдѣ которые городы вѣдомы». Челобитная устюженцевъ была переслана бояриномъ кн. Н. Ив. Одоевскимъ съ товарищами въ Устюжскую четь 16 февраля съ такой подписью: «Государь . . . *(п. т.)*, сей статьи слушавъ, указалъ и бояре приговорили о сошномъ письмѣ Устюжны Желѣзнопольской, въ чемъ положены посадскіе люди, выписавъ, доложить себя, государя, дьяку Минѣ Грязеву». Въ челобитной, поданной въ приказѣ боярина кн. Н. Ив. Одоевскаго съ товарищами, устюженцы писали, что въ 134 г. Ив. Кутузовъ и подьячій П. Трофимовъ «положили де Устюжну посадъ по недружбѣ въ 200 чети, больше семи городовъ: Углича, Твери, Кашина, Городецка, Торжка, Лукъ Великихъ, Дмитрова», что хотя въ 151 году съ нихъ сбавлено 50 четей, но и остальной окладъ имъ не въ силу, что они, платя съ такого оклада, разорились и бредутъ розно. Они де били челомъ, и имъ «милостиваго государева указа нѣтъ, а велятъ ждать писцовъ». Челобитчики просили ихъ «въ сошное письмо поверстать по переписнымъ книгамъ 154-го года противъ Твери, да Углича, да противъ Торжка, да Кашина, да Лукъ Великихъ, да Бѣжецкаго Верха посадовъ». 12-го марта 157 года устюженцамъ «сошла» еще подписная челобитная, по которой дьяку М. Грязеву было велѣно взнесть выписку къ боярамъ. Въ этой челобитной устюженцы

---

[1]) Перечневая роспись писцовъ. Ак. п. д., II, № 24.

писали: «въ нынѣшнемъ, государь, во 157-мъ году по твоему государеву указу были со всѣхъ городовъ выборные для ради твоихъ государскихъ и земскихъ дѣлъ, и была твоя царская милость—велѣно было намъ подавать челобитныя и росписи о своихъ нужахъ, что которому городу нужа и обида. И мы, государь, по твоему государеву указу челобитныя и росписи подавали тебѣ, государю, о своей нужѣ, что ни въ которыхъ городахъ такія нужи и бѣдности нѣтъ, о сошномъ большомъ окладѣ о сбавкѣ и о поверсткѣ, что мы платили тебѣ, государю, противъ шти городовъ, а не было, государь, у насъ и шестыя доли противъ тѣхъ городовъ, ни дворовъ, ни людей». Далѣе они писали, что ихъ дѣло выписано въ докладъ, «а дьякъ Мина Грязевъ по тому дѣлу тебя, государя, не доложитъ»; что, пока они «волочились» на Москвѣ съ 1 сентября 157 года (въ качествѣ участниковъ Земскаго Собора), у нихъ женъ взяли въ платежъ податей животишки, и просили доложить о своемъ дѣлѣ и учинить указъ, — «что-бъ намъ бѣднымъ съ кручины самимъ на себя рукъ не поднять». Но, говоритъ пословица, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Изъ челобитной устюженцовъ 17 января 158 г. видно, что они въ какіенибудь 2—3 мѣсяца (съ конца февраля по май 157 г.) подали дьяку М. Грязеву болѣе 30 челобитныхъ: «и о той выпискѣ приносили мы, сироты твои, къ дьяку къ Минѣ Грязеву больше 30 челобитенъ за помѣтою твоихъ государевыхъ думныхъ дьяковъ, что велѣно было тотчасъ себя, государя, доложить». Въ апрѣлѣ 157 г. дьякъ М. Грязевъ, повидимому за самовольство[1]), былъ удаленъ изъ Устюжской чети, и на его мѣсто были назначены окольничій кн. И. И. Лобановъ-Ростовскій и дьякъ Ив. Сѣверовъ. 1-го іюля 157 г. устюженцамъ сошла челобитная за помѣтою думнаго дьяка С. Заборовскаго на имя новаго начальства Устюжской чети, — «и послѣ того», писали они въ челобитной 17 февраля 158 года, «сходятъ намъ, сиротамъ твоимъ, многія подписныя челобитныя съ такимъ же указомъ, а указа намъ, сиротамъ твоимъ, по выпискѣ и по се число нѣтъ». Изъ этого можно видѣть, что въ волокитѣ былъ виноватъ не одинъ М. Грязевъ. Въ той же челобитной устюженцовъ сказано, что М. Грязевъ возилъ

---

[1]) Я думаю такъ потому, что въ дѣлахъ Устюжской чети 156—158 гг. есть нѣсколько указаній на то, что Мина Грязевъ не обращалъ вниманія не только на помѣты думныхъ дьяковъ, но и на именные указы государя. См. «Прик. д. стар. лѣтъ» этихъ годовъ.

докладную выписку (повидимому, по одной изъ первыхъ челобитныхъ) въ село Покровское къ государю, и бояре, выслушавъ выписки, велѣли написать въ докладъ «примѣры» и вычислить, сколько сбудетъ съ Устюжны сошнаго оклада, если положить на четь пашни по 4, по 5, по 6 дворовъ.

Наконецъ, въ августѣ 158 г. устюженцы добились давно желаннаго доклада государю и указа по своему дѣлу. Въ докладъ было выписано, что Устюжна платитъ со 151 года со 150 четей, а по переписнымъ книгамъ 154 г. въ ней числится среднихъ и младшихъ людей 300 дворовъ, «а по разводу имется по 2 двора въ четь; а денежныхъ всякихъ доходовъ платятъ они по 326 руб. по 21 ал. по полуторѣ деньгѣ на годъ» [1]). Въ городахъ, на которые ссылались устюженцы, оказалось сошнаго письма по писцовымъ книгамъ, а дворовъ по переписнымъ: въ Кашинѣ 258 дворовъ, сошнаго письма 25 четей, на четь по 10 дворовъ съ третью [2]), доходовъ 54 руб. 13 ал. 3 д.; въ Бѣжецкомъ Верху 162 двора [3]), 15 четей съ осминой, на четь по $10^1/_2$ дворовъ, доходовъ 62 руб. 2 ал.; въ Угличѣ 447 дворовъ, 33 чети съ третникомъ, на четь по $13^1/_2$ дворовъ, доходовъ 99 руб. 4 ал.; въ Твери 345 дворовъ, 27 четей, на четь по 13 дворовъ безъ четверти двора, доходовъ 63 руб. 32 ал. 4 д.; въ Торжкѣ 476 дворовъ, 30 четей съ осминой и съ четверикомъ, на четь по $15^1/_2$ дворовъ, доходовъ 69 руб. 6 ал. полшесты деньги; на Лукахъ Великихъ 180 дворовъ, 12 четей съ осминой, на четь по $14^1/_2$ дворовъ, доходовъ 42 руб. 6 ал. 4 д. «И всего въ тѣхъ во 6 городахъ посадскихъ людей 1868 дворовъ, а четвертныя живущія пашни 143 чети безъ четверика», денежныхъ доходовъ 390 руб. 32 ал. $2^1/_2$ д. въ годъ, «и лишка тѣхъ шести городовъ передъ устюженцы 1568 дворовъ, а денежныхъ доходовъ платятъ передъ устюженцы посадскими людьми только по 64 руб. по 11 ал. съ деньгою на годъ». Въ этомъ расчетѣ и сравненіи не приняты во вниманіе

---

[1]) Итогъ дворовъ, показанный въ докладѣ, совершенно непонятенъ. Въ подлинной памяти Помѣстнаго приказа сказано, что по переписи 154 г. среднихъ и младшихъ 174 двора, а бобыльскихъ 120 дворовъ, да младшихъ 6 человѣкъ и 30 бобылей, живущихъ въ чужихъ пятнадцати дворахъ, да въ слободкѣ соборной церкви и на посадѣ 14 дворовъ тяглыхъ и 13 бобыльскихъ. Ак. п. д., II, № 258.

[2]) Здѣсь и ниже всѣ вычисленія — приказныя.

[3]) По памяти Помѣстнаго приказа: 78 дворовъ посадскихъ, 84 бобыльскихъ и 9 дворовъ вдовъ, бобылокъ бездѣтныхъ. Послѣдніе въ докладѣ не включены въ итогъ. Ср. Луки Великія.

ямскія и стрѣлецкія деньги и упущено изъ вида то, что эти два налога для Устюжны были много тяжелѣе, чѣмъ для указанныхъ 6 городовъ, такъ какъ она платила со 150 четей, хотя по числу дворовъ эти города въ 6 съ лишнимъ разъ превосходили Устюжну. Далѣе въ докладѣ было сдѣлано вычисленіе, сколько сбудетъ сошнаго письма и всякихъ доходовъ съ устюженцовъ, если ихъ положить въ сошное письмо по 3 двора на четь, по 4, и по пяти.

13 августа 158 г. эту выписку докладывали государю окольничій кн. И. И. Лобановъ-Ростовскій и дьякъ Ив. Протопоповъ (начальство Устюжской чети), а государевъ указъ помѣтилъ думный дьякъ Ив. Гавреневъ. Государь указалъ сбавить съ Устюжны «живущаго треть — 50 чети, а ту 50 чети положить на 6 городовъ», «поровну противъ дворовъ, сколько въ которомъ городѣ дворовъ, по 37 дворовъ съ третью въ четверть» [1]). Почему съ Устюжны было сбавлено именно 50 четей, а не больше или меньше, и положено по 3 двора на четь, когда въ примѣрныхъ городахъ на четь приходилось отъ $10^1/_3$ до 15 съ $^1/_2$ дворовъ, понять невозможно. Изъ доклада видно, что устюженцы въ сошномъ окладѣ и въ платежахъ дѣйствительно были очень «утяжелены» передъ другими городами, но всѣ приказныя выкладки оказались совершенно не при чемъ, и самая сбавка и ея размѣръ имѣютъ видъ простой подачки докучливымъ челобитчикамъ, сдѣланной на глазъ [2]).

Чрезвычайно интересны два дѣла Устюжской чети объ описаніи и положеніи въ сошные оклады Вязьмы, дѣло 134—135 гг. и дѣло 153—157 гг.

Въ 133 году описывать Вязьму были посланы кн. Ив. Волконскій и подьячій Елизарій Розинковъ. Они вернулись изъ Вязьмы

---

[1]) Расчетъ такой — $1868 : 50 = 37^{18}/_{50}$ двора или приблизительно $37^1/_3$. На Кашинъ по такому расчету приходилось прибавить на 258 дворовъ 7 четей безъ четверика. На Бѣжецкій Верхъ Устюжская четь дѣйствительно прибавила, а что касается другихъ четей, то начальство ихъ, повидимому, не считало этотъ указъ для себя обязательнымъ. По крайней мѣрѣ, въ Кашинѣ, Твери и Торжкѣ по приходнымъ книгамъ Галицкой чети 182 г. и Владимирской 183 г. сошные оклады показаны по писцовымъ книгамъ, а указъ 158 г. къ нимъ не примѣненъ. Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 27 и по Владимиру кн. № 14. Возможно, впрочемъ, что Стрѣлецкій и Ямской приказы, независимо отъ четей, исполнили государевъ указъ. Ср. Д. А. И., IV, № 91, — отписка изъ Кашина горододѣльца 169 г. о томъ, что кашинцы съ наметныхъ 7 четей, «что на нихъ накинуто съ Устюжны», не дѣлаютъ города.

[2]) Все дѣло, разсказанное выше, см. — Ак. п. д., II, № 258.

въ Москву, чтобы додѣлывать книги, и въ майскій пожаръ 134 г. всѣ дѣла ихъ письма сгорѣли на дворѣ у кн. Ив. Волконскаго. У подьячаго уцѣлѣла только перечневая роспись, — «и въ той вяземской перечневой росписи у кн. Ив. Волконскаго съ подьячимъ съ Елизарьемъ учинился споръ, что де та роспись у подьячаго писана безъ его вѣдома и не противъ вяземскихъ книгъ его, князь Иванова, письма и мѣры, и вѣрить де той росписи нечему». Писцамъ было велѣно подать въ четь особыя росписи и выписать изъ нихъ въ докладъ государю, — «и по тѣмъ росписямъ у нихъ межъ себя споръ и росписи у нихъ не сошлися». Относительно додѣлки книгъ у писцовъ тоже произошло разногласіе. Кн. Ив. Волконскій говорилъ въ чети, «что-бъ ему, не ѣздя въ Вязьму, дѣлать книги на Москвѣ съ вяземскими съ посадскими съ выборными людьми по выпросу и по ихъ мѣрѣ, а товарищъ его, подьячій, сказывалъ, что ему по выпросу наизусть книгъ дѣлать не мочно, потому что черныхъ книгъ у нихъ не осталось». Государи, выслушавъ 19 сентярбя 135 г. объ этомъ доклада, указали послать въ Вязьму тѣхъ же писцовъ, чтобы описать посадъ вновь[1]). Однако, въ виду ссоры писцовъ, въ дѣйствительности вмѣсто Ел. Розинкова съ кн. Ив. Волконскимъ былъ посланъ подьячій Леонтій Трофимовъ.

Въ перечневой росписи кн. Ив. Волконскаго объяснено, въ чемъ у него учинился споръ съ подьячимъ[2]). По дозору 124 г., писалъ въ росписи кн. Ив. Волконскій, на посадѣ было среднихъ 5 человѣкъ, младшихъ 31 человѣкъ, да младшихъ же «убогихъ людей, которые живутъ въ бобылей мѣсто» и тянутъ мірское тягло, 165 человѣкъ, всего 201 человѣкъ въ 136 дворахъ; сошнаго письма — $^1/_2$ сохи[3]). Въ росписи подьячаго было сказано, что по наказу, данному имъ, было велѣно положить въ соху по 40 дворовъ лучшихъ, 70—80 среднихъ и по 100 младшихъ. Кн. Ив. Волконскій въ своей росписи объ этой нормѣ не упоминаетъ, а пишетъ, что въ наказѣ имъ написано: «велѣно государю искати прибыли, которая-бъ государю прочна была и впередъ постоятельна, и класти посадскихъ людей въ сош-

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 217, 218, 220—226.

[2]) Перечневую роспись см. тамъ же, № 218.

[3]) Князь ошибался, — въ дѣйствительности было полъ-сохи съ получетью. См. ниже. Слѣдуетъ замѣтить, что Вязьма со 124 г. по 134-й была на льготѣ и по этому дозору податей не платила.

ное письмо, смѣчая по людямъ и каковы люди, разсматривая всего, и не въ порубежномъ мѣстѣ, помня государево уложенье и примѣриваясь къ прежнимъ приправочнымъ книгамъ». Въ этомъ нѣтъ противорѣчія: навѣрное, въ наказѣ писцамъ по обыкновенію было сказано и то и другое, но только подьячій смотрѣлъ на дѣло болѣе формально и придавалъ бо́льшее значеніе первому предписанію, а писецъ, имѣя въ виду прежде всего существо дѣла, придавалъ бо́льшее значеніе второму предписанію. Кн. Ив. Волконскій перечислилъ въ своей росписи разные денежные доходы, положенные имъ на вязьмичей, указалъ то, что по ихъ письму прибыло, сравнительно съ дозоромъ 124 г., 54 человѣка, и предлагалъ прибавить «къ прежней полусохѣ четь сохи». Относительно этой прибавки онъ разсуждалъ такъ: «А сошнаго письма на тѣ на прибылые люди къ прежней къ полусохѣ не прибавити не мочно. А прибавити на порубежныхъ людей безъ государскаго велѣнья, только государь укажетъ[1]), больше чети сохи не смѣю, для того что устроены въ Вязьмѣ послѣ разоренья *(126 г.)* на посадскихъ мѣстахъ государевы ратные люди, стрѣльцы и казаки, и что посадскихъ же дворовыхъ тяглыхъ 142 мѣста и нынѣ пусты, и что прибавлено на нихъ государевыхъ всякихъ податей и лавочнаго оброка передъ прежними книгами съ прибылью; потому безъ государскаго велѣнья порубежнаго мѣста въ сошномъ письмѣ утяжелити не смѣю». Подьячій предполагалъ положить посадскихъ людей въ сохи по нормѣ, данной въ наказѣ, и подраздѣлялъ ихъ на статьи по мірскому окладу[2]). По первому подраздѣленію у него приходилось положить на посадъ немного менѣе 4 сохъ, а по второму 3 сохи съ лишнимъ. Кн. Ив. Волконскій находилъ такой окладъ совершенно невозможнымъ: «таковы безмѣрныя тяжести мимо государева уложенья и мимо наказъ на порубежныхъ людей безъ государскаго повелѣнья положити не смѣю, потому что и въ прежнихъ книгахъ столько сохъ въ Вязьмѣ не бывало, и въ государевѣ наказѣ и въ приправочныхъ книгахъ намъ, за дьячьею приписью, не написано; а по государеву наказу велѣно намъ искати государю прибыли, которая-бъ прочна была и впередъ постоятельна, и порубежные-бъ люди оскорблены не были». Соображенія кн. Ив. Волконскаго ясны: выполнить предписаніе наказа относительно дворовой нормы

---

[1]) Т. е., если государь самъ не укажетъ.

[2]) См. объ этомъ выше, стран. 287—288.

сохи невозможно, — окладъ получился бы во много разъ больше прежняго, «не противъ приправочныхъ книгъ», и такая прибыль не была бы прочна, такъ какъ разорила бы посадскихъ людей. Второе его соображенiе — то, что Вязьма мѣсто порубежное. При легкой возможности для тяглеца убѣжать за рубежъ, нужно было дѣйствовать осмотрительно, — его легко «оскорбить» и «ожесточить». Когда кн. Ив. Волконскiй въ слѣдующемъ году былъ въ Вязьмѣ писцомъ во второй разъ, то вязьмичи били челомъ черезъ него государямъ, «что-бъ государи ихъ для литовскаго разоренья на порубежномъ мѣстѣ пожаловали, указали въ сошномъ письмѣ передъ прежнимъ облегчить, а послыша де ту ихъ государскую милость, многiе къ нимъ люди придутъ изъ порубежныхъ мѣстъ» [1]). Видно, что вязьмичи хорошо понимали свое пограничное положенiе, когда предлагали такъ облегчить ихъ тягло, чтобы имъ позавидовали зарубежные сосѣди и пришли на житье въ Вязьму. Несомнѣнно, что и правительство учитывало это обстоятельство, хотя, вѣроятно, болѣе опасалось бѣгства старыхъ тяглецовъ за рубежъ, чѣмъ надѣялось на выходъ изъ-за рубежа новыхъ.

Когда кн. Ив. Волконскiй былъ посланъ описывать Вязьму вторично, то въ наказѣ ему не было дано дворовой нормы сохи и вообще о сошномъ окладѣ сказано глухо. Вѣроятно, поэтому онъ не положилъ вязьмичей въ сошное письмо, а ограничился въ своемъ докладномъ перечнѣ только сравненiемъ описанiя 102—103 гг. и дозора 124 г. съ своимъ описанiемъ и привелъ содержанiе челобитной вязьмичей, о которой я говорилъ только что выше. Государи, выслушавъ 30 iюля 135 г. доклада о вторичномъ описанiи Вязьмы и имѣя, очевидно, въ виду ея порубежное положенiе, указали «сошному письму быти по прежнему по Никифорову дозору Шапилова» 124 года, т.-е. платить съ полусохи и съ получети сохи [2]).

Этотъ хотя и тяжелый окладъ, повидимому, былъ по силамъ вязьмичамъ, такъ какъ до 142 г. они не были должны платить ямскихъ денегъ и стрѣлецкаго хлѣба; къ платежу этихъ двухъ налоговъ Вязьма была привлечена только въ 142 году. Во время Смоленской войны вязьмичамъ пришлось нести тяжелые чрезвычайные налоги и повинности и перенести осаду и разоренье. За это въ 143 г. они были по-

[1]) Ак. п. д., I, №№ 227 и 229.
[2]) Тамъ же, №№ 224 и 229.

жалованы съ 15 января на 5 лѣтъ льготой во всякихъ податяхъ. Однако, приказы нарушали эту льготу: ямскія деньги вязьмичи заплатили только разъ — въ 142 году, еще до полученія льготной грамоты, но Стрѣлецкій приказъ взималъ съ нихъ стрѣлецкій хлѣбъ непрерывно со 142 года по 148-й включительно. Сверхъ этого Вязьмѣ пришлось, несмотря на льготу, нести разныя мѣстныя повинности. 15-го октября 149 года вязьмичи, въ виду разоренья и тяжелыхъ повинностей, получили еще 5 лѣтъ льготы, съ 1 сентября 149 года. На этотъ разъ Стрѣлецкій и Ямской приказы не брали съ Вязьмы своихъ доходовъ по 154-й годъ. Перваго сентября этого года кончался срокъ льготы, и вязьмичамъ предстояло начать платить непосильное для нихъ тягло.

Предвидя это, вязьмичи въ октябрѣ 153 г. подали государю челобитную съ просьбой дозрить посадъ и положить на нихъ посильное тягло. Просьбу они обосновывали такъ. Уже по письму кн. Ив. Волконскаго они были обложены не въ силу, хотя тогда «было посадскихъ людей еще не мало, не таково разорено», всего было 177 дворовъ, и платили они въ одну Устюжскую четь по 89 руб. 12 ал. Нынѣ де, невѣдомо почему, сверхъ писцовыхъ книгъ на нихъ наложены изъ Ямского приказа ямскія деньги (282 руб. 29 ал. 4 д.), изъ Стрѣлецкаго приказа стрѣлецкій хлѣбъ, а изъ Большого Прихода пищальныя деньги (133 руб. 13 ал. $3^1/_2$ д.) да третьи[1]) ямскія деньги (6 руб. 8 ал. 2 д.), — «искони бѣ, государь, того не бывало, въ Ямской приказъ и въ Большой Приходъ и въ Стрѣлецкій приказъ мы, сироты твои, напередъ сего въ тѣ приказы никакого тягла не плачивали». Всего, писали они, того тягла съ старымъ будетъ «близко штисотъ рублевъ на одинъ годъ», и всѣхъ ихъ животовъ и статковъ съ такое тягло не будетъ. Далѣе они перечисляли чрезвычайные налоги (пятая деньга) и повинности (подводы), которые упали на нихъ во время Смоленской войны, и указывали на разоренье отъ осады литовскихъ людей. За все это дана де имъ была льгота во всякихъ податяхъ со 143 г., — «и мы, государь, единаго года во льготѣ не жили, истаскали насъ, сиротъ твоихъ, мимо твою государеву жалованную льготную грамоту изъ розныхъ приказовъ по рознымъ грамотамъ . . . . . . и стало, государь, намъ убытка много». Вся тяжесть мѣстныхъ повинностей падаетъ на нихъ, посадскихъ людей:

[1]) Первыя ямскія деньги они платили въ Устюжскую четь по писцовымъ книгамъ.

въ городѣ, государь, въ Вязьмѣ всякихъ чиновъ людей много, а для всякаго твоего государева платежа окромѣ насъ, сиротъ твоихъ, никто не вѣдаютъ, за все насъ, сиротъ твоихъ; во всякіе, государь, чины въ Вязьмѣ и въ слободы въ розныя людей прибываетъ, а насъ, сиротъ твоихъ, посадскихъ людишекъ по всякой годъ убываетъ отъ тягла и отъ дѣлъ». Это указаніе имѣетъ важное значеніе: уже кн. Ив. Волконскій отмѣчалъ при своемъ описаніи, что на посадскихъ мѣстахъ устроены стрѣльцы и казаки, а ко 153 году, по словамъ челобитчиковъ, «всѣ пустыя дворовыя мѣста отошли подъ дворы и подъ огороды подъ 500 человѣкъ стрѣльцовъ, подъ 4 станицы казаковъ, а казаковъ близко 400 человѣкъ». Челобитчики писали, что ихъ осталось меньше 70 человѣкъ, «и тѣ бѣдны и убожны», а иные разорились совсѣмъ и бродятъ по міру. Многіе де посадскіе люди разбѣжались въ другіе города или стали въ стрѣльцы, казаки и воротники, — «близко двусотъ человѣкъ живутъ въ избылыхъ». Въ 151 г. по ихъ челобитью былъ у нихъ сыщикъ и отдалъ по сыску въ посадъ 45 человѣкъ, «и то бѣдныхъ, и впредь они непрочны намъ, а лучшихъ, государь, людей съ городовъ и съ Москвы ни одинъ человѣкъ не бывалъ». Вязьмичи просили дозрить ихъ и положить «въ силу, противъ иныхъ городовъ», а подати платить въ одну Устюжскую четь [1]).

По этому челобитью государь 19 октярбя 153 г. указалъ дозрить Вязьму и о новыхъ налогахъ, положенныхъ на нее, справиться въ приказахъ, а про захватъ посадской земли нетяглыми людьми сыскать. По челобитью посадскихъ людей дозоръ былъ порученъ товарищамъ вяземскаго воеводы — Сем. Ив. Воейкову и дьяку Дм. Прокофьеву, при чемъ въ сошное письмо безъ государева указа класть имъ не велѣно [2]). Лѣтомъ того же года дозоръ былъ оконченъ, и 10 августа вязьмичи били челомъ объ указѣ по новымъ книгамъ. Государь указалъ доложить дѣло немедленно. Нѣсколько недѣль спустя вязьмичи подали государю челобитную въ селѣ Коломенскомъ, въ которой жаловались, что ихъ дѣла въ докладъ не выписываютъ, а они волочатся на Москвѣ восьмую недѣлю. Государь указалъ, 4 сентября 154 г., «выписать, не замѣшкавъ, что-бъ къ государскому пріѣзду было готово, да въ томъ, что городъ порубежный, что-бъ

[1]) Ак. п. д., II, № 214.
[2]) Тамъ же, № 217.

лишней волокиты не было». Послѣ этого вязьмичи подали государю еще нѣсколько челобитныхъ, въ которыхъ просили указа о новыхъ книгахъ, такъ какъ перваго сентября истекъ срокъ ихъ льготы. Теперь къ прежнимъ жалобамъ и просьбамъ они прибавляли просьбу не брать съ нихъ новыхъ налоговъ до утвержденія книгъ, но въ общемъ челобитныя ихъ однообразны [1]). Разнятся онѣ только сроками волокиты: въ челобитной 5 октября челобитчики пишутъ, что волочатся на Москвѣ 13 недѣль, а въ челобитной 23 декабря — «больше полугода». Между тѣмъ, Устюжская четь, не спѣша, собирала необходимыя для доклада справки [2]). Наконецъ, 18 января 154 г. дьякъ Мина Грязевъ доложилъ дѣло государю, но тутъ встрѣтилось затрудненіе, на которое дьякъ долженъ былъ бы обратить вниманіе раньше, именно, — въ перечневой росписи дозорщиковъ были указаны только люди, а числа и качества дворовъ и мірского оклада не показано. Государь указалъ взять на 154 г. данныя и оброчныя деньги сполна по письму 135 года, а къ дозорщикамъ послать грамоту, «что они то сдѣлали негораздо, своею простотою и о государевѣ дѣлѣ не радѣя» . . . . «знатно то, что хотѣли они тѣмъ укрыть дворы тяглые посадскіе для своей бездѣльной корысти» [3]). Дозорщики не замедлили и уже въ февралѣ исправили свою ошибку [4]). Между тѣмъ, въ Вязьмѣ, какъ во всемъ государствѣ, была начата перепись, и дѣло о новыхъ дозорныхъ книгахъ стало. Вязьмичи опять били челомъ и добились только того, что 18 марта государь указалъ не править съ нихъ податей до того времени, когда будутъ утверждены дозорныя книги и окончена перепись [5]). 14 октября 155 г. они подали новую челобитную, въ которой писали, между прочимъ, что дозорщики написали жильцами ихъ дѣтей, братью, нищихъ и вдовъ, которые не тянутъ съ міромъ тягла, — «потому, государь, насъ немало и написано, а платежщиковъ, государь, насъ, которые у твоихъ государевыхъ дѣлъ ходимъ, едва и съ 80 человѣкъ». Если де съ нихъ не будетъ сбавлено тягла, то имъ придется платить болѣе 500 р. на годъ, — «невозможное, государь, дѣло по тольку намъ платить». Въ заключеніе челобитчики упоминали, что они волочатся и бьютъ челомъ

---

[1]) Ак. п. д., II, №№ 219, 221, 223 и 230.

[2]) Тамъ же, №№ 215, 220, 225, 226, 228 и 229.

[3]) Тамъ же, № 232.

[4]) Тамъ же, №№ 233—235.

[5]) Тамъ же, №№ 236—238.

«о писцовѣ дѣлѣ другой годъ»[1]). Въ слѣдующей челобитной, поданной 29 октября, они писали, что имъ придется всего платить болѣе 700 р., — «невмѣстимое, государь, дѣло по стольку платить, и съ одинъ насъ годъ не будетъ. Рады тебѣ, государю праведному, платить, что-бъ въ силу». По этой челобитной государь указалъ выписать въ докладъ изъ переписныхъ книгъ Романа Боборыкина 154 г. и изъ дозорныхъ С. Воейкова 153 г. «и съ тѣмъ дѣломъ пріѣхать дьяку *(Минѣ Грязеву)* въ село Коломенское октября въ 31 день»[2]).

Въ докладъ было выписано подробно, сколько въ Вязьмѣ дворовъ и людей по письму 135 г., по дозору 153 г. и по переписнымъ книгамъ 154 г., и какъ положены были посадскіе люди въ сохи по описанію 102—103 гг. Были выписаны старые платежи Вязьмы и новые налоги и сдѣлано сравненіе съ другими городами, которое я свожу въ таблицу.

	Дворовъ.	Людей въ нихъ.	Сошный окладъ въ четяхъ	Налоговъ, кромѣ стрѣлецкихъ и ямскихъ денегъ.	По разводу дворовъ на четь пашни.
Дмитровъ . . .	105	126	30¼	15 р. 13 ал. 2 д.	3½ двора.
Городецкой . .	134	195	15½	33 р. 28 ал. 2 д.	5 дворовъ[7])
Устюжна[3]) . .	208½	—	150	—	1½
Можайскъ. . .	55[4])	75	15	23 р. 5 ал. 5 д.	3½
Луки Великія	98	104	12½	50 р. 30 ал.	8
Венева	31	(51)	17	—	по 3 *человѣка* на четь.
Калуга	171	207	40	63 р. 20 ал. 4 д.[6])	4¼ двора.
Мещовскъ. . .	30	30	15	4 р. 4 ал. 1 д.	2
Галичъ	38[5])	—	200	—	по 5⅙ чети на дворъ.
Угличъ	215	283	33⅓	51 р. 11 ал. 4 д.	по 2 двора на четь[8]).
Кашинъ. . . .	70	88	25	8 р. 30 ал. 1 д.	по 1¼ двора[9]).
Тверь	241	275	27	14 р. 28 ал.	9
Торжокъ . . .	425	504	30	26 р. 12 ал.	14

[1]) Тамъ же, № 241.

[2]) Тамъ же, № 243.

[3]) Ср. выше, стран. 314—318.

[4]) Сверхъ того 33 двора охудалыхъ, нетяглыхъ.

[5]) Сверхъ того 192 двора оброчныхъ.

[6]) Съ ямскими деньгами всего было, какъ показано въ докладѣ, 102 руб. 27 ал. 2 д.

[7]) Расчетъ сдѣланъ на одни сошные дворы, число которыхъ отдѣльно не показано. Въ дѣйствительности было тяглыхъ дворовъ 79, а нетяглыхъ 55. Ак. п. д., I, № 234.

[8]) Вычисленіе сдѣлано не на всѣ дворы, а только на 63 тяглыхъ.

[9]) Вычисленіе сдѣлано на 32 тяглыхъ двора.

Кажется мнѣ, что при Филаретѣ Никитичѣ ни одинъ приказъ не осмѣлился бы дѣлать въ докладѣ такія грубыя и даже нелѣпыя выкладки. Во-первыхъ, свѣдѣнія о платежахъ не имѣли почти никакой цѣны, такъ какъ къ нимъ не были приложены ямскія и стрѣлецкія деньги[1]), сравнительно съ которыми эти старые платежи были ничтожны. Во-вторыхъ, разводъ дворовъ на чети сошнаго письма былъ основанъ на несравнимыхъ данныхъ, такъ какъ въ однихъ городахъ (напр., въ Можайскѣ, Галичѣ, Угличѣ и Кашинѣ) онъ сдѣланъ только на сошные дворы, а въ другихъ (напр., въ Дмитровѣ, Твери и Торжкѣ) на всѣ дворы безъ исключенія. Въ Веневѣ расчетъ сдѣланъ не на дворы, а на людей. Цифра дворовъ на Устюжнѣ совершенно не совпадаетъ съ другими источниками. Вообще, всѣ эти примѣры и выкладки были больше пригодны, чтобы запутать дѣло, чѣмъ выяснить. Въ довершеніе всего, приказные не знали, чему вѣрить, дозору ли 153 г., по которому въ Вязьмѣ оказалось одно количество дворовъ, или переписи 154 г., по которой «передъ дозорными книгами дворовъ и людей объявилось больше».

Въ концѣ доклада Устюжская четь поставила два вопроса: 1) «противъ котораго города» государь укажетъ положить вязьмичей въ сошное письмо, и 2) по какимъ книгамъ, по дозорнымъ или по переписнымъ? Указъ государя соотвѣтствовалъ докладной выпискѣ. Государь указалъ (31 октября 155 г.) «со всего посада на всякой годъ имати въ Стрѣлецкой приказъ и въ Ямской приказъ по 200 рублевъ, всего 400 рублевъ, а Большого Прихода пищальныхъ денегъ имати половина-жъ»[2]). Такимъ образомъ, вопросъ о новомъ сошномъ окладѣ былъ обойденъ, и на Вязьмѣ остался старый сошный окладъ (полъ-сохи съ получетью), а ямскія, стрѣлецкія и пищальныя деньги были положены въ видѣ оброка. Правда, это была большая уступка челобитчикамъ, такъ какъ иначе имъ пришлось бы платить раза въ 2 больше, но это была именно уступка, сдѣланная на глазъ, а не рѣшеніе вопроса.

Вязьмичи не могли съ этимъ помириться и били челомъ государю вновь о поверсткѣ «въ четвертяхъ въ тяглѣ противъ иныхъ такихъ же порубежныхъ городовъ». Они писали, что въ 154 г. на нихъ допра-

---

[1]) Только въ Калугѣ некстати прибавлены къ оброку ямскія деньги и показанъ итогъ этихъ доходовъ, а не порознь.

[2]) Ак. п. д., II, № 244.

влено всякихъ податей противъ девяти городовъ: Углича, Кашина, Твери, Торжка, Городецкаго, Лукъ Великихъ, Можайска, Дмитрова и Веневы, и что въ этихъ городахъ на четь пашни приходится дворовъ по 5, 6, 10, 12 и больше, а у нихъ «по 2 и по 3 чети и больше на одного человѣка». Государь 8 ноября 155 г. выслушалъ этой челобитной и доклада и утвердилъ свой прежній указъ, т.-е. отказалъ челобитчикамъ[1]).

Отказъ на нѣкоторое время охладилъ вязьмичей, но въ іюнѣ того же года они возобновили челобитье и докуку государю. Въ іюньской челобитной, послѣ повторенія прежнихъ жалобъ и доводовъ, есть интересное указаніе на закулисную сторону дѣла. Вязьмичи писали: «и намъ, государь, упрекаютъ: была де вамъ льгота, — а мы ни единаго года во льготѣ не жили, — половина де вамъ тягла отпущена, — чего мы не плачивали», не безъ горечи прибавляли вязьмичи. Дѣйствительно, нечего было «отпускать», когда раньше они этихъ налоговъ не платили. Вязьмичи просили положить ихъ въ сошное тягло «противъ лучшаго города изъ тѣхъ девяти городовъ, кои писаны въ сей челобитной»[2]). Государь, выслушавъ этой челобитной, велѣлъ сдѣлать выписку и привезти ее дьяку Минѣ Грязеву 2 іюля въ село Коломенское.

Въ докладѣ были повторены тѣ же свѣдѣнья, какъ раньше, только разводъ дворовъ на чети сдѣланъ точнѣе, а въ заключеніе приведена просьба вязьмичей положить ихъ въ тягло противъ «лучшаго» города изъ девяти указанныхъ выше. Чтобы дьяку не пришлось ломать голову и задумываться, стоя на докладѣ передъ государемъ, было произведено вычисленіе, сколько будетъ сошнаго письма, если положить Вязьму противъ Устюжны, Мещовска или Можайска. Если государь укажетъ положить противъ Устюжны по $1^1/_2$ двора на четь, «и того будетъ съ 240 дворовъ четвертныя пашни 160 чети сошнаго письма, а за тѣмъ будетъ въ складкѣ 340 чети»[3]). Если государь укажетъ положить противъ Мещовска по 2 двора на четь, то въ живущемъ будетъ 120 четей, а убудетъ 380 четей. Если госу-

---

[1]) Тамъ же, № 245.

[2]) Города тѣ же, что указаны выше.

[3]) Докладъ исходитъ изъ предположенія, что въ Вязьмѣ въ живущемъ полъ-сохи съ получетью (500 четей), какъ было по дозору 124 г. и по указу 135 г. См. выше, стран. 321.

дарь укажетъ положить противъ Можайска по $3^1/_2$ двора на четь, то въ живущемъ будетъ 69 четей. Эту выписку дьякъ М. Грязевъ докладывалъ государю въ Коломенскомъ 3 іюля 155 г., и думный дьякъ Ив. Гавреневъ помѣтилъ на ней государевъ указъ. Государь указалъ сбавить 300 четей, а положить Вязьму въ 200 четей и платить ей ямскія и стрѣлецкія деньги съ этого оклада[1]). Эта вторая уступка сдѣлана опять-таки на глазъ, безъ всякой связи съ вычисленіями и примѣрами докладной выписки.

Послѣ этой подачки вязьмичи, вѣроятно, не надѣясь на большее, стихли на годъ, а 24 іюня 156 г. возобновили натискъ. На ихъ челобитной думный дьякъ Ив. Гавреневъ помѣтилъ, что государь «велѣлъ выписать и дѣло взнесть къ боярамъ». 6-го августа вязьмичи подали вторую челобитную, на которой дьякъ Челобитнаго приказа Ст. Чубаровъ помѣтилъ, что государь указалъ взнесть выписку къ боярамъ. Въ третьей челобитной, поданной 23 сентября 157 г., вязьмичи писали, что М. Грязевъ «предъ бояръ въ Верху дѣло наше клалъ, и бояре дѣла нашего слушали, а указа безъ твоего государева вѣдома ничего не учинили». На это государь указалъ доложить дѣло ему самому. Изъ слѣдующей челобитной, 24 ноября, мы узнаемъ, что вязьмичи «всѣмъ городомъ» ходили бить челомъ государю, когда онъ былъ «въ Троицкомъ походѣ», и тамъ государь сказалъ имъ свое «жаловальное слово», — «велѣно намъ, сиротамъ твоимъ, изъ Троицкаго похода итти къ Москвѣ, и твой государевъ указъ будетъ на Москвѣ». Въ этой челобитной они писали, что «о немѣрномъ платежѣ» они бьютъ челомъ и плачутся четвертый годъ, и выписка докладная готова въ Устюжской чети «больше 20 недѣль», а указа имъ нѣтъ, «потому что дьякъ М. Грязевъ тое выписки безъ твоего государева указа и безъ именного приказа въ Верхъ не взнесетъ и тебя, государя, не докладываетъ». 13 января вязьмичи подали еще челобитную, на которую государь указалъ учинить указъ въ Устюжской чети, «а будетъ нельзя, взнесть къ боярамъ, не заволоча»[2]).

Наконецъ, 13 марта 157 г. вязьмичи добились окончательнаго указа. По докладу дьяка М. Грязева государь указалъ и бояре приговорили «Вязьму посадъ положить въ сошное письмо противъ Ка-

---

[1]) Ак. п. д., II, № 246.
[2]) Тамъ же, №№ 247—252.

луги посада, съ убавкою, по 4 двора въ четверть», и ямскія и стрѣлецкія деньги взимать съ этого оклада, т.-е. съ 60 четвертей[1]).

Стараясь разсказать покороче это длинное, въ высшей степени интересное дѣло, я пропустилъ множество заключающихся въ немъ любопытныхъ подробностей и выдѣлилъ только то, что мнѣ казалось существеннымъ для сошнаго оклада. Самыми существенными мнѣ представляются слѣдующія обстоятельства. По описанію 102—103 гг. Вязьма была положена въ сохи по нормѣ: 50 дворовъ лучшихъ, 60 среднихъ и т. д. По дозору 124 года 136 дворовъ были положены въ $^5/_8$ сохи, т.-е. на соху приходилось около 217 дворовъ. Это, сравнительно небольшое, отступленіе отъ нормы 102 г. объяснялось исключительно сильнымъ разореньемъ, а новые послѣсмутные налоги были тутъ не при чемъ, такъ какъ Вязьма до 142 г. не платила стрѣлецкихъ и большихъ ямскихъ денегъ. При первомъ описаніи Вязьмы въ 133 г., писецъ кн. Ив. Волконскій не рѣшился примѣнить старой нормы и не согласился съ выкладками своего товарища, подьячаго Е. Розинкова, а при вторичномъ описаніи въ 135 г. совсѣмъ не положилъ сошнаго оклада. Государи, выслушавъ докладъ, указали, несмотря на прибыль дворовъ по описанію 135 г., положить Вязьму въ старый окладъ—въ $^5/_8$ сохи. Этотъ окладъ былъ тяжелъ, но не разорителенъ, такъ какъ Вязьма должна была платить только тѣ налоги, которые она платила и въ XVI вѣкѣ. Положеніе дѣла совершенно измѣнилось, когда въ 142 г. Вязьма была привлечена къ платежу ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ. Льгота, которая ей была дана со 143 года по 154-й, отсрочила постановку вопроса, возникшаго вслѣдствіе этой перемѣны въ обложеніи. Въ 153 г. вязьмичи поставили правительству этотъ вопросъ и добились дозора, а послѣ 4 лѣтъ настойчиваго челобитья добились и указа. Правительство, запросивъ, если можно такъ выразиться, съ Вязьмы 500 четей сошнаго письма (старый окладъ дозора 124 г.), послѣ нѣсколькихъ уступокъ дошло до 60 четей, положивъ вязьмичей противъ Калуги, по 4 двора на четь, т.-е. по 3200 дворовъ на соху. Размѣръ этихъ уступокъ вызываетъ не меньшее удивленіе, чѣмъ ихъ характеръ. Нѣтъ возможности вычислить его точно, такъ какъ оклады ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ измѣнялись, но представленіе о немъ даетъ отвѣтная память 169 г.

---

1) Тамъ же, № 253.

Устюжской чети Большому Приходу. Четь писала, что по указу 13 марта 157 г. Вязьмѣ велѣно платить съ 60 четей; сложено съ нея ямскихъ, стрѣлецкихъ, пищальныхъ и четвертныхъ денегъ 992 руб. 22 ал. $3^1/_2$ д., а осталось платить: четвертныхъ денегъ 7 руб. 3 ал. 1 д., ямскихъ 58 руб. 26 ал. 4 д. (по 32 ал. 4 д. съ чети пашни) и стрѣлецкихъ 50 руб. 13 ал. 2 д. (по 28 ал. съ чети), всего 116 руб. 9 ал. 5 д.[1]). Нельзя не признать, что нужно имѣть очень смутное представленіе о томъ, какъ можно обложить людей, чтобы такъ запрашивать и дѣлать такія уступки. Характеръ уступокъ описанъ мною выше. Правительство безпомощно путается въ прецедентахъ посадскаго сошнаго оклада, пытается отдѣлаться отъ настойчивыхъ челобитчиковъ подачками и, въ концѣ концовъ, случайно находитъ исходъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ исходъ (4 двора на четь, противъ Калуги) нельзя не назвать случайнымъ, такъ какъ, судя по всему дѣлу, онъ найденъ не при помощи объективныхъ данныхъ, а на глазъ, такъ же произвольно, какъ предшествовавшія ему уступки.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что опредѣленіе сошнаго оклада Вязьмы представляло особыя трудности, такъ какъ Вязьма, городъ порубежный и торговый, съ подвижнымъ населеніемъ, нѣсколько разъ подвергалась разоренью и часто получала льготу въ податяхъ. Поэтому при обложеніи Вязьмы правительство не могло воспользоваться помощью и показаніями того, «что было напередъ сего», и поэтому-то его безпомощность и полный развалъ всего строя посадскаго оклада въ вяземскомъ дѣлѣ сказались такъ ярко. Однако, то же самое по существу мы можемъ наблюдать въ другихъ случаяхъ, разсказанныхъ мною передъ вяземскимъ дѣломъ, и вообще во всей практикѣ посадскаго сошнаго оклада.

Мною собраны и приведены въ IX приложеніи свѣдѣнья о сошныхъ окладахъ на 60 посадахъ. Это количество случаевъ мнѣ кажется совершенно достаточнымъ для общаго сужденія о посадскомъ сошномъ окладѣ, тѣмъ болѣе достаточнымъ, что по большинству посадовъ у меня приведено по 2 и даже по 3 случая установленія окладовъ въ разное время. Эти свѣдѣнья даютъ яркую картину большого разнообразія писцовой и приказной практики, и выводы, сдѣланные

---

[1]) Ак. п. д., II, № 255.

на основанія ихъ, не могутъ быть опровергнуты новыми случаями, которые, вѣроятно, удастся еще найти.

Тщетно стали бы мы искать не только общихъ нормъ, но даже слѣдовъ или зародышей ихъ. Старыя нормы XVI вѣка стали уже непримѣнимыми, а новыхъ приказы не выработали и, судя по всему, не были въ состояніи выработать. Нельзя же считать нормами или зародышами нормъ тѣ немногочисленные случаи, когда приказы клали въ сошное письмо тотъ или иной посадъ «противъ» какого-нибудь другого посада — по 3, 4, 5 или болѣе дворовъ на четь пашни. Можно указать 3 посада, положенные одинаково по 200 дворовъ въ соху (Балахна въ 127 г., Нижній и Ярославль) безъ различія качества дворовъ, хотя и здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе различное количество дворовъ, не положенныхъ въ сошное письмо, можно указать нѣсколько посадовъ, положенныхъ по 3 двора на четь (2400 дворовъ на соху), по 4 двора (3200 дв. на соху), по 6 дворовъ (4800 дв. на соху), и это — все. Далѣе идетъ разнообразіе, совершенно недоступное, по свойству и состоянію источниковъ, нашему пониманію. Становится несомнѣннымъ, что въ большинствѣ случаевъ дѣйствовали каждый разъ особыя пружины и давали очень разнообразные результаты. Не зная этихъ пружинъ, нѣтъ никакой возможности догадаться, почему какой-нибудь сравнительно небольшой посадъ Галича былъ положенъ по 152 двора на соху (если не считать оброчныхъ и безоброчныхъ дворовъ), а богатые посады Балахны, Нижняго и Ярославля по 200 дворовъ; почему такіе мелкіе посады какъ Кашира, Зарайскъ и Венева положены по 2400 дворовъ на соху, а Клинъ по 6400 дворовъ и Таруса по 16000 дворовъ на соху.

Сравненія затрудняются большимъ разнообразіемъ, по отдѣльнымъ посадамъ, количества сошныхъ, оброчныхъ и безоброчныхъ дворовъ. Въ общемъ, если оставить въ сторонѣ дозоры 120—127 гг., какъ принадлежащіе къ переходному времени, и Поморскіе города съ ихъ особеннымъ обложеніемъ, то останется очень мало посадовъ, на которыхъ на дворъ приходилось бы болѣе одной чети пашни. Сюда слѣдуетъ причислить такіе крупные посады государства какъ Балахну, Вологду, Нижній Новгородъ, Великій Новгородъ, Ярославль и, можетъ быть, Кострому. Сюда же можно причислить съ нѣкоторыми оговорками и нѣкоторые второстепенные посады: Арзамасъ, Владиміръ, Галичъ, Гороховецъ и Вязьму по письму 135 г.,

когда она еще не платила ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ. На этихъ посадахъ на четь приходится болѣе одного двора, если положить въ счетъ всѣ дворы. Далѣе идутъ посады съ 2, 3, 4, 6 и болѣе дворами на четь пашни. Въ исключительныхъ случаяхъ число дворовъ на четь превосходитъ нормы дворовой чети помѣстныхъ и вотчинныхъ земель по указамъ 138—140 гг. Напр., въ Тарусѣ положено на четь по 12 дворовъ среднихъ и по 28 охудалыхъ; въ Вереѣ — по 8 дворовъ среднихъ и по 24 охудалыхъ; наконецъ, въ Боровскѣ на четь положено 56 вдовьихъ дворовъ.

Второе наблюденіе. По дозорамъ 120—127 гг., въ общемъ, на соху и на четь приходится меньше дворовъ, чѣмъ по послѣдующимъ описаніямъ, т.-е. сошные оклады были сравнительно тяжелѣе и ближе къ нормамъ XVI вѣка. Объясняется это, какъ мнѣ кажется, очень просто тѣмъ, что приказы и писцы цѣпко держались за старину и медленно и неохотно отступали отъ нея подъ напоромъ новаго обложенія.

Третье наблюденіе мнѣ представляется самымъ важнымъ. Съ утратой старыхъ нормъ утрачивало свое значеніе для посадскаго оклада и дѣленіе посадскихъ дворовъ на статьи. Еще писцы, опредѣляя сошные оклады, нерѣдко считаются съ качествомъ дворовъ и дѣлятъ ихъ иногда на статьи, но правительство и приказы, когда имъ приходилось устанавливать сошные оклады, смотрятъ на дворъ какъ на счетную единицу и кладутъ посадскіе дворы въ сошное письмо огуломъ, не различая ихъ качества. Обращаясь съ дворомъ какъ съ счетной единицей, они вполнѣ послѣдовательно отвергаютъ старый пріемъ дѣленія дворовъ на сошные и свободные отъ сошнаго тягла и при окладѣ кладутъ въ счетъ всѣ безъ изъятія посадскіе дворы.

Чтобы оцѣнить важное въ исторіи сошнаго письма значеніе послѣдняго наблюденія, слѣдуетъ попытаться отвѣтить на вопросъ, котораго я пока не касался: какой смыслъ имѣли дворовыя нормы сохи, если въ основѣ посадскаго тягла лежали животы, торги, промыслы и т. д. и основнымъ принципомъ его оставалась посильность? не былъ ли принципъ посильности, взятый самъ по себѣ, независимо отъ перемѣнъ въ обложеніи, въ противорѣчіи съ дворовыми нормами сохи?

На это я предлагаю такой отвѣтъ и такое объясненіе существа посадскаго оклада. Правительственный сошный окладъ долженъ

былъ быть надстройкой надъ мірскимъ даннымъ окладомъ. Въ основу того и другого былъ положенъ одинъ и тотъ же принципъ — посильность, въ смыслѣ соотвѣтствія тягла платежнымъ силамъ каждаго отдѣльнаго тяглеца и всего посада въ цѣломъ. Разница только въ томъ, что тяглый міръ понималъ посильность какъ участіе каждаго тяглеца въ общепосадскомъ тяглѣ соотвѣтственно его силамъ, а приказы переносили, если можно такъ выразиться, удареніе на другое мѣсто и склонялись къ пониманію посильности въ смыслѣ наивысшаго, но не разорительнаго, наиболѣе выгоднаго для казны тягла. На мірскомъ же данномъ окладѣ основывались — освобожденіе отъ сошнаго тягла худыхъ людей и дѣленіе посадскихъ дворовъ по качеству на статьи, о чемъ я говорилъ выше.

На основаніи этого я нахожу возможнымъ говорить, что писцовый сошный окладъ былъ какъ бы надстройкой надъ мірскимъ окладомъ и на почвѣ мірского оклада. Это была очень трудная задача. Мы знаемъ, что пріемы мірского оклада были очень разнообразны и носили мѣстный характеръ, а самый окладъ имѣлъ цѣлью не столько безотносительную оцѣнку животовъ, торговъ, промысловъ и прочихъ силъ людей, сколько опредѣленіе сравнительной тяглоспособности членовъ даннаго міра. Между тѣмъ, задачей правительства было не только обложить посады самымъ выгоднымъ для казны образомъ, но и положить ихъ въ такія окладныя единицы, которыя выражали бы тяглоспособность даннаго посада сравнительно съ цѣлымъ рядомъ другихъ посадовъ и уѣздовъ и служили бы для оклада и раскладки податей и повинностей. Понятно, что при такихъ условіяхъ непосредственный переходъ отъ мірского оклада къ правительственному сошному былъ невозможенъ. Задача писцовъ состояла въ томъ, чтобы перекинуть между этими сторонами мостъ, использовавъ мірской окладъ въ правительственныхъ цѣляхъ.

Пользуясь мірскимъ окладомъ, писцы имѣли право и должны были употреблять и другія средства: допрашивать лично тяглыхъ людей, а въ случаѣ необходимости досматривать ихъ имущество; привлекать въ сошное письмо, оброчить или освобождать и отъ оброка тѣхъ или иныхъ людей по своему усмотрѣнію, не соглашаясь съ данными мірского оклада; основываясь на мірскомъ окладѣ, расписать такъ или иначе сошные дворы по качеству на статьи; наконецъ, положить посадъ въ сошное письмо, примѣняясь къ обложенію и примѣриваясь

по приправочнымъ документамъ къ тому, что было раньше. Приказы съ своей стороны даютъ писцамъ для руководства дворовую норму сохи. И приказы и писцы знали, однако, хорошо, что норма можетъ оказаться непригодной и вовсе не думали и не намѣревались примѣнять ее вездѣ и всегда одинаково. Писцы имѣли право освободить большее или меньшее количество дворовъ отъ сошнаго тягла, могли такъ или иначе расписать сошные дворы на статьи, прежде чѣмъ класть ихъ въ сохи по данной нормѣ, наконецъ, имѣли право отступить отъ нормы, если находили ее по мѣстнымъ условіямъ непримѣнимой. Такимъ образомъ, надстройка сошнаго оклада надъ мірскимъ, путемъ нѣкотораго приноровленія къ особенностямъ каждаго отдѣльнаго случая, и примиреніе принципа посильности съ дворовой нормой сохи въ извѣстныхъ предѣлахъ были возможны. Если бы такой результатъ достигался на дѣлѣ чаще, то казна была бы въ большомъ выигрышѣ: въ сошное письмо была бы внесена норма, которая оказывала бы большую услугу при положеніи посадовъ въ окладныя единицы, чтобы имѣть мѣрило сравнительной тяглоспособности. Такое происхожденіе и назначеніе имѣли, какъ мнѣ кажется, нормы, случаи примѣненія которыхъ мы наблюдаемъ въ XVI вѣкѣ.

Трудная сама по себѣ задача построить государственную однообразную окладную единицу на почвѣ мірского оклада стала совершенно невыполнимой вслѣдствіе измѣнчивости и роста посошнаго обложенія. Нужда въ средствахъ заставляла правительство обращаться къ сошному письму, какъ къ самому удобному способу получить ихъ немедленно, и посошные налоги возрастали и становились то здѣсь, то тамъ непосильными. Особенно разрушительно подѣйствовали на сошное письмо почти повсемѣстное сильнѣйшее разоренье Смуты и послѣдовавшій за нимъ быстрый ростъ посошныхъ налоговъ. При такихъ условіяхъ выработанныя примѣнительно къ обложенію XVI вѣка и мѣстами примѣненныя уже нормы стали непригодными. Между тѣмъ, новыя описанія, по недостатку средствъ и личныхъ силъ, были производимы разновременно, по мѣрѣ настоятельной необходимости, и эта разновременность описаній поддерживала надежду уладить дѣло при помощи частныхъ уступокъ въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Наступленіе въ 127 г. мира открывало возможность заняться внутренними дѣлами и, въ частности, обновленіемъ Земли новыми описаніями. Я уже говорилъ, что со 128 г. сборъ чрезвычайныхъ

налоговъ прекратился, оклады ямскихъ денегъ и стрѣлецкаго хлѣба были значительно понижены, и многіе города получили разнообразныя льготы въ тяглѣ. Вѣроятно, эти именно обстоятельства давали правительству основаніе надѣяться на возстановленіе разрушеннаго сошнаго письма на старыхъ началахъ. Спѣшу, однако, оговориться, что однимъ этимъ нельзя объяснить безполезнаго повторенія въ наказахъ и указныхъ грамотахъ писцамъ старыхъ нормъ. Дѣло въ томъ, что приказы повторяютъ эти непригодныя нормы и во второй половинѣ вѣка, напр. въ псковскомъ наказѣ 187 г., когда обложеніе очень сильно возрасло сравнительно съ 20—30-ми годами, а непригодность старыхъ нормъ была доказана полувѣковымъ опытомъ. Это съ несомнѣнностью, какъ мнѣ кажется, говоритъ о безсиліи правительства выработать новыя нормы.

Когда старыя нормы стали непригодными, а новыхъ приказамъ не удавалось выработать, то дѣленіе посадскихъ дворовъ на статьи утратило свое значеніе, — писцы и приказы стали класть посады въ сошное письмо «по людямъ», т.-е., смотря по обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая, дворы теряли, если можно такъ выразиться, свое качество и становились простой счетной единицей. Вмѣстѣ съ тѣмъ становилось нецѣлесообразнымъ дѣленіе посадскихъ дворовъ на сошные и несошные, оброчные и безоброчные. Такъ рушилась, съ теченіемъ времени, попытка правительства надстроить сошный окладъ надъ мірскимъ и пропасть между этими окладами увеличивалась. Съ этой точки зрѣнія посадскій сошный окладъ XVII вѣка представляетъ картину полнаго развала, безпорядочныхъ и безплодныхъ попытокъ писцовъ и приказовъ сохранить старыя основы оклада. Выше я говорилъ, въ чемъ это выражалось. Къ сказанному я прибавлю два характерныхъ случая.

Въ XVII вѣкѣ на многихъ посадахъ непослѣдовательно было сохранено дѣленіе дворовъ на сошные, оброчные и безоброчные. Приказы явно склонялись къ тому, чтобы уничтожить этотъ старый пріемъ и класть при сошномъ окладѣ въ счетъ всѣ посадскіе дворы, но одновременно не рѣшались и не находили нужнымъ отмѣнять его тамъ, гдѣ онъ былъ примѣненъ писцами. Въ этомъ не было еще большой бѣды, пока дѣло оставалось въ предѣлахъ условностей сошнаго оклада, но дѣло въ томъ, что приказы вынесли эту разноголосицу изъ области сошнаго письма и посошнаго обложенія и до-

пустили, благодаря этому, при чрезвычайномъ подворномъ сборѣ 146 г. большую нелѣпость. Въ этомъ году приказу Сбора ратныхъ людей былъ порученъ сборъ тяжелаго подворнаго налога, — посадскіе люди должны были заплатить по 2 руб. съ двора. Для взиманія налога чети дали приказу Сбора ратныхъ людей свѣдѣнія о посадскихъ дворахъ, по писцовымъ книгамъ, при чемъ напутали и относительно однихъ посадовъ, напр. Вологды, включили въ итогъ всѣ дворы, а по другимъ посадамъ, напр. по Нижнему, включили только сошные и оброчные[1]). Этимъ была допущена очень значительная неравномѣрность обложенія тяжелымъ сборомъ. Я отмѣчаю этотъ случай какъ ни съ чѣмъ несообразное и непослѣдовательное сохраненіе устарѣлаго дѣленія дворовъ на тяглые, сошные и оброчные, и нетяглые, безоброчные.

Другой случай относится къ исключенію изъ посадскихъ сошныхъ окладовъ лучшихъ людей, которыхъ правительство время отъ времени брало изъ посадовъ и приписывало къ Гостиной и Суконной сотнямъ. Понятно, что для посадскихъ міровъ потеря лучшихъ тяглецовъ была очень тягостна, и они стремились всѣми силами удержать ихъ, а если этого не удавалось, то добиться, по меньшей мѣрѣ, уменьшенія положеннаго на посадъ сошнаго оклада. Въ 150 г. Новгородская четь, въ отвѣтъ на запросъ Сыскного приказа, писала: «которые торговые люди взяты изъ городовъ къ Москвѣ въ Гостиную сотню вновь въ прошломъ во 138-мъ году, и тѣхъ торговыхъ людей по государеву указу въ городахъ ничѣмъ вѣдать не велѣно и изъ сошнаго письма велѣно ихъ выложить». Далѣе Новгородская четь писала, что къ Нижнему этотъ указъ примѣненъ[2]).

Очень интересно было бы знать, какъ поступали при этомъ приказы. Дѣло въ томъ, что выключать эти лучшіе дворы изъ сошнаго оклада подворно не имѣло смысла, такъ какъ иногда 2—3 такихъ двора несли по мірскому окладу такое же тягло, какъ нѣсколько десятковъ среднихъ и младшихъ дворовъ. Такое рѣшеніе вопроса нисколько не удовлетворяло бы тяглый міръ. Съ другой стороны, выключать эти дворы какъ «лучшіе», по дворовымъ нормамъ сохи,

---

[1]) Окладная приходная книга — Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, лл. 111 и 112. Срав. съ этимъ свѣдѣнья о дворахъ и сошныхъ окладахъ, приведенныя въ IX приложеніи.

[2]) Ак. п. д., II, № 133. То же относительно Тотьмы, передъ 141 годомъ, см. тамъ же, № 102.

тоже было неудобно, такъ какъ дѣленіе дворовъ по качеству на статьи и самыя нормы утратили свое значеніе и не примѣнялись [1]). Оставалось только 2 средства: или уменьшить окладъ по усмотрѣнію, или — по мірскому данному окладу. Послѣдній пріемъ былъ употребленъ во Владимирѣ.

Въ приходной книгѣ Владимирской чети 143 г. мы читаемъ, что изъ Владимирскаго посада было взято къ Москвѣ 3 человѣка, «а по писцовымъ книгамъ Ив. Головленкова да подьячаго Вас. Львова 134-го года написаны они въ платежѣ съ 10 денегъ, а сошнаго письма доведется пол-пол-пол-чети сохи и 7 чети безъ третника пашни, а довелось съ нихъ взять за намѣстничъ бѣлой кормъ 2 ал. съ полуденьгою. А за тѣмъ противъ тѣхъ же писцовыхъ книгъ володимирцамъ посадскимъ людямъ довелось платить съ 3 алтынъ и съ 4 денегъ, а съ сошнаго письма съ пол-чети сохи безъ 7 чети безъ третника пашни, за намѣстничъ бѣлой кормъ 4 алтына полшесты деньги» [2]). Произведя вычисленіе, можно увидѣть, что сошный окладъ посада уменьшенъ хотя и не вполнѣ точно, но въ соотвѣтствіи съ той долей мірского оклада, которая лежала на тяглецахъ, взятыхъ къ Москвѣ. Весьма возможно, что такимъ же способомъ были выложены изъ оклада лучшіе люди, взятые съ посада Нижняго [3]).

Въ этомъ интересномъ случаѣ я вижу указаніе на былую, еще не совсѣмъ утраченную въ XVII вѣкѣ, связь между мірскимъ и сошнымъ окладами.

---

[1]) Выше я говорилъ, что какъ разъ въ Нижнемъ дворы были положены въ сохи (по 200 дворовъ, противъ Балахны) безъ различія ихъ качества. См. выше, стран. 304.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 1д, л. 51.

[3]) Писцы Нижняго (129—136 гг.) послѣ указанія, сколько на посадѣ лучшихъ дворовъ, и оклада, положеннаго на нихъ міромъ, пишутъ: «и изъ тѣхъ людей послѣ письма и мѣры по государеву . . . . *(т.)* указу взято къ Москвѣ на житье 4 человѣка, а въ тяглѣ были съ 15 алтынъ съ 5 денегъ». Р. И. Б., XVII, стран. 189.

XIV. Древнѣйшее сошное письмо и реформа уѣздной сохи второй половины XVI вѣка.

Древнѣйшее сошное и обежное письмо. Разномѣрность окладныхъ единицъ. Мнѣнія по этому вопросу В. И. Сергѣевича, П. Н. Милюкова, И. Н. Миклашевскаго и Владиславлева. Разномѣрность единицъ и принципъ посильности тягла. — Реформа начала второй половины XVI вѣка. «Уложенье» 64 года и постановленіе Стоглаваго собора. Сущность и цѣль реформы. Тягловое и служилое назначеніе сошнаго письма. Нормировка окладныхъ единицъ и пріемовъ одабриванья земель и отношеніе ея къ принципу посильности тягла. Разновременность описаній. Назначеніе сошнаго письма въ государственномъ хозяйствѣ и условія, при которыхъ оно выполняло его. — Условности пашни паханой, полагаемой для тягла въ живущее: усмотрѣніе писцовъ, счетъ земли въ трехъ поляхъ и одабриванье земель. Отношеніе живущей пашни сошнаго письма къ дѣйствительнымъ размѣрамъ запашки хозяйствъ. Вліяніе на это растущаго обложенія.

Для выясненія сущности посадской сохи намъ приходилось терпѣливо собирать большое количество фактовъ, разбираться въ противорѣчивыхъ показаніяхъ источниковъ и тщательно отличать правительственные замыслы и предписанія отъ дѣйствительности. Изслѣдованіе уѣздной сохи гораздо труднѣе: здѣсь больше, чѣмъ въ посадской сохѣ, условностей, не меньше противорѣчій между указами и дѣйствительностью, больше мѣстныхъ особенностей, наконецъ, кругъ явленій, подлежащихъ изслѣдованію, гораздо шире, а сами явленія сложнѣе. Ко всему этому присоединяется недостатокъ въ источникахъ, притомъ не только для XVI вѣка, но по нѣкоторымъ вопросамъ и для XVII-го.

Выше было показано, что основнымъ принципомъ посошнаго тягла была его посильность, что отдѣльныя хозяйства были полагаемы въ тягло по силамъ, т.-е. по совокупности всѣхъ признаковъ хозяйственной мочи и платежеспособности тяглыхъ людей. При чемъ тутъ живущая пашня паханая сошнаго письма, въ четяхъ которой писцы и приказы выражали платежную силу тяглецовъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ относительно посадской сохи представляется простымъ. Для оклада податями и повинностями и для раскладки ихъ была нужна одинаковая для посадовъ и уѣздовъ мѣрка ихъ сравнительной тяглоспособности. Такъ какъ подавляющая часть населенія жила внѣ посадовъ, то основы сошнаго оклада были выработаны и сложились въ практикѣ уѣзднаго тягла, а на посадское населеніе онѣ были перенесены и распространены по аналогіи, подъ вліяніемъ указанной потребности въ одинаковыхъ окладныхъ единицахъ. То обстоятельство, что земледѣліе долгое время занимало видное мѣсто среди источниковъ благосостоянія и посадскихъ людей и лишь медленно уступало, съ теченіемъ времени, свое мѣсто торгамъ и промысламъ, съ своей стороны оправдывало цѣлесообразность аналогіи и облегчало ея примѣненіе. По мѣрѣ роста посадовъ и развитія торговъ и промысловъ, въ посадскомъ сошномъ письмѣ выработались свои особые условности и пріемы, но нельзя оспаривать, что исторія посадской сохи началась съ примѣненія къ посадамъ раскладочно-окладныхъ единицъ и нѣкоторыхъ пріемовъ, сложившихся на практикѣ обложенія уѣздныхъ пашенныхъ хозяйствъ.

Вопросы происхожденія и исторіи уѣзднаго сошнаго письма сложнѣе. Въ исторической литературѣ уже сдѣлано нѣсколько попытокъ отвѣтить на нихъ, но эти попытки мнѣ кажутся неудовлетворительными и не разъясняютъ, а скорѣе осложняютъ и затемняютъ дѣло. Если оставить въ сторонѣ подробности, то въ общемъ существующія въ литературѣ представленія относительно эволюціи сошнаго письма можно выразить такъ. Приблизительно до середины XVI вѣка сошное, вытное и обежное письмо основывалось на какихъ-то спорныхъ признакахъ: не то на размѣрахъ рабочей силы хозяйствъ, не то на количествѣ высѣваемаго хлѣба, не то на какихъ-то неуловимыхъ признакахъ, которые не попали ни въ одну писцовую книгу. По реформѣ второй половины XVI вѣка посошное обложеніе становится поземельнымъ — на соху, выть и обжу кладется то или иное опредѣленное количество четей земли, въ зависимости отъ ея качества и другихъ условій. Указы 20—30-хъ годовъ XVII вѣка о дворовой чети живущаго сошнаго письма производятъ переворотъ — поземельное обложеніе начинаетъ замѣняться подворнымъ. Эти крупныя перемѣны въ пріемахъ обложенія либо совсѣмъ не объяснены въ литературѣ, либо объясняются предположительно, безъ всякихъ доказательствъ.

Выше я высказалъ и подтвердилъ источниками мнѣніе, что основнымъ принципомъ тягла въ XV—XVII вв. была его посильность; измѣнялись пріемы и признаки опредѣленія и выраженія «силы» тяглецовъ, но основной принципъ оставался неизмѣннымъ. Такой взглядъ на исторію сошнаго письма и посошнаго обложенія упраздняетъ цѣлый рядъ вопросовъ, поставленныхъ предшествующей литературой, но въ то же время возбуждаетъ рядъ новыхъ, на которые необходимо дать отвѣты. Если обложеніе было посильнымъ, то съ какой стати стали выражать силу тяглецовъ въ терминахъ землемѣрія? Вся ли запашка тяглыхъ хозяйствъ подлежала тяглу и въ какомъ отношеніи находилась дѣйствительная запашка къ «пашнѣ паханой», положенной въ сошное письмо? Какъ и почему измѣнялось съ теченіемъ времени понятіе живущей пашни сошнаго письма? Что такое пустое сошное письмо и каково его значеніе? Какія перемѣны внесли въ сошное письмо указы XVII вѣка о дворовой чети? Эти и многіе другіе, не менѣе интересные и важные вопросы возникаютъ у насъ, когда мы становимся на ту точку зрѣнія, которая принята мною.

Наши свѣдѣнья относительно древнѣйшихъ сохъ, обежъ и вытей весьма скудны, но несомнѣнно одно — эти окладныя единицы, даже въ какой-либо опредѣленной мѣстности, не были величинами однообразнаго по площади земли размѣра. Иными словами: эти единицы были опредѣляемы не по количеству четей пашни или вообще земли, а по какимъ-то другимъ признакамъ.

Относительно древнѣйшей новгородской обжи я воспользуюсь чужими выводами. П. Н. Милюковъ говоритъ: «если бы мы пожелали приравнять обжу опредѣленной площади посѣва[1]), то получили бы постоянно различныя величины этой площади, въ предѣлахъ отъ 2 до 7 десятинъ»[2]). Этотъ выводъ слѣдуетъ принять, а всѣ попытки доказать, что древнѣйшая обжа была или могла быть не только условной окладной единицей, но и опредѣленной земельной мѣрой, слѣдуетъ признать недоказанными и неудачными.

Въ древнѣйшихъ новгородскихъ книгахъ можно нерѣдко встрѣтить такія выраженія: въ такой-то пустой деревнѣ земли на $1/2$ обжи,

---

[1]) По количеству высѣваемыхъ коробей хлѣба.
[2]) Спорные вопросы и т. д., стран. 36.

а писана за обжу, или деревни «писаны были шестью обжами, а земли подъ ними на 3 обжи». На основаніи подобныхъ выраженій В. И. Сергѣевичъ говоритъ, что «въ Новгородѣ обжа была не только окладной и платежной единицей, ... но и опредѣленной земельной мѣрой». «Деревня можетъ имѣть земли мѣрою всего полъ обжи, но писецъ можетъ описать ее, по состоянію ея хозяйства, въ цѣлую обжу. Итакъ, обжа и обжа не одно и тоже. Какъ велика новгородская обжа въ смыслѣ земельной мѣры, этого мы не знаемъ»[1]). Мнѣ кажется, что указанныя выраженія писцовыхъ книгъ можно истолковать иначе и сдѣлать изъ нихъ другой выводъ. Обжа все время была условной окладной единицей, а не земельной мѣрой. Первый писецъ по своему усмотрѣнію положилъ тяглеца, жившаго на этомъ участкѣ въ обжу, а по мнѣнію второго писца на томъ же участкѣ можетъ жить такой тяглецъ, которому будетъ не подъ силу тянуть тягло болѣе какъ съ полуобжи. Быть можетъ, деревня потому и запустѣла, что была, по выраженію тѣхъ же новгородскихъ книгъ, «описью дорога», т.-е. была положена слишкомъ тяжело въ обежное письмо. Такъ какъ кромѣ этихъ спорныхъ выраженій писцовыхъ книгъ нѣтъ никакихъ другихъ указаній на то, что обжа уже въ началѣ XVI в. была земельной мѣрой, то мнѣніе В. И. Сергѣевича слѣдуетъ признать недоказаннымъ.

П. Н. Милюковъ привелъ много указаній на разномѣрныя сохи первой половины XVI в. въ другихъ частяхъ государства, кромѣ Новгорода[2]). Къ приведеннымъ имъ случаямъ я прибавлю еще нѣсколько и сдѣлаю свои замѣчанія.

До насъ дошла очень интересная писцовая книга Торопца и Торопецкаго уѣзда 7048—49 гг. [3]). Качество земли въ ней не указано; земля, повидимому, числится въ трехъ поляхъ, какъ въ позднѣйшихъ книгахъ. Выть и соха не имѣютъ опредѣленныхъ, по числу четей пашни, размѣровъ. На выть приходится по расчету: 9 съ немногимъ четей (144 л.), и $10^1/_6$ чети (148 об.), и 12 четей (145 л.), и 14 (163 л.) и 15 четей (138 об.). Такъ же разнообразно число вытей на соху; по расчету на соху приходится: то 32 выти (145 л.), то 72 (148 об.

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Древности рус. права, III т., стран. 315. С.-Пб. 1903 г.

[2]) Спорные вопросы и т. д., стран. 42, 44—45.

[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Торопцу кн. № 1.

и 159 л.), то $29^1/_3$ (163 л.), то $33^1/_3$ (190 л.), то 34 (179 об.), то 36 (193 л.), то 45 (195 л.), то 40 (218 л.), то 28 (221 л.), то 50 вытей (201 об.). Разное количество вытей приравнивается одному и тому же сошному окладу. Такъ, въ одномъ помѣстьѣ 15 вытей положено въ полъ-сохи безъ пол-пол-пол-трети сохи (198 л.), а въ другомъ тому же сошному окладу приравнено 22 выти. Равнымъ образомъ нѣтъ никакого соотвѣтствія между сошными и вытными окладами, съ одной стороны, и числомъ дворовъ и людей во дворахъ, съ другой. Выти и сохи, по этимъ писцовымъ книгамъ, индивидуально разнообразны.

На Бѣлоозерѣ разномѣрныя выти продолжаютъ существовать во второй половинѣ XVI вѣка. Съ теченіемъ времени онѣ смѣняются одномѣрными по волостямъ вытями. Такъ, писцы езовой волости Иванова Бора, 63 года, кладутъ на выть различное число четей: по 15, 16, $17^1/_3$, 18, 20 и даже 24 чети[1]). Почти одновременно, по описанію 72 года, въ дворцовой волости Ярогомжѣ на выть уже положено одинаковое число четей — по 14 четей средней и по 16 худой земли[2]). Писцы езовой волости Заягорбья, 93 года, отмѣчаютъ, что «кладено по старому письму на выть худыя земли по 9 и 10 десятинъ, а по новому письму кладено на выть по 7 десятинъ худыя земли»[3]). По описанію того же года въ другой езовой волости, въ Ѳедосьинѣ городкѣ, на выть положено по 7 десятинъ средней и по 8 десятинъ худой земли[4]). Въ Надпорожской волости въ вотчинѣ Ив. П. Ѳедорова, данной въ Кирилловъ монастырь, по отписнымъ книгамъ 77 года выти были различны по числу четей, а по письму 95 года въ другой части бывшей вотчины И. Ѳедорова, смежной съ первой, «на выть положено середнія земли по 12 чети»[5]).

Въ главѣ о складкѣ въ 122—123 гг. малыхъ сошекъ въ большую соху я описалъ различныя сошки, сохранившіяся на сѣверѣ послѣ этой реформы. Здѣсь я напомню объ остаткѣ глубокой старины, удержавшемся въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ до середины, а въ Устюжскомъ до послѣдней четверти XVII вѣка. Въ этихъ двухъ уѣздахъ выти были одинаковаго размѣра, но на сошку по волостямъ клали

---

[1]) А. Ю., № 228.

[2]) С. А. Шумаковъ, Обзоръ Бѣлозерскихъ актовъ, стран. 122. М. 1900 г.

[3]) А. Ю., № 230.

[4]) Писц. кн. Моск. Госуд., II отд., стран. 415.

[5]) С. А. Шумаковъ, Обзоръ Бѣлозерскихъ актовъ, стран. 127—136 и 162.

различное число вытей, такъ что на сошку приходилось очень различное число четей пашни. Разномѣрныя мелкія сошки сохранились и въ Двинской области. Наконецъ, слѣдуетъ напомнить и то, что не только въ Поморьѣ, но и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внѣ Поморья выти были положены въ большія сохи не по точному ариѳметическому расчету числа четей пашни, а по усмотрѣнію писцовъ или приказа[1]). Вслѣдствіе этого и въ XVII вѣкѣ нерѣдко встрѣчались случаи, когда большая соха для обложенія числилась какъ бы состоящей изъ 800 четей доброй земли, а въ дѣйствительности на нее приходилось то больше, то меньше 800 четей.

Наблюденіе надъ всѣми этими фактами даетъ возможность сдѣлать слѣдующіе выводы. Древнѣйшія окладныя единицы были очень разнообразны и не состояли изъ того или иного опредѣленнаго количества четей пашни паханой. Иными словами — пашня паханая не была рѣшающимъ объективнымъ признакомъ при опредѣленіи окладовъ, съ которыхъ тяглые люди должны были тянуть тягло. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ растущаго общегосударственнаго обложенія, окладныя единицы дѣлаются опредѣленными по числу четей и все болѣе и болѣе однообразными. Однообразіе сначала достигается въ предѣлахъ волостей и уѣздовъ, а затѣмъ распространяется на цѣлыя области, но до самой отмѣны сошнаго письма на сѣверѣ сохраняются небольшіе остатки былого разнообразія окладныхъ единицъ.

Слѣдуетъ напомнить и подчеркнуть то, что съ точки зрѣнія тягла, по крайней мѣрѣ въ какой-либо данной мѣстности, неравныя по числу четей окладныя единицы были опредѣленными однообразными величинами. Принимая во вниманіе это обстоятельство, можно принять выводъ П. Н. Милюкова относительно разнообразія и неравенства по числу четей окладныхъ единицъ первой половины XVI вѣка, но его утвержденіе, что соха (и другія окладныя единицы) въ этомъ періодѣ исторіи измѣрялась «количествомъ рабочей силы»[2]), мнѣ представляется недоказаннымъ и недоказуемымъ. Приведенные имъ же факты, не говоря о другихъ фактахъ и обстоятельствахъ, противорѣчатъ такому утвержденію: сошные и обежные оклады не нахо-

---

[1]) См. Сошное письмо, I, стран. 49—51 и далѣе.

[2]) Спорные вопросы и т. д., стран. 45.

дятся въ соотвѣтствіи ни съ числомъ дворовъ, ни съ числомъ людей во дворахъ, ни съ размѣрами сѣва и пашни. Равнымъ образомъ не выдерживаетъ критики и мнѣніе В. И. Сергѣевича, будто обежный окладъ былъ основанъ на количествѣ лошадей въ хозяйствѣ [1]). Писцовыя книги никогда не говорятъ о лошадяхъ, т.-е. прямыми указаніями источниковъ этого мнѣнія доказать нельзя, а всѣ другія показанія, прямыя и косвенныя, этому мнѣнію противорѣчатъ.

Мнѣнія П. Н. Милюкова и В. И. Сергѣевича основываются на извѣстныхъ новгородскихъ текстахъ относительно обжи, при чемъ первый придерживается болѣе свободнаго толкованія ихъ, а второй — буквальнаго. Въ 1478 г. новгородцы на вопросъ Ивана III: «что ихъ соха?», отвѣтили: «3 обжи — соха, а обжа — одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ; а кто на трехъ лошадяхъ и самъ-третей оретъ, ино то соха» [2]). Въ извѣстной грамотѣ Новгородскаго вѣча черноборцамъ великаго князя сказано: «а въ соху 2 коня да третье припряжь», а далѣе установлено отношеніе къ сохѣ другихъ предметовъ обложенія: лавокъ, лодокъ, неводовъ, креновъ и т. п. [3]).

Мнѣ кажется, что И. Н. Миклашевскій высказалъ совершенно правильный взглядъ на эти тексты. Это — вовсе не строго опредѣленная объективная норма сохи и обжи, а есть не болѣе «какъ указаніе писцу на размѣръ того *типическаго* хозяйства, которымъ онъ долженъ былъ руководствоваться при обложеніи». Всякому было хорошо извѣстно, что существовали хозяйства, отступающія отъ указанныхъ типическихъ хозяйствъ, — «за сколько обежъ считать каждое изъ нихъ — это было дѣло писца, который при исчисленіи этомъ могъ принимать во вниманіе разнообразныя обстоятельства, но руководствоваться все-таки тѣми нормами, которыя ему были преподаны» [4]). И. Н. Миклашевскій подкрѣпляетъ свое мнѣніе указаніемъ на древнѣйшія новгородскія книги, въ которыхъ, какъ извѣстно, обежные оклады не находятся въ прямомъ соотношеніи съ дворами, людьми, съ размѣрами посѣва, а слѣдовательно и запашки,

---

[1]) «Всѣ хозяйства съ одной лошадью, сколько бы земли они ни обрабатывали, — составляютъ обжу». Древн. рус. права, III, стран. 268 и дальше.

[2]) П. С. Р. Л., VI, стран. 217.

[3]) А. А. Э., I, № 32.

[4]) Древне-русскіе поземельные кадастры, стран. 13—14. Вѣроятно, конецъ этой фразы слѣдуетъ читать такъ: «но руководствоваться долженъ былъ все-таки» . . . . . . и т. д.

и сѣнныхъ угодій. Совершенно неправдоподобно, добавлю, чтобы при наличности принципа посильности тягла всякій неводъ или всякая лавка шли всегда «за соху», а всякая лодья или цренъ — за 2 сохи. И здѣсь указаны нормы, отъ которыхъ писецъ не только могъ, но и долженъ былъ отступать, смотря «по тамошнему дѣлу».

Высказавъ этотъ вѣрный, какъ мнѣ кажется, взглядъ, И. Н. Миклашевскій не приложилъ его къ извѣстнымъ уже въ литературѣ фактамъ и не сдѣлалъ всѣхъ надлежащихъ выводовъ. Между тѣмъ, еще до него Владиславлевъ, изучая новгородскую обжу, напалъ на вѣрный путь и правильно сказалъ, что обжа была условной величиной и что «писцамъ поручалось на мѣстѣ на глазъ сообразить всѣ условія налогоспособности отдѣльныхъ хозяйствъ»[1]). Незнакомство съ позднѣйшей исторіей сошнаго письма и, въ особенности, неправильное представленіе о позднѣйшемъ посошномъ обложеніи какъ о поземельномъ, помѣшали Владиславлеву и И. Н. Миклашевскому стать на прочную почву и выяснить сущность вопроса. Этимъ и другимъ изслѣдователямъ древнѣйшихъ окладныхъ единицъ помѣшало еще то, что они не обратили вниманія на многочисленныя указанія источниковъ относительно принципа посильности тягла. М. А. Дьяконовъ мелькомъ указалъ на это, но не развилъ своего мнѣнія[2]), и его замѣчаніе не было понято И. Н. Миклашевскимъ[3]).

Между тѣмъ, все становится легко объяснимымъ и понятнымъ, если сопоставить указанія источниковъ относительно посильности тягла съ извѣстными въ литературѣ фактами о новгородскихъ обжахъ и сохахъ. Число дворовъ, людей во дворахъ, коробей или четей сѣва и разныхъ угодій на соху и обжу колеблется потому, что хозяйства положены въ сошное и обежное тягло по силамъ, т.-е., принимая во вниманіе, съ одной стороны, тяжесть обложенія съ его мѣстными особенностями, а съ другой стороны, различные признаки зажиточности и тяглоспособности: семейный составъ хозяйствъ, размѣры запашки, количество земли и угодій вообще, промыслы и т. д. На основаніе этихъ и другихъ возможныхъ, но неизвѣстныхъ намъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ признаковъ и принимая во вниманіе мѣстныя особенности тягла, писцы по своему усмотрѣнію опредѣ-

---

[1]) Журн. М. Нар. Пр. 1892 г., № 8.
[2]) Тамъ же, 1893 г., № 7.
[3]) Древне-русскіе позем. кадастры, стран. 21.

ляли посильные сошные и обежные оклады. Отсюда — несоотвѣтствіе между окладами и указанными признаками «силы», взятыми порознь.

Едва ли можно сомнѣваться, что признаки силы, которые писцы принимали во вниманіе, и пріемы оклада были разнообразны въ различныхъ мѣстностяхъ, что московскіе признаки и пріемы отличались отъ новгородскихъ, что, быть можетъ, и въ Новгородской области они не вездѣ были одинаковыми. Признаки были такъ же разнообразны, какъ мѣстные обычаи мірской раскладки податей, съ которыми у нихъ было много общаго, а пріемы соотвѣтствовали мѣстнымъ особенностямъ обложенія. Будучи разнообразными, признаки и пріемы, конечно, съ теченіемъ времени измѣнялись въ связи съ измѣнявшимися условіями жизни. Неизмѣнными оставались только основной принципъ тягла — его посильность — и субъективность оклада. Нельзя поручиться, что объективныхъ признаковъ оклада не было совсѣмъ и нигдѣ, но несомнѣнно, что въ общемъ субъективность оклада при отсутствіи опредѣленныхъ объективныхъ признаковъ есть самая важная и характерная черта сошнаго и обежнаго письма этого времени.

Понятіе пустого сошнаго и вытнаго письма въ этомъ періодѣ исторіи просто, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Въ тягло кладутся жилые дворы и жилыя деревни, а весь сложный процессъ условностей положенія въ тягло скрытъ отъ изслѣдователя, такъ какъ писцы не объясняли своей работы и не находили нужнымъ говорить объ общеизвѣстныхъ вещахъ. Измѣреніе земли десятинами и четвертями было уже извѣстно, но чети не могли служить раскладочной единицей, такъ какъ число ихъ на соху и обжу не было опредѣленнымъ, т.-е. четь не представляла, какъ позже, той или иной опредѣленной дроби сохи или обжи. Въ этомъ и не представлялось надобности, такъ какъ соха была невелика, а употребительныя въ сошномъ счетѣ дроби, напр. $^1/_{24}$ и $^1/_{32}$, были уже сами по себѣ мелкими величинами.

Въ началѣ второй половины XVI вѣка въ сошномъ письмѣ происходятъ крупныя перемѣны, настолько крупныя, что, пожалуй, можно говорить о реформѣ сошнаго письма. Такъ какъ указовъ относительно этого до насъ не дошло, то мы не знаемъ ни причинъ, ни

цѣлей реформы. Тѣ и другія приходится выяснять по лѣтописнымъ указаніямъ и по отрывочнымъ фактамъ сохранившихся приказныхъ дѣлъ.

Описанія, сверхъ своего тягловаго назначенія, были очень важны для всего строя служилаго и неслужилаго землевладѣнія и въ частности для порядка службы съ помѣстій и вотчинъ. Уложенье 64 г. свидѣтельствуетъ о недостаткахъ существовавшихъ до него порядковъ и имѣетъ цѣль установить соотвѣтствіе между помѣстьями и вотчинами и службой съ нихъ: «По семъ же государь и сія разсмотри: которые вельможи и всякіе воины многими землями завладали, службою оскудѣша, не противъ государева жалованья служба ихъ». Чтобы устранить это оскудѣніе службой, уложенье устанавливаетъ норму: «со 100 четвертей доброй угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ въ полномъ, а въ дальной походъ о дву конь», а для проведенія этой нормы въ жизнь — «въ помѣстьяхъ землемѣріе имъ учиниша»[1]). Въ тѣсной связи съ уложеньемъ 64 г. стоитъ вопросъ, возбужденный передъ этимъ на Стоглавомъ соборѣ, объ измѣреніи и болѣе подробномъ описаніи земель и угодій: «писцовъ послати во всю землю писати и смѣтити . . . . земли всякія, чьи ни буди, а мѣрити пашенная земля и не пашенная, и луги и лѣсъ и всякія угодья смѣчати и писати» [2]).

Одновременно новыя нужды государственнаго хозяйства выдвинули вопросъ о болѣе однообразныхъ, чѣмъ было раньше, окладныхъ единицахъ. Въ 1551 г. возникаетъ новый налогъ — деньги на выкупъ полоняниковъ. На Стоглавомъ соборѣ было постановлено: «сколько годомъ того плѣннаго окупа изъ царевой казны разойдется, и то раскинути на сохи по всей землѣ» [3]). Ясно, что «раскидывать», т.-е. раскладывать, этотъ расходъ на разнообразныя сохи было неудобно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо невозможно; для этого нужно было выработать однообразную государственную окладную единицу и установить ея отношеніе къ мѣстнымъ разнообразнымъ единицамъ, которыя были необходимы для существовавшаго ранѣе мѣстнаго обложенія. Замѣна кормленій окупомъ, т.-е. денежнымъ платежемъ, провозглашенная уложеньемъ 64 года, должна была дѣйствовать

---

[1]) П. С. Р. Л., XIII, 1 половина, стран. 268.
[2]) П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы и т. д., стран. 52.
[3]) Тамъ же, стран. 23.

въ томъ же направленіи. Правда, что послѣдняя реформа была проведена не сразу, какъ не сразу была введена большая соха въ 800 четей, но несомнѣнно, что она увеличила, съ своей стороны, потребность въ однообразной окладной единицѣ. Повидимому, вскорѣ послѣ этихъ двухъ налоговъ возникъ третій — деньги ямскимъ охотникамъ на прогоны и на подмогу.

Указанными двумя обстоятельствами — потребностью упорядочить службу съ земли и новыми налогами — была вызвана реформа сошнаго письма съ болѣе подробнымъ и тщательнымъ описаніемъ и измѣреніемъ земель и угодій. Мнѣ кажется поэтому, что П. Н. Милюковъ совершенно вѣрно поставилъ эти обстоятельства въ связь съ тѣми измѣненіями въ пріемахъ описаній и въ окладныхъ единицахъ, которыя можно наблюдать въ сохранившихся писцовыхъ книгахъ, сотныхъ грамотахъ и другихъ источникахъ. По этимъ источникамъ мы можемъ выяснить основныя начала реформы. Во-первыхъ, была установлена для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель нормальная соха въ 800 четей доброй земли. Весьма возможно, что такая соха гдѣ-нибудь уже существовала и раньше, но новостью является то, что она становится для этихъ земель нормой, которая быстро распространяется въ уѣздахъ служилаго землевладѣнія[1]). Вторымъ важнымъ началомъ реформы было болѣе тяжелое обложеніе монастырскихъ и церковныхъ земель: въ то время, какъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель на соху клали по 800 четей, монастырскихъ и церковныхъ стали класть по 600 четей доброй земли. Въ этомъ пріемѣ болѣе тяжелаго обложенія монастырскихъ земель можно видѣть откликъ и проявленіе антагонизма между служилымъ и монастырскимъ и церковнымъ землевладѣніями, который хорошо извѣстенъ въ исторической литературѣ. Неизвѣстно, существовало ли это различіе въ обложеніи, хотя бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, раньше, но интересно отмѣтить, что на сѣверѣ, гдѣ не было служилаго землевладѣнія, а антагонизмъ между монастырскимъ и черным землевладѣніемъ никогда не былъ такимъ острымъ, какъ въ другихъ частяхъ государства, пріемъ болѣе тяжелаго обложенія монастырскихъ и церковныхъ земель прививался очень медленно. Выше я говорилъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Поморья и въ XVII вѣкѣ соха, сошка и выть

---

[1]) Нѣсколько замѣчаній объ этомъ см. Сошное письмо, I, стран. 94—98.

монастырскихъ и церковныхъ земель были одинаковыхъ размѣровъ съ черными[1]). Повидимому, такой порядокъ соотвѣтствовалъ старинѣ и взглядамъ черносошнаго крестьянства, а противоположный порядокъ насаждали писцы. Наконецъ, третья важная сторона реформы заключалась въ опредѣленныхъ пріемахъ одабриванія земель. Едва ли можно сомнѣваться, что и раньше писцы и тяглые міры при окладѣ тягломъ и при раскладкѣ податей принимали во вниманіе качество земли. Напр., новгородскія писцовыя книги начинаютъ указывать качество земли гораздо раньше того времени, когда обжа стала приравниваться 10 четямъ. Мнѣ представляется, что въ этомъ именно обстоятельствѣ, т.-е. въ качествѣ земли, слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ разномѣрности древнѣйшихъ окладныхъ единицъ, взятыхъ въ опредѣленной какой-либо мѣстности. Такимъ образомъ, несомнѣнной новостью можно признать не самый пріемъ одабриванья земель, а опредѣленную однообразную норму одабриванья: для помѣстныхъ и вотчинныхъ земель на 100 четей средней земли наддавать 25 четей средней же, а на 100 четей худой земли 50 четей худой, чтобы приравнять тѣ и другія 100 четямъ доброй земли. То же въ вытяхъ, но въ другомъ соотношеніи: 16 четей худой земли или 14 четей средней приравниваются 12 четямъ доброй, или — 14 четей худой или 12 средней приравниваются 10 четямъ доброй.

Всѣ три указанныя основы реформы преслѣдовали цѣль внести въ сошное письмо, для упорядоченія службы съ земли и новыхъ потребностей обложенія, больше однообразія и объективности. Я считаю эту цѣль единой, такъ какъ однообразность и объективность окладныхъ единицъ тѣсно связаны между собой. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно невозможно установить однообразныя для сколько-нибудь значительной территоріи окладныя единицы, не употребляя при этомъ совсѣмъ объективныхъ пріемовъ и основаній. При силѣ старины и свободѣ, хотя бы относительной, передвиженія населенія, имѣвшаго возможность договариваться съ писцами объ условіяхъ и размѣрахъ тягла, субъективные пріемы сошнаго и обежнаго оклада могли быть цѣлесообразными и примѣнимыми. Государственное обложеніе въ это время было развито слабо, и главную часть тягла составляли мѣстные разнообразные налоги и частноправовые оброки.

---

[1]) См. Сошное письмо, I, стран. 64—65, 67, 79 и 96.

Съ развитіемъ и ростомъ государственнаго обложенія появлялась потребность въ бо́льшей объективности оклада, такъ какъ безъ нея не было возможности создать такую окладную единицу, при помощи которой можно было бы выражать относительную платежеспособность разныхъ частей государства и «раскидывать» на сохи новые налоги.

Уложеніе 64 г. говоритъ о четяхъ «доброй угожей земли», которыя должны были быть мѣриломъ и тягловыхъ и служебныхъ обязанностей владѣльцевъ земли передъ государствомъ. Какая это земля, вообще ли всякая за исключеніемъ угодій, которыя не измѣрялись четями, или только живущая, т.-е. населенная и обрабатываемая земля? Мнѣ кажется, что только живущая. Въ податномъ отношеніи это не вызываетъ сомнѣнія, такъ какъ намъ хорошо извѣстно, что перелога, лѣсныхъ порослей и т. п. пустыхъ земель въ живущее сошное письмо не клали. О такой же живущей землѣ, какъ мнѣ кажется, говоритъ уложенье и въ служебномъ отношеніи. Не говоря о томъ, что цѣль реформы — упорядоченіе службы съ земли — не была бы достигнута, если бы служилые люди должны были получать безразлично и пустую и населенную землю, такое мнѣніе можно подкрѣпить и другими доводами. Въ писцовыхъ наказахъ XVII в. мы видимъ статью, взятую, несомнѣнно, изъ болѣе раннихъ наказовъ и уже утратившую практическое значеніе. Я имѣю въ виду ту статью, въ которой писцамъ предписывается давать въ помѣстья, въ окладъ, переложной земли «въ пашни мѣсто» въ полтора раза и даже вдвое болѣе, чѣмъ пашни, если «добрѣ пашня заросла и земля не добра»[1]). Въ этой статьѣ, помимо другихъ менѣе ясныхъ указаній источниковъ, я вижу несомнѣнное свидѣтельство того, что въ принципѣ, по замыслу реформаторовъ, нормой обезпеченія служилыхъ людей землей было надѣленіе ихъ «пашней», т.-е. населенной и обрабатываемой землей, а не пустырями. Хорошо извѣстно, что въ дѣйствительности уже въ концѣ XVI в. обнаружился недостатокъ не только въ такихъ земляхъ, но и вообще въ землѣ, и что служилые люди уже тогда часто не получали земли сполна въ окладъ, а въ XVII в. недодача въ оклады стала повсемѣстнымъ и постояннымъ явленіемъ, но все это относится къ практикѣ, къ осуществленію

---

[1]) См., напр., псковскій наказъ 131 г. и московскій — 134 г. Ак. п. д., I, №№ 120 (стран. 245) и 215 (стран. 427).

замысловъ, а не къ самимъ замысламъ. Вѣдь и другія стороны уложенья 64 года, напр. норма службы съ земли — «со 100 четвертей доброй угожей земли человѣкъ на конѣ» и т. д., — и вся помѣстная система землевладѣнія на дѣлѣ совершенно измѣнились и ушли далеко отъ исходныхъ началъ, но все это, конечно, не опровергаетъ моего предположенія, что по первоначальному замыслу чети доброй обрабатываемой земли должны были одновременно служить мѣриломъ какъ для тягловыхъ, такъ и для служебныхъ обязанностей владѣльцевъ земли передъ государствомъ. Иными словами: сошное письмо вообще и живущее сошное письмо въ частности должны были служить одновременно двумъ цѣлямъ — тягловымъ и служебнымъ. Это обстоятельство представляется мнѣ очень важнымъ и объясняющимъ очень многое въ сложной исторіи сошнаго письма. Мнѣ представляется, что погоня за двумя разнородными цѣлями — помимо другихъ обстоятельствъ — привела къ тому, что ни одна изъ нихъ не была достигнута.

Изслѣдованіе вопроса, какое значеніе имѣли пріемы сошнаго письма для служилаго землевладѣнія, выходитъ за предѣлы моей темы, и потому я укажу только на то важное обстоятельство, что недостатокъ въ землѣ, пригодной для помѣстнаго надѣла, привелъ къ тому, что служилые люди принуждены были брать въ оклады не только живущую, но и пустую землю, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, совсѣмъ перестали получать землю сполна въ оклады, даже и пустую. Вслѣдствіе этого предположенная норма службы съ земли (со 100 четей доброй земли человѣкъ на конѣ) стала неосуществимой, и понятіе живущаго сошнаго письма въ примѣненіи къ службѣ съ земли перестало быть пригоднымъ. Подверглись ограниченіямъ и другія стороны реформированнаго сошнаго письма, напр. одабриванье земель при помѣстныхъ дачахъ, о чемъ я буду говорить ниже.

Казалось бы, что начала уложенья 64 года и нормировка окладныхъ единицъ и пріемовъ одабриванья земли должны были произвести въ сошномъ письмѣ полный переворотъ. Раньше, когда количество четей на соху, выть и обжу не было предопредѣлено, писцы клали людей въ тягло по силамъ; размѣръ запашки хозяйствъ былъ важнымъ, быть можетъ главнымъ, но не единственнымъ признакомъ силы, и потому въ результатѣ на соху и другія единицы приходилось различное количество пашни. Посошное обложеніе въ такой формѣ нельзя считать поземельнымъ, такъ какъ достатокъ, доходъ

и имущество, землевладѣльца былъ *источникомъ* обложенія, а не его основаніемъ. Основой оклада была «сила» тяглеца, а животы, торги, промыслы, земли, угодья и т. п. были признаками силы. Въ реформированныхъ сохахъ и другихъ окладныхъ единицахъ источникъ обложенія, конечно, остался тотъ же, но основой оклада должна была стать земля, измѣряемая четвертями, и потому обложеніе должно было стать поземельнымъ. Въ исторіи налоговъ извѣстны очень разнообразныя формы поземельнаго обложенія, напр. такія, въ которыхъ основой оклада является вся площадь земли, независимо отъ ея качества и культуры, или только площадь, занятая какими-либо опредѣленными культурами, или доходность, или цѣнность земельныхъ участковъ. Если бы за основу сошнаго оклада была принята пахотная или вся четвертная земля, то посошное обложеніе съ нѣкоторыми оговорками можно было бы признать поземельнымъ, но въ дѣйствительности такъ не случилось, и этотъ результатъ объясняется, во-первыхъ тѣмъ, что, повидимому, и по замыслу реформаторовъ площадь земли не должна была быть единственной и объективной основой оклада, а во-вторыхъ, тѣмъ, что практика оказалась сильнѣе всѣхъ замысловъ, каковы бы они ни были, и выработала такой строй оклада, который не позволяетъ назвать посошное обложеніе поземельнымъ.

Укажу, прежде всего, на одно чисто-внѣшнее обстоятельство, которое на мой взглядъ имѣло немалое значеніе. Я имѣю въ виду разновременность описаній и медленность замѣны старыхъ началъ новыми. Мы уже видѣли, что введеніе большой сохи въ 800 четей затянулось болѣе чѣмъ на полстолѣтіе. Большая соха распространялась въ различныхъ частяхъ государства съ различной быстротой. Въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ и въ тѣхъ монастырскихъ, которыя находились въ уѣздахъ служилаго землевладѣнія, большая соха была введена довольно быстро; въ дворцовыхъ земляхъ мѣстами удерживались очень долго старыя окладныя единицы; наконецъ, въ большинствѣ черныхъ волостей сохранились разнообразныя окладныя единицы, и большая соха была введена только въ 122—123 гг. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напр. въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ, и послѣ этого сохранились старыя разномѣрныя сошки. Это обстоятельство само по себѣ должно было повести и дѣйствительно повело къ смѣшенію новыхъ началъ со старыми.

Еще болѣе важнымъ препятствіемъ для превращенія посошнаго обложенія въ поземельное была та роль, несоотвѣтствующая поземельному обложенію, основанному на кадастрѣ, которую должно было выполнять сошное письмо въ хозяйствѣ Московскаго государства.

Исторія другихъ странъ показываетъ, насколько трудна задача общегосударственнаго кадастра. Многіе финансисты, быть можетъ преувеличивая эти трудности, считаютъ кадастры вообще дѣломъ нецѣлесообразнымъ и безнадежнымъ, но всѣ, и защитники и противники кадастровъ, согласны на томъ, что поземельное обложеніе, основанное на кадастрѣ, очень неэластично, т.-е., что повышеніе такого обложенія и вообще всякія рѣзкія перемѣны въ немъ вызываютъ очень большія неудобства. Неэластичность кадастроваго обложенія объясняется, главнымъ образомъ, его неизбѣжной объективностью. Личность землевладѣльца и его хозяйственная дѣятельность всегда оказываютъ большее или меньшее вліяніе на доходность и цѣнность облагаемыхъ участковъ, но съ точки зрѣнія кадастра они являются случайностями, которыя необходимо игнорировать, такъ какъ въ противномъ случаѣ кадастръ быстро станетъ негоднымъ. Поэтому кадастры новаго времени не считаются съ хозяйствующей личностью и кладутъ въ основу обложенія не дѣйствительный доходъ или цѣнность участковъ, а предполагаемую возможную среднюю доходность или цѣнность. Въ кадастрахъ австрійскаго типа (по имѣніямъ) личность владѣльца имѣетъ еще нѣкоторое значеніе, но французскій парцеллярный кадастръ съ нею совершенно не считается и доводитъ объективность до крайнихъ предѣловъ. При такихъ условіяхъ кадастры служили, главнымъ образомъ, для устойчиваго поземельнаго обложенія.

Совершенно иное назначеніе имѣло сошное письмо. Московское правительство, при очень несовершенныхъ пріемахъ описаній, имѣло въ виду и привыкло пользоваться сошнымъ письмомъ не столько для оклада устойчивыми налогами, сколько для раскладки государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ и повинностей. Такой взглядъ на сошное письмо былъ, во-первыхъ, привычнымъ для тяглыхъ міровъ, у которыхъ правительство многое заимствовало, какъ въ пріемахъ оклада, такъ и въ самомъ окладѣ, а во-вторыхъ, оправдывался такими обстоятельствами, какихъ не было въ исторіи западно-европейскихъ

кадастровъ новаго времени. Выше я говорилъ объ этихъ обстоятельствахъ. Субъектами обложенія въ Московскомъ государствѣ были не отдѣльныя лица, а группы лицъ — тяглые міры, связанные круговой порукой. При этомъ тяглу подлежали не земля и прочая недвижимость, а лица, ведущія хозяйство. Окладъ тягла былъ опредѣляемъ «по силамъ», въ зависимости, съ одной стороны, отъ тѣхъ податей и повинностей, которыя существовали изстари въ данной мѣстности, а съ другой стороны, отъ пашни, угодій, промысловъ и другихъ признаковъ тяглоспособности. Словомъ, посошное обложеніе имѣло ярко-выраженный субъективный характеръ. При этомъ во взаимныхъ отношеніяхъ власти и тяглецовъ видное мѣсто занимали договоръ и соглашенія относительно размѣровъ и состава тягла. Съ теченіемъ времени договорныя отношенія смѣняются принудительностью тягла; уже въ концѣ XVI в. тяглецъ становится живой принадлежностью тяглаго участка, и пахать землю и вообще вести хозяйство стало для него не правомъ, а обязанностью. Вслѣдствіе этого хозяйствующая личность переставала быть, съ точки зрѣнія кадастра, хозяйственной и правовой случайностью и становилась устойчивымъ элементомъ кадастраціи. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ сошное письмо получало нѣкоторую эластичность, необходимую при его назначеніи въ хозяйствѣ Московскаго государства, но никакъ нельзя сказать, чтобы всѣ затрудненія и противорѣчія были такимъ образомъ устранены. Болѣе того, на почвѣ субъективности оклада, съ прикрѣпленіемъ людей къ тяглу, для развитія сошнаго письма въ государственный кадастръ возникали свои затрудненія.

Дѣло въ томъ, что древнѣйшее обложеніе и выработанныя для него окладныя единицы имѣли мѣстный характеръ и были очень разнообразны. Для развивающагося государственнаго обложенія это представляло большія неудобства. Во второй половинѣ XVI в. правительство, имѣя въ виду упорядочить службу съ земли и выработать окладныя единицы, болѣе пригодныя для развивающагося государственнаго обложенія, внесло въ сошное письмо нѣкоторыя объективныя начала — въ посадскую соху дворовыя нормы сохи, а въ уѣздную опредѣленные пріемы одабриванья земель и четвертную нормировку сохи и другихъ окладныхъ единицъ. Внося эти измѣненія, правительство вовсе не думало, однако, отказываться отъ стараго,

привычнаго ему и населенію, принципа посильности, а сверхъ того настойчиво развивало, съ теченіемъ времени, крѣпость тяглу. При такихъ условіяхъ сошный окладъ остался попрежнему субъективнымъ, и дѣйствительные размѣры запашки тяглыхъ хозяйствъ и послѣ реформы остались однимъ изъ важныхъ признаковъ оцѣнки тяглоспособности, а не объективнымъ основаніемъ ея. Считать этотъ признакъ главнымъ, когда земледѣліе представляло важнѣйшій источникъ благосостоянія населенія, было вполнѣ естественно, но существовало нѣсколько обстоятельствъ, которыя не допускали, чтобы дѣйствительные размѣры запашки стали единственнымъ и объективнымъ основаніемъ оклада.

Прежде всего, слѣдуетъ указать на прикрѣпленіе къ тяглу. Не имѣя прямыхъ указаній источниковъ, я не рѣшаюсь утверждать, что главная цѣль прикрѣпленія состояла въ томъ, чтобы придать сошному письму такую прочность и эластичность, которыхъ оно не имѣло бы безъ него и которыя были необходимы при назначеніи сошнаго письма въ государственномъ хозяйствѣ, но думаю, что это обстоятельство имѣло большое значеніе. Во всякомъ случаѣ, прикрѣпленіе къ тяглу и вытекавшія изъ него неизбѣжно ограниченія свободы передвиженій, промысловъ и мобилизаціи недвижимости стояли въ противорѣчіи съ объективнымъ поземельнымъ обложеніемъ. Съ какой стати писецъ сталъ бы облагать тяглеца по запашкѣ, когда всѣ силы тяглеца и онъ самъ были принадлежностью тяглаго участка? Выше я говорилъ, что писецъ долженъ былъ писать пашню *на* тяглеца по силамъ, если находилъ, что онъ пашетъ меньше, чѣмъ можетъ.

Не слѣдуетъ недооцѣнивать и слѣдующее обстоятельство. Большая часть прямыхъ налоговъ покоилась на сошномъ, вытномъ и обежномъ письмѣ, при чемъ обложеніе было очень не дифференцированнымъ. Иными словами: при помощи сошнаго письма правительство привлекало къ обложенію самые разнообразные источники народнаго благосостоянія. Чтобы обложить эти разнообразные источники, приходилось вводить въ сошное письмо рядъ условностей. Уже въ XV в., въ извѣстной грамотѣ новгородскаго вѣча чернаборцамъ, мы видимъ условныя приравненія треновъ, лодокъ, лавокъ, неводовъ и т. п. сохамъ. Подобныя же условныя приравненія четямъ пашни мельницъ, рыбныхъ ловель и т. п. цѣнныхъ угодій мы знаемъ и въ XVII вѣкѣ, о чемъ будетъ говориться ниже. Это объясняется

тѣмъ, что особыхъ формъ обложенія промысловъ, если не считать оброчной формы, которая не могла быть достаточной, не было, и потому приходилось растягивать сѣть сошнаго письма и распространять ее по аналогіи на такіе источники, которые не имѣли ничего общаго съ пашенными хозяйствами. Такъ какъ промысловые источники народнаго благосостоянія, въ видѣ общаго правила, существовали не независимо, а въ соединеніи съ земледѣльческими хозяйствами, то и условности оклада промысловъ и торговъ тѣсно сплетались съ окладомъ пашенныхъ хозяйствъ. Общія указанія на это можно найти въ любомъ писцовомъ наказѣ для описанія черныхъ и дворцовыхъ волостей, — писцы должны были класть крестьянъ въ сошное письмо и верстать на выти по пашнѣ, угодьямъ, животамъ и промысламъ.

Наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе еще слѣдующее обстоятельство. При всякомъ кадастрѣ, который долженъ служить не одинъ годъ, нѣтъ никакой возможности не считаться съ временными и случайными явленіями, затемняющими среднюю тяглоспособность описываемыхъ хозяйствъ. Подобныя явленія необходимо учитывать и полагать въ основу оцѣнки нормальное состояніе хозяйствъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ кадастръ быстро станетъ негоднымъ. Въ объективныхъ западно-европейскихъ кадастрахъ новаго времени съ этой цѣлью были выработаны очень сложные пріемы. Описанія Московскаго государства гораздо грубѣе, были примѣняемы въ жизни при другихъ условіяхъ, но тоже должны были подчиняться указанному требованію кадастраціи. Правда, что мы нигдѣ не найдемъ въ источникахъ ясной и точной формулировки этого требованія, но несомнѣнно, что оно было хорошо извѣстно приказнымъ Московскаго государства и косвеннымъ образомъ высказывается ими очень часто. Наказы постоянно говорятъ писцамъ, чтобы они искали такой прибыли, которая была бы «впредь прочна и постоятельна», чтобы они клали такое тягло, которое люди могли бы платить безъ разоренья «по вся годы», чтобы, увеличивая противъ прежняго платежи, писцы не гнались за «бездѣльной» прибылью казнѣ, которая разорила бы тяглецовъ и была бы, въ концѣ концовъ, не прибылью, а убыткомъ. Эта же идея высказывается въ тѣхъ статьяхъ наказовъ, которыя говорятъ о льготѣ въ тяглѣ людямъ, которые «обмолодали» или погорѣли, о верстаніи крестьянъ на выти и о пашнѣ, которую «изможные люди» пашутъ сверхъ своей тяглой пашни. Кромѣ этихъ общихъ

требованій прочности и «постоятельности» писцоваго оклада, въ сошномъ письмѣ существовали частныя условности, созданныя главнымъ образомъ съ той же цѣлью.

Опредѣлить размѣры запашки какого-либо хозяйства съ сельскохозяйственной точки зрѣнія очень просто, — для этого стоитъ только измѣрить землю. Гораздо труднѣе сдѣлать то же съ податной точки зрѣнія, то есть опредѣлить размѣры запашки, пригодной быть основаніемъ для обложенія. Чтобы окладъ былъ прочнымъ и могъ служить много лѣтъ, необходимо учитывать и устранять случайныя и временныя обстоятельства въ жизни описываемыхъ хозяйствъ, а для того, чтобы онъ не былъ слишкомъ грубымъ и вслѣдствіе этого малодоходнымъ, слѣдуетъ оцѣнить, по возможности лучше, доходность земель, напр. уравнять обложеніе земель различныхъ по качеству, оцѣнить различно по степени прибыльности различные виды культуръ и т. п. Западно-европейскіе кадастры употребляютъ съ этой цѣлью очень сложные пріемы. Описательныя работы Московскаго государства были много проще и грубѣе, — нѣтъ, напр., никакихъ указаній на то, чтобы писцы принимали или должны были принимать во вниманіе различные виды сельскохозяйственныхъ культуръ. Очень возможно, что, опредѣляя посильное тягло, они считались съ этимъ обстоятельствомъ, но поступали такъ, во всякомъ случаѣ, не по объективнымъ предписаніямъ, а по своему усмотрѣнію. Что касается уравненія земель различнаго качества, то для этого было установлено одабриванье, о которомъ подробно я буду говорить ниже. Не менѣе просты были пріемы опредѣленія подлежащей тяглу запашки: здѣсь все было предоставлено на усмотрѣніе и положено «на душу» писца, который долженъ былъ дѣйствовать, смотря «по тамошнему дѣлу», т.-е. по обстоятельствамъ случая и по мѣстнымъ обычаямъ. Единственный опредѣленный пріемъ, котораго должны были придерживаться писцы и который можно считать направленнымъ отчасти на указанную цѣль, состоялъ въ счетѣ земли «въ полѣ, а въ дву потому-жъ».

Пашня паханая живущаго сошнаго письма состояла изъ трехъ полей: изъ озими, яри и пара. Равенство этихъ полей вовсе не есть обязательное условіе сельскаго хозяйства. Къ этому надо прибавить, что далеко не вездѣ въ Московскомъ государствѣ употреблялся одинаковый трехпольный сѣвооборотъ. Между тѣмъ вездѣ пашня па-

ханая сошнаго письма числилась «въ полѣ, а въ дву потому-жъ». Писцовые наказы объясняютъ намъ, какъ должны были дѣйствовать въ данномъ вопросѣ писцы: они должны были измѣрить одно поле, а два другія смѣтить, и «изверстать» всѣ 3 поля ровно, т.-е. прибавить къ меньшому полю лишекъ отъ бо́льшаго. Такимъ образомъ чети сошнаго письма «въ полѣ, а въ дву потому-жъ», должны были быть выраженіемъ средняго размѣра всѣхъ трехъ полей. Этого одного пріема, конечно, было недостаточно, но другихъ общихъ въ сошномъ письмѣ выработано не было, — если не считать наѣзжей пашни, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была освобождаема по наказамъ отъ тягла, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ писцы должны были поступать не по опредѣленнымъ наказами нормамъ, а по усмотрѣнію — «какъ пригоже по тамошнему дѣлу». Прекрасное подтвержденіе такой характеристики полномочій писцовъ даютъ слѣдующіе два случая.

Въ 131—134 гг. Тотьму описывалъ Фока Дуровъ, тотъ самый писецъ, который позже безъ смущенія признавался въ Устюжской чети, что онъ сошнаго письма не знаетъ и класть въ сошное письмо не умѣетъ[1]). Тотмичи жаловались въ чети на писца въ 132 г., что онъ мѣритъ и пишетъ перелоги «съ полевою съ живущею землею ровно», что онъ считаетъ пашенной землей «однохлѣбныя мѣста», — «которые де крестьяне тѣхъ же деревень сѣкутъ нашъ *(государевъ)* черный лѣсъ, отходя отъ своихъ деревень верстъ по 5, и по 10, и больше, подъ одинъ хлѣбъ»... «а на тѣхъ де мѣстѣхъ другой хлѣбъ не родится, и не сѣютъ». Тотмичи писали, что съ такой пашни и съ такого оклада имъ будетъ «впередъ невозможно» платить подати. Что же отвѣтилъ на это приказъ? Указалъ ли онъ писцамъ, какъ различать постоянную пашню, подлежащую обложенію, отъ временной, которая была очень сомнительнымъ признакомъ тяглоспособности? Указалъ ли онъ писцамъ класть въ сошное письмо *всю* постоянную пашню? Ничего подобнаго въ приказной грамотѣ къ писцамъ нѣтъ; имъ предписывалось писать и мѣрить всякія земли и класть подати по совѣсти, «въ правду, попамятуя души свои и наше *(т.-е. государево)* крестное цѣлованье», какъ сказано въ ихъ наказѣ, «смотря по землѣ, и по угодью, и по людямъ, и по ихъ животамъ и по промысламъ, и примѣряся къ прежнимъ писцовымъ и дозорнымъ книгамъ и къ сотнымъ грамотамъ, что-бъ впередъ было крѣпко и стоятельно, а посадскимъ бы

[1]) Ак. п. д., II, № 102. См. выше, стран. 35—36.

людямъ и волостнымъ крестьянамъ наши всякія подати платить было возможно, а что-бъ ихъ въ нашихъ во всякихъ податяхъ не ожесточить и до конца-бъ тѣмъ ихъ не оскорбить. То все по нашему указу положено на васъ, и вы-бъ то все дѣлали по разсуженью и смотря по тамошнему дѣлу, что-бъ впередъ было стоятельно»[1]).

Въ 134 г. жаловались крестьяне Сольвычегодскаго уѣзда, что писцы писали за пашню мокрыя новинныя земли, — «а они де съ тѣхъ новинныхъ мѣстъ въ 3 годы снимаютъ одинъ хлѣбъ, а въ четвертой годъ въ пустѣ мечутъ, для того что хлѣба не родится, и растетъ большой лѣсъ». На эту жалобу Устюжская четь предписывала писцамъ писать и класть въ тягло по наказу, чтобы казнѣ было прибыльнѣе, «а крестьянамъ впередъ мочно было прожить и наши всякіе доходы платить и было-бъ не тягостно. То все по нашему указу положено на васъ, и вы-бъ въ томъ во всемъ учинили правду, памятуя души свои и наше крестное цѣлованье, и что-бъ о томъ намъ впередъ челобитья ни отъ кого никакого не было»[2]). Трудно выразить опредѣленнѣе, чѣмъ сдѣлано въ этихъ двухъ грамотахъ, взглядъ приказовъ на сошное письмо вообще и на пашню въ частности.

На основаніи высказанныхъ выше теоретическихъ соображеній и наблюденій надъ источниками я думаю, что и по замыслу реформаторовъ начала второй половины XVI вѣка пашня паханая, полагаемая для тягла въ живущее сошное письмо, вовсе не была тожественной съ дѣйствительной запашкой тяглыхъ хозяйствъ во время описанія, а была уже условной величиной. Въ слѣдующей главѣ эти условности будутъ изслѣдованы подробно. Неизвѣстно, предполагало ли правительство сдѣлать пашню паханую, съ указанными выше условностями, объективнымъ основаніемъ опредѣленія размѣровъ тягла, но я сильно въ этомъ сомнѣваюсь. Дальнѣйшая исторія сошнаго письма не даетъ никакихъ указаній на подобное намѣреніе правительства, а съ другой стороны намъ хорошо извѣстно, что оно вовсе не предполагало отказываться и не отказалось въ дѣйствительности отъ принципа посильности тягла, а съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развивало крѣпость тяглу. При такихъ условіяхъ пашня паханая могла быть только важнымъ признакомъ, но не объективной основой оклада. Поэтому реформированное сошное письмо мнѣ представляется

---

1) Ак. п. д., I, № 129.

2) Тамъ же, № 205.

компромиссомъ между старымъ строемъ субъективнаго оклада и объективными пріемами, которыхъ требовали развитіе и ростъ государственнаго обложенія и превращеніе сошнаго письма изъ мѣстныхъ окладныхъ и раскладочныхъ единицъ въ государственный кадастръ.

Такой компромиссъ, подобно дворовымъ нормамъ посадской сохи, могъ бы быть весьма полезнымъ и осуществимымъ, если бы посошное обложеніе было неизмѣннымъ или измѣнялось бы, но медленно и не особенно значительно. Тогда дѣйствительные размѣры запашки хозяйствъ, несмотря на условности и право писцовъ по своему усмотрѣнію опредѣлять сошные оклады, были бы близки, болѣе или менѣе въ отдѣльныхъ случаяхъ, къ пашнѣ паханой живущаго сошнаго письма и служили бы надежнымъ признакомъ силы тяглецовъ. Дѣйствительность привела этотъ компромиссъ и всѣ намѣренія реформаторовъ, каковы бы они ни были, къ неудачѣ. Правительство, нуждаясь въ средствахъ и имѣя подъ руками готовый механизмъ, дававшій возможность повышать обложеніе и быстро получать необходимыя средства, такъ налегало на сошное письмо, что оно то въ одной, то въ другой мѣстности не выдерживало давленія налоговъ. Бремя тягла становилось непосильнымъ, и приказамъ приходилось, чтобы предотвратить или пріостановить разоренье тяглецовъ, производить новыя описанія и понижать оклады живущаго сошнаго письма. Если бы обложеніе повысилось сразу и настолько сильно, что сдѣлало бы непосильными и негодными всѣ предшествовавшія описанія, и если бы подъ вліяніемъ этого новыя описанія были предприняты одновременно, то весьма возможно, что приказы уяснили бы себѣ и признали негодность старыхъ основаній сошнаго письма и постарались бы замѣнить ихъ какими-нибудь другими, лучшими, но въ дѣйствительности такъ не было: обложеніе расло хотя и не равномѣрно, но не настолько рѣзко, чтобы разомъ сдѣлать негодными всѣ старыя описанія, и новыя описанія производились разновременно, по мѣрѣ настоятельной необходимости. Въ этомъ, какъ мнѣ кажется, главная причина того, что приказы очень долго предпочитали устранять отдѣльные случаи непосильности тягла путемъ частныхъ уступокъ и до 20-хъ годовъ XVII вѣка не дѣлали сколько-нибудь серьезныхъ опытовъ выработать новые, болѣе пригодные пріемы оклада.

Косность приказныхъ и привычка постоянно чинить прорѣхи вмѣсто того, чтобы предпринять основательную перестройку сошнаго

письма, были такъ сильны, что даже послѣ Смуты, когда сошное письмо во многихъ мѣстахъ государства было совершенно разстроено крупными перемѣнами въ народномъ хозяйствѣ и быстрымъ и сильнымъ ростомъ обложенія, приказы думали обойтись новыми дозорами и частичными поправками. Когда эти мѣры не поправили дѣла и правительству для обновленія сошнаго письма пришлось ввести дворовую четь пашни, то и при этомъ оно дѣйствовало медленно, какъ бы нехотя, и не послѣдовательно, воздерживаясь отъ примѣненія дворовой чети тамъ, гдѣ для этого представлялась возможность.

Поэтому слѣдуетъ еще разъ подчеркнуть, что уменьшеніе окладовъ живущаго и расхожденіе между дѣйствительными размѣрами запашки тяглыхъ хозяйствъ и пашней паханой живущаго сошнаго письма происходили медленно и разновременно для отдѣльныхъ мѣстностей. На первыхъ порахъ, въ частныхъ случаяхъ, приноровленіе пашни паханой живущаго къ измѣнившему тяглу имѣло видъ небольшой уступки и неважной условности, присоединяемой къ прочимъ, указаннымъ выше условностямъ. Чтобы опредѣлить размѣръ пашни паханой, которую слѣдовало положить въ живущее, писцы должны были употреблять рядъ пріемовъ: выяснить, какую часть распаханныхъ полей считать постояной запашкой и надежнымъ признакомъ тягловой силы, выразить средній размѣръ этой постоянной запашки въ четяхъ «въ полѣ, а въ дву потому-жъ», одобрить худыя и среднія земли и приравнять ихъ къ доброй землѣ, принять во вниманіе мѣстныя особенности податей и повинностей, посадить на пашню и написать землю на тѣхъ, кто вовсе не пахалъ ея, или пахалъ, но меньше, по мнѣнію писца, чѣмъ могъ, и т. п. Уже это ставило писцовъ на скользкій путь усмотрѣнія и приноровленія къ особенностямъ частныхъ случаевъ. Ростъ посошнаго обложенія, съ своей стороны, толкалъ ихъ подъ гору по этому скользкому пути. Такъ съ теченіемъ времени пашня паханая живущаго сошнаго письма все болѣе и болѣе расходилась съ дѣйствительными размѣрами запашки облагаемыхъ хозяйствъ и становилась совершенно условнымъ способомъ выраженія ихъ тяглоспособности.

На первый взглядъ можетъ показаться непонятнымъ и даже, быть можетъ, невѣроятнымъ, что на такихъ шаткихъ основаніяхъ возможно было жить и долгое время вести государственное хозяйство. Внимательное отношеніе къ другимъ сторонамъ дѣла устранитъ или, во всякомъ случаѣ, сильно смягчитъ подобныя сомнѣнія.

Выше я говорилъ, что сошное письмо строилось не на чистомъ произволѣ и не на безпочвенномъ усмотрѣніи писцовъ, а на мѣстной старинѣ, на почвѣ мірского оклада и на соглашеніяхъ писца съ населеніемъ. Писцы получали отъ приказовъ очень большія полномочія, но были безсильны обойтись безъ широкаго содѣйствія населенія; въ частности въ сошномъ и вытномъ окладѣ они въ широкой мѣрѣ пользовались данными мірского оклада. Это придавало сдѣлкамъ, къ которымъ прибѣгали писцы, практичность и сообщало сошному письму такую прочность, какой оно, конечно, не имѣло бы, если бы было основано всецѣло на усмотрѣніи писцовъ и безпринципномъ приноровленіи къ особенностямъ частныхъ случаевъ. Эта связь между писцовымъ сошнымъ и мірскимъ даннымъ окладами мнѣ представляется очень важный, и этимъ, какъ я думаю, обстоятельствомъ объясняется тотъ несомнѣнный, указанный мною выше [1]) фактъ, что сошное письмо, несмотря на всѣ свои недостатки, и въ XVII в. продолжало служить прочной основой для обложенія тамъ, гдѣ сохранилися мірской окладъ и его исконная связь съ сошнымъ окладомъ, и что оно разрушалось и переставало удовлетворять и правительство и населеніе тамъ, гдѣ мірская раскладка податей, какъ въ частновладѣльческихъ земляхъ, прекращалась и писцовый сошный окладъ вырождался въ безпочвенный произволъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе и на другое обстоятельство. Хорошо извѣстно, что приказные Московскаго государства были неизобрѣтательными рутинерами, но это худо было не безъ добра. Лишенные самоувѣренности полуобразованія позднѣйшихъ бюрократовъ они крѣпко держались за старину, за то, «что было напередъ сего», и никогда не ухудшали положенія дѣлъ поспѣшными новшествами и рискованными опытами. Это отрицательное, по современнымъ понятіямъ, качество приказной администраціи лишало приказный строй управленія стройности и планомѣрности, но одновременно придавало ему прочность, пока была жива старина и пока было, къ чему «примѣриваться». Неизобрѣтательность и косность приказныхъ сказались въ полной мѣрѣ, какъ отрицательныя качества, только послѣ Смуты, когда сама жизнь произвела въ старинѣ большія разрушенія и лишила приказныхъ образцовъ, которымъ можно было бы слѣдовать.

---

[1]) Сошное письмо, I, стран. 201 и 234 и далѣе.

XV. Землемѣріе и важнѣйшія условности сошнаго письма.

Счисленіе четвертныхъ земель «въ полѣ, а въ дву потому-жъ». Происхожденіе этого пріема. Измѣреніе только одного поля изъ трехъ было общимъ правиломъ. Записка земель въ писцовыя книги совсѣмъ безъ обмѣра, по дозору и смѣтѣ, по приправочнымъ документамъ и по сказкамъ населенія. Колебанія Помѣстнаго приказа по этому вопросу. Мнѣнія И. Н. Миклашевскаго, Ю. В. Готье и В. Н. Седашева о качествѣ писцоваго землемѣрія и вопросъ о такъ называемыхъ «примѣрныхъ» земляхъ. Разнообразіе писцовой практики и несовершенство землемѣрія. — Четвертная земля и угодья. Дача угодій за четвертную землю. Дача угодій «въ угодье» къ четвертной землѣ. Усадебная земля. Сѣнные покосы. Лѣсное угодье. Вопросъ о надѣлѣ угодьями при составленіи валового наказа 192 г. Заключительныя замѣчанія объ угодьяхъ. — Одабриванье среднихъ и худыхъ земель. Назначеніе одабриванья въ тяглѣ и въ служиломъ землевладѣніи. Дѣленіе земель на статьи по ихъ качеству и по угодьямъ, приписаннымъ къ нимъ. Съ теченіемъ времени одабриванье утрачивало свое значеніе.

Четверть, какъ мѣра сыпучихъ тѣлъ, по справедливому замѣчанію И. Н. Миклашевскаго [1]), и въ XVII вѣкѣ не была однообразной повсемѣстно величиной, но это обстоятельство не имѣетъ никакого значенія для четей сошнаго письма. Дѣло въ томъ, что четь сошнаго письма въ XVI и XVII вѣкахъ всегда считается равной полудесятинѣ, а десятина считается равной 2400 кв. саженямъ. Въ писцовыхъ наказахъ, въ различныхъ актахъ объ отдѣлѣ помѣстій и вотчинъ и въ другихъ приказныхъ источникахъ о десятинѣ говорится одинаково: «а десятина мѣрить въ длину 80 саженъ, а поперекъ 30 саженъ» [2]). Другихъ десятинъ въ сошномъ письмѣ мнѣ неизвѣстно. Такъ какъ между десятиной и четью было вполнѣ опредѣленное соотношеніе, то въ сущности не важно, какъ измѣряли землю, мѣрили ли ее сначала десятинами, а затѣмъ «клали въ чети», т.-е. выражали въ четяхъ, или прямо мѣрили и писали четями. Для исторіи

---

[1]) Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, стран. 31—34.

[2]) См., напр., Ак. п. д., I, №№ 89, 104, 115, 120, 215 и 261, II, №№ 28, 29 и 55. См. также Арзамасскіе помѣстные акты, №№ 116, 132, 166 и 439.

сошнаго письма важно то, что, измѣряя землю десятинами или четями, въ однихъ случаяхъ мѣру ея выражали въ одномъ полѣ, а въ другихъ — въ трехъ поляхъ.

Десятинами въ одномъ полѣ писали такія земли, которыя платили оброкъ, какъ посадскія оброчныя земли, и не имѣли никакого отношенія къ сошному письму и платимымъ съ него налогамъ. Десятинами же и четями въ одномъ полѣ мѣрили и писали иногда сѣнокосныя земли и часто пашенные и непашенные лѣса, когда послѣдніе были не настолько велики, что ихъ приходилось писать «по смѣтѣ», т.-е. предположительно, верстами.

Для счета пахотныхъ земель живущаго и пустого сошнаго письма, т.-е. для счета живущей пашни паханой, перелога, наѣзда, лѣсной поросли по пашнѣ, словомъ для всякой четвертной земли, положенной въ сошное письмо, существовалъ пріемъ, хорошо извѣстный всякому, знакомому съ писцовыми книгами и другими источниками, содержащими описаніе земель. Эти источники, указывая мѣру земель — столько-то четей въ полѣ, съ надоѣдливымъ однообразіемъ приговариваютъ: «а въ дву потомъ-жъ»[1]). Это было такъ хорошо всѣмъ извѣстно, что иногда стереотипное выраженіе: «а въ дву потому-жъ» пропускалось. Когда говорили, что въ соху положено 800 четей, или что такому-то служилому человѣку окладъ 100 четей, то всякій зналъ, что рѣчь идетъ о четяхъ въ полѣ, «а въ дву потому-жъ», т.-е. о тройномъ количествѣ четей. Нетрудно догадаться, откуда произошелъ такой пріемъ счисленія земель.

О способахъ и несовершенствѣ тогдашняго землемѣрія въ литературѣ было писано много, но не было обращено достаточно вниманія на то обстоятельство, что въ видѣ общаго правила измѣренію подлежало только одно поле, чаще всего паровое, какъ свободное отъ хлѣба, а два другія поля — озимь и ярь — писцы писали по смѣтѣ и по сказкамъ населенія. Это значительно упрощало работу и устраняло порчу посѣвовъ. Отсюда — пріемъ счисленія земель въ трехъ поляхъ. И. Н. Миклашевскій полагалъ весьма вѣроятнымъ, что этотъ пріемъ возникъ «на почвѣ трехпольнаго хозяйства», но не доказалъ своей

---

[1]) Въ дворцовыхъ земляхъ счетъ въ трехъ поляхъ выражался иногда и десятинами (напр., Писц. кн. Московск. государства, II, стран. 291 и дальше, и Ак. п. д., I, № 1). Это не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ десятина равна 2 четямъ.

мысли, а его соображеніе, что «трехпольная система хозяйства по существу дѣла, съ чисто агрономической точки зрѣнія, не можетъ заключать въ себѣ въ каждомъ своемъ полѣ перелоть, дикое поле и проч.»[1]), ничего не выясняетъ и не опровергаетъ. Намъ нѣтъ надобности поднимать вопросъ о господствовавшей въ XVI и XVII вѣкахъ системѣ земледѣлія. Несомнѣнно, что уже въ XVI вѣкѣ, когда Московское государство еще не овладѣло тучнымъ черноземомъ юга и востока, существовало большое разнообразіе въ пріемахъ, которое въ XVII в. должно было увеличиться, но все это нисколько не противорѣчитъ мнѣнію, что счетъ земель въ трехъ поляхъ возникъ на почвѣ трехпольнаго сѣвосборота. Этотъ пріемъ измѣренія и счисленія земель возникъ и утвердился въ центральныхъ частяхъ государства, гдѣ трехпольный оборотъ былъ господствующей системой, и затѣмъ былъ распространенъ московскими писцами на такія мѣстности государства, гдѣ строй земледѣльческаго хозяйства отклонялся больше или меньше отъ типичныхъ формъ трехполья. Это было тѣмъ болѣе возможно и цѣлесообразно, что въ Московскомъ государствѣ, при всемъ разнообразіи земледѣльческихъ порядковъ, въ основѣ народнаго питанія лежали два хлѣба — озимая рожь и яровые хлѣба, преимущественно овесъ и ячмень. Для озими нуженъ паръ, и такимъ образомъ получалось 3 поля. Что касается измѣренія въ трехъ поляхъ перелоговъ, дикихъ полей и лѣсныхъ порослей, которые иногда, можетъ быть, совсѣмъ не бывали подъ пашней, то это обстоятельство нисколько не измѣняетъ вопроса и сути дѣла. Вполнѣ естественно допустить, что раньше всего возникло и вошло въ обычай измѣреніе пахотныхъ земель, а затѣмъ уже выработанные на пашнѣ пріемы были перенесены и примѣнены къ измѣренію перелоговъ, дикихъ полей и другихъ земель, никогда не бывшихъ подъ пашней.

Такой взглядъ на происхожденіе счета земель въ трехъ поляхъ подтверждается наблюденіемъ надъ порядками землемѣрія. Писцовые наказы, предъявляющіе къ писцамъ вообще очень широкія требованія, относительно обмѣра земель скромны и не требуютъ измѣренія всѣхъ трехъ полей. То же говорятъ и приказныя грамоты

---

[1]) Къ исторіи хозяйствен. быта, стран. 39. Мнѣніе И. Н. Миклашевскаго, что по наказамъ и сѣнные покосы слѣдовало считать и писать въ трехъ поляхъ, справедливо только для послѣдней четверти вѣка. См. П. С. З., № 1074, наказъ 192 года.

объ отдѣлѣ помѣстій. Такъ, въ грамотѣ 122 г. изъ Помѣстнаго приказа объ отдѣлѣ помѣстья въ Арзамасскомъ уѣздѣ мы читаемъ обычное предписаніе: «пашню въ тѣхъ помѣстьяхъ велѣно измѣрить въ одномъ полѣ въ десятины, а десятину мѣрить въ длину по 80 саженъ, а поперекъ по 30 саженъ, а въ дву поляхъ пашню велѣно писать, смѣчая и выспрашивая тутошнихъ и стороннихъ поповъ и дьяконовъ по священству, а старость и цѣловальниковъ и крестьянъ по государеву крестному цѣлованью»[1]). Это предписаніе было настолько обычнымъ, что любой подьячій могъ писать его наизусть. Почти дословно то же мы видимъ въ писцовыхъ наказахъ. Такъ, въ псковскомъ наказѣ 131 г. повторяется то же, что въ приведенной выше грамотѣ 122 г., и прибавлено: «да и самимъ писцамъ въ дву поляхъ пашня и перелогъ и что лѣсомъ поросли по пашнѣ смѣчати гораздо, накрѣпко. А въ которомъ полѣ будетъ пашни и перелогомъ и лѣсомъ по пашнѣ лишка, и писцамъ тотъ лишекъ пашни и перелога прикладывати къ меньшому полю, и изверстывати пашня и перелогъ и лѣсомъ поросль по пашнѣ гораздо, что-бъ одноличпо во всѣхъ трехъ поляхъ пашня и перелогъ и лѣсомъ поросли по пашнѣ въ книги ровно написати. Да и отхожія пашни и пропаши и поляны на лѣсахъ писцамъ въ одномъ полѣ мѣрити, а въ дву поляхъ, смѣчая и выпрашивая и сыскивая накрѣпко, потому-жъ писати»[2]). То же повторяется дословно или съ ничтожными измѣненіями и въ другихъ наказахъ: напр., въ московскомъ наказѣ 134 г., въ касимовскомъ 135 г.[3]) и въ веневскомъ и вяземскомъ наказахъ 172 и 173 годовъ, данныхъ изъ Помѣстнаго приказа[4]). Писцамъ не только не вмѣняется въ обязанность мѣрить всѣ 3 поля, но даже прямо предписывается писать по смѣтѣ и сказкамъ тѣ поля, которыя подъ хлѣбомъ. Въ тѣхъ же наказахъ, въ одной изъ статей объ отдѣлѣ земель въ помѣстья, сказано: «а въ которыхъ будетъ поляхъ хлѣбъ, и хлѣба для мѣрити будетъ которыхъ поль нельзя, и въ тѣхъ поляхъ, смѣчая и выпрашивая накрѣпко», отдѣлять землю въ помѣстья и писать отдѣленное въ книги. Писцовые наказы первой половины вѣка Новгородской и Устюжской четей выражаются неопредѣленно. Ясное и опредѣленное предпи-

---

[1]) Арх. М. Ю., Отказная кн. по Арзамасу № 2, докум. № 115.
[2]) Ак. п. д., I, № 120 (стран. 242 и 235).
[3]) Тамъ же, №№ 215 и 261.
[4]) Тамъ же, III т.

саніе мѣрить всѣ земли и всѣ угодья во всѣхъ трехъ поляхъ появляется только въ наказахъ 70-хъ годовъ, напр., въ устюжскомъ наказѣ 184 г.[1]). Въ отказныхъ книгахъ конца XVI вѣка и всего XVII-го на помѣстья и вотчины мы часто встрѣчаемъ указаніе, что 2 поля отдѣляются по смѣтѣ безъ мѣры. Отдѣльщики, измѣривъ паровое поле, прибавляютъ: «а ржаное поле и яровое не мѣрено, потому что на нихъ хлѣбъ»[2]).

Очень цѣнное указаніе на то, что общимъ правиломъ былъ обмѣръ только одного поля, мы находимъ въ дѣлѣ Помѣстнаго приказа объ изготовленіи наказа валовымъ писцамъ 192 г. Выборные отъ дворянъ, стольникъ кн. Ив. Голицинъ съ товарищами, сказали, что слѣдуетъ мѣрить всѣ 3 поля, «которыя и съ хлѣбомъ, для того что-бъ нигдѣ немѣрены земли не были». Другіе выборные, съ стольникомъ кн. Андр. Хованскимъ во главѣ, высказались за то же и такъ обосновывали свое мнѣніе: «если всѣхъ поль не мѣрить, и въ смѣтѣ будетъ неправда: инымъ многую землю напишутъ за малыя чети, а инымъ немногую землю напишутъ за многія чети. А писцы станутъ отыматься (*т.-е. оправдываться, отговариваться*) тѣмъ, что они тѣ земли писали по смѣтѣ, а не мѣрою, и имъ той земли писать было въ правду по смѣтѣ безъ мѣры не мочно». При этомъ выборные предлагали написать въ наказы, чтобы писцы «поля мѣрили бережно, больше-бъ 10 человѣкъ съ собою не имали. А мѣрить имъ всѣ 3 поля, которыя и съ хлѣбомъ, — кинуть длинникъ да поперечникъ и въ томъ длинникѣ и въ поперечникѣ писать, смѣчая, десятинами, а порознь десятинами не мѣрить, что-бъ отъ того хлѣбу толоки не было»[3]). Очевидно, старый порядокъ измѣренія земель становился невыгоднымъ самимъ служилымъ людямъ. Раньше, когда земельный просторъ былъ больше, они пользовались «смѣтой» двухъ полей, чтобы захватывать «великія мѣсты за малыя чети», заставляя дозорщиковъ, писцовъ и отдѣльщиковъ писать за ними земли, «какъ имъ годно», а теперь высказались за полный обмѣръ земель, чтобы закрѣпить за собой пріобрѣтенное. Бояре, выслушавъ сказокъ выборныхъ дворянъ, приговорили мѣрить

---

[1]) Тамъ же — устюжскій наказъ 12 мая 184 г., статья 27.

[2]) См. Арзамасскіе помѣстные акты, изд. подъ ред. С. Веселовскаго, № 8 (актъ 90 года). То же въ рядѣ другихъ актовъ: №№ 14 (93 г.), 82 (101 г.), 171 (111 г.).

[3]) Ак. п. д., III, дѣло 190 года.

всѣ 3 поля, и это предписаніе вошло въ писцовый наказъ 192 г., почти дословно съ мотивировкой второй группы выборныхъ[1]).

Намъ неизвѣстно, какъ было проведено на дѣлѣ это постановленіе, но изъ этого дѣла, въ связи съ писцовыми наказами и множествомъ другихъ документовъ, становится яснымъ, что до этого въ XVII вѣкѣ, а тѣмъ болѣе въ XVI-мъ, общимъ правиломъ было измѣреніе только одного поля, два же другія поля писцы писали по своей смѣтѣ и по сказкамъ населенія за крестнымъ цѣлованьемъ. Если поля были не равны, то писцы должны были ихъ «изверстывать», т.-е. уравнивать, прикладывая къ меньшому полю лишки отъ бóльшаго, и писать въ книги «всѣ три поля ровно». Основанія для такого пріема указаны ясно въ источникахъ: писцы измѣряли одно поле, свободное отъ хлѣба, обыкновенно паровое, а озимь и ярь должны были писать по смѣтѣ, «что-бъ отъ того хлѣбу толоки не было». Въ нормальномъ хозяйствѣ эти 3 поля приблизительно равны, и правительство пользовалось этимъ обстоятельствомъ, чтобы упростить работу писцовъ и устранить порчу посѣвовъ, неравенства же полей писцы должны были устранять «поверсткой» и писать въ книги «всѣ 3 поля ровно».

Въ этомъ было первая условность сошнаго письма. Въ принципѣ чети пашни паханой «въ полѣ, а въ дву потому-жъ», были условнымъ выраженіемъ средней величины трехъ полей: парового, озимаго и ярового, которыя въ дѣйствительности могли быть неравными.

Итакъ, въ видѣ общаго правила писцы должны были мѣрить только одно поле, а два другія писать по сказкамъ и по своей смѣтѣ. Но и одно поле мѣрили не всѣ писцы и не всегда. Не говоря о техникѣ землемѣрія, которая подробно изслѣдована П. Н. Милюковымъ, и не говоря объ исключительныхъ случаяхъ небрежности и грубыхъ злоупотребленій писцовъ, я постараюсь изобразить средній уровень землемѣрныхъ работъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что различные писцы работали очень разнообразно— одни добросовѣстно дозирали и мѣрили большую часть земель, другіе же писали «дозоромъ» или даже заглазно по приправочнымъ документамъ; одни были добросовѣстны, а другіе подкупны и недобросовѣстны, но важнѣе этого то, что само правительство не всегда требовало обмѣра всѣхъ земель.

---

[1]) П. С. З., № 1074.

Относительно многочисленныхъ, поспѣшныхъ дозоровъ первыхъ лѣтъ послѣ Смуты нѣтъ сомнѣнія, что они совсѣмъ не сопровождались измѣреніемъ земель. Дозорщики не только не мѣрили земель, но часто даже и не дозирали ихъ, а писали по сказкамъ и приправочнымъ документамъ. Дозорщики 128—129 годовъ, навѣрное, работали лучше, но и они, судя по всему, мѣрили только въ исключительныхъ случаяхъ и не всѣ земли. Такъ, въ каргопольскихъ наказахъ 127 и 128 гг. дозорщикамъ предписывалось мѣрить только спорныя земли[1]). Дозорщикамъ Вологодскаго уѣзда 128 г. было велѣно мѣрить только тѣ земли, на которыя у помѣщиковъ и вотчинниковъ не было выписей и сотныхъ грамотъ съ старыхъ писцовыхъ книгъ[2]). Въ докладѣ Помѣстнаго приказа 135 г., который я разсказываю подробно ниже, работа дозорщиковъ охарактеризована въ общемъ такъ: «дозорщики, которые напередъ сего посыланы были въ городы», помѣстныя и вотчинныя земли, на которыя у служилыхъ людей были вотчинныя жалованныя и ввозныя грамоты и писцовыя и отдѣльщиковы выписи, писали «по своему дозору, а не мѣрили», а мѣрили только спорныя земли и тѣ, на которыя у служилыхъ людей не было грамотъ и выписей[3]). На основаніи этого я нахожу возможнымъ сказать, что дозорщики, работавшіе до 130 г., мѣрили въ лучшемъ случаѣ только спорныя земли и такія, на которыя у владѣльцевъ не было крѣпостей, грамотъ и выписей.

Больше вниманія на измѣреніе земель было обращено только со 130 г., когда правительство предприняло «обновленіе Земли» описаніями. Въ наказахъ съ этого года писцамъ предписывалось мѣрить всѣ земли (въ одномъ полѣ), а не только спорныя, но это требованіе, конечно, замедляло описанія, и въ послѣдующіе годы колебанія правительство обнаруживало. Въ наказѣ 134 г., данномъ изъ Помѣстнаго приказа писцамъ Московскаго уѣзда, было велѣно мѣрить всѣ земли, но черезъ годъ — въ маѣ 135 г. — Помѣстный приказъ представилъ государямъ очень важный докладъ по нѣкоторымъ вопросамъ писцоваго дѣла, главнымъ же образомъ объ измѣреніи земель[4]).

---

[1]) Ак. п. д., I, № 89. Ср. тамъ же №№ 84 и 96.
[2]) Тамъ же, № 246.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же. Этотъ докладъ съ формальной стороны разсмотрѣнъ мною въ статьѣ: Двѣ замѣтки о Боярской думѣ, напечатанной въ сборникѣ статей, посвященномъ С. Ѳ. Платонову. С.-Пб. 1911 г.

Докладъ не предполагаетъ допустимымъ, какъ слишкомъ грубый, пріемъ описанія земель заглазно, по приправочнымъ документамъ безъ дозора. Рѣчь идетъ только о томъ, мѣрить ли всѣ земли вновь или, въ случаѣ возможности приправляться къ старымъ книгамъ, выписямъ и грамотамъ, писать нѣкоторыя земли «дозоромъ», т.-е. провѣряя приправочные документы личнымъ досмотромъ. Докладъ предусматриваетъ нѣсколько случаевъ. Мѣрить ли такія земли, на которыя помѣщики и вотчинники не имѣютъ ничего кромѣ ввозныхъ и вотчинныхъ жалованныхъ грамотъ, въ которыхъ четвертная земля въ селеніяхъ и угодья не росписаны порознь, «а написано перечнемъ»? Мѣрить ли такія земли, на которыя служилые люди положатъ передъ писцами выписи «за дьячьими приписьми» изъ старыхъ и новыхъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ? Мѣрить ли земли, на которыя будутъ положены такія же выписи за печатями писцовъ и за руками подьячихъ, а не за приписями дьяковъ? Мѣрить ли бывшія дворцовыя земли, на которыя помѣщики и вотчинники будутъ класть старыя сотныя грамоты, «а тѣ сотныя грамоты сыскали они у крестьянъ, за писцовыми руками и за дьячьими приписьми, и въ тѣхъ сотныхъ грамотахъ села, и деревни, и починки, и пустоши, и въ нихъ четвертная пашня росписана порознь, а писаны тѣ сотныя грамоты лѣтъ за 10, и за 15, и за 20, и за 30, и за 40, и больше»? Наконецъ, четвертый вопросъ, поставленный докладомъ, касался земель, которыхъ не мѣрили дозорщики, работавшіе передъ этимъ. О томъ, какія земли они мѣрили, я говорилъ только что выше. По неизвѣстной причинѣ государи не дали своего указа на этотъ докладъ, а «указали о тѣхъ статьяхъ говорити боярамъ, а что поговорятъ о тѣхъ статьяхъ бояре, и они, государи, велѣли себя государей доложить». Бояре, сознавая важность обмѣра всѣхъ земель, высказались за него,—«хотя де Землѣ, всякимъ людямъ, будетъ и тяжело». Причина тяжести ясна — населенію придется много потратиться на кормы писцамъ, работа которыхъ значительно замедлится. Свое мнѣніе бояре подкрѣпляли соображеніемъ, которое не касается существа вопроса — качества свѣдѣній, содержавшихся въ перечисленныхъ выше приправочныхъ документахъ, — а имѣетъ совершенно формальное и случайное значеніе. Старымъ выписямъ, полагали бояре, нельзя вѣрить, такъ какъ подлинныя дозорныя книги, съ которыхъ онѣ были даны, сгорѣли въ майскій пожаръ 134 г., «а нынѣ многіе станутъ у дозорщиковъ и у подья-

чихъ, которые подьячіе съ дозорщики были, промышлять новыми выписьми и крестьянъ и бобылей и угодья учнутъ воровски приписывать, и отъ того будетъ въ землѣ смута великая и бѣднымъ обида». Можно видѣть, что мнѣніе бояръ о желательности измѣренія всѣхъ земель было основано на чисто формальномъ основаніи — на сомнѣніи въ подлинности выписей и на невозможности провѣрить ихъ вслѣдствіе утраты дозорныхъ книгъ.

Государи утвердили мнѣніе бояръ, но черезъ мѣсяцъ (4 іюля), безъ совѣта съ боярами, дали противоположный указъ. Они велѣли Помѣстному приказу написать въ наказы писцамъ, чтобы писцы не мѣрили земель, на которыя будутъ положены выписи за дьячьими приписьми изъ дозорныхъ и писцовыхъ книгъ со 127 г., если въ этихъ выписяхъ четвертная пашня по селеніямъ, сѣно, лѣсъ и всякія угодья росписаны порознь. Указъ пошелъ даже дальше майскаго доклада: было велѣно не только не мѣрить такихъ земель, но и не дозирать, т.-е. не провѣрять выписей дозоромъ, «для того что тѣ земли писаны и дозираны недавно, да потому, что-бъ писцамъ за такими землями мотчанья не было и письму бы ихъ было спѣшнѣе». Этотъ указъ государи велѣли послать и тѣмъ писцамъ, которые получили наказы раньше и уѣхали уже изъ Москвы на работу[1]). Послѣдняго не слѣдуетъ упускать изъ вида при изученіи писцовыхъ наказовъ, такъ какъ изложенныя въ нихъ предписанія нерѣдко были измѣняемы послѣдующими указными грамотами.

Въ черновикѣ касимовскаго наказа 135 г., помѣченномъ двадцатымъ числомъ іюля, т.-е. двумя недѣлями спустя послѣ указа 4 іюля, въ общемъ изложенъ майскій приговоръ бояръ[2]), но, что было сказано въ бѣловомъ наказѣ, мы не знаемъ. Мы не знаемъ также, какіе писцы и въ какой моментъ работы получили указъ 4 іюля 135 г., но несомнѣнно, что въ дѣйствительности они не только не мѣрили, но и не межевали всѣхъ земель, вызывая послѣднимъ жалобы служилыхъ людей. Въ началѣ 136 г. Помѣстный приказъ докладывалъ государю объ этихъ жалобахъ, и государь указалъ писцамъ подъ угрозой наказанія межевать по прежнему указу всѣ земли, какъ спорныя, такъ и не спорныя[3]).

---

[1]) Ак. п. д., I, № 254.
[2]) Тамъ же, № 261.
[3]) Тамъ же, II, № 9.

Итакъ, и при валовыхъ описаніяхъ 20—30-хъ годовъ писцы не были обязаны мѣрить нѣкоторыя земли вовсе и могли ихъ писать по приправочнымъ документамъ, по книгамъ и различнымъ грамотамъ. На дѣлѣ же они, конечно, были склонны беречь свой трудъ и недобросовѣстно не исполнять должнаго или добросовѣстно толковать распространительно въ свою пользу приказныя предписанія. Они имѣли подъ руками различные приправочные документы: списки съ старыхъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ, съ платежныхъ, отдѣльныхъ и отказныхъ, сотныя, жалованныя и другія грамоты, выписи изъ писцовыхъ, дозорныхъ и отдѣльныхъ книгъ и т. п., а сверхъ всего получали отъ населенія сказки. Все это вызывало соблазнъ и давало возможность описывать земли безъ измѣренія ихъ и даже безъ дозора. На то, что писцы уступали передъ этимъ соблазномъ, есть не мало указаній. Поэтому мнѣ кажется, что И. Н. Миклашевскій едва ли преувеличилъ недостатки работы писцовъ, когда сказалъ, что «свѣдѣнья, заключавшіяся въ письменныхъ документахъ, едва ли не вносились во вновь составляемыя писцовыя книги безъ всякой провѣрки количества земель въ натурѣ, въ особенности если это не были земли спорныя или, такъ называемыя, примѣрныя и обводныя»[1]). Извѣстно, что И. Н. Миклашевскій былъ вообще невысокаго мнѣнія о работѣ писцовъ, особенно объ ихъ землемѣріи[2]).

Нѣкоторые изъ послѣдующихъ историковъ нашли, что суровый приговоръ И. Н. Миклашевскаго слѣдуетъ значительно смягчить. Ю. В. Готье находитъ, что «столь рѣзко высказанное недовѣріе къ писцовой работѣ едва ли можетъ быть принято безъ существенныхъ поправокъ». Основаніе для поправки къ мнѣнію И. Н. Миклашевскаго Ю. В. Готье видитъ въ такъ называемыхъ примѣрныхъ земляхъ, указанія на которыя часто встрѣчаются въ писцовыхъ книгахъ 20-хъ годовъ и еще чаще въ книгахъ 80-хъ, и полагаетъ, что въ большинствѣ случаевъ разногласія приправочныхъ документовъ писцы измѣряли землю[3]). Дѣйствительно, этотъ фактъ свидѣтельствовалъ бы несомнѣнно о томъ, что писцы тщательно провѣряли сказки населенія и показанія приправочныхъ документовъ, и мнѣніе И. Н. Миклашевскаго

---

[1]) Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, стран. 54.

[2]) См. тамъ же, стран. 57: „«Писать» имъ приходилось очень много, меньше «межевать» и еще меньше «мѣрить»".

[3]) Замосковный край и т. д., стран. 84, 87—89 и 161—166.

было бы сильно поколеблено, если бы мы имѣли основаніе думать, что писцы *сами* обнаруживали эти ошибки предшествовавшихъ описаній и отыскали эти земли. Въ дѣйствительности такое предположеніе неосновательно и наличность примѣрныхъ земель можетъ быть истолкована совершенно иначе, чѣмъ это сдѣлалъ на. В. Готье.

Я уже говорилъ о томъ, какія мѣры принимало правительство въ борьбѣ противъ захвата служилыми людьми и утайки лишнихъ земель. Всѣ писцовые наказы, въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ, постоянно предписываютъ писцамъ вызывать населеніе на доносы обѣщаніями государева жалованья и угрозами наказаній. Наказы для описанія помѣстныхъ и вотчинныхъ земель сверхъ того предписываютъ за утайку земель, дворовъ и угодій и за ложь въ сказкахъ отписывать на государя помѣстья и вотчины, а безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ служилымъ людямъ обѣщаютъ за доносъ обводныя земли и утаенныхъ крестьянъ. При такихъ условіяхъ служилый человѣкъ, владѣвшій незаконно лишней землей, всегда подвергался большей или меньшей опасности лишиться ея, а въ извѣстныхъ случаяхъ и всего помѣстья. Между тѣмъ, было нецѣлесообразно, а иногда и несправедливо, отнимать у служилаго землевладѣльца безразлично всякіе лишки. Во-первыхъ, онъ могъ иногда совершенно добросовѣстно владѣть нѣсколько бо́льшимъ количествомъ земли, чѣмъ то, которое было за нимъ записано. Во-вторыхъ, онъ могъ своими трудами, «проча себѣ», распахать бо́льшую или меньшую часть угодій, сѣнныхъ покосовъ, поверстнаго лѣса и т. п., данныхъ ему, какъ и всѣмъ, безъ мѣры какъ дополненіе къ четвертной пашнѣ. Наконецъ, бывали случаи, когда служилый человѣкъ, владѣя не обмежеваннымъ участкомъ, распахивалъ никому не принадлежавшія и ни за кѣмъ не записанныя пустоши. Ко всему этому надо прибавить, что большинство служилыхъ людей не имѣло въ дачахъ земли сполна въ свои оклады. При такихъ условіяхъ отписка всякой лишней земли могла быть несправедливой, а иногда и вредной мѣрой, не говоря о томъ, что доносчикъ, получившій за доносъ лишки, не могъ быть хорошимъ сосѣдомъ стараго владѣльца. Имѣя все это въ виду, правительство избираетъ средній путь — оно указываетъ оставлять за землевладѣльцемъ лишки и писать ихъ за нимъ въ предѣлахъ его оклада, если онъ самъ заявлялъ приказу или писцамъ о томъ, что за нимъ есть лишняя противъ дачи земля; если же землевладѣльцы «хотя

на одинъ день» опоздаютъ съ этимъ заявленіемъ отъ доносчика, то они должны лишиться лишковъ, «потому что сысканы за ними многія земли не по ихъ челобитью». Судя по Указной книгѣ Помѣстнаго приказа, такое рѣшеніе вопроса о лишкахъ не было въ XVII вѣкѣ новостью; этимъ же правиломъ руководилось правительство при царѣ Ѳедорѣ, а можетъ быть и ранѣе[1]).

Благодаря этому лишнія примѣрныя земли очень легко могли обнаруживаться, а при описаніяхъ попадать въ писцовыя книги, по почину самихъ землевладѣльцевъ безъ всякихъ хлопотъ со стороны писцовъ и приказа. При напряженности борьбы служилыхъ людей изъ-за земли, такіе случаи, навѣрное, не были рѣдкостью. Приведу одинъ, кажущійся мнѣ совершенно зауряднымъ, случай. Въ 122 г. арзамасскіе помѣщики Шильниковы заявили въ Помѣстномъ приказѣ, что за ними написано въ помѣстьѣ — за однимъ $80^1/_2$ четей, а за другимъ $55^1/_2$ четей, «а по старымъ де писцовымъ книгамъ *(очевидно 93—94 годовъ)* въ томъ ихъ помѣстьѣ пашни было больше того». Они просили измѣрить землю и дать ее имъ въ оклады — первому въ 400, а второму въ 300 четей. По грамотѣ изъ приказа помѣстье было обмѣрено и Шильниковымъ отдѣлено 100 четей примѣрной земли, по 50 четей каждому[2]). Въ данномъ случаѣ Шильниковы заявили о лишкахъ, быть можетъ, не только изъ опасенія доноса на нихъ, но и изъ опасенія, что Помѣстный приказъ найдетъ списокъ съ старыхъ писцовыхъ книгъ, подлинникъ которыхъ погибъ въ Москвѣ въ разоренье.

Итакъ, примѣрныя земли вовсе не свидѣтельствуютъ о томъ, что писцы тщательно обмѣривали всѣ земли. При указанныхъ выше обстоятельствахъ вполнѣ возможно допустить, что иногда писцы не только не мѣрили примѣрныхъ земель, но и не дозирали ихъ, т.-е. писали ихъ заглазно по сказкамъ заинтересованныхъ въ томъ землевладѣльцевъ. А тотъ фактъ, что примѣрныхъ земель особенно много (по свидѣтельству самого Ю. В. Готье) въ писцовыхъ книгахъ 80-хъ годовъ, когда посошное обложеніе было замѣняемо подворнымъ, а усло-

---

[1]) Указная книга Помѣстн. приказа, изд. подъ ред. В. Н. Сторожева, стран. 37 и особенно указъ 12 марта 128 г. Тамъ же см. исключенія и подробности по этому вопросу. Конкретные случаи отписки утаенныхъ лишковъ см. въ Матеріалахъ для исторіи дѣлопроизводства Помѣстн. приказа по Вологодскому уѣзду, изд. подъ ред. В. Н. Сторожева, I. С.-Пб. 1906 г.

[2]) Арх. М. Ю., по Арзамасу Отказная кн. № 2, докум. № 115.

вія помѣстнаго владѣнія и надѣла значительно измѣнились въ пользу служилыхъ землевладѣльцевъ, тоже свидѣтельствуетъ не о томъ, что хотѣлъ доказать Ю. В. Готье. На мой взглядъ, постоянное появленіе примѣрныхъ земель въ писцовыхъ книгахъ указываетъ на обратное, т.-е. на большую неполноту и несовершенство землемѣрія писцовъ.

Ю. В. Готье высказалъ свой взглядъ на основаніи изученія писцовыхъ книгъ Замосковнаго края, т.-е. почти исключительно книгъ служилаго и монастырскаго землевладѣнія. Если бы ему были извѣстны писцовыя книги черныхъ земель Поморья, то, навѣрное, ему бросилось бы въ глаза ничтожное количество, а иногда полное отсутствіе, примѣрныхъ земель тамъ. Въ этихъ земляхъ работали такіе же писцы, какъ и вездѣ, населеніе, навѣрное, такъ же было склонно къ обманамъ, какъ и служилые люди, но условія работы писцовъ и обстановка здѣсь были иныя, и сообразно съ этимъ получались иные результаты. Здѣсь не было системы окладовъ, при помощи которыхъ можно было бы, не увеличивая платежей въ казну, обезпечить за собой лишнія земли; если тяглый человѣкъ хотѣлъ укрѣпить владѣніе за собой, то онъ долженъ былъ взять на себя землю изъ оброка или изъ тягла, т.-е. принять на себя новый платежъ. Съ другой стороны, земли здѣсь было больше, борьба за нее принимала совершенно другія формы и не была такой напряженной, какъ въ средѣ служилыхъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, здѣсь передъ писцомъ стояли не разъединенные, враждующіе изъ-за земли служилые люди, а сплоченные міры, которые давали дружный отпоръ доносчикамъ и иногда писали особыя записи съ зарядомъ, что имъ «государевыхъ земель другъ у друга изъ оброка и изъ тягла не отнимать». При такихъ условіяхъ доносы были рѣдкимъ исключеніемъ, опасеніе доносовъ было невелико, у тяглыхъ людей не было сильныхъ побужденій заявлять на самихъ себя, и писцамъ вслѣдствіе этого приходилось разыскивать лишнія земли самимъ. Насколько старательно и успѣшно они это дѣлали, видно изъ ихъ писцовыхъ книгъ.

Послѣ Ю. В. Готье оптимистическій взглядъ на землемѣріе писцовъ высказалъ В. Н. Седашевъ. Въ примѣрныхъ земляхъ онъ также видитъ свидѣтельство тщательности и добросовѣстности писцовъ и, какъ межевой инженеръ, знакомый на дѣлѣ съ современной техникой землемѣрія, высказываетъ нѣсколько интересныхъ соображеній: «Писцовая геометрія грѣшила противъ истины, главнымъ образомъ, при

вычисленіи площадей косыхъ треугольниковъ и четыреугольниковъ. По формуламъ древней геометріи площади этихъ фигуръ получались болѣе дѣйствительныхъ». Однако, замѣчаетъ онъ, земельные участки большею частью были не углами и мысами, а довольно правильными прямоугольниками и близкими къ нимъ трапеціями. «Площади подобныхъ фигуръ измѣрялись писцами съ высокой степенью точности»; возможныя ошибки въ 4—5$^0/_0{}^0/_0$ «не умаляютъ научной цѣнности писцовыхъ книгъ»[1]).

Это замѣчаніе спеціалиста землемѣра интересно, но ничего не доказываетъ, такъ какъ является въ сущности подмѣной одного вопроса другимъ. Можно легко повѣрить, что писцы или, вѣрнѣе, сами крестьяне, такъ какъ именно они, а ое писцы, производили подъ наблюденіемъ писца землемѣрныя работы, *умѣли и могли* съ очень несовершенными приспособленіями измѣрить землю довольно точно, но это еще не значитъ, что они въ дѣйствительности всегда такъ мѣрили земли во время производства описаній. Когда обмѣру подлежало въ видѣ общаго правила только одно поле изъ трехъ, когда и это то одно поле писцы не всегда должны были измѣрять, когда обманы населенія и небрежность и недобросовѣстность писцовъ еще болѣе понижали качества работы, то возможныя ошибки въ 4—5$^0/_0{}^0/_0$, при неправильномъ вычисленіи площадей косыхъ фигуръ, являются совершеннымъ пустякомъ.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что мы должны совсѣмъ бросить данныя писцовыхъ книгъ относительно мѣры земель, — этого нельзя сдѣлать уже потому, что замѣнить этого матеріала нечѣмъ, — но всякій оптимизмъ изслѣдователя относительно этихъ данныхъ, а тѣмъ болѣе слѣпое довѣріе къ нимъ недопустимы. Изслѣдователь долженъ относиться очень осмотрительно къ этимъ даннымъ, изыскивать и употреблять всевозможные критическіе пріемы провѣрки ихъ сообразно тѣмъ цѣлямъ и выводамъ, которые онъ имѣетъ въ виду, а главное не долженъ забывать, что писцы работали очень различно и что даже показанія одной и той же писцовой книги относительно различныхъ категорій земель и различныхъ случаевъ землемѣрія могутъ имѣть очень различную научную цѣну.

---

[1]) Очерки и матеріалы по исторіи землевладѣнія Московской Руси въ XVIIв., стран. 29—32. Москва. 1912 г.

Въ приказномъ дѣлопроизводствѣ нерѣдко встрѣчаются удивительные случаи, свидѣтельствующіе какъ о разнобразіи писцовой практики, такъ и о крупныхъ недостаткахъ работы писцовъ по измѣренію земель. Выше, говоря о приправочныхъ докумнетахъ, я указывалъ, какъ опасались приказы, и не безъ основанія, потери земель и какъ они дорожили приправочными документами, въ особенности писцовыми книгами и сотными грамотами. Для приказа утрата старыхъ писцовыхъ книгъ была иногда равносильна потерѣ, нѣкоторой по крайней мѣрѣ части, описанныхъ и измѣренныхъ ранѣе земель. Это объясняется тѣмъ, что писцы отчасти не были въ состояніи и не имѣли силъ и времени, а отчасти не прилагали достаточно труда, чтобы добросовѣстно и тщательно измѣрить и описать всѣ земли. Вслѣдствіе этого нерѣдко бывало, что они «прописывали», т.-е. пропускали такія земли, которыя не были записаны въ приправочныхъ документахъ и о которыхъ имъ не были поданы сказки, а бывало, что, довѣряя слѣпо приправочнымъ документамъ, писали то, чего уже не было.

Въ одномъ указѣ 188 г. приводится заявленіе служилыхъ людей, бившихъ челомъ о порозжихъ земляхъ: «порозжихъ де земель, которыхъ въ писцовыхъ книгахъ не написано, давать имъ не велѣно, а въ писцовыхъ де книгахъ и родственныя ихъ помѣстья за пустотою прописаны, потому что сказать было писцамъ при тѣ земли некому»[1]).

А вотъ обратный случай: записка писцами въ книги по приправочнымъ документамъ несуществовавшей уже вотчины. Въ 139 г. былъ назначенъ съ монастырскихъ и церковныхъ земель чрезвычайный налогъ, который было велѣно взять по числу четвертей земли, независимо отъ ея качества и независимо отъ того, была ли это земля пустая или живущая. Для этой цѣли Помѣстный приказъ наскоро составилъ «земляные списки», въ которыхъ при сборѣ налога обнаружилось много ошибокъ и путаницъ. Въ 140 г. власти Перемышльскаго Рождественскаго монастыря били челомъ государю, что за ними написано по писцовымъ книгамъ 134—135 гг. въ Лихвинѣ и Перемышлѣ 596 четей, тогда какъ въ дѣйствительности у нихъ только 106 четей. Они писали, что 270 четей у нихъ отписано подъ засѣку еще при

---

[1]) П. С. З., № 785.

бояринѣ Богданѣ Бѣльскомъ, 30 четей отписано къ храму Арх. Михаила, а 190 четей написано лишнихъ. Челобитчики объясняли эту ошибку писцовъ такъ: «ту, государь, монастырскую вотчину въ Лихвинѣ написалъ за Рождественскимъ монастыремъ дозорщикъ Поликарпъ Давыдовъ да подьячій Осипъ Мошнинъ во 128 году противъ старыхъ приправочныхъ книгъ, а въ тѣ поры монастырь былъ пустъ и сказать было некому. А нынѣшніе, государь, твои государевы писцы, Вас. Бутурлинъ и подьячій Юр. Судниковъ, написали за нами бѣдными, не справяся, противъ старыхъ дозорныхъ книгъ П. Давыдова»[1]). Понятно, почему этотъ случай обнаружился въ 140 г. Раньше земли, не положенныя въ живущее сошное письмо, не платили налоговъ, а писцы 134—135 гг. положили монастырь въ живущее подворно. Поэтому власти монастыря не безпокоились о томъ, что дозорщики и писцы послѣдовательно писали за ними по старымъ приправочнымъ документамъ несуществующую вотчину, и только чрезвычайный налогъ 139 г., положенный на всю землю, затронулъ ихъ, и они обнаружили ошибку дозорщиковъ и писцовъ.

Тогда же въ приказѣ Приказныхъ дѣлъ, который сбиралъ этотъ чрезвычайный налогъ, обнаружилось еще не мало ошибокъ. Между прочими была такая. Описаніе уѣзда Юрьева Польскаго еще не было окончено, когда Помѣстный приказъ (въ 139 г.) составлялъ земляные списки монастырскихъ земель. Поэтому вотчины этого уѣзда были написаны по дозорнымъ книгамъ 128 г. Въ началѣ 140 г. юрьевскіе писцы подали въ Помѣстный приказъ свой перечневой списокъ, и Помѣстный приказъ внесъ по нему поправки, напр. такія: по дозору 128 г. за Сновицкимъ монастыремъ было написано 100 четей, а по письму Ѳ. Скрябина 818 четей, за Никольскимъ Волосовымъ монастыремъ по дозору Ѳ. Арцыбашева 128—129 гг.—250 четей, а по письму — 600 четей. Помѣстный приказъ, въ памяти приказу Приказныхъ дѣлъ, такъ объяснялъ эту разницу: «а прибыло въ тѣхъ монастырскихъ вотчинахъ по новому списку Ѳ. Скрябина 138 года передъ Ѳедоровымъ спискомъ Арцыбашева потому, что Ѳедоръ Скрябинъ писалъ и мѣрилъ, а Ѳ. Арцыбашевъ только дозиралъ, а не мѣрилъ»[2]). Узнавъ это, мы готовы подумать, что встрѣтили, наконецъ, въ Ѳ. Скрябинѣ образцоваго, знающаго и добросовѣстнаго писца,

---

[1]) Дворц. Арх., 25 опись, 139 г. № 148.
[2]) Тамъ же, лл. 41—43, 62—66, 58—60, 70—74.

но тотъ фактъ, что его книги по челобитью дворянъ были опорочены и отставлены[1]), заставляетъ воздержаться отъ подобнаго заключенія.

Количество подобныхъ примѣровъ ошибокъ и несовершенства писцоваго землемѣрія можно значительно увеличить, но я не буду этого дѣлать, такъ какъ условности сошнаго письма, къ изслѣдованію которыхъ я сейчасъ перейду, гораздо важнѣе для исторіи предмета, чѣмъ самые яркіе примѣры. Эти условности настолько затемняли дѣло, что заблужденіе, въ которое впали составители Межевой инструкціи 1766 г., вполнѣ понятно. Инструкція указываетъ, сколько слѣдуетъ намѣривать земли на коробью и обжу въ Новгородской губерніи, какъ опредѣлять мѣру другихъ мѣстныхъ единицъ, но совершенно отказывается видѣть въ сохѣ реальную величину. Въ 19 статьѣ инструкціи сказано: «У которыхъ владѣльцевъ въ дачахъ число четвертей и десятинъ показано будетъ именно, а во окончаніи общая всѣмъ сумма и подъ тѣмъ упомянуто о сошномъ письмѣ, въ томъ мѣстѣ считать одну извѣстную четвертямъ и десятинамъ мѣру, а на число сохъ *(слѣдуетъ прибавить: земли)* не намѣривать за тѣмъ, что все то пашеннымъ землямъ въ сошное письмо счисленіе и положеніе было не для намѣриванья на оное число четвертей или десятинъ, но для однѣхъ бывшихъ въ прежнія времена съ того государственныхъ податей» [2]).

Не слѣдуетъ представлять себѣ, будто писцы клали въ живущее и пустое сошное письмо чети пахотной земли, взятыя сами по себѣ. Служилые люди въ помѣстье и вотчину, а тяглые люди въ тягло получали не чети земли, а участки, представлявшіе совокупность земель и угодій, необходимыхъ для земледѣльческаго хозяйства. Отъ писцовъ и приказовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ зависѣло, какую долю участка измѣрить и дать какъ четвертную землю, а какую — дать «въ угодье», какъ необходимое добавленіе къ четвертной землѣ, или, употребляя тогдашнее техническое выраженіе, «за» какое количество четвертей счесть и дать какой-либо опредѣленный участокъ. Если писецъ признавалъ землю худой, то, отобрявъ ее по указной нормѣ, онъ давалъ 150 четей такой земли, считая ихъ за 100. Сверхъ этого всегда давали, какъ

---

[1]) См. выше, стран. 166.
[2]) П. С. З., XVII т., № 12659.

необходимое добавленіе къ четвертной землѣ, большее или меньшее количество угодій: земли подъ усадьбу, подъ гумно и околицу, подъ выгонъ, сѣнныхъ покосовъ, лѣса и воднаго угодья. Всѣ эти угодья не шли въ счетъ четвертной пашни, а количество ихъ опредѣлялось стереотипнымъ выраженіемъ: «а сѣна и лѣса и всякихъ угодій — по пашнѣ», т.-е. соотвѣтственно количеству четвертной земли. Намъ это выраженіе не говоритъ ничего, но мы можемъ утѣшаться тѣмъ, что и у современниковъ по этому поводу не разъ происходили недоразумѣнія. У приказовъ и писцовъ не было опредѣленныхъ нормъ надѣленія четвертной земли угодьями, и на дѣлѣ все опредѣлялось, съ одной стороны, земельнымъ просторомъ и сложившимися уже ранѣе въ данной мѣстности условіями жизни, а съ другой стороны, усмотрѣніемъ писцовъ и другихъ агентовъ правительства, которые были на то уполномочены.

Писцовыя книги рѣдко и большею частью мимоходомъ даютъ указанія на то, какъ четвертная земля была надѣлена угодьями. Казалось бы, что писцовые наказы должны были дать намъ на этотъ счетъ опредѣленныя разъясненія, но въ нихъ мы находимъ только общія фразы. Такъ, касимовскій наказъ 135 г. предписываетъ писцамъ «всякихъ угодій отмѣривать въ помѣстье по пашнѣ» и изверстывать, т.-е. уравнивать, помѣщиковъ «всякими угодьи по пашнѣ поровну». Къ порозжимъ землямъ предписывается оставлять угодій «по пашнѣ же, что-бъ впередъ тѣ земли для угодій *(т.-е. изъ-за недостатка въ угодьяхъ)* порозжи не были». Если въ однихъ селеніяхъ много угодій, а въ другихъ мало, то къ послѣднимъ писцы должны «лѣсовъ и покосовъ и иныхъ угодій прибавливать отъ тѣхъ селъ, и деревенъ, и отъ починковъ, и отъ пустошей, и отъ селищъ, у которыхъ всякихъ угодій много, что-бъ всѣ помѣстья угодьи изверстаны были поровну»[1]). Въ тѣхъ же выраженіяхъ говорятъ объ угодьяхъ и другіе наказы для описанія помѣстныхъ и вотчинныхъ земель. Наказы же писцамъ черныхъ и дворцовыхъ земель совсѣмъ молчатъ объ угодьяхъ, если не считать общаго требованія не давать крестьянамъ «лишней» земли. Только устюжскій наказъ 184 г., болѣе подробный, чѣмъ наказы первой половины вѣка, посвящаетъ угодьямъ цѣлую статью, но и въ ней нѣтъ ничего кромѣ общихъ фразъ. Писцы

---

[1]) Ак. п. д., I, № 261.

должны уравнять крестьянъ угодьями, «что-бъ устюжскихъ волостей крестьяне угодьями были всѣ равны, и волость бы передъ волостью и село передъ селомъ и деревня передъ деревнею пустошьми и всякими угодьями оскужены не были»[1]).

Итакъ, для выясненія порядковъ надѣла угодьями мы должны изучить практику. Разсмотримъ сначала вопросъ о дачѣ угодій за четвертную землю, такъ какъ онъ стоитъ въ тѣсной связи съ надѣленіемъ угодьями четвертной земли.

Извѣстно, что служилые и тяглые люди иногда получали особо цѣнныя угодья за то или иное количество четвертной земли, а не «въ угодье», т.-е. не какъ добавленіе къ четвертной землѣ. Такіе случаи особенно часты въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, хотя иногда встрѣчаются и въ дворцовыхъ и черныхъ. За четвертную пашню шли бортные ухожья, юрты, мельницы, рыбныя ловли и другія доходныя статьи[2]). Напр., въ 150 г. чарондскій воевода далъ одному крестьянину Вожеской волости «4 рѣки и съ ручьями... и съ сѣнными покосы и съ рыбными ловлями, съ лѣтними и зимними, по тѣмъ рѣкамъ, безъ перекупки, въ вытное тягло — въ полвыти»[3]). Особенно часты такіе случаи въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ. Вотъ очень хорошій примѣръ: въ дозорной книгѣ 121 г. Нижегородскаго уѣзда за И. Б. Доможировымъ записана въ вотчинѣ за 30 четвертей мельница на рѣкѣ Вормѣ, «а прежъ того та мельница была за отцомъ его за Борисомъ... въ помѣстьѣ за 30 же четвертей». Приравнивая мельницу противъ прежняго четвертной землѣ, дозорщики положили ее по своему усмотрѣнію въ живущую пашню паханую: «платить ему Ивану съ той мельницы противъ живущія четвертныя пашни въ ямское строенье и во всякія государевы подати съ 3 четвертей пашни»[4]).

Въ Уложеньѣ царя Алексѣя по этому вопросу сказано: «А будетъ который помѣщикъ пріищетъ гдѣ пустыя озера или въ рѣкахъ рыбныя ловли порозжія, а не помѣстныя и не вотчинныя и не оброчныя, и учнетъ о тѣхъ водахъ бити челомъ государю въ помѣстье за четверт-

[1]) Тамъ же, III т., — наказъ 12 мая 184 г., 32 статья.

[2]) И. Н. Миклашевскій, Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, стран. 38.

[3]) Прик. д. стар. л., 1647 г. № 127.

[4]) Сборникъ Нижегородск. Арх. Губ. Ком., VI т., стран. 135. Нижній. 1905 г.

ную пашню, и такія воды всякимъ помѣщикамъ отдавать въ помѣстья за четвертную пашню по разсмотрѣнью»[1]). И здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ «разсмотрѣніе». Какія угодья дать «въ угодье» къ четвертной пашнѣ и что и за сколько четей дать «за» четвертную пашню, всецѣло зависѣло отъ приказа и писцовъ. Въ писцовомъ наказѣ 189 г. предполагалось водныя угодья измѣрять десятинами. Бояре, обсуждая этотъ наказъ, приговорили, 7 марта 190 г., мѣрить воды, «какъ льды станутъ». Этотъ неостроумный самъ по себѣ пріемъ былъ неудобенъ еще и потому, что писцы и межевщики обыкновенно работали только отъ снѣга до снѣга и для измѣренія водъ по льдамъ имъ пришлось бы разъѣзжать по уѣзду и жить у дѣла всю зиму. Выборные кн. Ив. Голицынъ съ товарищами высказались за болѣе простое и выгодное для служилыхъ людей рѣшеніе вопроса — давать воды въ угодья, «а не въ четвертную пашню». Сами бояре 15 марта отмѣнили свой первый приговоръ, и 24 іюля 190 г. было указано статью о водахъ написать въ наказы «по уложенью и по первому валовому наказу»[2]). Однако, въ указныхъ статьяхъ 192 г. валовымъ писцамъ вопросъ былъ рѣшенъ такъ, какъ предлагали выборные: рѣки и озера было велѣно давать въ угодья, «а въ четверти не класть»[3]). Для конца XVII вѣка это было самое правильное рѣшеніе вопроса, такъ какъ дача особо цѣнныхъ угодій за четвертную пашню была тѣсно связана съ сошнымъ письмомъ и съ отмѣной его переставала быть цѣлесообразной.

Понятно, почему владѣніе угодьями за четвертную пашню встрѣчалось въ частновладѣльческихъ земляхъ чаще, чѣмъ въ черныхъ и дворцовыхъ: правительство относилось отрицательно и въ общемъ весьма послѣдовательно къ держанію земель на оброкѣ служилыми людьми и монастырями. Оно изрѣдка встрѣчается, но никогда и нигдѣ не было такъ распространено, какъ среди черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ. Писцовые наказы прямо запрещаютъ писцамъ давать на оброкъ всякія угодья служилымъ людямъ, «чтобы отъ того которое угодье не запустѣло»[4]). Правительство опасалось, что служилые люди, особенно помѣщики, не заинтересованные въ сбереженіи угодій, будутъ ихъ пустошить. Другая причина отрицательнаго

---

[1]) XVI гл., 36 статья.
[2]) Ак. п. д., III т., Дѣло объ изготовленіи наказа 192 г.
[3]) П. С. З., № 1074, 37 статья.
[4]) Ак. п. д., I, № 261 (стран. 553), и II, № 1.

отношенія правительства къ оброчному держанію частными владѣльцами отмѣчена въ указѣ 155 г. объ оброчныхъ угодьяхъ въ городахъ Новгородской чети. Государь указалъ и бояре приговорили давать земли и угодья на оброкъ не болѣе 5 лѣтъ, «а не въ прокъ»; давать только тяглымъ людямъ, «а впередъ въ монастыри оброчныхъ земель и никакихъ угодій на оброкъ отдавать не велѣно, что-бъ его государевымъ крестьянамъ отъ монастырей въ землѣ и въ угодьяхъ обидъ не было»[1]). Наконецъ, третьей причиной было опасеніе правительства, что служилые люди, взявъ на оброкъ земли и угодья, сосѣднія съ ихъ владѣніями, могутъ присоединить ихъ къ своимъ помѣстьямъ и вотчинамъ и завладѣть ими въ прокъ. Это было возможно благодаря тому, что многія земли были не обмежеваны и плохо обмѣрены, и благодаря условностямъ сошнаго письма и порядкамъ надѣленія четвертной пашни угодьями.

Въ черныхъ, дворцовыхъ и бортныхъ волостяхъ оброчное держаніе было совершенно обычнымъ и распространеннымъ явленіемъ. Здѣсь крестьяне имѣли возможность получить угодья и «въ угодье» къ четвертной тяглой землѣ и на оброкъ, и потому случаи, когда они получали угодья за четвертную пашню были рѣдки. Объ оброчномъ держаніи этихъ крестьянъ и объ отношеніи оброчныхъ земель къ тяглымъ я буду говорить подробно въ главѣ о выти.

Важнѣйшими угодьями, которыя служилые и тяглые люди получали въ дополненіе къ четвертной землѣ, были: усадебная земля съ околицей, гумномъ и выгономъ, сѣнные покосы, дровяной и строевой лѣсъ и водопой для скота, а въ случаѣ надобности и прогонъ къ водопою.

Можетъ показаться очень страннымъ, что писцовые наказы и книги обыкновенно не только не говорятъ о мѣрѣ усадебной земли, но и не упоминаютъ о ней. Даже въ отдѣльныхъ на помѣстья и вотчины книгахъ, гдѣ, казалось бы, мы должны были встрѣтить болѣе подробное, чѣмъ въ писцовыхъ книгахъ, описаніе владѣній, указанія на усадьбы отрывочны и не полны. Эти книги всегда упоминаютъ объ усадищѣ; говорятъ, что оно дано помѣщику; изрѣдка, особенно при раздѣлѣ помѣстій, говорятъ, что одному изъ помѣщиковъ данъ «на усадище дворъ крестьянской» или 1—2 пустыхъ дворовыхъ мѣста,

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1626 г. № 7.

но мѣры усадебъ и другихъ подробностей не даютъ[1]). Между тѣмъ, помѣщичья усадьба съ крестьянскими дворами иногда занимала, навѣрное, не мало земли. Вотъ, напр., что было въ помѣстьѣ Плакиды Панова, Арзамасскаго уѣзда, въ селѣ Пановѣ, по отписнымъ книгамъ 115 г. Пашни и перелога на жребій П. Панова было 200 четвертей, да «сѣнныхъ покосовъ по смѣтѣ 100 копенъ», «да въ селѣ-жъ Пановѣ водяное угодье — прудъ большой». Усадьба помѣщика состояла изъ множества построекъ: на ней было нѣсколько горницъ на подклѣтяхъ, повалуши, ледникъ, погребъ съ сушиломъ, 6 житницъ, большой конюшенный дворъ съ сѣнникомъ, поварня, винокурня, 27 избъ, клѣтей и шалашей людскихъ, 2 хорошо обстроенныхъ двора со службами приказчика и человѣка, «огородецъ овощной, а въ огородцѣ 8 яблоней большихъ да 7 маленькихъ», «да за дворомъ садъ заячій, огороженъ вострымъ тыномъ, а въ саду 5 зайцевъ». Крестьянскихъ дворовъ живущихъ было 53 да 1 пустой, да бобыльскихъ 13 дворовъ, всего 67 дворовъ. Тягла подъ крестьянами было $12^3/_4$ выти[2]). Такая богатая усадьба, почти съ сотней различныхъ дворовъ не могла не занимать много мѣста, но о размѣрахъ его въ отписныхъ книгахъ, какъ обыкновенно въ писцовыхъ и въ отдѣльныхъ, не сказано ни слова.

Указанія на количество усадной земли мы изрѣдка встрѣчаемъ только въ описаніяхъ пустошей и пустыхъ помѣстій, но довѣрять имъ вполнѣ нельзя, такъ какъ при отдѣлѣ этихъ земель въ помѣстье или въ тягло усадъ и угодья могли быть отведены иначе и въ другомъ размѣрѣ. Вотъ два случая, встрѣтившіеся мнѣ въ арзамасскихъ актахъ. Въ 107 г. была отписана на государя пустошь, бывшая ранѣе за К. Собакинымъ. Отписчикъ вымѣрилъ въ пустоши 80 четей пашенной земли да 22 десятины дубровнаго мѣста подъ сѣнные покосы, да «усаднаго мѣста, гдѣ быти усаду, на усадъ и на дворы и на околицу 20 десятинъ»[3]). Такимъ образомъ, отписчикъ полагалъ, что на 120 десятинъ пашенной земли слѣдуетъ дать 20 десятинъ на усадъ

---

[1]) С. Веселовскій, Арзамасскіе помѣстные акты. М. 1915 г. На усадище дворъ крестьянскій: № 17 (93 г.), № 41 (96 г.), №№ 55, 62 и 78 (101 г.), № 92 (103 г.), № 124 (106 г.), № 195 (114 г.). На усадъ мѣсто дворовое — № 76 (101 г.). На усадъ вмѣсто помѣщикова двора «2 дворишка бобыльскихъ пусты» — № 82 (101 г.).

[2]) Тамъ же, № 223.

[3]) Тамъ же, № 132.

и 22 десятины на сѣнные покосы. Въ другомъ случаѣ, въ 116 г., отписчикъ измѣрилъ пустошь и вымѣрилъ на ней «дикаго поля на пашню на 300 чети земли въ полѣ, а въ дву потому-жъ, опричь усадовъ, и дворовыхъ мѣстъ, и подоколицы, и подгуменниковъ. А подъ дворы и подъ околицы и подъ усады оставлено по 15 чети земли на всякій усадъ»[1]). Такъ какъ всего было 3 усада, то въ общемъ усадней земли приходилось по 5 десятинъ на 100, т.-е. гораздо меньше, чѣмъ въ пустомъ помѣстьѣ К. Собакина.

Одна книга Сошнаго письма говоритъ: «на посадъ земля дается на выть по 2 чети»[2]). Это составляетъ, считая обычную выть въ 12 четей въ трехъ поляхъ, по 1 десятинѣ на 18. Едва ли это государевъ указъ и во всякомъ случаѣ не общая норма. По крайней мѣрѣ, писцовыя книги и другіе источники не подтверждаютъ существованія такой нормы. Возможно, что такая норма усадебной земли въ XVI вѣкѣ гдѣ-нибудь и примѣнялась, но въ XVII вѣкѣ, когда на выти обыкновенно сидѣло 4—5 и болѣе тяглыхъ дворовъ, она не могла быть достаточной.

Я нахожу возможнымъ ограничиться по этому интересному вопросу указанными замѣчаніями, такъ какъ для нашей темы достаточно установить фактъ, что усадебная земля, о которой писцовыя книги ничего не говорятъ, была, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, необходимой принадлежностью четвертной земли сошнаго и вытнаго письма.

Другимъ необходимымъ угодьемъ были сѣнные покосы. Писцовые наказы обыкновенно предписываютъ мѣрить сѣнокосныя земли въ десятины и писать, сколько на нихъ ставится копенъ сѣна, но никогда не даютъ нормъ надѣленія четвертной земли покосами. Въ дѣйствительности же въ писцовыхъ книгахъ сѣнные покосы чаще всего написаны въ копнахъ, а не въ десятинахъ, и притомъ написаны не по мѣрѣ, а по смѣтѣ, т.-е. предположительно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно наблюдать мѣстныя нормы укосовъ. Такъ, въ Арзамасскомъ уѣздѣ нѣкоторые отдѣльщики считали по 10 копенъ на десятину[3]).

---

[1]) Тамъ же, № 228.

[2]) Счетная мудрость, изд. Общ. Л. Др. П., XLII, стран. 120.

[3]) Арзамасскіе помѣстные акты, № 4 (86 г.) и № 110 (105 г.). Слѣдуетъ однако замѣтить, что это не былъ общій указъ, и въ 110 году одинъ отдѣльщикъ считалъ по 10 копенъ на четверть. Тамъ же, № 156.

Въ большинствѣ же случаевъ нѣтъ возможности установить ни нормъ, хотя бы мѣстныхъ, надѣленія сѣнными покосами, ни нормъ укосовъ. Съ другой стороны, въ источникахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній на то, чтобы писцы производили пробные укосы. Да это было и невозможно, такъ какъ для того, чтобы опредѣлить размѣры покосовъ по пробнымъ укосамъ, писцамъ пришлось бы нарочно ѣздить по уѣзду въ сѣнокосное время, когда они не могли иногда объѣхать его и одинъ разъ, и производить много пробъ, такъ какъ покосныя земли очень разнообразны по урожайности. Не менѣе важно и то обстоятельство, что копна не такая ужъ опредѣленная мѣра, чтобы не допускала разногласій и недоразумѣній. На основаніи этого я полагаю, что за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда писцы считали на четь пашни то или иное опредѣленное число копенъ сѣна, размѣры покосовъ были опредѣляемы въ копнахъ по сказкамъ населенія и по усмотрѣнію писца, который, конечно, примѣривался къ прошлому и сообразовался съ мѣстными условіями.

Очень характерный, какъ мнѣ кажется, случай по вопросу о надѣленіи вытей покосами произошелъ въ 134 г. при описаніи Сольвычегодскаго уѣзда. Крестьяне жаловались въ чети, что писцы клали у нихъ на выть по 40 копенъ «малыхъ лѣтнихъ волоковыхъ[1]), а у нихъ де тѣхъ малыхъ копенъ кладется на одинъ возъ по 5 и по 6 копенъ»... «и того де сѣна и на одну лошадь корму въ годъ будетъ мало». Приказъ, не имѣя объективныхъ нормъ, предписывалъ писцамъ класть сѣна на выть, «примѣрясь къ прежнему, по скольку какихъ копенъ сѣна на выть кладено было у прежнихъ дозорщиковъ, или какъ гдѣ годно по вашему разсмотрѣнью, по тольку-бъ копенъ на выть положили, что-бъ крестьянамъ мочно было чѣмъ скотъ всякой въ годъ прокормить, а скудости-бъ и недостатка передъ прошлыми годы крестьянамъ въ сѣнѣ не было, и съ тѣхъ вытныхъ съ сѣнныхъ покосовъ возможно было крестьянамъ впередъ наши оброчныя деньги платить. А одноличнo-бъ есте въ томъ во всемъ учинили по разсмотрѣнью въ правду, что-бъ впередъ было крѣпко и стоятельно, а отъ крестьянъ бы въ тѣхъ сѣнахъ челобитья намъ никотораго не было»[2]). Въ дѣйствительности

[1]) Волоковая копна, можетъ быть, то же, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соссіи называютъ кружками. Сѣно изъ рядовъ сбиваютъ въ кружки, а затѣмъ кладываютъ въ копны. Кружки либо сносятъ въ копны на рукахъ, либо стаскиваютъ по землѣ волокомъ, при помощи волóки или важки на постромкахъ.

[2]) Ак. п. д., I, № 210.

писцы соблюдали упомянутую челобитчиками норму — 40 копенъ на выть — только приблизительно. Вотъ, напр., какъ они дали сѣна шести деревнямъ Алексинскаго стана[1]).

	Вытей.	Копенъ сѣна.	На выть копенъ приходится.
Нагорье	$^7/_8$	30	$34^2/_7$
Яловцовскій Уголъ	$^7/_8$	35	40
Ѳедоровская	$^3/_4$	30	40
Печерино	$2^7/_8$	90	$31^7/_{23}$
Березникъ	1	50	50
Деревенька	$2^1/_2$	120	48

Если мы станемъ просматривать писцовыя книги и сотныя грамоты, то увидимъ самое разнообразное надѣленіе сѣнными покосами. Такъ, дворцовое село Борисовское, Владимирскаго уѣзда, по письму 64 г. получило на выть огуломъ по 35 копенъ, которыя крестьяне должны были разверстать между собой подъ наблюденіемъ приказчика[2]). Другое дворцовое село того же уѣзда — село Красное — получило въ 93 г. тоже огуломъ, но всего по 20 копенъ на выть[3]). Крестьяне дворцовыхъ волостей вел. князя Семіона, Тверскаго уѣзда, получили по письму 88 г. на выть по 15, 20, 27, $28^1/_2$, 34, 43, 50 и даже 63 копны, не считая того сѣна, которое было дано въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревнямъ на всѣ выти вообще[4]). Такъ же неравномѣрно надѣляли выти сѣнами и устюжскіе писцы 131 г., при чемъ давали тамъ, гдѣ не хватало сѣнокосовъ, по четверти пашенной земли за 10 копенъ сѣна[5]).

Еще болѣе неравномѣрно и разнообразно надѣленіе сѣнными покосами помѣстныхъ и вотчинныхъ земель. Здѣсь мы обыкновенно не видимъ даже мѣстныхъ нормъ. Очевидно, что здѣсь все опредѣлялось мѣстными условіями и усмотрѣніемъ писцовъ и отдѣльщиковъ, поскольку они не были связаны сложившимися уже ранѣе отношеніями.

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1632 г. № 80.

[2]) Акты гражданской расправы А. Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 83.

[3]) Ак. п. д., I, № 1.

[4]) Писц. кн. Московск. госуд., II, стран. 317, 296, 293, 400, 320, 301, 351, 400.

[5]) Прик. д. стар. л., 1626 г. № 61.

Небольшіе лѣса писцовые наказы предписываютъ измѣрять десятинами, «а гдѣ будетъ лѣса большіе, а мѣрити ихъ будетъ въ десятины нельзя, и писцамъ тѣ лѣса писати, смѣчая и выспрашивая и сыскивая накрѣпко, сколько гдѣ верстъ или десятинъ пашеннаго и непашеннаго и бортнаго лѣса»[1]). Въ писцовыхъ книгахъ мы видимъ множество примѣровъ такихъ лѣсовъ, написанныхъ по смѣтѣ, т.-е. предположительно, и по сказкамъ населенія. Часто писецъ, не обманывая себя и приказъ, прямо говоритъ, что поверстнаго лѣса «въ длину на версту, а поперекъ версты на двѣ, индѣ больше, индѣ меньше»[2]). Такое гадательное опредѣленіе размѣра лѣсовъ имѣетъ, конечно, очень небольшую научную цѣнность.

Что же касается надѣленія лѣсами четвертной пашни, то оно было еще болѣе разнообразно и неравномѣрно, чѣмъ надѣленіе сѣнными покосами. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ лѣсное угодье цѣнилось такъ мало, что очень часто писцы и отдѣльщики не отдѣляли лѣса, не мѣрили и не межевали его, а просто давали землевладѣльцу право пользоваться сосѣдними государевыми черными или бортными лѣсами, сколько будетъ нужно. Такъ, въ Арзамасскомъ уѣздѣ отдѣльщики часто не отводили опредѣленныхъ участковъ лѣса помѣщикамъ, а писали въ отдѣльныхъ книгахъ: «а лѣсъ имъ сѣчи дровяной и хоромной, ходя по дубравамъ, вообще», или: «а лѣсъ Неугоду *(Трескину)* хоромной и дровяной сѣчи въ мордовскихъ ухожьяхъ, и гдѣ къ его землѣ ближе и гдѣ пригоже», или: «а лѣсъ татарамъ, старымъ помѣщикамъ и новикамъ, хоромной всякой и дровяной сѣчи, и лубье снимати, и лыка драти, и по всякую угодь ѣздити по обѣ стороны рѣки Пьяны въ мордовскія и въ бортничьи вотчины, опричь бортнаго дѣльнаго деревья, и въ рѣкѣ имъ во Пьянѣ и въ озерахъ рыба про себя ловити не въ оброчныхъ водахъ, и хмель щипати и для всякаго угодья ходити противъ своего позема попрежнему»[3]). Единственнымъ ограниченіемъ при пользованіи лѣсами было запрещеніе рубить и портить бортныя дѣльныя и не дѣльныя деревья.

---

[1]) Ак. п. д., I, № 261, и другіе наказы.

[2]) Нѣсколько интересныхъ подробностей и фактовъ по этому вопросу см. у В. Н. Сторожева въ статьѣ: Монастырское землевладѣніе на Вологдѣ. Сборникъ статей въ честь В. О. Ключевскаго, стран. 378—379, 389, 393. М. 1910 г.

[3]) Арзамасскіе помѣстные акты, изд. подъ ред. С. Веселовскаго, №№ 49, 56, 169 и многіе другіе.

Это было уже извѣстно въ литературѣ, и вообще надѣленіе лѣсами было такъ разнообразно, что я считаю излишнимъ говорить о немъ больше.

О надѣлѣ и размѣрахъ другихъ угодій мы узнаемъ большею частью случайно и въ этихъ случайныхъ данныхъ видимъ тоже большое разнообразіе и неравномѣрность. Напр., 6 упомянутыхъ выше деревенъ Сольвычегодскаго уѣзда владѣли по письму 131 г. поскотиной, или примѣрной землей вмѣсто поскотины, въ такомъ размѣрѣ.

Дер.	Нагорье	на	$^7/_8$	выти	имѣла	5	десятинъ поскотины.
»	Яловцовская	»	$^7/_8$	»	»	4	» »
»	Деревенька	»	$2^1/_2$	»	»	$43^1/_4$	чети примѣрной земли.
»	Березникъ	»	1	»	»	4	десят. поскотины и 7 четей примѣрной земли.
»	Печерино	»	$2^7/_8$	»	»	3	десят. поскотины и 14 четей примѣрной.
»	Ѳедоровская	»	$^3/_4$	»	»	5	десят. поскотины и $2\ ^1/_2$ чети примѣрной [1]).

Обсужденіе вопроса объ угодьяхъ боярами и выборными служилыми людьми, при составленіи наказа валовымъ писцамъ 192 г., интересно для насъ главнымъ образомъ потому, что бросаетъ свѣтъ на предшествовавшую практику.

Въ статьяхъ 189 г. было сказано: «подъ усадьбы и на выгонъ отмѣривать изъ примѣрныхъ земель на 100 чети по 5 десятинъ, да на сѣнные покосы по 10 десятинъ. А гдѣ примѣрныхъ земель не будетъ, и тѣмъ людямъ подъ усадьбу и на сѣнные покосы давать изъ ихъ старыхъ дачъ, и изъ четвертныя пашни тѣ десятины выложить». Такимъ образомъ, была предположена норма въ $10^0/_0$ [2]). Далѣе предписывалось мѣрить всѣ угодья: усадьбы, выгоны, огороды, гумна и проч. въ десятины, а въ четвертную пашню ихъ не писать. Если же «передъ указнымъ числомъ земли будетъ въ лишкѣ, и тотъ лишекъ писать въ четвертную пашню». Смыслъ этой статьи ясенъ: излишнее противъ указанной нормы количество угодій должно было переводить

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1632 г. № 80.

[2]) 100 четей въ трехъ поляхъ равны 150 десятинамъ.

въ четвертную землю въ трехъ поляхъ и давать служилымъ людямъ въ ихъ оклады, а недостающее — пополнять изъ четвертной пашни и выкладывать изъ дачи. Первая группа выборныхъ, кн. Ив. Голицинъ съ товарищами, «говорили тое статью пополнить: подъ усадьбы помѣщикамъ и вотчинникамъ, и подъ крестьянскіе дворы, и подъ огороды, и подъ гумна и на выгонъ» давать изъ примѣрныхъ земель и изъ старыхъ дачъ по 15 десятинъ на 100 четей, да на сѣнные покосы по 15 десятинъ, всего по 30 десятинъ на 150 десятинъ дачи. Другая группа выборныхъ, съ кн. Андр. Хованскимъ во главѣ, находила нужнымъ еще болѣе повысить норму и давать на первыя угодья по 20 десятинъ да на сѣнные покосы по 20 же десятинъ, всего по 40 десятинъ на 150 десятинъ дачи. Бояре, выслушавъ мнѣнія выборныхъ, отвергли совсѣмъ нормировку угодій и предложили измѣрить всѣ угодья и описать ихъ «по наѣзду, а не по писцовымъ книгамъ», т.-е. отбросить всѣ условности сошнаго письма и закрѣпить сложившійся порядокъ. Для рядовыхъ служилыхъ людей, которымъ было труднѣе, чѣмъ сильнымъ людямъ, завладѣть «великими мѣсты за малыя чети», такое рѣшеніе вопроса едва ли было выгодно. Указъ государя былъ очень выгоденъ для служилыхъ землевладѣльцевъ и превзошелъ просьбы выборныхъ. Государь указалъ «подъ усадьбы дать на 100 четей по 5 десятинъ, на сѣнные покосы по 25 десятинъ, да вмѣсто лѣсного угодья, гдѣ лѣсовъ нѣтъ, по 20 десятинъ, всего по 50 десятинъ. А у кого сѣнные покосы будутъ сверхъ указного числа, и тѣ сѣнные покосы давать тѣмъ же помѣщикамъ въ чети въ ихъ оклады, а что будетъ сверхъ оклада, продавать имъ же въ вотчину». Вторая часть указа удовлетворяла въ нѣкоторой мѣрѣ пожеланіе бояръ, такъ какъ давала возможность не нарушать сложившагося строя отношеній и обезпечивала служилыхъ людей отъ потери лишнихъ угодій, которыми они владѣли, — часть этихъ угодій по указу они имѣли право получить за четвертную пашню въ свои оклады, а то, что превышало окладъ, могли купить въ вотчину [1]).

Было бы очень интересно выяснить практическое значеніе этого указа. Для нашей же темы важно отмѣтить то, что попытка нормировать надѣленіе угодьями была сдѣлана только тогда, когда сошное письмо доживало свои послѣдніе дни. Отмѣчу еще то, что государевъ

---

[1]) Ак. п. д., III, Дѣло о составленіи валового наказа 192 г.

указъ предвидѣлъ, что за служилымъ землевладѣльцемъ могло оказаться угодій болѣе 50 десятинъ на 100 четей дачи, т.-е. болѣе 25% всего участка. Мнѣ кажется, что такіе случаи вовсе не были рѣдкостью.

Размѣры дѣйствительнаго владѣнія дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ, сравнительно съ тѣмъ количествомъ четвертной пашни, которое было написано за ними въ вытное и сошное письмо, были еще значительнѣе. Эти крестьяне кромѣ угодій часто владѣли пустовытными землями, иногда общими землями и всегда бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ оброчныхъ земель и угодій. Подробно объ этомъ будетъ сказано ниже въ главѣ о выти.

Для примѣра приведу итоги описанія 131—134 гг. Устюжскаго уѣзда [1]). Всего въ уѣздѣ было 5895 дворовъ крестьянскихъ и 1189 половничьихъ; на выть было положено по 14 четей средней или по 16 четей худой земли, а всего въ уѣздѣ было (безъ мелкихъ дробей) 2153 выти.

Земли всего:	въ четвертяхъ,	въ десятинахъ.
Пашни паханой средней земли	28575	42862 1/2
Перелога средней	2793 1/2	4190
Пашни паханой худой	1807 2/3	2711 1/2
Перелога худой	318	477
Вытнаго сѣна 198473 копны, а такъ какъ писцы считали по 10 копенъ на четь земли, то	19847	9923 1/2
Да за сѣно, что не достало на выти, за 3397 копенъ дано	333	166 1/2
Лѣса пашеннаго	—	11805
Лѣса непашеннаго	—	23489 1/2
Всего вытнаго надѣла	—	95625 1/2
Да сверхъ того положено по 1/2 деньги оброка съ копны за 108010 копенъ сѣна, которое дано сверхъ вытнаго надѣла	—	5400 1/2
Всего . . .	—	101026 дес.

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1626 г. № 61. Перечневая роспись писцовъ.

Въ перечневой росписи писцовъ другія угодья не указаны. Если мы положимъ на выть по 1 десятинѣ усадебной земли, какъ показано въ упомянутой выше книгѣ Сошнаго письма [1]), то всего будетъ 103179 десятинъ, т.-е. въ среднемъ болѣе 48 десятинъ на выть. Размѣровъ другихъ угодій нѣтъ возможности опредѣлить даже приблизительно. Такимъ образомъ, даже не считая земель и угодій, которыми отдѣльные крестьяне владѣли изъ оброка, не считая тѣхъ угодій, размѣры которыхъ намъ неизвѣстны, не считая, наконецъ, фактическаго владѣнія черными государевыми землями и лѣсами, за крестьянами числилось по приказнымъ даннымъ болѣе чѣмъ двойное количество земель противъ того, которое у нихъ было положено въ выти.

На основаніи всего вышеизложеннаго объ угодьяхъ я прихожу къ такимъ выводамъ. Тяглые люди въ тягло, а служилые въ помѣстья и вотчины получали не то или иное количество четей земли, а участки, состоявшіе изъ четвертной пахотной (т.-е. пригодной для пашни) земли и изъ необходимыхъ для веденія хозяйства угодій, которыя не шли въ счетъ четвертной земли. Никакихъ общихъ нормъ надѣленія угодьями четвертной земли, полагаемой въ сошное и вытное письмо, не существовало. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и при томъ только для нѣкоторыхъ угодій примѣнялись мѣстныя нормы, но въ видѣ общаго правила все опредѣлялось, съ одной стороны, земельнымъ просторомъ и стариной, вообще мѣстными условіями, а съ другой стороны, усмотрѣніемъ приказовъ и ихъ агентовъ — писцовъ, отдѣльщиковъ и т. п. Отъ нихъ зависѣло рѣшеніе вопроса, «за» какое число четвертей счесть и дать тотъ или иной участокъ. Поэтому можно сказать, что чети земли пустого и живущаго сошнаго и вытнаго письма были условнымъ выраженіемъ дѣйствительныхъ размѣровъ тяглыхъ и служилыхъ участковъ.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ объ угодьяхъ находится вопросъ о дѣленіи четвертной земли по качеству на статьи и объ одабриваніи худыхъ и среднихъ земель.

Наиболѣе обычнымъ было дѣленіе земель на 3 статьи: на добрую землю, среднюю и худую. Изрѣдка встрѣчается четвертая статья — земель «добрѣ худыхъ и безугодныхъ». По писцовымъ наказамъ

---

1) См. выше, стран. 385.

Помѣстнаго приказа въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ было велѣно класть въ соху по 800 четей доброй земли, по 1000 — средней и по 1200 худой, а въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ по 600— доброй, 700— средней, 800 — худой, «а которая земля добрѣ худа и безугодна, и тое земли писать по 900 чети въ соху» [1]). Устюжскій наказъ 131 г. даетъ для черныхъ земель ту же норму, какъ Помѣстный приказъ для помѣстныхъ, а монастырскихъ и церковныхъ земель предписываетъ класть по 600—800—1000 четей на соху, «и учинити всѣ сохи ровны, смотря по пашнямъ и по угодью и примѣрясь къ прежнимъ приправочнымъ книгамъ» [2]). Псковскій наказъ 131 г. предписываетъ класть на соху: въ дворцовыхъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ по 800—1000—1200 четей; въ монастырскихъ земляхъ *въ одномъ мѣстѣ* наказа 600—800—1000 четвертей, а въ другомъ мѣстѣ 600—700—800—900 четей; наконецъ, въ черныхъ бортныхъ и оброчныхъ волостяхъ 500—600—700 четей, «а которая будетъ бортная земля худа и безугодна, и тое земли писати по 800 чети въ соху». Давъ эти нормы, наказъ предписываетъ писцамъ примѣриваться къ прежнимъ книгамъ и класть земли въ сохи, «смотря по дѣлу, какъ бы государевѣ казнѣ учинить прибыль», а тяглымъ бы людямъ не было большой тягости, «и что-бъ всякая прибыль впередъ была крѣпка и стоятельна»[3]).

Въ дѣйствительности писцы очень часто придерживались старины и больше примѣривались къ тому, какъ были положены земли въ сохи ранѣе, чѣмъ исполняли предписанія наказовъ. Поэтому мы видимъ на дѣлѣ много отклоненій отъ приведенныхъ выше нормъ. Такъ, устюжскіе писцы 131 г., изъ наказа которымъ я привелъ выше выдержку, монастырскія и церковныя земли положили въ сохи по старинѣ одинаково съ черными землями, а не такъ, какъ предписывалъ наказъ. Дозорщики вотчины Вяжицкаго монастыря, Новгородскаго уѣзда, въ 127 г. положили на соху, очевидно по старинѣ, по 800 четей доброй земли, а въ 136 г. писцы той же вотчины, соблюдая наказъ, положили по 600 четей [4]). Слѣдуетъ еще замѣтить, что земли нѣко-

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 215 и 261, и II, № 1.
[2]) Тамъ же, I, № 115.
[3]) Тамъ же, № 120, стран. 236 и 252.
[4]) Тамъ же, II, №№ 29 и 79.

торыхъ монастырей, напр. Троицы-Сергіева [1]), по особымъ жалованнымъ грамотамъ были положены въ сохи наравнѣ съ помѣстными землями, т.-е. по 800 четей въ соху.

Одабриваніе худыхъ и среднихъ земель примѣнялось и въ другихъ окладныхъ единицахъ — въ сошкахъ, вытяхъ и обжахъ [2]).

Первой и главной цѣлью одабриванья было уравненіе земель для тягла, и я вполнѣ присоединяюсь къ мнѣніямъ по этому вопросу П. Н. Милюкова и С. В. Рождественскаго. С. В. Рождественскій указалъ на случаи, когда помѣщики получали земли безъ одабриванья, и замѣтилъ, что эти случаи являются «лишнимъ доказательствомъ того, что одобриваніе не связано такъ тѣсно съ помѣстной системой, какъ думаетъ А. С. Лаппо-Данилевскій» [3]). Мнѣ кажется важнѣе этихъ фактовъ то обстоятельство, что одабриваніе примѣнялось одинаково ко всѣмъ землямъ, т.-е. къ чернымъ, дворцовымъ, монастырскимъ, церковнымъ и вотчиннымъ, а не только къ помѣстнымъ.

Вторая цѣль одабриванья состояла въ уравненіи помѣстныхъ дачъ по окладамъ. Помѣстные оклады служилыхъ людей всегда были выражаемы въ четяхъ доброй земли, и въ эти оклады они имѣли право получать землю. По обычной нормѣ одабриванья 150 четей худой земли или 125 средней считались равными 100 четямъ доброй земли, которыя и шли въ окладъ. Псковскій наказъ 131 г. говоритъ: «а гдѣ будетъ въ помѣстныхъ земляхъ середняя земля, и писцамъ на середнюю землю наддавать середнія земли на 100 чети по 25 чети, а гдѣ будетъ земля худа, и на худую землю худыя же земли наддавать на 100 чети по 50 чети; и учинити средняя и худая земля противъ добрыя же земли» [4]). Значеніе одабриванья земель для помѣстнаго землевладѣнія и самые пріемы одабриванья выяснены П. Н. Милюковымъ и С. В. Рождественскимъ, и я ограничусь по этому вопросу только однимъ замѣчаніемъ.

---

[1]) Такъ было велѣно положить Троицкія вотчины указомъ 21 декабря 107 г., а 31 января 125 г. государь указалъ Троицкія вотчины во всѣхъ городахъ положить въ сошное письмо «противъ боярскихъ и дворянскихъ и дѣтей боярскихъ вотчинныхъ земель въ рядъ, безъ наддачи — по 800 чети въ соху». С. А. Шумаковъ, Тверскіе акты, II вып., стран. 71—76. Тверь. 1897 г.

[2]) См. Сошное письмо, I т., стран. 54 и далѣе. Тамъ же (стран. 50) см. о соотношеніи земель разнаго качества въ различныхъ окладныхъ единицахъ.

[3]) Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ въ XVI в., стран. 273. С.-Пб. 1897 г.

[4]) Ак. п. д., I, № 120.

Въ наказахъ для описанія помѣстныхъ земель писцамъ между прочимъ предписывается: «переложную землю, гдѣ добрѣ пашня заросла и земля не добра, въ пашни мѣсто перелога давать передъ лучшими землями въ полтора, а гдѣ будетъ добрѣ худа, ино давать и вдвое, смотря по пашнѣ и по угодьямъ, какъ будетъ пригоже» [1]). С. В. Рождественскій указалъ, что такимъ предписаніемъ руководились казанскіе писцы 74—76 годовъ, — они давали служилымъ людямъ въ оклады пашенную землю четь за четь, переложной земли давали въ полтора раза больше пашенной, а зарослей и дубровъ въ 2 раза, — и назвалъ этотъ пріемъ испомѣщенія оригинальнымъ способомъ одабриванья земель [2]). Совершенно вѣрно, что этотъ пріемъ исключителенъ, — въ XVII в., при недостаткѣ земель и постоянной недодачѣ служилымъ людямъ земли въ оклады, нельзя отмѣтить ни одного такого случая, — но мнѣ кажется неправильнымъ говорить, что это есть особый пріемъ одабриванья. Это есть пріемъ испомѣщенья, и я вижу въ немъ цѣнное указаніе на то, что въ принципѣ служилые люди должны были получать въ оклады живущія земли, а не пустыя. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ же самые казанскіе писцы, которые употребляли этотъ пріемъ, совершенно независимо отъ него одновременно одабривали земли по обычной нормѣ [3]). И въ писцовыхъ наказахъ приведенная мною выше статья стоитъ особо и совершенно независимо отъ той статьи, гдѣ говорится объ одабриваніи земель.

Въ исторической литературѣ сдѣлано нѣсколько попытокъ выяснить, на какомъ основаніи писцы дѣлили земли на статьи. А. С. Лаппо-Данилевскій, отвергая совершенно основательно возможность химическаго и минерало-петрографическаго анализа почвъ, высказалъ предположеніе: «едва ли не вѣроятнѣе считать главнымъ основаніемъ такой классификаціи — доходность земель, количество сбираемаго съ нихъ хлѣба, словомъ, степень урожая». При этомъ онъ добавилъ, что «принимался во вниманіе не средній нормальный урожай для всего государства, но относительный урожай мѣнявшійся смотря по мѣстности» [4]). Это предположеніе не находитъ никакого подтвержденія въ источникахъ, а одабриванье пустыхъ земель: перелога,

---

[1]) Тамъ же, №№ 120, 215 и 261.

[2]) Указан. сочиненіе, стран. 276.

[3]) Арх. М. Юст., Писц. кн. № 152.

[4]) Организація прямого обложенія и т. д., стран. 222—224.

дикаго поля, зарослей и т. п. устраняетъ всякую вѣроятность наблюденій надъ урожайностью одабриваемыхъ земель. Вполнѣ допустимо также думать, что самая *идея о среднемъ нормальномъ урожаѣ* для той или иной мѣстности, а тѣмъ болѣе для всего государства, была такъ же недоступна приказнымъ Московскаго государства, какъ былъ имъ недоступенъ химическій и минерало-петрографическій анализъ земель. Н. А. Рожковъ, возражая А. С. Лаппо-Данилевскому, привелъ изъ источниковъ примѣры, когда писцы характеризовали землю: «земля худа, камениста и песчаниста», или «худа, песокъ», и говоритъ, что эти случаи убѣдительно свидѣтельствуютъ о томъ, что земли различались по качеству не только по степени урожайности, но и «на основаніи наблюденій за составомъ почвы»[1]. Н. А. Рожковъ полагалъ, что въ этихъ наблюденіяхъ у писцовъ было «болѣе объективное мѣрило», чѣмъ урожайность земель. Ю. В. Готье привелъ нѣсколько интересныхъ случаевъ, показывающихъ, насколько «шатко» было дѣленіе тѣхъ же самыхъ земель по качеству съ точки зрѣнія писцовъ, работавшихъ въ разное время, и указалъ, что «основаніемъ для классификаціи земли очень часто служила «сказка» жителей, конечно, незнакомыхъ ни съ какимъ анализомъ почвы, а опредѣлявшихъ свою землю по совокупности обстоятельствъ, обусловливавшихъ ея урожайность» [2]. Мнѣ кажется, что Ю. В. Готье выразилъ свое мнѣніе нѣсколько неточно, — сказки населенія, какъ приправочные документы и личный досмотръ писцами земель, были средствомъ получить нужныя свѣдѣнія, а не основаніемъ классификаціи.

Изслѣдователи, мнѣнія которыхъ я изложилъ, несмотря на разногласія, сходятся на томъ, что не обращаютъ вниманія на угодья, которыя составляли неотъемлемую принадлежность четвертной земли, и пытаются найти основанія классификаціи земель исключительно въ нихъ самихъ. Между тѣмъ, угодья составляли постоянную и очень важную часть тяглыхъ хозяйствъ, часть весьма различную по своему составу, качествамъ и по размѣрамъ, и хозяйственная цѣнность участковъ находилась въ тѣсной зависимости отъ приписанныхъ къ нимъ угодій. Выше я указалъ, что однообразныхъ и опредѣлен-

---

[1]) Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ. Сборникъ статей, II ч., стран. 245. М. 1906 г.

[2]) Замосковный край и т. д., стран. 156—158.

ныхъ нормъ надѣленія четвертной земли угодіями не было, — все опредѣлялось стариной, мѣстными условіями и усмотрѣніемъ писцовъ. Угодья, не положенныя въ четвертную пашню и въ сошное письмо, не могли не оказывать, при такихъ условіяхъ, вліянія на тяглоспособность людей, которые по своей пашнѣ были положены въ сошное тягло. Отсюда естественно вытекала мысль подраздѣлять земли не только по ихъ хозяйственнымъ качествамъ, но и по угодьямъ, приписаннымъ къ нимъ.

Прямое указаніе на это мы находимъ въ наказахъ для описанія помѣстныхъ и вотчинныхъ земель. Писцамъ предписывалось «всякихъ угодій отмѣривати въ помѣстья по пашнѣ и изверстывати помѣщиковъ въ помѣстьяхъ всѣми угодьи по пашнѣ поровну». У которыхъ селеній «лѣса, и покосы, и рѣки, и озера, и всякія угодья многія», а въ смежныхъ селеніяхъ угодій нѣтъ «или есть, да не пашнѣ, мало», то писцы должны у первыхъ селеній убавлять угодій и прибавлять ихъ ко вторымъ, «что-бъ всѣ помѣстья угодьи изверстаны были поровну». Если нѣкоторыя села и деревни «нелѣсны и безсѣнны», и нѣтъ возможности надѣлить ихъ угодьями вблизи, то къ такимъ селеньямъ писцы должны давать угодій «черезъ иныя земли отъ иныхъ мѣстъ, гдѣ лѣсовъ и сѣнъ много, за полверсты или больше, какъ доведется»... «что-бъ помѣщикамъ мочно черезъ которыя мѣста свои угодья беречь и вѣдати». Далѣе наказъ предвидитъ, что такое уравниваніе земель угодьями можетъ иногда быть неудобнымъ или нежелательнымъ для помѣщиковъ и говоритъ: «А которая земля добра, и угодій, и лѣсовъ, и покосовъ, и рѣкъ, и озеръ, и всякихъ угодій много, а унять будетъ которыхъ угодій къ инымъ мѣстамъ отъ которыя отъ добрыя земли не доведется, и писцамъ въ тѣхъ мѣстахъ, смотря по землямъ и по угодьямъ, не додавать въ помѣстьяхъ во 100 чети по 20 чети и по 20 по 5 чети, смотря по землѣ. А гдѣ будетъ земля середняя, а угодій всякихъ много-жъ, а убавити будетъ угодій къ инымъ мѣстамъ нельзя, и та земля для угодій писати писцамъ за добрую землю безъ наддачи. А гдѣ будетъ земля худа, а угодій всякихъ много-жъ, а убавити будетъ тѣхъ угодій къ инымъ землямъ нельзя же, и писцамъ та земля для угодій писати за середнюю землю»[1]). Это предписаніе настолько ясно, что не вызываетъ никакихъ сомнѣній.

---

[1]) Ак. п. д., I, № 120. То же см. тамъ же, въ №№ 215 и 261, и II, № 1.

Въ наказахъ для описанія черныхъ и дворцовыхъ земель приведенной статьи нѣтъ, но это вовсе не значитъ, что писцы этихъ земель не должны были принимать во вниманіе качества и количества угодій. Изъ другихъ частей этихъ наказовъ, особенно изъ предписаній, какъ класть людей въ тягло по землямъ и угодьямъ, видно, что и здѣсь по существу писцы должны были руководиться тѣмъ же правиломъ, какъ и въ помѣстныхъ земляхъ.

Поэтому я считаю несомнѣннымъ, что качество и количество угодій, приписанныхъ къ четвертнымъ землямъ, всегда оказывало большее или меньшее вліяніе на дѣленіе этихъ земель на статьи. Писцовые наказы говорятъ о доброй, средней и худой землѣ какъ о понятіяхъ, не требующихъ никакихъ объясненій и понятныхъ само собой,— все ограничивается общими фразами не писать доброй земли за среднюю, средней за худую, работать вообще по совѣсти, съ разсмотрѣньемъ и радѣньемъ и т. д. Не имѣя объективныхъ мѣрокъ, сколько давать угодій, чтобы было «по пашнѣ», и какъ дѣлить земли по качеству, приказы предоставляли все это дѣло на усмотрѣніе и волю писцовъ,— «какъ доведется», «смотря по тамошнему дѣлу». Писцы, конечно, справлялись съ приправочными документами, принимали во вниманіе сказки населенія и то, что было раньше, наконецъ, иногда, быть можетъ, лично досматривали земли и по своему усмотрѣнію и крайнему разумѣнію классифицировали ихъ, основываясь на хозяйственной пригодности и качествахъ четвертной земли вообще и на приписанныхъ къ ней угодій, поскольку послѣднія вліяли на тяглоспособность полагаемыхъ въ тягло хозяйствъ. Поэтому показанія писцовыхъ книгъ относительно качества земель имѣютъ, на мой взглядъ, очень небольшую научную цѣнность: они субъективны, условны и въ лучшемъ случаѣ правдоподобны и однозначущи только въ ограниченныхъ предѣлахъ мѣста работы данныхъ писцовъ.

Въ заключеніе можно прибавить, что отмѣченные Ю. В. Готье случаи, когда однѣ и тѣ же земли получали по книгамъ разныхъ писцовъ различную оцѣнку, съ указанной мною точки зрѣнія легко объяснимы. Помимо возможныхъ злоупотребленій со стороны писцовъ и обмановъ населенія, помимо того, что качество земли могло съ теченіемъ времени понизиться, напр. земля могла выпахаться и истощиться, такіе случаи могли зависѣть и отъ перемѣнъ въ составѣ и качествѣ угодій. У четвертной земли могла быть отписана часть

угодій, угодья могли истощиться (лѣсъ) или пропасть совсѣмъ (заносъ покосовъ пескомъ или размывъ ихъ вешней водой), и писцы, учитывая эти обстоятельства, могли вполнѣ добросовѣстно перевести добрую землю въ разрядъ среднихъ, а среднюю — въ разрядъ худыхъ.

Идею одабриванья земель въ зависимости отъ качества ихъ самихъ и отъ приписанныхъ къ нимъ угодій можно съ большой вѣроятностью считать заимствованной правительствомъ у тяглыхъ міровъ. Описывая порядки мірской раскладки податей, я указывалъ, что тяглые люди верстались между собой въ тяглѣ по пашнямъ, угодьямъ, животамъ и т. д. Результатъ поверстки, т.-е. свой окладъ, тяглые міры выражали въ условныхъ единицахъ: въ вытяхъ, бѣлкахъ, деньгахъ, сводившихъ воедино всѣ частныя основанія поверстки. Устюжане, въ челобитной 155 г., прямо указывали, что одна изъ цѣлей поверстки состояла въ учетѣ измѣненій въ составѣ угодій: «что-бъ тѣ деревни, у которыхъ землю мечетъ *(водой)* и сѣнные покосы засыпаетъ и смываетъ, не верстаючись тягломъ, не запустошить»[1]). Двинское вервленіе, при которомъ добрыя земли шли въ тягло цѣликомъ, а средн нія и худыя получали по усмотрѣнію міра ту или иную «сбаву», тоже говоритъ за то, что одабриванье плохихъ земель было исконнымъ мірскимъ принципомъ. Въ немъ, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ разномѣрности древнѣйшихъ окладныхъ единицъ. Недаромъ Устюжская четь, предписывая въ 153 г. сольвычегодскимъ писцамъ разслѣдовать про неравенство усольскихъ сошекъ, высказывала предположеніе, что въ сошку положено по волостямъ различное количество вытей потому, — «гдѣ будетъ подъ тѣми волостями или подъ деревнями сѣнныхъ покосовъ или рыбныхъ ловель или иныхъ какихъ угодій больше или меньше»[2]). На основаніи этого я думаю, что идею одабриванья земель правительство заимствовало у тяглыхъ міровъ, а не наоборотъ. Приказамъ съ увѣренностью можно приписать только нормы одабриванья. Цѣль нормъ, какъ мнѣ кажется, ясна: внести въ сошное письмо нѣкоторую долю объективности, сузить усмотрѣніе писцовъ и достигнуть бóльшей равномѣрности въ тяглѣ и въ надѣленіи служилыхъ людей землей. Можно думать, что эти нормы, оставляя еще большой просторъ для усмотрѣнія писцовъ, все-таки были улучшеніемъ старыхъ пріемовъ,

---

[1]) Сошное письмо, I, стран. 368.
[2]) Ак. п. д., II, № 183.

особенно желательнымъ, такъ какъ соха съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе пріобрѣтала значеніе государственной окладной единицы. Нельзя, однако, не признать, что этой небольшой доли объективности было совершенно недостаточно для того, чтобы построить прочный государственный кадастръ, и съ теченіемъ времени обстоятельства сложились такъ, что дѣленіе земель по качеству на статьи стало утрачивать свое практическое значеніе.

Для тягла это обнаруживается въ концѣ XVI в., когда оклады живущаго измельчали настолько, что на 100 четей помѣстной дачи или вотчины стало приходиться по 2—3 чети живущей пашни. По дозорамъ первыхъ лѣтъ послѣ Смуты уменьшеніе сошныхъ окладовъ пошло дальше, и условность одабриванья земель была подавлена и потонула, если можно такъ выразиться, въ массѣ другихъ условностей сошнаго письма. Въ дозорныхъ книгахъ оклады живущаго такъ ничтожны, что иногда дозорщики не одабривали живущей пашни[1]). Еще болѣе уменьшилось значеніе одабриванья для тягла, когда была введена дворовая четь пашни. Послѣ этого удержалась только нормировка сохи по числу четей доброй земли, т.-е., что въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ продолжали считать на соху по 800 дворовыхъ четей пашни паханой, а въ церковныхъ и монастырскихъ по 600. Осталась, однимъ словомъ, одна внѣшность безъ внутренняго содержанія. Только тамъ, гдѣ люди были положены въ сошное письмо не «дворами», а по-старому, дѣленіе земель по качеству сохранило свое значеніе до самой отмѣны сошнаго письма. Мы уже знаемъ, что такими землями были, главнымъ образомъ, черныя и дворцовыя, въ которыхъ вообще сошное письмо оказалось жизненнѣе и прочнѣе, чѣмъ въ частновладѣльческихъ.

Значеніе одабриванья земель съ теченіемъ времени падало и въ помѣстной системѣ. Для служилыхъ людей одабриванье имѣло важное значеніе, пока они получали или имѣли большую надежду получить землю въ полный окладъ или значительную часть оклада. Однако, уже въ послѣдней четверти XVI в. служилые люди далеко не всегда получали помѣстья въ полный окладъ[2]). Въ послѣдніе

---

[1]) См., напр., Воронежскія дозорныя книги 123 г., изд. Воронежскимъ Статистич. Комитетомъ, стран. 34—36. Воронежъ. 1891 г.

[2]) См. объ этомъ: С. В. Рождественскій, Служилое землевладѣніе въ XVI в., стран. 301—308.

годы Смуты и въ первые годы царствованія Михаила Өедоровича въ руки служилыхъ людей перешло огромное количество черныхъ и дворцовыхъ земель, но и ихъ не хватало, и надѣленіе помѣстьями въ половину въ треть и менѣе оклада стало хроническимъ явленіемъ. Нерѣдки стали случаи, когда служилый человѣкъ съ значительнымъ окладомъ не имѣлъ въ дачѣ «ни единыя чети», а полученіе помѣстья сполна въ окладъ стало рѣдкимъ исключеніемъ, доступнымъ только счастливцамъ, стоявшимъ близко къ государю или къ источнику и вершителю помѣстныхъ дачъ — къ Помѣстному приказу.

Недостатокъ земель, пригодныхъ для испомѣщенія, побудилъ правительство ограничить примѣненіе одабриванья. Въ 138 г. былъ возбужденъ вопросъ, какъ поступать съ тѣми помѣстьями, которыя были отдѣлены безъ одабриванья земли, — «и тѣ земли писцамъ одобрить ли или не одобрить? А только тѣ земли одобрить, и за ними *(т.-е. за помѣщиками)* изъ дачъ земли убудетъ; а иныя земли одобрятся изъ примѣрныхъ земель». Здѣсь предусмотрѣны 2 случая. Въ первомъ — земля была обмѣрена раньше правильно, лишней земли не было, и если бы было допущено одабриванье, то помѣстная дача, будучи выражена въ четяхъ доброй земли, уменьшилась бы, и помѣщикъ получилъ бы право въ предѣлахъ оклада на дополнительную дачу. Во второмъ случаѣ въ помѣстьѣ по новому описанію оказывалась лишняя, «примѣрная» земля. Государевъ указъ 19 марта 138 г. разрѣшалъ эти случаи различно: если примѣрной земли не будетъ, «и за тѣми людьми указали тѣ ихъ помѣстныя земли писать противъ ихъ дачъ, не одабривая землю, потому что одобрить земли не изъ чего, а изъ дачи земли не убавить»; если же по новому описанію у помѣщиковъ окажется примѣрная земля, «и тѣ ихъ дачи одабривать изъ примѣрныхъ земель»[1]). Первое рѣшеніе вызвано недостаткомъ земель, а второе создавало побужденіе не скрывать отъ писцовъ лишней земли и давало помѣщику право и возможность удержать за собой, конечно въ предѣлахъ оклада, землю, которой онъ владѣлъ. Получалась нѣкоторая несообразность, вѣроятно не смущавшая приказныхъ: помѣщикъ, обманувшій ранѣе писца или отдѣльщика или вмѣстѣ съ ними обманувшій приказъ, пользовался выгодами одабриванья и имѣлъ право закрѣпить за собой захватъ лишней

[1]) Указная книга Помѣстнаго приказа, изд. подъ ред. В. Н. Сторожева, стран. 98—99. М. 1889 г.

земли, а другой помѣщикъ, у котораго не было такихъ лишковъ, лишался выгодъ одабриванья. Указъ 138 г. перешелъ почти дословно въ Уложенье 157 г.[1]) и по существу удержался въ писцовомъ наказѣ 189 г. Когда въ 190 г. послѣднiй наказъ былъ подвергнутъ обсужденiю бояръ и выборныхъ служилыхъ людей, то выборные по поводу одабриванья высказались такъ: «у которыхъ людей примѣрныхъ земель не будетъ, и за тѣми людьми середнiя и худыя земли одабривать изъ дачъ, а сколько четей изъ дачъ у кого въ одабриваньѣ убудетъ, и тѣ чети съ тѣхъ людей, за кѣмъ тѣ земли одобрены будутъ, снимать и изъ окладовъ выложить». Бояре, выслушавъ эту статью, приговорили 7 марта «быть такъ, какъ стольники и выборные говорили», но 15 марта высказались въ противоположномъ смыслѣ — одабривать земли только изъ примѣрныхъ земель, какъ было указано въ 138 г. [2]). Въ концѣ концовъ, въ наказъ 192 г. было внесено мнѣнiе выборныхъ [3]), но практическое значенiе этого возврата къ послѣдовательному одабриванью земель, послѣ полувѣковыхъ отступленiй, не могло быть велико, такъ какъ сошное письмо доживало свои послѣднiе дни.

---

[1]) XVI глава, 46 и 48 статьи.
[2]) Ак. п. д., III, Дѣло о составленiи наказа 192 г.
[3]) П. С. З., № 1074, статья 20.

XVI. Пустое и живущее въ сошномъ письмѣ.

Вопросъ о наѣзжей пашнѣ въ исторической литературѣ. Наѣзжая пашня и различные виды ея. Отношеніе наѣзда къ тяглу въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ и въ частновладѣльческихъ земляхъ. — Вопросъ о тяглѣ церковныхъ земель. — Вопросъ о тяглѣ боярской и монастырской пашни. — Опредѣленіе окладовъ живущаго государемъ и боярами. — Нѣсколько замѣчаній о пустомъ въ сошномъ письмѣ.

Описанные выше пріемы сошнаго письма относятся одинаково какъ къ живущему, такъ и къ пустому сошному письму. Смѣтивъ, измѣря и описавъ четвертную землю съ угодьями, писцы должны были положить ее въ сохи, выти и обжи, а затѣмъ опредѣлить окладъ живущаго, съ котораго тяглые люди должны были нести тягло. Уже эта четвертная земля, сама по себѣ, была величиной условной. Условности изслѣдованы выше: 1) условность счета земель въ полѣ, а въ дву потому-жъ, 2) дача и счетъ нѣкоторыхъ угодій «за четвертную пашню», 3) надѣленіе четвертной земли угодьями и 4) одабриванье земель по ихъ качеству и по угодьямъ, приписаннымъ къ нимъ. Пройдя черезъ эти пріемы четь помѣстной дачи, вотчины или тяглаго участка переставала быть реальной величиной и становилась условнымъ техническихъ терминомъ опредѣленія размѣровъ служилыхъ и тяглыхъ участковъ. Примѣнивъ эти условности, приказные Московскаго государства безъ труда переходили къ другимъ искусственнымъ пріемамъ, чтобы опредѣлить, какую долю участка четвертной земли, т.-е. какое количество четей, признать живущей и подлежащей тяглу, а какую пустой, свободной отъ тягла.

Въ принципѣ тяглу подлежала только пашня паханая, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и наѣзжая, т.-е. признакомъ тяглоспособности должна была быть только обрабатываемая часть тяглыхъ участковъ, а перелогъ, пашня, поросшая лѣсомъ, дикое поле, а въ нѣкоторыхъ

случаяхъ и наѣздъ, тяглу не подлежали и должны были составлять пустое. Выше я говорилъ, что отъ этого принципа, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ роста налоговъ, пришлось отступить, и съ теченіемъ времени живущая пашня, подлежащая тяглу все болѣе расходилась съ дѣйствительной запашкой и становилась все болѣе и болѣе условнымъ и формальнымъ понятіемъ. Живущее это то, что должно нести тягло, а пустое — то, что свободно отъ него. Четь пашни паханой стала совершенно условнымъ, а иногда и произвольнымъ способомъ выраженія тяглоспособности и тягловыхъ обязанностей людей.

Изслѣдованіе о пустомъ и живущемъ въ сошномъ письмѣ распадается на нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ, которыми я займусь въ настоящей главѣ. На первую очередь мнѣ представляется желательнымъ поставить вопросъ о наѣзжей пашнѣ. Самъ по себѣ этотъ вопросъ не имѣетъ въ исторіи сошнаго письма большого значенія, но нуждается въ пересмотрѣ, такъ какъ получилъ въ литературѣ неправильное, какъ мнѣ кажется, рѣшеніе.

А. С. Лаппо-Данилевскій, не давъ опредѣленія наѣзда, указалъ 2 частныхъ случая его: «наѣзжей называлась обработанная земля, на которую владѣлецъ не имѣлъ крѣпостныхъ актовъ», а ниже прибавилъ, что такъ же назывались пашни, обрабатываемыя крестьянами не изъ тягла, а «взятыя на аренду» [1]).

Многозначительный взглядъ высказалъ Н. А. Рожковъ: «Пахать землю наѣздомъ — значило эксплуатировать ее неразсчетливо, хищнически, безъ правильнаго сѣвооборота, истощая почву. Что такое пониманіе этого выраженія правильно, — это всего лучше доказывается отношеніемъ правительства къ наѣзжей пашнѣ: она вся причисляется въ писцовыхъ книгахъ къ пашнѣ, лежащей впустѣ, не подлежащей обложенію налогами; стоитъ открыть любую писцовую книгу, чтобы убѣдиться въ этомъ». «Кромѣ того», говоритъ Н. А. Рожковъ, «нерѣдки и прямыя указанія источниковъ на пахоту наѣздомъ, какъ *(на)* явленіе регрессивное съ хозяйственной точки зрѣнія». Такой взглядъ на наѣздъ послужилъ Н. А. Рожкову основаніемъ для весьма важныхъ выводовъ относительно исторіи сельскаго хозяйства: «въ послѣдующемъ изложеніи, говоритъ онъ, наличность значительнаго

[1]) Организація прямого обложенія и т. д., примѣчаніе на стран. 188.

количества пашни, паханой наѣздомъ, мы будемъ считать признакомъ неправильности трехпольнаго сѣвооборота и не вполнѣ исправнаго веденія хозяйства»[1]).

Утвержденіе Н. А. Рожкова, что въ «любой» писцовой книгѣ наѣздъ причисляется къ пустому, какъ мы увидимъ ниже, невѣрно, а его умозаключеніе кажется мнѣ страннымъ: пахать землю наѣздомъ значитъ безпорядочно расхищать природныя богатства; поэтому правительство не только признаетъ и терпитъ это явленіе, но и поощряетъ его, освобождая отъ обложенія. Непонятно, на основаніи чего Н. А. Рожковъ придерживается такого низкаго мнѣнія объ умственныхъ и административныхъ способностяхъ приказныхъ Московскаго государства. Что касается примѣра, приведеннаго Н. А. Рожковымъ, относительно регрессивнаго значенія наѣзда, то онъ можетъ быть истолкованъ иначе, на что ему указали В. И. Сергѣевичъ[2]), В. О. Ключевскій и Ю. В. Готье[3]).

Мнѣніе В. О. Ключевскаго сводится къ тому, что наѣзжая пашня не есть признакъ упадка земледѣлія, ни регрессъ въ техникѣ, а просто перемѣщеніе хлѣбопашца; что она чаще свидѣтельствуетъ о зачаткѣ земледѣлія тамъ, гдѣ его не было; «неправильность наѣзжей пашни была не столько агрономическая, сколько юридическая: пользованіе ею было фактическое, не нормированное закономъ»[4]). Ю. В. Готье, разсмотрѣвъ мнѣнія Н. А. Рожкова и В. О. Ключевскаго, далъ два опредѣленія, изъ которыхъ первое мнѣ кажется вполнѣ правильнымъ и нуждавшемся только въ развитіи. «Этимологическій смыслъ термина «наѣзжая пашня» вполнѣ понятенъ: это участки пашни, которые обрабатываютъ «наѣзжа́я», но не живя при немъ» *(при нихъ?)*. Нѣсколько ниже Ю. В. Готье ограничилъ и испортилъ это опредѣленіе: «наѣздъ въ основномъ смыслѣ этого понятія, это отданная на оброкъ пашня, обрабатываемая вдали отъ деревни, на пустомъ незаселенномъ участкѣ»[5]).

Въ приведенныхъ мнѣніяхъ о наѣздѣ можно наблюдать примѣры нерѣдкихъ у изслѣдователей ошибокъ, происходящихъ отъ того,

---

[1]) Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в., стран. 64, 67 и дальше.

[2]) Древности русскаго права, III, стран. 127, примѣчаніе. С.-Пб. 1903 г.

[3]) Замосковный край и т. д., стран. 144.

[4]) Отчетъ о 44-мъ присужденіи преміи гр. Уварова. Отзывы и Отвѣты (III сборникъ статей), стран. 470—471. М. 1914 г.

[5]) Замосковный край и т. д., стран. 145.

что они дѣлаютъ выводы по недостаточному количеству фактовъ и, основываясь на одностороннемъ матеріалѣ (въ данномъ случаѣ на писцовыхъ книгахъ), принимаютъ несущественныя черты явленія и частные случаи за существенныя и общіе. Такъ, легальность и нелегальность наѣзда совершенно несущественны для этого понятія. Дача земли на оброкъ людямъ, которые пашутъ ее наѣздомъ, есть частный случай. «Перемѣщеніе хлѣбопашца» въ однихъ случаяхъ можетъ свидѣтельствовать объ упадкѣ и ненормальности хозяйства, а въ другихъ — объ обратномъ. Мнѣніе, что наѣздъ былъ всегда свободенъ отъ тягла[1]), основано на наблюденіи недостаточнаго количества фактовъ.

Замѣчу прежде всего, что наѣздомъ можно было не только пахать землю, но и владѣть и пользоваться всевозможными угодьями: косить сѣно, ходить за бортями, ловить рыбу и т. п.[2]). Легальность или нелегальность пользованія совершенно несущественны для понятія наѣзда: можно было пользоваться наѣздомъ своею землею и угодьями, по писцовымъ книгамъ, даннымъ грамотамъ и другимъ крѣпостямъ, а можно было пользоваться государевой землей «самовольствомъ», безоброчно. Напр., въ псковскомъ наказѣ 131 г. писцамъ предписывается сыскивать про запустѣвшія села и деревни, изъ которыхъ хоромы «развожены, а земли лежатъ перелогомъ, или будетъ которую землю пашетъ кто наѣздомъ или самовольствомъ», почему и сколь давно они запустѣли; «а которыя будетъ земли паханы наѣздомъ, и про тѣ земли сыскивать, по чему кто тѣ мѣста пашетъ и сѣно коситъ, по оброчнымъ ли выписямъ или безоброчно, и кто изъ нихъ хоромы развозилъ»[3]). Писцовымъ наказамъ наѣздъ извѣстенъ и какъ упадокъ въ земледѣліи и какъ прогрессъ, и сообразно съ этимъ они относятся къ нему различно. Такъ, въ устюжскомъ

---

[1]) Мнѣніе В. И. Сергѣевича см. въ Древностяхъ рус. права. III т., стран. 252 и 254. Въ примѣчаніи на стран. 256 оговорка, нисколько не уясняющая дѣла. Что «московскіе порядки были весьма разнообразны», это — вѣрно, но изъ приведеннаго В. И. Сергѣевичемъ текста не слѣдуетъ, какъ онъ полагаетъ, что «до 1624 г. наѣздъ въ тягло не шелъ». Такое заключеніе противно логикѣ и дѣйствительности.

[2]) Въ касимовскомъ наказѣ 135 г. читаемъ про отхожіе ухожья, «отошли будетъ которые далече, и вѣдаютъ будетъ которые бортники ухожіи свои, бортные лѣса, и бобровыя и рыбныя ловли и иныя всякія угодья изъ тѣхъ селъ и деревенъ наѣздомъ». Ак. п. д., I, № 261.

[3]) Тамъ же, I, № 120.

наказѣ 131 г. сказано, что если крестьяне «пашутъ на сторонахъ, наймуя у монастырей и у всякихъ чиновъ людей, мимо государевыхъ земель», а свою тяглую пашню забрасываютъ (упадокъ или перемѣщеніе земледѣльца), то ихъ слѣдуетъ давать на поруки въ томъ, что они будутъ испахивать свою тяглую пашню, чтобы она не запереложѣла и не поросла лѣсомъ. Если «изможные люди» пашутъ на сторонахъ, отъѣзжая, «для прибыли» землю сверхъ своей тяглой земли (ростъ), то такимъ людямъ давать въ тягло, изъ выдѣльнаго снопа или изъ оброка государеву пустую землю, по возможности вблизи, «что-бъ одноличногосударевыхъ земель въ пустѣ нигдѣ не было». Если же вблизи, въ тѣхъ же волостяхъ, не будетъ пустыхъ земель, то желающимъ «пашня на сторонахъ пахати поволити, что-бъ имъ въ томъ нужи не было»[1]). Почти дословно то же самое мы читаемъ въ другихъ наказахъ[2]).

Такимъ образомъ, слѣдуетъ сказать, что пахать наѣздомъ значило обрабатывать землю, отъѣзжая болѣе или менѣе далеко отъ своего усадища, но не живя при ней. Вотъ все и больше ничего, что можно сказать о наѣзжей пашнѣ вообще. Поводы обрабатывать такъ землю могли быть очень различны. Состоятельный крестьянинъ, справлявшійся съ своимъ тяглымъ участкомъ, «для прибыли» пахалъ сверхъ того землю наѣздомъ, арендуя ее у сосѣдей или самовольно захватывая государеву черную землю. У другого крестьянина тяглая земля выпахалась, истощилась, онъ не имѣлъ средствъ или не находилъ выгоднымъ ее удобрять и начиналъ пахать, забрасывая свой участокъ, наѣздомъ чужія земли. Мелкопомѣстный бѣдный помѣщикъ-однодворецъ не находилъ выгоднымъ жить въ помѣстьѣ и обрабатывалъ свою землю, наѣзжая по временамъ, или отдавалъ ее на оброкъ на короткіе сроки постороннимъ людямъ, которые обрабатывали арендованную землю, наѣзжая изъ своихъ деревенъ. Богатый крестьянами и состоятельный землевладѣлецъ расширялъ свое хозяйство — распахивалъ не только всѣ удобныя земли вблизи усадищъ, своего и крестьянскихъ, но и расчищалъ лѣса и подымалъ нови въ болѣе отдаленныхъ частяхъ своего владѣнія. На первыхъ порахъ, не имѣя средствъ поселить на новыхъ мѣстахъ людей и крестьянъ, онъ могъ это дѣлать наѣздомъ.

---

[1]) Ак. п. д., I, № 115.
[2]) Тамъ же, I, №№ 90, 104 и 120, II, №№ 28, 29 и 55.

На крайнемъ сѣверѣ наѣзжая или отхожая, какъ ее тамъ обычно называли, пашня и отхожіе сѣнные покосы были не только ненормальнымъ или исключительнымъ явленіемъ, но обычнымъ, а иногда неизбѣжнымъ. При суровомъ климатѣ и обиліи лѣсовъ и болотъ земледѣльцу приходилось дорожить всякимъ возвышеннымъ, свободнымъ отъ лѣса клочкомъ земли, гдѣ солнце лучше прогрѣвало землю, гдѣ хлѣбъ не вымокалъ, не погибалъ отъ заморозковъ и «доходилъ», т.-е. своевременно созрѣвалъ. Скудная почва быстро истощалась отъ хлѣбовъ и требовала отдыха или сильнаго удобренія[1]). При такихъ условіяхъ поневолѣ приходилось пахать наѣздомъ, т.-е. уѣзжая болѣе или менѣе далеко отъ своего двора. Недостатокъ въ сѣнѣ, необходимомъ для скота, тоже заставлялъ поморскихъ крестьянъ, какъ и теперь, отъѣзжать далеко на покосы, иногда на десятки верстъ. Такое земледѣліе, если угодно, можно обозвать хищническимъ, но никакъ нельзя признать нерасчетливымъ, такъ какъ при существовавшихъ природныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ оно было экономически вполнѣ цѣлесообразно.

Если поводы обрабатывать землю наѣздомъ могли быть такъ разнообразны, то понятно, что относительное и безотносительное количество наѣзжей пашни, само по себѣ, не даетъ права говорить объ упадкѣ или успѣхахъ земледѣлія. Чтобы быть въ состояніи сдѣлать какіе-либо выводы по этому вопросу, необходимо выяснять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ свойства и причины наѣзда. Естественно, что и отношеніе правительства, въ вопросахъ тягла, къ наѣзду было весьма различно: въ однихъ случаяхъ наѣздъ въ видѣ общаго правила былъ положенъ въ живущее и лишь въ видѣ исключенія былъ освобожденъ отъ сошнаго тягла, въ другихъ, наоборотъ, по общему правилу наравнѣ съ перелогомъ и порослью лѣсомъ былъ причисляемъ къ пустому.

Прежде, чѣмъ приводить подтверждающіе это примѣры, слѣдуетъ замѣтить, что писцовыя книги въ своихъ показаніяхъ о наѣзжей

---

[1]) Крестьяне Тотемскаго уѣзда писали въ одной челобитной, что они сѣкутъ черный лѣсъ, «отходя отъ своихъ деревенъ верстъ по 5, и по 10 и больше, подъ одинъ хлѣбъ», ... «а на тѣхъ де мѣстахъ другой хлѣбъ не родится, и не сѣютъ». Ак. п. д., I, № 129. Крестьяне Сольвычегодскаго уѣзда въ челобитной 134 г. писали о новяхъ: «а они де съ тѣхъ новинныхъ мѣстъ въ 3 года снимаютъ одинъ хлѣбъ, а въ четвертый годъ въ пустѣ мечутъ, для того что хлѣбъ не родится». Тамъ же, № 205.

пашнѣ нерѣдко очень неточны. Повидимому, писцы въ тѣхъ случаяхъ, когда наѣздъ былъ положенъ въ тягло, были склонны, въ различной конечно степени, не различать его отъ живущей пашни, а когда они причисляли его къ пустому, то смѣшивали иногда съ перелогомъ. Такъ, Ив. Садыковъ, дозиравшій въ 126 г. вотчину Вердеревскихъ въ Рязанскомъ уѣздѣ, на 72 чети безъ четверика всей земли написалъ 1 четь безъ четверика пашней паханой, а 71 четь — наѣзжей[1]). Ту же склонность показывать все пустое въ наѣздѣ обнаружили въ 126 г. дозорщики помѣстья боярина В. П. Морозова, Рязанскаго же уѣзда: они написали въ живущемъ 7 четей съ осьминой, а въ наѣздѣ всѣ остальныя 119 четей[2]). Совсѣмъ иное мы видимъ у арзамасскихъ писцовъ 129—136 гг. Напр., въ Залѣсномъ стану они написали всего $2404^1/_2$ чети земли, изъ которыхъ пашни паханой помѣщиковы и вотчинниковы $881^1/_4$ чети, крестьянской пашни 82 чети, перелога, дикаго поля и пашеннаго лѣса 1426 четвертей, а наѣзжей пашни (въ 2 помѣстьяхъ) всего 15 четей[3]). У Ю. В. Готье и Н. А. Рожкова можно видѣть таблицы различныхъ разрядовъ пашни и вообще четвертной земли, составленныя по писцовымъ книгамъ[4]), и въ этихъ таблицахъ бросается въ глаза то, что въ однихъ уѣздахъ по однимъ описаніямъ наѣзжая пашня составляетъ лишь 2—3%% всей четвертной земли, а въ другихъ — доходитъ до $^1/_3$. И это по описаніямъ не только различнымъ по времени, но и одновременнымъ. Неужели въ дѣйствительности были возможны такія рѣзкія колебанія въ хозяйственныхъ порядкахъ? Не думая отрицать мѣстныхъ особенностей и временныхъ исключеній, я полагаю, что это разнообразіе показаній писцовыхъ книгъ о наѣздѣ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что писцы имѣли различныя понятія о наѣздѣ и съ весьма различной степенью точности отличали наѣздъ отъ перелога. Поэтому мнѣ кажется, что данныя писцовыхъ книгъ о наѣзжей пашнѣ имѣютъ, вообще говоря, очень небольшую научную цѣну, — въ количественномъ отношеніи потому, что они не точны, а по существу потому, что побужденія пахать землю наѣздомъ могли быть очень различны. Это, конечно, не значитъ, что мы совсѣмъ не можемъ использовать

---

[1]) Ак. п. д., I, № 76.

[2]) Тамъ же, № 77.

[3]) Арх. Мин. Юст., Писц. кн. № 7040, л. 739 об.

[4]) Ю. В. Готье — въ изслѣдованіи о Замосковномъ краѣ, Н. А. Рожковъ — о сельскомъ хозяйствѣ Московской Руси.

этихъ данныхъ въ тѣхъ или иныхъ научныхъ цѣляхъ, но послѣднее возможно только тогда, когда въ самой писцовой книгѣ содержатся необходимыя поясненія о свойствахъ и мотивахъ наѣзда и когда намъ извѣстенъ процессъ составленія книги, подлежащей изученію.

Замѣчу еще, что если наѣздъ во многихъ случаяхъ не былъ положенъ въ тягло, то это не значитъ еще, что размѣры его были безразличны для правительства. Наѣздъ во всякомъ случаѣ свидѣтельствовалъ о томъ, что земля не поростаетъ лѣсомъ и не дѣлается вслѣдствіе этого труднодоступной для правильнаго земледѣлія. Между тѣмъ, писцовые наказы требуютъ отъ писцовъ обращать вниманіе и указывать въ книгахъ на степень запустѣнія земель, такъ какъ это обстоятельство могло имѣть весьма существенное практическое значеніе. Укажу, напр., что срокъ льготы, которую давали писцы и приказы, долженъ былъ находиться въ зависимости, между прочимъ, и отъ степени запустѣнія. Мы знаемъ, что нѣкоторые писцы съ большей или меньшей подробностью исполняли это предписаніе наказовъ, а многіе его не исполняли, но это не удивительно. Приказы, не сообразуясь съ силами и средствами писцовъ, ставили имъ въ наказахъ такія широкія задачи, что писцы при всемъ желаніи не могли ихъ выполнить цѣликомъ. На дѣлѣ одинъ писецъ обращалъ больше вниманія на одни предписанія, а другой — на другія. Одинъ, напр., старательно выписывалъ имена, отечества и прозвища тяглыхъ людей и перечислялъ ихъ дѣтей и родственниковъ, какъ требовали того наказы, а другой былъ въ этомъ очень кратокъ и ограничивался самымъ необходимымъ. Приказы не были требовательны къ такимъ подробностямъ и, когда какой-нибудь писецъ сваливалъ въ одну кучу перелогъ и наѣздъ, т.-е. не исполнялъ одной изъ многочисленныхъ подробностей работы, то они не ставили ему этого въ вину, если въ болѣе существенномъ и въ главномъ писецъ исполнялъ свою задачу удовлетворительно.

Въ источникахъ можно найти множество указаній на то, что наѣздъ во многихъ мѣстахъ и въ разное время былъ въ живущемъ. Въ сотныхъ грамотахъ съ писцовыхъ книгъ Каргопольскаго и Турчасовскаго уѣздовъ 7070 г. отхожая пашня вездѣ положена въ живущія выти[1]). Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ одной езовой волости,

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Каргополю кн. № 1.

по письму Ѳ. Чулкова и дьяка Ѳ. Фатьянова 63 года, наѣздъ иногда положенъ въ живущее. Напр., въ пустоши Шишкинской написано $2^1/_2$ десятины пашни, «а пашетъ ее наѣздомъ Я. Левинъ изъ деревни изъ Левина . . . . четверть выти»[1]). Въ томъ же уѣздѣ въ вотчинѣ Троицы Сергіева монастыря, Андогскаго стана, по письму 102 г. написано въ пустой деревнѣ Толстиковской «пашни худыя земли пахано наѣздомъ изъ тягла 3 чети»[2]). Въ писцовой книгѣ 88 г. земель вел. князя Семіона, Тверскаго уѣзда, наѣздъ упоминается вообще рѣдко, но есть случаи, когда онъ положенъ въ тягло[3]). По дозору 104 г. въ вотчинѣ Трифонова монастыря, Слободскаго уѣзда (на Вяткѣ), наѣздъ въ тяглѣ[4]). Въ писцовыхъ книгахъ Хлыновскаго уѣзда 136 г. отхожая или наѣзжая пашня встрѣчается довольно рѣдко, но въ видѣ общаго правила положена въ живущее. Интересно отмѣтить, что въ итогахъ книги эта пашня указана не особо, а соединена съ пашней паханой[5]). Въ одномъ случаѣ часть отъѣзжей пашни положена въ живущее, а часть не положена и показана перелогомъ[6]). Въ черныхъ волостяхъ Обонежской пятины, по письму Л. Аксакова 93 г., отхожая пашня тоже положена въ живущее. Напр., въ деревнѣ Видомѣ написано: «пашни паханой средней земли 7 четей да отхожей пашни на лѣшихъ полянахъ 5 четей съ полуосьминою, . . . а вытей въ живущемъ выть безъ получети выти». Въ итогѣ отхожая пашня соединена съ пашней паханой[7]). Въ 111 г. подьячій Домашній Луговскій, отдѣливъ Спасскому монастырю въ Кондопосской волости нѣсколько деревенъ по письму Л. Аксакова, оставшіяся за отдѣломъ деревни описалъ, придерживаясь письма этого писца, но внесъ нѣсколько интересныхъ подробностей. Въ трехъ случаяхъ онъ причислилъ отхожую пашню къ живущему, а въ одномъ — отхожую пе-

---

1) А. Ю., стран. 245.

2) Писц. книги Московскаго государства, II, стран. 419.

3) Тамъ же, стран. 347.

4) С. А. Шумаковъ, Сотницы и т. д., V выпускъ, стран. 55.

5) Труды Вятской Ученой Арх. Ком., Вятка, 1914 г. I выпускъ, стран. 10, 28, 30, 38, 42, 43 и 51—52.

6) Деревня Шевелевская съ 2 дворами: «пашни паханыя добрыя земли 6 четвертей, да у нихъ же отъѣзжія пашни, гдѣ живетъ Пав. Бакшировъ, 6 четвертей. Да перелогомъ въ деревнѣ и въ отъѣзжей пашнѣ четверть пашни» . . . . «въ живущемъ выть, а въ пустѣ пол-пол-трети выти». Тамъ же, стран. 22—23. Выть въ 12 четей доброй земли.

7) Д. Я. Самоквасовъ, Архивный матеріалъ, II, стран. 397 и 400. Выть въ 14 четей средней земли.

реложную землю отнесъ къ пустому. Далѣе онъ отмѣтилъ 9 случаевъ такой пашни, которую писцы обыкновенно называютъ наѣзжей, и изъ нихъ въ 8 случаяхъ причислилъ ее къ пустому, а въ одномъ къ живущему[1]). Нерѣдко встрѣчается въ тяглѣ наѣздъ и въ дозорныхъ книгахъ черныхъ волостей Заонежья П. Воейкова и дьяка Ив. Льговскаго 124—125 и 127 гг.[2]). Въ Двинскомъ, Кеврольскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ, по описаніямъ 130—131 гг., наѣзжая и отхожая пашня встрѣчается часто и въ видѣ общаго правила положена въ живущее[3]).

Я думаю, что приведенныхъ случаевъ совершенно достаточно, чтобы сказать, что наѣзжая пашня часто бывала въ тяглѣ и что обработка земли наѣздомъ вовсе не была достаточнымъ основаніемъ для освобожденія ея отъ тягла. Судя по многимъ указаніямъ, можно сказать даже больше, т.-е., что въ Поморьѣ наѣзжая пашня въ видѣ общаго правила была въ тяглѣ и только въ видѣ исключенія была освобождаема отъ него. Наоборотъ, въ частновладѣльческихъ земляхъ, особенно въ XVII вѣкѣ, наѣздъ всегда былъ въ пустомъ сошномъ письмѣ. Мнѣ кажется возможнымъ объяснить этотъ фактъ такъ.

Слѣдуетъ отмѣтить прежде всего, что наказы для описанія черныхъ и дворцовыхъ волостей ничего опредѣленнаго о наѣздѣ не говорятъ. Они предписываютъ описать всякія земли, между прочимъ и наѣзжія и отхожія, предписываютъ класть въ тягло по совѣсти и по силамъ тяглыхъ людей, но нигдѣ не говорятъ опредѣленно, что пашню паханую и наѣздъ слѣдуетъ класть въ тягло или что пашню слѣдуетъ класть, а наѣздъ нѣтъ. Повидимому, приказные считали яснымъ и достаточнымъ сказать, что писцы должны класть людей въ тягло по ихъ силѣ и по своей совѣсти. Размѣры запашки тяглыхъ хозяйствъ были однимъ изъ самыхъ существенныхъ признаковъ тяглоспособности, а такъ какъ на сѣверѣ наѣздъ, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, былъ явленіемъ обычнымъ или, иначе сказать, существовалъ въ совершенно нормальныхъ хозяйствахъ, то писцы принимали его во вниманіе при окладѣ и клали въ сошное письмо наравнѣ съ пашней паханой.

---

[1]) Тамъ же, стран. 410—411. Деревня П. Михайлова.
[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Бѣлоозеру кн. № 1 б.
[3]) Арх. Мин. Юст., Писц. кн. №№ 9 и 185.

Въ наказахъ для описанія помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, данныхъ изъ Помѣстнаго приказа, о наѣздѣ есть особая статья: «А которыя будетъ земли паханы наѣздомъ, пашутъ помѣщики или вотчинники сами на пустошахъ или въ наймы отдаютъ, или будетъ которые помѣщики и вотчинники бѣдны и въ своихъ усадахъ земли не испахиваютъ, а отдаютъ въ наймы, и имъ *(т.-е. писцамъ)* про то сыскивать накрѣпко, а, сыскивая, тѣ земли писать въ наѣзжую пашню, а въ живущее не класть»[1]). Несомнѣнно, что эта статья взята изъ старыхъ наказовъ[2]) и что съ введеніемъ дворовой чети пашни она утрачивала для живущаго сошнаго письма свое практическое значеніе. Приведенная статья предусматриваетъ 3 случая наѣзда. Въ первомъ — служилые землевладѣльцы распахивали наѣздомъ свои пустоши. Это могло свидѣтельствовать или о расширеніи хозяйства, иногда временномъ, а иногда, быть можетъ, съ расчетомъ позже поселить на этихъ пустошахъ крестьянъ, или могло свидѣтельствовать о томъ, что земли, находившіяся при усадахъ были истощены, и землевладѣлецъ не имѣлъ средствъ поднять ихъ плодородіе при помощи удобренія. Во второмъ случаѣ землевладѣльцы, не будучи въ состояніи обрабатывать пустоши сами, отдавали ихъ на оброкъ. Кортомщики обрабатывали пустоши наѣздомъ, но не селились на нихъ, такъ какъ наемъ не былъ долгосрочнымъ. Наконецъ, статья предусматриваетъ такіе случаи, когда землевладѣлецъ отдавалъ на оброкъ не пустоши, а землю лежащую при усадѣ, и отдавалъ потому, что былъ бѣденъ, не имѣлъ, быть можетъ, совсѣмъ людей и крестьянъ и вообще не былъ въ состояніи на свой счетъ и страхъ обрабатывать свою землю. Все это — случаи временныхъ или исключительныхъ отступленій отъ обычнаго хода хозяйственной жизни, которыя могли быть признакомъ то упадка, то подъема хозяйства, но всегда представляли нѣкоторыя затрудненія для кадастроваго обложенія.

Дѣло въ томъ, что при всякомъ кадастрѣ, который долженъ служить для обложенія многіе годы, важно, какъ я уже говорилъ, по-

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 215 и 261, и II, № 1.

[2]) Этой статьи, однако, нѣтъ въ псковскомъ наказѣ 131 г., данномъ Новгородской четью. Тамъ же, I, № 120. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что освобожденіе наѣзда отъ тягла не было столь прочнымъ и общимъ правиломъ, какъ можно подумать, читая наказы Помѣстнаго приказа.

ложить въ основу оцѣночныхъ работъ нормальное состояніе хозяйствъ и учесть и исключить, по возможности, всѣ временныя и исключительныя обстоятельства. Сошное письмо по своему строю существенно отличалось отъ западно-европейскихъ объективныхъ кадастровъ, но и при немъ нельзя было совсѣмъ игнорировать указанное требованіе кадастраціи. Чтобы окладъ живущаго, съ котораго слѣдовало тянуть тягло, былъ «прочен и впредь стоятеленъ», приходилось обращать вниманіе не только на размѣры запашки тяглыхъ хозяйствъ, но и на свойства запашки. На сѣверѣ наѣзжая или отхожая пашня была обычной, а иногда и неизбѣжной формой земледѣлія и была, поэтому, надежнымъ признакомъ средней тяглоспособности хозяйства; какъ надежный признакъ она была въ видѣ общаго правила положена въ тягло. Въ другихъ частяхъ государства обработку земель наѣздомъ вызывали не климатическія и почвенныя условія земледѣлія, а главнымъ образомъ хозяйственныя; здѣсь наѣздъ былъ то свидѣтельствомъ упадка, то подъема, то временнымъ способомъ пользованія земель и въ общемъ давалъ представленіе не о среднемъ, нормальномъ ходѣ хозяйства, а объ отступленіяхъ, по которымъ нельзя было судить о средней тяглоспособности хозяйствъ. Между тѣмъ, основнымъ принципомъ посошнаго тягла была его посильность, т.-е. извѣстное соотвѣтствіе между средней тяглоспособностью людей и обложеніемъ. При существованіи волостной раскладки податей и круговой поруки, тяглый міръ самъ учитывалъ эти отступленія и облагалъ ихъ или освобождалъ отъ оклада, смотря по обстоятельствамъ, но въ частновладѣльческихъ земляхъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ были освобождены отъ мірской раскладки податей и отъ поруки за волость, учетъ этого обстоятельства пришлось взять на себя писцамъ. Таковы, какъ мнѣ представляется, были основаніе и условія, по которымъ *въ принципѣ* было признано необходимымъ освобождать въ нѣкоторыхъ случаяхъ наѣзжую пашню отъ тягла.

Въ дѣйствительности же и въ этомъ вопросѣ, какъ во многихъ другихъ вопросахъ сошнаго оклада, практика такъ далеко ушла отъ принципа, что вышесказанныя замѣчанія о наѣздѣ вообще не утрачиваютъ своего значенія даже и въ томъ случаѣ, если бы мое предположеніе о причинахъ освобожденія, въ извѣстныхъ случаяхъ, наѣзда отъ тягла было невѣрно. Разъ понятіе живущей пашни паханой, положенной въ тягло, съ теченіемъ времени стало совершенно услов-

нымъ способомъ выраженія тяглоспособности, то и всѣ остальныя части тяглыхъ участковъ, входившія въ составъ пустого сошнаго письма, какъ-то: наѣзжая пашня, перелогъ, лѣсная поросль и т. п., становились въ большей или меньшей степени условными. Въ глазахъ писцовъ различеніе постоянной и нормальной запашки хозяйствъ и отступленій отъ нормы стало такой ненужной тонкостью, что нѣкоторые изъ нихъ безъ смущенія сваливали перелогъ и наѣздъ въ одну кучу.

Въ исторической литературѣ уже отмѣчено, что церковная пашня была свободна отъ тягла[1]). Дѣйствительно, въ очень многихъ писцовыхъ книгахъ, какъ XVI вѣка, такъ и XVII-го, мы встрѣчаемъ прямыя указанія, что церковная пашня въ живущее не положена. Однако, болѣе внимательное наблюденіе надъ писцовыми книгами и другими источниками показываетъ, что это вовсе не было общимъ правиломъ, не допускавшимъ исключеній, и что приказы въ этомъ вопросѣ стояли, главнымъ образомъ, на почвѣ старины. Такъ, нѣкоторые наказы для описанія черныхъ и дворцовыхъ волостей не говорятъ ничего о церковной пашнѣ, предоставляя, очевидно, писцамъ руководиться мѣстной стариной[2]). Другіе наказы для описанія тѣхъ же волостей опредѣленно предписываютъ церковныя земли класть въ тягло попрежнему наравнѣ съ монастырскими и властелинскими. Въ дѣйствительности же мы видимъ, что въ Поморскихъ городахъ церковная пашня въ видѣ общаго правила была въ сошномъ тяглѣ.

Въ наказахъ Помѣстнаго приказа мы наблюдаемъ зарожденіе нормъ освобожденія церковныхъ земель отъ тягла. Послѣ статьи, въ которой для земель властей, монастырей и церквей устанавливается норма сохи, въ этихъ наказахъ есть особая статья о церковныхъ земляхъ. Въ этой статьѣ сказано: «а церковныхъ пашенъ, у которыя церкви старыхъ пашенъ чети на 10, или на 15, или на 20, а въ сошное письмо не кладено, и тѣхъ пашенъ въ сошное письмо не класти по старинѣ». Если же у церкви болѣе двадцати четей, и «изстари» онѣ въ сошное письмо не положены, то писцамъ «о тѣхъ

---

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Древности рус. права, III, стран. 284. С-Пб. 1903 г.

[2]) См., напр., Ак. п. д., I, №№ 84 и 89.

[3]) Тамъ же, № 115 (217 стран.) и № 120 (252 стран.).

пашняхъ доложити государя . . . *(п. т.)*, и государь . . . . *(п. т.)* указъ учинитъ». Къ церквамъ, которыя построены вновь и не имѣютъ земли, писцамъ предписывается отдѣлять по 10, 15 и по 20 четей (но, очевидно, не болѣе 20) «и въ сошное письмо тѣхъ церковныхъ земель не класти-жъ»[1]). Эта статья повторяется во всѣхъ наказахъ Помѣстнаго приказа. Въ ней важно, во-первыхъ, то, что за всѣми церквами признается право на освобожденіе въ извѣстныхъ предѣлахъ земли отъ тягла, а, во-вторыхъ, устанавливается предѣльная норма — 20 четей. Однако, присущая приказамъ привычка приспособляться къ особенностямъ отдѣльныхъ случаевъ и осмотрительность по отношенію къ старинѣ отразились на этой статьѣ и вылились въ предписаніе докладывать государю о тѣхъ случаяхъ, которые не подойдутъ подъ данную норму.

Мы не знаемъ еще, въ какой мѣрѣ писцы считались въ этомъ вопросѣ съ стариной, какъ часто докладывали государю въ затруднительныхъ случаяхъ и какъ часто государь допускалъ отступленія отъ указанной нормы, но несомнѣнно, что однообразнаго и повсемѣстнаго примѣненія эта статья наказовъ не получила, и что мѣстами мѣстная старина кое-гдѣ сохранилась. Цѣнное указаніе на это мы находимъ въ одномъ невершенномъ докладѣ 192 г. о живущей чети. Въ докладѣ послѣ приведенной мною выше выписки изъ старыхъ наказовъ сказано: «А въ писцовыхъ книгахъ церковныя земли въ сошное письмо и въ живущія чети во многихъ городахъ не писаны, а въ иныхъ городахъ въ сошное письмо и въ живущія чети писаны; а по какому указу писаны, того въ писцовыхъ книгахъ подлинно не написано»[2]).

Въ самомъ концѣ XVI вѣка въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ начинаетъ встрѣчаться интересный фактъ: пашня паханая, которую въ монастырскихъ вотчинахъ пахали на монастырь дѣловые люди и дѣтеныши, въ живущее сошное письмо не положена и отъ тягла освобождена. Въ книгахъ первой четверти XVII вѣка, до введенія указовъ о дворовой чети, это встрѣчается довольно часто. Н. А. Рожковъ, въ изслѣдованіи о Сельскомъ хозяйствѣ въ Московской Руси въ XVI вѣкѣ, привелъ очень интересные факты изъ дозорной книги

---

[1]) Ак. п. д., I, №№ 215 и 261.

[2]) Тамъ же, III, 2-я выписка 192 г. о живущей пашнѣ въ сошное письмо.

Бѣжецкой пятины 1593—94 гг. относительно освобожденія отъ тягла боярской запашки въ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Изъ этихъ фактовъ видно, что по государеву указу были установлены такія правила «обѣленья» боярской запашки: 1) обѣленіе получали только тѣ землевладѣльцы, которые служили, — «вдовамъ и недорослямъ обѣльныя земли нѣтъ»; 2) обѣленію подлежала только та людская (а не крестьянская) пашня, которую боярскіе люди пахали на помѣщика, а не на себя; 3) обѣленіемъ не пользовались тѣ служилые люди, которые жили въ другихъ своихъ помѣстьяхъ, — обѣлялась только запашка при помѣщичьемъ усадѣ, въ которомъ жилъ землевладѣлецъ; 4) обѣленію подлежала не дѣйствительная запашка, а *нѣкоторая доля помѣстнаго оклада* служилаго человѣка[1]). Можно видѣть, что обѣленіе боярской пашни было допущено въ весьма ограниченныхъ предѣлахъ, за которыми боярская запашка должна была нести сошное тягло. Это обстоятельство, а также то, что Н. А. Рожковъ не привелъ въ подтвержденіе своего мнѣнія другихъ фактовъ и доказательствъ, не позволяетъ согласиться съ нимъ, что этотъ «указъ имѣлъ общее значеніе, касался всего государства, а не былъ вызванъ какими-либо мѣстными и временными условіями»[2]). Если бы это мнѣніе Н. А. Рожкова было вѣрно, то вопросъ объ освобожденіи отъ тягла пріобрѣталъ бы очень важное значеніе, и намъ слѣдовало бы его изслѣдовать подробно. Въ дѣйствительности освобожденіе монастырской и боярской запашекъ отъ тягла было въ исторіи сошнаго письма частнымъ эпизодомъ, однимъ изъ такихъ пріемовъ сошнаго оклада, который далеко не имѣлъ общаго значенія, и потому я нахожу возможнымъ ограничиться по этому вопросу нѣсколькими замѣчаніями.

Общее значеніе указа, примѣненнаго въ 1593 г. при дозорѣ Бѣжецкой пятины, совершенно опровергается источниками. Такъ, боярская пашня положена въ тягло наравнѣ съ крестьянской въ Тульскомъ уѣздѣ по описанію 96—97 гг.[3]). Можно было бы возразить, что предполагаемый Н. А. Рожковымъ общій указъ вышелъ послѣ этого описанія и былъ примѣненъ къ Тульскому уѣзду позже, но такому возраженію противорѣчитъ тотъ извѣстный намъ фактъ, что въ этомъ уѣздѣ и въ 122 г. числилось 22 съ лишнимъ сохи,

[1]) Указан. сочиненіе, стран. 266—269.
[2]) Тамъ же, стран. 267.
[3]) Писц. кн. Московск. государства, II, стран. 1107, 1110, 1129, 1149 и другія.

т.-е. столько же, сколько было положено живущаго по описанію 96—97 гг.[1]). Езли бы предполагаемый указъ былъ примѣненъ, то сошный окладъ, конечно, уменьшился бы. Равнымъ образомъ мы видимъ боярскую запашку въ тяглѣ въ Воронежскомъ уѣздѣ по дозору 123 г.[2]) и въ Костромскомъ — по дозорамъ 122—125 гг.[3]). Во многихъ дозорныхъ книгахъ времени царя Михаила боярская запашка не указана особо отъ крестьянской[4]), и въ этомъ нельзя не видѣть свидѣтельства того, что она была въ тяглѣ. А вотъ свидѣтельство другого рода. Въ наказѣ 131 г. писцамъ Псковскаго уѣзда нѣтъ ни слова объ освобожденіи отъ тягла боярской пашни[5]). Мы не знаемъ, какъ работали эти писцы, но знаемъ, что въ 136 г. псковичи, въ челобитной объ утвержденіи писцовыхъ книгъ, просили: «не велите, государи, съ нашихъ пашнишекъ, которыя мы пашемъ собою, въ живущія сохи писать и своихъ государевыхъ податей не велите имати»[6]).

Вопросъ о тяглѣ однодворцевъ, т.-е. служилыхъ землевладѣльцевъ, не имѣвшихъ крестьянъ и бобылей, находится въ тѣсной связи съ обложеніемъ боярской пашни. Дѣйствительно, если бы боярская пашня была свободна отъ тягла, то однодворцевъ нельзя было бы класть въ живущее. Между тѣмъ, есть много указаній на то, что однодворцы часто были въ сошномъ тяглѣ[7]).

Въ монастырскихъ земляхъ освобожденіе отъ тягла монастырской запашки встрѣчается часто, но далеко не достигаетъ общаго правила. Замѣчу, прежде всего, что мы не видимъ его въ монастырскихъ вотчинахъ Поморья, окруженныхъ черными и дворцовыми землями. Въ Поморьѣ у нѣкоторыхъ монастырей были обѣленныя особыми тарханами земли, но онѣ не имѣютъ ничего общаго съ обѣленіемъ монастырской запашки. И въ другихъ частяхъ государства обѣленіе запашки было привилегіей, исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Такъ, въ 94—95 гг. писцы Псковскаго уѣзда, В. Дровнинъ съ това-

---

1) Сошное письмо, I, стран. 222.

2) Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Изд. Губерн. Статистич. Комитета. II. Воронежъ. 1891 г. См., напр., стран. 33 и 34.

3) Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа кн. № 11084.

4) См., напр., Рязанскія книги 124 г. Временникъ Об. Ист. и Др., XIII томъ.

5) Ак. п. д., I, № 120.

6) Тамъ же, II, № 46.

7) Подробнѣе объ этомъ см. въ главѣ о дворовой чети.

рищами, обѣляютъ по челобитью пашню Печерскаго монастыря[1]), а одновременно, въ 96—97 гг., писцы Тульскаго уѣзда пишутъ монастырскую пашню въ тягло[2]). Въ Писцовыхъ книгахъ Московскаго государства, изданныхъ подъ редакціей Н. Калачова, напечатано много книгъ 101—102 гг. вотчинъ Троицы-Сергіева монастыря, и по этимъ книгамъ монастырская пашня, «что пашутъ на монастырь дѣтеныши», положена въ живущее въ уѣздахъ: въ Рузскомъ, Дмитровскомъ, Владимирскомъ, Переяславля Залѣсскаго, Юрьева Польскаго, въ Муромскомъ, Костромскомъ, Ростовскомъ, Угличскомъ и Старицкомъ[3]). Монастырская пашня свободна отъ тягла только въ Московскомъ уѣздѣ[4]). Въ 107 г. Троицкій монастырь получилъ значительную привилегію: 21 декабря по государеву указу было велѣно въ Троицкихъ вотчинахъ положить въ соху «противъ помѣстныхъ земель» по 800: 1000: 1200 четей (раньше было 600: 700: 800), а «монастырскую пашню живущую и съ тѣмъ, что пашутъ дѣтеныши на монастырь, въ Московскомъ уѣздѣ и въ иныхъ городѣхъ обѣлить и изъ сошнаго письма выложить». Въ 125 и 127 гг. послѣдняя льгота была подтверждена за монастыремъ, а первая нѣсколько ограничена, именно въ соху было велѣно класть вездѣ по 800 четей, независимо отъ качества земли[5]).

Другіе монастыри и позже не всѣ добились того, что богатѣйшій и вліятельный Троицкій монастырь получилъ только въ самомъ концѣ XVI вѣка, и освобожденіе отъ тягла монастырской пашни не стало общимъ правиломъ и при Михаилѣ. Въ вотчинѣ Спаса Каменнаго монастыря, Вологодскаго уѣзда, дозорщики въ 121 г. не положили въ тягло монастырскую и церковную пашню, «потому что въ прежнемъ сошномъ письмѣ въ окладѣ не была-жъ»[6]), а въ вотчинѣ

---

[1]) М. А. Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія... и т. д., стран. 309.

[2]) Писц. кн. Московскаго государства, II отд., стран. 1210 и 1259.

[3]) Тамъ же, I отд., стран. 657, 731—732, 743, 789, 821, 850, 852, 875 и 879, и II отд., стран. 14, 19, 34 и 405.

[4]) Тамъ же, I отд., стран. 68. «А въ пустѣ сошнаго письма и съ тѣмъ, что пашутъ на монастырь дѣтеныши»... Тамъ же, стран. 280. Возможно, что списокъ этихъ книгъ былъ изготовленъ послѣ указа 107 г., о которомъ я говорю въ текстѣ.

[5]) С. А. Шумаковъ, Тверскіе акты, II, стран. 73—76. Тверь. 1897 г. М. А. Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія и т. д., стран. 310—311.

[6]) Ак. п. д., I, № 17.

Ферапонтова монастыря того же уѣзда, по дозору 125 г., монастырская пашня была положена въ живущее, и властямъ пришлось бить челомъ объ этомъ государю. Государь указалъ съ пашни, которую пахали монастырскіе дѣловые люди, податей не брать[1]). Десять съ лишнимъ лѣтъ спустя, въ 136—137 гг., писцы вотчины Климецкаго монастыря, въ Кижскомъ погостѣ Новгородскаго уѣзда, положили въ тягло пашню, которую пахали «старцы собою монастырскими дѣтеныши»[2]).

Въ платежницѣ митрополичьихъ и монастырскихъ вотчинъ Оштинскаго и Водлоозерскаго становъ Заонежья, составленной по писцовымъ книгамъ 136—137 гг., мы читаемъ, что по государеву указу въ этихъ вотчинахъ «положено въ живущее на четь пашни по 6 человѣкъ крестьянъ, по 3 человѣка бобылей . . . . а помѣщицкая *(т.-е. митрополичьихъ дѣтей боярскихъ)* и монастырская пашня въ живущія выти и въ сошное письмо не положена, потому что тое землю помѣщики пашутъ сами на себя, а монастырскую пашню пашутъ на монастыри монастырскіе служки и дѣтеныши»[3]). Эти два заявленія, поставленныя рядомъ, должны вызвать, на первый взглядъ, недоумѣніе. Какой смыслъ имѣетъ освобожденіе отъ тягла монастырской и митрополичьихъ дѣтей боярскихъ пашни, когда вотчины указано было положить въ живущее сошное письмо по числу крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ? Казалось бы, что при послѣдовательномъ примѣненіи указовъ о дворовой чети пашни вопросъ о боярской и монастырской пашнѣ долженъ былъ бы упраздниться. Такъ было бы, дѣйствительно, если бы приказы и писцы смотрѣли на дворовую четь какъ на переходъ къ подворному обложенію. Въ дѣйствительности этого, какъ будетъ подробно показано ниже въ главѣ о дворовой чети, не было — въ дѣйствительности дворовая четь была однимъ изъ пріемовъ опредѣленія размѣровъ тягла, пріемомъ, который былъ примѣненъ не вездѣ и не одинаково и который на дѣлѣ прихотливо сочетался съ другими пріемами сошнаго оклада, которые употребля-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 60.

[2]) Р. И. Б., II, стран. 686. Крестьянскихъ дворовъ въ вотчинѣ не было совсѣмъ. Ср. въ Ак. п. д., II, № 96. То же въ вотчинѣ Палеостровскаго монастыря: «Палеостровскаго монастыря въ вотчинѣ крестьянъ нѣтъ же, пашутъ старцы да дѣтеныши, пашни паханыя монастырскія $^1/_{16}$ сохи безъ третника». Тамъ же.

[3]) Ак. п. д., II, № 98.

лись изстари. Писцы другой половины Заонежскихъ погостовъ тоже получили и примѣнили указъ о дворовомъ окладѣ, но это не помѣшало имъ положить въ живущее вотчины Климецкаго и Палеостровскаго монастырей, не имѣвшихъ крестьянъ и бобылей.

На основаніи всего этого я полагаю несомнѣннымъ, что свобода отъ тягла боярской запашки была исключеніемъ, а вовсе не общимъ правиломъ. Обѣленіе монастырской пашни встрѣчается значительно чаще, но и оно далеко не стало ко времени введенія дворовой чети, которая измѣнила постановку вопроса, общимъ правиломъ. Поэтому я думаю, что обѣленіе боярской и монастырской запашки было отнюдь не принципіальной общей мѣрой, а частной льготой, частными уступками, вызванными тяжестью налоговъ, а можетъ быть и недостатками механизма посошнаго обложенія.

Сказанное въ X главѣ относительно общихъ основаній сошнаго тягла и въ XIV и XV главахъ относительно реформы XVI вѣка и важнѣйшихъ условностей сошнаго письма выясняетъ существо дѣятельности писцовъ по опредѣленію окладовъ живущаго. Послѣднюю задачу писцовъ хорошо было бы освѣтить наглядными примѣрами изъ практики, но къ сожалѣнію это невозможно. Дѣло въ томъ, что писцовые архивы, которые могли бы дать намъ ясное представленіе о работѣ писцовъ по опредѣленію живущаго, дошли до насъ въ жалкихъ отрывкахъ, а писцовыя книги даютъ намъ не мотивированные итоги писцовой работы. Лишь очень рѣдко тотъ или иной писецъ обмолвится и броситъ въ своихъ книгахъ какое-нибудь цѣнное по данному вопросу замѣчаніе, но эти замѣчанія такъ рѣдки и отрывочны, что не могутъ дать сколько-нибудь полной картины.

Гораздо болѣе обильнымъ и весьма цѣннымъ источникомъ для изслѣдованія вопроса о живущемъ являются приказные архивы. Выше я говорилъ, что перечневыя росписи и книги писцовъ поступали по изготовленіи въ приказъ, который разсматривалъ ихъ и въ извѣстныхъ случаяхъ докладывалъ о новомъ описаніи государю. Легкій сошный окладъ, положенный писцами, вызывалъ убыль государевѣ казнѣ и неудовольствіе приказа, а тяжелый — жалобы населенія. Вслѣдствіе этого правительству нерѣдко приходилось, не отмѣняя новаго описанія цѣликомъ, измѣнять писцовые сошные и вытные оклады и устанавливать ихъ самостоятельно. Дѣлопроизводство при-

казовъ по этому вопросу представляетъ цѣнный источникъ для изслѣдованія вопроса о живущемъ, и на основаніи его, главнымъ образомъ, я изобразилъ въ XIII главѣ отношеніе правительства и приказовъ къ посадскому сошному окладу[1]). Сказанное тамъ подготовило, какъ мнѣ думается, читателя увидѣть безъ удивленія и сомнѣній такое же отношеніе правительства къ населенію при опредѣленіи сошныхъ окладовъ и уѣздовъ.

Около 94 г. было закончено новое описаніе дворцовыхъ владѣній. Значительная убыль живущаго, обнаруженная описаніемъ, и, вѣроятно, затруднительность сократить дворцовые расходы вызвали указъ царя Өедора. Государь «перечневыхъ списковъ всѣхъ дворцовыхъ селъ слушалъ и велѣлъ во всѣхъ дворцовыхъ селахъ пустоты, что убыло по новому письму передъ старымъ вытей и пособнаго хлѣба и денежныхъ доходовъ, двѣ трети сложити, а третью треть пустоты положить на живущія выти, на всѣ дворцовыя волости. И того нялось по разводу со всѣхъ дворцовыхъ волостей треть пустоты на живущія выти на 16 вытей выть». Изъ указа видно, что въ среднемъ во всѣхъ волостяхъ убыло въ пусто на каждыя 16 вытей по 3 выти, т.-е. немного менѣе $^1/_5$ живущаго. По указу $^2/_3$ этой убыли было велѣно признать и выложить изъ оклада, а $^1/_3$ разверстать на всѣ волости соотвѣтственно числу живущихъ по новымъ описаніямъ вытей. Такимъ образомъ, было велѣно сдѣлать общеволостную для дворцовыхъ владѣній переверстку тягла: волости, въ которыхъ была убыль вытей, получили нѣкоторую сбавку, а тѣ волости, въ которыхъ убыли не было или была, быть можетъ, прибыль, должны были возмѣстить для казны эту потерю. На село Красное, Владимирскаго уѣзда, изъ сотной котораго мы узнаемъ объ этомъ указѣ[2]), прибавка была сдѣлана такъ. По описанію 93 г. въ селѣ Красномъ было «пашни паханыя добрыя земли 240 десятинъ, а вытей въ живущемъ 40 вытей». По указу на эти 40 вытей пришлось прибавить $2^1/_2$ выти $\left(\frac{40}{16}=2^1/_2\right)$, «и всего будетъ въ селѣ Красномъ», сказано въ сотной, «живущихъ 42 выти съ полувытью». Интересно отмѣтить, что эта прибавка вытей не касалась сошнаго письма и сошныхъ налоговъ, шедшихъ не во Дворецъ: ямскія деньги крестьянамъ было велѣно платить съ того сошнаго

[1]) См. выше, стран. 300 и далѣе.
[2]) Ак. п. д., I, № 1.

оклада, въ который по точному ариѳметическому расчету писцы положили 40 вытей, числившихся живущими по ихъ письму[1]). Такимъ образомъ произошло, если можно такъ выразиться, раздвоеніе живущаго: для дворцовыхъ вытныхъ доходовъ въ селѣ Красномъ числилось $42^1/_2$ выти, т.-е. 510 четей (255 десятинъ) живущей пашни, а для посошныхъ налоговъ — 480 четей (40 вытей или 240 десятинъ) пашни. Подобные случаи раздвоенія живущаго, т.-е. взиманія однихъ налоговъ по одному окладу живущаго, а другихъ — по другому, я уже отмѣчалъ[2]), а ниже приведу еще.

Въ 122—123 гг. при первыхъ сборахъ хлѣбныхъ запасовъ ратнымъ людямъ на жалованье пришлось прибѣгнуть къ уступкамъ, такъ какъ взимать запасы вездѣ одинаково по старымъ сошнымъ окладамъ не было возможности. Съ тѣхъ городовъ, гдѣ были новые дозоры, было велѣно взять полный окладъ запасовъ, а съ не дозренныхъ — сбирать по росписи: вполы, въ треть и въ четверть оклада. Съ этимъ пріемомъ мы встрѣчаемся и позже, когда были уже произведены новые дозоры, но быстрый ростъ налоговъ дѣлалъ то тамъ, то здѣсь непосильными и новые сошные оклады. Такъ, въ 126 г. было указано съ Галича и съ Галичскихъ пригородовъ, съ посадовъ и съ черныхъ волостей, всякіе налоги, «опричь четвертныхъ доходовъ, имать со всѣхъ съ живущаго по новому дозору вполы окладовъ»[3]). Другой пріемъ былъ примѣненъ въ 123—124 гг. въ Казанскомъ уѣздѣ при сборѣ запросныхъ денегъ, которыя съ уѣздовъ было велѣно взять по новымъ дозорамъ по 120 р. съ сохи. Съ помѣстій и вотчинъ Казанскаго уѣзда, которыя еще не были дозрены, было велѣно взять эти деньги въ полный окладъ, но не съ старыхъ сошныхъ окладовъ, а «съ дачъ — съ четвертыя четверти по 5 алтынъ»[4]), т.-е. изъ 4 четей помѣстной дачи или вотчины одна была сочтена живущей и подлежащей налогу. Все это было временные пріемы опредѣленія живущаго и облегченія тягла, при которыхъ сошные оклады писцовыхъ и дозорныхъ книгъ собственно не измѣнялись, но мы можемъ наблюдать постепенные переходы отъ такихъ пріемовъ къ разнообразнымъ

---

[1]) Выть равна 12 четямъ доброй земли, а въ соху положено 800 четей.

[2]) См. выше, стран. 16—17, 264 и далѣе.

[3]) Въ черновикѣ грамоты въ Чухлому было написано, но зачеркнуто: «для нынѣшнихъ тяжелыхъ податей», т.-е., изъ-за стрѣлецкихъ, большихъ ямскихъ и запросныхъ денегъ. Ак. п. д., I, № 62.

[4]) Дворц. Арх., 24 оп., 124 г. № 495, л. 31.

компромиссамъ и произвольнымъ опредѣленіямъ сошныхъ окладовъ имѣвшимъ болѣе длительное и принципіальное значеніе.

Вотъ, напр., какой пріемъ былъ употребленъ въ 129 г. въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ обложеніи помѣстныхъ и вотчинныхъ земель. Слѣдуетъ замѣтить, что передъ этимъ въ уѣздѣ было много особныхъ дозоровъ, вслѣдствіе чего въ обложеніи получилась очень большая неравномѣрность: вотчины и помѣстья, дозренныя вторично послѣ общеуѣзднаго дозора 121 г., оказались обложенными гораздо легче не дозренныхъ. Между тѣмъ въ 129 г. въ уѣздъ были посланы писцы и особные дозоры было велѣно прекратить, а для того, чтобы уравнять дозренныя и не дозренныя земли государь указалъ: «въ Нижегородскомъ уѣздѣ которыя дворцовыя и бортныя села и деревни въ 128 году отданы въ вотчину и помѣстья боярамъ и стольникамъ и дворянамъ, до писцовыхъ книгъ, покамѣста тѣ села и деревни писцы опишутъ, положить въ платежъ противъ новаго дозора помѣстья боярина кн. И. Ѳ. Троекурова — на 100 чети живущія пашни по 5 чети безъ полуосьмины, и съ того всякіе государевы доходы имати. А какъ писцы пріѣдутъ къ Москвѣ съ книгами, и что по писцовымъ книгамъ въ тѣхъ ихъ боярскихъ и стольниковъ и дворянскихъ помѣстьяхъ пашни прибудетъ, и съ тое прибылыя пашни велитъ государь всякіе доходы донять»[1]). Смыслъ этого указа такой. Въ помѣстьѣ б. кн. И. Ѳ. Троекурова по дозору оказалось въ живущемъ по $4^3/_4$ чети пашни паханой на каждыя 100 четей помѣстной дачи. Это было принято за норму живущаго, и государь указалъ по этой нормѣ положить въ живущее не дозренныя помѣстья и вотчины. Такъ какъ писцовыя книги были поданы въ Новгородскую четь только въ 136 г., а окончательно составленныя платежницы были присланы въ Нижній только въ 142 г.[2]), то указъ 129 г. дѣйствовалъ много лѣтъ, и, навѣрное, ни съ кого не пришлось «донимать», такъ какъ послѣ примѣненія къ уѣзду указа о дворовой чети оклады живущаго уменьшились еще болѣе.

Одновременно съ этимъ пріемомъ въ томъ же уѣздѣ былъ примѣненъ другой. Около 127 г. съ вотчины Печерскаго монастыря, села Ягоднаго, до большихъ писцовъ «государевы всякіе доходы

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Нижнему кн. № 5, лл. 25 и 84 об.
[2]) Ак. п. д., II, № 113.

велѣно имать передъ дозорными книгами кн. Н. Волконскаго 122 году вполы»[1]).

Исторію сошнаго оклада посада Вологды я разсказалъ выше [2]); исторія уѣзднаго оклада тѣсно связана съ нею. Вологодскій уѣздъ, подвергавшійся въ 120—127 годахъ неоднократному разоренью, ко 124 году былъ весь дозренъ разными дозорщиками, а въ 124 г. начались вторичные дозоры всего уѣзда. По этимъ дозорамъ обнаружилась огромная убыль сошныхъ окладовъ. Въ 125 г. въ Новгородской чети было выписано въ докладъ, что въ части Вологодскаго уѣзда, дозренной вновь П. Новосильцевымъ, по дозорнымъ приправочнымъ книгамъ 123 г. въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ было въ живущемъ 6 сохъ безъ получети сохи и пол-пол-пол-чети сохи безъ полуосьмины пашни, а по дозору П. Новосильцева и подьячаго Ер. Рябцова стало соха безъ чети и безъ пол-пол-пол-чети сохи и 2 чети безъ третника пашни. Это уменьшеніе живущаго болѣе чѣмъ въ 8 разъ очень не поправилось и показалось подозрительнымъ начальству Новгородской чети, и оно доложило о новомъ дозорѣ боярамъ. Бояре, выслушавъ доклада, приговорили: «съ тѣхъ земель имати всякія государевы подати передъ прежними приправочными дозорными книгами третью долю, потому что П. Новосильцевъ да подьячій Ероха по своему дозору сбавили много»[3]). Въ докладѣ кромѣ справки объ окладахъ не было приведено никакихъ фактовъ, и бояре, отмѣняя дозоръ П. Новосильцева, руководились только тѣмъ, что дозорщики сбавили много[4]), а, приговаривая платить съ $^1/_3$ старыхъ окладовъ, руководились чистымъ произволомъ. Изъ доклада о посадскомъ дозорѣ мы узнаемъ, что такое же произвольное уменьшеніе старыхъ окладовъ было примѣнено и къ другой части уѣзда, которую дозрилъ кн. П. Волконскій: «по государеву указу и по боярскому приговору тѣмъ новымъ дозорщикамъ, Петру Новосильцеву и князю Петру Волконскому, ихъ дозору вѣрити не велѣли, потому что они писали передъ прежними дозорными книгами легко, съ великою убылью, а указалъ государь и бояре приговорили по преж-

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., по Нижнему кн. № 4, л. 36.

[2]) См. выше, стран. 300—302.

[3]) Ак. п. д., I, № 23.

[4]) Въ грамотѣ на Вологду про это сказано такъ: «и то знатно, что они писали по посуламъ, не радѣя о нашемъ дѣлѣ». Тамъ же, № 37. Ср. еще № 69.

нимъ книгамъ имати въ треть» [1]). По примѣру этихъ двухъ дозоровъ былъ отмѣненъ дозоръ посада и другіе уѣздные дозоры, и указъ о взиманіи податей съ третьей доли окладовъ старыхъ дозоровъ былъ распространенъ на весь уѣздъ. По челобитью дьяка Ив. Болотникова и помѣщиковъ Двиницкой волости было велѣно съ ихъ помѣстій взимать подати съ трети дозора кн. Б. Касаткина-Ростовскаго 123 г.[2]). По челобитью крестьянъ вотчины митрополита Филарета было указано взимать съ нихъ подати съ трети оклада дозора кн. Н. Шаховского 124 года, хотя этотъ дозоръ не былъ отмѣненъ [3]). То же были примѣнено къ дозору части уѣзда, произведенному въ 125 г. Тарасомъ Ушатымъ и Замятней Щетининымъ[4]). Словомъ, цѣлый рядъ дозоровъ 124—125 гг. былъ отмѣненъ и подати было указано взимать съ трети окладовъ старыхъ дозоровъ. Это — уже не исключенія, а общая мѣра и совершенно произвольная, не считавшаяся съ степенью добросовѣстности отмѣненныхъ дозоровъ и съ степенью разоренья различныхъ частей уѣзда.

Нѣчто подобное мы видимъ и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ. Въ 126 г. смольняне, испомѣщенные въ этомъ уѣздѣ, писали въ челобитной, что въ 124 г. ихъ помѣстья дозрили Мих. Беклемишевъ и Третьякъ Копнинъ и положили въ сошное письмо «не по дѣлу», очень тяжело; отъ этого де дозора, отъ разоренья воровъ и литовскихъ людей и отъ великихъ податей они совсѣмъ разорились. Смольняне просили взимать съ нихъ всякіе налоги «по своему государеву указу, какъ и въ иныхъ городахъ, съ живущаго въ треть». Ясно, что челобитчики имѣли въ виду вологодскій случай, а можетъ быть и другіе подобные ему. Въ докладѣ Галицкой чети, составленномъ по этому челобитью, дѣйствительно былъ выписанъ вологодскій «примѣръ». 7 января 126 г. бояре, выслушавъ доклада, приговорили: «дворянъ и дѣтей боярскихъ съ помѣстныхъ земель, опричь монастырскихъ вотчинъ, четвертные и всякіе государевы доходы имать вполы, покамѣста за ними тѣ помѣстья дозрятъ новые дозорщики»[5]). Въ 126 г. весь уѣздъ или большую часть уѣзда дозрилъ Сем. Юреневъ, а въ 128—129 годахъ

---

[1]) Ак. п. д., I, № 56.

[2]) Тамъ же, №№ 68 и 70.

[3]) Тамъ же, № 58.

[4]) В. Н. Сторожевъ, Матеріалы Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду, I, стран. 61. С.-Пб. 1906 г.

[5]) Ак. п. д., I, №№ 52, 53 и 55.

весь уѣздъ дозрили Ратманъ Тарбеевъ и подьячій Алексѣй Корноуховъ, но оба эти дозора были отмѣнены, и бѣлозерскіе помѣщики платили до 139 или до 140 года по дозору Мих. Беклемишева съ уменьшенныхъ окладовъ: смольняне платили въ четверть оклада, а всѣ остальные служилые люди вполы оклада [1]).

Этотъ пріемъ произвольнаго уменьшенія и установленія на глазъ окладовъ сошнаго письма вовсе не былъ временнымъ явленіемъ, которое можно было бы объяснить чрезвычайными обстоятельствами первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича; мы видѣли его въ 94 году и въ первые годы послѣ Смуты, увидимъ и позже, когда правительство стало примѣнять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дворовый окладъ. Вотъ еще подобный случай, быть можетъ объясняющійся введеніемъ дворовой чети. Въ Романовскомъ уѣздѣ по дозору Ал. Шапилова 129 г. было въ живущемъ 9 сохъ, но въ 131 г., очевидно по челобитью уѣздныхъ людей, по государеву указу была «учинена складка, а всего нынѣ въ Романовскомъ уѣздѣ положено противъ иныхъ городовъ соха съ четью» [2]).

Очень интересна исторія сошнаго оклада Устьянскихъ волостей. По сотнымъ грамотамъ съ писцовыхъ книгъ Ив. Петрова Невѣжина и подьячаго Петра Аѳанасьева 7073 года въ волостяхъ было [3]):

Въ Ростовщинѣ	$50^3/_8$	выти
» Шангальской	$43^9/_{16}$	»
» Чадромской	$34^9/_{16}$	»
» Пежемской	$73^2/_3$	»
» Чушевицкой	27	»
Всего . . .	229 и $^1/_6$	выти.

Съ этого оклада волости платили въ послѣдней четверти XVI вѣка и въ первой XVII-го. Въ 128—130 гг. волости дозирало нѣсколько дозорщиковъ, а въ 131 г. описали писцы Тим. Боборыкинъ и подьячій Макаръ Чукаринъ, но дозоры не были закончены и отмѣнены по неизвѣстнымъ причинамъ, а описаніе отмѣнено по челобитью устьянцевъ. По челобитью волостей, въ 131 г. имъ была дана жалованная уставная грамота, а въ 133 г. были отставлены писцовыя

[1]) Сошное письмо, I, стран. 220—221.
[2]) Ак. п. д., I, №№ 110 и 111.
[3]) Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, лл. 282—286.

книги и волостямъ было велѣно платить съ стараго вытнаго оклада, всего, включая деньги за приказчиковъ доходъ, по 1000 руб. въ годъ. Такъ платили устьянцы четвертные доходы въ Устюжскую четь до новаго описанія, начатаго въ 153 году, безъ всякихъ недоразумѣній, но съ окладомъ волостей стрѣлецкими деньгами со 129 г. начало твориться что-то непонятное. На 129 г. этотъ налогъ было велѣно взять «съ стараго оклада», *съ 249 вытей,* и «для платежа стрѣлецкихъ денегъ вытнаго письма приписано лишка 20 вытей безъ полутрети выти, невѣдомо почему; и того въ Устюжской четверти выписать не изъ чего; потому что всѣ дѣла погорѣли въ Кремлевскій пожаръ во 134 году»[1]). Такъ было сказано въ дѣлѣ Устюжской чети 153 г., когда она докладывала государю о посылкѣ новыхъ писцовъ. Почти навѣрное можно сказать, что эти 20 вытей быти приписаны потому, что были изъ числа тѣхъ, которыя выходили изо льготы по дачамъ воеводъ, но дѣло не въ нихъ, а въ томъ, что Стрѣлецкій приказъ независимо отъ Устюжской чети призналъ дозоръ трехъ волостей, произведенный Н. Талызинымъ въ 129 г., а на 2 остальныя не дозренныя волости прибавилъ произвольно вытнаго оклада пропорціонально прибыли вытей въ дозренныхъ волостяхъ. Именно, на Ростовщину, Шангалу и Чадрому было прибавлено по дозору $102^1/_3$ выти, а на не дозренныя Пежемскую и Чушевицкую волости прибавлено по расчету $80^1/_2$ вытей. Всего на 129 г. было велѣно взять деньги за стрѣлецкій хлѣбъ съ 432 вытей безъ полутрети выти[2]). Изъ смѣты Устюжской чети на 153 г. мы узнаемъ, что указъ съ боярскимъ приговоромъ объ этой прибавкѣ состоялся 15 октября 130 года[3]) и что ему была, очевидно, придана обратная сила на 129-й годъ. Одновременно эти $431^5/_6$ выти по государеву указу для платежа стрѣлецкихъ денегъ были положены «противъ иныхъ городовъ» въ сошное письмо, въ 6 сохъ съ полусохою и въ пол-чети и пол-пол-чети сохи[4]).

Этотъ окладъ лежалъ на устьянцахъ почти 25 лѣтъ. Вѣроятно, они неоднократно жаловались, но безъ успѣха. Пока было мирное

---

[1]) Это невѣрно. Сохранилось и дошло до насъ не мало дѣлъ Устюжской чети до 134 года. Въ описи дѣлъ чети 139 г. упоминается роспись дѣлъ, книгъ и столбцовъ, спасенныхъ отъ пожара 134 г. Прик. д. стар. л., 1625 г. № 28.

[2]) Тотъ же архивъ, по Чарондѣ кн. № 1, лл. 282—287 и 353. Вычисленіе сдѣлано весьма точно.

[3]) Ак. п. д., II, № 131.

[4]) Сошное письмо, I, стран. 115.

время и окладъ стрѣлецкихъ денегъ былъ невеликъ, устьянцы платили исправно, но для Смоленской войны «учали быть сборы великіе», и устьянцы начали запускать большія недоимки по стрѣлецкимъ деньгамъ. Всего со 142 г. по 148-й на нихъ накопилось 4763 руб. 30 ал. $2^1/_2$ д. недоимокъ, т.-е. почти $^3/_4$ того, что слѣдовало съ нихъ взять всего по окладамъ. Особенно со 143 г. неплатежъ принялъ характеръ упорнаго сопротивленія: устьянцы самовольно сходили съ правежа, выбивали изъ волостей сборщиковъ или разбѣгались при ихъ пріѣздѣ по лѣсамъ и т. д. Одновременно они отправляли въ Москву челобитчиковъ искать правды и милости у царя. Въ одной челобитной 148 г. устьянцы писали, что «о тѣхъ лишнихъ деньгахъ и о навальныхъ сохахъ» . . . . «бьемъ челомъ многое время перемѣнные челобитчики съ прошлаго 142-го года и до нынѣшняго 148-го, и подавали многія челобитныя. И стъ тебя, государя, съ Верха подписныя челобитныя сходили — велѣно тебя, государя, доложить по выпискѣ; а намъ, сиротамъ, и по ся мѣста твоего государева указа не бывало». Въ сентябрѣ и октябрѣ 149 г. устьянцамъ сошло 5 подписныхъ челобитныхъ, и по каждой государь указывалъ доложить себѣ, но доклада все не было. Дьякъ Устюжской чети Пантелей Чириковъ утѣшалъ устьянцевъ: «въ ваши де Устьянскія волости государь приказалъ быть писцу», но ни писцовъ, ни указа по докладу не было[1]). Ко 153 году недоимка по стрѣлецкимъ деньгамъ достигла 5678 руб., и дѣло, наконецъ, было доложено государю. По докладу дьяка Мины Грязева государь указалъ: 1) «въ Устьянскія волости послать писцовъ съ мѣрою, потому что въ тѣхъ волостяхъ писецъ Ив. Невѣжинъ былъ въ 73 году, тому 80 лѣтъ, а послѣ того во 131 году были писцы Тим. Бобарыкинъ, и тѣ писцовыя книги отставлены и въ Кремлевскій пожаръ сгорѣли»; 2) прибылыя по дозору Н. Талызина и произвольно наваленныя Стрѣлецкимъ приказомъ выти сложить и окладъ 130 г. отмѣнить, «что то сошное письмо положено на Устьянскія волости невѣдомо почему и по какому государеву указу»; 3) $229^1/_6$ выти стараго оклада положить въ сохи для платежа стрѣлецкихъ денегъ и другихъ доходовъ «противъ худыя земли», т.-е. самымъ льготнымъ образомъ, — «а по разводу сошнымъ письмомъ по прежней выпискѣ за помѣтою дьяка Пантелея Чири-

---

[1]) Ак. п. д., II, №№ 129 и 130.

кова тѣ 229 вытей съ полутретью выти противъ худыя земли будетъ 3 сохи и пол-пол-пол-трети сохи и 17 чети безъ третника пашни». Съ этого оклада, почти вдвое меньшаго, чѣмъ прежній, государь указалъ платить до окончанія описанія[1]).

Въ заключеніе интересно отмѣтить, что по новому описанію, утвержденному въ 155 году, устьянцы были положены въ тягло гораздо ближе къ старому произвольному окладу, чѣмъ къ временному льготному. По описанію 153—155 гг. они были положены и должны были платить со 156 года «съ живущаго съ 5 сохъ съ четью и съ пол-пол-чети и съ пол-пол-пол-трети сохи и съ 12 четей съ осьминою безъ пол-пол-третника пашни»[2]).

Разсказанные выше случаи установленія правительствомъ сошныхъ окладовъ вовсе не являются какими-либо вынужденными вторженіями въ дѣятельность писцовъ, такими вторженіями, при которыхъ правительство руководилось при окладѣ основаніями и соображеніями отличными отъ писцовыхъ. Если при установленіи окладовъ правительствомъ усмотрѣніе и произволъ выступаютъ ярче, то только потому, что писцы стояли ближе къ дѣлу и были ограничены въ своемъ усмотрѣніи властью приказа, мѣстной стариной и всѣми обстоятельствами дѣла, а власть правительства была не ограничена и ему приходилось брать на себя установленіе окладовъ большею частью какъ разъ тогда, когда работа писцовъ была неудовлетворительна сама по себѣ или вызывала настойчивыя жалобы населенія. По существу же основанія и пріемы правительственнаго, приказнаго и писцоваго окладовъ одинаковы: руководиться тѣми или иными нормами и стариной и примѣриваться къ прошлому, пока это облегчаетъ достиженіе главной цѣли — прочной прибыли казнѣ, — и отступать отъ нихъ по своему усмотрѣнію всякій разъ, когда эти пути оказывались, по тѣмъ или инымъ причинамъ, неудобными или нецѣлесообразными.

Въ добавленіе къ вышеизложенному мнѣ кажется желательнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о пустомъ въ сошномъ письмѣ.

Пустое съ формальной стороны можно опредѣлить такъ. Живущее это — то, что должно платить налоги, а вся остальная часть служи-

---

[1]) Ак. п. д., II, № 131.

[2]) Тамъ же, вторая выписка изъ смѣтъ Устюжской чети.

лаго владѣнія, вотчины или тяглаго участка, за вычетомъ живущаго, есть пустое. Пустое тягла не несетъ, а живущее числится живущимъ только до тѣхъ поръ, пока обязано нести тягло. Высказанное кѣмъ-то въ литературѣ предположеніе, что пустое сошное письмо несло, быть можетъ, нѣкоторые налоги, источниками совершенно не подтверждается. Езли бы оно несло ихъ, то по приказной терминологіи перестало бы быть пустымъ и стало бы живущимъ. Исключенія, которыя мы можемъ наблюдать, не опровергаютъ сказаннаго, а наоборотъ подтверждаютъ. Такъ, въ 139—141 гг., какъ я уже говорилъ[1]), для Смоленскаго похода одинъ чрезвычайный сборъ взятъ былъ съ живущаго и пустого, т.-е. со всей четвертной земли помѣстныхъ и вотчинныхъ владѣній, безъ всякихъ условностей сошнаго письма, но этотъ сборъ не имѣетъ никакого отношенія къ посошному обложенію и нисколько не касается повседневной практики его. Тогда же для сбора подводъ съ посадовъ была употреблена чрезвычайная мѣра, вызвавшая большія недоразумѣнія и жалобы: для оклада посадовъ подводами было указано положить въ сохи пустые дворы и дворовыя мѣста, по 200 дворовъ и мѣстъ въ соху, но и это былъ чрезвычайный случай, временная мѣра. Въ дворцовыхъ и черныхъ волостяхъ пустыя четвертныя земли, напр. запустѣвшія выти, очень часто были за крестьянами и платили оброкъ, медъ или хлѣбъ, но и это не имѣетъ отношенія къ сошному тяглу, такъ какъ для него эти земли и выти числились пустыми[2]). Словомъ, если брать обычный порядокъ вещей, обычный ходъ дѣла, то несомнѣнно, что пустое сошное письмо не несло тягла вообще и не платило какихъ-либо нѣкоторыхъ посошныхъ налоговъ.

Езли такъ, то возникаетъ вопросъ, какое значеніе имѣетъ пустое сошное письмо и, въ частности, какъ слѣдуетъ понимать показанія о пустомъ писцовыхъ книгъ?

Въ писцовыхъ книгахъ частновладѣльческихъ земель сразу бросается въ глаза огромное количество пустого сошнаго письма, притомъ не только въ книгахъ XVII вѣка, но и второй половины XVI-го. Въ концѣ XVI в. пустое нерѣдко превосходитъ живущее въ 2, 3, 5 и болѣе разъ. По дозорамъ первыхъ лѣтъ послѣ Смуты живущее быстро уменьшается[3]), а пустое растетъ и достигаетъ еще до при-

---

[1]) Сошное письмо, I, стран. 403.

[2]) О пустыхъ вытяхъ см. въ слѣдующей главѣ.

[3]) Сошное письмо, I, стран. 212 и далѣе.

мѣненія указовъ о дворовой чети огромныхъ размѣровъ, такъ что живущее составляетъ уже ничтожную часть всей четвертной земли описаннаго владѣнія. Приведу два заурядныхъ примѣра. Въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ Воротынскаго уѣзда по дозору 122 г. было пашни паханой доброй земли 182 чети, а перелога 16881 четь безъ третника[1]). По дозору 124 г. въ селахъ Сукромномъ и Присѣкахъ съ деревнями, Бѣжецкаго уѣзда, принадлежавшихъ Троицы-Сергіеву монастырю, въ живущемъ было пашни паханой крестьянской $^1/_{24}$ сохи и «четверть пашни съ полутретникомъ осьминнымъ», да монастырской пашни $^1/_{32}$ сохи и 5 четей, «а въ пустѣ сошнаго письма 14 сохъ и пол-чети и пол-пол-чети сохи и 10 четвертей пашни съ полутретникомъ осьминнымъ»[2]). Послѣ примѣненія указовъ 128—140 гг. о дворовой чети, пустста возрасла за счетъ живущаго еще болѣе. Такъ, въ Воротынскомъ уѣздѣ по писцовымъ книгамъ 134—135 гг. всего было «сошнаго письма въ живущемъ и въ пустѣ 29 сохъ съ полусохою и пол-пол-пол-трети сохи и перешло 1 четь безъ полутретника», а изъ этого количества въ живущемъ было только 8 четей безъ четверика и безъ пол-пол-пол-четверика[3]).

Эта хроническая удручающая пустота въ частновладѣльческихъ земляхъ давно обратила на себя вниманіе изслѣдователей, и на ней, главнымъ образомъ, основываются мнѣнія объ упадкѣ земледѣлія и о кризисѣ служилаго землевладѣнія въ извѣстные періоды исторіи Московскаго государства. Не поднимая этихъ сложныхъ вопросовъ и вовсе не думая отрицать значительной доли справедливости указанныхъ мнѣній, я все-таки полагаю, что они нуждаются въ основательномъ пересмотрѣ и, во всякомъ случаѣ, въ существенныхъ ограниченіяхъ. Дѣло въ томъ, что эту пустоту никакъ нельзя принимать за чистую, что называется, монету. Показанія писцовыхъ книгъ о размѣрахъ пустоты такъ же условны, какъ условно понятіе живущаго. Они имѣютъ еще нѣкоторую научную цѣнность, когда въ пустѣ описано все владѣніе, служилое или тяглое, но требуютъ очень осторожнаго научнаго обращенія, когда часть владѣнія положена въ живущее, а часть въ пустое, такъ какъ послѣднее есть часть владѣнія, остающаяся за вычетомъ живущаго.

---

[1]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 83, л. 262 об. и далѣе.

[2]) Тамъ же, Писц. кн. № 22, л. 67.

[3]) Тамъ же, Писц. кн. № 84, л. 398.

Выберу два яркихъ примѣра изъ того времени, когда для оклада частновладѣльческихъ и нѣкоторыхъ черныхъ земель была уже примѣнена дворовая четь. Я уже говорилъ, а ниже изслѣдую и покажу подробно, что дворовая четь была однимъ изъ пріемовъ положенія въ живущее. Этимъ объясняется, что писцы, получившіе *своевременно* [1]) указъ о дворовомъ окладѣ, сохранили въ своихъ книгахъ всѣ условности сошнаго письма, и живущее такихъ книгъ есть условный окладъ, вычисленный по дворамъ, а пустое есть все остальное владѣніе за вычетомъ живущаго. Вотъ примѣръ изъ писцовыхъ книгъ Рязанскаго уѣзда К. Воронцова-Вельяминова. Въ помѣстьѣ дѣтей Хр. Измайлова, въ дер. Юрасовой, написаны 1 дворъ крестьянскій и 3 двора бобыльскихъ, «пашни паханыя полосьмины, да наѣзжія пашни 30 ч. безъ полуосьмины, да перелогомъ 40 ч., да лѣсомъ поросло 30 ч.», всего 100 четей доброй земли; «сошнаго письма въ живущемъ и въ пустѣ пол-чети (*т.-е.* $^1/_8$) сохи, а платити съ живущаго съ полуосьмины пашни». Такъ послѣдовательно описываютъ всѣ помѣстья и вотчины эти писцы. Въ помѣстьѣ Измайловыхъ полуосьмина живущей пашни вычислена по указной нормѣ — 8 дворовъ крестьянскихъ и 4 бобыльскихъ на четь, а пустое (можетъ быть, наѣзжая пашня) подогнано такъ, чтобы въ итогѣ получились тѣ 100 четей земли, которыхъ было всего въ этомъ помѣстьѣ [2]). Такъ же поступали, хотя иначе выражались въ своей платежницѣ, Н. Панинъ и подьячій С. Копыловъ, писцы черныхъ волостей половины Заонежья. По указу 140 г. имъ было велѣно положить на выть по 15 дворовъ крестьянскихъ [3]), считая въ выти по 12 четей доброй земли, иными словами — считать по $1^1/_4$ двора на четь пашни доброй земли. Руководясь этимъ указомъ, они вычисляли пашню паханую живущихъ вытей, а остальную землю этихъ вытей называли пустой «перехожей пашней», «что у живущихъ вытей осталось». Такъ, въ Олонецкомъ погостѣ съ приписными къ нему волостками они написали: «въ живущемъ 38 вытей безъ трети выти. А въ пустѣ перехожія пашни паханыя, что у живущихъ вытей осталось, 37 вытей безъ чети» . . . .

---

[1]) Нѣкоторые писцы получили указъ *послѣ* изготовленія своихъ книгъ и вписали оклады живущаго въ готовыя уже книги. См. объ этомъ ниже, въ главѣ о дворовой чети.

[2]) Писцовыя книги Рязанскаго края, стран. 493.

[3]) Бобыльскіе дворы эти писцы облагали оброкомъ, а въ живущія выти не клали совсѣмъ.

и т. д. съ мелкими дробями. Въ сошное письмо писцы клали выти съ различіемъ качества земли, по 800 — 1000 — 1200 четей въ соху, и писали, что въ Олонецкомъ погостѣ «сошнаго письма въ живущемъ полсохи безъ пол-пол-трети» и т. д., а «въ пустѣ перехожія пашни паханыя полсохи и 14 чети съ осьминою и пол-полутретника пашни». Сверхъ того за крестьянами было большое количество вытей «старыя пустоты». Такъ, въ Олонецкомъ погостѣ было немного болѣе 137 такихъ вытей. Я упоминаю о послѣднемъ, такъ какъ выти были обложены различно: живущая выть должна была платить за посопный хлѣбъ по 12 руб., пустая перехожая выть по 1 руб. 13 ал. 2 д. за выдѣльный хлѣбъ, а выть старой пустоты платила гораздо меньше — по 18 ал. $4^1/_2$ д. съ выти [1]).

Не менѣе условно понятіе пустого и до указовъ о дворовой чети, когда писцы клали въ живущее по своему усмотрѣнію, по силамъ тяглыхъ людей, а не по даннымъ имъ приказомъ дворовымъ нормамъ. Размѣры пустого этого времени ближе къ дѣйствительности, но вовсе не потому, что они менѣе условны, а потому, что оклады живущаго еще не растаяли подъ давленіемъ возраставшаго обложенія.

Огромное количество пустого въ частновладѣльческихъ земляхъ должно было производить тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что въ дворцовыхъ и черныхъ волостяхъ, говоря вообще, мы этого вовсе не видимъ. Здѣсь крестьяне часто владѣютъ изъ оброка или изъ выдѣльнаго снопа большимъ количествомъ пустыхъ вытей или земель, какъ въ Олонецкихъ погостахъ, иногда встрѣчаются совершенно пустыя земли, но эта пустота прямо ничтожна въ сравненіи съ пустотой въ частновладѣльческихъ земляхъ. Напр., по описанію 94 г. въ Вымь-Яренскомъ уѣздѣ «сошнаго письма въ живущемъ было 32 сохи съ четью и пол-пол-чети, а въ пустѣ соха и пол-чети» (соха въ 125 четей средней земли). По дозору 116 г. количество живущаго увеличилось [2]). Не умножая примѣровъ, чтобы доказывать то, что не вызываетъ сомнѣній, укажу, что это различіе въ количествѣ пустого никакъ нельзя объяснить одпѣми хозяйственными и тягловыми особенностями жизни частновладѣльческихъ крестьянъ, съ одной стороны, и государевыхъ крестьянъ, съ другой. Одна изъ главныхъ

---

[1]) Ак. п. д., II, № 96.

[2]) А. М. Гнѣвушевъ, Акты времени правленія царя Василія Шуйскаго, стран. 353—354. М. 1914 г. Изд. М. Общ. Ист. и Др.

причинъ лежитъ въ правовыхъ основаніяхъ землевладѣнія и въ различіи, въ зависимости отъ этого обстоятельства, пріемовъ описанія земель.

Извѣстно, что писцы вовсе не должны были и въ дѣйствительности не описывали всей площади своего уѣзда. Главная ихъ задача, которую они должны были исполнить прежде всего, состояла въ описаніи жилыхъ селеній, наличныхъ тяглецовъ и обрабатываемыхъ ими земель. Въ связи съ этой задачей, но на второмъ мѣстѣ, находилось описаніе дворовъ и земель, запустѣвшихъ послѣ предшествовавшаго описанія. Эту пустоту, а не всю никѣмъ не занятую площадь уѣзда, должны были описывать писцы. Писцовые наказы подробно и опредѣленно объясняютъ, почему и въ какихъ цѣляхъ приказы требовали отъ писцовъ описанія этой пустоты. Знаніе пустоты было необходимо, во-первыхъ, при опредѣленіи сошнаго и оброчнаго тягла. Нужно было знать, съ кого и съ какихъ именно статей слѣдуетъ сложить различные платежи. Затѣмъ знаніе пустоты давало возможность сравнить прежнее съ настоящимъ и руководиться при окладѣ этимъ сравненіемъ. Такъ, устюжскій наказъ предписываетъ подъ посадомъ и волостями дѣлать въ писцовыхъ книгахъ перечни и давать итоги, сравнивая прошлое съ настоящимъ: «почему съ которыя волости государевыхъ всякихъ денежныхъ доходовъ крестьяне платили по прежнему, и что съ которыя волости по ихъ письму государевыхъ денежныхъ всякихъ доходовъ прибудетъ порознь, или гдѣ убудетъ, и сколько отдадутъ на льготу, и на колько кому лѣтъ льготы дано, и что будетъ въ пустѣ»[1]). Важность выясненія для тягла того, что запустѣло послѣ предшествовавшаго описанія, настолько ясна, что говорить объ этомъ много нѣтъ надобности, и я укажу на другія стороны вопроса.

Къ указанной основной цѣли выясненія пустоты при описаніяхъ черныхъ и дворцовыхъ земель присоединялись другія. Приказъ желаетъ знать причины пустоты, чтобы быть въ состояніи принять противъ нея свои мѣры. Такъ, въ томъ же устюжскомъ наказѣ мы читаемъ обычное предписаніе сыскивать: «гдѣ тѣ люди, которые въ тѣхъ селахъ и въ деревняхъ жили, отъ чего тѣ села и деревни запустѣли, отъ войны-ль, или отъ податей, или отъ воеводъ и приказ-

---

[1]) Ак. п. д., I, № 115.

ныхъ людей, или отъ волостныхъ старостъ и богатыхъ мужиковъ насильства или отъ насильства стороннихъ людей, и отъ кого отъ стороннихъ людей, и сколь давно, или померли, и на чемъ кто жилъ, и кто тѣми ихъ жеребьи послѣ ихъ владѣетъ, и осталися ли послѣ ихъ жены ихъ и дѣти, или братья, или племянники». Все это необходимо было знать для принятія мѣръ къ ожиленію земель и запустѣвшихъ участковъ, которое составляло одну изъ важнѣйшихъ обязанностей писцовъ. Писцы должны были сыскивать про пустоту, чтобы разыскать и вернуть на тягло бѣглыхъ тяглецовъ, которые покинули тягло отъ бѣдности, несчастныхъ случайностей или «для легости, избывая государева тягла». Затѣмъ они должны были стараться привлекать на льготу новыхъ тяглецовъ изъ вольныхъ людей и сажать ихъ на землю. Для этого пригоднѣе всего, конечно, были не черные лѣса и не земли, никогда никѣмъ не тронутыя, а запустѣвшіе участки, раньше бывшіе подъ обработкой. Такимъ образомъ, можно сказать, что здѣсь приказъ интересовался пустотой и требовалъ отъ писцовъ ея описанія исключительно съ тягловыхъ точекъ зрѣнія.

Иначе было дѣло въ частновладѣльческихъ земляхъ. Здѣсь ожиленіе земель вообще и въ частности сыскъ бѣглыхъ тяглецовъ были дѣломъ самихъ землевладѣльцевъ, и потому въ наказахъ писцамъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель соотвѣтствующихъ статей не было. Зато писцы должны были непремѣнно описывать все владѣніе и всѣ владѣнія, какъ жилыя, такъ и пустыя, т.-е. покинутыя владѣльцами на произволъ судьбы и выморочныя. Это вызывалось условіями помѣстнаго и вотчиннаго землевладѣнія. Въ составѣ пустыхъ государевыхъ земель можно намѣтить три части: 1) выморочныя помѣстья и вотчины, т.-е. такія земли, которыя перешли въ государевы земли за смертью владѣльцевъ и отсутствіемъ наслѣдниковъ; 2) владѣнія, покинутыя помѣщиками, но не «снятыя» съ нихъ приказомъ, и 3), наконецъ, такія земли, которыя никогда никому не принадлежали. Относительно второй группы земель необходимо сдѣлать небольшое поясненіе.

Дѣло въ томъ, что Помѣстный приказъ, раздавая служилымъ людямъ помѣстья, принималъ мѣры, чтобы помѣщики не разгоняли крестьянъ и не пустошили земель. Одна изъ важнѣйшихъ мѣръ противъ этого состояла въ томъ, что помѣщикъ долженъ былъ платить подати съ запустошеннаго имъ помѣстья до новаго описанія, а кромѣ того

не имѣлъ права отказаться и отдѣлаться отъ пустого помѣстья. Эта пустая дача продолжала висѣть, такъ сказать, у него на шеѣ и затрудняла ему полученіе въ помѣстный окладъ другого помѣстья. Въ виду постояннаго недостатка земель, пригодныхъ для испомѣщенія, правительство не «снимало» съ служилыхъ людей пустыя помѣстья даже тогда, когда запустѣніе произошло и не по винѣ помѣщика.

Очень характерно въ этомъ отношеніи челобитье старца Симонова монастыря Аѳ. Ощерина за своего племянника. Ощеринъ билъ въ 136 г. челомъ, что за его племянникомъ въ Торопецкомъ и Холмскомъ уѣздѣ въ помѣстьѣ 2 пустоши, «а запустѣло, государь, то его помѣстійце съ литовскаго разоренья». Послѣднимъ челобитчикъ говорилъ, что запустѣніе произошло не по винѣ его племянника. Кромѣ этихъ пустошей, писалъ Ощеринъ, за его племянникомъ помѣстій и вотчинъ нѣтъ, и онъ «волочится межъ дворъ, помираетъ голодною смертью. И бивалъ челомъ тебѣ, государю, онъ, холопъ твой, о помѣстійцѣ многижды, — гдѣ ни пріищетъ, и ему, государь, холопу твоему, отказываютъ вездѣ тѣмъ, что за нимъ тѣ Холмскія пустоши стоятъ». Ощеринъ просилъ съ его племянника «тѣ помѣстныя пустоши снять и отписать на себя государя». Помѣта на этой челобитной показываетъ, насколько трудно было рядовому служилому человѣку добиться снятія съ него пустого помѣстья. По государеву именному приказу было велѣно снять съ Аѳ. Ощерина пустое помѣстье, «а инымъ челобитчикамъ то не въ образецъ», и послать грамоту къ писцамъ, чтобы они написали помѣстье «въ порозжихъ земляхъ», а за Ощеринымъ не писали [1]).

Постоянный недостатокъ въ земляхъ, пригодныхъ для испомѣщенія, съ своей стороны заставлялъ Помѣстный приказъ зорко слѣдить и требовать отъ писцовъ описанія покинутыхъ помѣщиками и порозжихъ земель. Эта пустота есть то, что раньше было жилымъ. Однако, подъ вліяніемъ недостатка въ земляхъ Помѣстный приказъ былъ не прочь расширить задачу писцовъ и потребовать отъ нихъ описанія всѣхъ черныхъ государевыхъ земель, пригодныхъ для испомѣщенія, т.-е. и такихъ, которыя никогда раньше въ помѣстной раздачѣ не были. Въ касимовскомъ наказѣ 135 г. читаемъ: «Да и того

---

[1]) Ак. п. д., II, № 38.

писцамъ досматривати и, смѣтивъ, въ книги написати, — на которыхъ бортныхъ и черныхъ лѣсахъ пригоже и мочно впередъ деревни и починки ставити, и сколько тѣхъ лѣсовъ по мѣрѣ и по смѣтѣ десятинъ или верстъ. Да и тѣ лѣса, на которыхъ на бортныхъ и черныхъ лѣсахъ впередъ не пригоже и не мочно деревенъ и починковъ чего для ставити, и то потому же, смѣтивъ, написати, да сказать о томъ о всемъ государю» [1]). Это значительно расширяло задачи писцовъ, когда они едва справлялись съ самымъ необходимымъ, и на дѣлѣ исполнялось, повидимому, очень рѣдко. По крайней мѣрѣ, огромное большинство сохранившихся писцовыхъ книгъ не содержитъ описанія такихъ земель. Да и сами приказы не взыскивали, повидимому, съ писцовъ за этотъ пробѣлъ въ ихъ работѣ и предоставляли, какъ до недавняго времени наше Переселенческое управленіе, людямъ, нуждающимся въ землѣ, отыскивать походящія земли самимъ.

Если оставить въ сторонѣ это расширеніе задачъ писцовъ, не имѣвшее большого практическаго значенія, то можно сказать, что пустота писцовыхъ книгъ есть прежде всего и главнымъ образомъ то, что раньше было жилымъ и что было описано въ предшествовавшихъ описаніяхъ, а ко времени новаго описанія запустѣло. Такое опредѣленіе пустоты уже содержитъ въ себѣ отвѣтъ на поставленный мною выше вопросъ о большой разницѣ въ количествѣ пустого въ писцовыхъ книгахъ частновладѣльческихъ земель, съ одной стороны, и дворцовыхъ и черныхъ, съ другой, и нуждается только въ небольшихъ поясненіяхъ.

Когда въ черныхъ или дворцовыхъ волостяхъ, за смертью или уходомъ тяглецовъ, пустѣли нѣкоторые участки, то они поступали въ распоряженіе міра, который долженъ былъ нести за нихъ тягло до новаго описанія. Міръ обыкновенно сдавалъ эти земли изъ тягла или изъ оброка желающимъ, и такимъ образомъ происходила въ сущности смѣна тяглецовъ. Такъ какъ крестьяне дорожили землей, то она рѣдко выходила изъ тягла. Если же міру не удавалось сдать запустѣвшія земли изъ тягла или изъ оброка новымъ тяглецамъ, то новый писецъ писалъ такія земли пустыми, снималъ съ міра или старался самъ отдать ихъ охочимъ людямъ. Наконецъ, если ни писцу,

---

[1]) Ак. п. д., I, № 261 (стран. 557). То же въ псковскомъ наказѣ 131 г. Тамъ же, № 120 (стран. 251).

ни послѣ него воеводамъ не удавалось ожилить пустыя земли, то онѣ переходили въ составъ черныхъ государевыхъ земель, сливались съ ними и переставали интересовать приказы и писцовъ.

Положеніе «пустыхъ» и порозжихъ частновладѣльческихъ земель было иное. Здѣсь описаніе земель сошнымъ письмомъ имѣло не только фискальное, но и очень важное гражданско-правовое значеніе, причемъ важность описанія не уменьшалась, если владѣніе пустѣло отчасти или совсѣмъ. Постоянный недостатокъ въ земляхъ, пригодныхъ для испомѣщенія, приводилъ къ тому, что служилые люди уже въ концѣ XVI вѣка утратили надежду получать сполна въ свои оклады жилую землю, а въ XVII вѣкѣ имъ не приходилось, въ видѣ общаго правила, получать сполна въ окладъ даже и пустой земли. Поэтому служилые люди въ большинствѣ случаевъ сами дорожили записью за ними въ писцовыя книги и пустыхъ земель. Въ полномъ описаніи всѣхъ земель было заинтересовано и правительство. Тотъ же недостатокъ въ земляхъ для испомѣщенія заставлялъ Помѣстный приказъ требовать отъ писцовъ описанія выморочныхъ помѣстій и вотчинъ и покинутыхъ служилыми людьми, но не снятыхъ съ нихъ, пустыхъ помѣстій.

Въ этихъ правовыхъ условіяхъ землевладѣнія заключается, какъ мнѣ кажется, одна изъ главныхъ причинъ огромнаго количества пустоты въ писцовыхъ книгахъ частновладѣльческихъ земель и сравнительно небольшое количество ея въ земляхъ черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ. Другая причина этого явленія — вліяніе налоговъ на оклады живущаго — изслѣдована мною въ V главѣ перваго тома, къ которой я и отсылаю читателя.

XVII. Вытное письмо.

Значеніе слова выть. Мнѣнія В. И. Сергѣевича, П. Н. Милюкова, И. Д. Бѣляева и А. С. Лаппо-Данилевскаго о происхожденіи выти и объ отношеніи вытнаго письма къ сошному. — Выть въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ. Исчезновеніе выти въ частновладѣльческихъ земляхъ. Несостоятельность мнѣнія о возникновеніи выти на почвѣ дворцоваго хозяйства. Разборъ мнѣнія о частнохозяйственномъ происхожденіи выти. Выть есть, прежде всего, раскладочная и окладная единица тягла. — Отношеніе вытнаго письма къ сошному. Писцовая выть и мірская переверстка тягла. Тѣсная связь вытнаго оклада съ мірскимъ. Вытный окладъ по писцовымъ наказамъ. Условность живущей выти. — Крестьянское владѣніе землями и «пустыми вытями» изъ оброка и изъ выдѣльнаго снопа. Выгоды и невыгоды для крестьянъ такого владѣнія. Это было постоянное и очень распространенное явленіе. Политика приказовъ и писцовъ относительно дачи пустыхъ вытей изъ оброка и изъ выдѣльнаго снопа. — Дворовый окладъ, примѣненный въ вытномъ письмѣ, въ Заонежскихъ погостахъ и въ Сольвычегодскомъ и Псковскомъ уѣздахъ.

Исторія выти, несомнѣнно, заслуживаетъ особаго изслѣдованія. Въ настоящей главѣ я постараюсь выяснить наиболѣе важные вопросы вытнаго письма, особенно тѣ, которые находятся въ тѣсной связи съ исторіей сошнаго письма.

Первоначальное значеніе слова «выть» выяснено В. И. Сергѣевичемъ. «Слово „выть“ въ памятникахъ XV—XVII вѣка употребляется въ смыслѣ части, доли, участка; слово „вытникъ“ означаетъ участника». «Въ этомъ смыслѣ — части, доли — слово выть употребляется очень часто, но не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ окладнымъ единицамъ и къ уплатѣ какихъ-либо повинностей. Это конечно первоначальный смыслъ слова»[1]). Производный отъ существитель-

[1]) Древности русскаго права, III, стран. 353 и 354. С.-Пб. 1903 г. Кромѣ значенія слова «выть», какъ доли чего-либо и какъ окладной единицы, на сѣверѣ оно употребляется въ XVII вѣкѣ еще въ смыслѣ пая, количества хлѣба или ѣды, достаточнаго для того, чтобы быть сытымъ. Двиняне писали въ челобитной 132 г., что гонцы и приставы въ волостяхъ на стану «по выти хлѣба ѣдятъ, а гдѣ лучится ночлегъ, и они у крестьянъ и по другой выти ѣдятъ». Прик. д. стар. л., 1624 г. № 31. Въ исторической литературѣ встрѣчаются случаи смѣшенія слова выть, какъ пая или доли, съ вытью, какъ окладной единицей. См., напр., у Н. Никольскаго смѣшеніе выти въ соляныхъ варницахъ съ вытью, какъ окладной единицей. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и его устройство, I т., II выпускъ, стран. 39, второе примѣчаніе. С.-Пб. 1910 г.

наго «выть» глаголъ «развытить» значитъ раздѣлить цѣлое на части, на равныя или на неравныя. Напр., кабацкій или таможенный недоборъ часто предписывалось доправить на цѣловальникахъ, «развытя поровну». Недоимки взыскивали съ волостей за круговой порукой, «развытя по сошному письму», т.-е. соотвѣтственно окладамъ сошнаго письма каждой волости.

Несомнѣнно, что первоначальное значеніе слова выть есть то, которое указалъ В. И. Сергѣевичъ, но вовсе не случайность исторіи русскаго языка то, что оно было примѣнено для обозначенія окладной и раскладочной единицы. И въ этомъ новомъ примѣненіи слово выть прежде всего означаетъ то же, т.-е. долю участія отдѣльнаго тяглеца въ массѣ податей и повинностей, падающихъ на міръ, къ которому принадлежалъ тяглецъ. Описывая мірскую раскладку податей, я указывалъ, что мірской окладъ, выраженный въ деньгахъ, бѣлкахъ, вытяхъ и т. п., имѣлъ цѣлью «развытку» податей, т.-е. распредѣленіе ихъ между отдѣльными тяглецами соотвѣтственно денежнымъ, бѣлочнымъ или вытнымъ окладамъ, положеннымъ на каждаго. Деньга, бѣлка и выть (мірская или писцовая) были паями, долей участія отдѣльныхъ лицъ въ мірскомъ тяглѣ. То, что слово выть стало примѣняться для обозначенія участковъ тяглой земли, снабженныхъ угодьями, и что правительство стало имъ пользоваться для обозначенія окладныхъ и раскладочныхъ единицъ, есть явленіе, несомнѣнно, производное.

По вопросу о происхожденіи и назначеніи выти въ литературѣ существуетъ большое разногласіе. Нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ выти хозяйственный надѣлъ, а большинство говоритъ, въ довольно неясныхъ выраженіяхъ, о частно-хозяйственномъ происхожденіи выти. Наконецъ, довольно распространеннымъ является совершенно неправильное противоположеніе выти сохѣ и вытнаго письма сошному. Не вдаваясь, по обыкновенію, въ изложеніе и критику всей литературы вопроса, я отмѣчу мнѣнія, наиболѣе заслуживающія вниманія и разбора.

В. И. Сергѣевичъ, игнорируя предшествовавшую литературу и извѣстные уже факты[1]), полагалъ, что выть была особой окладной единицей «для потребностей дворцоваго хозяйства». «Такъ какъ выти имѣютъ частно хозяйственное значеніе, то земли государевыхъ крестьянъ

[1]) Напр., факты, сообщенные И. Д. Бѣляевымъ въ работѣ о Поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ. Временникъ Общ. Ист., XI т., стран. 64.

черныхъ волостей, съ которыхъ не шло никакихъ господскихъ повинностей ко дворцу, въ выти не клались»[1]). Впрочемъ В. И. Сергѣевичъ замѣтилъ, что въ концѣ XVI вѣка встрѣчаются дворцовыя села, гдѣ нѣтъ вытей, и владѣнія частныхъ, свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, гдѣ выти есть, и что выть, «имѣвшая при своемъ возникновеніи исключительно частно хозяйственное значеніе, въ XVII вѣкѣ превращается въ общую единицу обложенія и конкуррируетъ *(!?)* съ обжей, сохой, четью, дворомъ и съ живущей четвертью»[2]). П. Н. Милюковъ тоже принимаетъ мнѣніе о частно-хозяйственномъ происхожденіи выти и считаетъ ее «хозяйственнымъ надѣломъ крестьянской семьи, а не офиціально фиксированной податной единицей». «Будучи таковой по своему происхожденію, она *(т.-е. выть)* могла однако употребляться и для цѣлей собственно-правительственнаго обложенія»[3]).

Выясненію существа выти сильно помѣшало неправильное противоположеніе вытнаго письма сошному, которое началось, кажется, съ И. Д. Бѣляева. Бездоказательно, туманно и многословно, отчасти противорѣча самому себѣ, И. Д. Бѣляевъ характеризуетъ сошный окладъ какъ такой, который былъ основанъ «только на землѣ», какъ на капиталѣ, «съ котораго должно было получать доходы», и противополагаетъ его вытному, какъ основанному не только на землѣ или «капиталѣ», но и на «силахъ» земледѣльцевъ[4]). А. С. Лаппо-Данилевскій принялъ и усилилъ это противоположеніе: «вытное и сошное письмо въ XVI в. не только не были однороднымъ поземельнымъ счетомъ, но скорѣе противорѣчили другъ другу. Вытное письмо, повидимому, еще сливало субъектъ и объектъ налога»... «При сошномъ письмѣ, напротивъ, обращалось, главнымъ образомъ, вниманіе на объектъ налога, облагался поземельный капиталъ»[5]). Ошибочность

---

[1]) Древности русскаго права, III, стран. 355 и 365.

[2]) Тамъ же, стран. 355, 364 и 367.

[3]) Спорные вопросы и т. д., стран. 107 и примѣч. на 108 страницѣ. Недавно мнѣніе о частнохозяйственномъ происхожденіи и назначеніи выти повторено Н. Никольскимъ: Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и его устройство, II вып. I тома, стран. 254. Характеристика существа выти у Н. Никольскаго (тамъ же, стран. 37—38) настолько невразумительна, что ее можно было бы процитировать какъ курьезъ.

[4]) О доходахъ Московскаго государства, стран. 107—108. М. 1885 г. Изд. Общ. Ист. и Др.

[5]) Организація прямого обложенія . . . . и т. д., стран. 229. Загадочно выраженіе А. С. Лаппо-Данилевскаго, что вытное письмо имѣло «скорѣе кво-

этого противоположенія была уже указана П. Н. Милюковымъ, но не достаточно, какъ мнѣ кажется, опредѣленно и законченно[1]).

Чтобы разобраться въ этихъ вопросахъ, необходимо, какъ мнѣ кажется, итти путемъ изслѣдованія противоположнымъ, т.-е. прежде всего установить всѣ необходимые факты, затѣмъ дѣлать выводы и, наконецъ, высказывать догадки тогда, когда не будетъ доставать фактовъ.

Мы не знаемъ и, навѣрное, никогда не будемъ знать вслѣдствіе недостатка источниковъ времени и мѣста зарожденія выти. Поэтому вопросъ о происхожденіи выти останется навсегда въ области болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадокъ. Съ этимъ слѣдуетъ примириться, тѣмъ болѣе, что многочисленные источники послѣдней четверти XVI вѣка и всего XVII-го даютъ намъ полную возможность изслѣдовать существо выти, а это изслѣдованіе и знаніе дѣлаютъ вопросъ о происхожденіи совершенно второстепеннымъ.

Прежде всего слѣдуетъ установить районъ распространенія вытей. Выше я показалъ, что въ черныхъ волостяхъ Поморья и въ соприкасающихся съ нимъ уѣздахъ выть существуетъ весь XVII вѣкъ почти повсемѣстно: на Устюгѣ, на Тотьмѣ, у Соли Вычегодской, на Чарондѣ, въ Устьянскихъ волостяхъ, въ Каргополѣ и Турчасовѣ, на Вяткѣ, Бѣлоозерѣ, въ Новгородскомъ, Вологодскомъ и Галичскомъ уѣздахъ. Въ этихъ городахъ вытями описаны всѣ земли: монастырскія, церковныя и черныя, а мѣстами даже посады (Каргополь, Турчасовъ и Чаронда). Нѣтъ вытей только въ Пермской землѣ, съ Солью Камской и Кайгородкомъ, и у Выми Яренской. Въ Кольскомъ уѣздѣ роль выти играетъ лукъ. Наконецъ, на Двинѣ выть была введена писцами въ 130—131 гг. взамѣнъ двинской сошки, «потому что сошка мѣрою сошлась съ вытью». Въ дворцовой Важской области роль выти играетъ обжа[2]).

Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній говорить, что этотъ порядокъ былъ новостью XVII вѣка. Мѣстныя измѣненія, конечно, возможны (на Двину я указалъ), но въ общемъ несомнѣнно, что выть

тативный характеръ», а посошное обложеніе получило «значеніе репартиціонное». Тамъ же.

[1]) Спорные вопросы . . . . . и т. д., стран. 107—108.

[2]) Сошное письмо, I, стран. 1—5 и 51—83.

существовала въ этихъ городахъ уже въ XVI вѣкѣ. Напр., вытями описали въ 73 г. Устьянскія волости и Тотьму писцы Ив. Петр. Невѣжинъ и подьячій Петръ Аѳанасьевъ[1]). Вытями же писали въ третьей четверти вѣка (ранѣе 76 г.) Устюжскій уѣздъ кн. Ив. В. Гундоровъ и Гавр. Вас. Сиверицинъ[2]). Писцы Каргополя и Турчасова Як. Сабуровъ и Ив. Кутузовъ съ товарищами въ 64 г. писали обжами и сошками, а работавшіе послѣ нихъ въ 70 году другіе писцы переименовали обжу въ выть и описали эти города вытями. Въ послѣдней четверти вѣка мы видимъ выти на Вяткѣ, на Вологдѣ, въ Галичѣ, на Бѣлоозерѣ и въ Новгородской области. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ Поморскихъ городахъ выть существовала почти повсемѣстно. Мѣстныя исключенія и перемѣны, которыя произошли въ XVII вѣкѣ (Двина), указаны мною выше[3]).

Что касается дворцовыхъ волостей, то отсутствіе въ нихъ вытей, какъ въ XVI-мъ, такъ и въ XVII вѣкахъ, является очень рѣдкимъ исключеніемъ. Это уже извѣстно въ литературѣ, и мнѣ нѣтъ надобности приводить новыя доказательства.

Большія перемѣны въ судьбѣ вытей въ XVII вѣкѣ, сравнительно съ XVI-мъ, можно наблюдать только въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ и въ тѣхъ монастырскихъ, которыя находились въ уѣздахъ служилаго землевладѣнія. Всякому, кто занимался писцовыми книгами этихъ земель 20—30-хъ годовъ хорошо извѣстно, что выти въ частновладѣльческихъ земляхъ, въ видѣ общаго правила, нѣтъ. Ея нѣтъ даже въ такихъ уѣздахъ какъ Бѣлозерскій, Вологодскій, Галичскій, Арзамасскій, Нижегородскій и другіе, въ которыхъ незадолго передъ тѣмъ въ руки служилыхъ людей перешло большое количество черныхъ и дворцовыхъ земель, которыя раньше были описаны вытями. Въ частновладѣльческихъ земляхъ офиціальная выть удерживается какъ очень рѣдкое исключеніе, при чемъ сохраняется даже послѣ введенія дворовой чети, т.-е. въ видѣ дворовой выти (объ этомъ ниже). Такое исключеніе мы можемъ наблюдать въ Новгородской области. Причина сохраненія здѣсь вытей указана въ источникахъ. Въ Новгородской области существовали мѣстныя повинности, какъ, напр., ямскія подможныя и прогонныя деньги и городовая и мостовая подѣлки,

---

[1]) Тамъ же, стран. 58, и Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, л. 282.
[2]) Тотъ же архивъ, Приказн. дѣлъ новаго разбора № 530, л. 37.
[3]) Сошное письмо, I т., II глава

для раскладки которыхъ нужна была одинаковая окладная единица. Между тѣмъ въ этой области было много черныхъ и дворцовыхъ земель, положенныхъ въ выти, которыя принимали участіе въ этихъ повинностяхъ[1]). Въ огромномъ большинствѣ другихъ уѣздовъ, послѣ крупныхъ раздачъ первой четверти XVII вѣка, черныхъ земель не осталось совсѣмъ; дворцовыхъ земель осталось тоже немного, да сверхъ того онѣ были обособлены управленіемъ отъ уѣздовъ и не несли многихъ мѣстныхъ повинностей; поэтому выть становилась здѣсь ненужной, а тѣ мѣстныя повинности, которыя приходилось раскладывать, раскладывали по сошному письму. Для окладныхъ цѣлей выть въ частновладѣльческихъ земляхъ тоже становилась ненужной: выше я указывалъ, что эти земли были свободны отъ оброковъ и натуральныхъ платежей, для которыхъ въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ выть служила главной окладной единицей[2]). Этими двумя обстоятельствами объясняется исчезновеніе вытей въ частновладѣльческихъ земляхъ.

Вездѣ ли существовали выти въ этихъ земляхъ раньше? На это можно отвѣтить только отрицательно. Уже извѣстно въ литературѣ, что въ XVI вѣкѣ выть нерѣдко встрѣчается въ частновладѣльческихъ земляхъ, но это вовсе не было общимъ правиломъ. Въ южныхъ уѣздахъ Польскихъ и нѣкоторыхъ Украинныхъ городовъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ или намековъ на существованіе выти. На отсутствіе вытей и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ есть прямыя указанія. Такъ, писцы Московскаго уѣзда, около 82 года, не положили крестьянъ Вохонской монастырской вотчины въ выти и отмѣтили: «а въ выти у нихъ волость Вохна не положена»[3]). Въ 102 г. писцы Троицкой вотчины села Танищъ, Андогскаго стана Бѣлозерскаго уѣзда, тоже не писали вытями и замѣтили: «а вытей въ селѣ въ Танищахъ съ деревнями, по крестьянской сказкѣ, прежъ сего не бывало, и вытей не знаютъ»[4]). Два подобныхъ же случая относительно Бѣлозерскаго же уѣзда мы находимъ у Н. Никольскаго. Въ вотчинѣ Як. Мих. Гнѣ-

[1]) Въ челобитной 139 г. властей Вяжицкаго монастыря читаемъ: «А тѣ, государи, ямскія деньги, подможныя и прогонныя, раскладываютъ повытно въ Великомъ Новгородѣ на всѣ новгородскія сохи по вся годы, почему на выть доведется». Ак. п. д., II, № 79.

[2]) Сошное письмо, I, глава III, особенно стран. 100—102 и 137—145.

[3]) Писцовыя книги Московск. государства, I, стран. 95.

[4]) Тамъ же, II, стран. 420.

вашева съ племянниками, въ селѣ Куности, по отписнымъ книгамъ 1569 г. вытей не было, «хотя, говоритъ Н. Никольскій, самое хозяйство было вполнѣ боярскимъ». По платежницѣ 84 г. въ этомъ селѣ, вошедшемъ въ составъ черныхъ земель, были уже выти. Другой случай отмѣченъ описью 109 г. и относится къ монастырской вотчинѣ — селу Бродищу съ деревнями: «вытьми тѣ деревни изстари не вычиваны»[1]).

Въ черныхъ и дворцовыхъ земляхъ, розданныхъ послѣ Смуты служилымъ людямъ, выть исчезаетъ на нашихъ глазахъ. Такъ, въ Арзамасскомъ уѣздѣ по отказнымъ, дозорнымъ и отписнымъ книгамъ конца XVI и начала XVII вѣковъ мы видимъ выть не только въ бывшихъ дворцовыхъ земляхъ, но и въ старопомѣстныхъ, а въ писцовыхъ книгахъ 129—136 гг. ея уже нѣтъ[2]). Въ черныхъ и дворцовыхъ земляхъ Вологодскаго уѣзда выть въ послѣдней четверти XVI вѣка существовала, навѣрное, повсемѣстно[3]). Въ концѣ Смуты и въ первые годы послѣ нея эти земли почти цѣликомъ были розданы въ помѣстья и вотчины, и выть стала быстро въ нихъ исчезать. Это можно прослѣдить по 7 огромнымъ сборникамъ дозорныхъ и отдѣльныхъ книгъ 121—126 гг., сохранившимся въ Архивѣ Министерства Юстиціи[4]). Въ этой массѣ книгъ одни дозорщики и отдѣльщики описывали помѣстья и вотчины по старинѣ вытями и сохами, а другіе — четями и сохами. Очевидно, они не придавали этому различію никакого значенія. Въ писцовыхъ книгахъ Вологодскаго уѣзда 136—138 гг. выти уже нѣтъ нигдѣ[5]). То же исчезновеніе вытей мы видимъ и въ Галичскомъ и Нижегородскомъ уѣздахъ. Вѣроятно, такъ же исчезали выти и въ XVI вѣкѣ, когда съ переходомъ черныхъ и дворцовыхъ земель въ руки служилыхъ землевладѣльцевъ обложеніе этихъ земель измѣнялось и выти становились ненужными.

Наблюденіе надъ распространеніемъ выти даетъ намъ возможность сдѣлать нѣкоторые выводы. Такъ, прежде всего мы можемъ совершенно отвергнуть предположеніе о возникновеніи выти изъ какихъ-то особыхъ

[1]) Н. Никольскій, Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, I т., II выпускъ, стран. 37.

[2]) Арзамасскіе помѣстные акты, изд. подъ ред. С. Веселовскаго, напр., №№ 6, 50, 335, 340, 357 и 386, и Арх. М. Ю., Писц. кн. № 7040.

[3]) Сошное письмо, I, стран. 83 и 106, и слѣдующее примѣчаніе.

[4]) Писц. книги №№ 56—62.

[5]) Тамъ же, №№ 63, 64, 66 и 69.

нуждъ дворцоваго хозяйства. Этому противорѣчитъ, во-первыхъ, то, что въ черныхъ волостяхъ выть отсутствуетъ въ видѣ рѣдкаго исключенія; во-вторыхъ, то, что въ дѣйствительности такихъ особыхъ нуждъ дворцоваго хозяйства, которыя требовали бы вытей, и не было. Главное отличіе дворцовыхъ волостей отъ черныхъ было въ порядкахъ управленія. Черными волостями въ центрѣ управляли чети, а на мѣстахъ воеводы, поскольку власть послѣднихъ не была ограничена въ области управленія и суда земскимъ самоуправленіемъ. Доходы съ черныхъ волостей шли черезъ чети въ общегосударственную казну. Тягло крестьянъ черныхъ волостей состояло изъ оброковъ, податей и личныхъ повинностей. Въ XVII вѣкѣ черныя волости Поморья уже не платили натуральныхъ налоговъ, напр. мѣхами или хлѣбомъ, но въ составѣ платежей черныхъ крестьянъ сохранилось много слѣдовъ и указаній на то, что раньше они ихъ платили[1]). Дворцовыми волостями управлялъ въ центрѣ приказъ Большого Дворца, и доходы съ нихъ шли на дворцовый обиходъ. Разница въ мѣстномъ управленіи гораздо значительнѣе: во-первыхъ, дворцовые крестьяне были почти совершенно изъяты изъ вѣдомства воеводъ, а во-вторыхъ, у нихъ не было совсѣмъ или были, но очень ограниченныя, права самоуправленія; дворцовыми волостями управлялъ и судилъ крестьянъ приказчикъ, подчиненный непосредственно приказу Большого Дворца. Что касается особенностей дворцоваго тягла, то онѣ существовали— я выше указывалъ, что дворцовые крестьяне не несли губной повинности и не платили большихъ ямскихъ денегъ, — но эти особенности не имѣли такихъ свойствъ, которыя, не въ примѣръ другимъ разрядамъ населенія, вызывали бы необходимость создать особую окладную единицу[2]). Несомнѣнно, что у дворцовыхъ крестьянъ было гораздо больше натуральныхъ платежей, чѣмъ у черныхъ, но совершенно непонятно, почему изслѣдователи считаютъ необходимыми для этихъ сборовъ особыя окладныя единицы.

Существованіе вытей въ земляхъ служилыхъ людей и монастырей является также опроверженіемъ гипотезы о дворцовомъ происхожденіи выти. Можно было бы возразить, что выть существовала здѣсь потому, что эти земли раньше были дворцовыми, но это возраженіе можетъ быть примѣнимо только къ отдѣльнымъ случаямъ. Во-пер-

---

[1]) Сошное письмо, I, стран. 110 и далѣе.

[2]) Тамъ же, стран. 100—109.

выхъ, мы знаемъ, что во многихъ случаяхъ выть была здѣсь унаслѣдована отъ черныхъ крестьянъ, а не отъ дворцовыхъ, а во-вторыхъ, выть существовала во многихъ такихъ мѣстахъ, которыя навѣрное никогда не принадлежали Дворцу. Такова, напр., монастырская и церковная выть въ Поморскихъ городахъ.

Противъ дворцоваго назначенія выти говоритъ еще слѣдующее. Намъ извѣстно много наказовъ для описанія дворцовыхъ и черныхъ земель, но ни въ одномъ мы не видимъ ни малѣйшаго намека на то, что выть есть какая-то особая единица для надобностей дворцоваго хозяйства: предписанія наказовъ класть черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ въ выти совершенно одинаковы[1]).

Чтобы оцѣнить мнѣніе о частно-хозяйственномъ происхожденіи и назначеніи вытей, нужно обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства. Хорошо извѣстно, что одабриваніе земель въ вытномъ письмѣ производилось совершенно такъ же, какъ и въ сошномъ. Если писецъ давалъ доброй земли на выть 12 четей, то средней онъ клалъ обычно 14 четей, а худой — 16. Извѣстно также, что выть монастырскихъ и церковныхъ земель, какъ и соха, была обыкновенно меньше выти помѣстныхъ, вотчинныхъ, черныхъ и дворцовыхъ земель. Если въ первыхъ земляхъ на выть было положено по 10 четей доброй земли, то во вторыхъ, въ томъ же уѣздѣ, писцы клали по 12 четей[2]). Эти два пріема вытнаго письма, общіе съ пріемами сошнаго, указываютъ на фискальный, а не хозяйственный характеръ выти. То же подтверждается и наблюденіями надъ сферой распространенія выти: выть почти повсемѣстно существуетъ въ черныхъ волостяхъ, гдѣ не было никакихъ «нуждъ частнаго вотчиннаго хозяйства» и гдѣ она служила исключительно для цѣлей обложенія, отсутствуетъ въ XVI вѣкѣ въ нѣкоторыхъ, можетъ быть во многихъ, частновладѣльческихъ земляхъ, а въ XVII вѣкѣ сохраняется въ черныхъ земляхъ, но исчезаетъ въ частныхъ.

Цѣлый рядъ обстоятельствъ противорѣчитъ предположенію, что выть есть «хозяйственный надѣлъ крестьянской семьи». Всякому,

---

[1]) Кромѣ наказовъ, напечатанныхъ въ Актахъ писцоваго дѣла, см. тамъ же, I, №№ 138, 148 и 209. Наказъ 182 г. для описанія дворцовыхъ селъ Угличскаго уѣзда см. въ Трудахъ Ярославск. Арх. Ком., II выпускъ. М. 1892 г.

[2]) См. X приложеніе, гдѣ даны свѣдѣнія о размѣрахъ вытей въ разныхъ городахъ.

кто занимался писцовыми книгами, хорошо извѣстно, что крестьяне, сидѣвшіе на цѣлой выти, представляли болѣе или менѣе рѣдкое исключеніе; вытные оклады огромнаго большинства крестьянскихъ дворовъ выражаются въ доляхъ, иногда очень мелкихъ, выти. Въ XVII вѣкѣ, сравнительно съ XVI-мъ, вытные оклады отдѣльныхъ тяглецовъ въ общемъ мельчаютъ. Это уже было отмѣчено въ литературѣ и подало поводъ говорить, что въ XVII вѣкѣ размѣры запашки крестьянъ стали мельче. Быть можетъ, это мнѣніе и справедливо, но основывать его на мельчаніи вытныхъ окладовъ нельзя, такъ какъ вытные оклады живущаго были совершенно условнымъ выраженіемъ податной силы тяглецовъ и имѣли очень мало общаго съ дѣйствительной запашкой хозяйствъ. Выше я говорилъ, что крестьяне кромѣ вытной четвертной земли владѣли еще значительнымъ количествомъ земли подъ усадьбой и угодьями, а ниже я буду подробно говорить о томъ, что кромѣ тяглой земли крестьяне почти всегда владѣли и пользовались бóльшимъ или меньшимъ количествомъ земли оброчной. Условность вытнаго оклада въ XVII вѣкѣ дошла до того, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ появилась живущая дворовая выть, т.-е. выть совершенно подобная дворовой чети живущей пашни помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель.

Размѣры вытей также мѣшаютъ принять мнѣніе о значеніи выти какъ надѣла. Правда, что наиболѣе распространенная выть, т.-е. выть въ 12 четей доброй земли въ трехъ поляхъ, что составляетъ 18 десятинъ въ одномъ полѣ, можетъ быть и не превышаетъ силъ «крестьянской семьи», но рядомъ съ такой вытью встрѣчаются выти гораздо большихъ размѣровъ. Такъ, въ бортныхъ и мордовскихъ земляхъ Арзамасскаго уѣзда на выть было положено по 20 четей доброй земли[1]). Это составляетъ 30 десятинъ пашенной земли, къ которымъ надо прибавить по меньшей мѣрѣ еще 15 десятинъ на усадьбу и угодья. Исключительно большихъ размѣровъ выть была въ дворцовой Дудинской волости Козельскаго уѣзда: по сообщенію А. М. Гнѣвушева на выть было дано различное количество земли — отъ 49 до 192 четвертей, «а въ среднемъ для всей волости на 1 выть приходилось около $72^1/_2$ четвертей въ полѣ, наиболѣе же распро-

---

[1]) Арзамасскіе помѣстные акты, № 118 (7105 г.). М. 1915 г.

страненными размѣрами выти были 60 и 70 четвертей въ одномъ полѣ»[1]).

Можно возразить, что это — исключенія и что они, какъ исключенія, ничего не доказываютъ, что выть стала условной единицей оклада позже, подъ гнетомъ тяжелыхъ податей, а что первоначально она была близка или совпадала съ дѣйствительной запашкой хозяйствъ и была нормальнымъ надѣломъ, но такое возраженіе кажется мнѣ несостоятельнымъ и возбуждающимъ въ свою очередь новыя сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что древнѣйшая выть, насколько намъ извѣстно, очень часто не имѣла опредѣленныхъ по числу четей размѣровъ. Выше я указалъ на существованіе такихъ разномѣрныхъ вытей и на то, что въ Новгородскомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ выть получила опредѣленные размѣры только въ послѣдней четверти XVI вѣка[2]).

Итакъ, въ древнѣйшее время выть нерѣдко не имѣла опредѣленнаго размѣра, а въ позднѣйшее — стала условной единицей тягла. Когда же и гдѣ, послѣ этого, она была хозяйственнымъ надѣломъ?

Дѣлая возраженія противъ гипотезы о «надѣльномъ» происхожденіи выти, я считаю желательнымъ прибавить еще слѣдующее. Мы знаемъ, что новгородская обжа это — «одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ». Во второй половинѣ XVI вѣка новгородская обжа была приравнена 10 или 12 четямъ доброй земли, какъ выть во многихъ другихъ частяхъ государства. Далѣе мы знаемъ, что обжа и выть, по крайней мѣрѣ послѣ пріобрѣтенія ими опредѣленныхъ по числу четей пашни размѣровъ, были не только аналогичными, но прямо тожественными единицами, такъ что слова: обжа и выть, можно считать синонимами. Отсюда, повидимому, напрашивался смѣлый выводъ, что въ основу образованія выти было положено типическое хозяйство съ однимъ работникомъ и одной лошадью. Однако, такое сближеніе и обобщеніе явленій изъ двухъ столѣтій, относящихся притомъ къ разнымъ мѣстностямъ, представляется мнѣ болѣе чѣмъ рискованнымъ. Прежде всего, вовсе не вездѣ обжа была приравнена 10 или 12 четямъ пашни. Такъ, на Двинѣ до описанія 131 г. въ сошкѣ было, какъ въ Новго-

---

[1]) А. М. Гнѣвушевъ, Вытное письмо въ дворцовой Дудинской волости Козельскаго уѣзда по переписи 1676 года. Въ Сборникѣ статей въ честь Л. М. Савелова. М. 1915 г.

[2]) Сошное письмо, I, стран. 81, и выше стран. 341, гдѣ даны свѣдѣнія о разномѣрныхъ вытяхъ въ Торопецкомъ уѣздѣ по писцовой книгѣ 7048 г.

родѣ, 3 обжи, но обжа считалась равной 5 четямъ, и не она, а сошка «сошлась» мѣрою съ вытью[1]). Подъ вліяніемъ московскихъ порядковъ обжа, дѣйствительно, стала тожественной съ вытью, но есть полное основаніе думать, что новгородская обжа XV вѣка вовсе не то же самое, что обжа второй половины XVI вѣка и XVII вѣка, реформированная и передѣланная московскими писцами. Мы знаемъ, что древнѣйшая новгородская обжа не имѣла опредѣленныхъ по числу четей пашни размѣровъ, что она была условной единицей, которой въ дѣйствительности соотвѣтствовали различные участки земли съ различнымъ количествомъ высѣваемыхъ на нихъ коробей хлѣба. Обжа московскихъ писцовъ и выть имѣютъ иную структуру — онѣ опредѣленны по числу четей пашни. При такихъ условіяхъ возникаетъ неразрѣшимый вопросъ: какъ могли писцы выработать выть опредѣленныхъ размѣровъ на почвѣ обжи, не имѣвшей опредѣленныхъ размѣровъ? Поэтому мнѣ кажется болѣе естественнымъ предположить, что московская выть дала писцамъ образецъ для передѣлки новгородской обжи, а не наоборотъ, т.-е., не старая новгородская обжа дала исходный пунктъ для образованія вытей во всѣхъ другихъ частяхъ государства. Здѣсь, какъ и въ другихъ отрасляхъ управленія, не Новгородъ давалъ образецъ Москвѣ, а Москва искореняла постепенно новгородскія особенности и подгоняла мѣстную старину подъ свои образцы. Москва ввела въ обжу, по примѣру выти и сохи, счетъ въ трехъ поляхъ, и въ результатѣ этого обжа получила такіе размѣры — 15 или 18 десятинъ пашенной земли, не считая угодій, — которые превосходятъ силы крестьянскаго хозяйства съ однимъ работникомъ и одной лошадью.

На основаніи всего вышесказаннаго я полагаю, что гипотезу о происхожденіи выти изъ нормальнаго надѣла крестьянской семьи слѣдуетъ отвергнуть. Что касается мнѣнія о «частно-правовомъ» или о «частно-хозяйственномъ» происхожденіи выти, то оно можетъ быть принято, но только съ существенными оговорками.

Оно вѣрно, во-первыхъ, только въ той степени, поскольку въ строѣ Московскаго государства частноправовые принципы и пріемы управленія имѣли вообще большое значеніе. Государево хозяйство расло и строилось на почвѣ вотчинныхъ порядковъ и лишь медленно и

[1]) Сошное письмо, I, стран. 65.

постепенно вырабатывало свои особые, государственные пріемы, соотвѣтственные новымъ нуждамъ. Съ другой стороны, и вотчинники, несомнѣнно, подражали во многомъ Московскому государю и его пріемамъ управленія. При такихъ условіяхъ неточно говорить, что государственное хозяйство заимствовало у частныхъ вотчинниковъ извѣстные пріемы управленія и, въ частности, выть, а лучше сказать, что государь управлялъ своимъ дворцовымъ и государственнымъ хозяйствами какъ частный вотчинникъ и что его пріемы управленія были сходны съ пріемами другихъ вотчинниковъ. Когда съ теченіемъ времени государство стало вырабатывать свои, публично-правовые пріемы управленія и для удобства оклада и раскладки налоговъ и повинностей развивало однообразіе въ окладныхъ единицахъ, то выть получила такое строеніе (опредѣленные размѣры, одабриваніе земли и однообразіе), при которомъ для частныхъ владѣльцевъ она стала неудобной и исчезла въ ихъ земляхъ.

Во-вторыхъ, слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, выдвинуть на первое мѣсто тягловое, а не хозяйственное назначеніе вытей. Съ сельскохозяйственной точки зрѣнія нѣтъ никакой надобности въ надѣлахъ, вытяхъ и т. п. вещахъ. Надѣлъ и выть нужны только для оклада повинностями и для раскладки такихъ повинностей, которыя падали на тяглый міръ огуломъ. Въ тѣ времена, когда государственное хозяйство по своему строю и пріемамъ управленія сильно походило на частно-вотчинныя хозяйства, такая единица, какъ выть, могла одинаково хорошо служить какъ для государственныхъ повинностей, такъ и для частныхъ.

Что касается наиболѣе распространенныхъ размѣровъ выти, то и это явленіе легче объяснить тягловымъ назначеніемъ выти, чѣмъ частно-хозяйственнымъ, надѣльнымъ. Говоря вообще, мы не видимъ въ размѣрахъ вытей такого разнообразія, какъ въ сошкахъ. Выть въ 12 : 14 : 16 четей встрѣчается въ черныхъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ столь многихъ уѣздовъ, что можетъ быть признана для тяглецовъ этихъ земель нормальной вытью. Въ дворцовыхъ волостяхъ мы видимъ или такую же выть или выть въ 10 : 12 : 14 четей, что съ десятиной, которую дворцовые крестьяне часто получали для посопнаго хлѣба, составляетъ тѣ же 12 четей доброй земли. Выти большихъ и меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ 10 и 12 четей, представляютъ исключеніе. Этотъ фактъ наводитъ на предположеніе, что московское пра-

вительство, сглаживая мало-по-малу мѣстныя особенности и водворяя съ теченіемъ времени все большее и большее однообразіе въ окладныхъ единицахъ, исходило изъ какихъ-то образцовъ. Мнѣ кажется возможнымъ высказать по этому темному вопросу такое предположеніе. Указанные размѣры вытей объясняются нормированіемъ одной важной повинности — такъ называемой «десятинной пашни» или «пособнаго хлѣба», которую въ древнѣйшее время крестьяне несли едва ли не повсемѣстно. Повинность состояла въ томъ, что крестьяне на 4 или на 5 десятинъ (т.-е. на 8 или 10 четей) своей пашни должны были обрабатывать одну десятину на казну или на вотчинника[1]). Такъ естественно получалась счетная, окладная единица въ 5 или 6 десятинъ, т.-е. въ 10 или 12 четей, по которой казна и вотчинникъ опредѣляли количество пособнаго хлѣба. Позже, путемъ практики цѣлаго столѣтія, такая окладная единица могла быть перенесена для оклада хлѣбомъ или другими повинностями и для раскладки податей, мѣстныхъ и государственныхъ, и на такія земли и на такіе уѣзды, гдѣ крестьяне вмѣсто десятинной пашни платили денежные оброки и гдѣ обложеніе имѣло совсѣмъ иной складъ и составъ.

Мнѣ кажется, что извѣстная, не разъ цитированная изслѣдователями, грамота митрополита Симона Юркѣ Масленицкому, конца XV или начала XVI вѣка, можетъ служить прекраснымъ подтвержденіемъ того, что выть есть не надѣлъ крестьянской семьи, а норма повинности. Архимандритъ Матвѣй сообщалъ митрополиту, что монастырскіе крестьяне пашутъ на себя много земли, а на монастырь мало. Въ отвѣтъ на это грамота митрополита устанавливаетъ или только напоминаетъ норму: «далъ бы еси христіанамъ во всѣхъ трехъ поляхъ по 5 десятинъ, а на монастырь бы еси указалъ имъ пахати шестую десятину. А будетъ земли обильно, а кому будетъ земли надобно болѣ того, и онъ бы потому же пахалъ и монастырскую пашню — шестой жеребей; а кому не будетъ силы пахати пяти десятинъ, и онъ бы потому пахалъ и монастырскую пашню»[2]). Грамота не говоритъ, что каждый крестьянинъ долженъ обрабатывать 5+1, всего 6 десятинъ, а устанавливаетъ норму повинности — на каждыя

---

[1]) Напр., въ сотной 95 г. дворцоваго села Краснаго мы читаемъ: «а положено на выть добрыя земли по 6 десятинъ, и съ тою десятиною, которая дана пахать для пособнаго хлѣба». Ак. п. д., I, № 1.

[2]) Приведено по П. Н. Милюкову, Спорные вопросы . . . стран. 32.

5 десятинъ своей пахоты крестьяне должны обрабатывать шестой жребій, т.-е. 1 десятину, на монастырь. Грамота какъ-будто предполагаетъ, что обычный, наиболѣе распространенный размѣръ запашки крестьянина есть 5 десятинъ, а большая и меньшая запашка является исключеніемъ, но такое пониманіе приведенной выдержки мнѣ кажется слишкомъ буквальнымъ и неправильнымъ. Мнѣ кажется, что это есть неловкое, свойственное тогдашнимъ понятіямъ, описательное выраженіе отвлеченной нормы, видѣть въ которой указаніе на надѣлъ крестьянской семьи будетъ большой смѣлостью. Интересно отмѣтить, что въ грамотѣ митрополита слово «выть» не упоминается, но ясно, что это есть то же явленіе, какъ позже въ черныхъ и дворцовыхъ земляхъ выть, съ которой крестьяне должны были пахать 1 десятину посопнаго хлѣба.

Заканчивая свои замѣчанія о происхожденіи выти, я опредѣлю свой взглядъ такъ: выть есть прежде всего окладная и раскладочная единица; наиболѣе распространенные размѣры ея — 10 и 12 четей — могутъ быть объяснены нормами весьма распространенной повинности — десятинной пашни для посопнаго хлѣба. Иными словами — выть возникла и развилась на почвѣ оклада крестьянъ хлѣбомъ, оброками и другими повинностями, которыя они должны были платить казнѣ и вотчинникамъ. Такъ какъ этотъ окладъ опредѣлялся не столько одностороннимъ усмотрѣніемъ государя и вотчинниковъ, сколько мѣстной стариной и договоромъ и соглашеніями съ тяглецами, то основу его представляли мірскіе порядки тягла. Къ этому вопросу я вернусь ниже, при изслѣдованіи писцоваго вытнаго оклада.

Каково бы ни было происхожденіе выти, въ рукахъ государства она стала съ теченіемъ времени такой же окладной единицей какъ соха и сошка, вошла, если употребить образное уподобленіе, въ податной механизмъ какъ одно изъ важныхъ колесъ. И. Д. Бѣляеву и А. С. Лаппо-Данилевскому было бы достаточно ознакомиться хотя съ однимъ писцовымъ наказомъ, чтобы воздержаться отъ ошибочнаго противоположенія вытнаго письма сошному: они сразу увидѣли бы, что чети пашни, изъ которыхъ состояли выти, суть тѣ же чети, которыя составляли сохи. Въ устюжскомъ наказѣ 131 г. читаемъ: «А четвертныя пашни класти въ черныхъ волостяхъ въ выти и въ сошное письмо по прежнему государеву указу и противъ сотныхъ,

по скольку десятинъ въ выти и въ сохи прежніе писцы и дозорщики клали». Въ другомъ мѣстѣ того же наказа читаемъ: «А класти имъ тѣ монастырскія и церковныя и въ черныхъ волостяхъ земли, добрыя и середнія и худыя, по прежнему въ малыя сошки и въ большія и въ выти, потому-жъ по кольку чети пригоже, смотря по землѣ и по угодью»[1])... и т. д. Нигдѣ, ни въ этомъ наказѣ, ни въ другихъ, нѣтъ ни одного намека на то, что писцы должны были при положеніи въ выти руководиться иными правилами, чѣмъ въ сошномъ окладѣ. Описывая выше окладныя единицы и введеніе въ 122—123 гг. большой сохи, я показалъ отношеніе выти къ сохѣ[2]). Для складки вытей въ сохи употреблялись 3 пріема. Первый пріемъ — точнаго ариѳметическаго расчета, по числу четей. Такъ, въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ дворцовыхъ селахъ на соху въ 800 четей было положено по 80 вытей въ 10 четей доброй земли, а въ черныхъ земляхъ Вятскаго уѣзда въ такую же соху было положено по $66^2/_3$ выти въ 12 четей доброй земли[3]). Этотъ пріемъ назывался складкой вытей въ сохи «противъ доброй земли». Второй пріемъ состоялъ въ складкѣ вытей по усмотрѣнію, примѣриваясь къ тому, какъ было изстари, или по государеву указу. Наконецъ, третій пріемъ былъ какъ бы соединеніемъ перваго и втораго. Дѣло въ томъ, что отношеніе земель разнаго качества въ вытяхъ и въ сохахъ иногда было различное. Напр., въ обычной выти въ 12—14—16 четей отношеніе было 6 : 7 : 8, а въ сохѣ въ 800—1000—1200 четей отношеніе — 4 : 5 : 6. Поэтому долженъ былъ получаться различный результатъ въ зависимости отъ того, будутъ ли сначала выти земель разнаго качества приравнены вытямъ доброй земли и затѣмъ положены въ сохи доброй земли, или разнокачественныя по землѣ выти будутъ переведены въ сошные оклады непосредственно. Напр., въ дворцовомъ селѣ Ѳедотьевѣ, Рязанскаго уѣзда, въ 105 г. на выть было положено по 16 четей худой земли, а выти были положены въ сохи по точному расчету «противъ худой земли», т.-е. по 75 вытей въ соху въ 1200 четей худой земли[4]). А можно было бы

---

[1]) Ак. п. д., I, № 115. Ср. каргопольскій наказъ 127 г. Писцы должны были положить пашню «въ обжи и въ выти и въ сошное письмо противъ приправочныхъ книгъ» . . . . по сколько «четвертныя пашни въ обжу и обежъ въ соху» было положено раньше. Тамъ же, № 89 (стран. 139).

[2]) Сошное письмо, I, стран. 49—50 и далѣе.

[3]) Тамъ же, стран. 94, 107 и 55.

[4]) Прик. д. стар. л., 1680 г. № 383.

ихъ положить такъ: 75 вытей худой земли равны 75 вытямъ доброй; на соху въ 800 четей доброй земли по расчету идетъ $66^2/_3$ выти доброй же земли; слѣдовательно 75 вытей противъ доброй земли могли быть приравнены 1 сохѣ и $8^1/_3$ вытямъ или сохѣ съ получетью сохи. Такимъ образомъ, положенiе въ данномъ случаѣ вытей противъ худой земли имѣло значенiе особой льготы крестьянамъ.

Выше я показалъ также, для чего нужно было надстраивать надъ вытями, обжами и сошками большую соху[1]). Не повторяя того, что было сказано, я такъ опредѣляю свое заключенiе: прiемы вытнаго и сошнаго письма совершенно одинаковы; выть есть такая же, но только болѣе мелкая, окладная и раскладочная единица, какъ соха; противоположенiе вытнаго письма сошному совершенно несостоятельно.

Установивъ фискальное назначенiе выти и ея отношенiе къ сошному письму, слѣдуетъ перейти къ изслѣдованiю ея отношенiя къ мiрскому окладу и ея внутренняго строя.

Мы уже знаемъ прiемы и основанiя мiрской раскладки податей. При всемъ разнообразiи въ подробностяхъ, въ существѣ мiрской окладъ довольно однообразенъ. Единицы мiрского оклада носили различныя названiя: бѣлки, деньги, выти, лука и т. п., но было бы ошибочно думать, что подъ этими различными терминами скрываются совершенно различныя основанiя оклада. Въ однихъ мѣстахъ окладъ, быть можетъ, былъ болѣе субъективенъ, въ другихъ — объективнѣе, въ однихъ — считались болѣе важными одни признаки зажиточности, въ другихъ — другiе, но по существу окладъ всегда болѣе или менѣе субъективенъ. При помощи этихъ окладныхъ единицъ тяглые мiры раскладывали между собой главную массу податей и повинностей, которыя они должны были нести за круговой порукой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовали такiе вытные (съ тяглыхъ вытей) оброки, которые были положены на крестьянъ порознь и не подлежали раскладкѣ, но значенiе ихъ было невелико, и бо́льшую часть тягла, а мѣстами все, крестьяне должны были раскладывать сами.

Казнѣ это было выгодно, такъ какъ мiръ лучше, чѣмъ писцы, могъ обложить всякаго человѣка по достоинству, лучше использовать его тяглоспособность и лучше могъ сообразовывать окладъ съ происходя-

---

[1]) Сошное письмо, I, глава II.

щими въ хозяйствѣ перемѣнами. Поэтому правительство всѣми мѣрами поддерживало мірскую раскладку податей. Оно одинаково поддерживало ее какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда писцы, описывая волость, находили нужнымъ опредѣлить вытные оклады отдѣльныхъ тяглецовъ, такъ и въ тѣхъ, когда тяглый міръ цѣлой волости былъ положенъ въ тягло огуломъ. Наказы требовали отъ писцовъ, чтобы они положили въ тягло «всякаго человѣка» въ правду, и дѣйствительно въ описаніяхъ черныхъ и дворцовыхъ волостей чаще всего писцы указываютъ вытные оклады отдѣльныхъ дворовъ, но обязательность для міра этихъ окладовъ условная. Крестьянину для владѣнія землей и угодьями было важно, чтобы его участокъ былъ описанъ особо, и писцовое описаніе дѣйствительно обезпечивало ему, по крайней мѣрѣ въ Поморьѣ, его участокъ отъ вмѣшательства міра, но только до тѣхъ поръ, пока онъ платилъ всѣ подати по мірскому окладу. Что касается вытныхъ окладовъ живущаго, записанныхъ въ писцовыхъ книгахъ, то ни писцы, ни приказы не думали дѣлать ихъ для міра обязательными. Выше я говорилъ, что на почвѣ перераскладки податей и въ частности по поводу переверстки писцовыхъ вытныхъ окладовъ у мірскихъ людей иногда происходила горячая борьба: часть тяглаго міра находила для себя выгоднымъ платить подати по писцовымъ вытямъ или по своему старому окладу, а другая часть, находя окладъ устарѣвшимъ и невыгоднымъ, боролась за переверстку и требовала новаго оклада — «съ тяжелыхъ вытей снять, а на легкія прибавить». Приказы обыкновенно принимали сторону мірского оклада, т.-е. предписывали производить раскладку по мірскимъ принципамъ. Это было только напоминаніемъ хорошо извѣстнаго всѣмъ порядка, такъ какъ въ писцовыхъ книгахъ и въ сотныхъ грамотахъ писцы, указавъ вытные и сошные оклады, обыкновенно прибавляли, что тяглые люди должны всѣ подати раскладывать по животамъ, торгамъ, землямъ, угодьямъ, словомъ, по обычнымъ мірскимъ основаніямъ. Это было такъ хорошо всѣмъ извѣстно, что собственно не нуждалось въ повтореніяхъ и напоминаніяхъ, но писцы и приказы напоминали объ этомъ на тѣ случаи, если въ средѣ тяглаго міра разгорится борьба и начнутся жалобы обиженныхъ.

Иногда писцы не находили нужнымъ класть или, быть можетъ, по просьбѣ самихъ тяглыхъ людей не клали отдѣльныхъ людей въ выти. Такъ, въ концѣ XVI вѣка писцы Вохонской (монастырской)

волости, Московскаго уѣзда, положили крестьянъ въ сошное письмо, а относительно вытей замѣтили: «а въ выти у нихъ волость Вохна не положена, складываютъ деньгами»[1]). Эта короткая, но полная интереснаго значенія фраза не обратила вниманія ни одного изслѣдователя. Для государственнаго обложенія выть была не нужна, и писецъ ограничился тѣмъ, что положилъ крестьянъ въ сохи. Раскладку монастырскихъ повинностей писецъ предоставилъ крестьянамъ производить такъ, какъ имъ было угодно и какъ у нихъ повелось, т.-е. «складывая деньгами». Это выраженіе ясно, когда мы знаемъ мірскую раскладку податей. Нѣсколько иначе, чѣмъ московскіе, поступили въ 93 г. писцы дворцоваго села Краснаго, Владимирскаго уѣзда. Здѣсь для дворцовыхъ повинностей была необходима выть, а для ямскихъ денегъ — соха, и писцы положили село въ выти и въ сохи, но положили огуломъ, не опредѣляя вытныхъ окладовъ отдѣльныхъ дворовъ. Всего на 135 крестьянскихъ дворовъ они положили «пашни паханыя добрыя земли 240 десятинъ, а вытей въ живущемъ 40 вытей, а положено на выть добрыя земли по 6 десятинъ» . . . . «А верстатися крестьянамъ и пашня дѣлить межъ себя самимъ полюбовно и ровно»[2]). Чтобы лучше освѣтить этотъ текстъ, сопоставимъ его съ другимъ. Писцы дворцоваго села Ѳедотьина, Рязанскаго уѣзда, Вас. Волынскій съ товарищами, въ сотной грамотѣ 105 года указываютъ вытные оклады отдѣльныхъ дворовъ, а въ заключеніе пишутъ: «А впередъ межъ себя крестьянамъ въ вытяхъ и во всякихъ угодьяхъ и въ государевыхъ . . . . въ оброкахъ и во всякихъ податяхъ верстатись по пашнѣ и по промысламъ» [3]). Это не значитъ, что въ этихъ селахъ уже существовали періодическіе или непеpіодическіе передѣлы земли. Правда, что эти предписанія въ связи съ круговой порукой подготовляли почву для передѣловъ, но пока о нихъ нѣтъ рѣчи; рѣчь идетъ только о тяглѣ.

Смыслъ этихъ текстовъ и множества подобныхъ другихъ, въ которыхъ крестьянамъ предписываются мірская раскладка податей и перераспредѣленіе вытей, тотъ, что крестьяне обязаны тягломъ не ин-

---

[1]) Писц. книги Московск. государства, I, стран. 95.

[2]) Ак. п. д., I, № 1.

[3]) Прик. д. стар. л., 1680 г. № 383. Срав. съ этимъ писц. книги 88 г. Тверскихъ земель вел. кн. Семіона. Писц. книги Московскаго государства, II отд., стран. 294.

дивидуально, а огуломъ, всѣмъ міромъ, и что они должны раскладывать всѣ подати и повинности между собой по землѣ и по угодьямъ, а землями и угодьями владѣть по тяглу. Послѣднее надо пояснить. Два принципа: тягло по землѣ и угодьямъ и владѣніе землей и угодьями по тяглу, по существу противоположные, на практикѣ уживались рядомъ. Правительство связывало тяглые міры круговой порукой, но изъ практическихъ, конечно, соображеній терпѣло вѣковыя привычки населенія и считалось съ присущимъ каждому земледѣльцу стремленіемъ упрочить за собой участокъ, который онъ обрабатываетъ. Стоя на фискальной главнымъ образомъ точкѣ зрѣнія и стремясь обезпечить прежде всего исправное отбываніе тягла, правительство налегало на второй принципъ — владѣніе землей по тяглу — и по возможности стремилось проводить его на практикѣ. Точка зрѣнія тяглаго міра противоположна. Въ результатѣ постоянныхъ компромиссовъ между этими двумя принципами получался совершенно особый строй отношеній, къ которому нельзя примѣнять привычныхъ намъ опредѣленныхъ правовыхъ нормъ: дворцоваго или черного крестьянина XVI—XVII вв. нельзя безъ существенныхъ оговорокъ назвать собственникомъ земли, хотя частью по праву, а частью фактически онъ и обладалъ самыми существенными правами, изъ которыхъ слагается право частной собственности на землю, но тѣмъ менѣе его можно назвать членомъ земельной общины. Въ особенности преждевременно говорить въ XVII в. о земельной общинѣ черныхъ сѣверныхъ крестьянъ, которымъ гораздо лучше, чѣмъ разбросаннымъ по всему государству дворцовымъ, удавалось бороться съ противособственнической политикой фиска.

Въ средѣ черныхъ крестьянъ существовали такіе порядки. Крестьянинъ владѣлъ, совсѣмъ какъ собственникъ, своимъ участкомъ и по мірскому окладу тянулъ съ него и съ своихъ животовъ тягло. Если тягло ему было не подъ силу, то онъ продавалъ часть участка или весь участокъ (съ тягломъ) и въ послѣднемъ случаѣ уходилъ бродить по міру. За недоимщиковъ и за опустѣвшіе участки тягло несъ міръ, но мнѣ не встрѣтилось ни одного случая, когда міръ отбиралъ бы у недоимщика землю. Возможно, что это было не въ обычаѣ, а возможно и то, что недоимщики не доводили дѣла до такой крайности и своевременно продавали землю, на которую всегда были охотники. Но пока крестьянинъ несъ тягло исправно, владѣніе

участкомъ было ему обезпечно отъ всякихъ посягательствъ міра. Мало того, — вѣковая старина признавала за крестьяниномъ и его потомками право родового выкупа отчужденнаго участка. Брошенные крестьянами участки поступали въ распоряженіе міра, который старался сдать ихъ кому-либо въ тягло, а если не удавалось сдать въ тягло, то сдавалъ на оброкъ. Землями и угодьями, данными всему міру, міръ пользовался различно: нѣкоторыми, напр. выгонами, сообща, другіе сдавалъ въ тягло или на оброкъ своимъ мірянамъ и постороннимъ лицамъ, третьи могъ подѣлить такъ или иначе, напр. по тяглу, между своими членами. При такихъ условіяхъ мірское верстаніе или мірской окладъ состояли не въ передѣлѣ или уравненіи тяглыхъ участковъ, а въ опредѣленіи окладовъ тягла по землѣ и угодьямъ. Обратный принципъ: владѣніе по тяглу, примѣнялся только въ исключительныхъ случаяхъ, напр. въ случаяхъ острыхъ столкновеній складниковъ, когда споръ нельзя было рѣшить иными средствами.

Такимъ образомъ, тяглый міръ, производя раскладку тягла, не передѣлялъ и не уравнивалъ участковъ, а измѣнялъ и уравнивалъ оклады тягла, выражая ихъ условными величинами: вытями, деньгами, бѣлками и т. п. Этими результатами мірского оклада должны были пользоваться писцы и класть въ основу своего, писцоваго, оклада. Мы читаемъ объ этомъ, въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ, во всѣхъ писцовыхъ наказахъ. Напр., въ устюжскомъ наказѣ 131 г. предписывается сыскивать и допрашивать старостъ и самихъ тяглецовъ, «кто чѣмъ промышляетъ, торгуетъ ли, или инымъ какимъ промысломъ промышляетъ, или пашню пашутъ, и кто на чемъ живетъ и пашни пашутъ»[1]). Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ устьрѣцкаго наказа 127 г. сказано яснѣе: «на чемъ кто живетъ, на выти, или на полувыти, или на чети выти, или на получети выти, или будетъ на которомъ жеребью ни буди» и т. д.[2]). Допросивъ объ этомъ тяглыхъ людей, писцы должны были измѣрить землю и написать ее въ книги. Конечно, мірской окладъ не былъ обязателенъ для писцовъ. Отстаивая интересы казны, писцы должны были дѣйствовать по своему усмотрѣнію, класть въ тягло по силамъ, наблюдать, чтобы тяглые люди не обманывали ихъ, чтобы «прожиточные и семьянистые крестьяне тягла

[1]) Ак. п. д., I, № 115.

[2]) Тамъ же, № 84.

съ себя не сбавливали и на молодшихъ крестьянъ тягла не прибавливали»[1]), но въ основѣ ихъ работы долженъ былъ лежать мірской окладъ — «кто на чемъ живетъ».

Пользуясь мірскимъ окладомъ, писцы клали людей въ вытное и сошное письмо, но ни писцы, ни приказы не думали дѣлать свои выти безусловно обязательными для тяглаго міра. Міръ долженъ нести подати и повинности съ оклада, положеннаго на нихъ писцами и утвержденнаго правительствомъ, но онъ не только имѣетъ право, но и обязанъ раскладывать всѣ тягли такъ, какъ потребуетъ большинство членовъ. Будетъ ли міръ раскладывать подати по писцовымъ вытямъ, пока онѣ не устарѣютъ и пока ими будетъ довольно большинство, будетъ ли раскладывать по своимъ вытямъ, бѣлкамъ или деньгамъ, какъ часто онъ будетъ производить общую перераскладку или частичныя поправки, все это — его дѣло.

Поэтому можно сказать, что выть съ точки зрѣнія правительства есть счетная и окладная единица, а по существу это — мірской окладъ, констатированный писцами и использованный ими сообразно интересамъ казны.

Ниже я разскажу, какъ писцы должны были класть крестьянъ въ выти, а пока сдѣлаю небольшое отступленіе. Мое мнѣніе о существѣ выти вполнѣ гармонируетъ съ тѣми наблюденіями, которыя сдѣланы выше относительно сферы распространенія вытей и судьбы ихъ въ разныхъ частяхъ государства. Гдѣ сохранилась мірская раскладка податей, тамъ продолжаютъ существовать и выти; гдѣ мірская волостная раскладка подъ вліяніемъ служилаго землевладѣнія была разрушена, тамъ исчезли выти и стало разрушаться тѣсно связанное съ вытями сошное письмо. Я указывалъ, что за нѣкоторыми мѣстными исключеніями выть для цѣлей государственнаго обложенія стала ненужной въ частновладѣльческихъ земляхъ; это было внѣшней причиной исчезновенія вытей. Внутренней же причиной, разрушавшей не только выти, но и сошное письмо, было разрушеніе въ этихъ земляхъ исконныхъ порядковъ мірской раскладки податей. И вовсе не случайность то, что въ монастырскихъ вотчинахъ и въ крупныхъ боярщинахъ выть удерживалась дольше, чѣмъ въ боярщинахъ служилой мелкоты. Причиной этого были не хозяйственныя особенности

---

[1]) См. тамъ же вышеупомянутые и другіе писцовые наказы.

крупныхъ вотчинъ, а бо́льшая сохранность въ нихъ мірского строя тягла.

Посмотримъ, какъ должны были писцы класть крестьянъ въ выти.

Писцовые наказы въ однообразныхъ выраженіяхъ предписываютъ писцамъ: «на выти писати и верстати крестьянъ, примѣряся къ прежнимъ писцовымъ книгамъ, по кольку человѣкъ пригоже, смотря по животамъ и по промысламъ и по угодьямъ» [1]). Если на выти живетъ много крестьянъ, «человѣкъ по пяти, и по шти, и по десяти и больше на одной выти, а тѣ будетъ крестьяне животомъ прожиточны и семьянисты гораздо, и имъ *(писцамъ)* тѣхъ крестьянъ разсаживати на пустыя выти или къ нимъ прибавливати пашню изъ пустыхъ земель, что-бъ одноличио въ томъ государю прибыль учинити, а жилъ бы всякъ на пашнѣ». Если крестьяне пашутъ сверхъ своей тяглой пашни еще пустыя земли, «а тягла съ той припашной пашни не тянутъ», то писцамъ «та ихъ лишняя прибавочная пашня написати на нихъ въ живущія выти въ тягло къ ихъ прежней тяглой пашнѣ, и оброкъ на нихъ съ тѣхъ прибылыхъ пашенъ положити, примѣриваяся къ инымъ землямъ, какъ бы имъ платить было возможно и что-бъ ихъ въ тяглѣ не отяжелить» [2]). Въ наказѣ 128 г. дозорщикамъ мордовскихъ и бортныхъ селъ Арзамасскаго и Нижегородскаго уѣздовъ послѣдняя статья выражена яснѣе: дозорщикамъ предписывается «та ихъ *(т.- е. мордвы и бортниковъ)* лишняя прибавочная пашня прибавливати на нихъ въ выти въ тягло къ ихъ прежней тяглой пашнѣ, смотря по ихъ животамъ и по семьямъ, сколько на кого мочно тягла прибавити» [3]).

Тѣ же по существу предписанія получали въ наказахъ приказчики дворцовыхъ селъ. Такъ, въ наказѣ 111 года Игн. Алфимову для управленія мордовскими и бортными селами Шацкаго уѣзда велѣно сыскивать, не владѣютъ ли мордва и бортники лишними землями,—«а, смѣтя тое прибылные пашню и сѣнные покосы, приписывати въ тягло на тѣхъ людяхъ, кто ее пахалъ, да и въ выти положить». Однако, наказъ предвидитъ, что положить всю землю въ тягло могло быть непосильнымъ, и прибавляетъ, что если «на тѣхъ людей прибавити нельзя, и Игнатью на тѣхъ людяхъ, кто тое прибылную пашню пахалъ и сѣно косилъ и бортными ухожьи и рыбными ловлями вла-

---

[1]) См., напр., Ак. и. д., I, №№ 115 и 120.

[2]) Тамъ же и другіе наказы.

[3]) Тамъ же, I, № 96.

дѣлъ, положити оброкъ денежный или медвяной, или какъ государю было прибыльнѣе, смотря по пашнѣ и по угодью»[1]). Наказъ 157 г. приказчику Сомерскихъ волостей, Старорусскаго уѣзда, подчеркиваетъ тѣсную связь выти съ мірскимъ окладомъ. Приказчикъ, какъ и писцы, долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы прожиточные крестьяне не сбавляли съ себя тягла и не наваливали его на младшихъ людей. Писцы дѣлали это только тогда, когда крестьяне окладывались передъ ними и подавали сказки объ окладѣ, а приказчикъ долженъ былъ дѣлать это при каждомъ окладѣ и вообще изо дня въ день наблюдать за крестьянами. Если приказчикъ узнаетъ, что богатые крестьяне сбавляли съ себя вытное тягло, «а тѣ свои доли наметывали на молодшихъ людей, а (въ) тое убавки мѣсто пашню пашутъ и сѣно косятъ, наймуя на сторонахъ», то онъ долженъ сыскать «да тое убавочную пашню велѣть прожиточнымъ крестьянамъ пахать и всякіе государевы оброки платить со крестьяны попрежнему. А впередъ того беречи накрѣпко, что-бъ одноличнo крестьяне пашеннаго тягла съ себя не сбавливали, а платили всякія государевы подати съ своихъ вытей, кто на чемъ живетъ, по животамъ и по промысламъ»[2]).

Всѣ эти и подобныя предписанія относительно выти, если ихъ брать каждое въ отдѣльности и понимать буквально, могутъ подать поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ, а иногда могутъ даже показаться непонятной абаркадаброй. Напр., слово пашня въ одной и той же фразѣ употребляется иногда въ двухъ значеніяхъ — въ смыслѣ дѣйствительной запашки и въ смыслѣ той условной величины, которую по животамъ, промысламъ и семьямъ тяглецовъ писецъ долженъ былъ написать въ живущія выти. Слово выть употребляется то какъ реальная величина, какъ мѣра земли, то въ смыслѣ совершенно условной мѣрки тяглоспособности. Сверхъ всего этого въ этихъ предписаніяхъ, какъ вообще нерѣдко въ источникахъ, встрѣчаются неясности и неточныя выраженія, не поддающіяся сколько-нибудь близкому къ тексту толкованію. Поэтому мнѣ кажется, что понять эти предписанія можно только путемъ сличенія и сопоставленія ихъ другъ съ другомъ и съ другими относящимися къ этому вопросу источниками.

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1648 г. № 82.

[2]) А. М. Гнѣвушевъ, Новгородскій Дворцовый приказъ въ XVII в., стран. VIII. М. 1911 г.

Если пойти такимъ путемъ, то становится яснымъ, что выть вообще, выть какъ мѣра земли, могла быть реальной величиной (съ тѣми оговорками, которыя я указалъ, когда описывалъ надѣленіе четвертной земли угодьями), но что живущая выть, съ которой приходилось тянуть тягло, есть понятіе совершенно условное. Пашня паханая живущихъ вытей есть доля дѣйствительной запашки тяглецовъ. Въ опредѣленіи этой доли и состояла вся задача писцовъ при положеніи крестьянъ въ вытное тягло. Дѣйствительный размѣръ запашки хозяйствъ для писцовъ есть очень важный признакъ тяглоспособности, и они имъ пользуются, но только въ той мѣрѣ, въ какой онъ совпадаетъ съ другими признаками. Тяглые міры при своемъ окладѣ тоже пользовались различными признаками тяглоспособности, учитывали животы, торги, промыслы и семейный составъ хозяйствъ, такъ какъ послѣдніе вліяли на тяглоспособность людей и въ частности на состояніе ихъ земледѣльческаго хозяйства, но главной цѣлью мірского оклада была раскладка, т.-е. распредѣленіе между членами міра тѣхъ податей и повинностей, которыя падали на міръ въ цѣломъ. Точка зрѣнія правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и писцовъ, иная. Правительство заимствовало у тяглыхъ міровъ его принципы и пріемы оклада, но ставило себѣ цѣль выработать такія окладныя единицы, которыя были бы пригодны не только для раскладки общегосударственныхъ и мѣстныхъ расходовъ, но и для оклада наиболѣе выгоднымъ для казны, наивысшимъ возможнымъ тягломъ. Отсюда — сложность, запутанность и частью даже противорѣчивость предписаній относительно вытнаго и сошнаго оклада. Если крестьянинъ пахалъ, съ точки зрѣнія писца, достаточное количество земли, то его клали въ тягло, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду размѣры запашки; если же писецъ находилъ, что крестьянинъ по своей зажиточности и составу семьи могъ пахать больше и нести большее тягло, то онъ долженъ былъ по своему усмотрѣнію написать пашню *на* тяглеца.

Производя всѣ эти операціи съ цѣлью положить на тяглецовъ максимально-посильное тягло, писцы должны были считаться и не могли не считаться съ тяжестью податей и повинностей. По мѣрѣ того, какъ послѣднія возрастали, писцамъ приходилось уменьшать вытные оклады, т.-е. класть въ живущее все меньшую и меньшую долю дѣйствительной запашки тяглыхъ хозяйствъ.

Чтобы лучше освѣтить условное значеніе пашни паханой живущихъ вытей, слѣдуетъ сказать объ оброчномъ держаніи крестьянами земель и въ частности о «пустыхъ вытяхъ».

Выше я уже упоминалъ, что владѣніе дворцовыхъ и черныхъ крестьянъ землями и угодьями изъ оброка и изъ выдѣльнаго снопа или сѣна было весьма значительно. Сдача земель и угодій на оброкъ производилась такимъ образомъ. Иногда писцы, воеводы и другіе приказные люди опредѣляли оброкъ сами по своему усмотрѣнію, по примѣру другихъ земель и угодій и по старинѣ. Другимъ способомъ была дача на оброкъ «по перекупкѣ изъ наддачи», т.-е. съ торговъ, тому, кто больше наддастъ. Въ обоихъ случаяхъ оброчное держаніе было обыкновенно безсрочнымъ — впредь до появленія перекупщика, т.-е. такого лица, которое согласится взять землю за бóльшій оброкъ. Краткосрочное держаніе земель называлось владѣніемъ «изъ найма» или «изъ полѣтнаго найма». Напр., въ наказѣ 111 г. приказчику мордовскихъ и бортныхъ селъ Шацкаго уѣзда предписывалося отдавать на оброкъ земли и угодья и оброчить, «какъ государю было прибыльнѣе, смотря по пашнѣ и по угодью». Если же на оброкъ никто не возьметъ, то приказчику «съ сотскими и съ пятидесятскими тѣхъ пустыхъ вытей земли и сѣна и всякія угодья отдавати изъ найма, кто возьметъ, а наемъ имати съ земли и съ сѣнныхъ покосовъ и со всякихъ угодій, смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе» [1]). Выдѣльные снопъ и сѣно, въ противоположность оброку, были не однообразнымъ платежемъ, а долей урожая, которую ежегодно или черезъ нѣсколько лѣтъ опредѣляли выдѣльщики.

Владѣніе землями изъ оброка или изъ выдѣла представляло для крестьянъ свои выгоды и невыгоды. Главная выгода состояла, конечно, въ томъ, что оброкъ и выдѣлъ были гораздо легче тягла, а главная невыгода была въ непрочности оброчнаго держанія и въ притѣсненіяхъ и злоупотребленіяхъ выдѣльщиковъ.

Писцы Сольвычегодскаго уѣзда отписывали въ 133 г. въ Устюжскую четь, что при описаніи уѣзда они «наѣхали» на такіе обычаи крестьянъ: «кто возьметъ на льготу или на оброкъ деревню или сѣнной покосъ или иное какое угодье, да тѣ угодья, подержавъ за собою,

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1648 г. № 82.

продаютъ и закладываютъ, и тѣ оброчныя грамоты называютъ у себя крѣпостьми, а кому продадутъ или заложатъ, тому и оброчную отдадутъ. А только сыскивать лѣтъ за 70 или за 100, и тѣ деревни и пожни у нихъ всѣ такъ укрѣплены въ вотчины. Да и нынѣ у нихъ все такъ же ведется» . . . .[1]). Въ этомъ было много правды, но значеніе такихъ явленій писцы, несомнѣнно, преувеличили. Они не говорятъ ничего о томъ, что въ дѣйствительности оброчное держаніе всегда было болѣе или менѣе ненадежнымъ, такъ какъ оброчникъ постоянно могъ лишиться земли или угодій, на разработку которыхъ онъ вкладывалъ трудъ и капиталъ. Стопло только его сосѣду или постороннему человѣку заявить воеводѣ или приказу, что онъ желаетъ взять землю и согласенъ платить больше, чѣмъ платилъ оброчникъ, какъ послѣдній долженъ былъ либо принять на себя еще бо́льшій оброкъ, либо лишиться земли. На этой почвѣ между тяглыми людьми происходили столкновенія, которыя оставили многочисленные слѣды въ приказныхъ архивахъ. Тяглые міры въ цѣломъ, конечно, относились враждебно къ такимъ переоброчникамъ, смотрѣли на нихъ какъ на предателей міра, наконецъ, иногда заключали особые договоры «съ зарядомъ», т.-е. съ неустойкой, чтобы никто не перекупалъ у другого оброчныхъ земель, но все это не мѣшало приказамъ пользоваться столкновеніемъ частныхъ интересовъ и строить на немъ свою политику относительно оброчнаго держанія. При слабости и малочисленности администраціи, это было въ рукахъ правительства главнымъ средствомъ борьбы съ самовольнымъ захватомъ черныхъ земель и съ чрезмѣрнымъ распространеніемъ оброчнаго держанія въ ущербъ тяглому.

Владѣніе землей изъ выдѣльнаго снопа представляло для крестьянъ другія невыгоды. Порядокъ выдѣла въ существенныхъ чертахъ описанъ въ наказѣ 127 г. дозорщикамъ Устьрѣцкихъ волостей. Обыкновенно писцы и дозорщики не производили выдѣла, но здѣсь крестьяне сами просили поручить его дозорщикамъ, а не особымъ выдѣльщикамъ, — «что-бъ намъ отъ той розни вконецъ не погинуть отъ иныхъ выдѣльщиковъ». Государь пожаловалъ крестьянъ, и въ наказѣ дозорщикамъ было велѣно выдѣлить хлѣбъ и сѣно съ пустыхъ земель. Дозорщики должны были, «какъ хлѣбъ учнетъ поспѣвати и сѣнные

[1]) Ак. п. д., I, № 202.

покосы учнутъ косити», ѣхать въ волости и съ понятыми дозрить посѣвы и сѣнокосы. Смѣтя и переписавъ, писцы должны были велѣть пожать хлѣбъ и скосить сѣно тѣмъ людямъ, «кто прежъ того хлѣбъ пахалъ и сѣно косилъ», и выдѣлить на государя долю, «смотря по землѣ и по хлѣбу: которая земля добра, и съ тое пашни на государя выдѣлять третій снопъ, а съ середнія земли четвертой снопъ, а съ худыя земли пятой снопъ»; съ сѣнокосовъ «имать четвертая или третья копна, или за сѣно деньгами, смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы государевѣ казнѣ было прибыльнѣе». Хлѣбъ должны были убрать, обмолотить и отвезти на своихъ подводахъ тѣ же люди, которые его посѣяли [1]).

Частыя соприкосновенія съ выдѣльщиками были для крестьянъ убыточны, и они обыкновенно стремились получить право не выдѣлять хлѣба и сѣна, а платить за нихъ деньгами ежегодный оброкъ. Такъ, крестьяне Павлова острога, Нижегородскаго уѣзда, просили въ 126 г. замѣнить выдѣльный хлѣбъ оброкомъ и обосновывали свою просьбу притѣсненіями выдѣльщиковъ: «намъ, сиротамъ твоимъ, отъ твоихъ государевыхъ выдѣльщиковъ чинятся убытки великіе и продажа» [2]). Устьрѣцкій наказъ 127 г. два раза возвращается къ притѣсненіямъ выдѣльщиковъ. Въ одной статьѣ наказъ предвидитъ, что дозорщики воспользуются выдѣломъ для вымогательства съ крестьянъ взятокъ, а въ другой уполномачиваетъ дозорщиковъ предложить крестьянамъ замѣну выдѣла оброкомъ и влагаетъ имъ въ уста примѣрную рѣчь, съ которой они могутъ обратиться къ крестьянамъ: «Куракѣ и Ивану говорити Устьрѣцкія волости съ старосты и съ цѣловальники, что по государеву указу выдѣляютъ на нихъ съ пустыхъ пашенъ и съ сѣнныхъ покосовъ на государя выдѣльной хлѣбъ и сѣно, а для того посылаютъ ежелѣтъ выдѣльщиковъ, и имъ въ подводахъ и въ кормахъ чинятся убытки великіе и отъ посланниковъ насильства и продажи; и государь . . . *(п. т.)* ихъ, Устьрѣцкія волости крестьянъ, пожаловалъ, велѣлъ на нихъ съ пустыхъ земель по дозорнымъ книгамъ на тѣ пустыя выти за выдѣльной хлѣбъ и за сѣнную косьбу и за возку положити денежной оброкъ, съ выти по 4 рубли».

---

[1]) Ак. п. д., I, № 84.
[2]) Тамъ же, № 71.

Крестьянамъ не было надобности разъяснять неудобства и убыточность выдѣла, и приказъ прекрасно зналъ это, но напоминалъ, чтобы выторговать большой оброкъ. Онъ по опыту зналъ, что если хорошенько прижать крестьянъ выдѣльщиками, то они согласятся на такой оброкъ, который дороже выдѣльнаго хлѣба и сѣна. На такой почвѣ между приказомъ и крестьянами создавались отношенія договора или, вѣрнѣе, торга. Устьрѣцкій наказъ говоритъ, что государь пожаловалъ крестьянъ оброкомъ въ 4 руб. съ выти, но это не государево жалованье, а тотъ самый запросъ, который, по хорошей поговоркѣ, въ карманъ самъ не лѣзетъ; въ наказѣ далѣе сказано: «а будетъ крестьяне по 4 рубли съ выти платити не похотятъ, и у нихъ просити съ выти по 3 рубли съ полтиною и по 3, а по конечной мѣрѣ по полутретья рубли; а меньше дву рублевъ отнюдь не имати» [1]). Очень характерна въ этомъ же отношеніи помѣта на докладѣ 126 г. въ Новгородской чети, по челобитью крестьянъ села Павлова острога о замѣнѣ выдѣльнаго хлѣба оброкомъ. Въ селѣ было 20 вытей перелога и 8 вытей пашеннаго лѣса, да за Окой 36 съ лишнимъ вытей, поросшихъ большимъ лѣсомъ. Новгородская четь положила на первыя 28 вытей по 2 руб. оброка, противъ другихъ нижегородскихъ и арзамасскихъ пустыхъ вытей, а на вторыя 36 вытей дьяки помѣтили положить съ выти по полтинѣ, «будетъ возьмутъ крестьяне, а будетъ не возьмутъ, и на тѣ выти, которыя большимъ лѣсомъ поросли, денегъ не класть, потому что лѣсомъ поросли» [2]).

Итакъ, мы видимъ, что пустыя выти и пустыя земли есть очень условная пустота. Въ дѣйствительности ихъ распахиваютъ и косятъ на нихъ сѣно, съ нихъ платятъ оброки или выдѣльный хлѣбъ, а пустыми онѣ являются только для посошнаго обложенія, т.-е. онѣ не положены въ живущее. Условность этой пустоты нельзя не признать, если указать на то, что въ большинствѣ случаевъ эти пустыя выти и земли распахивали тѣ же самые крестьяне, которые съ своихъ тяглыхъ жребьевъ были положены въ сошное и вытное тягло. Въ устьрѣцкомъ наказѣ 127 г. про пустыя оброчныя выти прямо сказано: «а выти велѣти пахати тѣмъ же крестьянамъ, разверставъ между себя по живущимъ вытямъ, кому сколько мочно» [3]). Въ 129 г. по челобитью крестьянъ

---

[1]) Ак. п. д., I, № 84.
[2]) Тамъ же, № 71.
[3]) Тамъ же, № 84.

Сумерскаго погоста и Старополья, Старорусскаго уѣзда, было велѣно съ $516^1/_2$ пустыхъ обежъ платить съ выти по осьминѣ ржи и по осьминѣ овса «и расписать имъ тѣ пустыя выти велѣно по себѣ, верстаясь по живущему»[1]). Въ этихъ двухъ случаяхъ и въ селѣ Павловѣ осторгѣ пустыя выти были на оброкѣ за цѣлыми мірами, но суть дѣла не измѣнялась отъ того, что иногда выти были за отдѣльными лицами. Всѣ писцовые наказы упоминаютъ о такихъ лицахъ: это — «изможные люди», которые желаютъ пахать землю сверхъ своей тяглой пашни и которымъ писцы должны давать пустую государеву землю изъ тягла, изъ оброка или изъ выдѣльнаго снопа. Въ описи Кондопосской черной волости Обонежской пятины, 111 года, отмѣчены такіе «изможные» люди. Въ ней мы видимъ крестьянъ, которые сверхъ тяглыхъ участковъ и пашни, съ которой они положены въ тягло, пашутъ тутъ же оброчные участки [2]).

Все вышесказанное относительно оброчнаго держанія земель можетъ на первый взглядъ показаться не новымъ и не имѣющимъ большого значенія для вытнаго письма, но это первое впечатлѣніе неправильно. Оброчное держаніе было бы не важно, если бы было мѣстнымъ или временнымъ явленіемъ, временной льготой разоренному населенію. Въ дѣйствительности это было постоянное, весьма значительное и повсемѣстное явленіе. Недостатокъ источниковъ не позволяетъ сдѣлать сколько-нибудь точнаго учета оброчнаго держанія, но достаточно убѣдительны приводимыя ниже свѣдѣнія, взятыя мною изъ разныхъ источниковъ, главнымъ образомъ изъ приходныхъ книгъ Новгородской и Устюжской четей.

Въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ 126 г. въ мордовскихъ и бортныхъ деревняхъ было на $151^1/_4$ живущихъ вытей 211 съ половиной выти и 3 чети пашни пустыхъ вытей, которыя платили по уговору за выдѣльный хлѣбъ съ выти по 2 руб., всего 423 руб. 5 ал. [3]). Въ 128 г. съ пустыхъ вытей было не донято 102 руб. 4 ал. $2^1/_2$ д., такъ какъ изъ нѣкоторыхъ деревенъ мордва и бортники «отъ разоренья отъ русскихъ воровъ и отъ казаковъ и отъ розныхъ правежей разбѣжались, а и достальные хотятъ бѣжать розно»[4]), и въ томъ же году

---

[1]) Тамъ же, № 104.

[2]) Д. Я. Самоквасовъ, Архивный матеріалъ, II, стран. 410—412.

[3]) Ак. п. д., I, № 71.

[4]) Приходная книга Новгородской чети 128 г. Арх. Мин. Ин. дѣлъ, по Новгороду кн. № 14, л. 471.

для дозора мордовскихъ и бортныхъ селъ были посланы дозорщики[1]. Въ приходной книгѣ Новгородской чети 134 г. число живущихъ и пустыхъ вытей не показано, но, судя по окладамъ налоговъ и оброковъ, дозоръ 128 г. не произвелъ значительной перемѣны въ отношеніи живущихъ вытей къ пустымъ, — на 134 г. было по окладу «съ пустыхъ съ пашенныхъ земель за выдѣльный хлѣбъ» 424 руб. 27 ал. 2 д. оброка[2]). Въ приходной книгѣ чети 152 г. число вытей тоже не показано, но количество пустыхъ, повидимому, уменьшилось: на 152 г. по окладу было 312 руб. 25 ал. оброка съ пустыхъ вытей и 52 руб. 12 ал. $^1/_2$ д. съ оброчныхъ полянокъ, всего 365 руб. 3 ал. $4^1/_2$ д. Возможно, что это уменьшеніе пустыхъ земель объясняется раздачей ихъ въ помѣстья и продажей въ вотчины[3]).

Не меньшее количество оброчныхъ вытей было въ сосѣднемъ Нижегородскомъ уѣздѣ. Приходныя книги Новгородской чети не даютъ цифръ живущихъ и пустыхъ вытей, но о количествѣ послѣднихъ можно судить по окладу оброка. Въ 126 г. оброчныя выти этого уѣзда платили за выдѣльный хлѣбъ по 2 руб.; по приходной книгѣ чети 128 г. этого оброка было по окладу 1110 руб. 10 ал., а вытей слѣдовательно около 555[4]). Позже количество пустыхъ вытей уменьшилось, но не потому, что онѣ стали живущими, а потому, что были розданы служилымъ людямъ. Такъ, въ 128 г. было роздано въ помѣстья и вотчины около 200 вытей[5]). Гдѣ не было большихъ раздачъ, тамъ незамѣтно большихъ перемѣнъ съ теченіемъ времени. Такъ, въ 126 г. въ селѣ Павловѣ острогѣ было 28 оброчныхъ вытей перелога и пашеннаго лѣса, а въ 152 г. на 37 вытей съ пол-пол-четью выти живущихъ крестьяне пахали изъ оброка $164^1/_2$ десятины пашни, «которая у нихъ осталась сверхъ тяглыя пашни»[6]).

Въ Псковской и Новгородской областяхъ правительство постоянно нуждалось въ хлѣбѣ и потому рѣже разрѣшало платить за выдѣльный

---

[1]) Ак. п. д., I, № 96.

[2]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, л. 821 об.

[3]) Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 28, л. 823. Въ 152 г. выбыло изъ оклада 3 р. оброка съ дер. Кирдюшевы, проданной со всѣми угодьями въ вотчину боярину Б. Ив. Морозову.

[4]) Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 14, лл. 167—171.

[5]) Тамъ же.

[6]) Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 28, л. 272, и Ак. п. д., I, № 71. Выть=10 четямъ доброй земли.

хлѣбъ деньгами. Количество пустыхъ вытей и здѣсь весьма значительно, но къ сожалѣнію не указывается точно въ четвертныхъ приходныхъ книгахъ. Вотъ отдѣльные факты по Новгородскому и Старорусскому уѣздамъ. По приходной книгѣ Новгородской чети 128 г. въ Сомерскомъ погостѣ и въ Старопольѣ, Старорусскаго уѣзда, числилось въ живущемъ 98 обежъ и пол-пол-трети обжи, а пустыхъ вытей, данныхъ крестьянамъ изъ выдѣльнаго хлѣба, $516^1/_2$ обежъ[1]). Такое огромное количество пустыхъ вытей объясняется, конечно, разореньемъ, но вотъ, что интересно отмѣтить. Посадъ и уѣздъ «для нѣмецкаго разоренья» получили льготу во всякихъ податяхъ со 125-го по 131-й годъ, но эта льгота не распространялась на пустыя выти, какъ взятыя на себя крестьянами добровольно, и въ 127 г. съ нихъ было выдѣлено, несмотря на новое разоренье того же года, нѣсколько сотъ четвертей ржи, пшеницы, ячменя, овса, гороха, бобовъ, гречи и льна[2]). Пустыя выти оказались живучѣе живущихъ. Въ Новгородскомъ уѣздѣ съ пустыхъ вытей тоже сбирались ежегодно сотни четвертей хлѣба. Такъ, въ 128 г. «взято выдѣльнаго хлѣба и съ тѣмъ, что съ Кузаранской волости по приказу боярина кн. Д. И. Мезецкаго и дьяковъ взято деньгами и купленъ хлѣбъ въ Новгородѣ», 389 съ лишнимъ четвертей ржи, 218 съ лишнимъ четей ячменя и безъ малаго 326 четей овса[3]). Въ 134 г. съ Олонца, съ Заонежскихъ погостовъ и съ Оштинскаго стана было по окладу съ пустыхъ вытей за хлѣбъ 653 руб. 25 ал. Изъ этого оклада выбыло 32 ал. 2 д. «съ пустыхъ вытей, которыя выти прибыли изъ пуста въ жило», а остальныя деньги взяты сполна. Относительное значеніе этого дохода видно изъ того, что тогда же въ тѣхъ же земляхъ въ живущемъ было 167 вытей безъ пол-пол-трети, а данныхъ денегъ съ нихъ по окладу 1669 руб. 5 ал. $4^1/_2$ д.[4]).

Цѣнныя и надежныя свѣдѣнія даютъ платежницы Заонежскихъ погостовъ, съ писцовыхъ книгъ 136—137 гг. Я уже упоминалъ, что къ этому описанію былъ примѣненъ дворовый окладъ — по 15 дворовъ на выть. Вытные оклады, получившіеся отъ примѣненія этого указа, писцы называютъ въ своихъ платежницахъ живущими вытями

---

1) Ак. п. д., I, № 104.
2) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, лл. 67 об., 72—74.
3) Тамъ же, л. 22 об.
4) Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 15, л. 40.

пашни паханой, а тѣ выти, которыя раньше были живущими, а послѣ двороваго оклада стали пустыми, писцы называютъ пустыми вытями перехожей пашни паханой. Наконецъ, во всѣхъ волостяхъ за крестьянами было, изъ очень небольшого оброка, большое количество пустыхъ вытей старой пустоты. Количество и соотношеніе вытей этихъ трехъ разрядовъ по итогамъ платежницъ было такое:

Въ одной половинѣ Заонежскихъ погостовъ [1]).

Живущихъ вытей	155.
Пустыхъ вытей перехожей пашни . .	138.
Пустыхъ вытей старой пустоты . . .	293.

Въ другой половинѣ Заонежья [2]).

Живущихъ вытей	214.
Пустыхъ вытей перехожей пашни . .	233.
Пустыхъ вытей старой пустоты . . .	601.

Всего, такимъ образомъ, было: живущихъ вытей 369, пустыхъ перехожихъ 371 и пустыхъ старой пустоты 894.

Приведя эти цифровыя данныя относительно пустыхъ оброчныхъ вытей и переходя къ дальнѣйшему изслѣдованію вопроса, я такъ опредѣлю свое положеніе: нельзя утверждать, что всегда и всѣми пустыми оброчными вытями владѣли тѣ же самые люди, которые съ своихъ тяглыхъ участковъ были положены въ живущее вытное и сошное письмо, но несомнѣнно, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ было именно такъ. Затѣмъ слѣдуетъ подчеркнуть, что это было не временное явленіе, т.-е. не особая льгота разорившемуся населенію, и не мѣстное явленіе, которое могло бы быть объяснено мѣстными особенностями жизни, а постоянное и повсемѣстное,— большее или меньшее количество пустыхъ оброчныхъ вытей и земель мы видимъ во всѣхъ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ.

Иногда оброчное держаніе, дѣйствительно, было временной льготой разорившимся или селящимся вновь тяглецамъ и съ теченіемъ времени, по истеченіи срока льготы или по особому государеву указу, превращалось въ тяглое держаніе. Такъ, въ 118 г. было велѣно «во всемъ Двинскомъ уѣздѣ оброчныя земли почернити и въ сошное

[1]) Ак. п. д., II, № 96. Дроби вытнаго письма откинуты.
[2]) Тамъ же, № 97. Дроби откинуты.

тягло поверстати»[1]). Нѣсколько ранѣе тоже было сдѣлано въ Вятскомъ уѣздѣ, гдѣ въ XVI в. образовалось большое количество оброчныхъ сохъ. Въ XVII вѣкѣ эти сохи сохранили названіе оброчныхъ и имѣли земское самоуправленіе, отдѣльное отъ тяглыхъ сохъ, но въ дѣйствительности онѣ стали вполнѣ тяглыми, и вся разница ихъ тягла состояла въ томъ, что онѣ не платили сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ, а за четвертные доходы платили особый вытный оброкъ[2]). Такъ бывало, но для насъ въ настоящее время интересна не эта сторона вопроса, а другая — постоянное оброчное держаніе тѣхъ людей, которые владѣли сверхъ того тяглыми землями. Чѣмъ руководились приказы и писцы, давая этимъ людямъ на оброкъ большее или меньшее количество земли?

Предписанія писцовыхъ наказовъ на этотъ счетъ довольно однообразны. Писцы, прежде всего, должны стремиться отдать пустыя земли въ тягло. Это хорошо выражено въ устюжскомъ наказѣ 184 г., болѣе подробно и опредѣленно повторяющемъ то, что мы находимъ во всѣхъ болѣе раннихъ наказахъ. О земляхъ, которыя не будутъ взяты въ тягло, въ 37-й статьѣ наказа читаемъ: «а которыхъ пустыхъ земель въ живущее тягло никто не возьметъ, и тѣ земли отдавать Устюжскаго уѣзда крестьянамъ изъ денежнаго оброка» [3]). Писцы должны были смотрѣть за тѣмъ, чтобы никто «самовольствомъ», безъ дачи и безоброчно не владѣлъ государевыми землями и чтобы государевы земли по возможности нигдѣ не были «въ пустѣ», т.-е. приносили бы тотъ или иной доходъ — полное тягло, или денежный оброкъ, или выдѣльный хлѣбъ. При этомъ писцы, конечно, должны были стараться, чтобы крестьяне не уклонялись отъ тяглаго держанія землями и не развивали въ ущербъ ему болѣе легкаго оброчнаго. Упомянутая статья устюжскаго наказа выражается такъ, будто вполнѣ отъ доброй воли крестьянъ зависѣло взять или не взять на себя тяглый участокъ, но это, конечно, неточность языка, не соотвѣтствующая дѣйствительности, но хорошо отражающая уступки и соглашенія, которыхъ придерживались приказные относительно оброчнаго держанія. Въ дѣйствительности крестьяне были прикрѣплены къ тяглу и должны были нести его по силамъ. Вся задача писцовъ состояла

[1]) Р. И. Б., XIV, стран. 205.
[2]) Сошное письмо, I, стран. 122—123.
[3]) Ак. п. ц., III, 184 г. 12 мая.

въ томъ, чтобы использовать по возможности лучше эти силы, и въ наказахъ мы всегда встрѣчаемъ предписанія писать землю *на* крестьянъ и класть ихъ въ тягло по усмотрѣнію. Одновременно приказы считались съ вѣковыми привычками населенія къ переходамъ и къ договорному тяглу, знали прекрасно, какую силу представляютъ хозяйственный расчетъ и естественное стремленіе человѣка увеличить свое хозяйство и улучшить положеніе, и учитывали невыгодныя для крестьянъ стороны (непрочность) держанія земель изъ оброка или изъ выдѣльнаго хлѣба. На этихъ основаніяхъ и соображеніяхъ они строили и предписывали писцамъ строить политику компромиссовъ и соединенія различныхъ принциповъ и пріемовъ, на первый взглядъ непримиримыхъ, но жизненныхъ въ силу своей гибкости. Цѣль приказы ставятъ писцамъ вполнѣ опредѣленную, но наставленія и средства для достиженія этой цѣли даютъ на всякій случай разнообразныя, предоставляя имъ на мѣстѣ разобраться во всемъ и поступать такъ или иначе. Такимъ образомъ, отъ писцовъ зависѣло дать крестьянамъ большее или меньшее количество земель и угодій на оброкъ или изъ выдѣла, т.- е. на болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ въ тягло, и такъ или иначе положить крестьянъ въ живущее. Писецъ, конечно, былъ связанъ, въ большой или меньшей мѣрѣ, сложившимся до него строемъ отношеній, мѣстной стариной и количествомъ свободныхъ земель, находился подъ надзоромъ приказа, но по существу дѣло было положено, какъ выражаются нѣкоторые источники, на его душу.

Все вышесказанное о пустыхъ вытяхъ и оброчномъ держаніи земель хорошо оттѣняетъ, какъ мнѣ кажется, условность живущей выти.

Изслѣдователямъ, противополагавшимъ вытное письмо сошному, не было извѣстно, что въ вытномъ письмѣ, подобно сошному, тоже примѣнялся изрѣдка дворовый окладъ, т.- е., что приказы и писцы опредѣляли оклады живущихъ вытей по числу дворовъ. Мнѣ это кажется вполнѣ естественнымъ, такъ какъ по моему живущая четь вытнаго письма есть то же, что четь сошнаго, и живущая выть есть такая же условная единица оклада и раскладки тягла, какъ соха.

Очень интересно примѣненіе двороваго оклада въ черныхъ земляхъ Заонежскихъ погостовъ. Описывать Заонежье были посланы изъ

Новгородской чети въ 136 г. Чикита Панинъ съ подьячимъ Сем. Копыловымъ и кн. Ив. Мих. Долгорукій съ Постникомъ Раковымъ. Относительно тягла вообще и вытей въ частности имъ были даны въ наказахъ совершенно такія же предписанія, какъ и въ другихъ наказахъ болѣе ранняго времени [1]). Однако, во время описанія или послѣ окончанія работъ на мѣстѣ писцамъ было велѣно положить «крестьянскихъ тяглыхъ живущихъ лучшихъ и середнихъ и молодшихъ по 12 дворовъ на выть». О бобыльскихъ дворахъ не было сказано ничего, и мы увидимъ ниже, что они не были положены въ выти и сохи. Очевидно, крестьяне добивались болѣе льготнаго тягла, и 12 декабря 140 г. государи указали писцамъ положить въ Заонежскихъ погостахъ «въ выти по 15 дворовъ крестьянскихъ на выть, а въ выть по 12 чети добрыя земли, а середнія и худыя земли класть по наказу, каковъ имъ данъ, а въ сошное письмо положить противъ вытей». Такъ переданъ государевъ указъ въ платежницѣ, изготовленной Н. Панинымъ [2]). Въ платежницѣ кн. И. Долгорукаго указъ переданъ нѣсколько иначе: «на выть по 15 дворовъ крестьянскихъ, а въ выть добрыя земли по 12 чети, а середнія по 14 чети, а худыя по 16 чети, а сошнаго письма добрыя земли въ соху по 800 чети, а середнія земли по 1000 чети, а худыя по 1000 по 200 чети» [3]). Эта приказная шарада нуждается въ поясненіяхъ, — чтобы понять ее, недостаточно разсужденія, подчиняющагося законамъ логики.

По платежницамъ хорошо видно, какъ писцы положили людей въ тягло. Бобыльскіе дворы они по указу въ выти не клали, а изоброчили различными оброками, руководясь, очевидно, зажиточностью бобылей. Н. Панинъ клалъ на дворы «работныхъ людей, которые кормятся работою, оброка съ двора по гривнѣ да пошлинъ по деньгѣ», т.-е. по 3 ал. 3 д., а «съ промышленныхъ людей, съ прасоловъ и съ рыболововъ», оброка по 8 ал. 2 д. да пошлинъ по $2^1/_2$ д., всего по 8 ал. $4^1/_2$ д. Кн. И. Долгорукій въ другой половинѣ Заонежья, въ Оштинскомъ и Водлоозерскомъ станахъ, клалъ болѣе разнообразные оброки. Съ бобылей «работныхъ людей, которые живутъ въ деревняхъ», онъ положилъ вездѣ по 2 ал. съ двора, а съ промышленныхъ бобылей, «которые живутъ на погостахъ», очень различные оброки: по 1 р. 6 ал. 4 д., по

[1]) Наказъ кн. И. Долгорукому см. въ Ак. п. д., II, № 29.
[2]) Тамъ же, II, № 96.
[3]) Тамъ же, № 97.

1 р., по 16 ал. 4 д., по 10 ал., по 6 ал. 4 д., по 8 ал. 2 д., по 5 ал., по 3 ал. 2 д. и т. д. Крестьянскіе дворы оба писца положили по указу— по 15 дворовъ на выть, и съ этихъ вытей крестьяне должны были платить данныя деньги и деньги за посопный хлѣбъ. Въ сохи выти были положены различно въ зависимости отъ качества земли. Такъ, если въ какомъ-нибудь погостѣ земля считалась средней, то писцы, приравнявъ 15 дворовъ этого погоста выти, считали ее вытью средней земли, т.-е. равной 14 четямъ средней же земли, и клали въ соху средней же земли, считая въ ней 1000 четей. Такъ какъ въ соху доброй земли въ 800 четей шло по $66^2/_3$ выти доброй земли въ 12 четей, въ соху средней земли въ 1000 четей шло $71^3/_7$ выти средней земли въ 14 четей, а въ соху худой земли въ 1200 четей шло 75 вытей худой земли въ 16 четей, то въ результатѣ оказывалось, что въ сошное письмо дворы были положены тѣмъ легче, чѣмъ худшею землею они владѣли. Этому хитрому сочетанію двороваго вытнаго оклада съ пріемами сошнаго письма нельзя отказать въ нѣкоторомъ остроуміи[1]).

Другой извѣстный мнѣ случай дворовой выти относится къ Сольвычегодскому уѣзду. Въ 153 г. крестьяне били челомъ о своемъ разореньѣ отъ тягла, положеннаго на нихъ писцами 131 г., и просили посылки новыхъ писцовъ. Между прочимъ они жаловались на неравныя усольскія сошки и на тяжелый вытный окладъ: «а на выти де крестьянскихъ дворовъ писали *(писцы 131 г.)* двора по 2 и по 3, а въ иныхъ де городахъ писцы писали на выти дворовъ по 10, и по 12, и больше». Государь указалъ по этой челобитной составить докладъ, а о вытяхъ доложить особо, «какъ учнутъ наказъ писать»[2]). Въ дѣйствительности вопросъ о вытяхъ по неизвѣстной причинѣ остался не рѣшеннымъ, и въ наказѣ писцамъ о вытномъ и о сошномъ письмѣ были даны обычныя предписанія старыхъ наказовъ[3]). Крестьяне въ челобитной писали, что у нихъ на выть положено по 2 и по 3 двора, а въ докладѣ государю и въ наказѣ было выписано, что писцы 131 г. на выть «писали» отъ одного двора до 10 съ четвертью дворовъ. Это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что писцы 131 г. примѣнили дворовый окладъ; челобитчики и докладная выписка указывали только,

[1]) О томъ, какъ были положены по этимъ описаніямъ въ тягло церковныя и монастырскія земли, см. выше стран. 420—421.

[2]) Ак. п. д., II, №№ 154 и 156.

[3]) Тамъ же №№ 180, 181 и 183. Ср. тамъ же, I, № 115.

для примѣра, сколько приходилось дворовъ на выть. Въ среднемъ для всего уѣзда на выть приходилось безъ малаго по 5 дворовъ: всего по письму 131 г. въ уѣздѣ было 4020 крестьянскихъ и половничьихъ дворовъ, «а вытнаго письма на тѣ дворы положено 811 вытей безъ чети»[1]).

Писцы быстро произвели описаніе и въ первой половинѣ 154 г. подали въ Устюжской чети нѣсколько перечневыхъ росписей. Не получивъ въ наказѣ предписанія о дворовой выти, писцы не положили крестьянъ въ вытное письмо совсѣмъ и писали объ этомъ въ своихъ росписяхъ. Въ одной росписи они между прочимъ писали: «а по новому письму и мѣрѣ въ Усольскомъ уѣздѣ въ станахъ и въ волостяхъ въ черныхъ деревняхъ по скольку дворовъ крестьянскихъ лучшихъ и середнихъ и молодшихъ людей на выть положить, и того въ государевѣ наказѣ не написано»[2]). Въ другой росписи писцы указывали, что по ихъ описанію запустѣло въ уѣздѣ послѣ письма 131 г. 856 крестьянскихъ и половничьихъ дворовъ, а въ живущемъ оказалось 3160 дворовъ, и сдѣлали примѣрные расчеты: «а только положить тѣхъ достальныхъ крестьянъ и половниковъ по 4 двора на выть, и того будетъ 791 выть», а убудетъ передъ письмомъ 131 г. $19^3/_4$ выти; если положить по 6 дворовъ, то будетъ 524 выти безъ четверти, если по 8 дворовъ, то будетъ $394^1/_4$ выти, по 10 дворовъ, то будетъ 316 вытей, наконецъ, «только положить по 12 дворовъ на выть, и того будетъ 264 выти безъ чети»[3]). Дѣло утвержденія этого описанія, однако, сильно затянулось; усольцы подавали государю множество челобитныхъ и просили указа по новымъ книгамъ[4]), но получили его только въ 157 г., именно въ началѣ 1649 года. Государь указалъ и бояре приговорили, взявъ очевидно за образецъ то, по скольку дворовъ приходилось въ среднемъ на выть по описанію 131 г.,

---

[1]) Ак. п. д., II, № 197.

[2]) Тамъ же, № 196.

[3]) Тамъ же, № 199.

[4]) Въ одной изъ челобитныхъ усольцы между прочимъ писали, что по письму 131 г. на выть приходилось по 6, 8, 10 и 12 дворовъ, «и намъ, сиротамъ твоимъ, и такъ было не въ мочь, а нынѣ *(середина 156 г.)* дьякъ Мина Грязевъ приказалъ писцамъ Б. Приклонскому въ вытное письмо класть посадъ и уѣздъ по 4, и по 5, и по 6 дворишекъ въ выть». Челобитчики писали, что такой окладъ будетъ для нихъ разорителенъ, такъ какъ у нихъ съ выти въ годъ сходитъ всякихъ податей болѣе 30 рублей, а земли у нихъ худыя. Ак. п. д., II, № 201.

положить на выть по 5 дворовъ крестьянскихъ и половничьихъ[1]). Къ сожалѣнію подлинный указъ намъ неизвѣстенъ, а между тѣмъ въ примѣненіи его есть 2 темныхъ вопроса, которые я отмѣтилъ выше[2]). Именно, рядомъ съ дворовой вытью пашни паханой или, если выразиться иначе, рядомъ съ пашней паханой, вычисленной по числу дворовъ, писцы положили наѣзжую пашню въ живущія выти и въ сохи не подворно, а землей, т.-е. совершенно независимо отъ дворовыхъ вытей. Поэтому во всѣхъ тѣхъ волостяхъ, гдѣ сверхъ дворовыхъ вытей пашни паханой писцы положили въ живущее наѣзжую пашню, между вытнымъ окладомъ и сошнымъ образовалось несоотвѣтствіе. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наѣзда не было, то въ конечномъ счетѣ выти оказались несоотвѣтствующими и дворамъ, и количеству пашни. Такъ, въ Ильинскомъ приходѣ Вилегодской волости окладъ (съ наѣзжей пашней) былъ больше пятидворовой выти, а въ Богоявленскомъ приходѣ той же волости, онъ оказался меньше, чѣмъ было бы, если бы выти были положены только по землѣ. Въ послѣднемъ приходѣ было 12 дворовъ, положенныхъ писцами по указу (довольно точно) въ 2 выти съ полувытью безъ пол-пол-чети выти, а земли средняго качества было 20 четей да худой 8 четей[3]). Если бы писцы положили здѣсь въ живущее землю, какъ они дѣлали съ наѣзжей пашней, считая на выть по 14 четей средней и по 16 четей худой, то всего имъ пришлось бы положить Богоявленскій приходъ въ 2 выти безъ $^1/_{14}$ выти. Чѣмъ объясняются эти пріемы оклада, неизвѣстно.

Третій случай относится къ дворцовымъ землямъ Псковскаго уѣзда. Въ 181 г. было велѣно переписать и обложить стрѣлецкимъ хлѣбомъ наличные дворы во Псковѣ и въ Псковскомъ уѣздѣ. Между прочимъ, въ дворцовыхъ земляхъ на четь пашни было велѣно положить противъ письма Ив. Вельяминова 131 г. по 10 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ. Это была временная мѣра, изъ которой однако видно, что и раньше въ псковскихъ дворцовыхъ земляхъ, на ряду съ частновладѣльческими, былъ примѣненъ дворовый окладъ[4]).

Пока мнѣ извѣстны только эти 3 случая дворовыхъ вытей и четей въ черныхъ и дворцовыхъ земляхъ, но едва ли можно сомнѣваться,

---

[1]) Ак. п. д., II, №№ 176 и 200.

[2]) Сошное письмо, I, стран. 69—73.

[3]) Ак. п. д., II, № 200.

[4]) Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 85. Нѣсколько подробностей объ этомъ см. выше, стран. 234—235.

что ихъ было больше. На ряду съ этимъ большинство этихъ волостей было положено въ живущее, несомнѣнно, не подворно, а по старымъ пріемамъ. Мнѣ кажется, что суть вопроса важнѣе количества случаевъ примѣненія двороваго оклада, а суть состоитъ въ томъ, что приказы и писцы, употребляя его, не создавали какой-то особой окладной единицы, а только вводили въ дѣло оклада объективную мѣрку. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это представляло выгоды. Во-первыхъ, это ограничивало усмотрѣніе писцовъ, которое было невыгодно для казны, если писцы норовили населенію, или разорительно для тяглыхъ людей, если писцы были не въ мѣру усердны. Во-вторыхъ, дворовый окладъ давалъ писцамъ и приказамъ надежное основаніе для сравненій и позволялъ имъ, въ нѣкоторой степени, разбираться въ жалобахъ населенія на непосильность оклада. Обѣ эти стороны вопроса ясно, какъ мнѣ кажется, выступаютъ въ сольвычегодскомъ случаѣ. Писцы примѣривались и вычисляли, какъ можно было бы положить усольцевъ въ живущее, но не рѣшились сдѣлать этого сами, имѣя, быть можетъ, въ виду возможныя жалобы крестьянъ, неудовольствіе приказа и сложность усольскихъ окладныхъ единицъ, въ которыхъ они не могли разобраться. Приказный дьякъ смѣчалъ, по скольку дворовъ приходилось на выть по прежнему описанію, и торговался съ усольцами, запрашивая съ нихъ выгодное для казны тягло. Не рѣшенное писцами и приказомъ дѣло поступило на усмотрѣніе государя и бояръ, которые и указали положить по 5 дворовъ на выть, т.-е. почти ровно столько же, сколько приходилось въ среднемъ для всего уѣзда по описанію 131 г. Такимъ образомъ казна ничего не теряла (если не считать запустѣвшихъ дворовъ) сравнительно съ прежнимъ, усольцы лишались основанія жаловаться, а въ конечномъ счетѣ различіе между окладомъ 131 г. и новымъ окладомъ отразилось на вытныхъ окладахъ только отдѣльныхъ волостей.

Для характеристики того, какъ пользовались приказы расчетами тягла на дворъ, я приведу выдержку изъ доклада 157 г. о новомъ дозорѣ Вожбальской волости. Замѣчу предварительно, что дворовый окладъ въ этой волости не былъ примѣненъ, ни при описаніи 131 г., ни при дозорѣ 153 г. Устюжская четь, разсматривая окладъ дозорщиковъ, производила вычисленіе: въ волости по новому дозору 101 дворъ, а вытей въ живущемъ столько-то, «и по разводу имется

по 4 двора съ четвертью на выть, да за разводомъ перейдетъ сверхъ писцовыхъ книгъ на четверть выти дворъ». Далѣе четь сравнивала новый дозоръ съ описаніемъ: по письму 131 г. было въ живущемъ $36^1/_4$ выти, «а крестьянскихъ и бобыльскихъ было 131 дворъ, и по разводу имется по 3 двора съ полудворомъ и съ получетью на выть, а не дойдетъ по разводу противъ писцовыхъ книгъ въ выть въ разводъ $^1/_2$ двора»[1]). Это сравненіе удовлетворило, повидимому, Устюжскую четь, и она утвердила окладъ дозорщиковъ, болѣе льготный, чѣмъ окладъ писцовъ 131 г., такъ какъ учитывала, очевидно, разоренье Вожбальской волости.

---

[1]) Ак. п. д., II, № 126.

XVIII. Дворовая четь сошнаго письма въ частновладѣльческихъ земляхъ по указамъ 128—140-хъ годовъ.

Сущность реформы. Ея прецеденты и отношеніе къ сошному письму. — Выработка нормъ двороваго оклада. Первоначальные указы 128—136 годовъ и окончательные — 138—140 годовъ. Доклады государямъ 138 и 139 годовъ. Челобитья служилыхъ людей. — Какъ были поняты и примѣнены указы писцами. Вольности и неточности писцоваго оклада. Вопросъ объ однодворцахъ. — Доклады государю о примѣненіи двороваго оклада въ отдѣльныхъ случаяхъ. — Причины и слѣдствія реформы. Мнѣніе по этому вопросу М. А. Дьяконова. Вопросъ о тяглѣ непашенныхъ людей и бобылей на посадахъ и въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ, съ одной стороны, и въ частновладѣльческихъ земляхъ, съ другой.

Въ 20—30-хъ годахъ въ сошномъ письмѣ частновладѣльческихъ земель произошли крупныя перемѣны, которыя я не рѣшаюсь безъ оговорки назвать реформой. Въ самомъ дѣлѣ, подъ реформой мы понимаемъ такія болѣе или менѣе планомѣрныя дѣйствія правительства, которыя направлены на измѣненіе какихъ-либо существующихъ отношеній по опредѣленному плану и съ опредѣленной цѣлью. Реформа можетъ быть не вполнѣ удачной или совсѣмъ неудачной, можетъ вызвать непредвидѣнныя послѣдствія, но это — другой вопросъ, не лишающій дѣятельность правительства значенія реформы. Если понимать слово реформа такъ, то оно съ трудомъ приложимо къ введенію дворовой чети. Главная цѣль дворовой чети состояла не въ какихъ-либо новшествахъ, а въ обновленіи и сохраненіи разрушавшагося сошнаго письма. И техническая сторона дѣла мало похожа на реформу: трудно подмѣтить какую-либо планомѣрность въ выработкѣ и изданіи относящихся къ этому дѣлу указовъ, а самое примѣненіе указовъ на дѣлѣ имѣетъ видъ не активной дѣятельности правительства, а вынужденныхъ отвѣтовъ на отдѣльные случаи податнаго управленія.

Послѣ такой оговорки будемъ для краткости называть введеніе дворовой чети реформой.

Сущность изслѣдуемой реформы состоитъ въ томъ, что живущее, то-есть пашню пахаиую, полагаемую въ сошное письмо, стали опредѣлять (вычислять) по числу крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, по объективнымъ нормамъ, а не по силамъ тяглыхъ людей, не по усмотрѣнію писцовъ и приказовъ, какъ было раньше. Идея опредѣлять оклады живущаго сошнаго письма по числу дворовъ была хорошо и давно извѣстна приказнымъ Московскаго государства. Этотъ пріемъ опредѣленія окладовъ живущаго встрѣчается задолго до указовъ 128—140-хъ годовъ и примѣняется не только къ посадскимъ людямъ, но и къ уѣзднымъ, къ пашеннымъ и непашеннымъ. Такъ, въ 87 г. писцы Чердыни и Соли Камской положили посадскихъ и уѣздныхъ людей въ живущее подворно: «положено въ соху по 64 двора по животамъ, и по промысламъ, и по пашнямъ, и по всякимъ угодьямъ»[1]). Въ 88 г. писцы Тверского уѣзда положили въ сошное письмо въ одномъ мѣстѣ нѣсколько крестьянскихъ дворовъ, у которыхъ было всего 8 десятинъ пашни худой земли, не по землѣ, а дворами, въ $^1/_{12}$ сохи,— «а кладено въ соху по 240 дворовъ»[2]). На дворовый окладъ въ служилыхъ земляхъ мнѣ извѣстно одно указаніе: ливенцы въ челобитной 139 г. писали, что дозорщикъ П. Еспповъ (дозиравшій въ 123 г.) клалъ у нихъ «по 2 двора въ четверть крестьянскихъ и бобыльскихъ»[3]). Пока мнѣ извѣстны только эти три случая, но дѣло, конечно, не въ количествѣ подобныхъ фактовъ, а въ самой идеѣ. Несомнѣнно, что это были исключенія, а въ видѣ общаго правила пашенныхъ и непашенныхъ уѣздныхъ людей до указовъ 128—140 гг. писцы клали въ живущее не дворами.

Говоря о дворовыхъ нормахъ посадской сохи, я указывалъ, что съ точки зрѣнія приказныхъ эти нормы вовсе не противорѣчили принципу посильности. Дворовая норма была объективной формулировкой посильнаго тягла, такой формулировкой, которая, будучи выработанной опытнымъ путемъ въ одномъ случаѣ, могла бы съ большой пользой для дѣла примѣняться въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ. Такимъ, повидимому, путемъ выработали норму въ 64 двора на сошку и примѣнили въ окладѣ посада и уѣзда чердынскіе и соликамскіе писцы. Равнымъ образомъ и указы 128—140 гг. возникли на почвѣ принципа посиль-

[1]) Сошное письмо, I, стран. 74.
[2]) Писцовыя книги Московскаго государства, II, стран. 329.
[3]) Ак. п. д., II, № 80, VIII.

ности и по замысламъ приказныхъ должны были быть не отступленіемъ отъ этого исконнаго принципа тягла, а осуществленіемъ его.

Отношеніе дворовой чети къ сошному письму я опредѣлилъ выше[1]), но такъ какъ въ литературѣ по этому вопросу существуетъ нѣсколько неправильныхъ утвержденій, то я сдѣлаю добавочныя замѣчанія.

Изслѣдователей смутило, повидимому, то, что указы 128—140-хъ годовъ говорятъ о дворовой чети, а не о сохѣ. Отсюда, въ связи съ представленіемъ о старомъ посошномъ обложеніи какъ о поземельномъ, возникли неправильныя мнѣнія, что указы создали какую-то особую окладную единицу (получившую въ литературѣ по недоразумѣнію названіе живущей чети) и что цѣль созданія этой единицы состояла, между прочимъ, въ переходѣ къ подворному обложенію. Мнѣніе, что «живущая четь» служила переходомъ къ подворному обложенію, высказалъ А. С. Лаппо-Данилевскій: «слишкомъ рѣзкій переходъ отъ сохи къ двору, какъ податной единицѣ, смягчился тѣмъ, что облагаться стало не каждое отдѣльное хозяйство, а небольшая сумма такихъ хозяйствъ»[2]). Это — досадный lapsus linguae, которому однако посчастливилось въ литературѣ. У Ю. В. Готье мы читаемъ: «прежде чѣмъ стать сочетаніемъ извѣстнаго числа крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, живущая четь была сочетаніемъ извѣстнаго количества душъ»[3]). Подъ «суммой» хозяйствъ А. С. Лаппо-Данилевскій, а подъ «сочетаніемъ» Ю. В. Готье, очевидно, подразумѣваютъ указныя нормы дворовой чети. Въ дѣйствительности это не сумма и не сочетаніе дворовъ, подлежащія обложенію, а *отвлеченныя* нормы оклада. И при посошномъ, и при подворномъ, и при подушномъ обложеніи облагались и были отвѣтственными передъ казной субъектами обложенія волость, посадскій міръ и владѣльцы помѣстій и вотчинъ, а соха, дворъ и душа были счетными окладными единицами. Указы 128—140-хъ годовъ давали нормы оклада помѣстій и вотчинъ и не создавали никакихъ «суммъ» или «сочетаній» хозяйствъ, подлежащихъ обложенію.

---

[1]) См. Сошное письмо, I, стран. 13—14 и 233—234.

[2]) Организація прямого обложенія, стран. 245.

[3]) Замосковный край и т. д., стран. 160. О томъ, что послѣднее невѣрно, см. замѣчанія М. А. Дьяконова, въ Отчетѣ о 49 присужденіи преміи гр. Уварова. Безразличное употребленіе, по неточности языка, словъ: дворъ и человѣкъ, см. въ докладахъ 138—139 гг. Ак. п. д., II, №№ 70 и 79. Въ послѣднемъ, напр., докладѣ читаемъ: «на живущую четь пашни по 6 человѣкъ крестьянъ да по 3 человѣка бобылей, всего по 9 дворовъ». Тамъ же, стран. 174.

Указы говорятъ о четяхъ, въ которыя слѣдуетъ класть дворы, а не о сохѣ, не потому, что это были различныя окладныя единицы, а потому, что подъ давленіемъ тяжелыхъ налоговъ сошные оклады отдѣльныхъ боярщинъ и монастырскихъ вотчинъ такъ измельчали, что ихъ не было возможности выразить даже въ самыхъ мелкихъ дробяхъ сохи, бывшихъ въ употребленіи въ тогдашней сошной ариѳметикѣ. Про такіе мелкіе оклады говорили, что они «въ сошное письмо не пришли»[1]), то-есть не составляютъ самой мелкой дроби сохи. Разница, такимъ образомъ, была чисто количественная. Это прекрасно видно въ посадской сохѣ. Когда по нормамъ XVI в. слѣдовало класть на соху по 40 дворовъ лучшихъ, то на лучшій дворъ приходилось положить по 20 четей (при сохѣ въ 800 четей), когда же въ XVII в. пришлось отступить отъ этихъ нормъ и класть посады въ живущее легче, то чаще не на дворъ стало приходиться по нѣсколько четей, а, наоборотъ, на четь по нѣсколько дворовъ[2]). Это, конечно, вовсе не касается существа дѣла и такъ же безразлично, какъ въ настоящее время сказать «0,4 процента» или «4 pro mille». Приказные и писцы не придавали этому никакого значенія и выражали оклады безразлично, то въ четяхъ, то въ сохахъ и дробяхъ сохъ, смотря по тому, какъ было удобнѣе. Такъ, въ платежницахъ Арзамасскаго и Нижегородскаго уѣздовъ (142 г.) оклады отдѣльныхъ боярщинъ выражены въ четяхъ, а въ итогахъ сложены и переведены въ сохи[3]). Въ большомъ сборникѣ платежницъ, изготовленныхъ Помѣстнымъ приказомъ для Ямского приказа, въ однихъ уѣздахъ итоги живущаго выражены только въ четяхъ, а въ другихъ — въ четяхъ и сохахъ[4]). Въ платежницѣ 150 г. по Рязанскому уѣзду итоги одной половины уѣзда выражены въ сохахъ, а итоги другой — въ четвертяхъ[5]).

При переводѣ четей въ сохи приходилось только принимать во вниманіе, какъ и раньше, то, о какихъ земляхъ идетъ рѣчь. Дѣло въ томъ, что указы 128—140-хъ годовъ, давая нормы двороваго оклада, вовсе не касались и не нарушали старой нормировки сохъ: и послѣ этихъ указовъ въ сохѣ служилыхъ земель считалось по 800 четей, теперь

[1]) Сошное письмо, I, стран. 9.

[2]) См. выше, стран. 331—332.

[3]) Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа кн. № 7515. Срав. Ак. п. д., II, № 113.

[4]) Арх. М. Ю., Писц. кн. № 409.

[5]) Тамъ же, лл. 143 об. и 280.

дворовыхъ, доброй земли, а въ церковной и монастырской сохѣ — 600 четей. Здѣсь мы подходимъ къ очень интересному и важному обстоятельству, совершенно упущенному изъ вида изслѣдователями, видѣвшими въ «живущей чети» какую-то особую окладную единицу. Извѣстно, что въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ было велѣно класть на четь меньше дворовъ, чѣмъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ. Если, напр., въ послѣднихъ земляхъ какого-нибудь уѣзда на четь было велѣно класть по 8 дв. крестьянскихъ и по 4 бобыльскихъ, то въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ того же уѣзда слѣдовало класть по 6 дв. крестьянскихъ и по 3 бобыльскихъ. Вслѣдствіе этого монастырскія и церковныя земли оказались обложенными тяжелѣе служилыхъ въ двухъ отношеніяхъ: въ нихъ на четь было положено меньше дворовъ и попрежнему въ сохѣ считалось 600, а не 800 четей.

Эту разницу въ относительной тяжести обложенія можно освѣтить такимъ примѣромъ. Въ 140 г. окладъ ямскихъ денегъ былъ 400 рублей съ сохи. Съ чети помѣстныхъ и вотчинныхъ земель было велѣно взять (считая по 800 четей въ соху) по полтинѣ, а съ монастырскихъ земель (считая въ соху по 600 четей) по 22 алтына полторы деньги [1]). Разочтемъ эти оклады на дворы. Если въ служилыхъ земляхъ даннаго уѣзда было положено по 8 дв. крестьянскихъ и по 4 бобыльскихъ, то на крестьянскій дворъ приходилось, считая по 2 двора бобыльскихъ за 1 крестьянскій, по 10 денегъ [2]). Въ монастырскихъ земляхъ на четь клали по 6 дв. крестьянскихъ и по 3 бобыльскихъ, и на крестьянскій дворъ ямскихъ денегъ по расчету приходилось по $17^4/_5$ деньги [3]). Повидимому, это былъ вполнѣ преднамѣренный результатъ указовъ о дворовой чети.

Выше мы видѣли, что въ Заонежскихъ погостахъ по указу 140 г. на выть черныхъ крестьянъ было положено по 15 дворовъ крестьянскихъ, при чемъ выти различались по качеству земли и соотвѣтственно съ этимъ были полагаемы въ сохи. Такимъ образомъ, 15 дворовъ крестьянъ, сидѣвшихъ, по мнѣнію писца, на средней землѣ, приравнивались одной выти, которая считалась равной 14 четямъ средней. Эти 14 четей были затѣмъ полагаемы въ соху средней же земли въ 1000 четей. Мы уже знаемъ, что это была болѣе льготная для крестьянъ складка вытей

---

1) 22 ал. $1^1/_2$ д. $\times$ 600 = 400 р. 16 ал. 4 д., т.-е. немного болѣе оклада на соху, такъ какъ точнѣе вычислить окладъ на четь не было возможности.

2) $8+^4/_2=10$; 100 денегъ : 10 = 10 деньгамъ.

3) $6+^3/_2=7^1/_2$; 22 ал. $1^1/_2$ д. $=133^1/_2$ д.; $133^1/_2 : 7^1/_2=17^4/_5$ д.

въ сохи, чѣмъ складка «противъ доброй земли». Такимъ образомъ, дворовый вытный окладъ въ Заонежскихъ погостахъ сочетался съ дѣленіемъ земель по качеству на статьи. Въ дворовой чети частновладѣльческихъ земель, если не считать одного встрѣтившагося мнѣ исключенія, мы этого не видимъ. Источники въ большинствѣ случаевъ не упоминаютъ о томъ, что дворовая четь есть четь доброй земли, такъ какъ это было очевидно и всѣмъ хорошо извѣстно, но иногда прямо на это указываютъ. Такъ, на Алатырѣ и въ Курмышѣ было положено за служилыми людьми «на живущую четверть пашни добрыя земли по 5 дворовъ крестьянскихъ да по 3 двора бобыльскихъ, а за монастыри по 4 двора крестьянскихъ да по полутора двора бобыльскихъ». Въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ монастырскихъ вотчинахъ «положено въ сошное письмо въ живущемъ добрыя земли въ соху по 600 чети, а на четверть пашни по 4 двора крестьянскихъ до по полутора двора бобыльскихъ»[1].

Есть указанія, что въ видѣ исключенія въ Угличскомъ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ во владычныхъ и монастырскихъ вотчинахъ, были чети земли разнаго качества. Такъ, на 140 г. было указано взять ямскихъ денегъ по 400 рублей съ сохи, и этотъ сошный окладъ былъ такъ расчисленъ на чети: «съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ и со всякихъ земель съ чети пашни по полтинѣ, а со владычныхъ и съ монастырскихъ вотчинъ, которыя положены въ сошное письмо середнею землею въ соху по 700 чети, и съ тѣхъ вотчинъ съ чети пашни по 19 алтынъ съ полуденьгою, а которыя положены въ сошное письмо доброю землею по 600 чети въ соху, и съ тѣхъ вотчинъ съ чети пашни по 22 алтына по полуторѣ деньгѣ»[2]. Такъ же было велѣно взять ямскія деньги на 141 годъ, при чемъ прибавлено, что «съ худыя земли» монастырскихъ вотчинъ слѣдуетъ взять по полтинѣ съ чети [3]), т.-е. столько же, сколько приходилось на четь пашни *доброй* земли служилыхъ людей.

Итакъ, мы видимъ, что указы 128—140-хъ годовъ вовсе не создавали какой-либо особой окладной единицы, а только давали объективныя нормы, какъ класть въ живущее сошное письмо. Поэтому мнѣніе, будто они имѣли цѣлью создать смягченный переходъ къ подворному

---

[1]) Арх. М. Ю., Помѣстнаго приказа кн. № 7515 (по Нижнему), лл. 47 и 264. Введеніе къ этой книгѣ напечатано въ Ак. п. д., II, № 113.

[2]) Угличскіе акты, изд. Липинскимъ, № 131.

[3]) Тамъ же, № 138. Считая 800 четей худой земли въ соху, выйдетъ какъ разъ 400 р. съ сохи.

обложенію, совершенно несостоятельно. Правительство, издавая эти указы, вовсе не думало переходить къ подворному обложенію, а имѣло въ виду обратное, то-есть сохраненіе сошнаго письма. Въ сошномъ письмѣ, обновленномъ этими указами, оставалось, какъ мы видѣли, еще много такого, что не позволяло современникамъ смѣшивать дворовую четь съ «дворовымъ числомъ». Ясно, почему правительство держалось сошнаго письма: соха была и осталась послѣ этихъ указовъ государственной окладной единицей, необходимой для смѣты, оклада и раскладки налоговъ[1]). Поэтому дворовую четь по указамъ 128—140-хъ годовъ можно считать однимъ изъ шаговъ къ подворному обложенію только въ томъ смыслѣ, что она пріучала приказныхъ и населеніе къ идеѣ, что тягловыя обязанности могутъ быть опредѣляемы не по усмотрѣнію писцовъ на основаніи пашни, угодій, животовъ, торговъ и т. п., а по числу дворовъ. Но и эта идея, являвшаяся непреднамѣреннымъ слѣдствіемъ указовъ о дворовой чети, была извѣстна, какъ мы уже знаемъ, населенію давно и примѣнялась раньше въ посадскомъ сошномъ письмѣ, а въ видѣ исключенія и въ уѣздномъ. О томъ, какъ и въ какихъ формахъ произошелъ въ дѣйствительности переходъ къ подворному обложенію, я говорилъ выше[2]).

Разсмотримъ теперь важнѣйшіе факты изслѣдуемой реформы.

Первый извѣстный намъ указъ — указъ 128 г. — опредѣлялъ число дворовъ на четь въ 8 городахъ. Указъ 131 г. добавилъ къ нимъ 31—32 города, а указы 134—136 гг. — еще городовъ 14[3]). Несомнѣнно, что намъ извѣстны не всѣ указы, но и то, что извѣстно, даетъ возможность сказать, что къ 136 году, когда описанія были въ разгарѣ, дворовая четь была установлена по меньшей мѣрѣ для 55—56 городовъ. Это составляло болѣе половины всего вѣдомства Помѣстнаго приказа. Выше я говорилъ, что правительство, издавая эти указы, очень неохотно и медленно примѣняло ихъ къ новымъ дозорамъ и описаніямъ[4]).

Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что писцы въ наказахъ не получали соотвѣтствующихъ указовъ. Такъ, ни слова не сказано о дворовой чети въ наказѣ 131 г., данномъ писцамъ Псковскаго уѣзда[5]).

[1]) См. Сошное письмо, I, стран. 14.
[2]) См. выше, стран. 231 и далѣе.
[3]) Таблицу указовъ см. въ XI приложеніи.
[4]) См. выше, стран. 208—210 и 214—218.
[5]) Ак. п. д., I, № 120.

Писцы Московскаго уѣзда, посланные изъ Помѣстнаго приказа въ 131 г., получили указъ только 13 октября 134 г., то-есть тогда, когда оканчивали описаніе[1]). Когда ихъ книги сгорѣли въ майскій пожаръ 134 г., то въ іюнѣ того же года описывать Московскій уѣздъ были посланы новые писцы, но и въ ихъ наказѣ о дворовой чети не сказано опять-таки ни слова[2]). Равнымъ образомъ ничего не говорится о дворовой чети въ другихъ извѣстныхъ намъ наказахъ: въ наказахъ 135 г. писцамъ Касимовскаго и Суздальскаго уѣздовъ и въ наказахъ 136 г. писцамъ Заонежскихъ погостовъ[3]). Выше я привелъ показаніе доклада 138 г., что вообще всѣ писцы, посланные въ 133 и 135 годахъ, не получили указа, «почему имъ крестьянъ и бобылей на живущую пашню на четь класть»[4]). Тамъ же я высказалъ единственное, какъ мнѣ кажется, возможное объясненіе этого интереснаго факта. Указы о дворовой чети, давая объективную норму оклада, позволяли отдѣлить окладное дѣло отъ прочихъ описательныхъ работъ и выполнить его позже, поручивъ писцамъ или сдѣлавъ независимо отъ нихъ на Москвѣ въ приказѣ. Между тѣмъ приказы не теряли, повидимому, надежды обойтись безъ этихъ невыгодныхъ для казны указовъ и предоставляли писцамъ попытаться положить тягло на старыхъ основаніяхъ, по своему усмотрѣнію. Этимъ только можно объяснить указанный фактъ и крайнюю медлительность и неохоту, съ которыми правительство и позже примѣняло эти указы.

Какъ бы то ни было, но это обстоятельство повліяло на выработку окончательныхъ указовъ, и желаніе освѣтить надлежащимъ образомъ послѣднее побудило меня повторить то, что было сказано выше. Дѣло въ томъ, что упомянутые выше первоначальные указы 128—136 годовъ давали болѣе выгодныя для казны и болѣе тяжелыя для тяглыхъ людей нормы оклада, чѣмъ окончательные указы 138—140 годовъ. Правительство, находя первые указы невыгодными для казны, медлило и упустило время. Наканунѣ же и во время Смоленской войны оно принуждено было уступить челобитьямъ служилыхъ людей и примѣнить наконецъ еще болѣе невыгодные для казны окончательные указы.

---

[1]) Ю. В. Готье, Замосковный край, стран. 159.
[2]) Ак. п. д., I, № 215.
[3]) Тамъ же, I, № 261, и II, №№ 1 и 29.
[4]) См. выше, стран. 209.

Указы 128—136 гг. устанавливали 7, а можетъ быть и 8 разрядовъ.

	Въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ.	Въ монастырскихъ, властелинскихъ и церковныхъ.
I разрядъ.	2 дв. крестьянскихъ и 2 бобыльскихъ.	3 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ.
II »	2 кр. и 3 боб.	2 кр. и 2 боб.
III »	3 » » 2 »	2 » » 2 »
IV »	4 » » 2 »	3 » » 2 »
V »	4 » » 3 »	3 » » 3 »
VI[1]) »	5 » » 3 »	4 » » 2 »
VII »	8 » » 4 »	6 » » 3 »
VIII »	12 » » 8 »	9 » » 6 »

Мы не знаемъ, на основаніи какихъ соображеній и расчетовъ были выработаны эти нормы, но можно видѣть, что онѣ устанавливали весьма значительныя различія въ окладѣ: окладъ VIII разряда въ 5 съ лишнимъ разъ легче оклада I разряда. Я считаю это за несомнѣнное свидѣтельство того, что указы основывались на принципѣ посильности тягла и были выраженіемъ его, а не переходомъ къ подворному обложенію.

Когда дошло до примѣненія указовъ на дѣлѣ, то въ отвѣтъ на челобитья землевладѣльцевъ начались уступки. Такъ, по указу 19 марта 138 г., повторявшему въ большинствѣ случаевъ указы 128 и 131 годовъ, въ пяти городахъ (въ Брянскѣ, Воротынскѣ, Карачевѣ, Лихвинѣ и Перемышлѣ) было велѣно положить на четь по 2 дв. крестьянскихъ и по 2 бобыльскихъ, а въ ноябрѣ 139 г. число дворовъ увеличено въ 5 съ лишнимъ разъ — на четь было велѣно положить по 12 дв. крестьянскихъ и по 8 бобыльскихъ. Въ десяти другихъ городахъ (въ Болховѣ, Бѣлевѣ, Воронежѣ, Данковѣ, Курскѣ, Лебедяни, Мценскѣ, Путивлѣ, Ряжскѣ и Рыльскѣ) сперва на четь было указано положить по 2 дв. крестьянскихъ и по 2 бобыльскихъ, а по январскому указу 139 г. — по 8 дв. крестьянскихъ и по 4 бобыльскихъ. Калуга и Рязань получили послѣдовательно такія сбавки: по указамъ 131 и 138 гг. — 2 дв. крестьянскихъ и 2 бобыльскихъ, по ноябрьскому указу 139 г. — по 4 и 3 двора, а по январскому указу того же 139 г. — по 8 и

1) Этотъ разрядъ, можетъ быть, былъ установленъ только въ 138 году.

4 двора. Послѣ ряда уступокъ и приверстанія одного города къ другому осталось собственно только 2 разряда: приблизительно въ 53 городахъ (по приказному неполному подсчету въ 48) — VII-й разрядъ, а въ 30 городахъ (по приказному подсчету въ 22) — VIII-й разрядъ[1]). Всѣ остальные разряды были уничтожены и разница въ тяжести оклада значительно сгладилась. По окончательнымъ указамъ города VIII разряда были обложены приблизительно въ полтора раза легче, чѣмъ города VII, тогда какъ по первоначальнымъ указамъ города I разряда были бы обложены въ 5 съ лишнимъ разъ тяжелѣе городовъ VIII разряда.

Особнякомъ стоятъ два города Казанскаго Дворца — Курмышъ и Алатырь, къ которымъ въ 140 г. присоединились Нижній и Арзамасъ, а въ 160 г. — Мещерскій уѣздъ. Неизвѣстно, сколько было велѣно положить въ Курмышѣ и Алатырѣ первоначально, но въ маѣ 139 г. по «новому» указу государей въ этихъ городахъ было велѣно положить «передъ Рязанскими городы съ убавкою» — въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ на четь пашни доброй земли по 5 дворовъ крестьянскихъ и по 3 бобыльскихъ, а за монастырями по 4 двора крестьянскихъ и по полтора бобыльскихъ[2]). Нижній и Арзамасъ были положены въ живущее по I разряду, и въ 136 г. описанія ихъ были утверждены, но большія уступки, сдѣланныя всѣмъ городамъ въ 139 г., побудили служилыхъ людей этихъ городовъ въ августѣ 140 г. бить челомъ о болѣе льготномъ окладѣ. Они били челомъ, что «во многихъ городахъ» велѣно положить на четь по 12 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ (VII разрядъ), а въ сосѣднихъ съ ними Курмышскомъ и Алатырскомъ уѣздахъ — по 8 дворовъ, «а въ ихъ де городѣхъ въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ положили писцы въ живущее въ четверть по 2 двора крестьянскихъ да по 2 двора бобыльскихъ», и отъ такого тяжелаго оклада ихъ крестьяне стоятъ на правежѣ, а многіе разбѣжались. Государи, выслушавъ челобитья и доклада, указали положить Нижній и Арзамасъ противъ Курмыша и Алатыря. Особенностью этихъ городовъ было еще то, что

---

[1]) Ак. п. д., II, №№ 70, 81, 83 и 92, и III т., выписки 192 г. о живущей пашнѣ въ сошное письмо. Разница въ счетѣ городовъ зависитъ, кромѣ пропусковъ по ошибкѣ или небрежности, отъ того, что считать городомъ. См., напр., въ указахъ: «Алексинъ съ товарищи» и т. п.

[2]) Ак. п. д., II, № 113, и III т., выписки 192 года.

при недостачѣ крестьянскихъ дворовъ было велѣно класть за 1 дворъ крестьянскій по полтора бобыльскихъ [1]).

Намъ неизвѣстны доклады, по которымъ были даны первоначальные указы, но сохранившіеся доклады 138—139 гг. даютъ возможность судить, какъ были установлены описанныя выше нормы. Въ послѣднихъ докладахъ, какъ и въ другихъ источникахъ, мы не видимъ никакихъ подготовительныхъ работъ и матеріаловъ для объективнаго сужденія о тяжести налоговъ, о зажиточности и платежеспособности отдѣльныхъ городовъ, о томъ, какъ они раньше были положены въ тягло, и т. п. Все сводится къ усмотрѣнію, которое намъ уже хорошо извѣстно въ сошномъ письмѣ, но только въ худшей формѣ, въ видѣ совершенно произвольныхъ гаданій и произвольнаго приравненія одного города къ другому. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что первоначальные доклады были болѣе основательны и что первые указы основывались на какихъ-либо объективныхъ данныхъ. Дѣло въ томъ, что, когда они были вырабатываемы, писцовые отпуска переживали кризисъ, о которомъ я говорилъ выше. Писцовое дѣло уходило изъ рукъ четей, въ него вмѣшивались Стрѣлецкій и Ямской приказы, но правительство еще не рѣшалось передать его Помѣстному приказу. Послѣднему предшествовала, какъ я уже говорилъ, попытка поднять писцовое дѣло при помощи чрезвычайнаго приказа боярина кн. Г. П. Ромодановскаго съ товарищами. Въ этомъ чрезвычайномъ, совершенно несвѣдущемъ въ вопросахъ тягла приказѣ былъ, повидимому, выработанъ одинъ изъ важнѣйшихъ указовъ — указъ 131 года.

Разсмотримъ теперь доклады Помѣстнаго приказа.

Докладъ 19 марта 138 г. касается 69 городовъ [2]). Повидимому, онъ былъ вызванъ тѣмъ, что было необходимо пересмотрѣть и опредѣлить для новыхъ описаній нормы оклада. На это указываетъ заявленіе, которымъ начинается докладъ: «въ прошломъ во 133-мъ и во 135-мъ году посланы писцы въ разные города, а почему имъ крестьянъ и бобылей на живущую пашню на четь класть, и того не указано». Далѣе въ до-

---

[1]) Ак. п. д., II, № 113. Интересно отмѣтить, что приказные поняли этотъ указъ какъ уменьшеніе оклада на половину, что нельзя признать точнымъ. Они считали: $2+2=4$; $5+3=8$; $8:4=2$, т.-е. въ 2 раза легче. Между тѣмъ, слѣдовало считать такъ: $2+{}^{2}/_{2}=3$; $5+\frac{3}{1{,}5}=7$; $7:3=2^{1}/_{3}$. Приказный расчетъ былъ выгоднѣе для казны и имѣлъ то удобство, что упрощалъ всѣ вычисленія и изготовленіе новыхъ платежницъ.

[2]) Ак. п. д., II, № 70.

кладѣ перечислены города, съ поименнымъ указаніемъ посланныхъ въ нихъ писцовъ, и выписаны «на примѣръ» указы 131—136 годовъ. Въ заключеніе къ докладу присоединена челобитная псковичей. Никакихъ другихъ данныхъ въ докладѣ не приведено. Для большинства городовъ государи подтвердили старыя нормы, и ихъ указъ былъ размѣченъ подъ городами однимъ изъ дьяковъ Помѣстнаго приказа.

Описаніе Пскова было начато въ 131 г., а челобитная псковичей подана государямъ въ ноябрѣ 137 г., но только по докладу 19 марта 138 г. государи указали, какъ положить дворы во Псковѣ. Псковичи били челомъ всѣмъ городомъ, что отъ литовскаго и нѣмецкаго разоренья и русскихъ воровъ ихъ крестьяне разорены и побиты, а отъ многихъ осадъ у нихъ «хлѣбная дороговь». Псковъ стоитъ на рубежѣ, и отъ литовскихъ и нѣмецкихъ людей они испытываютъ постоянныя «обиды». «Да во Псковѣ-жъ, государи, и во Псковскомъ уѣздѣ передъ всѣми городами въ вашей государской вотчинѣ по вся годы бываетъ хлѣбной недородъ, и покупаемъ хлѣбъ дорогою цѣною, и отъ того, государи, крестьянишка оскудали». Церкви и монастыри сверхъ того указывали, что они платятъ отсыпной хлѣбъ. Челобитчики просили положить ихъ въ сошное письмо, для ихъ разоренія, порубежнаго мѣста и «нынѣшняго хлѣбнаго недорода», «противъ иныхъ своихъ государскихъ порубежныхъ разоренныхъ городовъ», какъ имъ, государямъ, «Богъ извѣститъ» [1]). Государи указали положить Псковъ по VII разряду.

Указъ государей 19 марта 138 г. не удовлетворилъ служилыхъ людей, и они начали подавать многочисленныя и настойчивыя челобитныя о болѣе легкомъ окладѣ. Намъ извѣстно 9 челобитныхъ въ подлинникахъ и 9 другихъ — въ изложеніи доклада 10 ноября 139 года. Въ общемъ онѣ довольно однообразны, но почти каждая содержитъ какую-нибудь интересную подробность.

На разоренье и на тяжелыя послѣдствія его жалуются всѣ города. Новторжцы пишутъ, что ихъ уѣздъ «разоренъ и вывоеванъ отъ литовскихъ людей и отъ казаковъ до основанья», деревни сожжены, а крестьяне побиты, а иные «отъ войны и отъ голода разбрелись въ украйные городы». Они де послѣ войны «ставили въ своихъ деревнишкахъ хоромишка вновь и называли бобылишковъ и давали имъ льготы лѣтъ на 10 и больше» [2]). Лучане писали, что «крестьяне ихъ

---

[1]) Ак. п. д., № 46.

[2]) Тамъ же, II, № 80, VII.

поселились вновѣ, подмогали де ихъ они ихъ государевымъ жалованьемъ, льгота имъ давана лѣтъ на 8, и на 10, и больше». На то же указывали торопчане и холмичи: «которые де крестьяне и бобыли въ ихъ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ поселилися вновѣ, послѣ разоренья приходили на старыя свои печища изъ Замосковныхъ городовъ и изъ-за Литовскаго рубежа, и тѣ крестьяне нынѣ живутъ за ними на льготѣ, а подмогают ихъ они государевымъ денежнымъ жалованьемъ»[1]). Зубчане писали: «которые, государи, у насъ, холопей вашихъ, остались отъ разоренья бобылишка, и тѣ кормятся Христовымъ именемъ, а иныхъ мы, холопи ваши, тѣмъ же вашимъ государскимъ жалованьемъ денежнымъ дѣлимся и подмогаемъ»[2]).

У пограничныхъ городовъ свои бѣды, не преходящія, какъ разоренье, а постоянныя, — у городовъ, смежныхъ съ Польшей и Литвой, «прелесть» и насилія зарубежныхъ сосѣдей, а у южныхъ городовъ татарскіе набѣги. Пусторжевцы писали, что писцамъ велѣно у нихъ положить на четь по 12 дворовъ, а въ Мещовскѣ и въ Медыни — по 20, а они де «также порубежные и разоренные люди», и просили: «не вели *(государь)* насъ отверстати въ платежѣ отъ Мещовска и Медыни для нашія бѣдности и разоренья, что-бъ наши бѣдные крестьянишка, кои призваны на льготу послѣ разоренья, за рубежъ въ Литву не разбрелися». Яркую картину своего тяжелаго положенія дали брянчане. Они писали, что сверхъ разоренья они постоянно терпятъ обиды и насилія отъ сосѣдства съ Литвой: «обаполъ всего Брянскаго уѣзда обошла Литовская земля, и крестьянишка, государь, наши до писцовъ и послѣ писцовъ, которые имены писаны въ писцовыхъ книгахъ, слыша прелесть литовскихъ людей, выбѣжали изъ-за насъ за рубежъ къ Литвѣ; а литовскіе люди прельщаютъ—людямъ и крестьянамъ нашимъ даютъ льготу на 15 лѣтъ, а инымъ на 20». Далѣе они писали, что литва сверхъ того дѣлаетъ на нихъ наѣзды и силой увозитъ крестьянъ съ ихъ имуществомъ, — «и отъ такой литовской тѣсноты и обиды иные де крестьяне наши бѣгаютъ изъ-за насъ въ твою государеву Комарицкую волость и въ иные украинные городы; и мы, холопы твои, служимъ твою государеву службу и сыти бываемъ только твоимъ государевымъ денежнымъ жалованьемъ, а не со крестьянъ своихъ».

---

[1]) Тамъ же, № 81.
[2]) Тамъ же, № 80, II.

У воронежцевъ и ливенцевъ другое больное мѣсто — татарскіе разбои. Воронежцы писали, что дозорщикъ В. Сараевъ (128—129 гг.) клалъ у нихъ на четь по 4 крестьянскихъ и бобыльскихъ двора, «называючи у насъ доброю землею», то-есть, имѣя въ виду хлѣбородный черноземъ Воронежскаго уѣзда, — «а Воронежъ, государь, городъ стоитъ на татарскихъ сакмахъ, и приходы, государь, къ нему бываютъ частые, приходятъ на лѣтѣ по дважды и по трижды и берутъ, государь, у насъ на пашняхъ и на покосахъ крестьянъ и бобылей, и женъ, и дѣтей и насъ, холопей твоихъ; и пуще, государь, намъ худыя земли». Почти дословно то же писали ливенцы [1]).

Указавъ на свое разоренье, челобитчики переходили къ просьбамъ, при чемъ нѣкоторые города указывали на тяжесть обложенія вообще и на особыя повинности, которыя имъ приходилось нести передъ другими городами. Большинство челобитчиковъ ограничивалось сравненіемъ своего города съ какимъ-либо другимъ и просьбой priверстать ихъ къ нему. Очень многихъ соблазнялъ Мещовскъ, въ которомъ было велѣно положить по 20 дворовъ на четь. Мосаличи писали, что въ Мещовскѣ и другихъ окраинныхъ разоренныхъ городахъ велѣно положить по 20 дворовъ на четь, «а Мосалескъ де ближе тѣхъ всѣхъ городовъ къ Литовскому рубежу и разоренъ до остатка», и просили положить ихъ «противъ тѣхъ разоренныхъ городовъ». Брянчане писали, что у нихъ велѣно положить по 4 двора на четь, «а Мещескъ де городъ и не столько близко рубежа, что Брянескъ, и земля брянской лучше, и по государеву де указу велѣно мещескимъ писцамъ класть въ четверть по 20 дворовъ». Рязанцы писали, что они платятъ ямскія и стрѣлецкія деньги въ рядъ съ Замосковными городами, а сверхъ того даютъ подводы подъ донскія посылки и сдѣлали большія городовыя и острожныя укрѣпленія, и просили положить ихъ въ тягло «по своему государеву разсмотрѣнью, какъ имъ, государямъ, объ нихъ Богъ извѣститъ», чтобы они не были разорены окончательно «и передъ Замосковными городы въ ихъ государевыхъ податяхъ поморены не были». Лихвинъ, Воротынскъ и Перемышль просили сравнять ихъ съ Мещовскомъ и другими городами, такъ какъ они съ ними «разореньемъ равны, и земля худа и лѣсомъ поросла». Калужане писали, что у нихъ велѣно положить на четь по 4 двора, «а Калуга де съ Мещескомъ и съ Медынью

---

[1]) Ак. п. д., II, № 80, IV, I, VI и VIII.

смежна, и первое де разоренье учинилось надъ Калугою, государю извѣстно, отъ королевичева прихода и отъ Саадачнаго взятья» [1]).

Для тѣхъ, кто считаетъ дворовую («живущую») четь особой окладной единицей, изложенныя выше челобитныя должны показаться большой неожиданностью. Служилые люди и монастыри вовсе не интересуются дворовой четью самой по себѣ, нигдѣ не касаются вопроса о привлеченіи или непривлеченіи въ тягло бобылей, торговыхъ и мастеровыхъ людей и бѣлопашцевъ, а видятъ въ дворовой чети одинъ изъ пріемовъ сошнаго оклада и больше всего интересуются, какъ тяжелъ будетъ окладъ. Такъ же на это смотрятъ государи и Помѣстный приказъ. Не собравъ никакихъ освѣдомительныхъ матеріаловъ и данныхъ относительно тяжести обложенія, они обращаютъ *все* вниманіе на то, къ какому городу приравнять тотъ или иной городъ. По ноябрьскому докладу 139 г. были удовлетворены всѣ челобитчики (11 городовъ) кромѣ Калуги, — калужане просили сравнять ихъ съ Мещовскомъ (по 20 дв. на четь), а по докладу ихъ велѣно положить противъ Замосковныхъ городовъ (по 7 дв. на четь). Въ январскомъ докладѣ того же года выписаны просьбы 32 городовъ сравнять ихъ съ Кашиномъ и другими городами (по 12 дв. на четь) и 4 городовъ, просившихъ сравнять ихъ съ Мещовскомъ. Государевъ указъ удовлетворилъ всѣхъ челобитчиковъ. Ливенцы, умѣрившіе, повидимому, свою просьбу, были положены противъ Кашина, а калужане, рязанцы и туляне, положенные въ ноябрѣ по ихъ челобитью противъ Замосковныхъ городовъ, получили вторую сбавку — у нихъ велѣно положить по 12 дв. на четь. Наконецъ, по апрѣльскому докладу того же года были удовлетворены просьбы 22 городовъ, изъ которыхъ одни просили положить ихъ «противъ Рязани», а другіе «противъ Бѣлоозера» [2]). Такъ, въ концѣ концовъ, осталось только 2 разряда — VII и VIII, а всѣ остальные были уничтожены.

Разсмотримъ теперь, какъ понимали писцы и какъ были примѣнены на дѣлѣ выработанныя такимъ образомъ нормы.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что нормы были выражены не въ однихъ крестьянскихъ или бобыльскихъ дворахъ, а въ комбинаціи тѣхъ и другихъ, при чемъ, при недостачѣ

---

[1]) Тамъ же, № 81.
[2]) Тамъ же, II, №№ 81, 83 и 92.

крестьянскихъ дворовъ, въ большинствѣ городовъ было велѣно класть по 2 двора бобыльскихъ за 1 крестьянскій, а въ пяти указанныхъ мною выше городахъ (въ Нижнемъ, Арзамасѣ, Курмышѣ, Алатырѣ и Мещерѣ)—по полтора двора бобыльскихъ за 1 крестьянскій. Очевидно, что правительство исходило изъ представленія объ относительномъ количествѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и думало такимъ образомъ облегчить вычисленіе окладовъ. Что это именно такъ и что въ такомъ способѣ выраженія нормъ не было иного, болѣе глубокаго смысла, можно видѣть изъ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нормы были выражены проще. Такъ, въ Заонежскихъ погостахъ по указу 140 г. было велѣно положить на выть по 15 дворовъ крестьянскихъ, а бобыльскіе дворы не класть въ живущее совсѣмъ. У Соли Вычегодской при описаніи 153—155 гг. на выть было указано положить безразлично по 5 дворовъ крестьянскихъ и половничьихъ. По первоначальнымъ указамъ (128—131 гг.) въ монастырскихъ вотчинахъ нѣкоторыхъ городовъ (I разрядъ) было велѣно положить на четь по 3 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ.

Какъ бы то ни было, но на дѣлѣ оказалось, что это не облегчало задачу писцовъ, а скорѣе затрудняло, тѣмъ болѣе, что при тогдашней ариѳметикѣ вычисленіе мелкихъ окладовъ было само по себѣ неудобно. Напр., получивъ норму въ 6 и 3 двора, писцы сразу наталкивались на такія дроби, которыя въ сошной ариѳметикѣ не употреблялись. Какъ положить вотчину, въ которой были 1 дв. крестьянскій и 1 бобыльскій? По расчету это—ровно $^1/_5$ чети, но такая дробь не употреблялась, и писцы подбирали изъ употребительныхъ дробей такую, которая больше всего приближалась къ ней. Впрочемъ, вообще говоря, писцовъ нельзя упрекнуть въ большомъ стремленіи къ точности. Наоборотъ, непривычка руководиться точными нормами и неспособность отвлекаться отъ особенностей отдѣльныхъ случаевъ, приводили къ тому, что на дѣлѣ указныя нормы примѣнялись весьма разнообразно. На это указываетъ одинъ изъ докладовъ 192 г. о живущей чети. Въ немъ сказано, что въ старыхъ писцовыхъ книгахъ живущее положено подворно, по указамъ 138—139 годовъ, а не по землѣ, «хотя буде за помѣщики и за вотчинники четвертная и малая дача; а съ пустыхъ дачъ и съ большихъ чети (*т.-е. съ большихъ владѣній*) въ живущее платежа не писали»... «А въ иныхъ статьяхъ тѣхъ же городовъ въ писцовыхъ книгахъ кладено не противъ того государева указа, больше и меньше, а для чего кладено

не ровно, того въ тѣхъ писцовыхъ книгахъ не написано»[1]). Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ мы видимъ такія вольности и отступленія отъ указовъ, которыя никакъ нельзя объяснить неумѣньемъ писцовъ обращаться съ дробями и неудобствами оклада, на которыя я указалъ.

Такъ, арзамасскіе писцы 129—136 гг. клали дворы въ живущее настолько неточно и произвольно, что я, ознакомившись съ ихъ книгами[2]), первое время былъ убѣжденъ, что въ Арзамасскомъ уѣздѣ дворовый окладъ не былъ примѣненъ. Только выписи этихъ писцовъ[3]) и другіе источники, просмотрѣнные позже, въ которыхъ мнѣ встрѣтились прямыя указанія на примѣненіе дворовой нормы — 2 дв. крестьянскихъ и 2 бобыльскихъ на четь—заставили измѣнить первоначальное мнѣніе. Послѣ этого при вторичномъ просмотрѣ книгъ я замѣтилъ, что кое-гдѣ боярщины были положены въ живущее дѣйствительно по указу, но это были такія рѣдкія исключенія, что вполнѣ простительно было упустить ихъ изъ вида. Напр., писцы приравниваютъ одной чети пашни — въ одномъ случаѣ 5 дв. крестьянскихъ и 5 бобыльскихъ, въ другомъ — 2 дв. крестьянскихъ и 4 бобыльскихъ, въ третьемъ — 1 дв. крестьянскій и 2 бобыльскихъ, въ четвертомъ — точно по указу 2 дв. крестьянскихъ и 2 бобыльскихъ, въ пятомъ — 1 дв. крестьянскій и 3 бобыльскихъ, въ шестомъ — 4 дв. крестьянскихъ[4]). Осьминѣ они приравниваютъ: 1 дв. бобыльскій, 1 дв. крестьянскій, 2 дв. бобыльскихъ, 2 дв. крестьянскихъ[5]). Двумъ четямъ писцы приравниваютъ: то 8 дв. бобыльскихъ, то 5 дв. крестьянскихъ и 3 бобыльскихъ, то 3 дв. крестьянскихъ и 4 бобыльскихъ, то 3 дв. крестьянскихъ и 3 дв. бобыльскихъ[6]). Иногда писцы кладутъ не по указу такое количество дворовъ, которое вполнѣ точно укладывалось въ данную имъ норму, напр., приравниваютъ 2 дв. крестьянскихъ и 2 бобыльскихъ $1^1/_2$ чети[7]).

---

1) Ак. п. д., III, Выписка о живущей пашнѣ въ сошное письмо.

2) Арх. М. Юст., Писц. кн. №№ 7040 и 7041. Это не подлинники, а списки, изготовленные, судя по дьячьей скрѣпѣ, для приправки переписчикамъ 154 г. Въ книгахъ встрѣчаются ошибки и несомнѣнныя описки.

3) Тотъ же архивъ, Грам. Кол. Эк., по Арзамасу №№ 24 и 25.

4) Писц. кн. № 7040, лл. 695, 444, 451 об., 455 об., 491 и 558 об.

5) Тамъ же, лл. 440 об., 454, 500 об., 460 об. и 446 об.

6) Тамъ же, лл. 435, 437, 439 и 478.

7) Тамъ же, л. 494 об.

Нѣкоторыя изъ этихъ вольностей, быть можетъ, объясняются ошибками и описками нашего списка съ подлинниковъ, но ту же неточность оклада мы видимъ и въ подлинной выписи, данной писцами въ 136 г. Спасскому монастырю[1]). По указу въ монастырскихъ земляхъ на четь было велѣно положить по 3 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, а писцы положили такъ:

	ДВОРОВЪ.		Положено четей.	Слѣдовало бы положить.
	крестьянскихъ.	бобыльскихъ.		
Посадская слободка Орѣховка.	—	40 [2])	$12^1/_2$	$13^1/_3$
Дрв. Поляна Мельничная	13	21	$9^1/_2$	$11^1/_3$
Дрв. Кириллово . .	14	6	0	10
Дрв. Березовая Поляна	7	—	2	$2^1/_3$
Дрв. Скарятина. . .	6	7	$8^1/_2$	11
Дрв. Чернуха. . . .	17	12	$7^1/_2$	$9^2/_3$
Всего . . .	77	96	50	$57^2/_3$

Писцы Алексинскаго уѣзда должны были класть на четь въ служилыхъ земляхъ по 8 дв. крестьянскихъ и по 4 бобыльскихъ. Въ общемъ, они гораздо точнѣе арзамасскихъ писцовъ, но иногда клали далеко не по указу. Такъ, по точному расчету крестьянскій дворъ слѣдовало приравнивать $^1/_{10}$ чети $(8+\frac{4}{2}=10)$, но такая дробь не употреблялась, и писцы клали его различно, напр. въ одномъ случаѣ приравняли пол-полтретнику, то есть $^1/_{12}$ чети. Бобыльскій дворъ слѣдовало приравнивать

[1]) Арх. М. Ю., Грам. Кол. Эк., по Арзамасу № 25.

[2]) 40 дворовъ бобыльскихъ, нищихъ и вдовьихъ. Въ концѣ выписи эти дворы названы крестьянскими: «а платити съ тое слободки крестьянамъ всякіе государевы доходы»...

$^1/_{20}$ чети, а писцы разъ кладутъ его въ пол-четверика ($^1/_{16}$), а въ другомъ случаѣ — въ пол-пол-четверика, то есть въ 2 раза легче[1]). А вотъ еще примѣры: 2 бобыльскихъ двора писцы кладутъ въ одномъ случаѣ въ пол-пол-третника ($^1/_{12}$), а въ другомъ въ четверикъ ($^1/_8$); 1 дв. крестьянскій и 2 бобыльскихъ въ одномъ случаѣ писцы приравниваютъ полутретнику ($^1/_6$), а въ другомъ полутору четверику ($^3/_{16}$); въ одномъ помѣстьѣ они кладутъ 3 четверика пашни на 2 дв. крестьянскихъ и на 3 бобыльскихъ, а въ другомъ — на 2 дв. крестьянскихъ и на 2 бобыльскихъ[2]). Подобныхъ примѣровъ изъ этихъ книгъ можно привести множество.

Такъ же неточно клали въ живущее и рязанскіе писцы К. С. Воронцовъ-Вельяминовъ съ товарищами, получившіе указъ, одинаковый съ алексинскими писцами[3]). Одинъ бобыльскій дворъ они послѣдовательно приравниваютъ получетверику (т.-е. $^1/_{16}$ чети, вмѣсто $^1/_{20}$), 2 бобыльскихъ двора — четверику, а 3 двора — полутору четверику, но въ помѣстьѣ В. Бутурлина по неизвѣстной причинѣ кладутъ 3 бобыльскихъ двора въ полутретникъ. Крестьянскій дворъ по указу слѣдовало приравнивать $^1/_{10}$ чети. Избѣгая эту дробь, писцы кладутъ его — въ одномъ случаѣ въ четверикъ безъ пол-пол-четверика, въ другомъ — въ четверикъ безъ пол-пол-пол-третника, въ третьихъ — въ четверикъ безъ пол-пол-пол-четверика. Если расчислить эти оклады на чети, то на четь придется то $10^2/_3$, то 12, то $9^1/_2$ крестьянскихъ дворовъ. Ариѳметика писцовъ дѣлается сложнѣе и мудренѣе, когда имъ приходилось класть въ живущее не отдѣльно крестьянскіе или бобыльскіе дворы, а тѣ и другіе вмѣстѣ. Еще въ тѣхъ случаяхъ, когда бобыльскихъ дворовъ было столько, что можно было, положивъ по 2 дв. бобыльскихъ за 1 крестьянскій, подогнать тѣ и другіе подъ норму, писцы выпутывались изъ бѣды, но очень часто это было невозможно, и тогда начинаются такіе фокусы, что нельзя ничего понять: за 1 дворъ крестьянскій у нихъ то приходится (по указу) по 2 бобыльскихъ, то по полтора

---

[1]) Въ послѣднемъ случаѣ писцы, можетъ быть, приняли во вниманіе то, что бобыль не имѣлъ своего двора и жилъ во дворѣ вотчинника. Это — возможно, но не было предусмотрѣно указами о дворовой чети.

[2]) Арх. М. Юст., Писц. кн. №№ 2 и 3. Подлинная книга за скрѣпой, вмѣсто писца, С. Панина. Размѣта листовъ въ обѣихъ книгахъ одна. Привожу указанія на листы въ томъ порядкѣ, въ которомъ изложены въ текстѣ выбранные случаи: лл. 439, 818, 445, 816, 407, 433 об., 394, 385 и 416 об.

[3]) Писцовыя книги Рязанскаго края, I т. Рязань. 1898 г.

бобыльскихъ, а иногда крестьянскій дворъ оказывается равнымъ бобыльскому[1]).

Ярославскіе писцы Ив. Головинъ и подьячій Н. Ѳедоровъ могутъ быть примѣромъ такихъ писцовъ, которые довольно точно придерживались даннаго имъ указа. Почти всѣ неточности ихъ оклада, судя по выписи, данной ими на вотчину Спасскаго монастыря[2]), объяснимы невозможностью соблюдать всегда, въ предѣлахъ тогдашней ариѳметики, данную имъ норму. Въ одномъ случаѣ они сдѣлали очень интересное отступленіе отъ указа. По указамъ дворы торговыхъ, ремесленныхъ и рукодѣльныхъ людей слѣдовало класть наравнѣ съ бобыльскими дворами. Такъ и поступали нѣкоторые писцы, напр. арзамасскіе и рязанскіе, но ярославскіе придерживались въ этомъ вопросѣ старины, а не указа, и положили дворы посадской слободки Спасскаго монастыря разъ въ 10 тяжелѣе, чѣмъ слѣдовало по указу[3]).

Цѣнное указаніе на то, что нѣкоторые писцы не могли или не находили нужнымъ отрѣшиться отъ старыхъ пріемовъ и усмотрѣнія, мы находимъ въ приговорѣ бѣлозерскихъ властей, помѣщиковъ и вотчинниковъ. Къ сожалѣнію, приговоръ обрывается на самомъ интересномъ мѣстѣ. Бѣлозерцы выбрали изъ своей среды Гр. Рыкунова хлопотать передъ государями объ утвержденіи новыхъ писцовыхъ книгъ и писали въ приговорѣ, что писцы «положили въ четверть крестьянъ и бобылей по 15, а охудалыхъ и по 20»[4]). На этомъ приговоръ обрывается, но все-таки указаніе на то, что писцы при окладѣ считались съ качествомъ дворовъ, что не было предусмотрѣно указами, совершенно ясно.

Подводя итогъ вышеизложенному, можно сказать такъ. Нѣкоторая часть неточностей оклада зависѣла отъ затруднительности или полной невозможности примѣнить нормы указовъ точно при помощи принятой тогда сошной ариѳметики. Нѣкоторая часть неточностей можетъ быть

---

[1]) Тамъ же, стран. 494, 500—502, 510, 511, 513, 515, 517, 518, 524, 527, 573, 632 и 675; 526, 573, 632 и 675; 630; 507, 567, 607, 612, 633 и 679; 689 и 690. Случай на стран. 567 показываетъ, что писцы нетвердо знали сошную ариѳметику, именно «сводъ костей». Они пишутъ: «четверикъ безъ пол-пол-пол-третника», тогда какъ, «сведя» эти двѣ дроби, гораздо проще было сказать: «пол-пол-третникъ».

[2]) Акты Ярославск. Спасскаго монастыря, изд. А. Титовымъ, III вып., стран. 1—85.

[3]) Тамъ же, стран. 85.

[4]) Ак. п. д., №№ 75 и 76. По указу имъ было велѣно класть на четь по 12 дворовъ крестьянскихъ и по 8 бобыльскихъ.

объяснена небрежностью и невѣжествомъ писцовъ. Наконецъ, немалая часть неточностей и прямыхъ отступленій не можетъ быть объяснена этими двумя причинами, а была вызвана скрытыми, большею частью, отъ насъ обстоятельствами и соображеніями, которыми руководились писцы. Въ однихъ случаяхъ это могла быть старина, которой придерживались писцы, въ другихъ — заполненіе пробѣловъ указовъ[1]), въ третьихъ, наиболѣе, кажется, частыхъ — это были привычные взгляды и пріемы стараго сошнаго оклада, по усмотрѣнію писцовъ и глядя по дѣлу.

Ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ докладовъ и указовъ о дворовой чети не говоритъ ни слова объ однодворцахъ. Судя по двумъ невершеннымъ докладамъ 192 г. «о живущей пашнѣ въ сошное письмо»[2]), этотъ пробѣлъ не былъ заполненъ и позже. У однодворцевъ нѣтъ ни крестьянскихъ, ни бобыльскихъ, ни торговыхъ, ни ремесленныхъ людей дворовъ, — слѣдовательно у нихъ некого класть дворами въ живущее. Такъ вытекаетъ изъ молчанія указовъ по нашей логикѣ, но не такъ было на дѣлѣ. Писцы, сталкиваясь съ вопросомъ объ однодворцахъ' поступали различно: одни придерживались старины и положили ихъ въ тягло противъ прежняго, другіе поняли молчаніе указовъ какъ освобожденіе однодворцевъ отъ тягла, а третьи не рѣшились поступить такъ или иначе и просили указа у государей. Такъ, въ платежницѣ съ писцовыхъ книгъ рязанскихъ писцовъ К. С. Воронцова-Вельяминова съ товарищами сказано опредѣленно: «а однодворцы въ живущую пашню не кладены»[3]). Наоборотъ, писцы Нижняго и Арзамаса положили, очевидно по старинѣ, однодворцевъ въ тягло. Дворяне этихъ городовъ, въ челобитной объ уменьшеніи ихъ окладовъ, писали, что у нихъ писцы «на однодворцевъ дѣтей боярскихъ клали въ живущее по полуосьминѣ, за кѣмъ и крестьянъ нѣтъ»[4]). Это подтверждается писцовыми книгами Арзамасскаго уѣзда, въ которыхъ мы видимъ немало боярщинъ, положенныхъ въ сошное тягло, хотя въ нихъ были только помѣщиковы дворы[5]). Выше я говорилъ, что по этому челобитью государи указали положить эти 2 города противъ Курмыша и что Помѣст-

[1]) См. ниже объ однодворцахъ.

[2]) Ак. п. д., III т.

[3]) Арх. М. Юст., Писц. кн. № 409, л. 143 об.

[4]) Ак. п. д., II, № 113.

[5]) Арх. М. Юст., Писц. кн. № 7040, лл. 493 об., 498 об., 547, 548, 605 об., 606 и другіе.

ный приказъ, чтобы упростить свою задачу, истолковалъ указъ государей какъ уменьшеніе всѣхъ окладовъ вдвое [1]). Такимъ образомъ и послѣ этого однодворцы остались въ тяглѣ.

Въ платежницахъ Ряжскаго, Данковскаго и Лебедянскаго уѣздовъ сказано, что писцы положили въ тягло крестьянъ и бобылей «противъ государева указа, какова прислана память къ писцамъ изъ Помѣстнаго приказа»... «а про однодворцевъ про помѣщиковъ въ той памяти не указано, платить имъ или нѣтъ въ сошное письмо». Тогда писцы изготовили объ этомъ докладъ государямъ и подали его въ Помѣстномъ приказѣ, а въ докладѣ писали, что «на однодворцевъ помѣщиковъ прежъ сего въ Ряжкѣ и на Лебедяни живущая пашня была на человѣка по четверику, и по полуосьминѣ, и больше». По неизвѣстной причинѣ «окольничій и дьяки (*Помѣстнаго приказа*) ряжскимъ и лебедянскимъ писцамъ указа по тому докладу про однодворцевъ не учинили», и писцы оставили ихъ въ платежницахъ въ тяглѣ, замѣчая, что они «на однодворцевъ сошнаго письма не смѣли не положить, потому что они прежъ сего въ сошномъ письмѣ были-жъ, а положили на однодворцевъ сошнаго письма до государева указа, какъ бы имъ, однодворцамъ, (въ) сошное письмо платить, на человѣка по четверику, и по получетверику, и меньше» [2]).

Такимъ образомъ, помимо указовъ одворовой чети и рядомъ съ этими указами нѣкоторые служилые люди оказались положенными въ живущее совершенно по старымъ пріемамъ — по усмотрѣнію писцовъ [3]).

По всѣмъ извѣстнымъ намъ указамъ дворы торговыхъ и мастеровыхъ людей и бѣлопашцевъ было велѣно класть въ тягло наравнѣ съ бобыльскими дворами, то есть, считая дворъ этихъ людей равнымъ бобыльскому. Кто такое бѣлопашцы, мнѣ неизвѣстно, и я считалъ возможнымъ обойти эту подробность, хотядумаю, что она заслуживаетъ изслѣдованія. Что касается торговыхъ и мастеровыхъ людей, то они подлежали тяглу и раньше, по своимъ силамъ, а теперь ихъ дворы были приравнены бобыльскимъ. Чтобы выяснить, какіе результаты дало это на дѣлѣ, нужно особое изслѣдованіе по сохранившимся писцовымъ книгамъ, такъ какъ другіе источники, напр. доклады и указы

---

[1]) См. выше, стран. 491.

[2]) Арх. М. Юст., Писц. кн. № 409, л. 281.

[3]) Срав. съ этимъ то, что было сказано выше (стран. 418—421) о тяглѣ монастырской запашки.

о дворовой чети, этого вопроса совершенно не освѣщаютъ и не касаются, считая его, очевидно, мелочью.

Разсмотримъ теперь извѣстные намъ доклады государю о примѣненіи двороваго оклада въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Въ 135 г. писцы Шелонской пятины кн. В. Волконскій и подьячій В. Андреевъ и Бѣжецкой пятины Иг. Харламовъ и подьячій Ѳ. Трегубовъ подали въ Помѣстный приказъ перечневыя росписи своего письма, въ которыхъ писали, что въ живущее до государева указа они не положили [1]). Очевидно, что писцы не получили въ наказахъ указа о дворовомъ окладѣ, а положить въ живущее по своему усмотрѣнію не рѣшились. По этимъ росписямъ Помѣстный приказъ изготовилъ государямъ докладъ, въ которомъ послѣ изложенія писцовыхъ перечней выписалъ «на примѣръ» указы 131—134 гг. о дворовой чети въ разныхъ городахъ и предлагалъ помѣстныя и вотчинныя земли обѣихъ пятинъ положить «противъ Московскаго уѣзда» — по 12 дв. крестьянскихъ и 8 бобыльскихъ на четь, а митрополичьи и монастырскія — «противъ Коломны и иныхъ городовъ» (2-й статьи), то есть по 3 дв. крестьянскихъ и по 2 бобыльскихъ на четь. Одновременно Помѣстный приказъ произвелъ примѣрный расчетъ, сколько будетъ въ живущемъ, если принять эти нормы [2]), и отмѣчалъ, что, за окладомъ по нормамъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, остается въ лишкѣ много бобыльскихъ, — «а противъ указа къ тѣмъ бобыльскимъ дворамъ крестьянскихъ дворовъ нѣтъ». Ссылаясь на указъ государей (135 г.) нижегородскимъ писцамъ, по которому было велѣно считать 2 двора бобыльскихъ за 1 крестьянскій, докладъ предлагалъ въ служилыхъ земляхъ положить на четь по 32 двора бобыльскихъ ($12 \times 2 + 8 = 32$), а въ митрополичьихъ и монастырскихъ по 8 дворовъ ($3 \times 2 + 2 = 8$). Почему Помѣстный приказъ остановился изъ всѣхъ «примѣрныхъ» городовъ на указанныхъ выше и считалъ желательнымъ обложить монастырскія земли въ 4 раза тяжелѣе служилыхъ, въ докладѣ не объяснено.

Дѣло было доложено государямъ 9 августа 135 г., и государи указали положить въ живущее не такъ, какъ предлагалъ Помѣстный

---

[1]) Ак. п. д., II, № 2.

[2]) Расчетъ излишнихъ бобыльскихъ дворовъ неясенъ. Не видно, противъ чего онъ грѣшитъ, противъ ли правилъ ариѳметики, или противъ логики. Оклады живущаго на одни бобыльскіе дворы вычислены довольно точно.

приказъ. Именно, въ Бѣжецкой пятинѣ велѣно было положить «противъ Московскаго уѣзда», по VIII разряду, а въ Шелонской пятинѣ — по VII разряду[1]), а при недостаткѣ крестьянскихъ дворовъ класть по 2 бобыльскихъ за 1 крестьянскій. Почему государи нашли нужнымъ приравнять эти пятины VII и VIII разрядамъ, въ указѣ не объяснено. Только въ черновикѣ памяти писцамъ Бѣжецкой пятины сказано, что она приравнена Московскому уѣзду «для разоренья»[2]).

Очень интересно дѣло Вяжицкаго монастыря. Въ 136—137 гг. по наказу изъ Новгородской чети Н. Панинъ и подьячій С. Копыловъ описали половину Заонежья и въ томъ числѣ вотчину Вяжицкаго монастыря. Въ наказѣ имъ о положеніи въ живущее были даны обычныя старыя предписанія[3]), которыя писцы и исполнили. Тогда власти монастыря подали въ началѣ 139 г. государямъ челобитную съ просьбой облегчить писцовый окладъ и положенные ими оброки. Челобитчики писали, что писцы положили на крестьянъ 115 съ лишнимъ вытей и тяжелыя подати, — «и въ томъ, государи, числѣ они писали старыхъ и увѣчныхъ и малыхъ ребятъ, и по тому, государи, ихъ письму на четь и по одному крестьянину тяглецовъ не будетъ. И тѣмъ, государи, они своимъ письмомъ и дорогимъ окладомъ монастырскую вотчину хотятъ вконецъ погубить; а та, государи, Вяжицкаго монастыря вотчина стала близко Нѣмецкаго рубежа, и людишка воеванные и разоренные». Власти просили положить ихъ вотчину въ живущее «противъ иныхъ городовъ». Во второй челобитной, поданной 4 мѣсяца спустя (7 января), власти писали, что писцы положили ихъ вотчину «безмѣрно тяжело, не противъ иныхъ мѣстъ», и просили сравнять Вяжицкую вотчину съ митрополичьими, — «послѣ, государь, ихъ (*т.-е. новыхъ писцовъ*) письма по твоему государеву указу и по челобитью богомольца твоего государева Новгородскаго митрополита Кипріана Софійская вотчина въ окладѣ полегчена, а наша, государь, Никольская вотчина конечно пустѣетъ отъ тяжелаго оклада». По первой челобитной государь «велѣлъ въ томъ учинить указъ въ правду по уложенью, а будетъ за чѣмъ нельзя, и о томъ велѣлъ доложить себя государя»[4]). Въ дѣйствитель-

---

1) Разряды см. выше, на стран. 489.

2) Ак. п. д., II, № 5. Перечневыя росписи писцовъ — тамъ же, № 2. Цифры обоихъ актовъ тщательно провѣрены по подлинникамъ.

3) Тамъ же, № 29.

4) Тамъ же, № 79, I.

ности, насколько мнѣ извѣстно, въ это время «уложенья» относительно Заонежскихъ погостовъ не было, а съ докладомъ дьяки Новгородской чети не спѣшили. По второй челобитной государь пожаловалъ челобитчиковъ болѣе опредѣленно и велѣлъ положить Вяжицкую вотчину противъ Софійскихъ вотчинъ[1]).

Новгородская четь не спѣшила и только черезъ мѣсяцъ послѣ второй челобитной (11 февраля) заслушала докладъ, составленный по помѣтѣ на первой челобитной. Зато докладъ чети, не въ примѣръ докладамъ Помѣстнаго приказа, былъ составленъ основательно и содержитъ подробное сравненіе данныхъ дозорныхъ книгъ 125—127 гг., которыя служили писцамъ для приправки, съ данными новаго описанія. По новому описанію въ вотчинѣ было 470 дворовъ крестьянскихъ и 105 бобыльскихъ, пашни доброй земли паханой и наѣзжей $115^5/_{32}$ выти, а «сошнаго письма 2 сохи безъ пол-пол-пол-трети и четверть съ осьминою и пол-пол-третника пашни», «а положено четвертныя пашни паханыя на живущія, а перелога на пустыя выти по государеву указу на выть по 10 чети, а въ соху по 600 чети». Писцы положили Вяжицкую вотчину въ выти и въ сохи не дворами, но четь, желая оріентироваться, произвела въ докладѣ вычисленіе: «имется въ той монастырской вотчинѣ по Никитину письму Панина на живущую выть пашни по 4 двора съ полудворомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ»[2]). Далѣе въ докладѣ были вычислены подати, которыя должна была платить вотчина по новому описанію, а затѣмъ произведено сравненіе съ прежнимъ. По дозору 125—127 гг. было 266 дворовъ крестьянскихъ и 84 двора бобыльскихъ, а пашни доброй земли 30 вытей безъ пол-пол-чети выти. На выть было положено по 10 четей, а въ соху по 800 четей. «А по скольку дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ положено было на выть, и того въ приправочныхъ книгахъ не написано, а имется по приправочнымъ книгамъ въ той въ монастырской вотчинѣ по 10 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ»[3]). «По платежнымъ отписямъ»,

[1]) Тамъ же, № 79, II.

[2]) Интересно отмѣтить, какъ сдѣлано это вычисленіе. Очевидно, что составители доклада считали за 1 дв. крестьянскій по 2 бобыльскихъ, и у нихъ получилось: $470+\frac{105}{2}=522^1/_2$; $522^1/_2:115^5/_{32}=4^1/_2$ съ очень небольшимъ излишкомъ.

[3]) И этотъ расчетъ сдѣланъ, кладя по 2 двора бобыльскихъ за 1 крестьянскій. Правильнѣе, конечно, было бы сказать, что на выть приходится по 10 дворовъ крестьянскихъ или по 20 бобыльскихъ, а не по 10 крестьянскихъ и бобыльскихъ.

то есть такъ, какъ платила вотчина наканунѣ описанія, въ живущемъ было нѣсколько больше, именно $31^7/_8$ выти. Очевидно, окладъ дозора увеличился тѣми вытями, которыя вышли изо льготы послѣ него.

Изъ этого можно видѣть, что писцы «порадѣли» и положили вотчину въ тягло много тяжелѣе и притомъ въ двухъ отношеніяхъ: по дозору на выть приходилось въ среднемъ по 10 дворовъ, а по окладу писцовъ — по $4^1/_2$ двора; раньше въ соху было положено 800 четей доброй земли, а писцы положили по наказу 600 четей.

Далѣе въ докладѣ были выписаны прежніе и новые платежи вотчины и вычислено, сколько по новому описанію прибыло «изъ пуста въ живущее» сравнительно съ дозоромъ: «погостъ, да 21 деревня, 9 пустошей, а въ живущихъ въ старыхъ и въ новоприбылыхъ деревняхъ прибыло 204 двора крестьянскихъ, людей 367 человѣкъ, 21 дворъ бобыльскихъ»... и т. д. Затѣмъ была приведена слѣдующая справка относительно Софійскихъ вотчинъ: въ 138 г. по челобитью Новгородскаго митрополита Новгородская четь запрашивала Помѣстный приказъ, «сколько Новгородскаго митрополита въ вотчинѣ въ Шелонской пятинѣ написано сошнаго письма и вытей, и почему въ соху и въ выти чети добрыя и середнія и худыя земли, и по скольку дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ кладено въ соху и на выть и на четь пашни, и дворами-ль кладено или людьми, и почему съ сохи и съ выти и съ четверти пашни какихъ государевыхъ доходовъ написано?» На этотъ запросъ Помѣстный приказъ отвѣтилъ коротко, что по указу 135 г. въ Софійскихъ вотчинахъ велѣно положить на четь по 6 дв. крестьянскихъ и по 3 бобыльскихъ, а при недостачѣ первыхъ класть за 1 дв. крестьянскій по 2 бобыльскихъ. На основаніи этого отвѣта въ докладѣ было вычислено, сколько будетъ въ Вяжицкой вотчинѣ, если къ ней примѣнить эту норму: «будетъ въ живущемъ 13 вытей съ получетью и пол-пол-пол-четь выти, на выть по 60 человѣкъ крестьянъ да по 30 человѣкъ бобылей»[1]). Характерно, что составители доклада вслѣдъ за этимъ вычислили, сколько будетъ живущаго, если Вяжицкую вотчину положить не по указу государя

---

[1]) Что на выть въ 10 четей приходится по 60 и 30 дворовъ, это — вѣрно, но вычисленіе вытнаго оклада фантастично и совершенно непонятно. На выть приходилось $60+{}^{30}/_2$, т.-е. 75 крестьянскихъ дворовъ. Въ вотчинѣ было $470+\frac{105}{2}$, т.-е. $522^1/_2$ крестьянскихъ двора. Слѣдовательно—около 7 вытей. Дальнѣйшее содержаніе доклада и рѣшеніе по нему Новгородской чети даютъ основаніе предполагать, что эта «ошибка» сдѣлана, быть можетъ, не безъ умысла.

(противъ Софійскихъ вотчинъ), а противъ того, какъ пришлось въ среднемъ на выть дворовъ по дозору 125 г.: «А только государь... и отецъ его государевъ...... укажутъ нынѣ положить въ вотчинѣ Николы чудотворца Вяжицкаго монастыря въ живущее противъ прежняго письма П. Воейкова да дьяка Ив. Льговскаго *(125 г.)*, какъ нялось по ихъ письму и мѣрѣ, на выть по 10 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, и того будетъ въ той Никольской вотчинѣ въ живущемъ 62 выти съ четью»[1]).

Въ такомъ видѣ докладъ былъ заслушанъ 11 февраля дьяками Новгородской чети. По второй челобитной государь указалъ положить Вяжицкую вотчину въ живущее противъ Софійскихъ вотчинъ, но дьяки сдѣлали попытку не примѣнять этого невыгоднаго для казны указа. Выслушавъ докладъ, они приговорили вытный и сошный оклады писцовъ отставить, «что они *(т.-е. писцы)* положили въ сошное письмо тяжело, что имъ *(т.-е. тяглецамъ)* въ томъ не устоять». Признавъ писцовый окладъ непосильнымъ, дьяки приговорили платить вотчинѣ по старому окладу, а непримѣненіе государева указа (по 6 и 3 двора на четь) обосновывали тѣмъ, что «противъ прежняго письма *(т.-е. дозора 125 г.)* въ той вотчинѣ въ вытяхъ была бы убыль», тогда какъ «передъ прежнимъ письмомъ крестьянъ и бобылей у нихъ прибыло; и для того у нихъ изъ прежняго письма изъ живущ(аго) вытей не убавлено». Къ этому обоснованію въ приговорѣ прибавлено другое, еще болѣе вѣское: «да и Вяжицкаго монастыря старецъ Ефремъ, которой у нихъ челобитчикъ, билъ челомъ о томъ, что-бъ имъ быть въ прежнемъ въ тяглѣ»[2]). Дьяки находили, что нѣтъ надобности примѣнять указъ государя и уступать, если сами челобитчики не настаивали на этомъ.

Очевидно, монастырскій челобитчикъ сначала былъ доволенъ тѣмъ, что удалось отдѣлаться отъ оклада писцовъ (115 съ лишнимъ вытей), и, не надѣясь на бо́льшее, видѣлъ большое облегченіе въ томъ, чтобы платить по-старому (32 выти безъ получети), но большія уступки, сдѣланныя правительствомъ наканунѣ Смоленской войны другимъ городамъ, побудили его просить бо́льшаго. Черезъ 2 мѣсяца (6 марта) онъ подалъ государямъ третью челобитную, въ которой просилъ положить

---

[1]) Опять непонятная выкладка. Если считать всѣ дворы одинаково, то будетъ $(470+105) : 10 = 57^1/_2$ вытей. Если класть за 1 дв. крестьянскій по 2 бобыльскихъ, то будетъ $52^1/_4$ выти.

[2]) Ак. п. д., II, № 79, III.

ихъ вотчину противъ Софійскихъ вотчинъ и «противо иныхъ городовъ». Государь у себя «въ комнатѣ» указалъ удовлетворить челобитчиковъ, но Новгородская четь и послѣ этого не сразу исполнила государевъ указъ. Дьякъ Дем. Образцовъ еще разъ доложилъ дѣло государю, «у Рождества Пречистыя Богородицы, что на сѣнѣхъ, на обѣднѣ на праздникъ Пречистыя Богородицы Ѳедоровскія» (14 марта), и государь еще разъ подтвердилъ свой указъ. Послѣ этого Новгородская четь примѣнила, наконецъ, государевъ указъ въ томъ видѣ, какъ было вычислено въ докладѣ, то есть велѣла платить съ 13 вытей съ получетью и съ пол-пол-пол-чети выти[1]).

Дѣло этимъ, однако, не кончилось. Новгородская четь послала въ В. Новгородъ грамоту къ воеводамъ о взиманіи всякихъ податей съ указаннаго оклада, но платежница съ писцовыхъ книгъ Н. Панина еще не была сдѣлана. Когда же писцы въ 140 или 141-мъ году стали дѣлать платежницу, то они, руководясь государевымъ указомъ, положили Вяжицкую вотчину иначе, именно въ пол-чети сохи и въ 13 четей пашни[2]), то есть довольно точно, если сдѣлать переводъ вытей въ сохи противъ средней и худой земли. Послѣднее слѣдуетъ отмѣтить, такъ какъ указъ государей о приравненіи Вяжицкой вотчины Софійскимъ вотчинамъ не предусматривалъ качества земли, а говорилъ, какъ большинство указовъ о дворовой чети, только о доброй землѣ. Между тѣмъ, писцы для оклада черныхъ крестьянъ получили предписаніе класть на выть по 15 крестьянскихъ дворовъ, считать на выть доброй земли 12 четей, средней — 14 четей, а худой — 16 четей, «а въ сошное письмо положить противъ вытей», то есть считать въ соху доброй земли по 800 четей, средней — по 1000, а худой — по 1200 четей[3]). Очевидно, что писцы цѣликомъ примѣнили это предписаніе къ окладу и монастырскихъ вотчинъ, только клали на выть по 10—12—14 четей, а въ соху по 600—700—800 четей.

Такимъ образомъ, послѣ попытки писцовъ положить такой окладъ, при которомъ на выть приходилось въ среднемъ по $4^1/_2$ двора, послѣ попытки приказа удержать старый окладъ, при чемъ на выть пришлось бы около 17 дворовъ, въ концѣ концовъ вотчина была положена по нормѣ 60 дв. крестьянскихъ и 30 дв. бобыльскихъ на выть. На этотъ торгъ

---

[1]) Ак. п. д., II, № 79, IV.

[2]) Тамъ же, № 96 (стран. 220).

[3]) Тамъ же.

писцовъ и приказа съ монастыремъ ушло болѣе двухъ лѣтъ, если считать, что онъ начался въ сентябрѣ 139 г., когда власти подали первую челобитную. А между тѣмъ время для подобнаго торга было весьма неблагопріятное.

Разсмотрѣнный нами случай интересенъ не только своими подробностями, выясняющими отношеніе дворовой чети къ выти и сохѣ, но и тѣмъ, что ярко освѣщаетъ приказныя привычки и обстановку, при которыхъ произошло примѣненіе на дѣлѣ окончательныхъ указовъ о дворовомъ окладѣ[1]). Правительство медлило и оттягивало примѣненіе невыгодныхъ для казны указовъ и довело дѣло до того, что въ концѣ концовъ было вынуждено примѣнить ихъ наспѣхъ въ очень неблагопріятное время. Вѣдь еще можно было торговаться съ Вяжицкимъ монастыремъ или оттягивать утвержденіе новыхъ описаній вотчинъ такого богатаго монастыря какъ Кирилловъ [2]),но нельзя было такъ относиться къ служилымъ людямъ, на которыхъ война возлагала тяжелыя личныя и матеріальныя жертвы. Это было тѣмъ болѣе неудобно, что вредило самому же правительству въ сборѣ налоговъ, когда для войны пришлось повышать оклады постоянныхъ налоговъ и устанавливать чрезвычайные.

Теперь, когда мы знаемъ важнѣйшіе факты относительно дворовой чети, слѣдуетъ попытаться выяснить причины и значеніе этой реформы. Изслѣдованіе привело меня къ такимъ выводамъ. Дворовыя соха, выть и четь, то есть приравненіе этихъ единицъ тому или иному количеству дворовъ, чтобы опредѣлить окладъ живущаго, съ котораго слѣдовало нести тягло, есть техническій пріемъ положенія людей въ тягло. Этотъ пріемъ, употреблявшійся иногда еще въ XVI вѣкѣ, въ 20—30-хъ годахъ былъ распространенъ какъ общее правило на земли служилыхъ людей и на тѣ монастырскія и церковныя, которыя находились въ уѣздахъ служилаго землевладѣнія, а въ видѣ исключенія и на дворцовыя и черныя земли. Онъ былъ употребленъ не для того, чтобы впослѣдствіи перейти, черезъ него или иными путями, отъ посошнаго обложенія къ подворному, а какъ разъ напротивъ — чтобы обновить и сохранить разрушавшееся сошное письмо. Весь вопросъ сводится, такимъ обра-

[1]) См. выше, стран. 214 и далѣе.

[2]) Описаніе Бѣлозерскихъ вотчинъ этого монастыря было утверждено окончательно только въ 152 году. См. выше, стран. 165.

зомъ, къ слѣдующему: почему этотъ пріемъ, примѣнявшійся ранѣе къ уѣзднымъ людямъ въ видѣ исключенія, теперь сталъ для оклада частновладѣльческихъ земель общимъ правиломъ?

Главную причину этого я вижу въ упадкѣ сошнаго письма (стараго оклада) вообще и въ полномъ разрушеніи его послѣ Смуты въ частновладѣльческихъ земляхъ въ особенности. Когда служилое землевладѣніе разрушило волость съ ея хозяйствомъ и мірской раскладкой податей и повинностей и отдѣлило писцовъ отъ непосредственныхъ сношеній съ тяглецами, то писцовый сошный окладъ, право писцовъ опредѣлять по своему усмотрѣнію посильные оклады, выродился въ безпочвенный произволъ. Трудная задача обложенія людей «по силамъ» стала писцамъ и приказамъ не по силамъ, стала невыгодной для казны вслѣдствіе злоупотребленій и безпомощности писцовъ и раздражала служилыхъ людей безпочвенностью писцоваго усмотрѣнія. При такихъ условіяхъ было естественно схватиться за какое-нибудь объективное, хотя бы и болѣе грубое, основаніе оклада, чтобы ограничить произволъ писцовъ, лишить частныхъ землевладѣльцевъ основаній жаловаться и считать себя обиженными и получить въ руки надежное средство оклада. Все это было тѣмъ болѣе желательно и возможно, что подъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ, о которыхъ я много говорилъ выше, въ обложеніи частновладѣльческихъ земель прежнія мѣстныя особенности очень значительно сгладились и въ общемъ установилось значительное однообразіе. Однообразіе въ обложеніи дѣлало легко сравнимыми для облагаемыхъ ошибки и неправильности писцоваго и приказнаго оклада и создавало почву для болѣе однообразныхъ пріемовъ оклада, то есть дѣлало ихъ не только желательными, но и возможными.

Такимъ объективнымъ основаніемъ оклада былъ взятъ старый, привычный приказнымъ и населенію признакъ — дворъ. Принявши дворъ за объективную основу оклада, приказные одновременно сохранили другія стороны сошнаго письма — четвертную нормировку сохъ и вытей, одабриванье земель и нѣкоторые другіе пріемы. Отчасти поэтому, а отчасти вслѣдствіе косности и неумѣлости писцовъ и приказныхъ дворъ вовсе не сталъ исключительной и вполнѣ объективной основой оклада, и дворовый окладъ вошелъ въ сочетаніе, подчасъ прихотливое, съ другими сторонами стараго сошнаго письма. Такимъ образомъ, можно сказать, что указы 128—140 гг. о дворовой чети имѣютъ прежде всего фискально-техническое значеніе.

Этимъ, конечно, не исчерпывается все значенiе изслѣдуемыхъ указовъ. Въ исторiи налоговъ всѣхъ странъ можно весьма нерѣдко наблюдать, что чисто техническiя реформы вызывали крупныя, иногда совершенно неожиданныя послѣдствiя въ различныхъ сторонахъ государственной и народной жизни. На нѣкоторыя слѣдствiя изслѣдуемой реформы я уже указывалъ.

Преднамѣреннымъ, несомнѣнно, результатомъ реформы было болѣе тяжелое, чѣмъ раньше, обложенiе властелинскихъ, монастырскихъ и церковныхъ земель. По указамъ 128—140 гг. онѣ оказались обложенными тяжелѣе въ двухъ отношенiяхъ: въ нихъ попрежнему клали на соху 600 четей, а не 800, какъ въ служилыхъ земляхъ, а во-вторыхъ, на четь было положено меньше дворовъ, чѣмъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ. Сказать точно, въ какой мѣрѣ увеличилась тяжесть обложенiя этихъ владѣнiй, нельзя, такъ какъ указы на дѣлѣ были примѣнены, какъ мы уже знаемъ, весьма различно.

Дворовая четь вовсе не была переходомъ, хотя бы смягченнымъ, къ подворному обложенiю, но когда она была примѣнена, то изо дня въ день прiучала приказныхъ и населенiе къ мысли, что возможно и при извѣстныхъ условiяхъ вполнѣ удобно соразмѣрять тягло и класть его на людей не по силамъ, а подворно. Это было непреднамѣренное слѣдствiе реформы. Многочисленные чрезвычайные налоги, которые правительство назначало и сбирало подворно, въ собственномъ смыслѣ этого слова, со 146 г., съ своей стороны укрѣпляли и проясняли указанную мысль. Послѣ этого оставалось сдѣлать, на нашъ взглядъ, немногое — уничтожить нѣкоторые остатки сошнаго письма, о которыхъ я говорилъ выше, уравнять бобыльскiе и другiе дворы съ крестьянскими и отмѣнить различныя для разныхъ городовъ нормы двороваго четвертного оклада. Намъ это кажется немного, но на взглядъ приказныхъ дѣло представлялось, очевидно, гораздо сложнѣе, и переходъ къ подворному обложенiю совершился въ концѣ XVII в. больше путемъ практики, самимъ ходомъ жизни, чѣмъ сознательными усилiями правительства.

Очень важнымъ и, несомнѣнно, совершенно непредвидѣннымъ послѣдствiемъ «реформы» было то, что послѣ нея большая соха утратила свое значенiе общегосударственной окладной единицы. Выше я говорилъ, въ чемъ это выразилось. Большая соха, введенная послѣ Смуты для оклада стрѣлецкимъ хлѣбомъ, исполняла, какъ бы то ни было,

лѣтъ 25 свое назначеніе. Когда же большинство новыхъ описаній было закончено и къ нимъ были примѣнены окончательные указы о дворовой чети, то въ 149 или 150 году въ исторіи стрѣлецкаго хлѣба произошелъ переломъ — началось расхожденіе окладовъ этого налога, что означаетъ, что соха утратила, съ точки зрѣнія правительства, значеніе единаго для всего государства мѣрила оклада. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что это послѣдствіе объясняется вовсе не существомъ реформы, не дворовымъ окладомъ, а ошибками самого правительства. Очень возможно, что этого не было бы, если бы были примѣнены безъ проволочекъ и колебаній первоначальные указы (128 и 131 гг.). Тогда правительству не пришлось бы наканунѣ и во время войны уступать челобитчикамъ и настолько понизить первоначальныя нормы оклада, что соха утратила свое общегосударственное окладное значеніе.

Мнѣ кажется возможнымъ обойтись безъ разсмотрѣнія всѣхъ высказанныхъ въ литературѣ мнѣній по вопросу о дворовой чети, и ограничиться только мнѣніемъ М. А. Дьяконова, которое поднимаетъ одинъ очень интересный вопросъ.

По мнѣнію М. А. Дьяконова реформа была произведена не въ интересахъ служилыхъ людей, какъ полагаетъ П. Н. Милюковъ[1]), а въ интересахъ казны: ея цѣлью было привлеченіе въ тягло нетяглыхъ до того бобылей, количество которыхъ въ составѣ тяглаго населенія значительно увеличилось. Это и было сдѣлано при помощи указовъ 1630—31-хъ годовъ. Что достигнуть этой цѣли инымъ путемъ было нельзя, М. А. Дьяконовъ обосновываетъ такъ: «привлеченіе бобылей къ тяглому обложенію неизбѣжно вынудило Московское правительство отказаться отъ сошнаго обложенія и перейти къ дворовому, такъ какъ у бобылей никакой запашки не было, а единственнымъ ихъ имуществомъ, могущимъ подлежать обложенію, былъ дворъ. Естественно также, что новыя правила окладного счета не могли примѣняться къ однимъ лишь бобылямъ, а должны были распространиться и на крестьянъ, такъ какъ именно съ ними, какъ съ тяглыми людьми, нужно было сопоставить до тѣхъ поръ нетяглыхъ бобылей». Указы 138—139 гг. «произвели глубокую перемѣну въ юридическомъ положеніи бобылей, перечисливъ ихъ изъ разрядовъ не тяглаго населенія въ число тяглыхъ людей». Ниже, однако, М. А. Дьяконовъ ограничилъ послѣднее утвержденіе

---

[1]) Разборъ мнѣнія П. Н. Милюкова см. въ XII приложеніи.

замѣчаніемъ, что «фактическое, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и юридическое, положеніе бобылей осталось безъ перемѣнъ и послѣ указовъ о живущей четверти» [1]).

Этотъ взглядъ и обоснованіе его вызываютъ цѣлый рядъ вопросовъ и возраженій.

Изъ писцовыхъ наказовъ мы знаемъ, что отсутствіе у человѣка пашни вовсе не могло быть основаніемъ для освобожденія его отъ сошнаго и оброчнаго тягла [2]). Посошное обложеніе уѣздныхъ людей не было поземельнымъ въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ размѣръ запашки былъ однимъ изъ признаковъ, по которымъ писцы клали людей въ тягло. Писцы должны были класть въ тягло всѣхъ людей, а если они клали однихъ въ сошное тягло, другихъ въ оброчное, а третьихъ совсѣмъ освобождали отъ тягла, то это объясняется ихъ представленіемъ о посильности тягла для тѣхъ или иныхъ лицъ. Такіе порядки вовсе не были новостью XVII вѣка. Такъ, писцы Тверского уѣзда въ 88 г. непашенныхъ людей въ однихъ случаяхъ оброчатъ, а въ другихъ кладутъ въ сошное письмо. Въ селѣ Лотошинѣ они ихъ оброчатъ, «потому что въ сошномъ письмѣ не пригодятся» [3]), а въ другомъ случаѣ 20 крестьянскихъ дворовъ, у которыхъ было всего 8 десятинъ пашни худой земли, они кладутъ въ сошное письмо дворами, — «кладено въ соху по 240 дворовъ» [4]).

Итакъ, совершенно невѣрно, что непашенныхъ людей нельзя было положить въ тягло иначе какъ подворно въ собственномъ смыслѣ слова. По своему усмотрѣнію и примѣриваясь къ мѣстной старинѣ, писцы однихъ людей клали въ сошное тягло, другихъ за негодностью для него — оброчили, при чемъ въ однихъ случаяхъ клали различные оброки, въ другихъ — однообразный дворовый оброкъ, но всегда клали и сошное и оброчное тягло по силамъ, по животамъ, торгамъ, промысламъ, пашнямъ, угодьямъ и т. д.

Такъ было на посадахъ и въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ.

---

[1]) Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, стран. 225—228 и 233. С.-Пб. 1901 г. Тотъ же по существу взглядъ высказанъ М. А. Дьяконовымъ въ Академической рецензіи на сочиненіе Ю. В. Готье о Замосковномъ краѣ. Отчетъ о 49 присужденіи преміи гр. Уварова, стран. 46. С.-Пб. 1909 г.

[2]) См. выше, стран. 93.

[3]) Писцовыя книги Московскаго государства, II, стран. 335. Другіе подобные случаи см. тамъ же, стран. 349 и 354.

[4]) Тамъ же, стран. 329.

Было ли иначе въ частновладѣльческихъ земляхъ? На это прямыхъ указаній нѣтъ. Правда, что наказы для описанія этихъ земель не содержатъ статьи о непашенныхъ людяхъ, о которой я упоминалъ, правда, что въ писцовыхъ книгахъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель мы не видимъ людей, изброченныхъ въ пользу казны, но съ другой стороны слѣдуетъ отмѣтить, что эти же наказы не говорятъ ни слова о бобыляхъ и объ освобожденіи отъ тягла непашенныхъ людей. Повидимому, это было всецѣло вопросомъ практики, вопросомъ мѣстной старины и усмотрѣнія писцовъ въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Какъ бы то ни было, нельзя согласиться съ М. А. Дьяконовымъ, что указы о привлеченіи бобылей въ тягло подворно «должны были распространиться и на крестьянъ». Въ этомъ не видно никакой необходимости, ни логической, ни практической. Мы видѣли, что тверскіе писцы положили въ сохи малопашенныхъ людей дворами, и это нисколько не помѣшало имъ положить всѣхъ прочихъ тяглецовъ не дворами. Для XVII в. намъ извѣстны два обратныхъ случая. По указу 140 г. писцы Заонежскихъ погостовъ положили черныхъ крестьянъ въ вытное и сошное письмо дворами, а бобылей обложили очень разнообразными оброками[1]). Писцы Соли Вычегодской, 153—155 гг., положили крестьянъ и половниковъ въ выти дворами, наѣзжую пашню клали въ тягло пашней, а бобылей изброчили[2]). Такимъ образомъ, слѣдуетъ считать несомнѣннымъ, что правительство вполнѣ могло, при желаніи, привлечь бобылей такъ или иначе въ сошное письмо, вовсе не затрогивая крестьянъ.

Еще одно возраженіе. Если правительство имѣло цѣль привлечь при помощи дворовой чети въ тягло бобылей, то почему оно не сдѣлало этого «въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ». Мы знаемъ, что указы о дворовой чети не касались всѣхъ посадовъ и огромнаго большинства черныхъ и дворцовыхъ волостей, гдѣ положеніе бобылей, юридическое и фактическое, было весьма разнообразно и съ теченіемъ времени, вѣроятно, измѣнялось, но совершенно независимо отъ дворовой чети частновладѣльческихъ земель.

Указы 128—140 гг. дѣйствительно измѣнили положеніе бобылей въ частновладѣльческихъ земляхъ, но какое положеніе и какъ измѣнили, это слѣдуетъ разъяснить.

---

[1]) См. выше, стран. 475.

[2]) Ак. п. д., II, № 200.

Прежде всего, во избѣжаніе недоразумѣній, слѣдуетъ уговориться относительно пониманія слова «тяглый», такъ какъ въ источникахъ и у изслѣдователей оно употребляется въ нѣсколькихъ значеніяхъ. Основное значеніе выраженія «тяглый человѣкъ», несомнѣнно, есть то, что человѣкъ крѣпокъ и подлежитъ тяглу. Основанія крѣпости и родъ приказныхъ документовъ, въ которыхъ это лицо записано въ тяглецы, для насъ въ настоящее время безразличны. Опредѣлить, какъ платить этимъ людямъ въ казну, это — дѣло писцовъ. Мы знаемъ, что писцы однихъ людей клали въ сошное и вытное тягло, другихъ — оброчили, третьихъ — освобождали и отъ оброка. Знаемъ также, что освобожденіе писцомъ человѣка отъ сошнаго и оброчнаго тягла вовсе не прекращало тягловой крѣпости, — писцы должны были писать такихъ людей въ свои книги какъ возможныхъ въ будущемъ тяглецовъ, «чтобы было, по чему сыскать», если они сбѣгутъ съ тягла. Писцовые акты и другіе источники обыкновенно называютъ людей, освобожденныхъ писцами за худобой отъ сошнаго и оброчнаго тягла, людьми нетяглыми, но ясно, что здѣсь это выраженіе употребляется въ иномъ смыслѣ — въ значеніи людей, не положенныхъ въ тягло. Возможны были и другія положенія, когда слово «тяглый» не отвѣчало дѣйствительности. Напр., человѣкъ, положенный писцомъ въ тягло могъ сбѣжать, или могъ разориться и быть освобожденнымъ властью міра отъ участія въ мірскихъ расходахъ, но офиціально такой человѣкъ продолжалъ числиться тяглымъ, а фактически тягло за него долженъ былъ нести міръ. Человѣкъ, освобожденный писцомъ отъ сошнаго тягла или оброка, могъ быть послѣ описанія привлеченъ міромъ къ несенію мірского тягла. Такимъ образомъ, употребляя слово «тяглый», необходимо во избѣжаніе недоразумѣній различать и оговариваться, въ какомъ именно смыслѣ мы его употребляемъ.

Были ли частновладѣльческіе бобыли до указовъ о дворовой чети тяглыми людьми? Отвѣтъ на это будетъ зависѣть прежде всего отъ того, какое значеніе мы придадимъ слову «тяглый», но мнѣ кажется, что слѣдуетъ сверхъ того нѣсколько измѣнить постановку вопроса. Дѣло въ томъ, что такъ поставленный вопросъ основанъ на предположеніи, что бобыльство было институтомъ публичнаго права, то есть, что бобыли составляли особый, опредѣленный разрядъ людей, отличавшихся въ отношеніи къ тяглу особенными правовыми призна-

ками. А что, если такого разряда не было, если нѣкоторыхъ людей писцы освобождали отъ тягла не потому, что они были бобылями, а потому, что они «не пригодились въ сошное письмо», и называли такихъ людей бобылями?

Вопросъ о бобыльствѣ мнѣ кажется не столько сложнымъ, сколько осложненнымъ въ литературѣ множествомъ гипотезъ, замѣчаній и соображеній. Въ сущности въ исторіи права вообще и въ частности въ финансовомъ правѣ это совсѣмъ небольшой и не важный вопросъ, и мнѣ кажется, что вполнѣ пора отвести ему болѣе скромное мѣсто, чтобы перейти къ другимъ, гораздо болѣе важнымъ очереднымъ вопросамъ русской исторіи. Мнѣ по необходимости приходится заняться нѣкоторыми сторонами этого вопроса, которыя желательно освѣтить при изслѣдованіи дворовой чети.

Оставляя въ сторонѣ хозяйственные и бытовые признаки бобыльства, которые не имѣютъ прямого отношеніе къ дѣлу, попробуемъ опредѣлить правовые признаки бобылей и въ частности ихъ отношеніе къ тяглу. Вольные ли люди бобыли? Да, если слово вольный понимать въ смыслѣ противоположности лишеннымъ гражданской свободы холопамъ. Одновременно на посадахъ, въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ и въ частновладѣльческихъ земляхъ существовало множество бобылей, прикрѣпленныхъ къ тяглу, и такихъ бобылей нельзя называть вольными людьми, такъ какъ къ нимъ наравнѣ съ посадскими тяглецами и крестьянами приложимы всѣ нормы тягловой крѣпости. Къ сыску и свозу бѣглыхъ бобылей примѣняются тѣ же правила, какъ и къ другимъ бѣглымъ тяглецамъ: тѣ же урочныя лѣта для сыска и суда, та же система доказательствъ крѣпости, тѣ же нормы о животахъ и т. д.; «судъ во крестьянствѣ» совершенно одинаково приложимъ и къ бѣглымъ бобылямъ. Однако, хорошо извѣстно, что далеко не всѣ бобыли были прикрѣплены къ тяглу. Были бобыли и вольные люди, то есть такіе, которые имѣли право переходить, куда угодно, рядиться во крестьяне, поступать въ холопы, жить у кого-либо временно въ сосѣдяхъ, въ наймахъ, изъ доли тягла и животовъ и т. п.

Отношеніе крѣпкихъ тяглу бобылей къ казнѣ было тоже различное. Особенно различно оно на посадахъ. Здѣсь одни бобыли положены въ сошное тягло, другіе — изоброчены, третьи — освобождены и отъ оброка. Мало того, иногда на одномъ и томъ же посадѣ встрѣчаются одновременно и тяглые и нетяглые бобыли. Такъ, въ Галичѣ по опи-

санію 136 г. было 192 оброчныхъ двора бобылей и бѣдныхъ людей да 131 дворъ безоброчныхъ «нищихъ вдовъ и бобылей, которые кормятся по наймамъ и межъ дворъ». Писцы Курмыша 131—134 гг. приписали къ Земской слободѣ нѣсколько бобылей изъ Казачьей и Стрѣлецкой слободъ и положили ихъ въ сошное тягло, а 6 дворовъ бобыльскихъ «для нищеты» оставили безоброчными[1]). Никакихъ перемѣнъ въ положеніи бобылей незамѣтно и во времени: въ XVI в., по дозорамъ 121—127 гг., по описаніямъ 129—140 гг. и въ третьей четверти XVII вѣка на посадахъ одинаково бываютъ и положенные въ тягло бобыли и безоброчные, нетяглые.

Писцовые наказы молчатъ о бобыляхъ. Они говорятъ о тяглыхъ и нетяглыхъ людяхъ, о бѣломѣстцахъ, о захребетникахъ, предусматриваютъ всевозможные юридическіе вопросы тягла, но о бобыляхъ не говорятъ ничего. Только въ Романовскомъ наказѣ 129 г. бобыли упоминаются въ томъ мѣстѣ, гдѣ писцамъ предписывается работать по правдѣ и не писать лучшихъ дворовъ средними, а среднихъ и младшихъ—бобыльскими[2]). Юридической постановки вопроса о бобыляхъ мы нигдѣ не встрѣтимъ и въ другихъ актахъ писцоваго дѣла. Ни одному писцу не могло прійти въ голову писать въ посадское тягло холопа или сына боярскаго, такъ какъ для этого были юридическія препятствія, но относительно бобылей подобныхъ затрудненій не было и не могло быть. Если бобыль лично или по своему происхожденію былъ приписанъ къ посаду, то онъ подлежалъ тяглу. Будетъ ли онъ въ дѣйствительности положенъ въ тягло и какъ положенъ, это — вопросъ факта, который писцы рѣшали различно, но всегда на основаніи хозяйственныхъ, а не юридическихъ признаковъ. Писцы освобождали отъ тягла не бобылей, а худыхъ людей, негодныхъ по ихъ мнѣнію и мѣстнымъ обстоятельствамъ въ тягло, и называли *иногда* такихъ людей бобылями. Свобода такихъ людей отъ тягла зависѣла исключительно отъ плохого состоянія ихъ хозяйства. Если же они разживались и оправлялись, то ближайшіе писцы или еще раньше ихъ посадскій міръ могли притянуть ихъ въ тягло.

Таково было положеніе худыхъ людей и бобылей, крѣпкихъ посадскому тяглу. Одновременно на посадѣ могли жить и вольные бобыли.

---

[1]) См. IX приложеніе.
[2]) Прик. д. стар. л., 1621 г. № 1.

Вотъ хорошій примѣръ. Въ 131 г. устюженцы тягались съ Ил. Наумовымъ изъ-за нѣсколькихъ его крестьянъ, желая притянуть ихъ въ посадъ. Устюжская четь, разобравъ дѣло, отказала устюженцамъ относительно Первушки Савельева и такъ обосновывала отказъ: Первушка не крѣпокъ посаду, «что онъ на Устюжнѣ на посадѣ жилъ у посадскаго человѣка въ бобыляхъ, а сшелъ въ 130 году, и по тому онъ, Первушка, въ посадскихъ людяхъ въ тяглѣ не крѣпокъ, — хотя будетъ онъ у посадскаго человѣка и пожилъ въ бобыляхъ, да на время, изъ найма, потому что онъ человѣкъ вольный, гдѣ похотѣлъ, тутъ почалъ жити, или во крестьяне кому порядился жити»[1]).

На основаніи этого я совершенно отказываюсь видѣть въ посадскихъ бобыляхъ особое юридическое состояніе и юридическую постановку вопроса относительно ихъ считаю неправильной.

То же слѣдуетъ сказать относительно бобылей въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ. И здѣсь были вольные и крѣпкіе тяглу бобыли, и отношеніе послѣднихъ бобылей къ тяглу было различное. Здѣсь бобыли чаще всего несли оброчное тягло, а бобыли, положенные въ сошное тягло, встрѣчаются въ видѣ исключенія, но послѣднее объясняется тѣмъ, что это были худые люди, негодные большею частью въ сошное тягло, а если они были годны, то писцы переставали ихъ называть бобылями.

На основаніи этого я прихожу къ выводу, что бобыльство не было юридическимъ состояніемъ, отличавшимся какими-либо особыми по отношенію къ казнѣ правами и обязанностями. Говоря такъ, я не хочу сказать, что бобыльство вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ было только хозяйственнымъ и бытовымъ явленіемъ. Какъ устойчивое хозяйственное и бытовое явленіе бобыльство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ мѣстномъ обычномъ правѣ могло имѣть опредѣленныя юридическія свойства, но это—вопросъ обычнаго права, а не государственнаго[2]). Повидимому, эти мѣстныя бытовыя, хозяйственныя и правовыя особенности бобыльства и поспѣшное обобщеніе и распространеніе этихъ мѣстныхъ признаковъ на бобыльство вообще были причинами осложненія вопроса, о которомъ я упоминалъ выше.

Послѣ этого отступленія о бобыльствѣ вообще, вернемся къ частно-

---

[1]) Арх. Мин. Ин. д., Разряда кн. № 1, л. 581.

[2]) Замѣтку о бобыляхъ на Чарондѣ см. въ XIII приложеніи.

владѣльческимъ бобылямъ и къ мнѣнію М. А. Дьяконова относительно указовъ о дворовой чети. Эти бобыли были крѣпки тяглу, то-есть подлежали ему, но не были положены въ тягло. Повидимому, вполнѣ на этой точкѣ зрѣнія стоитъ и М. А. Дьяконовъ и въ этомъ именно смыслѣ называетъ бобылей людьми нетяглыми. Считая посошное обложеніе поземельнымъ, М. А. Дьяконовъ видитъ причину такой нетяглости, если можно такъ выразиться, бобылей въ ихъ безпашенности. Съ этимъ нельзя согласиться, такъ какъ это противорѣчитъ существу сошнаго письма. Мы знаемъ, что людей клали въ сошное письмо не по одной пашнѣ, а по силамъ — по пашнѣ, угодьямъ, животамъ и т. д. Если даже допустить, что статья о непашенныхъ людяхъ, о которой я упоминалъ выше, въ частновладѣльческихъ земляхъ не примѣнялась, то все-таки остается несомнѣннымъ, что и здѣсь писцы должны были руководиться принципомъ посильности. Еще одно возраженіе. Извѣстно, что безпашенность вовсе не такой ужъ постоянный признакъ бобыльства, — не говоря объ исключеніяхъ, можно указать цѣлые уѣзды, въ которыхъ частновладѣльческіе бобыли въ видѣ общаго правила люди пашенные[1]). Если, какъ полагаетъ М. А. Дьяконовъ, бобылей не клали въ тягло потому, что у нихъ не было пашни, то въ тѣхъ случаяхъ, когда она у нихъ была, ихъ слѣдовало и можно было положить; между тѣмъ въ дозорныхъ и писцовыхъ книгахъ мы н видимъ бобылей, положенныхъ въ сошное тягло. На мой взглядъ это объясняется тѣмъ, что такихъ людей переставали называть бобылями, и въ писцовыхъ книгахъ они называются крестьянами. Если все это такъ, то есть, если бобылей не клали въ тягло по хозяйственнымъ признакамъ, по худобѣ, а не по юридическимъ основаніямъ, то правильнѣе сказать, что нѣкоторыхъ подлежащихъ тяглу людей писцы освобождали отъ тягла и называли обыкновенно такихъ людей бобылями, а не говорить, что бобылей не клали въ тягло потому, что они были бобылями.

Такая постановка дѣла вызывала злоупотребленія. Помѣщики и вотчинники выдавали своихъ крестьянъ за бѣдняковъ, негодныхъ въ тягло, — «сказывали бобылями» и, пользуясь поноровкой писцовъ, наносили этимъ казнѣ большіе убытки. Разоренья Смуты и первыхъ

---

[1]) См., напр., Писцовыя книги Веневскаго и Елецкаго уѣздовъ 135—138 гг. Арх. М. Ю., Писц. книги №№ 52, 132 и 133.

лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича придали этимъ злоупотребленіямъ очень большіе размѣры. Можно также думать, что такой характеръ отношеній писцовъ къ населенію часто раздражалъ своимъ произволомъ и самихъ землевладѣльцевъ, особенно мелкихъ, которымъ было труднѣе, чѣмъ крупнымъ, подкупить писцовъ и оказать на нихъ давленіе. Указы 128—140 гг. въ интересахъ казны лишали писцовъ права освобождать отъ тягла худыхъ людей и значительно суживали усмотрѣніе писцовъ. Послѣ этихъ указовъ отъ писцовъ зависѣло только признать того или иного человѣка крестьяниномъ или бобылемъ и сообразно съ этимъ такъ или иначе положить въ тягло, но никакъ не освободить отъ тягла совсѣмъ. Одновременно указы давали объективныя нормы для положенія людей въ тягло. Въ этомъ, какъ я думаю, главное значеніе указовъ и въ этомъ смыслѣ можно говорить, что послѣ нихъ худые люди, и въ томъ числѣ и бобыли, изъ нетяглыхъ стали тяглыми.

Итакъ, можно сказать, что указы о дворовой чети измѣнили юридическое положеніе частновладѣльческихъ бобылей въ томъ смыслѣ, что они изъ людей крѣпкихъ тяглу, но не положенныхъ по усмотрѣнію писцовъ за худобой въ правительственный сошный окладъ, стали людьми, положенными офиціально въ этотъ окладъ. Измѣнилось ли отъ этого фактическое и частно-правовое положеніе бобылей, это — большой вопросъ, нуждающійся въ особомъ изслѣдованіи. Я лично въ этомъ сильно сомнѣваюсь, главнымъ образомъ потому, что въ бобыльскихъ порядныхъ, заключенныхъ послѣ введенія дворовой чети, незамѣтно никакихъ существенныхъ перемѣнъ сравнительно съ порядными болѣе ранняго времени. Очень возможно, что указы 128—140 гг. способствовали съ своей стороны развитію и усиленію власти господъ надъ тяглымъ населеніемъ ихъ боярщинъ, но несомнѣнно, что въ основѣ послѣдняго процесса лежали болѣе глубокія и сильныя причины, независимыя отъ введенія дворовой чети.

Такимъ образомъ, въ реформѣ, произведенной указами о дворовой чети, я вижу прежде всего фискально-техническое значеніе. Это, конечно, не значитъ, что она была, если можно такъ выразиться, чисто-бухгалтерской, лишенной всякаго жизненнаго основанія. То обстоятельство, что правительство нашло возможнымъ и нужнымъ привлечь офиціально въ тягло и положить при окладѣ въ счетъ все тяглое населеніе помѣстій и вотчинъ: бобылей, бѣлопашцевъ, ремесленныхъ и

мастеровыхъ людей, наводитъ на серьезныя размышленія. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что правительство не нашло нужнымъ сдѣлать то же относительно посадскихъ людей и черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ. Правда, что въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось устанавливать сошные оклады посадовъ самому, оно склонялось къ тому, чтобы уничтожить старое дѣленіе дворовъ на сошные, оброчные и безоброчные и класть въ счетъ всѣ дворы[1]), правда и то, что при сборахъ многочисленныхъ чрезвычайныхъ налоговъ выразилось то же стремленіе привлечь къ обложенію болѣе широкіе круги населенія, но въ общемъ относительно государственныхъ тяглецовъ ничего подобнаго реформѣ, произведенной указами 128—140-хъ годовъ, сдѣлано не было. Мнѣ кажется возможнымъ объяснить этотъ фактъ такъ.

При описаніяхъ посадовъ и черныхъ и дворцовыхъ земель писцы входили въ непосредственныя сношенія съ тяглыми людьми, пользовались данными мірского оклада и имѣли возможность знать, кто изъ тяглыхъ людей, по признанію міра, годенъ въ сошное или оброчное тягло, а кто не годенъ. Если тяглые люди обманывали въ этомъ дѣлѣ писцовъ, а писцы по ошибкѣ или по небрежности позволяли себя обманывать, то казна, конечно, терпѣла убытки, но все-таки эти скрытые обманомъ при правительственномъ окладѣ тяглецы не пропадали совсѣмъ для тягла. Дѣло въ томъ, что тяглый міръ не считался съ тѣмъ, что эти люди офиціально не были положены въ тягло, и привлекалъ ихъ къ себѣ «въ пособь». Это облегчало міру несеніе тягла и давало возможность правительству позже повышеніемъ налоговъ использовать платежныя силы этихъ скрытыхъ тяглецовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что обманъ всегда сопровождался нѣкоторымъ рискомъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ былъ связанъ съ невыгодными для тяглеца послѣдствіями. Напр., крестьянинъ, скрывшій отъ писцовъ обрабатываемую имъ землю, сильно рисковалъ лишиться ея; чтобы закрѣпить за собой участокъ, онъ долженъ былъ заявить о немъ писцу и записать въ писцовыя книги, а это давало возможность оцѣнить тяглоспособность человѣка и положить его въ тягло.

Иначе складывались отношенія писцовъ къ населенію при описаніи частновладѣльческихъ земель. Помѣщики и вотчинники сами подавали

---

[1]) См. выше, стран. 332—336.

писцамъ сказки о своихъ владѣніяхъ и ревниво оберегали своихъ тяглецовъ отъ непосредственныхъ сношеній съ писцами. На чемъ, при такихъ условіяхъ, писцы могли основывать свою работу и какъ провѣрять сказки землевладѣльцевъ? Мірской окладъ былъ скрытъ отъ писцовъ и искаженъ властью господъ. Провѣрять сказки личнымъ досмотромъ было хлопотливо и затруднительно, такъ какъ господа и ихъ тяглецы не только легко могли скрыть всякую движимость, но иногда сжигали и развозили дворы и разсылали крестьянъ «по забѣгамъ», въ лѣса. Эти обманы тоже сопровождались, конечно, рискомъ, но не влекли тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, какъ въ черныхъ и дворцовыхъ земляхъ, такъ какъ владѣніе землей было обезпечено помѣщикамъ и вотчинникамъ различными крѣпостями и само по себѣ ничего не говорило писцамъ. Запись владѣнія въ писцовыя книги еще разъ закрѣпляла его за владѣльцемъ, но самъ по себѣ этотъ фактъ не давалъ писцамъ основаній для сужденія о тяглоспособности населенія боярщины. Словомъ, для землевладѣльца не было никакой выгоды скрывать свое владѣніе и не было невыгоды записать его въ писцовыя книги. Что касается населенія владѣній, то скрывать его тоже было не въ интересахъ владѣльцевъ. Наоборотъ, чтобы закрѣпить его за собой, помѣщики и вотчинники были заинтересованы объявить его писцамъ и записать въ книги, въ наличности или въ бѣгахъ. Это обстоятельство, какъ я думаю, сыграло важную роль въ исторіи обложенія частновладѣльческихъ земель.

Землевладѣльцы были заинтерсеованы въ записи у дозорщиковъ и писцовъ своихъ крестьянъ и бобылей и въ то же время располагали значительными средствами къ тому, чтобы скрыть ихъ тяглоспособность. Они выдавали ихъ за бобылей, то есть за бѣдняковъ, негодныхъ въ сошное тягло, а писцы имѣли очень мало средствъ раскрыть такіе обманы и бороться съ ними. Къ этому присоединялись злоупотребленія: писцы притѣсняли бѣдныхъ и мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ и норовили богатымъ и вліятельнымъ. Такъ право писцовъ по своему усмотрѣнію класть въ тягло или освобождать отъ него того или иного человѣка приносило большіе убытки казнѣ, создавало неравномѣрность въ обложеніи и нерѣдко раздражало, вѣроятно, самихъ землевладѣльцевъ. При такихъ условіяхъ старые субъективные пріемы и основанія оклада становились неудобными и невыгодными для казны и возникала потребность въ объективныхъ основаніяхъ.

Это было тѣмъ болѣе желательно, что именно въ это время писцовое дѣло частновладѣльческихъ земель, подъ вліяніемъ нуждъ и интересовъ служилаго землевладѣнія, переходило изъ финансовыхъ приказовъ, изъ четей и Большого Прихода, знакомыхъ съ нуждами и практикой обложенія, въ нефинансовый приказъ — въ Помѣстный.

То, что правительство нашло возможнымъ положить при окладѣ въ счетъ все населеніе боярщинъ, то есть не только крестьянъ, но и торговыхъ и мастеровыхъ людей и бобылей, объясняется, какъ мнѣ кажется, развитіемъ тягловой крѣпости. При свободѣ крестьянскаго отказа и выхода, обложеніе непашенной бѣдноты и ремесленныхъ людей представляло значительныя затрудненія. Для крестьянина, ведущаго правильное хозяйство, переходъ на новое мѣсто всегда затруднителенъ и убыточенъ. Далеко не всегда улучшалъ его положеніе и выходъ при посторонней помощи. Можно думать, что эти домовитые хозяева, фактически прочнѣе сидѣвшіе на землѣ, первые испытали на себѣ юридическія ограниченія выхода. Бѣднота, не имѣвшая правильнаго земледѣльческаго хозяйства и занимавшаяся ремеслами, была подвижнѣе. Ее, какъ и крестьянъ, могла въ нѣкоторой мѣрѣ удерживать задолженность своимъ господамъ, но на такихъ частныхъ обстоятельствахъ правительство не могло основывать свое обложеніе. Положеніе дѣла измѣнялось, когда былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ къ прикрѣпленію людей къ тяглу и право крестьянскаго отказа вышло изъ обихода. Въ лицѣ помѣщиковъ и вотчинниковъ правительство получило многочисленныхъ и энергичныхъ сыщиковъ и свозчиковъ, заинтересованныхъ въ тягловой крѣпости и въ записи людей въ писцовыя книги. При такихъ условіяхъ привлеченіе въ тягло бобыльской бѣдноты и ремесленныхъ людей стало цѣлесообразнымъ и осуществимымъ.

Вполнѣ естественно думать, что развитіе тягловой крѣпости измѣнило съ теченіемъ времени не только правовыя, но и хозяйственныя условія жизни крѣпкихъ тяглу людей. По мѣрѣ усиленія и увеличенія власти господъ надъ населеніемъ боярщинъ, прежнія договорныя отношенія ихъ другъ къ другу постепенно смѣнялись отношеніями, основанными на принужденіи, а это позволяло господамъ лучше использовать платежныя силы своихъ людей. Хозяйственное положеніе зажиточныхъ крестьянъ вслѣдствіе этого ухудшилось, но положеніе бѣдноты, вѣроятно, улучшилось, такъ какъ господа, которымъ крѣ-

постныя отношенія обезпечивали владѣніе этими людьми, были заинтересованы въ томъ, чтобы помочь имъ своими средствами завести и поддерживать пашенное или непашенное хозяйство. Словомъ, развитіе крѣпости уравнивало хозяйственныя состоянія тяглыхъ людей. Если такъ, то отступленіе отъ прежняго посильнаго оклада относительно крестьянъ было для казны уже не столь большой потерей, которая къ тому же вознаграждалась привлеченіемъ въ окладъ прочаго населенія боярщинъ — бобылей и торговыхъ, ремесленныхъ и мастеровыхъ людей.

XIX. Заключеніе.

Основы посошнаго обложенія и связь сошнаго оклада съ мірскимъ.— Назначеніе сошнаго письма въ хозяйствѣ Московскаго государства.— Явленія упадка посошнаго обложенія и разрушенія сошнаго письма.— Условія и причины этихъ явленій. Государственный кадастръ и сошное письмо. Ростъ обложенія. Вліяніе частнаго землевладѣнія на порядки податного управленія и на сошное письмо. Разрывъ между сошнымъ окладомъ и мірскимъ. Отмѣна поруки и раздробленіе уѣзда на боярщины.— Сошное письмо и посошное обложеніе на посадахъ и въ черныхъ и дворцовыхъ земляхъ.

Въ настоящей, заключительной главѣ я постараюсь объединить и изложить кратко, опуская всѣ второстепенныя подробности, главные выводы своего изслѣдованія.

Въ видѣ сошнаго и вытнаго письма у насъ былъ кадастръ, по своему времени довольно сложный, вовсе не лишенный нѣкоторыхъ положительныхъ качествъ и во всякомъ случаѣ болѣе совершенный, какъ форма обложенія, чѣмъ подворный или подушный окладъ. При другихъ условіяхъ этотъ кадастръ, созданный вѣковой работой правительства и общества, могъ бы развиваться и совершенствоваться, но этого, какъ мы знаемъ, не произошло. Вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ и условій онъ сталъ съ теченіемъ времени приходить въ упадокъ, и вмѣсто послѣдовательнаго развитія стараго въ послѣдней четверти XVII вѣка произошелъ полный разрывъ съ нимъ — переходъ къ очень грубой формѣ обложенія, къ обложенію подворному, отъ котораго къ подушному окладу Петра Великаго былъ одинъ шагъ. Подобныя регрессивныя въ исторіи налоговыхъ формъ явленія вовсе не рѣдкость, и для историка весь интересъ вопроса сводится къ изслѣдованію причинъ и обстоятельствъ, обусловившихъ регрессъ въ данномъ случаѣ.

Вопросъ въ основѣ, какъ мнѣ представляется, сводится къ разрыву между государствомъ и обществомъ, между управляющими

и управляемыми. Въ самомъ дѣлѣ, административный механизмъ государства растетъ и въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ технически совершенствуется, и тѣмъ не менѣе онъ не только не можетъ совершенствовать и обновлять по мѣрѣ надобности старое, но и оказывается не въ силахъ даже сохранить и поддержать то, что было выработано раньше. Въ подробностяхъ пониманія этого явленія возможны, конечно, разногласія, но въ основѣ, какъ мнѣ кажется, возможно одно объясненіе. Растущее и развивающееся государство, въ соотвѣтствіи съ своими новыми нуждами, возникающими съ теченіемъ времени, вноситъ въ государственное хозяйство и въ частности въ посошное обложеніе такія измѣненія, которыя частью подрываютъ и разрушаютъ сложившійся ранѣе строй отношеній, а частью сталкиваются съ интересами и новыми нуждами общества. Столкновеніе этихъ различныхъ и частью враждебныхъ другъ другу факторовъ измѣняетъ обстановку прежней совмѣстной работы общества и государства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ производитъ полный разрывъ между ними. Слѣдствіемъ этого являются — со стороны правительства безсиліе сохранить сошное письмо и постепенно реформировать его въ уровень съ своими потребностями, а со стороны общества недовольство старыми разрушающимися порядками тягла и нежеланіе содѣйствовать правительству въ томъ направленіи, которое противорѣчило его интересамъ.

Государство, по слабости и недостаточности своихъ центральныхъ и мѣстныхъ органовъ управленія, не было въ силахъ подойти непосредственно къ каждому отдѣльному тяглецу и потому привлекало самихъ тяглецовъ не только къ сложному дѣлу раскладки податей и повинностей, но и къ болѣе простой задачѣ — къ сбору и уплатѣ ихъ. Чтобы облегчить себѣ задачу обложенія и обезпечить болѣе надежное поступленіе доходовъ, государство связывало тяглецовъ въ большія группы—въ тяглые міры, которые должны были распредѣлять въ своей средѣ бремя, падающее на міръ, и нести всѣ расходы по своей раскладкѣ за круговой порукой. Такой порядокъ представлялъ для казны большія выгоды. Круговая отвѣтственность заставляла міръ осмотрительно и въ то же время въ полную мѣру силъ облагать своихъ сочленовъ и постоянно слѣдить за хозяйственными перемѣнами въ жизни ихъ. Послѣднее было выгодно для казны еще тѣмъ, что позволяло рѣже производить описательныя работы и тратить на нихъ меньше времени и силъ.

Круговая порука и мірская раскладка податей значительно помогали правительству вести свое хозяйство, но частью въ виду своихъ особыхъ интересовъ, а частью, чтобы помочь обществу выполнять возложенныя на него важныя задачи, правительство должно было работать и само. Для оклада податями и повинностями и для раскладки ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность общества была недостаточна или невыгодна для казны, правительству пришлось выработать кадастръ и особыя окладныя и раскладочныя единицы.

Эти единицы и мірская раскладка податей, съ точки зрѣнія правительства, должны были служить одной цѣли — распредѣленію расходовъ на мѣстныя и государственныя потребности, сначала между частями государства, а затѣмъ между отдѣльными тяглецами. Въ этомъ процессѣ раздробленія окладовъ необходимыхъ средствъ, правительственныя единицы были употребляемы въ разное время то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ: то дѣятельность правительства и работа его единицъ останавливались передъ большими мірами тяглецовъ, въ предѣлахъ которыхъ дальнѣйшее распредѣленіе податного бремени производилъ самъ міръ, то правительственный окладъ подходилъ къ отдѣльнымъ тяглецамъ ближе, устраняя въ исключительныхъ случаяхъ содѣйствіе міра совсѣмъ. Поэтому можно сказать, что съ точки зрѣнія населенія раскладочно-окладныя единицы были мѣрой участія казны въ указанной задачѣ раздробленія средствъ, необходимыхъ на мѣстныя и государственныя нужды. Въ общемъ и въ XVII вѣкѣ, а тѣмъ болѣе раньше, казна несомнѣнно предпочитала имѣть дѣло съ большими мірами тяглецовъ и не входить въ близкое соприкосновеніе съ отдѣльными тяглецами, такъ какъ приближеніе къ нимъ усложняло задачи администраціи и во многихъ отношеніяхъ было для казны невыгодно. Населеніе относилось къ этому вопросу различно. При однихъ условіяхъ оно предпочитало тянуть тягло міромъ и держать приказныхъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ себя, а при другихъ — начинало тяготиться мірской раскладкой тягла и мірскими порядками, въ особенности порукой, и стремилось къ тому, чтобы казна приблизилась къ нему и взяла на себя часть дѣлъ, которыя выполнялъ тяглый міръ. Изслѣдованіе послѣдняго вопроса составляетъ существенную часть всего изслѣдованія исторіи сошнаго письма и посошнаго обложенія.

Мірскіе порядки тягла и въ частности мірская раскладка податей

не только помогали правительству въ указанной выше задачѣ распредѣленія и сбора податей, но и служили основой, на которой оно строило, при широкомъ содѣйствіи населенія, свои окладныя единицы. Выше было показано, какія разнообразныя и важныя свѣдѣнія получали писцы отъ населенія. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ, напр. въ вопросѣ о зажиточности и тяглоспособности тяглецовъ, писцы были совершенно безсильны обойтись безъ содѣйствія и свѣдѣній тяглыхъ міровъ. Въ другихъ отношеніяхъ положеніе писцовъ было лучше и независимѣе, но сотрудничество населенія шло гораздо дальше подачи устныхъ и письменныхъ показаній и въ такихъ важныхъ вопросахъ какъ опредѣленіе условій и окладовъ тягла доходило до активнаго участія въ работѣ писцовъ. По состоянію и свойствамъ источниковъ нѣтъ возможности опредѣлить точно и въ подробностяхъ, что именно государство заимствовало при выработкѣ окладныхъ единицъ у тяглыхъ міровъ, а что внесло отъ себя, но нѣкоторыя заимствованія и связи можно указать съ увѣренностью, а другія — съ большой вѣроятностью.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что мірской и правительственный оклады были проникнуты однимъ принципомъ — принципомъ посильности. И съ точки зрѣнія тяглыхъ міровъ, и съ точки зрѣнія правительства тяглу подлежали не отдѣльные источники народнаго благосостоянія, а тяглецы, и подлежали ему по своимъ силамъ, то есть по всѣмъ признакамъ зажиточности и тяглоспособности, взятымъ въ совокупности. Иными словами: и правительственный и мірской оклады носили опредѣленно выраженный субъективный характеръ. Понятія правительства и тяглыхъ міровъ о посильности тягла, конечно, были нѣсколько отличныя. Мірской окладъ имѣлъ, во-первыхъ, мѣстный характеръ, то есть имѣлъ въ различныхъ мѣстностяхъ большія или меньшія особенности въ подробностяхъ, а во-вторыхъ, имѣлъ въ виду прежде всего сравнительную справедливость распредѣленія платежей и повинностей, падающихъ на міръ въ цѣломъ. Правительство же съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе склонялось къ тому, чтобы понимать посильность въ смыслѣ наивыгоднѣйшаго для казны, но не разорительнаго для тяглецовъ тягла, а съ другой стороны развитіемъ и ростомъ прямого обложенія было вынуждаемо къ внесенію въ окладное дѣло бо́льшаго однообразія и объективныхъ основаній.

Въ посадской сохѣ, кромѣ основного принципа, связь между писцовымъ и мірскимъ окладами выражается въ слѣдующемъ. Тяглые міры, раскладывая тягло по силамъ своихъ сочленовъ, однихъ людей привлекали во всѣ мірскіе «протори и разметы», другихъ признавали для этого негодными и облагали оброками, а третьихъ временно совсѣмъ освобождали отъ участія въ мірскихъ расходахъ. Также поступали и писцы — однихъ людей клали въ сошное тягло, другихъ оброчили, а третьихъ освобождали и отъ оброка, «покамѣстъ разживутся». Въ этой работѣ писцы основывались на показаніяхъ старостъ, выборныхъ людей и самихъ тяглецовъ о томъ, кто, какъ и въ какой мѣрѣ тянетъ тягло съ міромъ и кто годенъ въ какое тягло. Эти показанія не были, конечно, обязательными для писцовъ, но служили очень важнымъ матеріаломъ, настолько важнымъ, что писцы нерѣдко прямо указываютъ въ своихъ книгахъ, что они въ своей работѣ основывались на показаніяхъ тяглыхъ людей. Далѣе несомнѣнно, что писцовое дѣленіе сошныхъ дворовъ по качеству на статьи было основано на мірскомъ окладѣ. И здѣсь мірской окладъ былъ для писцовъ основой, которой они придерживались, отступая отъ нея въ большей или меньшей мѣрѣ въ интересахъ казны, а иногда, быть можетъ, по показаніямъ самихъ тяглыхъ людей. Поэтому и приказныя дворовыя нормы сохи можно считать надстройкой надъ мірскимъ окладомъ. Происхожденіе ихъ я объясняю себѣ такъ. Правительство нуждалось для раскладки податей и повинностей въ такихъ окладныхъ единицахъ, которыя могли бы служить мѣриломъ сравнительной тяглоспособности различныхъ посадовъ и прилегающихъ къ нимъ уѣздовъ. Въ этой задачѣ мірской окладъ въ чистомъ видѣ былъ непригоденъ, какъ мѣстный и субъективный. Дворовыя нормы сохи и были попыткой правительства выработать путемъ практики на основѣ мірского оклада такія нормы, которыя можно было бы примѣнять на различныхъ посадахъ. Эта трудная сама по себѣ задача оказалась для правительства совершенно непосильной, отчасти по недостатку умѣнія и средствъ, а частью вслѣдствіе быстраго роста обложенія, который мѣшалъ накопленію въ окладномъ дѣлѣ опыта и дѣлалъ непримѣнимыми выработанныя ранѣе нормы.

Въ обложеніи уѣздныхъ, по преимуществу пашенныхъ, хозяйствъ связь мірского оклада съ правительственнымъ имѣетъ такое же большое значеніе и особенно ясно выступаетъ въ вытномъ письмѣ. Тяглы міры для раскладки своихъ проторей и разметовъ оцѣнивали тягло-

способность своихъ сочленовъ и выражали ее въ условныхъ единицахъ— въ бѣлкахъ, вытяхъ, деньгахъ, лукахъ и т. п. Оцѣнка производилась на основанiи всѣхъ признаковъ зажиточности и тяглоспособности, изъ которыхъ главными были пашня и угодья, а второстепенными — животы, торги, промыслы и семейный составъ хозяйствъ. На этихъ же основанiяхъ покоился и правительственный окладъ, и сошное, вытное и обежное обложенiе не было чисто поземельнымъ ни въ одинъ изъ перiодовъ своего существованiя.

Противоположенiе вытнаго письма сошному совершенно несостоятельно. Выть есть прежде всего окладная и раскладочная единица, болѣе мелкая, чѣмъ соха, а чети пашни, изъ которыхъ состояли выти, суть тѣ же чети, изъ которыхъ слагались болѣе крупныя единицы — сошки и сохи. Писцовые наказы и другiе акты писцоваго дѣла выясняютъ вполнѣ, какъ должны были писцы класть хозяйства въ вытное письмо и въ какомъ отношенiи должны были находиться писцовыя выти къ мiрскому окладу. Писцы должны были верстать людей на выти по пашнѣ, угодьямъ, семьямъ, животамъ и т. д. Въ основу они должны были класть показанiя тяглыхъ людей объ ихъ окладѣ и руководиться этими показанiями или отступать отъ нихъ по своему усмотрѣнiю въ интересахъ казны, напр. класть больше, чѣмъ находилъ возможнымъ положить мiръ, писать землю «на» тяглеца, если онъ пахалъ меньше, чѣмъ, по мнѣнiю писца, могъ пахать. Различiе мiрского и писцоваго оклада состояло, такимъ образомъ, не въ существѣ дѣла, а въ различiи цѣлей, которыми руководился мiръ, съ одной стороны, и которыми долженъ былъ руководиться писецъ, съ другой. Для мiра его окладныя единицы есть мѣрило распредѣленiя расходовъ, падавшихъ на него, а писцы имѣли въ виду не только эту задачу, но и наиболѣе выгодное для казны тягло.

Опредѣляя вытные оклады, приказы и писцы вовсе не дѣлали ихъ обязательными для мiра въ вопросѣ раскладки мiрскихъ платежей и расходовъ. Въ казну мiръ долженъ былъ платить подати по этимъ окладамъ, но онъ не только имѣлъ право, но и долженъ былъ раскладывать въ своей средѣ эти подати и другiе платежи такъ, какъ потребуетъ большинство его членовъ. Будетъ ли мiръ пользоваться писцовыми вытями, какъ это онъ нерѣдко дѣлалъ, будетъ ли онъ раскладывать всѣ платежи по своему окладу, по своимъ единицамъ, какъ часто будетъ производить общiй переокладъ или частичныя поправки къ нему,

все это — его дѣло. Поэтому можно сказать, что писцовая выть съ точки зрѣнія казны есть счетная единица оклада и раскладки податей, а по существу это — мірской окладъ, констатированный писцами и использованный ими сообразно интересамъ казны.

Построенныя на такихъ основахъ, при содѣйствіи тяглыхъ міровъ, окладныя единицы соотвѣтствовали всѣмъ особенностямъ мѣстной жизни и въ частности тягла, были пропитаны, если можно такъ выразиться, мѣстной стариной, которая въ древнѣйшее время складывалась на почвѣ договорныхъ отношеній казны къ тяглецамъ, а не при односторонней принудительности власти. При такой обстановкѣ и на такой почвѣ расло хозяйство московскихъ князей и царей и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе входило въ противорѣчіе съ обстановкой и своей основой. Мѣстная старина, которой такъ широко пользовались писцы и приказные, сталкивалась съ потребностью растущаго государства въ болѣе однообразныхъ и болѣе удобныхъ для управленія порядкахъ тягла. Мѣстныя окладныя единицы, какъ слишкомъ мелкія, были неудобны для раскладки нѣкоторыхъ государственныхъ повинностей. Наконецъ, договорныя отношенія препятствовали повышенію доходности тягла. Подъ вліяніемъ этихъ потребностей государство, оставаясь въ общемъ на почвѣ старины и мірскихъ порядковъ тягла, стало въ то же время измѣнять ихъ сообразно своимъ нуждамъ и во многихъ отношеніяхъ разрушать, частью намѣренно, а частью непреднамѣренно.

Мы видѣли, что мірскія окладныя единицы были довольно мелкими, а болѣе крупныя, составныя (напр. «роспись» въ Перми) были рѣдкимъ исключеніемъ. Для государственнаго обложенія это представляло значительныя неудобства, съ теченіемъ времени возраставшія, и казна стала образовывать на почвѣ мелкихъ единицъ болѣе крупныя. Можно еще спорить, какія именно повинности вызвали образованіе крупныхъ единицъ, но самый фактъ образованія ихъ подъ вліяніемъ потребностей обложенія не подлежитъ сомнѣнію. Для древнѣйшаго времени можно указать на кормы намѣстниковъ и волостелей, какъ на такую повинность, которая вызвала образованіе крупныхъ составныхъ единицъ. Первоначально эти единицы были временнымъ соединеніемъ мелкихъ единицъ (напр., 25 или 30 обежъ, 10 сошекъ и т. п.), а съ теченіемъ времени онѣ вырабатываются въ самостоятельныя новыя единицы. Пути образованія большой сохи въ 800 четей неясны, но распростра-

неніе ея съ середины XVI вѣка на частновладѣльческія и дворцовыя земли, а въ 122—123 гг. на всѣ прочія мѣстности, гдѣ ея еще не было, было вызвано, несомнѣнно, нуждами обложенія — въ XVI вѣкѣ введеніемъ полоняничныхъ денегъ, откупа за кормы отставляемыхъ кормленщиковъ и ямскими деньгами вмѣсто ямской повинности, а въ XVII вѣкѣ введеніемъ хлѣба или денегъ за хлѣбъ ратнымъ людямъ на жалованье.

Мѣстныя окладныя единицы были неудобны для растущаго государственнаго хозяйства не только по своимъ небольшимъ размѣрамъ, но и по своему строенію, такъ какъ казнѣ нужны были такія единицы, которыя могли бы служить мѣркой тяглоспособности на гораздо болѣе широкомъ пространствѣ, чѣмъ волость или городъ. Для «развода» или «раскидыванія» новыхъ, возникавшихъ съ теченіемъ времени налоговъ, казнѣ нужны были единицы болѣе однородныя, чѣмъ разномѣрныя и разнохарактерныя мѣстныя сошки. Выработать такія единицы, оставаясь всецѣло на почвѣ мѣстныхъ субъективныхъ и разнообразныхъ основаній и пріемовъ оклада, не было возможности, и государство съ теченіемъ времени начинаетъ вносить въ сошное и вытное письмо объективные пріемы оклада.

На первомъ мѣстѣ усилій правительства въ этомъ направленіи слѣдуетъ поставить четвертную нормировку окладныхъ единицъ. Это вовсе не былъ переходъ къ поземельному обложенію, къ обложенію запашки по ея размѣрамъ и качеству земли, какъ могло показаться на первый взглядъ. Въ дѣйствительности посошное обложеніе не только не стало поземельнымъ, послѣ четвертной нормировки сохъ, вытей и обежъ, но и нѣтъ основаній утверждать, что у правительства было намѣреніе сдѣлать его поземельнымъ. Для послѣдняго былъ цѣлый рядъ препятствій. Укажу хотя бы на то, что казна вовсе не думала отказываться отъ принципа посильности тягла, а кромѣ того развивала съ теченіемъ времени все бо́льшую крѣпость тяглу и стремилась проводить на тяглеца взглядъ какъ на рабочую силу, привязанную къ тяглу. Съ точки зрѣнія казны, которая съ теченіемъ времени становится все болѣе опредѣленной, пахать землю есть не право тяглеца, а обязанность. Поэтому я полагаю, что вся суть четвертной нормировки окладныхъ единицъ состояла въ томъ, что были опредѣлены объективными правилами *нѣкоторые* пріемы сошнаго и вытнаго оклада, а въ основѣ онъ остался попрежнему посильнымъ, а не поземельнымъ.

Мы не знаемъ, какъ и почему нормальной сохой стала соха въ 800 четей, но относительно нормировки выти (12 или 10 четей доброй земли) вполнѣ возможно допустить, что она возникла на почвѣ оклада посопнымъ хлѣбомъ.

Что касается одабриванія земель, то едва ли можно сомнѣваться, что самый принципъ одабриванья принадлежалъ тяглымъ мірамъ, а правительству принадлежали только нормы, устанавливавшія соотношеніе земель разнаго качества. Мірской окладъ учитывалъ качество земель и приписанныхъ къ нимъ угодій, на этомъ же основаніи было поставлено и писцовое одабриваніе.

Въ уѣздномъ сошномъ письмѣ исключительно правительству слѣдуетъ приписать болѣе тяжелое обложеніе монастырскихъ и церковныхъ земель, выразившееся въ томъ, что для обложенія ихъ были приняты окладныя единицы меньшихъ размѣровъ, чѣмъ для другихъ земель: для сохи — 600 четей вмѣсто 800, а для выти — 10 четей вмѣсто 12. Вполнѣ допустимо предположить, что въ древнѣйшее время монастырскія и церковныя земли несли тягло наравнѣ съ прочими, быть можетъ даже пользовались нѣкоторыми преимуществами, что болѣе тяжелое обложеніе ихъ было не мірской стариной, а правительственнымъ соціально-политическимъ принципомъ. Въ этомъ отношеніи интересно отмѣтить, что болѣе тяжелое обложеніе этихъ земель выработалось и было проведено раньше въ городахъ служилаго землевладѣнія, а среди черныхъ міровъ Поморья, гдѣ старина держалась особенно прочно, оно было примѣнено гораздо позже, а мѣстами и въ XVII вѣкѣ удержалось одинаковое съ черными землями обложеніе.

Вотъ — въ краткихъ чертахъ сущность сошнаго и вытнаго письма какъ она мнѣ представляется. Для дальнѣйшаго уясненія вопроса необходимо напомнить о назначеніи сошнаго письма въ хозяйствѣ Московскаго государства.

Назначеніе окладныхъ единицъ состояло: 1) въ томъ, чтобы служить основой для оклада оброками и нѣкоторыми податями и повинностями, не имѣвшими раскладочнаго характера, и 2) чтобы служить мѣриломъ раскладки такихъ мѣстныхъ и государственныхъ повинностей, оклады которыхъ съ теченіемъ времени измѣнялись. Послѣднее назначеніе сошнаго и вытнаго письма особенно важно. Дѣло въ томъ, что въ Московскомъ государствѣ податныя обязанности были основаны не на

принципѣ подданства, какъ современное прямое обложеніе, а на другихъ началахъ — значительная часть податей и повинностей была платежемъ за пользованіе и соотвѣтственно пользованію «государевыми» землями и угодьями, а другая часть состояла изъ такъ называемыхъ цѣлевыхъ налоговъ и повинностей, вытекавшихъ изъ потребности покрывать по раскладкѣ различныя государственныя и мѣстныя нужды. Въ древнѣйшее время такимъ цѣлевымъ налогомъ былъ «ордынскій выходъ», дань татарамъ, которая послѣ сверженія монгольскаго ига перешла въ казну великихъ князей, слилась съ прочими доходами ихъ и утратила свой раскладочный характеръ. Въ XVI вѣкѣ такими налогами были — полоняничныя деньги, государственный расходъ на выкупъ плѣнныхъ, которыхъ въ мирное и военное время захватывали южные и западные сосѣди Московскаго государства, и ямскія деньги, «деньги ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны» — цѣлевой налогъ, замѣнявшій въ нѣкоторыхъ частяхъ государства повинность ямской гоньбы. Въ концѣ XVI вѣка послѣдніе два налога утрачиваютъ свой раскладочный характеръ и становятся окладными, но послѣ Смуты возникаютъ два новыхъ цѣлевыхъ налога—хлѣбъ или деньги за хлѣбъ ратнымъ людямъ на жалованье и ямскія (большія) деньги, введенныя сверхъ старыхъ, которыхъ стало недостаточно. О многочисленныхъ мѣстныхъ посошныхъ податяхъ и повинностяхъ достаточно напомнить. Не менѣе важно и то, что сверхъ этихъ постоянныхъ раскладочныхъ налоговъ сошное письмо должно было служить основой и для чрезвычайныхъ налоговъ, которые по нѣсколькимъ причинамъ, указаннымъ мною во вступительной главѣ, были весьма многочисленны и занимали въ государственномъ хозяйствѣ очень видное мѣсто.

Въ общемъ постоянные и чрезвычайные раскладочные налоги составляли очень значительную массу измѣнчиваго обложенія, которое лежало почти цѣликомъ на сошномъ письмѣ. Такимъ образомъ, сошное письмо должно было выполнять назначеніе, вообще не свойственное кадастровому обложенію, — должно было служить эластичной основой для измѣнчиваго въ большей части обложенія.

Сошное письмо было въ состояніи выполнять это назначеніе благодаря нѣсколькимъ условіямъ, изъ которыхъ главными мнѣ представляются: 1) тѣсная связь его съ мірской раскладкой податей, 2) групповое обложеніе за круговой порукой и 3) крѣпость людей тяглу.

О первомъ условіи я говорилъ выше — сошное письмо было построяемо при широкомъ содѣйствіи населенія на почвѣ его пріемовъ и порядковъ оклада, что придавало ему такую практичность и прочность, которыхъ оно не имѣло бы, если бы было построено исключительно средствами и силами писцовъ и приказовъ. Не менѣе важно то, что обложеніе было не индивидуальнымъ, а групповымъ, то-есть отвѣтственными передъ казной субъектами обложенія были не отдѣльныя лица, а группы лицъ — тяглые міры, связанные круговой порукой. Это имѣло двоякое значеніе. Во-первыхъ, тяглые міры были болѣе надежными плательщиками, привлекали въ тягло людей вновь или тѣхъ, которые ускользнули отъ писцоваго оклада, и имѣли возможность изо дня въ день учитывать и облагать всѣхъ своихъ сочленовъ по достоинству, смягчая этимъ ошибки и недостатки работы писцовъ. Во-вторыхъ, такая форма несенія тягла вызывала къ жизни и поддерживала обстановку, въ которой вырабатывались и дѣйствовали мірскіе порядки оклада, оказывавшіе писцамъ при описаніяхъ цѣнную помощь. Третьимъ условіемъ было прикрѣпленіе людей къ тяглу. Оно стѣсняло покиданіе тяглецами тягла, вслѣдствіе чего тяглые міры пріобрѣтали болѣе надежныхъ сочленовъ, и хозяева облагаемыхъ хозяйствъ переставали быть экономической случайностью и дѣлались устойчивымъ элементомъ кадастраціи.

Съ теченіемъ времени въ сошномъ письмѣ начинаетъ обнаруживаться упадокъ, который все болѣе и болѣе усиливается, и въ концѣ концовъ посошное обложеніе смѣняется подворнымъ. Прежде, чѣмъ говорить о причинахъ и условіяхъ упадка, слѣдуетъ опредѣлить объективные признаки его.

Первымъ важнымъ признакомъ является уменьшеніе, съ теченіемъ времени, сошныхъ окладовъ. Въ этомъ вопросѣ сразу бросается въ глаза огромная разница въ судьбахъ сошныхъ окладовъ въ различныхъ частяхъ государства. Въ черносошныхъ городахъ Поморья, слагавшихся изъ крупныхъ тяглыхъ міровъ, сошные оклады, правда, не возрастаютъ, какъ этого можно было бы ожидать соотвѣтственно росту населенія, но за то въ общемъ оказываются устойчивыми. И это — несмотря на разоренія Смутнаго времени и первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, несмотря на значительный ростъ посошныхъ налоговъ, несмотря на несомнѣнное переобремененіе пла-

тежныхъ силъ населенія чрезвычайными налогами въ нѣкоторые моменты исторіи. Совершенно другое мы видимъ въ частновладѣльческихъ земляхъ и на окруженныхъ этими землями посадахъ. Здѣсь сильная убыль окладовъ несомнѣнна уже въ послѣдней четверти XVI вѣка. Во время Смуты и непосредственно послѣ нея убыль принимаетъ прямо катастрофическій характеръ, но было бы ошибочно приписывать ее исключительно разоренью. Во-первыхъ, она происходитъ и тамъ, гдѣ разореній не было, во-вторыхъ, по своимъ размѣрамъ она далеко превосходитъ всякія возможныя разоренья, наконецъ, въ-третьихъ, съ наступленіемъ мира не происходитъ никакихъ улучшеній — сошные оклады продолжаютъ убывать, и правительству не удается даже остановить эту убыль.

Ближайшей, непосредственной причиной этого явленія былъ чрезвычайно быстрый ростъ налоговъ послѣ Смуты, но эта причина была внѣшней и отчасти сама по себѣ была слѣдствіемъ убыли окладовъ. Дѣло въ томъ, что государственныя потребности не позволяли мириться съ уменьшеніемъ доходовъ, когда по новымъ дозорамъ то здѣсь, то тамъ происходила убыль сошныхъ окладовъ. Чтобы возстановить равновѣсіе въ государственномъ хозяйствѣ, правительство было вынуждено повышать оклады посошныхъ налоговъ, что въ свою очередь дѣлало существовавшіе сошные оклады то здѣсь, то тамъ непосильными и вызывало новые дозоры и дальнѣйшую убыль сошныхъ окладовъ. Такимъ образомъ, получался безысходный кругъ, но едва ли можно оспаривать, что причина этого явленія была болѣе глубокой, чѣмъ гнетъ быстро растущихъ налоговъ. Въ основѣ оно объясняется тѣмъ, что здѣсь, т.-е. въ частновладѣльческихъ земляхъ, сошное письмо утратило прочность и эластичность и не оказало никакого сопротивленія дѣйствію указанной внѣшней причины.

Въ подтвержденіе правильности такого пониманія факта убыли окладовъ въ частновладѣльческихъ земляхъ, укажу на слѣдующее. Когда въ началѣ 40-хъ годовъ было закончено обновленіе сошнаго письма новыми описаніями и указами о дворовой чети, то правительство рѣшило возмѣстить создавшееся уменьшеніе сошныхъ окладовъ повышеніемъ налоговъ. Мы знаемъ, что окладъ стрѣлецкаго хлѣба былъ значительно повышенъ и при томъ для частновладѣльческихъ земель установленъ въ 4 раза большій, чѣмъ для черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ. Однако это не вызвало новаго паденія сошныхъ окладовъ

въ частновладѣльческихъ земляхъ. Мѣстами, можетъ быть, ихъ пришлось нѣсколько понизить, населеніе иногда жаловалось на тяжесть обложенія, но въ общемъ ничего подобнаго тому стремительному паденію окладовъ, которое мы наблюдаемъ въ первую половину царствованія Михаила Ѳедоровича, не произошло. Несмотря на все, обновленное дворовой четью сошное письмо оказалось болѣе прочнымъ, чѣмъ было раньше, и выдержало повышеніе посошныхъ налоговъ 149—150 гг. и послѣдующія повышенія.

Вторымъ важнымъ признакомъ упадка посошнаго обложенія служатъ многочисленныя, частью удачныя попытки казны найти другіе источники дохода, внѣ сошнаго обложенія. Исканія новыхъ источниковъ начинаются въ послѣдніе годы Смуты и тотчасъ послѣ нея. Непосредственно послѣ Смуты крупнѣйшей мѣрой въ этомъ направленіи было назначеніе ряда сборовъ пятинныхъ и запросныхъ денегъ. Крайняя нужда въ средствахъ и разстройство всего приказнаго управленія и въ частности сошнаго письма вызвали къ жизни этотъ чрезвычайный налогъ. Однако пріемы сбора его были настолько несовершенны, а ставки такъ велики, что вызвали жалобы населенія и застой въ торговлѣ. Вслѣдствіе этого, по мѣрѣ того какъ правительству удалось привести въ порядокъ свой административный механизмъ и починить дозорами сошное письмо, эти чрезвычайные сборы стали утрачивать свой долевой характеръ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ падать на сошное письмо и сливаться съ посошными налогами [1]). Это, конечно, не свидѣтельствуетъ о совершенствѣ сошнаго письма, а говоритъ только, что правительство и населеніе избрали изъ двухъ золъ меньшее.

Съ наступленіемъ мира чрезвычайные налоги прекратились (со 128 г.), но какъ разъ тутъ сказалось, насколько казна не удовлетворялась посошнымъ обложеніемъ. Въ 128 г. и въ ближайшіе послѣдующіе годы оклады посошныхъ налоговъ были сильно понижены, а сверхъ того населеніе получило много частныхъ льготъ. Правительству нужно было принять мѣры, чтобы возмѣстить потери, происшедшія отъ этихъ льготъ и пониженія посошныхъ налоговъ и сошныхъ окладовъ. Принятыя мѣры вкратцѣ сводились къ слѣдующему. Во-первыхъ, были

---

[1]) См. объ этомъ С. Веселовскій, Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича. Москва. 1909 г.

значительно сокращены расходы: часть служилыхъ людей по прибору была распущена совсѣмъ, а нѣкоторая часть ихъ и иноземцы, служившіе изъ денежнаго жалованья, были лишены послѣдняго и испомѣщены. Это, не говоря о другихъ мѣрахъ, сильно сократило расходы, но тѣмъ не менѣе было вовсе недостаточно. Не расчитывая уже на прямое обложеніе, правительство обратило вниманіе на торговыя предпріятія и косвенные налоги. Оно предприняло въ крупныхъ размѣрахъ казенную торговлю нѣкоторыми товарами (хлѣбомъ, солью, смолой и т. д.) и умножило различныя мелкія монополіи. Важнѣе этого было «обновленіе» таможенныхъ и питейныхъ сборовъ. Увеличеніемъ числа таможенъ и кабаковъ и нѣкоторыми измѣненіями въ порядкахъ этихъ сборовъ (пересмотромъ таможенныхъ уставныхъ грамотъ, иногороднимъ головствомъ, умноженіемъ откуповъ и т. п.) казна въ очень короткій срокъ — въ 8—10 лѣтъ — достигла большихъ результатовъ: таможенный и кабацкій доходъ увеличился почти вдвое. Правда, что это вызвало печальныя послѣдствія, вредило торговлѣ, а безобразное пьянство разоряло населеніе, но это другіе вопросы, а фактъ чисто фискальнаго успѣха не подлежитъ сомнѣнію и свидѣтельствуетъ объ энергіи, съ которой правительство взялось послѣ 127 г. возмѣщать косвенными налогами свои потери въ посошныхъ налогахъ.

Сравнительно небольшая роль, которую сыграло въ финансированіи Смоленской войны сошное письмо, оттѣняется тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство долго готовилось къ ней и накопило довольно значительныя сбереженія. Сошное письмо дало для войны одинъ тяжелый чрезвычайный налогъ — нѣмецкіе кормы. Одновременно приказные употребили цѣлый рядъ мѣръ, болѣе или менѣе удачныхъ. Торговые и промышленные люди должны были дать 2 раза пятую деньгу. Духовенство, монастыри, приказные люди и отставные служилые люди дали запросныя деньги — полудобровольное пожертвованіе. Среди другихъ сборовъ замѣчательны два сбора даточныхъ и денегъ за нихъ съ монастырей, церквей, вдовъ, недорослей и отставныхъ служилыхъ людей, построенные на полномъ отрицаніи всѣхъ условностей сошнаго письма, — сборы были опредѣлены по количеству четвертной земли вотчинъ и помѣстныхъ дачъ указанныхъ лицъ. Не менѣе знаменательно, какъ былъ положенъ чрезвычайный сборъ такого же назначенія на посады. На всѣ посады, описанія которыхъ въ большей части были уже закончены, онъ былъ положенъ по окладамъ

живущаго, а сверхъ того было велѣно обложить и пустоту — пустые дворы и дворовыя мѣста, считая по 200 дворовъ и мѣстъ въ соху. Словомъ, для веденія Смоленской войны правительство схватилось за всевозможныя средства, но не надѣялось на сошное письмо и ограничилось только однимъ большимъ посошнымъ сборомъ. Отчасти это объясняется тѣмъ, что большая часть новыхъ описаній уѣздовъ (частновладѣльческихъ земель) не была закончена, а по старымъ описаніямъ и дозорамъ сильно повышать обложеніе было неудобно, но несомнѣнно также, что здѣсь сказалось недовѣріе приказныхъ къ пригодности сошнаго письма для сбора большихъ средствъ.

Послѣ Смоленской войны исканія продолжаются. Ближайшимъ по времени и важнѣйшимъ по своей тяжести опытомъ были 2 подворныхъ сбора 146 и 147 гг. денегъ ратнымъ людямъ на жалованье. Тяжесть сбора (общій окладъ — 2 р. съ двора) и то, что свѣдѣнія о дворахъ были взяты изъ писцовыхъ книгъ, вызвали большія жалобы и очень значительныя недоимки, но это не помѣшало служилымъ людямъ на соборѣ 150 г. высказаться за подворный сборъ чрезвычайныхъ налоговъ. Правительство, не оставляя идеи и послѣдующихъ опытовъ подворнаго обложенія, вскорѣ послѣ Собора 150 г. сдѣлало вторую попытку, на этотъ разъ совершенно неудачную, использовать косвенное обложеніе. Я имѣю въ виду неудачный опытъ ввести соляную монополію. Послѣ удачно прошедшей дворовой переписи 154—155 гг., правительство обращается снова къ дворовому окладу и въ послѣдующую четверть вѣка назначаетъ подворно множество чрезвычайныхъ налоговъ. Время отъ времени оно прибѣгаетъ къ другимъ средствамъ, напр. по поводу второй Смоленской войны повторяетъ сборы долевыхъ налоговъ и сборы даточныхъ по примѣру первой войны, но въ общемъ очень сдержанно пользуется для чрезвычайныхъ налоговъ сошнымъ письмомъ и въ большинствѣ случаевъ оказываетъ предпочтеніе подворному окладу.

Всѣ эти исканія завершаются въ 188 г. тѣмъ, что всѣ старые постоянные налоги, лежавшіе на сошномъ письмѣ, было велѣно впредь до валовыхъ писцовъ положить временно подворно, по переписи 186 г. О томъ, какъ и почему эта временная мѣра стала постоянной и похоронила навсегда сошное письмо, я говорилъ выше.

Третьимъ важнымъ признакомъ упадка сошнаго письма служитъ несомнѣнная неудача правительства въ попыткѣ создать общегосудар-

ственную окладную единицу. Разнообразію древнѣйшаго обложенія соотвѣтствовало разнообразіе въ окладныхъ единицахъ. На сѣверѣ оно доходило до того, что чуть ни въ каждомъ городѣ были особыя единицы, различныя и по размѣрамъ и по своему складу, и значительная часть этихъ мѣстныхъ особенностей удержалась и въ XVII вѣкѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что такое же разнообразіе существовало раньше, въ XV—XVI вѣкахъ, и въ другихъ частяхъ государства. Съ середины XVI вѣка въ центральныхъ частяхъ государства довольно быстро распространяется большая соха въ 800 четей и вытѣсняетъ мѣстныя разнообразныя сошки. Тѣмъ не менѣе ко времени воцаренія Михаила Өедоровича у казны не было общегосударственной окладной единицы. Вопросъ о созданіи ея былъ поставленъ въ 122 — 123 гг. съ назначеніемъ новаго налога — хлѣбныхъ запасовъ ратнымъ людямъ на жалованье. Интересно отмѣтить, что правительство попыталось обойти эту трудную задачу и первоначально положило этотъ налогъ на большую соху и на мѣстныя разнообразныя сошки, не считаясь съ ихъ несоизмѣримостью. Только настойчивыя жалобы населенія и явная невозможность собрать налогъ съ мелкихъ сошекъ въ одинаковомъ окладѣ съ большой сохой заставили приказныхъ приступить къ надстройкѣ большой сохи надъ мѣстными сошками [1]). Произведя эту надстройку, приказные, очевидно, считали цѣль достигнутой и до 149 — 150 гг. пользовались большой сохой какъ общегосударственной окладной единицей, т.-е. облагали ее хлѣбными запасами или деньгами за нихъ одинаково во всѣхъ частяхъ государства. Какъ можно видѣть, приказнымъ нуженъ былъ долгій опытъ (около 25 лѣтъ), чтобы признать неудачу попытки создать въ видѣ большой сохи общегосударственную окладную единицу.

Теперь мы можемъ смѣло сказать, что эта попытка, при тѣхъ средствахъ, которыми располагало правительство, и при тѣхъ пріемахъ, которыми пользовались писцы, была заранѣе обречена на неудачу, но несомнѣнно, что приказнымъ, съ ихъ неразвитой способностью къ обобщеніямъ и съ привычкой выпутываться изъ всѣхъ затрудненій путемъ приспособленія къ особенностямъ каждаго отдѣльнаго казуса, дѣло это вовсе не казалось безнадежнымъ. Мы знаемъ, какъ была надстроена большая соха надъ мѣстными окладными единицами въ По-

---

[1]) Нѣсколько подробностей по этому вопросу см. въ указанномъ выше изданіи: Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ, стран. 20—23.

морѣ. Мнѣ кажется, что относительный успѣхъ этой части задачи объясняется не столько положительными качествами приказной складки мелкихъ сошекъ въ большую соху, сколько прочностью и большими размѣрами тяглыхъ міровъ Поморья, обладавшихъ въ высокой степени способностью приспособляться къ требованіямъ казны. Одновременно сошное письмо частновладѣльческихъ земель, въ которыхъ большая соха существовала раньше, не выдержало стрѣлецкаго хлѣба и большихъ ямскихъ денегъ. Предпринимая со 128 г. обновленіе земли новыми дозорами и описаніями, правительство, несомнѣнно, надѣялось возстановить разрушенное сошное письмо и утвердить за сохой значеніе общегосударственной единицы. Въ этой надеждѣ оно жило около двухъ десятковъ лѣтъ, пока длились новыя описанія. Мы знаемъ, что описанія затянулись до Смоленской войны, были прерваны ею и закончены въ большей части только въ началѣ 40-хъ годовъ. Только теперь, когда описанія были закончены, обнаружились въ полной мѣрѣ результаты «обновленія» земли и тѣхъ уступокъ въ нормахъ дворовой чети, которыя были сдѣланы служилымъ людямъ наканунѣ и во время войны. Чтобы исправить ихъ, правительство употребило средство, лишившее большую соху значенія общегосударственной единицы, — положило (въ 149—150 гг.) на посады и частновладѣльческія земли окладъ стрѣлецкаго хлѣба въ 4 раза большій, чѣмъ на дворцовыя и черныя земли. Иными словами, чтобы сохранить должную равномѣрность въ обложеніи, пришлось отказаться отъ взгляда на соху, какъ на однообразную величину, и опредѣлять оклады налога по усмотрѣнію, наугадъ. Оклады 171 г. опять оказались неравномѣрными, а въ 181 г. правительству еще разъ пришлось отыскивать надлежащую равномѣрность обложенія и значительно измѣнить оклады стрѣлецкаго хлѣба и денегъ за него для посадовъ и для земель различныхъ владѣльцевъ.

Указывая на важнѣйшіе объективные признаки упадка сошнаго письма и посошнаго обложенія, я не говорилъ о жалобахъ населенія, какъ о менѣе надежномъ симптомѣ того же явленія. Вѣдь всякое тяжелое обложеніе вызываетъ жалобы, а разобраться, что въ нихъ имѣетъ общее и принципіальное, а не частное или мѣстное значеніе, весьма трудно. Поэтому я напомню только, что служилые люди не разъ, по разнымъ поводамъ высказывали свое предпочтеніе подворному окладу, и замѣчу, что въ сохранившихся приказныхъ архивахъ нѣтъ

недостатка въ жалобахъ какъ на тяжесть обложенія вообще, такъ и на тѣ или иныя неудобства посошнаго обложенія въ частности.

Причины и условія упадка и разрушенія сошнаго письма можно раздѣлить, для удобства обзора ихъ и изложенія, на фискально-техническія и на соціально-экономическія.

Мы хорошо знаемъ, что древнѣйшія окладныя единицы были такъ же разнообразны, какъ и обложеніе, для котораго онѣ были созданы. Разнообразіе въ обложеніи поддерживалось стариной, а разнообразіе въ окладныхъ единицахъ вытекало изъ мѣстныхъ особенностей тягла и изъ самого существа единицъ — изъ ихъ тѣсной связи съ мірскими порядками отбыванія тягла. При этомъ и въ отношеніяхъ отдѣльныхъ тяглецовъ къ тяглому міру и въ отношеніяхъ міровъ къ казнѣ большое значеніе имѣли договоръ и соглашенія. Для растущаго и развивающагося государственнаго хозяйства это становится съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе неудобнымъ, и оно развиваетъ однообразіе въ налогахъ и въ окладныхъ единицахъ. Общій ходъ этого процесса намъ извѣстенъ. Съ середины XVI вѣка правительство постепенно реформируетъ мѣстныя сохи, сошки и выти, и въ послѣдней четверти вѣка большая соха въ 800 четей становится однообразной единицей для значительной части государства. Послѣ Смуты большая соха распространяется на сѣверъ государства, а позже спускается въ черноземные уѣзды юга. Въ исторіи сошнаго письма это явленіе имѣетъ большую важность.

Исторія всѣхъ кадастровъ показываетъ, что помимо всего прочаго задача кадастраціи тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше описываемая территорія. Трудности заключаются, главнымъ образомъ, въ выработкѣ такихъ пріемовъ описанія, которые были бы пригодны и примѣнимы вездѣ, несмотря на разнообразіе мѣстныхъ условій жизни, въ подборѣ достаточнаго количества личныхъ силъ для производства работъ и, въ-третьихъ, въ повсемѣстно однообразномъ примѣненіи выработанныхъ пріемовъ. Въ общемъ можно сказать, что трудности кадастраціи увеличиваются при ростѣ территоріи прогрессивно. Въ Московскомъ государствѣ это сказывалось съ особенной силой, когда приказные должны были, при очень несовершенныхъ пріемахъ и небольшихъ средствахъ, распространять большую соху на такія различныя по климатическимъ, почвеннымъ и хозяйственнымъ условіямъ жизни

мѣстности, какъ Кола и Пустоозеро съ ихъ полукочевымъ инородческимъ населеніемъ рыболововъ и звѣролововъ, какъ центръ государства съ его тяжелымъ для обработки суглинкомъ и какъ черноземные уѣзды юга. Между тѣмъ государство располагало въ этомъ трудномъ дѣлѣ очень небольшими средствами.

Старина, которой приказные пользовались охотно, въ особенности, когда она имъ не мѣшала, въ данномъ случаѣ не только не помогала, но часто бывала помѣхой и ее приходилось разрушать. Договорныя отношенія противорѣчили интересамъ растущаго государства и съ теченіемъ времени смѣнялись принудительностью тягла. Наконецъ, мірскіе порядки тягла, на которыхъ государство строило свой кадастръ, давали слишкомъ мѣстный матеріалъ. Между тѣмъ, для государственнаго кадастра необходимы однообразные, а слѣдовательно объективные, пріемы. Приказные и направили свои усилія на выработку такихъ пріемовъ, но даже всего задуманнаго ими было бы, вѣроятно, недостаточно, а сверхъ того многое предположенное на дѣлѣ оказалось неудачнымъ и неосуществленнымъ. Для примѣра напомню судьбу дворовыхъ нормъ посадской сохи. Въ третьей четверти XVI вѣка приказные вырабатываютъ извѣстныя нормы, правда не вполнѣ однообразныя и неизмѣнныя, но все-таки такія, которыя въ принципѣ были шагомъ впередъ въ посадскомъ сошномъ окладѣ. На дѣлѣ эти нормы оказываются нерѣдко непригодными уже въ концѣ того же вѣка, а послѣ Смуты становятся совершенно непримѣнимыми, и въ XVII вѣкѣ приказные не могутъ выработать новыхъ, хотя бы такихъ же приблизительныхъ нормъ. Будетъ большой ошибкой полагать, что усилія приказныхъ въ этомъ же направленіи въ уѣздномъ сошномъ окладѣ были успѣшнѣе. Они установили четвертную нормировку окладныхъ единицъ и нормы одабриванья земель, но и эта небольшая доза объективности на дѣлѣ оказалась малополезной, такъ какъ потонула въ другихъ условностяхъ сошнаго оклада.

Въ XVI вѣкѣ развитію объективности въ сошномъ окладѣ мѣшало сохранившееся еще разнообразіе въ обложеніи. Понятно вѣдь, что неудобно примѣнять однообразные пріемы оклада, когда населеніе должно нести съ кадастра различные налоги. Мы знаемъ, что развитіе однообразія въ обложеніи происходило въ различныхъ частяхъ государства съ очень неодинаковой быстротой. Въ частновладѣльческихъ земляхъ уже въ концѣ XVI вѣка была уничтожена значительная часть мѣст-

ныхъ особенностей, а послѣ Смуты однообразіе увеличилось еще болѣе, и такимъ образомъ была расчищена и подготовлена почва для примѣненія объективныхъ пріемовъ оклада. Мнѣ кажется, что этимъ именно обстоятельствомъ въ значительной степени объясняется сравнительная (съ реформами середины XVI вѣка) успѣшность второй большой попытки приказныхъ внести въ сошный окладъ объективные пріемы — обновленіе сошнаго письма указами 128—140 гг. о дворовой чети. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что этотъ успѣхъ былъ достигнутъ цѣной разрыва съ самымъ существомъ стараго посильнаго оклада и вызвалъ послѣдствіе, вовсе не входившее въ расчеты приказныхъ: обновленная дворовымъ окладомъ соха утратила значеніе государственной окладной единицы.

Причины неудачи выработки государственнаго кадастра очень сложны, но главная, несомнѣнно, заключается въ томъ непримиримомъ противорѣчіи, которое лежало между старыми субъективными основами оклада, отъ которыхъ въ цѣломъ приказные не думали отказываться, и между возраставшей потребностью въ объективныхъ пріемахъ государственнаго кадастра.

Другой причиной этой неудачи и одновременно разрушенія сошнаго письма были ростъ государственныхъ потребностей и неумѣренное, вслѣдствіе этого, пользованіе сошнымъ письмомъ. Различныя формы обложенія, въ зависимости отъ многихъ условій, обладаютъ различной способностью давать повышенный доходъ, но при всякой формѣ обложенія, какъ бы совершенна она ни была, наступаетъ моментъ, когда дальнѣйшее повышеніе его начинаетъ портить самый механизмъ обложенія или вызываетъ разоренье облагаемыхъ и понижаетъ доходность источника. Приказные знали, конечно, по опыту эту истину, но тѣмъ не менѣе бывали такія времена въ жизни государства, когда необходимость брала верхъ надъ осторожностью или даже надъ яснымъ предвидѣніемъ нежелательныхъ послѣдствій, и казна предъявляла къ посошному обложенію чрезмѣрныя требованія. Такимъ, напр., временемъ были первые годы послѣ Смуты, когда крайняя нужда въ средствахъ осложнилась разореньями и разстройствомъ центральнаго и мѣстнаго управленія.

Слѣдствіемъ повышенія окладовъ посошныхъ налоговъ было то, что обложеніе то здѣсь, то тамъ становилось совершенно непосильнымъ, вызывало настойчивыя жалобы населенія, и правительству

приходилось, чтобы устранить окончательное разоренье тяглецовъ, производить новые описанія или дозоры. По новымъ описаніямъ сошные оклады уменьшались, т.-е. уменьшалось количество единицъ, на которыя можно было смѣчать и опредѣлять оклады необходимыхъ средствъ, и казнѣ приходилось, чтобы не допустить пониженія доходовъ, вновь увеличивать оклады посошныхъ налоговъ. Это новое повышеніе налоговъ оказывало такое же дѣйствіе, какъ первое, и т. д. У правительства и безъ того не хватало средствъ произвести одновременно или въ короткій срокъ описаніе всего государства, а ростъ государственныхъ потребностей съ своей стороны заставлялъ тратить время и силы на частныя описанія и не давалъ возможности внести въ описательныя работы въ цѣломъ планомѣрность. Слѣдствіе этого намъ извѣстно — въ исторіи Московскаго государства бывали періоды, когда было предпринимаемо сразу много описаній, но никогда не удавалось описать все государство одновременно или въ короткій срокъ. Въ исторіи сошнаго письма этотъ фактъ имѣетъ очень большое значеніе.

Описательныя работы представлялись правительству не въ видѣ одной опредѣленной задачи, которую предстояло выполнить по опредѣленному плану, заранѣе обсудивши основанія и пріемы описанія, а въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ текущаго управленія. Разновременность описаній давала возможность и побуждала къ устраненію несовершенствъ сошнаго письма и отдѣльныхъ случаевъ налоговаго переобремененія путемъ поправокъ и частныхъ уступокъ. Такимъ образомъ, устраняя переобремененіе въ отдѣльныхъ случаяхъ, она не только не способствовала улучшенію, съ теченіемъ времени, техники описаній, а наоборотъ — ухудшала ее, такъ какъ частныя описанія приходилось производить какъ разъ тогда, когда требовалось отступленіе отъ того, что было сдѣлано раньше. Когда въ нѣкоторые періоды исторіи правительство предпринимало сразу много описаній, то какъ разъ тутъ сказывались всѣ неудобства указанныхъ порядковъ описательныхъ работъ — опытъ разновременныхъ описаній оказывался въ большей части отрицательнымъ, а выработать сколько-нибудь широкій и практически выполнимый планъ приказные были неспособны. Такимъ образомъ, разновременность описаній мѣшала одновременно — и выработкѣ однообразныхъ пріемовъ кадастраціи и послѣдовательному примѣненію того немногаго, что было выработано, на дѣлѣ, а хорошо

извѣстно, что оба эти обстоятельства имѣютъ въ государственномъ кадастрѣ очень большое значеніе.

Среди техническихъ вопросовъ описательныхъ работъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида и вѣдомственной организаціи ихъ.

Исконнымъ правиломъ приказнаго строя было соединеніе различныхъ отраслей управленія — «суда и даней» — въ однѣхъ рукахъ. Приказъ смотрѣлъ на «приказанныхъ» ему государемъ людей какъ на свою паству, оберегалъ ихъ отъ другихъ приказовъ и отъ «стороннихъ людей» и благодаря тѣсному соприкосновенію съ управляемыми имѣлъ возможность хорошо знать ихъ нужды и средства. Это создавало благопріятную почву для обложенія «по силамъ», т.-е. съ одной стороны въ зависимости отъ состава и тяжести тягла, а съ другой — отъ средствъ населенія. Въ Поморьѣ такой строй приказнаго управленія въ общемъ сохраняется и въ XVII вѣкѣ, тогда какъ въ другихъ частяхъ государства, подъ вліяніемъ причинъ, которыя мы можемъ принять какъ фактъ и не разбирать, этотъ строй разрушается и на мѣсто его вырабатывается другой, совершенно отличный. Для различныхъ отраслей суда и управленія образуются особые приказы и вѣдомство «даней» то-есть налоговъ, распредѣляется между нѣсколькими независимыми другъ отъ друга учрежденіями. Исконное «обереганіе» людей однимъ приказомъ замѣняется сношеніями ихъ по опредѣленнымъ дѣламъ съ разными приказами. Для обложенія «по силамъ» это было очень неблагопріятнымъ условіемъ, такъ какъ приказъ, производившій описаніе, не только не вѣдалъ описываемую мѣстность «судомъ и управой», но и изъ доходовъ управлялъ только нѣкоторыми. Какъ могъ онъ облагать людей «посильно», наивыгоднѣйшимъ для казны тягломъ, когда другіе приказы, не считаясь съ нимъ, сбирали свои доходы каждый совершенно самостоятельно? Можно было бы возразить, что писцы, работая на мѣстѣ, могли бы объединять и согласовать требованія приказовъ и облагать затѣмъ посильно, но какъ разъ этого согласованія и разграниченія претензій приказовъ не было. Каждый приказъ руководился своими нуждами и соображеніями и мало или вовсе не считался съ таковыми же другихъ приказовъ.

Послѣ Смуты, когда подъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ финансовое значеніе четей и Большого Прихода упало, а Стрѣлецкій и Ямской приказы получили значеніе важныхъ финансовыхъ учрежденій, указанное раздробленіе фискальнаго управленія достигло высшей

степени и привело къ тому, что писцовое дѣло и въ частности опредѣленіе сошныхъ окладовъ остались безъ надлежащаго отвѣтственнаго хозяина. Между тѣмъ количественный ростъ и развитіе служилаго землевладѣнія предъявляли къ описаніямъ все болѣе обширныя и сложныя требованія гражданско-правоваго свойства. При такихъ, какъ мнѣ кажется, обстоятельствахъ правительство пришло къ рѣшенію передать писцовое дѣло Помѣстному приказу. Возможно, что въ дѣлѣ управленія служилымъ землевладѣніемъ эта мѣра была полезна, но для сошнаго письма въ цѣломъ и въ частности для установленія сошныхъ окладовъ она, несомнѣнно, была вредна, такъ какъ Помѣстный приказъ совершенно не зналъ условій и тяжести тягла, не зналъ хозяйственнаго положенія описываемыхъ мѣстностей и соприкасался только съ служилымъ людомъ, да и то только по вопросамъ землевладѣнія. Обложеніе людей «по силамъ», при такихъ условіяхъ, для Помѣстнаго приказа было совершенно непосильной задачей, и отчасти этимъ, какъ мнѣ кажется, объясняется введеніе дворовой чети, т.-е. объективной мѣрки оклада, одновременно съ переходомъ писцоваго дѣла изъ финансовыхъ приказовъ въ Помѣстный приказъ.

Переходя къ внутреннимъ, не менѣе важнымъ, чѣмъ фискально-техническія, причинамъ и условіямъ упадка сошнаго письма, на первомъ, безспорно, мѣстѣ слѣдуетъ поставить ростъ и развитіе служилаго землевладѣнія, которое оказало многообразное и глубокое вліяніе не только на сошное письмо и на порядки и составъ посошнаго обложенія, но и на весь строй государственнаго и мѣстнаго управленія.

Вполнѣ допустимо полагать, что самый принципъ посильности тягла глубоко противорѣчилъ интересамъ частныхъ землевладѣльцевъ. Крестьянинъ долженъ платить своему господину оброки и повинности, «чѣмъ онъ ихъ изоброчитъ»,—это стереотипное выраженіе ввозныхъ грамотъ, а одновременно писецъ долженъ облагать крестьянъ по ихъ силамъ наиболѣе выгоднымъ для казны тягломъ. Такимъ образомъ создавалась потребность разграничить претензіи казны и господина, опредѣлить какая часть «силъ» должна принадлежать первой, а какая—второму. Въ древнѣйшее время эти претензіи и вообще податныя обязанности крестьянъ опредѣлялись стариной и договоромъ между крестьянами, съ одной стороны, и представителями казны и землевладѣльцами, съ другой. Съ теченіемъ времени эти факторы подвергаются

ограниченіямъ и разрушенію. Казна развиваетъ общегосударственное обложеніе, сглаживая постепенно мѣстныя особенности тягла, и стремится проводить на мѣсто невыгодныхъ ей договорныхъ отношеній принудительность обложенія, а землевладѣльцы разрушаютъ старину съ точки зрѣнія своихъ интересовъ и, развивая личное закрѣпощеніе крестьянъ, сидящихъ на ихъ землѣ, стремятся замѣнить договорныя отношенія хозяйственной зависимостью. Между тѣмъ, попытокъ со стороны правительства сдѣлать указанное разграниченіе претензій не замѣтно [1]). Болѣе того, — по мѣрѣ развитія помѣстной системы землевладѣнія и утраты ею прекарнаго характера, утрачивается даже то немногое, что было раньше. Я имѣю въ виду описаніе и перечисленіе въ древнѣйшихъ писцовыхъ книгахъ повинностей крестьянъ въ пользу своихъ господъ. Это не государевъ указъ, обязательный для землевладѣльцевъ, а старина, отъ которой они вольны отступать, но во всякомъ случаѣ, описывая эти повинности, казна знала, что она теряетъ и что приблизительно получаетъ землевладѣлецъ. Въ книгахъ послѣдней четверти XVI вѣка этого описанія повинностей уже нѣтъ.

Разграниченія претензій казны и землевладѣльцевъ не было сдѣлано и позже, послѣ перехода къ подворному и подушному обложенію, но тутъ дѣло было совсѣмъ иное, такъ какъ измѣнилась въ корнѣ самая постановка вопроса: дворъ, а позже душа стали объективнымъ основаніемъ обложенія, и самая претензія казны на учетъ и использованіе «силъ» крестьянъ была устранена. При посильномъ посошномъ обложеніи эта претензія была и вызывала упорную борьбу противъ нея землевладѣльцевъ, которымъ удалось сбить казну съ ея старой позиціи — сначала ввести въ сошный окладъ, въ видѣ дворовой чети, объективное основаніе, а затѣмъ отказаться совсѣмъ отъ посошнаго обложенія.

Выше я отмѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ государства исконное «обереганіе» людей, приказанныхъ какому-нибудь одному учрежденію, смѣнилось съ теченіемъ времени приказной черезполосицей — раздѣленіемъ различныхъ отраслей управленія, суда и доходовъ между многими, особо для того учрежденными приказами. Эти «нѣкоторыя» части государства были какъ разъ райономъ служилаго землевладѣнія, и указанныя перемѣны произошли главнымъ образомъ

---

[1]) См. въ XIV приложеніи замѣчанія относительно показанія Шиля и о пониманіи его В. О. Ключевскимъ.

подъ вліяніемъ служилаго класса и его нуждъ и интересовъ. Ближайшимъ и важнѣйшимъ для сошнаго письма слѣдствіемъ этого процесса въ области центральнаго управленія былъ переходъ писцоваго дѣла изъ финансовыхъ приказовъ въ руки Помѣстнаго приказа. Еще важнѣе и глубже перемѣны въ мѣстномъ управленіи.

Служилое землевладѣніе измѣнило, во-первыхъ, составъ тягла, а во-вторыхъ, порядки его отбыванія. Уже самый фактъ перехода черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ въ руки служилыхъ людей значительно измѣнялъ составъ тягла, такъ какъ частновладѣльческіе крестьяне были свободны отъ нѣкоторыхъ оброковъ и повинностей, лежавшихъ на черныхъ и дворцовыхъ крестьянахъ. Сверхъ того служилымъ людямъ удалось постепенно замѣнить часть натуральныхъ и личныхъ повинностей денежными платежами, часть свалить на посадскихъ людей, а часть уничтожить совсѣмъ. Производя эти перемѣны, служилое землевладѣніе разрушало одни за другими связи и предметы вѣдомства городового и волостныхъ тяглыхъ міровъ. Одновременно оно вело борьбу и въ другой плоскости — разрушало невыгодные ему порядки тягла. Разрушеніе шло медленно и постепенно развивалась «особность» тягла боярщинъ. Начиная съ отписки ихъ сошнымъ письмомъ въ особыя кости, черезъ ограниченія тѣхъ случаевъ, когда приходилось нести тягло съ другими костями, служилое землевладѣніе добилось того, что уже въ концѣ XVI вѣка каждая боярщина стала особой податной единицей, не связанной съ другими боярщинами раскладкой податей, общими повинностями и круговой порукой. Разрушенію подвергался сначала городовой міръ съ его хозяйствомъ, при чемъ посадъ отдѣлялся тягломъ и управленіемъ отъ уѣзда, а затѣмъ и волостные міры распадались на несвязанныя другъ съ другомъ боярщины.

На такой почвѣ и при такихъ условіяхъ измѣнялись и отношенія мѣстной приказной администраціи къ населенію. Правительству по необходимости пришлось поручить своимъ мѣстнымъ приказнымъ дѣла, сохранившіяся отъ разрушенныхъ городового и волостныхъ міровъ, и возложить на нихъ тѣ задачи, которыя раньше выполняло мѣстное самоуправленіе тяглыхъ міровъ. Полномочія мѣстныхъ приказныхъ такимъ образомъ увеличились, но къ населенію они не приблизились, такъ какъ господа боярщинъ стали стѣной между приказной администраціей и крестьянами и замѣнили прежнее всеобъемлющее «оберега́ніе» населенія приказными своей опекой.

Такимъ образомъ сложился такой строй мѣстнаго управленія и тягла. Посадъ имѣлъ свои особыя повинности и нѣкоторыя особенности въ податяхъ, которыя онъ отбывалъ и платилъ особо отъ уѣзда. Немногія сохранившіяся у него общія съ уѣздомъ повинности были раскладываемы по сошному письму воеводами, которые и наблюдали за ихъ исполненіемъ; уѣздъ въ платежѣ податей и отбываніи повинностей дѣлился не на волости, какъ раньше, а на отдѣльныя боярщины, изъ которыхъ каждая была отписана сошнымъ письмомъ въ особую кость и несла тягло только за себя, безъ поруки за другія боярщины. Такимъ образомъ междуволостная и волостная раскладка податей и повинностей прекращалась, и большую часть работы, которую раньше выполняла она, должно было выполнять правительственное сошное письмо. Мірская раскладка податей сохранялась только въ предѣлахъ отдѣльныхъ боярщинъ и при томъ только въ той мѣрѣ, въ которой ее допускали господа боярщинъ. Значеніе этихъ перемѣнъ для сошнаго письма и посошнаго обложенія было огромно.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить разрывъ между писцовымъ сошнымъ окладомъ и мірскимъ. Когда волостная раскладка податей прекратилась и осталась только раскладка внутри боярщинъ, то были подорваны самыя основы писцоваго оклада. Это — тѣмъ болѣе, что и боярщинная раскладка, по мѣрѣ усиленія власти господъ надъ крѣпостнымъ населеніемъ боярщинъ, утрачивала свой мірской характеръ и становилась дѣломъ частныхъ соглашеній господъ съ своими крѣпостными. Это — по существу дѣла, а, сверхъ того, въ порядкахъ описательныхъ работъ большое значеніе имѣло отстраненіе писцовъ отъ непосредственныхъ сношеній съ описываемымъ тяглымъ населеніемъ: на посадахъ и въ черныхъ и дворцовыхъ земляхъ писцы работали при широкомъ содѣйствіи населенія и его выборныхъ, а въ частновладѣльческихъ земляхъ господа стали между населеніемъ своихъ владѣній и писцами и сами или черезъ своихъ приказчиковъ подавали писцамъ письменныя сказки и устныя показанія. Это обстоятельство, помимо невозможности пользоваться мірскимъ окладомъ, само по себѣ очень осложняло и затрудняло работу писцовъ въ сошномъ окладѣ. При такихъ условіяхъ выть, эта основная единица мірского оклада, исчезла въ частновладѣльческихъ земляхъ, и писцовый сошный окладъ по «силамъ» людей вырождался въ произволъ, раздражавшій землевладѣльцевъ, когда писцы не поддавались ихъ вліяніямъ, и убыточ-

ный для казны, когда писцы недостаточно стойко отстаивали ея интересы.

На второе мѣсто, послѣ разрыва между сошнымъ окладомъ и мірскимъ, слѣдуетъ поставить стмѣну поруки и раздробленіе уѣзда на боярщины. Мы знаемъ, что и сошное письмо и мірская раскладка податей были равно необходимы для развода и раскладки податей и повинностей, сначала на отдѣльные области или города, затѣмъ въ предѣлахъ городовъ между посадомъ и волостями и, наконецъ, въ предѣлахъ міровъ между отдѣльными тяглецами. Прочность сошнаго письма и эластичность посошнаго обложенія въ очень значительной мѣрѣ зависѣли отъ того, что обложеніе было групповымъ, отъ того, что сошное письмо останавливалось передъ большими мірами, внутри которыхъ дѣйствовала мірская раскладка, слѣдившая изо дня въ день за зажиточностью и платежеспособностью своихъ сочленовъ и исправлявшая ошибки и недостатки писцовой работы. Частное, въ особенности служилое, землевладѣніе тяготѣло къ правительственному окладу, стремилось оградиться отъ своихъ сосѣдей сошнымъ письмомъ и постепенно разрушило указанный строй отбыванія тягла. Подъ его вліяніемъ сначала подверглась ограниченіямъ, а затѣмъ была отмѣнена совсѣмъ порука, городовая и волостная. Послѣ этого писцы должны были класть въ сошное письмо каждую боярщину отдѣльно, постоянно имѣя въ виду, что съ этого оклада она будетъ нести тягло самостоятельно и что городовая и волостная перераскладка не исправитъ его ошибокъ. Это дѣлало задачу писцовъ во много разъ отвѣтственнѣе и сложнѣе, а слѣдствіемъ для казны было то, что сошное письмо, какъ основа измѣнчиваго обложенія, утратило свою прочность и эластичность. Всякое повышеніе обложенія было сопряжено съ рискомъ разоренья наиболѣе тяжело обложенныхъ боярщинъ и вызывало жалобы, въ отвѣтъ на которыя правительству приходилось допускать льготы или производить новыя описанія.

Насколько велико было значеніе этого обстоятельства, можно видѣть изъ того, что послѣ Смуты, въ это критическое для сошнаго письма время, правительство должно было производить въ частновладѣльческихъ земляхъ неоднократные общіе дозоры и допустить множество особыхъ дозоровъ, когда въ черныхъ земляхъ оно почти совсѣмъ не допускало частичныхъ дозоровъ и во многихъ городахъ, даже изъ числа подвергавшихся разоренью, обошлось совсѣмъ безъ дозоровъ.

Непосредственное вліяніе служилаго землевладѣнія распространялось на очень значительную часть государства. Посады, окруженные служилыми и прочими частными землями, косвенно тоже подвергались этому вліянію, выразившемуся главнымъ образомъ въ томъ, что уѣзды отдѣлились отъ нихъ тягломъ и управленіемъ и что служилые землевладѣльцы свалили на нихъ нѣкоторыя повинности, которыя раньше были общими. Сверхъ того, въ жизни самихъ посадовъ были нѣкоторыя явленія, неблагопріятныя для сошнаго письма. Объ этомъ, какъ о второстепенномъ вопросѣ, я ограничусь только упоминаніемъ — о тягостной и вредной для развитія посадовъ конкуренціи въ торгахъ и промыслахъ съ окружавшими посады частновладѣльческими людьми и крестьянами, о растущей тяжести обложенія, которая разгоняла посадскихъ тяглецовъ, укрывавшихся въ частновладѣльческихъ земляхъ, и, наконецъ, о растущей экономической дифференціаціи въ средѣ посадскихъ людей, которая вредно отражалась на успѣшности мірской раскладки податей. Вовсе не случайность то, что большая часть сохранившихся въ приказныхъ архивахъ случаевъ длительной и горячей борьбы младшихъ людей съ лучшими, по поводу раскладки податей и мірскихъ расходовъ, относится къ крупнымъ торгово-промышленнымъ посадамъ.

Но была еще значительная часть государства, въ которой населеніе жило въ совершенно другихъ условіяхъ и отбывало тягло при другихъ порядкахъ. Я имѣю въ виду дворцовыя и, главнымъ образомъ, черныя владѣнія. Здѣсь тоже были нѣкоторые признаки упадка посошнаго обложенія, но можно сказать, что несмотря ни на что оно могло бы просуществовать еще не одинъ десятокъ лѣтъ. Если оно и для этихъ земель было замѣнено, одновременно съ частновладѣльческими землями, подворнымъ обложеніемъ, то это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что правительству было неудобно, съ точки зрѣнія управленія, имѣть два особыхъ аппарата — для обложенія однѣхъ частей государства посошный, а для другихъ — подворный.

Оговорившись такъ, слѣдуетъ тѣмъ не менѣе отмѣтить, что и въ этихъ земляхъ время расцвѣта, если можно выразиться, сошнаго письма прошло безвозвратно и начался упадокъ, хотя далеко и не въ такой сильной степени, какъ въ частновладѣльческихъ земляхъ.

Основная, какъ мнѣ кажется, причина упадка заключается въ противорѣчіи между правительственной политикой посошнаго обложе-

нія и нѣкоторыми сторонами той основы, на которой она была построяема. Въ древнѣйшемъ обложеніи преобладали договорные оброки и мѣстныя повинности. Этому разнообразному по своему составу и по тяжести тяглу соотвѣтствовали разнообразныя окладныя единицы и множество мѣстныхъ особенностей въ порядкахъ отбыванія тягла. Договорное происхожденіе большинства платежей и повинностей и важное значеніе мѣстной старины, въ широкомъ смыслѣ этого слова, вотъ двѣ характерныхъ черты древнѣйшаго тягла. Государство, подъ вліяніемъ своихъ новыхъ, возникавшихъ съ теченіемъ времени потребностей, развивало въ обложеніи однообразіе, стирало постепенно мѣстныя особенности тягла и стремилось замѣнить договорныя отношенія населенія къ казнѣ принудительностью тягла. Суть вопроса, однако, не въ томъ, что здѣсь сталкивались два различныхъ міровоззрѣнія, два различныхъ, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ рѣзко противорѣчившихъ другъ другу строя отношеній, а въ той обстановкѣ, въ которой происходило это столкновеніе, и въ тѣхъ формахъ, въ которыя выливалась борьба казны съ интересами и привычками тяглеца. Дѣло въ томъ, что вся политика слабыхъ и недостаточныхъ центральныхъ и мѣстныхъ органовъ казны была построена на компромиссахъ. Казна въ общемъ сама стояла на почвѣ старины, руководилась и пользовалась ею, когда это облегчало задачи управленія, и въ то же время разрушала по частямъ старину, не загадывая и не предусматривая послѣдствій своей разрушительной работы. Государство развивало однообразіе въ обложеніи, но дѣлало это такъ: новые налоги вводило обыкновенно однообразные, но одновременно очень цѣпко держалось и сохраняло старые разнообразные налоги. Такъ подъ новымъ однообразнымъ наслоеніемъ сохранялась налоговая старина, сильное препятствіе для развитія однообразія въ окладныхъ единицахъ. И въ послѣдней задачѣ тотъ же консерватизмъ и постоянное смѣшеніе противорѣчивыхъ началъ. Укажу еще на развитіе принудительности въ тяглѣ. Въ цѣляхъ проведенія ея государство проводитъ политику прикрѣпленія людей къ тяглу, лишаетъ часть населенія права переходовъ, но одновременно допускаетъ ихъ и признаетъ право порядны въ тѣхъ случаяхъ, когда для казны это представляло выгоду.

Эта политика постоянныхъ компромиссовъ и казуистическаго разрѣшенія вопросовъ текущаго управленія смягчала, частью отстраняла, но нисколько не разрѣшала указаннаго выше противорѣ-

чія, которое съ теченіемъ времени не уменьшалось, а возрастало. Мнѣ кажется, что относительная успѣшность этой политики объясняется не столько положительными качествами приказной работы, сколько большой приспособляемостью крупныхъ тяглыхъ міровъ къ требованіямъ казны.

Въ послѣднемъ отношеніи положеніе дѣла съ теченіемъ времени во всякомъ случаѣ не улучшалось, а скорѣе ухудшалось. Главными обстоятельствами, ослаблявшими приспособляемость тяглыхъ міровъ къ фискальной политикѣ государства, были, несомнѣнно, ростъ обложенія и растущая въ средѣ тяглаго населенія хозяйственная дифференціація.

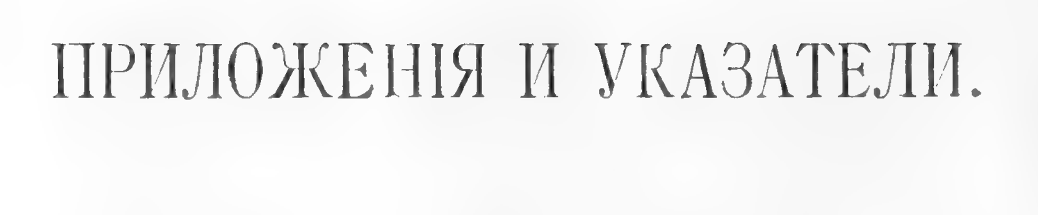
Мы знаемъ хорошо, какъ неблагопріятно отражалось на жизни и дѣятельности тяглыхъ союзовъ возраставшее бремя тягла. Подъ бременемъ тяжелыхъ налоговъ внутри тяглыхъ міровъ и между тяглыми мірами начиналась упорная борьба, создававшая правительству большія затрудненія и вредившая казнѣ.

Мірской окладъ «въ Божію правду» по силамъ тяглецовъ самъ по себѣ былъ дѣломъ сложнымъ и труднымъ. По мѣрѣ роста обложенія трудности возрастали, особенно тогда, когда тяглый міръ состоялъ изъ людей, значительно различавшихся между собой по зажиточности и по своимъ хозяйственнымъ интересамъ. Между «лучшими» людьми и рядовыми тяглецами начиналась борьба, то въ формѣ рѣзкихъ столкновеній, кончавшихся болѣе или менѣе надежнымъ перемиріемъ, то по формѣ затяжныхъ, иногда хроническихъ, раздоровъ. На крупныхъ торгово-промышленныхъ посадахъ всего государства и въ уѣздахъ Поморья, отличавшихся развитіемъ торговъ и промысловъ, эта борьба становится зауряднымъ явленіемъ. Рядовые тяглецы и бѣднота жаловались на притѣсненія въ окладѣ со стороны лучшихъ людей, доводившія ихъ до разоренья, а лучшіе люди жаловались на мірское хозяйство съ его «ненадобными» расходами и на несправедливость мірского оклада и указывали, часто вовсе не безъ основанія, что на нихъ падаетъ значительная часть податей и самыя тяжелыя и отвѣтственныя службы у государевыхъ дѣлъ. Казна, признавая значительную долю справедливости тѣхъ и другихъ жалобъ, старалась примирить враждующія стороны, такъ какъ ихъ борьба вредила отбыванію тягла, однако ей далеко не всегда удавалось достигнуть своей цѣли. Когда она принимала сторону лучшихъ людей, то послѣдніе тотчасъ использовывали приказную поддержку, чтобы еще болѣе угнетать мелкихъ людей,

а когда она пыталась защитить послѣднихъ и обуздать лучшихъ людей, то послѣдніе оказывали ей упорное сопротивленіе, пользуясь тѣмъ, что на нихъ лежали значительная часть тягла и самыя отвѣтственныя службы и что казна не могла справиться безъ ихъ опытнаго содѣйствія въ привлеченіи къ тяглу множества мелкихъ людей.

Та же борьба, въ иной формѣ и нѣсколько по инымъ причинамъ происходила между тяглыми мірами. Здѣсь слишкомъ большіе размѣры міровъ, связанныхъ круговой порукой, и различіе въ хозяйственныхъ интересахъ и условіяхъ жизни вызывали между мірами и между частями міровъ борьбу и стремленіе къ обособленію — къ отпискѣ сошнымъ письмомъ и тягломъ въ особыя кости. Казнѣ было выгоднѣе имѣть дѣло съ болѣе крупными союзами, такъ какъ это облегчало задачи писцовъ и лучше обезпечивало исправное отбываніе тягла населеніемъ, и она по возможности противилась указанной тенденціи тяглыхъ союзовъ, но тѣмъ не менѣе этотъ распадъ происходилъ: «земли» распадаются съ теченіемъ времени на особые уѣзды, и тотъ же процессъ раздробленія союзовъ происходитъ мѣстами въ предѣлахъ уѣздовъ и даже въ предѣлахъ волостей. Такимъ образомъ создавалось вынужденное приближеніе казны къ облагаемому населенію и тѣмъ значительно осложнялись задачи описаній въ частности и вообще задачи финансоваго управленія.

При такихъ условіяхъ и подъ вліяніемъ такихъ причинъ, какъ мнѣ представляется, происходили разрушеніе сошнаго письма и упадокъ посошнаго обложенія и подготовлялась почва для перехода къ подворному, а позже къ подушному обложенію.



ПРИЛОЖЕНІЯ И УКАЗАТЕЛИ.

I. *Къ 25 страницѣ.* Въ дѣлахъ Помѣстнаго приказа 193—194 гг. о посылкѣ писцовъ упоминаются слѣдующіе города.

Алатырь[1])
Алексинъ
Арзамасъ
Балахна
Болховъ
Боровскъ
Брянскъ
Бѣжецкій Верхъ
Бѣлгородъ
10. Бѣлевъ
Бѣлоозеро
Валуйка
Венева
Верея
Владимиръ
Вологда
Волокъ Ламскій
Воронежъ
Воротынскъ
20. Вязьма
Галичъ
Гороховецъ
Данковъ
Дмитровъ
Дѣдиловъ
Елецъ
Епифань
Ефремовъ
Зарайскъ
30. Звенигородъ
Зубцовъ
Калуга
Карачевъ
Касимовъ
Кашинъ
Кашира
Кинешма
Клинъ
Козельскъ
40. Коломна
Кострома
Кромы
Курскъ
Лебедянь
Ливны
Лихвинъ
Луки Великія
Лухъ
Медынь
50. Мещера
Мещовскъ
Можайскъ
Мосальскъ
Москва
Муромь
Мценскъ
Новгородъ Великій
Новгородъ Нижній
Новосиль
60. Оболенскъ
Одоевъ
Орелъ
Осколъ Старый
Перемышль
Переяславль Залѣсскій
Пошехонье
Псковъ
Путивль
Ржева Владимирова
70. Ржева Пустая
Романовъ
Ростовъ
Руза
Рыльскъ
Ряжскъ
Рязань
Серпейскъ
Серпуховъ
Солова
80. Старица
Суздаль
Таруса
Тверь
Торжокъ
Торопецъ
Тула
Угличъ
Устюжна
Холмъ
90. Чернь
Шуя
Юрьевецъ Поволькій
Юрьевъ Польскій
Яблоновъ
Ярославецъ М.
96. Ярославль.

---

[1]) Упоминается только одинъ разъ, очевидно, по ошибкѣ; въ росписяхъ (см., напр., лл. 291—298 столбца № 96) не указывается.

Источники: Арх. М. Юст., Помѣстнаго приказа, Приказныхъ дѣлъ кн. № 28 (общій № 5052), лл. 299—337 и 461 и дальше, и Столбецъ приказной записки № 96 (общій № 18926), особенно лл. 291—298.

II. *Къ 67 страницѣ.* «Писцовая книга» № 16 Архива Министерства Юстиціи содержитъ списокъ съ дозорныхъ книгъ Ѳ. Кошкина и подьячаго Вл. Лошакова 121—122 гг. по Боровскому уѣзду и платежницу съ этихъ книгъ. Платежница скрѣплена дозорщиками, изъ чего можно заключить, что они же ее изготовили.

Въ дозорныхъ книгахъ мы, напр., читаемъ:

Станъ Бобольской.

За Степаномъ Ивановымъ сыномъ Кустова въ помѣстьѣ сельцо Михалково, на рѣчкѣ на Кщенкѣ, а въ немъ былъ храмъ Никола чудотворецъ древянъ, и тотъ храмъ поднялся, да помѣщиковы пашни паханыя осьмина, да крестьянскія 3 осьмины, да пус. Тошлопоковская, пус., что было сельцо Корнѣевское, на рѣчкѣ на Кщенкѣ, пус., что было сельцо Воронинское, пус., что была деревня Легодяевская, на рѣчкѣ на Шашелкѣ, пус., что была деревня Костинская, сѣна на тѣхъ пустошахъ 10 копенъ, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло 348 чети въ полѣ, а въ дву потому-жъ *(лл. 189 об.—190).*

Въ платежницѣ это сокращено такъ:

Станъ Бобольской.

За Степаномъ Ивановымъ сыномъ Кустова въ помѣстьѣ сельцо да 5 пустошей, четвертныя пашни въ живущемъ помѣщиковы осьмина да крестьянскія 3 осьмины, а въ пустѣ четь и пол-чети и пол-пол-чети сохи, а не дошло въ сошное письмо въ пустѣ 2 чети *(л. 127).*

Далѣе въ дозорныхъ книгахъ описано помѣстье Ив. Бѣсова (л. 190), но такъ какъ въ немъ живущей пашни не было, то оно въ платежницу не внесено совсѣмъ.

Сличеніе писцовыхъ книгъ съ платежницей, составленной по нимъ, можно сдѣлать по изданію В. Н. Сторожева: Писцовыя книги Рязанскаго края, I томъ. Ср., напр., стран. 43 и далѣе съ стран. 263 и далѣе.

III. *Къ 71 страницѣ.* «Писцовая книга» № 56 Архива Министерства Юстиціи представляетъ изъ себя большой сборникъ дозорныхъ и отдѣльныхъ книгъ 121—125 гг. по Вологодскому уѣзду[1]). По листамъ сборника скрѣпа дьяка Венедикта Махова, а на послѣднемъ листѣ (л. 1063) справа подьячаго: «справилъ Ѳедька Стоговъ».

---

[1]) Отдѣльныя книги — на лл. 560—610.

Венедиктъ Матвѣевичъ Маховъ нигдѣ кромѣ Помѣстнаго приказа въ дьякахъ не служилъ. Съ 11 января 131 г. по май 140 г. онъ непрерывно сидѣлъ въ этомъ приказѣ (Въ октябрѣ 131 г. его еще не было въ Помѣстномъ приказѣ. Акты гражданской расправы Ѳедотова-Чеховскаго, I, стран. 277; Ак. ю. б., III, стран. 37; А. М. Г., I, стран. 654. Срав. тамъ же, стран. 408). Подьячій Ѳ. Стоговъ (въ мартѣ 132 г. — въ Большомъ Приходѣ. Прик. д. стар. л., 1624 г. № 15) въ 135 г. съ кн. Ив. Мещерскимъ описывалъ посадъ Вологды, а въ 136—139 гг. съ С. Г. Коробьинымъ описывалъ половину Вологодскаго уѣзда (Ак. п. д., I, № 257, и II, № 70. Описаніе документовъ Арх. М. Юст., I, стран. 28—30). Отсюда становится вѣроятнымъ, что указанный сборникъ былъ изготовленъ около 135 г. въ Помѣстномъ приказѣ для приправки С. Коробьину и провѣренъ по подлинникамъ Ѳ. Стоговымъ. Подтвержденіе этому мы находимъ въ столбцѣ Помѣстнаго приказа, изданномъ Н. Н. Ардашевымъ: во второй половинѣ 135 г. въ Помѣстномъ приказѣ, въ числѣ другихъ приправочныхъ книгъ, были изготовляемы «книги Вологодскія розныхъ дозорщиковъ и отдѣльщиковъ розныхъ годовъ» (Древнѣйшій столбецъ и т. д., стран. 16. М. 1909 г.).

Въ Можайскихъ актахъ 1506—1775 гг. архимандрита Діонисія (Изд. Общ. Люб. Др. П. С.-Пб. 1892 г.) напечатано, по оригиналамъ Архива Министерства Юстиціи, нѣсколько книгъ по посаду Можайска: писцовая Вл. Загряжскаго съ товарищами 104—106 гг., дозорная Смирнаго Отрепьева 122 г., дозорная же кн. С. Шеховского 124 г. и 2 оброчныя книги 122 и 123 годовъ. Книги скрѣплены дьякомъ Михаиломъ Смываловымъ и справлены подьячимъ Никифоромъ Демидовымъ.

М. Смываловъ былъ пожалованъ изъ гостей въ дьяки не ранѣе второй половины 130 г. и съ 8 сентября 131 г. по апрѣль 139 г. управлялъ Устюжской четью (см. выше, стран. 258). Н. Демидовъ съ начала 131 г. и до конца 140 г. былъ справнымъ подьячимъ той же чети, а въ концѣ 140 г. пожалованъ въ дьяки и посланъ на Двину (Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 117, 2-я часть, л. 307; Ак. н. д., I, стран. 302 и 402; Прик. д. стар. л., 1631 г. № 81; Р. И. Б., XIV, стран. 932, и II, стран. 518; А. М. Г., I, стран. 355). Отсюда становится яснымъ, что указанные списки были изготовлены въ Устюжской чети. Справляемся, какіе писцы описывали Можайскъ въ промежуткѣ времени со 131-го по 140-й годъ. Въ 134 г. описаніе посада было поручено Н. Неплюеву и подьячему Ал. Берестову, «а для приправки во всякихъ земляхъ даны были имъ можайскія книги письма и мѣры Володимира Загряжскаго да подьячихъ Дѣя Чечетова да Леонтья Софонова 104-го и 105-го и 106-го года, да дозорщиковъ Смирнаго Отрепьева 122-го года да князя Семена Шеховского 125-го года» (Ак. п. д., I, № 260). Книги этихъ писцовъ были отставлены, и въ 136 г. кн. Ив. Шеховскому и подьячему Вас. Андрееву было велѣно описать посадъ вновь. Для приправки имъ были даны тѣ же перечисленныя выше книги и «роспись

съ приходныхъ книгъ нынѣшняго 136-го года, за приписью дьяка Михаила Смывалова» (Ак. п. д., II, № 39). Такимъ образомъ выясняется, что списки Архива Министерства Юстиціи, напечатанные архимандритомъ Діонисіемъ, были изготовлены въ Устюжской чети около 134 г. и послужили для приправки — сначала Н. Неплюеву, а затѣмъ кн. И. Шеховскому.

Въ I отдѣленіи писцовыхъ книгъ Московскаго государства, изданныхъ Н. В. Калачовымъ, напечатано 5 документовъ по Московскому уѣзду. Изъ нихъ первые 4 имѣютъ скрѣпу дьяка Ив. Грязева, а первый скрѣпленъ сверхъ того дьякомъ В. Маховымъ. Пятый документъ скрѣпы не имѣетъ. Оригиналы первыхъ четырехъ находятся въ Архивѣ Министерства Юстиціи, а пятаго — въ библіотекѣ Троицкой лавры.

Иванъ Кирилловичъ Грязевъ въ 122—123 гг. былъ однимъ изъ старшихъ подьячихъ Разряда (Р. И. Б., XXVIII, стран. 298). Въ 125 г. онъ былъ уже дьякомъ и служилъ съ воеводами, а съ мая 126 г. по май 128 г.— въ Астрахани (Тамъ же, стран. 793—795, и Барсуковъ, Списки воеводъ, стран. 8). Съ 3 января 129 г. по мартъ 132 г. онъ былъ въ Помѣстномъ приказѣ (В. Сторожевъ, Матеріалы Помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду, I, стран. 77, 84, 412 и 130, и С. А. Шумаковъ, Сотницы и т. д., V вып., стран. 98), а 8 мая 132 г. упоминается въ Казанскомъ Дворцѣ (А. А. Э. III, стран. 220), гдѣ былъ непрерывно по 140-й годъ (А. М. Г., I, стран. 336). 25 августа этого года онъ вернулся изъ посольства въ Данію и 1 октября 141 г. назначенъ думнымъ дьякомъ Посольскаго приказа, гдѣ и умеръ лѣтомъ 142 г. (С. А. Бѣлокуровъ, О Посольскомъ приказѣ, стран. 110. М. 1906 г.). Такимъ образомъ, И. Грязевъ могъ скрѣпить указанныя книги только въ качествѣ дьяка Помѣстнаго приказа, т.-е. въ 129—132 гг. Венедиктъ Маховъ, какъ мы уже знаемъ, служилъ въ этомъ приказѣ съ зимы 131 г. На основаніи этого можно сказать, что указанныя книги были изготовлены въ Помѣстномъ приказѣ въ 131—132 годахъ. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ началѣ 131 г. въ Московскій уѣздъ были посланы писцы Сем. Колтовскій съ под. Онисимомъ Ильинымъ и Лавр. Кологривовъ съ под. Дружиной Скиринымъ[1]), а въ 132 г. Влад. Вешняковъ съ товарищами. Для этихъ, очевидно, писцовъ были изготовлены и скрѣплены Ив. Грязевымъ и В. Маховымъ списки съ старыхъ книгъ, часть которыхъ сохранилась и напечатана Н. В. Калачовымъ. Въ одномъ спискѣ писцовыхъ, переписныхъ и другихъ книгъ по Московскому уѣзду, хранившихся въ Помѣстномъ приказѣ во второй половинѣ XVII вѣка, перечислены слѣдующія книги XVI в.: книги письма и дозора Ив. Коробова и Болдыря Симанова съ товарищами 82 г., книги письма и отдѣла Андрея Молчанова 85—86 гг., книги письма и мѣры Тим. Хлопова съ товарищами 93—94 гг. и, наконецъ, платежныя Ив. Орлова и Меньшика Воейкова 84 г. (Арх. М. Юст., Оклеен. ст-цъ по Москвѣ № 230, докум. № 18). Послѣднія книги были, очевидно, утра-

---

[1]) Сначала былъ назначенъ под. Мих. Максимовъ. Ак. п. д., I, № 215.

чены въ концѣ XVII вѣка или въ началѣ XVIII-го, такъ какъ въ описи книгъ, составленной въ 1717 г. по указу Сената, указаны только первыя 3 книги, при чемъ отмѣчено, что у нихъ нѣтъ начала и что онѣ «за приписью дьяка Ивана Грязева» (Описаніе документовъ Арх. М. Ю., V т., стран. 365).

Изъ всего этого выясняется происхожденіе книгъ, напечатанныхъ Н. В. Колачовымъ. Онѣ были даны для приправки С. Колтовскому и Л. Кологривову, и послѣ пожара 134 г. возвращены писцами въ Помѣстный приказъ. Первая книга, напечатанная Н. В. Колачовымъ (стран. 1—39), есть дозорная Ив. Коробова и Б. Симанова 82 г. Вторая книга (стран. 39—53) — книга письма и *отдѣла* Андр. Молчанова 85—86 гг., какъ это отмѣчено издателемъ. Четвертая книга (стран. 96—277) есть писцовая Т. Хлопова 93—94 гг. Ему же, очевидно, принадлежитъ и третья книга (стран. 53—96), содержащая описаніе Троицкихъ вотчинъ. Поэтому нельзя согласиться съ Ю. В. Готье, что «скрѣпа дьяка Ив. Грязева даетъ возможность предположить, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ черновикомъ или какимъ-нибудь неофиціальнымъ спискомъ, обращеннымъ въ офиціальный документъ въ 20-хъ годахъ XVII вѣка» (Замосковный край, стран. 10). Списки съ указанныхъ четырехъ книгъ были изготовлены въ 131—132 гг., до пожара 134 г., когда архивъ Помѣстнаго приказа былъ цѣлъ, а скрѣпы дьяковъ на нихъ показываютъ, что они съ самого начала были офиціальными списками, сдѣланными съ подлинниковъ или съ приказныхъ же списковъ. Приказные были людьми очень осторожными и недовѣрчивыми, и намъ неизвѣстно случаевъ неразборчиваго превращенія неофиціальныхъ списковъ въ офиціальные документы[1]).

Пятая книга, напечатанная Н. В. Колачовымъ по оригиналу библіотеки Троицкой лавры, не имѣетъ дьячьей скрѣпы и потому должна быть признана частнымъ, монастырскимъ спискомъ.

IV. *Къ 78 страницѣ.* Сопоставленіе какой-либо данной писцовой или дозорной книги съ тѣми книгами, которыя послужили для ея авторовъ приправочными, можетъ представить большой интересъ. Это, конечно, далеко не всегда возможно, такъ какъ множество книгъ погибло безвозвратно, но если возможность представляется, то ея не слѣдуетъ упускать. Сопоставленія особенно интересны въ тѣхъ случаяхъ, когда въ приправочныхъ книгахъ на поляхъ сдѣланы отмѣтки писцовъ относительно того, какъ они ими пользовались. Такъ, въ спискѣ съ тотемскихъ дозорныхъ книгъ 128 г., данномъ для приправки писцамъ 131 г., есть интересныя

---

[1]) См., напр., въ докладѣ 135 г. государямъ изъ Помѣстнаго приказа мнѣніе бояръ: не вѣрить дозорщиковымъ выписямъ изъ книгъ, такъ какъ дозорныя книги сгорѣли въ 134 г., «а нынѣ многіе станутъ у дозорщиковъ и у подьячихъ, которые подьячіе съ дозорщики были, промышлять новыми выписьми и крестьянъ и бобылей и угодья учнутъ воровски приписывать, и отъ того будетъ въ землѣ смута великая и бѣднымъ обида». Ак. п. д., I, № 246.

отмѣтки, къ сожалѣнію рѣдкія (Арх. М. Юст., Писц. кн. № 479. Списокъ за скрѣпой дьяка Устюжской чети М. Смывалова и за справой товарища писца 131 г., подьячаго Евст. Колюпанова). Противъ нѣкоторыхъ статей отмѣчено: «пис.», т.-е., очевидно, что въ писцовыхъ книгахъ написано. Противъ пустоши Куделино отмѣчено: «пис. вдвое, та-жъ Дьяковица, сказали» (л. 107), т.-е. тяглые люди сказали писцамъ, что это два названія одной пустоши. Противъ другой пустоши отмѣчено: «тое не знаютъ». Писцовыя книги 131 г. сохранились въ подлинникахъ за скрѣпой писцовъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 480 и 486).

Подобныя же отмѣтки есть въ оригиналѣ списка съ дѣдиловскихъ книгъ 96—97 гг., напечатанныхъ въ II отд. изданія Н. В. Колачова (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 124). Къ сожалѣнію издатель не нашелъ нужнымъ воспроизвести эти отмѣтки.

Очень цѣнные, какъ мнѣ кажется, результаты можетъ дать сопоставленіе писцовыхъ и дозорныхъ книгъ съ отказными на помѣстья и вотчины книгами, какъ съ тѣми, которыя были даны для приправки, такъ и вообще съ предшествовавшими и послѣдующими данному описанію. Отказныя и отдѣльныя книги вообще гораздо подробнѣе писцовыхъ и сообщаютъ множество интересныхъ подробностей объ усадьбахъ и угодьяхъ помѣстій и вотчинъ (см. выше, стран. 384—385, 388), о крестьянскихъ и прочихъ дворахъ и т. п. Онѣ интересны еще тѣмъ, что преслѣдовали иныя цѣли, чѣмъ писцовыя, (только правовыя, а не фискальныя и правовыя), и что точка зрѣнія отдѣльщика была другая, чѣмъ у писцовъ. Между тѣмъ, количество сохранившихся отказныхъ и отдѣльныхъ книгъ (въ Архивѣ Министерства Юстиціи) за время отъ воцаренія Михаила Ѳедоровича очень велико, а по нѣкоторымъ уѣздамъ (напр., по Арзамасу, Вологдѣ, Костромѣ, Переяславлю Залѣсскому, Романову, Ростову и Суздалю) ихъ такъ много, за весь XVII вѣкъ, что можно жаловаться скорѣе на избытокъ, чѣмъ на недостатокъ. По нѣкоторымъ уѣздамъ сохранились рукописныя азбуки лицъ, получившихъ помѣстья и вотчины, что можетъ значительно облегчить работу изслѣдователя.

У писцовъ за время работы накоплялся довольно значительный архивъ изъ сказокъ и росписей, подаваемыхъ населеніемъ, изъ сотныхъ, выписей, различныхъ «крѣпостей», государевыхъ грамотъ и частныхъ актовъ. Далѣе, писцы производили по многимъ вопросамъ обыски и судили людей въ «земляныхъ дѣлахъ». Писцовые наказы обыкновенно требовали отъ писцовъ сдачи этихъ документовъ, послѣ завершенія книгъ, въ приказъ, и дѣйствительно въ приказныхъ архивахъ сохранились, къ сожалѣнію въ небольшомъ количествѣ, остатки этихъ писцовыхъ архивовъ. Впрочемъ, возможно, что современемъ въ дѣлахъ Помѣстнаго приказа удастся найти бóльшее количество этихъ дѣлъ, чѣмъ пришлось видѣть мнѣ. Эти дѣла представляютъ источникъ первостепенной важности для выясненія исторіи и состава писцовыхъ книгъ.

Укажу для примѣра на нѣсколько большихъ столбцевъ изъ дѣлъ писцовъ Сольвычегодскаго уѣзда 131—136 гг. (Арх. Мин. Ин. д., Прик. д. стар. л.: 1626 г. № 45, 1624 г. № 4, 1604 г. № 1, 1594 г. № 3—5, 1626 г. № 25 (судное земельное дѣло), и Приказныхъ дѣлъ новаго разбора № 530). Столбцы содержатъ сотни купчихъ, земскихъ данныхъ, духовныхъ, закладныхъ, оброчныхъ и т. п. актовъ, изъ которыхъ многіе относятся къ XVI вѣку. Въ томъ же архивѣ столбецъ Прик. д. стар. л. 1645 г. № 99 состоитъ изъ такихъ же актовъ, поданныхъ Сольвычегодскимъ писцамъ 153—154 гг. Въ томъ же архивѣ сохранились столбцы сказокъ, поданныхъ населеніемъ переписчикамъ 154—155 гг. — по Устьянскимъ волостямъ (Прик. д. стар. л., 1646 г. №№ 26 и 28), по Устюгу (тамъ же, 1646 г. № 38) и по Соли Вычегодской (тамъ же, 1646 г. № 35). Сохранились 2 столбца судныхъ дѣлъ писцовъ Чаронды 176 г., судившихъ и межевавшихъ владѣнія крестьянъ и помѣщиковъ Бѣлозерскаго и Вологодскаго уѣздовъ (Тамъ же, 1670 г. №№ 5 и 174).

Въ дѣлахъ Помѣстнаго приказа, въ Архивѣ Министерства Юстиціи, сохранилось большое количество сказокъ, поданныхъ населеніемъ переписчикамъ 154—155 гг. и 186 г. Особенно много сказокъ и дѣлъ переписчиковъ 186 г., и они отчасти выдѣлены въ особый отдѣлъ — «Переписчиковыхъ дѣлъ». Столбцевъ писцовыхъ дѣлъ очень мало. По крайней мѣрѣ, мнѣ на этотъ счетъ не посчастливилось: въ рукописной описи оклеенныхъ столбцевъ по Вязьмѣ и Можайску я нашелъ много указаній на столбцы писцовыхъ дѣлъ (напр., №№ 160, 194, 201, 202, 241, 250 и 372), но большинство ихъ погибло, по несчастной случайности, въ 1812 году. А какой это цѣнный источникъ для изслѣдованія происхожденія писцовыхъ книгъ, можно видѣть по сохранившемуся столбцу писцовъ Ярославскаго уѣзда 136—138 гг. (по Ярославлю оклеенный ст-цъ № 42, общій № 21354) содержащему сказки помѣщиковъ, выписи изъ старыхъ писцовыхъ и отдѣльныхъ книгъ, грамоты на помѣстья и вотчины и т. п.

V. *Къ 151 страницѣ.* Въ XII томѣ Русской Исторической Библіотеки (стран. 551—567) напечатано 7 писемъ Устюжскаго протодьякона къ соборной братьѣ, посланнаго въ Москву хлопотать по поводу новаго описанія Устюга и Соли Вычегодской, которое въ 190 г. приближалось къ концу. Посады, уѣзды, монастыри и соборы послали, всякій отъ себя, въ Москву своихъ ходоковъ. Всѣ, конечно, сходились на желаніи платить меньше, но для тяглыхъ міровъ было особенно важно, платить ли по старому посошно, или по дворамъ, и если по дворамъ, то въ какомъ окладѣ, а для монастырей и соборовъ сверхъ того было очень важно утвердить за собой старое право нести тягло особо отъ мірскихъ людей, право, противъ котораго особенно энергично боролись уѣзды.

Протодьяконъ пишетъ очень осторожно, какъ будто не увѣренный, что его письма останутся неизвѣстными никому постороннему; не назы-

ваетъ большею частью лицъ и употребляетъ намеки, для насъ иногда совершенно непонятные. Тѣмъ не менѣе его письма въ высшей степени интересны и даютъ нѣкоторое представленіе о хожденіи челобитчиковъ за дѣломъ. Передъ нами проходятъ какія-то тѣни, значеніе и связь которыхъ между собой намъ непонятны, но хорошо были извѣстны участникамъ дѣла. Тутъ какая-то верховая боярыня, радѣтельница о богомольяхъ, которая въ самое нужное время, какъ на грѣхъ, «заскорбѣла», перестала выходить изъ дома, и «къ тому нынѣ во весь міръ печаль пришла и всякіе верховые *(т.-е., исходящіе съ государева Верха)* указы стали»; какая-то «Коряжемская заступа», т.-е. вліятельный человѣкъ, принявшій сторону Коряжемскаго монастыря; дьяки, которые безшумно берутъ взятки, какъ должное, и сами не знаютъ, чѣмъ окончится дѣло; тутъ и справный подьячій, отъ котораго зависѣло изготовить докладную выписку, и который таковъ, «что и сотой человѣкъ добротою его не похвалится»... впередъ онъ не беретъ, но говоритъ: «какъ деи сдѣлаю, и тогда де мое у меня будетъ». Всѣ они «на словахъ сладко говорили, а дѣломъ ничего не учинили»... «ей, слезы, а не житье, — день поблазнятъ добромъ, а послѣ недѣлю бродишь, а на пищу ни мало не услышишь; взять хотятъ напередъ много, и невѣдомо, что учинятъ добра».

Первымъ вопросомъ было, гдѣ и кому довершить книги: «посадскіе люди и монастырями подали челобитную, чтобъ пожаловалъ государь, указалъ то писцовое дѣло довершить на Москвѣ, кому онъ, великій государь, укажетъ». При этомъ одни ходатаи (посада и монастырей) просили довершить дѣло писцу стольнику Никифору Ефимьеву, а какіе-то другіе высказывались противъ этого лица. Протодьяконъ пишетъ братьѣ, что государь указалъ довершить воеводѣ и дьяку, проситъ знать это «про себя» и совѣтуетъ присоединиться къ этому распоряженію правительства, такъ какъ де «къ нимъ уже попризнались», т.-е. познакомились и расположили въ свою пользу. «А здѣсь *(т.-е. въ Москвѣ)* только довершать кому вново, и будетъ тягостно гораздо». Послѣднее соображеніе протодьякона очень вѣско. Какъ разъ въ то время, когда онъ ходилъ за дѣломъ, Устюжская четь, на бѣду челобитчиковъ, была уничтожена, и дѣла ея распредѣлены между нѣсколькими приказами: «Устюжскую четь всю розвели врознь въ иные приказы, и прізнать наша Устюжскія чети дьякамъ и подьячимъ даромъ пропала», сообщаетъ протодьяконъ. Ему пришлось «признаваться» къ новымъ дьякамъ и подьячимъ, — «а у насъ и отъ сторожей тѣхъ приказовъ голова зѣло болитъ».

Больше всего протодьякону мѣшали уѣздные челобитчики, которые стремились притянуть къ себѣ въ одно тягло церкви и соборы, — «поносы отъ нихъ большіе во весь ротъ (?), и грамоты имъ даютъ, что быть всѣмъ вмѣстѣ и окладывать врядъ всѣхъ по переписнымъ книгамъ». Въ слѣдующемъ письмѣ протодьяконъ пишетъ, что уѣздные челобитчики «бродятъ не по нашему, держатъ на день рублевъ по сту» . . . «и грамоты доступили

другія, что всѣхъ врядъ окладывать». Однако, по словамъ протодьякона, и мірскимъ челобитчикамъ приходилось туго: «не наши у нихъ признати и заступы, и у нихъ видаемъ слезы» . . . глядя на нихъ, «у насъ и вчужѣ утроба болитъ». Отъ безплодныхъ издержекъ и неизвѣстности бѣдному протодьякону «бродить стало не изъ-за чего, въ рукахъ стало тщо» . . . «отъ бродни гораздо голова и ноги болятъ, и на нутрѣ мутно отъ таковы издержки».

О писцовыхъ книгахъ протодьяконъ пишетъ, что ихъ указано довершить усольскому писцу Гр. Овцыну, а не воеводѣ, какъ было велѣно раньше, и грамота къ нему изготовляется: «буде что устюжскаго письма не довершено, и ему довершить, а буде все сдѣлано, а не закрѣплено, и ему де велѣно у старожиловъ и у посадскихъ людей и у всякихъ чиновъ и у крестьянъ взять сказки за руками — буде годно то ихъ писцовое дѣло и переписныя книги *(186 г.)*, и тому такъ и быть». Протодьяконъ совѣтуетъ братьѣ подавать сказку, подумавши, «чтобъ вовѣки не привязали *(къ мірскимъ людямъ)*. Переписною книгою *(186 г.)* насъ привязали, а только и въ писцовой книгѣ также не противъ государевыхъ жаловальныхъ грамотъ что объявится, и намъ справы не будетъ». При этомъ онъ прибавляетъ: «а посадскіе люди не будутъ ихъ письма добрить, что отяготили ихъ гораздо». Такъ какъ отмѣна сошнаго письма еще не была рѣшена окончательно, то протодьяконъ совѣтуетъ братьѣ (въ пятомъ письмѣ) на всякій случай: «въ томъ милости нынѣ просите у писца, чтобъ не отяготилъ окладомъ вытнымъ (и) въ сошное-бъ письмо не положилъ». Изъ слѣдующаго его письма видно, что у мірскихъ посыльщиковъ были взяты еще сказки объ окладѣ подворнаго налога, въ которыхъ они написали, «что больше рубля съ двора не въ мочь платить».

VI. *Къ 170 страницѣ.* Кольскій острогъ съ уѣздомъ въ 82 г. описали В. Агалинъ и под. Ст. Ѳедоровъ, а въ 116, 117 и 119 годахъ дозрили Алай Ивановичъ Михалковъ и дьякъ Вас. Мартемьяновъ. Книги этихъ дозорщиковъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 208) и частью напечатаны Н. Харузинымъ (Сошное письмо, I, стран. 51). Объ отмѣнѣ послѣдняго дозора мы узнаемъ изъ одного дѣла третьей четверти вѣка. Дозорщикамъ было поставлено въ вину, что они неправильно записали нѣкоторыя угодья за Печенгскимъ монастыремъ, «да онъ же, Алай Михалковъ, иныя ихъ лопскія и кольскія вотчины писалъ не по дѣлу по посуламъ, и въ томъ на него было челобитье отъ всего Кольскаго острога и отъ всего уѣзда, отъ крещенныхъ и не крещенныхъ лопарей; и тѣ де Алаевы книги опорочены». Въ XVII вѣкѣ этихъ книгъ въ Кольскомъ острогѣ у воеводъ не было, податей по нимъ не платили и всякими угодьями не владѣли, «а владѣютъ всякими угодьи и всякія подати платятъ по Васильевымъ книгамъ Агалина да подьячаго Степана Соболева, которыя есть въ Кольскомъ острогѣ, за приписью дьяка Ивана Вахромеева» (Прик. д. стар. л., 1652 г. № 124 и 1680 г. № 81).

Выше я говорилъ объ отмѣнѣ двухъ дозоровъ 128—129 гг. и 130 г. и описанія Т. Боборыкина 131 г. Устьянскихъ волостей. Описаніе было отставлено, несомнѣнно, по челобитью устьянцевъ (Ак. п. д., II, № 129), и по ихъ же, вѣроятно, просьбѣ были отмѣнены дозоры. Про писцовыя книги 131 г. въ смѣтѣ Устюжской четверти 153 г. читаемъ: «а послѣ того *(т.-е. послѣ описанія 73 г.)* во 131-мъ году были писцы Тимоѳей Боборыкинъ, и тѣ писцовыя книги отставлены и въ Кремлевской пожаръ во 134-мъ году сгорѣли» (Тамъ же, II, № 131).

Выше я говорилъ объ отмѣнѣ дозора Устюга, начатаго въ 147 г. М. Спешневымъ и под. П. Давыдовымъ (см. выше, стран. 30—32 и 222). Дозоръ былъ остановленъ сначала ссорой дозорщиковъ, а затѣмъ смертью М. Спешнева. Нѣкоторое значеніе, несомнѣнно, имѣло сопротивленіе дозору лучшихъ людей. Устюжская четь попыталась поручить довершеніе дозора новымъ лицамъ, но это оказалось невозможнымъ. По требованію чети дозорныя дѣла М. Спешнева были присланы въ Москву и осмотрѣны 27 марта 152 г. дьякомъ М. Грязевымъ, «а по досмотру тѣ устюжскія дозорныя книги всѣ въ розни въ тетрадяхъ и дозорщиковыми руками не заручены, и черны гораздо, и многія статьи исчернены и межъ строкъ на всякой страницѣ приписывано, а иныхъ статей черненья знать нельзя; и дворы на Устюгѣ на посадѣ и въ уѣздѣ лучшихъ и середнихъ и молодшихъ людей и кто на какомъ тяглѣ живетъ, и того всего не написано и не помѣчено, а писаны на посадѣ и въ уѣздѣ только дворы и во дворѣхъ люди глухо, а что подъ кѣмъ на посадѣ и въ уѣздѣ тягла, и каковъ кто во дворѣ, лучшій ли, или середній, или молодшій, или самой худой человѣкъ, и кто на какомъ тяглѣ живетъ, и что подъ которою деревнею четвертныя пашни, и сѣна, и лѣсу, и всякихъ угодій, и живущія четвертныя пашни, того ничего въ тѣхъ книгахъ не написано: и въ живущее въ чети и въ выти и въ сошное письмо по тѣмъ книгамъ сошныхъ людей положить не по чему, и тѣхъ книгъ дѣлать никоторыми дѣлы не мочно и ни къ чему не годны». Государь, выслушавъ 14 іюня объ этомъ докладъ М. Грязева, указалъ послать на Устюгъ новыхъ писцовъ, а «дозорныя черныя книги указалъ государь отставить и вѣрить имъ не велѣлъ» (Ак. п. д., II, № 150). Описывать Устюгъ вновь были посланы въ 153 г. Аѳан. Толочановъ и подьячій Акимъ Плохово, но и это описаніе было неудачно. Прямыхъ указаній на отмѣну ихъ книгъ мнѣ не удалось найти, но самый фактъ отмѣны не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ на примѣненіе этого описанія къ сбору налоговъ нѣтъ никакихъ указаній, даже тамъ, гдѣ оно должно было бы быть непремѣнно, какъ, напр., въ приходныхъ книгахъ Устюжской чети. Наоборотъ, есть множество прямыхъ указаній на то, что устюжане и въ третьей четверти вѣка платили подати по писцовымъ книгамъ 131—136 гг., Н. Вышеславцева. Отмѣчу еще то, что писцамъ, посланнымъ описывать Устюгъ въ 184 г., были даны для приправки книги Н. Вышеславцева, а описаніе А. Толочанова въ наказѣ не упоминается. Устюжане, бившіе въ 184 г. челомъ о новыхъ писцахъ, дозора 147 г. и описанія

153 г. совсѣмъ не считали: «а какъ де тѣ писцы *(т. е. Н. Вышеславцевъ и под. Аг. Ѳедоровъ)* на Устюгѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ были, и тому нынѣ 48 лѣтъ, а послѣ того писцовъ и дозорщиковъ не было» (Ак. п. д., III, устюжскій наказъ 12 мая 184 г.). Очень возможно, что описаніе Аѳ. Толочанова «смяли», то-есть привели къ неудачѣ, своимъ сопротивленіемъ лучшіе же люди, какъ они это сдѣлали, по словамъ подьячаго П. Давыдова, съ дозоромъ 147 г. На такое предположеніе наводитъ то обстоятельство, что описаніе Вожбальской волости Тотемскаго уѣзда, произведенное въ 153 г. Аѳ. Толочановымъ и Ак. Плохово, было утверждено (Ак. п. д., II, №№ 116—127).

Загадочна судьба дозора посада Бѣлева, произведеннаго въ 129 г. воеводой В. Кирикрейскимъ (Ак. п. д., I, № 97), и описанія, произведеннаго В. Чернышевымъ и под. Осипомъ Богдановымъ въ 133 г. Книги В. Чернышева были поданы въ Галицкой чети въ 136 г. (Дворц. Арх., 25 опись, 137 г. № 76), но долгое время не утверждаемы. Въ 144 г. бѣлевцы били челомъ, что по 143-й годъ они платили по дозору Аѳ. Толочанова 124 г. съ 25 четей, и просили не брать съ нихъ налоговъ «съ новаго сошнаго письма *(очевидно, по описанію 133 г.)* съ полутрети сохи» (Тамъ же, 141 г. № 147, л.61). Въ приходной книгѣ Галицкой чети 152 г. сказано, что бѣлевцы платятъ дворовый оброкъ по письму В. Чернышева, но сошнаго оклада не показано (Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 307 и об.).

Повидимому, слѣдуетъ считать отмѣненнымъ и дозоръ посада Бѣлоозера, произведенный въ 131 г. Аѳ. Гурьевымъ и подьячимъ Тим. Карповымъ. Списокъ съ этихъ книгъ былъ на рукахъ у посадскихъ людей (Арх. М. Юст., Бѣлозерскаго уѣздн. суда 14 ст-цъ), но до описанія 182 г. посадъ платилъ по дозору 126 г. (См. выше, стран. 200, и I т., стран. 203).

Къ неутвержденнымъ дозорамъ слѣдуетъ причислить дозоръ посада Можайска, произведенный въ 124 г. воеводой кн. С. Шеховскимъ (Дозорныя книги напечатаны въ Можайскихъ актахъ арим. Діонисія). Я думаю такъ потому, что въ 129 г. Можайскъ платилъ всякія подати по дозору См. Отрепьева 122 г. (Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, л. 310. Приходная книга Устюжской чети за 129 г.).

Очень вѣроятно неутвержденіе дозора посада Романова, произведеннаго въ 128 г. воеводой Ив. Загряжскимъ. По его сошному окладу романовцы не платили, а въ 129 г. посадъ дозрили новые дозорщики — Ал. Шапиловъ и подьячій Арефа Башмаковъ (Тотъ же архивъ, по Романову кн. № 1).

Еще о неудачныхъ описаніяхъ см. VII приложеніе, №№ 11, 19, 66—68 и 77.

VII. Къ XII главѣ. Въ нижеслѣдующемъ спискѣ дозоровъ, описаній и переписей и сохранившихся и напечатанныхъ книгъ не приведены особыя и нефинансовыя описанія, а изъ частичныхъ описаній указаны только важнѣйшія. Несмотря на неполноту и значительные, вѣроятно, пробѣлы, спи-

сокъ даетъ представленіе о ходѣ описательныхъ работъ съ послѣдней четверти XVI вѣка и будетъ полезенъ послѣдующимъ изслѣдователямъ, такъ какъ подобнаго списка до сихъ поръ не было составлено, а польза его для справокъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ списокъ не включены описанія по Москвѣ и Великому Новгороду, такъ какъ они требуютъ особаго изслѣдованія, котораго я не могъ предпринять. Къ тому же общій обзоръ, хотя далеко и не полный, описаній по Москвѣ данъ Ю. В. Готье (Замосковный край, стран. 7—36), а книги по Новгороду довольно подробно указаны въ I т. Описанія документовъ Архива Мин. Юстиціи и во II т. Архивнаго матеріала, изданнаго Д. Я. Самоквасовымъ.

Для списка сохранившихся книгъ я просмотрѣлъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи отдѣлъ «Подлинныхъ писцовыхъ книгъ» и значительную часть другихъ отдѣловъ, въ которыхъ разбросаны писцовыя, дозорныя и переписныя книги. Просмотръ позволилъ мнѣ внести довольно многочисленныя дополненія и поправки къ напечатаннымъ Архивомъ Описаніямъ (I и II тома Описанія документовъ). Особенно не посчастливилось въ архивскомъ описаніи книгамъ XVI вѣка, сохранившимся большею частью безъ началъ и концовъ. Путемъ внимательнаго обслѣдованія книгъ и различныхъ справокъ мнѣ удалось опредѣлить цѣлый рядъ книгъ, преимущественно конца XVI вѣка, до сихъ поръ неизвѣстныхъ. Таковы, напр., описанія и дозоры Романова, Путивля, Ярославля, Ярославца Малаго, Ржевы Владимірова и другіе. Довольно значительныя поправки и дополненія сдѣланы въ спискѣ и для книгъ XVII вѣка.

Сохранившіяся въ Архивѣ Мин. Юстиціи книги распредѣлены въ различныхъ отдѣлахъ, имѣющихъ общую для всѣхъ книгъ нумерацію и частныя. Первый по порядку номеровъ отдѣлъ (немного болѣе тысячи №№) носитъ названіе Подлинныхъ писцовыхъ книгъ. Для упрощенія ссылокъ я указывалъ общій № книги, не упоминая о частныхъ отдѣлахъ. Это не представитъ никакихъ затрудненій тому, кто пожелаетъ спросить въ Архивѣ ту или иную книгу, такъ какъ для затребованія достаточно указать общій номеръ ея среди книгъ Помѣстнаго приказа.

Въ дополненіе къ списку книгъ по городамъ мнѣ кажется желательнымъ прибавить краткія замѣчанія о нѣкоторыхъ сборникахъ Архива Мин. Юстиціи, хотя и описанныхъ (въ I т. Описанія), но представляющихъ интересъ въ цѣломъ. Заключающіяся въ этихъ сборникахъ описанія, какъ частныя или нефинансовыя, въ настоящемъ спискѣ по городамъ не указаны.

Книги №№ 28, 117, 223, 371 и 534 содержатъ дозоры, описанія и отдѣлы казачьихъ, стрѣлецкихъ, пушкарскихъ и воротничьихъ дворовъ и земель во множествѣ городовъ. Судя по скрѣпамъ, онѣ попали въ Помѣстный приказъ изъ дѣлъ Стрѣлецкаго приказа. Значительная часть содержащихся въ этихъ книгахъ документовъ указана въ I т. Описанія документовъ Арх. Мин. Юст., но далеко не всѣ. Между тѣмъ эти сборники очень цѣнны для того, кто сталъ бы заниматься землевладѣніемъ этого разряда служилыхъ людей.

Книга № 265 представляетъ такой же сборникъ (въ спискахъ XVIII вѣка) по ямскимъ землямъ.

По вотчинамъ Троицы Сергіева монастыря сохранилась значительная группа книгъ. Сборники №№ 20 и 254 содержатъ книги письма и межеванья 64—65 и 66—67 гг. Книги №№ 125, 303, 348, 497, 541, 608, 703 и 913 содержатъ описанія 101—102 гг., изъ которыхъ многія напечатаны въ Писцовыхъ книгахъ Московскаго государства, изд. подъ ред. Н. Колачова. Книги №№ 21, 22, 258, 259, 498, 539 и 540 содержатъ дозоры 122 и 124—125 годовъ.

Укажу еще изъ документовъ Архива Мин. Иностранныхъ Дѣлъ по Галичу кн. № 12, содержащую списки съ переписныхъ книгъ 154—155 гг. по посадамъ Галицкой чети. Этотъ сборникъ можетъ быть полезнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда полная перепись того или иного города утрачена.

1. Алатырь. Городъ приказа Казанскаго Дворца.

Подъ 81 годомъ упоминается описаніе уѣзда Никиты Яхонтова (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, II, стран. 662). Въ 123—125 гг. уѣздъ описывали писцы Гавр. Бобрищевъ-Пушкинъ, дьякъ Ив. Шараповъ и под. Емельянъ Евсевьевъ (Тамъ же, II, стран. 661, и Арзамасскіе помѣстные акты, № 397. Москва, 1915 г.). Слѣдующее валовое описаніе произвели въ 132—134 гг. Дм. Юр. Пушечниковъ и под. Аѳан. Костяевъ. Нѣсколько выписей изъ ихъ книгъ сохранилось въ Грам. Коллегіи Экономіи (С. А. Шумаковъ, Обзоръ Грамотъ К. Эк., I выпускъ, стран. 115. Москва, 1899 г.). Перепись 154 г. произвели Влад. Злобинъ и под. Конст. Зяблой (Тамъ же, стран. 114). Перепись 186 г. произвели кн. Влад. Андр. Волконскій и под. Вас. Петровъ (Сборникъ кн. Хилкова, стран. 301. Ср. стран. 114 указан. изданія С. А. Шумакова, гдѣ указана выпись изъ переписныхъ книгъ 186 г. Григ. Супонева съ товарищами).

2. Алексинъ. Посадъ — въ Костромской чети, а уѣздъ — въ Большомъ Приходѣ, а потомъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Валовымъ описаніемъ конца XVI вѣка было, кажется, описаніе Елиз. Ржевскаго 93 г. Одна выпись изъ его книгъ напечатана С. А. Шумаковымъ (Жур. М. Нар. Пр. 1908 г., № 4, стран. 374). Въ 123 г. въ уѣздѣ упоминаются дозорщики кн. Тим. Сем. Засѣкинъ и под. Игнат. Софоновъ (С. А. Шумаковъ, Сотницы, VII в. стран. 6), а валовой дозоръ уѣзда произвели въ 124 г. Зах. Вас. Быковъ и под. Нежданъ Ушаковъ. Сохранилась платежница съ послѣдняго дозора (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15, лл. 166—192). Общее описаніе уѣзда произвели въ 136—137 гг. Петръ Игн. Софоновъ и под. Григ. Никифоровъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. №№ 2 и 3). Работы на мѣстѣ были окончены не ранѣе 139 г. (Тамъ же, кн. № 2, л. 439). Сданныя въ приказъ книги были несправчивы, и въ январѣ 143 г. хранились

въ Помѣстномъ приказѣ опечатанными, «потому что тѣ книги довелось передѣлать изнова» (С. А. Шумаковъ, Сотницы, IV в., стран. 39). Позже книги были исправлены и въ 148 г. ими пользовались для дѣлъ (Его же, Сотницы, VI в., стран. 37). Сохранилась подлинная платежница съ этихъ книгъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 409). Она напечатана въ I кн. Трудовъ Тульской Губ. Арх. Комиссіи (стран. 678—696).

Перепись 154 г. произвели Ульянъ Сем. Ляпуновъ и под. Юр. Фофановъ. Ихъ книги по уѣзду сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпами переписчиковъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 4). Перепись 186 г. произвели Лука Сытинъ и под. Ив. Щербаковъ. Книги ихъ до насъ не дошли, а то, что напечатано подъ названіемъ переписной книги 186 г. въ указанной выше I книгѣ Трудовъ Тульской Арх. Ком. (стран. 624—674), въ дѣйствительности есть книга 1700 г. сбора денегъ за даточныхъ съ Алексинскаго уѣзда, по переписи 186 г. Тамъ же напечатано (стран. 435—623) сохранившееся начало описанія посада и уѣзда 193—194 гг. кн. Вас. Дм. Мышецкаго и под. Алексѣя Лобкова.

3. *Арзамасъ.* Посадъ и бортныя и мордовскія села — въ Новгородской чети. Служилыя и монастырскія земли сначала тамъ же, а позже — въ Помѣстномъ приказѣ. Татарскія земли — въ Казанскомъ Дворцѣ.

Въ 69—71 гг. уѣздъ описывали нижегородскіе писцы Григ. Никитичъ Сукинъ, Неклюдъ Дѣвочкинъ и дьякъ Деменгій Слугинъ. Въ 83 г. уѣздъ описали Никита Яхонтовъ и Матвѣй Могутовъ съ товарищами, а въ 92—93 гг. посадъ и уѣздъ описали Игн. Зубовъ и подьячіе Безсонъ Пахиревъ и Рахманинъ Вороновъ. Нѣсколько выписей изъ книгъ всѣхъ этихъ писцовъ напечатано С. А. Шумаковымъ (Сотницы, I вып. М. 1902 г.) и въ Арзамасскихъ помѣстныхъ актахъ, изд. подъ ред. С. Веселовскаго (М. 1915 г. См. по указателю). Впервые послѣ описанія 92—93 гг. весь уѣздъ былъ дозренъ въ 121 г. при боярахъ Ѳед. Дементьевымъ и Петр. Копнинымъ (Тамъ же, по указателю). Мордовскія и бортныя села въ 121—122 гг. дозрили — Петръ Копнинъ съ под. Емельяномъ Евсевьевымъ, а затѣмъ Ѳ. Дементьевъ съ тѣмъ же подьячимъ (Ак. п. д., I, № 96, и Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 474 об.). Упоминается еще дозоръ мордовскихъ селъ 122 г. Семена Родіонова (Р. И. Б., XXVIII, стран. 126). Много особныхъ дозоровъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель первыхъ лѣтъ послѣ Смуты см. въ Отказныхъ книгахъ по Арзамасу (№№ 2—4), въ Архивѣ Министерства Юстиціи. Нѣсколько дозоровъ напечатано въ указанныхъ выше Арзамасскихъ помѣстныхъ актахъ (№№ 383, 386, 389, 398—401, 404 и 407). Въ сентябрѣ 128 г. данъ наказъ Ѳед. Иван. Сычову и под. Исааку Парѳеньеву дозрить бортныя и мордовскія села (Ак. п. д., I, № 96). Въ концѣ того же года или въ началѣ 129-го описывать посадъ и уѣздъ были посланы Тим. Вас. Измайловъ и Несмѣянъ Чаплинъ съ дьякомъ Аѳ. Истоминымъ, котораго въ 131 г. замѣнили дьякъ Шестакъ Копнинъ и под. Маркеллъ Амиревъ. Ихъ книги были

поданы въ Новгородской чети въ 136 г. (Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61). Книги сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 7040, 7041 и 7047) и не сполна. Описанія посада не сохранилось. Кн. № 7041 напечатана въ XV томѣ (VIII выпускъ) Сборника, издав. Нижегородск. Архивной Комиссіей (Нижній, 1915 г.). Эти же писцы описали и мордовскія и бортныя села (Тотъ же архивъ, Грам. Кол. Эк., № 28/259). Платежница помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель, составленная на основаніи указа 4 августа 140 г., сохранилась (Тотъ же архивъ, Помѣстнаго приказа книга (по Нижнему) № 7515. См. выше, стран. 171—172. Ср. Ак. п. д., II, № 113). Въ 140—141 гг. мордовскія и бортныя села описывали Вас. Жуковъ и под. Ив. Блудовъ (Тамъ же, № 257, и Лѣтопись Зан. Арх. Ком., X в., III, стран. 1). Въ 149 г. дозирали, кажется только мордовскія земли, Дан. Зубовъ и под. Родіонъ Ивановъ, а въ 185—186 гг. тѣ же земли списали Вас. Кирѣевъ и под. Григ. Молчановъ (Акты гражданской расправы, изд. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, I, № 156).

Перепись 154 г. произвели Ѳед. Лызловъ и под. Матв. Андреевъ. Книги ихъ сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 7042, 7043 и 7055). Перепись 186 г. произвели — на посадѣ и въ 4 станахъ Як. Серг. Вышеславцевъ и под. Ив. Валяевъ, а въ Залѣсныхъ станахъ, за Шатковскими и Собакинскими воротами Ив. Ѳед. Анненковъ и под. Сем. Самуиловъ. Книги ихъ сохранились (Тотъ же архивъ, №№ 7044—7046).

4. Балахна. Въ XVII в. посадъ въ Большомъ Дворцѣ, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 68 г. Балахну и Гороховецъ описывали кн. Юр. Гр. Мещерскій и Молчанъ Ростопчинъ. Передъ этимъ въ 62 г. упоминается письмо Прокоша Цвиленева (П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 163—164). Въ писцовыхъ книгахъ 136 г. упоминаются: сотная писцовъ Елиз. Новосильцева съ товарищами 92 г. и дозорныя книги Замятни Симонова 124 г. (Арх. М. Ю., Помѣстн. прик. кн. № 15645). Посадъ въ 127 г. дозрили Тим. Исканскій и под. Сем. Копыловъ (Р. И. Б., XVII, стран. 193). Уѣздъ въ 136 г. описывали Зах. Вас. Быковъ и под. Пятый Колобовъ. Они подали свои книги въ Помѣстномъ приказѣ 3 декабря 140 г. Книги ихъ сохранились въ спискѣ за скрѣпой дьяка Сем. Румянцева (третьей четверти вѣка) и въ видѣ перечня (Арх. М. Ю.. Помѣстн. приказа кн. №№ 15645 и 15646). Посадъ въ 136 г. списалъ З. В. Быковъ съ подьячимъ Дружиной Скиринымъ. Слѣдующее описаніе посада и дворцовыхъ селъ уѣзда, какъ и другихъ дворцовыхъ владѣній, было произведено въ 182 г. Его начали стольникъ Парѳеній Павл. Сомовъ и под. Алексѣй Ерѳеевъ, а окончили въ 183 г. Никита Григ. Левашовъ и под. Борисъ Осиповъ (А. ю. б., III, стран. 227). Книги посада напечатаны А. Я. Садовскимъ въ XV т. Сборника, издав. Нижегородск. Губ. Арх. Комиссіей (Нижній, 1913 г.).

Перепись 154 г. произвели Никифоръ Тим. Нармацкій и под. Родіонъ Дойниковъ. Книги ихъ сохранились за скрѣпами обоихъ переписчиковъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 12. Списокъ — кн. № 15646). Сохранилась и перепись 186 г., Александра Никифоровича Жедринскаго и под. Харлама Юрлова (Тамъ же, кн. № 15648).

5. Болховъ. Посадъ — во Владимирской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 102—103 гг. посадъ строили и свозили на него бѣглыхъ тяглецовъ Мих. Кульневъ съ подьячими Субботой Ананскимъ и Жданомъ Зиновьевымъ. Послѣ этого въ 104 г. посадъ описали неизвѣстные писцы (Григ. Колединскій?), быть можетъ указанные стройщики (Ак. п. д., II, № 42). Въ 123 г. посадъ и уѣздъ дозрили Никифоръ Бибиковъ и подьячій Дружина (Өедосеевъ) Ильинъ (Тамъ же, I, № 151, и Дворц. Арх., кн. № 1184). Въ 124 г. упоминается въ уѣздѣ какой-то дозоръ Аѳ. Толочанова (Тамъ же). Послѣ 123 г. дозоровъ посада не было до описанія 133 г., а уѣздъ въ 128 г. дозрили Никифоръ Алферьевичъ Колычевъ и под. Терентій Великопольскій. Ихъ книги сохранились въ черновомъ подлинникѣ, за скрѣпами дозорщиковъ, представленномъ въ Помѣстный приказъ по неизвѣстному поводу въ 143 г. (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 13. На л. 14 отмѣчено, что книги подалъ Т. Великопольскій, «а сказалъ: какъ де онъ былъ въ Болховѣ въ дозорѣ во 128-мъ году, и онъ де книги письма своего и дозора отдалъ въ Помѣстномъ приказѣ, а тѣ де книги таковы-жъ были у него, Терентья»). Посадъ въ 133—134 гг. описали Никита Ив. Беклемишевъ и под. Ос. Трофимовъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 148, лл. 441—524). Уѣздъ въ 136—137 гг. описали Гавр. Іудичъ Хрипуновъ и под. Влад. Лошаковъ. Отъ ихъ описанія сохранилась только подлинная платежница (Тамъ же, кн. № 409, лл. 724—756).

Перепись 154—155 гг. произвели Григ. Бор. Нащокинъ и под. Богд. Анкидиновъ. Книги сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпами обоихъ переписчиковъ (Тамъ же, кн. № 14. Списки — см. тамъ же, №№ 10042 и 12611). Перепись 186 г. произвели Иванъ Большой Мих. Офросимовъ и под. Романъ Прокшинъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 10046. Списокъ — кн. № 10045).

6. Боровскъ. Посадъ — во Владимирской чети, а уѣздъ въ Большомъ Приходѣ, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Посадъ въ 120 г. дозрилъ воевода Ив. Аѳан. Загряжскій, а уѣздъ въ 121—122 гг. дозрили Өед. Кошкинъ и под. Влад. Лошаковъ. Послѣдній дозоръ сохранился въ двухъ спискахъ, изъ которыхъ второй скрѣпленъ дьякомъ Вен. Маховымъ, что означаетъ, что онъ былъ данъ для приправки писцамъ 136—138 гг. Сохранилась также, въ хорошемъ видѣ, подлинная платежница съ этого дозора, за скрѣпами обоихъ дозорщиковъ (Арх. М. Ю., Писц. кн.

№ 16. Дозорныя книги — лл. 1—117 и л. 173 и далѣе. Платежница — лл. 120—173[1]). Въ 125 г. посадъ вторично дозрили губной староста Тих. Хомяковъ и под. Юр. Дурново (Дворц. Арх., 24 оп., 125 г. № 42). Въ 129 г. посадъ и уѣздъ дозрили Илья Вас. Чемесовъ и под. Вас. Прокофьевъ. Ихъ книги посада сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399, л. 245 и далѣе), а по уѣзду сохранился списокъ съ платежницы, скрѣпленный дьякомъ (Ямского приказа) Третьякомъ Копнинымъ и справленный под. Жданомъ Горяиновымъ (Тамъ же, кн. № 15, лл. 254—317). Въ 133—134 гг. посадъ описали И. Турскій и под. Воинъ Абрамовъ, книги которыхъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 399). Уѣздъ въ 136—138 гг. описали Вас. Ив. Колычевъ и под. Вас. Рожновъ. Ихъ книги, содержащія описаніе, сохранились въ спискѣ и не сполна (Тамъ же, кн. № 10326), а межевыя книги — въ подлинникѣ. На межевыхъ книгахъ отмѣчено, что ихъ подалъ въ Помѣстномъ приказѣ под. В. Рожновъ 25 апрѣля 148 г. (Тамъ же, кн. № 17). Сохранилась также подлинная платежница съ ихъ письма, на которой отмѣчено, что она подана въ приказѣ 21 декабря 141 г. (Тамъ же, кн. № 409, л. 692).

Перепись 154 г. произвели Дм. Петр. Волынскій и под. Мат. Кондратьевъ. Она сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 440, л. 333. Списки — тамъ же, №№ 10333 и 12611). Перепись 186 г. произвели стольн. Мих. Ив. Еропкинъ и под. Гавр. Страшниковъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 10324).

7. *Брянскъ.* Городъ — въ Разрядѣ, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 103 г. городъ и уѣздъ описывали Третьякъ Григ. Вельяминовъ, Артемій Ив. Колтовскій и подьячіе Илья Ивановъ и Третьякъ Мокіевъ. Выпись, данная ими Свинскому монастырю, напечатана С. А. Шумаковымъ (Сотницы, I в., стран. 182—200). Въ 123 г. уѣздъ дозрили Тихомиръ Сухотинъ и под. Влад. Лошаковъ (Прик. д. стар. л., 1679 г. № 345). Указаній на послѣдующіе дозоры нѣтъ, а писцамъ 134 г. были даны для приправки отдѣльныя книги кн. Ив. Шеховского и под. Романа Тихонова 128 г., которые отдѣляли въ помѣстья «розныхъ городовъ помѣщикамъ» дворцовыя села (Ак. п. д., I, № 245). Со 134 г. уѣздъ описывали кн. Петръ Звенигородскій и под. Ив. Ковелинъ. Книги свои писцы подали въ приказѣ не ранѣе 139 г. (Н. Н. Ардашевъ, Расходныя книги Помѣстнаго приказа, I, стран. 37). Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 10229, 10231 и 10232).

Перепись 154 г. произвели Бор. Севаст. Колтовскій и под. Бор. Протопоповъ. Сохранился списокъ съ ихъ книгъ (Тамъ же, кн. № 10233).

---

[1]) Напрасно, поэтому, Ю. В. Готье говоритъ: «къ сожалѣнію, подлинная дозорная книга Ф. Кошкина 1613—1614 гг. дошла до насъ въ настолько неисправномъ видѣ, что пользованіе ею довольно затруднительно». Замосковный край, стран. 39.

Перепись 186 г. произвели стольн. Александръ Ив. Апухтинъ и под. Дементій Истоминъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 10234. Списокъ — кн. № 10235).

8. Бѣжецкій Верхъ. Посадъ Городецкой—въ Устюжской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 82 г. упоминается уѣздный дозоръ Матв. Могутова и под. Зиновея Ѳедцова (А. И., II, стран. 71). Въ концѣ Смуты весь уѣздъ былъ дозренъ нѣсколькими дозорщиками. Писцамъ 135 г. были даны списки съ слѣдующихъ книгъ: съ какихъ-то книгъ 119 г., съ дозорныхъ Крика Зиновьева 120 г., Ив. Нелюбова и Еф. Скобеева того же года, неизвѣстныхъ дозорщиковъ Троицкихъ вотчинъ 120 г., съ дозорныхъ книгъ Григ. Загряжскаго 120—121 гг. и съ дозорныхъ Ильи Спешнева 120 г. (Н. Н. Ардашевъ, Древнѣйшій ст-цъ, стран. 19 и 21). Посадъ въ 124 г. дозрили Макс. Языковъ и под. Як. Гнѣвашевъ (Ак. п. д., I, № 234). Троицкія вотчины въ 122 г. дозрили Ив. Прох. Воейковъ и под. Гавр. Постоевъ, а въ 124 г. вторично Григ. Аѳан. Загряжскій и под. Як. Гнѣвашевъ. Книги послѣдняго дозора сохранились въ 2 подлинникахъ, за скрѣпами обоихъ дозорщиковъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 21 и 22). Въ 128 г. уѣздъ дозрили кн. Ив. Путятинъ и под. Ѳеоктистъ Тихомировъ. Платежница съ ихъ книгъ была дана для приправки писцамъ 135 г., Дан. Петр. Свѣчину и под. Ѳед. Второго. Описаніе уѣзда сохранилось въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 23 и кн. № 24 въ двухъ частяхъ. Списки—тамъ же, кн. №№ 586—589, 11433 и 11434). На одной изъ книгъ (№ 24, I часть) отмѣчено, что онѣ поданы въ Помѣстномъ приказѣ 14 мая 140 г. Дозоровъ посада послѣ 124 г. не было, а описаніе его произвели въ 133—134 гг. Ив. Кутузовъ и под. Постникъ Трофимовъ (Ак. п. д., I, № 234).

Перепись 154 г. Ив. Дм. Колычева и под. Як. Ѳедорова сохранилась въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 25. Списокъ — кн. № 11439). Въ подлинникѣ же сохранилась перепись 186 г. Дан. Григ. Тютчева и под. Воина Яковлева (Тамъ же, кн. № 11440).

9. Бѣлгородъ. Городъ — въ Разрядѣ, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Подъ 107 годомъ упоминаются какія-то книги кн. Гр. Волконскаго, которыя служили приправочными для писцовъ 135 г. Въ 124 г. уѣздъ дозрилъ Осипъ Сѣкиринъ, а передъ этимъ упоминаются книги Мих. Юшкова (И. Н. Миклашевскій, Къ исторіи хозяйственнаго быта, стран. 66. Москва, 1894. Расходные книги и столпы Помѣстнаго приказа, I, стран. 12). Въ 134 г. городъ и уѣздъ описали Вас. Аѳан. Кирикрейскій и под. Петръ Максимовъ. Книги ихъ и платежница съ книгъ сохранились въ спискахъ (Арх. М. Ю., кн. №№ 15817 и 8555). Перепись 154 г. Аѳан. Ѳед. Боборыкина и под. Ив. Гаврилова сохранилась въ подлинникѣ и въ спискѣ (Тамъ же, кн. №№ 15829

и 15818). Также сохранилась перепись 186 г. Исаака Саввича Бунакова и под. Мих. Медвѣдева (Тамъ же, кн. №№ 15818 и 15819).

10. Бѣлевъ. Посадъ — въ Галицкой чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 72 г. въ уѣздѣ работали писцы Андр. Игн. Яхонтовъ и Сем. Григ. Совинъ съ товарищами. Дворцовыя земли въ 92 г. описывалъ Никита Григ. Ржевскій съ товарищами, а въ 93 г. уѣздъ описывали Савинъ Григ. Плещеевъ, Мих. Авкс. Зыбинъ и под. Мих. Никитинъ. Три выписи этихъ писцовъ Спасскому Бѣлевскому монастырю напечатаны С. А. Шумаковымъ (Сотницы, I вып., №№ 12, 17 и 18). Подъ 94-мъ годомъ упоминаются дозорныя книги (въ уѣздѣ) кн. Андр. Елецкаго и под. Евдокима Никитина (Н. А. Соловьевъ, Сарайская и Крутицкая епархіи, I вып., стран. 149. М. 1894 г.). Въ 124 г. посадъ и уѣздъ дозрили Аѳан. Толочановъ и под. Добрыня Русановъ (Дворц. Арх., 25 оп., 141 г. № 147, л. 61, и Описаніе док. М. Арх. М. Юстиціи, V, стран. 374. М. 1888 г.). Посадъ въ концѣ 128 г. дозрилъ воевода Вас. Аѳан. Кирикрейскій (Ак. п. д., I, № 97). Книги его дозора сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 991). Въ 133 г. посадъ описали Вас. Савельевичъ Чернышевъ и под. Ос. Богдановъ. Книги они подали въ Галицкой чети только въ 136 г. (Дворц. Арх., 25 оп., 137 г. № 76). Книги сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 992). Дозоръ 129 г. и описаніе 133 г., кажется, не были утверждены. По крайней мѣрѣ извѣстно, что еще въ 143 г. посадъ платилъ по дозору 124 г. (Дворц. Арх., 25 оп., 141 г. № 147, л. 61). Описаніе уѣзда произвели въ 136—138 гг. Вас. Ознобишинъ и под. Андр. Галкинъ. Описаніе было закончено не ранѣе 143 г. Книги ихъ сохранились не сполна, частью въ подлинникѣ, частью въ спискахъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 45, 993, 15527 и 15528).

Перепись 154 г. произвели Григ. Бор. Нащокинъ и под. Богд. Анкидиновъ. Книги сохранились въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 15531). Перепись 186 г. произвели Вас. Тим. Безобразовъ и под. Савинъ Постниковъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 15532).

Въ Матеріалахъ для исторіи городовъ, въ выпускѣ по Бѣлеву (М. 1885 г.), напечатаны слѣдующія книги относительно посада: дозоръ 129 г., описаніе 133 г. и переписи 154 и 186 годовъ. Описаніе уѣзда 136—139 гг. напечатано Н. В. Елагинымъ въ «Бѣлевской Вивліоѳикѣ» (Москва. 1858 г.).

11. Бѣлоозеро. Посадъ сначала былъ въ Галицкой чети, а въ третьей четверти вѣка взятъ въ Большой Дворецъ. Черныя волости — въ Галицкой чети, а остальныя земли — въ Помѣстномъ приказѣ.

П. Н. Милюковъ далъ почти исчерпывающій списокъ дозоровъ и описаній XVI вѣка (Спорные вопросы, приложеніе I), къ которому я сдѣлаю нѣкоторыя дополненія и небольшія поправки. Въ 61 г. упоминается описаніе кн. Ив. Звенигородскаго и Плохово Цвиленева. Въ Актахъ Юридическихъ (№ 228) напечатана сотная 65 г. волости Иванову Борку съ писцовыхъ

книгъ пошехонскихъ писцовъ Ѳед. Ив. Чулкова и дьяка Ѳедора Фатьянова. С. А. Шумаковъ напечаталъ сотную (72 г.) с. Ярогомжа съ книгъ дворцовыхъ селъ писцовъ Ильи Плещѣева и Сутормы Безсоньева 69 г. (Обзоръ Грам. Кол. Эк., II вып., стран. 120—123). Въ 70 г. упоминается письмо черныхъ волостей Юр. Морозова съ товарищами. Тотъ же писецъ съ под. Лютикомъ Ивановымъ продолжалъ работать и въ 72 г. и описывалъ одновременно въ Пошехонскомъ уѣздѣ. Въ 74 г. упоминаются книги «описи» губныхъ старостъ Меньшого Лихарева и Як. Гнѣвашева. Въ 81—82 гг. въ уѣздѣ дозорщики Дм. Растопчинъ и под. Григ. Чирковъ (С. А. Шумаковъ, Обзоръ Г. К. Эк., II вып., стран. 64 и 152). Въ 89 г. въ уѣздѣ работали «дозорные писцы», т.-е. дозорщики, кн. Сем. Дан. Жижемскій, Елиз. Григ. Стараго и под. Тишина Васильевъ. Выпись ихъ на Троицкія вотчины напечатана С. А. Шумаковымъ (Тамъ же, стран. 144—153). Въ 93 г. упоминаются— дозорщики кн. Ѳ. Жировой-Засѣкинъ съ товарищами и писцы езовыхъ селъ Андр. Еф. Салтыковъ съ товарищами. Сотная послѣднихъ волости Ѳедосьину городку напечатана въ Писцовыхъ книгахъ Московскаго государства (I т., II отд., стран. 411—417). Въ 95 г. черныя волости дозрили Ив. Алексѣевичъ Шетневъ и под. Жданъ Софоновъ. Сотная съ ихъ книгъ с. Богоявленскому съ деревнями напечатана С. А. Шумаковымъ (Указан. выше изданіе, стран. 154—163). Книги И. Шетнева были даны для приправки дозорщикамъ уѣзда 128—129 гг. (Ак. п. д., I, № 98).

Послѣсмутные дозоры начались въ 121 г. Въ концѣ этого года или въ самомъ началѣ 122 г. посадъ дозрили Нелюбъ Суколеновъ и под. Илья Перелякинъ (Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 11), а въ 126 г. вторично—Григ. Квашнинъ и под. Постникъ Дементьевъ (Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 223). Въ уѣздѣ было много частичныхъ дозоровъ, но ни одного общаго. Вотчины Кириллова монастыря были дозрены три раза: около 122 г. Петр. Бердяевымъ съ под. Дм. Малаховымъ, въ 124 г. — Вас. Бормосовымъ съ под. Наумомъ Петровымъ (С. А. Шумаковъ, Обзоръ Грам. К. Эк., II вып., стран. 72) и въ 126 г. Григ. Квашнинымъ съ П. Дементьевымъ[1]) (Указан. выше кн. по Галичу № 10, л. 175). Къ 124 г. относятся — частичный дозоръ Аѳан. Толочанова и дозоръ Мих. Беклемишева и Третьяка Копнина, охватившій черныя и всѣ служилыя земли уѣзда (Расходныя книги Помѣстнаго приказа, I, стран. 12. Ак. п. д., I, №№ 25, 52 и 75). Весь или почти весь уѣздъ дозрили въ 126 г. Сем. Юреневъ и под. Вас. Прокофьевъ (Тамъ же, № 86, и Акты Ѳедотова-Чеховскаго, II, № 115). Наконецъ, въ 128 г. дозирать уѣздъ были посланы Ратманъ Аѳан. Тарбеевъ и под. Алексѣй Корноуховъ (Ак. п. д., I, № 98). Послѣдніе два дозора не были утверждены, и уѣздъ платилъ до окончанія и утвержденія описанія 134 г. по дозору М. Беклемишева (Арх. М. Ю., Бѣлозерскаго уѣздн. суда 13 ст-цъ). Со 134 г. уѣздъ описывали

---

[1]) Они же дозрили въ 126 г. и вотчины Симонова монастыря. Ак. п. д., I, № 82.

кн. Никита Шеховской и под. Макс. Козловъ. Ихъ описаніе было утверждено не ранѣе конца 138 г. (Ак. п. д., II, №№ 75 и 76). Книги сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 591 и 592). Посадъ въ 131 г. былъ дозренъ Аѳан. Гурьевымъ и под. Тим. Карповымъ. Списокъ съ книгъ этого дозора былъ на рукахъ у посадскихъ старостъ, но дозоръ не былъ утвержденъ, и посадъ платилъ по дозору 126 г. вплоть до описанія 182 г., произведеннаго стольникомъ Никитой Ксенофонтовичемъ Таракановымъ и под. Игн. Пигинымъ. Сотная ихъ письма (съ сокращеніями) напечатана въ Актахъ Юридическихъ (№ 231). Эти же писцы, вѣроятно, описали и дворцовыя села.

Перепись 154 г. Силуяна Павлова и под. Григ. Бѣлово сохранилась въ спискѣ вся (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 12760), а въ подлинникѣ не сполна (Тамъ же, кн. № 48). Перепись 186 г. стольн. Ѳед. Ив. Потемкина и под. Ѳед. Бирилева сохранилась только по уѣзду, въ спискѣ (Тамъ же, кн. №№ 12757 и 12758).

12. Вага. Въ приказѣ Большого Дворца.

Подъ 60-мъ годомъ упоминаются писцовыя книги Ив. Петр. Заболотскаго съ товарищами, а ранѣе 104 г. — писецъ кн. Бор. Петр. Засѣкинъ (П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 163 и 173). Въ 128—129 гг. Важскую область дозрили Як. Боборыкинъ и подьячіе Ѳед. Степановъ и Богданъ Григорьевъ (Д. А. И., II, стран. 235). Въ 175 г. дозоръ пустыхъ дворовъ и перепись жилыхъ произвели Ст. Ждановъ и под. Богд. Возницинъ (Прик. д. стар. л., 1670 г. № 476). Въ 188 г. упоминаются писцы К. Гр. Благово и под. Петръ Тютчевъ (Р. И Б., XIV, стран. 454).

13. Валуйка. Въ Разрядѣ.

Въ 134 г. городъ и земли служилыхъ людей описали Миронъ Тим. Хлоповъ и под. Леонт. Недовѣсковъ. Ихъ книги сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 50. Списокъ — тамъ же, кн. № 598) и напечатаны въ Матеріалахъ для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній (II т. Воронежъ, 1891 г. Изд. Воронежск. Статистическаго Комитета).

14. Венева. Посадъ — въ Устюжской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 80 г. посадъ и уѣздъ описали кн. Ив. Вас. Мосальскій и Григ. Ярцевъ съ товарищами. Ихъ книги напечатаны, по оригиналу Архива Мин. Иностранныхъ дѣлъ (по Веневѣ кн. № 1), въ II отд. Писцовыхъ книгъ Московскаго государства. Въ 123 г. посадъ дозрилъ Леонтій Ѳоминъ (Ак. п. д., I, стран. 294). Уѣздъ въ 124 г. дозрили Гавр. Ѳедосеевъ и под. Воинъ Аврамовъ. Сохранился списокъ, за скрѣпой дьяка Ив. Грязева, съ платежницы этихъ дозорщиковъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 488, л. 196). Въ 128 г. уѣздъ дозрили Мат. Совинъ и под. Дан. Брянцевъ. Сохранился списокъ съ ихъ платежницы

(Тамъ же, л. 203). Посадъ въ 132 г. описали Өед. Сем. Пушкинъ и под. Дружина Өедотовъ. Сохранился списокъ съ сотной, данной ими черной слободѣ (Тамъ же, кн. № 456. Ср. Ак. п. д., I, № 142 — перечневая роспись писцовъ). Уѣздъ въ 135—136 гг. описали кн. Ром. Өед. Болховской и под. Вас. Бурцевъ. Подлинныя книги, за скрѣпой В. Бурцева, сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 52). Сохранилась также подлинная платежница съ ихъ книгъ (Тамъ же, № 409, л. 547). Въ 144 г. посадъ дозрилъ послѣ разоренья отъ татаръ Вас. Зах. Свiязевъ (Все дѣло объ этомъ дозорѣ см.—Ак. п. д., II, №№ 104—112). Книги этого дозора сохранились (Арх. Мин. Ин. дѣлъ, по Веневѣ кн. № 2). Второе валовое описанiе уѣзда было произведено въ 171—175 гг. Андр. Павл. Акинөовымъ и под. Григ. Богдановымъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 53. Списокъ — кн. № 14249).

Перепись 154 г. произвели кн. Ив. Ив. Шеховской и под. Петръ Машинъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 493. Списокъ — кн. № 14237). Перепись 186 г. — Мих. Степ. Травинъ и под. Ив. Богдановъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 14251).

15. Верея. Посадъ — во Владимирской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Сотная на вотчины Троицы Сергiева монастыря съ «новыхъ книгъ» письма Ст. Өед. Сабурова съ товарищами 52 г. напечатана С. А. Шумаковымъ (Сотницы, I вып., стран. 51). Подъ 72 годомъ упоминаются писцовыя книги Ив. Старкова и Григ. Растопчина, а подъ 75 г. — книги дворцовыхъ селъ Вас. Ошанина съ товарищами (Его же, Обзоръ Грам. Кол. Эк., III выпускъ, стран. 135 и 137). Общее описанiе посада и уѣзда произвели въ 104—106 гг. можайскiе писцы Вл. Ө. Загряжскiй съ подьячими Дѣемъ Чечетовымъ и Леонт. Софоновымъ (Тамъ же, стран. 200, и Р. И. Б., XXVIII, стран. 66). Посадъ въ 122 г. дозрилъ под. Вас. Дятловъ (Тамъ же), а въ 124 г. вторично — осадный голова Ив. Завалишинъ (Ак. п. д., II, № 49). Въ 133 — 134 гг. посадъ описали Ив. Турскiй и под. Воинъ Абрамовъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399, л. 331 и далѣе. Выдержки изъ нихъ напечатаны въ работѣ В. И. Холмогорова: Верейская десятина, стран. 8 Чт. Общ. Ист. и Др. 1910 г. IV кн.). Описывать уѣздъ въ сентябрѣ 134 г. были посланы Никифоръ Неплюевъ и под. Алексѣй Берестовъ (Ак. п. д., I, №№ 200, 241 и 260). Ихъ книги («137-го года») сохранились въ спискахъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 602—604, 606 и 11833).

Перепись 154 г. Бог. Камынина и под. Арт. Семенова сохранилась только по посаду и въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 12611). Перепись 186 г. Арт. Ив. Козлова и под. Григ. Салтанова сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 11838).

16. Владиміръ. Посадъ — во Владимирской чети, а уѣздъ сначала тамъ же, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Извѣстно много описаній и дозоровъ уѣзда въ XVI в., но разобраться въ нихъ трудно. Въ 48—52 гг. въ уѣздѣ писалъ Ром. Игн. Образцовъ съ товарищами, книги которыхъ часто упоминаются въ позднѣйшее время. С. А. Шумаковъ напечаталъ 2 сотныхъ этихъ писцовъ 52 г. — сотную Рождественскому монастырю и сотную черной волости Плесцу (Сотницы, I вып., №№ 7 и 8). Въ 63—64 гг. дворцовыя села во Владимирѣ и Суздалѣ описали Андр. Вас. Лодыгинъ и Вас. Мих. Гиреевъ съ товарищами. Ихъ сотная селу Борисовскому напечатана Ѳедотовымъ-Чеховскимъ (Акты гражданск. расправы, I, № 83). Въ 75 г. упоминаются дозорныя книги (особный дозоръ?) Григ. Болтина съ товарищами, а въ 77 г. писцовыя Андр. Ив. Мяглева и Тим. Мих. Судакова съ товарищами (М. А. Дьяконовъ, Ж. М. Нр. Пр., 1893 г. № 7, стран. 228). Въ томъ же 77-мъ году упоминаются валовые писцы В-ра и Суздаля кн. Григ. Вас. Звенигородскій и Ив. Огаревъ съ товарищами (П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 167). Очень вѣроятно, что въ эти годы было произведено валовое описаніе, но такъ же вѣроятно, что въ скоромъ времени, именно въ 80—82 гг., весь уѣздъ или во всякомъ случаѣ большая часть его была дозрена нѣсколькими дозорщиками. Подъ 80-мъ годомъ упоминаются дозорныя книги Шарапа Бартенева, дозоръ Ив. Зловидова съ товарищами и книги М. Борисова, а подъ 82-мъ годомъ — дозоръ Меньшого Растопчина и под. Ив. Акинѳеева (Тамъ же, стран. 167—168). Къ 86—87 гг. относится письмо Матв. Бороздина, платежница съ книгъ котораго была дана для приправки писцамъ 135 г. (Н. Н. Ардашевъ, Древнѣйшій ст-цъ, стран. 19). Въ 93 г. дворцовыя села были описаны кн. Дм. Борятинскимъ съ товарищами. Сотная съ ихъ книгъ селу Красному напечатана за № 1 въ I т. Ак. п. д. М. А. Дьяконовъ указываетъ еще двоихъ писцовъ 94 г. — Сем. Никитина съ Первымъ Сохарусовымъ и Андр. Сурмина съ Сем. Евреевымъ (Ж. М. Н. Пр., 1893 г. № 7, стран. 229). Въ книгахъ XVII вѣка мнѣ не приходилось встрѣчать ссылокъ на послѣднихъ писцовъ.

Общій дозоръ посада и уѣзда въ 122 г. произвелъ воевода Никита Лопухинъ (Р. И. Б., XXVIII, стран. 3, и Ак. п. д., I, №№ 8 и 16). Возможно, что дозоръ былъ начатъ имъ еще въ 120 г. Думать такъ позволяютъ большіе размѣры уѣзда и списокъ приправочныхъ книгъ, данныхъ писцамъ 135 г. Въ этомъ спискѣ указаны книги «живущей пашни дозора воеводы Н. Лопухина 120-го года». Тѣмъ же писцамъ были даны дозорныя книги 120 г. Крика Кисленскаго, книги Муромскаго сельца Григ. Ододурова 122 г. и дозорныя книги Ярополческой волости Замятни Симонова 123 г. (Ардашевъ, Древнѣйшій ст-цъ, стран. 18—19). Въ 128—129 гг. уѣздъ дозирали Іевъ Изъѣдиновъ и под. Ѳед. Постниковъ, а часть уѣзда (вѣроятно «Юрьевскую приписъ») Ѳед. Арцыбашевъ и под. Кириллъ Нѣмцовъ (Ю. В. Готье, Замосковный край, стран. 43, и Арх. М. Ю., Писц. кн. № 72, л. 533). Посадъ

въ 133—134 гг. описали Ив. Аѳ. Головленковъ и под. Вас. Львовъ (Ак. п. д., I, №№ 150, 233 и 238). Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 71. Списокъ — тамъ же, кн. № 608). Валовое описаніе уѣзда началось въ концѣ 135 г. Часть уѣзда описали юрьевскіе писцы Ѳ. А. Скрябинъ и под. Леонт. Лазаревъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 212). Описаніе остальной части уѣзда было поручено Арт. Лодыгину и под. Мих. Клементьеву. Послѣдній умеръ въ 140 г., а Ар. Лодыгинъ въ 141 г., и описаніе было прервано до окончанія войны. Въ 144 г. оно было возобновлено и поручено кн. Вас. Крапоткину, дьяку Игн. Лукину и под. Аѳан. Кувязеву. И эти писцы работали медленно и въ октябрѣ 153 г. были посажены въ Помѣстномъ приказѣ, для ускоренія работы, въ особой казенкѣ: «дѣлать имъ въ той казенкѣ письма своего володимирскія книги» (Н. Н. Ардашевъ, Расходныя книги, I, стран. 62 и 84). Повидимому, эта мѣра не вполнѣ достигла цѣли, и въ 155 г. писцовъ пришлось еще разъ послать въ уѣздъ для дописки и исправленія сдѣланнаго. Книги этихъ писцовъ сохранились и указаны въ I т. Описанія документовъ Арх. М. Ю. Очевидно, что для ускоренія описанія во второй половинѣ 153 г. «Юрьевскую припись» уѣзда было велѣно описать юрьевскимъ писцамъ кн. Григ Андр. Шеховскому и подьячимъ Петру Васильеву и Родіону Бекетову. Ихъ книги тоже сохранились и указаны въ I т. Описанія Арх. М. Ю. (Ср. Н. Н. Ардашевъ, Расходныя книги, стран. 81). Эти книги называются книгами 153—156 гг., но въ дѣйствительности онѣ были окончены не ранѣе 159 г. (См. ихъ подлинныя книги — Арх. М. Ю., Писц. кн. № 72, лл. 417 и 420), а въ 161 г. кн. Г. Шеховской съ под. Ив. Окороковымъ домежевывалъ земли, которыхъ, очевидно, не обмежевалъ своевременно (См. ихъ межевыя книги — тамъ же, кн. № 608).

Перепись 154 г. произвели стольникъ Никита Мих. Боборыкинъ и под. Ѳома Третьяковъ. Книги сохранились (Тамъ же, кн. № 12612. Подлинная переписная дворцовыхъ селъ — тамъ же, № 212). Въ 186 г. перепись посада и части уѣзда произвели стольникъ кн. Дм. Андр. Волконскій и под. Петръ Яковлевъ, а остальной части уѣзда — стольникъ Савелій Алексѣевичъ Шепелевъ съ тѣмъ же подьячимъ. Книги ихъ сохранились (Тамъ же, кн. №№ 12613 и 12614).

17. Вологда. Посадъ — въ Новгородской чети, а уѣздъ сначала тамъ же, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Есть много указаній на описанія XVI вѣка, но разобраться въ нихъ довольно трудно, такъ какъ въ огромномъ уѣздѣ Вологды было много дворцовыхъ и черныхъ земель, которыя обыкновенно были описываемы, какъ и въ другихъ уѣздахъ, особыми писцами. Кромѣ того уѣздъ былъ, повидимому, раздѣляемъ на 2 половины, какъ и въ XVII вѣкѣ.

Въ 68 г. упоминаются писцы Як. Кузьминъ и Ив. Таратинъ съ товарищами. Возможно, что валовое описаніе уѣзда относится къ 68—70 годамъ:

въ 70 г. упоминаются писцы половины уѣзда Лопата Прокоф. Хитрово съ под. Макс. Трифоновымъ и Ив. Курчовъ съ под. Ширяемъ Александровымъ (П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 164—165). Ко времени передъ 77 годомъ относится описаніе дворцовыхъ селъ Вас. Непейцына и дьяка Ив. Іевлева (Лѣтопись Занятій Арх. Ком., III т., II ч., стран. 24). Въ 76 г. черныя села описали Григ. Авксентьевъ и под. Жукъ Мартемьяновъ. Выпись изъ ихъ книгъ на с. Заболотье съ деревнями напечатана В. Н. Сторожевымъ (Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстн. приказа, I, стран. 22—24. Ср. стран. 36). Слѣдующее общее, повидимому, описаніе относится къ 92—97 гг. Къ 92—93 гг. относится описаніе дворцовыхъ селъ Никиф. Вас. Траханіотова, дьяка Дан. Граворонова и под. Ив. Өедорова (Оброчная выпись изъ ихъ книгъ Каменскому монастырю — см. С. А. Шумаковъ, Сотницы, I вып., стран. 90), въ 93 г. упоминаются писцы кн. Аө. Вяземскій и под. Григ. Васильевъ (Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 163), къ этому же приблизительно времени относится дозоръ дворцовыхъ селъ Аөан. Замыцкаго, а къ 97 г. описаніе тѣхъ же селъ кн. Өедора Тюфякина. Въ томъ же 97-мъ году дворцовыя земли описывали еще Верига Өедоровичъ Сабуровъ и под. Филиппъ Митрофановъ, сотная которыхъ с. Турунтаеву напечатана В. Н. Сторожевымъ (см. указанное выше изданіе, стран. 328). Вскорѣ послѣ этого, около 99 г., дворцовыя села описали вновь неизвѣстные писцы, книги которыхъ сохранились (Арх. Мин. Ин. д., по Вологдѣ кн. № 5. Повидимому, подлинникъ. Скрѣпа под. Крестника Дементьева). Послѣ этого подъ 102 г. упоминаются книги «письма и межеванья» Вас. Грамотина и под. Өед. Корюкина (Лѣтопись занятій Арх. Ком., III т., III, стран. 125), а въ 108 г. писцы Вас. Як. Кузьминъ и Свойтинъ Өед. Рупосовъ съ подьячими Як. Демидовымъ и Ив. Антоновымъ (А. Ю., № 335).

Послѣ литовскаго разоренья въ 121 г. посадъ дозрили стольникъ и воевода кн. Ив. Ив. Одоевскій и Гр. Гр. Пушкинъ съ дьякомъ Петромъ Новокщеновымъ, а въ 125 г. вторично — кн. Петръ Волконскій и под. Леонт. Софоновъ. Послѣдній дозоръ былъ утвержденъ въ февралѣ 126 г. (Ак. п. д., I, № 56), и книги его сохранились въ подлинникѣ за скрѣпой подьячаго (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 60). Многочисленные частичные и особные дозоры въ уѣздѣ начались еще при боярахъ (Значительная часть ихъ сохранилась и указана въ I т. Описанія документовъ Арх. М. Ю. Большой списокъ дозоровъ 123—127 гг. см.—Ак. п. д., II, № 88. Еще объ этихъ дозорахъ см. тамъ же, I, №№ 17, 58, 60, 61, 67, 69 и 70). Изъ нихъ важнѣйшими, охватившими почти весь уѣздъ, были дозоры 122—123 гг. кн. Богд. Касаткина - Ростовскаго съ под. Жданомъ Малахеевымъ и кн. Никиты Шеховского съ под. Вас. Яковлевымъ. Въ 125 г. весь или почти весь уѣздъ дозрили по половинамъ Петръ Новосильцевъ съ под. Ерофеемъ Рябцовымъ и кн. П. Волконскій съ под. Л. Софоновымъ (Ак. п. д., I, №№ 23, 37, 68 и 69). Къ 128—129 гг. относится третій общій дозоръ уѣзда — его дозрили по половинамъ Тим. Никифоровичъ Безобразовъ съ под. Ив. Петровымъ и Өед. Ив. Измайловъ съ под. Мих.

Бухаровымъ. Дозоръ затянулся, и книги первыхъ не были еще сданы въ приказъ въ мартѣ 133 г., а вторыхъ — въ 132 году (В. Н. Сторожевъ, Указан. выше изданіе, стран. 6, 64, 85, 309 и 351). Къ іюлю 135 г. дозоры, впрочемъ, уже были примѣнены къ дѣлу (Ак. п. д., I, № 257, и II, № 88. Платежницы съ этихъ дозоровъ были изготовлены и присланы на Вологду въ 131 г., до отдѣлки книгъ). Дозоровъ посада не было; только въ 131 г. Вас. Брянчаниновъ переписалъ лавки, амбары и нетяглые дворы. Лѣтомъ 135 г. данъ наказъ кн. Ив. Аѳан. Мещерскому и под. Ѳед. Стогову описать посадъ (Наказъ — Ак. п. д., I, № 257). Ихъ книги сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпой обоихъ писцовъ (Арх. Мин. Ин. д., по Вологдѣ кн. № 1. Конецъ утраченъ), и напечатаны Комиссіей при Вологодскомъ Епархіальномъ Древнехранилищѣ, по мѣстному списку. Со 135 г. уѣздъ описывали — Заозерскую половину Ѳедоръ Воронцовъ-Вельяминовъ съ подьячимъ (позже дьякомъ) Савиномъ Завѣсинымъ, а другую половину Сем. Гавр. Коробьинъ съ под. Ѳед. Стоговымъ. Есть указаніе, что работа писцовъ была прервана Смоленской войной (Прик. д. стар. л., 1632 г. № 59). Книги обоихъ писцовъ сохранились въ подлинникахъ, за скрѣпами подьячихъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 63—66 и 69. Списки — тамъ же, кн. №№ 14717—14720, 14725—14728). Вотчины Ростовскаго митрополита въ 132 г. описали Северьянъ Давыдовъ и под. Евлампій Шатохинъ и въ 135 г. ихъ вторично описывать (С. Коробьину) не велѣно (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 104).

Перепись 154 г. стольника Ив. Бутурлина и под. Ероѳея Ивачова сохранилась въ подлинникѣ частью, а въ спискахъ вся (Арх. М. Ю. Подлинникъ — кн. № 67. Списки — кн. №№ 14732 и 14731). Сохранились и книги переписи 186 г. стольн. Петра Мих. Голохвастова и под. Ив. Саблина (Подлинники — тамъ же, кн. №№ 14741 и 14733—14735, 14738 и 14740. Списки — кн. №№ 14736—14739).

18. Волокъ Ламскій. Посадъ — въ Большомъ Приходѣ, а позже во Владимирской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 122 г. уѣздъ долженъ былъ платить по описанію Лопаты Прокофьевича Хитрово, Ст. Безобразова и волоцкаго городового приказчика Ѳед. Абрамова 80 г. (Р. И. Б., XXVIII, стран. 19). Изъ этого можно заключить, что общихъ описаній послѣ 80 г. либо не было совсѣмъ, либо они не были утверждены. Подъ 86 г. упоминаются книги письма и мѣры (вотчин. земли) Сем. Пушкина и под. Третьяка Десятаго (С. А. Шумаковъ, Обзоръ Грам. Кол. Эк., III вып., стран. 202). Макс. Нешковъ и под. Крикъ Ивановъ дозрили — въ 123 г. посадъ (Ак. п. д., I, стран. 498), а въ 124 г. и уѣздъ (А. Юр., стран. 225). Въ 133 г. посадъ дозрилъ (?описалъ?) Мих. Бухаровъ (Ак. п. д., I, стран. 498). Уѣздъ въ 134 г. описали Влад. Архипповичъ Полтининъ и под. Ив. Ѳедоровъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 425. Списки — тамъ же, №№ 613 и 11436).

Перепись 154 г. произвели кн. Дав. Конд. Щербатой и под. Баженъ Ушаковъ. Книги сохранились за скрѣпой обоихъ переписчиковъ (Тамъ же, кн. № 74. Списокъ — кн. № 11451).

19. Воронежъ. Посадъ — въ Разрядѣ, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Описаній XVI вѣка до сихъ поръ неизвѣстно. Въ 123 г. посадъ и уѣздъ дозрили Григ. Кирѣевскій съ товарищами. Ихъ книги сохранились въ спискѣ, за скрѣпой дьяка Герас. Мартемьянова (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 75. Другой списокъ — тамъ же, кн. № 614), и напечатаны Воронежскимъ Губ. Статистическимъ Комитетомъ въ Матеріалахъ для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній (II т. Воронежъ, 1891 г.). Въ 128 г. дозирать уѣздъ были посланы Вас. Сараевъ и под. Ив. Борисовъ. Ихъ работа вызвала жалобы служилыхъ людей, и въ іюлѣ 130 г. Помѣстный приказъ послалъ въ уѣздъ Як. Авкс. Дашкова и под. Вавилу Сѣкирина разобрать дѣло и произвести новое описаніе дворовъ и измѣреніе и отводъ земель (Наказъ послѣднимъ лицамъ сообщенъ мнѣ Н. В. Мятлевымъ, изъ Архива Москов. Двор. Депутатскаго собранія—дѣло № 15/1788, о дворянствѣ рода Дашковыхъ, стран. 170—180). Въ 135—137 гг. уѣздъ описали Романъ Кирѣевскій и под. Леонт. Недовѣсковъ. Приправочными для нихъ служили книги 123 г. Описаніе сохранилось въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 76. Списокъ — тамъ же, кн. № 615), и выдержки изъ него напечатаны въ указанномъ выше изданіи Воронеж. Стат. Комитета.

Перепись 154 г. произвели Ос. Мих. Юшковъ и под. Григ. Ждановъ. Книги ихъ, за скрѣпами обоихъ, сохранились (Тамъ же, кн. № 344, л. 186 и далѣе). Перепись 186 г. произвели Романъ Устиновичъ Хрущовъ и под. Ермолай Ждановъ. Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 12286).

20. Воротынскъ. Посадъ — во Владимирской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Посадъ и, повидимому, уѣздъ описалъ передъ 99 г. Бражникъ Кайсаровъ. Въ 122 г. посадъ платилъ по сотной 99 г. съ его письма (Р. И. Б., XXVIII, стран. 78). Въ 122 г. городище и уѣздъ дозрили Ив. Ѳед. Ергольскій и под. Мих. Ивановъ. Списокъ съ ихъ книгъ, за скрѣпой дьяка Вен. Махова, сохранился (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 83). Въ январѣ 125 г. осадному головѣ Меньшому Тим. Дурному было велѣно переписать дворы на посадѣ послѣ разоренья 124 г. (Ак. п. д., I, № 24), но вѣроятно дозоръ не былъ произведенъ, и «Воротынескъ отъ 124 года по 133 годъ отъ литовскаго разоренья стоялъ пустъ». Описывать его въ маѣ 133 г. были посланы Никита Ив. Беклемишевъ и под. Осипъ Трофимовъ (Наказъ имъ—тамъ же, № 151). Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 148). Уѣздъ въ 134—135 гг. описали Вас. Бутурлинъ и под. Юр. Судниковъ. Приправочными для нихъ служили дозорныя книги 122 г., вѣроятно въ томъ спискѣ, который указанъ

выше. Книги писцовъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 84. Списокъ — тамъ же, кн. № 11587).

Перепись 154 г. произвели Григ. Ив. Ѳефилатьевъ и под. Романъ Петровъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 162. Списокъ — тамъ же, кн. № 11596).

21. Вымь Яренская. Городъ Новгородской чети.

Валовое описаніе произвели въ 94 г. Ив. Гр. Огаревъ и под. Филиппъ Юрьевъ. Книгъ ихъ не сохранилось, а сотная грамота Спасскому монастырю напечатана С. А. Шумаковымъ (Сольвычегодскія сотницы. Чт. Общ. Ист. 1905 г. III кн.). Въ Императорской Публичной библіотекѣ хранится списокъ съ сотной съ книгъ Ив. Огарева, данной Сысольской волости въ 108 г. взамѣнъ сгорѣвшей (Q, IV, № 369). Книги Ив. Огарева были даны для приправки дозорщикамъ 116 г. Вас. Ларіонову и под. Андр. Горохову. Дозорныя книги 116 г. сохранились въ подлинникѣ и напечатаны А. М. Гнѣвушевымъ въ Актахъ времени правленія царя Василія Шуйскаго (М. 1914 г. Изд. Общ. Ист. и Др.). Съ этого дозора Вымь платила до описанія О. Хлопова, «а послѣ разоренья на Выми дозоръ не бывалъ» (Ак. п. д., II, № 25). Въ маѣ 136 г. данъ наказъ писцамъ Осипу Тим. Хлопову и под. Мих. Максимову (Тамъ же, № 28, стран. 77). Перепись 154 г. произвели Петръ Александровичъ Граевскій и под. Ѳеофанъ Протопоповъ. Ихъ книги сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 143). Перепись 186 г. произвели Ив. Вас. Ельчаниновъ и под. Сем. Безсоновъ, книги которыхъ сохранились (Тамъ же, кн. № 15057).

22. Вязьма. Посадъ — въ Устюжской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 95 г. общее описаніе произвели Вас. Волынскій, Тим. Хлоповъ, дьякъ Вас. Нелюбовъ и под. Третьякъ Мокіевъ (Л. М. Сухотинъ, Земельныя пожалованія при царѣ Владиславѣ, стран. 96. Москва, 1911 г.). По неизвѣстной причинѣ новое описаніе посада и уѣзда въ 102—103 гг. произвелъ тотъ же Вас. Волынскій съ под. Вторымъ Ильинымъ. Описаніе уѣзда 102—103 гг. сохранилось въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 618—619) и частью напечатано во II отд. Писцовыхъ книгъ Московск. государства. Въ 124 г. посадъ дозрилъ Никифоръ Шапиловъ, а уѣздъ — онъ же съ подьячимъ Астафьемъ Колюпановымъ (О посадскомъ дозоръ см. Ак. п. д., I, № 217 и далѣе. Указаніе на дозоръ уѣзда—Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа оклеенный ст-цъ по Вязьмѣ № 569). Описаніе посада въ 133 г. было поручено кн. Ив. Ѳед. Волконскому и под. Елиз. Розинкову. Книги ихъ не были окончены и сгорѣли въ пожаръ 134 г. на дворѣ у князя (Ак. п. д., I, № 217 и далѣе). Новое описаніе было поручено кн. Ив. Волконскому и под. Леонт. Трофимову (Тамъ же, № 224). Описывать уѣздъ въ 134 г. были посланы Юр. Мусинъ-Пушкинъ и под. Сидоръ Андреевъ. Оба писца

умерли, не подавъ въ Помѣстномъ приказѣ ни книгъ, ни перечневыхъ росписей (Указанный выше ст-цъ по Вязьмѣ № 569). Такимъ образомъ уѣздъ остался безъ новаго описанія. Посадъ по челобитью вязьмичей дозрили въ 153—154 гг. воевода Сем. Ив. Воейковъ и дьякъ Дм. Прокофьевъ. Дѣло Устюжской чети объ этомъ описаніи напечатано во II т. Ак. п. дѣла (№№ 214—255). Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 10809).

Перепись 154 г. произвели Ром. Ѳед. Боборыкинъ и под. Петръ Титовъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 10814). Новое описаніе уѣзда въ 173—174 гг. произвели Арт. Мих. Рчиновъ и под. Ѳед. Леонтьевъ. Часть ихъ книгъ (оброчныя пустоши) сохранилась (Тамъ же, кн. № 11462). Перепись 186 г. произвели — въ дворцовыхъ селахъ писцы дворцовыхъ земель 182—186 гг. Петръ Сем. Лихаревъ и под. Як. Незамаевъ, а на посадѣ и въ прочихъ земляхъ уѣзда Никифоръ Кондр. Озеровъ и под. Аввакумъ Григорьевъ. Обѣ переписи сохранились (Дворцовая перепись — тамъ же, кн. № 10811, а перепись посада и уѣзда—№ 10819 и списокъ съ нея № 10818).

Книги дворцовыхъ описаній 172, 182 — 186 гг. указаны въ I т. Описанія Архива Мин. Юстиціи.

23. Вятскіе города: Хлыновъ, Слободскій, Котельничъ, Шестаковъ и Орловъ. Вѣдомы въ Новгородской чети.

Въ 98 г. общій дозоръ произвели Богд. Григорьевъ и под. Савва Григорьевъ (Труды Вятской Арх. Ком. 1906 г. I в., стран. 16). Ихъ книги служили приправочными дозорщикамъ 123 г. (Тамъ же, III вып., стран. 25), изъ чего я заключаю, что дозоръ 104 г. вотчинъ Трифонова монастыря въ Слободскомъ уѣздѣ, произведенный хлыновскимъ городовымъ приказчикомъ Ѳед. Рязанцовымъ, былъ мѣстнымъ. Книги Ѳ. Рязанцова сохранились въ подлинникѣ и напечатаны С. А. Шумаковымъ въ V вып. Сотницъ (Стран. 50—57). Валовой дозоръ всѣхъ пяти городовъ произвели въ 123 г. кн. Ѳед. Андр. Звенигородскій, Вас. Терент. Жемчужниковъ и дьякъ Мих. Ордынцевъ. Книги ихъ сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 1029 и 1030). Сохранились еще дозорныя книги Орлова и Хлынова дозора Ѳед. Мих. Зубова и под. Леонт. Софонова 126—127 гг. (Тамъ же, кн. № 1059) и книги сыска и дозора оброчныхъ угодій воеводы Петра Ив. Мансурова 130—131 гг. (Тамъ же, №№ 1031 и 1032), но оба эти дозора не имѣли отношенія къ сошному обложенію. Описаніе Вятки, начатое въ 136 г., было вызвано отчасти пожаромъ 134 г.: въ докладѣ 136 г. Новгородской чети государю сказано, что вятчане платятъ по дозору 123 г. и что книги этого дозора сгорѣли, «а писцовыхъ книгъ въ четверти нѣтъ» (Ак. п. д., II, № 25). Въ виду большихъ размѣровъ Вятки съ пригородами описаніе было поручено двоимъ писцамъ — Аѳан. Мих. Толочановъ и под. Андр. Іевлевъ должны были описать Хлыновъ, Орловъ и Котельничъ, а Ив. Бор. Доможировъ и под. Ив. Кокушкинъ Слободскій и Шестаковъ (Наказы имъ — тамъ же, № 28).

Описанія были окончены въ 138 г. (Ак. п. д., II, № 82). Книги обоихъ писцовъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 89 и 90 — описаніе тяглыхъ сохъ, а кн. №№ 903 и 904 — описаніе оброчныхъ сохъ).

Перепись 154 г. произвели Вас. Петр. Огяевъ и под. Савва Ищеинъ. Книги сохранились только по Хлынову (Тамъ же, кн. №№ 518—519). Перепись 186 г. произвели Мих. Петр. Воейковъ и под. Өед. Прокофьевъ. Ихъ книги сохранились всѣ, въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. №№ 339, 340, 520 и 521).

24. Галичъ съ пригородами. Посады — въ Галицкой чети, а уѣздъ сначала тамъ же, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Послѣ разоренья 65 г. отъ казанскихъ людей, Галичъ и пригороды описали въ 66—68 гг. Григ. Слизневъ съ товарищами (А. А. Э., II, № 85. Акты Өедотова-Чеховскаго, I, № 90). Подъ 72 годомъ упоминаются писцовыя книги кн. Ив. Ромодановскаго съ товарищами (М. А. Дьяконовъ, Ж. М. Н. Пр. 1893 г. № 7, стран. 227). Въ 87 г. работали писцы Леонт. Ив. Аксаковъ и Мих. Ив. Шишеловъ съ товарищами (одинъ изъ нихъ — под. Ив. Поздѣевъ). Выпись изъ нихъ книгъ напечатана С. А. Шумаковымъ (Сотницы, I вып., стран. 83—85). Въ 93—94 гг. валовой дозоръ произвели Юр. Нелединскій и под. Леонт. Софоновъ (А. А. Э., II, № 85, и М. А. Дьяконовъ, ук. соч., стран. 229). Въ 114 г. черныя волости дозирали Ив. Биркинъ и Мих. Тюхинъ, а въ 116 г. (Унженская осада) Ив. Головленковъ и под. Леонт. Софоновъ (Акты Өедотова-Чеховскаго, I, № 90). Послѣдній дозоръ, повидимому, не былъ утвержденъ (Ак. п. д., I, № 34). Посадъ Галича дозирали — въ 124 г. Ив. Безобразовъ, а въ 128 г. — Никифоръ Протопоповъ. Сошный окладъ послѣдняго дозора не былъ утвержденъ, а самыя книги, очевидно, сгорѣли въ 134 г., и въ 136 г. писцамъ былъ данъ для приправки дозоръ 124 г. (Ак. п. д., II, №№ 22 и 41). Посадъ Соли Галицкой въ 121 г. дозрили Петръ Волынскій и дьякъ Никифоръ Емельяновъ, а въ 122 г. дьякъ Парөеній Кузьминъ дозрилъ вторично посадъ и Солигалицкую осаду. Книги дозора 122 г. сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпой дьяка (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 453). Чухлому съ ея осадой дозрили въ 123 г. Дѣй Чередовъ и под. Богд. Кондратьевъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 529). Кологривъ, Унжу и Парөеньевъ съ осадами дозрили въ 124 г. Сем. Өед. Сытинъ и под. Леонт. Софоновъ. Книги въ подлинникѣ, за скрѣпой подьячаго, сохранились (Тамъ же, кн. № 345). Въ 125 г. Унжу и Судай съ осадами дозрили Юр. Григ. Ловчиковъ и дьякъ Вас. Мартемьяновъ. Книги ихъ тоже сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 499). Ихъ дозоръ въ части, касавшейся Ветлужскихъ волостей Лопшанской дороги, былъ отмѣненъ (Ак. п. д., I, № 34). Зимой 126 г. Вас. Терент. Жемчужниковъ съ под. Өед. Кунаковымъ дозрилъ черныя волости, которыя были вѣдомы на Старомъ Дворѣ на обиходъ великой иноки Марөы Ивановны, и вотчину Паисіева монастыря (Тамъ же, №№ 41—51). Въ 128 г. посадъ Чухломы дозрили Мих. Беклемишевъ и под. Елиз. Михайловъ (Дворц. Арх.,

25 оп., 140 г. №130). Описаніе посада Галича было поручено въ 136 г. писцамъ уѣзда, кн. Никиф. Як. Мещерскому и под. Өеоктисту Тихомирову (Ак. п. д., II, № 22). Оба они умерли, не отдѣлавъ своихъ книгъ, первый ранѣе марта 138 г., а второй позже (Тамъ же, № 70). Въ заголовкѣ посадскихъ книгъ сказано, что онѣ остались послѣ писцовъ «вчернѣ, а уѣздныя помѣстныя и вотчинныя земли многія не написаны и не межеваны; и государь... указалъ быти въ Галичѣ въ письмѣ на кн. Никифорово мѣсто Мещерскаго Никитѣ Ивановичу Беклемишеву». Книги были окончены не ранѣе 145 г. и сохранились въ подлинникѣ за скрѣпой Н. Беклемишева (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 92). Посадъ Соли Галицкой въ 136 г. описали Никита Ивановичъ Ласкиревъ и под. Семенъ Осокинъ. Книги сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпами обоихъ писцовъ (Тамъ же, кн. № 454). Остальные пригороды или не были описаны совсѣмъ, или описанія ихъ не были утверждены. (См. приходную кн. Галицкой чети 152 г. Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10). Описаніе уѣзда было поручено кн. Н. Мещерскому и под. Ѳ. Тихомирову. Прерванное смертью обоихъ писцовъ и задержанное Смоленской войной, оно было окончено послѣ войны Н. Беклемишевымъ и Никитой Ив. Ласкиревымъ съ подьячими Сем. Осокинымъ и Ждановъ Ромодановымъ. Въ 153—157 гг. Н. Беклемишевъ съ под. Арт. Рагозинымъ домежевывалъ земли, которыя не были обмежеваны своевременно, при описаніи. Книги этого описанія и межевыя книги сохранились въ подлинникахъ и спискахъ, указанныхъ въ I т. Описанія документовъ Арх. М. Юстиціи.

Перепись 154—156 гг. произвели Андр. Вас. Сонинъ и под. Борисъ Протопоповъ. Книги ихъ сохранились въ спискахъ всѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 7217—7222 и 7224), а въ подлинникѣ только частью (Тамъ же, кн. № 98). Перепись 186 г. Андр. Аѳан. Козловскаго съ под. Ив. Боголюбовымъ и Сем. Ив. Писарева съ тѣмъ же подьячимъ (Галича съ его осадой) и Мих. Як. Коробьина съ под. Вас. Лукинымъ (пригороды съ ихъ осадами) сохранилась въ подлинникахъ (Тамъ же, кн. №№ 7252—7254 и 7257. Списки— тамъ же, №№ 7255, 7256 и 7258).

25. Гороховецъ. Посадъ — въ Новгородской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 68 г. Гороховецъ и Балахну описали кн. Юр. Григ. Мещерскій и Молчанъ Игн. Растопчинъ (П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 164). Въ 95 г. Гороховецъ описалъ Мих. Ив. Шишеловъ съ товарищами. Ихъ сотная Ефимьеву монастырю напечатана С. А. Шумаковымъ (Сотницы, I вып., стран. 85—88). Въ 122 г. Гороховецъ съ уѣздомъ былъ данъ въ путь кравчему М. М. Салтыкову, а въ 131 г. государь пожаловалъ М. Салтыкова въ окольничіе и указалъ Гороховецъ вѣдать на себя. По этому поводу 21 января Новгородская четь дала наказъ Ив. Аѳ. Загряжскому и под. Нефеду Галкину дозрить посадъ (Ак. п. д., I, № 113). До этого, около 124 г., посадъ былъ дозренъ осаднымъ головой Ѳ. П. Сѣкиринымъ (Дворц. Арх., 24 оп., 124 г.

№ 495, л. 10), а въ 128 г. упоминается дозоръ части уѣзда (с. Краснаго и Великихъ Дворищъ) Григ. Ододурова и под. Андр. Строева (Ак. п. д., I, стран. 581). Посадскія книги 131 г. сгорѣли въ пожаръ 134 г., и въ іюлѣ 135 г. Новгородская четь дала наказъ Зах. Вас. Быкову и под. Пятому Колобову описать посадъ (Тамъ же, № 264). Эти же писцы въ 136 г. описали и уѣздъ. Книги уѣзда сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 625).

Сохранилися подлинникъ и списокъ съ переписныхъ книгъ 154 г. Аѳан. Сем. Огяева и под. Казарина Немирова (Тамъ же, кн. №№ 953 и 15398). Перепись 186 г. произвели стольникъ Сем. Ив. Колычевъ и под. Харламъ Юрловъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 15410. Списокъ — тамъ же, № 15406).

26. Гремячій. Городокъ безъ уѣзда, вѣдомъ въ Устюжской чети.

Дозоровъ, повидимому, не было, а были слѣдующіе отдѣлы земли служилымъ людямъ: до разоренья — Андр. Чернышева и под. Ив. Косачева, въ 120 г. — воеводы Ив. Пущина, въ 121 г. — осаднаго головы Петра Солнцева и въ 123 г. — Ѳед. Кошкина. Въ 132 г. острогъ и слободы описали Ѳ. С. Пушкинъ и под. Дружина Ѳедотовъ (Перечневая роспись ихъ письма— Ак. п. д., I, № 142). Сохранился списокъ съ выписи, данной ими Стрѣлецкой слободѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 456, л. 180).

27. Двина. Городъ Новгородской чети.

Въ 59—62 гг. Двинскую землю описали Ив. Петр. Заболотскій и Дм. Ив. Темиревъ съ товарищами (Двинская лѣтопись, стран. 10. М. 1889 г. Изд. А. Титова). Сотная ихъ 62 г. Николы Корельскому монастырю напечатана С. А. Шумаковымъ (Сотницы, III в., стран. 1—3). Въ 67 г. Двину описалъ Вас. Гагинъ. Это описаніе вызвано было, повидимому, значительнымъ запустѣньемъ, которое образовалось по неизвѣстной причинѣ послѣ описанія И. Заболотскаго. Въ Архивѣ Министерства Иностран. дѣлъ (по Клину кн. № 2) сохранилась очень цѣнная книга, по моему опредѣленію платежница, составленная на основаніи описаній И. Заболотскаго и В. Гагина. По всей книгѣ проведено сравненіе обежныхъ и денежныхъ окладовъ по указаннымъ описаніямъ и указана убыль. Первая половина книги скрѣплена старостой Матвѣемъ Степановымъ Окуловымъ и цѣловальникомъ Иваномъ. Съ об. л. 231 идутъ «Книги оброчныя Двинскія тонь морскихъ на лѣтней и на зимней сторонѣ и Двинскія рѣчныя тони и оброки за рыбную ловлю»... Скрѣпа старосты Вас. Іевлева. Съ 248 л.: «А се оброки мелкіе и за рыбную-жъ ловлю съ Двинскихъ волостей и съ посадовъ». Въ концѣ книги оброки съ варницъ. Лл. 248—292 скрѣплены цѣловальникомъ Як. Мат. Никитинымъ. Книга вся. — Повидимому, это та самая книга, которая въ описи дѣлъ Новгородской чети, спасенныхъ отъ пожара 134 г., описана такъ: «Книги Двинскія данныя 61 году, за руками старосты Матвѣйка Степанова да

цѣловальника Ивашка» (Опись, изд. С. К. Богоявленскимъ, стран. 36. Чт. Общ. Ист. 1905 г., I кн.). «Данныя» — это то же, что въ другихъ мѣстностяхъ называли платежными.

Въ 95 г. Двину начали описывать и писали въ 96—97 гг. кн. Вас. Андр. Звенигородскій и под. Рахманинъ Вороновъ. Послѣ смерти кн. В. Звенигородскаго описаніе было окончено воеводой кн. Бор. Ив. Мезецкимъ съ тѣмъ же подьячимъ (Двинская лѣтопись, стран. 13; Р. И. Б., XIV, стран. 126 и 128; А. Ю., стран. 69; А. И., III, №№ 95 и 125). Подъ 119 годомъ въ Двинской лѣтописи сказано: «Былъ на Двинѣ писецъ Алексѣй Өедоровъ сынъ Загряжскій да съ нимъ подьячій Меркурій Любучениновъ» (стран. 16). Послѣ разоренья «дозоръ не бывалъ» до описанія 130 г. (Ак. п. д., I, № 102). Въ 130—132 гг. Двину описали Миронъ Андр. Вельяминовъ и подьячіе Баженъ Степановъ и Антонъ Подольскій. Ихъ книги, за скрѣпами обоихъ подьячихъ, сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 9—11). Сохранилась также платежница съ этихъ книгъ (Арх. Мин. Ин. д., по Архангельску книга № 2, л. 77 и далѣе). Въ 134 г. книги этихъ писцовъ были переписаны набѣло, но еще не переплетены, и 7 тетрадей изъ нихъ были отосланы въ Помѣстный приказъ «вычищати», гдѣ и сгорѣли въ майскій пожаръ. Такъ какъ черновикъ книгъ тоже сгорѣлъ, то въ маѣ 135 г. на Двину былъ посланъ дьякъ Баженъ Степановъ описать тѣ волости, которыя были описаны въ сгорѣвшихъ тетрадяхъ (Ак. п. д., I, № 244).

Перепись 154—155 гг. произвели Ив. Ив. Философовъ и под. Кузьма Патрикеевъ. Ихъ книги въ подлинникѣ, за скрѣпами К. Патрикеева, а вмѣсто Ив. Философова его племянника Данилы, сохранились (Арх. Мин. Ин. дѣлъ, по Архангельску кн. № 1). Перепись 186 г. произвели стольникъ Аөан. Денисовичъ Фонъ-Визинъ и под. Өедоръ Замятнинъ. Книги ихъ сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15051).

28. Дмитровъ. Посадъ — въ Устюжской чети, а въ послѣдней трети XVII вѣка взятъ во Дворецъ. Уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 70 г. валовое описаніе произвели кн. Ив. Андр. Звенигородскій и Дм. Мих. Пивовъ съ подьячими Григ. Өедотовымъ и Конст. Полухановымъ. Три сотныя, данныя ими монастырямъ, напечатаны С. А. Шумаковымъ (Сотницы, I в., стран. 138, и III вып., стран. 4—10). Списокъ съ этихъ книгъ былъ изготовленъ въ 135 г. въ Помѣстномъ приказѣ для приправки писцамъ (Н. Н. Ардашевъ, Древнѣйшій ст-цъ Помѣстнаго приказа, стран. 28) и въ 1717 году еще былъ цѣлъ. Въ описи книгъ бывшаго Помѣстнаго приказа сказано, что списокъ — «за приписью дьяка Венедикта Махова» и что онъ «съ начала не сполна» (Опис. докум. Арх. М. Юст., V т., стран. 373). Очень вѣроятно, что онъ будетъ найденъ. Въ 124 г. посадъ дозрилъ Григ. Маматовъ (Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, л. 315). Уѣздъ въ 128 г. дозрили кн. Никита Шеховской и под. Петръ Ермолинъ (С. А. Шумаковъ, Обзоръ Грам. Кол. Эк., III в., стран. 4 и 96). Посадъ въ 132 г. описали Дм.

Скуратовъ и под. Постникъ Трофимовъ (Ак. п. д., I, №139). Книгъ ихъ не сохранилось, а сотная напечатана въ Временникѣ Общ. Ист. и Др. (XXIV т.). Описаніе уѣзда въ 135—137 гг. произвели Андр. Загряжскій и под. Гавр. Владимировъ. Книги ихъ сохранились въ спискахъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 627, 628, 630, 631, 877, 15062 и 15063).

Перепись 154 г. произвели Гавр. Конст. Юшковъ и под. Кириллъ Семеновъ. Книги сохранились (очень ветхи) въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. №126). Перепись 186 г. произвели Дм. Никитичъ Кутузовъ, Арт. Мих. Игнатьевъ и под. Ѳед. Леонтьевъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, № 15064).

29. Дѣдиловъ. Посадъ — въ Костромской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ. Описанія обыкновенно были поручаемы тульскимъ писцамъ.

Оба описанія конца XVI в. — описаніе 93 г. К. Наумова и 96—99 гг. И. Жеребцова — были произведены тульскими писцами. Книги 96—97 гг. сохранились въ спискѣ, за скрѣпой дьяка Неупокоя Кокошкина, изготовленномъ для приправки писцамъ 136 г. (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 124. Другой списокъ — тамъ же, кн. №487), и напечатаны во II отд. Писцовыхъ книгъ Московскаго государства. Уѣздъ въ 128 г. дозирали тульскіе дозорщики. Сохранился списокъ съ платежницы ихъ дозора (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 488, л. 59). Въ 135—137 гг. посадъ и уѣздъ описали тульскіе же писцы. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпами всѣхъ трехъ писцовъ (Тамъ же, кн. № 491. Списки — тамъ же, кн. №№ 14245 и 14246). Описаніе было закончено въ 140 г., и сохранилась подлинная платежница его (Тамъ же, кн. № 409, л. 517).

Перепись 154 г. произвели тульскіе переписчики. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 493, л. 825 и далѣе). Перепись 186 г. произвели стольн. Ѳед. Ос. Арсеньевъ и под. Ив Щербаковъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 14247).

30. Елецъ. Посадъ — въ Разрядѣ, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Описаній XVI вѣка неизвѣстно. Сохранилась очень интересная книга 101—102 гг. Ив. Мясного, за его скрѣпой. Ив. Мясной раздавалъ служилымъ людямъ усадища и дикое поле, въ ихъ оклады (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 26). Сохранилась «Роспись» съ книгъ «письма и мѣры Андр. Змѣева и подьячихъ Петра Трифонова (?) и Михаила Бороздинцова 123-го года, что за кѣмъ сошнаго письма и четвертныя пашни въ живущемъ написано». По содержанію это — платежныя книги. Списокъ скрѣпленъ дьякомъ Герас. Мартемьяновымъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 131, л. 124 и далѣе). Въ 128 г. уѣздъ дозрили Вас. К. Нестеровъ и под. Сем. Дмитріевъ. Сохранился списокъ съ ихъ платежницы (Тамъ же, Писц. кн. № 131, лл. 1—123). Описаніе въ 136—139 гг. произвели Леонтій Юр. Погожево и под. Кириллъ Семеновъ.

Ихъ книги сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпой обоихъ писцовъ (Тамъ же, кн. №№ 132—134. Списокъ — тамъ же, кн. № 8827).

Перепись 154 г. произвели кн. Өед. П. Борятинскій и под. Дм. Болотовъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 135. Списокъ — тамъ же, кн. № 8828). Перепись 186 г. — Вас. Ив. Сухотинъ и под. Алексѣй Остриковъ. Книги сохранились въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 8830).

31. Епифань. Посадъ — въ Устюжской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 80 г. острогъ и уѣздъ описали веневскіе писцы кн. Ив. Мосальскій съ товарищами. Ихъ книги напечатаны въ II отд. Писцовыхъ книгъ Московскаго государства по оригиналу Архива Мин. Иностр. дѣлъ (По Веневѣ кн. № 1). Посадъ въ 123 г. дозрилъ Леонтій Өоминъ, а въ 132 г. описали Ө. Пушкинъ и под. Дружина Өедотовъ (Перечневая роспись ихъ письма— Ак. п. д., I, № 142). Уѣздъ въ 128 г. дозрили Матв. Савинъ и под. Дан. Брянцевъ. Платежница съ ихъ дозора сохранилась въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 488, л. 130). Описаніе уѣзда произвели въ 135—137 гг. кн. Ром. Ө. Болховской и под. Вас. Бурцевъ. Въ межеваніи принималъ участіе (въ 138 г.) Ив. Аө. Загряжскій съ тѣмъ же подьячимъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 140. Списокъ — тамъ же, кн. № 14248). Сохранилась подлинная платежница съ этого описанія (Тамъ же, кн. № 409, л. 556).

Перепись 154 г. произвели стольн. Илья Дан. Милославскій и под. Арт. Аөанасьевъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 493, л. 939 и далѣе. Списокъ — тамъ же, кн. № 14237). Перепись 186 г. произвели Григ. Кобяковъ и под. Лука Елизарьевъ.

32. Заонежскіе погосты, съ Олонцомъ, построеннымъ въ 157 г., были вѣдомы въ Новгородской чети.

Описанія и дозоры XVI вѣка см. — Новгородъ. Подъ 124-мъ годомъ упоминаются «книги писцовыя» Григ. Колединскаго, но, повидимому, это былъ дозоръ, а не описаніе, и притомъ частичный. Въ 124—125 и 127 гг. валовой дозоръ произвели Петръ Воейковъ и дьякъ Ив. Льговскій (Опись дѣлъ Новгородской чети, спасенныхъ отъ пожара 134 г., стран. 31. Чт. Об. Ист. и Др. 1905 г. I кн. См. еще Ак. п. д., II, №№ 25 и 79). Въ послѣднемъ дозорѣ частыя ссылки на письмо Аө. Жеребятичева 94 г. Книги дворцовыхъ селъ П. Войекова сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 743), а черныхъ селъ въ подлинникѣ (Арх. Мин. Ин. д., по Бѣлоозеру кн. № 1б). Въ 128 г. погосты дозрили Мина Дм. Лыковъ и под. Як. Гнѣвашевъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 979. Списки — тамъ же, №№ 745 и 746). Описаніе 136—137 гг. произвели: семи лопскихъ погостовъ Ив. Тырковъ (Д. А. И., IX, № 89), Водлоозерскаго и Оштинскаго становъ («по сей сторонѣ Онѣга озера») кн. Ив. Мих. Долгоруково и под.

Постникъ Раковъ, а Олонецкій и Выгозерскій станы («по другую сторону Онѣга озера») Никита Өед. Панинъ и под. Сем. Копыловъ (Наказъ имъ — Ак. п. д., II, № 29. См. тамъ же, № 79). Изъ этихъ описаній сохранились книги Н. Панина, въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 308), и подлинныя платежницы съ книгъ Н. Панина и кн. Ив. Долгоруково (Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 17), напечатанныя въ II т. Ак. п. дѣла (№№ 96—98).

Перепись 155 г. произвели Ларіонъ Григ. Суминъ и под. Як. Ефимовъ. Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 980). Перепись 186 г. произвели Ив. Александровъ и Ив. Никифоровъ Аничковы (Д. А. И., IX, № 89).

33. *Зарайскъ* (Никола Зарайскій). Посадъ — Владимирской чети, въ Рязанскомъ уѣздѣ.

Въ 103—105 гг. посадъ описали Вас. Волынскій съ товарищами. Платежница съ ихъ описанія напечатана В. Н. Сторожевымъ въ Писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края (I т., стран. 157—159. Рязань. 1898 г.). Въ 133—134 гг. посадъ описали Мир. Писаревъ и под. Ө. Кашкинъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 148. Ср. Ак. п. д., I, №№ 158—172). Перепись 154 г. произвели Өед. Ив. Ловчиковъ и под. Ив. Өоминъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 412. Списокъ — кн. № 12611). Выдержка изъ платежницы, описаніе и перепись напечатаны въ Матеріалахъ для исторіи городовъ XVI—XVIII вв., въ выпускѣ: Зарайскъ. Въ 163 г. послѣ мора посадскіе дворы дозрилъ Еф. Самаринъ (Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 14, л. 264).

34. *Звенигородъ*. Посадъ — въ Устюжской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Изъ описаній XVI вѣка извѣстны книги письма и мѣры кн. Ив. Ростовскаго съ товарищами 67 г. и Дав. Ив. Слизнева и Дятла Григ. Машкова съ товарищами 68 г. Сотная первыхъ писцовъ Сторожевскому монастырю напечатана С. А. Шумаковымъ (Сотницы, III вып., стран. 10—18). Въ Архивѣ Мин. Юстиціи хранится книга (Писц. кн. № 125), напечатанная Н. Колачевымъ въ I отд. перваго тома Писцовыхъ книгъ Московскаго государства (стран. 660—730). Редакторы Описанія писцовыхъ книгъ неправильно опредѣлили писцовъ (Меньшой Волынскій и под. Постникъ Степановъ) и отнесли ихъ ко времени «до 102 г.» (Описаніе документовъ Арх. М. Ю., I, стран. 79). Также озаглавилъ эти книги, отнеся ихъ къ 101 г. и не замѣтивъ ошибки, и Н. В. Колачевъ. Время составленія книгъ пытался опредѣлить Ю. В. Готье и пришелъ къ выводу, что онѣ составлены немногимъ послѣ описанія 68 г. Д. Слизнева (Замосковный край, стран. 49), какими-то неизвѣстными писцами, но не кн. И. Ростовскимъ. Въ виду цѣнности этой книги слѣдуетъ попытаться разобрать всѣ эти вопросы. Списокъ скрѣпленъ дьякомъ Третьякомъ Корсаковымъ, что даетъ полное основаніе полагать, что онъ былъ изготовленъ для

приправки писцамъ 132 г. Когда Помѣстный приказъ дѣлалъ этотъ списокъ, то книга была уже очень ветха, безъ начала, съ прогнившими и осыпавшимися листами. Это отмѣчено въ спискѣ, а гдѣ пропуски были невелики, то въ спискѣ среди строкъ оставлены соотвѣтствующія чистыя мѣста. Когда Помѣстный приказъ въ XVII вѣкѣ давалъ выпись изъ этихъ книгъ Сторожевскому монастырю (напечатана С. А. Шумаковымъ, см. выше), то въ концѣ ея отмѣчалъ: «а въ которомъ стану или волости, и того невѣдомо, потому что книги сгнили и перемѣшаны»... «а крестьянъ не писано, потому что многія статьи погнили, а на которыя статьи оставлены мѣста, и то въ книгахъ выгнило». Сдѣланный въ приказѣ списокъ въ свою очередь пострадалъ отъ времени: погнилъ, мѣстами перебитъ и переплетенъ неправильно. Вслѣдъ за нимъ переплетены книги 102 г. Троицкихъ вотчинъ Аѳ. Загряжскаго и под. Ждана Степанова, а въ серединѣ, повидимому, вплетены части описанія 68 г. Дав. Слизнева. Что главную часть этого списка составляетъ описаніе кн. Ив. Ростовскаго 67 г., это не подлежитъ сомнѣнію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить выпись кн. Ив. Ростовскаго, напечатанную С. А. Шумаковымъ, съ изданіемъ Колачева, гдѣ описаны вотчины Сторожевскаго монастыря (Писц. кн. М. г., стран. 675—681). Н. Колачевъ не только самъ не разобрался въ издаваемомъ документѣ, но и сбилъ своими пріемами изданія изслѣдователей, которые имъ пользовались. По обыкновенію у него не указаны листы оригинала, а сверхъ того онъ ввелъ въ текстъ при изданіи настоящаго документа книги 102 г. Троицкихъ вотчинъ (стран. 683 и далѣе) и не обратилъ вниманія на то, что листы въ немъ перебиты и въ книгу Ив. Ростовскаго 67 г. вплетены листы изъ описанія 68 г. (напр., стран. 703).

Изъ дозоровъ XVII вѣка извѣстенъ только дозоръ 110 г. дворцовыхъ земель Юр. Воейкова и под. Андр. Горохова (Л. М. Сухотинъ, Земельныя пожалованія при Владиславѣ, стран. 39). Посадъ въ 132 г. описали Ст. Ив. Тарбеевъ и под. Ѳед. Постниковъ (Перечневая роспись ихъ письма — Ак. п. д., I, № 128). Книги ихъ сгорѣли въ Устюжской чети въ 134 г., а сохранился списокъ съ черновыхъ книгъ, сдѣланный писцами и поданный въ четь 20 апрѣля 135 г. (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 456). Уѣздъ со 132 г. описывали кн. Леонт. Шеховской и под. Ив. Волковъ. Въ 137 г. описаніе, повидимому, еще не было закончено (Ак. п. д., II, № 43). Книги сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 638 и 11832). Дворцовыя земли въ 139 г. описывали погребной стряпчій Ѳед. Акимовъ и под. Ив. Блудовъ (Ак. юр. б., II, стран. 419).

Перепись 154 г. произвели кн. Дав. Кондр. Щербатаго и под. Баженъ Ушаковъ, а 186 года — Арт. Ив. Козловъ и под. Григ. Салтановъ. Послѣдняя сохранилась (Арх. М. Ю., кн. № 11838).

35. Зубцовъ. Посадъ — въ Костромской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 96 г. уѣздъ описали Ив. Ѳед. Елизаровъ, дьякъ Салтанъ Куломзинъ и под. Симонъ Давыдовъ, а въ 104 г.—ловчій Дм. Андр. Замыцкій и под. Си-

монъ Давыдовъ. Одна выпись изъ первыхъ книгъ и 2 изъ вторыхъ напечатаны С. А. Шумаковымъ въ Трудахъ Тверского Областного Археологич. съѣзда (Тверь. 1904 г.). Въ 122 г. уѣздъ дозрили Ив. Толстой и под. Ив. Исаковъ (В. Н. Сторожевъ, Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа, I, стран. 156. С-Пб. 1906 г.). Посадъ въ 136 г. описали Богданъ Игн. Воейковъ и под. Пав. Ивановъ (Ак. п. д., II, № 220). Они же въ 136—137 гг. описали и уѣздъ. Книги уѣзда дошли до насъ безъ начала и конца, сильно погнившія (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 150. Списокъ — тамъ же, №№ 639 и 640).

Перепись 154 г. произвели Як. Ив. Загряжскій и под. Вас. Толмачевъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 372, л. 358 и далѣе). Перепись 186 г. произвели кн. Ив. Дм. Борятинскій и под. Никита Воробьевъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 14184) и въ спискѣ (Тамъ же, № 15409).

36. Кайгородокъ. Городъ Новгородской чети.

Около 94 г. посадъ и уѣздъ описали вымскіе писцы Ив. Огаревъ и под. Фил. Юрьевъ, а въ 117 г. — дьякъ Сарычъ Шестаковъ и под. Второй Ильинъ (Ак. п. д., I, № 114, и А. Дмитріевъ, Пермская старина, IV вып., стран. 182). Дозоровъ послѣ Смуты не было, а лѣтомъ 130 г. посланы писцы Мих. Кайсаровъ, дьякъ Маркъ Мартемьяновъ и подьячіе Исаакъ Леонтьевъ и Аѳан. Бреевъ (Ак. п. д., I, № 105). Книги ихъ были поданы въ Новгородской чети въ сентябрѣ 134 г. и утверждены государемъ (Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 14, л. 461), но въ 136 г. по челобитью кайгородцевъ сошный окладъ писцовъ былъ отмѣненъ, и изъ всего описанія были утверждены только «мелкіе оброки, которые расписаны порознь» (Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61, л. 143).

Перепись 154 г. произвелъ Ив. Зиновьевъ (Сошное письмо, I, стран. 272). Перепись 186 г., сохранившуюся въ подлинникѣ, произвели Никита Даниловичъ Глѣбовъ и под. Тим. Антроповъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 184).

37. Калуга. Посадъ — во Владимирской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

При Ѳедорѣ Ивановичѣ свозили бѣглыхъ тяглецовъ и «строили» посадъ Матв. Проѣстевъ и под. Як. Демидовъ. Послѣ нихъ посадъ дозрилъ Арт. Колтовскій (Ак. п. д., I, № 3). Около 122 г. посадъ дозрилъ кн. Леонт. Шеховской, а въ 125 г. дозрили Ив. Бѣгичевъ и под. Игн. Пчелинъ (Тамъ же, № 30). Книги послѣдняго дозора сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 11605). Уѣздъ въ 128 г. дозрили Вас. Извольскій и под. Томило Лебедевъ. Списокъ съ платежницы ихъ дозора сохранился, за скрѣпой дьяка Андр. Подлѣсова и за справой под. Вас. Ѳедорова (Тамъ же, кн. № 15, лл. 193—221). Посадъ въ 133—134 гг. описали Влад. Григ. Плещеевъ и под. Ив. Матвѣевъ (Ак. п. д., I, №№ 181—183, 185—192 и 238). Описаніе уѣзда 136—137 гг. началъ

Григ. Плещеевъ съ под. Григ. Семеновымъ, а окончилъ Петръ Софоновъ съ под. Григ. Никифоровымъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 160 и 161. Списокъ—тамъ же, №№ 11583 и 11584). Сохранилась подлинная платежница съ ихъ письма (Тамъ же, кн. № 409, лл. 686—691).

Перепись 154 г. произвели Григ. Ив. Ѳефилатьевъ и под. Романъ Петровъ. Подлинныя книги сохранились (Тамъ же, кн. № 162. Списокъ — тамъ же, кн. № 11594). Перепись 186 г. произвели Ив. Арт. Михневъ и под. Ив. Шеинъ. Подлинныя книги сохранились (Тамъ же, кн. № 11597). Дворцовыя земли въ 185 г. описывалъ Степ. Ждановъ съ под. Ив. Акишевымъ (Д. А. И., IX, стран. 87).

38. Карачевъ. Посадъ — въ Галицкой чети и въ Разрядѣ, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Упоминаются книги «старыя писцовыя Юрья Пушечникова» 103 (?) года, «за ихъ писцовыми руками» (Опис. докум. Арх. М. Ю., V т., стран. 367). Въ январѣ 122 г. воевода Никита Панинъ составилъ книги помѣстныхъ и вотчинныхъ земель уѣзда, по грамотамъ, по своему сыску и по сказкамъ землевладѣльцевъ, «каковы росписи приносили за своими руками». Сыскъ былъ вызванъ, очевидно, гибелью старыхъ книгъ во время разоренья. Книги сохранились въ спискѣ за скрѣпой дьяка Вен. Махова, что указываетъ на то, что онѣ были даны для приправки писцамъ 134—135 гг. (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 167. Въ архивскомъ описанiи книгъ (I т., стран 86) этотъ документъ неправильно названъ дозорной книгой). Подъ 128 г. упоминаются какiя-то книги кн. Ив. Шеховского (Опис. докум. Арх. М. Ю., V т., стран. 367), но повидимому это были отдѣльныя, а не дозорныя книги. Посадъ въ 134 г. описали Конст. Пущинъ и под. Бор. Ивановъ (Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 317). Уѣздъ въ 134—135 гг. описали Вас. Петр. Суворовъ-Наумовъ и под. Вас. Репьевъ. Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 9181).

Перепись 154 г. произвели Гр. Нащокинъ и под. Богд. Анкидиновъ (Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 27, л. 207). Перепись 186 г. произвелъ Лука Петр. Воейковъ. Подлинныя книги ея сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 9182. Списокъ — тамъ же, № 9183).

39. Каргополь и Турчасово. Города Новгородской чети.

Въ 64 г. валовое описанiе произвели Як. Ив. Сабуровъ и Ив. Андр. Кутузовъ съ товарищами, а въ 70 г. Никита Григ. Яхонтовъ съ товарищами описывалъ оба города вытями и обложилъ ихъ оброкомъ за намѣстничь кормъ. Платежница съ перваго описанiя и сотныя второго сохранились въ спискахъ, присланныхъ изъ Каргополя въ четь въ 122 г. (Арх. Мин. Ин. д., по Каргополю кн. № 1). Сотная 64 г. на турчасовскiя владѣнiя Соловецкаго монастыря напечатана С. А. Шумаковымъ по подлиннику

Грам. Кол. Экономіи (Сотницы, III вып., стран. 18—20). Были ли послѣ этого какія-либо описанія, неизвѣстно. Извѣстно только, что и при царѣ Васильѣ эти города платили по письму Як. Сабурова (А. М. Гнѣвушевъ, Акты правленія царя Василья, стран. 355. М. 1914 г.). Въ 123—124 гг. общій дозоръ произвели Сем. Ив. Языковъ и под. Сем. Осокинъ (Ак. п. д., I, №№ 89 и 22). По сообщенію Н. П. Павлова-Сильванскаго списокъ съ ихъ книгъ, Нижняго конца, хранится въ Государствен. Архивѣ — XXVII разрядъ, № 29 (Феодализмъ въ удѣльной Руси, стран. 36. С-Пб. 1910 г.). Въ маѣ 128 г. данъ наказъ валовымъ писцамъ — Ив. Прохор. Воейкову и дьяку Третьяку Копнину (Ак. п. д., I, № 90). Они писали въ 129—131 гг., а въ 134 г. ихъ книги были уже примѣнены къ сбору налоговъ (Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, лл. 791 и 792).

Перепись произвелъ въ 156 г. воевода Вас. Ив. Жуковъ. Первая перепись, произведенная въ 154 г., вѣроятно была отмѣнена. Книги В. Жукова сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпой самого переписчика (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 168). Перепись 186 г. произвели стольникъ Петръ Лопухинъ и под. Ив. Григорьевъ (Д. А. И., VIII, стран. 134).

40. Касимовъ. Посадъ и татарскія земли уѣзда—въ Посольскомъ приказѣ, а прочія земли уѣзда въ Помѣстномъ.

Дворцовыя села въ 125 г. описали мещерскіе писцы кн. Леонтій Шеховской и под. Баженъ Степановъ (Ак. п. д., I, №№ 262. Ср. № 256 и 261). Сохранились отдѣльныя книги 127 г. дворцовой Рубецкой волости Мих. Беклемишева, которыя были даны для приправки писцамъ 135 г. (Списокъ за скрѣпой д. Неупокоя Кокошкина — Арх. М. Ю., Писц. кн. № 400, л. 120 и далѣе). Лѣтомъ 135 г. описывать уѣздъ были посланы изъ Помѣстнаго приказа Петръ Сем. Воейковъ и под. Постникъ Раковъ (Наказъ имъ—Ак. п. д., I, № 261). Въ маѣ 136 г. послѣдній былъ назначенъ писцомъ въ Заонежскіе погосты, а вмѣсто него къ П. Воейкову посланъ под. Дан. Цвиленевъ (Тамъ же, II, № 29). Этимъ же писцамъ Посольскій приказъ поручилъ описаніе посада и татарскихъ земель. Книгъ посада не сохранилось, а 2 отрывка изъ нихъ напечатаны Н. И. Шишкинымъ въ Исторіи г. Касимова (2 изд., стран. 76—89. Рязань. 1891 г.). Сохранилось ихъ описаніе Ямской слободы (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 265, л. 494), земель касимовскихъ царевичей (Тамъ же, кн. № 171) и книги уѣзда (подлинникъ — тамъ же, кн. № 533, л. 877 и далѣе).

41. Кашинъ. Посадъ — въ Галицкой чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Послѣ «большихъ» писцовъ 49 г. кн. Дм. Дашкова и Третьяка Карачарова упоминаются книги письма Ив. Кутузова съ товарищами 50 г. и книги «описи и мѣры» кашинскаго городового приказчика Ив. Вражскаго и под. Дм. Мякишева 63 г. (П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 161

и 163). Есть нѣсколько указаній на какія-то «приправочныя книги приправки подьячаго Семейки Кузьмина» 89 года (С. А. Шумаковъ, Обзоръ Грам. К. Эк., III вып., стран. 201; Л. М. Сухотинъ, Земельныя пожалованія при Владиславѣ, стран. 13; М. А. Дьяконовъ, Ж. Мин. Нр. Пр. 1893 г., VII кн., стран. 229). Былъ ли самъ С. Кузьминъ писцомъ или дозорщикомъ, неизвѣстно. Въ 94 г. упоминаются дозорщики Сем. Никитинъ и Первый Сахарусовъ (Тамъ же). Въ 119 г. посадъ дозрилъ Игн. Кашкаровъ съ товарищами, а въ 124 г. вторично дозрили Сем. Лодыженскій и под. Вас. Карповъ (Ак. п. д., I, № 108). Послѣдніе дозрили въ 123 г. и уѣздъ (В. Н. Сторожевъ, Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстн. приказа, I, стран. 159). Въ 128 г. уѣздъ дозрили Гуръ Волынцевъ и под. Пятый Колобовъ. Ихъ книги въ 135 г. были списаны для приправки писцамъ (Н. Н. Ардашевъ, Древнѣйшій ст-цъ Помѣстн. приказа, стран. 23). Посадъ въ 129 г. дозрили Никифоръ Протопоповъ и под. Сидоръ Ивановъ (Арх. М. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 248). Послѣдующаго описанія посада или не было совсѣмъ, или оно не было утверждено. Это видно изъ того, что Кашинъ въ 182 г. платилъ подати по указанному дозору (Тамъ же, по Галичу кн. № 27, л. 93). Уѣздъ въ 135—136 гг. описали Прокофій Петр. Безстужевъ и под. Дан. Брянцевъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 173. Списки — тамъ же, кн. №№ 650—664, 666, 668 и 11831).

Перепись 154 г. произвели Гавр. Юшковъ и под. Кир. Семеновъ (Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 27, л. 182). Перепись 186 г. произвели стольн. Петръ Ив. Боборыкинъ и под. Ив. Палицинъ. Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 11837).

Сохранилось описаніе 143 г. дворцоваго села Кимръ, отданнаго въ вотчину боярину кн. Ал. Львову (Тамъ же, кн. № 173, 2-я половина, л. 1648 и далѣе).

42. Кашира. Посадъ — въ Галицкой чети, а уѣздъ — сначала въ Большомъ Приходѣ, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 86—87 гг. посадъ и уѣздъ описали кн. Ив. Дан. Гагаринъ и Аѳ. Ив. Исаковъ съ товарищами. Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 174) и напечатаны въ II отд. Писцовыхъ книгъ Московскаго государства. Дворцовыя села въ 97 г. описали Вас. Измайловъ и под. Меньшикъ Заморскій (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 101). Ихъ книги сохранились въ спискѣ за скрѣпой дворцоваго дьяка (при царѣ Михаилѣ) Патрикея Насонова (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 175). Въ Описаніи писцовыхъ книгъ (I т., стран. 90) авторы этихъ книгъ не опредѣлены, а время составленія указано ошибочно: «около 7125 г.» (Срав. V т. Описанія документовъ Арх. М. Ю., стран. 381, и Акты Ѳедотова-Чеховскаго , I, № 101, изъ котораго видно, что эти книги были даны для приправки дозорщикамъ 128 г. и писцамъ 135 г.). Въ концѣ 121 г. или въ началѣ 122 -го дозирать помѣстныя и вотчинныя земли были посланы Неустрой Хитрой

и под. Ив. Кошкинъ (Ак. п. д., I, № 5). Неизвѣстно, произвели ли они дозоръ и что съ нимъ сталось, но только въ 122 г. уѣздъ дозрили Ив. Мошковъ и под. Ив. Мокіевъ, и книги ихъ были даны для приправки дозорщикамъ 128 г. Влад. Плещѣеву и под. Григ. Козлову (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 101). Посадъ въ 132 г. описали Алексѣй Ушаковъ и под. Дан. Брянцевъ. Ихъ книги сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 201). Уѣздъ со 135 г. описывали кн. Булатъ Мих. Мещерскій и под. Казаринъ Башмаковъ и сдали свои книги въ Помѣстный приказъ въ началѣ 141 г. (Н. Н. Ардашевъ, Расходныя книги Помѣст. приказа, I, стран. 45—46). Книги сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 176—178) и въ спискахъ (Тамъ же, кн. №№ 648, 671, 9446 и 9447).

Перепись 154 г. произвели Ѳед. Петр. Неѣловъ и под. Григ. Богдановъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 179. Списокъ—тамъ же, кн. № 9450). Сохранились подлинныя книги и переписи 186 г., произведенной стольникомъ Лукой Влад. Ляпуновымъ и под. Саввой Ляпинымъ (Тамъ же, кн. №№ 9451 и 9452).

43. Кеврола и Мезень. Вѣдомы въ Новгородской чети.

Въ XVI вѣкѣ описанія и дозоры производили двинскіе писцы, такъ какъ Кеврола и Мезень входили въ составъ Двинской земли. Дозоровъ послѣ Смуты не было, а въ 130—131 гг. Кевролу и Мезень описали Осипъ Як. Прончищевъ и подьячіе Сем. Рѣткинъ и Петръ Шараповъ. Книги ихъ, поданныя въ Новгородскую четь 11 марта 131 г., сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпами всѣхъ трехъ писцовъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 185). Перепись 154—155 гг. произвели Ив. Тим. Фустовъ и под. Ив. Богдановъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 15054). Перепись 186 г. произвели стольн. Бор. Андр. Пазухинъ и под. Борисъ Максимовъ. Подлинныя книги сохранились (Тамъ же, кн. № 15055).

44. Кинешма. Посадъ — въ приказѣ Большого Дворца, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ ноябрѣ 120 г. уѣздъ дозирали Бор. Степ. Собакинъ и Ив. Алексѣевъ (Акты А. Юшкова, стран. 325). Въ 128 г. уѣздъ дозрили Григ. Зеленой и под. Влад. Лошаковъ (Ак. п. д., II, № 48). Въ 133—135 гг. уѣздъ описывали Илья Беклемишевъ и под. Ермолай Кашинъ. Неизвѣстно, весь ли уѣздъ описали они. Изъ ихъ описанія сохранилось только 2 списка книгъ Кинешемской волости (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 187 и № 15392, л. 540 и далѣе). Три волости: Вичужскую, Владыченскую и Мериновскую описали въ 135—137 гг. шуйскіе писцы Аѳан. Ив. Вѣковъ и под. Селиверстъ Ивановъ. Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 15392). Перепись 154 г. произвели Никифоръ Тим. Нармацкій и под. Родіонъ Дойниковъ. Сохранился ветхій и неполный подлинникъ ихъ книгъ (Тамъ же, кн. № 188) и полный списокъ

(Тамъ же, кн. № 15395). Перепись 186 г. Александра Осип. Теприцкаго и под. Ив. Ростовцева сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 15408).

45. Клинъ. Посадъ — въ Устюжской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 83 г. уѣздъ дозрили Ив. Коротневъ и под. Старый Пантычинъ (С. А. Шумаковъ, Обзоръ Грам. Кол. Эк., III вып., стран. 203). Въ 85 (88?) г. въ уѣздѣ упоминаются писцы губной староста Ѳед. Ендогуровъ и Ив. Красной, а въ январѣ 99 г. дозорщики Игн. Григ. Алфимовъ и под. Ив. Шестаковъ (Прик. д. стар. л., 1648 г. № 82). Дозорщиковъ послѣ Смуты неизвѣстно. Посадъ въ 132 г. описали Дм. Скуратовъ и под. Постникъ Трофимовъ (Ак. п. д., I, № 199). Уѣздъ въ 132—133 гг. описали кн. Вас. Ром. Волконскій и под. Григ. Софоновъ. Ихъ книги были сданы въ приказъ и сгорѣли въ пожаръ 134 г. Тогда писцы по черновикамъ написали новыя книги (Ак. п. д., II, № 16). Подлинныя книги, за скрѣпой под. Г. Софонова, сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 190. Списки—тамъ же, кн. №№ 673 и 15626).

Перепись 154 г. кн. Ив. Мих. Долгорукова и под. Дм. Молчанова сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 457. Списокъ—тамъ же, кн. № 15627). Въ подлинникѣ же сохранилась перепись 186 г. кн. Ив. Дм. Борятинскаго и под. Никиты Воробьева (Тамъ же, кн. № 15628).

46. Козельскъ. Городъ — въ Костромской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Упоминаются книги письма и мѣры Елиз. Ржевскаго съ товарищами, около 93 г. (Л. М. Сухотинъ, Земельныя пожалованія при Владиславѣ, стран. 48). Въ 124 г. упоминаются какія-то книги (по уѣзду) Влад. Мясоѣдова и под. Макс. Ѳедорова (В. Н. Сторожевъ, Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа, I, стран. 152). Въ 128 г. уѣздъ дозрили Поликарпъ Давыдовъ и под. Осипъ Мошнинъ. Сохранился списокъ съ перечневыхъ книгъ (платежница) ихъ дозора, за скрѣпой дьяка Третьяка Копнина и за справой под. Ждана Горяинова (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15, лл. 222—252). Въ 137—139 гг. уѣздъ описали Вас. Ильичъ Толбузинъ и под. Ив. Глазовъ. Книги были закончены не ранѣе 149 года и сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. №№ 192 и 193. См. л. 884, гдѣ 149-й годъ названъ нынѣшнимъ. Списокъ — тамъ же, кн. № 11586).

Перепись 154 г. произвели Никита Наумовичъ Бѣглецовъ и под. Петръ Ахмуровъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 194. Списокъ — тамъ же, кн. № 11595). Сохранились также подлинныя переписныя книги 186 г. стольн. Мих. Арт. Камынина и под. Семена Неустроева (Тамъ же, кн. № 11601. Списокъ — тамъ же, кн. № 11602).

Сохранилось описаніе дворцовой Дудинской волости Степ. Ѳед. Жданова и под. Ив. Акишева 184—185 гг. (Тамъ же, кн. № 196).

47. Коломна. Посадъ — въ Галицкой чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Сотная 62 г. черныхъ деревень волости Высокой, съ книгъ письма кн. Юр. Мещерскаго и Леонтья Мансурова, напечатана С. А. Шумаковымъ (Сотницы, III вып., стран. 20—24). Эта сотная и сотная тѣхъ же деревень съ книгъ письма кн. Андр. Ив. Елецкаго съ товарищами 69 г. напечатаны Е. Д. Сташевскимъ (Московскій уѣздъ по писцовымъ книгамъ XVI вѣка. Кіевъ. 1907 г.). Въ 85—86 гг. посадъ и уѣздъ описали Дан. Петр. Житовъ и Ѳед. Камынинъ. Ихъ книги сохранились въ спискѣ, за скрѣпой дьяка Герас. Мартемьянова (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 200), и напечатаны въ I отд. Писцовыхъ книгъ Московскаго государства. Въ 103—104 гг. посадъ «строили» Мих. Протопоповъ и под. Суббота Ананскій (Тамъ же, Писц. кн. № 201, л. 169 об.). Въ 120 или 121 году посадъ и уѣздъ дозрили Ѳедоръ Кокошкинъ и под. Андрей Адріановъ, а въ 123 г. вторично общій дозоръ произвели Постникъ Бѣльскій и под. Ив. Гороховъ (Ак. п. д., I, №№ 33 и 36; Ю. В. Готье, Замосковный край, стран. 53—54; Дворц. Арх., 24 оп., 127 г. № 167). Подъ 127 годомъ упоминается третій дозоръ посада — Григ. Бутикова и под. Никиты Леонтьева (Р. И. Б., II, стран. 437). Ю. В. Готье сообщаетъ объ уѣздномъ дозорѣ 129 г. Б. С. Бутикова и под. Ив. Досугова (Указан. соч., стран. 54). Въ 131—134 гг. посадъ описали Алексѣй Ушаковъ и под. Дан. Брянцевъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 201). Уѣздъ въ 135—137 гг. описали Сем. Вас. Усовъ и под. Герас. Михайловъ. Подлинныя книги ихъ письма сохранились (Тамъ же, кн. №№ 202—204. Списки — тамъ же, №№ 876, 877, 9272 и 9273).

Перепись 154—155 гг. произвели Ѳед. Петр. Неѣловъ и под. Григ. Богдановъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. №№ 205 и 206. Списокъ — тамъ же, кн. № 9274). Перепись 186 г. Макс. Исаевича Сунбулова и под. Макс. Устинова сохранилась тоже въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 9275).

48. Кольскій острогъ съ уѣздомъ. Городъ Новгородской чети.

Въ 82 г. валовое описаніе произвели Вас. Агалинъ и подьячій Степанъ Ѳедоровъ Соболевъ, а въ 116, 117 и 119 гг. дозрили Алай Ив. Михалковъ и дьякъ Вас. Мартемьяновъ. Дозоръ былъ отмѣненъ, а новыхъ описаній не производилось, и коляне платили до подворнаго обложенія по описанію 82 г. (См. выше, стран. 567). Въ 155 г. перепись произвели стрѣлецкій голова Леонт. Романовъ Азарьевъ и под. Вас. Звягинъ (Д. А. И., VIII, стр. 134, и XI, стр. 7), а перепись 186 г. произвелъ воевода Левъ Сѣкиринъ (Тамъ же, IX, № 89).

49. Кострома. Посадъ—въ Костромской чети, а уѣздъ въ Большомъ Приходѣ, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

При описаніяхъ Костромской уѣздъ обыкновенно былъ раздѣляемъ на двѣ части—на Нагорную половину и на Луговую. Валовое, повидимому, описаніе было произведено въ 68—70 гг., причемъ одну половину описали кн. Андр. Дм. Дашковъ и Андрей Васильевъ сынъ Тимоѳеевичъ Безносовъ съ товарищами, а другую Вас. Ив. Наумовъ и Инай Ив. Ордынцевъ съ товарищами. Одну сотную первыхъ писцовъ и 5 сотныхъ и 1 выпись вторыхъ напечаталъ С. А. Шумаковъ (Сотницы, II вып. Москва. 1903 г.). Онъ же напечаталъ сотную 76 г., данную Курбатомъ Андр. Измайловымъ и под. Рудакомъ Толмачевымъ посопному с. Писцову съ деревнями (Тамъ же, стран. 26—28). Подъ 87 годомъ упоминаются книги (вотчины кн. Палецкихъ) Ив. Курова и Пятаго Тумскаго (А. А. Э., I, № 304). Подъ 94 годомъ упоминаются книги письма и мѣры Андр. Сурмина и Сем. Евреева, а подъ 95-мъ «переписныя книги» губного старосты Селянина Дятлина (М. А. Дьяконовъ. Ж. М. Нр. Пр. 1893 г. № 7, стран. 229—230). Однако, повидимому, это были частныя описанія. Валовое описаніе было произведено въ 104—105 гг.—Луговой половины кн. Ѳед. Ив. Кривоборскимъ и Арт. Ив. Колтовскимъ съ товарищами, а Нагорной Вас. Аѳан. Вельяминовымъ и Пант. Дм. Усовымъ съ товарищами. Книги обоихъ писцовъ были даны въ спискѣ для приправки писцамъ 135 г. (Н. Н. Ардашевъ, Древнѣйшій столбецъ, стран. 18 и 28) и значились въ наличности («сверху и снизу не вся») въ описи книгъ Помѣстнаго приказа 1717 г. (Описаніе докум. Арх. М. Ю., V, стран. 375). Не эти ли списки значатся въ I томѣ Описанія докум. Арх. М. Юстиціи подъ №№ 1104 и 1111? (Описаніе, I т., стран. 108—109. Книги №№ 10964 и 10965). Въ 122 г. посадъ Костромы и посады пригородовъ дозрили Дѣй Чередовъ и под. Рахманинъ Болдыревъ (Ак. п. д., I, № 63. Дворц. Арх., 25 оп., 141 г. № 142). Общаго дозора первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича мнѣ неизвѣстно, а сборникъ особныхъ дозоровъ указанъ мною выше (Стран. 192). Уѣздъ въ 128—130 гг. дозрили по половинамъ—Луговую половину Григ. Образцовъ съ подьячими Ильей Бреевымъ и Ѳед. Тимоновымъ, а Нагорную — В. Новокщеновъ съ под. Рахманиномъ Болдыревымъ (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 93, и писцовыя книги 135 г.). Въ 135 г. Костромская четь предполагала произвести описаніе посада (Ак. п. д., I, № 252), но было ли оно произведено, неизвѣстно. Изъ того, что посадъ и въ 140 г. платилъ по дозору 122 г. (Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 139), можно заключить, что либо описанія не было совсѣмъ, либо оно не было утверждено. Описывать уѣздъ въ 135 г. были назначены—Нагорную половину Пав. Ив. Волынскій съ подьячими Юр. Шевелевымъ и Первымъ Тепляковымъ, а Луговую половину кн. Вас. Волконскій и подьячіе Евстафій Колюпановъ и Ив. Злобинъ (Ак. п. д., II, № 70). Книги ихъ сохранились въ подлинникахъ и въ спискахъ и указаны въ I и II тт. Описанія документовъ Арх. М. Юстиціи. Упоминаются писцо-

вые книги (дворцовыхъ земель) 140 г. Як. Кондырева и под. Ив. Ченцова (С. Г. и Д., III, стран. 334). Дозрить конюшенныя земли въ 180 г. посланы Ив. Лызловъ и под. Ив. Софоновъ (Р. И. Б., XXI, стран. 879).

Перепись 154—155 гг. произвели двое переписчиковъ. Посады Костромы и пригородовъ Нерехты и Соли Большой и, вѣроятно, часть уѣзда переписали стольн. Ив. Колтовскій и под. Андр. Фрязиновъ (Прик. д. стар. л., 1649 г. № 62), а посады Буйгорода, Судиславля, Кадыева и Любима и другую часть уѣзда (Луговую? половину) переписали Тим. Шушеринъ и под. Ив. Григорьевъ. Уѣздная перепись послѣднихъ переписчиковъ сохранилась въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 10979 и 10980). Также была произведена и перепись 186 г.: посады 4 пригородовъ и часть уѣзда (Луговую половину) переписали Адріанъ Петр. Парѳеньевъ и под. Григ. Протопоповъ, а посады Костромы, Нерехты и Соли Большой и Нагорную половину переписали Матв. Ив. Стараго-Милюковъ и под. Мих. Бурнашевъ. Перепись сохранилась вся за исключеніемъ посадовъ Костромы, Нерехты и Соли Большой (Тамъ же, кн. №№ 10982—10985).

50. Крапивна. Посадъ — во Владимирской чети, а уѣздъ въ Большомъ Приходѣ (?), а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 125 г. уѣздъ дозрили кн. Мих. Волконскій и под. Добрыня Русановъ. Платежница съ ихъ дозора, за скрѣпой дьяка Матв. Сомова и за справой под. Степ. Угоцкаго, сохранилась (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 488, л. 61 и далѣе). Дозоровъ посада не было до описанія 133—134 гг., которое произвели Воинъ Мих. Крапоткинъ и под. Ив. Раковскій (Ак. п. д., I, № 238). Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399, л. 106 и далѣе). Перепись 154 г. кн. Ив. Ив. Шеховскаго и под. Петра Машина сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 493, лл. 622—625). Въ подлинникѣ же сохранилась перепись 186 г. кн. Бор. Вас. Львова (Тамъ же, кн. № 14244).

51. Кременскъ. Посадъ — въ Галицкой чети, а уѣздъ въ первомъ десятилѣтіи XVII вѣка — въ Большомъ Приходѣ.

Въ 134 г. посадъ описалъ воевода Юр. Поливановъ (Ак. п. д., II, № 26). Упоминаются переписныя книги посадскихъ людей Ѳед. Засѣцкаго и под. Нестера Яковлева 145 г. (Арх. М. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 320). Въ 154 г. перепись посадскихъ дворовъ произвели Дм. Петр. Волынскій и под. Матвѣй Кондратьевъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 440, л. 510).

52. Кунгуръ. Городъ Новгородской чети.

Инородческія земли будущаго Кунгурскаго уѣзда описали въ 131—134 гг. пермскіе писцы М. Кайсаровъ съ товарищами, «а Кунгура города въ то время не было» (Д. А. И., IX, стран. 188). Книги напечатаны В. Шишонко подъ заглавіемъ «Кунгурскія писцовыя книги татаръ» (Пермь. 1872 г.). Пере-

пись 187 г. произвели Дм. Ром. Жуковъ и под. Петръ Ахматовъ. Она сохранилась въ подлинникѣ, за скрѣпами обоихъ переписчиковъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 226), и часть ея, содержащая посадъ, напечатана въ Матеріалахъ для исторіи городовъ XVI—XVIII вѣковъ («Кунгуръ». Москва. 1886 г.). Упоминается еще перепись посада и уѣзда Ив. Талызина 170 г. (Д. А. И., VIII, стран. 133).

53. Курмышъ. Городъ Казанскаго Дворца.

Упоминаются дозорныя книги 99 г. Сем. Горышкина и под. Вас. Спиридонова (П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 171). Валовой дозоръ посада и уѣзда произвели въ 122 г. кн. Никита Волконскій и под. Вас. Карповъ. Ихъ книги были даны для приправки писцамъ 131—134 гг., Сем. Ив. Жеребцову и под. Як. Гнѣвашеву. Книги этихъ писцовъ, за ихъ скрѣпами, сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 227. Списки см. тамъ же, №№ 6454 и 7484).

54. Лебедянь. Городъ — въ Разрядѣ, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Сохранились платежныя книги, «каковы присланы въ Лебедянь изъ Казачьяго приказа за приписью дьяка Потапа Внукова, а нынѣ тѣ книги по государеву указу посланы къ Москвѣ въ Ямской приказъ». Очевидно, это были книги съ дозора 128 г. (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15, л. 318 и далѣе). Описаніе города и уѣзда, сохранившееся въ подлинникѣ, произвели въ 135—136 гг. Григ. Ѳед. Кирѣевскій и под. Никита Порфирьевъ (Тамъ же, кн. № 229, л. 26 и далѣе. Ср. Ак. п. д., II, стран. 160). Сохранилась и подлинная платежница съ ихъ книгъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 409, л. 281 и далѣе).

Перепись 154 г. Осипа Мих. Юшкова и под. Григ. Жданова сохранилась въ подлинникѣ, за скрѣпами обоихъ переписчиковъ (Тамъ же, кн. № 230. Списокъ — тамъ же, кн. № 13902). Сохранилась и перепись 186 г., Дм. Степ. Римскаго-Корсакова и под. Ив. Еремеева (Тамъ же, кн. № 13907).

55. Ливны. Посадъ — въ Разрядѣ, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Описаній XVI вѣка неизвѣстно. Въ 123—124 гг. городъ и уѣздъ дозрили П. Есиповъ съ товарищами. Ихъ книги сохранились въ спискѣ безъ скрѣпъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 232). Въ 128 г. уѣздъ дозрили Немиръ Ѳед. Кирѣевскій и под. Вас. Ключаревъ. Сохранился списокъ съ платежницы ихъ дозора, за скрѣпой дьяка (Ямского приказа) Андр. Подлѣсова и за справой под. Филата Домашнева (Тамъ же, кн. № 488, л. 376). Описаніе уѣзда въ 135—137 гг. произвели Ив. Ив. Молечкинъ и под. Тим. Семеновъ. Оно сохранилось за скрѣпой самихъ писцовъ (Тамъ же, кн. № 233. Списокъ — тамъ же, №№ 14253—14255).

Перепись 154 г. произвели кн. Өед. Петр. Борятинскій и под. Дм. Болотовъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, Писц. кн. № 14). Перепись 186 г. произвели Григ. Ил. Шишкинъ и под. Ив. Ральинъ (?Ильинъ?). Книги ихъ сохранились (Тамъ же, кн. №№ 14258 и 14259).

56. Лихвинъ. Посадъ — въ Костромской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 128 г. уѣздъ дозрили Поликарпъ Давыдовъ и под. Осипъ Мошнинъ, а въ 134—135 гг. описали Вас. Кир. Бутурлинъ и под. Юр. Судниковъ. Въ сентябрѣ 140 г. книги ихъ письма еще не были сданы въ приказъ (Дворц. Арх., 25 оп., 139 г. № 148). Писцовыя книги сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 1044). Перепись 154 г. Ив. Андр. Фанцбекова и под. Сем. Хлѣбникова сохранилась въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 15531). Въ спискѣ же сохранились переписныя книги 186 г., Никифора Сытина съ под. Ос. Өедоровымъ и Өед. Григ. Давыдова съ тѣмъ же подьячимъ (Тамъ же, кн. № 15466).

57. Луки Великія. Посадъ — въ Устюжской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Валовое описаніе уѣзда произвелъ въ 92—93 гг. кн. Дм. Сеитовъ Елецкій. Его книги въ спискѣ были даны для приправки писцамъ 134 г. (Прик. д. стар. л., 1628 г. № 74), и этотъ списокъ, за скрѣпой дьяка Вен. Махова, сохранился (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 244). Посадъ въ 128 г. дозрили Аөан. Марковъ и Кузьма Лодыженскій, а въ 135 г. описали Илья Вас. Беклемишевъ и под. Дружина Скиринъ (Перечневая роспись писцовъ — Ак. п. д., II, № 19). Дозоровъ уѣзда неизвѣстно. Возможно, что его дозрили Андрей Пасынковъ и Семенъ Пороховъ, книги которыхъ, 128 и 131 годовъ, пустыхъ вотчинныхъ земель были даны для приправки И. Беклемишеву. Со 134 г. уѣздъ описывали Тим. Ив. Боборыкинъ и под. Евлампій Шатохинъ. Перечневую роспись съ своихъ книгъ они подали въ приказъ въ 139 г., а самыя книги въ 140 г. (Н. Н. Ардашевъ, Расходныя книги, I, стран. 26—28). Книги ихъ сохранились въ спискахъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 599, 600 и 8392). Въ Устюжской чети была вѣдома дворцовая Никольская Плиская волость. Ее въ 123 (124?) г. дозрили Петръ Лукомскій и Аөан. Марковъ, въ 133 г. — Вас. Плещеевъ и Петръ Красново, а въ 135 г. описали писцы посада (Ак. п. д., I, №№ 138, 148 и 209, и II, № 19). Книги 123 г. сохранились въ спискѣ, присланномъ въ Устюжскую четь изъ Торопца послѣ Московскаго пожара 134 г. (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 456, л. 228 и далѣе).

Перепись 154—155 гг. произвели кн. Дм. Троф. Сеитовъ и под. Аөан. Березинъ. Книги ихъ сохранились (Тамъ же, кн. № 8393). Перепись 186 г. Степ. Алексѣевича Сумарокова и под. Нефеда Соколова сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 8394. Списокъ — тамъ же, кн. № 8395).

58. Лухъ. Посадъ и уѣздъ сначала въ Большомъ Приходѣ, а позже посадъ во Владимирской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Писцамъ 135 г. были изготовлены для приправки списки — съ дозорныхъ книгъ Богд. Григорьева съ товарищами 95 г. и съ отдѣльныхъ книгъ Моисея Глѣбова 120 г. Въ 122 г. посадъ и уѣздъ дозрилъ Аѳан. Молвяниновъ (Р. И. Б., XXVIII, стран. 5). Въ 125 г. посадъ дозрилъ Ив. Апухтинъ, но повидимому его книги были отставлены (Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 14, л. 145). Уѣздъ въ 128 г. дозрили Григ. Ододуровъ и под. Андр. Строевъ. Въ 133—134 гг. посадъ описали Ив. Аѳан. Головленковъ и под. Вас. Львовъ. Ихъ книги сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 246). Уѣздъ въ 135—137 гг. описали Мих. Трусовъ и под. Ѳед. Шиловъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 247. Списокъ — тамъ же, кн. № 680).

Перепись 154 г. произвели кн. Сем. Вас. Клубковъ-Мосальскій и под. Никита Семеновъ. Книги сохранились не сполна (Тамъ же, кн. № 12611). Сохранились подлинныя книги переписи 186 г. стольн. кн. Як. Ив. Вяземскаго и под. Кузьмы Конюхова (Тамъ же, кн. № 11838).

59. Медынь. Посада въ XVII в. не было, а уѣздъ сначала въ Большомъ Приходѣ, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 95 г. уѣздъ описали Дм. Андр. Замыцкій, Болсенокъ Никитинъ Верещагинъ и под. Сем. Кузьминъ. Сохранился списокъ съ платежницы ихъ письма (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 1046), напечатанный во II отд. I тома Писцовыхъ книгъ Московск. государства. Въ 136—137 гг. уѣздъ описали кн. Тим. Никитичъ Звенигородскій и под. Дружина Огарковъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 161, л. 123 и далѣе. Списокъ — тамъ же, № 11585). Перепись 154 г. Дм. Петр. Волынскаго и под. Матв. Кондратьева сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 162, л. 652 и далѣе. Списокъ—кн. № 11596). Въ подлинникѣ же сохранилась и перепись 186 г., Григ. Ив. Камынина и под. Прохора Петрова (Тамъ же, кн. № 11600, л. 129 и далѣе).

60. Мещера. Въ Помѣстномъ приказѣ.

Подъ 107 годомъ упоминаются книги письма и мѣры Григ. Борзецова и городового приказчика Ив. Филиппова, помѣстныхъ земель (Акты А. Юшкова, стран. 280). Въ 124—125 гг. Мещеру описали писцы кн. Леонт. Шеховской и под. Баженъ Степановъ. Подлинныя ихъ книги сгорѣли въ 134 г., а въ 135 г. «по государеву указу у дьяка у Б. Степанова мещерскія черныя книги взяты въ Помѣстный приказъ, и пишутъ набѣло» (Ак. п. д., I, № 256). Этотъ списокъ, за скрѣпой дьяка Б. Степанова, сохранился [1]) (Арх.

[1]) Сохранились еще отдѣльныя книги 127 г. Юр. Мусина-Пушкина и под. Ив. Басова (селъ Колтырина, Коверина и другихъ. Ср. Ак. п. д., I,

М. Ю., Писц. кн. № 530). Въ 135 г. писцовъ послано не было, а только въ 152 г. посланы писцы Сем. Глѣбовъ и дьякъ Герасимъ Лавровъ (Расходныя книги Помѣстнаго приказа, I, стран. 77). Они работали въ 153—156 гг., а затѣмъ въ 166—169 гг. Иванъ Сем. Лодыженскій и дьякъ Никита Насоновъ дописывали, справляли и отдѣлывали окончательно книги этого описанія (Д. Я. Самоквасовъ, Архивный матеріалъ, II, стран. 620). Книги ихъ сохранились частью въ подлинникахъ, а частью въ спискахъ (Арх. М. Ю. Подлинники — Писц. кн. №№ 531 и 533. Списки — тамъ же, кн. №№ 1072, 12078 и 12079).

Перепись 154 г. стольн. кн. Вас. Волконскаго и под. Осипа Гнѣвашева сохранилась въ полусгнившемъ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 532) и въ спискахъ (Тамъ же, кн. №№ 12081 и 12082). Перепись 186 г. Ѳед. Іевлевича Кобякова и под. Сем. Напалкова сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 12084).

61. Мещовскъ. Посадъ — въ Галицкой чети, а уѣздъ сначала въ Большомъ Приходѣ, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Упоминаются книги письма Ѳед. Плещеева съ товарищами 65 г. (А. И., I, стран. 343). Въ 93 г. общее описаніе произвелъ кн. Григ. Звенигородскій съ товарищами (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 249, л. 750 и другіе). Въ іюлѣ 122 г. дозирать уѣздъ посланы Як. Рчиновъ и под. Вас. Третьяковъ (Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 10). Указаній на книги этого дозора мнѣ не встрѣчалось, а писцамъ 134—136 гг. были даны для приправки дозорныя книги Григ. Юшкова и под. Поспѣла Литвинова 124 г. Описаніе уѣзда 134—136 гг. произвели кн. Тим. Никитичъ Звенигородскій и под. Дружина Огарковъ. Ихъ книги сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 249). Описаніе посада въ 133 г. произвели Вас. Чернышевъ и под. Ос. Богдановъ. Про ихъ книги въ памяти Галицкой чети 154 г. сказано: «и у тѣхъ писцовыхъ книгъ писцовы и подьячаго рукъ нѣтъ» (Ак. п. д., II, № 226). Книгъ, повидимому, не сохранилось.

Перепись 154 г. произвели Ив. Андр. Францбековъ и под. Сем. Хлѣбниковъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 162. Списокъ—тамъ же, кн. № 11596). Перепись 186 г. произвели Вас. Андр. Сокольниковъ и под. Гавр. Перекусихинъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 11599. Списокъ — кн. № 11602).

62. Михайловъ. Посадъ Владимирской чети.

Описанія уѣзда см. въ Рязанскихъ описаніяхъ. Дозоровъ посада не было до 133—134 гг., когда его описали Мир. Писаревъ и под. Ѳед. Кашкинъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 148,

стран. 565), изготовленныя, но подобно книгамъ 124—125 гг. данныя писцамъ позже, такъ какъ въ 135 г. писцы не были посланы (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 400, л. 60 и далѣе. Ср. Ак. п. д., I, №№ 261—263).

л. 181 и далѣе). Перепись 154 г. произвели Ив. Сем. Сытинъ и под. Алексѣй Юрьевъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 413. Списокъ — тамъ же, кн. № 12611).

63. Можайскъ. Посадъ — въ Устюжской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Изъ описаній второй половины XVI в. извѣстно только общее описаніе посада и уѣзда 104—106 гг. Влад. Ѳед. Загряжскаго и подьячихъ Дѣя Чечетова и Леонт. Софонова. Въ 122 г. посадъ дозрилъ воевода Смирной Елизарьевичъ Отрепьевъ, а въ 124 г. вторично воевода кн. Сем. Дан. Шеховской. Описаніе посада 104—106 гг. и дозоры 122 и 124 гг. дошли до насъ въ спискѣ, за скрѣпой дьяка Устюжской чети М. Смывалова (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 251), и напечатаны архимандритомъ Діонисіемъ въ «Можайскихъ актахъ» (С.-Пб. 1892 г.). Описаніе 104—106 гг. было до этого напечатано (съ пропусками) въ I отд. перваго тома Писцовыхъ книгъ Московскаго государства. Послѣсмутныхъ дозоровъ уѣзда неизвѣстно. Въ 134 г. Помѣстный приказъ послалъ Никифора Неплюева и под. Алексѣя Берестова описывать уѣздъ, а Устюжская четь поручила тѣмъ же писцамъ описать посадъ. Произведенное ими описаніе посада было отмѣнено государями (Ак. п. д., I, № 260), и въ августѣ 136 г. четь послала описать посадъ вновь кн. Ив. Леон. Шеховского и под. Вас. Андреева (Тамъ же, II, № 39). Книги послѣднихъ писцовъ были утверждены и сохранились, въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 684). Уѣздныя книги Н. Неплюева тоже сохранились, въ спискахъ же (Тамъ же, кн. №№ 682—684, 10815 и 10816).

Перепись 154—155 гг. произвели Богд. Ив. Камынинъ и под. Арт. Семеновъ. Книги ихъ сохранились (Тамъ же, кн. № 10814). Перепись 186 г. произвели Мих. Кобыльскій и под. Ѳома Шубинъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 10820).

Описаніе дворцовыхъ селъ произвели въ 134—135 гг. Н. Неплюевъ и под. Ал. Берестовъ (Списокъ съ ихъ книгъ — тамъ же, кн. № 10812), а въ 174—175 гг. Вас. Ельчинъ (Списокъ съ его книгъ — та же кн. № 10812 и кн. № 684, л. 454 и далѣе).

64. Мосальскъ. Городъ Разряда, а уѣздъ вѣдомъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Описаніе уѣзда, начатое въ 136 г., по неизвѣстной причинѣ очень затянулось. Его произвели Вас. Ильичъ Толбузинъ и под. Ив. Глазовъ. Первый умеръ въ 148 г., не приложивъ руки къ книгамъ, такъ какъ онѣ не были готовы, и книги подалъ въ приказъ 13 іюля 149 г. подьячій Ив. Глазовъ за своей скрѣпой. Онѣ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 252. Списокъ — тамъ же, кн. № 11590). Сохранился списокъ съ платежницы этого описанія (Тамъ же, кн. № 11605, лл. 309—314). Перепись 154 г. Никиты Наум. Бѣглецова и под. Петра Ахмурова сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 194, л. 619 и далѣе. Списокъ — тамъ же, кн. № 11595).

Въ подлинникѣ же сохранилась и перепись 186 г., стряпчаго Григ. Ив. Камынина и под. Прохора Петрова (Тамъ же, кн. № 11598. Списокъ — тамъ же, кн. № 11602).

65. Муромъ. Посадъ — въ Костромской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 72—75 гг. посадъ и уѣздъ описали Дм. Андр. Бутурлинъ и Ив. Мих. Таратинъ съ товарищами (Акты А. Юшкова, стран. 175 и 179). Подъ 76-мъ годомъ упоминаются книги письма и мѣры Мих. Ив. Колачева и Дм. Бутурлина съ товарищами (П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 166). Въ 82 г. посадъ и уѣздъ дозрили Мих. Ив. Шишеловъ и Богданъ Григорьевъ (Акты А. Юшкова, стран. 311). Сотная посада, данная ими, напечатана (А. Ю., № 229). Послѣ этого въ уѣздѣ упоминается дозоръ Пятаго Тумскаго (дворцовыхъ селъ?), а въ 95—96 гг. уѣздъ дозрили Ив. Талызинъ и под. Постникъ Степановъ (Чт. Общ. Ист. 1907 г. II кн., смѣсь, стран. 64, и Л. М. Сухотинъ, Земельныя пожалованія и т. д., стран. 50. М. 1911 г.). Въ 128 г. уѣздъ дозрили Сем. Чемодановъ и под. Григ. Семеновъ. Въ 136—138 гг. уѣздъ описали Як. Вас. Колтовскій и под. Романъ Прокофьевъ. Ихъ книги сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпами обоихъ писцовъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 284—286. Списки — тамъ же, №№ 703, 704, 11828 и 11829).

Перепись 154 г. произвели Аѳан. Ѳтяевъ и под. Казаринъ Немировъ (Прик. д. стар. л., 1649 г. № 62). Она сохранилась въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 11834). Перепись 186 г. произвели Романъ Григ. Войниковъ и под. Ив. Лаврентьевъ. Книги сохранились только по уѣзду (Тамъ же, кн. №№ 11835 и 11836).

66. Мценскъ. Посадъ — въ Галицкой чети, а уѣздъ въ Большомъ Приходѣ, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Описаній XVI в. неизвѣстно. Отъ пожара 134 г. въ Помѣстномъ приказѣ уцѣлѣли дозорныя книги Мих. Зыбина и под. Вас. Архипова 125 г. (Н. Ардашевъ, Расходныя книги Помѣстн. приказа, I, стран. 12—13). Передъ 133 годомъ упоминается дозоръ посада Осипа Коковинскаго. Въ 133 г. посадъ описали Вас. Сав. Чернышевъ и под. Осипъ Богдановъ. Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 1051). Описаніе уѣзда въ 135—138 гг. производили Воинъ Аѳан. Новокщеновъ и под. Сем. Приваловъ. Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Тамъ же, кн. №№ 15934 и 15935). Повидимому, это описаніе было отставлено. По челобитью служилыхъ людей, въ 139 г. сыскивать про «неправды» этихъ писцовъ и описать и размежевать спорныя земли были посланы Романъ Аѳан. Чебышевъ и под. Кириллъ Нѣмцовъ. Сыщики работали 2 года и не дописали и не домежевали «немногихъ земель, потому что упали многіе снѣги» (Ак. п. д., II, № 99). Вѣроятно, этимъ обстоятельствомъ объясняется то, что въ 145—146 гг. Ром. Чебышевъ съ под. Петромъ Богдановымъ произвели новое описаніе уѣзда, книги котораго

дошли до насъ въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15935). Перепись 154 г. произвели Ив. Ѳед. Яновъ и под. Ѳед. Шиловъ. Книги сохранились въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 15936).

67. Нижній Новгородъ. Городъ Новгородской чети. Частновладѣльческія земли — въ Помѣстномъ приказѣ.

Общее описаніе посада и уѣзда было произведено въ 70—73 гг. Оно было начато Григ. Ив. Заболотскимъ, Ѳед. Григ. Давыдовымъ и дьякомъ Третьякомъ Мих. Дубровинымъ, а закончено кн. Ос. Мосальскимъ съ товарищами (Р. И. Б., XVII, стран. 307—310; Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 75). Передъ этимъ въ уѣздѣ упоминаются писцы — въ 68 г. Петръ Ив. Туровъ, Немятый Андреевъ Тишковъ и дьякъ Салтанъ Ѳедоровъ Засѣцкій (Акты А. Юшкова, стран. 169), а въ 69 г. Григ. Сукинъ съ товарищами (См. выше, Арзамасъ). У П. Н. Милюкова указаны еще писцы 68 г.: Ѳ. Невѣжинъ, Русинъ Шишкинъ и Грибанъ Дмитріевъ. Подъ 79, 80 и 82 годами упоминается дозоръ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель Березопольскаго стана, кн. Сем. Жижемскаго и под. Степ. Коровина, а подъ 84 г. дозоръ тѣхъ же земель Пятаго Тумскаго и под. Семейки Панкратьева. Оба дозора, судя по сохранившимся выписямъ, вызваны разореньемъ отъ «черемисской войны» (Арх. М. Ю., Помѣстн. прик. ст-цъ № 21067 и № 21062, докум. № 9). Въ 96 г. дозоръ посада и всего уѣзда, въ томъ числѣ и мордовскихъ и бортныхъ земель, произвели Вас. Борисовъ и под. Третьякъ Авраамовъ (Р. И. Б., XVII, стран. 307—309). Книги ихъ дозора дворцовыхъ, бортныхъ, оброчныхъ и посопныхъ селъ сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 7514). Подъ 99 годомъ упоминаются какія-то посадскія книги дьяка Семейки Сумарокова (Р. И. Б., XVII, стран. 309). Ямскія земли въ 107 г. описали Тим. Желобовъ и под. Макс. Романовъ (Тамъ же, стран. 299 и 313). Общій дозоръ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель произвели въ 121 г. по боярскому приговору Сила Никитичъ Грековъ и под. Клементій Козодавлевъ. Ихъ книги сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпами дозорщиковъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 291), и напечатаны въ V и VI томахъ Сборника, издав. Нижегородской Арх. Комиссіей (Нижній, 1903 и 1905 гг.). Дворцовыя и бортныя села дозрили въ 122 г. Сем. Ив. Языковъ и под. Емельянъ Евсевьевъ. Ихъ книги въ спискѣ сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 7513). Вотчины Печерскаго монастыря въ томъ же году дозрилъ кн. Никита Волконскій (Арх. Мин. Ин. д., по Нижнему кн. № 4, л. 36). Посадъ дозрили въ 126 г., въ первый разъ послѣ Смуты, Алексѣй Ив. Голохвастовъ и под. Первый Михайловъ (Ак. п. д., I, №№ 38 и 65). Въ началѣ 128 г. дозирать мордовскія и бортныя села были посланы Аѳан. Дан. Блохинъ и под. Пятой Филатьевъ (Ак. п. д., I, № 96). Дозоръ былъ произведенъ (См. опись дѣлъ Новгородской чети, спасенныхъ въ пожаръ 134 г., гдѣ указана перечневая роспись ихъ дозора. Чт. Общ. Ист. 1905 г. I кн., стран. 25), но повидимому не утвержденъ. По крайней мѣрѣ описаніе этихъ же земель было поручено писцамъ Дм. Вас.

Лодыгину, Вас. Ив. Полтеву и дьяку Дементью Образцову, посланнымъ въ 129 г. описывать посадъ и уѣздъ. Описанiе посада и всего уѣзда, за исключенiемъ мордовскихъ и бортныхъ земель, было утверждено въ 136 г. (Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61). Книги сохранились въ подлинникѣ и въ спискахъ, а описанiе посада напечатано въ XVII томѣ Русской Исторической Библiотеки (Описанiе посада — Арх. М. Ю., Писц. кн. № 295, а уѣзда — тамъ же, №№ 292—293. Списки съ уѣздныхъ дозоровъ — тамъ же, №№ 7478—7481). Платежница, составленная писцами по первоначальному указу (См. выше, стран. 490), сохранилась въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 294). Сохранилась также платежница, составленная Помѣстнымъ приказомъ по указу 4 августа 140 г. (Тамъ же, кн. № 7515. Ср. Ак. п. д., II, № 113, гдѣ напечатано введенiе къ послѣдней платежницѣ).

Оброчныя книги бортныхъ ухожьевъ Д. Лодыгинъ съ товарищами подалъ въ Новгородскую четь до пожара 134 г., и онѣ сгорѣли въ чети. Сгорѣли и черновики этихъ книгъ, у писцовъ. Другую часть описанiя писцы подали въ 137 г. (Ак. п. д., II, № 63). Въ сентябрѣ 138 г. Новгородская четь послала Кузьму Алексѣевича Шапилова и под. Дан. Цвиленева описать мордовскiя и бортныя села вновь (Наказъ имъ — тамъ же, № 64). Эти писцы «своимъ нерадѣньемъ» не описали всего, что слѣдовало, «противъ приправочныхъ книгъ В. Борисова, каковы имъ даны были въ Нижнемъ», и въ 140 г. четь послала описывать эти земли вновь Аѳан. Дан. Блохина и под. Григ. Козлова (Тамъ же, стран. 146).

Перепись 154 г. произвели кн. Ив. Ѳед. Шеховской и под. Прокоф. Симоновъ. Книги ихъ сохранились только по уѣзду (Подлинникъ за скрѣпами переписчиковъ — Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 296 и 297. Списки — тамъ же, №№ 7487—7489). Перепись 186 г. произвели — въ Закудемскомъ стану Петръ Дан. Свѣчинъ съ подьячимъ Ден. Андреевымъ, а на посадѣ и въ другихъ частяхъ уѣзда Дан. Ив. Сытинъ съ под. Мих. Спасеньевымъ и кн. Юр. Мих. Солнцевъ-Засѣкинъ съ тѣмъ же подьячимъ. Перепись сохранилась вся (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 7528—7530), а книги посада Д. Сытина напечатаны въ XVII т. Русской Исторической Библiотеки.

68. Новосиль. Посадъ — въ Галицкой чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 123 г. острогъ и уѣздъ дозрили Петръ Есиповъ и под. Венедиктъ Маховъ. Списокъ съ ихъ книгъ, данный для приправки дозорщикамъ 128 г., сохранился. Скрѣпы у списка нѣтъ, а отмѣчено, что его принесъ въ Помѣстный приказъ под. Вас. Ключаревъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 314). Сохранилась подлинная платежница съ этого дозора, на которой отмѣчено: «124-го генваря въ 17 день отдали дозорщики П. Есиповъ да подьячiй В. Маховъ» (Тамъ же, кн. № 488, л. 271). Въ 128 г. уѣздъ дозрили Немиръ Кирѣевскiй и под. Вас. Ключаревъ. Списокъ съ ихъ платежницы, за скрѣпой дьяка (Ямского приказа) Третьяка Копнина, сохранился (Та же книга, л. 208). По-

садъ въ 134 г. описали Конст. Пущинъ и под. Борисъ Ивановъ. Сохранился списокъ съ ихъ книгъ (Тамъ же, кн. № 1053). Уѣздъ въ 136 г. начали описывать Борисъ Никитичъ Волошениновъ и под. Ив. Гавриловъ. Для приправки имъ были даны книги 123 г. Описаніе не было окончено къ Смоленской войнѣ, а въ августѣ 141 г. писцамъ пришлось дозирать вновь разоренье отъ «Татарской войны». Книги ихъ сохранились въ подлинникахъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 315—316 и № 317, л. 144) и въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 8978). Въ 146 г. уѣздъ дозирали Андр. Наумовъ и под. Макс. Козловъ, но «тѣмъ книгамъ по докладу думнаго дьяка Мих. Даниловавѣрить не велѣно, опричь Андреевой статьи Измайлова». Этотъ дозоръ былъ вызвано разореньемъ 146 г. отъ крымскаго царевича. Книги сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпой М. Козлова (Тамъ же, кн. № 317).

Перепись 154 г. произвели Петръ Воейковъ и под. Сем. Парѳеньевъ. Она сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 526) и въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 8982). Перепись 186 г. произвели Григ. Мих. Нефимоновъ и под. Сем. Исаковъ. Книги сохранились въ подлинникѣ и въ спискѣ (Тамъ же, кн. №№ 8984 и 8983).

69. Оболенскъ. Сначала въ Большомъ Приходѣ, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Изъ описаній XVI в. извѣстны только книги письма и мѣры Ѳед. Крюкова и под. Богд. Иванова 80 г., одну выпись изъ которыхъ напечаталъ С. А. Шумаковъ (Сотницы, III в., стран. 29—31). Въ 122 г. дворцовыя села дозрили Ив. Машковъ и Андр. Голочеловъ (Его же, Экскурсы по исторіи Помѣстн. приказа, стран. 9. М. 1910 г.). Въ 125 г. уѣздъ дозрилъ Пименъ Юшковъ. Платежница съ его книгъ, за скрѣпой дьяка Матвѣя Сомова, сохранилась (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15, л. 158 и далѣе). Въ 135—137 гг. уѣздъ описали Ѳед. Вас. Шушеринъ и под. Ив. Максимовъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 325. Списокъ — тамъ же, кн. № 806). Сохранилась и подлинная платежница съ этихъ книгъ (Тамъ же, кн. № 409, л. 656 и далѣе).

Перепись 154 г. произвели Ульянъ Сем. Ляпуновъ и под. Юр. Фофановъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 440. Списокъ — тамъ же, № 10333). Сохранилась и перепись 186 г. Мих. Григ. Вешнякова и под. Ив. Житкова (Тамъ же, кн. № 10320).

70 Одоевъ. Посадъ — въ Костромской чети, а уѣздъ — въ Большомъ Приходѣ, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Упоминаются дозорныя книги уѣзда 85 г. Андр. Скрябина и под. Степ. Витовтова (Акты А. Юшкова, стран. 242). Въ 123 г. посадъ и уѣздъ дозрили Поликарпъ Давыдовъ и под. Матв. Лужинъ. Сохранилась подлинная платежница съ этого дозора, за скрѣпой под. М. Лужина (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 488, л. 464). Въ 124 г. вторичный дозоръ уѣзда произвели Ив. Бор. Щу-

леповъ и под. Ив. Ѳедотьевъ. Ихъ книги сохранились въ двухъ спискахъ — первый за скрѣпой дьяка Большого Прихода Матв. Сомова и за справой под. Петра Горемыкина (тамъ же, л. 493), а второй за скрѣпой дьяка Гер. Мартемьянова (Тамъ же, кн. № 524, л. 180—316. Передъ этимъ въ книгѣ находится какой-то дозоръ посада). Въ 128 г. уѣздъ дозрили Дан. Свѣчинъ и под. Богд. Лихвинцовъ. Платежница ихъ въ спискѣ, за скрѣпой дьяка Ямского приказа Андр. Подлѣсова и за справой под. Фил. Домашнева, сохранилась (Тамъ же, кн. № 488, л. 562). Въ 135—137 гг. городъ и уѣздъ описали Епифанъ Клементьевъ Хитрово и под. Первый Богдановъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 327) и въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 9880). Сохранилась также подлинная платежница съ этого описанія (Тамъ же, кн. № 409, л. 772).

Перепись 154 г. произвели Богд. Сем. Двоаниновъ и под. Ив. Тычининъ. Она сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 526) и въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 8982). Сохранился списокъ съ переписныхъ книгъ 186 г. Ив. Шетнева и под. Ѳед. Карпова (Тамъ же, кн. № 8985).

71. Орелъ. Городъ сначала во Владимирской чети, а позже въ Разрядѣ, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 103 г. уѣздъ описали Дементій Яковлевъ и под. Леонт. Софоновъ. Книги ихъ сохранились въ спискѣ за скрѣпой дьяка Вен. Махова (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 329) и напечатаны во II отд. I т. Писцовыхъ книгъ Московскаго государства. Въ 133—134 гг. уѣздъ описали Ив. Кутузовъ и под. Ив. Коровинъ. Ихъ книги сохранились въ спискѣ, за скрѣпой дьяка Степ. Венедиктова (Тамъ же, №№ 330 и 331). Перепись 154 г. кн. Дан. Матв. Несвицкаго и под. Никифора Ковыршина сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 14, л. 212 и далѣе. Списокъ — тамъ же, кн. № 11042). Перепись 186 г. Ефима Марковича Норова и под. Сав. Репьева сохранилась тоже въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 11044. Списокъ — тамъ же, кн. № 11043).

72. Осколъ. Посадъ — въ Разрядѣ, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Описаній XVI вѣка неизвѣстно. Въ 123 г. посадъ и уѣздъ дозрили Осипъ Сѣкиринъ и под. Добрыня Русановъ. Книги ихъ въ спискѣ, за скрѣпой дьяка Гер. Мартемьянова и за справой под. Елизарья Розинкова, сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 342). Въ 135—136 гг. Осколъ описали Влад. Племянниковъ и под. Мих. Лукинъ. Перечневая роспись съ ихъ книгъ и списокъ съ дозора 123 г. были даны для приправки писцамъ уѣзда 151 г., кн. Гавр. Дм. Хотѣтовскому и под. Тим. Семенову. Книги послѣднихъ писцовъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 343).

Перепись 154—155 гг. произвели Аѳан. Ѳед. Боборыкинъ и под. Ив. Гавриловъ. Книги переписи, за скрѣпами переписчиковъ, сохранились (Тамъ же, кн. № 344).

73. Переяславль Залѣсскій. Посадъ — въ Костромской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Подъ 66-мъ годомъ упоминаются книги письма Андр. Вас. Лодыгина и Вас. Мих. Гирѣева (вѣроятно, дворцовыхъ земель), а подъ 67-мъ «опись и мѣра» Ив. Михнова и под. Вас. Пѣнкина (Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 164). Валовое, повидимому, описаніе уѣзда произвели въ 69—72 гг. Услюмъ Ив. Даниловъ съ Ив. Ив. Пушкинымъ и кн. Ив. Б. Ромодановскій и Ив. Пушкинъ съ товарищами (Тамъ же, стран. 165; М. А. Дьяконовъ, Ж. М. Н. Пр., 1893 г. № 7, стран. 227; Ак. М. Г., II, стран. 271. Одинъ изъ товарищей — под. Андр. Елисѣевъ. Акты Спасск. Ярославск. монастыря, III т., стран. 129). Платежница съ книгъ кн. И. Ромодановскаго «71-го года» была «сыскана» у губного старосты Ос. Дахина въ 118 г. послѣ прихода литовскихъ людей изорванная, безъ многихъ листовъ (Ак. М. Г., II, стран. 271). Она была давана для приправки дозорщикамъ 128 г. и писцамъ 135 г. (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 94; Н. Н. Ардашевъ, Древнѣйшій ст-цъ, стран. 16). Упоминаются еще — платежница съ книгъ письма Никиты Авксентьева 81 г. (Ак. М. Г., II, стран. 271) и книги вотчинныхъ земель городового приказчика Ст. Васильевскаго 90 г. (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 94). Въ 124 г. конюшенныя земли дозрили конюхи Ив. Одинцовъ и Никита Матчинъ (Тамъ же, № 106), а въ 128 г. уѣздъ дозрили кн. Андр. Шеховской и под. Макаръ Чукаринъ. Въ сентябрѣ 131 г. книги послѣднихъ еще не были поданы въ Помѣстномъ приказѣ (Тамъ же, № 94). Описаніе уѣзда въ 135 г. начали кн. Мих. Волконскій и под. Вас. Толмачевъ. Въ 137 г. кн. Волконскій умеръ, и дописывать уѣздъ съ тѣмъ же подьячимъ велѣно было Андр. Загряжскому. По отпискамъ послѣдняго В. Толмачевъ за пьянство и непослушаніе отставленъ въ концѣ 137 г., и на его мѣсто назначенъ под. Гавр. Владимировъ (Ак. п. д., II, №№ 57 и 60). Книги этого описанія сохранились въ ветхомъ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 349 — межевыя книги) и въ спискѣ (Тамъ же, кн. №№ 812—814 и 7645—7648). Въ 154 г. тотъ же Андр. Загряжскій съ подьячими Гавр. Владимировымъ и Дм. Минчаковымъ произвелъ новое, дополнительное описаніе уѣзда. Книги сохранились въ спискахъ (Тамъ же, кн. №№ 815 и 7650). Платежница съ послѣдняго описанія была прислана въ Переяславль для сбора налоговъ въ 158 г. (Ак. М. Г., II, стран. 271—272). Одновременно съ описаніемъ въ 154 г. стольникъ кн. Юр. Морткинъ произвелъ перепись (Прик. д. стар. л., 1649 г. № 62). Перепись 186 г. произвели Ст. Тим. Салтыковъ и под. Акимъ Шараповъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 7651).

74. Переяславль Рязанскій съ пригородами. Посады — во Владимирской чети, а уѣздъ тамъ же, а позже въ Помѣстномъ приказѣ. При описаніяхъ обыкновенно былъ подраздѣляемъ на 2 и болѣе части.

Къ 59—62 гг. (а можетъ быть, и съ 55 г.) относится валовое описаніе, произведенное троими писцами. Подъ 60—61 гг. упоминаются писцы Григ.

Сем. Плещеевъ и Кипріанъ Ив. Дедевшинъ съ под. Өед. Козловымъ, подъ 61 годомъ—«двутретные» писцы кн. Өед. Сем. Мезецкій и Третьякъ Михайловъ Дубровинъ съ под. Вас. Елиз. Суковымъ, а подъ 62 г. —«третные» писцы Мих. Вас. Годуновъ и Вас. Конст. Замыцкій съ товарищами (См. списки П. Н. Милюкова и М. А. Дьяконова. Напечатанныя изъ книгъ выписи см.: А. Пискаревъ, Грамоты Рязанскаго края, № 18. С.-Пб. 1854 г.; Акты А. Юшкова, стран. 146, 170 и 217; В. Н. Сторожевъ, Писцовыя книги Рязанскаго края, стран. 420 и 460). Въ 76 г. весь уѣздъ или значительную часть описали Ив. Юр. Траханіотъ съ товарищами. Сотная ихъ на вотчины Рязанскаго владыки напечатана В. Н. Сторожевымъ (Тамъ же, стран. 425 и далѣе). Послѣ татарскаго разоренья 80 г. уѣздъ дозрили въ 81—82 гг. двое дозорщиковъ — Бахтіаръ Волковъ съ под. Осипомъ Григорьевымъ и Ратай Суриновъ Акинөеевъ съ под. Юр. Артемьевымъ. Въ 83 г. дополнительный или повторный дозоръ произвели Андр. Өед. Скрябинъ съ под. Зиновеемъ Өедцовымъ (Акты А. Юшкова, стран. 219). Выписи послѣднихъ двухъ дозорщиковъ на вотчины Богословскаго монастыря напечатаны А. Пискаревымъ (Указан. изданіе, №№ 19 и 20) и перепечатаны В. Н. Сторожевымъ (Писц. книги Рязанск. края, стран. 465—470). Подъ 92—93 гг. упоминаются книги письма Семейки Плещеева съ товарищами (Списки П. Н. Милюкова и М. А. Дьяконова), но, повидимому, это было частичное описаніе. Валовое описаніе было произведено въ 103—106 гг. двоими писцами — Третьякомъ Григ. Вельяминовымъ съ подьячими Ильей Ивановымъ и Третьякомъ Копнинымъ и Вас. Яков. Волынскимъ и Ив. Аөан. Нащокинымъ съ подьячими Вторымъ Ильинымъ и Алексѣемъ Малаховымъ. Послѣдніе въ 105 г. описали дворцовыя села на Мещерской сторонѣ (Ихъ сотная селу Өедотьеву сохранилась — Прик. д. стар. л., 1680 г. № 383). Этихъ описаній сохранилась значительная часть, а платежницы съ этихъ книгъ сохранились почти цѣликомъ. В. Н. Сторожевъ напечаталъ, въ Писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края, платежницы съ книгъ Т. Вельяминова съ товарищами и съ книгъ В. Волынскаго (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 396) и часть книгъ Т. Вельяминова, содержащую описаніе Переяславля, Пронска и Каменскаго и Окологороднаго становъ (Тамъ же, кн. № 354). Писцовая книга № 395, повидимому, осталась ему неизвѣстной. Эта книга, указанная въ Описаніи документовъ Архива М. Юстиціи подъ невѣрнымъ годомъ (I т., стран. 237, № 2328), содержитъ списки — съ описанія Ростиславскаго, Моржевскаго и Перевицкаго становъ и съ платежницъ тѣхъ же становъ.

Черную слободу Переяславля въ 108 г. «строили» Григ. Овцынъ и под. Алексѣй Малаховъ, а въ 111 г. дозиралъ Богд. Радиловъ. Въ 124 г. ее дозиралъ Елиз. Головинъ (Ак. п. д., I, №№ 59 и 238). Первый общій дозоръ уѣзда произвели въ 123—124 гг. Иванисъ Есиповъ съ подьячими Григ. Рукавовымъ и Григ. Козловымъ (Ак. п. д., I, № 21) и Поликарпъ Давыдовъ съ под. Панкратомъ Бабанинымъ. Книги послѣдняго дозора сохранились въ спискѣ за скрѣпой дьяка Вен. Махова, по Каменскому, Моржевскому, Кобыльскому

и Перевицкому станамъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 397 и 398. Въ послѣдней книгѣ съ 126 л. переплетены платежницы, за скрѣпой Ив. Ѳедорова, по тѣмъ же станамъ). Книги послѣднихъ трехъ становъ напечатаны И. Бѣляевымъ (Временникъ Общ. Ист. и Др., XIII т.). Особные дозоры, послѣ этого общаго, см. — Ак. п. д., I, №№ 76—78 и 80. Значительную часть уѣзда охватили дозоры 127—128 гг. Григ. Бутикова съ под. Никитой Леонтьевымъ и Ѳед. Соковнина съ под. Мих. Бороздинцевымъ (Описаніе документовъ Архива М. Ю., V, стран. 379. Писцовыя книги Рязанскаго края, изд. В. Н. Сторожевымъ, I, стран. 526). Посадъ въ 133—134 гг. описали Мина Дм. Лыковъ и под. Григ. Никифоровъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399) и напечатаны въ Матеріалахъ для исторіи городовъ XVI—XVIII вѣковъ (Выпускъ «Рязань». Москва, 1884 г.). Описаніе уѣзда было поручено по половинамъ — кн. Ив. Андр. Львову съ подьячимъ Ив. Русиновымъ и Кириллу Сем. Воронцову-Вельяминову съ подьячими Тим. Молчановымъ и Мих. Семеновымъ. Описаніе половины, порученной кн. Львову, прошло, повидимому, благополучно и было закончено послѣ войны. Описаніе же второй половины сильно затянулось. Его было сдѣлано еще мало, когда въ 140 г. под. М. Семеновъ былъ взятъ къ боярину М. Б. Шеину (см. выше, стран. 213), и описаніе пріостановлено. Продолжать его были посланы въ 144 г. К. Воронцовъ-Вельяминовъ съ под. Юр. Судниковымъ. Послѣдній подалъ книги въ Помѣстномъ приказѣ 1 мая 145 г., и онѣ были приняты безъ осмотра, «потому что Юрій вскорѣ разнемогся и умеръ», не закрѣпивъ книгъ своей рукой. Послѣ этого К. Вельяминовъ сталъ додѣлывать книги съ Т. Молчановымъ, но умеръ, и книги были поданы послѣ его смерти Т. Молчановымъ 30 октября 150 г. (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 400, и Прик. д. стар. л., 1649 г. № 66). Тѣмъ временемъ то, чего не дописалъ К. Вельяминовъ, въ 145—149 гг. дописывали кн. Вас. Григ. Вяземскій и под. Ив. Ковелинъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 400, л. 40). Книги всѣхъ этихъ писцовъ, въ подлинникахъ и въ спискахъ, и платежницы съ книгъ сохранились и указаны въ I т. Описанія документовъ Арх. М. Ю. (Стран. 238—240, №№ 2332—2351). Платежница, сохранившаяся въ книгѣ № 409, неправильно отнесена къ 134 году (№ 2332 Описанія). Въ дѣйствительности она была изготовлена и послана въ Стрѣлецкій приказъ въ 150 г., какъ это совершенно ясно отмѣчено на ней. Книги Окологороднаго, Моржевскаго и Каменскаго становъ напечатаны В. Н. Сторожевымъ въ Писцовыхъ книгахъ Рязанскаго края.

Для переписи 154 г. Переяславль Рязанскій былъ раздѣленъ на 3 части: Зарайскъ, Гремячій и Перевицкій станъ переписали Ѳед. Ловчиковъ и под. Ив. Ѳоминъ, Михайловъ, Пронскъ и Моржевскій, Кобыльскій и Каменскій станы — Ив. Сем. Сытинъ и под. Алексѣй Юрьевъ, а Переяславль и Окологородный, Понизскій и Старорязанскій станы — Лавр. Мих. Раевскій и под. Конст. Лукинъ. Книги сохранились въ подлинникахъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 412—414). Перепись 186 г. производили четверо переписчи-

ковъ: Романъ Өед. Матовъ съ под. Өед. Патрушевымъ, Александръ Вас. Ляпуновъ съ под. Онис. Невѣжинымъ, кн. Григ. Сем. Шеховской съ под. Аникой Прасоловымъ и стольн. Тим. Устиновичъ Хрущовъ и Як. Ив. Свищовъ съ под. Бор. Башмаковымъ. Книги ихъ сохранились (Тамъ же, кн. №№ 13340—13343.)

75. Пермь Великая, Чердынь. Городъ Новгородской чети.

Валовое описаніе въ 87 г. произвели Ив. Игн. Яхонтовъ и под. Третьякъ Карповъ. Ихъ книги напечаталъ В. Шишонко (Пермь. 1878—79 гг.). Указаній на послѣдующіе дозоры не встрѣчается. Въ 123 г. Очерскій острожекъ (Строгановыхъ) дозрили Өед. Змѣевъ и под. Вас. Михайловъ (Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 15, л. 478), но несомнѣнно, что это былъ частный дозоръ. Лѣтомъ 130 г. были посланы валовые писцы М. Кайсаровъ съ товарищами (см. выше — Кайгородокъ). Сошный окладъ, положенный ими, былъ отмѣненъ (см. выше, стран. 168). Часть ихъ книгъ, содержащая описаніе вотчинъ Строгановыхъ, напечатана А. Дмитріевымъ въ IV выпускѣ «Пермской старины» (Пермь, 1892 г.). Перепись 155 г. произвелъ воевода Прок. Куз. Елизаровъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 351). Перепись 186 г. произвели кн. Ө. Ө. Бѣльскій и под. Вас. Меньшиковъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 352).

76. Погорѣлое городище. Городъ Устюжской чети, безъ уѣзда.

Въ 132 г. посадъ описали Ст. Тарбѣевъ и под. Ө. Постниковъ. Книги ихъ сгорѣли въ 134 г., а сохранился списокъ съ черновыхъ книгъ, который писцы сдѣлали послѣ пожара и подали въ Устюжскую четь (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 456, л. 19 и далѣе). Перепись 154 г. произвели Як. Загряжскій и под. Вас. Толмачевъ (Прик. д. стар. л., 1668 г. № 262).

77. Пошехонье. Посада въ XVII в. не было, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 62—65 гг. Пошехонье описывали вмѣстѣ съ Бѣлозерскимъ уѣздомъ Ө. И. Чулковъ и дьякъ Ө. Фатьяновъ. Въ 69 г. упоминаются писцы дворцовыхъ селъ Андр. Игн. Яхонтовъ и Ив. Мих. Тарутинъ, а въ 72 г. бѣлозерскіе и пошехонскіе писцы Юр. Ө. Морозовъ и под. Лютикъ Ивановъ. Вѣроятно, общимъ описаніемъ были писцовыя книги Ив. Ресина съ товарищами 93 г. (Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 163—170). Упоминаются еще дозорныя книги Ив. Коробова 82 г., которыя служили приправочными дозорщикамъ Троицкихъ вотчинъ 102 года (Писц. кн. Моск. госуд., II отд. I тома, стран. 39). Въ 122 г. уѣздъ дозрили Сем. Сытинъ и под. Леонт. Софоновъ, а въ 128 г. — Петръ Алябьевъ и под. Григ. Софоновъ. (Прик. д. стар. л., 1628 г. № 47). Дозорныя книги 122 г. были даны для приправки Юрью Аөиногеновичу Редрикову и подьячимъ Петру Наумову и Петру

Гридякину, посланнымъ описывать уѣздъ въ 135 г. (Ак. п. д., I, № 248). Описаніе прошло не вполнѣ благополучно. Въ 144—145 гг. Помѣстный приказъ посылалъ Юр. Редрикова съ под. Сем. Чашниковымъ дописывать и домежевывать уѣздъ, а въ 149 г. Юр. Редриковъ умеръ, не сдавши своихъ книгъ (Акты Спасск. Яросл. монастыря, III вып., стран. 111). Про ихъ первыя книги (135—137 гг.) въ описи 1717 года сказано, что онѣ послѣ смерти П. Наумова «взяты у него за его рукою несправлены, во многихъ статьяхъ за помѣщики и за вотчинники въ пашнѣ и въ сѣнныхъ покосахъ и во крестьянахъ и въ бобыляхъ переправлено и скребено, и подъ статьями и волостями и всему городу перечня не написано» (Описаніе документовъ Арх. М. Юстиціи, V, стран. 374). Книги сохранились въ спискахъ (Арх. М. Ю., кн. №№ 12573—12576).

Перепись 154 г. Ив. Як. Вельяминова и под. Власа Михайлова сохранилась въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 12517), а перепись 186 г. Ив. Тим. Владыкина и под. Степ. Грязнова — въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 12518. Списокъ — кн. № 12519).

78. *Псковъ*. Посадъ — въ Новгородской чети, а уѣздъ сначала тамъ же, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Валовое описаніе, по показанію лѣтописи, было начато въ 65 г. (П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 164) и поручено нѣсколькимъ писцамъ: подъ 65-мъ годомъ упоминается письмо Григ. Нагово съ товарищами, подъ 66-мъ — письмо кн. Вас. Великаго съ товарищами и подъ 67-мъ — Зах. Плещеева и Алексѣя Стараго съ товарищами. Къ нѣсколько болѣе позднему времени относится письмо Тим. Хлуденева и дьяка Дм. Горина (Тамъ же. См. еще Сборникъ Московск. Арх. Мин. Юстиціи, V т., стран. 75—76). Слѣдующее валовое описаніе было произведено въ 93—95 гг. Григ. Ив. Мѣщаниновымъ-Морозовымъ и Ив. Вас. Дровнинымъ съ товарищами. Часть ихъ описанія дошла до насъ въ спискѣ XVIII в. (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 827, 830 и 1077), а платежница сохранилась въ подлинникѣ, оставленномъ писцами за скрѣпой Ив. Дровнина во Псковѣ для нуждъ воеводскаго управленія (Тамъ же, кн. № 355 въ двухъ частяхъ. Списокъ — тамъ же, кн. № 831). Начало платежницы (часть описанія посада Пскова) было утрачено еще въ XVIII вѣкѣ. Платежница напечатана въ V т. Сборника Архива Мин. Юстиціи (Москва, 1913 г.) подъ редакціей В. В. Нечаева.

Уѣздныхъ дозоровъ послѣ Смуты неизвѣстно, а посадъ Пскова, впервые послѣ описанія 94 г., было велѣно дозрить кн. Мирону Мих. Шеховскому и дьяку Никитѣ Дмитріеву (Наказъ имъ — Ак. п. д., I, № 85). Среди дѣлъ Новгородской чети, уцѣлѣвшихъ отъ пожара 134 г., была «псковская платежница 128 и 129 года», вѣроятно съ уѣздныхъ дозоровъ, и «списокъ съ переписныхъ книгъ города Гдова и Гдовскаго и Кобыльскаго уѣзда 129 года, какъ взятъ у нѣмецъ» ...«а подлинныя въ Посольскомъ приказѣ» (Чт. Общ. Ист. и Др. 1905 г. I кн., стран. 32—33). Лѣтомъ 131 г. описывать Псковъ

съ пригородами и всякія земли въ уѣздѣ были посланы изъ Новгородской чети Ив. Яков. Вельяминовъ и дьякъ Ив. Булыгинъ (Наказъ имъ — Ак. п. д., I, №120). Въ дѣйствительности товарищами Ив. Вельяминова были подьячіе Гавр. Постоевъ и Ив. Княжнинъ. Въ началѣ 137 г. псковичи били челомъ государямъ объ утвержденіи этого описанія (Тамъ же, II, № 46). Изъ книгъ Ив. Вельяминова сохранились — въ подлинникѣ книги оброчныхъ статей по Псковскому уѣзду и засадамъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 365) и въ спискахъ книги частновладѣльческихъ земель (Тамъ же, кн. №№ 808, 824—826, 1063—1066 и 1068), а описанія посадовъ и дворцовыхъ земель пока неизвѣстны. Въ 182 г. описывать дворцовыя села былъ посланъ Левъ Мироновичъ Вельяминовъ съ товарищами, которому въ 184 г., по челобитью служилыхъ людей, было велѣно описать и частновладѣльческія земли (Пол. Собр. Зак. № 632). Въ августѣ 187 г. Новгородская четь дала наказъ тѣмъ же писцамъ описать и посады Пскова и пригородовъ (Наказъ имъ — Ак. п. д., III т., августъ 187 г.). Изъ этого описанія сохранились только книги частновладѣльческихъ земель, частью въ подлинникахъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 358 и 359), а частью въ спискахъ (Тамъ же, кн. №№ 360, 363, 809, 829—830, 832 и 1067).

79. Путивль. Посадъ былъ городомъ Владимирской чети. Доходы и другія отрасли управленія распредѣлялись между нѣсколькими приказами. Одно время (129—135 гг.) четвертные доходы поступали въ Казачій приказъ. Писцовъ уѣзда въ 136 г. послалъ Помѣстный приказъ.

Валовое описаніе уѣзда и, вѣроятно, посада произвели въ 102 г. Ив. Вахромеевъ и под. Алексѣй Малаховъ. Ихъ книги въ спискѣ, за скрѣпой дьяка Помѣстнаго приказа Герас. Мартемьянова, сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 367. Въ архивской описи не указана). Послѣ разоренья дозоровъ посада не было, а въ 133 г. Владимирская четь послала описывать его Никиту Ив. Беклемишева и под. Осипа Трофимова (Наказъ имъ — Ак. п. д., I, № 151). Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 148). Дозоръ уѣзда и оброчныхъ статей на посадѣ произвели въ 128—129 гг. Ѳедоръ Матовъ и под. Кондр. Стеневъ. Ихъ книги и книги Ив. Вахромеева были даны для приправки писцамъ уѣзда, посланнымъ въ концѣ 135 г., Петру Ив. Мусорскому и под. Гавр. Ѳедорову (Ак п. д., I, №№ 248 и 258). Изъ книгъ послѣднихъ писцовъ сохранились: книга «сошнымъ оброчнымъ пашнямъ и сѣножатямъ», случайно попавшая въ дѣла Печатной конторы (Арх. М. Ю., Безпошлинная кн. № 6. Подлинникъ за скрѣпой обоихъ писцовъ), подлинная книга за скрѣпой обоихъ писцовъ оброчныхъ бортныхъ ухожьевъ и всякихъ угодій въ частновладѣльческихъ земляхъ (Тотъ же архивъ, Писц. кн. № 368) и писцовыя и межевыя книги помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ спискахъ (Тамъ же, кн. № 10553).

Перепись 154 г. произвели кн. Никифоръ Ѳед. Мещерскій и под. Як. Щоловъ. Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Тамъ же, №№ 10556 и 12611).

Перепись 186 г. произвели Аѳан. Ил. Шишкинъ и под. Прокофій Васильевъ. Ихъ книги сохранились въ подлинникѣ и въ спискѣ (Тамъ же, №№ 10557 и 10558).

80. Пустоозеро. Городъ Новгородской чети.

Въ 82 г. описали Вас. Агалинъ и под. Степ. Ѳедоровъ Соболевъ. Послѣ нихъ ни въ XVI, ни въ XVII вѣкахъ писцовъ и дозорщиковъ не было (Сошное письмо, I, стран. 52). Перепись въ 187 г. произвелъ стольн. и воевода Гавр. Тухачевскій (Д. А. И., IX, № 89). Она сохранилась въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 366).

81. Ржева Владимирова. Посадъ — въ Устюжской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 96—97 гг. уѣздъ описали Андр. Еф. Салтыковъ, Григ. Іевлевичъ Ловчиковъ и под. Илья Ивановъ (Акты А. Юшкова, стран. 264, и В. Н. Сторожевъ, Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа, I, стран. 128). Ихъ книги въ спискѣ за скрѣпой дьяка Ив. Переносова сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 70. Въ архивскомъ описаніи писцовыхъ книгъ отнесена почему-то къ вологодскимъ описаніямъ и обозначена 136-мъ годомъ). Въ 122 г. посадъ дозрилъ воевода Ив. Дм. Плещеевъ (А. п. д., I, №№ 11 и 126), а въ 132 г. описали Іевъ Нестеровичъ Лачиновъ и под. Серг. Матвѣевъ. Сохранилась сотная, данная ими посаду 30 сентября 133 г. (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 456, л. 86 и далѣе. Списокъ, присланный изо Ржевы въ Устюжскую четь послѣ пожара 134 г.). Описаніе уѣзда въ 132—133 гг. произвели Леонт. Скобельцинъ съ под. Макаромъ Чукаринымъ и Іевъ Лачиновъ съ под. Григ. Семеновымъ. Книги первыхъ сохранились въ подлинникѣ, а вторыхъ въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 373, 833 и 834).

Перепись 154 г. Як. Ив. Загряжскаго и под. Вас. Толмачева сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 372. Списокъ — тамъ же, кн. № 12362). Въ подлинникѣ же сохранилась перепись 186 г. Дм. Мих. Телѣгина и под. Григ. Клочкова (Тамъ же, кн. № 12367. Списокъ — кн. № 12364).

82. Ржева Пустая и Заволочье принадлежали къ вѣдомству Владимирской чети (Р. И. Б., XXVIII, стран. 65), но такъ какъ въ XVII вѣкѣ посада не было, то не было и описаній его. Уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 91 г. посадъ Заволочье и уѣздъ описалъ Игн. Зубовъ съ товарищами. Его книги дошли до насъ въ двухъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ указанъ въ I т. Описанія документовъ Арх. М. Юстиціи, безъ обозначенія, какимъ писцамъ принадлежатъ книги. Этотъ списокъ скрѣпленъ под. Григ. Гавриловымъ, который въ 135 г. съ кн. Сем. Дан. Шеховскимъ описывалъ уѣздъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 8183), изъ чего можно заключить, что онъ служилъ имъ для приправки. Другой списокъ (Тамъ же,

кн. № 8167) скрѣпленъ дьякомъ Венедиктомъ Маховымъ, изъ чего можно заключить, что онъ былъ сдѣланъ въ Помѣстномъ приказѣ. Оба списка сдѣланы съ оригинала, сохранившагося не сполна и съ утраченными началомъ и окончаніемъ (См. кн. № 8167, л. 432, на которомъ кончалась часть оригинала, — въ спискѣ для вырванныхъ или выцвѣтшихъ словъ оригинала оставлены пробѣлы. Съ той же 432 страницы идетъ списокъ другихъ тетрадей оригинала). Въ спискѣ № 8183 нѣтъ описанія посада, тетради расположены иначе, чѣмъ въ № 8167, а конецъ книги значительно порванъ. Списокъ № 8167 содержитъ описаніе посада, сохранился лучше и написанъ хорошими переписчиками; съ 24 л. идетъ описаніе уѣзда. Время составленія писцовыхъ книгъ опредѣляется указаніями въ текстѣ, а принадлежность ихъ Игн. Зубову можно доказать сопоставленіемъ описанія монастыря Николы на Пескахъ (кн. № 8167, л. 351 и далѣе) съ выписью изъ книгъ Игн. Зубова, приведенной въ жалованной грамотѣ 114 г. этому монастырю (А. И., II, № 347). Дозоровъ послѣ Смуты неизвѣстно. Описаніе уѣзда въ 135—136 гг. произвели указанные выше писцы. Ихъ книги сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 822, 1069 и 8168), а платежница съ книгъ въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 8170).

Перепись 154 г. кн. Дм. Троф. Сеитова и под. Аѳ. Березина сохранилась въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 8561). Въ подлинникѣ сохранилась перепись 186 г. Аники Матв. Владимирова и под. Ив. Курманалеева (Тамъ же, кн. № 8176. Списокъ — кн. № 8175).

83. Романовъ. Посадъ и татарскія земли были вѣдомы въ Посольскомъ приказѣ, а остальныя земли уѣзда — сначала въ Большомъ Приходѣ, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Упоминаются посадскія дозорныя книги «письма и дачи Ивана Ѳедцова 78 г. и дозорныя книги Дм. Сабурова и Ильи Иванова 88 г.» (Прик. д. стар. л., 1621 г. № 1). Земли ямщиковъ переписали и межевали въ 95 г. Дм. Тургеневъ и под. Прокофій Яковлевъ (Акты Романовской ямской слободы, издан. И. Я. Гурляндомъ, стран. 1, 8 и 10. Ярославль. 1901 г.). Валовой дозоръ посада и всего уѣзда произвели въ 101—102 гг. Ив. Камынинъ и под. Ив. Ефановъ. Списокъ съ ихъ книгъ сохранился (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 379), но въ описаніи документовъ и бумагъ Архива Мин. Юстиціи не указанъ, вѣроятно потому, что начало книгъ (часть описанія посада) утрачено, и составители описанія не сумѣли опредѣлить времени и мѣста, къ которому онѣ относятся.

Земли Сююшъ мурзы Исупова и его служилыхъ татаръ дозрили въ 124 г. [1]) Тим. Сем. Пушкинъ съ дьякомъ Маркомъ Мартемьяновымъ. Ихъ

---

[1]) Нѣсколько особныхъ дозоровъ, произведенныхъ въ 123 г. и въ послѣдующихъ годахъ, по грамотамъ изъ Большого Прихода, сохранилось. Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа кн. № 8333.

книги въ подлинникѣ, за скрѣпой дьяка М. Мартемьянова, сохранились (Тамъ же, Писц. кн. № 375). Упоминаются еще дозоры тѣхъ же земель — Андр. Трусова съ тѣмъ же дьякомъ 124 года и вторичный дозоръ 125 г. губн. старосты Петра Яцкаго (Итоги послѣдняго дозора см. — Прик. д. стар. л., 1616 г. № 10). Посадъ въ 128 г. дозрилъ воевода Ив. Загряжскій, но его дозоръ не былъ утвержденъ, и въ 129 г. посадъ и уѣздъ дозрили Алексѣй Захарьевичъ Шапиловъ и под. Арева Башмаковъ (Ак. п. д., I, №№ 107—111). Посадскія дозорныя книги въ подлинникѣ, за скрѣпами обоихъ дозорщиковъ, сохранились. На нихъ отмѣтка въ Посольскомъ приказѣ: «129-го апрѣля въ 13 день подалъ книги Алексѣй Шапиловъ да подьячій Арева Башмаковъ» (Арх. Мин. Ин. д., по Романову кн. № 1[а]). Валовое описаніе уѣзда было поручено въ 135 г. Юрью Аеиногеновичу Редрикову и подьячимъ Петру Наумову и Петру Гридякину. Для приправки имъ были даны книги И. Камынина, быть можетъ въ томъ самомъ спискѣ, который указанъ выше. Описаніе ихъ было окончено не ранѣе 148 г., а въ 149 г. Юр. Редриковъ умеръ, и быть можетъ поэтому сохранившіяся книги ихъ письма скрѣплены однимъ под. П. Наумовымъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 376—377. Ср. съ этимъ указаніе о смерти писца въ выписи изъ ихъ книгъ Спасскому монастырю. Акты Ярославск. Спасск. монастыря, III, стран. 103—110. Москва. 1896 г.).

Перепись 154 г. произвели кн. Никита Мезецкій и под. Сем. Алексѣевъ, а перепись 186 г. — Вас. Андр. Строевъ и под. Як. Ѳеофановъ. Дополнительную перепись Васильевскаго стана произвелъ въ томъ же 186 году стольн. Кондр. Дан. Бутурлинъ. Обѣ переписи сохранились (Книги 154 г.— Арх. М. Ю., Писц. кн. № 8300, а книги 186 г. — тамъ же, №№ 8302 и 8303).

84. Ростовъ. Посадъ — въ Галицкой чети, а уѣздъ сначала въ Большомъ Приходѣ, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Извѣстны слѣдующія описанія и дозоры второй половины XVI вѣка. По сообщенію Ю. В. Готье писцы 136 г. ссылаются на книги А. Лодыгина и В. Гирѣева 1558 г. (66 года?) и на книги Вас. Басаргина 1573—74 гг. (81—82 годы?). Онъ же указываетъ на книги «письма и мѣры» Петра Колединскаго съ товарищами 69 г., выпись изъ которыхъ Новодѣвичьему монастырю сохранилась (Ю. В. Готье, Замосковный край, стран. 62. С. А. Шумаковъ, Обзоръ Грам. Кол. Эк., III вып., стран. 202). Въ началѣ XVIII в. были еще цѣлы книги 79 г., которыя въ описи 1717 г. описаны такъ: «Книги дозорныя Як. Мещеринова да городовогоприказчика Степ. Сабурова 79-го года, сысподи не вся, за приписью дьяка Неупокоя Кокошкина [1]), не вся закрѣплена» (Описаніе документовъ Арх. М. Юст., V т., стран. 379). Къ 92—95 гг. относится, повидимому валовое, описаніе Андр. Ѳед. Мануилова и Ѳед. Рого-

---

[1]) Это указываетъ на то, что списокъ былъ изготовленъ для приправки писцамъ 135 г.

зина (М. А. Дьяконовъ, Ж. М. Н. Пр., 1893 г. № 7, стран. 229). Въ 122 г. посадъ дозрилъ губной староста Тим. Бирдюкинъ-Зайцевъ (Ак. п. д., I, № 108), а валовой дозоръ уѣзда произвели Ѳед. Игнатьевъ и под. Юр. Дуровъ (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, стран. 281). Сохранился большой сборникъ «особныхъ» дозоровъ 121—126 гг., произведенныхъ по грамотамъ изъ Большого Прихода [1]). Въ 127 г. посадъ дозрилъ Ив. Вас. Мотовиловъ. Книги его сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 844) и напечатаны А. Титовымъ (Дозорныя книги г. Ростова. М. 1880 г.). Уѣздъ въ 128 г. дозрили Сем. Аѳ. Бартеневъ и под. Кузьма Матюшкинъ (Ак. юр. б., III, стран. 410). Въ 133 г. посадъ описали Ѳед. Конст. Дуровъ и под. Илья Петровъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ за скрѣпой обоихъ писцовъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 380). Уѣздъ въ 136—139 гг. описали кн. Андрей Никитичъ Звенигородскій и под. Мих. Бухаровъ. Книги ихъ сохранились въ очень ветхихъ подлинникахъ (Тамъ же, кн. №№ 381 и 382. Двѣ части) и въ спискахъ (Тамъ же, кн. №№ 837, 838, 840, 843 и 10750—10752). Сохранился и списокъ съ платежницы (Тамъ же, кн. № 841).

Перепись 154 г. Никифора Юр. Плещеева и под. Кипріана Щапова сохранилась въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 10753). Перепись 186 г. Евсевія Пименовича Бартенева и под. Дм. Ратманова сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 10154).

Дворцовыя владѣнія въ 184—187 гг. описали стольн. Степ. Жадовскій и под. Мартинъ Антоновъ (Ср. Д. А. И., IX, стран. 348, гдѣ сказано — под. Зиновей Коншинъ). Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 841, л. 184 и далѣе).

85. Руза. Въ XVII в. посадъ въ Устюжской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Общимъ описаніемъ уѣзда слѣдуетъ, повидимому, считать книги письма и мѣры кн. Мих. Литвинова-Мосальскаго 76—77 гг. Выпись изъ его книгъ на вотчины Сторожевскаго монастыря напечатана С. А. Шумаковымъ (Сотницы, III вып., стран. 25—28. См. его же Обзоръ Грам. Кол. Эк., III вып., стран. 201, — указаніе на сохранившуюся выпись изъ тѣхъ же книгъ Новодѣвичьему монастырю). Книги этихъ писцовъ и книги писцовъ Григ. Сем. Пильемова и Андр. Ник. Сабурова съ товарищами 77 г. служили приправочными для писцовъ земель Троицкаго монастыря 102 г., Аѳ. Ѳ. Загряжскаго и под. Ждана Степанова (Писц. кн. Московск. государства, I т., I отд., стран. 657). Общихъ описаній конца XVI в. неизвѣстно. Посадъ въ 122 г. дозрилъ Ив. Есиповъ, а уѣздъ дозрили Зах. Быковъ и под. Неждань Ушаковъ (Ак. п. д., I, №№ 128 и 143). Книги Ив. Есипова сохра-

---

[1]) Одинъ дозоръ 121 г., 8 дозоровъ 124 г., 9 дозоровъ 125 г. и 9 же — 126 года. Арх. М. Ю., Помѣстнаго приказа кн. № 10755, по Ростову «Отказная» книга № 1.

нились въ спискѣ, присланномъ въ Устюжскую четь послѣ пожара 134 г. (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 456). Въ 132 г. посадъ описали Степ. Ив. Тарбеевъ и под. Ѳ. Постниковъ. Ихъ книги сгорѣли въ чети въ 134 г., а сохранившійся списокъ съ черновыхъ книгъ былъ сдѣланъ и поданъ писцами въ четь въ 135 г. (Тамъ же, л. 19 и далѣе). Уѣздъ въ 133—134 гг. описали кн. Ив. Леонт. Шеховской и под. Ив. Волковъ. Ихъ книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 425. Списокъ — тамъ же, кн. № 845).

Перепись 154 г. кн. Дав. Кондр. Щербатаго и под. Бажена Ушакова сохранилась въ подлинникѣ, за скрѣпами обоихъ переписчиковъ (Тамъ же, кн. № 74, л. 141 и далѣе). Перепись 186 г. произвели Мих. Лошаковъ и под. Вас. Чашниковъ (С. А. Шумаковъ, Обзоръ Грам. Кол. Эк., III вып., стр. 99).

86. Руса Старая. Городъ Новгородской чети. Въ XVI в. входила въ составъ Шелонской пятины.

Въ 64 г. упоминаются писцы Юр. Манасеинъ и Ив. Тверитиновъ (П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 164). Въ 115 г. уѣздъ дозрилъ Алексѣй Безобразовъ съ товарищами, а въ 119—120 гг. посадъ и уѣздъ дозрилъ Лука Милославскій (Д. А. И., I, № 160). Списокъ съ дозора 119—120 гг. сохранился въ Стокгольмскомъ Государственномъ архивѣ (К. Якубовъ, Русскія рукописи Стокгольмскаго Государственнаго архива, стран. 41. М. 1890 г. Изъ Чт. Общ. Ист. и Др.). Въ 122 г. посадъ и часть уѣзда дозрили Алексѣй Колычевъ и под. Постникъ Кувшиновъ, другія части уѣзда дозрили Лука Ив. Милославскій съ под. Ив. Задонскимъ и Ив. Барановъ съ под. Аѳан. Бражниковымъ (Наказъ — см. Д. А. И., II, № 18. Ак. п. д., I, № 104). Послѣ возвращенія С. Русы къ Московскому государству, посадскихъ людей, «которые учали селиться вновѣ», переписалъ въ 127 г. воевода кн. Леонт. Шеховской, а въ уѣздѣ переписывали — въ 126 г. Ив. Боборыкинъ и под. Дружина Скиринъ и воевода Як. Боборыкинъ, въ 127 г. кн. Л. Шеховской, а въ 128 г. Филонъ Аничковъ; «а для податей въ Старой Русѣ и въ погостахъ дозоръ не бывалъ» (Тамъ же и Чт. Общ. Ист. и Др. 1905 г. I кн., смѣсь, стран. 33). Лѣтомъ 130 г. описывать посадъ и уѣздъ посланы Александръ Игн. Чеглоковъ и дьякъ Добрыня Семеновъ (Наказъ имъ — Ак. п. д., I, № 104). Они писали въ 131—136 гг. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 969. Списокъ — тамъ же, кн. № 754. Описаніе Сумерской волости) и въ спискѣ (Тамъ же, Вотчинной Конторы по Пскову кн. № 7/1069).

Перепись 155—156 гг. Степ. Моис. Глѣбова и под. Ив. Олухова сохранилась въ подлинникѣ (Тотъ же архивъ, Писц. кн. № 455). Въ подлинникѣ же сохранилась перепись 186 г. стольника Степ. Александровича Аничкова и под. Антона Ѳедорова (Тамъ же, кн. № 8570, л. 622 и далѣе. Списокъ — кн. № 8564).

87. Рыльскъ. Посадъ—во Владимирской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Писцамъ 135 г. были даны для приправки: дозорныя книги (уѣзда) Ив. Котенина и под. Никиты Моисеева 122 г., книги Захарья Бибикова 123 г. и дозорныя книги Алексѣя Ушакова и под. Ив. Савина 128 г. (Ак. п. д., I, № 248). Дозоровъ посада не было, а въ маѣ 133 г. данъ наказъ описать его Н. Ив. Беклемишеву и под. Ос. Трофимову (Тамъ же, № 151). Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 148, л. 341). Уѣздъ въ 135—137 гг. описали Петръ Ив. Мусорскій и под. Гавр. Ѳедоровъ. Ихъ книги писцовыя сохранились въ спискѣ (Тамъ же, кн. №№ 10554 и 10555), а межевыя въ подлинникѣ (Тамъ же, №427. Списокъ—кн. № 10559). Перепись 154 г. кн. Никифора Ѳед. Мещерскаго и под. Як. Щолокова сохранилась въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 10556, л. 165). Перепись 186 г. Аѳан. Ильича Шишкина и под. Прокофья Васильева сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 10558).

88. Серпуховъ. Посадъ — въ Костромской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 60 г. посадъ и уѣздъ описали кн. Вас. Сем. Фуниковъ и Ив. Тим. Бухаринъ съ товарищами (подьячіе? Матв. Никитинъ и Сем. Стародубовъ). Сотная, данная ими посаду, напечатана П. Симсономъ (Исторія Серпухова, стран. 311—334. Москва. 1880 г.). Во 2-мъ выпускѣ II тома Древностей (Труды Археограф. Комиссіи Моск. Археологическаго общества. М. 1901 г.) напечатана сотная, выданная Высоцкому монастырю на Москвѣ, за подписью дьяка Юр. Сидорова. Сотная составлена по тремъ источникамъ. Первый изъ нихъ неизвѣстенъ, такъ какъ начало сотной утрачено, а третьимъ источникомъ были книги кн. В. Фуникова 60 г. (стран. 347—348). Очень интересенъ второй источникъ — отписныя книги городового приказчика Васюка Ситчина и под. Кости Васильева 63 г. По государеву указу было велѣно монастырскія земли, которыя «вмѣшалися» въ государевы земли, отписать и раздать въ помѣстья служилымъ людямъ, а монастырю дать взамѣнъ соотвѣтствующее количество государевыхъ земель. Это и было произведено указанными лицами (стран. 337—346). Въ отписныхъ книгахъ упоминаются книги письма и мѣры Дан. Григ. Ѳомина и под. Ермолы Петрова, которыми руководились отдѣльщики. Изъ этого можно заключить, что либо это описаніе было произведено послѣ письма кн. Фуникова (въ 61—63 гг.), либо послѣдній не описалъ этой части Высоцкихъ вотчинъ. Въ 80 г. уѣздъ дозрили Ѳедоръ Крюковъ и под. Богданъ Ивановъ (Акты А. Юшкова, стран. 235). «Льготная» (въ сущности — сотная) грамота, данная ими Высоцкому монастырю, напечатана (Древности, II т., I выпускъ, стран 172—175). Дозоръ вызванъ татарскимъ разореньемъ. Въ 125 г. уѣздъ дозрилъ Пименъ Юшковъ. Сохранился списокъ, за скрѣпой дьяка Матв. Сомова,

съ платежницы ихъ дозора (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15, лл. 138—157). Повидимому, посадъ въ 128 г. былъ дозренъ кн. Ив. Дан. Мосальскимъ (С. А. Шумаковъ, Сотницы, III в., стран. 95 и 99). Упоминаются относительно посада еще дозорныя книги Мих. Бормосова и под. Ареѳы Башмакова. Онѣ пріурочиваются то къ 129, то къ 130, то къ 136 году (Тамъ же, стран. 95—96). Уѣздъ дозрили въ 128 г. Вас. Петр. Наумовъ и под. Ив. Ковелинъ. (Тамъ же, стран. 97). Въ 135—137 гг. уѣздъ описали Ѳед. Вас. Шушеринъ и под. Ив. Максимовъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 439. Списки — тамъ же, кн. №№ 850, 10324 и 10329). Сохранилась подлинная платежница съ ихъ книгъ (Тамъ же, кн. № 409).

Перепись 154 г. Ульяна Сем. Ляпунова сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 440. Списокъ — кн. № 10333). Сохранилась и перепись 186 г. Григ. Ос. Сунбулова и под. Андр. (Алексѣева) Юрьева (Тамъ же, кн. № 10320).

89. Соль Вычегодская. Городъ Устюжской чети.

Въ 65 и 73 годахъ въ уѣздѣ работалъ «Устюжскія земли писецъ» Юр. Ивановъ Александровъ-Самсоновъ (Ак. п. д., I, № 125, и Р. И. Б., XII, стр. 579). Передъ 76 годомъ въ уѣздѣ упоминается еще писецъ, тоже устюжскій, кн. Ив. Вас. Гундоровъ (Прик. д. стар. л., 1627 г. № 55). Далѣе передъ описаніемъ 94 г. упоминается писецъ Алексинскаго стана кн. Ив. Вадбальской (Тамъ же, 1632 г. № 80). Въ 94—97 гг. посадъ и весь уѣздъ описали Аѳан. Ив. Вельяминовъ и дьякъ Ив. Григорьевъ (А. А. Э., I, № 343; Ак. п. д., I, стран. 260 и 405; Прик. дѣлъ новаго разбора № 968). Уѣздъ въ 118 г. дозрили Ив. Сабуровъ и подьячій Ив. Болотниковъ (Ак. п. д., I, № 125), а посадъ вскорѣ послѣ этого дозрилъ кн. Григ. Гагаринъ (Тамъ же. №14). Въ концѣ 122 г. воеводѣ Степ. Вас. Голенищеву и под. Пятому Филатову было велѣно дозрить посадъ и уѣздъ. Дозоръ вызванъ надеждой на прибыль «изъ пуста въ жило», а не челобитьемъ населенія. Дозоръ былъ произведенъ въ 123—124 гг., а въ 125 г. утвержденъ (Тамъ же, №№ 14, 26 и 27). Въ 128 г. валовой дозоръ посада и уѣзда произвели Вас. Сем. Самаринъ и под. Сем. Озокинъ. Ихъ книги сохранились въ спискѣ, данномъ для приправки писцамъ 131 г. (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15039). Описаніе начали лѣтомъ 131 г. Парѳеній Никифоровичъ Мансуровъ и под. Вас. Архиповъ, а послѣ смерти П. Мансурова (133 года) окончили Ив. Степ. Благово съ тѣмъ же подьячимъ. Писцы вернулись въ Москву въ августѣ 134 г. (Ак. п. д., I, стран. 260, 405, 415 и 488) и отдѣлывали книги болѣе полутора года, а 26 мая 136 г. сдали ихъ въ чети. Черезъ годъ съ лишнимъ (29 іюля 137 г.) описаніе было доложено государямъ и утверждено (Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 14, лл. 374—377). Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 446) и въ спискѣ (тамъ же, №№ 449 и 450). Весной 153 г. произвести новое описаніе были посланы Богд. Герасим. Приклонскій и под. Осипъ Тро-

фимовъ (Дѣло о назначеніи ихъ, объ изготовленіи имъ наказа, самый наказъ и акты объ утвержденіи ихъ описанія напечатаны въ II т. Ак. п. дѣла). Книги сохранились въ подлинникѣ и въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 451, 452, 447 и 448). Одновременно съ описаніемъ производилась перепись. Въ 154 г. перепись была поручена Пав. Ѳедоровичу Боборыкину и под. Бор. Васильеву, но не утверждена, «потому что по тѣмъ ихъ книгамъ у Соли и въ Усольскомъ уѣздѣ объявилась пустота многая, и писаны тѣ ихъ книги несправчиво, и Утмановскую волость писалъ одинъ подьячій Борисъ, а Павелъ въ той волости не былъ» (Ак. п. д., II, №№ 210—213). Имъ было велѣно произвести новую перепись, но за болѣзнью они отставлены, и вмѣсто нихъ вторичную перепись произвели въ 156 г. Ив. Гавр. Чириковъ и под. Григ. Бѣлово. Книги обѣихъ переписей сохранились (Перепись П. Боборыкина — Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15058, а вторая — тамъ же, кн. № 15052). Въ концѣ 185 г. описывать посадъ и уѣздъ были посланы стольн. Григ. Дмитр. Овцынъ и под. Вас. Крюковъ. Имъ же было велѣно произвести, пріостановивъ описаніе, перепись. Книги ихъ переписныя и писцовыя сохранились (Перепись 186 г. — тамъ же, кн. № 15053, а описаніе 186—190 гг. — тамъ же, кн. №№ 501—505 и 899).

90. Соль Камская. Городъ Новгородской чети.

Въ 87 г. валовое описаніе произвели Ив. Игн. Яхонтовъ и под. Третьякъ Карповъ. Книги ихъ напечатаны А. Дмитріевымъ въ III выпускѣ «Пермской старины» (Пермь. 1891). Въ 117 г. общій дозоръ произвели Сарычъ Шестаковъ и под. Второй Ильинъ (В. Шишонко, Пермская лѣтопись, II періодъ, стран. 183. Пермь. 1882 г.). Больше дозоровъ не было, а лѣтомъ 130 г. посланы писцы М. Кайсаровъ съ товарищами (См. выше — Кайгородокъ). Сошный окладъ, положенный ими былъ отмѣненъ (См. выше, стран. 168). Книги ихъ напечатаны В. Шишонко (Соликамскія писцовыя книги. Пермь. 1872 г.).

Перепись 155 г. произвелъ воевода Прокофій Кузьмичъ Елизаровъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 474). Перепись 186 г. произвели кн. Ѳед. Ѳед. Бѣльскій и под. Вас. Меньшиковъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. №№ 442 и 443).

91. Старица. Посадъ — въ Устюжской чети, а уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Изъ описаній XVI в. извѣстны только частныя — 61 и 65 гг. дворцовыхъ земель и 96 и 102 гг. Троицкихъ вотчинъ. Сотная 102 г. Аѳ. Загряжскаго и под. Жд. Степанова напечатана (Рубцовъ, Къ матеріаламъ для церковной и бытовой исторіи Тверского края. Старица. 1905 г.). Изъ дозоровъ послѣ Смуты извѣстенъ только посадскій дозоръ 122 г. кн. Никиты Гагарина. Онъ сохранился въ спискѣ, присланномъ изъ Старицы въ Устюжскую

четь послѣ пожара 134 г. (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 456. Ср. въ Ак. п. д., I, № 9 — грамоту къ кн. Н. Гагарину о дозорѣ посада). Въ 132 г. посадъ описали Ст. Тарбеевъ и под. Ѳед. Постниковъ (Тамъ же, № 128). Ихъ книги сгорѣли въ Устюжской чети въ 134 г., а сохранился списокъ, который писцы сдѣлали съ черновыхъ книгъ и подали въ чети 20 апрѣля 135 г. (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 456, л. 19 и далѣе). Уѣздъ въ 132—134 гг. описали кн. Ив. Шеховской и под. Ив. Волковъ. Книги ихъ сохранились въ спискахъ (Тамъ же, кн. №№ 862 и 15397).

Перепись 154 г. Як. Загряжскаго и под. Вас. Толмачева сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 457). Въ подлинникѣ же сохранилась перепись 186 г. кн. Ив. Дм. Борятинскаго и под. Никиты Воробьева (Тамъ же, кн. № 15407. Списокъ — кн. № 15409).

92. Суздаль. Въ XVII в. посадъ въ Галицкой чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 81 г. посадъ дозрилъ Як. Наумовъ съ товарищами. Съ этого дозора посадъ платилъ до дозора 120 г., произведеннаго Тим. Матв. Лазаревымъ и под. Дан. Ждановымъ. Слѣдующіе дозоры посада произвели — въ 125 г. кн. Юр. Шеховской и под. Андр. Строевъ, а въ 131 г. Севринъ Мих. Уваровъ и под. Грязной Колодничъ. Сошный окладъ послѣдняго дозора не былъ утвержденъ. Въ 136—137 гг. посадъ описали Мих. Мих. Трусовъ и под. Ѳед. Витовтовъ. Книги дозоровъ 120, 125 и 131 гг. и описанія 136—137 гг. сохранились въ сборникѣ, происхожденіе котораго разсказано въ началѣ его: въ 155 г. суздальцы били челомъ государю объ обидахъ отъ всякихъ людей и просили «оберегать» ихъ и посадъ «строить». Государь пожаловалъ ихъ и велѣлъ дать имъ списки съ старыхъ книгъ. Сборникъ и состоитъ изъ этихъ списковъ, скрѣпленныхъ дьякомъ Галицкой чети Сем. Софоновымъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 462. Въ архивной описи не указана. Подлинникъ книгъ М. Трусова — тамъ же, кн. № 11328). Описаніе 136—137 гг. напечатано въ Трудахъ Владимирск. Губ. Арх. Комиссіи (1904 г. VI кн.).

Дворцовыя земли въ 63—64 гг. описали Андр. Вас. Лодыгинъ и Вас. Мих. Гиреевъ съ товарищами, а въ 93 г. Лука Новосильцевъ съ товарищами (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 83, и А. И., I, № 218). Прочія земли уѣзда въ 81 г. дозрилъ вмѣстѣ съ посадомъ Як. Наумовъ, а въ 86—87 гг. описали валовые писцы кн. Григ. Вас. Звенигородскій и Вас. Агалинъ (Н. Н. Ардашевъ, Расходныя книги Помѣстнаго приказа, I, стран. 41; Ак. п. д., I, № 248; Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, №№ 83 и 84). По Стародубу Ряполовскому упоминаются книги: письма под. Макс. Трифонова 73 г. (какія книги?), книги писца Ѳ. И. Бутурлина и под. Исаака Кузьмина 75 г. (П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 166) и дозорныя книги Тучка Ратцова 83 г. (Ак. п. д., I, № 248). Уѣздъ при боярахъ, вѣроятно въ 120-мъ же году, дозрилъ Т. Лазаревъ вмѣстѣ съ посадомъ. Послѣ этого въ уѣздѣ было множество

особныхъ и частичныхъ дозоровъ [1]), изъ которыхъ дозоръ 124 г. Дав. Яхонтова охватилъ, повидимому, значительную часть уѣзда (Тамъ же, № 35). Въ 128—129 гг. уѣздъ дозрилъ Ив. Наумовъ съ подьячими Матв. Лужинымъ и Арт. Хватовымъ (Ак. юр. быта, I, стран. 257). Валовое описаніе уѣзда было поручено въ 135 г. Мих. Мих. Трусову и подьячему Ѳед. Витовтову. Это описаніе прошло не совсѣмъ гладко. Суздалецъ Ив. Хрипковъ нашелъ гдѣ-то платежныя книги съ дозора Як. Наумова и представилъ ихъ государямъ. По этой платежницѣ обнаружилось, что суздальцы утаили отъ писцовъ болѣе 30000 четвертей земли, и государи указали послать новыхъ писцовъ, а старымъ ѣхать вмѣстѣ съ ними. Смоленская война задержала посылку писцовъ, и въ октябрѣ 141 г. «для службы» суздальцевъ посылка была отсрочена (Расходныя книги Помѣстнаго приказа, I, стран. 41). Кѣмъ было окончено описаніе послѣ войны, неизвѣстно. Книги описанія сохранились въ спискахъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 11317—11321).

Дворцовыя земли описывали — въ 139—141 гг. Як. Кондыревъ, а въ 184—185 гг. стольникъ Як. Вас. Нелединскій и под. Елиз. Семеновъ (Ю. В. Готье, Замосковный край, стран. 65; Ак. ю. б., III, стран. 330; В. Борисовъ, Описаніе г. Шуи, стран. 352. М. 1851 г.).

Перепись 154 г. произвели стольн. Степ. Гавр. Пушкинъ и под. Онисимъ Михайловъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ и въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 465, 11322 и 11323). Перепись 186 г. произвели стольникъ кн. Тим. Ив. Шеховской и под. Ив. Васильевъ. Книги сохранились (Тамъ же, кн. №№ 11325 и 11331).

93. Таруса. Посадъ — во Владимірской чети, а уѣздъ — въ Большомъ Приходѣ, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

По уѣзду упоминаются дозорныя книги 80 г. Аѳан. Кобелева и под. Пошлаго Алексѣева (Л. М. Сухотинъ, Земельныя пожалованія, стран. 6). Дозоровъ посада послѣ разоренья не было. Дворцовыя села въ 122 г. дозрили Ив. Машковъ и Андр. Голочеловъ (С. А. Шумаковъ, Экскурсы по исторіи Помѣстн. приказа, стран. 9. М. 1910 г. Изъ Чт. Общ. Ист. и Др.). Помѣстныя и вотчинныя земли дозрилъ въ 125 г. Томило Прончищевъ. Книги его дозора сохранились въ спискѣ, за скрѣпой дьяка Большого Прихода Матв. Сомова и за справой под. Як. Бутримова (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15, лл. 86—137). Въ 128 году упоминается уѣздный дозоръ Вас. Наумова (С. А. Шумаковъ, Экскурсы, стран. 38). Посадъ впервые послѣ разоренья былъ описанъ въ 133—134 гг. Ив. П. Турскимъ и под. Воиномъ Абрамовымъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399, лл. 349—362). Уѣздъ въ 136—137 гг. описали Петръ Игн. Софоновъ и под. Григ. Никифоровъ. Книги ихъ сохранились въ спискахъ (Тамъ же, кн. №№ 867 и 10334).

---

[1]) Нѣсколько дозоровъ 122 и 124 гг. см. въ сборникѣ «Отказныхъ» книгъ по Суздалю. Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа кн. № 11332, по Суздалю кн. № 1.

Сохранилась подлинная платежница съ ихъ книгъ (Тамъ же, кн. № 409).

Перепись 154 г. произвели Ульянъ Сем. Ляпуновъ и под. Юрій Фофановъ. Книги сохранились въ подлинникѣ за скрѣпами обоихъ переписчиковъ (Тамъ же, кн. № 4, л. 503 и далѣе).

94. Тверь. Посадъ — во Владимирской чети, а уѣздъ тамъ же, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Три древнѣйшія книги Тверского уѣзда напечатаны въ II отд. I тома Писцовыхъ книгъ Московскаго государства, изданныхъ Н. Колачевымъ. Время и писцы первой книги (Стран. 40—140 изданія Колачова) не вызываютъ сомнѣній. По поводу второй книги (Тамъ же, стран. 141—290), отнесенной издателемъ къ концу XVI вѣка, П. Н. Милюковъ и И. И. Лаппо указали, что она составлена гораздо раньше — по мнѣнію П. Милюкова она составлена лѣтомъ 62 г. и во всякомъ случаѣ не ранѣе 56 г. (Спорные вопросы, стран. 37—38), а по мнѣнію И. И. Лаппо—въ 56 г. (Тверской уѣздъ въ XVI в., стран. 13. Москва. 1894 г.). П. Н. Милюковъ сверхъ того указалъ, что эта книга есть не писцовая, а приправочная «и, какъ таковая, содержитъ въ себѣ только краткія указанія на количество стараго сошнаго письма въ каждомъ владѣніи по писцовой 1540 г.», то есть по первой , изданной Н. Колачевымъ. По поводу послѣдняго замѣчанія напомню, что обычно приправочныя книги были дословными списками съ различныхъ документовъ. Далѣе, есть указаніе, что обѣ сохранившіяся книги, о которыхъ идетъ рѣчь, были даны для приправки писцамъ 135 г. и поэтому одинаково могутъ быть названы приправочными. Въ росписи книгъ, данныхъ писцамъ Тверского уѣзда, сказано: «а даны имъ приправочныя книги: *двѣ* книги письма Ив. Заболотскаго да Мих. Усова-Татищева 48-го года» (Ак. п. д., I, № 248). Замѣчаніе П. Н. Милюкова справедливо въ томъ смыслѣ, что вторая книга по составу дѣйствительно отличается отъ первой. Первая есть обыкновенный приправочный списокъ съ оригинала, вѣроятно дословный. Составъ второй книги гораздо сложнѣе. Довѣряя показанію росписи книгъ, я думаю, что обѣ книги принадлежатъ И. П. Заболотскому, только вторая является не спискомъ, а составнымъ документомъ, о происхожденіи котораго можно только гадать. Мнѣ кажется, что въ основу второй книги была положена платежница съ книгъ И. Заболотскаго, и этимъ объясняется, что Помѣстный приказъ считалъ *обѣ* книги книгами этого писца. Затѣмъ къ свѣдѣніямъ платежницы были присоединены изъ какихъ-то другихъ источниковъ другія свѣдѣнія. За это говорятъ совершенно необычныя и ненужныя повторенія, проходящія черезъ всю книгу, и хронологическія несообразности, отмѣченныя П. Н. Милюковымъ и И. И. Лаппо. Вотъ, напр., какъ описано помѣстье Ѳ. Снозина (стран. 142): «Ѳедора Снозина двѣ деревни, пашни въ нихъ полпол-пол-чети сохи. Ѳедора Григорьева сына Снозина дер. Молозиво, дер. Селище, пашни 39 чети въ одномъ полѣ, а въ дву потому-жъ, сѣна 25 копенъ,

а угодья никотораго нѣтъ. Ѳедоръ служитъ царю и великому князю изъ Новагорода изъ Великаго; а крѣпости — рядной списокъ. Земля середняя». Этимъ сводомъ двухъ, а можетъ быть и трехъ источниковъ разнаго времени могутъ быть объяснены и хронологическія несообразности. Слѣдуетъ еще прибавить, что книги Ив. Заболотскаго называются книгами 48 года по времени начала описанія, какъ обычно обозначались книги. Однако есть указаніе, что эти писцы работали въ Твери и въ 52 г., а можетъ быть и дольше (С. А. Шумаковъ напечаталъ выпись 52 г. изъ книгъ Заболотскаго: «Изъ актовъ Тверского Отроча монастыря». М. 1895 г.).

Третья напечатанная Н. Колачевымъ книга относится къ 88—89 гг., содержитъ описаніе земель вел. князя Семіона Бекбулатовича и принадлежитъ писцамъ Петру Матв. Свѣчину, Тим. Александровичу Козину и дьяку Богдану Забротову (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 16056).

Послѣ этихъ описаній подъ 95 г. упоминаются книги села Кушалина письма и мѣры кн. Вас. Тюфякина (Ак. п. д., I, № 251, и Л. М. Сухотинъ, Земельныя пожалованія, стран. 87), а подъ 92 и 96—97 гг. писцовыя книги посада и уѣзда кн. Меркурья Александровича Щербатаго, дьяка Алферья Григорьева и под. Тарха Антонова (Двор. Арх., 25 оп., 129 г. № 208, и С. А. Шумаковъ, Изъ актовъ Отроча монастыря, № 6). Послѣднія книги были даны для приправки писцамъ 135 г. и названы въ росписи книгами «письма и отдѣла» (Ак. п. д., I, № 248). Съ другой стороны, извѣстно, что кн. М. Щербатой былъ не только писцомъ и отдѣльщикомъ, но и «строилъ» посадъ и свозилъ на него бѣглецовъ изъ сосѣдняго Новоторжскаго уѣзда (См. выше, стран. 181). Все это позволяетъ предполагать, что писцы начали работать въ 92 г., а послѣ описанія занимались строеньемъ посада и отдѣломъ земель служилымъ людямъ.

Дозоры начались уже въ 119 г. (Новые акты Смутнаго времени, № 3— грамота 13 іюля 119 г. къ воеводѣ о дозорѣ Микулина посада), и при боярахъ были дозрены — посадъ Гавр. Быковымъ и дьякомъ Герас. Мартемьяновымъ (Р. И. Б., XXVIII, стран. 36), а уѣздъ Мих. Темкинымъ и Андр. Одоуровымъ (Дворц. Арх., 24 оп., 123 г. № 41. Срав. Ак. п. д., I, № 12). Второй дозоръ всего уѣзда произвели въ 123 г. Григ. Колединскій и под. Ѳед. Постниковъ. Книги ихъ сохранились безъ начала и конца, въ подлинникѣ за скрѣпами обоихъ дозорщиковъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 467). Посадъ въ 125 г. дозрили воевода Мих. Молчановъ и дьякъ Ѳед. Михайловъ. Дозоръ напечатанъ В. Н. Сторожевымъ (Дозорныя книги Твери 1616 г. Тверь. 1890 г.). Весной 133 г. описывать посадъ посланы Потапъ Нарбековъ и под. Богданъ Фаддеевъ (Ак. п. д., I, № 238). Уѣздъ со 135 г. начали описывать Ѳед. Ив. Игнатьевъ и под. Ив. Аѳанасьевъ (Тамъ же, № 251). Послѣдній по болѣзни въ 136 г. былъ замѣненъ под. Тим. Степановымъ (Тамъ же, II, № 37). Книги ихъ сохранились въ спискахъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 871—876, 629, 881, 16058, 16057. Межевыя въ подлинникѣ — тамъ же, кн. № 468).

Перепись 154 г. произвели кн. Θома Дм. Мезецкій и под. Тим. Степановъ. Книги ихъ сохранились только по посаду, въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 12611). Перепись 186 г. начали Мих. Никитичъ Чириковъ съ под. Ив. Андреевымъ, а кончилъ стольн. Дан. Ив. Исленьевъ. Книги сохранились полностью, въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 16060).

95. Торжокъ. Посадъ — во Владимирской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Извѣстны 2 большихъ описанія послѣдней трети XVI вѣка — описаніе (книги письма и мѣры) посада и уѣзда Вас. Замыцкаго и Ив. Голохвастова съ товарищами 70 г. (Л. М. Сухотинъ, Земельныя пожалованія при Владиславѣ, стран. 101) и описаніе уѣзда (а можетъ быть и посада) Андр. Клобукова и под. Нечая Сорочнева 96 г. (Тамъ же, и М. А. Дьяконовъ, Ж. Мин. Н. Пр. 1893 г. № 7, стран. 230). Въ книгѣ Рубцова: Къ матеріаламъ для церковной и бытовой исторіи Тверского края (Старица, 1905 г.) напечатаны, по сообщенію С. А. Шумакова (Сотницы, IV вып., стран. 72), сотницы Ив. Θ. Сурмина 52 г., кн. Меркурія Щербатаго 96 г. и Аθан. Загряжскаго и под. Жд. Степанова 102 г. Въ дѣйствительности кн. М. Щербатой и дьякъ Алферій Григорьевъ были не писцами, а отдѣльщиками (Сборникъ кн. Хилкова, стран. 136). Въ описи 1717 г. книгъ Помѣстнаго приказа сказано такъ: «Книга новоторжская отдѣльная князь Меркулья Щербатого 96 году» (Опис. докум. Арх. М. Ю., V, стран. 377). Что касается Аθ. Загряжскаго, то онъ описывалъ въ Торжкѣ и другихъ городахъ только Троицкія вотчины. Посадъ и уѣздъ были дозрены въ 120 г. Посадъ дозрилъ воевода кн. Мих. Бѣлосельскій (Дворц. Арх., 25 оп., 136 г. № 65, л. 17). Онъ же, вѣроятно, дозрилъ и уѣздъ (Ср. Р. И. Б., XXVIII, стран. 46). Второй дозоръ посада и уѣзда произвели въ 124—125 гг. Вас. Толстой и под. Дружина Θедотовъ (Ак. п. д., I, № 238, и Дворц. Арх., 24 оп., 130 г. № 27, л. 78, и 25 оп., 136 г. № 65). Въ 133—134 гг. посадъ описали Потапъ Нарбековъ и под. Богд. Фаддеевъ (Ак. п. д., I, №№ 150, 203, 204 и 238). Уѣздъ въ 134—136 гг. описали Влад. Полтининъ и под. Ив. Θедоровъ. Ихъ книги сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 801 и 11432).

Перепись 154 г. произвели кн. Андр. Ив. Солнцевъ и под. Вас. Богдановъ. Книги сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпами обоихъ переписчиковъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 74, л. 329 и далѣе. Списокъ — тамъ же, кн. № 11451).

96. Торопецъ. Посадъ — въ Костромской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Сохранились книги посада и черныхъ и служилыхъ земель уѣзда письма Александра Давыдовича Ульянина и Тим. Степ. Бибикова 48—49 гг. (Арх. Мин. Ин. д., по Торопцу кн. № 1). Книга скрѣплена дьякомъ Вас. Степановымъ, который въ 63—76 гг. былъ помѣстнымъ дьякомъ. Это —

одна изъ интереснѣйшихъ сохранившихся книгъ XVI вѣка. Послѣдующихъ описаній неизвѣстно до дозора посада и уѣзда, произведеннаго въ 92 г. Григ. Колединскимъ и под. Нечаемъ Сорочневымъ. Дозоръ былъ вызванъ разореньемъ Торопца 88 г. поляками (Ив. Побойнинъ, Торопецкая старина, стран. 354. М. 1902 г.). Платежница съ этого дозора была дана въ спискѣ для приправки писцамъ 135 г. (Ак. п. д., I, № 248). Небольшая часть ея, касающаяся уѣзда, сохранилась (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 8165, лл. 739—745). Первый дозоръ посада послѣ Смуты произвелъ въ 122 г. Павелъ Лошаковъ, а слѣдующій дозоръ произвели Вас. Вас. Волынскій и под. Алексѣй Корепановъ. Въ 136—137 гг. посадъ описали Дм. Ефим. Воейковъ и под. Ѳед. Протопоповъ (Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 125). Эти же писцы описали въ 136—138 гг. и уѣздъ. Книги уѣзда сохранились въ спискахъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 888 и 8165. Межевыя книги — въ подлинникѣ, тамъ же, кн. № 522, и въ спискѣ — кн. №№ 886 и 887).

Перепись 154 г. Алексѣя Дм. Немятаго-Колычева и под. Александра Титова сохранилась въ подлинникѣ, сильно погнившемъ (Тамъ же, кн. № 477. Списокъ — тамъ же, кн. № 8169). Перепись 186 г. кн. Ѳед. Сем. Засѣкина и под. Ѳед. Звѣрева тоже сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 8179. Списокъ — № 8172).

97. Тотьма. Городъ Устюжской чети.

Послѣ большого мора Пятый Рудинъ по челобитью крестьянъ дозрилъ въ 91 г. Молскую и Стрѣленскую волости (Ак п. д., I, № 18). Валовое описаніе посада и всего уѣзда произвели въ 96 г. Мих. Пушкинъ и под. Петръ Аѳанасьевъ (Тамъ же, II, № 102). Въ 125 г. под. Дм. Баталовъ дозрилъ Царевскую волость (Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 117, 2-я часть, л. 236), но общаго дозора не было до 128 г., когда Тотьму дозрили кн. Ив. Козловскій и дьякъ Маркъ Мартемьяновъ. Книги этого дозора сохранились въ спискѣ, данномъ изъ чети для приправки писцамъ Фокѣ Ратманову Дурову и под. Евстафью Колюпанову (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 479). Эти писцы начали работать лѣтомъ 131 г. и изготовили книги до пожара 134 г. Сданныя въ четь книги сгорѣли, и писцы по черновикамъ сдѣлали новыя книги и подали ихъ 27 мая 135 г. (Ак. п. д., I, №№ 118 и 235). По докладу чети описаніе было утверждено государемъ 29 іюля 137 г. (Арх. Мин. Ин. д., по Устюгу кн. № 14, лл. 391—394). Эти книги сохранились въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 480 и 486). О сыскахъ М. Бороздина и Ив. Малыгина[1]) 141 и 143 гг. и о предполагавшемся, но не произведенномъ описаніи 153 г. см. выше (стран. 223—225. Тамъ же см. о дозорѣ 153 г. Вожбальской волости устюжскими писцами). Перепись 154 г., произведенная кн. Ив. Сем. Вяземскимъ и под. Леонтьемъ Нестеровымъ, не была утверждена государемъ, и вторичную перепись было велѣно произвести воеводѣ Льву Микулину (Ак. п. д., II,

---

[1]) Книги послѣдняго сыска сохранились. Арх. Мин. Ин. д., по Тотьмѣ кн. № 10-а.

№ 209). Указаній на книги Л. Микулина мнѣ не встрѣчалось, а книги кн. И. Вяземскаго сохранились въ спискѣ и въ подлинникѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15049. Подлинникъ, безъ конца, см. Арх. Мин. Ин. д., по Тотьмѣ кн. № 26, л. 504 и далѣе). Въ 184 г. описывать Тотьму были посланы Богданъ Григ. Засѣцкій и под. Емельянъ Телицинъ. Они же въ 185—186 гг. произвели перепись, а послѣ нея продолжали описаніе. Книги ихъ сохранились (Писцовыя — Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 482—485 и 890, а переписныя тамъ же, кн. № 15050). О судьбѣ ихъ описанія см. выше, стран. 248—250.

98. Тула. Въ XVII вѣкѣ посадъ во Владимирской чети, а уѣздъ— въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 60 г. уѣздъ описали по половинамъ Вас. Ѳоминъ и Як. Старово съ товарищами и Мещенинъ Морозовъ и Ив. Застолпскій съ товарищами (Акты А. Юшкова, стран. 149). Писцы 74 г. кн. Мих. Ростовскій и Дм. Пыжовъ указаны П. Н. Милюковымъ (Спорные вопросы, стран. 166). Въ 93 г. посадъ и уѣздъ описали Конст. Андр. Наумовъ, и Вас. Владыкинъ съ подьячими Постникомъ Невзоровымъ и Третьякомъ ....нѣевымъ (Тамъ же, стран. 170, и Дворц. Арх., 24 оп., 122 г. № 130). Ихъ книги были даны для приправки писцамъ посада и уѣзда 96—99 гг. Ив. Алексѣевичу Жеребцову, Тим. Ив. Хлопову, дьяку Ив. Мѣшаеву и подьячимъ Казарину Приклонскому и Ѳед. Колюпанову. Книги послѣднихъ писцовъ сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 487) и напечатаны во II отдѣленіи Писцовыхъ книгъ Московскаго государства (С.-Пб. 1877 г.). Въ августѣ 122 г. дозирать помѣстныя и вотчинныя земли былъ посланъ Вас. Кирикрейскій (Ак. п. д., I, № 13). Первый дозоръ посада въ 124 г. произвели стольникъ и воевода кн. Вас. Сем. Куракинъ и дьякъ Семейка Зеленый. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпой д. С. Зеленаго, съ порванными начальными листами (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399). Уѣздъ въ 128 г. дозрили Серг. Степ. Стрешневъ и под. Ѳед. Масловъ. Платежница съ ихъ книгъ сохранилась въ спискѣ за скрѣпой ямского дьяка Андр. Подлѣсова и за справой под. Филата Домашнева (Тамъ же, кн. № 488). Посадъ описали, впервые послѣ дозора 124 г., въ 133—134 гг. кн. Воинъ Мих. Крапоткинъ и под. Ив. Раковскій. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, № 399, лл. 25—142. Ср. Ак. п. д., I, № 238). Уѣздъ со 135 г. описывали Вас. Конст. Нестеровъ и подьячіе Леонтій Трофимовъ и Ив. Постниковъ. Описаніе было окончено въ 140 г., но въ февралѣ 141 г. писцы еще сидѣли у справки книгъ. Книги сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпой всѣхъ трехъ писцовъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 489—491), и въ спискѣ (Тамъ же, кн. №№ 14234—14236). Сохранилась подлинная платежница, за скрѣпой писцовъ (Тамъ же, кн. № 409, л. 462).

Перепись 154 г. произвели кн. Ив. Ив. Шеховской и под. Петръ Машинъ. Книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 493. Списки — тамъ же, кн. №№ 12611 и 14238). Перепись 186 г. произвели Елисей Ив. Зиновьевъ и под. Вас. Текутьевъ. Книги сохранились (Тамъ же, кн. № 14239).

99. Угличъ. Въ XVII вѣкѣ посадъ въ приказѣ Большого Дворца, а уѣздъ сначала въ Большомъ Приходѣ, а позже въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 70 г. черныя волости описывали Юр. Өѳд. Морозовъ съ товарищами. Повидимому, до нихъ тѣ же земли описывали Юрій Пильемовъ и Третьякъ Ивановъ Витовтовъ (С. А. Шумаковъ, Углицкіе акты, стран. 114 и 126. Москва. 1899 г.). Въ 82 г. упоминается дозорщикъ Троицкихъ вотчинъ Вас. Старого (П. Н. Милюковъ. Спорные вопросы, стран. 167). Дозиралъ ли онъ весь уѣздъ, неизвѣстно. Общее описаніе посада и уѣзда произвелъ въ 104—105 гг. кн. Дм. Бѣльскій съ товарищами (См. Устюжна). Двѣ выписи изъ ихъ книгъ Покровскому монастырю напечатаны С. А. Шумаковымъ (Сотницы, I в., стран. 103—121). Книги 104—105 гг. были даны для приправки писцамъ уѣзда 135 г. (Ак. п. д., I, № 248). Послѣ 104—105 гг. посадъ впервые былъ дозренъ въ 119 г. «розными» дозорщиками: Юр. Погожимъ, Аѳан. Шеломовскимъ и губнымъ старостой Сем. Болотеинымъ (Тамъ же, № 108). Уѣздъ былъ дозренъ Петромъ Загряжскимъ около 125 г. (Углицкіе акты, изд. Липинскимъ, №№ 48 и 66). Въ 128 г. посадъ и уѣздъ дозрили Никита Өедоровичъ Панинъ и под. Наумъ Петровъ (Арх. М. Ю., Углицк. городов. магистрата, 5 опись, 1 вязки № 13. С. А. Шумаковъ, Углицкіе акты, стран. 69). Уѣздъ въ 135—138 гг. описали Северьянъ Андр. Давыдовъ и под. Осипъ Трофимовъ. Ихъ книги сохранились въ спискахъ (Арх. М. Юстиціи) и напечатаны Липинскимъ въ 41—46 тт. Временника Демидовскаго Лицея. Описаніе посада произвели въ 139 г. Як. Кондыревъ и под. Вас. Архиповъ. Ихъ книги были даны для приправки писцамъ посада и дворцовыхъ селъ уѣзда 182—184 гг., Мих. Өед. Самарину и под. Мих. Русинову. Книги послѣднихъ напечатаны Липинскимъ въ указанномъ выше изданіи. Въ 177 г. стряпчій Сытнаго Дворца Өед. Протасьевъ переписалъ пустые и жилые дворы на посадѣ (Арх. М. Ю., Углицк. городов. магистрата, 5 опись, 1 вязки № 47). Перепись 154 г. произвели стольн. Григ. Зюзинъ и под. Як. Звягинъ, а перепись 186 г. — стольн. Ив. Вельяминовъ и под. Мих. Полозовъ (С. А. Шумаковъ, Углицкіе акты, стран. 53—54).

100. Устюгъ. Городъ Устюжской чети.

Съ 65 г. валовое описаніе производилъ Юр. Ивановъ сынъ Александровъ-Самсоновъ съ товарищами. Онъ работалъ долго и еще въ 73 г. былъ на мѣстѣ (Р. И. Б., XII, 579. См. еще выше —Соль Вычегодскую). Около этого же года въ Черевковской волости упоминается письмо Ив. Петрова-Невѣжина, который въ 73 г. описывалъ Устьянскія волости (Прик. д. стар. л., 1632 г. № 80). Возможно, что это объясняется перемѣнами въ составѣ Устюжскаго уѣзда. Передъ 76 г. упоминаются еще писцы уѣзда — кн. Ив. Вас. Гундоровъ и Гавр. Вас. Сивѣрицынъ (Прик. д. новаго разбора № 530, л. 37). Валовое описаніе съ 93 г. производили Мина Сем. Нестеровъ и подьячіе Вас Павловъ и Влад. Ивановъ (Ак. п. д., I, № 132, и II, № 134). Указаній на послѣдующіе

дозоры, до дозора 128 г., мнѣ нигдѣ не встрѣчалось. Въ 128 г. посадъ и уѣздъ дозрили Юр. Стромиловъ и подьячіе Евст. Кувшиновъ и Андрей Кононовъ (Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, лл. 342 об. и 348). Ихъ книги были даны для приправки валовымъ писцамъ, посланнымъ весной 131 г., Никитѣ Вас. Вышеславцеву и под. Аггею Ѳедорову (Наказъ писцамъ — Ак. п. д., I, № 115). Писцы подали свои книги въ Устюжской чети 21 іюня 136 г., а 29 іюля 137 г. онѣ были утверждены государями (Арх. М. Ин. д., по Устюгу кн. № 14, лл. 278—280). Сохранились — перечневая роспись, поданная писцами (Прик. д. стар. л., 1626 г. № 61), и подлинныя книги (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 506 и 507. Нѣсколько сотныхъ въ спискахъ см. тамъ же, кн. №№ 508, 509 и 245). Дозоръ, порученный въ 147 г. воеводѣ Мих. Спешневу и под. Пав. Давыдову, былъ остановленъ ссорой дозорщиковъ и смертью М. Спешнсва и не оконченъ (Дѣло объ этомъ см. — Ак. п. д., II, №№ 134—150). Весной 153 г. данъ наказъ писцамъ Аѳан. Мих. Толочанову и под. Акиму Плохово (Тамъ же, № 184). Это описаніе не было утверждено, и книгъ его не сохранилось.

Перепись 154 г. произвели стольн. кн. Ив. Ромодановскій и под. Ив. Редриковъ (Р. И. Б., XII, 305). Переписи 166 и 176 гг., сохранившіяся и указанныя въ Описаніи документовъ Архива Мин. Юстиціи (I т., стран. 281), были вызваны частными поводами и не имѣли никакого отношенія къ тяглу. Новое списаніе Устюга было предпринято весною 184 г. и поручено Алексѣю Ивановичу Лодыженскому и под. Алексѣю Ерсѳееву (Наказъ имъ — Ак. п. д., III, 184 г. 12 мая). Этимъ же лицамъ было велѣно, пріостановивъ списаніе, произвести перепись. Ихъ переписныя книги, 185—186 гг., сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15047). Послѣ переписи они возобновили списаніе, а когда въ 188 г. А. Лодыженскій умеръ, то оканчивать его было указано стольн. Никифору Сергѣевичу Ефимьеву съ тѣмъ же подьячимъ. Весной 189 г. по челобитью устюжанъ эти писцы были отставлены и окончить описаніе было велѣно воеводѣ Іеву Ив. Пояркову съ дьякомъ Андр. Покрышкинымъ (Ак. п. д., III). Описаніе было окончено въ 191 г., и книги его сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 511—516). Въ Матеріалахъ для исторіи городовъ, въ выпускѣ: Устюгъ Великій (Москва. 1883 г.) напечатаны по оригиналамъ архива Мин. Юстиціи: сотная посада 138 года, съ книгъ Н. Вышеславцева и под. Аг. Ѳедорова (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 508), описаніе посада изъ книгъ 184—191 гг. А. Лодыженскаго съ товарищами и перепись посада 185—186 гг. изъ ихъ же переписныхъ книгъ.

101. Устюжна. Посадъ — въ Устюжской чети, уѣздъ — въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 75 г. посадъ списали Илья Ив. Плещеевъ и Григорій Зубатой Никитинъ сынъ Безпятовъ. Списокъ съ ихъ сотной сохранился (Арх. Мин. Ин. д., Прик. д. стар. л., 1669 г. № 214). Въ 104—105 гг. посадъ и уѣздъ описали

кн. Дм. Григ. Бѣльскій и подьячіе Герас. Акинѳовъ и Третьякъ Мокіевъ. Сотная ихъ посаду сохранилась въ 2 спискахъ (тамъ же, и тотъ же архивъ, по Устюжнѣ кн. № 1). Послѣ Смуты посадъ былъ дозренъ 2 раза — въ 122 г. Ив. Урусовымъ, а въ 126 г. Филип. Масловымъ и под. Матв. Лужинымъ (Ак. п. д., I, № 83, и Арх. Мин. Ин. д., по Разряду кн. № 1, л. 253 об.). Уѣздъ въ 125 г. дозрили Богд. Моклоковъ и под. Тим. Степановъ (Ак. п. д., I, № 248). Въ 134 г. посадъ описали Ив. Кутузовъ и под. Постникъ Трофимовъ (Перечневая роспись ихъ письма — тамъ же, II, № 24). Уѣздъ въ 135—138 гг. описали Северьянъ Андр. Давыдовъ и под. Осипъ Трофимовъ. Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 901). Перепись 154 г. произвели стольн. Григ. Зюзинъ и под. Як. Звягинъ (Ак. п. д., II, № 258).

102. Устьрѣцкія волости, Новгородскаго уѣзда. Вѣдомы въ Новгородской чети.

Въ 124 г. волости дозрилъ Казаринъ Чоглоковъ. Лѣтомъ 127 г. дозирать ихъ вторично были посланы Курака Ив. Кучецкій и под. Ив. Кишмугинъ (Наказъ имъ — Ак. п. д., I, № 84). Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 977). Лѣтомъ 137 г. описывать волости были посланы Ив. Андр. Загоскинъ и под. Дружина Скиринъ (Челобитье крестьянъ, докладъ и наказъ — Ак. п. д., II, №№ 53—55). Сохранились — списокъ съ ихъ книгъ и подлинная платежница (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 759 и № 977, л. 332 и далѣе).

103. Устьянскія волости. Вѣдомы были въ Устюжской чети, а въ послѣдней четверти XVII вѣка взяты во Дворецъ.

Послѣ валового описанія 73 г. Ив. Петрова Невѣжина и под. Петра Аѳанасьева дозоровъ и описаній или не было совсѣмъ, или они были, но не утверждены. Дозоръ трехъ волостей (Ростовщины, Шангалы и Чадромы) Никифора Талызина и под. Ив. Петрова 128—129 гг., дозоръ Чушевицкой волости Дм. Пушечникова 130 г. и описаніе, начатое въ 131 г. Тим. Боборыкинымъ и под. Макаромъ Чукаринымъ, были отмѣнены по челобитью крестьянъ (Арх. Мин. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, лл. 282—287 и 353, и Ак. п. д., II, №№ 129—130). Въ мартѣ 153 г. описывать волости назначены Ив. Загряжскій и под. Тим. Семеновъ, описаніе которыхъ было произведено быстро и въ 155 г. утверждено (Тамъ же, № 131). Книги ихъ сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 510). Одновременно съ описаніемъ въ 154 г. Никита Телѣгинъ и под. Мих. Тугариновъ произвели перепись. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, Писц. кн. № 583). Перепись 186 г. произвели Потапъ Мих. Дурново и под. Ив. Кеминъ. Ихъ книги сохранились (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 15042). Въ февралѣ 187 г. данъ наказъ Богд. Григ. Засѣцкому описать съ подьячимъ Дм. Семіоновымъ волости (Ак. п. д., II, 187 г. 24 февраля), но судьба этого описанія неизвѣстна, а книгъ не сохранилось.

104. Чаронда. Городъ Устюжской чети.

Описаній XVI вѣка мнѣ неизвѣстно. Дозоръ посада и округи въ 123 г. произвелъ воевода Як. Ѳед. Шушеринъ. Книги посада напечатаны по рукописи Археографич. Комиссіи (Акты юр. быта, II, стран. 46). Въ 125 г. посадъ и округу дозрили Авксентій Дашковъ и под. Григ. Рукавовъ, а въ 129 г.—Сем. Яковлевъ и под. Пятый Іевлевъ. Въ 132 г. валовое описаніе произвели Алексѣй Игн. Зубовъ и под. Мих. Невѣровъ. Описаніе ихъ было утверждено въ 133 г. (Ак. п. д., I, № 145). Перепись 154 г. произвели Ив. Баклановскій и под. Ив. Іевлевъ (Прик. д. стар. л., 1649 г. № 62). Въ 178—179 гг. валовое описаніе посада и всей округи, безъ Мунской и Роксомской волостей, взятыхъ въ 173 г. во Дворецъ, произвели стольникъ Никифоръ Матв. Толочановъ и под. Ларіонъ Бѣликовъ (Ак. п. д., III, по указателямъ). Перепись 186 г. произвели Петръ Протопоповъ и под. Ив. Васильевъ, и они же должны были произвести новое описаніе. Описаніе было прервано и не окончено (Подробно объ этомъ см. выше, стран. 250—253).

105. Чернь. Городъ — въ Галицкой чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 123 г. уѣздъ дозрили Поликарпъ Давыдовъ и под. Матвѣй Лужинъ. Ихъ книги сохранились въ приправочномъ спискѣ, скрѣпленномъ дьякомъ Герас. Мартемьяновымъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 524). Платежница съ ихъ книгъ сохранилась въ подлинникѣ, за скрѣпой под. М. Лужина (Тамъ же, кн. № 488, л. 464), и въ спискѣ за скрѣпой дьяка Гер. Мартемьянова (Тамъ же, № 488, л. 167). Слѣдующій дозоръ уѣзда произвели въ 128 г. Дан. Петр. Свѣчинъ и под. Богд. Лихвинцевъ. Ихъ платежница изготовлена въ концѣ 131 г. или въ началѣ 132 г. и дошла до насъ въ спискѣ за скрѣпой дьяка Ямского приказа Третьяка Копнина (Тамъ же, л. 143 и далѣе). Подъ 125-мъ годомъ упоминается въ уѣздѣ дозоръ Ѳед. Беречинскаго и под. Терентья Богданова (Тамъ же, кн. № 525), но повидимому онъ не былъ общимъ. Въ 137—139 гг. описаніе уѣзда произвели Епифанъ Клемент. Хитрово и под. Первый Богдановъ. Ихъ книги сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 525) и въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 8981). Платежница съ ихъ книгъ сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 409, лл. 757—771 об.).

Перепись 154 г. произвели Петръ Воейковъ и под. Сем. Парѳеньевъ. Ихъ книги города и уѣзда сохранились въ подлинникѣ и въ спискѣ (Тамъ же, №№ 526 и 8982). Перепись 186 г. произвели Вас. Мих. Кирѣевскій и под. Вас. Никифоровъ. Ихъ книги города и уѣзда сохранились (Тамъ же, № 8984).

106. Шуя. Посадъ — въ Галицкой чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Упоминаются дозорныя книги уѣзда 83 г. Истомы Выповскаго и под. Оленя Гаврилова (Акты А. Юшкова, стран. 270). Въ 121 г. посадъ и уѣздъ,

по наказу суздальскаго воеводы кн. Р. П. Пожарскаго, дозрили Өедоръ Болотниковъ и Меньшикъ Шиловъ (Новые акты Смутнаго времени, № 84. Москва. 1911 г.). Въ 124 г. работали дозорщики Ив. Өед. Заборовскій и под. Өед. Турыгинъ (Борисовъ, Описаніе г. Шуи, стран. 254). Въ 128—129 гг. уѣздъ дозирали суздальскіе дозорщики Ив. Наумовъ съ товарищами (См. выше, Суздаль, и ср. Ю. В. Готье, «Замосковный край», стран. 68). Посадъ въ 131 г. дозрили суздальскіе же дозорщики Севр. М. Уваровъ и под. Грязной Колодничъ. Книги ихъ сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 908). Въ 137—140 гг. посадъ и уѣздъ описали Аөан. Ив. Вѣковъ и под. Селиверстъ Ивановъ. Ихъ книги посада и уѣзда сохранились въ спискахъ (Тамъ же, кн. №№ 908—910 и 11329).

Перепись 154 г. произвели стольн. кн. Сем. Вас. Клубковъ-Мосальскій и под. Никита Семеновъ. Ихъ книги сохранились въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 11330). Перепись 186 г. произвели Дан. Ив. Гурьевъ и под. Кузьма Конюховъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 11324).

Писцовъ дворцовыхъ владѣній 184—185 г. см. Суздаль.

107. Юрьевъ Польскій. Посадъ — въ Галицкой чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Изъ книгъ XVI в. извѣстны только «писцовыя книги описи и досмотра» Өед. Бѣгичева съ товарищами 79 г. (П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 167). Описаній Боголюбскаго и Опольскаго становъ надо искать въ описаніяхъ Владимира, такъ какъ они «изстари были приписаны къ Володимирскому уѣзду, а не къ Юрьеву Польскому, а къ Юрьеву приписаны тѣ станы до Московскаго разоренья вновь» (Дворц. Арх., 25 оп., 139 г. № 148, лл. 62—66). Весной 121 г. Ив. Өед. Ергольскій дозрилъ посадъ. Книги сохранились въ спискѣ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 913, л. 158). Уѣздъ въ 121—122 гг. дозрили Вас. Кирикрейскій и под. Кириллъ Нѣмцовъ, а въ 128—129 гг. Өед. Арцыбашевъ съ тѣмъ же подьячимъ (Акты Өедотова-Чеховскаго, I, № 96). Въ 131 г. посадъ дозрили Севринъ Мих. Уваровъ и под. Грязной Колодничъ. Списокъ съ ихъ книгъ сохранился (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 913, л. 175). Въ 138 г. посадъ описали Өед. Скрябинъ и под. Леонтій Лазаревъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 537. Списокъ — кн. № 914). Описывать уѣздъ были назначены въ 135 г. Өед. Скрябинъ съ подьячими Матв. Нелюбовымъ и Леонт. Лазаревымъ (Ак. п. д., II, № 70), а затѣмъ вмѣсто М. Нелюбова былъ посланъ под. Богд. Савинъ (Дворц. Арх., 25 оп., 139 г. № 148, лл. 67—69). Книги ихъ были отставлены по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ (См. выше, стран. 166), и новое описаніе было произведено только въ 153—156 гг. кн. Григ. Андр. Шеховскимъ съ подьячими Петр. Васильевымъ и Родіономъ Бекетовымъ. Книги ихъ сохранились въ спискахъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 610, 915, 916, 12466, 12468 и 12610).

Перепись 154 г. Алексѣя Философова и под. Ром. Демидова сохранилась въ спискѣ (Тамъ же, кн. № 12467). Сохранилась и перепись 186 г. Бор. Аѳан. Зубова и под. Ив. Бѣловецкаго (Тамъ же, кн. № 12469).

108. Ярославецъ Малый. Посадъ — въ Костромской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Въ 96 г. посадъ и уѣздъ описалъ Игн. Григ. Вельяминовъ съ товарищами. Приправочными для посада служили имъ книги городового приказчика Луки Иванова и под. Богд. Григорьева 59 г. и книги обыска и дозора Сем. Чемесова и Поликарпа Гридкова 80 г. Списокъ съ книгъ 96 г. былъ изготовленъ для приправки писцамъ 135 г. (Н. Н. Ардашевъ, Древнѣйшій столбецъ, стран. 27). Повидимому, это тотъ самый списокъ, за скрѣпой дьяка Венедикта Махова, который сохранился, но въ архивскомъ описаніи не указанъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 540 и 539. Въ кн. № 539 съ 828 л. идетъ списокъ съ дозорныхъ книгъ Троицкихъ вотчинъ 102 г., въ Описаніи указанный). Книги Иг. Вельяминова дошли до насъ не сполна, съ нѣсколько перебитыми листами. Въ 121—122 гг. уѣздъ дозрили Ѳед. Кошкинъ и под. Влад. Лошаковъ. Списокъ съ платежныхъ книгъ ихъ дозора сохранился (Тамъ же, кн. № 15, лл. 1—87). Въ 129 г. посадъ дозрили Илья Вас. Чемесовъ и под. Вас. Прокофьевъ. Ихъ книги сохранились въ подлинникѣ, за скрѣпой В. Прокофьева (Тамъ же, кн. № 399, л. 325 и далѣе). Уѣздъ въ 135—138 гг. описали Вас. Ив. Колычевъ и под. Вас. Рожновъ. Книги ихъ сохранились въ подлинникѣ за скрѣпой В. Рожнова, а по неграмотности В. Колычева за скрѣпой М. Воейкова (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 547 и 548. Списки — тамъ же, кн. №№ 681 и 10328). Сохранились и подлинныя межевыя книги этихъ писцовъ, на которыхъ отмѣчено, что ихъ подалъ въ Помѣстный приказъ под. В. Рожновъ 25 апрѣля 148 г. (Тамъ же, кн. № 17. Списокъ — кн. №№ 918 и 920).

Перепись 154 г. Дм. Петр. Волынскаго и под. Матв. Кондратьева сохранилась въ подлинникѣ (Тамъ же, кн. № 440. Списокъ — тамъ же, кн. № 10333).

109. Ярославль. Посадъ — въ Костромской чети, а уѣздъ въ Помѣстномъ приказѣ. При описаніяхъ XVI и XVII вв. и при переписяхъ уѣздъ обыкновенно былъ раздѣляемъ на 2 части.

Въ 73 г. упоминаются книги письма под. Макс. Трифонова и книги Никиты Дан. Годунова и под. Сем. Поздѣева Павлова. Повидимому, оба эти описанія были частными (Л. М. Сухотинъ, Земельныя пожалованія при Владиславѣ, стран. 1, и Акты Спасскаго Ярославск. монастыря, I, стран. 43). Валовое, несомнѣнно, описаніе посада и уѣзда произвели въ 76—77 гг. Вас. Ѳоминъ и Григ. Сукинъ съ товарищами (Тамъ же, стран. 50). Книги ихъ въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ первая содержала описаніе помѣстныхъ земель, а вторая вотчинныхъ, были даны для приправки пис-

цамъ 135 г. (Н. Ардашевъ, Древнѣйшій столбецъ, стран. 22). Обѣ книги сохранились въ спискахъ, за скрѣпой дьяка Герасима Мартемьянова (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 582 и 7785). На обор. 1 листа книги № 582 позднѣйшимъ почеркомъ написано: «Книги Ярославскія, а котораго года и чьего письма, того не написано; начала и конца у нихъ нѣтъ. А по досмотру сѣ книги письма и мѣры Василья Ѳомина да Григорья Сукина 76 и 77 года помѣстнымъ землямъ». Кн. № 7785 содержитъ неполное описаніе вотчинныхъ земель. Въ описаніи документовъ Архива Мин. Юстиціи обѣ книги почему-то не указаны. Посадъ въ 82 г. описали Волокита Тучковъ и под. Олень Макарьевъ (Акты Спас. Яросл. мнстря, стран. 139). Въ 86 г. уѣздъ описали по половинамъ двое писцовъ — Заволжскую половину Семейка Плещеевъ и Ив. Огаревъ съ товарищами, а по сю сторону Волги Меньшой Колычевъ и Темирь Кайсаровъ съ товарищами (Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа по Ярославлю оклеенный ст-цъ № 95, докум. № 44, и ст-цъ № 42, докум. № 4. Л. М. Сухотинъ, Земельныя пожалованія, стран. 1, 2, 29 и 72). Упоминаются еще «книги кн. Василья Туренина 90-го года волости Курбѣ». Другихъ книгъ конца вѣка неизвѣстно. Въ 110 г. Валтасаръ Елизаровъ описалъ село Путятино (Н. Н. Ардашевъ, указ. изданіе, стр. 25 и 29).

Дозоры послѣ разоренья начались въ 119 г., когда Ив. Жоховъ съ под. Шарапомъ Павловымъ дозрили посадскую слободку и уѣздныя вотчины Спасскаго монастыря (Акты Ярославск. Спаск. мн., I, стран. 137). Послѣ этого Осипъ Коковинскій въ 122 г. дозрилъ посадъ и часть уѣзда (Тамъ же, стран. 105 и 127, и Ак. п. д., I, № 63). Въ 124 г. въ уѣздѣ упоминаются дозорщики Ѳед. Хрипуновъ и под. Матв. Лужинъ (Акты Спасскаго монастыря, I, стран. 153), книги которыхъ сгорѣли въ Помѣстномъ приказѣ въ 134 г. Въ 128 г. уѣздъ дозирали по половинамъ Юр. Редриковъ съ под. Мих. Невѣровымъ (въ Заволжской половинѣ) и Андр. Вельяминовъ съ под. Ермолаемъ Кашинымъ. Тогда же въ уѣздѣ упоминаются третьи дозорщики — кн. Ив. Путятинъ и под. Ѳеоктистъ Тихомировъ (Акты Ярославск. Спасск. монастыря, I, стран. 124, и III, стран. 90. Арх. М. Ю., по Ярославлю оклеен. ст-цы №№ 42 и 95). Дозирать посадъ въ 132 г. были посланы Степ. Татищевъ и под. Матв. Лужинъ (Акты Ярославск. Спасск. монастыря, I, № 81). Дозоръ не былъ, очевидно, утвержденъ, и въ 136—137 гг. посадъ описали писцы уѣзда Ив. Никитичъ Головинъ и подьячіе Тим. Адріановъ и Никонъ Ѳедоровъ (Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 59; А. И., IV, стран. 360). Уѣздъ со 135 г. описывали по половинамъ — «по сю сторону рѣки Волги» Ив. Головинъ съ под. Н. Ѳедоровымъ, а Заволжскую половину Миронъ Тим. Хлоповъ съ подьячими Богд. Гавриловымъ и Акимомъ Ларіоновымъ. Описаніе было прервано Смоленской войной и закончено послѣ нея. Въ одномъ документѣ Помѣстнаго приказа (память 153 г. Большому Дворцу) сказано, что М. Хлоповъ подалъ свои книги 6 сентября 146 г., а въ другомъ (память Б. Дворцу 149 г.) сказано, что тѣ же писцы «книгъ письма своего нынѣшняго

149 года марта по 25 число въ Помѣстный приказъ не отдавывали» (Арх. М. Ю., по Ярославлю окленн. ст-цъ № 15, докум. № 70, и Помѣстнаго приказа ст-цъ № 21328, докум. № 74). Возможно, что послѣднее заявленіе объясняется передѣлкой и вторичной подачей книгъ. О книгахъ, которыя были даны этимъ писцамъ для приправки, см. Древнѣйшій ст-цъ Помѣстнаго приказа (стран. 22—25). Книги обѣихъ половинъ этого описанія сохранились въ подлинникахъ и въ спискахъ, безъ посадскаго описанія, которое погибло (Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 212, 543—546, 549 и 550. Списки—тамъ же, №№ 7772, 7775, 7784 и 7790).

Перепись 154 г. была произведена двумя группами переписчиковъ — посадъ и Московскую половину переписали Тим. Алексѣевичъ Собакинъ и под. Илья Кирилловъ, а Заволжскую половину переписали Іевъ Степ. Собакинъ и под. Кручина Чернцовъ [1]). Книги сохранились въ подлинникахъ (Тамъ же, кн. №№ 551—553. Списки — тамъ же, №№ 7778 и 7779). Перепись 186 г. производило трое переписчиковъ: кн. Тим. Александровичъ Козловскій съ под. Аѳан. Холмовымъ (на Московской сторонѣ), Як. Григ. Кафтыревъ съ под. Ив. Некрасовымъ (на Заволжской сторонѣ) и Дм. Кирѣевскій съ тѣмъ же подьячимъ. Книги сохранились только по уѣзду (Тамъ же, кн. №№ 557, 559, 581 и 7791).

VIII. *Къ 286 страницѣ.* Негодные для сошнаго тягла дворы платили оброкъ, размѣръ котораго, какъ и сошнаго тягла, писцы опредѣляли по животамъ, торгамъ и промысламъ. Однообразный иногда окладъ оброка не долженъ насъ вводить въ заблужденіе, — дворовый оброкъ не былъ подворнымъ въ собственномъ смыслѣ слова налогомъ. Во-первыхъ, можно указать очень много посадовъ, на которыхъ дворы были изоброчены различными по окладу оброками, а во-вторыхъ, оклады оброковъ на разныхъ посадахъ были очень разнообразны. Когда дворовый оброкъ должны были платить люди, положенные сверхъ того въ сошное тягло, то они раскладывали его между собой и платили со всей массой посошныхъ податей. Оброчники, не положенные въ сошное письмо, иногда составляли особыя тяглыя общины, платившія оброкъ и другія тягли по мірской раскладкѣ.

Писцы черной слободы Переяславля Рязанскаго 134 г. заявляютъ въ своихъ книгахъ, что чернослободцы обложены оброками «съ животовъ и со всякихъ промысловъ». Оклады оброка очень разнообразны: по 5 ал. съ двора, по 13 ал. 2 д., по 2 гривны, по 16 ал. 4 д., 25 ал., рубль, полтора рубля (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399, лл. 112—230). Писцы Веневы въ 132 г. оброчили чернослободцевъ «выборныхъ людей по выпросу и по окладу». На 5 человѣкъ лучшихъ они положили — на одного 1 р., а на четырехъ по 30 ал., на 24 двора среднихъ по 16 ал. 4 д. съ двора да съ 6 полудворовъ по 8 ал. 2 д., на 29 дво-

[1]) Спасскую слободку на посадѣ переписалъ въ 155 г., быть можетъ вторично, воевода Ст. Бутурлинъ. Прик. д. стар. л., 1649 г. № 62.

ровъ худыхъ и младшихъ по 8 ал. 2 д. да на 20 полудворовъ по 4 ал. 1 д. (Ак. п. д., I, № 142). Жильцы Везломской слободки Нижегородскаго уѣзда по окладамъ оброка тоже дѣлились (въ 116—120 гг.) на лучшихъ, среднихъ и младшихъ, не считая бобылей, обложенныхъ болѣе низкимъ оброкомъ (Нижегородскія платежницы, стран. 79 и 140. М. 1910 г.). Такъ бывало на оброчныхъ посадахъ, но то же мы видимъ и на сошныхъ. Напр., писцы Нижняго 129—136 гг. положили на дворы, негодные въ сошное тягло, такіе оброки: на 69 дворовъ по 12 ал. 2 д. съ двора, на 76 дворовъ по 10 ал., на 51 дворъ по 6 ал. 4 д., да на 7 избенокъ и кельишекъ по 3 ал. 2 д. (Р. И. Б., XVII, стран. 195).

Если мы возьмемъ различные посады, то увидимъ очень разнообразные оклады оброка. По дозору 116—119 гг. въ Кольскомъ острогѣ на дворъ было положено по 4 гривны, «а тотъ на нихъ оброкъ положенъ съ ихъ животовъ и съ дворовъ и съ промысловъ, а разводити имъ тотъ оброкъ межъ себя самимъ по своимъ животамъ и по промысламъ» (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 208, лл. 27 и 34). Въ Галичѣ по письму 136 г. на 192 бобыльскихъ и худыхъ двора, «которые въ сошное письмо съ тяглыми людьми не пригодились», было положено 28 р. 26 ал. 4 д. оброка, по 5 ал. съ двора. Столько же положено на бобыльскій дворъ въ Пареењевѣ по дозору 124 г. У Соли Галицкой по письму 136 г. три бобыльскихъ двора Зарѣчной слободы платили по $8^1/_2$ д. съ двора. Въ Ростовѣ по письму 133 г. бобыльскіе дворы платили съ двора по 6 ал. 4 д. (Арх. Мин. Ин. д., по Галичу № 10, лл. 200 об., 206, 212 об. и 250 об. Еще о разныхъ окладахъ оброка см. въ дѣлѣ описанія Вязьмы 153 г. — Ак. п. д., II, № 226).

IX. *Къ 277 и 330 страницамъ.* При составленіи настоящаго приложенія я старался придерживаться однообразныхъ пріемовъ и по возможности провѣрялъ помѣщаемые въ немъ факты при помощи разныхъ источниковъ. Это было однако не всегда возможно, а кромѣ того приходилось считаться съ разнообразіемъ, неясностями и недомолвками нѣкоторыхъ источниковъ. Напр., нѣкоторые источники не показываютъ порознь количества лучшихъ, среднихъ и младшихъ дворовъ, другіе — не показываютъ порознь дворовъ сошныхъ, оброчныхъ и безоброчныхъ, третьи—не говорятъ опредѣленно, на всѣ ли посадскіе дворы положенъ сошный окладъ, или часть ихъ признана негодной для сошнаго тягла; одни источники указываютъ число людей во дворахъ, а другіе не указываютъ.

1. Арзамасъ. По приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ людей 147 г. на посадѣ 488 дворовъ (Арх. Мин. Ин. д., по Владиміру кн. № 4, л.142). По сотной писцовъ 129—136 гг. на посадѣ (по моему подсчету) 241 дворъ тяглыхъ людей и 239 дворовъ бобыльскихъ, всего 480 дворовъ. Въ сотной сказано, что въ уѣздѣ, въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ, велѣно положить на четь пашни по 2 крестьянина и по 2 бобыля, «и противъ сошныхъ людей положены посадскіе люди въ платежъ, платить имъ всякіе государевы

доходы съ полусохи и съ полутрети сохи и съ пол-полчети сохи» (Арх. М. Ю., Грам. Кол. Эк., № 24 (255)). Такимъ образомъ, 480 дворовъ были положены въ $583^1/_3$ чети. Непонятно, при чемъ тутъ уѣздные сошные люди. Около 143 г. съ Арзамаса была сбавлена $^1/_3$ сошнаго оклада[1]), и посадъ сталъ платить съ трети и пол-чети и съ пол-пол-пол-чети сохи безъ 3 четей безъ полуосьмины пашни (Арх. Мин. Ин. д., по Новгороду кн. № 28, л. 816).

2. Балахна. По дозору 127 г. было 200 (256?) дворовъ, людей въ нихъ 383 человѣка, сошнаго письма соха съ четвертью и пол-пол-пол-чети сохи, «а имется въ соху по 200 дворовъ» (Р. И. Б., XVII т., стран. 193. Ср. Нижній и Ярославль). Неизвѣстно, какъ былъ положенъ посадъ по описанію 136 г., но въ 158 г. балахонцы били челомъ государю, что въ 150 г. на нихъ положены ямскія деньги болѣе семи городовъ: Владимира, Суздаля, Мурома, Коломны, Переяславля Рязанскаго, Тулы и Калуги, и получили изъ Ямского приказа грамоту, по которой было велѣно на Балахнѣ положить «на живущую четь по 2 двора» (Сборникъ, издав. Нижегородск. Арх. Губ. Ком., XV т., I выпускъ, стран. 60).

3. Боровскъ. По дозору 129 г. тяглыхъ людей 41 дворъ, да вдовьихъ 13 дворовъ, «пашни въ живущемъ по сошному разводу 5 четвертей». По описанью 134 г. среднихъ 8 дворовъ, пашни на нихъ положено 2 чети, охудалыхъ 40 человѣкъ, пашни на нихъ 2 чети съ полуосьминою и съ четверикомъ, да на 7 дворовъ вдовьихъ положено четверикъ пашни. Всего 55 дворовъ, а сошнаго письма $4^1/_2$ чети (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399, лл. 266 и 310).

4. Бѣжецкій Верхъ, Городецкой. По дозору 124 г. посадскихъ 15 дворовъ, а людей въ нихъ 16 человѣкъ, да бобыльскихъ 17 избенокъ, а людей то же, сошнаго письма 5 четей съ осьминой. По описанію 133 г. среднихъ 12 дворовъ, а людей въ нихъ 23 человѣка, младшихъ тяглыхъ 67 дворовъ, а людей 95 человѣкъ, младшихъ нетяглыхъ 55 дворовъ, а людей 77 человѣкъ, сошнаго письма 15 четей съ осьминой (Ак. п. д., I, № 234). По переписнымъ книгамъ 154 г. посадскихъ 78 дворовъ, а людей 147 человѣкъ, бобыльскихъ 84 двора, а людей 107 человѣкъ, да 9 дворовъ вдовъ, бобылокъ бездѣтныхъ, всего 162 двора; сошнаго письма 15 четей съ осьминой, на четь по $10^1/_2$ дворовъ. Въ 158 г. по государеву указу прибавлено на посадъ $4^1/_3$ чети изъ тѣхъ 50-ти четей, которыя сбавлены съ Устюжны (См. выше, стран. 325). Въ 181 г. посадъ платилъ съ того же оклада, то-есть съ 20 четей безъ полуосьмины и съ пол-пол-третника (Прик. д. стар. л., 1673 г. № 213).

5. Бѣлевъ. Описаніе 133 г. Вас. Чернышева и под. Осипа Богданова было закончено въ 136 г. (Дворц. Арх., 25 оп., 137 г. № 76), но по неизвѣстной причинѣ еще въ 144 г. не было утверждено. Въ 144 г. бѣлевцы писали въ челобитной, что они платятъ по дозору 124 года съ 25 четей, и просили не брать съ нихъ налоговъ «съ новаго сошнаго письма, съ полутрети сохи» (Тамъ же, 141 г. № 147, л. 61). Неизвѣстно, было ли утверждено описаніе 136 г. По

---

[1]) См. объ этомъ выше, стран. 304—305.

приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ 147 г. на посадѣ числилось 125 дворовъ (Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 31).

6. Бѣлоозеро. По приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ людей 147 г. на посадѣ числилось 64 двора (Арх. М. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 25). Вѣроятно, столько дворовъ было по дозору 126 г., по которому посадъ платилъ въ это время и до описанія 182 г. съ получети сохи (Тотъ же архивъ, по Галичу кн. № 10, л. 223). По описанію 182 г. на посадѣ тяглыхъ 228 дворовъ, а людей въ нихъ 771 человѣкъ, сошнаго письма 38 четей съ осьминой; да посадскихъ же людей «старыхъ и увѣчныхъ, и которые бродятъ въ мірѣ, и вдовьихъ, и пустыхъ 112 дворовъ, а людей въ нихъ 189 человѣкъ», въ сошное письмо не положены, а изоброчены (Акты Юрид., стран. 256).

7. Венева въ Устюжской чети была на положеніи оброчнаго посада, а въ 146 г. по государеву указу положена въ сошное письмо противъ Каширы, по 3 человѣка на четь пашни, всего въ 17 четей (См. выше, стран. 268).

8. Верея. По описанію 133—134 гг. 8 дворовъ среднихъ, «а четвертныя пашни на нихъ положено четверть», да охудалыхъ 18 дворовъ, а пашни на нихъ четь безъ полуосьмины, всего тяглыхъ 26 дворовъ, сошнаго письма 2 чети безъ полуосьмины; да нетяглыхъ 12 дворишекъ, что были раньше пустыя дворовыя мѣста (Арх. М. Юст., Писц. кн. № 399, л. 331. Ср. Ак. п. д., I, № 238).

9. Владимиръ. По письму 134 г. лучшихъ 6 дворовъ, среднихъ 21, младшихъ 53, всего 80 дворовъ, а людей въ нихъ 98 человѣкъ; да нетяглыхъ безоброчныхъ 71 дворъ, а людей 79 человѣкъ. Сошнаго письма пол-трети сохи (Ак. п. д., II, №№ 41 и 51). Въ 133 и 138 гг. съ посада было взято въ Гостиную сотню 3 семьи лучшихъ людей, а сошный окладъ, приходившійся на нихъ, сложенъ, и посаду велѣно платить съ получети сохи безъ 7 четей безъ третника пашни (См. выше, стран. 337).

10. Вологда. По дозорнымъ книгамъ 125 г. лучшихъ 4 двора, среднихъ 20 дворовъ, младшихъ 125, всего тяглыхъ 149 дворовъ. Дозорщики положили тяглые дворы въ $^1/_2$ сохи, а по боярскому приговору велѣно платить съ сохи безъ пол-пол-трети сохи. Сверхъ тяглыхъ дворовъ было 52 двора людей, «которые нынѣ обнищали, скитаются по міру». По описанію 135 г. было лучшихъ 1 дворъ, среднихъ 3 двора, младшихъ и бѣдныхъ 106 дворовъ, людей во всѣхъ этихъ дворахъ 254 человѣка, да младшихъ людей, которые жили въ городѣ на осадныхъ дворахъ, 6 дворовъ, а людей 8 человѣкъ. Всего тяглыхъ 116 дворовъ, а людей 262 человѣка, сошнаго письма соха и пол-пол-чети сохи. (См. выше, стран. 300—302). Сверхъ того было бѣдныхъ и худыхъ оброчныхъ дворовъ 82, а людей въ нихъ 135 человѣкъ, да 7 дворовъ вдовьихъ, да льготчиковыхъ, всего оброчныхъ по счету писцовъ 95 дворовъ, а людей 150 человѣкъ. Да нетяглыхъ, безоброчныхъ бобыльскихъ 59 дворовъ, а людей 80 человѣкъ, да 14 мѣстъ дворовыхъ, а людей на нихъ 15 человѣкъ, да нищихъ бобылей, «которые ходятъ по міру и живутъ въ монастыряхъ», 16 дворовъ, а людей

18 человѣкъ, да 41 мѣсто дворовое, а людей на нихъ 44 человѣка, да вдовъ 28 дворовъ, а людей 34 человѣка, да 19 мѣстъ дворовыхъ, а людей 23 человѣка. Всего по итогу писцовъ на посадѣ было всякихъ людей 302 двора живущихъ, а людей въ нихъ 531 человѣкъ (Арх. М. Ин. д., по Вологдѣ кн. № 1, и см. выше, стран. 274—275). Итогъ писцовъ непонятенъ. Можно думать, что его не понимали и приказные. Это видно изъ того, что въ приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ 147 г., который получилъ свѣдѣнья о дворахъ изъ Новгородской чети, на посадѣ показано 521 человѣкъ въ 293 дворахъ (Тотъ же архивъ, по Владимиру кн. № 4, л. 111).

11. Волокъ Ламскій. По письму 134 г. на посадѣ 32 двора, людей въ нихъ 49 человѣкъ, сошнаго письма 5 четей (Ак. п. д., I, № 238). По приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ 147 г. на посадѣ 30 дворовъ (По Владимиру кн. № 4, л. 10).

12. Вязьма. По дозору 124 г. было 5 человѣкъ среднихъ, 31 человѣкъ младшихъ, 165 человѣкъ убогихъ, «которые живутъ въ бобылей мѣсто», а всего 201 человѣкъ въ 136 дворахъ. Сошнаго письма полъ и пол-чети сохи. По описанію 135 г. среднихъ, младшихъ, охудалыхъ и бѣдныхъ 177 дворовъ, да бѣдныхъ и убогихъ вдовъ и бобылей, «которые въ мірскую дань не даютъ», 11 дворовъ, всего 188 дворовъ, а людей 191 человѣкъ. Сошный окладъ по государеву указу оставленъ тотъ же, что былъ въ 124 г. Въ 157 г. по челобитью вязьмичей наличные по переписи 154 г. 240 дворовъ были положены въ сошное письмо противъ Калуги, по 4 двора на четь, всего въ 60 четей (Подробности объ этомъ и источники см. выше, стран. 318—330).

13. Вятка. Въ Хлыновѣ на посадѣ по дозору 123 г. и по описанію 136—137 гг. въ соху положено по 160 дворовъ. Бобыльскіе дворы въ сошное письмо не положены (Труды Вятской Архивн. Ком., 1906 г. III вып., стран. 25, и Ак. п. д., II, № 183).

14. Галичъ. По дозору 128 г. тяглыхъ 35 дворовъ, а людей въ нихъ 43 человѣка, да оброчныхъ бобыльскихъ 62 двора, а людей 69 человѣкъ. Сошнаго письма по дозорнымъ книгамъ было пол-чети сохи, а по государеву указу велѣно платить съ чети и пол-пол-чети сохи (Ак. п. д., II, №№ 41 и 51). По описанію, начатому въ 136 г. и оконченному послѣ смерти обоихъ писцовъ около 145 г. Н. Беклемишевымъ, было тяглыхъ младшихъ 38 дворовъ, а людей въ нихъ 43 человѣка, «а лучшихъ и середнихъ посадскихъ людей въ Галичѣ на посадѣ нѣтъ, а которые лучшіе люди были, и тѣ взяты къ Москвѣ въ Гостиную и въ Суконную сотню, а иные померли». Сошнаго письма на эти дворы положено четь сохи. Сверхъ того было бобыльскихъ и бѣдныхъ худыхъ людей 192 двора, а людей въ нихъ 213 человѣкъ, «которые въ сошное письмо съ тяглыми людьми не пригодятся, а имати съ нихъ оброкъ», да нищихъ вдовъ и бобылей, которые кормятся по наймамъ и межъ дворовъ бродятъ, «а въ сошное письмо и въ оброкъ не пригодятся-жъ», 131 дворъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 92, л. 170 об., и Ак. п. д., II, № 226).

15. Гороховецъ. По дозору 131 г. тяглыхъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ 195 дворовъ, а людей 230 человѣкъ, до бобыльскихъ нетяглыхъ 34 двора, а людей то же. Сошнаго письма по государеву указу положено поль сохи (Ак. п. д., I, № 264).

16. Двинскіе посады. По описанію 130—132 гг. на сошку положено по 12 дворовъ лучшихъ, по 21 среднихъ и по 30 младшихъ, а въ большую соху положено по $55^1/_2$ сошекъ (Ак. п. д., II, № 183).

17. Дмитровъ. По описанію 132 г. лучшихъ, среднихъ и младшихъ 95 дворовъ, а людей 116 человѣкъ, да нетяглыхъ 10 дворовъ, всего 105 дворовъ, а людей 126 человѣкъ. Сошнаго письма 30 четей съ полуосьминой (Временникъ Общ. Ист., XXIV т. Сотная. Ср. Ак. п. д., I, № 139, гдѣ къ тяглымъ неправильно причислены дворъ приказнаго человѣка, дворъ губного дьячка и 10 дворовъ нетяглыхъ). Въ докладѣ Устюжской чети, составленномъ по вяземскому дѣлу, на посадѣ 105 дворовъ, людей 126 человѣкъ, «а по разводу имется по 3 двора съ полудворомъ въ четверть» (См. выше, стран. 325).

18. Зарайскъ во Владимирской чети былъ оброчнымъ посадомъ, а для платежа ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ, по государеву указу 18 октября 146 г., положенъ въ сошное письмо противъ Каширы, по 3 человѣка на четь. Всего на 128 человѣкъ положено 43 чети безъ третника (См. выше, стран. 268).

19. Звенигородъ. По описанію 132 г. среднихъ и младшихъ 28 дворовъ, а людей 37 человѣкъ, сошнаго письма 9 четей (Ак. п. д., I, № 128).

20. Зубцовъ. По описанію 136 г. на посадѣ 7 дворовъ, людей въ нихъ 13 человѣкъ; обложены оброкомъ, а въ сошное письмо не положены. Въ 149 г. по государеву указу посадскіе люди, 4 человѣка, положены въ сошное письмо противъ Ржевы, по 6 человѣкъ на четь, всего въ четь безъ третника (Ак. п. д., II, № 220).

21. Кайгородокъ. По описанію 131—133 гг. посадъ положенъ по государеву указу въ четверть сохи (Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 139). По приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ 147 г. на посадѣ 125 дворовъ, а людей 154 человѣка, до 5 дворовъ бобыльскихъ, а людей то же (Арх. М. Ин. дѣлъ, по Владимиру кн. № 4, л. 125).

22. Калуга во Владимирской чети была на положеніи оброчнаго посада (Подробно объ этомъ см. на стран. 265—267). По дозору 125 г. было тяглыхъ среднихъ и младшихъ 233 двора, людей 240 человѣкъ, да охудалыхъ людей и вдовъ и бобылей, бродящихъ по міру, 155 дворовъ, а людей 157 человѣкъ, «а сошнаго письма на нихъ положено для казачьихъ кормовъ на время соха безъ четверти сохи» (Ак. п. д., I, № 141). Послѣ разоренья 127 г. Калуга по государеву указу и боярскому приговору въ 128 году была положена для платежа ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ въ 75 четей. Однако, по подписной челобитной до дозорщиковъ ямскихъ денегъ брать не велѣно. Посадъ былъ описанъ въ 134 г., но по 142-й годъ пользовался льготой (Прик. д. стар. л., 1671 г. № 344 и 1672 г. № 384. Будетъ напечатано въ III т. Ак. п. д.). По описанію 134 г. было тяглыхъ оброчныхъ, среднихъ и младшихъ 171 дворъ,

а людей 207 человѣкъ, да безоброчныхъ охудалыхъ, вдовьихъ и бобыльскихъ 102 двора, а людей 105 человѣкъ (Ак. п. д., I, № 238). Въ 142 г. по этому описанію на Калугу (на всѣ дворы?) было положено 249 четей съ осьминою безъ четверика, и по 147 г. она платила съ этого оклада. Въ 147 г. по государеву указу посадъ былъ положенъ въ 40 четей и платилъ съ нихъ по 157-й годъ включительно (Ак. п. д., III., указан. выше документы). Устюжская четь въ вяземскомъ дѣлѣ расчитывала этотъ окладъ только на тяглые дворы, — «а по разводу имется по 4 двора съ четвертью въ четверть» (См. выше, стран. 325). Въ 157 году къ посаду были приписаны крестьяне Ив. Ник. Романова, села Спасскаго, и на посадъ прибавлено 11 четей. Въ томъ же году по государеву указу прибавлено на Калугу по переписнымъ книгамъ 154 г., по 4 двора на четь, всего 119 четей. Такимъ образомъ, со 158 г. Калуга должна была платить съ 170 четей (Ак. п. д., III, указан. выше документы). Не ясно, какіе дворы были положены въ сошное письмо. По памяти 162 г. изъ Разряда въ Устюжскую четь, по поводу сбора подводъ, показано другое количество дворовъ, именно — по переписнымъ книгамъ 154 г. показано 588 дворовъ да по сыщиковымъ книгамъ 157 г. 546 дворовъ, всего 1134 двора (Прик. д. стар. л., 1653 г. № 73).

23. *Каргополь*. По описанію 129 г. на посадѣ 112 дворовъ, сошнаго письма четь и пол-трети сохи и $^1/_3$ выти (Ак. п. д., II, № 183. Выть въ 12 четей).

24. *Кашинъ*. По дозору 129 г. тяглыхъ 32 двора, людей въ нихъ 37 человѣкъ, сошнаго письма 25 четей; да нетяглыхъ бобыльскихъ 48 дворовъ, а людей 51 человѣкъ (Арх. М. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 248). По переписнымъ книгамъ 154 г. посадскихъ 161 дворъ, а людей 351 человѣкъ, бобыльскихъ и вдовьихъ 97 дворовъ, а людей 178 человѣкъ, всего 258 дворовъ, а сошный окладъ тотъ же, что въ 129 г. По приказному расчету на четь приходилось по $10^1/_3$ двора. Въ 158 г. по государеву указу велѣно прибавить на Кашинъ 7 четей безъ четверика изъ тѣхъ 50 четей, которыя были сбавлены съ Устюжны (См. выше, стран. 325, и Ак. п. д., II, № 258).

25. *Кашира* въ Галицкой чети была оброчнымъ посадомъ, а для платежа ямскихъ и стрѣлецкихъ денегъ положена въ сошное письмо — по 3 двора на четь пашни. См. Венева и Зарайскъ.

26. *Клинъ*. По описанію 132 г. тяглыхъ 16 дворовъ, а людей 21 человѣкъ, сошнаго письма 2 чети; да нетяглыхъ 5 дворовъ, а людей 6 человѣкъ (Ак. п. д., I, № 199).

27. *Коломна* въ Галицкой чети была оброчнымъ посадомъ (См. выше, стран. 267—268). По описанію 131 г. на посадѣ было оброчныхъ: 10 дворовъ лучшихъ, 66 среднихъ, 200 младшихъ, вдовьихъ и бѣдныхъ 62, гончаровъ 21 дворъ; да бѣдныхъ же безоброчныхъ 32 двора; да новоприбылыхъ 17 дворовъ; всего 391 дворъ и 17 новоприбылыхъ (Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 139). Гончары, повидимому, не тянули тягла съ посадомъ. Такъ, по приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ 147 г. на посадѣ показано тяглыхъ 355 дворовъ

(Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 34), то есть сочтены 17 новоприбылыхъ дворовъ, но не включены въ итогъ 32 двора безоброчныхъ и дворы гончаровъ. Для платежа ямскихъ денегъ Коломна была положена по государеву указу и боярскому приговору въ 25 четей (Арх. М. Юст., Писц. кн. № 201, лл. 169 об.—170 об.). По переписи 154 г. на посадѣ было 615 дворовъ, да въ 157 г. приписано къ посаду 180 дворовъ, отписанныхъ у архіепископа и дворянъ. По указу 23 января 158 г. «на Коломну на посадъ по переписнымъ книгамъ прибавлено и положено на живущую четь по 5 дворовъ», всего прибавлено 118 четей безъ пол-пол-четверика (Прик. д. стар. л., 1669 г. № 506. Будетъ напечатано въ III т. Ак. п. д.).

28. Кострома. По дозору 122 г. среднихъ, младшихъ и очень худыхъ 312 дворовъ, сошнаго письма 3 сохи безъ получети (Ак. п. д., I, № 63). Тотъ же окладъ числился на посадѣ и въ 140 г. (Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 139). Число дворовъ по писцовымъ книгамъ навѣрное не извѣстно. Въ приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ 147 г. на посадѣ показано 1219 дворовъ (Арх. М. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 60). По переписи 154 г. посадскихъ людей дворовъ, съ тѣми людьми, которые живутъ на тяглыхъ церковныхъ земляхъ, и вдовъ 1625 дворовъ, да избишекъ и келлій 101, всего 1726 (Прик. д. стар. л., 1649 г. № 62).

29. Курмышъ. По описанію 131—134 гг. въ Земской слободѣ 37 дворовъ, а людей 49 человѣкъ, сошнаго письма 15 четей съ осьминой; да 6 дворовъ бобыльскихъ безоброчныхъ (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 227, л. 34).

30. Луки Великія. По описанію 135 г. посадскихъ 98 дворовъ, а людей 104 человѣка, сошнаго письма 12 четей съ осьминою (Ак. п. д., II, № 19). По переписи 154 г. было 180 дворовъ, а людей въ нихъ «опричь вдовъ» 524 человѣка (вдовъ было 7 дворовъ, а дѣтей у нихъ 12 человѣкъ). На эти 180 дворовъ было прибавлено въ 158 г. по расчету 5 четей безъ полутретника и безъ пол-пол-пол-третника, изъ тѣхъ 50 четей, которыя были сбавлены съ Устюжны (См. выше, стран. 317). Такимъ образомъ, со 158 г. посадъ долженъ былъ платить съ 17 четей съ полуосьминой и съ пол-пол-пол-третника.

31. Лухъ. По описанію 134 г. тяглыхъ 37 дворовъ, а людей 41 человѣкъ, да бобыльскихъ 24 двора, сошнаго письма 27 четей (Арх. М. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 3, и кн. № 1 д, л. 64. См. еще Прик. д. стар. л., 1653 г. № 73).

32. Мещовскъ. По описанію 133 г. пашенныхъ людей 30 дворовъ, сошнаго письма 15 четей (Ак. п. д., II, № 226). Неизвѣстно, былъ ли утвержденъ этотъ окладъ; въ приходныхъ книгахъ Галицкой чети 152 и 182 годовъ Мещовскъ числился оброчнымъ посадомъ (Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 321 об., и кн. № 27, л. 163 об.).

33. Можайскъ. По дозору 122 г. 5 дворовъ добрыхъ, 9 среднихъ и 40 худыхъ, всего 54 двора, а людей то же, сошнаго письма по государеву указу соха безъ полутрети; да на посадѣ же 45 дворовъ бобыльскихъ, а бобылей въ нихъ

то же (Можайскіе акты, архим. Діонисія, стран. 79. С.-Пб. 1892 г.). По дозору 124 г., не получившему утвержденія, тяглыхъ 35 дворовъ, а людей то же, сошнаго письма пол-пол-чети сохи; да 19 дворовъ бобыльскихъ, а бобылей въ нихъ то же (Тамъ же, стран. 94. О неутвержденіи этого дозора см. выше, въ VI приложеніи). По описанію 137 г. тяглыхъ 55 дворовъ, а людей 75 человѣкъ, сошнаго письма 15 четей (См. выше, стран. 325). Всего съ нетяглыми было среднихъ, младшихъ и охудалыхъ 88 дворовъ, а людей 109 человѣкъ (Арх. М. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 51).

34. Новгородъ Великій. По описанію 131 г. посадъ положенъ въ полторы сохи (Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 15, л. 7, и А. А. Э., III, № 145). По приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ 147 г. на Софійской и Торговой сторонахъ тяглыхъ $472^1/_2$ двора, а людей въ нихъ 604 человѣка (Арх. М. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 81).

35. Новгородъ Нижній. По дозору 126 г. тяглыхъ 594 двора, сошнаго письма 2 сохи; да охудалыхъ нетяглыхъ 494 двора. По боярскому приговору велѣно платить съ $3^1/_2$ сохъ. По описанію 129—136 гг. было лучшихъ 30 дворовъ, а людей въ нихъ 48 человѣкъ, и изъ этихъ дворовъ послѣ начала описанія взято въ Москву 4 человѣка (дворовъ?); среднихъ 72 двора, а людей 89 человѣкъ, младшихъ 378 дворовъ, а людей 424 человѣка, да худыхъ 382 двора, а людей 415 человѣкъ. По наказу на эти дворы слѣдовало бы положить 11 сохъ съ лишкомъ, а по государеву указу писцамъ велѣно положить противъ Балахны, по 200 дворовъ на соху. Всего писцы положили по этой нормѣ 4 сохи съ четью и пол-пол-пол-трети сохи безъ четверти съ третникомъ пашни. Сверхъ этихъ дворовъ на посадѣ было по этому же описанію 204 двора оброчныхъ и 141 дворъ безоброчный. Въ 143 г. по государеву указу съ посада сбавлена $^1/_3$ сошнаго оклада. (См. выше, стран. 302—305).

36. Погорѣлое городище. По описанію 132 г. младшихъ 11 дворовъ, людей въ нихъ 13 человѣкъ, сошнаго письма 4 чети; сверхъ того 3 двора посажены на льготу, а послѣ льготы платить имъ оброкъ (Ак. п. д., I, № 128).

37. Ржева Владимирова. По дозору 122 г. тяглыхъ 41 дворъ, а людей то же, сошнаго письма (безъ Спасской слободки) 40 четей; да 24 келліи, «а въ нихъ жили вдовы, а кормились именемъ Божьимъ». По описанію 132 г. тяглыхъ 49 дворовъ, а людей то же, да 19 дворовъ бобыльскихъ, а людей то же, сошнаго письма по окладу писцовъ 50 четей. По челобитью ржевичей этотъ окладъ былъ отмѣненъ, и въ 137 г. по государеву указу Ржева положена противъ Твери, по 6 дворовъ на четь, всего на 68 дворовъ положено 11 четей съ третникомъ (См. выше, стран. 307—311).

38. Романовъ. По дозору 129 г. среднихъ 10 дворовъ, младшихъ 139, вдовьихъ тяглыхъ 57, всего 206 дворовъ, сошнаго письма по окладу писцовъ пол-чети сохи. Сверхъ того было 16 дворовъ бобыльскихъ. По челобитью романовцевъ этотъ окладъ не былъ утвержденъ, и по государеву указу велѣно положить по 3 двора на четь. Всего положено на всѣ 222 двора 74 чети (См. выше, стран. 305—307).

39. Ростовъ. По дозору 127 г. $16^1/_2$ дворовъ, людей въ нихъ 35 человѣкъ, сошнаго письма 49 четей (Дозорныя и переписныя книги г. Ростова, стран. 2. Изд. А. Титова. М. 1880 г.). По описанію 133 г. среднихъ 8 дворовъ, а людей 12 человѣкъ, тяглыхъ худыхъ 131 дворъ, а людей 169 человѣкъ, сошнаго письма пол-чети сохи и 1 четь пашни; да 134 двора оброчныхъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ 144 человѣка (Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 250).

40. Руза. По дозору 122 г. было 29 дворовъ, «а въ сошное письмо не положены». По описанію 132 г. среднихъ и младшихъ 41 дворъ, а людей 72 человѣка, сошнаго письма 9 четей (Ак. п. д., I, №№ 128 и 143).

41. Соль Вычегодская. По описанію 131—134 гг. лучшихъ 7 дворовъ, а людей 13 человѣкъ, среднихъ 23 двора, людей 58 человѣкъ, младшихъ 215 дворовъ, людей 230 человѣкъ, бобыльскихъ и вдовьихъ 40 дворовъ, а людей 57 человѣкъ, всего тяглыхъ 285 дворовъ (безъ отписныхъ дворовъ), а людей 421 человѣкъ. Всего же съ отписными на посадѣ 293 двора, а людей 430 человѣкъ. «А сошнаго письма положено на посадъ, противъ прежнія сотной Аѳанасья Вельяминова да подьячаго Ивана Григорьева 96-го года и противъ приправочныхъ книгъ, лучшихъ дворовъ въ сошку по 20 дворовъ, середнихъ по 30 дворовъ, молодшихъ по 114 дворовъ, итого на лучшихъ и на середнихъ и на молодшихъ людей положено 3 сошки безъ чети и безъ пол-пол-чети и безъ пол-пол-пол-чети сошки» (Арх. Мин. Ин. д., Прик. д. новаго разбора № 968. Тамъ же, по Владиміру кн. № 4, л. 39. Ак. п. д., II, № 183). На большую соху положено около 9 сошекъ (Сошное письмо, I, стран. 69).

42. Соль Галицкая. По дозору 122 г. тяглыхъ 51 дворъ, а людей въ нихъ 54 человѣка, да вдовьихъ тяглыхъ же 8 дворовъ, а людей то же, всего 59 дворовъ, сошнаго письма четь и пол-чети сохи; да бобыльскихъ оброчныхъ 28 дворовъ, а людей въ нихъ то же (Арх. М. Юст., Писц. кн. № 453). Съ этого оклада посадъ платилъ еще въ 140 г. (Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 130). По описанію 136 г. тяглыхъ 24 двора да бобыльскихъ 69 дворовъ, сошнаго письма пол-пол-чети сохи (съ бобыльскими?); да въ слободкѣ за рѣкой 3 двора бобыльскихъ оброчныхъ (Арх. М. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 212).

43. Соль Камская. По описанію 131 г. лучшихъ 13 дворовъ, а людей въ нихъ 26 человѣкъ, среднихъ 15, а людей 23 человѣка, младшихъ 40, а людей 72 человѣка, самыхъ младшихъ 265, а людей 389 человѣкъ, всего 333 двора, а людей 520 человѣкъ; да на посадѣ же бобыльскихъ оброчныхъ 22 двора, а людей въ нихъ то же. Писцы положили по наказу на соху по 40 дворовъ лучшихъ, по 60 среднихъ, по 80 младшихъ и по 120 самыхъ младшихъ, всего на весь посадъ 3 сохи съ полутретью и пол-пол-чети и пол-пол-пол-трети сохи. По челобитью тяглыхъ людей этотъ окладъ былъ отмѣненъ, и по государеву указу Соли Камской велѣно платить съ стараго оклада — съ 1 сохи (В. Шишонко, Пермская лѣтопись, II періодъ, стран. 152. Пермь. 1882 г.; Арх. Мин. Ин. д., по Владиміру кн. № 4, л. 123, по Новгороду кн. № 28, л. 515, и Прик. д. стар. л., 1628 г. № 61, лл. 127—130).

44. Старица. Въ 122 г. воеводѣ было велѣно дозрить посадъ и положить на соху по 30 дворовъ лучшихъ, по 50 среднихъ и по 80 худыхъ (Ак. п. д., I, № 9). По этому дозору было среднихъ и младшихъ 30 дворовъ, а людей въ нихъ то же, сошнаго письма 7 четей (тамъ же, № 231). Тотъ же окладъ показанъ въ приходной книгѣ Устюжской чети 129 г. (Арх. М. Ин. д., по Чарондѣ кн. № 1, л. 301). Въ перечневой росписи писцовъ 132 г. окладъ показанъ меньше, именно 6 четей съ четверикомъ. По описанію 132 г. среднихъ и младшихъ 39 дворовъ, а людей 64 человѣка, сошнаго письма 11 четей (Ак. п. д., I, № 128). Въ дѣйствительности на Старицу положенъ нѣсколько бо́льшій окладъ, именно 12 четей безъ четверика (Тамъ же, № 231. То же въ смѣтѣ Устюжской чети 138 г. Прик. д. стар. л., 1630 г. № 84).

45. Суздаль. По дозору 120 г. жилецкихъ 78 дворовъ, а людей въ нихъ то же, да 19 дворовъ, люди которыхъ ходятъ по міру, сошнаго письма полъ сохи (Н. Д. Чечулинъ, Города Московск. госуд. въ XVI вѣкѣ, стран. 79). По книгамъ С. Уварова и под. Грязного Колоднича 131 г. добрыхъ 2 двора, а людей 8 человѣкъ, среднихъ 14 дворовъ, а людей 29 человѣкъ, младшихъ 57 дворовъ, а людей 78 человѣкъ, бобыльскихъ 134 двора, а людей 140 человѣкъ, бобыльскихъ нищихъ 17 дворовъ, а людей то же, вдовъ бобылокъ 12 дворовъ, всего тяглыхъ 207 дворовъ, а людей 255 человѣкъ. Сошнаго оклада не показано, а платилъ посадъ до утвержденія письма 136 г. съ получети сохи. По описанію 136—137 гг. было: лучшій 1 дворъ, а людей 4 человѣка, среднихъ 10 дворовъ, а людей 15 человѣкъ, младшихъ 53 двора, а людей 68 человѣкъ, нетяглыхъ бобылей 107 дворовъ, а людей то же, 12 дворовъ нищихъ и 20 вдовьихъ, всего 203 двора. Сошнаго письма пол-чети сохи и 5 четей пашни (Труды Владимирск. Губ. Арх. Ком., 1904 г. VI, стран. 45—46. Ср. Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 28, и по Галичу кн. № 10, л. 255).

46. Таруса. По описанію 134 г. среднихъ 6 дворовъ, «а четвертныя пашни на нихъ положено осьмина, да охудалыхъ 14 дворовъ, а четвертныя пашни на нихъ положено осьмина, да 2 двора бобыльскихъ» оброчныхъ. Всего тяглыхъ 20 дворовъ, сошнаго письма 1 четверть (Арх. М. Юст., Писц. кн. № 399, л. 361 об. Ак. п. д, I, № 238).

47. Тверь. По дозору 125 г. тяглыхъ людей 50 человѣкъ, сошнаго письма 17 четей безъ третника (по 3 человѣка на четь). По описанію 134 г. въ живущемъ «опричь бродящихъ 201 человѣкъ, а бродящихъ 107 человѣкъ, сошнаго письма положено на тяглые пол-пол-пол-чети сохи и 2 чети пашни» (Ак. п. д., I, № 238). Другіе источники путаютъ дворы и людей, сошный окладъ, каменьщиковъ и посадскихъ людей. Такъ, по памяти 140 г. изъ Владимирской чети въ приказъ Приказныхъ дѣлъ показано: 141 дворъ тяглый, а людей 150 человѣкъ, бродящихъ 57 дворовъ, а людей 82 человѣка, вдовьихъ 25 дворовъ, людей то же, бобыльскихъ 18 дворовъ, людей то же, всего 241 дворъ, а людей 275 человѣкъ, «сошнаго письма положено на всѣхъ 20 чети пашни»;

да каменьщиковъ 61 человѣкъ, сошнаго письма 7 четей (Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 121). По приходной книгѣ Владимирской чети 143 года тяглыхъ, бродящихъ и вдовъ 257 человѣкъ, сошнаго письма 20 четей, да 61 человѣкъ каменьщиковъ, а сошнаго письма за ними 7 четей; да 18 человѣкъ оброчныхъ бобылей (Арх. Мин. Ин. д., по Владимиру кн. № 1 д, лл. 138 и 139). По приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ 147 г. — 241 дворъ, а людей 336 человѣкъ (Тотъ же архивъ, по Владимиру кн. № 4, л. 8). Въ вяземскомъ дѣлѣ Устюжской чети показано тяглыхъ 241 дворъ, а людей 275 человѣкъ, сошнаго письма 27 четей, то есть неправильно написаны на тяглыхъ людей 7 четей оклада, которыя были положены на каменьщиковъ. По переписи 154 г. было посадскихъ 283 двора, а людей 632 человѣка, да бобыльскихъ 62 двора, а людей 79 человѣкъ, всего 345 дворовъ. На эти дворы по расчету было велѣно въ 158 г. прибавить 9 четей съ полуосьминой изъ тѣхъ 50 четей, которыя сняты съ Устюжны (См. выше, стран. 317 и 325). Такимъ образомъ, съ 158 г. Тверь должна была платить съ 36 четей съ полуосьминой.

48. Торжокъ. По дозору 124 г. 89 дворовъ, сошнаго письма 10 четей съ осьминой. По докладу 135 г. Владимирской чети государю, по описанію 134 г. было тяглыхъ 323 человѣка, да бродящихъ 105 человѣкъ, да бобылей 12 человѣкъ, сошнаго письма 25 четей съ осьминой. Да 64 человѣка посажены на льготу, а послѣ льготы (со 138 г.) имъ платить съ 5 четей. Всего со льготчиками, но безъ бродящихъ по міру и бобылей, 387 человѣкъ, а сошнаго письма 30 (!) четей. Да 6 дворовъ бобыльскихъ оброчныхъ (Ак. п. д., I, № 238). Въ памяти Владимирской чети въ Новгородскую, 141 года, тяглыхъ, бродящихъ, вдовьихъ и бобыльскихъ 425 дворовъ, а людей 504 человѣка, сошнаго письма 30 четей (Ак. п. д., II, № 103). По другому документу — 302 двора тяглыхъ, 117 бродящихъ людей и вдовъ, 6 бобыльскихъ оброчныхъ, сошнаго письма (безъ льготчиковыхъ пяти четей) 25 четей (Дворц. Арх., 25 оп., 136 г. № 65). По переписи 154 г. 476 дворовъ, а людей 725 человѣкъ. По расчету на эти дворы въ 158 г. прибавлено 12 четей съ осьминой и съ полуосьминой, изъ 50 четей, снятыхъ съ Устюжны (Ак. п. д., II, № 258). Такимъ образомъ, всего Торжокъ долженъ былъ платить со 158 г. съ 43 четей безъ полуосьмины.

49. Тула. По дозору 124 г. тяглыхъ 250 дворовъ, а людей въ нихъ то же, да охудалыхъ и бѣдныхъ, приписанныхъ изъ разныхъ слободъ, 34 человѣка, сошнаго письма пол-пол-чети сохи. По описанію 134 г. тяглыхъ 153 двора, людей въ нихъ то же, да братьи и дѣтей 86 человѣкъ, да въ сосѣдяхъ живутъ 12 человѣкъ, «тягло тянутъ, за бѣдностью дворовъ поставить нечѣмъ», да на церковной землѣ живутъ своими дворами 5 человѣкъ, а дѣтей у нихъ то же; да бѣдныхъ людей, которые съ міромъ за бѣдностью тягла не тянутъ, 62 двора, людей то же, да 25 человѣкъ дѣтей; да вновь вывезено на посадъ 3 человѣка. Всего тяглыхъ 173 человѣка, «а платити имъ всякія государевы подати съ живущаго съ 56 чети» (Подлинныя книги, дозорная и писцовая. Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399). Въ докладѣ Владимирской чети государю,

135 г., сказано, что 173 человѣка положены въ сошное письмо въ 56 четей, а «на 178 человѣкъ сошнаго письма и оброка не положено» (Ак. п. д., I, № 238).

50. Турчасовъ. По описанію 129 г. тяглыхъ 10 дворовъ, сошнаго письма 12 четей съ осьминой (Ак. п. д., II, № 183).

51. Угличъ. По описанію 139 г. тяглыхъ 63 двора, а людей въ нихъ 4 лучшихъ, 8 среднихъ и 68 младшихъ, всего 80 человѣкъ, бобыльскихъ 152 двора, а людей 203 человѣка, всего 215 дворовъ, а людей 283 человѣка, сошнаго письма пол-пол-пол-трети сохи, то есть $33^1/_3$ чети (Соха въ 800 четей. Труды Ярославск. Архивн. Губ. Ком., II, стран. 283 и 293. Москва. 1892 г.). По переписи 154 г. въ городѣ 4 двора посадскихъ бобылей, а людей въ нихъ 8 человѣкъ, да на посадѣ лучшихъ, среднихъ и младшихъ 169 дворовъ, а людей 543 человѣка, да 274 двора бобыльскихъ, а людей 538 человѣкъ, всего 447 дворовъ. Въ 158 г. на эти дворы по государеву указу по расчету было велѣно прибавить 12 четей изъ тѣхъ 50-ти, которыя были сбавлены съ Устюжны (См. выше, стран. 317). Такимъ образомъ, всего сошнаго письма должно было бы быть $45^1/_3$ четей. Въ 157 г. къ посаду было приписано 156 дворовъ, отписанныхъ изъ-за монастырей и частныхъ лицъ, и на эти дворы былъ положенъ добавочный сошный окладъ. По одному источнику, не вызывающему довѣрія и напечатанному очень скверно, посадъ долженъ былъ платить послѣ приписки къ нему закладчиковъ съ пол-чети и съ пол-пол-пол-чети сохи, «въ 1000 чети въ соху, итого съ 156 четей съ полуосьминой» (Труды Ярославск. Губ. Арх. Ком., II, стран. 284. Москва. 1892 г.). Это — единственный извѣстный мнѣ случай, когда посадъ былъ положенъ въ соху въ 1000 четей [1]). По описанію 182—185 гг. посадъ былъ опять (какъ по описанію 139 г.) положенъ въ соху въ 800 четей. По этому описанію было: 3 двора лучшихъ, а въ нихъ 4 человѣка, 26 дворовъ среднихъ, а людей 27 человѣкъ, 76 — младшихъ, а людей 77 человѣкъ, всего 105 дворовъ, а въ нихъ 108 человѣкъ; да 326 дворовъ бобыльскихъ, а въ нихъ 331 человѣкъ. Всего 431 дворъ, людей 439 человѣкъ, да у нихъ же дѣтей, братьи, племянниковъ и пріемышей, женатыхъ и старше 15 лѣтъ, 254 человѣка, да моложе 15 лѣтъ 498 человѣкъ. Изъ бѣговъ вывезено 4 двора да пришлыхъ 6 дворовъ, людей то же. Да 22 двора вдовьихъ и 85 дворовъ нищихъ. Сошнаго письма $45^1/_2$ четей (Тамъ же, стран. 5, 123 и 285). Въ одной грамотѣ 189 г. число дворовъ по описанію 182 г. показано то же, только пришлыхъ и свозныхъ показано 6 дворовъ, да въ рыбной слободкѣ ловецкихъ 18 дворовъ (Арх. М. Ю., Угличскаго городового Магистрата, 5 опись, 1 вязка, № 47). Изъ другой грамоты мы узнаемъ, что не положенныхъ въ сошное письмо было всего 107 дворовъ, изъ которыхъ 22 вдовьихъ были изоброчены, а 85 нищенскихъ «и въ оброкъ не положены» (Тамъ же, № 44). Такимъ образомъ выходитъ, что $45^1/_2$ четей было положено на 441 дворъ.

52. Унжа. По дозору 125 г. тяглыхъ 39 дворовъ, а людей 40 человѣкъ, сошнаго письма пол-пол-трети сохи (Арх. Мин. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 173).

---

[1]) Ср. съ этимъ фактъ, отмѣченный мною выше на 486 страницѣ.

53. Устюгъ. По описанію 131—134 гг. тяглыхъ лучшихъ 13 дворовъ, людей въ нихъ 23 человѣка, среднихъ 92 двора, а людей 139 ч., младшихъ 278 дворовъ, а людей 343 человѣка, самыхъ худыхъ 306 дворовъ, а людей 334 человѣка, всего тяглыхъ 689 дворовъ, а людей 838 человѣкъ, «а сошнаго письма въ живущемъ малыхъ устюжскихъ 11 сохъ и пол-пол-трети сохи, а кладено въ соху лучшихъ людей по 13 дворовъ, середнихъ по 30 дворовъ, молодшихъ по 70 дворовъ, самыхъ худыхъ по 100 дворовъ». Въ большую соху положено по $8^1/_2$ сошекъ (Арх. Мин. Ин. д., Приказн. дѣлъ новаго разбора № 968. Срав. Ак. п. д., I, № 115).

54. Устюжна. По дозору 126 г. тяглыхъ 16 дворовъ, а людей 31 человѣкъ, бобыльскихъ 27 дворовъ, а людей 45 человѣкъ, сошнаго письма пол-чети сохи. По описанію 134 г. лучшихъ 12 дворовъ, а людей 21 человѣкъ, среднихъ 15 дворовъ, а людей 23 человѣка, младшихъ тяглыхъ 151 дворъ, людей 210 человѣкъ, младшихъ нетяглыхъ 100 дворовъ, людей 135 человѣкъ, всего тяглыхъ и нетяглыхъ 278 дворовъ, а людей 389 человѣкъ; сошнаго письма четь сохи. Въ 151 г. по государеву указу съ посада сбавлено 50 четей сошнаго письма, а въ 158 г. сбавлено еще 50, и посадъ поверстанъ противъ переписныхъ книгъ по 3 двора на четь, всего на 300 дворовъ 100 четей (Подробно объ этомъ выше, стран. 314—318).

55. Чердынь. Сошный окладъ, положенный писцами 131—134 гг., по челобитью тяглыхъ людей былъ отмѣненъ, и по государеву указу «чердынцевъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, положено на посадѣ и въ уѣздѣ въ живущее въ соху по 400 дворовъ». На посадъ было положено полъ сохи съ полутретью и пол-пол-пол-трети сохи. Этотъ окладъ не вполнѣ сходится съ количествомъ дворовъ, которыхъ числилось на посадѣ, лучшихъ, среднихъ и младшихъ, всего 275 дворовъ (Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 125). По приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ 147 г. на посадѣ числилось всего, съ бобыльскими дворами, 304 двора, а людей 318 человѣкъ (Арх. М. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 120).

56. Чухлома. По дозору 128 г. тяглыхъ 30 дворовъ, да бобыльскихъ 6 дворовъ, сошнаго письма 15 четей (Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 130). По описанію 137 г. тяглыхъ 5 дворовъ, да бобыльскихъ 11 дворовъ, сошнаго письма 5 четей (Арх. М. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 208). По приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ 147 г. на посадѣ числилось 36 дворовъ, а людей въ нихъ то же (Тотъ же архивъ, по Владимиру кн. № 4, л. 21). Очевидно, что въ 147 г. описаніе 137 г. еще не было утверждено.

57. Шуя. По описанію 140 г. на посадѣ лучшихъ 4 двора, а людей 8 человѣкъ, среднихъ 12 дворовъ, а въ нихъ 16 человѣкъ, младшихъ 91 дворъ, а въ нихъ 107 человѣкъ, всего 107 дворовъ, а сошнаго письма, «опричь бобыльскихъ дворовъ», 25 четей. Бобыльскихъ 47 дворовъ, а людей 52 человѣка (Тамъ же, по Галичу кн. № 10, л. 258). Съ этого же сошнаго оклада посадъ платилъ въ 154 и 182 годахъ (Д. А. И., V, № 30, и VI, № 99).

58. Юрьевъ Польскій. По дозору 121 г. на посадѣ было 25 четей, и съ этого оклада посадъ платилъ все столѣтіе, до отмѣны сошнаго письма (Дворц. Арх., 24 оп., 126 г. № 6, и 25 опись, 140 г. № 130). По описанію 136 г. было тяглыхъ 61 дворъ, бобыльскихъ оброчныхъ 39 дворовъ, 34 двора пустыхъ и 15 нищихъ (Арх. М. Ин. д., по Галичу кн. № 10, л. 261, и кн. № 27, л. 110). По приходной книгѣ приказа Сбора ратныхъ 147 г. написано посадскихъ 149 дворовъ, а людей то же (Тотъ же архивъ, по Владимиру кн. № 4, л. 30), то есть 34 двора пустыхъ сочтены живущими. По переписи 154 г. на посадѣ 192 двора (Тамъ же, книга по Галичу № 27, л. 194). По переписи 186 г. 197 дворовъ (Д. А. И., VIII, стран. 126).

59. Ярославецъ Малый. По дозору 129 г. тяглыхъ младшихъ 9 дворовъ, да нетяглыхъ бобыльскихъ 14 дворовъ, всего 23 двора, а людей то же, «а живущія пашни положено по сошному разводу 2 четверти» (Арх. М. Ю., Писц. кн. № 399, л. 328 об.).

60. Ярославль. По дозору 122 г. всякихъ людей $259^1/_2$ дворовъ, сошнаго письма 3 съ половиной сохи, «а положено въ соху лучшихъ и середнихъ и молодшихъ людей по 74 двора» (Ак. п.-д., I, № 63). По описанію 136—137 гг. на посадѣ съ ловецкими слободами тяглыхъ 666 дворовъ, да бѣдныхъ и безтяглыхъ оброчныхъ 684 двора, всего 1350 дворовъ (людей 1389?), сошнаго письма 3 сохи съ третью, «а положены противъ Нижняго въ живущее по 200 дворовъ въ соху, по 4 чети пашни на человѣка» (Дворц. Арх., 25 оп., 140 г. № 139, и Арх. М. Ин. д., по Владимиру кн. № 4, л. 59).

X. Къ 448 страницѣ. Выть въ 12—14—16 четей существуетъ въ очень многихъ уѣздахъ, въ черныхъ, дворцовыхъ и служилыхъ земляхъ. Въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ ей обыкновенно соотвѣтствуетъ выть въ 10—12—14 четей. Отступленія отъ этого правила указаны въ замѣчаніяхъ, а выти другихъ размѣровъ указаны ниже.

Уѣздъ.	Въ какихъ земляхъ.	Время.	Замѣчанія.	Источникъ.
Арзамасскій	помѣстныя	конецъ XVI в. и начало XVII	мордовскую выть см. стр. 449.	Арзамасскіе помѣстные акты, изд. С. Веселовскимъ.
Владимирскій	дворцовыя	описанія 64 и 93 гг.		Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 83, и Ак. п.-д., I, № 1.
Вологодскій	черныя	описаніе 76 г.		В. Н. Сторожевъ, Матеріалы для исторіи Помѣстн. приказа, I, стр. 24 и 36.

Уѣздъ.	Въ какихъ земляхъ.	Время.	Замѣчанія.	Источникъ.
Вологодскій	дворцовыя	описанія конца XVI в.	Особую выть въ с. Говоровѣ см. Сошное письмо, I, стр. 106.	Тамъ же, стр. 328, и Арх. Мин. Ин. д., по Вологдѣ кн. № 5.
—	помѣстныя	дозоры 123 г.		Арх. М. Ю., Писц. кн. №№ 56 и 58.
Вятскій	черныя	описаніе 136 г.		С. А. Шумаковъ, Сотницы, V в., стр. 50—57. Труды Вятской Арх. Ком. 1906 г. I в., стр. 16. Ак. п. д., II, №№ 28 и 183.
Галичскій	черныя	123–126 гг.		Ак. п. д., I, №№ 19 и 42.
Двинскій	черныя	описаніе 130–131 гг.	Введена вновь въ 130—131 гг.	Сошное письмо, I, стр. 65.
Заонежье	черныя	дозоръ 125 г. и описаніе 136 г.		Арх. Мин. Ин. д., по Бѣлоозеру кн. № 1 б, и Ак. п. д., II, №№ 29, 96—98.
Каргопольскій и Турчасовскій	черныя	описанія 70 и 129 гг.	такая же выть въ монастырскихъ земляхъ	Сошное письмо, I, стр. 78—79.
Кеврольскій и Мезенскій	черныя	описаніе 130–131 гг.		Арх. М. Ю., Писц. кн. № 185.
Лукъ Великихъ	дворцовыя	133 г.		Ак. п. д., I, № 209.

Уѣздъ.	Въ какихъ земляхъ.	Время.	Замѣчанія.	Источникъ.
Романовскій	помѣстныя	дозоръ 123 г.		Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа кн. № 8333.
Рязанскаго у. Мещерская сторона	дворцовыя	описаніе 105 г.		Сошное письмо, I, стр. 107.
Сольвычегодскій	черныя	описаніе 131 г.	такая же выть въ монастырскихъ вотчинахъ	Ак. п. д , II, № 183.
Старорусскій	черныя	описаніе 130 г.		Ак. п. д., I, № 104.
Тотемскій	черныя	дозоръ 128 г. и описаніе 131 г.		Сошное письмо, I, стр. 58—59.
Устюжскій	черныя	тогда же	такая же выть въ монастырскихъ вотчинахъ.	Ак. п. д., I, № 115. Прик. д. стар. л., 1626 г. № 61.
Чарондскій	черныя	описаніе 132 г.		Сошное письмо, I, стр. 56.

Выть въ 10 четей доброй земли встрѣчается гораздо рѣже. Такая выть была въ бортныхъ дворцовыхъ земляхъ Нижегородскаго уѣзда въ 116, 120 и 126 гг. (Нижегородскія платежницы 116 и 120 гг. М. 1910 г. Ак. п. д., I, № 71) и въ дворцовыхъ селахъ Муромскаго уѣзда по описанію 95 г. (Чт. Об. Ист. и Др. 1907 г. II кн., смѣсь, стран. 63). Выти меньшихъ размѣровъ встрѣчаются какъ очень рѣдкое исключеніе. Такъ, въ одной монастырской вотчинѣ (Троицкаго монастыря) Кашинскаго уѣзда по описанію 101 г. на выть положено по 10 четей *худой земли* (С. А. Шумаковъ, Сотницы, VI вып., стран. 1—12).

Въ Сталбушенской волости Пусторжевскаго уѣзда, розданной изъ черныхъ земель въ помѣстья, по описанію 91 года была выть исключительныхъ размѣровъ: «а положено въ обжи въ той черной волости добрыя земли обжа 24 чети, середнія земли 28, худыя земли обжа 32 чети» (Арх. М. Ю., Помѣстн. приказа кн. № 8167, л. 79).

Разномѣрныя выти и выти другихъ размѣровъ кромѣ приведенныхъ выше см. Сошное письмо: I т., стран. 54—55, 81—82, 93, 105, 108, и II т., 341—342 и 449. См. еще указанія на размѣры вытей — П. Н. Милюковъ, Спорные вопросы, стран. 32—33.

XI. Къ 487 страницѣ. По сохранившимся источникамъ установить точную хронологію указовъ невозможно. Въ общемъ же она представляется въ такомъ видѣ. Къ 128 г. относится указъ относительно 8 Замосковныхъ уѣздовъ: Вологды, Кинешмы, Костромы, Пошехонья, Романова, Ростова, Шуи и Ярославля. Здѣсь было указано положить — въ служилыхъ земляхъ по 4 к. + 3 б. на четь, а въ монастырскихъ и церковныхъ по 3 к. + 3 б. (Ак. п. д., II, № 81). Опредѣленно къ 131 году относится указъ относительно 32 уѣздовъ. Указомъ было установлено 4 разряда. По 2 к.+2 б. въ служилыхъ земляхъ и по 3 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ за монастырями было велѣно положить на Воронежѣ, въ Курскѣ, Мценскѣ, Путивлѣ, Рыльскѣ, Ряжскѣ и Рязани. По 2 к.+3 б. въ служилыхъ земляхъ и по 2 к.+2 б. за монастырями было велѣно положить въ Бѣлевѣ, Дѣдиловѣ, Ельцѣ, Епифани, Козельскѣ, Ливнахъ, Лихвинѣ, Новосили, Одоевѣ, Осколѣ, Перемышлѣ, Пловѣ и Соловѣ, Тулѣ и Черни. По 3 к.+2 б. въ служилыхъ земляхъ и по 2 к.+2 б. за монастырями было велѣно положить въ Алексинѣ, Болховѣ, Калугѣ и Каширѣ. Наконецъ, по 4 к.+2 б. за служилыми людьми и по 3 к.+2 б. за монастырями было велѣно положить въ Боровскѣ, Коломнѣ, Оболенскѣ, Серпуховѣ, Тарусѣ и Ярославцѣ Маломъ (Ак. п. д., II, № 5). Въ этомъ же, вѣроятно, году былъ данъ указъ относительно Кромъ (по II разряду) и Клина и двухъ городовъ Казанскаго Дворца — Алатыря и Курмыша. Указы 128 и 131 гг. были даны для дозоровъ 128—129 гг. Затѣмъ, по неполнымъ сохранившимся даннымъ, въ 134—135 гг. были даны въ разное время указы относительно 14 городовъ. Въ Арзамасѣ и Нижнемъ было велѣно положить по первому разряду указа 131 г. По 8 к.+4 б. въ служилыхъ земляхъ и по 6 к.+3 б. въ монастырскихъ было велѣно положить въ Шелонской пятинѣ и въ Торопцѣ. По 12 к.+8 б. за служилыми людьми и по 9 к.+6 б. за монастырями было велѣно положить на Бѣлоозерѣ, въ Звенигородѣ, Медыни, Мещовскѣ, Можайскѣ, Москвѣ, въ Бѣжецкой пятинѣ, Погорѣломъ, Ржевѣ Владимировѣ, Рузѣ и Старицѣ (Ак. п. д., II, №№ 5, 70 и 113).

Указъ по докладу 19 марта 138 г. далъ нормы для 69 городовъ. Въ виду того, что намъ извѣстны далеко не всѣ предшествующіе указы, нельзя опредѣлить, какъ велики были измѣненія, внесенныя этимъ указомъ въ данныя

ранѣе нормы. Въ общемъ же не подлежитъ сомнѣнію, что для большинства городовъ указъ 19 марта подтверждалъ старыя нормы (Тамъ же, № 70). Первыя крупныя уступки были сдѣланы указомъ 10 ноября 139 г. Въ пяти городахъ: въ Брянскѣ, Воротынскѣ, Карачевѣ, Лихвинѣ и Перемышлѣ окладъ былъ облегченъ въ 5 съ лишнимъ разъ: въ служилыхъ земляхъ вмѣсто 2 к.+2 б. было велѣно положить по 12 к.+8 б. Меньшія, но все же значительныя уступки получили, кромѣ 5 вышеупомянутыхъ, еще 7 городовъ (Тамъ же, № 81). Слѣдующіе два указа — 18 января и 21 апрѣля — сдѣлали дальнѣйшія уступки и уничтожили всѣ прежніе разряды за исключеніемъ VII и VIII (Тамъ же, №№ 83 и 92). Наконецъ указъ 4 августа 140 г. приравнялъ Арзамасъ и Нижній къ Алатырю и Курмышу (Тамъ же, № 113), а по указу 160 г. къ этимъ городамъ былъ присоединенъ Мещерскій уѣздъ (Ак. п. д., III, Выписки 192 г. о живущей пашнѣ въ сошное письмо).

Въ окончательномъ видѣ нормы были таковы.

По 5 к. и по 3 б. на четь въ служилыхъ земляхъ и по 4 к. + $1^1/_2$ б. въ монастырскихъ и церковныхъ было положено въ 5 городахъ: на Алатырѣ, въ Арзамасѣ, Курмышѣ, Мещерѣ и въ Нижнемъ.

По 8 к.+4 б. въ служилыхъ земляхъ и по 6 к.+3 б. въ монастырскихъ и церковныхъ было положено въ 53 уѣздахъ: въ Алексинѣ, Балахнѣ, Болховѣ, Боровскѣ, Бѣлевѣ, Веневѣ, Владимирѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Галичѣ, Гороховцѣ, Данковѣ, Дмитровѣ, Дѣдиловѣ, Ельцѣ, Епифани, Калугѣ, Касимовѣ, Каширѣ, Кинешмѣ, Коломнѣ, Костромѣ, Кромахъ, Курскѣ, Лебедяни, Ливнахъ, Лухѣ, Муромѣ, Мценскѣ, въ Шелонской пятинѣ Новгородскаго уѣзда, въ Новосили, Оболенскѣ, Одоевѣ, Осколѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ, Пошехоньѣ, Псковѣ, Путивлѣ, Романовѣ, Ростовѣ, Рязани, Ряжскѣ, Рыльскѣ, Серпуховѣ, Соловѣ съ Пловой, въ Суздалѣ, Тарусѣ, Тулѣ, Черни, Шуѣ, Юрьевѣ Польскомъ, Ярославцѣ Маломъ и Ярославлѣ.

По 12 к.+8 б. въ служилыхъ земляхъ и по 9 к.+6 б. въ монастырскихъ и церковныхъ земляхъ было положено въ 31 уѣздѣ: въ Брянскѣ, Бѣжецкомъ Верхѣ, Бѣлоозерѣ, Вереѣ, Волокѣ Ламскомъ, Воротынскѣ, Вязьмѣ, Звенигородѣ, Зубцовѣ, Карачевѣ, Кашинѣ, Козельскѣ, Лихвинѣ, Лукахъ Великихъ, Медыни, Мещовскѣ, Можайскѣ, Мосальскѣ, Москвѣ, въ Бѣжецкой пятинѣ Новгородскаго уѣзда, Перемышлѣ, Погорѣломъ, въ Ржевѣ Пустой и въ Ржевѣ Владимировой, въ Рузѣ, Старицѣ, Твери, Торжкѣ, Торопцѣ, въ Угличѣ и Холмѣ.

XII. Къ 512 страницѣ. П. Н. Милюковъ высказалъ очень многозначительный взглядъ на введеніе дворовой чети. «Она давала», говоритъ онъ, «владѣльческой землѣ огромное податное преимущество передъ черной: съ одной четверти, т.-е. съ полудесятины, черносошный крестьянинъ русскаго сѣвера долженъ былъ платить столько же, сколько землевладѣлецъ остальной Россіи платилъ съ 7—10 крестьянскихъ дворовъ, т.-е. считая обычный

крестьянскій надѣлъ (выть) въ 6 десятинъ доброй земли — съ 42—60 десятинъ (въ одномъ полѣ). Позднѣе, какъ мы видѣли, эта неравномѣрность была нѣсколько сглажена при дальнѣйшихъ повышеніяхъ податныхъ окладовъ; но все же разница продолжала оставаться огромной» (Спорные вопросы, стран. 119). Въ концѣ рецензіи, въ поправкахъ, П. Н. Милюковъ нѣсколько ослабилъ цифровую силу своей примѣрной выкладки: «При переводѣ дворовъ на десятины мы упустили изъ вида, что далеко не всякій дворъ сидѣлъ на полной выти» (Тамъ же, стран. 183). Оставалось договорить, что реформа была произведена подъ вліяніемъ интересовъ служилыхъ землевладѣльцевъ, и модернизація исторіи сошнаго письма была бы полной. Это П. Н. Милюковъ сдѣлалъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры», предназначенныхъ для читателей неспеціалистовъ. До этой реформы, говоритъ П. Н. Милюковъ, частновладѣльческій крестьянинъ и черный крестьянинъ «платили одинаково съ каждой четверти распаханной пашни». «Въ 1630—31 годахъ *(т.-е. по указамъ 138 -139 гг.)* служилые люди выхлопотали себѣ у правительства разрѣшеніе считать въ живущей четверти отъ 10 до 16 крестьянскихъ дворовъ. Если предположимъ даже, что каждый дворъ пахалъ не болѣе 4 четвертей (2 десятинъ въ одномъ полѣ), то и тогда въ одной «живущей четверти» будетъ 40—64 *дѣйствительныхъ* четвертей распаханной пашни. Стало быть, съ 40—64 четвертей служилый человѣкъ платилъ столько же налога, сколько черный крестьянинъ съ одной четверти. Припомнимъ теперь (стр. 129), что въ началѣ XVII в. введены были новыя тяжелыя подати, въ десятки разъ превышавшія подати XVI в., и мы поймемъ, какой смыслъ имѣло введеніе именно въ это время «живущей четверти». Служилый человѣкъ былъ въ десятки разъ облегченъ сравнительно съ черносошнымъ крестьяниномъ какъ разъ тогда, когда послѣдній сталъ платить въ десятки разъ больше (Очерки, IV изданіе, стран. 144—145. С-Пб. 1900 г.).

Ошибочность такого пониманія реформы, произведенной указами 128—140 гг., вытекаетъ изъ совершенно неправильнаго утвержденія, что четь платила вездѣ одинаковые налоги, и изъ подразумѣваемаго допущенія, что живущая четь сошнаго письма была дѣйствительно четью пашни, т.-е. реальной и вездѣ одинаковой величиной.

Мы знаемъ, что черносошный крестьянинъ Поморья несъ ямскую гоньбу, но не платилъ большихъ ямскихъ денегъ. Старые налоги XVI вѣка въ Поморьѣ сохранились и составляли въ XVII вѣкѣ довольно значительную часть тягла чернаго крестьянина, а въ частновладѣльческихъ земляхъ эти налоги утратили свое финансовое значеніе. Мы знаемъ, что стрѣлецкій хлѣбъ и деньги за него первоначально были положены на всѣ города и на всѣ сохи въ одинаковыхъ окладахъ, а послѣ примѣненія указовъ 128—140 гг. произошло расхожденіе окладовъ. Около 150 г. на частновладѣльческія земли окладъ этого налога былъ положенъ въ 4 раза большій, чѣмъ на черныя сохи. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида того, что частновладѣль-

ческій крестьянинъ, не платившій въ казну нѣкоторыхъ оброковъ и повинностей, которые лежали на дворцовомъ и черномъ крестьянинѣ, долженъ былъ платить оброки и нести повинности въ пользу своего господина. Странно, при такихъ условіяхъ, говорить, что четь пашни вездѣ платила одинаково. Тягловыя обязанности черныхъ и частновладѣльческихъ крестьянъ настолько различны, что (по состоянію источниковъ) ихъ нельзя было бы сравнивать даже въ томъ случаѣ, если бы живущая четь была вездѣ реальной и одинаковой величиной, чего въ дѣйствительности не было.

Производя грубые расчеты предполагаемой запашки частновладѣльческаго крестьянина, П. Н. Милюковъ упомянулъ вскользь, что «позднѣе» правительство «нѣсколько» уменьшило неравномѣрность обложенія, созданную указами 128—140 гг. Напрасно онъ не освѣтилъ этой стороны вопроса и не указалъ, когда это было сдѣлано. Мы знаемъ, что это было сдѣлано тотчасъ послѣ окончанія валовыхъ описаній, къ которымъ были примѣнены указы, и сдѣлано въ такихъ размѣрахъ. Черносошный крестьянинъ не платилъ большихъ ямскихъ денегъ и несъ ямскую гоньбу одинаково какъ до указовъ о дворовой чети, такъ и послѣ нихъ. Между тѣмъ, для частновладѣльческихъ земель въ 149—151 гг. окладъ большихъ ямскихъ денегъ былъ увеличенъ почти вдвое (съ 400 до 784 рублей). Въ 147—148 гг. частновладѣльческая соха должна была платить 100 юфтей стрѣлецкаго хлѣба, а черная соха—деньгами по 120 руб. съ сохи. Около 149 г. оклады были измѣнены: со 150 г. первыя сохи должны были платить по 700 юфтей, а вторыя деньгами по 168 руб. за 175 юфтей хлѣба. Указомъ 181 г. соотношеніе окладовъ было измѣнено еще болѣе не въ пользу частновладѣльческихъ крестьянъ: частновладѣльческая соха должна была платить по 2875 юфтей хлѣба, а черная по 700 р. деньгами за 350 юфтей[1]).

Поэтому я думаю, что нѣтъ основаній видѣть во всей реформѣ, произведенной указами 128—140 гг., результатъ вліянія служилаго класса. Правительство по своей собственной оплошности не примѣнило первоначальныхъ указовъ о дворовой чети и наканунѣ войны вынуждено было уступить служилымъ людямъ и наспѣхъ примѣнить гораздо болѣе невыгодныя для казны окончательныя нормы. Это создало значительную неравномѣрность въ обложеніи, которая была исправлена тотчасъ послѣ окончанія всѣхъ предпринятыхъ описаній.

XIII. Къ 518 страницѣ. Интересный матеріалъ по вопросу о бобыляхъ представляютъ документы Устюжской чети о наборѣ въ 166—167 гг. на Чарондѣ людей въ солдатскую службу. Государю стало извѣстно, что стольникъ Г. Юрьевъ писалъ въ 166 г. въ солдатскій строй «пахотныхъ и тяглыхъ крестьянъ, а непахотныхъ бобылей и пѣшковъ и подсосѣдниковъ, которые великаго государя никакихъ податей не платятъ, ни служебъ не служатъ,

---

[1]) Сошное письмо, I, глава IV и стран. 414—417.

живутъ въ бѣлыхъ, и ихъ .... не писалъ». Поэтому въ 167 г. воеводѣ было велѣно взять у мірскихъ людей сказки и переписать на посадѣ и въ Чарондской округѣ такихъ «бѣлыхъ» людей и изъ нихъ набрать солдатъ. Понятно, что домовитымъ, зажиточнымъ крестьянамъ солдатская служба была особенно непріятна, а иногда даже разорительна. Вслѣдствіе этого росписи, поданныя волостями воеводѣ, вызвали жалобы обреченныхъ на службу людей, и они подали съ своей стороны рядъ челобитныхъ. Эти 26 челобитныхъ и отписка воеводы въ Москву, при посылкѣ челобитныхъ, и представляютъ излагаемый ниже источникъ [1]).

Воевода отписывалъ, что ему велѣно переписать всѣхъ бобылей, «которые живутъ своими дворами и которые живутъ на подворьяхъ», но что онъ встрѣтилъ затрудненія: «многіе, государь, бобыли и пѣшки и подсосѣдники сказывались пришлые люди разныхъ городовъ, а иные сказывались пахотные крестьяне и живутъ съ пахотными крестьянами на тяглыхъ земляхъ».... «а иные, государь, бобыли объявились многіе въ древней старости и увѣчны и живутъ многіе на погостахъ въ келліяхъ и у церквей». Воевода не взялъ на себя отвѣтственности рѣшить, кто изъ этихъ людей бобыли и кто годенъ въ службу, и послалъ мірскія росписи и челобитныя въ Москву, а переписанныхъ людей подавалъ на ставочныя поруки. Послѣднее удалось сдѣлать не безъ затрудненій: «по многихъ, государь, по бобыляхъ поруки собрать не могли—никто по нихъ не ручается». Очевидно, что эти люди были такъ бѣдны и вели такой проблематическій образъ жизни, что никто имъ не вѣрилъ и не хотѣлъ за нихъ ручаться. Воевода обошелъ затрудненіе тѣмъ, что навязалъ на поруки эту бѣдноту противъ воли тѣмъ людямъ, у которыхъ она жила. Для казны было невыгодно отрывать отъ тягла зажиточныхъ, надежныхъ тяглецовъ, но, съ другой стороны, и бездомовые и безхозяйные бѣдняки, за которыхъ никто не хотѣлъ поручиться, для солдатской службы были нежелательны. Воевода предоставилъ разобраться во всемъ этомъ приказу.

Посадскіе бобыли писали въ челобитной, что они «не безданны», и перечисляли свои дани: по описанію 132 г. они платятъ оброки съ дворовъ и съ пустыхъ мѣстъ; ежегодно платятъ во всякія службы съ своихъ дворовъ «по окладу съ посадскими людьми въ рядъ»; не разъ платили съ своихъ животовъ десятую деньгу; «по многіе годы платили даточнымъ за подводы на годъ по рублю съ двора»; въ первую Смоленскую войну платили съ двора по 2 р., а позже (по переписи 154 г.) не разъ платили по 8 ал. 2 д. съ двора за хлѣбные запасы; наконецъ, со 157 г. они платятъ полоняничныя деньги. Изъ этого можно видѣть, что на Чарондѣ посадскіе бобыли участвовали почти во всѣхъ мірскихъ платежахъ.

Въ Тигинской волости оказалось всего 5 бобылей, — «а 2 бобылька у насъ живутъ въ погостѣ, одинъ трапезничаетъ, Калинкою зовутъ,

---

[1]) Прик. д. стар. л., 1658 г. № 149.

а другой, Ивашкомъ зовутъ, увѣченъ, кормится именемъ Христовымъ; оба стары».

Крестьянинъ Каликинской волости Ив. Ивановъ писалъ въ челобитной, что онъ живетъ на тягломъ участкѣ и платитъ всякія подати съ міромъ, — «и тѣ мірскіе люди меня, сироту, написали въ роспись именную въ бобыли по насердію». Однако, въ челобитной онъ проронилъ слова, которыя даютъ основаніе думать, что мірскіе люди руководились не однимъ насердіемъ, а и еще чѣмъ-то,—«а я, сирота, человѣченко головою скорбенъ и ухомъ не дослышу».

Крестьянинъ Вещезерской волости Л. Михайловъ тоже жаловался на насердіе міра. Онъ писалъ, что въ Вещезерской волости за нимъ тяглая земля, съ которой онъ платитъ подати съ міромъ, — «написали меня, сироту твоего, бобылемъ напрасно по насердію, потому что я, сирота, лѣтнею порою прибѣгаю въ Печенскую волость, для своихъ недостатковъ и хлѣбныя скудости въ наймахъ живу». Очевидно, Л. Михайловъ былъ бѣднымъ крестьяниномъ, не находившимъ обезпеченія въ своей пашнѣ.

Во многихъ другихъ челобитныхъ еще яснѣе выступаетъ то, что въ бобыли писали бѣдныхъ крестьянъ, которые или уже разорились или стояли на границѣ разоренья. Такъ, С. Осиповъ, крестьянинъ Шалги Большой, жаловался, что въ росписи Боровской волости его написали бобылемъ, такъ какъ онъ имѣлъ въ послѣдней волости тяглую землю, но, «тое землю отдавъ, и вышелъ... въ Шалскую волость на свою вотчинную землю». Въ подобное положеніе попалъ и К. Кирилловъ. Онъ писалъ, что крестьяне Петровскаго прихода Кирюской волости написали его бобылемъ, «а не вѣдаючи и не знаючи того, что у меня, бѣднаго сироты, въ Печенской волости вотчинная тяглая государева земля есть. А я, бѣдной сирота, для хлѣбной скудости колотился и работалъ въ ихъ Петровскомъ приходѣ, и на твое государево тягло работою добывалъ и тое государеву тяглую землю вмѣстѣ съ братьями оплачивалъ и посямѣстъ». Крестьянинъ Хотеновской волости Н. Савинъ писалъ въ челобитной, что онъ съ своего тяглаго участка «для ради хлѣбныя скудости» ходилъ по другимъ волостямъ и что его написали въ бобыли заглазно, «а земляной у меня крѣпости не знали, что я не бобыль, твой тяглой крестьянинъ, а земли за мною тягла пол-чети выти, а не бобыль».

Вотъ случай, въ которомъ со стороны мірскихъ людей не было никакихъ недоразумѣній относительно землевладѣнія человѣка. Въ Пунемской волости были записаны бобылями два брата Потапьевы, платившіе съ своей тяглой земли подати съ міромъ. Оба они были бѣдны, а одинъ изъ нихъ «для своей хлѣбной скудости» жилъ, «отходя въ наймахъ въ чужихъ людяхъ повременамъ, чѣмъ бы мочно своя голова кормить и твоя, великаго государя, тяглая пахотная земля окупить».

Судя по многимъ челобитнымъ, въ бобыли попало много людей, заложившихъ отъ бѣдности свои тяглые участки. Крестьянинъ Тавенской волости Ив. Дмитріевъ писалъ, что въ 163 г. онъ заложилъ свою землю брату,

а въ сентябрѣ 167 г. выкупилъ ее, — «а нынѣ *(въ ноябрѣ того же 167 г.)* меня, сироту, крестьяне написали бобылемъ, а у меня, сироты, теперь земля не заложена и не продана никому». Крестьянинъ Вещеозерской волости Л. Ильинъ писалъ въ челобитной, что онъ не бобыль, а пахотный крестьянинъ и заложилъ только часть земли своему брату, «для своей бѣдности и недостатковъ. И которою землею я, сирота, владѣю, и съ той земли твои великаго государя денежные доходы и дворовыя деньги и мірскіе разметы плачу по вся годы сполна». Точно въ такомъ же положеніи оказался другой крестьянинъ той же волости, тоже заложившій часть своей земли брату.

Крестьянинъ Печенской волости К. Ѳедотовъ писалъ, что у него тяглая земля, съ которой онъ платилъ всѣ подати, — «и въ прошлыхъ, государь, годахъ изняла меня, сироту, бѣдность и недостатки, и я, сирота, тое свое повытьишко въ дер. Кучинѣ заложилъ брату своему родному Ив. Ѳедотову на урочные годы, на 10 лѣтъ. А я, сирота, въ тѣ урочные годы стоялъ въ наймахъ и тое свое повытьишко выкупалъ. И нынѣ, великій государь, той моей закладной землѣ урочные годы отходятъ». Одинъ крестьянинъ Коротецкой волости писалъ въ челобитной, что онъ не бобыль, такъ какъ заложилъ свой тяглый участокъ «на срокъ, а не вѣчно». Крестьянинъ Шалги Будуновы писалъ, что послѣ смерти отца на немъ «долга осталось много, и платить мнѣ стало нечѣмъ. И я для скудости тотъ свой вотчинной жеребій земли заложилъ тое-жъ волости К. Семенову на время, докамѣста я, сирота, деньгами смышляюсь». Въ 167 г. давалъ де онъ К. Семенову выкупъ, «и онъ, послыша твой великаго государя указъ, что бобылей сыскиваютъ, и на выкупъ земли не учалъ отдавать».

Другой крестьянинъ той же Шалги, Гр. Семеновъ, писалъ, что его брата уже взяли въ солдаты раньше, а теперь его самого написали въ бобыли, а онъ де отъ отца не отдѣленъ; отецъ его старъ и не можетъ пахать, а онъ «кормился въ мірѣ для ради хлѣбныя скудости, что мы, сироты, людишки недостаточные, должные».

Въ дѣлахъ Устюжской чети, вѣроятно, можно найти подобный матеріалъ о бобыляхъ и по другимъ городамъ.

XIV. Къ 548 страницѣ.

В. О. Ключевскій указалъ, что личное закрѣпощеніе крестьянъ землевладѣльцами было для правительства невыгодно и что оно приняло противъ него законодательную мѣру, — «это былъ цѣлый переворотъ въ податной системѣ». Переворотъ этотъ, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, состоялъ въ томъ, что «въ XVI вѣкѣ поземельная подать распредѣлялась по пространству пахотной земли, въ царствованіе Михаила по количеству тяглыхъ дворовъ». «Предстоитъ еще разслѣдовать, когда введена была эта важная реформа; можно только догадываться, что мысль ея или первый опытъ относится къ правленію Бориса Годунова. Въ нашей литературѣ большое недоумѣніе возбудило неясное извѣстіе выше упомянутаго Шиля, что Борисъ

пожаловалъ крестьянъ, которыхъ дворяне привыкли считать своими крѣпостными, и каждому дворянину-землевладѣльцу далъ положеніе (Ordnung), сколько обязаны ежегодно платить ему и работать на него его поденные *(подданные?)*. Это извѣстіе едва ли не было внушено предпринятой на новыхъ началахъ поземельной описью, которая должна была переложить подати съ земли на дворы и съ которой обязаны были сообразоваться землевладѣльцы въ распредѣленіи оброковъ и издѣлій между крестьянами. По крайней мѣрѣ, въ одномъ актѣ 1593 г. правительство сдѣлало намекъ на задуманную имъ большую поземельную опись, которая должна была измѣнить основанія не только податного обложенія, но и землевладѣльческихъ поземельныхъ доходовъ». Въ примѣчаніи В. О. Ключевскій цитируетъ этотъ актъ: «Акты, относящіеся до юридическаго быта Россіи. I, № 29, II» (Опыты и изслѣдованія, I сборникъ статей, стр. 269—270. М. 1912 г.).

Актъ, указанный В. О. Ключевскимъ, есть обыкновенная ввозная грамота на помѣстье (Суздальскаго уѣзда), въ которой въ концѣ приведена обычная формула ввозныхъ: «и вы-бъ всѣ крестьяне ..... *(помѣщиковъ)* слушали, пашню на нихъ пахали и доходъ помѣщиковъ имъ платили до тѣхъ мѣстъ, какъ тое пустошь писцы наши и большіе мѣрщики опишутъ и измѣряютъ и учинятъ за ними пашни по нашему указу». Эту формулу, дословно или почти дословно, мы можемъ видѣть во множествѣ ввозныхъ грамотъ XVI и XVII вѣковъ. См., напр., ввозныя 67, 70, 84, 92, 94, 95, 97, 99, 100, 114 и 123 годовъ (Акты А. Юшкова, №№ 185, 204, 205, 221, 223, 224, 230, 236, 249, 252 и 267; Ак. И., I, № 167; В. Н. Сторожевъ, Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго приказа, I, стран. 187). Если это не конкретный фактъ, а формула, то, конечно, нельзя видѣть въ ней «намекъ» на задуманное правительствомъ описаніе.

Сверхъ того эту формулу нельзя толковать буквально, т.-е. въ томъ смыслѣ, будто крестьяне должны нести повинности въ пользу помѣщика, «чѣмъ онъ изоброчитъ», только до писцовъ, а писцы де при описаніи помѣстья опредѣлятъ эти повинности. Въ дѣйствительности писцы никогда, ни въ XVI, ни въ XVII вѣкахъ, этимъ не занимались, и ни въ одной изъ сохранившихся писцовыхъ книгъ послѣдней четверти XVI вѣка и всего XVII-го на это указаній нѣтъ. Въ древнѣйшихъ писцовыхъ книгахъ есть описаніе крестьянскихъ платежей, но это вовсе не государевъ указъ, обязательный для землевладѣльцевъ. Послѣднее можно видѣть изъ того, что и по древнѣйшимъ грамотамъ, какъ позже, помѣщикъ имѣлъ право оброчить крестьянъ по своему усмотрѣнію. Напр., въ грамотѣ самаго начала XVI вѣка, по Новгородскому уѣзду, мы читаемъ: «А что изъ тѣхъ обежъ Семенъ возьметъ себѣ или своимъ людямъ обежъ на пашню, и ему съ тѣхъ обежъ на крестьянахъ своихъ доходовъ не имати. А что прибавитъ на крестьянъ своего дохода, и онъ въ томъ воленъ, только-бы было не пусто, чтобы великихъ князей дань и посошная служба не залегла. А доспѣетъ пусто,

и Семену платити великихъ князей дань и посошная служба самому, а отъ великихъ князей въ томъ быти ему въ опалѣ» (Д. Я. Самоквасовъ, Архивный матеріалъ, I томъ, II отдѣлъ, стран. 7. Москва. 1905 г. То же см. тамъ же, стран. 9, 35, 40—49).

Значеніе вышеуказанной формулы ввозныхъ грамотъ то, что иногда служилые люди получали въ помѣстье не измѣренные ранѣе участки, и Помѣстный приказъ не находилъ удобнымъ и возможнымъ поручать измѣреніе и описаніе такихъ участковъ отдѣльщикамъ, а откладывалъ эти операціи до писцовъ. Отдѣльщикъ отводилъ помѣщику участокъ въ натурѣ, въ извѣстныхъ границахъ, а ближайшіе писцы описывали, измѣряли участокъ и «учиняли» пашню за помѣщикомъ, т.-е. опредѣляли, чѣмъ изъ даннаго участка помѣщикъ имѣлъ право владѣть «въ угодья», чѣмъ за четвертную пашню и за какое количество четей доброй земли.

Такимъ образомъ, показаніе Шиля попрежнему остается загадкой, — ни въ 1593 г., ни раньше, ни позже не было предпринято такого описанія, которое опредѣлило бы повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Если же прибавить, что никакого «переворота въ податной системѣ», въ смыслѣ перехода къ подворному окладу, при царѣ Борисѣ не было, то станетъ яснымъ, что оцѣнка показанія Шиля, сдѣланная В. О. Ключевскимъ, не можетъ быть признана правильной. Мнѣ кажется, что въ показаніи Шиля можно видѣть только смутный отзвукъ того антагонизма между принципомъ посильнаго сошнаго оклада и интересами служилыхъ землевладѣльцевъ, который въ концѣ XVI вѣка уже ясно сознавался современниками.

Указатель географическихъ именъ.

Указатель личныхъ именъ.

Сокращенія: доз. — дозорщикъ, перепис. — переписчикъ, пис. — писецъ, под. — подьячій.

Изслѣдователи и издатели.

Приказы.

Замѣченныя ошибки и опечатки.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
36	3 снизу	Петръ Мансуровъ	Парѳеній Мансуровъ
134	13 »	Т. Жемчужникову	В. Т. Жемчужникову
183	9 »	Ив. Сабурова	Дм. Сабурова
220	11 »	за юфтъ	за юфть
258	6—7 »	дьякъ Памфилъ	дьякъ Панфилъ
274	12 »	кн. Ѳ. Мещерскій	кн. Ив. Мещерскій
275	13 »	въ 135—135 гг.	въ 133—135 гг.
279	5 примѣчаніе	Изд. А. Титова.	Изд. И. Вахрамѣева.
289	3 снизу	пригондыхъ	пригодныхъ
302	11 сверху	кн. Ѳ. Мещерскаго	кн. Ив. Мещерскаго
318	7 снизу	просто одачки	простой подачки
324	12 сверху	именно,—въ перечнавой	именно—въ перечневой
369	5—6 снизу	колебанія правительство обнаруживало.	правительство обнаруживало колебанія.
373	5 сверху	на В. Готье.	Ю. В. Готье.
377	2 »	о разонобразіи	о разнообразіи
386	1 примѣчаніе	соссіи	Россіи
»	»	кладываютъ	складываютъ
400	2 примѣчаніе	С. В. Родественскій	С. В. Рождественскій
418	1 снизу	В. Дровнинъ	Ив. В. Дровнинъ
446	6 сверху	селу Бродищу	селу Городищу
469	3 »	«и расписать	«и росписать
475	2 примѣчаніе	Тамъ же, II, № 96.	Тамъ же, № 96.
492	примѣчанія	1) Ак. п. д., № 46. 2) Тамъ же, II, № 80, VII.	1) Ак. п. д., II, № 46. 2) Тамъ же, № 80, VII.
495	2 примѣчаніе	Тамъ же, II, №№	Тамъ же, №№
500	2 примѣчаніе	изд. А. Титовымъ,	изд. Ив. Вахрамѣевымъ,
522	14 снизу	заинтерсеованы	заинтересованы
526	3 сверху	онъ не только	оно не только
540	7—8 снизу	при тѣхъ средтвахъ,	при тѣхъ средствахъ,